...тарів всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 82. 1-го января 1905 г. Годъ V.

ГИБЕЛЬ ПОРТЪ-АРТУРА.

ЗА ДВА ГОДА.

Сборникъ статей изъ „Искры“: П. Аксельрода, М. Б—ова, Ф. Дана, В. Засуличъ, Кольцова, Л. Мартова, Мартынова, Н. Негорева, Парвуса, Г. Плеханова, Старовѣра, П. Стрѣльскаго, Н. Троцкаго.

ИЗДАНІЕ С. Н. САЛТЫКОВА.

E

Типографія т-ва „Общественная Польза", Большая Подъяческая, № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

стр

ОТДѢЛЪ II: Либерализмъ, демократія, студенчество.

ОТДѢЛЪ III: Война. Миръ.

Предисловіе.

Предлагаемый сборникъ преслѣдуетъ цѣль ознакомить широкую публику съ ходомъ развитія взглядовъ такъ называемаго „меньшевистскаго“ теченія русской соціалдемократіи, имѣющаго за собою уже трехлѣтнюю исторію. Мы воспользовались для этого статьями разныхъ авторовъ, появившимися за время 1903—1905 гг. въ „Искрѣ“. Считаясь съ цензурными условіями, мы вынуждены были отчасти сократить нѣкоторыя статьи и совсѣмъ не включать въ сборникъ другія.

Идеи, отстаивавшіяся въ печатаемыхъ здѣсь статьяхъ, въ теченіе долгаго времени играли довольно большую роль въ жизни русской соціалдемократіи. Поэтому, ознакомленіе съ этой, малоизвѣстной широкому кругу читателей, литературой представляется полезнымъ не только съ историко-литературной точки зрѣнія. Перелистовывая сборникъ, читатель можетъ выяснить себѣ, какъ, на какихъ фактахъ общественной жизни складывалось отношеніе русской соціалдемократіи— и подъ ея вліяніемъ пролетаріата—къ разнымъ политическимъ теченіямъ: къ земскому

либерализму и „освобожденской“ демократіи, къ различнымъ формамъ и пріемамъ борьбы, къ различнымъ тактическимъ методамъ въ освободительномъ движеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, внимательный читатель найдетъ въ сборникѣ немало указаній на то, какую роль въ дѣйствительности играла соціалдемократическая критика въ общеосвободительномъ движеніи, какіе программные лозунги и тактическіе пріемы соціалдемократіи удалось сдѣлать достояніемъ широкихъ круговъ населенія—подчасъ въ упорной борьбѣ съ другими партіями и теченіями. Такія указанія особенно кстати теперь, когда въ демократической печати такъ тщательно стараются умалить громадныя заслуги соціалдемократіи въ общенаціональномъ освободительномъ движеніи.

„Меньшевистское“ направленіе, боровшееся сначала за свое существованіе, а позднѣе за преобладаніе въ соціалдемократіи, недавно впервые заняло господствующее положеніе, ставъ оффиціальнымъ credo партіи. Эта побѣда доказала его жизненность въ ряду другихъ теченій внутри партіи. Литературный матеріалъ, предлагаемый въ „Сборникѣ“, можетъ до извѣстной степени дать представленіе о томъ, какъ подготовлялась эта идейная побѣда, какой партійный опытъ закрѣплялся въ сознаніи соціалдемократовъ постепенными завоеваніями „новаго“ въ свое время теченія.

Редакція сборника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отдѣлъ I:

Статьи общаго характера.

О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни?

(25 ноября 1903 г. № 53).

Громадной важности событія разыгрались на югѣ Россіи. Ихъ описанія наполняли собою ближайшіе къ нимъ номера подпольной прессы всѣхъ направленій и въ настоящій моментъ уже вытѣсняются съ ея столбцовъ другими матеріалами. А между тѣмъ поставленные этими событіями вопросы не только не подверглись обсужденію, но еще почти что не затронуты. Рѣшительную и вдумчивую ихъ постановку мы встрѣтили до сихъ поръ только въ одномъ, еще ненапечатанномъ, письмѣ изъ Кіева. Но мы убѣждены, что волнуютъ и мучаютъ эти вопросы далеко не одного только нашего кіевскаго товарища, а многихъ и многихъ русскихъ дѣятелей. Мысль русской соціалдемократіи должна остановиться на нихъ; ихъ ставятъ не отдѣльныя лица, а сама жизнь. Что именно произошло на нашемъ югѣ? были ли это стачки, демонстраціи, возстанія? «Ничего подобнаго не знала Россія и даже думается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не зналъ міръ»,—пишетъ кіевскій товарищъ. Указавъ на громадные размѣры движенія, онъ отмѣчаетъ затѣмъ то, что представляется ему «новымъ въ міровой исторіи»—это «безусловная солидарность всѣхъ рабочихъ» безъ всякаго различія профессій и національностей. Бастуютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ рабочіе, начиная съ наилучше обставленныхъ профессій до самыхъ низшихъ чернорабочихъ. Стоятъ пароходы, задерживаются поѣзда, погасло электричество, бастуютъ приказчики большихъ магазиновъ, нѣтъ конокъ, быстро дорожаетъ хлѣбъ, не выходятъ газеты, нѣтъ мяса, некому чистить сапогъ, остановились постройки, въ Баку не хватаетъ воды. Въ Западной Европѣ, говоритъ кіевскій товарищъ, не смотря на полувѣковую исторію соціалистическаго движенія, на организацію и политическую свободу, т а к и х ъ стачекъ не бывало. Тамъ грандіозныя стачки случаются лишь въ извѣстныхъ профессіяхъ.

Авторъ правъ. Въ странахъ Западной Европы, имѣющихъ большія профессіональныя организаціи и давно существующія соціалистическія партіи, еще не бывало стачекъ, достигающихъ такой всеобщности, какъ у насъ на югѣ, и—въ качествѣ явленія однороднаго со стачками въ отдѣльныхъ профессіяхъ—ихъ, думается намъ, никогда и не будетъ. Всеобщая стачка ради давленія на отдѣльныхъ предпринимателей, какъ получателей прибыли, средство очень сильное, но не цѣлесообразное. Именно по своей всеобщности и неизбѣжной по этому самому кратковременности, отдѣльнымъ предпринимателямъ, какъ таковымъ, она въ большинствѣ случаевъ можетъ причинить лишь незначительный вредъ, доставляя въ то же время громадныя затрудненія всему населенію въ качествѣ потребителя. По самой сути дѣла, всеобщая стачка можетъ быть цѣлесообразнымъ средствомъ давленія лишь на общество, какъ организованное цѣлое; она и выдвигалась въ Европѣ (а въ Голландіи и Бельгіи отчасти практиковалась), какъ средство политическаго давленія, и проповѣдывалась, какъ приступъ къ соціальной революціи.

Но всмотритесь хорошенько въ наши южныя стачки. Уже одно наиболѣе всеобщее изъ всѣхъ требованій: 8-ми-часовой рабочій день—самой своей международной цифрой говоритъ о своемъ скорѣе принципіальномъ, чѣмъ практическомъ значеніи, носитъ скорѣе характеръ лозунга, какимъ оно до сихъ поръ еще остается и въ Западной Европѣ, чѣмъ требованія, подлежащаго немедленному удовлетворенію./ И въ дѣйствительности, если въ Баку всеобщая стачка выросла изъ частныхъ, если часть одесскихъ рабочихъ, въ которой запутавшіеся въ свои же собственныя сѣти независимцы возбудили надежды на покровительство начальства, дѣйствительно вѣрила въ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, то желѣзнодорожные рабочіе, взявшіе на себя иниціативу всеобщей стачки въ Кіевѣ, опасались поспѣшнаго удовлетворенія, которое испортило бы все дѣло, и умышленно выставляли невыполнимыя, по ихъ мнѣнію, требованія./ И способъ распространенія этой всеобщей стачки и многія явленія въ ея ходѣ и окончаніи въ значительной степени отнимаютъ у нея характеръ простой борьбы рабочихъ съ своими непосредственными предпринимателями. Распространяется движеніе съ громадной быстротой, перекидываясь изъ одного города въ другой и въ 2—3 дня охватывая все производство, причемъ, если рабочіе, начинающіе въ данномъ городѣ стачку, предъявляютъ своимъ хозяевамъ цѣлый рядъ требованій, то дальше многіе бросаютъ работу уже безъ всякихъ требованій, бросаютъ потому, что всѣ встали, что къ нимъ подошла толпа бастующихъ товарищей. Иной разъ (въ Екатеринославѣ, въ Одессѣ и проч.) требованія вырабатываются на массовыхъ, мно-

тысячныхъ митингахъ, состоящихъ изъ рабочихъ самыхъ различныхъ профессій. Въ разгаръ стачки не разъ случается, что тѣ или другіе предприниматели предлагаютъ своимъ рабочимъ очень большія уступки, но, пока длится одушевленіе, эти уступки рѣшительно отвергаются, и когда, подъ вліяніемъ утомленія, толпы на улицахъ рѣдѣютъ и митинги на пустыряхъ и площадяхъ прекращаются, стачка заканчивается еще дружнѣе, чѣмъ началась, и всѣ становятся на работу, безразлично, получили или не получили какія-нибудь уступки. Все это носитъ скорѣе характеръ общественнаго протеста цѣлаго класса противъ лежащаго на немъ экономическаго и политическаго гнета, чѣмъ простой стачки противъ своихъ непосредственныхъ предпринимателей. Мы не хотимъ, разумѣется, сказать, чтобы это массовое движеніе было сознательно направлено противъ существующаго экономическаго и политическаго строя Россіи. Но, несомнѣнно, что рядомъ со всяческой нуждой оно было направлено и противъ неподвижности, угнетенности, самоуправства и безправія, свойственныхъ бюрократическому строю, а тѣмъ самымъ и противъ всѣхъ охранителей этого строя. И эта послѣдняя сторона движенія выразилась особенно ярко въ безпрерывной и въ большинствѣ случаевъ побѣдоносной борьбѣ съ полиціей и казаками за свободу уличныхъ собраній, рѣчей, кое-гдѣ шествій.

Да, такихъ с т а ч е к ъ не видывала Европа, но ту солидарность возставшихъ рабочихъ массъ безъ различія профессій и національностей, которая особенно поражаетъ кіевскаго товарища, не разъ видали столицы континентальной Европы. Въ ихъ революціонные дни такъ же пусты были фабрики и мастерскія, хотя рабочіе уходили изъ нихъ, не предъявивъ хозяевамъ никакихъ требованій, а улицы были наполнены многотысячной толпой, въ которой рабочіе всѣхъ профессій перемѣшивались со студентами, съ одной стороны, и съ самымъ низшимъ слоемъ пролетаріата, не имѣющимъ никакой прочной профессіи, съ другой. И эти массы тоже начинали съ того, что слушали многочисленныхъ ораторовъ, говорившихъ съ какого-нибудь возвышенія или поднявшись на плечи товарищей.

Многія сцены, разыгравшіяся въ Кіевѣ, точно списаны съ того, что болѣе 50 лѣтъ тому назадъ происходило въ Парижѣ или Берлинѣ; рабочіе у вокзала, на угрозу стрѣлять распахивающіе груди съ крикомъ «стрѣляй», шествіе съ трупами убитыхъ товарищей. И, вмѣсто подавленности послѣ залповъ, общее возмущеніе, крикъ «долой убійцъ!», разростаніе движенія и въ ширь и въ глубь. Если бы выбывшій изъ строя 50 лѣтъ тому назадъ революціонеръ Парижа или Берлина вдругъ очутился среди толпы передъ вокзаломъ, онъ сразу почувство-

валъ бы себя въ той самой атмосферѣ, изъ которой вырвала его когда то вражья пуля. О подражаніи тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи: просто одинаковыя чувства въ аналогичномъ положеніи вызываютъ одинаковые жесты, слова, дѣйствія. Кіевскій товарищъ самъ замѣчаетъ, повидимому, что наши іюльскіе дни имѣютъ болѣе общаго съ революціонными бурями Западной Европы, чѣмъ съ современными профессіональными стачками, хотя бы и самыми грандіозными; онъ самъ называетъ ихъ «прелюдіей къ революціи». Въ эти дни положеніе объ усиленной охранѣ фактически не дѣйствовало. «Всѣ дни, помимо тысячныхъ массъ, на всѣхъ рабочихъ улицахъ толпится народъ. Группы въ 20—50 человѣкъ на глазахъ городовыхъ читаютъ листки, ведутъ пренія». А городовые благоразумно лущатъ сѣмячки. Когда же собравшись скопомъ, полиція вмѣстѣ съ казаками нападаетъ на сколько нибудь значительную толпу, то въ большинствѣ случаевъ терпитъ пораженія. «Народъ уже не боится казаковъ и полиціи. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ ними онъ, взявшись за камни, всегда обращалъ ихъ въ бѣгство». Такъ было въ Кіевѣ, но если кое-гдѣ конной и пѣшей полиціи въ соединеніи съ казаками и случалось сдерживать напоръ толпы, то въ общемъ эти спеціальные охранители русскаго порядка были безсильны. Мѣшать въ такіе дни свободѣ массовыхъ митинговъ подъ открытымъ небомъ могутъ теперь только залпы регулярныхъ войскъ. Но и тутъ... Согнать данную толпу съ даннаго мѣста они еще могутъ, но «усмирить» волнующіяся массы, запугать, вызвать подавленное настроеніе—они не въ состояніи. Какъ разъ наоборотъ. Въ Екатеринославѣ, гдѣ войска были пущены въ ходъ въ самомъ началѣ стачки, это не мѣшало ей сдѣлаться всеобщей и носить ярко протестующій характеръ. Въ Кіевѣ именно послѣ залпа у вокзала, настроеніе массъ достигло максимума революціоннаго подъема; стачка, до этого еще частичная, стала всеобщей и утихла только черезъ три дня послѣ залповъ на набережной, закончившихъ собою подвиги войскъ. Она стихла бы и въ томъ случаѣ, если бы войска вовсе не употреблялись. Свободное массовое проявленіе всѣхъ своихъ силъ—великое благо въ странѣ, гдѣ назрѣвшая потребность въ свободѣ не получаетъ никакого удовлетворенія; но недѣля такой интенсивной жизни на улицѣ не могла не вызвать утомленія. Утвержденіе «Рев. Россіи», что «движеніе стихло подъ давленіемъ военной силы», противорѣчитъ даже ся собственнымъ корреспонденціямъ.

Это движеніе не только не «разбилось объ утесъ самодержавія», но откололо отъ этого утеса громадный кусокъ. Рабочій классъ юга Россіи воочію доказалъ себѣ самому, правительству и всему населенію,

то, даже вооруженный одними камнями, онъ можетъ день за днемъ, несмотря на всѣ усилія жандармеріи, казаковъ и полиціи, пользоваться полной свободой слова на митингахъ подъ открытымъ небомъ, когда ему угодно покинуть для этого свои мастерскія; что всѣхъ силъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, уже недостаточно для охраны свойственнаго нашему строю порядка, и противопоставить поднявшимся рабочимъ правительство можетъ теперь только войско. Рабочему классу придется, конечно, повторять и укрѣплять это доказательство, чтобы ввести его въ общее сознаніе, но самый фактъ представляетъ собою такой громадный шагъ въ ходѣ надвигающейся революціи, что переоцѣнить его нѣтъ никакой возможности. Въ самомъ дѣлѣ: если достаточную матеріальную силу правительство можетъ теперь видѣть только въ войскѣ, то на вѣрность, на прочную нравственную солидарность со своими интересами оно можетъ разсчитывать только со стороны полиціи. Кто въ настоящее время поступаетъ на полицейскую службу, тотъ заранѣе мирится съ ненавистью большинства населенія. Тотъ готовъ совершать всѣ звѣрства, которыя лежатъ на обязанности русской полиціи. Но у правительства нѣтъ никакихъ основаній вѣрить во всегдашнюю готовность къ убійствамъ со стороны насильно забранныхъ солдатъ. У него есть всѣ основанія подозрѣвать, что роль убійцъ своихъ же братьевъ очень непріятна значительной части солдатъ, а для иныхъ совершенно невыносима; что, посылая ихъ противъ рабочихъ, оно самое вынуждаетъ солдатъ горячо раздумывать о такихъ вопросахъ, которые иначе не пришли бы имъ въ голову, что число такихъ солдатъ должно расти отъ одного соприкосновенія съ взволнованной рабочей средой, не говоря уже о систематической пропагандѣ. Съ другой стороны, усиленная неблагонамѣренность гражданской учащейся молодежи имѣетъ много шансовъ заразить и военную, а правительство по горькому опыту знаетъ, какъ безсильны противъ такой заразы всѣ мѣры, какія оно только можетъ придумать.

Боевыхъ генераловъ, готовыхъ скомандовать убійство, у правительства всегда хватитъ, но оно не можетъ не знать, что съ каждымъ днемъ приближается къ тому моменту, когда ненавистный приказъ, вмѣсто выстрѣловъ поверхъ головы, начнетъ встрѣчать открытое неповиновеніе. Поставить правительство на путь собственноручнаго расшатыванія своего главнѣйшаго оплота могла только поднявшаяся рабочая масса. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, поскольку дѣло зависѣло отъ массъ, движеніе было въ высшей степени успѣшно. Оно показало, какъ велико уже единство рабочаго класса, какъ много въ немъ эле-

ментовъ организованности, позволившей ему сразу выработать такой простой способъ быстро мобилизовать всѣ свои силы.

Намъ, соціалдемократамъ, нельзя, конечно, не огорчаться тѣмъ, что комитеты не были къ моменту движенія вдесятеро сильнѣе, не могли выпустить вдесятеро больше листковъ, выставлять вдесятеро больше ораторовъ, не могли, однимъ словомъ, въ достаточной мѣрѣ использовать недѣльной отмѣны самодержавныхъ порядковъ. Но, поскольку въ жалобахъ на то, что «стихійность опять переросла организованность... сознательность», слышится и нѣчто другое, эти жалобы, мнѣ кажется, основаны на недоразумѣніи. Да развѣ движеніе было стихійно? Если подъ стихійностью подразумѣвать первобытность вообще или по отношенію соціалдемократіи, то въ нашемъ южномъ выступленіи не было ничего первобытнаго, все въ немъ говоритъ о вліяніи новаго [1]) революціоннаго времени; на немъ лежитъ явный отпечатокъ воздѣйствія соціалдемократіи—это въ значительной степени плоды ея многолѣтней работы.

Но въ данное время, въ данной формѣ движеніе не было предвидѣно, и его размѣры превзошли всѣ ожиданія? Это показываетъ только, какую великую эпоху мы переживаемъ. Въ нарастающей революціонной атмосферѣ всякое нужное слово рождаетъ стократное эхо, всякое цѣлесообразное усиліе, кромѣ прямого, приноситъ еще и косвенные плоды. Пока растетъ революціонное движеніе, «стихійность» въ этомъ смыслѣ всегда будетъ переростать организованность. Соціалдемократія должна, конечно, проникнуть какъ можно дальше въ рабочую среду со своею сознательностью, раскинуть какъ можно шире организованность. Только этимъ организованнымъ ядромъ движенія она и можетъ распоряжаться съ полной увѣренностью въ соотвѣтствіи дѣйствій плану. Но чѣмъ шире распространится непосредственное вліяніе комитетовъ, тѣмъ шире будетъ и та окружность, до которой будутъ долетать отголоски поднятаго движенія. А чѣмъ дальше отъ центровъ сознательности они долетаютъ, будя все болѣе и болѣе сѣрыя массы, тѣмъ меньше поддаются учету и размѣры, и формы, и сроки проявленій массоваго движенія. Смущаться этимъ соціалдемократіи не приходится. Но, съ другой стороны, было бы положительнымъ несчастіемъ, если бы, увлекшись всеобщими стачками, поставившими комитеты лицомъ къ лицу съ массовикомъ, соціалдемократы забросили другія, основныя отрасли своей дѣятельности. Во времена экономизма, какъ ни

---

[1]) Одесская травля политиковъ этому ничуть не противорѣчитъ. Это крошечный, минутный выигрышъ зубатовцевъ въ отчаянной и теперь уже проигранной игрѣ противъ новаго революціоннаго времени.

ложились за массовикомъ, ему-то собственно ничего не сказали, а лишь внушили все тѣмъ же передовымъ рабочимъ нѣсколько ложныхъ мыслей, до сихъ поръ отзывающихся на ходѣ движенія.

Усиленная пропаганда, распространеніе литературы, листки, политическія демонстраціи вмѣстѣ со студентами—все это, хотя бы прямо и не затрагивало массовика, вліяетъ на него общимъ подъемомъ окружающей его атмосферы. Спеціальныя же усилія, направленныя на стачку, могутъ не дать ровно ничего. Всеобщую стачку слѣдовало бы, мнѣ кажется, предоставить самой жизни, прилагая къ ней всѣ заботы лишь тогда, когда она сама дается въ руки. Готовиться къ ней нужно, конечно, но всего лучше воспользуется всеобщей стачкой, всего больше готовъ къ ней будетъ тотъ комитетъ, у котораго всего богаче и шире будутъ поставлены всѣ отрасли его текущей работы.

«Рев. Россіи» кажется большимъ бѣдствіемъ недостатокъ рѣшительности со стороны революціонеровъ. Она очень сожалѣетъ, что во время волненій они не вступили (вооружившись, конечно) въ битву съ войсками.

Она напоминаетъ намъ, что многіе убитые предпочли бы смерть съ оружіемъ въ рукахъ въ уличной схваткѣ, на баррикадѣ или въ открытомъ нападеніи строя на строй. «Пусть открытая борьба на первыхъ своихъ стадіяхъ можетъ быть подавлена свинцомъ и кровью..., но, вѣдь, надо же когда-нибудь начинать, и лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ погибнуть, спасаясь бѣгствомъ, отъ шальной пули». «Это—старыя и простыя истины», увѣряетъ она. Можетъ быть, это и истины, но совершенно не идущія къ дѣлу.

Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какую именно смерть предпочли бы наши погибшіе товарищи, какъ и не въ томъ, что лично для себя предпочли бы живые революціонеры, а въ томъ, что именно требовалось ростомъ революціоннаго подъема рабочихъ массъ. А мы глубоко убѣждены, что для великой южной демонстраціи, стачки, массового протеста,—какъ хотите, опредѣлите это движеніе—сколько нибудь стойкая битва съ войсками была бы просто противоестественна, а попытка передовой горсти революціонеровъ—вредна. У демонстраціи, пока психически она остается демонстраціей, нѣтъ того главнѣйшаго оружія—хотя бы демонстранты и были вооружены съ головы до ногъ,—которымъ очень плохо вооруженныя и даже почти безоружныя народныя массы на Западѣ столько разъ побѣждали войска. Вооружаться надо—это несомнѣнно,—надо и при демонстраціяхъ, массовыхъ митингахъ, протестахъ. Но сила далеко не одномъ оружіи. Какъ бы хорошо ни была вооружена народная масса, войска всегда будутъ вооружены

гораздо лучше. Оружіемъ массы, побѣждающей войска, можетъ быть лишь страстное упорство въ достиженіи опредѣленной цѣли. Народное волненіе превращается въ революцію, когда вся волнующаяся масса, объединившись на одномъ или нѣсколькихъ опредѣленныхъ требованіяхъ, проникается рѣшимостью не покидать улицу, не расходиться, не прекращать борьбы, пока эти требованія не получатъ удовлетворенія сейчасъ же, тутъ же, на мѣстѣ.

Такихъ требованій у выступившихъ на югѣ рабочихъ массъ не было.

Ихъ профессіональныя требованія непремѣннаго пребыванія десятковъ тысячъ на улицахъ не предполагали. Давленіе на хозяина оказываетъ самый фактъ отсутствія рабочаго изъ мастерской, а уже что онъ тамъ дѣлаетъ, когда не работаетъ,—отдѣльному хозяину, какъ таковому, болѣе или менѣе безразлично.

Рабочіе хотѣли собираться на улицахъ, слушать рѣчи и читать листки,—все эти они и защищали отъ казаковъ и полиціи, но разбѣгались передъ залпами, чтобы снова собраться въ другомъ мѣстѣ. Завоевать свободное пользованіе этими благами разъ навсегда, не сходя съ улицы,—ни у массы, ни у ея вожаковъ и въ помыслахъ не было, да вѣдь, не было навѣрное и ни у кого изъ соц.-революціонеровъ. Уличный крикъ «долой самодержавіе!» раздается пока еще только какъ лозунгъ, угроза, средство агитаціи, а не какъ революціонное требованіе, которое отстаивается въ упорной битвѣ, съ полнѣйшей рѣшимостью—добиться или умереть. Отстаивать же подъ ружейнымъ огнемъ свое пребываніе въ данную минуту на данной площади, у рабочихъ не могло быть достаточныхъ стимуловъ.

Съ другой стороны, нельзя судить и о стойкости войска по его поведенію въ іюльскіе дни. Когда на Западѣ отряды войскъ переходили на сторону народа, они, конечно, рисковали поплатиться за это, если возстаніе будетъ побѣждено, но за то въ случаѣ побѣды ихъ ожидала всеобщая благодарность. Тамъ переходъ одного отряда увеличивалъ шансы побѣды, дѣйствовалъ заразительно на цѣлые полки, а затѣмъ уже простой разсчетъ заставлялъ класть оружіе.

Совсѣмъ иное дѣло такое волненіе, при которомъ никто не помышлялъ о немедленномъ уничтоженіи власти врага; чтобы при такихъ условіяхъ взять на себя иниціативу перехода на сторону народа или хотя бы открытаго отказа стрѣлять, нужно гораздо больше героизма, чѣмъ для участія въ какой угодно демонстраціи. Отвращеніе къ навязываемой войску роли, совершенно достаточное при революціи для перехода на сторону народа, можетъ вызвать при демонстраціи лишь отсутствіе «старанія», смотрѣніе сквозь пальцы на побѣгъ плѣнныхъ,

стрѣльбу поверхъ головъ, которая констатируется во всѣхъ корреспонденціяхъ. Для большаго нужно уже очень широкое распространеніе революціоннаго настроенія въ войскахъ. По южнымъ волненіямъ нельзя, слѣдовательно, судить ни о боевой способности рабочей массы, ни о томъ, сколько среди войскъ людей, сочувствующихъ той сторонѣ, противъ которой ихъ ведутъ.

Одна и та же причина увеличиваетъ при демонстраціяхъ стойкость войскъ и уменьшаетъ его среди демонстрантовъ. Намъ кажется, поэтому, что, пока народныя волненія остаются протестами, стачками, демонстраціями (не ставятъ себѣ опредѣленной, немедленно достижимой цѣли), нападать на войска не слѣдуетъ въ ни какомъ случаѣ; намъ кажется далѣе, что демонстрація, уступившая лишь ружейному залпу, еще не можетъ считаться неудавшейся. Другое дѣло полиція, казаки, жандармерія. Противъ этихъ специальныхъ и безусловныхъ враговъ движенія слѣдуетъ бороться и при демонстраціяхъ. Противъ нихъ упорная стойкость совершенно обязательна.

«Не настала ли пора подумать... какъ именно должно произойти паденіе абсолютизма и что станетъ непосредственно на его мѣсто? Не пора ли уже начать опредѣлять способы и пути революціи»? спрашиваетъ кіевскій товарищъ въ своемъ уже цитированномъ нами письмѣ. «Невольно кажется», продолжаетъ онъ, «что рѣшительная минута не такъ уже далека, и что встрѣтить ее неподготовленными, безъ опредѣленнаго плана было бы величайшей ошибкой. Думаю, что, если бы въ какомъ либо изъ центровъ намъ удалось временно овладѣть властью, то эта самая побѣда, вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго общерусскаго плана, обратилась бы въ пораженіе. А о побѣдѣ можно не только мечтать, но, какъ мнѣ кажется, и думать».

Товарищъ правъ, южныя событія ручаются за то, что о побѣдѣ теперь ужъ можно, а слѣдовательно, и должно думать. Мысль должна начать иначе относиться къ идеѣ революціи, чѣмъ до сихъ поръ. Представленіе о томъ, какъ произойдетъ паденіе абсолютизма, должно конкретизироваться. Слова «народное возстаніе», «побѣдоносная революція» давно знакомы нашей подпольной прессѣ. Всего больше говорилось объ этихъ вещахъ въ прокламаціяхъ начала 60-хъ годовъ и въ бакунистскихъ писаніяхъ, привезенныхъ изъ-за границы Нечаевымъ. Но тогда, поскольку эти слова не были простымъ украшеніемъ слога, они выражали просто в ѣ р у, подкрѣпляемую лишь преданіями далекой старины.

Въ текущей русской дѣйствительности не было ничего, что говорило бы о возможности близкой революціи. Думать о ней и въ то же время присматриваться къ народной массѣ, значило терять вѣру въ революцію. И въ теченіе 70-хъ гг. вѣра въ близкое народное возстаніе постепенно исчезла. Соціалдемократы знали, что пролетаріатъ революціоненъ по самому своему положенію,—и этого было совершенно достаточно, чтобы работать. Но пока пробужденіе касалось только тѣхъ передовыхъ рабочихъ, до которыхъ могли добраться соціалдемократы, оставалось невѣдомымъ, какъ и когда проснется массовикъ, а безъ него «думать» о побѣдоносной революціи было еще слишкомъ рано.

Ростовская стачка съ ея массовыми собраніями была первою ласточкой той весны, которая сказалась съ такой силой въ іюльскихъ волненіяхъ. Теперь впервые сама жизнь заставляетъ мысль останавливаться на конкретныхъ чертахъ этого еще недавно такого далекаго и невѣдомаго момента, заставляетъ думать о путяхъ и способахъ революціи.

Думать о нихъ, чтобы, по возможности, предвидѣть событія, совершенно необходимо, но представить себѣ революцію совершающеюся по заранѣе составленному плану, напередъ опредѣленными путями и способами, было бы, конечно, утопіей. Это невозможно уже по тому одному, что, какъ бы ни была сильна и совершенна организованность соціалдемократіи, не отъ нея одной будетъ зависѣть ходъ событій. Во-первыхъ, этотъ ходъ будетъ зависѣть и отъ поведенія врага и отъ настроенія обывателя, превышающаго своею численностью всѣ заранѣе революціонные и активные элементы населенія. Наконецъ, этотъ ходъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ «общества».

Затѣмъ, въ движеніи самихъ рабочихъ массъ въ періодъ, предшествующій паденію абсолютизма, всегда будетъ нѣчто, не поддающееся учету, хотя бы движеніе цѣликомъ совершалось подъ вліяніемъ соціалдемократіи. Вѣдь руcскій рабочій классъ стоитъ лишь въ началѣ своего общественнаго воспитанія, соціалдемократіи предстоитъ еще долгій путь до того момента, когда большинство рабочаго класса превратится въ сознательныхъ соціалдемократовъ. До паденія абсолютизма этого не произойдетъ ни въ какомъ случаѣ. Но уже первые проблески пробужденія пролетаріата уничтожаютъ въ его душѣ вѣру въ неприкосновенность всего существующаго и ставятъ его въ разрѣзъ съ нашимъ полицейскимъ режимомъ.

Поэтому то только и возможна у насъ побѣдоносная революція, но поэтому же непредвидѣнныя движенія рабочихъ массъ переростаютъ организованную работу соціалдемократовъ и — пока длится револю-

ронный періодъ—будутъ перерастать ее, являясь въ то же время ея результатомъ.

Планъ соціалдемократіи можетъ, мнѣ кажется, состоять лишь въ опредѣленіи своей роли въ томъ ходѣ событій, который она должна стараться предвидѣть, чтобы какъ можно сильнѣе вліять на него, но котораго она никогда не будетъ въ состояніи опредѣлять заранѣе, чтобы затѣмъ вести предначертанными путями.

Возвращаясь къ нашимъ южнымъ стачкамъ, можно, мнѣ кажется, надѣяться, что работа мысли и чувства, поднятая въ массахъ участіемъ въ волненіяхъ, сдѣлаетъ ихъ еще воспріимчивѣе и, если наши комитеты окажутся хоть сколько-нибудь на высотѣ задачи, слѣдующая же волна движенія, если и начнется со всеобщей стачки, то эта стачка въ гораздо большей степени, чѣмъ на этотъ разъ, окажется лишь формой движенія. Не трудно предвидѣть, что при растущей революціонности массъ крикъ «долой убійцъ!» будетъ становиться все болѣе общимъ и изъ угрозы можетъ наконецъ превратиться въ цѣль, въ требованіе, а при этомъ условіи побѣда не только возможна, а, пожалуй, и неизбѣжна.

Еслибы революція могла совершаться по плану, она, разумѣется, должна бы начаться въ столицѣ. Здѣсь уничтоженіе власти врага сразу лишило бы силы весь правительственный механизмъ во всей провинціи. Но въ настоящій моментъ большая революціонная подвижность юга заставляетъ допустить возможность другого исхода русской революціи.

Если бы кіевское «долой убійцъ!» изъ простого выраженія ненависти перешло въ дѣло, и мѣстные иниціаторы убійствъ вынуждены были такъ или иначе стушеваться передъ народнымъ гнѣвомъ, если бы даже примѣру Кіева послѣдовали всѣ революціонные центры юга—все это само по себѣ еще не означало бы сверженія существующаго режима. Все-таки потребовался бы окончательный толчекъ, хотя, несомнѣнно, что сила сопротивленія была бы громадно ослаблена.

Едва ли можно усомниться въ томъ, что въ Петербургѣ сознательныхъ революціонныхъ силъ больше, чѣмъ гдѣ либо, и трудно допустить, чтобы здѣсь рабочая масса, даже самая «сѣрая», оставалась совсѣмъ незатронутой революціоннымъ временемъ. Но и у врага силъ въ Петербургѣ тоже больше, чѣмъ гдѣ-либо. Здѣсь для взрыва, быть можетъ, недостаточно одного накопленія революціонной потребности въ свободномъ проявленіи своихъ силъ. Здѣсь, быть можетъ, нужно внѣшнее событіе, дѣлающее выступленіе обязательнымъ именно въ данный моментъ.

Кто сколько нибудь знакомъ съ исторіей Европы средины XIX вѣка, тотъ знаетъ, конечно, что мартовскія событія въ Берлинѣ и Вѣнѣ были вызваны февральской революціей въ Парижѣ. Нѣмецкое студенчество

давно уже было настроено революціонно, пробужденіе рабочаго класса въ Германіи дѣлало огромные успѣхи; ясно, однако, что самымъ ходомъ движенія революціонный взрывъ вовсе не былъ еще пріуроченъ непремѣнно къ марту 1848 года. Но очень распространенное знаніе исторіи французскихъ революцій, разсказы о которыхъ служили агитаціоннымъ матеріаломъ, и еще шире разлившееся ожиданіе, что на этотъ разъ революція во Франціи послужитъ сигналомъ и для нѣмецкаго освобожденія,—все это придало вѣсти о февральской революціи такую волнующую силу, что двухъ недѣль, прошедшихъ отъ первыхъ извѣстій о ней до мартовскихъ дней въ Вѣнѣ и Берлинѣ, было достаточно, чтобы довести броженіе до окончательнаго взрыва.

Не суждено-ли побѣдоносной революціи на нашемъ югѣ сыграть по отношенію къ сѣверу роль революціоннаго Парижа для Германіи?

Кіевскій товарищъ сто разъ правъ, говоря, что встрѣтить рѣшительныя минуты, не подготовившись къ нимъ, было бы величайшей ошибкой со стороны соціалдемократіи. Но первымъ шагомъ этой подготовки должно быть, по нашему мнѣнію, не составленіе плана, а усвоеніе и широкое распространеніе самой мысли о реальной возможности, а, можетъ быть, и неизбѣжности революціи въ близкомъ будущемъ.

Соціалдемократическая рабочая партія должна освоиться съ этой мыслью и пріучить къ ней остальное населеніе. Широкое распространеніе увѣренности въ близкой революціи—это половина побѣды. Эта увѣренность должна какъ можно дальше проникнуть въ крестьянство. Къ активному участію въ революціи должно усиленно готовиться наше студенчество. Къ мысли о ея неизбѣжности должно привыкнуть даже общество, продолжающее «не вѣрить» въ революцію, тогда какъ именно побѣдоносная революція становится теперь уже единственнымъ способомъ освобожденія, въ который нѣтъ надобности «вѣрить», о которомъ уже поздно мечтать, а остается «думать», какъ облегчить его ходъ и уменьшить количество уже льющейся крови.

Конкретные планы опредѣленныхъ дѣйствій въ томъ или иномъ случаѣ, примѣнительно къ тому или другому городу, могутъ начать вырабатываться лишь въ атмосферѣ, уже насыщенной ожиданіемъ близкой революціи. Они не могутъ, конечно, обсуждаться ни въ печати, ни на широкихъ собраніяхъ, но для того чтобы тѣсный кругъ профессіональныхъ революціонеровъ могъ выработать жизненный планъ, съ нимъ въ этомъ отношеніи должна думать и чувствовать въ унисонъ окружающая его среда.

В. Засуличъ.

Письма обо всемъ.

(15 ноября 1903 г. № 53).

Помпадуръ и крамола. Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь! «Децентрализація». Помпадуръ дореформенный, помпадуръ пореформенный, помпадуръ будущаго.

«Россія задыхается отъ централизаціи»,—еще Ѳеденька Кротиковъ зналъ корень зла, еще онъ находилъ, что необходимо «децентрализовать», т. е. радикально эмансипировать помпадура отъ опеки законовъ. Конечно, помпадуръ никогда не былъ въ этомъ отношеніи стѣсненъ и всегда зналъ, что по времени и закону бываетъ перемѣна. Но теперь онъ почувствовалъ неутолимую потребность въ экстренной широтѣ движеній, энергіи захвата и стремительности аттакъ. Ибо врагъ неутомимъ. Крамола пріобрѣтаетъ безчисленныя развѣтвленія и проявляется время отъ времени въ актахъ, захватывающихъ начальственное дыханіе. Прежнимъ правителямъ приходилось искоренять либеральный «сеничкинъ ядъ», укрывавшійся либо въ акцизномъ вѣдомствѣ, либо въ земской управѣ,—да еще время отъ времени совершать крестовые походы противъ мужиковъ, становившихся по этому случаю на колѣни и заявлявшихъ: «Нечего съ насъ взять! Насъ и уколупнуть негдѣ!» И въ тѣ времена требованіе полной и безусловной децентрализаціи было въ сущности простымъ проявленіемъ капризной помпадурской похотливости. Энергичный помпадуръ, одинъ изъ тѣхъ, внутри которыхъ «скрывается молнія», встрѣчалъ тогда препятствія не столько въ наличности закона, сколько въ отсутствіи врага. Тогдашній «помпадуръ борьбы» пытался, если помните, даже вызвать сатану — увы! тщетно,—чтобы помѣряться съ нимъ силами,—теперешній ни мало не нуждается въ столь фантастическихъ предпріятіяхъ. Прежде всего значительно расширился кругъ дѣйствія «сеничкина яда». Затѣмъ— что гораздо важнѣе—мужикъ, колѣнопреклоненно жалующійся, что его негдѣ уколупнуть, отодвинутъ на задній планъ городскимъ рабочимъ, который не только не ограничивается указаніемъ на то, что его негдѣ уколупнуть, но и отрицаетъ самое право «уколупывать» его, отри-

цаетъ помпадура, какъ носителя этого права, отрицаетъ самый порядокъ, произрождающій помпадуровъ.

Да и мужикъ все болѣе становится подозрительнымъ. То цѣльное крестьянское міросозерцаніе, ось котораго составляла идея: «Безъ этого—нельзя», расползается во всѣ стороны. Мужикъ развращается.

Съ какой горечью отмѣчаетъ этотъ процессъ либерально-православный саратовскій помѣщикъ въ «С.-Петерб. Вѣдом.». Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь!—«Ни костюмъ, ни пѣсня, ни разговоръ, ни интересы жизни—ничто не напоминаетъ русскаго характера, русской широкой души. Нелюбовь къ землѣ, тяготѣніе къ городу, вѣчное недовольство жизнью (нѣчто страшно опасное во всѣхъ отношеніяхъ,—замѣчаетъ г. помѣщикъ)...—вотъ думы народныя!» Солдатчина не только не воспитываетъ мужика, наоборотъ, вноситъ въ деревню развратъ. «Солдатъ, вернувшійся въ деревню,—самый недисциплинированный общественный элементъ, никого не уважающій, ничѣмъ не довольный и, главное, совершено отвыкнувшій отъ церкви. Потомъ слѣдуетъ—жалуется саратовскій народолюбецъ—жизнь на фабрикѣ, совершенно безнадзорная въ нравственномъ отношеніи; потомъ бѣдность, отчасти переселенческое движеніе, коснувшееся и центра—вотъ все это вмѣстѣ и вліяетъ на народную жизнь»... Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь!

На ту же «безнадзорную въ нравственномъ отношеніи жизнь» крестьянства жаловался недавно въ ливенскомъ земствѣ гл. Епифановъ, предлагавшій учредить «попечительство о народной религіозно-нравственности». «Крестьянское населеніе съ каждымъ годомъ и каждымъ часомъ выходитъ изъ надлежащаго своего быта»... Отхожіе заработки, «безконтрольное религіозно-нравственное поведеніе»—все это въ конецъ «портитъ» крестьянскую молодежь. «Такая жизнь крестьянства—прорицаетъ земскій Катонъ—не поведетъ къ хорошему, и въ недалекомъ будущемъ образуется массовый пролетаріатъ крестьянства».

Да, и отхожіе заработки, и «безнадзорная» жизнь въ городѣ и даже солдатчина, все это разлагаетъ священную «полусоціалистическую» общину, великій устой азіатской деспотіи, разлагаетъ стихійно, фатально— и тѣмъ вырываетъ почву изъ-подъ ногъ бюрократизма... И ни «попечительство о народной религіозно-нравственности», проектируемое темнымъ ливенскимъ земцемъ, ни «общественная вѣялка», предлагаемая во спасеніе Крестьянскимъ союзомъ партіи С.—Р.—ничто не остановитъ этого процесса. «Крестьянское населеніе съ каждымъ годомъ и каждымъ часомъ выходитъ изъ надлежащаго своего быта»...

Рабочій бунтуетъ, бунтуетъ мужикъ.

При такихъ затруднительныхъ условіяхъ помпадуру приходится божьей грозою носиться надъ «ввѣренной ему губерніей». Вызвать въ кои вѣки сатану для состязаній можно было въ сущности и съ соблюденіемъ уставовъ и обрядовъ судопроизводства. Другое дѣло — стоять и день и ночь лицомъ къ лицу съ врагомъ, который неистощимъ въ формахъ борьбы, неутомимъ въ нападеніяхъ, и неистребимъ по своей численности. Тутъ законъ можетъ только парализовать, обряды дѣлопроизводства могутъ только тормозить,—и проблема децентрализаціи, т. е. помпадурской разнузданности, встаетъ, какъ категорическій императивъ.

«Мнѣ кажется,—писалъ недавно князь Мещерскій,—что теперь въ особенности очень нужно, чтобы губернаторы прежде всего бросили переписку, а всецѣло отдались управленію губерніей на мѣстахъ... Бумага, идущая отъ губернатора къ верху, и бумага, идущая отъ губернатора къ низу, мало интересуютъ подвластнаго ему человѣка, а губернаторъ, неожиданно появляющійся въ двадцати — тридцати мѣстахъ своей губерніи, чтобы лично все увидѣть и провѣрить, можетъ въ два—три года сдѣлать счастливою свою губернію, ибо ложь исчезнетъ изъ бумагъ». Долой волокитную переписку! Да здравствуетъ молніеносный помпадуръ!

Не такъ давно (въ сентябрѣ) сенатъ пояснилъ, что губернаторъ долженъ препровождать на обсужденіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія всякое ходатайство земскаго собранія, которое онъ, губернаторъ, находитъ «неподлежащимъ». Князь Мещерскій, неистовый Роландъ идеи молніеноснаго помпадурства, тотчасъ же усмотрѣлъ въ этомъ оппозиціонное покушеніе на авторитетъ губернатора, столь возвышаемый «правительствомъ вообще и, въ частности, министромъ внутреннихъ дѣлъ»—и погрозилъ погрязшему въ юридическихъ опредѣленіяхъ сенату публицистическимъ перстомъ. Невиннѣйшая правовая схоластика сената,—и та оказывается стѣснительной и несогласной съ «правительственными видами», въ которыхъ помпадуръ, одновременно появляющійся въ двадцати мѣстахъ, занимаетъ центральное мѣсто!

Въ своей прошлогодней «юбилейной» рѣчи, на которую съ холопскимъ ликованіемъ и либеральнѣйшими намѣреніями ссылалась наша подъяремная печать, г. Плеве сказалъ: «Усиливая распорядительную власть на мѣстахъ, необходимо упростить порядокъ ея дѣйствія, дабы интересы и удобства населенія получили вящшее огражденіе».

«Гражданинъ», для котораго не существуетъ законовъ стыдливости и который, поэтому, играетъ первую скрипку въ публицистическомъ оркестрѣ мин. внутр. дѣлъ, комментируетъ мысль объ усиленіи мѣстной власти и «упрощеніи» ея дѣйствій такимъ выразительнымъ примѣромъ. Въ N предвидѣлись уличные безпорядки. Губернаторъ далъ конфиденціальное порученіе, безъ шума купить нѣсколько возовъ розогъ («безъ шума—чтобы не поднять цѣнъ на розги», мило шутитъ князь). На каждомъ возу была крупно начертана надпись: «розги». Возчики, проѣзжая съ розгами по городу, объясняли любопытнымъ: это заготовлено для такой-то площади, для такого-то часа. И, разумѣется, что демонстрацію какъ рукой сняло. Отсюда «Гражданинъ» выводитъ такую программную мораль: «Тамъ, гдѣ всѣ думаютъ про представителя власти: «онъ посмѣетъ высѣчь», тамъ есть и подчиненіе власти и спокойствіе: безпорядковъ совершенно не будетъ»... Отсюда ясно, что «упростить» порядокъ губернаторскихъ дѣйствій—значитъ создать для «представителя власти» такую обстановку, чтобы онъ смѣлъ «посмѣть». Тогда задача будетъ рѣшена.

Для созданія условій, превращающихъ губернатора въ ничѣмъ не стѣсненнаго и все смѣющаго административнаго экспериментатора, и создана комиссія, которую наша легальная печать съ совершенно безсознательнымъ и тѣмъ болѣе глубокимъ юморомъ называетъ «комиссіей о децентрализаціи».

Цѣлый рядъ дѣлъ, восходившихъ до сего времени на «усмотрѣніе» одного или нѣсколькихъ министровъ и даже на «благовоззрѣніе» самого «министра», предложено передать въ непосредственное вѣдѣніе начальниковъ губерній. Сюда отнесены: отчужденіе крестьянскихъ надѣльныхъ земель, утвержденіе уставовъ разныхъ обществъ—научнаго благотворительнаго и экономическаго характера, открытіе библіотекъ, разрѣшеніе съѣздовъ, открытіе выставокъ и пр. и пр.—вплоть до устроенія бракоразводныхъ дѣлъ.

Расширеніе губернаторской власти предположено не только за счетъ центральныхъ инстанцій, но и за счетъ мѣстныхъ учрежденій «посторонняго вѣдомства». Усиливается опека губернаторовъ надъ самоуправленіемъ; такъ, имъ предположено предоставить распоряженіе земскими и городскими смѣтными назначеніями. Далѣе, по словамъ «Нов. Вр.», проектируется предоставить губернаторамъ надзоръ надъ дѣятельностью суда и надъ системами преподаванія въ гимназіяхъ, институтахъ и университетахъ.

Дальше идти некуда. Губернаторъ, контролирующій университет-

скую науку, губернаторъ, направляющій правосудіе, губернаторъ, устрояющій бракоразводныя дѣла!

«Можетъ ли быть порядокъ въ губерніи—спрашиваетъ «Гражданинъ»,—при дѣйствіи предразсудковъ независимости вѣдомствъ?» И мужественно отвѣчаетъ: «Очевидно не можетъ».

Этотъ отвѣтъ не простой «абсурдъ», какъ думаетъ наша умѣренно умная либеральная пресса,—это нѣчто гораздо больше: это пароль, навязываемый въ настоящій моментъ самодержавію его судьбою.

Самодержавіе сегодня совершенно не способно удержаться на почвѣ сколько-нибудь устойчивыхъ и постоянныхъ нормъ—хотя бы эти нормы только вчера были созданы для охраны самодержавія. Стихійнонековарная жизнь, которая цѣпляется за все, которая выражаетъ противорѣчіе между собой и самодержавіемъ въ томъ, что сшибаетъ лбами два служащихъ самодержавію вѣдомства, эта жизнь превращаетъ въ опасный предразсудокъ—независимость бюрократическихъ вѣдомствъ.

И на этомъ самодержавіе должно сломить голову. Ибо обыватель, даже совершенно чуждый конституціоналистскихъ платформъ, обыватель, интересующійся политикой только по воскресеньямъ, словомъ тотъ самый обыватель, которому имя легіонъ—какъ онъ ни простъ, какъ ни добродушенъ—но онъ твердо хочетъ жить. У него есть свои неотъемлемыя потребности—и онъ хочетъ ихъ удовлетворять. А дѣлать это онъ можетъ лишь при нѣкоторой минимальной устойчивости гражданскихъ отношеній. Ему нужна полиція—для охраны, желѣзная дорога—для ѣзды, школа—для ученія, судъ—для торжества справедливости. И самодержавіе въ своихъ собственныхъ интересахъ должно ему гарантировать эти блага сколько нибудь устойчивыми нормами,—иначе легіонъ начнетъ шевелиться. Независимость вѣдомствъ и клокъ самоуправленія—эти реформы правительство Александра II выдвинуло для удержанія своихъ позицій. Но «независимость вѣдомствъ» придаетъ слишкомъ не эластичную структуру губернскому бюрократическому аппарату и потому, при нынѣшнихъ нервныхъ условіяхъ, все меньше и меньше способна охранять «порядокъ въ губерніи»; а самоуправленіе, какъ уже давно разъяснилъ Мещерскій, служитъ лишь школой будущихъ россійскихъ Мирабо, воспитываетъ дворянъ «самой чистой санкюлотной воды». И передъ абсолютизмомъ выростаетъ задача—задача жизни—отмѣнить всѣ нормы, обезпечивающія минимальнѣйшую свободу естественныхъ обывательскихъ тѣлодвиженій—и на мѣсто этихъ «предразсудковъ» поставить молніеноснаго губернатора, ничѣмъ нестѣсненнаго, не наталкивающагося

на междувѣдомственныя стѣны, издающаго законы, творящаго судъ, поощряющаго науки и насаждающаго искусства, одновременно появляющагося въ двадцати мѣстахъ,—вообще нарушающаго во имя «порядка» законы времени и пространства...

Правительство возвращается къ идеѣ: губернаторъ—хозяинъ губерніи. Но это не тотъ дѣвственный помпадуръ, губернаторъ—отецъ добраго и стараго времени—нѣтъ, его роль «осложнена» всѣми пріобрѣтеніями пореформенной эпохи. У него на рукахъ земство со школами, агрономами, больницами и оппозиціонными Мирабо. У него фабрики со стачками и демонстраціями.

Старый губернаторъ, какъ представитель своего государя, входилъ во все самъ. Но жизнь не торопила его и онъ всегда могъ снестись съ Петербургомъ. «Общій характеръ губернской власти дореформенной эпохи—говоритъ проф. Свѣшниковъ—былъ тотъ, что она являлась лишь исполнительницей закона и предписаній высшаго правительства, безъ права дѣйствовать самостоятельно, подъ собственною отвѣтственностью». Губернаторъ пореформенный былъ значительно урѣзанъ. Онъ уже не могъ втираться въ «вѣдомства». Онъ былъ (по крайней мѣрѣ по первоначальному замыслу) только чиновникомъ мин. внутр. дѣлъ. Рядомъ съ его волей былъ поставленъ рядъ учрежденій (судъ, земство...), дѣйствующихъ съ той или другой степенью независимости. Далѣе слѣдуетъ губернаторъ безсонныхъ ночей кн. Мещерскаго, онъ же губернаторъ ближайшаго будущаго. Это снова отвѣтственный представитель высшей власти, который не только блюдетъ, но и входитъ, не только входитъ, но и отмѣняетъ, насаждаетъ, вообще вяжетъ и рѣшаетъ.

Но жизнь уже бѣшено торопитъ его. Ему некогда сноситься съ медлительной бюрократической лабораторіей Петербурга. Мы уже знаемъ, что̀ нынѣ нужно: «чтобы губернаторъ прежде всего бросилъ переписку». Губернатору нужна свобода, автономность, децентрализація. И ему дается все это.

Полный хозяинъ во ввѣренной ему губерніи—губернаторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи даже войска—по крайней мѣрѣ, на предметъ гражданскихъ войнъ. Остается еще предоставить губернатору право чеканить монету и сдѣлать самую должность наслѣдственной (чего добивались французскіе губернаторы XVI столѣтія)—и система шестидесяти девяти «самодержавій» и «единодержавій» будетъ завершена.

Бѣшеный централизмъ Петербурга, разрѣшающійся въ цѣлый рядъ административныхъ сатрапій; единодержавіе и самодержавіе, полностью отчуждающее свою власть министрамъ, которые, въ свою очередь,

сдаютъ ее въ аренду сворѣ помпадуровъ,—развѣ это не система политическихъ абсурдовъ? Тѣмъ не менѣе, за этой формальной «нелогичностью» скрывается объективная логика нашего общественно-политическаго развитія. И послѣдній актъ «расхищенія царской власти бюрократіей», какъ говаривали славянофилы, представляетъ собою явленіе совершенно закономѣрное, порожденное внутренними тенденціями умирающаго режима.

«Исполинскій ростъ народныхъ силъ,—говорилъ г. Плеве въ уже цитированной рѣчи—естественное послѣдствіе совершившихся перемѣнъ въ общественной жизни, усложняя административную дѣятельность предъявляетъ къ ней все новыя и новыя требованія и ставитъ на очередь заботу объ усовершенствованіи способовъ управленія». Другими словами — абсолютизму приходится при помощи тѣхъ государственно-правовыхъ орудій, которыя свойственны ему, какъ таковому, направлять и упорядочивать жизнь общества, которое все болѣе и болѣе превращается въ воплощенное отрицаніе самодержавія.

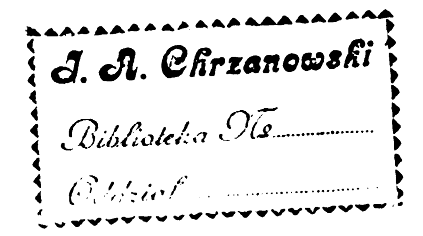
Петербургъ напрягалъ всѣ силы, чтобы удержать въ письменномъ столѣ министерства внутреннихъ дѣлъ ключи отъ всѣхъ—и большихъ и малыхъ—тайнъ русской жизни, но «исполинскій ростъ народныхъ силъ» превозмогъ. Задача оказалась неосуществимой. Централистическій идеалъ—на встрѣчу всероссійской, отъ периферіи къ центру идущей, волнѣ прошеній, ходатайствъ, запросовъ и доносовъ течетъ отвѣтная волна властныхъ резолюцій—этотъ идеалъ оказался уже не ко двору. Бюрократическій централизмъ самодержавія, разсчитанный на небольшой объемъ государственныхъ задачъ, на недифференцированность политической жизни, сказалъ свое послѣднее слово. Изъ бюрократическаго централизма выросла дилемма: либо централизмъ, но уже на базисѣ общественнаго самоуправленія съ верху до низу, — отъ волости до Всенароднаго Земскаго Собора; либо бюрократія, но уже на началахъ государственнаго «кустарничества», съ самодержавной властью въ розницу—отъ г. Плеве до урядника.

Заинтересованныя стороны разно откликнулись на эту дилемму. «Децентрализованная помпадурія», сказала бюрократія. «Долой самодержавіе», отозвался народъ.

Судить будетъ революція.

Н. Троцкій.

Правительство на скамьѣ подсудимыхъ.

(1 декабря 1903 года № 54).

Товарищъ Леонъ Гольдманъ, организаторъ русской типографіи «Искры», сказалъ въ своей замѣчательной рѣчи передъ судомъ Одесской палаты: «Когда наступаетъ время, что правительству приходится судить народъ—это значитъ: созрѣлъ моментъ, когда народъ долженъ посадить на скамью подсудимыхъ свое правительство»!

Народъ,—то есть толпа, масса, дѣйствительно, превратилась уже въ постояннаго подсудимаго: не проходитъ недѣли, чтобы судьи не имѣли дѣла съ такъ называемыми «преступленіями толпы»,—преступленіями, въ которыхъ передъ лицомъ «правосудія» фигурируютъ наудачу, наобумъ выхваченные рядовые этой толпы, простыя единицы въ рядѣ имъ подобныхъ. Это не «герои», это даже не «первыя ласточки», возвѣщающія о приближающейся веснѣ; это въ подлинномъ смыслѣ слова люди массы, и каждый десятокъ такихъ людей, брошенныхъ на скамью подсудимыхъ, представляетъ собою на ней тысячныя и десятитысячныя толпы такихъ же «середняковъ», потому только не занявшихъ мѣста на той же скамьѣ, что у «правосудія» не хватило рукъ на всѣ шивороты, не хватило тюремныхъ камеръ для всѣхъ «виновныхъ», потому, наконецъ, что эта «преступная» толпа въ цѣломъ должна ходить на свободѣ хотя бы для того, чтобы своимъ трудомъ кормить то самое общество и государство, во славу котораго судятъ и караютъ ея сыновей.

Когда крестьяне цѣлыми уѣздами устраиваютъ «безпорядки», когда сотни тысячъ рабочихъ бросаютъ работу и заливаютъ улицы городовъ, правительство, выхватывая изъ толпы наудачу десятки и сотни обвиняемыхъ, въ ихъ лицѣ судитъ всю толпу, весь народъ.

Но, прежде чѣмъ этотъ народъ успѣетъ превратить правительство въ подсудимаго, каждый судъ надъ участниками того или иного акта происходящей въ Россіи политической драмы неизбѣжно превращается въ судъ надъ правительствомъ.

Иностранная печать сообщаетъ отчеты о ходѣ процесса кишиневскихъ громилъ—грандіознаго процесса съ сотнями обвиняемыхъ и сви-

дителей, съ десятками адвокатовъ, процесса, грозящаго затянуться на много мѣсяцевъ. Эпилогъ той трагедіи, которую абсолютизму надо было поставить на сцену, чтобы замедлить шествіе революціи, этотъ процессъ не могъ не превратиться въ судъ надъ правительствомъ. Этому не могли помѣшать закрытыя двери, этого нельзя было предотвратить плутнями предварительнаго слѣдствія и нарушеніями закона во время слѣдствія судебнаго [1]).

Напротивъ. Чѣмъ болѣе дѣятели «правосудія» пытались заткнуть всѣ щели, чтобы не дать прорваться истинѣ, тѣмъ скандальнѣе для нихъ эта истина выходитъ наружу въ ходѣ перекрестнаго допроса свидѣтелей. На скамью подсудимыхъ брошены рядовые изъ той толпы, которая подъ руководствомъ правительственныхъ агентовъ громила и убивала въ дни 6 и 7 апрѣля. Дѣйствительные вожаки этой варѳоломеевской ночи отсутствуютъ на этой скамьѣ, но ихъ приходится допустить въ роли свидѣтелей. Палата запрещаетъ, вопреки всѣмъ законамъ, касаться роли въ погромѣ лицъ, не привлеченныхъ къ суду, т. е. истинныхъ вождей погрома, умышленно устраненныхъ отъ обвиненія, но этотъ запретъ не можетъ остановить потока разоблаченій: пришлось бы останавливать каждаго свидѣтеля, показывающаго подъ присягой, и, какъ ни старается Палата, изъ—за спинъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ поденщиковъ и босяковъ передъ присутствующими то и дѣло встаютъ мрачныя тѣни дѣйствительныхъ двигателей невѣжественной толпы: застрѣлившійся нотаріусъ Писаржевскій, милліонеръ Пронинъ, студентъ Малай, членъ управы Синодино, цеховой старшина Степановъ и его патронъ по редакціи «Знамени»—безсмертный Крушеванъ. Одни изъ нихъ составляли прокламаціи, въ которыхъ масса приглашалась убивать евреевъ и ей гарантировалось содѣйствіе войскъ и покровительство полиціи; другіе распространяли по трактирамъ эту «литературу»; третьи шли во главѣ толпы и подбивали ее къ болѣе широкому размаху производимыхъ ею злодѣяній; четвертые словомъ и перомъ агитировали послѣ погрома въ цѣляхъ извращенія истины, обѣленія виновныхъ и перенесенія вины на самихъ пострадавшихъ. Пронинъ, уличенный въ составленіи одной изъ прокламацій, прославляющихъ героевъ погрома, оказывается тѣмъ самымъ «почтеннымъ обывателемъ», который съѣздилъ къ Іоанну Кронштадтскому и «убѣдилъ» его въ винѣ самихъ пострадавшихъ

[1]) Телеграфъ принесъ извѣстіе, что гражданскіе истцы, въ концѣ концовъ, были вынуждены покинуть залъ засѣданія, въ видѣ протеста противъ безчисленныхъ нарушеній закона.

евреевъ во всемъ случившемся. Читатель помнитъ, что подъ вліяніемъ разсказа этого «почтеннаго» убійцы кронштадтскій чудодѣй написалъ въ «Знамени» покаянное письмо, въ которомъ бралъ назадъ высказанное имъ сначала сочувствіе пострадавшимъ и объявилъ ихъ истинными палачами, а громилъ—дѣйствительными жертвами. Какими земными благами кудесникъ Кронштадтскій былъ соблазненъ къ освященію именемъ Христа гнусныхъ насилій—неизвѣстно; можно только сказать, что онъ достаточнымъ образомъ увѣнчалъ «работу» православнаго духовенства въ Кишиневскомъ погромѣ: представители церкви, какъ выяснено судомъ, были въ числѣ подстрекателей къ насиліямъ. Но лучше всего выяснена судомъ роль полиціи. Одинъ за другимъ проходятъ передъ судьями полицейскіе чиновники, бывшіе либо организаторами погрома, либо подстрекателями толпы на мѣстѣ буйства, либо попустителями самыхъ звѣрскихъ преступленій. Всѣ они начинаютъ съ обвиненія евреевъ въ томъ, что тѣ первые нападали на христіанъ, задѣвали ихъ и тѣмъ вызвали кровавый день 7 апрѣля. А затѣмъ, либо очная ставка съ свидѣтелями пострадавшими, либо обличеніе со стороны одного изъ подсудимыхъ—выясняютъ истинную роль всѣхъ этихъ полицейскихъ героевъ, этихъ «защитниковъ порядка»,—гнусную роль хладнокровныхъ подстрекателей разгоряченной толпы. Помощникъ пристава Задорожный, приставъ Соловкинъ, помощникъ полиціймейстера Довгаль, полицеймейстеръ Хаименковъ, вице-губернаторъ Уструговъ, начальникъ охраннаго отдѣленія жандармскій полковникъ баронъ Левендаль—всѣ они, не говоря о мелкой сошкѣ, городовыхъ и околодочныхъ—уличены въ умышленномъ бездѣйствіи при видѣ убійствъ, происходившихъ на ихъ глазахъ, а нѣкоторые, сверхъ того, въ активномъ подстрекательствѣ тѣхъ, кто стоялъ «безъ дѣла», не участвуя въ грабежѣ. Начальникъ 10.000 гарнизона генералъ Бекманъ смущенно молчитъ, когда его спрашиваютъ, почему онъ не употребилъ войска на защиту убиваемыхъ, а рядомъ съ этимъ и частныя лица, и даже чины полиціи свидѣтельствуютъ, что солдаты расхищали имущество изъ разгромленныхъ квартиръ..... А затѣмъ идутъ дѣятели «правосудія». Одни—судебный слѣдователь Радзевичъ—находились въ качествѣ сочувственныхъ зрителей въ толпѣ, окружавшей погромщиковъ; другіе—много ихъ было!—вели слѣдствіе и—во славу г. Плеве—систематически подавляли истину, не записывали показаній, компрометирующихъ «интеллигентныхъ» участниковъ бойни, застращивали свидѣтелей—слѣдователь Фрейнатъ и допрашивалъ-то нѣкоторыхъ съ нагайкой въ рукѣ!

Все, что говорила о кишиневскомъ погромѣ оппозиціонная, рево-

ціонная и иностранная печать,—все подтвердилось. Все, что въ опроверженіе ей писали реакціонныя газеты и правительство въ своихъ сообщеніяхъ,—все оказалось лживымъ. Отрицали истязанія надъ убиваемыми, надругательства надъ трупами: всѣ факты, сообщенные выше въ печати, подтверждаются на судебномъ слѣдствіи. Всѣ басни о вызывающемъ поведеніи евреевъ опровергнуты, отчасти показаніями самихъ полицейскихъ. И въ довершеніе всего, правительственный разсказъ о фактической сторонѣ дѣла—о началѣ погрома, оказался злостно-вымышленнымъ въ томъ именно пунктѣ, который тотчасъ-же въ свое время оспорили кишиневскіе соціалдемократы (см. брошюру «Кишиневская бойня»): именно, разсказъ о томъ, что еврей-хозяинъ карусели ударилъ христіанскую женщину и это, якобы, послужило поводомъ къ погрому. Удостовѣрено, въ частности показаніями самихъ полицейскихъ, какъ и утверждали соціалдемократы, что карусели, по распоряженію полиціи, были закрыты и затянуты полотномъ. Характерный примѣръ «достовѣрности правительственныхъ сообщеній!»

Темные, безсознательные выполнители замысловъ полицейскаго правительства сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, а истинные виновники, хотя и изобличенные судомъ, разумѣется, останутся на свободѣ. Но фактически они, а въ ихъ лицѣ весь режимъ, являются подсудимыми въ этомъ грандіозномъ процессѣ. Кишиневскій процессъ сорвалъ еще одинъ фиговый листокъ съ правительства, и оно стоитъ передъ страной, которая узнаетъ подробности, выясненныя слѣдствіемъ, во всемъ отвратительномъ ужасѣ своей истинной природы: природы бандита, запятнаннаго самыми гнусными преступленіями.

Но что всего знаменательнѣе въ томъ, что разоблачено въ кишиневскомъ процессѣ, это, на нашъ взглядъ, политическая подкладка бойни 6—7 апрѣля. Какъ ни старались задушить истину, она и въ этомъ пунктѣ прорвалась наружу. Населеніе подстрекали къ погрому, между прочимъ, и наигрывая на «вѣрноподданныхъ» чувствахъ противъ революціонеровъ, которые, конечно, оказывались «жидами». Объ этомъ прямо заявилъ на судѣ упомянутый уже милліонеръ антисемитъ Пронинъ, когда далъ такое объясненіе погрому: народъ де узналъ, что передъ Пасхой въ Кишиневѣ собрались евреи изъ разныхъ странъ и на собраніи въ синагогѣ постановили устроить бунтъ противъ правительства; натурально, народъ и пошелъ на евреевъ. Какъ ни геніально-остроумно въ устахъ почтеннаго буржуа это объясненіе погрома, оно, несомнѣнно, задѣваетъ одну изъ существенныхъ сторонъ организованной полиціей травли, подготовившей погромъ. Недаромъ выяснено (въ «Освобожденія»), что режиссеромъ этой бойни былъ жандармскій баронъ

Левендаль, поставившій для этой цѣли охранное отдѣленіе въ мирномъ въ политическомъ смыслѣ Кишиневѣ! Недаромъ гражданскіе истцы могли представить суду картину, ходившую по рукамъ передъ погромомъ и изображавшую сцену убійства христіанки евреями для употребленія крови,—картину съ надписью: «расправляйтесь подобнымъ же образомъ съ жидовскими соціалъ-демократами!» Какъ рельефно въ этой картинѣ съ ея надписью вырисовывается обликъ того режима, который одновременно разнуздываетъ не вымершія еще мрачныя силы отжившей старины и бросаетъ въ населеніе сѣмена современной «европейской» травли соціализма! И какъ ясно встаетъ передъ нами движущая сила всей этой аранжированной жандармами и по жандармски подлой бойни—политическая борьба умирающаго режима съ его главнымъ, смертельнымъ, непобѣдимымъ врагомъ—классовымъ движеніемъ русскихъ, еврейскихъ и иныхъ пролетаріевъ.

Ради продленія жизни насквозь прогнившаго режима, жрецы его заклали десятки мирныхъ бѣдняковъ въ дни 6—7 апрѣля этого года. Ради охраненія его «добраго имени» министерство россійскаго правосудія превратило убійство одной женщины агентами власти, убійство, извлеченное на свѣтъ божій «бунтомъ» тихорѣцкихъ рабочихъ, въ крупное политическое дѣло, въ тяжбу между бюрократіей и всѣми честными людьми въ Россіи. Ради спасенія одного судебнаго слѣдователя правительство разлило по дѣлу Золотовой столько грязной лжи, что оказалось въ концѣ-концовъ вынужденнымъ обѣщать публикѣ полное и всестороннее раскрытіе истины. Пресловутое слѣдствіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бурцева, казалось, успокоило умы, и даже либеральныя газеты признали, что Золотова умерла «по неизвѣстной причинѣ», безъ прямого или косвеннаго содѣйствія мѣстныхъ самодержцевъ. Но «внутренняя политика» властно требовала, чтобы, по успокоеніи умовъ, были наказаны пролетаріи, «бунтовавшіе» противъ несомнѣннаго для нихъ факта убійства арестантки. Эта аппеляція оскорбленнаго полицейскаго величества къ «правосудію» опять бросила правительство на скамью подсудимыхъ. Запрещеніе касаться обстоятельствъ смерти Золотовой—это по дѣлу о безпорядкахъ, вызванныхъ этой смертью!—вызвавъ протестъ и демонстрацію защитниковъ, свело на нѣтъ всю юридическую ловкость дѣйств. статскаго совѣтника Бурцева, всю политиканскую мудрость помогавшихъ правительству въ «успокоеніи умовъ» либеральныхъ органовъ. Публика узнала снова, что хотя, по увѣренію правительства, съ дѣломъ Золотовой все обстояло благополучно, но въ этомъ дѣлѣ все же есть нѣчто, что нужно правительству скрывать!

Отъ дождя да въ воду! Вотъ девизъ политики Плеве! Спасаясь отъ пролетарской революціи, вызвать средневѣковой походъ на евреевъ и поднять всемірную бурю негодованія; чтобы утишить эту бурю, бросить на скамью подсудимыхъ темныя жертвы безсовѣстнаго подстрекательства и—оказаться рядомъ съ ними на этой скамьѣ въ качествѣ уличеннаго коновода и организатора; ради спасенія одного чиновника, а въ его лицѣ принципа бюрократическаго самовластія, попытаться затушить уголовное дѣло—и вызвать такую огласку этого дѣла, которая лучше всякой агитаціи подрываетъ этотъ принципъ; чтобы справиться съ этой агитаціей, блеснуть передъ обывателемъ золотымъ шитьемъ мундировъ всего вѣдомства юстиціи,—и кончить тѣмъ, чтобы на процессѣ противъ семи рабочихъ обнаружить, какая грязь за этими мундирами скрывается, а тѣмъ самымъ паки и паки скомпрометировать свои принципы... Вотъ она, современная внутренняя политика того выродившагося строя, который формально еще судитъ «свой» народъ, но фактически не выходитъ изъ роли самаго главнаго, самаго преступнаго и всегда уличаемаго подсудимаго!

Л. Мартовъ.

Замѣтки журналиста.

(1 декабря 1903 года. № 54.)

Въ эти ненастные ноябрьскіе дни, когда самодержавно-бюрократическая машина, работая полнымъ ходомъ, производитъ подсчетъ ею только что скошенной жатвѣ, послѣ недавнихъ событій на югѣ, когда тюрьмы полны и пусты страницы печати, свободная же рѣчь находитъ себѣ укромный пріютъ лишь на скамьѣ подсудимыхъ, передъ лицомъ россійской Ѳемиды,—издателю «Новаго Времени», г. Суворину, пришла въ голову мысль—говорить о веснѣ... «веснѣ русской жизни».

«Я старикъ,—писалъ онъ,—я много видѣлъ, ибо живу уже въ четвертое царствованіе. У меня длинный опытъ, и этотъ опытъ говоритъ мнѣ ежедневно, что наступаетъ весна русской жизни»...

Старая сирена запѣла о свѣтѣ и теплѣ, о «творчествѣ сверху», о «правительственномъ починѣ въ приглашеніи земскихъ людей», о Стаховичѣ и Шиповѣ—«представителяхъ цѣлаго сословія». И хотя сирена значительно подалась противъ прежняго въ голосѣ, но она все еще разсчитывала на привычный эффектъ своей ласковой рѣчи, на обычный гипнозъ податливой читательской массы. Она хотѣла сказать ложь и, противъ воли, выговорила правду.

Весна идетъ, и именно потому, что она идетъ, настоящая, подлинная, она такъ сильно дѣйствуетъ на аппаратъ самодержавной бюрократіи, заставляя его—въ интересахъ самообороны—напрягать свои послѣднія средства, истощать бюрократическую фантазію. Въ старомъ арсеналѣ не хватаетъ подходящаго оружія, чтобы парировать удары развивающейся жизни; каждый приходящій день несетъ свои задачи и заботы, а съ ними вмѣстѣ и новые варіанты въ систему правительственной политики. Г-нъ Суворинъ разсказалъ намъ занятную «сказку» про одинъ изъ возможныхъ «варіантовъ», и вотъ, изъ-за этой маленькой «сказки», выступаетъ огромная «весенняя быль» разгорающейся гражданской войны

Зубодробительный кулакъ и кошачья ухватка; упразднительный проектъ и ловко, подъ рукою, пущенный слухъ о земскихъ «свѣдущихъ» людяхъ; полицейскій «соціализмъ» и полицейскій застѣнокъ; жандармы, въ родѣ бар. Левендаля, организующіе погромъ съ благословенія Плеве, и юноши, отправляющіеся на каторгу—за расклейка прокламацій... Сегодняшніе господа положенія чинятъ судъ и расправу, какъ это было въ Таганрогѣ «по законамъ военнаго времени». Имъ дозволено все: и разбой среди дня, и гнусная ложь во спасеніе.

Самодержавная бюрократія ищетъ путей—въ раздражающей обстановкѣ гражданской войны ей не до консерватизма пріемовъ.

Но есть сфера, въ которой власть—еще до недавняго времени—ощущала относительное спокойствіе. Это—сфера огражденной цензурою «легальной» русской печати. Старыя средства казались такими испытанными: фальсификація мнѣнія и, неопредѣленно растяжимый, но рѣзко отграниченный кругъ того, что вѣдать надлежитъ, и того, что есть отъ лукаваго; другими словами—официозно рептильная пресса и система цензурныхъ запретовъ. Этотъ двойной винтъ такъ увѣренно и что дальше, то глубже, врѣзался въ живое тѣло русской печати!

Однако, одно изъ этихъ средствъ весьма скоро исчерпало себя: запретительному творчеству самодержавной бюрократіи былъ положенъ быстрый предѣлъ—опустошеніемъ литературы. Нечего разорять тамъ, гдѣ уже все разорено и остались одни инвалиды. La où il n'y a rien

le roi perd ses droits—говоритъ французская пословица,—гдѣ ничего нѣтъ, тамъ и король теряетъ свое право.

Оглянитесь на послѣднія 5—6 лѣтъ—какая длинная вереница журнальныхъ и газетныхъ могилъ на кладбищѣ русской печати! Отъ полузаконныхъ и незаконныхъ дѣтищъ революціоннаго марксизма и до легковѣсныхъ и легкомысленныхъ созданій кн. Барятинскаго и г-на Амфитеатрова! Все это жертвы, принесенные богу «стараго» порядка, закланныя даже безъ соблюденія тѣхъ обычныхъ обрядовыхъ формъ, которыя и на убійство накладываютъ штемпель «законности». Ну, а для того, чтобы управиться съ тѣми, кто остался въ живыхъ, достаточно было—время отъ времени—простой плетки циркулярныхъ велѣній—не касаться извѣстныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ общественное возбужденіе росло, а русская печать увядала, цензурные запреты становились все болѣе мелочными, все менѣе попадающими въ цѣль, и на первый планъ выдвигалась потребность власти—не отрицательно только, но и положительно воздѣйствовать, создавать себѣ общественное мнѣніе. Старое средство фальсификаціи пріобрѣтало новое значеніе, обновляло свои формы. Наступала эра развращенія печати par excellence: за неимѣніемъ Катковыхъ, усиленно разводились Булгарины! Откровенный консерватизмъ, безпардонная реакція были слишкомъ скомпрометтированы въ глазахъ массоваго читателя, того читателя, на уловленіе котораго и направлялись нарочитыя усилія. Мещерскій, Грингмутъ, Цертелевъ, Бодиско и прочіе, подобные имъ, годились для бесѣдъ со «своими» людьми, въ интимномъ салонѣ «избраннаго» общества, а не для широкихъ задачъ абсолютистской агитаціи. Не даромъ «Гражданинъ» Мещерскаго хронически нуждался въ субсидіи, не даромъ столь плачевной оказалась судьба экс-катковскаго «Русскаго Вѣстника», и, наоборотъ, преуспѣли «Петерб. Вѣдомости», лишь только кн. Эсперу Ухтомскому удачно вздумалось вспрыснуть застывшій консерватизмъ легкой струей свободомыслія. И еще болѣе знаменательный симптомъ: изъ рукъ «патріотовъ» ускользала газетная дешевка,—когда-то популярный комаровскій «Свѣтъ» медленно угасалъ, вытѣсняемый съ небосклона газетнаго мірка счастливой звѣздой свободнаго отъ какой бы то ни было односторонней опредѣленности, хорошо учитывающаго вѣянія времени г-на Проппера—«Биржевыя Вѣдомости» пріобрѣтали безпримѣрное распространеніе.

Что же было дѣлать русскому абсолютизму? Отъ системы огражденія печати, какъ можно скорѣе переходить къ ея регулированію.

Консерватизмъ въ болѣе или менѣе безпримѣсномъ видѣ предоста-

влялся въ пользованіе «быдла» — народа; казалось, полуграмотный плебсъ еще можно кормить той залежалой пищей, которая была уже «негожа» для «чистой публики». Рядъ неудавшихся опытовъ (начиная съ половины 90-хъ годовъ) завершился, наконецъ, послѣдней весной, грандіозной попыткой повсемѣстнаго принудительнаго распространенія «Дружескихъ Рѣчей» князя Мещерскаго.

Консерватизмъ выдохшійся, безсильный самъ по себѣ, нуждался въ опорѣ извнѣ, въ какой нибудь острой приправѣ и онъ ее нашелъ... — между прочимъ — въ воинствующемъ національизмѣ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Величко былъ посланъ въ Тифлисъ, чтобы помощью газетки «Кавказъ» сшибать грузинъ съ армянами: подобно ему въ настоящее время и г. Крушеванъ выполняетъ деликатное—и хорошо оплаченное—порученіе г. Плеве: поднимать упавшія акціи режима за счетъ избиваемыхъ евреевъ.

Но какъ ни любезенъ сердцу современнаго диктатора Россіи шалый редакторъ «Бессарабца» и «Знамени», центральный нервъ воспитательной дѣятельности русскаго правительства въ отношеніи къ печати все-таки не здѣсь, не на этихъ задворкахъ, у профессіоналовъ національной травли.

Правительству нобходимео вплотную подойти къ массовому читателю, а для того, чтобы это сдѣлать, надо овладѣть его—читателя—прессой, надо исподволь и незамѣтно подчинить ее правительственнымъ видамъ. Если эта пресса иногда позволяетъ себѣ вольность, либеральные аллюры, не бѣда: тѣмъ удобнѣе въ ней проводить контрабандой надлежащіе взгляды. Недаромъ съ давнихъ поръ повелось, что, когда русскому правительству желательно бросить въ публику то или другое «мнѣніе», оно прибѣгаетъ къ услугамъ не завѣдомыхъ «реакіонеровъ», а тѣхъ пестрыхъ людей на всѣ руки, которые засѣдаютъ въ шустрой суворинской газетѣ.

Органъ г. Суворина, безъ сомнѣнія, за долгій свой вѣкъ, изощрился въ нахожденіи того, что можно бы назвать равнодѣйствующей общественнаго настроенія. Онъ всегда былъ увѣренъ въ своемъ читателѣ, онъ зналъ, на какихъ струнахъ играть, чтобы произвести соотвѣтственное впечатлѣніе. Потому-то онъ и былъ всегда неоцѣнимъ для власти —въ роли ея сокровеннаго рупора, потому эта власть и почтила его юбилей (два года назадъ) совершенно исключительнымъ вниманіемъ. Но работъ этой заслуженной рептиліи оказалось недостаточно къ моменту начинавшагося общественнаго подъема: задачи усложнились, старая рептилія повыдохлась. Необходима была новая метода. Съ легкой руки г. Соловьева—еще 6—7 лѣтъ тому назадъ—стали система-

тически предприниматься попытки введенія своихъ людей въ редакціонныя коллегіи. Устранить одного, посадить другого—стало почти заурядным явленіемъ въ практикѣ административнаго воздѣйствія. Эту практику на своихъ бокахъ испыталъ «Недѣльный» г. Гайдебуровъ, передъ ней свое время спасовалъ уже извѣстный намъ Проппер: издатель «Бирж. Вѣдомостей» принужденъ былъ разстаться со своей первой скрипкой, г. Далинымъ и принять—«по рекомендаціи»— г. Іеронима Ясинскаго. И такимъ же героемъ съ печатью... рекомендаціи на челѣ является и вновь испеченный редакторъ «Петерб. Вѣд.», г. А. Столыпинъ: онъ былъ той дорогой цѣной, которой «Пет. Вѣдом.» кн. Ухтомскаго оплатили возможность своего дальнѣйшаго существованія...

Правительственная власть работаетъ вовсю: она подкупаетъ по сходной цѣнѣ неудобныхъ для нея публицистовъ (такъ былъ, напримѣръ, обезвреженъ въ прошломъ году г. Шараповъ); она отряжаетъ въ редакціи своихъ ставленниковъ, она даже создаетъ радикальные органы съ спеціальною цѣлью—лучше прослѣдить (провокаторъ Гуровичъ) литературные нити и корни. Въ узкихъ рамкахъ подцензурнаго слова трудно, казалось бы, найти предѣлъ ея фальсифицирующему творчеству. Однако, и этотъ предѣлъ нашелся, и это творчество перестало достигать результатовъ—подъ дыханіемъ революціонной весны. Чѣмъ удачнѣе протекала работа правительства по прирученію печати, чѣмъ больше печать обезцвѣчивалась, тѣмъ быстрѣе возросталъ контрастъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что требуется. Революціонная жизнь, «нелегальная» борьба стучалась во всѣ двери. Каждый день поднималъ новый рой самыхъ жгучихъ практическихъ вопросовъ. Вся читающая Россія говорила о томъ, о чемъ молчала наша бѣдная раба цензуры. И тѣмъ стремительнѣе перемѣщалось вниманіе читателя въ ту запретную область, гдѣ толкуютъ обо всемъ, гдѣ даются отвѣты, гдѣ живетъ свободная мысль. И когда мы видимъ теперь, что любой Васильсурскъ имѣетъ свою самодѣльную литературу и свои подпольные споры, то мы можемъ съ увѣренностью сказать: фальсификація умерла, оболганное слово нашло, наконецъ, свою Немезиду.

И съ тѣмъ вмѣстѣ, совершали свое вступленіе въ подцензурную печать «нелегальная» жизнь и «нелегальная» литература. «Нелегальщина», гонимая въ дверь, влетала въ окно: она осѣдала въ печати— сначала (въ 90-хъ годахъ) во образѣ рѣдкой гостьи, а затѣмъ все чаще и чаще — въ видѣ правительственныхъ сообщеній, замѣтокъ о процессахъ, полицейскихъ распоряженій, начальственнаго краснорѣчія. Она входила въ обиходъ печати и, наконецъ, заполнила собою ея об-

щественную хронику: такъ, наиболѣе пикантныя обозрѣнія ежемѣсячныхъ журналовъ составляются почти сплошь изъ оффиціальныхъ перепечатокъ. Мало того, нелегальщина становилась стороною, у которой есть свои литературные выразители: и съ этими выразителями уже необходимо бороться, на нихъ нужно клеветать, ихъ надо во что бы то ни стало дискредитировать. Подъ вліяніемъ «весны» правительственная политика получала новый толчекъ въ своемъ развитіи: власть начинала полемизировать.

Выбравъ подходящій объектъ, «умѣреннаго» г. Струве, она заслала своихъ клевретовъ на газетное поле брани и, закулисный режиссеръ, руководила перомъ той доблестной тройки изъ гг. Буренина, Мещерскаго и Аркадія Столыпина, которая вдругъ, на-дняхъ къ удивленію огорошенной публики, обрушилась съ гикомъ и свистомъ на либеральнаго редактора «Освобожденія». И громъ, и молнія, и потоки льющейся грязи!

Что это?—Это все, читатель та «весна русской жизни», о которой говорилъ намъ старый лжецъ Суворинъ.

Старовѣръ.

Письма обо всемъ.

(15 декабря 1903 г. № 55).

Школа революціи. «Общая консервативная идея». Мѣстный отрядъ «партіи порядка» за работой.

Школа революціи—большая и умная школа, ибо это прежде всего школа политическаго р е а л и з м а.

«Быстрое и страстное развитіе классового антагонизма, говоритъ Марксъ, дѣлаетъ въ старыхъ и сложныхъ общественныхъ организмахъ революцію могущественнымъ факторомъ общественнаго политическаго прогресса... Во время этихъ бурныхъ потрясеній націи проходятъ въ пять лѣтъ больше, чѣмъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ теченіе вѣка». («Революція и контръ-революція въ Германіи»).

Изъ-подъ привычныхъ условностей гражданскаго обихода, изъ-подъ религіозно-церковной мистики, изъ подъ хитротканной паутины юридической обрядности, условной казенной лжи, условнаго газетнаго народолюбія выступаютъ наружу подлинныя пружины общественной жизни.

Политическія идеи конкретизируются, политическія требованія оформляются...

Чѣмъ объяснить непропорціонально-большое вліяніе революціоннаго меньшинства?—такой вопросъ ставитъ передъ собою органъ князя Мещерскаго и приходитъ къ слѣдующему поразительному по своей отчетливости отвѣту. Первая причина—«въ организаціи меньшинства». Вторая—въ томъ, что «каждый отдѣльный актъ его революціонной пропаганды является неразрывной частью обширнаго революціоннаго движенія, цѣльной революціонной программы, направленной противъ всѣхъ формъ государственнаго строя и одновременно приводимой въ исполненіе въ отношеніи ко всѣмъ сферамъ общественной жизни».

Силою роста и сплоченія революціонной арміи сама партія реакціи вынуждается къ политическому самоопредѣленію. И «Гражданинъ» отъ дворянско-полицейскаго посвиста толкается къ доброму или худому, но несомнѣнно политическому выводу: «Лишь тогда—такъ гласитъ этотъ выводъ—попытки консервативно-мыслящихъ противодѣйствовать росту соціализма и революціонныхъ идей явятся авторитетными, когда будутъ вытекать изъ общей консервативной идеи, также обнимающей всѣ формы государственнаго строя и всѣ сферы общественной жизни и цѣльной программы дѣйствій противъ основной идеи революціи, во всемъ объемѣ ея тлетворнаго дѣйствія».

Изъ номера въ номеръ переносится энергическій призывъ «Пора приступить къ организаціи новой всесословной партіи порядка для защиты страны отъ всесословныхъ мародеровъ». (№ 69). «Группируйте и объединяйте и въ центрѣ, и въ каждой губерніи всѣхъ убѣжденныхъ приверженцевъ порядка, ищите ихъ и создайте изъ нихъ главный штабъ и мѣстные отряды людей порядка» (№ 77).

Въ чемъ же состоитъ «общая консервативная идея», и какова вытекающая изъ нея «цѣльная программа дѣйствій»?

Девятаго ноября въ засѣданіи тверского уѣзднаго земскаго собранія гласный Столпаковъ (тайный совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Столпаковъ, членъ совѣта министерства путей сообщенія, «истинно-русскій человѣкъ, со строго-монархическимъ и православнымъ міросозерцаніемъ», какъ рекомендуютъ его «Моск. Вѣдом.»; «очень ярый револю-

ціонеръ» въ 60-хъ г.г., а впослѣдствіи—приспѣшникъ казнокрада Кривошеина», какъ рекомендуетъ его «Освобожденіе») внесъ предложеніе о преобразованіи школъ въ уѣздѣ въ церковно-приходскія и о передачѣ земствомъ дѣла образованія въ вѣдѣніе духовенства. Предложеніе это «энергично» поддержалъ предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель дворянства Трубниковъ. Собраніе большинствомъ 17 противъ 7 приняло предложеніе «тайнаго» кривошеинца съ «православнымъ міросозерцаніемъ». Этимъ не ограничились. Постановлено учредить три врачебныхъ пункта, поручивъ ихъ ротнымъ фельдшерамъ, а не врачамъ, какъ было до сихъ поръ. Заодно ужъ была упразднена и должность земскаго агронома.

«Такъ отнеслись къ русскому народу—поясняетъ «Гражданинъ»—хорошіе русскіе люди во главѣ съ г. Столпаковымъ»,—и они были поддержаны «всѣми до единаго гласными отъ народа», которые поняли, безъ чего русскій народъ «превратится въ звѣря и антихриста, что одно и тоже» (№ 93).

Этотъ союзъ «хорошихъ русскихъ людей» съ «гласными отъ народа»—дикихъ помѣщиковъ съ кулаками—старшинами, ставленниками тѣхъ же дикихъ помѣщиковъ въ роли земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, этотъ союзъ и долженъ формировать «мѣстные отряды людей порядка, которые будутъ руководиться «общей консервативной идеей»—борьбы противъ «основной идеи революціи».

Но такъ какъ всякое самое скромное учрежденіе, служащее культурнымъ запросамъ населенія, неминуемо начинаетъ группировать вокругъ себя опозиціонные элементы, то партія порядка должна придать своей работѣ характеръ систематическаго похода противъ такихъ элементарно-необходимыхъ культурныхъ учрежденій, какъ статистика, школа, медицина... И чѣмъ революціоннѣе темпъ жизни, чѣмъ шире идеи революціи захватываютъ культурныхъ работниковъ деревни, всѣхъ этихъ учителей, врачей, агрономовъ, тѣмъ въ большей степени борьба «отрядовъ порядка» противъ «всесословныхъ мародеровъ» не только по существу, но и по формѣ превращается въ борьбу лѣсного варварства противъ культуры «во всемъ объемѣ ея тлетворнаго дѣйствія»; тѣмъ содержательнѣе, тѣмъ неотразимѣе становится политическая педагогика этой борьбы. Слѣдить за всѣми ея проявленіями, вскрывать ея революціонную мораль—такова одна изъ обязанностей соціалдемократіи.

Выступая въ этой борьбѣ, какъ носительница культурнаго развитія страны, соціалдемократія должна однако, между прочимъ, и въ

интересахъ этого же самаго культурнаго развитія, оставаться собою, оставаться партіей революціоннаго класса. Ибо только какъ партія историческихъ интересовъ пролетаріата, она способна развить всю ту сумму революціонной энергіи, которая необходима для свершенія великаго національнаго предпріятія, второй участникъ котораго, либеральная буржуазія, обнаруживаетъ такъ мало активности, пока вопросъ идетъ о политическомъ производствѣ, а не о политическомъ присвоеніи.

Н. Троцкій.

Новая роспись и новый курсъ

(15 января 1904 г. № 57).

Какъ извѣстно, на святкахъ полагается заполнять столбцы газетъ фантастическими разсказами и волшебными сказками. Такъ ужъ заведено изстари, и изъ года въ годъ читатели съ сердечнымъ трепетомъ читаютъ все ту же повѣсть о страданіяхъ угнетенной добродѣтели, прекращаемыхъ въ концѣ концовъ волшебной палочкой прекрасной феи. Фея должна явиться, потому что дѣло происходитъ на святкахъ, когда добродѣтели торжествовать полагается, когда неприлично огорчать читателя, когда, наконецъ, «по закону», всѣмъ и каждому должно быть весело...

Въ ряду такихъ рождественскихъ сказокъ не послѣднее мѣсто занимаетъ и произведеніе, неизмѣнно появляющееся на страницахъ газетъ перваго января каждаго года подъ скромнымъ заглавіемъ: «Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на такой-то годъ». Содержаніе этой сказки несложное: изъ года въ годъ прекрасная царевна, носящая прозаическое имя «русскіе финансы», страдаетъ отъ притѣсненій злыхъ разбойниковъ; она страдаетъ отъ роста расходовъ на «обезпеченіе государственнаго порядка и спокойствія», на «оборону страны», на «государственное

управленіе», на «пути сообщенія»; ее мучитъ необходимость считаться съ «ходатайствами с болѣе широкомъ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ потребностей», вызванныхъ несчастной «привычкой къ благопріятному положенію хозяйства»; да мало ли что еще терзаетъ бѣдную, прекрасную царевну! И вотъ она гибнетъ на глазахъ растроганнаго читателя; кажется, еще минута, и отъ прелестной дѣвы не останется ничего, кромѣ огромнаго дефицита... Но тутъ является на выручку прекрасной царевны не менѣе прекрасная фея, «свободная наличность», и картина сразу мѣняется: вмѣсто унынія и печали—радостное торжество, вмѣсто дефицита—«избытки»; царевна сохраняетъ невинность и пріобрѣтаетъ капиталъ, все кончается къ общему благополучію, и талантливый авторъ раскланивается съ почтеннѣйшею публикою до слѣдующаго года. Такова несложная фабула сказки, придуманной г. Витте и теперь съ неменьшею «талантливостью» разсказанной русской публикѣ его преемникомъ.

Разумѣется, для тѣхъ, кто слышитъ эту сказку уже не въ первый разъ, фабула эта давно потеряла свою притягательную силу. Немного найдется на свѣтѣ простаковъ, которые продолжали бы восхищаться чудесными подвигами «свободной наличности», потому что происхожденіе этой феи давно уже извѣстно всѣмъ и каждому. Непрерывныя увѣренія о «вполнѣ удовлетворительномъ» состояніи финансовъ и ежегодной реализаціи «избытковъ» съ одной стороны, и столь же непрерывные лихорадочные поиски за займами на всѣхъ иностранныхъ и русскихъ биржахъ, повышеніе старыхъ и введеніе новыхъ налоговъ достаточно недвусмысленно указываютъ на источникъ той «свободной наличности», которая позволяетъ русскому министру финансовъ прикрывать прорѣхи государственнаго хозяйства золотыми заплатами.

«Послѣ насъ хоть потопъ»—вотъ въ концѣ концовъ историческій смыслъ этого хозяйства, обременяющаго страну колоссальными долгами и выжимающаго послѣднія крохи изъ мошны трудового народа. Долги съ одной стороны, непрерывно растущіе косвенные налоги—и въ центрѣ ихъ доходъ съ водки—съ другой—вотъ довольно несложная система выкачиванія денегъ, на которой держится хозяйство самодержавнаго правительства. Введеніе новыхъ налоговъ на керосинъ, спички, сахаръ, пробирной пошлины и пошлинъ на паровые котлы и локомобили; повышеніе налоговъ на водку, вино, пиво, табакъ, повышеніе гербоваго сбора, повышеніе ввозныхъ пошлинъ почти на всѣ предметы, въ томъ числѣ на чай и хлопокъ; наконецъ, «винная монополія», т. е. устройство собственной монопольной торговли водкой оптомъ и въ розницу, по ростовщическимъ цѣнамъ—вотъ плоды хозяйничанья самодержав-

ныхъ откупщиковъ за послѣднія 15 лѣтъ. Нечего и говорить, что всѣ эти налоги главною тяжестью своею ложатся на рабочій классъ и крестьянство.

Разумѣется, и роспись текущаго года ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличается отъ своихъ предшественницъ. Попрежнему почти все бремя расходовъ на поддержаніе самодержавнаго правительства, дворянскаго землевладѣнія, разжирѣвшаго духовенства, «отечественной промышленности» и проч., и проч. будетъ лежать на плечахъ трудящихся классовъ; попрежнему, несомнѣнное истощеніе страны непосильными поборами, несомнѣнное разореніе и ростъ задолженности, прикрываются кассовыми фокусами, въ которыхъ главную роль играетъ все та же «свободная наличность», на этотъ разъ въ суммѣ почти 200 милліоновъ рублей. Поэтому останавливаться на разборѣ цифръ, приводимыхъ въ новой росписи, рѣшительно не стоитъ труда. Не стоитъ потому, что это завѣдомо фальшивые счета вороватаго приказчика, единственная цѣль которыхъ такъ или иначе подвести «баланецъ» въ разсчетѣ на то, что одинъ видъ этого «баланца» долженъ подѣйствовать успокоительно на довѣрчиваго хозяина.

Нѣсколько изумительна только та чрезмѣрная наглость, съ которою фокусники, поощряемые молчаніемъ народа, производятъ на этотъ разъ свою операцію пусканія пыли въ глаза. Въ то время, какъ весь свѣтъ съ напряженіемъ слѣдитъ за ходомъ столкновенія Россіи съ Японіей, когда каждый день можетъ вспыхнуть война, и когда завѣдомо для всѣхъ уже производятся огромныя экстренныя траты на закупку провіанта, снаряженіе и вооруженіе войскъ, военныхъ судовъ и крѣпостей; когда каждый день уноситъ все новые и новые милліоны народныхъ денегъ во славу нашего молоха; въ это самое время фокусники министерства финансовъ осмѣливаются публиковать «роспись», въ которой умудряются ни единымъ словомъ не упомянуть объ этихъ колоссальныхъ расходахъ и даже показывать якобы уменьшеніе расходовъ по... морскому министерству! Ужъ одинъ этотъ фактъ показываетъ, какую цѣну имѣютъ увѣренія о «сведеніи росписи съ соблюденіемъ должнаго равновѣсія между доходами и расходами».

И надо сказать: это фальшивое счетоводство, это издѣвательство надъ платящимъ налоги населеніемъ, это обремененіе страны все новыми и новыми долгами, это пренебреженіе всѣми насущными интересами и всѣмъ экономическимъ будущимъ Россіи во имя поддержанія хищническаго хозяйства будутъ возможны до тѣхъ поръ, пока самодержавное правительство еще пользуется нѣкоторымъ кредитомъ, пока оно находитъ еще возможность заключать займы на иностранныхъ рын-

кахъ. А кредитъ этотъ изсякнетъ, возможность уничтожится только тогда, когда народъ открыто и прямо заявитъ, что не будетъ признавать долговъ, заключаемыхъ правительствомъ безъ согласія народа. При всемогуществѣ банкировъ для капиталистическаго общества, быть можетъ, окажется невозможнымъ, не рискуя вызвать всемірной войны, отказаться платить долги, уже сдѣланные русскимъ правительствомъ, но можно и должно добиться такого положенія дѣлъ, когда заключеніе новыхъ займовъ станетъ невозможнымъ для правительства. Тотъ день, когда это случится, будетъ днемъ крушенія абсолютизма который держится только поддержкой международныхъ банкировъ.

И о такой некредитоспособности режима должна прежде всего заявить соціалдемократія, партія рабочаго класса, на который падетъ главная тяжесть ликвидаціи организованнаго хищничества и разбоя. Но для того, чтобы такое заявленіе ея имѣло дѣйствительный вѣсъ и значеніе, а не оставалось реторической фразой, соціалдемократія должна прежде всего завоевать себѣ такое вліятельное положеніе во всей политической жизни страны, стать такимъ вліятельнымъ факторомъ въ группировкѣ общественныхъ силъ, чтобы къ словамъ ея вынуждены были прислушиваться, чтобы ихъ вынуждены были принимать во вниманіе. Биржа — это такой чуткій и трезвый оцѣнщикъ удѣльнаго вѣса всѣхъ факторовъ политической жизни, что, можно безъ преувеличенія сказать, мѣра впечатлѣнія, какое произведетъ такое заявленіе соціалдемократіи, можетъ служить мѣрой политическаго вліянія ея. Поэтому самая возможность для соціалдемократіи выступить съ серьезнымъ и открытымъ заявленіемъ о финансовой несостоятельности правительства предполагаетъ предварительно огромную работу по укрѣпленію и завоевыванію вліянія во всѣхъ отрасляхъ общественно-политической жизни страны; предполагаетъ превращеніе стихійнаго движенія рабочихъ массъ, въ гораздо большей степени возбуждаемыхъ, чѣмъ руководимыхъ соціалдемократіей, въ сознательное движеніе рабочаго класса подъ всеобъемлющимъ руководствомъ соціалдемократической партіи, предполагаетъ—не на словахъ только и не въ собственномъ сознаніи, а на дѣлѣ—главенство соціалдемократіи надъ всѣмъ русскимъ революціоннымъ и оппозиціоннымъ движеніемъ. Соціалдемократія должна употребить всѣ усилія, чтобы заставить всѣ другія борющіяся съ абсолютизмомъ партіи и группы населенія принять ея лозунги борьбы. Отъ степени пониманія соціалдемократами своихъ собственныхъ задачъ, отъ широты ихъ политическаго кругозора будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть наступленіе этого момента.

* * *

Мы сказали, что роспись нынѣшняго года почти ничѣмъ по существу не отличается отъ своихъ предшественницъ. Есть однако въ ней одна сторона, которая представляется совершенно новою и знаменуетъ собой новый этапъ въ политикѣ абсолютизма. Послѣ эпохи «диктатуры сердца», оставившей кровавый слѣдъ въ мартирологѣ русской революціонной интеллигенціи и манившей мирныхъ обывателей туманными посулами конституціонныхъ «гарантій», наступило «трезвое» время Александра III. Поколебавшійся въ своей основѣ абсолютизмъ, лишенный сколько нибудь прочной опоры въ развивающихся классахъ капиталистическаго общества, стѣснявшій все политическое экономическое и культурное развитіе страны, искалъ спасенія въ попыткахъ возстановить живыхъ покойниковъ крѣпостного общества—дворянство и церковь—и еще больше—въ розничной покупкѣ благосклонности отдѣльныхъ группъ и группокъ населенія цѣною покровительства ихъ минутнымъ хозяйственнымъ интересамъ. Интересы эти сталкивались другъ съ другомъ, были противорѣчивы, мѣнялись со дня на день, и правительство какъ ловкій канатный плясунъ, балансировало на колеблющейся почвѣ этой купли-продажи.

Синдикаты, съѣзды промышленниковъ, сельскохозяйственныя общества, непрерывная игра покровительственными таможенными пошлинами и желѣзнодорожными тарифами, казенные заказы и воспособленія, разсрочки выкупныхъ платежей, фабричные законы—все это не что иное, какъ пестрая смѣна правительственныхъ попытокъ удовлетворить поочередно хозяйственные интересы то тѣхъ, то другихъ группъ населенія и такими подачками—по самому существу дѣла всегда недостаточными и возбуждающими неудовольствіе другихъ группъ—связать непосредственно съ самимъ правительствомъ отдѣльныя, изолированныя группы, заставить всѣхъ ихъ видѣть въ казнѣ, въ самодержавномъ правительствѣ источникъ тѣхъ великихъ и богатыхъ милостей, на которомъ покоится ихъ хозяйственное благополучіе, и тѣмъ самымъ, изолируя ихъ другъ отъ друга и противопоставляя другъ другу, не дать ручейкамъ групповыхъ интересовъ слиться въ болѣе могучее русло интересовъ классовыхъ; потому что классовые интересы любого слоя капиталистическаго общества прежде всего потребовали бы выметенія того тормаза на пути капиталистическаго развитія страны, какимъ является абсолютизмъ.

При такой системѣ всѣ нити внутренней политики, естественно, стянулись въ руки, державшія тотъ мѣшокъ, изъ котораго сыпались всѣ субсидіи, воспособленія и покровительства. Министерство финансовъ стало истиннымъ самодержцемъ всея Россіи, и ежегодное высту-

пленіе Витте съ государственною росписью ожидалось съ нетерпѣніемъ всѣми, кто на казенномъ покровительствѣ строилъ свое благополучіе. И если «докладъ» Витте приносилъ неизмѣнно не столько дѣйствительную программу внутренней политики на предстоящій годъ, сколько quasi-программу, единственною цѣлью которой было эскамотировать общественное мнѣніе, то причина тому не отсутствіе «всесилія» у министерства финансовъ, а просто невозможность откровенно выразить постыдную программу, цѣликомъ заключающуюся въ поддержаніи своего паразитнаго существованія на счетъ жизненныхъ соковъ народа. Но во всякомъ случаѣ ни одна роспись г. Витте не обходилась безъ того, чтобы руководящее положеніе министерства финансовъ въ ходѣ внутренней политики абсолютизма не выразилось въ широковѣщательныхъ разглагольствованіяхъ по всѣмъ вопросамъ, занимавшимъ вниманіе сколько-нибудь широкихъ слоевъ народа.

Однако, политика балансированія между минутными хозяйственными интересами отдѣльныхъ группъ населенія не могла быть долговѣчной. Не могла уже и по одному тому, что интересы эти слишкомъ противорѣчивы, чтобы можно было удовлетворить одни, не нанося ущерба другимъ; поэтому, въ концѣ концовъ, почти всѣ группы населенія, даже тѣ, которыя, казалось бы, полными пригоршнями получали подачки отъ министерства финансовъ, начали чувствовать себя неудовлетворенными. «Аппетитъ приходитъ во время ѣды», и кто задумалъ удовлетворить аппетиты изолированныхъ группъ и группокъ, тотъ долженъ быть готовъ къ тому, что — по мѣрѣ удовлетворенія — аппетитъ этотъ будетъ все болѣе и болѣе расти и превратиться въ волчій голодъ. А главное, желѣзные тиски, въ которыхъ абсолютизмъ держитъ все развитіе страны, давали знать себя все сильнѣе и сильнѣе и должны были постепенно все въ большей и большей мѣрѣ консолидировать отдѣльные, особые интересы изолированныхъ группъ однихъ и тѣхъ же слоевъ капиталистическаго общества, въ ряды однородныхъ, прочныхъ классовыхъ интересовъ.

И дѣйствительно, процессъ такой консолидаціи, далеко еще не достигшій своего завершенія даже въ средѣ наиболѣе далеко подвинувшагося на этомъ пути класса—пролетаріата, непрерывно совершался и совершается за послѣдніе годы. Но, поскольку этотъ процессъ наростанія классового характера, классовой окраски думъ, чувствъ и настроеній всѣхъ группъ общества совершается, онъ выражается—и при общественно-экономическихъ условіяхъ самодержавія и не можетъ не выражаться — въ ростѣ политическаго недовольства. Это недовольство остается смутнымъ, не выливается въ опредѣленныя программы и сознательно формулиро-

ванныя тактическія положенія постольку, поскольку этотъ процессъ «консолидаціи» находится еще въ начальномъ періодѣ развитія. И лишь тогда, когда эти опредѣленныя программы и тактическія положенія войдутъ въ плоть и кровь не отдѣльныхъ кучекъ идеологовъ только, а значительной части тѣхъ массъ, интересы которыхъ они должны выражать, безформенное политическое недовольство и безформенная политическая борьба превратятся въ политическую борьбу ясно выраженныхъ общественныхъ классовъ.

Но какъ бы недостаточенъ ни былъ уровень классоваго объединенія интересовъ родственныхъ группъ капиталистическаго общества, онъ во всякомъ случаѣ подвинулся настолько далеко, что отразился въ огромномъ подъемѣ политическаго недовольства всѣхъ заинтересованныхъ въ капиталистическомъ развитіи страны группъ общества; и этотъ подъемъ знаменовалъ собою крушеніе политики покровительства карманнымъ интересамъ отдѣльныхъ группъ и группокъ. Выгоды такого покровительства въ сознаніи его участниковъ начинаютъ перевѣшиваться тѣмъ ущербомъ, который приносятъ клещи абсолютизма. Правительство вынуждено было повернуть фронтъ. Слишкомъ неувѣренное въ завтрашнемъ днѣ, чтобы рѣшиться повторить политику «диктатуры сердца»; потерявшее возможность продолжать свою политику розничной купли-продажи, оно должно было прибѣгнуть къ единственно оставшемуся въ его распоряженіи средству—грубой силѣ и полицейскому сыску. Эта перемѣна фронта, выразившаяся внѣшнимъ образомъ въ паденіи Витте передъ всемогущимъ отнынѣ Плеве, ознаменовалась переходомъ руководящей роли во внутренней политикѣ изъ рукъ министерства финансовъ въ откровенно-полицейскія руки министерства внутреннихъ дѣлъ.

И новая «роспись»—сѣрая, скупая на слова, чисто «дѣловая» по внѣшности, какъ нельзя лучше отразила это превращеніе министерства финансовъ изъ «вершителя судебъ» въ простой насосъ для выкачиванія денегъ изъ народа.

Если прежде г. Витте запускалъ свои лапы въ карманы народа и творилъ кассовые фокусы, непрерывно болтая и подчасъ намекая на такія перспективы, отъ которыхъ сердце замирало въ груди иного либерала, то теперь его преемники «сосутъ» молча, сосредоточенно, «сосутъ» sans phrases, съ самымъ дѣловымъ видомъ, а «перспективы» перешли въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. И если иной либералъ и ощущаетъ еще по временамъ замираніе при мысли о всякихъ «особыхъ совѣщаніяхъ», «комиссіяхъ со свѣдущими людьми», «*обсужденіи на мѣстахъ*» и пр., и пр., то во всякомъ случаѣ полицей-

скій душокъ такъ недвусмысленно въѣлся во всѣ эти «благія начинанія», что и самый нечувствительный носъ долженъ вскорѣ замѣтить его. Къ тому же полное отсутствіе у самодержавнаго правительства вѣры въ прочность собственнаго своего существованія и полицейскіе навыки министерства внутреннихъ дѣлъ заставляютъ его показывать самый не двусмысленный полицейскій кулакъ при всякой попыткѣ «мѣстныхъ людей» не только совершить какую нибудь микроскопическую «противозаконность», но даже только собраться подумать о ней.

И эта перемѣна фронта — новый признакъ слабости и умиранія существующаго режима—можетъ быть только выгодна для дѣла революціи. Срывая еще одинъ фиговый листокъ, прикрывавшій безобразную наготу деспотизма, свидѣтельствуя о дѣйствительной «несвязанности» этого режима съ интересами всѣхъ группъ развивающагося капиталистическаго общества, новый курсъ самою циничною откровенностью своею необычайно облегчаетъ задачу политическаго воспитанія народа. И соціалдемократія, конечно, используетъ этотъ благопріятный моментъ такъ, какъ только можетъ и должна использовать его классовая партія пролетаріата. Активное вмѣшательство рабочаго класса подъ ея руководствомъ во всѣ сферы общественно-политической жизни страны, содѣйствуя развитію классового сознанія пролетаріата и классоваго характера его политической борьбы, будетъ въ то же время содѣйствовать расслоенію безформенной массы политически-недовольныхъ элементовъ и ускоренію консолидаціи групповыхъ интересовъ въ отчетливо сознанные интересы классовые, что и выразится въ усиленіи интенсивности политической борьбы всѣхъ прогрессирующихъ классовъ противъ тисковъ абсолютизма. Только такимъ путемъ, одновременно борясь со всѣми другими классами и этой самой борьбой толкая ихъ впередъ, пролетаріатъ и стоящая во главѣ его соціалдемократическая партія и могутъ оказать могучую поддержку всякому революціонному и оппозиціонному движенію другихъ слоевъ общества, не становясь въ то же время простымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

Ф. Данъ.

Для порядка управленія

(25-го Января 1904 г. № 58).

Въ статьѣ «Новая роспись и новый курсъ» мы уже говорили о «новомъ курсѣ» внутренней политики абсолютизма, выразившемся въ отказѣ отъ потерпѣвшей крушеніе системы покупки «вѣрноподданности» различныхъ группъ населенія на наличныя деньги и отдачѣ всей Россіи въ «вѣдомство» министерства внутреннихъ дѣлъ или, говоря по просту, подъ полицейскій надзоръ и полицейскій кулакъ. Нужна, конечно, громадная доза самоослѣпленія со стороны одряхлѣвшаго развратнаго режима, чтобы надѣяться однимъ грубымъ насиліемъ сколько нибудь прочно закрѣпить за собой ту благосклонность, которой не могло доставить ему даже всемогущее въ нашъ вѣкъ золото. Можно съ увѣренностью сказать, что для такого смѣлаго предпріятія у него не хватитъ уже силъ.

Но пока, что «новый курсъ» движется впередъ на всѣхъ парахъ съ цинизмомъ и безцеремонностью, не оставляющими — по своей откровенности—желать ничего лучшаго. Мы еще будемъ неоднократно имѣть случай бесѣдовать о различныхъ проявленіяхъ его; сейчасъ же передъ нами лежитъ документъ, дающій полную програму всѣхъ «реформъ», которыя ожидаютъ россійскаго обывателя.

Документъ этотъ — «журналъ комиссіи по преобразованію губернскаго управленія». Коммиссія эта собралась впервые 27-го февраля 1903 г. и, какъ извѣстно, ей предшествовалъ изданный наканунѣ манифестъ. Программа новѣйшаго времени сводится, въ сущности, цѣликомъ лишь къ тому, чтобы давить обывателя, непремѣнно «осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ», и по возможности — при содѣйствіи самого обывателя — такъ называемыхъ «мѣстныхъ людей». Между прочимъ было повелѣно «преобразовать губернское управленіе для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильною, закономѣрною и передъ Нами строго отвѣтственною властью». «Трудами мѣстныхъ людей», «строгая отвѣтственность», «многообразныя нужды» — какъ видите все вещи хорошія.

Но, конечно, комиссія, состоящая изъ восьми губернаторовъ и двухъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ всероссійскаго палача Плеве, поняла въ чемъ тутъ сила, и не безъ

юмора прежде всего рѣшила «не останавливаться на отвѣтственности губернаторовъ, въ виду того, что отвѣтственность эта нынѣ дѣйствующими законами поставлена вполнѣ правильно». Съ «закономѣрностью» порѣшили также довольно просто. До сихъ поръ, когда «законъ» являлся «препоной», такое трагическое положеніе, по показанію одного изъ участвовавшихъ въ комиссіи сатраповъ, «неизбѣжно обрекало губернатора» на «превышеніе власти». Выводъ тутъ для россійскихъ владыкъ, разумѣется, совершенно ясный: надо самое «превышеніе власти» обратить въ «законъ», и тогда ужъ власть непремѣнно будетъ «закономѣрной». Изъ дальнѣйшаго обзора «постановленій» коммиссіи читатель увидитъ, что такъ дѣло и порѣшили, а затѣмъ осталась одна задача — сдѣлать власть «сильной», и къ ней почтенные члены коммиссіи и приступили со смакомъ и ужъ безъ всякаго юмора, а съ серьезностью, можно сказать, ужасающей. И, кажется, въ этомъ направленіи они по-истинѣ совершили «въ предѣлахъ земныхъ все земное».

Прежде всего, какъ это и подобаетъ «новому курсу», одѣвающему абсолютизмъ въ полицейскій мундиръ, чиновникамъ министерства полиціи—губернаторамъ подчиняются представители рѣшительно всѣхъ «вѣдомствъ» въ губерніи. Конецъ либерализму акцизныхъ чиновниковъ! Конецъ пикировкамъ управляющаго казенной палатой (а давно ли онъ, какъ представитель министерства финансовъ, посматривалъ на губернатора даже немножко свысока?) съ «начальникомъ губерніи!» Отнынѣ черезъ губернатора будутъ идти «руководящія указанія и распоряженія» всѣхъ «вѣдомствъ», губернаторъ будетъ производить ревизію всѣхъ «административныхъ установленій», губернаторъ будетъ «увольнять должностныхъ лицъ въ случаѣ неблагонадежности ихъ»; губернаторъ будетъ «пещись» о народномъ образованіи; губернаторъ будетъ распоряжаться по части «внутреннихъ распорядковъ на фабрикахъ и заводахъ», его «требованія» должна будетъ безпрекословно исполнять фабричная инспекція. Словомъ, всюду губернаторъ, губернаторъ, губернаторъ. А это значитъ, что если до сихъ поръ «руководящимъ» началомъ внутренней политики былъ подкупъ «вѣрноподданныхъ», то теперь дѣятельность всѣхъ «вѣдомствъ» будетъ направляться съ точки зрѣнія совершенно неприкрытаго полицейскаго сыска.

Такимъ образомъ, «препоны» со стороны отдѣльныхъ «вѣдомствъ», съ ихъ корпоративнымъ патріотизмомъ и подъ-часъ отсутствіемъ спеціальнаго «образованія» по части полицейскихъ дѣлъ, благополучно устраняются. Остается сокрушить препоны еще мѣшающія въ лицѣ

«общественныхъ учрежденій». Разумѣется, и тутъ коммиссія оказалась болѣе, чѣмъ на высотѣ задачи.

Уже и до сихъ поръ губернаторамъ по отношенію къ земствамъ и городскимъ думамъ была предоставлена такая необъятная власть по части «пресѣченія», что даже коммиссія должна была признать губернаторскія полномочія «достаточными со стороны надзора». Но за то она «не могла не обратить вниманіе на то, что губернаторъ относительно общественныхъ учрежденій совершенно лишенъ правъ положительныхъ». «Не пущать» — оказывается для полицейскаго Аллаха слишкомъ мало; ему надо еще «тащить» обывателя въ абсолютистскій «рай». А между тѣмъ за «органами земскаго и общественнаго управленій всегда остается право, такъ сказать, пассивнаго сопротивленія». «Право пассивнаго сопротивленія»—это ужасъ! Вмѣсто того, чтобы обнаруживать всѣмъ существомъ своимъ «готовность» принимать отеческіе удары начальства, обыватель пытается «уклониться!» Конечно, такому «ненормальному положенію дѣлъ» рѣшено было немедленно положить конецъ и постановлено: «Въ случаѣ уклоненія земскихъ или городскихъ общественныхъ учрежденій отъ выполненія обязательныхъ для нихъ повинностей, а равно неисполненія ими мѣропріятій, вызываемыхъ сими повинностями, и признанія такихъ мѣропріятій со стороны губернатора неотложными, губернаторъ имѣетъ право назначать на приведеніе ихъ въ исполненіе опредѣленный срокъ. По истеченіи такого срока и при неисполненіи предложенія, губернаторъ приступаетъ къ осуществленію необходимыхъ мѣропріятій за счетъ земскихъ или городскихъ средствъ». То есть: я тебѣ «предлагаю»: можешь принять или отвергнуть; но ежели ты, такой сякой, отвергнешь, то ужъ, голубчикъ, извини! Тогда ужъ я «распоряжусь». А къ чему, главнымъ образомъ, будутъ относиться эти «распоряженія», изъ журнала засѣданій комиссіи видно достаточно ясно, хотя деликатный предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и не называется прямо. Извѣстно, конечно, какъ часто за послѣдніе годы «общественныя учрежденія» начинали «почтительно» вздыхать по случаю все усиливаемыхъ и усиливаемыхъ «предложеній» о повышеніи «обязательныхъ» расходовъ на содержаніе полиціи, расквартированіи войскъ и тому подобныхъ мѣропріятій для охраненія «спокойствія» абсолютизма. Немудрено, что приходится «предложенія» замѣнять «распоряженіемъ».

Послѣ этого подвига комиссія надумала прекратить ненужные разговоры въ «общественныхъ учрежденіяхъ» (Мымрецовъ всегда любилъ, чтобы не было «шуму»), и немедленно губернаторъ получаетъ

право, помимо предсѣдателя земскаго или думскаго собранія, «снимать съ очереди обсужденіе какого-либо вопроса, признаваемаго губернаторомъ неумѣстнымъ по отношенію къ порядку управленія».

Административная прожорливость достигла такихъ размѣровъ, неумолкаемое чавканье губернаторскихъ ртовъ приняло такой ужасающій характеръ, что тутъ ужъ даже одинъ изъ засѣдавшихъ въ комиссіи старцевъ не выдержалъ и робко заявилъ «опасеніе, чтобы мѣры эти, которыя несомнѣнно являются чрезвычайно важными для порядка управленія, не были бы истолкованы, какъ желаніе съузить права общественныхъ учрежденій что неминуемо произведетъ неблагопріятное на мѣстахъ впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ губернскомъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ первый избранникъ губерніи — губернскій предводитель, который усмотритъ въ этомъ ограниченіе своихъ правъ». Но старичка сейчасъ же «успокоили». Комиссія «не могла не признать нѣкоторую преувеличенность его опасеній». Ибо, что касается превращенія «предложеній» въ «распоряженія», то сіе будетъ обсуждено предварительно «въ коллегіальномъ губернскомъ установленіи, при участіи представителей земства и города» *). Слѣдовательно, согласно «закону», сѣченіе «мѣстныхъ людей» будетъ производиться между прочимъ и ихъ собственными «трудами». А безобидное «снятіе съ очереди въ земскомъ собраніи вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе», разумѣется, вполнѣ обезпечивается... «тактомъ губернатора». Что же касается «перваго избранника», то комиссія довольно таки строгонько напомнила умственному старичку, что губернскій предводитель исполняетъ обязанности предсѣдателя губернскаго земскаго собранія только въ томъ случаѣ, «если государь не назначитъ особое лицо». Избранникъ-то—избранникъ, но въ случаѣ чего можно сдѣлать такъ, какъ будто и не избранникъ.

За симъ, порѣшивъ войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ отдѣльнымъ корпусовъ жандармовъ, комиссія приступила къ «увѣнчанію зданія». Вѣнецъ полицейскаго творенія, конечно—положеніе объ усиленной охранѣ. Но вотъ бѣда: всякія «обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности» губернаторы могутъ («по закону!») издавать только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ усиленная охрана. Какъ только выяснился этотъ прискорбный фактъ, комиссія сейчасъ же приняла героическое рѣшеніе и постановила, что «было бы соотвѣт-

*) А именно, по проекту „губернскаго совѣта", ихъ должно быть въ немъ человѣкъ 5—6 на 15—20 чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ губернатора.

ственнымъ распространить этотъ порядокъ и на губерніи, не находящіяся въ исключительномъ положеніи», или, иначе говоря, и тамъ, гдѣ нѣтъ усиленной охраны, считать ее яко бы сущей, и ужъ затѣмъ дѣйствовать «закономѣрно». При этой оккaзіи вспомнили опять указанія о необходимости пользоваться «трудами мѣстныхъ людей» и потому положили: «обязательныя постановленія могутъ касаться обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія и также способовъ сего наблюденія». Шпіонство становится, такимъ образомъ, «закономѣрной-гражданской обязанностью «мѣстнаго человѣка».

Превративъ такимъ манеромъ губернатора въ «земного бога» въ полицейскомъ мундирѣ и съ нагайкой за поясомъ, комиссія впала, очевидно, снова въ юмористическое настроеніе и—явно уже ради озорства—рѣшила показать, что и на суды губернаторамъ «въ высокой степени наплевать», почему въ заключительномъ аккордѣ своей «пѣсни торжествующей свиньи» и признала, что «высокому значенію» губернатора несоотвѣтственно участіе его, въ качествѣ члена, въ составляемыхъ, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя мѣстной судебной палаты, особыхъ присутствіяхъ для разсмотрѣнія пререканій между судебными и правительственными установленіями о подсудности дѣлъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства»; отнынѣ будетъ замѣнять его вице-губернаторъ.

Таковъ кругъ предначертанной «реформы». Резюмировать его можно въ краткихъ словахъ: сугубое положеніе объ усиленной охранѣ, расширяемое до безконечности,—въ качествѣ «рамокъ» административной дѣятельности; полицейскій сыскъ—какъ главный источникъ «соображеній» внутренней политики, и нагайка—какъ самый убѣдительный аргументъ для насажденія «безпредѣльныхъ» чувствъ.

Все это было бы очень страшно, если бы самою безстыдною обнаженностью своею этотъ полицейскій режимъ не свидѣтельствовалъ о своей недолговѣчности. Въ странѣ, гдѣ уже милліоны трудящагося народа проснулись къ сознательной жизни и требуютъ человѣческихъ правъ, безумна попытка заставить весь народъ не жить ради «порядка управленія» и править, опираясь только на нагайку. Безумна и лишь выгодна для дѣла свободы. Она поможетъ партіи пролетаріата толкнуть въ открытую борьбу съ абсолютизмомъ тѣ слои народа, которые до сихъ поръ только робко, обинняками, проявляли свои свободолюбивыя стремленія. Передъ системой бѣлаго террора, направленнаго рѣшительно противъ всѣхъ группъ населенія, невозможно долго сказываться

«въ нѣтяхъ». Того, кто не хочетъ служить активнымъ пособникомъ ея, она бьетъ слишкомъ больно и волей-неволей заставляетъ громко выкрикнуть такъ долго подавляемый возгласъ: «долой самодержавіе!» А соціалдемократія должна постараться, чтобы этотъ возгласъ смѣнился другимъ, болѣе положительнымъ и радикальнымъ!

Ф. Данъ.

Письма обо всемъ.

(10 февраля 1904 г. № 59).

Новое „среднее сословіе". Выборы въ Петербургскую Думу. Болѣе или менѣе „соціалистическая" демократія. Осѣдло-образовательный цеизъ. Кто скажетъ послѣднее слово.

Русская «интеллигенція» дописываетъ послѣднія страницы своей исторіи. Ея ростъ, развитіе, упроченіе ея позицій вызываетъ полное ея перерожденіе. Изъ своеобразнаго «ордена» съ привлекательной романтической окраской, она превращается въ прозаическое «среднее сословіе» буржуазнаго общества. Въ среднее сословіе, ибо она стоитъ между крайними соціальными классами, буржуазіей и пролетаріатомъ. Въ этомъ она уподобляется старому мѣщанству. Но въ то же время она глубоко отличается отъ него—и по своей роли въ хозяйствѣ современнаго общества, и по своему политическому и идеологическому облику. Она является среднимъ сословіемъ новаго типа. Старое мѣщанство, какъ представитель хозяйственной рутины и идейной примитивности, дробится каждымъ взмахомъ капиталистическаго колеса. Косное, невѣжественное, политически суевѣрное,—оно все въ прошломъ. Съ полномъ основаніемъ оно могло бы обратиться къ новому «среднему сословію»: «Тебѣ я мѣсто уступаю, мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти».....

Новая демократія, поглощающая нашу старую, милую «интеллигенцію», не только не сокрушается развитіемъ крупнаго производства,—а, наоборотъ, расцвѣтаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Можно даже сказать, что

эта развивающаяся группа въ цѣломъ есть не что иное, какъ воплощенный отвѣтъ на техническіе, административные и «идеологическіе» запросы крупнаго производства и выростающаго съ нимъ въ связи буржуазно-демократическаго государства. Она живетъ продажей своей «умственности». Поэтому, въ отличіе отъ стараго мѣщанства, она профессіонально интеллигентна, профессіонально иниціативна, гибка, подвижна, не боится новыхъ словъ, не прячется отъ реформъ въ общественныя щели, наоборотъ, всегда толчется на политическомъ солнопекѣ...

Ростъ этой интеллигентной демократіи обусловливаетъ повышеніе ея нравственной самостоятельности (отъ «народа») и политической самоувѣренности. Она организуется, сплачивается, выдвигаетъ самостоятельные лозунги, вырабатываетъ (не стѣсняясь, конечно, плагіатомъ) самостоятельныя формы политическаго и философскаго мышленія. Она подбираетъ себя не слишкомъ скомпрометированное имя: въ послѣднее время она предлагаетъ называть себя «гражданской демократіей», чтобы не оказаться демократіей буржуазной [1]). Нѣтъ болѣе ни одного факта общественной жизни, на который она не налагала бы или не стремилась наложить свою печать. И чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе и увѣреннѣе.

Пролетаріатъ, поскольку онъ вступаетъ въ сферу политическихъ интересовъ, на первыхъ же шагахъ встрѣчается съ буржуазной демократіей. И его борьба за классовое самоопредѣленіе на половину, если не на три четверти, будетъ сводиться къ борьбѣ противъ опекунскихъ посягательствъ буржуазной демократіи. Не понимать этого имѣютъ привиллегію только тѣ горе-соціалисты, которые продолжаютъ надѣяться, что россійская интеллигенція въ непорочности донесетъ себя до соціализма. Наши ссылки на политическую волю буржуазной демократіи представляются имъ маневрированіемъ въ царствѣ призраковъ. «Излишне пускаться въ хитроумныя объясненія (извѣстныхъ явленій)... злыми кознями не существующей (несуществующей) у насъ «буржуазной демократіи», пытающейся отнять у пролетаріата предстоящую ему гегемонію во время переворота. Нашимъ «ахъ бѣднымъ» изъ «Рус. Вѣд.»... далеко до такого маккіавеллизма». («Вѣстн. Рус. Рев.» № 2, стр. 132). Таково противорѣчивое положеніе нашей буржуазной демократіи. Въ то время, какъ субъективно она вынуждается къ

---

[1]) См. въ „Рус. В." берлинскія корреспонденціи г. I., бернштейніански-сервированнаго либерала, умнаго и талантливаго газетнаго фальсификатора германской политической жизни.

самоотрицанію, объективно она изо дня въ день и изъ часа въ часъ занимается самоутвержденіемъ.

Послѣдніе выборы въ Петербургскую думу, произведенные на новыхъ началахъ, пріобщили къ избирательной кампаніи умѣренные верхи либеральной демократіи столицы въ лицѣ нанимателей дорогихъ квартиръ [1]). «Цвѣтъ обезпеченной, знатной и популярной интеллигенціи Петербурга», какъ писали наши газеты, столкнулся съ подрядчиками, трактирщиками, лѣсоторговцами. Побѣдителями оказались послѣдніе, такъ какъ «интеллигенція» оказалась застигнутой врасплохъ и обнаружила—«отсутствіе твердой организаціи, а также недостатокъ партійной дисциплины». («СПБ. В.»). Но урокъ выборовъ не прошелъ безслѣдно. Въ той напряженной вознѣ, которая происходила во время выборовъ—вокругъ нихъ, на собраніяхъ и въ прессѣ, буржуазная интеллигенція столицы накопляла элементы организаціи и партійной дисциплины. И одна изъ петербургскихъ газетъ, утѣшая разбитыхъ квартиронанимателей, говоритъ съ полнымъ основаніемъ: «Это періодъ ученичества. Будемъ надѣяться, что выдѣлится нѣсколько хорошихъ «учениковъ», которые могутъ стать учителями»...

Будемъ надѣяться!...

Нѣкая умѣренно-либеральная и умѣренно-умная провинціальная газета такими рѣчами характеризуетъ общественный смыслъ петербургскихъ выборовъ.

«Крупный квартиронаниматель, по своему матеріальному обезпеченію, а слѣдовательно и по условіямъ жизни, ничѣмъ не отличается отъ домовладѣльцевъ и купцовъ. На этой почвѣ (?), розни между ними нѣтъ и не можетъ быть. Но, съ другой стороны, въ категорію крупныхъ квартиронанимателей въ Петербургѣ входитъ почти весь цвѣтъ русской интеллигенціи. Это то обстоятельство раздѣлило людей, соединенныхъ общностью матеріальныхъ интересовъ, раскололо русскую, если можно такъ выразиться буржуазію. («Если можно такъ выразиться»?... Конечно, можно! Дерзайте, почтеннѣйшій!). Другими словами, петербургскіе выборы лишній разъ доказали, что доктринерское дѣленіе населенія на буржуазію и не-буржуазію (цензура, очевидно, мѣшаетъ газетѣ сказать пролетаріатъ) не имѣетъ никакой почвы въ современной Россіи: что, если что нибудь раздѣ-

---

[1]) Въ Петербургѣ весьма значительную, и притомъ наименѣе интеллигентную, инидіативную и либеральную часть публики составляетъ бюрократія.

ляетъ русское общество на двѣ половины, то это—степень культурности, умственнаго развитія и гражданскаго самосознанія».

«Такимъ образомъ, у насъ въ сущности нѣтъ либеральной буржуазной партіи. Всѣ наши либералы въ земствахъ, городскихъ думахъ и въ литературѣ держатся хотя умѣренной, но чисто демократической политики, такъ какъ отстаиваютъ чисто народные интересы: заботятся о развитіи мѣстнаго самоуправленія, о школахъ, о народной медицинѣ... Все наше прогрессивное движеніе... опирается на интересы рабочаго класса, а потому, по существу своему, оно носитъ болѣе или менѣе соціалистическій характеръ. Внѣ соціализма у насъ нѣтъ въ настоящее время ни одной прогрессивной политической программы».

Долженъ извиниться передъ читателемъ: конецъ цитаты (съ красной строки) взятъ мною не изъ либеральной газетки, а изъ «соціалистически-революціоннаго» органа («Вѣстн. Р. Р.» № 1, стр. 236). Конецъ этотъ, тѣмъ не менѣе, какъ видите, прекрасно гармонируетъ съ началомъ. Но пусть нашъ бѣдный подцензурный коллега не пугается сдѣланнаго сопоставленія: оно означаетъ не то, что буржуазно—либеральная газета мыслитъ «революціонно-соціалистически», а лишь то что соціалисты-революціонеры мыслятъ буржуазно.

«Цвѣтъ русской интеллигенціи» стоитъ на одномъ матеріальномъ уровнѣ съ домовладѣльцами, купцами и фабрикантами. Слѣдовательно «розни между ними нѣтъ и быть не можетъ». Тѣмъ не менѣе, интеллигенція, въ противовѣсъ капиталистамъ «опирается на интересы рабочаго класса» и выдвигаетъ программу «болѣе или менѣе соціалистическаго характера». Либеральная газета, въ полномъ согласіи съ «доктриной» «Рев. Рос.», думаетъ, что соціально-политическая «рознь» вызывается только разными степенями «матеріальнаго обезпеченія», тогда какъ на самомъ дѣлѣ она опредѣляется различными ролями въ общественно-производственномъ процессѣ. Капиталисты владѣютъ средствами производства и непосредственно эксплоатируютъ наемный трудъ. Интеллигенція средствами производства не владѣетъ; живетъ продажей своей «интеллигентности», непосредственно пролетаріата не эксплоатируетъ. Въ связи съ этимъ она заинтересована не столько въ повышеніи нормы прибавочной стоимости, сколько въ увеличеніи своей доли въ общемъ фондѣ національнаго дохода. А эта доля возрастаетъ по мѣрѣ «развитія мѣстнаго самоуправленія, школъ, народной медицины», словомъ по мѣрѣ повышенія народно-культурнаго уровня—на общемъ для всей буржуазіи базисѣ капиталистическихъ отноше-

ній. Вотъ почему дѣятельность интеллигенціи по необходимости охватываетъ нѣкоторые «чисто народные интересы», ни мало не пріобрѣтая этимъ путемъ «соціалистическаго характера». Такого рода характеромъ отличается только дѣятельность по объединенію пролетаріата въ классовую партію во имя соціальной революціи. Мы же до сихъ поръ не слышали, чтобы «цвѣтъ русской интеллигенціи» занимался въ петербургской думѣ или вокругъ нея такого рода работой.

Повторяемъ. Различіе въ политическихъ физіономіяхъ извѣстныхъ группъ опредѣляется не степенью матеріальной обезпеченности, а характеромъ выполняемыхъ этими группами общественныхъ функцій. Капиталисты, въ томъ числѣ и землевладѣльцы и домовладѣльцы, несущіе извѣстный налогъ съ имущества, всегда тяготѣютъ къ установленію имущественнаго ценза во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Наоборотъ, интеллигенція въ цѣломъ всегда противъ «несправедливаго» имущественнаго ценза. Ея симпатіями пользуется цензъ образовательный.

Джонъ Стюартъ Милль въ своемъ «Представительномъ правленіи» высказываетъ ту мысль, что «только въ просвѣщенномъ меньшинствѣ можно найти восполненіе или коррективъ стремленіямъ демократическаго большинства». Въ интересахъ такого «корректива» Милль допускаетъ множественность вотума [1]), но онъ не склоненъ обосновывать ее на имущественномъ цензѣ, ибо «критерій этотъ очень несовершененъ въ житейской борьбѣ: случай играетъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ заслуга, и весьма трудно,—съ горечью жалуется Милль,—образованіемъ обезпечить себѣ соотвѣтственное соціальное положеніе». Посему «единственнымъ основаніемъ для предоставленія одному лицу нѣсколькихъ голосовъ можетъ служить личное умственное превосходство». Не слѣдуетъ только забывать, прибавимъ мы, что это «личное умственное превосходство» (образованіе) составляетъ монополію господствующихъ классовъ.

Образовательный цензъ, какъ дань «личному умственному превосходству», всегда выдвигался нашей «болѣе или менѣе соціалистической» демократіей противъ чумазаго думскаго купечества и противъ дикаго земскаго дворянства. Въ этомъ, если хотите, «прогресивность» образовательнаго ценза. Но другой своей стороной онъ выдвигается противъ всеобщаго равнаго избирательнаго права, вытал-

---

[1]) Избиратели одной категоріи имѣютъ по одному голосу, избиратели другой по два и т. д. Такова, напримѣръ, система въ Бельгіи.

кивая за черту политической активности широкія народныя массы. Въ этомъ его глубоко-реакціонная сторона, которая заставляетъ соціал-демократію видѣть въ «образовательномъ цензѣ» не что иное, какъ «козни буржуазной демократіи», обусловливаемыя ея сознательнымъ или безсознательнымъ стремленіемъ отнять у пролетаріата «гегемонію во время переворота»...

Въ связи съ разбиравшимся въ земствахъ вопросомъ о пониженіи избирательнаго ценза въ нашей литературѣ снова была выдвинута «симпатичная» идея «осѣдло-образовательнаго ценза», въ пользу котораго все чаще «раздаются голоса». Основными требованіями указаннаго ценза выставляются: возрастъ 25 лѣтъ, три года жительства въ данной мѣстности и образованіе не ниже полнаго средняго. Для уѣздовъ Саратовской губерніи (внѣ городовъ) этотъ критерій означалъ бы приращеніе въ 286 избирателей: земскихъ служащихъ—152, служащихъ въ экономіяхъ—77, другихъ служащихъ—57. При этомъ среди земскихъ служащихъ 59 врачей, 26 ветеринаровъ, 10 страховыхъ агентовъ и 57 учителей. Все это кадры «несуществующей у насъ буржуазной демократіи». Но стремится ли она сама къ политической роли? Несомнѣнно. Въ той же Саратовской губерніи были опрошены всѣ врачи, ветеринары и страховые агенты по губерніи,—не согласились ли бы они уплачивать за право голоса отъ одного до двухъ процентовъ со своего жалованья. Изъ 102 опрошенныхъ лицъ 99 высказали полное согласіе [1]). Здѣсь гражданская зрѣлость «гражданской демократіи» выдержала серьезное испытаніе.

А какъ относятся къ «осѣдло-образовательному» принципу—хотя бы напримѣръ, «Русскія Вѣдомости»? Съ горячей симпатіей. Значитъ ли это, что наши «ахъ бѣдные» изъ «Русск. Вѣд.» ставятъ себѣ прямую задачу—исторгнуть гегемонію у пролетаріата? Нѣтъ, не думаемъ,—къ этой цѣли сознательно стремятся пока лишь наши «ахъ бойкіе» изъ «Рев. Рос.». Что же касается широкой легальной «болѣе или менѣе соціалистической» демократіи, то она «просто» строитъ политическія формы по образу и подобію своему. Она осѣдла, она образована. А значитъ—«осѣдло-образовательный» цензъ.

Отсюда видно, что не только «соціалистическій», но и чисто демократическій характеръ значительнѣйшей части нашей интеллигенціи является чрезвычайно сомнительнымъ. Вся она и матеріально и духовно,—въ крайнемъ случаѣ только «духовно» (въ литературѣ)—связана съ

[1]) Три высказались противъ, но не потому, чтобы ихъ пугалъ налогъ на жалованье, а по другимъ причинамъ.

органами общественнаго самоуправленія—сословно и имущественно привиллегированными земствами, отчасти—думами. Земство рисуется ей провиденціальнымъ хозяиномъ Россіи. За предѣлами земской элиты начинается пассивный демосъ, опекаемый народъ. Очертить изъ земскаго центра избирательный кругъ тѣмъ или другимъ «осѣдло-образовательнымъ» радіусомъ—таковъ пока максимальный размахъ гражданскаго демократизма нашей гражданской демократіи.

«Обвиненіе» большинства интеллигенціи въ недемократизмѣ можетъ показаться продуктомъ болѣзненной политической подозрительности. Въ самомъ дѣлѣ, мы такъ привыкли вѣрить въ нѣсколько неопредѣленныя, но все же лучшія чувства интеллигенціи къ народу. И эта столь знакомая намъ публика можетъ отказать народу въ политическихъ правахъ? Клевета! На это мы отвѣтимъ.—Въ исторіи никогда не слѣдуетъ полагаться на добрыхъ знакомыхъ. Ибо ихъ лучшія чувства могутъ придти въ конфликтъ съ ихъ общественнымъ положеніемъ — и тогда они предадутъ,—разумѣется, «скрѣпя сердце», можетъ быть, «со слезами на глазахъ»,—но всетаки предадутъ...

И психологическіе и политическіе моменты такого предательства подготовляются совершенно независимо отъ воли самой интеллигенціи. Выше мы отчасти намѣтили уже механизмъ этого процесса. Интеллигенція выдвигала противъ земскихъ и думскихъ хозяевъ свой принципъ образовательнаго (или пониженнаго имущественнаго) ценза. Въ этомъ проявлялось и проявляется ея народолюбіе, такъ какъ именно во имя интересовъ народа, она требуетъ для себя избирательныхъ правъ. Въ процессѣ ея постепеннаго общественнаго самоопредѣленія этотъ цензъ становился для нея естественной нормой,—естественной тѣмъ болѣе, что онъ даетъ опорный базисъ для борьбы на два противоположныхъ фронта: сегодня—съ реакціонной буржуазіей, завтра—съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Такова тенденція. Она не исключаетъ, разумѣется, дальнѣйшаго выдѣленія изъ интеллигенціи радикальныхъ элементовъ.

Нужно помнить, что демократія въ цѣломъ поставлена въ гораздо болѣе благопріятныя условія политическаго развитія, чѣмъ пролетаріатъ: къ ея услугамъ громадный литературный аппаратъ легальной прессы; вся практика органовъ нашего самоуправленія и нашихъ легальныхъ съѣздовъ упражняетъ и закрѣпляетъ въ извѣстныхъ формахъ ея общественные инстинкты и развиваетъ въ ней вполнѣ опредѣленные навыки политическаго мышленія,—и не только въ тѣхъ верхахъ интеллигенціи, которые уже теперь достучались въ городскія

думы, но и широкой «периферійной» интеллигентской массѣ, которая составляетъ агитаціонный аппаратъ всѣхъ избирательныхъ кампаній, легкую кавалерію всѣхъ оппозиціонныхъ «оказательствъ».

Не будетъ, поэтому, ничего не ожиданнаго, если демократія окажется способной сказать свое опредѣленное и очень вѣское слово

«Долой абсолютизмъ!» скажетъ революціонизированный соціал-демократіей пролетаріатъ.—«И да здравствуетъ осѣдло-образовательный цензъ!» отзовется согласнымъ хоромъ интеллигентная буржуазія, приступая къ созыву учредительнаго собранія. Въ этомъ рѣшающемъ «діалогѣ» послѣднее слово должно принадлежать пролетаріату—должно, если не жалкой насмѣшкой надъ собственнымъ безсиліемъ были наши рѣчи объ авангардѣ... Это послѣднее слово прозвучитъ такъ: «Да здравствуетъ всеобщее, равное прямое и тайное избирательное право!»

Н. Троцкій.

Письма обо всемъ.

(25 февраля 1904 г. № 60).

Картина патріотической Руси.—Роль города.—Выигрышная позиція реакціи.—Либеральные лозунги по сю и по ту сторону Вержболова.—Фактическое самоустраненіе либерализма.

«Россія едина»... Петербургское дворянство и харьковскіе студенты, таганрогское военное собраніе и ростовскіе мастеровые, жители новой Бухты и брянскіе гимназисты, святѣйшій синодъ и чистопольскіе старообрядцы,—всѣ готовы принести животы свои и достояніе свое на защиту Россіи.

Сверху до низу—всѣ объединены чувствомъ патріотическаго братства. Студенты качаютъ офицеровъ, генералы цѣлуютъ студентовъ, «измѣнники и гады», по увѣренію «Московскихъ Вѣдомостей», «расползлись», «консерваторы», «либералы» и «реакціонеры» дружно поютъ «Боже царя храни», кишиневская еврейская община конкурируетъ въ христіанскомъ всепрощеніи и въ монархической преданности съ

Суворинымъ, Юзефовичемъ и Крушеваномъ, дирекція казеннаго завода, строющаго броненосцы, называетъ рабочихъ въ патріотической прокламаціи «товарищами, отправляемыхъ на убой солдатъ величаютъ «братцами»... Такова суздальская картина, которую рисуютъ патріотическіе простаки и газетные проходимцы. Въ этой картинѣ много художественныхъ «дефектовъ», но самый важный—полное отсутствіе переспективы. Мы хотимъ возстановить ее для нѣкоторыхъ элементовъ картины.

Но прежде всего обратимъ вниманіе на то поучительное обстоятельство, что главнымъ, почти исключительнымъ, полемъ картины является городъ.

Въ критическіе моменты политической жизни нашей «крестьянской», нашей «деревенской» Россіи о мужикѣ и о деревнѣ почти совсѣмъ забыли. Патріотическіе адреса и «даянія», извлекаемыя земскими начальниками изъ «ввѣреннаго» имъ крестьянскаго населенія, проходятъ почти незамѣтно, тогда какъ патріотическій визгъ двухсотъ или трехсотъ студентовъ находитъ всероссійскій, можно сказать—всеміρный резонансъ. Относительное политическое значеніе города и деревни вырисовывается—и для реакціонныхъ и для революціонныхъ стародумовъ—съ замѣчательной яркостью. Налицо выступаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что организующая рука реакціи шаритъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя посѣтила рука революціи,—что спѣшно вербуемые кадры роялистской арміи по необходимости рекрутируются не изъ цѣлинныхъ «мужичьихъ» пластовъ, а изъ политически взбудораженныхъ массъ городского населенія. Въ приближающійся «судный день» судьбу Россіи рѣшитъ городъ.

Техника мобилизаціонной кампаніи патріотизма была подготовлена многочисленными прежними, болѣе частными попытками реакціи овладѣть толпой и создать среди ея составныхъ частей—студентовъ, рабочихъ, городской буржуазіи—постоянныя организованныя ячейки, какъ опорные пункты дальнѣйшихъ операцій... Въ этомъ отношеніи патріотическія демонстраціи прибавили мало новаго къ московскому опыту извѣстнаго празднованія 19 февраля или къ практикѣ еврейскихъ погромовъ.

Что въ послѣднихъ событіяхъ ново и чрезвычайно важно, такъ это та благодарная позиція, на которую попала реакція.

Воинственный шовинизмъ—одна изъ немногихъ формъ политическаго идеализма, доступнаго еще сегодня силамъ реакціи. Патріотическія иллюзіи, наиболѣе отдаленныя отъ повседневныхъ толчковъ жизни, позже другихъ реакціонныхъ иллюзій разъѣдаются ея стихійной кри-

тикой, дольше других удерживаются въ сознаніи массы... Патріотическіе лозунги были поставлены войной въ порядокъ дня,—и реакція выиграла.

Тѣ самые студенты—«антиобструкціонисты», которые во время студенческихъ волненій жались къ стѣнѣ, тѣ самые думскіе и земскіе гласные, которые рѣшались проваливать школы и больницы преимущественно при закрытой баллотировкѣ, тѣ самые мѣщане, купцы, студенты и журналисты—юдофобы, которые были покрыты плевками общественнаго презрѣнія послѣ антисемитскихъ вакханалій прошлаго года,—теперь всѣ оказались вынесенными на широкую улицу, вдвинутыми въ самую гущу политическихъ событій. Они даютъ улицѣ лозунгъ, они поютъ первый голосъ въ народномъ гимнѣ, властно вызываютъ на улицы театральные оркестры,—они во главѣ, они вожди, они—герои...

А либерализмъ?

Большія событія сшибли его съ ногъ. Онъ привыкъ къ мелкимъ схваткамъ. Онъ отваживался встрѣчать реакціоннаго врага законнымъ не дешевымъ свистомъ, когда врагъ выступалъ въ явно позорной роли земскаго (въ Твери) или уличнаго (въ Кишиневѣ) громилы. Но теперь, когда вчерашній громила волной событій вознесенъ на выигрышную позицію выразителя патріотическихъ «энтузіазмовъ» націи,—либерализмъ затрубилъ отступленіе.

Сила реакціи сказалась въ томъ, что ея лозунги—очень общіе—въ это время отвѣчаютъ великому національному событію—войнѣ. Либерализмъ не нашелъ въ своемъ арсеналѣ ничего равносильнаго, ничего равноцѣннаго.

И не могъ найти. Противопоставить лозунгамъ реакціи можно только одинъ, единственный лозунгъ: Долой войну и ея виновника—абсолютизмъ! Но это лозунгъ—революціонный!

Сдѣлавъ сперва попытку сохранить подъ цензурнымъ прикрытіемъ (цензура во многихъ случаяхъ—непроницаемая броня либерализма) вынужденный нейтралитетъ, либерализмъ не устоялъ на этой позиціи подъ высокимъ давленіемъ съ обѣихъ сторонъ. Тогда онъ рѣшилъ (конечно, безъ сговора) подхватить всей грудью лозунгъ, данный реакціей. Понявъ,—а понять было не трудно,—что поднятый политическими хулиганами походъ есть злѣйшая, энергичнѣйшая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся травля либерализма, либеральное «общество» послѣ минутнаго раздумья бросается впередъ съ дикимъ крикомъ: «держите вора»! И... тонетъ въ общемъ потокѣ. Одновременно оно спасаетъ себя и—предаетъ либерализмъ.

Разумѣется, оно обольщаетъ себя тѣмъ, что борется съ врагомъ его же оружіемъ. Ему кажется, что, сдѣлавъ—«внѣшнимъ образомъ»—лозунги реакціи лозунгами «общества», болѣе того,—«народа», оно обезвредитъ ихъ, лишитъ ихъ первоначальнаго, т. е. реакціоннаго значенія, и можетъ быть даже перетянетъ ихъ, за неимѣніемъ другихъ, на службу либерализму.

И не только либерализмъ по сю сторону Вержболова, но и либерализмъ «по ту сторону», либерализмъ штутгартскій поднялся до уровня событій. Г. Струве, втеченіе долгаго временисистематически отклонявшійся влѣво, тоже оказался вышибленнымъ налетѣвшей волной изъ сѣдла. Онъ снова,—какъ въ своей игрѣ съ славянофилами, пытается дать лозунгъ, «цѣнный своей неопредѣленностью», лозунгъ, который не врѣзался бы рѣзко диссонирующей нотой въ шумный шовинистическій хоръ.

Рядомъ съ возгласомъ въ честь «свободы» (политической?) г. Струве рекомендуетъ кричать: «Да здравствуетъ армія»! и «Да здравствуетъ Россія»!

Какая армія? Армія ярославскихъ «молодцовъ-фанагорійцевъ», армія златоустовскихъ убійцъ, армія, топчущая Польшу, армія, закрѣпляющая хищенія на Кавказѣ? Или ему грезится армія, стряхнувшая съ себя казарменный идіотизмъ и сдающая ружья революціонной улицѣ? Но если Струве думаетъ объ этомъ, если онъ вѣритъ въ это,—тогда лозунгу: «Да здравствуетъ армія!» долженъ предшествовать лозунгъ «да здравствуетъ революція»! Иначе г. Струве будетъ слишкомъ напоминать іезуита, который, давая ложную клятву, про себя произноситъ частицу не.

«Да здравствуетъ Россія»! Но какая? Россія, наступившая сапогомъ на грудь Финляндіи, Россія штыками пришившая къ себѣ Польшу, Россія, жадно протянувшая руку къ Манджуріи и Кореѣ? Россія—историческая хищница? Или тутъ рѣчь идетъ о той Россіи будущаго, которая признаетъ за каждой націей право на самоопредѣленіе? Если, такъ,—тогда, вмѣсто того, чтобы спекулировать на ложный патріотизмъ, который знаетъ только одну—кровью и желѣзомъ спаянную Россію, необходимо имѣть (а если нѣтъ—добывать) политическую честность и политическую отвагу—выдвинуть другой лозунгъ: «Да здравствуетъ свобода національнаго самоопредѣленія»!

Но нѣтъ,—«въ настоящій трудный моментъ неумѣстны (!) и потому нежелательны (!!) другіе болѣе острые и воинствующіе лозунги» (Лист. Освоб. стр. 2).

Это «въ настоящій моментъ», когда вопросъ о самодержавіи вынесенъ на улицу самимъ самодержавіемъ—неумѣстны воинствующіе лозунги!

Заигрывая съ военнымъ шовинизмомъ («да здравствуетъ армія!» ибо «армія—вооруженный народъ»), заигрывая съ штатсъ-патріотизмомъ («да здравствуетъ Россія!»), штутгартскій либерализмъ хочетъ направить патріотическій потокъ на колесо либеральной мельницы. Онъ не замѣчаетъ, что у этой мельницы нѣтъ колеса, ибо она... вѣтряная! И патріотическій потокъ несется мимо нея—на мельницу реакціи...

Слишкомъ ясно, слишкомъ очевидно — почему. Такъ какъ армія не есть, какъ думаетъ нелегальный либерализмъ, «вооруженный народъ», но его искусственно дрессированная часть, вооруженная противъ народа; такъ какъ въ международной игрѣ военныхъ силъ одной изъ ставокъ теперь является не честь государства, — какъ говоритъ легальный либерализмъ, — а честь его безчестія, то есть деспотизма; такъ какъ войной затронуты не «національные интересы», но интересы самаго антинаціональнаго учрежденія Россіи, того же самаго деспотизма, — то лозунги въ честь Россіи и арміи, хотя бы и перенесенные на страницы либеральныхъ органовъ, остаются вѣрными своей реакціонной природѣ, служатъ мобилизаціи темныхъ силъ и выполняютъ единственную миссію — развращенія политической совѣсти общества.

Выражая радостную увѣренность въ «нашей» побѣдѣ, — ибо «мы» сильны и богаты—оффиціальное либеральное общество (думы, земства, пресса) твердо знаетъ, что мы бѣдны и слабы. Оно лжетъ, оно сознаетъ свою ложь и оно не можетъ не понимать, что его по достоинству оцѣнятъ вверху и внизу. Посылая вслухъ патріотическія проклятія Японіи, общество снова лжетъ и лжетъ цинично, ибо втихомолку оно желаетъ «нашимъ» войскамъ пораженія, и—какъ увидимъ далѣе—не можетъ не желать, такъ какъ именно на этомъ оно строитъ всѣ свои политическіе разсчеты.

Какой урокъ!.. Либерализмъ, который послѣднее время пытался вдохновиться священнымъ огнемъ на вершинахъ метафизики и религіи, какъ будто только ждалъ критическаго момента, чтобы непосредственно съ этихъ высотъ съ головой окунуться въ лужу политическаго предательства. «Умѣренность обязываетъ»,—учило «Освобожденіе»! Теперь мы видимъ, что умѣренность обязываетъ—къ политическому цинизму.

Не внушая большого довѣрія и уваженія къ себѣ сосѣду справа, реакціонному вою котораго онъ подражаетъ, выбивая послѣдніе остат-

ки довѣрія изъ сосѣда слѣва, революціонный лозунгъ котораго онъ не въ силахъ поддержать, либерализмъ просто сбрасываетъ себя со счетовъ на весь критическій періодъ. Конечно, онъ выступитъ снова—либо къ моменту новой временной реакціи, если, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, переживаемый нами политическій подъемъ, не найдя исхода и утомившись внутренней работой, снова разобьется на дробныя политическія тренія;—либо только къ моменту окончательнаго подведенія итоговъ... И либерализмъ .силится ускорить наступленіе этого торжественнаго момента своей лицемѣрной патріотической лойяльностью, стараясь облегчить самодержавію душевную драму «сближенія».

Но и съ точки зрѣнія голаго «подведенія итоговъ» — либерализмъ безпощадно обворовываетъ свое будущее.

Полтора года тому назадъ Антонъ Старицкій («Освоб»., № 7) совѣтовалъ земскимъ либераламъ «не спѣшить учесть свое первородство». Этотъ совѣтъ можно теперь повторить съ удвоенной энергіей. Именно «въ настоящій трудный моментъ», когда такъ туго приходится врагу—мы говоримъ, конечно, объ абсолютизмѣ, а не объ Японіи—ясный и нетрусливый разсчетъ долженъ былъ бы заставить либераловъ повысить энергію своего оппозиціоннаго давленія, выдвинуть «болѣе острые» и «болѣе воинственные» лозунги, и уже во всякомъ случаѣ не торопиться съ учетомъ своего первородства... Но они не ждутъ и они не вольны ждать: ихъ неудержимо влечетъ по уклону ихъ собственная тяжесть, а сзади ихъ подгоняетъ мятежная революціонная волна.

Имъ не терпится, и въ этомъ—свидѣтельство того, что либерализмъ разлагается прежде, чѣмъ успѣлъ сложиться. Близорукій и тупой, онъ раздѣлитъ судьбу нѣмецкаго либерализма, основныя черты котораго онъ несетъ въ себѣ.

А эти черты таковы:

«Нѣмецкая буржуазія развивалась такъ лѣниво, трусливо и медленно, что въ тотъ моментъ, когда она враждебно противостала феодализму и абсолютизму, она увидѣла, что ей самой противостоятъ пролетаріатъ и всѣ фракціи буржуазныхъ классовъ, интересы и идеи которыхъ родственны пролетаріату... Оппозиціонно настроенная къ обоимъ и нерѣшительная по отношенію къ каждому изъ своихъ противниковъ, врозь взятому, потому, что она всегда видѣла—одного впереди, другого позади себя; съ самаго начала склонная къ предательству народа и компромиссу съ коронованнымъ представителемъ стараго общества, потому что она сама уже принадлежала старому обществу... безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, брюзжа противъ верховъ, дрожа передъ низами, эгоистичная на оба фронта и сознающая свой эгоизмъ... не до-

вѣрящая своимъ собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей, запуганная міровой бурей и ее же эксплоатирующая... пошлая за отсутствіемъ оригинальности и оригинальная въ пошлости—барышничая своими собственными желаніями, безъ иниціативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ мірового историческаго признанія... безъ глазъ, безъ ушей, безъ зубовъ, безъ всего...» [1])—такою являлась нѣмецкая либеральная буржуазія 1848 года... А «самобытный» духъ нашей исторіи ничего не нашелъ нужнымъ прибавить къ этимъ чертамъ. Изъ нихъ и нужно исходить, уясняя себѣ линію поведенія современнаго русскаго либерализма. Какія перспективы открываются передъ нимъ? Каждый день политической жизни толкаетъ абсолютизмъ далѣе по его пути, накопляетъ недовольство въ массахъ, такимъ образомъ, заостряетъ противорѣчіе, все болѣе и болѣе уменьшая возможность «мирнаго обновленія» и увеличивая за счетъ этой возможности историческіе шансы революціи,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, перенося центръ тяжести съ буржуазной оппозиціи на революціонныя массы, въ первую голову—на городской пролетаріатъ. Отсюда—политическое суевѣріе либерализма, его жадныя надежды на вмѣшательство чего-то третьяго — случая, судьбы...

Является война. Либеральная буржуазія привѣтствуетъ ее какъ Мессію. Война должна взять на себя ту задачу, выполнить которую у оппозиціи нѣтъ энергіи, отказаться отъ которой нѣтъ возможности. Какъ? Тутъ открывается два пути.

Первый путь, это—колоссальный погромъ извнѣ, повтореніе Севастополя. Крахъ военнаго «могущества» скомпрометируетъ весь правительственный персоналъ, болѣе того—самый режимъ. Неизбѣжное слѣдствіе отсюда—необходимость правительственнаго обновленія, и единственное средство обновленія—обращеніе къ «обществу».

Не исключена возможность другого болѣе «планомѣрнаго» пути. Придти къ полному внѣшнему разгрому абсолютизмъ можетъ, лишь исчерпавъ всѣ возможности побѣды, а значитъ — доведя до высшаго напряженія всѣ силы и средства государства. Но максимальная степень такого напряженія—если отвлечься отъ общаго хозяйственнаго положенія страны—опредѣляется объемомъ общихъ интересовъ, связывающихъ правительство съ обществомъ. Взявъ отъ послѣдняго все, что можно было взять и даже сверхъ того, абсолютизмъ, прежде чѣмъ расшибить свою голову объ англо-японскій бронированный кулакъ, можетъ попытаться расширить поле соприкосновенія правительствен-

[1]) *Марксъ*, „N. R. Zeit.“.

ныхъ интересовъ съ интересами «общества», то-есть заинтересовать господствующіе классы въ успѣхахъ правительственнаго предпріятія въ цѣломъ, поставивъ его, въ той или другой части, подъ ихъ контроль. На либерально-канцелярскомъ жаргонѣ это значитъ «призвать къ участію въ правительственныхъ трудахъ земскія силы страны». Незачѣмъ, разумѣется, говорить, что такого рода «призывъ» будетъ означать не энергичную ликвидацію пришедшаго къ банкротству государственнаго хозяйства, а лишь внесеніе въ него нѣкоторыхъ корректививовъ.

Но незачѣмъ, пожалуй, и разъяснять, что классъ «съ самаго начала склонный къ предательству народа и къ компромиссу», ни на что большее и не посягаетъ. И онъ не только не пытается отрѣзать современное правительство съ его авантюрой отъ всего общества, наоборотъ, съ дряблымъ пафосомъ говоритъ о «нашей» войнѣ, «нашихъ» успѣхахъ, о «нашемъ» миролюбіи и о вѣроломствѣ «нашего» врага. Буржуазные инстинкты подсказываютъ оппозиціи необходимость не наносить ударовъ тѣмъ фетишамъ, которые называются «національной честью», «національной славой», «національнымъ дѣломъ», которые играютъ по отношенію къ интересамъ господствующихъ классовъ роль добрыхъ историческихъ геніевъ,—не только при крѣпостническомъ абсолютизмѣ, но и въ самой свободной изъ демократій. Эти националистическія иллюзіи, переходящія въ народное сознаніе со страницъ школьныхъ учебниковъ, съ церковной паперти, съ ораторской трибуны, со столбцовъ буржуазной прессы, позволяютъ господствующимъ классамъ поддерживать въ народѣ необходимое духовное равновѣсіе, въ то время какъ фискальный аппаратъ — во имя колоніальной политики — тянетъ изъ народа жилы щипцами милитаризма. Останавливаясь сегодня съ лицемѣрнымъ уваженіемъ передъ образами националистической миѳологіи, либеральная буржуазія обнаруживаетъ этимъ, что она не рѣшается плевать въ колодезь, изъ котораго ей еще не разъ придется утолять свою жажду. «Да здравствуетъ Россія» и «да здравствуетъ армія!»

Да, пасуя передъ патріотической вакханаліей, оппозиція обнаруживаетъ не только полицейскій страхъ, она повинуется смутному голосу классоваго инстинкта, Но сознательный голосъ классоваго инстинкта требуетъ отъ нея немедленнаго и активнаго участія въ политическомъ размежеваніи общественныхъ силъ. Это противорѣчіе непримиримо,—оно коренится въ историческомъ положеніи буржуазіи. Практическій выходъ изъ противорѣчія опредѣляется степенью ея политическаго разложенія. Въ данномъ случаѣ степень такъ высока, что

либерализмъ пришелъ къ необходимости самоустраненія... пока что. Изъ страха передъ силами революціи онъ уступаетъ имъ мѣсто.

Н. Троцкій.

Письма обо всемъ.

(5-го марта 1904 г. № [redacted]). 61

Двѣ толпы.

Патріотическимъ манифестаціямъ приказано не быть. Полицейскіе регистраторы уровня патріотическихъ чувствъ забили тревогу. Ихъ охватило опасеніе, какъ бы «патріотизмъ» не перешелъ въ свою противоположность—жизнь послѣднихъ лѣтъ не разъ доставляла имъ такіе «діалектическіе» сюрпризы!—и они приказали «порыву» прекратиться. И, повидимому, въ высшей степени во-время...

За широкую толпу пассивныхъ демонстрантовъ, примыкавшихъ по пути, въ силу законовъ массового сцѣпленія, за эту толпу никакъ нельзя было ручаться. Въ ея «патріотическихъ» крикахъ, поскольку они были, точно спертый воздухъ въ отдушину, выливались ея накипѣвшія по всякимъ и всяческимъ поводамъ чувства. И еслибъ ей былъ брошенъ съ энергіей другой лозунгъ, она подхватила бы и его. Уже слышался неосмысленный, но несомнѣнно непатріотическій крикъ: «Соціалія, соединяйтесь!» (въ Таганрогѣ)... Создавались и подхватывались и другіе боевые крики... Опасность наростала.

Что же касается другой, наиболѣе «дѣятельной» и активной части демонстрантовъ («все гнусное повылазило изъ своихъ угловъ!» пишетъ объ этой другой части кіевскій корреспондентъ),—то ея непринужденное поведеніе прямо и непосредственно требовало полицейскаго «призыва къ порядку».

Почувствовавъ возможность расправить руки, эта публика вошла въ азартъ: останавливала извозчиковъ, стаскивала проѣзжихъ, многихъ заставляла обращаться въ бѣгство. Тѣ, которымъ всегда приходится ломать шапку, теперь получили возможность кричать всѣмъ и каждому

«Шапки долой!» Нѣкоторыхъ настигали, сбивали съ нихъ шляпы палками, не щадили при этомъ и женщинъ. Шляпы исчезали нерѣдко съ толпой. Въ порывѣ пьянаго возбужденія вламывались въ частныя квартиры и подвергали хозяевъ патріотическимъ испытаніямъ. Врывались въ рестораны и трактиры, пили, ѣли и—не платили. Сплошь да рядомъ, какъ пишетъ московскій корреспондентъ, уносили съ собой изъ ресторановъ—очевидно, на память о патріотическихъ минутахъ—серебряныя ложки. Забирались въ театры во время представленій, заставляли играть и пѣть «Боже, царя храни!» и, уходя, прихватывали съ собой чужія вещи. Кіевскій корреспондентъ пишетъ объ исчезновеніи изъ театра Соловцова семидесяти биноклей... Уносились ридикюли, кошельки... Мирные граждане роптали.

Все это получало слишкомъ скандальный характеръ,—и патріотамъ предложено было вернуться къ обычнымъ занятіямъ. По градоначальническому или губернаторскому мановенію, пріостановилась только что вызванная патріотическая волна, которая въ своемъ «величавомъ» теченіи успѣла унести такое количество ложекъ, биноклей, кошельковъ...

Да, такъ широко затѣяно, такъ торжественно возвѣщено, такъ шумно обставлено, столько восторга, столько энтузіазма, столько готовности отдать жизнь и достояніе—и въ результатѣ обогащеніе уголовной хроники.

И это не случайность, что на патріотическій посвистъ полицейскаго соловья-разбойника откликнулись въ первую голову граждане, готовые приложить руку—по поводу портъ-артурской блокады—къ серебрянымъ ложкамъ. Это не случайность,—это точный и категорическій отвѣтъ, данный обществомъ абсолютизму, на вопросъ: какихъ волонтеровъ оно можетъ выдвинуть отъ себя на активно-патріотическія роли? Это отвѣтъ на вопросъ, какіе чувства и инстинкты могутъ быть пробуждены шовинистическими лозунгами въ толпѣ, нарочитыми людьми для нарочитой цѣли созванной.

И сама собой просится на сопоставленіе съ толпой, которую абсолютизмъ на часъ, на недѣлю или на мѣсяцъ вырываетъ изъ круга нашего вліянія, мысль и чувства которой онъ дразнитъ и разжигаетъ брящающими лозунгами человѣконенавистничества,—другая, совсѣмъ другая толпа—прошлогоднихъ южнорусскихъ событій, или та, которую донской комитетъ отрываетъ отъ варварскихъ ощущеній кулачнаго боя и которую онъ электризуетъ огненными лозунгами революціи и свободы. Эта одухотворенная масса приподнимала каждаго изъ своихъ членовъ, и онъ самъ себѣ казался выше цѣлой головой. «Какъ чудно

было смотрѣть на нихъ! писалъ елисаветградскій корреспондентъ. Стройные, съ головами вверхъ, шли они безъ препятствій!» («Искра», № 46).

«Не бойтесь, не бойтесь,—успокаивала перепуганныхъ одесскихъ обывателей толпа,—это вамъ не Кишиневъ, мы совсѣмъ другого хотимъ, среди насъ нѣтъ ни жидовъ, ни русскихъ, мы всѣ рабочіе....»

«Мы не лавки бьемъ, мы свободы добиваемся», говорили участники «антипатріотической» манифестаціи въ Твери (см. корр. въ 62 №).

Великодушная и благородная, какъ всякая масса, которая связала себя невидимыми нитями революціонной солидарности и почувствовала свою коллективную силу, многотысячная толпа не позволяла себѣ никакихъ насилій. «Яблочка не тронули!»—восклицаетъ изумленный обыватель торговой улицы.

Не было пьяныхъ, потому что въ такіе дни толпа не пьетъ. Не оскорбляли женщинъ, потому что въ такіе дни толпа не оскорбляетъ.

«Казалось—пишетъ участникъ событій—что живешь удесятеренной жизнью, все было такъ легко, цѣль такъ ясна и близка, въ сердцѣ столько безконечной отваги и самозабвенья!...»

И эти кіевскіе, екатеринославскіе и бакинскіе демонстранты—пока только демонстранты — связываютъ мысль съ тѣмъ революціоннымъ «народомъ», который умираетъ на уличныхъ баррикадахъ.... который умиралъ на нихъ столько разъ въ разныхъ странахъ Европы со времени 1789 года.

Въ тѣ большіе дни, когда толпа, обычная, сѣрая, продающая и продающаяся, забитая и угнетенная толпа покидала молотокъ и прилавокъ, ради ружья и баррикады,—уличный воздухъ становился чище и яснѣе, грубые и дрянные инстинкты уходили куда-то прочь вмѣстѣ съ мелкими и дрянными заботами,—возвышающій и облагораживающій трепетъ охватывалъ все общество до самыхъ его трущобныхъ низовъ. И—замѣчательный фактъ! — чѣмъ выше поднимались волны революціи, тѣмъ меньше было число обычныхъ «преступленій» противъ «нравственности» и «собственности»... Когда революціонный вихрь проносился надъ Европой, полицейскіе нотабли напряженно слѣдили за барометромъ преступности. Къ серединѣ марта 1848 года прусскій министръ усмотрѣлъ тревожный признакъ въ уменьшеніи числа преступленій противъ собственности... Онъ не ошибся: 18 марта въ крови 183 труповъ захлебнулся прусскій абсолютизмъ «божьей милостью». Черезъ мѣсяцъ послѣ берлинскихъ баррикадъ президентъ полиціи объявляетъ публично, что «поведеніе подмастерьевъ и рабочихъ по праву заслуживаетъ всеобщей признательности». Съ прохожихъ не сбивали

палками шляпъ, женщины могли безопасно ходить по улицамъ, и берлинскіе рестораторы могли быть спокойны за свои серебряныя ложки...

Таково нравственное вліяніе «революціоннаго насилія!» Реакціонные поденщики университетской каѳедры не разъ пытались опорочить революцію, какъ явленіе, которое своимъ историческимъ смысломъ слишкомъ презрительно третируетъ ихъ грошовыя теорійки мирнаго преуспѣянія и во всемъ благого поспѣшенія... Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ людишекъ утверждали, между прочимъ, что въ числѣ 183 убитыхъ было нѣсколько «уголовныхъ преступниковъ», выпущенныхъ незадолго до 18-го марта изъ берлинской тюрьмы,--утвержденіе, ничѣмъ не подтвержденное... Но если бы такъ! Пошлые, бездарные фальсификаторы—они не понимаютъ, что чѣмъ больше они силятся скромпрометировать личный персоналъ баррикадной арміи, тѣмъ выше и выше они возносятъ возрождающую силу самой революціи... Жалкіе филистеры, они не понимаютъ объективной морали своего утвержденія, которое по ихъ замыслу должно служить клеветой на революцію. Эта мораль ясна. Она гласитъ: смотрите, эти люди, которые въ дни «мирнаго преуспѣянія» ютились въ щеляхъ преступленія и въ трущобахъ порока, которые въ дни реакціонной разнузданности оскорбляли бы прохожихъ, вламывались бы въ театры, опустошали бы карманы,—сегодня, когда изъ-подъ земли вырвались огненные языки революціи, нашли лучшимъ умереть на баррикадахъ!..

Ровно 23 года спустя послѣ берлинскихъ баррикадъ, 18 марта 1871 года, революція опять обнаружила свою чудотворную силу. Парижъ, старый, временно потухшій вулканъ, снова выдохнулъ изъ себя волну революціонной лавы... Пролетарская коммуна отшвырнула отъ себя разномастную реакціонную сволочь, красу, гордость и силу Второй Имперіи,—и Парижъ, международный Вавилонъ, обновилъ свою нравственную физіономію.. Исчезли кутежи, прекратился пьяный развратъ—высшаго и низшаго разряда. Ни одного ночного грабежа, почти ни одной кражи. Въ первый разъ со времени февральской революціи 1848 года улицы Парижа стали безопасны, хотя на нихъ не появлялось ни одного полицейскаго. Моргъ пустовалъ—не было самоубійцъ, не было таинственныхъ, никѣмъ не опознанныхъ труповъ.

«Мы не слышимъ болѣе—говоритъ одинъ изъ членовъ коммуны—ни о грабежахъ, ни о насиліяхъ противъ личности; полиція, какъ кажется, увлекла за собой въ Версаль всѣхъ своихъ консервативныхъ друзей»...

А затѣмъ? Порокъ и преступленіе залили улицы Парижа вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками буржуазной реакціи. Воровство вернулось вмѣстѣ съ полиціей. Развратъ и насиліе вздохнули свободно, какъ

только увидѣли, что трехцвѣтное знамя буржуазнаго шовинизма нагло красуется на томъ мѣстѣ, гдѣ часъ тому назадъ гордо развѣвалось красное знамя пролетарской коммуны.

Идеализмъ революціи смѣнился идеализмомъ «реванша»... Война, этотъ «элементъ порядка, установленнаго богомъ», эта школа «мужества и безкорыстія, вѣрности долгу и самоотверженія», по опредѣленію военнаго мясника Мольтке, война, втеченіе десятилѣтій проповѣдуемая со всѣхъ реакціонныхъ кровель, заполнила политическую атмосферу Франціи—и въ этой атмосферѣ выросла панама, выросла дрейфусіада...

На эти большія параллели память толкается сопоставленіемъ протестующей стачечной массы, не трогающей «яблочка», и патріотической толпы, вторгающейся въ жилища и сбрасывающей шляпы съ беззащитныхъ женщинъ. И эта не внѣшняя только связь малаго съ большимъ. Потому что волею исторіи мы съ каждымъ днемъ подвигаемся отъ малаго къ большому. Историческій потокъ, въ составъ котораго входитъ и кіевская, и ростовская, и бакинская, и тверская стачечная толпа, все ближе и ближе подходитъ къ тому обрыву, за которымъ могучее теченіе превращается въ революціонный водопадъ...

... Пусть же полицейскіе псы зорко слѣдятъ за регистромъ преступленій: когда они замѣтятъ, что въ центрахъ политической жизни, несмотря на возбужденіе улицы, недопускающее правильнаго полицейскаго надзора, число преступленій становится все ниже и ниже, что оно готово склониться къ нулю, тогда—не рискуя ошибиться—они смогутъ сказать себѣ: «Это идетъ революція!»

Н. Троцкій.

Такъ ли мы готовимся?

(15 марта 1904 г., № 62).

Абсолютизмъ задыхается, потому что окружающая его общественная атмосфера находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ его собственной природой. Историческое оправданіе абсолютизма заключалось въ томъ, что оно являлось единственной организаціей, воплощавшей въ себѣ политическіе интересы страны—интересы самосохраненія и развитія государственнаго организма въ его экономической и политической борьбѣ. Общественное развитіе вырвало изъ-подъ ногъ абсолютизма эту почву, поскольку это развитіе, дифференцируя націю и усложняя отно-

шенія между отдѣльными ея составными частями, создавало новые политическіе интересы, новыя соціальныя потребности. Изъ организатора общества абсолютизмъ превратился въ его дезорганизатора, въ препятствіе всякому дальнѣйшему экономическому и культурному процессу. Съ этого момента абсолютизмъ былъ обреченъ на гибель.

Искусственно создать на одинъ моментъ вокругъ себя ту общественную атмосферу, которая соотвѣтствовала бы его исторической природѣ,—значитъ для абсолютизма продлить свое существованіе.

Въ нынѣшней войнѣ передъ абсолютизмомъ предстала соблазнительная перспектива новаго «героическаго» возрожденія въ роли оберегателя «національныхъ интересовъ», въ роли защитника страны отъ внѣшняго врага.

Надо ловить моментъ, моментъ временнаго искусственно вызваннаго оживленія общественнаго спроса на государственную власть въ ея нынѣшнемъ видѣ. Этотъ моментъ такъ долго ожидался, въ предвкушеніи его такъ много струнъ было натянуто до той степени, когда катастрофа можетъ быть вызвана новымъ легкимъ толчкомъ... Было бы наивностью ожидать, что абсолютизмъ не воспользуется временнымъ подъемомъ его акцій на внутреннемъ рынкѣ, для попытки отвоевать хотя-бы нѣкоторыя изъ позицій, отбитыхъ у него въ предыдущіе дни. И не затѣмъ организовывало оно оргіи «патріотизма», чтобы упустить случай взять хотя бы временный реваншъ въ борьбѣ съ внутренними врагами.

Борьба развившихся въ нѣдрахъ современной Россіи общественныхъ силъ логически, неизбѣжно ведетъ къ такому моменту, когда передъ абсолютизмомъ встанетъ во всей рѣзкости дилемма: или добровольно сойти со сцены, или вызвать эти силы на открытый, безпощадный бой, чтобы, раздавивъ ихъ, попытаться отсрочить на неопредѣленное время ликвидацію своей фирмы. Длительная борьба съ революціонными силами истощаетъ всѣ рессурсы абсолютизма. Нѣтъ ничего худшаго для него, какъ привыканіе массы населенія къ самому факту политической борьбы, систематически ведущейся въ странѣ. Всѣ устои режима разлагаются, когда населеніе свыкается съ этимъ фактомъ, стоящимъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ политической системой, отрицающей въ корнѣ политическую самостоятельность общественныхъ силъ. Инстинктъ самосохраненія долженъ толкать абсолютизмъ на попытку однимъ сильнымъ кровопусканіемъ ускорить развязку переживаемой нами революціонной борьбы. И чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше для него, ибо тѣмъ съ меньшимъ рискомъ для него связана будетъ такая попытка, въ которой оно поста-

вить на одну карту все свое существованіе. Это хорошо понимало наше правительство, когда время отъ времени пытались провоцировать насъ на быструю ликвидацію нашей «будничной», такъ глубоко подтачивающей абсолютизмъ, работы. Начиная съ военныхъ судовъ въ Варшавѣ осенью 1900 года, продолжая массовой сдачей студентовъ въ солдаты, жестокимъ избіеніемъ демонстрантовъ 1901 года, розгами фонъ-Валя и процессами противъ демонстрантовъ 1902 года и кончая кишиневской бойней и возвращеніемъ къ военному суду въ Таганрогѣ,— не прекращаются попытки форсировать революціонное настроеніе охваченныхъ движеніемъ массъ, чтобы принудить революціонеровъ выйти на открытый бой въ такой моментъ, когда перевѣсъ силъ безусловно на сторонѣ правительства.

Но правительство уже не могло послѣдовательно проводить политику осаднаго положенія со всѣми его выводами. Не могло потому, что за революціонными организаціями, противъ которыхъ непосредственно обращались его удары, стояли густыя колонны революціонизирующагося класса, всѣмъ вѣсомъ своей массы сдерживающія политическую экспансивность наиболѣе обстрѣливаемыхъ элементовъ. Безумное предпріятіе Боголѣпова, казалось, увѣнчалось успѣхомъ: Карповичъ и Лаговскій грозили начать новую эру революціоннаго единоборчества, новую эру постепеннаго истощенія революціонной энергіи. Но выстрѣлъ Карповича раздался не въ безвоздушномъ пространствѣ. На него отвѣтило громовое эхо рабочей и разночинной толпы, пробужденной предыдущей соціалдемократической агитаціей и только ждавшей сигнала, котораго не рѣшались подать тогдашнія организаціи. Стихійный потокъ увлекъ за толпой ея колебавшихся руководителей—и снесъ—на время—слабые ростки новаго терроризма. Ледъ былъ сломанъ—на «политику» предъявили спросъ широкія народныя массы, и передъ правительствомъ, вызывавшемъ на отчаянный, короткій бой тысячи революціонныхъ студентовъ, оказались десятки тысячъ готовыхъ къ систематической наступательной войнѣ рядовыхъ борцовъ, за которыми прозорливое полицейское око не могло не видѣть быстро формирующіеся новые и новые легіоны. Правительство отступило, и репрессія вернулась къ обычнымъ «будничнымъ» формамъ, къ которымъ такъ недурно приспособилась разрушительная работа русской революціи.

Новые акты «сверхсмѣтной» провокаціи вызвали черезъ годъ покушеніе Балмашова, Лекерта и Качура. Нервное настроеніе охватило значительные революціонные круги, и на этотъ разъ, казалось, грозило подчинить себѣ всю боевую тактику революціонной арміи.

«Терроръ» и «вооруженная оборона» грозили увлечь всю революціонную молодежь. Но соціалдемократія, имѣя за собою годъ массовыхъ проявленій политической борьбы, могла противопоставить «новымъ» увлеченіямъ внушительную силу своего вліянія. Чего не сдѣлала критика литераторовъ, то было додѣлано практикой элементарнаго массоваго движенія. Ростовскіе митинги съ ихъ десятитысячными толпами «призвали къ порядку» рвавшихся отъ массъ революціонеровъ. Началась эра дѣйствительно-массовой, хотя и очень еще раздробленной, антиабсолютистской агитаціи, началась болѣе широкая работа по организаціи самихъ «профессіонально-революціонныхъ» элементовъ. Новая «террористическая» полоса прошла, не задѣвъ нашихъ формирующихся кадровъ. Ростовская демонстрація 2 марта и іюльская всеобщая стачка наградили соціалдемократію за вѣрность принципамъ той тактики, которая создала ея силу и вывела страну изъ состоянія политической дремоты.

Ростовскіе ноябрьскіе дни нанесли сильный ударъ не только «красному», но и «бѣлому» террору. У правительства хватило силы и «мужества», чтобы задушить въ казематахъ двухъ смѣлыхъ юношей, чтобы варварскими мѣрами задавить демонстраціи малочисленныхъ передовыхъ отрядовъ—хотя бы они и были вооружены и готовы биться на жизнь и смерть; но оно снова и снова опускало руки передъ лицомъ новыхъ, поднятыхъ революціоннымъ плугомъ, пластовъ народной массы. Чтобы преодолѣть все противодѣйствіе, оказываемое его провокаціи энергіей опирающейся на массы революціонной силы, ему нужно было прежде всего создать вокругъ себя хотя бы какую-нибудь сочувственную атмосферу. Наступила пора усиленнаго «хожденія въ народъ» подъ руководствомъ Шаевича и барона Левендаля. Новая неудача! На кишиневскую бойню рабочія массы отвѣтили всеобщей стачкой, смывшей жалкое зданіе зубатовщины и обезцѣнившей въ глазахъ правительства дорогіе эксперименты Вареоломеевской ночи. И послѣ всѣхъ этихъ судорожныхъ попытокъ правительство снова стоитъ передъ неуловимой, неистребимой—ибо не могущей быть въ любой моментъ насильственно выведенной на открытое поле—революціонной силой, самымъ фактомъ своего существованія подтачивающей существованіе абсолютизма. Революціонная агитація стала уже своего рода стихійной силой, которая—даже при отсутствіи всякаго руководства—долго еще продолжала бы свое разрушительное дѣйствіе.

И вотъ теперь, когда правительство, кромѣ своихъ открытыхъ враговъ, видитъ передъ собой не однихъ только равнодушныхъ, когда

ряды его «умѣренныхъ» противниковъ порѣдѣли, а вчерашніе бандиты Кишинева, худо-ли, хорошо-ли, собрали вокругъ себя кое-какіе патріотическіе кадры, — теперь правительство можетъ возобновить попытку посчитаться разъ навсегда съ современнымъ революціоннымъ движеніемъ и, въ первую голову, съ партіей пролетаріата. Оно не можетъ развернуть всѣхъ своихъ силъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, которая стала для него борьбой за его существованіе, не задавивъ у себя дома подрывающаго его мощь, его престижъ, его кредитъ, революціоннаго движенія. Оно захочетъ воспользоваться и стихійной паникой, которую вызоветъ рядъ пораженій, и стихійнымъ подъемомъ шовинизма, который удастся ему вызвать на-время, если русской арміи достанутся тѣ или иные побѣдные лавры. Воспользоваться,— чтобы всѣми жестокостями, которыя можно совершать подъ прикрытіемъ «военнаго положенія», затопить въ морѣ крови наше движеніе. Всякое политическое проявленіе нашей партіи будетъ настойчиво толкать его на такую попытку, для повторенія которой исторія ему уже не предоставитъ болѣе благопріятныхъ условій. И въ то же время эта новая попытка будетъ носить *азартный* характеръ, ибо она будетъ совершаться въ такой моментъ, когда *все* населеніе пробудилось къ интересамъ «политики», когда при сколько-нибудь широкомъ развитіи открытой борьбы между реакціей и революціей не будетъ равнодушныхъ, не будетъ стоящихъ внѣ того или другого лагеря; въ такой моментъ, когда какой-нибудь маленькій пробѣлъ въ разсчетѣ (а правительство показало уже, какъ мало оно способно разсчитывать) перебросить въ ряды его враговъ многія тысячи новыхъ адептовъ. Иначе говоря, правительство должно будетъ вызвать насъ на рѣшительный бой при условіяхъ, *которыя могутъ оказаться для насъ, для дѣла революціи, самыми благопріятными*. *Могутъ оказаться* постольку, поскольку мы окажемся способны *овладѣть* событіями, умѣло лавируя между Сциллой нерѣшительности и Харибдой политической нервозности, поскольку мы съумѣемъ—въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ, вообще, это возможно—заставить врага принять генеральное сраженіе тамъ и тогда, гдѣ и когда это *для насъ* удобнѣе.

Правительство въ опредѣленный моментъ попытается обрушиться на насъ со всей силой своей власти и раздавить рядомъ террористическихъ набѣговъ. Тѣмъ легче это будетъ для него, чѣмъ плотнѣе будетъ его облекать атмосфера шовинистическаго сочувствія, чѣмъ крѣпче окажется толща обывательскаго индифферентизма, отдѣляющаго міръ реакціи отъ міра революціи. Первой задачей нашей, стало быть,

является усиленная работа разрушенія этой толщи, работа, которая всячески затрудняла бы уплотненіе шовинистической атмосферы. Чѣмъ успѣшнѣе поведемъ мы эту работу, чѣмъ шире, разностороннѣе и революціоннѣе развернемъ мы свою агитацію, чѣмъ революціоннѣе, т. е. чѣмъ болѣе послѣдовательно соціалистическимъ будетъ содержаніе этой агитаціи,—тѣмъ затруднительнѣе будетъ образованіе такой реакціонной атмосферы, которая сдѣлала бы для правительства психологически и физически мыслимымъ переходъ въ открытое наступленіе. Первой, поэтому, обязанностью всѣхъ партійныхъ работниковъ является самое энергичное развитіе всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи средствъ агитаціи и пропаганды, а, слѣдовательно, и всѣхъ доступныхъ намъ методовъ организаціи пролетарскихъ силъ. Громадный вредъ былъ бы нанесенъ нашему дѣлу, еслибы въ этотъ именно моментъ мы не сумѣли, благодаря той или иной предвзятой идеѣ, оцѣнить и использовать всѣ моменты агитаціи. Большимъ промахомъ, напр., было бы игнорированіе значительно умножаемыхъ «военнымъ положеніемъ» поводовъ для агитаціи на почвѣ непосредственныхъ столкновеній отдѣльныхъ группъ рабочихъ съ капиталистами. Отовсюду идутъ вѣсти объ обостряющемся, подъ вліяніемъ войны, промышленномъ кризисѣ, о растущемъ недовольствѣ самыхъ отсталыхъ рабочихъ массъ. И въ то же время мы получаемъ все больше свѣдѣній, позволяющихъ заключить, что въ глазахъ многихъ товарищей этотъ видъ нашей агитаціи представляется «еретическимъ» пережиткомъ временъ «экономизма». Такъ, два члена николаевскаго комитета въ своемъ особомъ мнѣніи къ резолюціи своего комитета готовы, повидимому, усмотрѣть «возвращеніе къ идеямъ Credo» въ сдѣланномъ имъ Г. В. Плехановымъ напоминаніи, что голое отрицаніе «экономической» борьбы такъ же мало приличествуетъ соціалдемократу, какъ и самый «экономизмъ»... А одесскіе товарищи, какъ намъ пишутъ, отказываютъ рабочимъ отдѣльныхъ профессій въ выпускѣ «спеціальныхъ» листковъ къ данному цеху на томъ основаніи, что это было-бы «экономизмомъ». Мы еще разъ обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на необходимость борьбы со всѣми подобными увлеченіями.

Чѣмъ больше мы успѣемъ въ дѣлѣ умѣлой и принципіально-выдержанной агитаціи, тѣмъ легче будетъ наша задача въ тотъ моментъ «начала конца» абсолютизма, который можетъ наступить скорѣе, чѣмъ всѣ мы думаемъ. Мы обязаны напречь всѣ свои силы, чтобы къ наступленію этого момента наша агитація проложила пути во всѣ слои начинающей пробуждаться народной массы, чтобы нами были завязаны крѣпкія организаціонныя связи со всѣми революціонными элементами

пролетаріата и смежныхъ съ нимъ и способныхъ поддаться его воздѣйствію классовъ. Для достиженія этой цѣли, намъ нужно соблюдать величайшую экономію въ тратѣ нашихъ силъ, намъ нужно научиться, наконецъ, утилизировать всѣ имѣющіяся въ нашихъ рукахъ средства. Всякая «расточительность» въ этомъ отношеніи, готовность, во имя того или иного чисто-формальнаго организаціоннаго принципа, легко разрушить то, что, несмотря на всѣ наши великія прегрѣшенія, намъ удалось создать въ дѣлѣ партійной организаціи, всякая легкомысленная игра въ новые «расколы»—являются, при данныхъ обстоятельствахъ, вопіющимъ проявленіемъ революціонной незрѣлости, прямымъ преступленіемъ передъ партіей. Всякія попытки подавленія—во имя такихъ же формальныхъ принциповъ—свободной коллективной иниціативы въ главномъ нашемъ дѣлѣ революціонизированія рабочихъ массъ и организаціи ихъ авангарда являются въ данный критическій моментъ особенно вредными. Всякое стремленіе добиться однородности и отсутствія всякихъ «разногласій» внутри организаціи путемъ систематическаго «отсѣченія» несогласно мыслящихъ или ихъ приведенія къ тому знаменателю, при которомъ они «лишились бы возможности» кого-то «подсиживать», иначе говоря, путемъ постояннаго дробленія организованныхъ силъ, повело бы къ полному обезсиленію нашей партіи, къ полной потери ею способности явиться дѣятельнымъ, умѣлымъ и серьезнымъ руководителемъ массъ.

И для чего могли бы понадобиться такіе методы партійной политики? Для огражденія «строго ортодоксальнаго» характера нашей партіи? Но всякій, неослѣпленный упорнымъ созерцаніемъ одной свѣтящейся точки и не оглушенный трескомъ лишенныхъ всякаго содержанія формулъ, долженъ бы давно уже понять, какъ мало гарантій «ортодоксальности» можетъ дать эта безжизненная, хотя и очень «твердая» система. Подъ «знакомъ» вполнѣ ортодоксальной программы въ нашей партіи начинаютъ развиваться элементы, которые, несмотря на усвоенную ими революціонную фразеологію или благодаря именно ей, грозятъ положить начало новому виду вульгаризаціи соціализма, доходящей до утраты всякаго соціалистическаго содержанія. Главной гарантіей «ортодоксальности» нашей партіи должно служить всестороннее революціонное развитіе нашей политической практики, нашей работы пропаганды, агитаціи и организаціи. Только упражняя свои силы во все развивающейся политической дѣятельности, организующей и углубляющей классовую борьбу, наша, по необходимости, «заговорщическая» по формѣ организація можетъ успѣшно противоборствовать тѣмъ стихійнымъ факторамъ, которые, замыкая ее въ подпольѣ круж-

ковщины, стремятся превратить самое жизненное теоретическое міровоззрѣніе ея членовъ въ сухую абстракцію, внѣшним образомъ пришпиленную къ политической психологіи вульгарно-соціалистическаго пошиба. И все, что задерживаетъ развитіе такой политической дѣятельности, все, что мѣшаетъ концентраціи всѣхъ, накопленныхъ прошлымъ нашей партіи, силъ на дѣлѣ активной агитаціи и организаціи,—тѣмъ самымъ подтачиваетъ ту самую «ортодоксальность» нашего движенія, ради прекрасныхъ глазъ которой примѣняются эти методы. И если, вѣроятно, только крайней непродуманностью подсказаны заключительныя строки одной изъ первыхъ прокламацій нашего центральнаго комитета («Ко всѣмъ гражданамъ», январь 1904 г.), обѣщающаго, что «.... передъ алтаремъ народной свободы почтительно склонитъ свое боевое красное знамя единая росс. соц.-дем. раб. партія»,—то, можно опасаться, что слишкомъ усердное примѣненіе оперативныхъ методовъ оберeганія нашей «ортодоксальности» обезсилитъ нашу партію до того, что она и впрямь вынуждена будетъ «почтительно» опустить передъ буржуазной свободой свое знамя тогда именно, когда получитъ возможность развернуть его передъ всей страной!

Думаютъ еще, что «централизація» въ той специфической формѣ, которая требуетъ, чтобы въ партіи не было «постоянныхъ, устойчивыхъ различныхъ теченій», не было «опредѣленнаго дѣленія на соперничающія большинство и меньшинство» (какъ требуютъ представители трехъ уральскихъ комитетовъ),—думаютъ, что такая самобытная централизація спеціально нужна для цѣли выработки «строго законспирированной» организаціи, которая могла бы «подготовить всероссійское выступленіе». Но если методы созданія такой организаціи сами въ себѣ таятъ опасность пренебреженія живымъ дѣломъ агитаціи въ массахъ и организаціи массъ и, тѣмъ самымъ, атрофируютъ политическія способности самихъ руководителей, то не менѣе того они грозятъ замѣнить тотъ «естественный отборъ» конспиративно-революціонныхъ способностей, который дается, худо-ли, хорошо-ли, живымъ соревнованіемъ равноправныхъ и равноактивныхъ товарищей, «искусственнымъ» отборомъ, не всегда совершаемымъ успѣшно и умѣло. Товарищи хорошо знаютъ, что—по ироніи судьбы—съ того времени, какъ мы начали «вплотную» заниматься «выработкой строго конспиративной организаціи», нѣкоторыя важныя технико-конспиративныя функціи нашей партійной работы стали выполняться изъ рукъ вонъ плохо. И разумѣется, такая искусственно «подобранная» организація, оказавшаяся не въ состояніи справиться съ обыденными задачами

конспиративной техники, едва ли сможетъ воспитаться для такой «экстренной» задачи, какъ «подготовка всероссійскаго выступленія».

Да и о какой «подготовкѣ выступленія» вообще можетъ идти рѣчь у нашей партіи? Съ прискорбіемъ приходится констатировать, что среди нашихъ товарищей начинаетъ замѣтно проявляться чисто утопическое воззрѣніе на этотъ вопросъ, грозящее очень далеко отвести ихъ отъ русла классовой борьбы пролетаріата. Говорятъ о «подготовкѣ возстанія» въ смыслѣ прямого заговора, сфабрикованнаго «строго конспиративной организацiей» такъ, какъ, примѣрно, фабриковали ихъ нѣкогда французскіе революціонеры 40-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Чѣмъ больше суживается въ сознаніи иныхъ товарищей представленіе о текущихъ политическихъ задачахъ нашей партіи, чѣмъ больше они проявляютъ на практикѣ склонность пассивно мириться съ бѣдностью и несовершенствомъ нашей ежедневной работы, и ея поразительной,—ничуть не меньшей, чѣмъ во времена экономизма,—отсталостью по сравненію съ требованіями, которыя предъявляются стихійно поднимающимися массами,—тѣмъ усиленнѣе обращаются ихъ помыслы къ той свѣтящейся точкѣ, которая представляется имъ въ видѣ сфабрикованнаго въ подпольѣ «строго конспиративной организаціи» и по приказу «властнаго центра» приведеннаго въ дѣйствіе выступленія. Между убожествомъ нынѣшнаго дня и этой свѣтящейся вдали точкой не перекинутъ мостъ реально представляемой и реально осуществляемой во все болѣе широкомъ масштабѣ политической работы. Сегодня, завтра и послѣзавтра одно «закрѣпленіе» однихъ и тѣхъ же результатовъ, достигнутыхъ неизбѣжной въ свое время борьбой—закрѣпленіе путемъ все новыхъ «расколовъ», путемъ постоянной отсрочки въ выполненіи самыхъ неотложныхъ работъ, а тамъ—когда-то —откуда то появится изъ одного куска вылитая «строго конспиративная организація», которая «вдругъ» поведетъ на штурмъ въ назначенный день и часъ массы пролетаріевъ. И вы не думаете, что—еслибы такое чудо и совершилось—къ этому моменту между «конспиративнымъ ядромъ» и этими массами не окажется никакихъ промежуточныхъ звеньевъ, черезъ которыя передавалась бы имъ энергія революціоннаго призыва? Что въ такого рода «строго законспирированной» организаціи не окажется ни достаточно свѣтлыхъ политическихъ головъ, ни достаточно крѣпкихъ рукъ, чтобы она могла выступить въ роли дѣйствительнаго народнаго вождя?

Соціалдемократія можетъ «подготовлять выступленіе» только въ одномъ смыслѣ: готовя свои собственныя силы къ возможному моменту выступленія массъ. Техническая сторона такой под-

готовки, какъ она ни важна, должна быть рѣшительно подчинена политической сторонѣ этого дѣла. А политическая подготовка нашей партіи и всего сознательнаго пролетаріата къ вполнѣ возможному выступленію должна заключаться опять таки въ углубленіи и расширеніи агитаціи, въ упроченіи и развитіи организаціи всѣхъ революціонныхъ элементовъ пролетаріата. Только такая работа будетъ развивать насъ, какъ политическую партію, и тѣмъ самымъ укрѣплять наше вліяніе на народныя массы и повышать наше революціонное самочувствіе, какое необходимо для сознательной и рѣшительной постановки новыхъ и новыхъ, все болѣе смѣлыхъ и рискованныхъ практическихъ задачъ. Всѣ вопросы о формахъ организаціи, о методахъ объединенія и координированіи нашей текущей работы должны разрѣшаться такъ, чтобы ни на минуту не задерживалось развитіе этой политической, въ полномъ смыслѣ слова, дѣятельности партіи. Политическая организація, которая передъ лицомъ уже наступившихъ грозныхъ событій сосредоточилась бы на тщательномъ процѣживаніи комаровъ сквозь сито своей, якобы «ордоксальной», нетерпимости, попала бы въ самое смѣшное положеніе. Революціонеры, думающіе о подготовкѣ возстанія и начинающія съ «подготовки» раскола между связанными единствомъ программы частями партіи, оказались бы просто революціонными фразерами. Вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлаютъ выше цитированные уральскіе товарищи, думать о подготовкѣ для пролетаріата якобы нужныхъ ему на случай выступленія «диктаторовъ», надо начать проявлять себя въ роли самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей. Масса агитаціонныхъ и организаціонныхъ задачъ стоитъ передъ нами, и безъ успѣшнаго выполненія этихъ задачъ мы, какъ бы мы ни «централизовали» себя въ своемъ собственномъ представленіи, не окажемся способны даже замѣтить наступленіе рѣшительнаго момента въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, не то что овладѣть имъ. Эта масса задачъ можетъ быть выполнена только при тѣсномъ сплоченіи всѣхъ соціалдемократическихъ силъ. Такое сплоченіе можетъ быть достигнуто только добровольнымъ сотрудничествомъ во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ представителей различныхъ «оттѣнковъ» одной и той же революціонной соціалдемократіи. Политическое руководство этой дружной работой достанется только тѣмъ дѣятелямъ, которые проявятъ больше всего таланта, больше всего такта, больше всего энергіи въ дѣлѣ организаціи классовой борьбы, въ дѣлѣ объединенія и систематизированія ведущейся по всей площади движенія революціонной агитаціи.

Л. Мартовъ.

Грядущій кризисъ.

(1-го апрѣля 1904 года, № 63).

Еще не улеглись грозныя волны кризиса, охватившаго русскую промышленность за послѣдніе четыре года, какъ уже доносятся вѣсти о новомъ усиленіи экономическаго застоя. Если продолжительный кризисъ, угнетавшій всю хозяйственную жизнь до сихъ поръ, былъ проявленіемъ глубочайшихъ противорѣчій капиталистическаго способа производства, противорѣчій между быстрымъ развитіемъ производительныхъ силъ и тѣсными рамками буржуазныхъ отношеній собственности, сковывающихъ это развитіе, то нынѣшнее обостреніе застоя является непосредственнымъ слѣдствіемъ войны. Всего два мѣсяца прошло со времени объявленія войны, а уже могучіе удары ея болѣзненно отзываются на всемъ хозяйственномъ организмѣ страны, и прежде всего, конечно, на тѣхъ «бѣлыхъ рабахъ», на плечи которыхъ въ конечномъ счетѣ перелагаются всѣ бѣдствія, всѣ лишенія, всѣ язвы современнаго общества.

Незачѣмъ, конечно, говорить о Сибири, весь торгово-промышленный оборотъ которой въ корнѣ подорванъ войной. Призывъ запасныхъ, оторвавшій отъ обычной трудовой жизни цвѣтъ населенія, конская мобилизація, лишившая крестьянина рабочаго скота, необходимаго для работы и подвоза продуктовъ въ города, и, наконецъ, полное прекращеніе движенія грузовъ по желѣзной дорогѣ, уже успѣвшіе наложить свою печать на весь укладъ хозяйственной жизни Сибири,—все это не могло не сказаться въ рядѣ банкротствъ, дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, безработицѣ. Еще большими бѣдствіями грозитъ созданное войною положеніе въ будущемъ. Недостатокъ рабочаго скота съ одной стороны, прекращеніе подвоза сельскохозяйственныхъ машинъ, съ поразительной быстротой начавшихъ было входить въ обиходъ земледѣльческаго хозяйства Сибири, съ другой—должны до крайности затруднить какъ обработку и обсѣмененіе полей, такъ и сборъ хлѣбовъ и травъ. Нѣтъ сомнѣнія, что война дастъ сильнѣйшій толчокъ тому разслоенію сибирскаго крестьянства на зажиточную буржуазію и сельскій пролетаріатъ, которое уже не со вчерашняго дня началось и значительно усилилось съ проведеніемъ желѣзной дороги и ростомъ денежнаго хозяйства. Обостреніе этого процесса подъ вліяніемъ войны отзовется острыми лишеніями, быстрымъ разореніемъ для массы сельскаго населенія Сибири.

Но не одною Сибирью ограничились вызванныя войною бѣдствія. Потрясеніе кредита, остановка торговли съ Дальнимъ Востокомъ, общая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, мѣшающая заключенію всякихъ долгосрочныхъ сдѣлокъ, усиленное навязываніе бумажныхъ денегъ, внушающее законное опасеніе за судьбу золотой валюты,—все это вызвало застой въ торговыхъ оборотахъ, раньше всего сказавшійся въ крупныхъ торговыхъ центрахъ: изъ Одессы, Риги, Кіева, Варшавы, Лодзи, Тифлиса, Баку—отовсюду сообщаютъ о прекращеніи платежей торговыми фирмами, о сокращеніи экспорта, о застоѣ во всѣхъ дѣлахъ. Такія же вѣсти идутъ и изъ Петербурга, гдѣ особенно отмѣчается почти полное отсутствіе иностранныхъ комми-вояжеровъ, обыкновенно въ это именно время переполнявшихъ всѣ петербургскія гостинницы. Область застоя какъ бы кольцомъ охватила всю Россію и все ближе и ближе подвигается къ ея центру.

Застой въ торговлѣ немедленно же отразился безработицей прежде всего въ цѣломъ рядѣ мелкихъ промысловъ—портняжномъ, столярномъ, слесарномъ и пр. Строительныя работы также почти прекратились, и десятки тысячъ рабочихъ и работницъ выброшены на улицу и подвергнуты всѣмъ ужасамъ безвыходной нищеты. Съ мелкихъ промысловъ безработица перекинулась уже и на крупныя производства. Уменьшается вывозъ керосина на востокъ, закрываются ящичные заводы въ Баку; грозятъ «сокращеніемъ рабочаго времени и вознагражденія» («Курьеръ» № 38), т. е., попросту говоря, безработицей и пониженіемъ заработной платы на варшавскихъ фабрикахъ; «почти на половину» сокращаютъ производство лодзинскіе фабриканты (Нов.); «цѣлый рядъ фабрикъ и мастерскихъ прекратили уже работу» въ Одессѣ (прокл. одес. ком. «Война и рабочіе»); въ Ригѣ «на многихъ фабрикахъ, за недостаткомъ работы, распущено много рабочихъ, на другихъ же работаютъ всего нѣсколько дней въ недѣлю» (Новости № 71); поколебались уже и московскія фабрики (см. корр. изъ Вильны въ № 63).

А вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительно всюду алчные спекулянты бѣлой и черной кости создаютъ себѣ богатства на бѣдствіяхъ народа. «Благородное» дворянство и «именитое» купечество, жертвуя одной рукой «патріотическую» дань на алтарь отечества, другою тщательно запираютъ въ амбарахъ запасы хлѣба и другихъ жизненныхъ продуктовъ, расчитывая на повышеніе цѣнъ, на выгодныя поставки и подряды, на наживу на счетъ тѣхъ самыхъ «героевъ», которыхъ не устаютъ прославлять лицемѣрно-крикливыя уста. Для сахарозаводчиковъ, даже ихъ собственныя «патріотическія» пожертвованія, и безъ того обста-

вленныя ростовщическими условіями («Искра» № 61), служатъ предлогомъ повысить цѣны на сахаръ «въ виду сокращенія запаса» (Од. Новости № 6245). Проявившееся кое-гдѣ стремленіе правительства нормировать цѣны полицейскими указами, разумѣется, немногимъ поможетъ дѣлу.

И одновременно съ пониженіемъ заработковъ, съ полной безработицей идетъ быстрое повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, мясо, овощи, дрова, сахаръ и пр. и пр. Голодъ стучится въ двери рабочаго народа, того самаго народа, именемъ котораго прикрываются завоевательныя авантюры. Кризисъ, вызванный войною, только начинается, а мы уже слышимъ о тифѣ въ рабочихъ кварталахъ Одессы, о «сильномъ развитіи проституціи», объ «увеличеніи грабежей, кражъ и убійствъ» въ Прибалтійскомъ краѣ и другихъ мѣстностяхъ. Тифъ—это послѣдній даръ «отечества» работнику, выматывающему изъ себя всѣ силы, пока капиталъ находилъ въ томъ свою выгоду. Проституція—это послѣдній удѣлъ работницы, которая даже за грошевую плату не находитъ покупателей на свои трудовыя руки и можетъ избѣжать голодной смерти, лишь отдавъ на поруганіе денежному мѣшку свое тѣло и свою душу. Грабежи, кражи и убійства—это послѣднее средство, къ которому прибѣгаетъ доведенный до отчаянія пролетарій, не захваченный еще облагораживающимъ потокомъ классовой борьбы; это месть за всѣ лишенія, за голодающую семью, за униженія, за вѣковой гнетъ, за невѣжество, которое служитъ въ рукахъ капиталистическаго общества орудіемъ, задерживающимъ развитіе классоваго сознанія въ его паріяхъ.

Но, конечно, этими примитивными формами непосредственнаго протеста и самообороны дѣло не ограничится. И не только потому, что сознательность, сплоченность, политическая воспитанность русскаго рабочаго класса слишкомъ далеко подвинулись впередъ, но и потому что бѣдствія кризиса охватываютъ уже, и еще больше охватятъ въ недалекомъ будущемъ, слишкомъ большую массу рабочаго народа, а протестъ массы никакъ не можетъ уложиться въ тѣсныя рамки «своихъ средствій», дающихъ тотъ или иной исходъ накипѣвшему чувству отдѣльныхъ лицъ. Распространеніе же застоя на всю экономическую жизнь страны почти несомнѣнно. Слишкомъ тѣсными узами связаны другъ съ другомъ всѣ отрасли производства въ капиталистическомъ обществѣ, чтобы возможна была локализація кризиса. И временный подъемъ производства въ сферахъ, непосредственно обслуживающихъ военныя потребности, мало что можетъ измѣнить въ общей картинѣ положенія дѣлъ. Къ тому же, русскіе заводы слишкомъ неприспособ-

лены къ производству многихъ предметовъ военнаго потребленія, чтобы быть въ состояніи исполнять заказы въ требуемый срокъ, и въ газетахъ проскользнуло уже извѣстіе, что—въ виду отказа русскихъ заводчиковъ—военное министерство вынуждено обращаться съ заказами заграницу. Внезапная пріостановка желѣзнодорожнаго строительства, затрудненія въ транспортѣ, ожидаемое повышеніе всевозможныхъ пошлинъ и налоговъ, грозящій переходъ къ бумажной валютѣ—все это еще болѣе усилитъ кризисъ и расширитъ область его распространенія. Прекращеніе или же затрудненіе подвоза американскаго хлопка, весьма возможное при современномъ положеніи международныхъ дѣлъ, грозило бы такимъ промышленнымъ крахомъ, такими неслыханными бѣдствіями для пролетаріата, какихъ еще не знала капиталистическая Россія.

Широкій разливъ безработицы и огромный подъемъ недовольства и протеста рабочей массы стоитъ на очереди. И вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ соціалдемократіей, передъ сознательнымъ авангардомъ рабочаго класса—наряду съ усиленной пропагандой соціалистическихъ идей, для которой создается такая благодарная почва той обнаженностью, съ какой выступаютъ въ кризисѣ непримиримыя противорѣчія капиталистическаго общества—встаетъ неотложная задача овладѣть этимъ стихійнымъ движеніемъ протеста, подчинить его своему руководству, направить въ русло классовой политики пролетаріата.

Соціалдемократія должна помочь пролетаріату политически оріентироваться, отдѣлить себя отъ соприкасающихся съ нимъ элементовъ и уяснить себѣ антагонистическую игру интересовъ современнаго русскаго общества. Въ какую форму выльется стихійный взрывъ—почти не зависитъ отъ насъ. И потому было бы чистымъ безуміемъ, если бы мы вздумали пріурочить всю нашу организаціонную и агитаціонную дѣятельность лишь къ одной изъ возможныхъ формъ массоваго протеста. Все, что мы—по состоянію нашихъ силъ—можемъ сдѣлать въ этомъ направленіи, это употребить всѣ усилія, чтобы разъяснить рабочему классу невозможность разсчитывать въ эпоху кризиса на стачку, какъ на орудіе завоеванія непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ, съ одной стороны, и указать на опасность изолированныхъ, малолюдныхъ, не руководимыхъ ясно сознанной цѣлью насильственныхъ взрывовъ, съ другой; такіе взрывы въ атмосферѣ осаднаго положенія послужили бы только въ рукахъ правительства средствомъ—рядомъ кровопусканій ослабить рабочій классъ къ моменту рѣшительной битвы.

Конечно, эти задачи наши, какъ онѣ ни малы относительно, все же достаточно велики и важны, чтобы соціал-демократія отнеслась къ

нимъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ. Онѣ же будутъ неоднократно вставать передъ нами въ самомъ ходѣ стихійнаго движенія; и поскольку для насъ вообще возможно внести въ этотъ массовый потокъ элементы организаціи и подготовленности, постольку мы обязаны сдѣлать это, хотя бы цѣною напряженія всѣхъ нашихъ силъ. Но было бы крупной ошибкой преувеличивать доступную намъ мѣру воздѣйствія въ этомъ направленіи и закрывать глаза на то, что въ значительной степени стихійной будетъ та форма, въ которую воплотится наростающая неудовлетворительность и недовольство рабочихъ массъ, и что съ этой стихійной формой—будь то всеобщая стачка, не ставящая себѣ никакихъ опредѣленныхъ экономическихъ цѣлей, массовыя манифестаціи безработнаго и голодающаго народа на улицахъ городовъ, попытки силою подчинить своимъ интересамъ административную и хозяйственную машину, или наконецъ, постепенный переходъ отъ стачки черезъ демонстраціи къ возстанію—намъ придется считаться, какъ съ данною. Было бы въ высшей степени опасно, еслибы мы, полагаясь на возможность для насъ непосредственнаго организаціонаго руководства всей многомилліонной массой пролетаріата, не оцѣнили бы въ полной мѣрѣ первостепенную важность укрѣпленія элементовъ нашего политическаго руководства рабочимъ классомъ, и позабыли бы, что если первое и допускаетъ еще при извѣстныхъ условіяхъ концентрированіе всей соціалдемократической сознательности и политическаго умѣнья въ кружкѣ руководителей движенія, «вождей» его, то второе настоятельно требуетъ разлитія этой сознательности и этого умѣнья въ непрерывно расширящіеся слои пролетаріата. Только при такомъ условіи и становится возможнымъ дѣйствительное политическое руководство, когда лозунги, исходящіе изъ верхушки партіи и основанные на тщательномъ и продуманномъ изученіи политической жизни, встрѣчаютъ ростущую волну пониманія съ низинъ рабочей массы; и только при такомъ условіи возможны и сколько-нибудь прочныя организаціонныя связи наши съ массой.

Потому-то тѣ немногіе дни, которые еще отдѣляютъ насъ отъ открытаго проявленія пролетарскаго протеста, подъ напоромъ безработицы, жажды и голода, мы должны прежде всего посвятить политическому воспитанію того авангарда рабочаго класса, который уже охваченъ и съ каждымъ днемъ все болѣе охватывается организаціонной и агитаціонной дѣятельностью нашей партіи; онъ послужитъ резервуаромъ, изъ котораго обильными струями будетъ просачиваться классовое сознаніе въ глубины рабочаго моря, цементомъ, который непрерывно свяжетъ соціалдемократическую партію, съ тѣми аморфными пролетарскими

массами, интересы которыхъ она стремится безпримѣсно выразить въ своей программѣ, тактикѣ, организаціи. Только такая крѣпкая, живая связь и сдѣлаетъ соціалдемократію дѣйствительно политической партіей рабочаго класса, не дастъ ей превратиться въ машину, съ которой снятъ передаточный ремень, и которая—какую бы огромную силу она ни развивала—работаетъ безплодно, не приводя въ движеніе и не направляя никакого реальнаго производственнаго процесса...

Итакъ, политическое воспитаніе доступныхъ нашему воздѣйствію массъ—вотъ очередная задача. Но воспитаніе массъ не можетъ быть основано исключительно на устной проповѣди отвлеченныхъ началъ соціалистической науки; оно не можетъ ограничиться и однимъ агитаціоннымъ воздѣйствіемъ. Агитація—устная и посредствомъ прокламацій—будитъ чувство протеста, будитъ политическую мысль, даетъ элементы политическаго пониманія; но всего этого мало. Масса дѣйствительно учится, дѣйствительно воспитывается лишь въ процессѣ политическаго дѣйствія. Чѣмъ шире будетъ кругъ рабочихъ, вовлеченныхъ въ непосредственную политическую дѣятельность, принимающихъ активное участіе въ направленіи политической работы нашей партіи, тѣмъ плодотворнѣе будетъ этотъ подготовительный періодъ въ смыслѣ обезпеченія за соціалдемократіей руководства движеніемъ рабочаго класса въ революціонную эпоху.

Война и вызванный ею кризисъ даютъ благодарную почву для такого воспитанія передовыхъ слоевъ рабочаго класса въ активной политической дѣятельности, и мы должны умѣло воспользоваться политической коньюнктурой, чтобы поставить этихъ застрѣльщиковъ пролетаріата лицомъ къ лицу не только съ самодержавнымъ правительствомъ, истиннымъ виновникомъ войны и вызванныхъ ею бѣдствій, но и со всѣми классами русскаго общества, которые въ процессѣ политической ликвидаціи абсолютизма окажутся то явными врагами, то временными союзниками рабочаго класса.

Безработица — первый результатъ войны, должна послужить поводомъ для протеста противъ тѣхъ организацій имущихъ классовъ, которыя въ той или иной формѣ поддерживаютъ войну. Городскія думы, земства, дворянскія и купеческія собранія, съѣзды промышленниковъ, всѣ общественныя учрежденія, жертвующія деньги на флотъ и другія военныя надобности, всѣ они должны натолкнуться на протестъ пролетаріата, въ формѣ ли вынесенныхъ на рабочихъ собраніяхъ резолюцій, разсылаемыхъ по домамъ или разбрасываемыхъ на улицахъ, въ формѣ ли враждебныхъ манифестацій явившихся на засѣданія рабо-

чахъ, или въ какой-либо иной формѣ, наиболѣе соотвѣтствующей условіямъ времени и мѣста.

Дороговизна съѣстныхъ припасовъ сблизитъ рабочій классъ въ его протестѣ съ мелкимъ городскимъ мѣщанствомъ, одинаково страдающимъ отъ этой дороговизны, и крупнымъ завоеваніемъ для пролетаріата будетъ пробужденіе подъ его вліяніемъ политическаго недовольства въ этой инертной доселѣ средѣ. Здѣсь такъ же возможенъ рядъ обращеній рабочихъ собраній къ мелкому городскому населенію съ разъясненіемъ причинъ угнетающаго всѣхъ кризиса, съ призывомъ къ совмѣстной борьбѣ въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускаются классовымъ положеніемъ мѣщанства, отличнымъ отъ классоваго положенія пролетаріата. Такъ своей борьбой рабочій классъ пробудитъ къ сознательной политической жизни, толкнетъ въ политическую борьбу новый слой мелкой буржуазіи. Еще болѣе благопріятная почва создается для агитаціи среди страдающаго отъ дороговизны и безработицы сельскаго пролетаріата, обостренія его классоваго антогонизма съ сельской буржуазіей, и сближенія съ городскими рабочими. А протестъ рабочаго класса противъ поддержки военныхъ авантюръ правительства со стороны имущихъ классовъ усилитъ тѣ элементы ихъ, которые умѣютъ уже ставить основные интересы своего класса выше соображенія минутнаго политиканства, и понимаютъ, что классовые интересы всѣхъ развивающихся слоевъ русскаго капиталистическаго общества, не могутъ мириться съ поддержкой той войны, главная цѣль которой—укрѣпленіе абсолютизма. Такъ, самой борьбой своей противъ имущихъ классовъ рабочій классъ толкнетъ ихъ на путь болѣе широкой политической борьбы, заставитъ струну ихъ классовыхъ интересовъ звучать сильнѣе и заглушитъ нестройный аккордъ противорѣчивыхъ групповыхъ и личныхъ интересовъ минуты.

Такимъ образомъ, открывается необозримое поле для политическаго дѣйствія и политическаго воспитанія все растущихъ массъ рабочаго класса, и задача соціалдемократіи использовать этотъ процессъ столкновенія рабочихъ лицомъ къ лицу съ представителями всѣхъ классовъ русскаго народа для выясненія тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, тѣхъ граней, которыя его отъ нихъ отдѣляютъ. Но, конечно,—и это необходимо помнить—въ полной мѣрѣ эта политическая активность можетъ быть использована лишь въ въ томъ случаѣ, если мы будемъ остерегаться тѣхъ шаблонныхъ формъ, которыя позволяютъ намъ подмѣнять самодѣятельность рабочаго класса нашей собственной дѣятельностью. Всѣ резолюціи, протесты, петиціи, постановленія и пр. и пр., имѣютъ въ этомъ смыслѣ

цѣну лишь постольку, поскольку они являются выраженіемъ политической воли участниковъ всѣхъ этихъ дѣйствій, поскольку каждое слово резолюціи дѣйствительно сознательно продумано и усвоено каждымъ голосующимъ за нее рабочимъ.

Не надо ни на минуту забывать, что тотъ взрывъ стихійнаго протеста, навстрѣчу которому мы идемъ, совершится въ такой соціально-политической обстановкѣ, что можетъ послужить непосредственнымъ прологомъ той революціи, которую такъ долго ждутъ и которая все же придетъ вдругъ, незамѣтно, какъ «тать въ нощи». Но революція—это не просто штурмъ Бастиліи или Версаля, это—насильственная развязка тысячи самыхъ сложныхъ, самыхъ запутанныхъ вопросовъ соціально-политической жизни, и схематическія формулы «долой самодержавіе» и «да здравствуетъ соціализмъ», давая общіе, руководящіе принципы нашей агитаціи, сами по себѣ, безъ отчетливаго и яснаго пониманія соціально-политической обстановки и умѣнья оріентироваться въ ней, ни на іоту не могутъ помочь въ отысканіи той нити классоваго движенія, за которую мы должны крѣпко держаться въ нашихъ странствованіяхъ по лабиринту текущей политики.

Но, если мы будемъ все это помнить и направимъ наши силы на подготовку элементовъ для политическаго руководства нашего борьбой рабочаго класса, грядущій кризисъ, грядущая волна стихійнаго протеста не застанутъ насъ безпомощными. Если бы тогда какой нибудь несчастный случай и вырвалъ изъ среды борющагося пролетаріата руководившій имъ до тѣхъ поръ комитетъ, мы можемъ быть спокойны: сѣмя политическаго воспитанія, брошенное въ періодъ «подготовительныхъ» работъ, не заглохнетъ. Въ атмосферѣ обостренной политической борьбы оно взойдетъ пышнымъ колосомъ, и масса, лишившаяся однихъ вождей, сумѣетъ выдвинуть изъ своей среды десятки другихъ, привыкшихъ къ самодѣятельности и политической активности. А это будетъ значить что наша партія исполнила свое дѣло, и, если какимъ нибудь чудомъ исчезнутъ вдругъ всѣ нынѣшніе комитетскіе соціалдемократы, рабочимъ классомъ все же будетъ руководить соціалдемократія.

Ф. Данъ.

Анти-еврейская кампанія.

(18 Апрѣля 1904 г. № 64).

«По словамъ южныхъ газетъ, праздники св. Пасхи прошли въ Одессѣ, Кишиневѣ и другихъ городахъ при полномъ спокойствіи».— Этими строками, напечатанными петитомъ на послѣдней страницѣ, «Новое время» отмѣчаетъ конецъ предпринятой правительствомъ анти—еврейской кампаніи.

Кампанія эта началась задолго до «св. Пасхи», и, если пониманіе истинныхъ причинъ и цѣли кишиневской кровавой бани требовало нѣкотораго, хотя и слабаго, напряженія ума, то нынѣшній крестовый походъ г. Плеве и его сподвижниковъ совершался съ такой циничною откровенностью, что суть дѣла съ первой же минуты была ясна и для самихъ крестоносцевъ, отъ мала до велика, и для намѣченныхъ жертвъ, и для посторонняго наблюдателя.

Въ доброе старое время польскіе (да и иные) короли имѣли обыкновеніе, при нуждѣ въ деньгахъ, прежде всего распускать слухи объ употребленіи евреями христіанской крови. Затѣмъ, когда напуганные евреи припадали къ «стопамъ всемилостивѣйшаго монарха» съ мольбой о защитѣ отъ грозящаго имъ погрома, начинался самый прозаическій торгъ, и за сходную цѣну «помазанникъ божій» выдавалъ торжественную грамоту, въ которой подъ страхомъ самыхъ ужасныхъ каръ, земныхъ и небесныхъ, запрещалось распространять «злонамѣренные» слухи и возвѣщалось «всѣмъ и каждому», что всѣ «подданные», въ томъ числѣ и евреи, равно близки «любвеобильному сердцу монарха» и пр. и пр. И такъ изъ года въ годъ. Еврейскіе архивы полны такихъ грамотъ, и каждый разъ, какъ какой нибудь либеральный историкъ чувствуетъ надобность демонстрировать «просвѣщенность» того или иного изъ средневѣковыхъ тирановъ, въ этихъ грамотахъ онъ можетъ найти обильныя доказательства самыхъ гуманныхъ чувствъ, отсутствія «предрасудковъ», вѣротерпимости и прочихъ прекрасныхъ качествъ; и только прямая пропорціональность всѣхъ этихъ добродѣтелей величинѣ вырученной за нихъ денежной суммы наводитъ на нѣкоторыя подозрѣнія и размышленія.

Московское и петербургское самодержавіе въ средніе вѣка и при началѣ новыхъ не имѣло удовольствія владѣть собственными «жидами» и потому долго не подозрѣвало, какія золотыя яйца можетъ нести

еврейская курица, если только ее прижать хорошенечко. До такой степени не подозрѣвало, что, когда при Елизаветѣ Петровнѣ нѣкоторые проницательные люди совѣтовали ей отрыть доступъ въ Россію евреямъ, «кроткая Елисаветъ» простодушно заявила, что «отъ враговъ христовыхъ не желаетъ интересной прибыли», не будучи въ состояніи взять въ толкъ того чудеснаго метода, благодаря которому полученіе «интересной прибыли» сочетается именно съ прославленіемъ «имени христова» и униженіемъ «враговъ» его.

Съ раздѣлами Польши «мы» получили «своихъ» евреевъ. Но на первое время ихъ приходилось до извѣстной степени щадить и даже оказывать имъ кое-какое покровительство, какъ возможной опорѣ русскаго абсолютизма въ борьбѣ съ польскимъ шляхетствомъ. А затѣмъ наступили времена, когда неудобно ужъ стало производить набѣги на еврейскій карманъ «en grand», и дѣло было «децентрализовано», отдано на откупъ всей сворѣ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ чиновниковъ, производившихъ операцію грабежа евреевъ въ розницу, каждый за себя, а мѣстами соединявшихся и въ цѣлыя торгово-промышленныя компаніи для этой цѣли. Извѣстно, что и до сихъ поръ евреями «кормятся» всѣ полицейскія и иныя власти, прикосновенныя такъ или иначе къ наблюденію за «неуклоннымъ» выполненіемъ тысячи запутанныхъ и крайне эластичныхъ, исключительныхъ законовъ противъ евреевъ. И несомнѣнно, что одной изъ не послѣднихъ причинъ сохраненія въ силѣ и усугубленія ограниченій въ правѣ жительства, пріема въ учебныя заведенія и пр. и пр. служитъ упорное нежеланіе многочисленной бюрократіи разстаться съ этимъ неизсякающимъ источникомъ «безгрѣшныхъ» доходовъ.

Но самодержавному правительству, въ лицѣ его центральныхъ учрежденій, не приходилось еще учинять сколько-нибудь крупнаго, единовременнаго «всееврейскаго» грабежа, да, казалось, никогда и не придется, ибо «времена не тѣ». Въ XX вѣкѣ не принято какъ-то торговать покровительственными грамотами. И, однако, въ лѣто отъ Р. X. 1904 г., при «всемогущемъ» г. Плеве невозможное оказалось возможнымъ, и съ началомъ войны, когда явилась острая нужда въ деньгахъ, немедленно начался самый открытый шантажъ, направленный противъ евреевъ.

Само собой понятно, что никакихъ особыхъ «патріотическихъ» чувствъ по случаю войны, имѣющей цѣлью укрѣпленіе азіатскаго деспотизма въ Россіи, евреи питать не могли. Для этого они слишкомъ больно чувствуютъ всѣ прелести черты осѣдлости, усиленной воинской повинности, ограниченія доступа въ учебныя заведенія и другихъ

даровъ россійскаго абсолютизма. Воспоминаніе о кишиневскомъ «праздновании св. Пасхи» и осеннихъ погромахъ, усиленная отправка именно еврейскихъ солдатъ на Дальній Востокъ также врядъ ли могли расположить къ «добровольнымъ» пожертвованіямъ на дѣло войны тѣхъ евреевъ, которыхъ рабья психологія не лишила окончательно человѣческаго образа. Но, устроивъ всероссійскій грабежъ съ «добровольными» вычетами изъ жалованья и заработной платы, съ «добровольными» пожертвованіями сельскихъ сходовъ при усердномъ «содѣйствіи» земскихъ начальниковъ, правительство не могло, конечно, равнодушно смотрѣть на уклоненіе отъ этой «добровольной» повинности евреевъ, самимъ небомъ предназначенныхъ не для чего иного, какъ для подкрѣпленія пустующихъ кассъ «христіанскаго» государства.

По знаку, данному изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, немедленно начался самый ожесточенный походъ противъ евреевъ. Газетныя шавки не знали предѣла своему усердію. Застрѣльщикомъ въ погромной агитаціи явился достаточно уже извѣстный Крушеванъ и впервые дебютировавшій въ этой роли ренегатъ толстовства—г. Меньшиковъ, нѣкогда цѣлые томы наполнявшій «мучительными» размышленіями о томъ, имѣетъ ли онъ «право» убить блоху, а нынѣ подстрекающій къ повторенію кишеневской бойни. Безстыдство руководимыхъ департаментомъ полиціи писакъ превзошло всякое вѣроятіе. Не только печатались выдуманныя извѣстія о какомъ-то броненосцѣ, якобы подаренномъ евреями японскому микадо, причемъ даже сами японцы оказывались «семитическаго происхожденія»; но г. Меньшиковъ увѣрялъ даже, что «вся нынѣшняя война, намъ нагло навязанная», есть чуть не прямое слѣдствіе «еврейской агитаціи», и сочувственно вторилъ Крушевану, пророчествовавшему, что «сама жизнь» дастъ «страшный, жестокій отвѣтъ» на эту «еврейскую агитацію», отвѣтъ, который покажетъ, что «нельзя безнаказанно издѣваться надъ всѣмъ человѣчествомъ». Газета «Знамя» раздавалась безплатно во многихъ южныхъ городахъ, и нѣкоторые магазины начали даже спеціально въ нее завертывать всѣ покупки. Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ оффиціозномъ характерѣ похода, гг. градоначальники и губернаторы одновременно начали вести «бесѣды» съ «почетнѣйшими» евреями и внушать имъ, что при «таковомъ анти-патріотизмѣ» правительство не можетъ «ручаться», что требуются «доказательства» вѣрноподданныхъ чувствъ и пр. и пр. Въ Юзовѣ «командиръ казачьей сотни» произнесъ даже «сильную рѣчь» въ синагогѣ; проповѣдникъ въ казацкомъ мундирѣ и съ нагайкой за поясомъ приглашалъ евреевъ «деньгами придти на помощь нашимъ героямъ».

Еврейская буржуазія уступила. «Вѣрноподданныя» чувства и вещественныя доказательства ихъ полились рѣкой. Отвратительная картина трусости, лицемѣрія, раболѣпства могла порадовать сердце г. Плеве. И радость эта была такъ велика, что немедленно же стали появляться «покровительственныя» грамоты губернскихъ сатраповъ, съ самымъ наивнымъ безстыдствомъ возвѣщавшія «населенію», что «всѣ государевы подданные, какой бы вѣры они ни были, пользуются одинаковымъ покровительствомъ и защитой законовъ» по той собственно причинѣ, что и евреи «добровольно и охотно вносятъ свои пожертвованія въ пользу Краснаго Креста». Бессарабскому духовенству было предписано «съ церковной кафедры» обличать распространителей «злонамѣренныхъ» слуховъ и даже доносить о нихъ по начальству; «субъектовъ», возбуждающихъ «нелѣпые толки», велѣно наказывать «по всей строгости законовъ» и т. д. Словомъ, правительство явило всѣ тѣ признаки «просвѣщенной гуманности», которою искони отличались отцы отечества, стянувшіе положенный за гуманность кушъ.

Большою ошибкою было бы, однако, думать, что этотъ отбой по всей линіи вызванъ только уступчивостью еврейской буржуазіи и проявленной ею готовностью расплатиться наличными. Скорѣе можно сказать, что не столько дѣйствительная опасность, сколько исконная трусливость заставила эту буржуазію уступить угрозамъ г. Плеве. Потому что угрозы эти на самомъ дѣлѣ были вовсе не такъ страшны.

Прежде всего, правительство не могло, конечно, не понимать, что, какъ бы ни прижало оно «своихъ евреевъ», ему никогда не удастся выжать изъ нихъ столько, чтобъ избѣгнуть необходимости обращаться за займами на войну къ «гнилому западу». Западъ же вообще и короли биржи, на которой еврейскіе капиталисты—Ротшильдъ и К°—играютъ не малую роль, въ частности, отнюдь не благосклонно смотрятъ на такіе пріемы «внутренней политики», какъ еврейскіе погромы. И не столько по человѣколюбію или особой симпатіи къ евреямъ, сколько потому, что система управленія при помощи періодическихъ боенъ колеблетъ правильный ходъ торгово-промышленной жизни и неопровержимо свидѣтельствуетъ о непрочности, авантюристскомъ характерѣ правительства, прибѣгающаго къ такимъ методамъ управленія. Съ мнѣніемъ же еврейской буржуазіи нашему правительству, хотя и со скрежетомъ зубовнымъ, приходится серьезно считаться въ настоящее «затруднительное» время, и невозможно было показаться «Европѣ» въ грязномъ, забрызганномъ кровью бѣльѣ.

Затѣмъ, уже прошлогодній кишиневскій «опытъ», затѣянный съ цѣлью «отвлеченія» вниманія народной массы и расправы съ «вну-

треннимъ врагомъ», окончился полной неудачей для правительства. Если празднованіе дня перваго мая и потерпѣло нѣкоторый ущербъ, то этотъ внѣшній успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною подъема классовой солидарности и организованности пролетаріата, подъема, выразившагося, какъ въ организаціи «самообороны» еврейскихъ рабочихъ, такъ и въ помощи имъ со стороны рабочихъ русскихъ. Агитаціонный же матеріалъ, доставленный разоблаченіемъ дѣйствительнаго смысла прошлогоднихъ погромовъ, своею революціонною цѣнностью, конечно, далеко превысилъ всю цѣнность достигнутыхъ правительствомъ жалкихъ «успѣховъ», выразившихся въ нѣсколькихъ десяткахъ убитыхъ, раненыхъ и ограбленныхъ.

Предпринимая въ нынѣшнемъ году—«по случаю войны»—походъ на еврейскіе карманы, правительство придавало, конечно, огромную цѣну и новой попыткѣ направить не совсѣмъ удобное для него вниманіе народа къ причинамъ и ходу войны въ сторону евреевъ. На «политическія» причины анти-еврейской агитаціи указывалось и въ газетахъ, обвинявшихъ евреевъ въ «плетеніи политической интриги», и въ бесѣдѣ министра внутреннихъ дѣлъ съ еврейской депутаціей. Но едва началась анти-еврейская агитація, все безуміе ея, съ точки зрѣнія самого правительства, противъ котораго, въ атмосферѣ вызваннаго войною возбужденія и недовольства, грозитъ обратиться всякое массовое движеніе, каковы бы ни были его первоначальныя, ближайшія цѣли, стало ясно даже г. Плеве. И именно это сознаніе своего безсилія, страхъ передъ Европой, сознаніе опасности своего положенія, смертельная боязнь всякаго массового движенія—именно это парализовало руку правительства раньше, чѣмъ она успѣла серьезно подготовить элементы погрома. Инспирированная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ агитація только еще началась, какъ уже велѣно было бить отбой, и Плеве началъ разсылать секретные циркуляры, въ которыхъ рекомендовалъ примѣнять существующія «ограничительныя законоположенія» противъ евреевъ съ осторожностью, чтобъ не усиливать недовольства въ «настоящее затруднительное время». Только политической дряблости и трусости еврейской буржуазіи обязана успѣхомъ эта спекуляція на ея карманы.

Еврейскій пролетаріатъ отвѣтилъ на брошенный ему вызовъ не колѣнопреклоненіемъ, не униженными мольбами о «защитѣ», а новой организаціей и усиленіемъ самообороны. Это единственный правильный путь, не только потому, что лишь онъ одинъ можетъ радикально отбить охоту у правительства устраивать погромы, но и по своему политическому воспитательному значенію. Организація самообороны

пріучаетъ рабочій классъ полагаться лишь на свои силы, она толкаетъ и еврейскую буржуазію на путь борьбы. Сколько бы ни гремѣли казенные равины противъ самообороны, какъ бы чудовищно-дерзкою ни казалась ветхозавѣтнымъ, пропитаннымъ рабьимъ духомъ, евреямъ попытка противопоставить силѣ силу—и прошлогодніе погромы и событія въ Поричахъ [1]) показываютъ съ очевидностью, что все ростущіе слои еврейскаго мѣщанства начинаютъ, если не принимать активное участіе въ самооборонѣ, то, по крайней мѣрѣ, возлагать всѣ свои надежды на организованный рабочій классъ. И это концентрированіе общественнаго вниманія и общественныхъ упованій на организованномъ авангардѣ пролетаріата; это перенесеніе надеждъ съ трепетнаго ожиданія «милостей» на боевой отпоръ сознательныхъ пролетаріевъ несомнѣнно является крупнымъ политическимъ пріобрѣтеніемъ для пролетаріата. Не затемняя классоваго сознанія рабочаго класса, укрѣпляя его сплоченность, организація самообороны создаетъ для рабочаго движенія атмосферу симпатіи, позволяетъ ему использовать въ своихъ интересахъ средства и силы части буржуазіи и въ то же время толкаетъ самую буржуазію къ активной политической борьбѣ.

Но неправильно было бы думать, что дѣло «самообороны» есть исключительно дѣло еврейскихъ рабочихъ. Уже самыя причины провоцированія погромовъ со стороны правительства — въ конечномъ счетѣ всегда сводящіяся къ стремленію укрѣпить позицію абсолютизма—достаточно громко говорятъ о томъ, какой существенный интересъ для всего россійскаго пролетаріата заключается въ помѣхѣ кровожаднымъ авантюрамъ. Точно также, какъ защищая отъ погрома еврейскую буржуазію, еврейскій пролетаріатъ защищаетъ самого себя, такъ же пролетаріатъ всѣхъ національностей борется за свое собственное дѣло, когда становится поперекъ дороги палачамъ, пытающимся разжечь національныя страсти. И какъ ни недостаточны были попытки сознательныхъ русскихъ пролетаріевъ придти на помощь избиваемымъ евреямъ въ прошломъ году, принципіальное значеніе ихъ было огромно. Онѣ явились не только живымъ примѣромъ солидарности и единства дѣла пролетаріевъ всѣхъ національностей, но и намекомъ на ту активную, самостоятельную роль во всѣхъ перипетіяхъ политической жизни страны, которую долженъ играть пролетаріатъ, если хочетъ, чтобы классовая пролетарская политика была не пла-

---

[1]) Въ м. Поричи вся еврейская буржуазія сплотилась вокругъ организаціи самообороны, устроенной мѣстными и прибывшими изъ другихъ мѣстечекъ еврейскими и русскими рабочими, оказывала ей помощь деньгами квартирами и т. д.

тонической фразой, а реальнымъ фактомъ. И такая активная политическая дѣятельность скорѣе, чѣмъ цѣлые томы краснорѣчивыхъ разсужденій, покажетъ всѣмъ пролетаріямъ Россіи полное тождество ихъ интересовъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ политической жизни и весь вредъ раздѣленія единаго россійскаго рабочаго класса національными, профессіональными, территоріальными и иными перегородками, не имѣющими никакого основанія въ классовыхъ интересахъ пролетаріата.

Погромная кампанія, поскольку она преслѣдовала политическія цѣли, не удалась. Но значеніе ея отъ этого не менѣе огромно. Она не только еще разъ показала въ истинномъ свѣтѣ отвратительную физіономію существующаго режима, она—и это самоеглавное—обнаружила въ самодержавной бюрократіи упадокъ вѣры въ себя, въ собственныя силы обнаружила нерѣшительность, колебанія, боязнь передъ народомъ. Тѣмъ дружнѣе долженъ быть натискъ на нее.

Ф. Данъ.

Реформаторскія потуги.

1 Іюня 1904 г. № 67.

Царствованіе Александра III оставило глубокій слѣдъ въ развитіи русской политической жизни. Истекавшій кровью абсолютизмъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы удержать въ своихъ слабѣющихъ рукахъ ускользавшія отъ него нити государственнаго управленія, и цѣлая груда реакціонныхъ законовъ и мѣропріятій изготовлялась ежегодно въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Еще реакціоннѣе становилась годъ отъ году административная практика. Безжалостно урѣзывая всѣ, и безъ того немногочисленные, «прогрессивные» элементы въ законодательствѣ предыдущаго царствованія, новая эра поставила цѣлью своихъ стремленій, если не возстановленіе,—безнадежность такой утопіи была слишкомъ очевидна, — то, по крайней мѣрѣ, возможное приближеніе къ порядкамъ и отношеніямъ крѣпостной эпохи.

Но,—какъ это всегда бываетъ съ реакціонной политикой, идущей въ разрѣзъ съ самыми основными потребностями общественно-экономическаго развитія,—кратковременное укрѣпленіе позицій абсолютизма покупалось цѣною усиленія того самаго недовольства, той смуты и «крамолы», сокрушенія которой съ такой настойчивостью и прямолинейностью добивались. И это тѣмъ болѣе, что, ставя одною рукою преграды рвавшему путы крѣпостного уклада развитію капиталистическаго общества, правительство,—въ силу требованій финансоваго хозяйства и необходимости искать благосклонности вліятельныхъ элементовъ,—другою рукою всячески содѣйствовало росту капиталистической промышленности. А капитализмъ и самъ по себѣ не можетъ надолго примириться съ гнетомъ самодержавно-феодальныхъ порядковъ и—что еще важнѣе—въ лицѣ пролетаріата создаетъ непримѣримаго противника всѣхъ устоевъ россійской самобытности. Въ этомъ же фактѣ капиталистическаго преобразованія Россія черпали все новыя и новыя силы и тѣ слои противниковъ абсолютизма, оппозиція которыхъ до тѣхъ поръ не находила достаточной поддержки въ сколько-нибудь широкихъ массахъ.

При такихъ условіяхъ создался для абсолютизма своеобразный «порочный кругъ», въ которомъ каждое новое реакціонное мѣропріятіе съ удвоенной силой будило чувство протеста, накопляло элементъ глубокаго недовольства и все болѣе и болѣе отрѣзывало всякую возможность мирнаго, «реформаторскаго» развитія государственныхъ порядковъ въ сторону болѣе свободныхъ формъ общежитія. Если еще возможно было октроированіе Лорисъ-Меликовской конституціи въ 1881 году, то эпоха реакціи, крайне обострившая антагонизмъ всѣхъ развивающихся слоевъ общества къ режиму и въ то же время выдвинувшая и пробудившая къ политической жизни новые соціальные слои, сдѣлала такое разрѣшеніе «назрѣвшаго» вопроса «сверху» немыслимымъ. Если вначалѣ 80-хъ годовъ передъ правительствомъ стояла вполнѣ посильная для него задача удовлетворить скромныя конституціонныя мечтанія верховъ «образованнаго» общества, то теперь не только эти «мечтанія» приняли болѣе обширный характеръ, но всякая попытка прикоснуться къ фундаменту обветшалаго государственнаго зданія неминуемо повела бы къ предъявленію своихъ политическихъ требованій и такими общественными элементами, которыхъ «сверху» удовлетворить во всякомъ случаѣ невозможно, потому что ихъ позиція принципіально враждебна самому существованію «верха».

Александръ III сошелъ въ могилу, когда, казалось, реакція востор-

жествовала по всей линіи, и всѣ опасныя для абсолютизма революціонныя и оппозиціонныя силы как бы притаились. Но это только казалось, и первые же годы царствованія его преемника обнаружили ясные признаки надвигающейся ликвидаціи, передъ лицомъ которой абсолютизма оказался совершенно безпомощнымъ. Реакція исчерпала себя, и дальше въ томъ же направленіи много идти было нельзя. Можно было усилить полицейскій сыскъ и гнетъ; можно было попытаться укрѣпить административную власть и расправу; можно было еще нѣсколько стѣснить земскую «самодѣятельность», Но все это были не новыя мѣры; это былъ лишь количественный ростъ тѣхъ же самыхъ мѣропріятій, начало которымъ было положено въ 80-ые годы, а при крайне обострившемся нервномъ напряженіи всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ, эта политика не окупалась уже больше даже тѣмъ временнымъ ослабленіемъ революціоннаго и оппозиціоннаго натиска, котораго удавалось добиваться правительству въ предшествующую эпоху: одинъ за другимъ открыто выступали противъ него всѣ оппозиціоные слои русскаго общества, и правительство оказалось не въ силахъ, хотя бы на время, справиться съ ними. Въ силу указанныхъ выше причинъ, о сколько нибудь серьезныхъ попыткахъ «реформами» направить весь революціонный и оппозиціонный протестъ въ русло мирнаго и постепеннаго развитія не могло быть и рѣчи. Вокругъ каждаго, вновь выступившаго на сцену, общественнаго движенія правительство безпомощно суетилось, не рѣшаясь сколько нибудь серьезно прикоснуться къ шаткому зданію русскаго государственнаго порядка. Своей возней, своей противорѣчивой политикой оно только обостряло и ускоряло развитіе оформленнаго протеста. Первыя же крупныя стачки рабочихъ заставили правительство усиленно захлопотать вокругъ «рабочаго вопроса»—и въ концѣ семилѣтнихъ хлопотъ мы видимъ колоссальный итогъ въ видѣ ряда демонстрацій и всеобщей стачки на югѣ. Правительство хлопотало вокругъ студенческаго движенія,—и за два года это движеніе изъ академическаго превратилось въ ярко политическое и вызвало на сцену всѣ тѣ отраженныя явленія, которыя сказались во временномъ возрожденіи террористическихъ стремленій. Правительство продолжало свои неустанныя хлопоты вокругъ земства,—и добилось консолидаціи и обособленія «третьяго элемента», появленія «освобожденства» и пр. и пр. Памятные петербургскіе съѣзды, техническій и пироговскій, подвели балансъ этой сторонѣ правительственныхъ хлопотъ.

Наконецъ зашевелился и послѣдній изъ тѣхъ китовъ, на которыхъ

еще опирался абсолютизмъ. Политика непрерывно усиливаемой государственной и дворянской «опеки», политика выкачиванія денежныхъ рессурсовъ деревни и стѣсненія свободнаго развитія ея хозяйственной и культурной жизни—получила страшный отвѣтъ въ видѣ крестьянскаго возстанія въ черноземныхъ губерніяхъ. «Крестьянскій вопросъ» такъ же властно выдвинулся на авансцену государственной жизни, такъ же настоятельно требовалъ вниманія къ себѣ, какъ это уже раньше случилось съ вопросомъ рабочимъ, вопросомъ студенческимъ, вопросамъ земскимъ. Можно было заранѣе предсказать, что и въ разрѣшеніи «крестьянскаго вопроса» правительство проявитъ не болѣе творческой силы, не болѣе смѣлости и рѣшительности, чѣмъ во всѣхъ другихъ безчисленныхъ «вопросахъ» русской жизни. Притронуться сколько нибудь серьезно къ крестьянскому и неразрывно съ нимъ связанному аграрному вопросу вообще, выдернуть хоть одно звено изъ этой безконечно сложной и запутанной цѣпи общественныхъ отношеній—значило бы для «режима» рисковать дать толчокъ паденію той лавины революціи и оппозиціи, которая нависла надъ нимъ.

Достаточно вспомнить, что даже такой «реформы», какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія, правительство до сихъ поръ не можетъ рѣшиться произвести, хотя «вопросъ» о розгѣ стоитъ «на очереди», и самой острой «очереди», уже добрый десятокъ лѣтъ. Но правило—quieta non movere (не тронь существующаго) такъ прочно внѣдрилось въ психологію абсолютизма, что и до сихъ поръ розга въ качествѣ «законнаго» орудія правительственнаго воздѣйствія (о «незаконномъ» нечего и говорить) не отмѣнена. «Розга» стала чуть ли не символомъ «существующей формы правленія», и для робкихъ либеральныхъ душъ явилась возможность облекать свои конституціонные порывы въ форму «ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія».

Немудрено, что и тогда, когда крестьянскій «бунтъ» поставилъ остро вопросъ о деревнѣ, растерявшееся правительство на это требованіе новыхъ отвѣтовъ могло лишь повторить собравшимся въ Курскѣ волостнымъ старшинамъ все тѣ же слова Александра III. Можно ли было лучше обнаружить все безсиліе правительства бороться съ начинающейся ликвидаціей, обостренной тѣми самыми «старыми средствами», какія съ такимъ рвеніемъ примѣняли въ 80-ые годы? Не было новыхъ отвѣтовъ, не было новыхъ средствъ, а старыя вели къ крушенію. И все же правительству не оставалось ничего иного, какъ безпомощно топтаться на одномъ мѣстѣ, стараясь лишь возможно точнѣе попадать въ слѣды, оставленные стопами предшественниковъ;

наводненіе деревни «сельскими стражниками»—вотъ все, что можно было придумать «новаго».

Манифестъ 26 февраля 1903 г. наряду съ другими потугами на якобы реформы возвѣщалъ и «пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи». Извѣстно, что всѣ предполагавшіяся «реформы» въ области государственнаго и земскаго управленія, въ области церковной, школьной и т. д. сводились ни къ чему иному, какъ къ попыткамъ усилить реакцію, сдобривъ эти угрюмъ-бурчеевскіе проекты легкой примѣсью сантиментально-либеральнаго постнаго масла. При постепенномъ же осуществленіи ихъ и эта примѣсь все болѣе и болѣе испарялась.

Не было, разумѣется, ни малѣйшаго основанія ожидать, что съ «крестьянскимъ вопросомъ» будетъ иначе. Тѣмъ болѣе, что уже въ самомъ манифестѣ повелѣвалось «въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины». Уже въ этой формулировкѣ и въ этой заботѣ объ «облегченіи выхода» ясно, что не «уравнительныя», «справедливыя» тенденціи общины интересовали правительство, не объ ихъ охраненіи оно заботилось, а объ охраненіи и укрѣпленіи той крестьянской сословной обособленности, того крестьянскаго закрѣпощенія и безправія, которыя составляютъ существенное содержаніе пресловутаго общиннаго строя и всею тяжестью своею падаютъ главнымъ образомъ на «деревенскую бѣдноту». Еще разъ подтвердилось, что правительство не рѣшается затронуть «вѣковые устои», и отмѣна круговой поруки, проектированная манифестомъ и выполненная 12 марта 1903 года, могла осуществиться только потому, что самое значеніе ея въ общей системѣ крестьянскаго закрѣпощенія упало до нуля. Въ остальномъ все должно было остаться по старому, только, конечно,—такова судьба всѣхъ «благихъ начинаній» умирающаго режима—съ новыми попытками усиленія той самой политики бюрократически—дворянско—поповской опеки, крушеніе которой и выдвинуло на очередь старые вопросы въ новой, острой формѣ.

«Пересмотръ законодательства о крестьянахъ» былъ прежде всего порученъ «редакціонной комиссіи» при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и теперь «очеркъ» ея работъ обсуждается въ «губернскихъ совѣщаніяхъ». Комиссія съ самаго начала исключила изъ своего разсмотрѣнія всѣ вопросы о порядкѣ управленія и правительственномъ надзорѣ за крестьянами, объ ихъ правахъ, личныхъ и имущественныхъ, о казенныхъ сборахъ и земскихъ повинностяхъ, т. е. исключила всѣ

дѣйствительно основные вопросы крестьянской жизни и ограничилась лишь «пересмотромъ» тѣхъ законовъ, которые относятся къ ея «внутреннимъ распорядкамъ». Нечего и говорить, что содержаніе «проекта» сводится цѣликомъ къ сохраненію прежняго закрѣпощенія крестьянъ съ нѣкоторыми лишь ухудшеніями, главнымъ образомъ въ области судебной. Сохраняя волостной, сословный судъ для крестьянъ и рекомендуя выработку особыхъ уголовнаго и гражданскаго кодексовъ для нихъ, «проектъ», съ одной стороны, создаетъ новую «сословную» апелляціонную инстанцію для крестьянъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника (до сихъ поръ апелляціи на приговоры волостного суда приносились въ уѣздные съѣзды), съ другой—неимовѣрно сокращаетъ самое право апелляціи, якобы «въ цѣляхъ сокращенія неосновательныхъ жалобъ». Для этого приговоры волостныхъ судовъ по нѣкоторымъ дѣламъ «подлежатъ приведенію въ исполненіе независимо отъ обжалованія или необжалованія ихъ», а, съ другой стороны, самое право жалобы обусловливается внесеніемъ денежнаго залога, «подлежащаго возврату лишь въ случаѣ признанія жалобы заслуживающей уваженія». Разумѣется, этотъ чудовищный налогъ на правосудіе, главнымъ образомъ, обезправитъ наиболѣе бѣдные слои деревенскаго населенія. Но и вообще, какъ ни мало склонны мы восторгаться россійскимъ правосудіемъ, въ которомъ такъ совершенно переплетается классовая юриспруденція съ административной нагайкой, на усиленіе «сословнаго» характера крестьянскаго суда мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на попытку еще болѣе усилить то безправіе и произволъ, которые тяготѣютъ надъ деревней, и еще болѣе обособить крестьянъ отъ общегражданскихъ интересовъ страны.

Въ остальномъ всѣ «предположенія» комиссіи не заслуживаютъ разбора, такъ какъ рѣшительно ничего новаго не даютъ. Интересно лишь то явное безсиліе, съ которымъ комиссія подходитъ къ каждому вопросу въ отдѣльности, пытается уяснить себѣ источники недовольства и раздраженія, заключающіеся въ «особенностяхъ» крестьянскаго законодательства и ихъ несоотвѣтствіи потребностямъ развивающейся жизни, намѣчаетъ тѣ пункты, въ которые слѣдуетъ внести измѣненія, и, въ концѣ концовъ, походивши кругомъ да около и убѣдившись въ невозможности вынуть хоть одинъ камень изъ зданія, не снесши его цѣликомъ, безнадежно машетъ рукою и ограничивается внесеніемъ какой нибудь новой реакціонной «поправки». Передъ нашими глазами проходитъ рядъ тщетныхъ попытокъ абсолютизма приспособиться къ новымъ условіямъ соціально-экономической жизни. Выясняется съ очевидностью, какъ немыслимо для него такое «приспособленіе». Ему

остается только продолжать свои безумныя попытки «приспособить» все развитіе народной жизни къ себѣ. Абсолютизмъ и прогрессивное развитіе общества—несовмѣстимы. Или абсолютизмъ или жизнь—такъ ставится вопросъ, и можно ли сомнѣваться, какой будетъ отвѣтъ, какъ бы ни старалось правительство дать его въ свою пользу!

Совершенно не понимая сущности развивающагося передъ его глазами общественно-экономическаго процесса, не давая себѣ яснаго отчета въ причинахъ полнаго банкротства традиціонной политики, въ тѣхъ колоссальныхъ измѣненіяхъ, которыя внесъ процессъ капиталистическаго развитія страны въ соціальную структуру и психологію всѣхъ слоевъ русскаго народа, въ томъ числѣ и крестьянства, абсолютизмъ—устами редакціонной комиссіи—продолжаетъ бормотать все тѣ же, давно опровергнутыя жизнью слова, все тѣ же «безсмысленныя мечтанія». «Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силой вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій». Вотъ тѣ «старыя пѣсни», которыя продолжаетъ пѣть абсолютизмъ, вотъ то старое credo, которое онъ не устаетъ повторять: на «неустанномъ трудѣ», не дающемъ досуга и простора для мысли, на «однообразной обстановкѣ», суживающей умственный кругозоръ, на вѣрѣ въ «начала высшаго порядка», отвлекающей вниманіе отъ порядка общественнаго—на этихъ трехъ камняхъ зиждется церковь «режима». И онъ не хочетъ видѣть, какъ неустанно, какъ неумолимо перемалываетъ жизнь эти камни: онъ не хочетъ слышать и видѣть ни «разлагающихъ» новыхъ пѣсенъ, ни «безпочвенныхъ» новыхъ птицъ. А новыя времена несутъ съ собой и этихъ птицъ и эти пѣсни...

«Проектъ» комиссіи переданъ на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній. Совѣщанія эти, конечно, не внесутъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ проектъ, развѣ только еще усилятъ такъ громко звучащія въ немъ реакціонныя ноты. За это ручается уже самый составъ совѣщаній, въ которыя входятъ чиновники всѣхъ вѣдомствъ, съ усиленнымъ участіемъ земскихъ начальниковъ, и представители отъ дворянства. Члены отъ земства приглашаются по выбору губернатора изъ числа уѣздныхъ земскихъ гласныхъ по одному на уѣздъ. Затѣмъ

губернаторъ, предсѣдательствующій въ «совѣщаніи», можетъ приглашать еще «свѣдущихъ» лицъ по своему усмотрѣнію.

Цѣль устройства такихъ совѣщаній изъ лицъ, якобы «довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ», не требуетъ поясненій. Это—попытка не только эскамотировать общественное мнѣніе, но еще и употребить эти, по внѣшности «мѣстныя», «общественныя» силы для санкціонированія и усиленія своихъ реакціонныхъ затѣй. Несомнѣнно, для приданія хотя бы нѣкотораго «приличія» всей этой реакціонно-бюрократической комедіи, кое-гдѣ губернаторы будутъ приглашать въ «совѣщанія» и пару-другую самыхъ наиумѣреннѣйшихъ «либераловъ». Хотѣлось бы думать, что хотя бы въ этомъ случаѣ у всѣхъ мудрыхъ птицъ либерализма хватитъ политическаго такта (его немного нужно для этого), чтобы отказаться прикрывать своимъ участіемъ позорную игру.

Итакъ, «пересмотръ» законовъ о крестьянахъ свелся къ простому констатированію дальнѣйшаго существованія той крѣпостной кабалы, изъ которой не выходила деревня со времени пресловутаго «освобожденія», и констатированію безсилія режима въ попыткахъ «реформъ». Quieta non movere — не трогать существующаго, таковъ законъ его самосохраненія. Онъ не можетъ уже медленно, постепенно самоупраздняться путемъ реформъ сверху; онъ должно быть упраздненъ снизу.

И если абсолютизмъ такъ опасается всего «новаго», такъ боится притронуться къ тому, что существуетъ, такъ дрожитъ предъ всякимъ рѣшительнымъ толчкомъ, то можно себѣ представить ту роль, которую сыграетъ въ его судьбахъ колоссальная встряска всѣхъ устоевъ русской жизни войной на Дальнемъ Востокѣ!

Ф. Данъ.

Подъ шумъ войны.

(1 ~~іюля~~ 1904 года, № 67).
June

I.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется этотъ гипнозъ: люди противоположныхъ воззрѣній, патріоты кнута и борцы революціи, разноцвѣтные

политики и безцвѣтная обывательская масса,—съ различными чувствами, но съ одинаковымъ волненіемъ,—хватаются изо дня въ день за газетный листъ, приносящій извѣстія съ «театра военныхъ дѣйствій».

На этомъ «театрѣ» разыгрывается драма ослѣпительной яркости, мірового значенія. Тамъ косится жизнь, и безмѣрно растетъ каждый часъ гекатомба человѣческихъ тѣлъ. Тамъ, помимо сознанія «героевъ», разрубается старый узелъ русской исторіи и завязываются новые узлы. Событіе за событіемъ ударяетъ по нервамъ, и утомленное вниманіе, не замѣчая, проходитъ мимо подавленнаго стона, задушеннаго крика—на родинѣ. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ крикъ, этотъ стонъ въ общемъ шумѣ войны, въ многотысячномъ хорѣ надеждъ, опасеній, проклятій, которыя несутся ей вслѣдъ. Глазъ напряженно слѣдитъ за тѣмъ, куда идутъ полки на Ляодунскомъ полуостровѣ, и не видитъ—передвиженія тѣхъ штатскихъ людей, которые подъ охраной общественнаго невниманія свободнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, творятъ свое обычное дѣло. Они творятъ его лихорадочно спѣшно, они «ловятъ моментъ», быть можетъ, послѣдній, который предоставилъ въ ихъ распоряженіе угасающій режимъ, моментъ, когда жизнь—подъ нависшими тучами войны—какъ будто замерла, въ ожиданіи событій, когда накопляющіяся неудачи не успѣли еще сложиться въ политически-грозный итогъ, и «патріотизмъ» не обернулся своимъ тыломъ къ «властямъ предержащимъ», когда обыватель пока еще только вполголоса выражаетъ свое удивленіе «неожиданному» фіаско русскаго оружія, когда либералъ не знаетъ, кричать ли ему «ура» или почтительно докладывать о желательности конституціи, когда революціонеръ никакъ еще не можетъ собраться привести въ порядокъ свои «домашнія» дѣла, и пробуждающееся сознаніе массъ встрѣчаетъ такъ мало организаціонной поддержки.

Въ эту-то «страдную пору» штатскимъ людямъ привольно совершать военные набѣги, производить диверсіи, брать одну за другой позицію у непріятеля.

Непріятеля! У нихъ есть свой непріятель, исконный «наслѣдственный» врагъ, съ которымъ ведется борьба вотъ уже цѣлыя десятилѣтія,—революціонный интеллигентъ, сознательный рабочій. Съ ними давніе счеты, для нихъ про запасъ всегда имѣется лишняя пуля у «молодца фанагорійца», всегда найдется свободное мѣсто—за семью замками, всегда къ услугамъ—даровой проѣздъ въ гиперборейскія страны. Это—старая исторія, занимающая публику порой, какъ инте-

ресный романъ, какъ страшная сказка, слышанная когда-то въ дѣтствѣ, надъ кровавыми эпизодами которой проливались слезы и подъ звуки которой такъ сладко засыпалось!.. Старая исторія, захватывающая только тогда, когда къ ней начинаютъ примѣшиваться раскаты массового движенія, и лишь щекочущая обывательскіе нервы,—во всѣхъ прочихъ случаяхъ!..

Неудивительно поэтому, если теперь, особенно теперь, проходятъ незамѣченными несчетные подвиги маленькихъ Наполеоновъ провинціи надъ непокорной ссылкой, подвиги, отчеты о которыхъ за послѣдніе мѣсяцы заполнили собой столбцы нелегальной печати. Тюремныя голодовки, походы Кутайсова, романовскій разстрѣлъ въ Якутскѣ—все, вѣдь, это въ порядкѣ вещей: революціонеру полагается претерпѣвать, штатскимъ людямъ—надъ революціонеромъ измываться. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ обыватель, но не совсѣмъ такъ, вѣроятно, думалъ бы онъ, — еслибы въ ушахъ его не стоялъ шумъ войны, — о той непринужденности, съ которой творится въ переживаемый нами моментъ иного рода расправа. Дѣло уже идетъ не объ отщепенцахъ современнаго общественнаго строя, не они кладутся подъ всеуравнивающій прессъ самодержавно-бюрократической машины, нѣтъ, сокрушаются «отцы», сокрушаются «дѣти», сокрушаются полноправные члены той соціальной семьи, которая не сегодня-завтра возьметъ въ свои руки судьбы обновленной Россіи. «Умѣренные» «отцы» и самые подлинные дѣти!

Какихъ нибудь два года назадъ объ этихъ «отцахъ» мечтательно вздыхалъ Петръ Струве, тщетно пытаясь приноровить къ ихъ вкусамъ свою редакціонную profession de foi, и на нихъ же загадочно покоился взоръ всемогущаго Плеве, не столько грозя, сколько суля имъ что-то. Въ то благодатное время свободомыслящій предводитель дворянства былъ чѣмъ то вродѣ jeune premier политической сцены, а съ заправилой московскаго съѣзда, г. Шиновымъ, какъ съ представителемъ земщины, велись дипломатическіе разговоры и переговоры въ министерскомъ кабинетѣ. Казалось, сила идетъ, передъ которой придется многому посторониться: недаромъ, въ великой тревогѣ метался «гражданинъ» Мещерскій, даже во снѣ отгоняя отъ себя навязчивые образы Стаховича и Шипова... Еще въ манифестѣ отъ 26-февраля слышатся отдаленные звуки этихъ прежнихъ бесѣдъ... И вдругъ, какой поворотъ!—въ земскихъ рядахъ было мертвенно тихо въ тотъ день, въ тотъ день настоящей весны, когда знаменитый предсѣдатель управы вылеталъ за бортъ излюбленнаго имъ корабля, какъ негодная ветошь.

И почти въ то же самое время властная рука ложилась на плечи общеземской организаціи «помощи больнымъ и раненымъ воинамъ», и не стѣсняясь, ставила точку—земскому патріотизму.

«Изъ князей въ грязи»!—сила стала безсиліемъ, миражъ разлетѣлся какъ дымъ!

И однако, нельзя сказать, чтобы редакторъ «Освобожденія» или полновластный россійскій министръ такъ-таки промахнулись въ своей старой оцѣнкѣ значенія либерально-умѣренной, умѣренно-вѣрноподданной земщины. Что два года назадъ, въ эпоху московскаго съѣзда уѣздныхъ комитетовъ и появленія на свѣтъ такъ называемой «конституціонной партіи», «умѣренные отцы» являли собой величину, съ которой приходилось считаться, это такъ же вѣрно, какъ вѣрно и то, что теперь патріотствующіе, швыряющіеся милліонами «отцы» представляютъ тотъ политическій нуль, который безъ труда можно скинуть со счетовъ.

Но откуда сіе? Какая фея исторіи подшутила надъ этими почтенными, надъ этими солидными людьми, произведя ихъ въ «калифы на часъ»?—*Массовое движеніе*, читатель, то самое движеніе, которое они ненавидятъ и боятся едва ли не больше ударовъ административнаго «воздѣйствія», движеніе, волны котораго, а не что либо другое, выплеснули ихъ на крыльцо всевластнаго временщика. Чѣмъ выше вздымались эти волны, грозя смыть обветшалое зданіе, тѣмъ податливѣе становились хозяева зданія, тѣмъ важнѣе казалась имъ роль доброхотнаго пособничества, тѣмъ выше оцѣнка его, тѣмъ крупнѣе его будущій эквивалентъ.

Партія-бufферъ, партія «отцовъ» всплывала на поверхность общественной жизни, сіяя отраженнымъ свѣтомъ ненавистнаго революціоннаго солнца! Но стоило только на-время ослабнуть горячимъ лучамъ этого солнца, чтобы исчезъ весь налетъ великолѣпія съ паразитствующей «партіи», чтобы потерянъ былъ смыслъ ея политическаго существованія. Даже пѣнокъ не сумѣла она снять съ тѣхъ сливокъ, которыя ей взбилъ въ свое время пролетарскій революціонный подъемъ; какое же значеніе могла она имѣть въ настоящій историческій антрактъ, когда въ воздухѣ висѣлъ патріотическій угаръ, когда массы притаились, а съ Востока, не переставая, доносился оглушающій шумъ громадной свирѣпой свалки? Она была не нужна, и штатскіе люди расправились съ ней легко и свободно, а наркотизированное «патріотизмомъ» «общество» даже и не пикнуло—если, впрочемъ, не считать инцидента въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.

«Общество» молчало. Оно молчало даже и тогда, когда «боевой» генералъ, герой русско-турецкой кампаніи и сподвижникъ финляндскаго Бобрикова, тотъ самый, что, по словамъ одной газеты, всегда приглашался туда, гдѣ необходимо было что либо предпринять по военному, откровенно объявилъ—на манеръ Святослава: иду на васъ, иду на дѣтей,—на вашихъ дѣтей, россійское общество!

Воспитаніе въ идеѣ «безпредѣльной преданности царю и отечеству, въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка»—старыя слова, и мы недавно еще слышали ихъ въ рескриптѣ, написанномъ Мещерскимъ,—для Зенгера, но эти старыя слова пріобрѣтали новый смыслъ въ устахъ министра-«рубаки», произнесшаго ихъ, принимая въ свои руки бразды отечественнаго «просвѣщенія». Они означали, что теперь штатскіе люди меньше, чѣмъ когда бы то ни было, хотятъ отступиться отъ той головоломной задачи, надъ рѣшеніемъ которой только что свихнулся предтеча г. Глазова, что они готовы идти напроломъ, чего бы это ни стоило, только бы взять въ концѣ концовъ давно лелѣянный призъ—душу русскаго дитяти. Объ этой «душѣ» и о способахъ ея уловленія много лѣтъ уже мечутъ жребій бюрократы всѣхъ толковъ. Латинскій языкъ или патріотическое отечествовѣдѣніе, сердечное попеченіе или хроническая «вселенская смазь»—все это лишь отдѣльныя главы одной длинной—предлинной повѣсти о томъ, какъ штатскій человѣкъ напрасно ходилъ по душу русскаго ребенка. Между г. Глазовымъ и тѣми, кто шелъ до него, разница лишь въ томъ, что его предшественники никогда еще эту задачу не рѣшались выставлять на показъ въ такой свободной отъ покрововъ, такой оголенной формѣ. Къ чему говорить о научныхъ системахъ, о педагогической мудрости, надо просто изъ ребячьей души сдѣлать вяленую воблу, а остальное—приложится! Это языкъ того историческаго момента, когда штатскій человѣкъ увидалъ, что онъ можетъ все, что ему нечего бояться, что «общество» слишкомъ «патріотично», чтобы встать на защиту попранной дѣтской души. Но и сама воспитательная задача никогда еще такъ властно, какъ теперь, не надвигалась на штатскихъ людей. Дѣло въ томъ, что никогда еще школьникъ не былъ въ такой степени «героемъ своего времени», никогда еще онъ не былъ такъ въ центрѣ вниманія этихъ людей. Каковы бы ни были причины, но не подлежитъ сомнѣнію: за истекшій политическій годъ гимназистъ оттѣснилъ студента. Онъ создалъ свои организаціи, онъ сталъ демонстрировать, онъ началъ писать, онъ подошелъ вплотную къ борьбѣ съ настоящимъ режимомъ. И вѣнцомъ своего торжества онъ можетъ назвать г. Глазова. Если три года назадъ Ванновскій явился

въ отвѣтъ на движеніе студентовъ, то военный генералъ есть безспорный продуктъ его—гимназиста—«политики».

Подъ непрестанный шумъ далекой войны, этотъ финляндскій герой и сокрушитель правовѣрныхъ будетъ теперь—между школьныхъ партъ—пожинать свои побѣдные лавры...

Такова—трагикомедія русской дѣйствительности.

Старовѣръ.

Монархистъ въ роли террориста

(25 Іюня 1904 г., № 68).

Въ эти дни, когда усовершенствованныя орудія истребленія неумолчно совершаютъ свою работу на Дальнемъ Востокѣ,—усовершенствованный револьверъ Браунинга снова напомнилъ, что не въ однихъ лишь вопросахъ «міровой политики», но и въ вопросахъ внутренней борьбы послѣднее слово принадлежитъ—насилію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ политически мыслящая Россія скорбно смотрѣла на получившій широкое распространеніе снимокъ прекрасной картины «Финляндія». Двуглавый хищникъ и геній маленькой страны, отбивающій у него книгу съ надписью lex (законъ). Да, только законъ, только ту ограниченную, неравномѣрно распредѣленную между гражданами сумму вольностей, которая была записана въ хартіи начала вѣка,—только ее отстаивала маленькая нація, отстаивала со всей энергіей, со всей узостью ограниченнаго буржуазнымъ кругозоромъ консервативнаго патріотизма, молившаго оставить Финляндію «подъ сѣнью» той конституціи, которая позволяла ей пребывать вѣрноподданной провинціей, никакимъ общественнымъ интересомъ не связанной со всей порабощенной имперіей, съ борьбой ея гражданъ.

Прошло немного лѣтъ—и отъ старинной книги остались только корешки. Листокъ за листкомъ, выщипалъ двуглавый хищникъ запи-

санныя въ ней права и вольности. И тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ гордились отсутствіемъ всякой оппозиціи имперскому режиму,— тамъ нынѣ просвистѣли первыя пули революціоннаго протеста.

День убійства ген. Бобрикова останется исторической датой въ судьбахъ Россіи и особенно Финляндіи. Пуля финляндскаго патріота не остановитъ, разумѣется, ни на минуту систему, которая, шагъ за шагомъ, ведетъ Финляндію къ полному раззоренію, обезличенію и разложенію. Эту систему остановитъ только россійская революція, ибо абсолютизмъ не можетъ уже уступить въ чемъ нибудь Финляндіи, не рискуя тѣмъ самымъ поднять надежды другихъ, связанныхъ съ нею общей цѣпью угнетенія, своихъ внутреннихъ враговъ.

Но пуля Шаумана, несомнѣнно, подвинетъ впередъ переходъ Финляндіи изъ состоянія «лояльно-оппозиціонной» провинціи въ положеніе одного изъ становъ революціи.

Кровь сына сенатора уравняла передъ лицомъ русской реакціи умѣренныхъ патріотовъ Финляндіи съ революціонерами Россіи, Польши и Кавказа. И реакціонная печать спѣшитъ уже сдѣлать вытекающіе отсюда для абсолютизма политическіе выводы.

Она сопоставляетъ убійство Бобрикова съ убійствомъ Сипягина. Та же почти обстановка, то же — скажемъ за реакціонную печать— изящество выполненія акта революціонной мести, такъ сильно повышающее производимое имъ сенсаціонное впечатлѣніе, та же отвага, тотъ же героизмъ мстителя. Но въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ полувѣковой почти политической тяжбой между деспотизмомъ и русской демократіей; въ другомъ—первый актъ революціоннаго террора въ борьбѣ между тѣмъ же деспотизмомъ и цѣлой націей, въ авангардѣ которой стоятъ ея буржуазные классы, управлявшіе доселѣ страной.

Шауманъ былъ шведоманомъ, т. е. членомъ умѣренно-либеральной партіи, политическое вліяніе которой опирается на привилегіи отсталой конституціи. Довести такую партію до революціоннаго террора—для этого требуется политическая ловкость, до какой доселѣ, со времени 1848 г., не сумѣла возвыситься ни одна монархія. Эта особенность выстрѣловъ, раздавшихся, такъ сказать, изъ нѣдръ привилегированнаго класса, сейчасъ же была учтена буржуазнымъ общественнымъ мнѣніемъ Запада. Его пресса ни словомъ сожалѣнія не обмолвилась объ убитомъ палачѣ и не побоялась воспѣть героизмъ самоотверженнаго патріота. Вплоть до ультра-реакціонной германской «Post» газеты Запада говорятъ о неизбѣжности актовъ à la Шауманъ тамъ, гдѣ правители дѣйствуютъ à la Бобриковъ. Это не то, что го-

ворилось два года назадъ по поводу выстрѣловъ С. Балмашева. Еще бы! Тогда, пострадавшій въ лицѣ своего министра, абсолютизмъ въ глазахъ Европы фигурировалъ въ роли «международнаго жандарма», въ роли оплота противъ такихъ «разрушительныхъ» стремленій, торжество которыхъ въ Россіи неминуемо усилило бы разрушительныя стремленія міровой пролетарскаго движенія на Западѣ. Здѣсь—въ лицѣ Бобрикова—абсолютизмъ стоитъ передъ буржуазной Европой въ другой своей исторической роли, въ роли хищника-завоевателя, подъ пятой котораго стонутъ цѣлыя, оторванныя отъ европейской цивилизаціи, націи. И когда революціонный протестъ противъ абсолютизма въ этой его роли исходитъ изъ солидныхъ круговъ, безхарактерное и безпринципное общественное мнѣніе буржуазной Европы не можетъ не привѣтствовать политическаго убійства, которое еще вчера провозглашалось исчадіемъ «анархизма». И самая возможность для современной буржуазной печати симпатизировать террору въ такихъ случаяхъ показываетъ, какой фальшью, какимъ лицемѣріемъ проникнуто ея обычное «моральное» осужденіе террора русскихъ революціонеровъ и европейскихъ анархистовъ.

Русская реакціонная печать не можетъ не чувствовать, какъ воспринимается Европой этотъ новый эпизодъ агоніи «режима». Какая-то пришибленность замѣчается во всѣхъ писаніяхъ реакціонныхъ газетъ объ убійствѣ Бобрикова. Безсмысленныя угрозы по адресу того самого финляндскаго сената, который, частью изъ добровольнаго холопства, частью изъ политической продажности, шелъ рядомъ съ Бобриковымъ,—эти угрозы, мотивируемыя тѣмъ, что сенатъ «не охранилъ» генерала отъ пули Шаумана, могутъ только оттолкнуть отъ абсолютизма тѣ реакціонные элементы финляндскаго общества, которые, путемъ бѣлаго террора и всякой деморализаціи, удалось отчасти приручить покойному ставленнику Плеве. Эти угрозы сами по себѣ показываютъ, что руссификаторы отчаялись въ «умиротвореніи» Финляндіи, что имъ не остается ничего другого, какъ объявить открыто, что они воюютъ со всей націей средствами одного голаго насилія. Это и было объявлено изъятіемъ дѣла объ убійствѣ Бобрикова изъ компетенціи финляндскихъ судовъ и отправленіемъ на его мѣсто презрѣннѣйшаго изъ сатраповъ—князя Ивана Оболенскаго.

Но насиліе—оружіе обоюдоострое. Выстрѣлъ Шаумана еще разъ напомнилъ это, и не даромъ «Нов. Время», устами г. Бѣляева, заговорило о невыносимомъ положеніи руссификаторовъ, живущихъ подъ постояннымъ страхомъ индивидуальной и коллективной мести со стороны мятежнаго населенія. Тамъ, гдѣ вся нація чувствуетъ себя въ

положеніи затравленнаго звѣря, тамъ, гдѣ аристократы, священники и фабриканты вынуждены конспирировать и рукоплескать политическимъ убійствамъ; тамъ, гдѣ система насилія держится только колоссальнымъ численнымъ перевѣсомъ угнетателей надъ угнетаемыми, — тамъ не приходится уже мечтать о политической идилліи, и, по вѣрному выраженію г. Струве, надо удивляться не тому, что въ Финляндіи начались акты террора, а тому, что ихъ тамъ до сихъ поръ не было.

Своимъ выстрѣломъ Шауманъ шелъ навстрѣчу желаніямъ, можно сказать, всей финляндской націи, объединенной въ чуствѣ ненависти къ палачу Финляндіи. Но это общенаціональное дѣло борьбы за самостоятельность Финляндіи исторіей возложено на плечи финляндской буржуазіи, политически господствующаго въ данный моментъ класса, подобно тому, какъ буржуазія же несла на себѣ дѣло національнаго освобожденія германской и итальянской націй. Финляндская буржуазія шла впереди въ борьбѣ съ руссификаціей, она поставляетъ главныя жертвы этой борьбы, она и выслала изъ своей среды героя 3 іюня.

Единичный терроръ—революціонное орудіе, которое наиболѣе по плечу приведенной въ революціонное настроеніе буржуазіи. Еще покойный Либкнехтъ (Attentate und Socialdemocratie) указывалъ, что въ исторіи революціонной эмансипаціи буржуазіи единичный терроръ игралъ видную роль. Ибо идеологическія традиціи буржуазіи дѣлаютъ ее склонной связывать опредѣленную систему съ личностью ея носителя и искать въ устраненіи этой личности ключа къ измѣненію системы.

Въ напечатанномъ заграницей письмѣ, которое Шауманъ оставилъ для императора, характерно сказывается это отожествленіе системы и личности. Передъ мстителемъ за горе и униженіе Финляндіи стоятъ двѣ личности: свирѣпый Бобриковъ, котораго надо лишить возможности вредить, и монархъ, котораго «доброе сердце и благородныя намѣренія» слѣдуетъ разбудить, указавъ на совершающіяся беззаконія и преступленія. И Шауманъ пытается своимъ покушеніемъ вызвать поворотъ въ настроеніи монарха, «вѣрноподаннымъ» котораго остается до конца. Онъ не видитъ передъ собой исторически неизбѣжной системы: передъ нимъ только случайная комбинація. Что бѣлый терроръ въ Финляндіи необходимо связанъ съ разложеніемъ абсолютизма въ Россіи, что петербургскіе правители не могутъ уже щадить финляндскую «окраину», когда россійская революція поставила передъ ними дилемму жизни или смерти — этого не замѣчаетъ политическая мысль

буржуазіи, и въ своемъ невѣдѣніи возлагаетъ громадныя надежды на возможныя послѣдствія устраненія одной личности.

При такихъ условіяхъ индивидуальный террористическій актъ, отражая въ себѣ политическое настроеніе дѣйствительно революціонной и готовой ко всякому революціонному протесту общественной среды, не таитъ въ себѣ тѣхъ политическихъ опасностей, которыми чреваты такіе же террористическіе акты тамъ, гдѣ рѣчь еще идетъ о развитіи весьма слабой политической активности общественныхъ группъ, пришедшихъ въ столкновеніе съ наличнымъ режимомъ. Въ Финляндіи террористическій актъ Шаумана знаменуетъ собой ту крайнюю степень раздраженія, которая охватываетъ всю передовую часть націи. Отдѣльный герой символизируетъ все общество со всѣми его наивными иллюзіями, но и со всей его готовностью идти до конца въ борьбѣ съ режимомъ угнетенія. Если въ какомъ нибудь отношеніи актъ Шаумана можетъ имѣть вредныя послѣдствія, то только въ одномъ — онъ можетъ пріостановить процессъ политической мобилизаціи финляндскаго пролетаріата, въ тотъ моментъ, когда онъ, не задолго до выстрѣла 3 іюня, впервые заявилъ внушительной демонстраціей на улицахъ Гельсингфоргса готовность вступить въ самую активную борьбу за свободу Финляндіи. И въ интересахъ дальнѣйшаго развитія этой борьбы финляндскаго пролетаріата, въ интересахъ того, чтобы эта борьба за свободу послужила къ развитію его классового самосознанія, надо пожелать, чтобы выстрѣлъ сына сенатора встрѣтилъ, съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности этого метода борьбы, надлежащую критику со стороны нашихъ финляндскихъ товарищей.

Въ иномъ свѣтѣ представляется вопросъ о политическомъ террорѣ у насъ въ Россіи. Здѣсь главная, все еще не исполненная, задача заключается въ поднятіи политической активности недовольныхъ современнымъ режимомъ слоевъ населенія. Здѣсь иниціатива революціоннаго протеста исходитъ отъ такихъ общественныхъ группъ, которымъ невозможно надолго вѣрить въ достаточность устраненія одной личности, — слишкомъ сложны для этого тѣ соціальные мотивы недовольства, которые вызвали самый протестъ. Здѣсь, поэтому, террористическія настроенія всегда означаютъ либо временную задержку въ ростѣ активности уже заволновавшихся народныхъ массъ, — либо присоединеніе къ общему движенію протеста новыхъ общественныхъ слоевъ, съ болѣе поверхностнымъ пониманіемъ политическихъ задачъ, съ большей, слѣдовательно, психологической готовностью совершать революціонное движеніе, не замѣчая того и вѣря въ достаточность частныхъ перемѣнъ въ данномъ режимѣ, готовность, такъ характери-

зующую финляндское общество и его героя. А поскольку эти политическіе мотивы даютъ себя знать въ террористическихъ увлеченіяхъ среди уже довольно далеко подвинувшихся въ дѣлѣ революціонной мобилизаціи прелетаріата и близкихъ ему круговъ студенчества,— постольку въ этомъ явленіи сказывается ростъ вліянія на эти общественные слои менѣе революціонной идеологіи буржуазнаго происхожденія. И постольку борьба противъ пропаганды террора есть борьба за вліяніе революціоннаго соціализма съ его методами классовой борьбы противъ вліянія политическихъ идей и пріемовъ борьбы буржуазной демократіи.

Когда общество находится въ состояніи такого политическаго возбужденія и революціонной готовности, что ружья, по выраженію, кажется, Макмагона, сами начинаютъ стрѣлять, тогда отдѣльный террористическій актъ, могущій, съ полнымъ правомъ, разсматриваться, какъ явленіе стихійное, не можетъ сыграть отрицательной роли, какъ бы ни было ничтожно непосредственное его практическое положительное значеніе. Тогда и моральное его дѣйствіе можетъ быть довольно велико. Въ этомъ случаѣ было бы смѣшно говорить о революціонномъ авантюризмѣ такого террора, какъ было бы нелѣпо пытаться его «систематизировать» и сдѣлать орудіемъ планомѣрной борьбы опредѣленной партіи. Другое дѣло—когда революціонная активность массы населенія только начинаетъ развиваться, и развиваться въ направленіи пониманія соціально-политическихъ корней гнетущаго ихъ зла, и когда единичный террористическій актъ, прежде всего, отвлекаетъ начавшую работать мысль отъ системы къ ея индивидуальнымъ представителямъ и разслабляетъ начавшую формироваться революціонную волю массы. При этихъ условіяхъ успѣшный террористическій актъ естественнымъ образомъ группируетъ около себя опередившіе массу по нервности своего революціоннаго настроенія слои интеллигенціи и развиваетъ въ нихъ склонность подмѣнять политическую борьбу болѣе легкой, на первый взглядъ, игрой въ заговоры. Вотъ почему мы и говоримъ о дезорганизаторской роли террора въ Россіи.

Финляндское общество отстаивающее неприкосновенность разрушаемаго абсолютизмомъ буржуазно-конституціоннаго status quo, можетъ пройти всѣ фазы революціоннаго подъема, не замѣчая того, какъ оно изъ «вѣрноподданнаго» оппозиціонера превращается въ мятежника, а его героическіе сыны могутъ пойти даже на крайніе террористическіе акты, продолжая считать себя монархистами.

Русская демократія и, прежде всего, россійскій пролетаріатъ не могутъ подготовиться къ совершенію дѣйствительной революціи, не ра-

юрвавъ въ своемъ собственномъ сознанiи со всѣми историческими традицiями политической пассивности. Финляндскому обществу не приходится учиться политической активности—прошедшее школу политической жизни оно ни при какихъ условiяхъ не замѣнитъ политическую борьбу игрой въ заговоры. Русской демократiи и русскому пролетарiату надо прежде всего научиться выступать политически. Въ исторiи Финляндiи убiйство Бобрикова является первымъ случаемъ политическаго убiйства; въ исторiи Россiи политическiя убiйства были искони суррогатомъ политической борьбы, признакомъ политической слабости и пассивности недовольныхъ «режимомъ» слоевъ нацiи и полный разрывъ съ этой традицiей долженъ быть предварительнымъ условiемъ всякаго дѣйствительно-революцiоннаго движенiя.

Л. Мартовъ.

Передъ Голодомъ.

(25 Iюня 1904 г., № 68).

Тяжелыя послѣдствiя безсмысленной и дерзкой войны, затѣянной самовластнымъ правительствомъ, осложняются новымъ бѣдствiемъ. Грозный призракъ неурожая и голода снова встаетъ передъ русской деревней. Въ настоящее время еще невозможно съ точностью опредѣлить силу удара, разразившагося надъ страной, и безъ того тратящею послѣднiя средства на расплату за чужiе грѣхи. Газетныя сообщенiя о размѣрахъ неурожая отличаются чрезвычайною сдержанностью и краткостью. Но и тѣ отрывочныя свѣдѣнiя, которыя проникли въ несчастную подцензурную печать, ясно показываютъ, что крестьянскому хозяйству угрожаетъ серьезное разстройство. Засушливая осень, бѣдная атмосферическими осадками зима и холодная и вѣтряная весна самымъ гибельнымъ образомъ отразились на ростѣ травъ и хлѣбовъ. «Петербургскiя Вѣдомости» сообщаютъ, что въ Бессарабiи состоянiе хлѣбовъ, виноградниковъ и выпасовъ для скота производитъ удручающее впечатлѣнiе на земледѣльцевъ. Истощенные

засухой и вѣтрами яровые посѣвы находятся на краю гибели; озимые же настолько плохи, что уже никакіе дожди не въ состояніи ихъ поправить. Сѣнокосы повсемѣстно выгорѣли и крестьяне принуждены кормить скотъ соломой. По позднѣйшимъ извѣстіямъ «Южныхъ записокъ» неудовлетворительный урожай въ районѣ юго-западныхъ желѣзн. дорогъ, въ особенности бессарабскаго и дунайскаго участковъ, выяснился съ такою опредѣленностью, что въ Одессѣ замѣтно упали цѣны на магазины для ссыпки зерна. Въ херсонской губ., какъ пишутъ «Южн. записки», поля также представляютъ печальное зрѣлище. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на озимые посѣвы, въ виду ихъ полной безнадежности, уже выпущенъ скотъ. «Рус. Вѣд.» сообщаютъ, что и въ Таврической губ. полевыя работы запоздали, и развитіе растительности вслѣдствіе холода идетъ очень медленно. Кіевскій корреспондентъ «Руси» утверждаетъ, что не только въ Кіевской, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ не будетъ урожая ржи, культивируемой въ данномъ районѣ почти исключительно въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Яровые хлѣба также значительно пострадали отъ майскихъ холодовъ. Гречиха, конопля сильно повреждены. Сады и огороды, занимающіе видное мѣсто въ малорусскомъ хозяйствѣ, почти погублены заморозками. На сѣверѣ дѣла обстоятъ не лучше, чѣмъ на югѣ. По словамъ «Русск. Вѣд.» стоявшіе все время холода неблагопріятно повліяли на ростъ яровыхъ хлѣбовъ и травъ въ Петербургской, Новгородской и Псковской губерніяхъ. Состояніе озимыхъ, особенно въ Петербургской губерніи, также нехорошо. Въ Московской губ. рожь вышла низкорослою; яровые хлѣба запоздали всходами и не даютъ надежды на сносный урожай. Картофель во многихъ мѣстахъ загнилъ. Кормовыя травы повсюду плохи. Сады и огороды повреждены снѣгомъ, градомъ и утренними заморозками. Кромѣ этихъ свѣдѣній въ газетахъ уже начинаютъ появляться сообщенія о томъ, какъ отразились военныя приключенія россійскаго правительства на неустойчивомъ и обезсиленномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. «Амурская газета» пишетъ, что въ Орловской волости близь Читы населеніе за неимѣніемъ хлѣба питается лебедою, а скотъ валится отъ полной безкормицы. Въ Благовѣщенскѣ переселенцы толпами бродятъ по улицамъ, прося милостыни. Они возвращаются въ Россію и буквально голодаютъ. Въ Нижегородской губ. крестьяне страшно бѣдствуютъ отъ недостатка хлѣба и корма для скота. Все, что можно было продать, продано и съѣдено. Послѣднее уцѣлѣвшее имущество распродается за неуплату податей. Кредитъ исчерпанъ до конца, а задатковъ подъ промысловыя работы подрядчики не даютъ по случаю войны. Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ Черниговской

губ. волостныя ссудо-сберегательныя кассы прекратили выдачу ссудъ запаснымъ воинскимъ чинамъ. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ наблюдается полный застой въ лѣсномъ промыслѣ, составляющемъ главную опору населенія...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приведенныя свѣдѣнія далеко не полны. На основаніи отрывочныхъ замѣтокъ русскихъ газетъ можно съ увѣренностью предположить, что неурожай поразилъ не только перечисленныя, но и однородныя съ ними по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ губ. Тѣмъ не менѣе, даже тотъ матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, позволяетъ заключить, что «недородъ» хлѣбовъ и травъ распространяется на значительную часть хлѣбородной площади Россіи. Петербургская, Псковская, Новгородская, Московская, Ярославская, Тверская, Костромская, Кіевская, Полтавская, Черниговская губерніи, Бессарабія и весь Новороссійскій край въ той или другой степени пострадали отъ неурожая. Какъ мы уже сказали, въ настоящее время еще нѣтъ возможности опредѣлить силу неурожая, но въ переживаемый моментъ даже такъ называемый «пестрый» урожай является серьезнымъ общественнымъ бѣдствіемъ, тѣмъ болѣе, что на международномъ хлѣбномъ рынкѣ обстоятельства складываются далеко не благопріятно для русскаго сельскаго хозяйства. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Англіи, Германіи, Италіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ ожидается вполнѣ удовлетворительный урожай. Слѣдовательно, русскій хлѣбъ останется въ низкой цѣнѣ, и крестьяне будутъ вынуждены вынести на рынокъ даже ту часть, которую они, при болѣе высокихъ цѣнахъ, могли бы оставить для собственнаго потребленія. Но главное зло заключается, разумѣется, въ тѣхъ политическихъ условіяхъ, которыя созданы для Россіи правительствующею шайкою. Безумная война уже произвела громадныя опустошенія въ народно-хозяйственной жизни. Застой промышленности и торговли не можетъ не оказать гибельнаго вліянія и на положеніе сельскаго хозяйства. Городская безработица больно задѣнетъ и деревенское населеніе. Кромѣ того крестьянство испытало и непосредственный ударъ. Сотни тысячъ семействъ остались безъ куска хлѣба и безъ возможности добыть его. Въ ближайшемъ будущемъ крестьянству придется перенести энергичное взысканіе податей и, вѣроятно, увеличеніе налоговъ. Такимъ образомъ, тяжесть неурожая усиливается въ нѣсколько разъ требованіями настоящаго политическаго положенія. Между тѣмъ опутанное крѣпкою сѣтью крѣпостнически-полицейскаго строя, крестьянство и при обычныхъ условіяхъ никогда не могло собственными силами справиться съ послѣдствіями неурожаевъ и постоянно

требовало государственной и общественной помощи. Но можно ли теперь разсчитывать на то, что помощь придетъ въ сколько нибудь существенныхъ размѣрахъ? Правительство, обирая крестьянъ до послѣдней нитки, никогда не считало своей обязанностью поддерживать голодающее населеніе. Подъ давленіемъ необходимости бюрократія выбрасывала крестьянамъ ничтожныя крохи собранныхъ народомъ богатствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляла всѣ усилія, чтобы и эти жалкія подачки не ушли изъ чиновничьихъ рукъ. Земство, болѣе знакомое съ мѣстными нуждами, было отстранено отъ продовольственнаго дѣла. Частныя лица, въ простотѣ сердечной спѣшившія на помощь голодному и холодному крестьянству, подвергались всевозможнымъ надругательствамъ и, какъ преступники, были высланы изъ неурожайныхъ мѣстностей. Сами голодающіе крестьяне были оффиціально объявлены лѣнтяями, желающими воспользоваться даровымъ хлѣбомъ. Такъ относилось правительство къ пострадавшему населенію въ мирное время. Теперь, когда оно занято безумною войною, крестьяне не могутъ разсчитывать даже на тѣ жалкія крохи, которыя имъ доставались раньше. Всѣ средства государства будутъ поглощены военными потребностями. По приблизительнымъ вычисленіямъ французскаго спеціальнаго журнала, война обходится Россіи по 70 милліоновъ въ мѣсяцъ, т. е., если военныя дѣйствія, какъ это весьма вѣроятно, продолжатся два года, то Россія должна будетъ израсходовать 1,600 милліоновъ рублей. Но французскій журналъ не могъ, конечно, принять въ разсчетъ русскаго казнокрадства. Г. Гензель, знающій родныя условія, высчитываетъ стоимость войны въ 90 милліоновъ рублей ежемѣсячно. Между тѣмъ, къ началу войны правительство имѣло свободныхъ денегъ на военныя нужды всего около 518 милліоновъ. Майскій заемъ далъ ему еще около 292 милліоновъ рублей. При такихъ условіяхъ ни о какой серьезной помощи голодающимъ не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы «выжать» изъ населенія не только 15 милліоновъ для уплаты процентовъ по новому займу, но и тѣ сотни милліоновъ, которые необходимы для дальнѣйшаго веденія войны.

Не могутъ помочь голодающимъ и земскія учрежденія. И они такъ же, какъ и правительство, только усиливаютъ тяжесть неурожая своими пожертвованія на военныя нужды. По сообщенію «Правит. Вѣстника» до 11 марта 15 губернскими собраніями было ассигновано на военныя нужды 4.700.000 руб. Съ тѣхъ поръ сумма пожертвованій, навѣрное, удвоилась. Эти 8 милліоновъ составляютъ новый налогъ, свалившійся на измученное крестьянство, вслѣдствіе «высшихъ» со-

ображеній земской политики. И если бы даже земство имѣло возможность оказывать поддержку неурожайнымъ мѣстностямъ, то это было бы простымъ перекладываніемъ денегъ изъ одного крестьянскаго кармана въ другой. Но, къ сожалѣнію, нелѣпая земская политика «патріотизма» сдѣлала невозможной даже такую «помощь». Дѣло въ томъ, что земскія собранія, жертвуя милліоны на нужды арміи и флота, и въ непосредственное распоряженіе «сферъ», совершенно забыли о томъ, что по закону 25 іюня 1877 года на земскія и городскія общества возложена обязанность заботиться о семьяхъ запасныхъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію. Между тѣмъ мобилизація, захватывая все болѣе и болѣе обширный районъ, вызвала такую острую нужду въ оставшихся безъ работниковъ семьяхъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ поспѣшило обратить вниманіе губернаторовъ на своевременное удовлетвореніе ходатайствъ, поступающихъ отъ семей призванныхъ къ оружію солдатъ. Губернаторы съ удовольствіемъ напомнили земству объ его обязанностяхъ, но земскія деньги уже отправлялись на Дальній Востокъ въ видѣ санитарныхъ отрядовъ, или лежали въ разныхъ «комитетахъ» по сооруженію флота и т. д. Больше взять денегъ было рѣшительно неоткуда, и недавно гордые «патріоты», попавъ въ затруднительное положеніе, принимаютъ такія нелѣпо постыдныя рѣшенія, какъ Харьковское губ. собраніе, которое, только что пожертвовавъ 1 ½ милліона на войну, теперь проситъ у правительства 2 милліона займы на пособія семьямъ запасныхъ солдатъ. По разсчетамъ «Новаго Времени» на эти пособія потребуется, въ общемъ, не менѣе 30 милліоновъ рублей. Какъ найдутъ эту сумму земства и найдутъ ли они ее—трудно сказать, но во всякомъ случаѣ, голодающее населеніе не имѣетъ никакихъ основаній разсчитывать на серьезную поддержку со стороны земскихъ учрежденій.

Нельзя надѣяться и на добровольцевъ-филантроповъ. Во-первыхъ, Плеве ихъ не пуститъ въ деревню, а «благотворить» черезъ посредство урядниковъ и земскихъ начальниковъ не согласится даже россійскій обыватель; во-вторыхъ, война отозвалась и на обывательскомъ карманѣ. Въ предстоящей голодной «кампаніи» крестьянинъ, такимъ образомъ, останется безъ союзниковъ... если къ нему не придетъ революціонеръ. И онъ долженъ прійти...

Мы считаемъ излишнимъ доказывать важность настоящаго момента. При самомъ скептическомъ отношеніи къ современной дѣйствительности очевидно, что всеобщая растерянность и всеобщее недовольство, переживаемое нынѣ Россіей, обязываютъ партію революціоннаго дѣйствія къ рѣшительной и беззавѣтной борьбѣ. Каждый

день войны приноситъ въ Россію новый фактъ полной неспособности бюрократіи, каждый день увеличиваетъ непосредственныя страданія народныхъ массъ. Голодъ, тяжесть котораго ни правительство, ни «общество» не будутъ въ состояніи ослабить, подавитъ послѣдніе остатки «патріотическихъ» чувствъ и вызоветъ раздраженіе въ самыхъ глухихъ мѣстахъ и въ самыхъ заглохшихъ умахъ. Въ такіе моменты, по авторитетному сужденію покойнаго Сипягина, каждый городъ, каждое мѣстечко, каждый поселокъ превращается въ «благопріятную почву для противоправительственной агитаціи», тѣмъ болѣе благопріятную, что мысль о неразрывной связи голода съ существующимъ порядкомъ въ достаточной мѣрѣ популярна среди значительной части русскаго населенія. Неудачная война, голодъ, раззореніе, при наличности революціонно-настроеннаго пролетаріата, озлобленнаго крестьянства, недовольнаго «общества»,—въ такіе рѣдкіе моменты надо, по выраженію Г. В. Плеханова, агитировать и не оставаться за флагомъ!

Быть можетъ, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россіи придется подводить итоги политикѣ военныхъ приключеній и правительственнаго произвола. Каковы бы они ни были въ конечномъ результатѣ, ихъ содержаніе опредѣлится столкновеніемъ между абсолютизмомъ и «обществомъ». Передъ революціонной соціалдемократіей развертывается, слѣдовательно, грандіозная перспектива организовать настолько сознательное участіе народныхъ массъ въ предстоящей схваткѣ между отживающимъ азіатскимъ и нарождающимся европейскимъ строемъ, чтобы народъ боролся за политическія права для себя, а не за политическія привилегіи для своихъ эксплоататоровъ. Эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда революціонная соціалдемократія, ни на минуту не забывая особеннаго характера присущихъ ей задачъ, возьметъ на себя иниціативу и главную роль въ общемъ антиабсолютистскомъ движеніи и объединитъ подъ своимъ знаменемъ городскія и сельскія народныя массы. Въ городахъ вліяніе соціалдемократіи достаточно велико; теперь же, когда война, голодъ и раззореніе до болѣзненности обострятъ гнетъ крѣпостныхъ пережитковъ въ современной деревнѣ, передъ партіей пролетаріата открывается широкая дорога къ уму и сердцу крестьянина. Крѣпкое сплоченіе въ единую армію городскихъ рабочихъ, революціоннаго класса по отношенію ко всему существующему строю, и крестьянства, революціоннаго класса по отношенію къ полуфеодальному строю, сохранившемуся въ сельской Россіи, становится близкимъ и возможнымъ.

Но, ставя себѣ задачей повліять на народныя массы и побудить ихъ къ непосредственному дѣйствію, соціалдемократическая партія обя-

зана немедленно выяснить характеръ и содержаніе предстоящей дѣятельности. Та обычная полупропаганда, полуагитація, которая ведется въ историческіе будни, едва ли умѣстна въ настоящее «смутное» время. Въ моментъ всеобщей растерянности и всеобщаго ожиданія, перемѣнъ недостаточно «проповѣдывать» необходимость уничтоженія абсолютизма, необходимо перейти къ разъясненію тѣхъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ совершится это уничтоженіе, и дать руководящія указанія, съ чего начать. Поэтому мы полагаемъ, что настало моментъ придать болѣе конкретный характеръ обычной революціонно-просвѣтительной агитаціи партіи. Исходя изъ многочисленныхъ фактовъ, которые показываютъ полную неспособность правительства развязать мертвую петлю, затянутую имъ на народной шеѣ, мы должны сосредоточить главное вниманіе на популяризаціи того пункта нашей программы, который гласитъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе политическихъ и соціальныхъ преобразованій въ Россіи достижимо лишь путемъ низверженія абсолютизма и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ.

Благодаря нашей агитаціи, требованіе созыва учредительнаго собранія должно широко разлиться по Россіи и громко зазвучать изъ глубины народныхъ массъ, изъ всѣхъ городовъ и поселковъ. И когда мысль объ учредительномъ собраніи, какъ единственномъ выходѣ изъ современнаго положенія, станетъ дѣйствительно народнымъ достояніемъ,—революціонная соціалдемократія можетъ смѣло начать открытую войну противъ абсолютизма и завоевать въ ней такія политическія позиціи, которыя она уже не отдастъ запоздавшей въ битву буржуазіи.

*Н. Негорев*ъ.

Дорогая цѣна.

(10 іюля 1904 года № 69).

Въ иностранной печати упорно распространяются за послѣднее время слухи о какой то «комиссіи», якобы созванной въ Петергофѣ и занимающейся выработкой проекта «конституціи». Сообщаются даже подробности, вродѣ того, что будущая конституція должна осчастливить россійскій народъ дарованіемъ ему чего-то вродѣ германскаго рейхстага; однако есть и маленькая разница: вмѣсто того, не столько

рѣшающаго, сколько могущаго противопоставить свое veto правительственнымъ законопроектамъ, голоса, который имѣетъ рейхстагъ, грядущій россійскій парламентъ будетъ имѣть лишь совѣщательный голосъ.

Придавая весьма мало значенія фактической сторонѣ этихъ сообщеній, мы не можемъ, однако, не видѣть въ нихъ нѣкотораго отраженія настроенія, начинающаго проникать въ тѣ великосвѣтскіе и административные салоны, въ которыхъ корреспонденты «большой» европейской печати черпаютъ сплетни, сообщаемыя ими въ редакціи своихъ газетъ. Тѣ сокрушительные удары, которые уже претерпѣлъ «режимъ» въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, очевидно, заставляютъ проникать въ души и самыхъ геморроидальныхъ особъ «первыхъ четырехъ классовъ» смутное сознаніе, что близится конецъ абсолютизма. Бѣшенство, съ которымъ «Московскія Вѣдомости» накидываются на злополучныхъ авторовъ «слуха», показываетъ только, что иностранная печать попала въ цѣль, въ больное мѣсто. Sé non é vero, 'e ben trovato.

Да и не было бы ничего удивительнаго, если бы среди рыцарей кнута и нагайки нашлись уже теперь предусмотрительные люди, заранѣе учитывающіе цѣну предательства по отношенію къ тому режиму, именемъ котораго самодержавная бюрократія такъ долго душитъ пробуждающійся народъ. Скорѣе было бы странно, если бы этого не было. Исторія всѣхъ странъ показываетъ, что бюрократія всегда была готова служить всякому правительству и предать всякое правительство. Талейранъ, служившій республикѣ, директоріи, имперіи, Бурбонамъ, Орлеанамъ и всѣхъ ихъ поочередно предававшій, конечно, имѣетъ всѣ основанія быть причисленнымъ къ лику святыхъ бюрократіи. И такъ какъ у господъ этого сорта нюхъ бываетъ очень тонкій, то конституціонные проекты тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ несомнѣнно представляютъ весьма отрадный симптомъ разложенія абсолютизма

Но не мы, конечно, будемъ возлагать наши надежды на комиссіи изъ тайныхъ совѣтниковъ. Это—монополія россійскаго либерализма. Зародившійся въ тяжелой атмосферѣ рабства, при первыхъ шагахъ своихъ уже увидѣвшій грозное «мене, текелъ, фаресъ», начертанное на всѣхъ стѣнахъ буржуазной Европы, русскій либерализмъ никогда не надѣялся на свои собственныя силы, на борьбу. Какъ Петръ отъ Іисуса, отрекался онъ отъ «крайнихъ» дѣтей своихъ, когда не платоническое «сочувствіе», а дѣйствительная помощь могла дать имъ шансы на побѣду въ неравной борьбѣ съ абсолютизмомъ, опиравшимся

на огромную реакціонную силу пассивности народныхъ массъ. Не завоевать свободу, а получить ее хотѣлъ и хочетъ русскій либерализмъ. Конституціонныя галушки готовыми должны упать ему въ ротъ. Самъ-ли абсолютизмъ его, либерала, «можетъ быть, ха ха... и помилуетъ», смѣлый-ли террористъ динамитной бомбой взорветъ россійскій режимъ, крестьянскій ли «бунтъ» или рабочее возстаніе разорвутъ заржавленныя оковы деспотизма,—россійскому либералу все равно. И когда революціонное движеніе—и не только рабочаго класса или крестьянства, но и интеллигентныхъ «дѣтей» либерализма—сочится кровью изъ всѣхъ поръ, россійскіе Мирабо, оставаясь пассивными зрителями революціонной трагедіи, лишь учитываютъ ея политическій балансъ и вписываютъ его въ тотъ ростовщическій вексель, который они предъявятъ въ минуты ликвидаціи абсолютизма одновременно и побѣжденному абсолютизму, и побѣдившему народу.

Однако, разсчеты на чужую революціонную борьбу, изъ всѣхъ возможныхъ путей къ «полученію» свободы, менѣе всего по душѣ либералу. Съ одной стороны, «смута препятствуетъ царственнымъ трудамъ», какъ увѣряли орловскіе земцы, а вѣдь надежда на «помилованіе» не оставляетъ либераловъ, съ другой стороны, «всѣ эти убійства и волненія не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно» «мирнымъ земледѣльцамъ», вродѣ господина Евреинова. Да и неизвѣстно еще, насколько благосклонно отнесется впослѣдствіи къ политическому векселю либераловъ «разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы». Поэтому, не забывая трясущейся рукой вписывать въ свои бухгалтерскія книги статьи политическаго прихода, либералъ всѣми силами старается изыскать другіе, менѣе опасные пути къ полученію конституціоннаго эдема. Однако, надежды на то, что самодержавіе вполнѣ добровольно сдастъ свои позиціи излюбленнымъ людямъ, конечно, слишкомъ наивны даже и для русскихъ либераловъ. Какой нибудь внѣшній толчокъ, внѣ либерализма, но и внѣ самодержавія лежащая причина, должна привести къ вожделѣнной «реформѣ». Только съ этой точки зрѣнія «сочувствовалъ» либерализмъ революціи, и только съ этой точки зрѣнія оцѣнивалъ онъ политически всякое стихійное народное бѣдствіе, подкапывающее основы существующаго государственнаго «порядка».

Такъ было во время голода. Либерализмъ не рѣшился выступить активно со своими конституціонными требованіями, ибо на почвѣ остраго недовольства широкихъ слоевъ народа и въ нервно-напряженной общественной атмосферѣ такое выступленіе могло бы послужить непосредственнымъ прологомъ къ революціонному низверженію

абсолютизма; съ скрещенными на груди руками онъ ожидалъ минуты, когда «самъ собой» рухнетъ самодержавно-бюрократическій режимъ.

И точно такую же позицію занялъ либерализмъ теперь, когда не въ видѣ голода, а въ видѣ войны надвинулись на Россію огромныя, разрушительныя силы стихійности. «Въ виду войны всякія провозглашенія конституціонныхъ требованій и заявленій прекращаются, по крайней мѣрѣ, на эти первые и неясные мѣсяцы», пишетъ нѣкій конституціоналистъ въ № 50 «Освобожденія» и увѣряетъ, что на этотъ счетъ «нѣтъ никакихъ споровъ». Можно повѣрить этому компетентному голосу; можно повѣрить, что для либерализма «связанная съ войной тактика неизбѣжно требуетъ гораздо болѣе пассивнаго отношенія къ событіямъ текущей жизни». Болѣе того: мы видѣли уже, какъ «пасивные» по отношенію къ борьбѣ за свободу либеральные земцы «активно» принимали адреса по случаю войны и облагали на нужды ея новыми милліонными налогами раззоренное и еще болѣе раззоряемое войной населеніе, вмѣсто того, чтобы открыто заявить о непосильности для народа тѣхъ новыхъ тяготъ, которыя налагаются на него новыми авантюрами самодержавной бюрократіи. Но это «пассивное» свободолюбіе и «активное» холопство ничуть не мѣшаютъ тому, что, благодаря войнѣ, ярче, чѣмъ когда либо, теплится въ сердцѣ либерала надежда на конституцію. Не даромъ, уже въ самомъ началѣ войны правительственнымъ рептиліямъ приходилось писать длиннѣйшія статьи для доказательства, что не нужно непремѣнно новаго «Севастополя» для наступленія конституціонной весны. Либерализмъ долженъ желать пораженія русскихъ войскъ, потому что такое пораженіе вѣрнѣе всего заставитъ абсолютизмъ пойти на уступки. Сила этого желанія умѣряется опять таки лишь опасеніемъ революціоннаго взрыва, неизбѣжнаго при слишкомъ позорномъ военномъ крахѣ абсолютизма. Но, если не пораженіе, то ужъ, во всякомъ случаѣ, тотъ острый финансовый кризисъ, который неизбѣженъ даже при благополучномъ окончаніи войны, долженъ радостно манить сердце либерала. Отсюда — двѣ души въ груди либерализма. Сантиментально скорбя о страданіяхъ «солдатиковъ», какъ онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ голодающихъ, либерализмъ лечитъ зіяющія раны войны палліативами санитарныхъ отрядовъ и перевязочныхъ пунктовъ, какъ лечилъ смертельныя язвы голодовокъ палліативами безплатныхъ столовыхъ; и въ то же время война, какъ и голодъ, является для либерала тѣмъ стихійнымъ, внѣшнимъ, его лично весьма мало задѣвающимъ факторомъ, который сломитъ упорство цѣпляющагося за свои самодержавныя прерогативы абсолютизма. По-

литическій паразитъ, либерализмъ строитъ свои спекуляціи на бѣдствіяхъ народа.

На бѣдствіяхъ народа! Да, то, что для либерализма внѣшняя, стихійная сила—будь то голодъ, война, или хотя бы острый финансовый кризисъ, — то для народа, для рядового крестьянства, и еще болѣе для рабочаго класса, подлинное бѣдствіе, реализующееся въ недоѣданіи, въ ростѣ «преступности» и проституціи, въ болѣзняхъ, въ усиленіи смертности, въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ жизней, принесенныхъ въ жертву молоху милитаризма.

И каждая буква той конституціонной хартіи, которая для либераловъ «сама собой» явится въ результатѣ остраго потрясенія всего организма страны, будетъ оплачена цѣною крови народа. Простой подсчетъ этой крови покажетъ, что для пролетаріата и прилегающихъ къ нему слоевъ крестьянства революціонный способъ борьбы за свободу *дешевле* пассивнаго выжиданія стихійнаго хода событій. Уже по одному этому рабочій классъ не можетъ, сложа руки, ждать той свободы, которую принесетъ ему военный разгромъ Россіи, и не можетъ на этомъ разгромѣ строить всѣ свои надежды. Побѣда правительственныхъ войскъ въ преступно затѣянной войнѣ означала бы укрѣпленіе позиціи режима на трупахъ десятковъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ. Но и свобода, купленная цѣной пораженія, была бы оплачена цѣлыми морями крови того же народа. Это, воистину, слишкомъ *дорогая цѣна* за ту свободу, которая выпадетъ при этомъ на долю пролетаріата.

Не нужно забывать, что, если либералъ является пассивнымъ зрителемъ тѣхъ стихійныхъ бѣдствій, которыя подкапываютъ самодержавіе, то пролетарій является ихъ пассивнымъ *объектомъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ пассивнымъ *орудіемъ* политическаго катаклизма. Но свобода, въ достиженіи которой пролетаріатъ играетъ роль пассивнаго орудія стихійности, можетъ дать рабочему классу лишь *минимумъ* возможныхъ въ капиталистическомъ обществѣ политическихъ правъ. А вся работа соціалдемократіи, направленная на развитіе классоваго сознанія и классовой организованности пролетаріата, имѣетъ цѣлью завоеваніе имъ *максимума* этихъ правъ. Самый смыслъ существованія партіи исчезаетъ, если въ нашемъ представленіи рабочій классъ долженъ пассивно ждать освобожденія отъ того «стихійнаго» крушенія абсолютизма, которое послѣдуетъ за разгромомъ Россіи японцами. И не о широтѣ политическихъ взглядовъ свидѣтельствуетъ проявляющееся кое гдѣ въ революціонной средѣ желаніе разгрома, а о недостаточномъ пониманіи задачъ соціалдемократіи. Это не выраженіе высшей ступени

сознательной классовой политики, а отрыжка буржуазнаго демократизма съ его спекуляціями на «стихійность».

Если даже связывать представленіе о пораженіи съ неизбѣжностью послѣдующаго революціоннаго взрыва, то неужели рабочій классъ долженъ желать предварительно пройти черезъ всѣ бѣдствія безработицы, черезъ всѣ муки голода и болѣзней, оставить на восточно-азіатскихъ поляхъ трупы десятковъ тысячъ своихъ сыновей и братьевъ, чтобы потомъ только пойти на баррикады новыми потоками крови добывать свободу?

Нѣтъ! Ни побѣда, ни пораженіе, а прекращеніе войны, прекращеніе кровавыхъ гекатомбъ, какъ слѣдствіе революціоннаго давленія рабочаго класса—вотъ лозунгъ пролетаріата. Этотъ лозунгъ одинаково далекъ отъ хладнокровныхъ разсчетовъ либерализма на гибель тысячей молодыхъ жизней и идиллическихъ утопій миролюбцевъ, вродѣ Берты Зуттнеръ или Льва Толстого. Пролетаріатъ не можетъ ставить себѣ утопической задачи прекратить порождаемыя капиталистическимъ обществомъ войны, не уничтоживъ самого капиталистическаго общества. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ и къ такому порабощенію государства, въ которомъ онъ волей историческихъ судебъ живетъ и борется, такому порабощенію, которое превратило бы это государство въ объектъ чужой эксплоатаціи, подрѣзало въ корнѣ возможность его прогрессивнаго развитія, сдѣлало его новой Арменіей, сохранило для пролетаріата весь гнетъ, всѣ несчастія, но безъ малѣйшей надежды на возможность революціонной борьбой сбросить съ себя всѣ путы соціальнаго рабства; и въ этомъ смыслѣ сказалъ Бебель, что нѣмецкій пролетаріатъ «до послѣдняго человѣка встанетъ на защиту отечества и народа», если самому существованію Германіи будетъ грозить опасность. Но когда эти жизненные интересы народа не поставлены на карту, пролетаріатъ, какъ бы ни кричали объ отсутствіи у него патріотизма, *можетъ* и *долженъ* властнымъ революціоннымъ вмѣшательствомъ положить предѣлъ войнѣ, особенно войнѣ, не только не вытекающей изъ потребностей развивающагося капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣющей цѣлью задержать то политическое переустройство, которое необходимо для его развитія. И это революціонное вмѣшательство, чуждое пассивнаго ожиданія побѣды или пораженія, сохранитъ пролетаріату тысячи его сыновей и сотни милліоновъ денегъ, которые выкачиваетъ изъ его кармана и сама война и сопровождающій ее кризисъ.

«Миръ въ ближайшее время можетъ быть заключенъ лишь путемъ униженія и огромныхъ потерь», говоритъ тотъ же конституціоналистъ въ

«Освобожденіи». Но кто будетъ униженъ? Пролетаріатъ ли, который заставитъ правительство выполнить свою революціонную волю? И какихъ огромныхъ потерь? Потерь ли той «чужой территоріи», по поводу которой даже г. конституціоналистъ говоритъ, что «съ поразительнымъ легкомысліемъ и невѣжествомъ полицейское самодержавіе *вовлекло* (курс. вездѣ нашъ) Россію въ сложные міровые интересы, ей, по существу, *далекіе*»?

Смѣшны, конечно, надежды на ту контрибуцію, которую Россія получитъ въ результатѣ побѣдоносной войны, и которая покроетъ военные расходы. Не говоря уже о великой сомнительности побѣдъ правительственнаго оружія, никакая контрибуція не сможетъ окупить всѣхъ тѣхъ колоссальныхъ жертвъ людьми и деньгами, которыя несетъ пролетаріату каждый лишній день войны. И при томъ, если затраты на войну покрываются изъ кармановъ народа, то не въ его карманы польется золотой дождь контрибуціи: пять милліардовъ французской контрибуціи дали германскому рабочему классу, въ концѣ концовъ, лишь новый, дотолѣ неслыханный по своей остротѣ, кризисъ 70-хъ годовъ. А главное, то усиленіе позиціи абсолютизма, которое принесетъ побѣда, для пролетаріата будетъ обозначать продленіе его хроническихъ жертвъ и бѣдствій и новое затрудненіе его революціонной борьбѣ за свободу.

Пролетаріатъ, въ противоположность буржуазіи, вообще не можетъ *получить* для себя свободу, онъ можетъ только *завоевать* ее, долженъ оплатить ее своею кровью, будетъ ли онъ пассивнымъ орудіемъ политическаго переворота или сознательнымъ активнымъ борцомъ за свободу. Но, и по величинѣ жертвъ, и по достигаемымъ результатамъ, путь наступательной революціонной борьбы — самый экономный путь для рабочаго класса, и въ данномъ случаѣ его интересы совпадаютъ съ интересами всѣхъ трудящихся массъ. При той политической конъюнктурѣ, которая создана войной, этотъ путь ведетъ къ революціонному требованію мира и свободы. Всякою другою политическою тактикою рабочій классъ завоевалъ бы слишкомъ плохую свободу и слишкомъ *дорогою цѣною*.

Ф. Данъ.

Терроръ и массовое движеніе.

(25 іюля 1904 г. № 70).

Онъ былъ «государственный дѣятель», какъ это слово понимаетъ современное буржуазное общество. Это значитъ— онъ безнаказанно убивалъ изъ-за угла своего министерскаго кабинета; огражденный дорого-стоившей народу охраной, онъ безпощадно попиралъ чужія права и губилъ многія жизни. Теперь онъ убитъ мѣтко пущенной бомбой, и найдутся филистеры, которые будутъ кричать о безнравственности убійства, о жестокости мести. Но какая месть надъ личностью Плеве могла бы, напр., отплатить за апрѣльскіе дни въ Кишиневѣ?

Въ недавно закончившемся кенигсбергскомъ процессѣ, нѣмецкій прокуроръ ставилъ въ вину «Искрѣ», а, въ лицѣ ея, всей россійской соціалдемократіи, что она, отрицая терроръ по соображеніямъ политической цѣлесообразности, не выражаетъ какого-либо нравственнаго возмущенія по поводу террористическихъ актовъ. Нѣмецкой прокуратурѣ не дождаться такого времени, когда россійская соціалдемократія «возвысится» до той морали, которая спообна возмущаться убійствомъ одного министра и набрасывать покровъ «государственной необходимости» на массовыя убійства, совершенныя по приказу того же министра.

Впрочемъ, на этотъ разъ буржуазная пресса Запада, не преминувъ выразить свое «нравственное» возмущеніе фактомъ убійства, да еще совершеннаго при участіи динамита, вызывающаго столь непріятныя ассоціаціи въ представленіи всякаго буржуа,—буржуазная пресса довольно опредѣленно заявила, что уничтоженіе Плеве явилось естественнымъ результатомъ его политической системы. Какъ мы отмѣтили выше (стр. 105), по поводу выстрѣловъ Е. Шаумана, въ пору покушенія Балмашева отношеніе европейскаго общества было инымъ. Изъ-за политическаго протеста противъ системы Сипягина выглянулъ призракъ соціальной революціи, и буржуазія цѣлостно и, какъ водится, высокоморально отнеслась къ выстрѣламъ молодого студента.

Два прошедшіе года измѣнили положеніе.

Кишиневская бойня, спеціально придуманная въ цѣляхъ борьбы съ движеніемъ соціалистическаго пролетаріата, разорвала многія нити, связывавшія русскій абсолютизмъ съ европейской буржу-

азіей. Не о десяткахъ разстрѣловъ рабочихъ-стачечниковъ, не объ якутской трагедіи, не о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ въ тюрьмахъ, не о каторжныхъ приговорахъ въ Таганрогѣ вспоминаетъ буржуазная пресса, когда объясняетъ психологическую необходимость того террора, подъ ударами котораго палъ Плеве. Она говоритъ о преслѣдованіяхъ Финляндіи, о кишиневской рѣзнѣ, о ссылкахъ писателей, о травлѣ студентовъ, о преслѣдованіяхъ земства. «Внутренній врагъ» всѣхъ порядочныхъ гражданъ Россіи, Плеве былъ, прежде всего, наиболѣе опаснымъ врагомъ для Россіи либеральной.

Пролетарское движеніе, на которое обрушились самые жестокіе удары «системы» всесильнаго визиря, не могло быть остановлено ею въ своемъ развитіи, и въ іюльскіе дни 1903 г. русскій пролетаріатъ блестяще показалъ, что «бѣлый терроръ» ему не страшенъ. Другое дѣло—движеніе либеральное, съ его легальными опорными пунктами въ земствахъ и печати. Безшабашная система репрессій, не останавливающаяся передъ правонарушеніями и самымъ грубымъ насиліемъ, не могла не придавить либеральнаго движенія, и, безсильный развратить рабочій классъ, Плеве оказался въ силахъ внести сѣмена разврата въ земскую среду. Либеральная Россія не знала—даже имѣя въ виду Дмитрія Толстого—такого неумолимаго врага, какимъ былъ Плеве. Даже могущественный Витте долженъ былъ сойти со сцены, когда въ немъ министръ бѣлаго террора усмотрѣлъ нѣкій оплотъ либеральной «смуты». И если для пролетаріата уничтоженіе Плеве не только не сулитъ еще перемѣны всего режима, но не обѣщаетъ даже хоть какого нибудь измѣненія условій его борьбы противъ этого режима (для стачекъ и демонстрацій у абсолютизма всегда будутъ штыки и пули, для соціалистовъ—тюрьмы и ссылки!), то для либеральнаго «общества» устраненіе тѣхъ маленькихъ «подробностей» системы, которыя связаны съ личностью «верховнаго палача Россіи»,—даже оно можетъ означать кое-какое облегченіе условій организаціи его движенія.

Едва ли мы ошибемся, поэтому, если скажемъ, что взрывъ 15 іюля будетъ праздничнымъ днемъ, прежде врего и больше всего, для нашихъ либераловъ. Для нихъ прежде всего поработали мужественные революціонеры, подготовившіе и совершившіе покушеніе. Пролетаріатъ встрѣтитъ съ чувствомъ непосредственнаго удовлетворенія извѣстіе, что бомба революціонера убила человѣка, отвѣтственнаго за кровь многихъ тысячъ пролетаріевъ и за физическія и нравственныя страданія многихъ активныхъ борцовъ за свободу. Отъ этого чувства нравственнаго удовлетворенія какъ нельзя болѣе далеко до полити-

ческой санкціи удачнаго террористическаго акта. Совершенный въ трудную для абсолютизма минуту, этотъ актъ можетъ внести и, навѣрное, внесетъ сильную деморализацію въ ряды правящей клики и подниметъ настроеніе протеста въ кое-какихъ, придавленныхъ Плеве, общественныхъ кругахъ. И если бы задача революціонной партіи сводилась къ роли «дезорганизаторскаго отряда» при арміи буржуазнаго общественнаго движенія, то террористическій ударъ, направленный на такого дѣятеля, какъ Плеве, могъ бы считаться политически-цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, которое—въ лучшемъ случаѣ—можетъ выбить «режимъ» изъ достигнутаго имъ состоянія равновѣсія и тѣмъ толкнуть его въ объятія пассивно-ожидающихъ вожделѣннаго момента либераловъ.

Не таковы, однако, задачи единственно-революціонной партіи нашего времени—соціалдемократіи. Роль «внѣшняго толчка», измѣняющаго въ неблагопріятную сторону позицію самодержавія, можетъ играть наряду съ устраненіемъ какого нибудь Плеве, цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые, по отношенію къ сознательной дѣятельности революціонеровъ, должны быть признаны явленіями «стихійными». Взятіе Портъ-Артура, капитуляція Куропаткина, голодъ въ деревнѣ,—такія событія могутъ внести въ высшія сферы ничуть не меньшую деморализацію, чѣмъ взрывъ бомбы у варшавскаго вокзала. И если абсолютизмъ до сихъ поръ не исчезъ съ лица земли русской, то ужъ никакъ не потому, чтобы на него не обрушилось достаточно подобныхъ ударовъ. Если онъ живъ, то лишь потому, что стоя подчасъ на краю гибели, онъ не имѣлъ передъ собой противниковъ, которые представляли бы достаточную политическую силу, чтобы мобилизовать народныя массы и повести ихъ на штурмъ его твердынь. Организація революціоннаго движенія все еще безконечно отстаетъ отъ стихійно развивающаго ея процесса быстраго разложенія господствующаго режима. Этотъ стихійный процессъ періодически ставитъ режимъ въ то безвыходное положеніе, при которомъ всесторонній могучій натискъ народа можетъ вызвать непосредственную его ликвидацію. Мы переживали такой моментъ весной 1901 года, въ пору событій, связанныхъ съ возстаніемъ студенчества, мы пережили его снова весной 1902 года, когда отъ крестьянскаго возстанія задрожали стѣны абсолютистской Бастиліи, и прошлымъ лѣтомъ, когда весь югъ былъ охваченъ революціоннымъ пожаромъ всеобщей стачки. Въ любой изъ этихъ моментовъ концентрація всѣхъ революціонныхъ силъ въ атакѣ на абсолютизмъ могла, при благопріятныхъ условіяхъ, привести къ немедленной развязкѣ. Но силы русской народной революціи не были

организованы въ каждый изъ этихъ моментовъ, и за временнымъ подъемомъ наступала полоса затишья, призывавшая насъ энергично готовиться къ неминуемому слѣдующему прибою.

Съ началомъ войны самодержавіе снова оказалось «въ тискахъ», и каждый день войны «стихійно» наноситъ ему тѣ удары, которые основательно дезорганизуютъ правительственную машину и деморализуютъ правящіе круги. Еще разъ—все готово для похоронъ абсолютизма, не готовы только его могильщики—организованныя революціонныя силы. Нѣтъ никакой нужды въ лишнихъ «дезорганизаторскихъ» актахъ—генералъ Куроки и адмиралъ Того заботятся о томъ, чтобы ихъ было достаточно, а генералъ Куропаткинъ и адмиралъ Алексѣевъ самоотверженно принимаютъ на себя скорѣйшую передачу этихъ дезорганизаторскихъ толчковъ по назначенію. Необходима положительная работа организаціи революціоннаго движенія массъ, необходимо постоянно, въ все болѣе широкихъ размѣрахъ, въ все болѣе рѣшительныхъ формахъ совершаемое политическое выступленіе этихъ массъ противъ абсолютизма — эта единственная школа подготовки народа къ тому всероссійскому натиску, который одинъ только основательно покончитъ съ абсолютизмомъ.

Намъ не приходится здѣсь подробно указывать, какъ мало дѣлается въ этомъ направленіи, до какой степени всѣ борящіяся съ абсолютизмомъ организаціи недостаточно использовали послѣдніе, богатые событіями, мѣсяцы его агоніи. Не приходится намъ особенно настаивать и на томъ, что, въ частности, наша партія, единственная сколько нибудь плодотворно работавшая на этомъ поприщѣ, что она еще менѣе, чѣмъ въ предшествующіе критическіе моменты, выполнила все то, чего вправѣ былъ ожидать отъ нея пролетаріатъ. И врядъ ли съ чьей либо стороны встрѣтимъ мы возраженіе, сказавъ, что это обстоятельство еще и еще разъ краснорѣчиво взываетъ къ намъ о скорѣйшемъ устраненіи изъ нашей партійной жизни всѣхъ тѣхъ ненужныхъ треній, которыя мѣшаютъ партіи развернуть всю ея революціонную энергію.

При такомъ положеніи дѣлъ, затрата хотя бы частицы революціонной силы на эффектныя и симпатичныя по своимъ мотивамъ террористическія попытки дезорганизаціи правительственнаго механизма представляются, въ лучшемъ случаѣ, напрасной тратой драгоцѣнной энергіи. Не разрѣшая того вопроса, который стоитъ передъ нами въ видѣ несоотвѣтствія между степенью разложенія абсолютизма и степенью организованности активно-боевыхъ силъ революціи, такіе новые «дезорганизаторскіе» удары только усложняютъ его. Говорятъ

объ агитаціонномъ («эксцитативномъ») вліяніи террористическихъ актовъ. Но, если мы—революціонеры,—не можемъ агитаціонно использовать весь матеріалъ, даваемый намъ крупнѣйшими и очевиднѣйшими фактами повседневно совершающагося процесса разложенія абсолютизма, то искусственно вызывать новые поводы для такой агитаціи—значитъ, опять таки, только еще болѣе затруднять свою собственную задачу. Такова должна быть, на нашъ взглядъ, точка зрѣнія всякаго, для кого ближайшая политическая задача состоитъ въ революціонномъ сверженіи господствующаго режима народнымъ движеніемъ. Такова только и можетъ быть позиція пролетарской партіи. Но, разумѣется, для тѣхъ, кто суживаетъ эту ближайшую задачу, значеніе террористическихъ актовъ представится въ иномъ свѣтѣ. Кто заранѣе отказывается отъ народной революціи, тотъ можетъ возложить всѣ свои надежды на такое измѣненіе современнаго режима, которое явится результатомъ вынужденной внѣшними обстоятельствами «безболѣзненной» передачи политическаго наслѣдія абсолютизма Стаховичу и Ко. Тотъ можетъ, слѣдовательно, направить свои силы на умноженіе этихъ внѣшнихъ «побудительныхъ толчковъ», тотъ можетъ брать на себя самоотверженную роль загонщика на службѣ у либеральнаго общества. Тотъ тѣмъ самымъ непосредственно и неизбѣжно содѣйствуетъ затрудненію той спеціальной задачи, которая выпадаетъ на долю революціонной народной партіи.

Намъ, соціалдемократамъ, дѣло 15 іюля еще разъ напоминаетъ, что вся стихійно—складывающаяся обстановка крушенія абсолютизма направляется противъ тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ революціонный авангардъ россійскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на всѣ недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже съузился относительно за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о бокъ съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію паденія абсолютизма такими методами, которые, какъ выше указано, имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ его политической задачи. Принимая это обстоятельство за данное, наша партія должна соотвѣтственно построить свою борьбу противъ абсолютизма, заранѣе подготовившись къ возможнымъ «сюрпризамъ», вродѣ дѣла 15 іюля, и стараясь и ихъ использовать въ интересахъ приближенія всенароднаго подъема противъ нынѣшняго порядка.

Каждый террористическій актъ долженъ дать намъ новый поводъ разъяснять пролетаріату и другимъ революціоннымъ общественнымъ элементамъ нецѣлесообразность террора, какъ метода политической

борьбы для партіи народныхъ массъ. Но этого одного мало. Въ политической обстановкѣ даннаго момента удачно проведенный террористическій актъ можетъ вызвать такое передвиженіе фигуръ на государственной сценѣ, которое само по себѣ дастъ богатый матеріалъ для серьезной политической агитаціи, пріучающей пролетаріатъ оріентироваться въ общественной жизни и закаляться для рѣшительной борьбы активнымъ выступленіемъ въ ней. Активное появленіе хотя бы только передовыхъ отрядовъ пролетаріата на этой сценѣ въ соотвѣтствующій моментъ,—вотъ къ чему должны мы стремиться прежде всего.

Историческимъ опытомъ подтвержденная объективная тенденція террористической борьбы въ Россіи заключается въ толканіи абсолютизма въ объятія къ либераламъ. Наши политическія стремленія идутъ въ разрѣзъ съ этой тенденціей. И мы должны разъяснить рабочимъ массамъ это противорѣчіе, должны показать имъ за «революціоннымъ» трескомъ лопающихся бомбъ муравьиную работу слагающейся силы,—силы русскаго буржуазнаго либерализма, готовящагося перенять въ свои руки направленіе «государственнаго корабля»—рядомъ съ монархіей и бюрократіей и въ союзѣ съ ними. Въ нашемъ отстаиваніи пролетарскихъ методовъ революціонной борьбы мы до сихъ поръ успѣвали лишь постольку, поскольку за нашей теоретической пропагандой шелъ каждый разъ новый подъемъ классоваго пролетарскаго движенія, ослаблявшій въ общественномъ сознаніи эффектъ предыдущаго цикла террористическихъ проявленій. Обуховцы помогли намъ ослабить «экспитацію», вызванную Карповичемъ; ростовцы свели къ минимуму успѣхъ террора, возобновленнаго Балмашевымъ; южныя стачки заставили забыть отъ убійствѣ Богдановича. И въ будущемъ только новый подъемъ массъ дастъ намъ прочную основу для развитія всесторонней политической кампаніи противъ абсолютизма во имя тѣхъ лозунговъ, которые диктуются намъ нашей программой.

«Къ массамъ!»—таковъ пароль даннаго момента. Къ массамъ, чтобы вести ихъ въ активную политическую борьбу подъ самостоятельнымъ знаменемъ.

«Лишь топну ногой, изъ-подъ земли появятся мои легіоны», говорилъ древній полководецъ. Соціалдемократія, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ эти слова. Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея призывный сигналъ не могъ затеряться въ торичелліевомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массами. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть

направлены всѣ наши усилія; помощью агитаціи и организаціи мы можемъ добиться своей цѣли. Агитація, концентрированная вокругъ вопросовъ быстро разоблачаемаго войной банкротства «режима»; организація все болѣе и болѣе широкихъ рабочихъ массъ въ демонстраціяхъ революціоннаго протеста. Мы преодолѣемъ всѣ трудности, которыя встанутъ передъ нами на этомъ пути, если только съумѣемъ понять ту политическую мораль, которая таится для насъ въ покушеніи 15-го іюля. «Къ массамъ!» гласитъ эта мораль.

Л. Мартовъ.

Судъ надъ полицейскимъ самодержавіемъ.

(25 іюля 1904 г. № 70).

Въ русскихъ судебныхъ уставахъ, превосходно приспособленныхъ къ потребностямъ полицейскаго государства, сохранилась, по странному недосмотру, одна статья, которая, не имѣя почти никакого практическаго значенія, позволяетъ предавать гласности такіе факты административной практики, которые безъ нея никогда не выскользнули бы изъ-подъ покрова канцелярской тайны. Это 1316 ст. уст. гражд. суд. которая, въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ кому либо нерадѣніемъ, медленностью или неосмотрительностью должностныхъ лицъ, предоставляетъ потерпѣвшему право искать денежнаго вознагражденія съ виновныхъ обычнымъ гражданскимъ порядкомъ. Эта статья всегда служила предпріимчивымъ людямъ для уловленія правительственныхъ агентовъ, но, несомнѣнно, пользованіе ею рѣдко сопровождалось такимъ блестящимъ успѣхомъ. какъ въ рядѣ процессовъ, только что разсмотрѣнныхъ правительствующимъ сенатомъ. На юридическій крючокъ попали не мелкія рыбешки чиновнаго моря, не мелкіе исправники и урядники, а столпы и опоры «режима», творцы и толкователи государственной политики. Передъ лицомъ суда выступили бывшій губернаторъ Раабенъ и вице-губернаторъ Уструговъ, окруженные цѣлымъ штатомъ кишиневской полиціи, и бывшій петербургскій градоначальникъ, а нынѣшній кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ.

Содержаніе процессовъ не отличается сложностью. Иски къ кишиневской администраціи были послѣднимъ отголоскомъ извѣстной кишиневской трагедіи. Нѣкоторыя лица, потерпѣвшія матеріальный ущербъ отъ погрома и основательно полагавшія, что причиной погрома было, въ лучшемъ случаѣ, нерадѣніе мѣстной власти, требовали, чтобы кишиневская полиція, во главѣ съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, возмѣстила убытки, причиненные громилами. Кромѣ того, нѣкій г. Британъ предъявилъ къ бывшему кишиневскому вице-губернатору Устругову спеціальный искъ, требуя возмѣщенія убытковъ, происшедшихъ отъ конфискаціи, по распоряженію Устругова, изданной г. Британомъ брошюры, разрѣшенной одесскою цензурою и содержавшей дословную перепечатку проповѣдей Іоанна Кронштадтскаго и житомірскаго архіерея Антонія по поводу кишиневскаго погрома. Дѣло генерала Клейгельса возникло по иску курсистки Забіякиной. Истица во время демонстраціи 4 марта 1901 г. подверглась избіенію, результатомъ котораго былъ переломъ реберъ и общее разстройство здоровья, гибельно отразившіеся на ея трудоспособности. Вынужденная прибѣгнуть къ серьезному леченію, Забіякина требовала уплаты расходовъ съ Клейгельса, какъ главнаго распорядителя и устроителя мартовской бойни на Казанской площади.

Сенатъ безповоротно и рѣшительно отказалъ всѣмъ истцамъ. Но въ объясненіяхъ отвѣтчиковъ, въ судебныхъ преніяхъ и мотивированныхъ заключеніяхъ сената содержится драгоцѣнный матеріалъ, который даетъ возможность не согласиться съ представителями высшей судебной власти въ Россіи, и найти виновнаго, ускользнувшаго отъ строгаго сенаторскаго ока.

Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно важны объясненія отвѣтчиковъ, ихъ система защиты. Къ нимъ предъявленъ гражданскій искъ, удовлетвореніе котораго, въ худшемъ случаѣ, грозитъ имъ потерей нѣсколькихъ сотенъ рублей. Казалось бы, что при такой постановкѣ вопроса отвѣтчику нѣтъ никакого разсчета идти дальше истца и навлекать на себя большую кару. Между тѣмъ, никто изъ представителей власти, за исключеніемъ стараго и глупаго генерала Раабена, не остался въ предѣлахъ гражданскаго иска, никто не попытался исчерпывающимъ образомъ доказать, что въ его дѣйствіяхъ не было нерадѣнія и неосмотрительности, предусматриваемыхъ 1316 статьей. Главнымъ доводомъ отвѣтчиковъ было чисто формальное возраженіе, что они неподсудны сенату, что бездѣйствіе власти, которое приписывается имъ истцами, должно быть разсматриваемо, какъ уголовное преступленіе, уголовнымъ судомъ. Провинціальные администраторы еще сдабриваютъ свою точку

зрѣнія нѣкоторымъ жалкимъ лепетомъ оправданія, но такой столпъ отечества, какъ Клейгельсъ, не счелъ нужнымъ представить высшему судилищу имперіи ни одного объясненія по существу. Съ чисто полицейской наглостью, онъ заявилъ только, что его дѣйствія подлежатъ не гражданскому, а уголовному суду въ порядкѣ 1085 ст. угол. суд.

Это однообразіе въ системѣ защиты, одинаковой и у генералъ-губернатора, и у жалкаго кишиневскаго помощника пристава,—далеко не случайность. Надо замѣтить при этомъ, что уголовная отвѣтственность, призываемая на свою голову отвѣтчиками, весьма серьезна. По уложенію о наказаніяхъ, должностныя лица, виновныя въ злоупотребленіи властью, сопровождавшемся жестокостями и истязаніями (а таковы именно и кишиневскій погромъ, и усмиреніе казанской демонстраціи), подвергаются тяжелымъ карамъ, вплоть до лишенія правъ, заключенія въ арестантскія роты на 3 года и ссылки въ Сибирь на поселеніе. И тѣмъ не менѣе, не только въ разсматриваемыхъ процессахъ, но и во всѣхъ подобныхъ, должностныя лица, привлекаемыя къ гражданскому суду, прячутся подъ сѣнь уголовнаго закона. По словамъ повѣреннаго кишиневскихъ евреевъ, практика исковыхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ соединеннымъ присутствіемъ правительствующаго сената, показываетъ, что отвѣтчики—должностныя лица весьма склонны прикрываться отводомъ объ уголовной подсудности и квалифицировать свои дѣйствія, какъ уголовное преступленіе. Это, повидимому, противорѣчащее всякому здравому смыслу, призываніе на себя тяжкихъ уголовныхъ каръ составляетъ прочно установившійся и возведенный въ систему способъ полицейской защиты и объясняется тѣмъ безобразнымъ порядкомъ, который установленъ русскимъ законодательствомъ для отвѣтственности должностныхъ лицъ.

По общему правилу, каждый русскій чиновникъ предается уголовному суду той властью, которой онъ назначается на должность. Чиновники же, назначаемые верховной властью, до 1897 г. предавались суду опредѣленіемъ перваго департамента сената, а съ 1897 г. опредѣленія сената должны пройти черезъ комитетъ министровъ и получить высочайшее утвержденіе. Такимъ образомъ, низшіе агенты правительства покрываются высшими, а высшіе—самою верховною властью. И если губернаторы иногда и выдаютъ своихъ подчиненныхъ, то еще не было примѣра, чтобы былъ преданъ суду кто либо изъ губернаторовъ или министровъ, какія бы преступленія они ни совершали. Результатомъ такого порядка является полная безотвѣтственность высшей администраціи, когда ея дѣйствія принимаютъ характеръ уголовщины. Прячась одинъ за другого, агенты правительства находятъ, наконецъ, безопасное убѣжище, гдѣ ихъ не достанетъ никакой судъ.

Ясно, поэтому, что всякое должностное лицо старается отвертѣться отъ гражданскаго суда, къ которому можетъ прибѣгнуть каждый обыватель, и отсылаетъ истца къ уголовному, т. е. къ начальству отвѣтчика.

И Клейгельсъ, и Уструговъ, и всѣ пристава и помощники кишиневской полиціи требовали уголовнаго суда надъ собой. Съ ними согласился и сенатъ. Въ заключеніи по кишиневскимъ дѣламъ, оберъ-прокуроръ сената указалъ, что приписываемыя истцами отвѣтчикамъ дѣянія составляютъ уголовныя преступленія, и искъ объ убыткахъ, причиненныхъ этими дѣяніями, допустимъ лишь по преданіи отвѣтчиковъ уголовному суду. Въ дѣлѣ Клейгельса, обвиняемаго Забіякиной въ намѣренномъ избіеніи толпы, по мнѣнію оберъ-прокурора, также имѣются всѣ признаки уголовнаго преступленія. Сенатъ заявилъ только, что онъ «не можетъ съ достовѣрностью ни признать, ни отвергнуть правильности положенія, выставленнаго истицею, и, поэтому, отказалъ ей въ искѣ».

Такимъ образомъ, какъ въ кишиневскомъ, такъ, въ особенности, въ петербургскомъ дѣлѣ и истцы, и отвѣтчики, и судъ вполнѣ ясно подчеркивали преступный характеръ дѣятельности администраціи и, если истцы настаивали на гражданской отвѣтственности представителей власти, то исключительно по понятному желанію довести дѣло до гласнаго суда и пролить свѣтъ на возмутительнѣйшіе факты насилія и произвола, которые другимъ путемъ остались бы неизвѣстными широкой публикѣ. Они достигли цѣли. Теперь русскіе читатели знаютъ изъ легальныхъ газетъ и объ участіи правительства въ организаціи кишиневскаго погрома и о безобразномъ избіеніи демонстрантовъ на Казанской площади въ Петербургѣ.

Но—разъ факты преступленія установлены, разъ даже сенатъ сомнѣвается въ правильности дѣйствій Клейгельса, то почему же отвѣтчики вышли изъ суда какъ бы оправданными, почему виновные не понесли наказанія? Правосудіе, одна изъ ненасытныхъ потребностей души человѣческой, по выраженію одного стараго юриста, не можетъ удовлетвориться такимъ исходомъ.

И, однако, неправый по существу, приговоръ сената формально вполнѣ правиленъ. Конечно, сенатъ склонился предъ администраціею, конечно, онъ долженъ былъ выяснить дѣло и не имѣлъ права останавливаться предъ нимъ въ сомнѣніи и недоумѣніи, но, если бы даже онъ передалъ процессы въ уголовный судъ, то всѣ отвѣтчики вышли бы оттуда оправданными. Судебная машина работаетъ не для отвлеченной справедливости, она защищаетъ очень опредѣленные прави-

тельственные интересы, называемые въ законодательствѣ неопредѣленнымъ именемъ государственной пользы. У насъ эта машина защищаетъ интересы самодержавной бюрократіи, давно разошедшіеся съ интересами страны. При такихъ условіяхъ, развѣ можно разсчитывать на то, что уголовный судъ дастъ отрицательную оцѣнку дѣйствіямъ администраціи, клонившимся къ защитѣ самодержавія?

Поэтому, разсматриваемые процессы ставятъ болѣе важный вопросъ, чѣмъ вопросъ о порядкѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ. И Клейгельсъ, и Уструговъ, и полицейскіе пристава знаютъ, что насиліе есть нарушеніе закона, есть преступленіе. Отводъ къ уголовной подсудности, сдѣлавшійся системою полицейской защиты — не только уловка для того, чтобы обезпечить себѣ безнаказанность. Въ ней,—быть можетъ, безсознательно,—сказалось истинное положеніе вещей. Представители власти не только изъ собственной выгоды, но и по искреннему убѣжденію считаютъ свои дѣйствія преступленіями, нарушеніями закона. Но законъ не обезпечиваетъ сохраненія существующаго порядка—приходится идти противъ закона. «По обстоятельствамъ времени,—восклицаетъ Уструговъ въ своемъ объясненіи,—было не только невозможно, но прямо преступно задумываться надъ буквою закона, какъ скоро поддержаніе государственнаго порядка и общественной безопасности требовали нѣкотораго игнорированія частныхъ матеріальныхъ интересовъ». Исторія послѣднихъ лѣтъ русской жизни показываетъ, что не одни матеріальные интересы игнорировались властью въ интересахъ «государственнаго порядка».

Духовныя потребности, личная неприкосновенность, даже самая жизнь человѣческая приносились и приносятся въ жертву молоху самодержавной бюрократіи. Инымъ путемъ современное правительство идти не можетъ. Когда государственный строй становится ненавистнымъ и вреднымъ пережиткомъ старины, его поддержаніе превращается въ хроническое преступленіе исполнительной власти. Клейгельсъ совершенно основательно пишетъ въ своемъ объясненіи, что губернаторы и градоначальники при прекращеніи безпорядковъ дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію и никакой отвѣтственности за свои дѣйствія не подлежатъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано злоупотребленіе предоставленнымъ имъ правомъ. Но «злоупотребленіе правомъ» возможно только тогда, когда власть дѣйствуетъ на основаніи правовыхъ положеній; если же ей предписывается дѣйствовать «по своему усмотрѣнію», если она даже предъ судомъ заявляетъ, что считаетъ преступнымъ задумываться надъ буквою закона, то ни о какомъ злоупотребле-

нія правомъ не можетъ быть и рѣчи, ибо никакого «права» въ данной области не существуетъ.

Конфискація имущества, насилія, даже убійства представляютъ не злоупотребленіе, а обычное употребленіе власти агентами самодержавнаго правительства. Въ этомъ выводѣ заключается главный смыслъ разсмотрѣнныхъ процессовъ. Они неопровержимо доказываютъ, что преступленія должностныхъ лицъ, столь обильныя въ Россіи, объясняются вовсе не «низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ» полицейскихъ чиновъ, а коренятся въ самомъ строѣ государственной жизни, въ старомъ порядкѣ, который съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе превращается въ длящееся преступленіе.

Поэтому, абсолютизмъ является тѣмъ виновнымъ, котораго не могъ найти сенатъ въ кишиневскомъ и петербургскомъ дѣлахъ, поэтому, всѣ попытки очистить русскую общественную и государственную жизнь отъ удушливой атмосферы гнета и насилій должны быть направлены, прежде всего, на уничтоженіе абсолютизма. И это уничтоженіе наиболѣе важно и необходимо для рабочаго класса, такъ какъ его интересы не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ представителей самодержавнаго правительства. Бывшій губернаторъ Раабенъ откровенно заявилъ въ своемъ объясненіи, что своей главнѣйшей задачей онъ считаетъ «защиту кредитныхъ учрежденій, крупныхъ фирмъ, заводовъ и аптекъ». Жизнь и имущество бѣдняковъ-рабочихъ, по мнѣнію правительственнаго чиновника, стоятъ слишкомъ дешево, чтобы о нихъ безпокоиться. Этотъ взглядъ выражается во всѣхъ дѣйствіяхъ самодержавнаго правительства, и рабочій классъ только тогда освободится отъ его тяжкихъ проявленій, когда рѣшительно и безповоротно покончитъ съ существующимъ режимомъ.

Н. Негоревъ.

Ляоянъ и реформы.

(1-го Сентября 1904 № 73).

«Рядомъ долгихъ искусныхъ маневровъ съ нашей стороны, противникъ, подведенный къ Ляояну, вынужденъ, наконецъ, насъ аттаковать въ нашей укрѣпленной позиціи, въ условіяхъ для себя маловыгодныхъ». Такъ лжесвидѣтельствовалъ по телеграфу «собственный» корресподентъ «Правительственнаго Вѣстника» наканунѣ Ляоянской трагедіи, выбившей изъ строя съ обѣихъ сторонъ до 60.000 человѣкъ и окончившейся полнымъ пораженіемъ правительственной арміи. 60.000 чел.—цѣлое населеніе большого губернскаго города, отъ стариковъ до грудныхъ дѣтей—были сметены съ поля битвы раскаленнымъ потокомъ свинца и желѣза. А для сотенъ тысячъ, принимавшихъ участіе въ этой, почти безпримѣрной въ исторіи, бойнѣ и переживших ее,—какія нечеловѣческія страданія и лишенія, какое колоссальное напряженіе всѣхъ силъ—физическихъ и духовныхъ! А на ряду съ этимъ—огромное расточеніе созданныхъ народнымъ трудомъ матеріальныхъ богатствъ—въ видѣ орудій, пороха, свинца въ видѣ разрушенныхъ зданій, мостовъ и дорогъ, сожженныхъ запасовъ хлѣба, уничтоженныхъ складовъ аммуниціи! Вотъ цѣна крови и пота, которую въ одну недѣлю заплатилъ народъ Россіи и Японіи за свое порабощеніе абсолютистской и капиталистической эксплуатаціи! Пусть говорятъ послѣ этого святоши и лицемѣры о «кровожадности» революціи! Въ тотъ день, когда въ сознаніи русскаго народа ясно встанетъ мысль о непримиримости его интересовъ съ интересами самодержавнаго правительства, и десятой доли той крови, что пролита подъ Ляояномъ, не понадобится, чтобы стряхнуть съ Россіи иго самовластія! Неизмѣримо меньше крови долженъ будетъ пролить сознавшій свои классовые интересы пролетаріатъ въ тотъ часъ, когда могучимъ напоромъ соціальной революціи онъ навсегда смететъ всѣ основы эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. О мести взываютъ эти десятки тысячъ труповъ, усѣявшихъ собою поля Манджуріи. Но этой местью—единственно цѣнной и плодотворной—можетъ быть лишь все таже неустанная работа развитія классового сознанія и организаціи эксплуатируемыхъ массъ, которая одна только можетъ положить предѣлъ обезкровленью народа во славу его эксплуататоровъ и къ которой такъ настойчиво призываетъ соціалдемократія...

Послѣ Ялу, Кинъ-Чжоу, Дашичао, Вафангоу—Ляоянъ не былъ неожиданностью. Вѣдь каждое изъ этихъ чуждыхъ нашему слуху

имень означаетъ лишь новый позорный столбъ для правительства и новыя гекатомбы для тѣхъ «низшихъ» классовъ, надъ которыми возносится пирамида капиталистической эксплуатаціи и деспотизма. И не мудрено, что «искусные маневры» Куропаткина, маневры, опредѣлявшіеся не столько стратегическими соображеніями, сколько соперничествомъ Алексѣева, придворными интригами, внушеніями «внутренней политики», требовавшей «побѣды» какъ можно скорѣе—не мудрено, что они «вынудили» японцевъ чуть не десятый разъ на-голову разбить «побѣдоносное» воинство русскаго правительства. Русская армія отступила, и притомъ въ такомъ безпорядкѣ, который иногда напоминалъ паническое бѣгство. Точные результаты битвы и всѣ ея вѣроятныя послѣдствія неизвѣстны и до сихъ поръ. Неизвѣстно, какія части окружены и взяты въ плѣнъ. Но что извѣстно, это—что японскія войска не только по пятамъ преслѣдуютъ отступающую русскую армію, но и двигаются параллельно съ ней и въ обходъ ея. Опасность быть окруженнымъ и вынужденнымъ къ сдачѣ въ плѣнъ для Куропаткина отнюдь еще не миновала. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говоритъ зловѣщее молчаніе съ театра войны. Если бы русскія войска уже вырвались окончательно изъ той западни, въ которую привели ихъ «искусные маневры», объ этомъ трубили бы во всѣ трубы. Теперь же, передъ очевидностью факта, должны были нѣсколько пріутихнуть и безконечно-лживые и наглые толки о знаменитомъ «планѣ», который, странимъ образомъ, заключался въ томъ, чтобъ быть вѣчно битымъ и разбитымъ! Теперь, послѣ того, какъ восьмимѣсячныя телеграфныя распоряженія изъ «самаго» Петербурга и восьмимѣсячное пассованіе полководца Куропаткина передъ придворнымъ Куропаткинымъ стоили русскому народу десятковъ тысячъ убитыхъ и погубили всю кампанію текущаго года, лишь теперь пресмыкающаяся пресса находитъ въ себѣ «мужество» требовать, чтобы командующій Манджурской арміей былъ «едино-командующимъ».

«О «планѣ» уже не говорятъ, а мучительно спрашиваютъ: успѣютъ-ли отступить. Не отрѣзаны ли?—пишетъ «Гражданинъ», съ самаго начала войны тонкимъ нюхомъ почуявшій, что она поставила самое существованіе самодержавія на карту. «О планѣ не говорятъ», или, вѣрнѣе, почти не говорятъ, ибо еще находятся лжецы, столь безстыдные, что продолжаютъ морочить публику этой дѣтской игрушкой: «Говорятъ», телеграфируетъ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» „собственный, корреспондентъ изъ «Лондона», «будто Куропаткинъ сообщилъ своему штабу, что цѣль его—задержать наступленіе японцевъ на сѣверъ—

достигнута, но теперь необходимо, во что бы то ни стало, достигнуть Мукдена, даже если-бы пришлось пожертвовать половиной арміи для того, чтобы пробиться черезъ непріятельскіе ряды». Да, генералу Куропаткину остается еще «пожертвовать» и второй половиной арміи; тогда, пожалуй, «цѣль» правительства будетъ достигнута окончательно.

Каждая новая побѣда японцевъ могучимъ ударомъ топора врѣзывается въ гнилой стволъ абсолютизма. Японцы побѣждаютъ абсолютизмъ не только въ Ляоянѣ; они побѣждаютъ его въ Петербургѣ.

Нужда въ деньгахъ, напоръ всеобщаго неудовольствія, растерянность и неувѣренность въ себѣ съ стихійной силой толкаютъ россійскій абсолютизмъ на скользкій путь заигрыванія съ недовольными общественными силами. Отсрочка суда по дѣламъ объ убійствѣ Плеве и о вооруженномъ сопротивленіи въ Варшавѣ, льготы богатымъ евреямъ, рѣчь финляндскаго генералъ-губернатора, программное „интервью“ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, новыя ноты въ отражающей петербургскія «вѣянія» печати,—вся совокупность этихъ признаковъ говоритъ за то, что мы присутствуемъ при моментѣ колебанія политики самодержавнаго режима.

Князь Оболенскій, «герой» харьковскихъ экзекуцій, расписался въ «уваженіи къ финляндцамъ за ихъ преданность своей родинѣ и внутреннему общественному строю», завѣрялъ, что «въ его генералъ-губернаторство вовсе не предстоитъ новыхъ мѣропріятій, измѣняющихъ уже нынѣ установленный строй общественной жизни», выразилъ надежду, что «дѣло обойдется безъ возбужденія такихъ вопросовъ, кои могли бы взволновать умы «населенія» и, наконецъ, просилъ не судить объ его особѣ по отзывамъ «русскихъ революціонеровъ». Назначенный министромъ внутренихъ дѣлъ—послѣ долгаго періода колебаній, когда рѣшился вопросъ о выборѣ между «бѣшенымъ волкомъ» и «хитрой лисой»—князь Святополкъ-Мирскій, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Echo de Paris», развилъ самую очаровательную программу во вкусѣ «диктатуры сердца». Оговорившись о «непримѣнимости» у насъ парламентаризма, недавній—неудачный—соблазнитель сосланныхъ въ Сибирь студентовъ и «просвѣщенный» шефъ жандармовъ обѣщалъ, что вся его дѣятельность будетъ проникнута истиннымъ и широкимъ «либерализмомъ»; земцамъ показывается перспектива самостоятельности, «во всѣхъ вопросахъ, касающихся школъ, народнаго продовольствія, путей сообщенія и пр.»; подчеркивается необходимость «свободы совѣсти», улучшенія положенія евреевъ, снисходительности къ «заблуждающейся» молодежи и пр. и пр. «Другъ» высокихъ особъ, князь Мещерскій гремитъ противъ «громадной силы бюрократическаго пол-

новластья» и «считаетъ долгомъ гражданина вслухъ повѣдать», что онъ «разувѣрился въ той оффиціально-консервативной политикѣ», которую проводилъ Плеве; онъ протестуетъ противъ «нелѣпыхъ толковъ объ уничтоженіи земства» и требуетъ «приближенія народа къ престолу» и «настоящаго примѣненія самоуправленія», словомъ, снова выдвигаетъ полузабытый манифестъ 26 февраля 1903 г., какъ программу правительственныхъ дѣйствій. И въ то же время не только на страницахъ «Новаго Времени» Столыпинъ требуетъ равноправія для евреевъ, но даже Крушеванъ «мечтаетъ о томъ великомъ днѣ, когда человѣчество перекуетъ мечи въ плуги!».

Тщетно «Московскія Вѣдомости» съ героическимъ усиліемъ отстаивали «нашъ внутренній Портъ-Артуръ» и требовали для него «доблестнаго защитника»; тщетно доносили онѣ на «шаткія петербургскія сферы», которыя думаютъ «спасать Россію» посредствомъ «уступокъ ея злѣйшимъ врагамъ», и даже предлагали содѣйствіе какого-то браваго писаря изъ Уфимской губерніи, заявлявшаго о своей готовности «разорвать всѣхъ анархистовъ». Ляоянская битва рѣшила вопросъ безповоротно въ пользу «хитрой лисы».

Мы вступаемъ въ эпоху «реформъ». Конечно, эти «реформы» будутъ мелочны и ничтожны; конечно, онѣ будутъ прежде всего имѣть въ виду «сохраненіе существующаго порядка»; конечно, самая долговѣчность «новой эры» будетъ зависѣть отъ сложной комбинаціи политическихъ факторовъ, отъ хода операцій на Дальнемъ Востокѣ, отъ группировки и проявленія общественныхъ силъ. Но какъ бы ни окончился этотъ первый шагъ по новому пути, одно несомнѣнно: то ослабленіе военнаго могущества самодержавія, которое уже достигнуто войной, финансовое истощеніе, деморализація правительственнаго механизма, подъемъ недовольства рѣшительно во всѣхъ слояхъ народа— съ неизбѣжностью, рано или поздно, заставятъ правительство вступить все на тотъ же путь «уступокъ». И вотъ почему, ни мало не переоцѣнивая переживаемаго момента, соціалдемократія должна отдать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ задачахъ, которыя поставитъ передъ нею система «реформъ» сверху.

Не рабочему классу, конечно, ждать для себя выгодъ отъ этихъ «уступокъ». Мы заранѣе должны сказать себѣ, что онѣ цѣликомъ будутъ направлены на созданіе союза между абсолютизмомъ и верхушкою буржуазнаго общества. А что этотъ союзъ можетъ быть купленъ абсолютизмомъ за весьма дешевую цѣну—въ томъ порукой вся исторія нашего либеральнаго общества. Не было еще примѣра, чтобы это общество отказывалось отъ измѣны народу даже тогда, когда предъ

нимъ помахивали лишь туманными обѣщаніями «реформъ». Тѣмъ менѣе будетъ у него причинъ хранить свою демократическую непорочность, когда въ ходъ будутъ пущены дѣйствительныя «реформы»—дѣйствительныя для дѣльцовъ буржуазнаго либерализма. Весьма характерно, что въ то время, какъ среди «хорошихъ господъ» безвозбранно обращаются филиппики «Гражданина» и такъ же безвозбранно ведутся разговоры о грядущемъ «обновленіи», о необходимости «умиротворенія недовольныхъ элементовъ», о «развитіи самостоятельности земскихъ учрежденій», о «разумной свободѣ печати» («Новое Время»), провинціальной прессѣ воспрещено перепечатывать «Дневники» князя Мещерскаго. Это ограниченіе провинціальной печати, наиболѣе доступной «простому» народу, какъ нельзя лучше подчеркиваетъ истинный смыслъ тѣхъ сдѣлокъ, которыя, за спиною народа, готовятся среди «правящихъ классовъ».

Уже эти первые эпизоды изъ «шатаній самодержавія» показываютъ съ очевидностью, какова можетъ быть та «свобода», которую—въ лучшемъ случаѣ—принесетъ стихійное вліяніе японскихъ побѣдъ. Эта свобода не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ свободой для пѣнкоснимателей буржуазнаго общества, союзомъ россійскаго абсолютизма съ верхними десятью тысячами. Капля за каплей будетъ цѣдить самодержавное правительство свои «уступки»: сегодня льгота еврейскимъ купцамъ 1-ой гильдіи, завтра—«полная свобода» земцевъ въ проведеніи мостовъ и дорогъ къ своимъ имѣніямъ, потомъ—«свобода печати» для газетъ, внесшихъ крупный залогъ и т. д. и т. д. И за каждую такую крупицу реформаторской чечевицы одинъ за другимъ полными пригоршнями будутъ отдавать высшіе классы свое, и безъ того не богъ вѣсть какое доброкачественное, демократическое первородство. Сегодняшній «герой»—революціонеръ, завтра будетъ казаться безпокойнымъ и безшабашнымъ искателемъ приключеній, злодѣемъ, мѣшающимъ правительству спокойно шествовать по пути «умиротворенія»; сегодняшній «младшій братъ», «мужичекъ», котораго кормятъ, котораго учатъ, вокругъ котораго такъ усердно хлопочутъ, завтра превратится просто въ невѣжественнаго мужика, которой лѣзетъ со своимъ суконнымъ рыломъ, мѣшая «хорошимъ господамъ» созидать его счастье изъ заплаточекъ мелкихъ «уступокъ»; рабочій, къ движенію котораго всѣ стремятся примазаться, котораго такъ усердно поощряютъ къ «геройской борьбѣ», будетъ награжденъ прозвищемъ необузданной «черни», спящей и во снѣ видящей, какъ бы побольше произвести грабежей, пожаровъ, убійствъ. А подъ шумокъ либеральныхъ страховъ, какъ бы «неумѣренность» не испортила дѣла и не отвратила правительство отъ

его «благихъ начинаній», все тѣснѣе и тѣснѣе будутъ льнуть къ правительству тѣ дѣльцы индустріи и финансовъ, которые, не гонясь за журавлями въ небѣ, тѣмъ больше нахватаютъ въ руки синицъ реальныхъ льготъ. И когда пройдетъ тяжелое для абсолютизма время, когда онъ такъ или иначе выпутается изъ затѣянной авантюры, мы увидимъ въ полномъ блескѣ все тотъ же режимъ «божьею милостью», только въ дружескомъ объятіи не съ прогорѣвшимъ феодаломъ, не съ ожирѣвшимъ отъ привольной жизни попомъ, а съ вылощеннымъ на европейскій манеръ крупнымъ коммерсантомъ. И послѣ пышныхъ иллюзій все у того же разбитаго корыта безсмысленныхъ мечтаній придется очнуться россійскому либерализму...

Незачѣмъ, конечно, говорить, что такой союзъ, вливъ новую кровь въ жилы дряхлаго режима и мобилизовавъ противъ освободительной борьбы пролетаріата часть тѣхъ силъ буржуазнаго общества, которыя до сихъ поръ относились къ рабочему движенію пассивно, а подчасъ и съ смутнымъ сочувствіемъ, какъ къ тарану, расшатывающему устои «режима»;—незачѣмъ говорить, что такой союзъ необычайно затруднитъ нашу борьбу. А между тѣмъ онъ станетъ фактомъ при продолжающейся бездѣятельности, хотя и недовольныхъ, но безмолвствующихъ народныхъ массъ.

Только активное и сознательное вмѣшательство массъ, сдѣлавъ ихъ самостоятельнымъ факторомъ политической жизни и тѣмъ самымъ поддерживая наиболѣе прогрессивные слои самой буржуазіи, сможетъ скатить въ пропасть чуть двинувшійся камень абсолютизма. При всѣхъ иныхъ условіяхъ и десятки Ляояновъ, кромѣ неисчислимыхъ жертвъ, народу ничего не принесутъ. Начало «уступокъ» громко взываетъ ко всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, о томъ, какъ много еще предстоитъ работы, и какъ мало осталось времени.

Съ самаго начала войны лозунгомъ своимъ соціалдемократія выставила требованіе мира. Если нужно подтвержденіе, что это былъ правильный лозунгъ, мы имѣемъ тому убѣдительное свидѣтельство. «Миръ послѣ нашихъ неудачъ—наша политическая смерть», пишетъ разоткровенничавшійся теперь «Гражданинъ». «Наша» т. е. самодержавія. Да, миръ—это политическая смерть самодержавія! «Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ соціалдемократіей»—это побѣда пролетаріата!

Сотни тысячъ листковъ разнесли уже по всей странѣ это требованіе мира и обличеніе всѣхъ связанныхъ съ войной безобразій самодержавнаго режима; надо, чтобы этихъ листковъ были милліоны. Рядъ рабочихъ собраній высказалъ уже свое рѣзкое враждебное отношеніе къ войнѣ; надо

чтобы всѣ доступные нашему вліянію рабочіе прошли черезъ эти собранія и ясно и отчетливо продумали не только исторію возникновенія войны, не только причины пораженій, но и всѣ возможныя послѣдствія. Надо, что бы они отдали себѣ отчетъ и въ шатаніяхъ правительства, и въ значеніи начавшихся «уступокъ», и въ грядущемъ перемѣщеніи общественныхъ силъ. Правительство даетъ льготы богатымъ евреямъ,— надо, чтобы рабочій классъ зналъ, какое значеніе имѣютъ эти льготы для борьбы еврейскаго пролетаріата, и вмѣстѣ съ тѣмъ и для борьбы неразрывно связаннаго съ нимъ пролетаріата всероссійскаго; правительство ослабляетъ гнетъ надъ Финляндіей—рабочіе должны оцѣнить значеніе этого политическаго акта; правительство пытается привлечь земцевъ,—взоры рабочихъ должны обратиться въ эту сторону, должны разобрать группировку общественныхъ силъ въ земствахъ, должны своимъ вмѣшательствомъ оказать давленіе на нихъ, противопоставить свою организованную волю всякому шагу навстрѣчу абсолютизму, который захотятъ сдѣлать будирующіе теперь элементы. До безконечности можно было бы умножить эти примѣры. И всѣ они въ одинъ голосъ вопіютъ о необходимости удесятерить наши усилія по вовлеченію рабочаго класса въ политическую жизнь страны. Ибо такая работа, и только она одна, создастъ возможность сознательнаго вмѣшательства пролетаріата въ его классовыхъ интересахъ, въ процессъ раскрѣпощенія и освобожденія Россіи. Только она одна дастъ возможность сдѣлать и тотъ первый шагъ, который заключается въ требованіи мира.

Ф. Данъ.

Либерализмъ кишиневскихъ громилъ.

(1-го сентября 1904 г. № 73.)

Либеральные намеки князя Мещерскаго и Столыпина о необходимости «полегчить» евреямъ разрѣшились указомъ 11-го августа о временныхъ измѣненіяхъ въ тѣхъ «временныхъ правилахъ», которыми вотъ уже два десятилѣтія регулируется жизнь пятимилліонной массы.

На долю Мещерскаго и Столыпина выпала задача подготовить «общественное мнѣніе» къ мысли, что улучшеніе юридическаго положенія евреевъ не есть покушеніе на отечественные устои. И, однако, недалеко отъ насъ то время, когда циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати запрещали газетамъ, вообще, писать объ еврейскомъ вопросѣ. «Могущественнѣйшее правительство» боялось разговоровъ объ участи обитателей черты осѣдлости. Ибо нѣтъ такого позорнаго института въ нашей «конституціи», который не сросся бы до такой степени съ «идеей самодержавія», что всякое посягательство на него грозитъ этому послѣднему. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ тоже запрещалось говорить. Японскія побѣды заставили отмѣнить розгу. Онѣ же заставили прикоснуться къ насквозь прогнившему смрадному зданію «временныхъ правилъ» о положеніи евреевъ въ государствѣ.

Какая бездна человѣческихъ страданій воплощена въ двадцатилѣтней исторіи этихъ, въ отмѣну закона, изданныхъ правилъ, къ которымъ нынѣ робко прикасаются реформаторы самодержавнаго режима! Какая масса лжи, насилія и произвола санкціонирована ими, какая политическая корруппія разрослась на ихъ почвѣ! «Временныя правила» съ ихъ крючкотворскими пунктами, съ ихъ недомолвками и двусмысленностями—это сущій кладъ для питающейся исторической падалью бюрократіи, которая продавала и продаетъ евреямъ «право» на благожелательное для нихъ толкованіе въ каждомъ частномъ случаѣ того или другого параграфа. «Временныя правила» питали и питаютъ политическое всемогущество бюрократіи и являются неизсякаемымъ источникомъ той общественной порчи, той политической азіатчины, внѣ которой не можетъ существовать режимъ современный.

Не можетъ! Это хорошо понимаетъ третій изъ рептильныхъ писакъ, подготовлявшій публику къ «реформѣ»,—г. Суворинъ, который увѣряетъ, что онъ никогда не былъ антисемитомъ, и тщится показать, что безправіе евреевъ не должно быть отмѣнено при настоящемъ режимѣ. Послѣ японскихъ побѣдъ онъ можетъ себѣ позволить роскошь выражаться такъ, чтобы допускать тотъ выводъ, что надо начать съ перемѣны режима. Послѣ японскихъ побѣдъ и Витте можетъ толковать свою знаменитую «Записку» въ томъ смыслѣ, что для рѣшенія вопроса о земствѣ надо начать съ рѣшенія вопроса о самодержавіи.

Во всякомъ случаѣ «Новое Время» вѣрно поставило вопросъ: разговоры «наверху» объ «еврейской реформѣ» имѣли и имѣютъ въ виду не болѣе, какъ улучшеніе маленькихъ недостатковъ механизма чудовищнаго безправія. Новый законъ вовсе не касается положенія мил-

ліоновъ паріевъ, ютящихся въ чертѣ осѣдлости. Все его содержаніе— въ льготахъ и изъятіяхъ по праву жительства и праву пріобрѣтенія имущества для купцовъ (первой гильдіи) и дипломированныхъ интеллигентовъ и ихъ семействъ. Кое-что изъ этихъ льготъ распространяется на тѣхъ солдатъ-евреевъ, которые отличатся въ нынѣшней войнѣ (на семейства убитыхъ—самодержавное правительство экономно въ «милостяхъ»!—«благодѣяніе» не распространяется.) Это—все. Прибавьте къ этому новыя неясности и двусмысленности, дающія поводъ для кривотолкованій со стороны администраціи—а, слѣдовательно, для новыхъ вымогательствъ—и размѣръ «милости евреямъ» станетъ достаточно ясенъ.

Размѣры безправія, которому подвергнуты въ Россіи всѣ евреи, такъ чудовищны, что приходится придавать значеніе и тѣмъ крупицамъ льготъ, которыя получаютъ нѣкоторыя, хотя бы менѣе обдѣленныя судьбой, категоріи. Но это обстоятельство не можетъ заставить насъ забыть, что тамъ, гдѣ страдаютъ отъ рабскаго безправія милліоны, облегченіе участи немногихъ тысячъ является злой насмѣшкой надъ этими милліонами. И лживымъ, купленнымъ лицемѣріемъ звучатъ рѣчи тѣхъ — болѣе или менѣе «либеральныхъ» — газетъ, которыя привѣтствуютъ «гуманное» начало закона, еще разъ самыми своими изъятіями санкціонирующаго безпримѣрное гражданское безправіе цѣлаго народа.

И если какое-нибудь прогрессивное значеніе имѣетъ новый законъ—это только значеніе симптома, симптома затруднительнаго положенія самодержавія. Это симптоматическое значеніе ярко выступаетъ передъ нами, когда мы сопоставимъ нѣсколько моментовъ въ отношеніи государства къ евреямъ въ теченіе самаго послѣдняго времени—въ теченіе періода нынѣшней войны.

Выселеніе евреевъ изъ «оккупированныхъ» Манджуріи и Квантуна, приказъ фонъ-Плеве (напечатанный въ свое время въ легальныхъ газетахъ) о пріостановленіи, до окончанія войны, выселенія евреевъ изъ Сибири, въ виду неудобства «возбуждать неудовольствіе населенія» въ столь тревожное время, освобожденіе солдатъ-евреевъ отъ клейма «черты осѣдлости»—таковы три частныхъ факта, характеризующихъ пройденный путь.

Систематическій походъ на еврейскіе карманы помощью терроризаціи еврейской буржуазіи угрозой погромовъ, какъ награда за ея «анти-патріотизмъ», помпадурскія рѣчи о недостаточной поддержкѣ евреями краснаго креста и морского фонда, газетные слухи о помощи

русскихъ и американскихъ евреевъ японцамъ и т. д. и т. д.—таковъ начальный пунктъ «еврейской политики» этого періода.

Попытка подкупить крупную и среднюю еврейскую буржуазію въ Россіи и на Западѣ нѣкоторымъ ослабленіемъ «временныхъ правилъ» — таковъ политическій смыслъ конечнаго пункта—закона 11 августа.

Органъ берлинской биржи, «Berliner Tageblat» настойчиво повторяетъ свой совѣтъ германскимъ капиталистамъ—не давать ни копейки русскому правительству, пока оно не введетъ «реформъ». Хладнокровно взвѣшиваетъ всемірная плутократія шансы дальнѣйшаго существованія абсолютизма и—черезъ два слова въ третье—напоминаетъ Россіи: «Кишиневъ!» «Геніальный» шахматный ходъ фонъ-Плеве сорвалъ всѣ покровы съ государственнаго организма Россіи и заставилъ задуматься финансовую плутократію Европы и Америки. «Еврейскій вопросъ», какъ частная форма русской азіатчины, всталъ на первый планъ. И чѣмъ болѣе, въ ходѣ «міровой политики» абсолютизма, онъ загоняется въ тупой переулокъ, откуда нѣтъ выхода съ его обычными рессурсами,—тѣмъ болѣе зловѣщій призракъ кишиневскихъ жертвъ встаетъ передъ нимъ, преграждая дорогу къ денежнымъ сундукамъ «евреевъ внутреннихъ и внѣшнихъ». И въ привычныхъ надменныхъ звукахъ барскаго голоса нашихъ правителей вы уже слышите грубо-просительныя ноты: «жидъ, выручай»!

Предстоящій внѣшній, а можетъ быть, и внутренній заемъ—вотъ о чемъ говоритъ намъ законъ 11-го іюня. Жидъ, выручай! кричитъ самодержавное правительство еврейской буржуазіи[1]). Не надо быть близко знакомымъ съ «естественной исторіей» этой разновидности міровой породы эксплуататоровъ, чтобы не сомнѣваться, что они откликнутся на этотъ призывъ. Тѣмъ болѣе, что либеральныя рептиліи сладко шепчутъ: вѣдь это только начало! Да, только начало, за которымъ продолженіе слѣдуетъ! Это продолженіе не заставило себя долго ждать. 11 августа подписанъ новый законъ, 22 августа одновременно вспыхнули еврейскіе погромы въ Ровно и Смѣлѣ, на сей разъ быстро прекращенные энергіей полиціи и войска. Черезъ нѣсколько дней болѣе грозный погромъ вспыхнулъ въ Сосновицахъ. «Только» нѣсколько десятковъ евреевъ ранены. Медовый мѣсяцъ былъ въ самомъ разгарѣ, а уже обозначилась оборотная сторона только что отчеканенной медали. И на этой сторонѣ

---

[1]) Особенный пунктъ въ указѣ посвященъ льготамъ для г.г. „мануфактуръ и коммерціи совѣтниковъ“ изъ евреевъ, т. е. подлинной еврейской плутократіи—для „бароновъ биржи“.

уже выступаютъ зловѣщія буквы: Кишиневъ! Въ азартной игрѣ запутавшагося абсолютизма всякая новая карта моментально оказывается битой.

Смыслъ событій очевиденъ, онъ бьетъ въ глаза. Вопросъ о правѣ милліоновъ на гражданское существованіе не можетъ быть ни разрѣшенъ, ни смягченъ маленькими поправками къ чудовищнымъ законамъ. Въ еврейскихъ погромахъ — этомъ періодическомъ явленіи русской жизни—символизируется коренная ненормальность положенія пятимилліонной массы бѣдняковъ, лишенныхъ элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ.

Въ нихъ символизируется также вся азіатская сторона русской политической жизни, одичаніе остающихся внѣ русла революціоннаго обновленія люмпенскихъ и мелко-буржуазныхъ слоевъ народа, политическая тупость массы провинціальной «интеллигенціи» и буржуазіи, разъѣдающая населеніе казенная идеологія человѣконенавистничества. Погромы въ Смѣлѣ и другихъ мѣстахъ пришли кстати, чтобы напомнить еврейской буржуазіи и передовой части русскаго общества то, о чемъ въ туманныхъ фразахъ говоритъ «Новое Время»: что еврейское безправіе и питаемые имъ «погромы» являются составною частью того политическаго уклада, который именуется русскимъ самодержавіемъ. Никакія заплаты на дырявомъ рубищѣ «временныхъ правилъ» не смогутъ скрыть отъ культурнаго міра той сплошной язвы, которая покрывается этимъ рубищемъ, которая заражаетъ всю русскую жизнь. Чтобы еврей пересталъ быть «жидомъ», существомъ, подлежащимъ періодической «встряскѣ» погромами—для этого необходимымъ предварительнымъ условіемъ является устраненіе изъ русскаго законодательства самаго слова «еврей». А это невозможно безъ коренной ломки того строя, на которомъ красуется потертая вывѣска: «самодержавіе, православіе и народность».

Погромы въ Смѣлѣ, Ровно и Сосновицахъ вскрываютъ еще разъ классовое неравенство, покрываемое общимъ гражданскимъ безправіемъ еврейскаго населенія. Что означаютъ для этихъ тысячъ еврейскихъ пролетаріевъ, ремесленниковъ и торговцевъ всѣ и всякія льготы для отдѣльныхъ единоплеменныхъ имъ представителей капитала и образованія? Погромы, какъ кульминаціонный пунктъ будничнаго, каждый день осязаемаго безправія, остаются неприкосновенными. Вѣчное обирательство и издѣвательство полицейскихъ чиновъ надъ еврейской массой остается въ силѣ и послѣ того, какъ право жительства и разселенія для нѣкоторыхъ категорій регулировано болѣе или

менѣе прочными положеніями закона. Болѣе того: изымая изъ подъ дѣйствія повседневнаго полицейскаго обложенія верхи еврейской буржуазіи—для того, чтобы обложить ихъ въ пользу самой «государственной казны»—самодержавіе, тѣмъ самымъ, отдаетъ еврейскую бѣдноту на пользу и разграбленіе жадной полицейской сворѣ. И если въ борьбѣ за самосохраненіе абсолютизмъ и впредь будетъ откупаться отъ своей гибели, между прочимъ, продажей отдѣльныхъ льготъ верхамъ еврейства, онъ, тѣмъ самымъ, будетъ все глубже и глубже погружать еврейскую бѣдноту въ тину его гетто. Тѣмъ самымъ, онъ будетъ все глубже и глубже раскалывать еврейство, и, примиряя съ собою его буржуазную часть, толкать его пролетарскіе элементы навстрѣчу той революціи, которая одна только похоронитъ навѣки кишиневскіе ужасы.

Л. Мартовъ.

Петербургская весна.

(20 сентября 1904 г., № 74).

Сразу какъ то заговорили о мирѣ.... Заговорили въ Германіи, заговорили и во Франціи, среди «друзей Россіи»—въ буржуазно-націоналистическихъ кругахъ ея. Въ иностранную печать проникаютъ слухи о томъ, что и въ русскихъ правящихъ сферахъ допускаютъ возможность скораго заключенія мира съ Японіей. Корреспондентъ «Daily Telegraph» передаетъ соотвѣтственную свою бесѣду съ «сановникомъ», имя котораго, будучи разглашено, «произвело бы сенсацію». Гдѣ тѣ времена, когда европейская буржуазная печать въ одинъ голосъ повторяла слова русскихъ оффиціозовъ, что разговоръ о мирѣ можетъ начаться только послѣ того, какъ Россія нанесетъ Японіи рѣшительный ударъ?

Органомъ «новыхъ вѣяній» выступилъ «Гражданинъ» князя Мещерскаго. Послѣ Ляоянскаго разгрома, онъ дерзаетъ заговорить о возможности заключить миръ съ Японіей и даже—вступить съ ней въ постоянный союзъ. И пріемъ, который встрѣтилъ кн. Мещерскій въ другихъ органахъ рептильной печати, заставляетъ думать, что его выступленіе не является случайнымъ индивидуальнымъ капризомъ.

Самодержавное правительство «ошиблось»: своей внѣшней политикой, въ авантюристскомъ характерѣ которой сказалась историческая закономѣрность, оно втянуло Россію въ войну. Разъ началась война, оно

должно было поставить на карту военнаго успѣха все свое существованіе—оно должно было это сдѣлать, если не хотѣло рисковать «разнузданіемъ» тѣхъ общественныхъ силъ, которыя подтачиваютъ его существованіе. Уступить Японіи безъ войны или послѣ перваго «коварнаго нападенія», значило—сразу потерять свой престижъ вовнѣ и внутри страны. Но въ книгахъ исторіи было написано, что абсолютизму не удастся уже побѣдить ни въ одной войнѣ съ европейски-культурнымъ государствомъ. Черезъ полгода войны эта истина стала ясна всему міру. Потерпѣть же разгромъ со всѣми его послѣдствіями, въ свою очередь, значитъ самому признать свое банкротство и пригласить кредиторовъ къ ликвидаціи своего хозяйства. Какъ быть?

Клика, которой служитъ князь Мещерскій, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: не искушайте судьбу, ловите моментъ! Довольствуйтесь тѣмъ революціонизированіемъ страны, которое уже достигнуто полугодомъ военныхъ неудачъ, заключимъ миръ и, вступивъ въ союзъ съ побѣдоносной Японіей, попытаемся затмить впечатлѣніе военной неудачи хитроумнымъ дипломатическимъ успѣхомъ! Этимъ мы остановимъ процессъ распада самодержавнаго режима. Пожертвуемъ ореоломъ военной славы, но—сохранимъ этотъ режимъ! Ибо каждый новый побѣдоносный шагъ японцевъ означаетъ новую брешь въ твердынѣ абсолютизма. Общественное мнѣніе не хотѣло и не хочетъ войны, и мирилось съ ней лишь до тѣхъ поръ, пока вѣрило въ ея скорое и побѣдоносное окончаніе. Удовлетворимъ общество въ его требованіи мира и, тѣмъ самымъ, отстоимъ право современнаго режима на дальнѣйшее существованіе.

Такъ говорятъ, устами кн. Мещерскаго, наиболѣе неподвижные политически элементы «охранительной» гвардіи. Будущее ничего не сулитъ имъ, носителямъ идеи дореформеннаго абсолютизма. Внутренняя логика политической авантюры страшитъ ихъ воображеніе. Попытаться отстоять существованіе любезнаго сердцу ихъ режима цѣной скачка въ неизвѣстное противорѣчитъ всей ихъ косной природѣ. И не случайность, что призывъ Мещерскаго къ миру раздался одновременно съ провозглашеніемъ отмѣны тѣлеснаго наказанія,—этой первой данью абсолютизма карающей исторической Немезидѣ.

Купить, цѣной прекращенія войны, «общественное мнѣніе»—такова ихъ программа, программа «дикихъ помѣщиковъ».

Но купить «внутренній миръ» такою цѣною, значитъ, для самодержавной Россіи, потерять всякій престижъ на международномъ рынкѣ. Миръ самодержавной Россіи съ побѣдоносной Японіей—это быстрая и «себѣ въ убытокъ» ликвидація всего хозяйства абсолютизма въ

области международной политики. Это—окончательный отказъ отъ плодовъ хитроумной (хотя и не всегда умѣлой) дипломатіи двухъ царствованій, это—низведеніе Россіи на степень «второстепенной» державы. А, между тѣмъ, престижъ «великой державы», престижъ военнаго и политическаго могущества, являющійся для самодержавной бюрократіи средствомъ прирученія извѣстныхъ экономически-сильныхъ соціальныхъ группъ—для этихъ послѣднихъ является непосредственнымъ источникомъ ихъ привилегированнаго положенія въ государствѣ. Эксплуатація двухмилліарднаго бюджета, эксплуатація громадной государственной машины и, въ частности, ея политическаго вліянія на международномъ рынкѣ является источникомъ политической и экономической «мощи» опредѣленной группы въ рядахъ имущихъ классовъ. Самодержавіе нашихъ дней не виситъ въ воздухѣ. Не выражая собою, какъ политическая форма, соціальнаго господства того или другого класса, оно, въ процессѣ борьбы за свое существованіе, срослось интересами съ опредѣленными группами имущихъ классовъ и въ своей политикѣ, черезъ всѣ свои шатанія, приспособилось къ интересамъ этихъ группокъ. Для этихъ группокъ, въ общемъ и цѣломъ, нѣтъ никакой непосредственной выгоды въ занятіи той или другой части Манчжуріи; но для нихъ важно, чтобы государственная машина, не ими направляемая, но приспособляющаяся въ своей работѣ къ ихъ интересамъ, шла полнымъ ходомъ, чтобы поддерживаемое ими правительство вело на всемірномъ рынкѣ крупную игру. И не въ послѣдней степени связь съ этими элементами—продуктами новой общественной формаціи—толкала самодержавный режимъ на путь авантюръ во внѣшней политикѣ, тогда какъ «патріархальная» реакція Мещерскихъ, при всей безтолковости, безграмотности и непослѣдовательности ея политики, по существу своему, была склонна къ сохраненію «равновѣсія» и въ области международныхъ отношеній и лишь изъ «лояльности» и въ размѣрахъ казенной повинности поддакивала проповѣди агрессивныхъ дѣйствій въ защиту ли «братьевъ-славянъ» или во исполненіе «цивилизаторской» миссіи па Дальнемъ Востокѣ.

Въ этомъ противорѣчіи сказывается двойственная природа абсолютизмъ, стремящагося и не могущаго не стремиться соединить подъ крыльями своего орла соціальные обломки крѣпостного прошлаго, съ самыми сильными элементами буржуазно-капиталистическаго будущаго.

Первые терпятъ, потому что должны терпѣть систематическое уклоненіе самодержавія отъ чистыхъ завѣтовъ эпохи Николая I, повторяющееся время отъ времени попираніе аграрно-сословныхъ интересовъ ради политическаго подкупа буржуазныхъ верховъ.

вторые продаютъ бюрократіи свое право на политическую реализацію соціальной силы класса, во главѣ котораго они стоятъ, за щедрое удовлетвореніе своихъ хищническихъ аппетитовъ. Политическій застой внутри и активная политика во внѣ—таково наиболѣе полное выраженіе этого союза, а бюрократія есть тотъ честный маклеръ, который живетъ за счетъ куртажа съ этой хищнической сдѣлки.

Революціонная сила—война—вбила клинъ въ этотъ прочный союзъ. Она ставитъ ребромъ вопросъ: «національная идея», или неприкосновенность современнаго режима? Или иначе: впередъ къ капиталистическому расцвѣту, или назадъ къ дореформенному дворянскому прозябанію?

Но эксплуатація «національной идеи», эксплуатація внѣшней финансовой политики въ стилѣ «великой державы» есть, какъ мы видѣли, основное условіе союза между пайщиками абсолютистской фирмы. И если одни, устами Мещерскаго, говорятъ: прочь національную идею ради неприкосновенности самодержавія, то другіе, въ лицѣ Суворина и Столыпина, отвѣчаютъ: долой политическую неподвижность, разъ что она стала поперекъ дороги развитію національной идеи. Если одни говорятъ: отречемся отъ «революціонныхъ» методовъ современной внѣшней политики, то другіе провозглашаютъ: откажемся отъ послѣдовательной реакціи въ политикѣ внутренней. Если одни хотятъ мира въ интересахъ династіи, то другіе требуютъ превращенія правительственной войны въ войну національную (или какъ пишетъ Суворинъ, народную) — цѣною отказа отъ послѣдовательнаго проведенія традиціонной системы. Одни стремятся прекратить международную авантюру, другіе—дополнить ее авантюрой въ сферѣ внутренней политики.

«Чего лучше?» ехидно возражаетъ Суворинъ князю Мещерскому, («Нов. Вр.» № 10,241): «если мы никуда не годны для войны, то, авось, годимся для мира. Петръ Великій былъ другого мнѣнія». А Столыпинъ (№ 10.243) поясняетъ: «Допустимъ, что мы пошли бы на такое униженіе (на миръ съ Японіей). Тѣмъ бы и кончилось? Предполагать это было бы крайне наивно: насъ немедленно бы разобрали на клочки наши европейскіе сосѣди, а остатки достались бы, въ концѣ концовъ, тому же возрожденному Востоку». «Призывъ къ заключенію мира, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, исходитъ отъ той же партіи, которая до войны настойчиво тормозила нашу боевую готовность на Востокѣ и тѣмъ, къ несчастію, обусловила войну. Кн. Мещерскій не свои мнѣнія высказываетъ, а мнѣнія извѣстнаго кружка. Въ первый моментъ народнаго (!) одушевленія при-

шлось прикусить языкъ, а теперь наступила минута, когда явился соблазнъ: а не попробовать ли старую погудку на новый ладъ?»

Комментаріемъ къ этимъ рѣчамъ двухъ продажныхъ публицистовъ являются толки Меньшиковыхъ и имъ подобныхъ о необходимости реагировать на манчжурскія неудачи введеніемъ всеобщаго обученія, привлеченіемъ «общественныхъ силъ», всесторонней «реформой». Суворинъ кстати вспоминаетъ, что онъ годъ назадъ предрекалъ наступленіе «весны» въ жизни Россіи, и выражаетъ надежду, что эта «весна» явится въ ходѣ японской войны. Полемизируя съ кн. Мещерскимъ, онъ доказываетъ (№ 10.245), что не все еще для Россіи потеряно, что «война—это рентгеновскіе лучи. Они проникаютъ до костей и указываютъ накопившуюся гниль. Они же укажутъ и здоровое тѣло». А корень «гнили»—въ «бюрократизмѣ».

Связавшія свою судьбу съ судьбою самодержавнаго режима эксплуататорскія группы подсказываютъ своему господину еще одну попытку обмануть исторію. Сдѣлать войну «народной», для чего дать извѣстный просторъ недовольнымъ «общественнымъ силамъ»—верхамъ и серединамъ имущихъ классовъ. Эту программу «Новое Время» подсказываетъ и новому министру внутреннихъ дѣлъ, который въ своихъ «программныхъ» рѣчахъ связываетъ идею продолженія войны съ туманными проектами привлеченія къ престолу «общественныхъ силъ». И всему міру торжественно объявляется, что война будетъ вестись, пока останется «хоть одинъ солдатъ, хоть одинъ рубль»!

Этого-то и боится ультра-реакціонная клика. Вести войну до конца значитъ—обезоружить, хоть отчасти, абсолютизмъ у себя дома. Никогда не проявлявшая склонности къ экспериментамъ «сердечнаго попеченія», эта группа съ ужасомъ видитъ неизбѣжную связь дальнѣйшаго веденія войны съ новыми авантюрами «диктатуры сердца». Многоопытный старецъ Суворинъ понимаетъ, въ чемъ дѣло. Предоставляя своему новому фельетонному наѣзднику пугать кн. Мещерскаго перспективой, въ случаѣ мира, «быть на посылкахъ у надменнаго и жестокаго китайца и отдать ему свое добро на разживу, а дочерей на потѣху!!!», издатель «Нов. Врем.» наноситъ другу «высокопоставленныхъ» лицъ болѣе тонкій ударъ. Не отказавъ себѣ въ удовольствіи намекнуть на то, что миролюбіе князя имѣетъ какое-то отношеніе къ его брянскимъ акціямъ, онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «г. Струве изъ Штутгарта давно совѣтуетъ «постоять передъ Японіей на колѣнкахъ», и я долженъ отдать предпочтеніе этому публицисту, ибо онъ совѣтовалъ это раньше, еще въ апрѣлѣ, и убѣдительнѣе. Les extrêmes se touchent (крайности сходятся). Т а к ъ, в ъ

смутное время казакъ Заруцкій, мужъ Марины, **дружилъ съ княземъ Трубецкимъ**»...

Новоявленный Mининъ обличаетъ нашего «феодала» въ измѣнѣ отечеству, ради сохраненія своихъ кастовыхъ привилегій. Это только пикантно. Но за этой полемической перепалкой скрывается реальный политическій антагонизмъ, съ которымъ придется считаться по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія событій. Въ правящей кликѣ замѣчаются признаки разложенія. Одна изъ господствующихъ силъ готова дать Россіи миръ, подъ условіемъ отказа отъ политической реформы, другая, за санкцію преступной войны, обѣщаетъ... Суворинскую «весну».

Развращенная политически тѣснымъ союзомъ съ бюрократіей, эксплуататорская группа, представляющая въ правящей кликѣ ея «европейскій» элементъ, слишкомъ далека отъ пониманія историческаго смысла совершающихся событій, слишкомъ привычна въ дѣлѣ предательства интересовъ даже того класса, во главѣ котораго она стоитъ, слишкомъ безъидейно и откровенно продажна, чтобы быть способной на какую-нибудь творческую иниціативу. Это она—эта общественная группа—скомпрометировала себя прежде всего въ экспериментахъ Лорисмеликовщины и эпохи Ванновскаго. Авантюристская по преимуществу, она годна только служить въ рукахъ реакціи въ нужную минуту тѣмъ живцомъ, на который уловляются крупныя и мелкія рыбы россійскаго либерализма. И за каждой фабрикаціей фальшивой «весны» этимъ типомъ политическихъ старшихъ дворниковъ, неминуемо должно слѣдовать наступленіе лютыхъ морозовъ бѣшеной, доживающей послѣдніе историческіе дни, реакціи.

Политическое обновленіе Россіи не можетъ имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ либеральную иниціативу этой банды политическихъ червонныхъ валетовъ. Не съ ними, а противъ нихъ должна идти волна общественнаго движенія. И только эмансипировавшись отъ всякой политической солидарности съ этими вреднѣйшими изъ приспѣшниковъ реакціи, русская либеральная буржуазія можетъ надѣяться учесть разложеніе современнаго режима въ его превращеніи въ правовое государство.

И противъ лозунга: «реформа и война!», противопоставляемаго «Мещерскому» паролю: «миръ и порядокъ!», русскій либерализмъ долженъ издать кличъ: «миръ и свобода!» Пока онъ не сдѣлаетъ этого шага, онъ не можетъ надѣяться играть въ политической драмѣ другой роли, кромѣ шаблонной роли «обманутаго обманщика». Кто хочетъ обмануть исторію—уклониться отъ войны по всему фронту противъ современнаго режима, тотъ неизбѣжно будетъ обманутъ ея мародерами—

Святополками, Сувориными и К°. «Миръ и свобода»—вотъ то знамя, которое проведетъ рѣзкую грань между старой и новой Россіей и, сплотивъ снова въ одну семью растерявшихся нынѣ лакеевъ реакціи, противопоставить имъ соединенныя силы рвущихся къ освобожденію классовъ.

«Миръ и свобода»—этотъ лозунгъ, и только онъ, можетъ объединить въ данный моментъ для «совмѣстной борьбы отдѣльными колоннами» разные общественные классы, противостоящіе господствующей кликѣ. «Миръ и свобода» или, въ переводѣ на языкъ политическихъ требованій: немедленная пріостановка военныхъ дѣйствій и созывъ всенароднаго учредительнаго собранія для ликвидаціи настоящаго государственнаго порядка и для заключенія мира.

Сознательный пролетаріатъ, выставившій съ самаго начала войны это требованіе, окажетъ поддержку только тому общественному движенію, которое ясно и недвусмысленно выставитъ этотъ лозунгъ.

Л. Мартовъ.

Новая диктатура сердца.

(20 сентября 1904 г., № 74).

Будетъ ли отмѣчено большими перемѣнами во внутренней политикѣ Россіи вступленіе Святополкъ-Мирскаго въ должность министра внутреннихъ дѣлъ?—«Большими перемѣнами—нѣтъ, но я (Святополкъ-Мирскій) буду стараться согласовать мои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса, по крайней мѣрѣ, поскольку онъ не будетъ въ противорѣчіи съ существующимъ строемъ».

Таковъ отвѣтъ новаго министра корреспонденту «Echo de Paris». Таковъ главный мотивъ новой «министерской программы». Что же она намъ сулитъ?

Было бы политически наивно ожидать отъ новаго министра серьезной рѣшимости «согласовать свои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса». Но допустимъ, что онъ рѣшилъ идти навстрѣчу

нѣкоторымъ насущнымъ нуждамъ страны, хотя бы въ интересахъ правительственныхъ. Что сможетъ сдѣлать въ этомъ направленіи правительство?

Въ самой постановкѣ вопросъ о новыхъ путяхъ политики для новаго министра всецѣло связанъ съ задачей сохраненія существующаго строя. И это второе, ограничивающее условіе даетъ фатально узкій смыслъ, какимъ бы то ни было начинаніямъ въ разрѣшеніи политическихъ проблемъ. Узкій смыслъ съ точки зрѣнія демократіи, роковой—для правительства, которому въ данный моментъ уже трудно наверстать потерянное въ политическомъ вѣсѣ и, обратно, легко потерять и остатокъ престижа.

И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшны ли, лицомъ къ лицу съ растущей анархіей народной жизни, передъ моремъ народныхъ бѣдствій, тѣ каррикатурныя мѣры, которыя намѣчаетъ новый шефъ жандармовъ? Прежде всего, что можетъ дать странѣ административныхъ помпадуровъ и военныхъ сатраповъ обѣщаемая министромъ децентрализація самоуправства? Аккомпанирующій въ этомъ пунктѣ новому министру дирижеръ реакціи, Мещерскій, ждетъ, что при этомъ вырвется вздохъ облегченія у губернаторовъ, освобожденныхъ отъ безпощадной опеки капризовъ департаментскихъ чиновниковъ. Это вѣрно. И горе Россіи, которая и такъ управляется по системѣ одиночнаго заключенія отдѣльныхъ гражданъ, отдѣльныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, которая и сейчасъ состоитъ подъ почти безконтрольнымъ произволомъ отдѣльныхъ виртуозовъ-администраторовъ! Это будетъ побѣда реакціи. Не лежитъ ли нашъ исторически правильный путь въ противоположную сторону—къ превращенію помѣстнаго административнаго произвола, во-первыхъ, въ централизованную законодательную власть всенароднаго парламента и, во-вторыхъ, въ исполнительную власть отвѣтственнаго передъ парламентомъ кабинета министровъ? Несомнѣнно, всякій шагъ по пути децентрализаціи самоуправства отзовется новой болью въ тѣлѣ народа и, поскольку не замрутъ въ этомъ тѣлѣ процессы развитія,—это будутъ болѣе или менѣе революціонные акты самозащиты со стороны населенія.

Городскимъ и земскимъ учрежденіямъ предполагается предоставить возможно больше авторитета въ мѣстныхъ дѣлахъ. Значитъ ли это, что министромъ намѣчена отмѣна закона о предѣльномъ земскомъ обложеніи? Достаточно сопоставить этотъ планъ съ задачей правительства сохранить существующій строй, чтобъ отвѣтить на поставленный вопросъ отрицательно. Но и положительное рѣшеніе вопроса только выдвинетъ новую неразрѣшимую задачу, потому что предоста-

вать возможность свободнаго роста земскому бюджету при теперешней силѣ этого роста, это значитъ—дать голосъ всероссійскому земству въ выработкѣ государственнаго бюджета. Послѣднее же лежитъ за предѣлами возможнаго для самодержавнаго режима.

Дойдетъ-ли благосклонность къ земствамъ и думамъ хотя бы до предоставленія имъ законодательной иниціативы? Смѣшно было бы даже ставить подобные вопросы, если бы не важно было указать на одно необходимое слѣдствіе всякой правительственной политики, проводимой въ интересахъ самодержавія. И политическій обманъ въ итогѣ пустыхъ обѣщаній, и политика уступокъ, не переступающихъ предѣловъ нынѣшняго режима, въ концѣ концовъ, вызовутъ встрѣчную волну дворянско-буржуазнаго недовольства, которая неминуемо добѣжитъ до поставленной ей преграды и разобьется въ брызги открытой оппозиціи, или уйдетъ въ подпочву нелегальной группировки радикальныхъ элементовъ.

Министръ обѣщаетъ возможно полную свободу совѣсти, но «съ нѣкоторыми оговорками». Не ясно ли, что подъ оговорки будетъ подведена вся сумма тѣхъ мѣръ религіознаго гнета, которыя прямо связаны съ желаніемъ прикрѣплять окраины путемъ руссификаціи, поддерживать косное православіе въ Великороссіи? И правительству придется изощряться въ подавленіи недовольства ограбленной имъ армянской церкви, придется попрежнему мобилизовать поповъ и монаховъ противъ вольнодумной штунды.

Не будетъ абсолютной (!) свободы для евреевъ! Что же дастъ обѣщаемая относительная? Съ большой вѣроятностью можно утверждать, что въ мѣропріятіяхъ для и противъ еврейства Святополкъ-Мирскій, призванный одной рукой зажигать революціонный огонь, а другой—тушить, запоздалъ. Стараніями его предшественниковъ революціонная задача «режима» въ этой области почти уже закончена. Неслыханнымъ гнетомъ этотъ народъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ доведенъ до революціоннаго каленія.

Министру грезится насажденіе прогресса, увеличеніе числа школъ! Но вѣдь за ними идетъ увеличеніе числа неспокойныхъ элементовъ въ лицѣ учителей и учительницъ, увеличеніе спроса на книжку, а, слѣдовательно, и на листки и брошюры «возмутительнаго содержанія».

Повидимому, смутное предчувствіе революціоннаго исхода охранительныхъ начинаній не чуждо и генералу-министру, и онъ сознается въ своей бесѣдѣ, что «наше внутреннее положеніе, если и не чрезвычайно серьезно, все же запутанное». Но понялъ ли онъ, приступая

съ улыбкой къ своему дѣлу, что онъ неотвратимо идетъ прямой дорогой къ могилѣ самодержавнаго режима? Понялъ ли, что онъ призванъ не для руководства всей суммой внутреннихъ дѣлъ государства, а на ту же спеціальную функцію, на которую была направлена вся энергія его предшественниковъ, т. е. призванъ завѣдывать дѣломъ россійской революціи, въ качествѣ безсознательнаго разжигателя революціоннаго инстинкта массъ и—дипломатическаго укротителя этого инстинкта.

Но субъективно онъ ставитъ себѣ, повидимому, задачу превратить революціонность массъ и одиночекъ въ притупленную политическую усталость, въ упадокъ нервной энергіи, вообще говоря, возможный вслѣдъ за чрезмѣрнымъ ея напряженіемъ.

И онъ ласкаетъ себя надеждой, что заблужденія молодежи сопровождаются раскаяніемъ, что она образумливается съ возрастомъ и изъ нея выходятъ «прекрасные работники», онъ спѣшитъ навстрѣчу «желаніямъ населенія» въ расширеніи авторитета земскихъ и городскихъ учрежденій и думаетъ, что «добротой можно достигнуть счастливыхъ результатовъ» и въ еврейскомъ вопросѣ. Знакомая намъ диктатура сердца! Второй уже разъ за послѣднее десятилѣтіе останавливаемый волной оппозиціи самодержавный режимъ пытается ослабить удила «неукоснительной строгости». И что же? Первый разъ, при расцвѣтѣ режима Ванновскаго, раздался недвусмысленный, неодобрительный ревъ бюрократически-дворянской реакціи, въ общей свалкѣ тоже забирающей самостоятельную отъ правительства силу. Старичекъ сократилъ свою ласковую улыбку и поспѣшилъ стушеваться. Пусть бы новый апостолъ мира прислушался къ остерегающему завыванію «Моск. Вѣдом.». Положеніе новаго вождя внутренней политики невеселое: впереди шумъ неугомоннаго моря демократіи, за спиной—шипѣніе реакціоннаго крупнаго дворянства. Но, повидимому, новый вождь полонъ новыхъ надеждъ. Сбудутся ли радужныя мечты браваго генерала? Судя по всему, у насъ есть основаніе утверждать съ достаточной увѣренностью, что негодными мѣрами окажутся всѣ такія полуреформы, что онѣ обратятся противъ самого же правительства, что безсильны уже и попытки убаюкать революціонное недовольство генеральской лаской; что, наконецъ, эти попытки будутъ прерваны реакціей.

Характернымъ политическимъ симптомомъ является отповѣдь «Освобожденія», которое видитъ во всѣхъ этихъ заманчивыхъ перспективахъ не реальныя уступки, а лишь одинъ обольстительный запахъ ихъ, и потому—опасность для оппозиціи. Характернымъ симптомомъ это служитъ потому, что «Освобожденіе» способно вообще легкомысленно воодушевляться и, даже теперь, въ сторонѣ отъ этой главной

политической директивы недовѣрія къ правительству, предлагаетъ студенчеству не слишкомъ сплеча обращаться съ новыми нѣжными ростками самодержавной политики. Но тѣмъ болѣе знаменательно, что въ переходный моментъ наибольшей податливости сладкимъ обѣщаніямъ оно не можетъ въ себѣ заглушить червячка недовѣрія. Къ сожалѣнію, статья «Освобожденія» не представляетъ даже коллективнаго мнѣнія либеральнаго слоя. И коренной вопросъ обсужденія и учета нововявленной «министерской программы» для насъ въ томъ, какъ будетъ реагировать на режимъ сердца широкая демократія, верхніе слои пробуждающихся массъ и прежде всего—рабочаго класса.

Опытъ недавняго прошлаго показалъ, что всѣ правительственныя «мѣропріятія» въ области положительной государственной работы не разряжаютъ существующей революціонности сознательныхъ слоевъ народа, потому что сами они не «революціонны», не уничтожаютъ анархіи въ жизни страны, потому что нисколько не удовлетворяютъ нужды народа въ правовой организаціи этой, все усложняющейся, жизни и оставляютъ безъ «конституціи»—безъ «законовъ войны»—классовые и національные конфликты.

Одинъ взглядъ назадъ—на весь ходъ рабочаго движенія параллельно съ ростомъ капитализма. Куда ведетъ нелѣпое положеніе рабочихъ массъ, лишенныхъ законодательнаго права и права стачекъ, союзовъ, собраній, лицомъ къ лицу съ азіатскимъ хищничествомъ русскаго промышленника? Всѣ послѣдствія этого положенія пролетаріата: физическое и психическое вырожденіе его, хозяйственное обнищаніе до nec plus ultra, обостряютъ до крайности противорѣчія государственно-буржуазнаго строя, влекутъ Россію къ потрясающему экономическому краху. Возьмемъ все это, плюсъ искусъ войны, и оцѣнимъ политическую развязность или легкомысліе Святополкъ-Мирскаго, предлагающаго Россіи испить до дна чашу восточно-сибирскаго военнаго погрома.

Область національныхъ отношеній! Съ одной стороны, разнузданная, насильственная ассимиляція, съ другой—взаимное недовѣріе. Демократическая Польша съ такъ называемой партіей польскихъ соціалистовъ во главѣ, національная Финляндія, религіозная Арменія! Въ Финляндіи харьковскій Аракчеевъ-Оболенскій, говоря либеральныя рѣчи, заимствуетъ у своего прообраза методъ давать отдохнуть жертвамъ казни «сквозь строй» передъ новымъ актомъ пытки. Невелика, впрочемъ, надежда на то, что финны повѣрятъ ласковымъ рѣчамъ палача по призванію: недовѣріе прочно посѣяно.

Національнизмъ и сепаратизмъ растутъ не только на окраинахъ: по

всему тѣлу Россіи, анархія національныхъ отношеній разряжается цѣлымъ рядомъ еврейскихъ погромовъ, повторяющихъ ужасы средневѣковья.

Государственная власть запоздала своевременнымъ уничтоженіемъ сословной грани объединить и согласовать общіе интересы землевладѣльцевъ бѣлой и черной кости: безправное крестьянство рѣшаетъ ихъ у себя въ деревняхъ по-домашнему: разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ аграрными убійствами и поджогами.

И въ этомъ хаосѣ разложенія государства крупицы либеральнаго попустительства въ правительственной политикѣ нисколько не идутъ къ согласованію интересовъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Напротивъ того, одинъ новый и послѣдній шагъ отъ защиты интересовъ господствующихъ классовъ въ сторону политическаго абсентеизма—въ сторону защиты авантюристскихъ интересовъ одной правящей клики.

И, представленный самому себѣ, народъ все больше и больше втягивается въ процессъ выработки самобытнаго, революціоннаго «самоуправленія». Завязывается организація рабочихъ массъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ, нелегально групируются оппозиціонныя силы буржуазіи. Происходитъ усиленная борьба сторонниковъ партій въ области литературнаго размежеванія. Радикальная интеллигенція ассимилируется партіей рабочаго класса. Все сильнѣе и сильнѣе выясняется необходимость завершенія и закрѣпленія этихъ новыхъ формъ государственной жизни путемъ конституціи.

Въ этомъ неудержимомъ повышеніи уровня политическаго моря и даны гарантіи того, что волны революціоннаго прилива будутъ, не ослабѣвая, бить въ стѣны самодержавнаго строя. А слѣдовательно, ген. Святополкъ-Мирскій, который—по собственнымъ словамъ, мѣтилъ, вмѣсто Куропаткина, на поля Ляояна, а попалъ въ Петербургъ, дѣйствительно, становится во главѣ внутренняго военнаго министерства, на мѣсто «министра контръ-революціи фонъ-Плеве, какъ бы сладко ни грезилось ему кроткое управленіе замиренными подданными.

«Программая рѣчь» новаго министра вноситъ только одно подтверждающее «да» въ недвумысленную политику правительства, обнаруживая рѣшимость его, не смотря ни на что, отстаивать свое самовластье. И все сильнѣй и сильнѣй «военныя функціи» захватываютъ государственную власть, и разростается анархія представленнаго на волю исторической стихіи народа.

И все больше дробятся старыя формы государственнаго строя, оставляя разрозненный, готовый въ дѣло матеріалъ новаго государственнаго строительства. И становится ясной, осязаемой дѣйствительностью

возможность, не медля, приступить къ созидательной политической работѣ: къ укрѣпленію и расширенію соціалдемократической партіи за счетъ всего того, что изъ человѣческаго матеріала, обрабатываемаго революціонной дѣятельностью правительства, можетъ быть ассимилировано партіей рабочаго класса на основахъ ея программы.

П. Стрѣльскій.

Дружина князя Святополка.

(5 октятря 1904, № 75)

У Чернышева моста въ Петербургѣ идетъ спѣшная работа: строится балаганъ для столичныхъ политическихъ гастролей провинціальнаго князя Святополка: размалевывается вывѣска отечественной суздальской работы; на вывѣскѣ красуется многообѣщающее слово: реформа. Прочные подмостки еще не сколочены, и гастролеръ, взобравшись на министерскій стулъ, лицомъ къ Европѣ, въ полъ-оборота къ россійской земщинѣ и печати, демонстрируетъ пресловутую вывѣску, сыплетъ рѣчь за рѣчью передъ иностранцами, поясняетъ и дополняетъ эти рѣчи передъ сотрудниками петербургской «Руси».

Провозглашается эра «довѣрія» правительства къ дѣятелямъ мѣстнаго самоуправленія, и тотчасъ же щедрому на обѣщанія балагуру-министру открываются распростертыя объятія либеральной прессы, а „земщина“ спѣшитъ сдержанно принести благодарность за одну только готовность что-то совершить. Неужто же такъ великъ политическій кредитъ министровъ у русскаго „общества“, что не требуется и подкрѣпляющихъ слова̀ фактовъ? Дѣйствительно, потокъ благодарностей опережаетъ какіе бы то ни было правительственные шаги, но кое-что уже и начато новымъ министромъ. Это кое-что по объему незначительно, но довольно многозначительно по содержанію. 22-го сентября издается указъ о присвоеніи одному изъ товарищей Министра Внутреннихъ Дѣлъ званія завѣдывающаго полиціей. Коротко говоря, возстановляется памятное III отдѣленіе, то самое, упраздненіе котораго было однимъ изъ первыхъ шаговъ Лорисъ-Меликовской «диктатуры сердца» Одновременно съ этимъ слѣдуетъ утвержденіе введенныхъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ ссылкѣ. На время войны генералъ-губернаторъ получилъ право налагать чув-

ствительныя административныя взысканія за „самовольныя отлучки", и может въ розницу передовѣрять это право своимъ подчиненнымъ. Жалобы ссыльныхъ на незаконные циркуляры Кутайсова удовлетворены тѣмъ... что циркуляры эти получают силу закона.

Приняты мѣры и другого рода: отмѣненъ циркуляръ Плеве, запрещавшій присоединеніе земствъ къ общеземской военно-санитарной организаціи; сданъ въ архивъ Государственнаго Совѣта реакціонный пособникъ Плеве въ его «крестьянской реформѣ", товарищъ министра Стишинскій; тамъ же нашли себѣ успокоеніе пресловутые «ревизоры"— Зиновьевъ и Штюрмеръ; возвращены въ свои тверскія имѣнія опальные либералы—фонъ Дервизъ, Милюковъ; помилованы ссыльные: Мартыновъ и Чарнолусскій.

Нужно взять всю сумму этихъ, въ одиночку незначительныхъ, шаговъ новаго курса, нужно не забывать, что программная болтовня новаго министра ведется подъ отдаленный грохотъ орудій на сибирскомъ востокѣ, чтобы освѣтить авансцену политической дѣятельности правительства.

Впереди всѣхъ—говорящій министръ. Въ Вильнѣ онъ объявляетъ себя „другомъ-„благожелательной" печати; обѣщаетъ справедливость евреямъ отъ самаго „источника справедливости"; обѣщаетъ „уравненіе въ правахъ" польскому дворянству. На пріемѣ чиновъ своего министерства онъ объявляетъ манифестъ 26 февраля 1903 года—своей программой. Усердный министръ оповѣщаетъ даже телеграммой бѣлостокскихъ евреевъ, что пойдетъ навстрѣчу нуждамъ еврейскаго населенія края. А черезъ 8 дней послѣ отправки этой телеграммы бѣлостокская полиція учиняетъ огнестрѣльную бойню бѣлостокскихъ рабочихъ, мирно собравшихся съ женами на загородную сходку; стрѣляютъ не въ сопротивляющуюся толпу, а въ спины бѣгущихъ женщинъ.

Между тѣмъ, широковѣщательные діалоги министра съ корреспондентами заграничной прессы заканчиваются довольно неожиданно. Святополкъ, въ сущности, лишаетъ эти свои рѣчи всякаго политическаго вѣса, отрекаясь отъ нихъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Руси»: иностранцы де поняли его по иностранному, а, слѣдовательно, не поняли. Остается только обѣщаніе министра учиться «по крестьянскому вопросу» и «личныя» мнѣнія его о необходимости оживленія дѣятельности земства. Такое плачевное отступленіе было бы и смѣшно, и грустно, и непонятно, если бы не поведеніе политическаго хора, занимающаго ту же авансцену.

За внушительными фигурами Мещерскаго и Грингмута виднѣются

отецъ и сынъ Суворины, далѣе—выползающія изъ академической раковины «Русскія Вѣдомости», наконецъ «Петербургскія Вѣдомости» и рядъ провинціальныхъ газетъ умѣренно-либеральнаго тона. Въ наиболѣе близкомъ къ министру реакціонномъ кружкѣ этихъ «представителей русскаго народа» происходитъ такая семейно-клубная сцена. Князь Петръ Димитріевичъ (Мирскій) сказалъ любезную рѣчь; ура Петру Димитріевичу! и «довѣрчиво» улыбающійся князь юбилейно взлетаетъ на воздухъ и падаетъ въ пухлыя руки своихъ собутыльниковъ. Но даже и въ эту обычную угодливо-либеральную болтовню временами врываются серьезныя политическія ноты. Русскія пушки, сегодня въ рукахъ Куропаткина, завтра въ плѣну у Куроки, грозно ревутъ, и дикая оргія войны разыгрывается все сильнѣе. Либералы чувствуютъ себя кредиторами правительства, они нетерпѣливо напоминаютъ о срокѣ уплаты долговъ, они требуютъ реформъ. Они грозятъ и манятъ, и выдаютъ правительству новые авансы кредитными билетами отвѣтнаго довѣрія. Послѣ органовъ печати выступаютъ съ выраженіемъ довѣрія правительству и учрежденія мѣстнаго самоуправленія. Цѣлый рядъ земствъ отозвался благодарностью и довѣріемъ по адресу новаго министра. Также высказываются и городскія думы. «Программа» Святополкъ-Мирскаго послѣ этого вота довѣрія становится программой обширнаго слоя россійскихъ либераловъ. И вотъ испуганный премьеръ—«malgré lui“—начинаетъ пятиться назадъ и спѣшитъ, заявить, что его не поняли. Какъ будто бы и поздно! Напирающая на княжескихъ собутыльниковъ и на самого князя, толпа либераловъ какъ будто не хочетъ слышать сѣтованій на то, что новый государственный экспериментаторъ не понятъ толпой; она, толпа, требуетъ внимательнаго отношенія къ себѣ, требуетъ, чтобы, наконецъ, поняли ее самое тѣ, кому понимать надлежитъ. Игриво подбрасываемаго князя Святополка теперь хотятъ поднять на щиты для того, чтобы двинуться въ походъ за спасенье Руси.

Позволительно думать, что княжеская дружина поведетъ этотъ походъ и противъ «остатковъ крѣпостного строя» и противъ «внутреннихъ враговъ». Какъ иначе можетъ быть истолковано отношеніе либеральной печати къ новымъ крупнымъ мѣрамъ репрессіи, предпринятымъ правительствомъ противъ революціоннаго движенія? Не является ли безусловнымъ одобреніемъ по адресу правительства молчаніе по этому поводу печати, которая, вообще говоря, довольно-таки откровенно «заговорила»? А что такое учрежденіе особаго вѣдомства общей и политической полиціи съ полномочнымъ начальникомъ во главѣ, какъ не усиленіе борьбы абсолютизма съ движеніемъ

народныхъ массъ? Очевидно, вѣрно «поняли» министра «Московскія Вѣдомости», когда настойчиво напоминали «либераламъ», что въ «программѣ» Святополка—манифестѣ прошлаго года—вразумительно говорится о необходимости борьбы съ внутренней смутой. Уличной революціи, очевидно, будетъ объявлена безпощадная война. Наглыя расправы съ рабочими, вродѣ Бѣлостокской, едва ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что здѣсь новый курсъ будетъ только усиленіемъ стараго. Зато революціонность «учрежденій мѣстнаго самоуправленія»—этихъ позицій, занятыхъ либерализмомъ,—утоляется дешевымъ путемъ. Это путь минимальныхъ уступокъ, путь приручепія. Первые шаги правительства по этому пути уже колеблютъ, повидимому, всю шаткую массу либераловъ, готовую отъ оппозиціи перейти въ вѣрноподданничество при одномъ лишь запахѣ чечевичной похлебки.

Это первая мутная волна освободительнаго движенія и, нужно сознаться, она мало похожа на мощный революціонный призывъ демократическаго моря.

Но среди этого либеральнаго шума съ недалекой «окраины» доносятся слова, обращенныя къ генералъ-губернатору Оболенскому:

«Осмѣливаемся доложить вамъ, что въ самыхъ глубокихъ слояхъ населенія, въ наиболѣе здоровой въ нравственномъ отношеніи части народа царитъ глубокая горечь, порожденная существующимъ, угнетающимъ порядкомъ вещей... Мы не можемъ больше выносить этого противнаго природѣ гнета, мы не въ силахъ дольше дышать воздухомъ, который пропитанъ зловоніемъ низостей всевозможныхъ честолюбцевъ» [1]).

Если «прекрасный Іосифъ» абсолютистской политики, князь Святополкъ, сегодня не податливъ на страстныя рѣчи жены Пентефрія—россійской либеральной прессы, то судьба даетъ ему совѣтчиковъ. Такого друга онъ уже нашелъ въ лицѣ журнала «Право», или, точнѣе—въ лицѣ сотрудника этого журнала, либеральнаго кіевскаго профессора, князя Е. Трубецкого. Завидуя «свободѣ слова» революціонной печати, драматически указывая на тысячи революціонныхъ листковъ, усыпающихъ грады и веси Россіи, Трубецкой галлюцинируетъ новымъ внутреннимъ Портъ-Артуромъ—очевидно, отождествляя революціонный пролетаріатъ съ Японіей,—и требуетъ средствъ предупрежденія и защиты, въ видѣ дарованія свободы либеральной печати. Не заманчивый ли

---

[1]) Такъ говорятъ таммерфорсскіе рабочіе своему сатрапу Оболенскому въ адресѣ соціалистической ассоціаціи этого города.

это союзникъ для правительства? И не стоитъ ли правительству, ради подобныхъ союзниковъ, потерять свою самодержавную невинность?

Тогда подъ «прогрессивное» знамя отважнаго князя соберется отборная дружина встревоженныхъ консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ, которые, конечно, не далеко зайдутъ въ увлеченіи «началами, чуждыми русской жизни». Но этой дружинѣ придется столкнуться съ революціонными полчищами рабочихъ: тому порукой «глубокая горечь» милліоновъ народа. И даже въ рядахъ привиллегированнаго «общества» мы должны будемъ увидѣть два лагеря: лагерь тѣхъ, которые готовы рукоплескать сословно-цензовымъ реформамъ правительства и сдѣлать это правительство своимъ, и—лагерь тѣхъ, которые поймутъ связь своихъ интересовъ съ интересами широкихъ слоевъ демократіи и—на первыхъ шагахъ историческаго пути—совмѣстимость интересовъ «общества» съ ближайшими интересами рабочаго класса.

Каковъ бы ни былъ стратегическій планъ генерала Святополкъ-Мирскаго, передъ господствующими классами Россіи всего только два пути: либо перспектива «разговаривать» и считаться съ пролетарскими массами на городскихъ улицахъ при посредствѣ казаковъ и жандармовъ, при закрытыхъ магазинахъ и подъѣздахъ, либо «разговоры» съ представителями интересовъ рабочаго народа на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ привилегированная оппозиція предлагаетъ правительству разговаривать съ нею самою: въ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ.

П. Стрѣльскій.

Письма обо всемъ.

„Передъ катастрофой".

(5 октября 1904 г.. № 75).

Нѣмецкій журналистъ либеральнаго образа мыслей, безъ особыхъ литературныхъ или политическихъ «примѣтъ», просто среднiй буржуазный интеллигентъ, г. Гуго Ганцъ, посѣтилъ въ началѣ этого года Россію, провелъ въ ней три мѣсяца и написалъ о ней книгу.

Называется эта книга очень выразительно: «Передъ катастрофой».

Не нужно думать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ какимъ-нибудь серьезнымъ научнымъ трудомъ. Нѣтъ, это просто очень длинный фельетонъ, составленный изъ нѣсколькихъ фельетоновъ обычнаго газетнаго размѣра. Ожидать отъ фельетониста буржуазной прессы оригинальныхъ сужденій или глубокихъ взглядовъ было бы непозволительной наивностью. Провѣрять и опровергать его обобщенія, занимающія среднее мѣсто между плохой мыслью и недурнымъ оборотомъ рѣчи, было бы непозволительной тратой времени. Впрочемъ, даже и такихъ чисто фразеологическихъ обобщеній въ книгѣ г. Ганца очень мало. Это, конечно, только украшаетъ ее.

Книга, какъ мы сказали, называется «Передъ катастрофой». Не нужно, однако, думать, что авторъ имѣлъ въ Россіи дѣло съ нигилистами, заговорщиками, динамитчиками—и находится подъ ихъ непосредственнымъ внушеніемъ. Нисколько. На двадцати или тридцати строкахъ, которыя посвящены русскимъ революціонерамъ, авторъ книги въ 316 страницъ умудряется «Революціонную Россію» сдѣлать органомъ «Бунда», а «Бундъ» превратитъ въ лассальянскую организацію. Да проститъ его Богъ!

Г. Ганцъ почерпалъ всѣ свои свѣдѣнія совсѣмъ въ другихъ кругахъ. Во время пребыванія на нашей родинѣ онъ находился въ лучшемъ обществѣ. «Извѣстнѣйшіе» банковскіе дѣльцы, «извѣстнѣйшіе» адвокаты и «извѣстнѣйшіе» литераторы Петербурга и Москвы продефилировали передъ нѣмецкимъ журналистомъ и теперь безыменно дефилируютъ передъ его европейскими читателями. Разумѣется, свѣтила петербургскаго либерализма не могли научить своего гостя большему, чѣмъ имъ самимъ дано. Во всякомъ случаѣ, Г. Ганцъ убѣдился, что «дальше такъ идти не можетъ».

«Ваше сіятельство»,—мы уже сказали, что нашъ авторъ имѣлъ дѣло съ людьми «лучшаго общества»—«я вывожу заключеніе, что въ Россіи нельзя повести рѣчь о ничтожнѣйшемъ педагогическомъ или хозяйственномъ вопросѣ безъ того, чтобы не натолкнуться на высшую политику». Это наблюденіе является несомнѣнно самымъ цѣннымъ изъ наблюденій Г. Ганца. Оно означаетъ, что отъ всѣхъ вопросовъ, бѣдъ и золъ современной Россіи всѣ широкія дороги и всѣ узкія тропинки ведутъ въ одинъ и тотъ же Римъ. И это—Римъ парламентскаго режима.

Но г. Ганцъ не хотѣлъ брать этого вывода на вѣру.

Л и б е р а л ь н ы е князья и графы изобразили передъ нимъ Россію въ такомъ мрачномъ видѣ, что онъ рѣшилъ для провѣрки поговорить

съ графомъ консервативнымъ. Вотъ какой у него вышелъ діалогъ съ «честнымъ консерваторомъ».

— Что вы слышали? спросилъ графъ.

— Что Россія голодаетъ, въ то время какъ правительство показываетъ избытки въ бюджетѣ.

— Къ сожалѣнію, вѣрно.

— Что интеллигенція въ состояніи отчаянія.

— Тоже вѣрно.

— Что можно бояться возрожденія терроризма.

— Въ такой же степени вѣрно.

— Что вся Россія надѣется лишь на то, что война будетъ проиграна, потому что только такимъ путемъ можетъ быть положенъ конецъ современному режиму.

— Опять-таки вѣрно.

— Что этотъ режимъ превысилъ всякую мѣру развращенности и можетъ быть сравненъ только съ преторіанскимъ режимомъ въ послѣдніе годы Рима.

— Это еще даже недостаточно вѣрно.

Гдѣ же выходъ? спрашиваетъ каждый разъ себя и своихъ собесѣдниковъ нѣмецкій журналистъ. Конституція. А путь къ ней? Указаніе на этотъ путь мы уже слышали въ только что приведенномъ діалогѣ. Правительство потерпитъ полное военное пораженіе, на помощь которому явится колоссальный финансовый крахъ. Конституція явится естественнымъ финаломъ. До рѣшительной катастрофы нельзя ждать никакихъ измѣненій въ нынѣшнихъ порядкахъ. «Когда мы въ первый разъ принуждены будемъ сломать рубль (den Coupon kürzen), а это можетъ произойти скорѣе, чѣмъ мы теперь предполагаемъ, въ тотъ день, когда мы уже не будемъ въ состояніи платить наши старые долги при помощи новыхъ, когда наше внутреннее банкротство не сможетъ оставаться скрытымъ передъ заграницей и передъ императоромъ, тогда, можетъ быть, будетъ приступлено къ созыву своего рода учредительнаго собранія (eine Art Konstituante). Но не ранѣе».

Это говоритъ престарѣлый либеральный князь, бывшій «государственный человѣкъ». Въ такомъ же родѣ высказывается и другой, полулиберальный князь X., «бывшій нѣкогда довѣреннымъ другомъ высокопоставленныхъ лицъ». Такъ же высказывается «одинъ изъ первыхъ адвокатовъ Петербурга», далѣе, одинъ «особенно компетентный» въ государственныхъ вопросахъ профессоръ, и, наконецъ, правильность этихъ предвидѣній признаетъ и консервативный графъ, который при этомъ проситъ своего собесѣдника помнить, что консерватизмъ и не-

годяйство совсѣмъ не однозначащія понятія. Консерваторъ смотритъ на конституціонное будущее съ недовѣріемъ, либералы—съ признательностью, но неизбѣжность измѣненія режима, въ результатѣ «всеобщей катастрофы», кажется всѣмъ несомнѣнной.

Что такое эта «катастрофа»? Военный разгромъ и финансовое банкротство, т. е. такія объективныя, «стихійныя» явленія, которыя своей собственной силой—биржевымъ «рублемъ» Европы и квалифицированнымъ «дубьемъ» Японіи — гонятъ правительство на конституціонную сдѣлку съ либеральными, полулиберальными и совсѣмъ не либеральными князьями, графами, банкирами, профессорами и адвокатами. Въ ожиданіи конституціи съ «какимъ угодно скромнымъ парламентомъ» (ein noch so bescheidenes Parlament) эти дѣятели, въ земствахъ, думахъ, университетахъ и прессѣ расписывающіеся въ непоколебимо-воинственномъ патріотизмѣ россовъ, отходя ко сну, возносятъ, по сочувственному свидѣтельству г. Ганца, слѣдующую краткую политическую молитву небесамъ: «Боже, помоги намъ, дабы мы были разбиты». («Gott hilf uns, damit wir geschlagen werden). И, какъ мы думаемъ, нѣтъ ничего вѣроятнѣе предположенія, что и г. Струве въ тотъ самый день, когда онъ, по соображеніямъ «политическаго реализма», выкрикнулъ: «Да здравствуетъ армія!», шепталъ потихоньку молитву либеральному богу «философскаго идеализма»: «Помоги намъ, дабы мы были разбиты» [1]).

Въ скромныхъ разсчетахъ на конституцію «съ какимъ угодно скромнымъ парламентомъ» активныя проявленія оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ совершенно не фигурируютъ. Г. Ганцъ ничего не слышалъ отъ своихъ собесѣдниковъ о роли либеральной оппозиціи въ до-конституціонный періодъ,—просто потому, что ничего, кромѣ приведенной оппозиціонной молитвы, они и не могли въ тотъ моментъ сообщить нѣмецкому журналисту. Въ возможность народной ре-

[1]) Въ своей бесѣдѣ съ профессоромъ, г. Ганцъ выразилъ удивленіе тому, какъ можно желать побѣды врагу: вѣдь, на полѣ сраженія умираютъ братья. Либеральный профессоръ возразилъ, что это „справедливо лишь отчасти", ибо на театръ военныхъ дѣйствій „въ первую голову отправлены поляки, евреи и армяне"... Ни болѣе, ни менѣе. Г. профессоръ могъ бы распространить и далѣе свое либеральное безстыдство и объяснить собесѣднику, что солдаты—это сѣрые мужики и рабочіе, а либералы—все люди „хорошаго общества". Весьма кстати г. профессоръ пояснилъ затѣмъ нѣмецкому журналисту, что le russe est liberal jusqu'a trente ans, après—canaille (русскій—разумѣй: русскій изъ „общества"—либералъ до тридцати лѣтъ, а затѣмъ канальи... Мы думаемъ, что откровенный профессоръ давно перевалилъ за эту роковую грань.

волюціи г. Ганцъ не вѣритъ. «Особенно компетентные» въ политическихъ вопросахъ профессора, адвокаты и государственные люди внушили ему въ этомъ отношеніи полный скептицизмъ. На всемъ полѣ революціи г. Ганъ видитъ лишь то, что легче всего видѣть либеральнымъ глазомъ изъ окошка профессорскаго кабинета: волнующееся студенчество да пару террористовъ. Студенчество, конечно, исполнено лучшихъ намѣреній. Со снисходительностью прозрѣвающаго будущее человѣка г. Ганцъ даже прощаетъ ему его временныя соціалистическія тяготѣнія. Но онъ того мнѣнія, что политическій энтузіазмъ слишкомъ ненадежный панцырь противъ казацкой нагайки. Что такое горсть студенчества въ сравненіи съ колоссальнымъ, «скалящимъ зубы» чудовищемъ абсолютизма? Ничто! А сверхъ того?... Возможны еще, пожалуй, разрозненныя и въ своей разрозненности безсильныя возстанія угнетенныхъ націй, да мятежи голодныхъ крестьянъ... и ничего болѣе. Крестьянская революція, правда, можетъ оказаться грознѣе другихъ по своимъ размѣрамъ, но, по словамъ «бывшаго друга», князя X., эта революція направится не противъ государственнаго только режима, но «противъ всѣхъ имущихъ и образованныхъ вообще, а она начнется съ того, что перебьетъ и перетопитъ всѣхъ, здѣсь находящихся»... Итакъ, еще разъ: для этого «несчастнѣйшаго изъ народовъ» одна надежда—военный крахъ на Востокѣ, финансовый крахъ на Западѣ.

А городской пролетаріатъ? Что о немъ говоритъ нѣмецкій журналистъ? Нѣсколько мимоходомъ брошенныхъ словъ политическаго презрѣнія къ «маленькой кучкѣ организованныхъ промышленныхъ рабочихъ»—это все.

О соціалдемократіи, какъ руководительницѣ пролетаріата, г. Ганцъ даетъ отзывъ, представляющій счастливое сочетаніе буржуазнаго тупоумія Запада съ либерально-народническимъ тупоуміемъ нашего отечества.

«Марксисты, пишетъ нашъ авторъ, органомъ которыхъ служитъ «Искра», являются доктринерами, какъ и всюду, клянутся—какъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ ревизіонисты—теоріей обнищанія и хотятъ, чтобъ крестьянинъ потерялъ всю землю и полностью пролетаризировался по катехизису. Противъ нихъ выступилъ недавно умершій Михайловскій, который лучше зналъ Россію, чѣмъ горожане «Искры». Въ настоящее время марксисты считаются «(gelten) уже оттѣсненными назадъ».

Характерна для тѣхъ либераловъ, съ голоса которыхъ поетъ г. Ганцъ, ихъ политическая впечатлительность того «мимолетнаго типа», ко-

торый заставляетъ вспомнить—мы опираемся въ данномъ случаѣ на Успенскаго—впечатлительность телячьяго студня. Дверь откроется, слуга войдетъ, кто-нибудь откашляется,—студень отзывчиво трепещетъ. Трепетать собственно, казалось бы, нѣтъ серьезныхъ основаній. Но таковы ужъ свойства телячьяго студня.

Либеральная впечатлительность опредѣляется тѣмъ, что либеральная мысль способна срывать явленія лишь съ общественной поверхности и притомъ въ ихъ законченной формѣ. Пока они растутъ и развиваются въ соціальныхъ нѣдрахъ, они ей чужды. Она имѣетъ дѣло не съ законами, а съ фактами, не съ тенденціями, а съ эпизодами. Но явленія болѣе капризны, чѣмъ создавшія ихъ въ тиши соціальныя силы. Отсюда такая поразительная внезапность въ смѣнѣ либеральныхъ настроеній. Чу! вотъ рабочія демонстраціи появились изъ подполья... Студенческіе безпорядки вылились на улицу... Тр-рахъ! Разорвалась бомба... «Общество» трепещетъ, ждетъ, торжествуетъ... Но еще мигъ, и все исчезло. Тамъ, внизу, идетъ какая-то невѣдомая сложная молекулярная работа, но на поверхности нѣтъ ничего, и «общество» съеживается и никнетъ долу. Казалось бы, нѣтъ причинъ? Но таковы ужъ свойства либеральнаго студня.

Нѣмецкій журналистъ провелъ въ Россіи первые три мѣсяца настоящаго года... Это былъ моментъ страшнаго пониженія на биржѣ либеральныхъ настроеній. О революціи можно было говорить только съ пожиманіемъ плечъ... Прошлогодняя волна общественнаго протеста, взметнувшаяся въ «іюльскіе дни» на небывалую высоту, быстро шла на убыль... Январьскіе Петербурскіе съѣзды, техническій и пироговскій, были послѣдними событіями, вознесенными этой волной... Ее должна была смѣнить другая, можетъ быть, болѣе могучая, какъ вдругъ въ политическую жизнь врѣзалось колоссальное событіе, къ которому психологія революціонныхъ массъ только должна была еще приспособиться и которое на первыхъ порахъ позволило реакціи организовать шовинистическія демонстраціи. Г. Ганцъ имѣлъ случай видѣть въ Петербургскомъ Народномъ Домѣ, какъ это дѣлалось. Онъ описываетъ, какъ сухопарый черненькій господинъ вбѣжалъ въ залъ и, видимо для всѣхъ, что-то пошепталъ полицейскимъ, а тѣ—кое-кому изъ «народа». Какъ небольшая кучка людей трижды требовала гимна. Какъ публика трижды вставала, чтобы «спокойно и терпѣливо» (gelassen und geduldig) выслушать заказанный черненькимъ господиномъ гимнъ.

Но фактъ, во всякомъ случаѣ, былъ на-лицо. Полицейски-патріотическіе восторги, на фонѣ революціоннаго затишья, удручающе дѣйствовали на либеральныхъ импрессіонистовъ... Конечно, «общество» и

вообще-то не склонно призывать революцію. Но оно начинало уже привыкать къ ней, какъ первые мѣсяцы войны все перевернули вверхъ дномъ. Отсюда эти рѣчи запуганнаго и въ тоже время увѣреннаго въ своей побѣдѣ безсилія: мы—ничто, но насъ все таки спасетъ азіатскій солдатъ и европейскій банкиръ. Еслибъ г. Ганцъ пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ раньше или на нѣсколько мѣсяцевъ позже, онъ вынесъ бы другія впечатлѣнія насчетъ шансовъ и возможностей русской революціи. А въ мартѣ 1904 г. онъ увезъ съ собой только голую увѣренность въ близкомъ крахѣ абсолютизма, увѣренность, которая все болѣе охватываетъ общественное мнѣніе западной Европы.

Н. Троцкій.

Борьба за свободу и классовая борьба.

(20 октября 1904 г., № 76).

Пролетарское движеніе въ Россіи стоитъ наканунѣ крупныхъ историческихъ событій, которыя предъявятъ громадныя требованія къ его политической зрѣлости и сознательности. Близится моментъ, когда пролетаріату придется выступить, какъ политической силѣ, передъ лицомъ всей Россіи, пробуждающейся отъ вѣкового сна, когда отъ позиціи, занятой пролетаріатомъ въ волнующихъ всю страну вопросахъ, будетъ немало зависѣть направленіе, въ которомъ будутъ рѣшаться эти вопросы; когда, въ силу этого, русскій пролетаріатъ станетъ для всѣхъ интереснымъ, всѣмъ «дорогимъ»... какъ «дорогъ» всякій предметъ тому, кто хочетъ его сдѣлать «своимъ». Ибо рѣчь будетъ итти о томъ, чтобы сдѣлать русскій пролетаріатъ «своимъ» для тѣхъ, кто вчера еще болѣе или менѣе игнорировалъ его существованіе, какъ фактора политической жизни. Ибо рѣчь будетъ итти о томъ, чтобы сдѣлать пролетаріатъ чужимъ дѣлу его собственной классовой борьбы.

Было бы нелѣпымъ сектантствомъ «бояться» такого перехода изъ блаженной обстановки политическаго подполья въ полный соблазновъ міръ открытой политической жизни. Трусливымъ филистерствомъ

было бы закрывать глаза на то, что этотъ переходъ совершается, можно сказать, на нашихъ глазахъ, и что, поэтому, уже сейчасъ надо пролетаріату готовиться къ предстоящему экзамену его политической зрѣлости.

Пролетаріатъ становится «дорогимъ» для многихъ изъ тѣхъ, кто до сего дня «не замѣчалъ» его существованія. До такой степени «дорогимъ», что его начинаютъ защищать... противъ злостнаго обвиненія въ «классовомъ эгоизмѣ» его политическихъ побужденій. «Политическое рабочее движеніе... скорѣе идейное движеніе, чѣмъ «классовое» въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ защиты экономическихъ интересовъ класса... именно сейчасъ его идейная оболочка ставитъ его въ одинъ рядъ со всѣми остальными оппозиціонными движеніями: оно направлено не противъ власти капитала, а противъ политическаго деспотизма, не противъ толстой мошны, а противъ нагаекъ и штыковъ, и сердце рабочаго бьется за идеалъ свободы *такъ же безкорыстно, какъ и сердце интеллигента* (курсивъ нашъ)». Такъ заявляетъ авторъ передовой программной статьи второй книги «Освобожденія», г. Независимый, «Отцы и дѣти. Къ характеристикѣ нашихъ политическихъ направленій». «Каково бы ни было наше мнѣніе объ общей соціологической цѣнности гипотезы экономическаго матеріализма, сколько бы полезной мы ни считали ее для историческаго *изученія*, для научнаго *обобщенія* широкихъ историческихъ періодовъ, бываютъ моменты въ жизни народа, когда *участники* самаго историческаго движенія *не могутъ* мыслить матеріалистически и съ точки зрѣнія этого образа мыслей оцѣнивать свое собственное дѣло». «Въ такія минуты отступаютъ на задній планъ всѣ эгоистическіе и матеріальные помыслы и раздоры; «всѣ за одного и каждый за всѣхъ» становится лозунгомъ времени, и энтузіазмъ самопожертвованія на пользу общаго дѣла охватываетъ не только личности, но и цѣлые классы» (стр. 3).

Участники движенія «не могутъ мыслить матеріалистически»! Это значитъ—они не могутъ отдавать себѣ отчета въ классовомъ характерѣ своей собственной борьбы. А «догматическое тупоуміе», которое пытается раскрыть борцамъ этотъ характеръ, ослабляетъ самое движеніе, ибо подрываетъ въ корнѣ необходимый для его успѣха революціонный энтузіазмъ. «Компрометировать скептическимъ сомнѣніемъ самый фактъ общенароднаго объединенія передъ лицомъ великой національной задачи, оспаривать его необходимость, и съ преувеличенной подозрительностью заботиться о дѣлежѣ шкуры еще не убитаго медвѣдя—врядъ ли особенно умно».

Если все это перевести на языкъ политической прозы, то надо будетъ констатировать, что «Освобожденіе» протестуетъ противъ позиціи социалдемократовъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, объявляя ее вредной для дѣла свободы. Какъ мы видѣли выше, русское рабочее движеніе, подъ перомъ г. Независимаго, оказывается свободнымъ отъ вліянія классовыхъ интересовъ и въ этомъ отношеніи не уступаетъ другимъ видамъ общественнаго движенія. «Студенческія волненія и земская оппозиція, политическія убійства и политическія демонстраціи, сектантское движеніе въ народѣ и философско-идеалистическое движеніе въ интеллигенціи—во всемъ этомъ нѣтъ слѣдовъ классовой ограниченности и хозяйственной заинтересованности». Напрасно г. Независимый не включилъ въ этотъ перечень: «всеобщія» стачки на югѣ и крестьянскія аграрныя волненія,—тогда особенную убѣдительность пріобрѣло бы его увѣреніе, что нѣтъ даже «слѣдовъ хозяйственной заинтересованности» въ броженіи пролетаріата, толкающемъ его на путь политическихъ демонстрацій, и въ броженіи среди крестьянства, создающемъ благопріятную почву для сектантства.

Разъ «разногласія между либералами и революціонерами» не отражаютъ собой никакой классовой борьбы,—то для объясненія несомнѣннаго факта раздѣленія оппозиціи на революціонеровъ и либераловъ намъ остается апеллировать къ фактору... физіологическому. Не «сколько-нибудь точно опредѣленныя общественныя группы» имѣются передъ нами, а «группы людей съ различными темпераментами, различнымъ общимъ положеніемъ въ жизни (не только общественнымъ, но и семейнымъ, возрастнымъ и т. п.), различнымъ богатствомъ жизненной опытности и личной отваги». Короче—передъ нами «отцы» и «дѣти». Къ нимъ и обращается г. Независимый съ страстнымъ призывомъ протянуть другъ другу руки, соединиться въ общей борьбѣ за «свободу духа, свободу для всѣхъ и каждаго».

На очереди дня опять стоитъ призывъ къ «всеобщему братству» въ дѣлѣ борьбы съ однимъ врагомъ. Снова отъ русскихъ соціалистовъ требуютъ, чтобы они положили въ карманъ—въ интересахъ побѣды надъ абсолютизмомъ—свой соціализмъ, поскольку онъ обязываетъ своихъ адептовъ къ анализу классовыхъ отношеній въ каждый данный моментъ и къ «матеріалистическому отношенію къ своему собственному дѣлу». Странная вещь! Каждый разъ, когда заговариваютъ объ единомъ врагѣ—абсолютизмѣ, объ общей для всѣхъ задачѣ—борьбѣ съ нимъ, въ сторону соціалдемократовъ и сознательнаго пролетаріата посылается укоризненный взглядъ и слышатся словечки о «догма-

тическомъ тупоуміи» и поврежденіи интересовъ свободы. Правда, г. Независимый спѣшитъ насъ увѣрить, что сердце пролетарія бьется такъ же безкорыстно, какъ и сердце гг. Стаховича, Шипова и князя Львова; но въ то время, какъ гг. Стаховичъ и его присные сознаютъ свое собственное безкорыстіе и «идеалистически» смотрятъ на свою собственную борьбу, пролетаріатъ, идущій подъ знаменемъ соціалдемократіи, старается «матеріалистически относиться къ своему собственному дѣлу» и, что при этомъ неизбѣжно и что хуже всего, «матеріалистически» заглядываетъ въ подоплеку Шиповскаго безкорыстія. И г. Независимый долженъ констатировать, что лишенное всякой «классовой ограниченности» безкорыстіе Шипова «сливается въ одинъ могучій потокъ» съ самой идеалистической борьбой съ абсолютизмомъ, тогда какъ столь же не ограниченное «хозяйственной заинтересованностью» безкорыстіе соціалдемократіи испорчено ограниченностью умственной, и ведетъ къ поврежденію интересовъ борьбы за свободу. Выходитъ, что, если не ради своей мошны, то pour les beaux yeux de Marx, но всетаки русскій пролетарій наноситъ ущербъ дѣлу освобожденія.

То, что началъ г. Независимый, кончилъ и пояснилъ передовикъ «Рев. Россіи» (см. № 53 «На два фронта»). Какъ всѣмъ хорошо памятно, гг. соціалисты-революціонеры давно уже провозгласили то, что разсказываетъ г. Независимый: именно, что противоположность между русскимъ либерализмомъ и русскимъ соціализмомъ, далекая отъ того, чтобы быть отраженіемъ антагонизма имущихъ и неимущихъ, является противоположностью между умѣренными и трусливыми отцами и радикальными и самоотверженными дѣтьми. Естественно было, поэтому, ожидать, что соціалисты-революціонеры, на завтра послѣ того, какъ проголосовали на Амстердамскомъ съѣздѣ «дрезденскую» резолюцію, примутъ руку, братски протянутую имъ гг. Независимыми. И, однако, «Рев. Рос.» этого не сдѣлала. О, нѣтъ! «Мы не хотимъ никакой общей компромиссной политики либерально-соціалистическаго «блока», мы отвергаемъ всякую мысль объ урѣзываніи своей программы или тактики, ради внесенія гармоніи въ дѣятельность различныхъ элементовъ». Эти слова имѣютъ всѣ шансы быть переведенными г. Рубановичемъ на европейскіе языки для ознакомленія «братской семьи соціалистическихъ партій» съ направленіемъ только что принятаго въ эту семью Веньямина. А для г. Независимаго и братской семьи «идеалистовъ», собираемой имъ около знамени «Освобожденія», предназначены слѣдующія за симъ строки: «Единственно, о чемъ бы здѣсь могла итти рѣчь, это объ опредѣленіи такихъ элементовъ и такихъ тре-

бованій, которые уже въ настоящее время общи программамъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ партій; иными словами, можетъ итти рѣчь лишь объ операціи, которая подобна математическому выдѣленію и «вынесенію за скобки» общаго множителя различныхъ величинъ». (Р. Р. № 53 стр. 2).

Совершенно очевидно, что, при вынесеніи за скобки «общаго множителя» различныхъ политическихъ программъ, роль такого множителя играетъ программа того теченія, которое требуетъ отъ современнаго режима всего меньше. «Общимъ множителемъ» для умѣренныхъ либераловъ, крайнихъ демократовъ и соціалистовъ явится конституціонная реформа нынѣшняго режима. Вынести его «за скобки» различныхъ программъ необходимо, чтобы получить отчетливое представленіе о характерѣ и содержаніи наличныхъ общественныхъ движеній. Но должна ли эта операція вынесенія за скобки опредѣлять собою, хотя бы въ извѣстной степени, политическую тактику той партіи, отъ программы которой, послѣ этой операціи, «въ скобкахъ» остается ея «душа», сущность ея основныхъ стремленій? Къ этому сводится вопросъ, который затронутъ въ «Рев. Рос.». Должны ли соціалисты опредѣлять тактику своей борьбы въ данный моментъ простымъ сочетаніемъ наличныхъ общественныхъ программъ и выведеніемъ «за скобки», въ качествѣ «множителя» общихъ и союзныхъ дѣйствій, того, что въ этихъ программахъ есть общаго, т. е. — «долой самодержавіе»? Такъ именно смотрятъ «освобожденцы», и такъ же точно рѣшаетъ этотъ вопросъ «Рев. Рос»., когда, подойдя къ нему съ осторожностью, явно говорящей о блудливомъ желаніи не замочить хвоста въ болотѣ соціалистическаго оппортунизма, заявляетъ: «Что касается до дѣйствій различныхъ партій противъ самодержавія, то рѣчь можетъ итти лишь о координированіи ихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они не противорѣчатъ другъ другу...» Какъ видите, для согласованности дѣйствій тѣхъ враждебныхъ самодержавію партій, которыя представляютъ собою различные соціальные элементы, съ противорѣчивыми классовыми интересами, имѣется довольно узкая и ограниченная область. «Но было бы въ высшей степени неумно и вредно для интересовъ революціоннаго дѣла совершенно игнорировать ту простую истину, что врагъ нашего врага, въ извѣстныхъ предѣлахъ, нашъ, если не другъ, то временный попутчикъ, случайный союзникъ».

Яснѣе нельзя выразиться: въ моментъ, когда дѣло идетъ о непосредственномъ выставленіи лозунговъ политической борьбы съ падающимъ режимомъ, наши «соціалисты» обѣщаютъ либераламъ «корди-

нированность дѣйствій» на основѣ «выведенія за скобки» того общаго, что имѣется въ программахъ всѣхъ враговъ самодержавія. Они обѣщаютъ такую координированность русскимъ либераламъ, добивающимся «ограниченія самодержавной власти», и не требуютъ отъ нихъ постановки на очередь вопроса о замѣнѣ самодержавія демократическимъ государствомъ. Они обязуются вступать въ союзныя дѣйствія съ либералами, не получивъ отъ нихъ обязательства требовать всеобщаго избирательнаго права. Партія «трудовыхъ крестьянъ, рабочихъ и интеллигенціи», они готовы оказать идущимъ къ государственной власти «конституціоналистамъ» всякую поддержку, не обезпечивъ крестьянамъ, рабочимъ и интеллигенціи того, что новый порядокъ не оставитъ ихъ политически-безправными.

И такъ какъ россійская соціалдемократія болѣе года назадъ именно этимъ условіемъ связала вопросъ о «координированности» своихъ дѣйствій съ дѣйствіями либеральной буржуазіи, то «Рев. Рос.» и посвящаетъ вторую половину своей статьи обвиненію соціалдемократіи въ томъ, что она «неисправимо глуха къ голосу жизни», которая-де требуетъ «достигнуть возможно большаго координированія дѣйствій всѣхъ противниковъ самодержавія»; что она «сама создаетъ и ревниво поддерживаетъ свое изолированное положеніе»; что она «будетъ вести ревниво ожесточенную войну даже не на два, а на всѣ четыре фронта»; что она даже не хочетъ образовать «соціалистическаго блока» изъ различныхъ соціалистическихъ организацій.

Поучительная картина: либеральный писатель взываетъ—объединяйтесь всѣ для борьбы съ общимъ врагомъ! «Соціалистъ-революціонеръ», угодливо повиливая хвостикомъ, отвѣчаетъ: мы съ удовольствіемъ, а вотъ тѣ, рядомъ съ нами, тѣ не пойдутъ, потому что «слишкомъ ясно обнаруживаютъ тенденцію вырождаться въ закостенѣвшія секты», «слишкомъ заняты догматическимъ буквоѣдствомъ» (ibid стр. 3)! Точь въ точь жорэсисты, натравливающіе буржуазную публику на гедистовъ, якобы, предающихъ дѣло республиканской свободы ради «марксовой догмы»!

Въ виду начинающейся послѣдней атаки на самодержавіе, будетъ ли либеральная буржуазія идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ къ завоеванію демократическаго режима, или ея политическіе представители сохранятъ за собой свободу заключить въ любой моментъ съ падающимъ режимомъ конституціонную сдѣлку, которая лишитъ основныхъ политическихъ правъ народныя массы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ только и можетъ опредѣлять собой тактику народныхъ партій въ дѣлѣ «координированія» своихъ дѣйствій съ дѣйствіями «имущихъ и сытыхъ».

И если именно теперь крики о необходимости «единенія» сопровождаются змѣинымъ шипомъ о «догматическомъ тупоуміи» партіи пролетаріата и о вредѣ, приносимомъ ею дѣлу свободы, то для всякаго должно быть ясно, что дѣло идетъ о кампаніи, направленной къ тому, чтобы добиться такой «координированности дѣйствій», которая не обязывала бы «умѣренную» оппозицію написать въ числѣ своихъ требованій всеобщее избирательное право и полную свободу слова и коалицій [1]).

Въ самомъ дѣлѣ. Обратите вниманіе на эту «странность». Въ теченіе ряда лѣтъ руководимый соціалдемократіей сознательный пролетаріатъ только и дѣлаетъ, что поддерживаетъ всякій политическій протестъ, исходящій изъ буржуазнаго общества. Онъ демонстрируетъ въ защиту отданныхъ въ солдаты студентовъ; его пресса выноситъ на свѣтъ гласности всѣ мерзости, совершаемыя правительствомъ противъ самоуправляющейся буржуазіи; его организаціи ведутъ въ народныхъ массахъ агитацію по поводу каждаго башибузукскаго набѣга на земства, на легальную печать, на «третій элементъ»; его добровольческія дружины идутъ подъ солдатскія пули для защиты отъ янычаръ Плеве—отъ антисемитскихъ громилъ—жизни, чести и имущества всѣхъ евреевъ, будутъ ли то буржуа или пролетаріи. Въ свою очередь, пролетаріатъ не можетъ указать ни одного случая, когда бы пролитіе его крови, униженіе его сыновей, разореніе его семей вызвало бы смѣлый, открытый протестъ свободолюбивыхъ «отцовъ». И эти послѣдніе не могутъ указать ни одного случая, когда бы сознательный пролетаріатъ и соціалдемократія не были бы готовы выполнить взятаго на себя долга пользоваться всякимъ случаемъ нанести лишній ударъ абсолютизму. Въ отвѣтъ на туманныя и пустыя фразы объ общемъ единеніи, соціалдемократія заявила открыто и прямо: вотъ тѣ условія, принятіе которыхъ дѣлаетъ для пролетаріата возможнымъ связать себя какими либо политическими обязательствами въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Принимаете ли эти условія вы, увѣряющіе, что «безкорыстно» боретесь за свободу для всѣхъ?

---

[1]) Въ № 58 „Освобожденія", въ отвѣтъ на письмо нѣкоего Nemo, обвиняющаго „освобожденцевъ" въ нежеланіи высказаться ясно за всеобщее избирательное право, г. Струве, видимо, разсерженный откровенностью своего единомышленника, увѣряетъ, что онъ «ломится въ открытую дверь». Но если это такъ и если среди освобожденцевъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ „не составляетъ предмета спора", то какъ же объяснить статью г. Независимаго и прокламацію русскихъ освобожденцевъ? (см. ниже, въ отд. II, ст. „Явленіе либераловъ народу").

И вотъ черезъ 1 $^1/_2$ почти года послѣ того, какъ вопросъ поставленъ, получается первый отвѣтъ, и онъ гласитъ: «догматическое тупоуміе». Не думаютъ ли гг. «освобожденцы», что такими отвѣтами они побудятъ русскихъ пролетаріевъ отказаться отъ «матеріалистическаго отношенія» къ либеральному движенію? Не думаютъ ли они такими отвѣтами убить въ русскихъ пролетаріяхъ то недовѣріе, которое въ нихъ воспитала безславная исторія русскаго либерализма?

А «соціалистамъ-революціонерамъ» мы скажемъ, что, своимъ двусмысленнымъ, половинчатымъ и политиканскимъ отношеніемъ къ вопросу, они блистательно подтверждаютъ характеристику, данную имъ II съѣздомъ нашей партіи. Въ моментъ, когда должна рѣшаться на долгіе годы судьба освобождающейся Россіи, когда различныя соціальныя силы собираются подъ свои классовыя знамена,—въ этотъ именно моментъ, эти люди путаются въ ногахъ у пролетаріата со своими жалкими фразами объ «общемъ врагѣ», «глухотѣ» и «слѣпотѣ» и т. д. и больше всего стараются о томъ, чтобы не дать поставить буржуазіи во всей рѣзкости и ясности вопросъ: «съ народомъ или противъ народа»?

* * *

«Пусть не указываютъ намъ на примѣръ великой французской революціи», говоритъ г. Независимый (стр. 3), «мечтавшей въ сверхчеловѣческомъ подъемѣ творческихъ силъ осуществить всеобщее братство человѣчества и осуществившей только буржуазную эксплоатацію! Это постоянное запугиваніе французской революціей, столь популярное, по своеобразной исторической комбинаціи идей, у наиболѣе радикальныхъ слоевъ русской оппозиціи, не только смѣшно, но и вредно. «Богаты мы, едва изъ колыбели, ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ. Но не мѣшало бы призанять и энтузіазмъ отцовъ! Пусть намъ дадутъ сперва французскую революцію со всѣми ея истинно-общечеловѣческими плодами, а съ вредными ея послѣдствіями мы уже сумѣемъ справиться»! (страница 3, курсивъ нашъ).

Вслѣдъ за г. Меньшиковымъ изъ «Новаго Времени», г. Независимый изъ «Освобожденія» «захотѣлъ» великой французской революціи на русской почвѣ. Желаніе весьма похвальное. Только... только одно меня смущаетъ: великіе буржуа 1789 г. сами «добывали» себѣ великую революцію, а наши Демулены не идутъ дальше формулы: «пусть намъ дадутъ»; знаменательная «фигура рѣчи»!

Дѣло, однако, не столько въ этой характерной обмолвкѣ, сколько въ той наивности, съ которою нашъ «идеалистъ»—въ отвѣтъ боящимся разочарованій прошлыхъ революцій—обѣщаетъ то, буде революція совершится, онъ и его присные «съ ея вредными послѣдствіями уже сумѣетъ справиться». Вотъ онъ, голосъ сердца! И, вѣдь, подъ «вредными послѣдствіями» здѣсь разумѣется не что иное, какъ разочарованіе, которое охватывало народныя массы, когда онѣ, совершивъ революцію, замѣчали, что она не освободила ихъ отъ нищеты. Русскіе соціалисты ставятъ себѣ вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы не повторилось и у насъ того же разочарованія? Г. Независимый отвѣчаетъ: положитесь на насъ, мы уже справимся съ вредными послѣдствіими этого разочарованія. И передъ нашими глазами встаютъ картины разстрѣловъ на Марсовомъ полѣ, возстаніе бабувистовъ, іюньскіе дни 1848 года... Вы правы, г-нъ Независимый, ваши собратья сумѣютъ справиться съ «вредными послѣдствіями!» Но именно для того, чтобы не дать имъ возможности «справиться» съ ними свойственными имъ мѣрами—мѣрами буржуазной реакціи на революціонныя проявленія пролетаріата,—мы считаемъ прежде всего обязательнымъ для себя внушать пролетаріату «матеріалистическое отношеніе къ его собственному дѣлу», выяснять буржуазный характеръ предстоящей революціи и ту политическую позицію въ ней, которая гарантируетъ ему достиженіе максимума того, что можетъ дать ему такая революція, и которая, тѣмъ самымъ, застраховываетъ его отъ «вредныхъ послѣдствій», въ видѣ разочарованія. И мы обязаны дѣлать это не только въ интересахъ соціализма, но и въ интересахъ политической свободы.

Г. Независимый совершенно не понимаетъ, въ чемъ сущность тѣхъ послѣ-революціонныхъ «разочарованій», о которыхъ ему напоминаютъ соціалдемократы. Если бы дѣло шло только о вспышкахъ отчаянія народной массы, убѣдившейся, что завоеванный ея кровью режимъ не обезпечиваетъ ей человѣческаго существованія, то, какъ вѣрно указываетъ г. Независимый, съ такими «вредными послѣдствіями» буржуазія—побѣдительница сумѣетъ справиться. Но—и объ этомъ г. Независимый забываетъ—справившись, такъ или иначе, съ этими вспышками отчаянія, буржуазія подсѣкаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ должно держаться зданіе «свободы для всѣхъ и каждаго». Разочарованная дважды, безсознательная народная масса проникается индифферентизмомъ къ дѣлу свободы и покидаетъ буржуазный либерализмъ при первомъ же натискѣ цезаристской реакціи.

Реальный историческій антогонизмъ между соціальными силами

слагающагося буржуазнаго общества и наличной государственной формой наши «идеалисты» пытаются свести къ его идеологическимъ проявленіямъ, къ голому антагонизму между «свободой для всѣхъ и каждаго» и ея отрицаніемъ въ современномъ режимѣ. Словомъ, аркадская идиллія, такъ жестоко разрушенная и въ европейской буржуазіи, и въ европейскомъ пролетаріатѣ суровымъ опытомъ великихъ и малыхъ революцій. Но то, что 100 слишкомъ лѣтъ назадъ было плодомъ естественной невинности не вкусившей отъ древа познанія буржуазіи, теперь должно явиться результатомъ искусственнаго политическаго самовнушенія, «моментально» забывающаго вчера еще исповѣдывавшійся трезвый «реализмъ» бернштейніанства и уносящаго нашихъ «идеалистовъ» въ снятую ими на-прокатъ высь «вѣчныхъ истинъ». Философскому идеализму, говоритъ г. Независимый (стр. 12), «должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только онъ одинъ даетъ необходимое для молодыхъ умовъ (!!) отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его религіозной вѣрой» (курсивъ нашъ). «Сдѣлать» религіозную вѣру—въ этомъ весь смыслъ, вся сущность, вся неприкрашенная правда «идеалистическаго» ученія. Отъ революціоннаго идеализма 18-го вѣка, этотъ фабричнымъ методомъ изготовляемый «идеализмъ», этотъ «паровой цыпленокъ», высиживаемый въ кабинетѣ и лишенный всякой «души», такъ же далекъ, какъ далека здоровая, жизнерадостная чувственность древнихъ эллиновъ отъ нуждающейся во всесторонних возбудителяхъ похотливости современнаго Übermensch'а. И этотъ паровой цыпленокъ новѣйшаго «идеализма» долженъ намъ, современнымъ русскимъ людямъ, дать тотъ энтузіазмъ, безъ котораго немыслима, дѣйствительно немыслима революція, низвергающая кумиры и сносящая на своемъ пути всѣ бастиліи! «Идеализмъ», неспособный ни на минуту отвлечь своихъ собственныхъ апостоловъ отъ тревожной мысли: какъ бы не оттолкнуть своимъ радикализмомъ Стаховичей и Шиповыхъ—этотъ «идеализмъ», основной посылкой котораго является идейная реакція противъ единственнаго идеалистическаго движенія нашей эпохи—противъ соціализма—не способенъ заразить своимъ дѣланнымъ «энтузіазмомъ» ни одного общественнаго класса.

Есть ли какія нибудь серьезныя основанія бояться того, что «матеріалистическое отношеніе къ собственному дѣлу» подорветъ «революціонный энтузіазмъ» народныхъ массъ и тѣмъ ослабитъ энергію ихъ борьбы за «буржуазную» свободу?

Если «идеалистическій» скептицизмъ современнаго либерала къ «этической» относительности всѣхъ реальныхъ формъ общежитія, всѣхъ

правовыхъ и соціальныхъ нормъ, не убиваетъ энтузіазма въ борьбѣ за уничтоженіе переживших себя учрежденій и отношеній, то почему бы матеріалистическому скептицизму соціалиста въ исторической относительности идеаловъ буржуазной свободы подрывать энергію въ той же борьбѣ? Если безсознательный, политически-пассивный пролетаріатъ беззавѣтно проливалъ кровь за «отвлеченно-обоснованную» свободу, то почему пролетаріатъ сознательный не сможетъ отдать свою кровь за весьма «относительное» и весьма конкретное демократическое народовластіе, которое вручитъ ему всѣ средства къ борьбѣ за освобожденіе отъ капитализма?

Онъ сможетъ, и онъ сдѣлаетъ это тѣмъ рѣшительнѣе и съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ яснѣе будетъ представлять себѣ громадность дѣла своего освобожденія и чѣмъ болѣе реалистически будетъ цѣнить значеніе всѣхъ завоеваній, которыя могутъ облегчить это дѣло. И революціонный энтузіазмъ, о которомъ такъ хлопочутъ демократы, будетъ присутствовать въ этой борьбѣ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ обильнѣе будетъ она поддерживаться неизсякаемымъ питомникомъ революціонной энергіи въ современномъ обществѣ—классовой борьбой пролетаріата. Въ отличіе отъ тѣхъ искусственныхъ питомниковъ, въ которыхъ фабрикуются паровыя цыплята современнаго буржуазнаго «идеализма», этотъ источникъ не имѣетъ конца—пока соціальныя противорѣчія продолжаютъ накоплять революціонную энергію въ томъ классѣ, реальные интересы котораго совпадаютъ съ интересами общественнаго развитія. Пытаться временно задержать притокъ въ народныя массы этой энергіи—оторвавъ ихъ политическое движеніе отъ его классовой основы—значитъ, самымъ вѣрнымъ образомъ вредить дѣлу революціи, дѣлу свободы.

Л. Мартовъ.

На очереди.

Nov.
(5 [redacted] 1904 г., № 77).

Слѣдя за открывшейся «новой эрой» въ области политическихъ отношеній между правительствомъ и буржуазнымъ обществомъ, разъясняя пролетаріату значеніе этой новой эры и призывая его сознательный авангардъ къ активному вмѣшательству въ начинающуюся политическую драму,—соціалдемократы, не должны закрывать глаза на тѣ измѣненія, которыя могутъ быть внесены «эрой довѣрія» непосредственно въ условія ихъ дѣятельности въ самомъ рабочемъ классѣ. Я говорю здѣсь не только о томъ общемъ, невольномъ ослабленіи дѣйствія всемогущаго полицейскаго аппарата, которое кое гдѣ сказывается уже теперь и которое будетъ проявляться все болѣе по мѣрѣ того, какъ самодержавное правительство будетъ запутываться въ непривычной ему политикѣ «довѣрія». Конечно, будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы замшевыя перчатки, одѣваемыя на полицейскій кулакъ при его соприкосновеніи съ земцами или даже со студентами, во время снимались каждый разъ, когда придется его направить противъ пролетаріевъ. Недавнія полицейскія звѣрства въ Бѣлостокѣ, Варшавѣ и Ченстоховѣ служатъ тому порукой. Но несомнѣнно также и то, что общая дезорганизація полицейскаго аппарата не позволяетъ проводить сколько нибудь систематической тактики, строго отличающей тѣхъ, кого нужно «пощадить», отъ тѣхъ, кого можно и должно «подтянуть».

Но я имѣю въ виду нѣчто, гораздо болѣе важное, чѣмъ простое ослабленіе политической репрессіи и бдительности. «Эра довѣрія» означаетъ собою перемѣну въ политическихъ отношеніяхъ между деспотизмомъ и буржуазнымъ обществомъ. Но пролетаріатъ не отдѣленъ глухой стѣною отъ этого общества. Если «новая эра» идетъ мимо него, то лишь постольку, поскольку онъ самъ отдѣлился уже или находится въ процессѣ отдѣленія отъ буржуазной «націи». Тамъ же, гдѣ онъ идетъ за или вмѣстѣ съ «обществомъ» и поскольку онъ идетъ съ нимъ вмѣстѣ, дешевая благодать «новаго курса» не примнетъ разлиться и на него. Затѣянный «Русью» «фондъ народнаго просвѣщенія», послужилъ уже цѣли пріобщенія довольно широкаго слоя рабочихъ къ ограниченнымъ интересамъ либеральнаго культурничества, воспрянувшему, благодаря этому курсу. Оживленіе дѣятельности по устройству

воскресныхъ и народныхъ читаленъ не преминетъ, въ свою очередь, отразиться привлеченіемъ многихъ и многихъ рабочихъ къ тѣмъ «маленькимъ дѣламъ» буржуазнаго либерализма и демократіи, которыя, въ атмосферѣ новой лорисъ-меликовщины, становятся центриками политической мобилизаціи оппозиціонныхъ силъ и факторами сплоченія около нихъ нужнаго имъ «народа». Вполнѣ возможно, что на этой почвѣ «сотрудничества» пролетаріевъ и передовыхъ элементовъ буржуазіи первые проявятъ потребность въ большей самодѣятельности, чѣмъ та, которая доставалась имъ въ удѣлъ въ сѣрыя будни полной политической реакціи. Характерно въ этомъ смыслѣ заявленіе 139 рабочихъ инструментальной мастерской путиловскаго завода, что они даютъ свой вкладъ въ «фондъ народнаго просвѣщенія» съ тѣмъ, чтобы этотъ фондъ не только находился «не въ рукахъ чиновничества», но и съ тѣмъ, чтобы въ его организаціи участвовали представители отъ рабочихъ [1]). Не менѣе характерно и то, что на столбцахъ «Руси» уже высказываются желанія, чтобы въ первую голову средства фонда затратить на основаніе газеты для городскихъ рабочихъ!

Оживятся, надо думать, и всевозможныя легальныя рабочія общества изъ числа тѣхъ, которыя, равнымъ образомъ, являются ареной общественнаго сотрудничества пролетаріевъ и демократическихъ элементовъ «общества». Намъ пишутъ, что въ рабочей средѣ оживаетъ идея «только профессіональнаго» движенія. Въ атмосферѣ «новой эры» эта идея можетъ, пожалуй, и не заглохнуть такъ, какъ она глохла въ условіяхъ полнаго безправія самыхъ умѣренныхъ профессіоналистическихъ начинаній.

Словомъ, если «новая эра» не намѣрена и не можетъ пойти на встрѣчу революціонной классовой борьбѣ пролетаріата, то, идя на встрѣчу хотя бы частнымъ общественнымъ потребностямъ буржуазіи, она, по пути, открываетъ нѣкоторыя перспективы недостаточно сознательнымъ, но уже втянутымъ въ кругъ гражданскихъ интересовъ, слоямъ рабочихъ. Какъ борецъ за свое освобожденіе, пролетарій не затрагивается политической комедіей, арранжированной кн. Святополкомъ. Какъ пассивный участникъ оппозиціоннаго или просто культурно-либеральнаго движенія, онъ можетъ быть приглашенъ къ участію въ ней.

Это обстоятельство обязываетъ соціалдемократію къ соотвѣтственной умѣлой работѣ. Не въ ея интересахъ, конечно, чтобы въ этой стадіи разложенія нынѣшняго порядка тѣ или другіе слои тру-

[1]) См. „Русь“ отъ 28 октября.

дящейся массы были закрѣплены политически за чуждыми имъ, по существу, общественными силами. Но, разумѣется, помѣшать этому мы можемъ не суровыми окриками и не игнорированіемъ тѣхъ вполнѣ реальныхъ и, въ основѣ своей, прогрессивныхъ и запросовъ, удовлетворенія которыхъ рабочая масса ищетъ тамъ, гдѣ ей открывается какая либо къ тому возможность.

Въ моментъ, когда для политическихъ проявленій различныхъ классовъ или отдѣльныхъ группъ внутри нихъ понемногу открывается широкое поле гласной, легализованной или только терпимой, дѣятельности, было бы наивностью самовлюбленныхъ заговорщиковъ пытаться убѣдить широкія массы населенія, находящіяся въ той или другой мѣрѣ подъ нашимъ вліяніемъ, не заполнять тѣхъ мѣстъ, которыя освобождаются для нихъ ослабленіемъ полицейской опеки. Но столь же непростительно было бы закрывать глаза на эти, въ сторонѣ отъ русла нашей «доселешней», работы, совершающіеся, частные процессы политическаго развитія того класса, руководить которымъ мы стремимся. Было бы ошибкой предоставить рабочимъ массамъ искать и находить себѣ новыхъ политическихъ руководителей въ сферѣ, скажемъ, культурно-образовательной и профессіонально-экономической дѣятельности, въ сторону которой должна стихійно направиться ближайшимъ образомъ мысль широкихъ слоевъ пролетаріата въ данный моментъ [1]). Было бы политической узостью не попытаться оказать свое воздѣйствіе на ходъ и исходъ этого введенія пролетаріата въ среду оппозиціонной общественно-политической дѣятельности либерально-демократической буржуазіи.

Нелишне будетъ указать, что такая тактика «невмѣшательства», со всѣми ея роковыми послѣдствіями (быть можетъ, вплоть до образованія новой рабочей партіи, которая сформировалось бы, внѣ насъ, въ ходѣ пріобрѣтеннаго пролетаріатомъ опыта сотрудничества и—по мѣрѣ разочарованія—размежевки съ буржуазіей), что такая тактика была бы неизбѣжна и неминуема для насъ, если бы въ нашей партіи восторжествовали тѣ, во-истину, заговорщическія тенденціи, для которыхъ почва была подготовлена всѣмъ такъ называемымъ «ленинизмомъ» и которыя a priori исключаютъ для партіи какое бы то ни было соединеніе «подпольной» конспиративной ра-

---

[1]) Отмѣчу, что такое направленіе извѣстнаго „стихійнаго потока" въ рабочихъ массахъ не будетъ, въ сущности, означать ихъ отказа отъ „политики", ибо именно такое направленіе входитъ, какъ часть въ цѣлое, въ „политику"... Только не въ самостоятельную политику пролетаріата, а въ политику буржуазіи, ведущей за собой пролетаріатъ.

боты съ сложнымъ дѣломъ руководства сколько нибудь открытой общественной дѣятельностью широкихъ массъ. Въ тѣхъ кругахъ, гдѣ указанныя заговорщицкія тенденціи получили достаточное развитіе, съ большимъ неодобреніемъ относятся къ принятымъ II съѣздомъ партіи резолюціямъ о профессіональной борьбѣ и о фабричныхъ старостахъ. И, дѣйствительно, эти резолюціи ставятъ партіи тактическія задачи, которыя идутъ въ разрѣзъ съ самымъ существомъ заговорщической организаціи. Это не мѣшаетъ имъ вѣрно намѣчать путь, по которому должна идти политическая партія пролетаріата каждый разъ, какъ обрекающій ея на «подпольное» существованіе режимъ открываетъ руководимому ею классу тѣ или иные каналы для отстаиванія хотя бы небольшой доли его интересовъ. Обѣ эти резолюціи, вѣроятно, очень и очень пригодятся намъ именно при дальнѣйшемъ развитіи святополковой эры «довѣрія».

Во время переходнаго періода отъ полной политической реакціи къ дѣйствительной политической свободѣ, которая легализируетъ всю классовую борьбу пролетаріата, соціалдемократія должна ставить себѣ цѣлью, не ослабляя той своей «подпольной» организаціи, которая ей необходима для веденія революціонной, въ узко-техническомъ смыслѣ слова (т. е. нелегальной и анти-легальной), борьбы, въ то же время распространить, прямо или косвенно, свое вліяніе на всѣ тѣ сферы общественной дѣятельности, въ которыхъ будутъ постепенно находить себѣ примѣненіе культурно-политическія стремленія широкихъ массъ пролетаріата. Если, подъ эгидой «довѣрія», рабочія массы втянутся въ широкое движеніе въ сторону самообразованія, мы должны будемъ въ этой сферѣ отыскать такія позиціи, которыя мы смогли бы занять для того, чтобы направить и это движеніе отъ буржуазнаго культурническаго либерализма къ пролетарской освободительной борьбѣ [1]). Если оживится профессіональное движеніе среди рабочихъ, мы должны овладѣть имъ и, равнымъ образомъ, сдѣлать его одной изъ опоръ самостоятельной классовой пролетарской политики.

Я не могу указывать здѣсь конкретно всѣ тѣ поводы, которыми мы могли бы воспользоваться уже теперь, чтобы упредить другія общественныя силы и взять на себя иниціативу оформленія намѣчающихся частныхъ движеній въ рабочемъ классѣ. Но одинъ примѣръ мнѣ бы хотѣлось привести. Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о предполагаемомъ созывѣ II-го всероссійскаго ремесленнаго съѣзда.

---

[1]) Нынѣшняя германская соціалдемократія (ея марксистская фракція) формально составилась изъ союза рабочихъ обществъ самообразованія.

Весьма вѣроятно, что это начинаніе удастся. Отчего бы нашей партіи не воспользоваться этимъ, чтобы вызвать въ «сословіи» ремесленныхъ подмастерьевъ, почти повсемѣстно затронутомъ нашей пропагандой, движеніе съ требованіемъ созыва, въ связи съ съѣздомъ хозяевъ, всероссійскаго съѣзда подмастерьевъ, а, можетъ быть, и, вообще, квалифицированныхъ рабочихъ? Нѣсколько десятковъ легальныхъ (не «зубатовскихъ», конечно) рабочихъ обществъ (взаимопомощи и т. п.) представляютъ вполнѣ пригодную легальную «зацѣпку» для такого предпріятія. Если бы эта идея осуществилась, отъ насъ самихъ зависѣло бы превратить такой «рабочій конгрессъ» въ крупный фактъ освободительной борьбы пролетаріата.

Предпріятіе, подобное указанному, ставитъ передъ нами вопросъ: не слѣдуетъ ли попытаться использовать для себя открывшуюся для буржуазной печати сравнительную (на русскій масштабъ) свободу? Я говорю, разумѣется, не о возможности для соціалдемократовъ пользоваться той или другой легальной демократической «трибуной» для пропаганды марксизма. Пока наша партійная печать нелегальна, это участіе соціалдемократовъ въ легальной литературѣ не представляетъ большого интереса для партіи. Но зато мы имѣемъ всѣ основанія смотрѣть на пользующіеся нѣкоторой свободой демократическіе органы легальной прессы, какъ на возможную арену для демонстраціи политическихъ стремленій рабочаго класса. Мы могли бы попытаться публиковать въ такихъ органахъ тѣ или другія заявленія, протесты, резолюціи нашихъ организованныхъ рабочихъ. Обращенія рабочихъ съ такими заявленіями въ легальные органы печати сослужили бы—независимо отъ ихъ успѣха—немалую службу въ дѣлѣ практическаго ознакомленія «рядовыхъ» рабочихъ съ тѣми политическими силами, съ которыми имъ впослѣдствіи придется столкнуться на аренѣ болѣе широкой политической борьбы.

Я считалъ необходимымъ намѣтить нѣкоторыя «возможности», открывающіяся намъ, благодаря знаменательнымъ политическимъ событіямъ, развертывающимся въ Россіи. Эти немногія, указанныя мной, возможности открываютъ перспективы разнообразной, интересной и новой по формамъ работы.

Л. Мартовъ.

Объ аграрной программѣ соціалистовъ-революціонеровъ.

(5 ноября 1904 г., № 77).

I.

Наступившій кризисъ русскаго самодержавно-бюрократическаго строя настоятельно заставляетъ въ настоящее время учесть всѣ общественныя силы, которыя примутъ участіе не только въ освободительной борьбѣ, но и въ конструированіи новаго политическаго строя.

Трудно, конечно, предрѣшать и напередъ точно учесть ту роль, которую сыграютъ различные классы въ этой борьбѣ во время и послѣ побѣды надъ абсолютизмомъ. Тѣмъ не менѣе, задача каждой политической партіи заключается не только въ томъ, чтобы, по возможности, опредѣлить роль всѣхъ общественныхъ силъ, но и выяснить, какія задачи осуществимы въ ближайшемъ будущемъ и какія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Безъ такого учета всякая программа партіи будетъ представлять изъ себя или безсодержательный наборъ громкихъ фразъ, или, въ лучшемъ случаѣ, рядъ благихъ пожеланій, которыя могутъ никогда не осуществиться или привести совершенно не къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ. Каждая политическая партія вырабатываетъ свою программу, и та программа для данной политической группы является наиболѣе удачной, лучше выработанной, которая ставитъ лучшій политическій прогнозъ, которая яснѣе и точнѣе опредѣляетъ политическую роль каждаго общественнаго класса.

Изъ проэкта программы соціалистовъ-революціонеровъ видно, что они, къ сожалѣнію, не знаютъ, ни того, что они могутъ, ни того, чего они хотятъ. Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, что такое заключеніе единственно правильное, если вѣрить искренности авторовъ проэкта программы,—а у насъ нѣтъ основаній въ нее не вѣрить.

Въ этой статьѣ мы не будемъ анализировать мотивировки программы, обнаруживающей своеобразное пониманіе дѣйствительности «соціал-революціонерами»: нужно было бы оспаривать почти каждое слово мотивировки, критикуя все міровоззрѣніе, выразившееся въ ней [1]).

---

1) Какой, напримѣръ, родной стариной вѣетъ отъ положенія, что русская промышленность, огороженная частоколомъ таможни отъ конкурренціи, „с т р а д а е т ъ о т ъ н е д о с т а т к а в н ѣ ш н и х ъ р ы н к о в ъ“.

II.

Въ основѣ программы лежитъ такъ называемое «народническое» міровоззрѣніе, реставрированное по западно-европейскому образцу. Эта смѣсь «французскаго съ нижегородскимъ» отразилась неблагопріятно, какъ на общей мотивировкѣ программы, такъ и на программныхъ задачахъ, поставленныхъ «соц.-революціонерами».

Желая угодить всѣмъ рѣзко оппозиціоннымъ элементамъ современнаго общества—разночинной интеллигенціи, рабочимъ и крестьянамъ,— «соц.-революціонеры» ухитрились создать такую программу, отдѣльные пункты которой, дѣйствительно, выражаютъ интересы этихъ, столь разнородныхъ, общественныхъ группъ. Бѣда лишь въ томъ, что желаніе угодить всѣмъ привело неизбѣжно къ противорѣчію однихъ требованій другимъ.

Поскольку программа касается общедемократическихъ требованій, въ ней нѣтъ противорѣчій, потому что въ осуществленіи ихъ одинаково заинтересованы всѣ три группы, интересы которыхъ хочетъ представить партія «соц.-революціонеровъ». Переходя же къ хозяйственнымъ отношеніямъ, «соц.-рев.» неизбѣжно попадаютъ въ противорѣчіе со своими же пожеланіями и требованіями.

1) «Въ вопросахъ рабочаго законодательства партія «соц.-революціонеровъ» ставитъ своею цѣлью... установленіе законодательнаго максимума рабочаго времени, сообразно нормамъ, указываемымъ научной гигіеной;—установленіе минимальныхъ заработныхъ платъ»... и т. д.

Все это хорошо и нельзя не одобрить, но... что будетъ съ «народнымъ производствомъ»? Вѣдь если эту мѣру провести въ жизнь и распространить на такъ называемыхъ кустарей, которые конкурируютъ съ крупнымъ производствомъ, благодаря низкой оплатѣ труда и удлиненному рабочему дню, то большая часть ихъ погибнетъ въ безнадежной конкурренціи! Огромное количество кустарей имѣетъ по одному, по 2—5 рабочихъ, многіе кустари работаютъ дома на хозяина сдѣльно. Устраненіе этихъ кустарей дастъ огромный толчокъ капитализаціи промышленности. Соціалдемократы не боятся сокращенія мелкаго производства, такъ какъ они находятъ развитіе крупнаго капиталистическаго производства шагомъ впередъ въ хозяйственномъ развитіи общества; они не боятся, если защитой рабочихъ толкнутъ это развитіе впередъ. Но для «соц.-рев.», «переустройство» современнаго общества начинать съ требованій, дающихъ толчокъ развитію крупной

промышленности на счетъ мелкой, какъ будто не пристало. Итакъ «соц.-рев.», чтобы угодить рабочимъ, готовы дать толчокъ развитію крупнаго производства на счетъ мелкаго! Во всякомъ случаѣ, это великодушно—жертвовать своими кровными убѣжденіями, ради блага рабочихъ... Чтобы угодить крестьянамъ, «въ вопросахъ аграрной политики и поземельныхъ отношеній, партія «соц.-рев.» ставитъ себѣ цѣлью использовать (какъ?), въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, какъ общинныя, такъ и вообще (?) трудовыя (?) воззрѣнія (?), традиціи (!!) и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности взглядъ на землю, какъ на общее достояніе всѣхъ трудящихся. Въ этихъ видахъ партія будетъ стоять за соціализацію (?) всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т. е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго землепользованія».

Допустимъ, что «соц.-рев.» цѣликомъ «используютъ вообще трудовыя воззрѣнія традиціи и формы жизни крестьянъ», и раздѣлятъ землю поровну. Очевидно, для крестьянъ тогда наступитъ райская жизнь, и на фабрику никого изъ деревенскаго населенія и коврижкой не заманишь. Какіе же получатся результаты соціализаціи земли? Обратимся къ фактамъ.

На сто душъ крестьянскаго населенія приходятся посѣвной площади десятинъ [1]):

I	въ югозападномъ районѣ	51,2
II	въ средне-черноземномъ	63,5
III	въ промышл.-черноземн.	52
IV	въ южномъ районѣ	121

Изъ общей площади земли приходится % владѣній:

въ I	районѣ	46,9%	крест. и	53,1%	частн.,	каз.	и	удѣльн.
во II	»	58,9%	» »	41,1%	»	»	»	»
въ III	»	52,3%	» »	47,7%	»	»	»	»
въ VI	»	48,4%	» »	51,6%	»	»	»	»

Итакъ, если земледѣльческое населеніе не увеличится и если всѣ земли будутъ въ рукахъ крестьянъ, то количество земли у нихъ почти удвоится, и крестьяне будутъ имѣть посѣва почти вдвое болѣе, въ первыхъ трехъ районахъ по одной десятинѣ на душу, а въ южномъ

1) См. П. Масловъ „Условія развитія сельскаго хозяйства" стр. 220.

по $2^1/_2$ десятины. Но мы взяли огромные районы съ десятками губерній. Если же разбить эти районы на болѣе мелкія территоріальныя единицы, то мы найдемъ, что въ однихъ районахъ количество земли у крестьянъ почти не увеличится (тамъ, гдѣ нѣтъ помѣщичьихъ земель), а въ нѣкоторыхъ районахъ оно учетверится, упятерится. Особенно много земли, по отношенію къ земледѣльческому населенію, будетъ въ южномъ районѣ, гдѣ и теперь крестьяне и казаки нанимаютъ огромное количество крестьянъ центральнаго черноземнаго района. Теперь крестьяне и помѣщики многоземельныхъ районовъ нанимаютъ крестьянъ малоземельныхъ районовъ. Если отъ «соц.-рев.» не послѣдуетъ запрещеніе крестьянамъ нанимать рабочихъ, а другимъ наниматься, то увеличеніе крестьянской земли въ многоземельныхъ районахъ еще болѣе увеличитъ потребность крестьянъ въ наемномъ трудѣ. Правда, при увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія, нужно думать, потребности крестьянъ увеличатся и заработная плата возраститъ, но высокая заработная плата лишь благопріятствуетъ введенію сельскохозяйственныхъ машинъ у богатыхъ предпринимателей и легче сдвинетъ на заработки крестьянъ изъ плотно населенныхъ районовъ. Извѣстно, что въ рѣже населенныхъ районахъ и въ настоящее время процвѣтаютъ капиталистическія казачьи и крестьянскія хозяйства при уравнительномъ юридическомъ землепользованіи и при наймѣ своихъ многоземельныхъ, но бѣдныхъ сосѣдей. Если сравнить развитіе капиталистическаго крестьянскаго хозяйства въ многоземельныхъ и малоземельныхъ районахъ, то мы найдемъ, что при многоземельи капиталистическое хозяйство развивается сильнѣе и быстрѣе. Напримѣръ, въ южномъ районѣ, гдѣ какъ мы видѣли, земли у крестьянъ въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ въ центральномъ, изъ крестьянъ выдѣлилась многочисленная группа богатѣевъ. Въ центральномъ районѣ эта группа слабѣе и тамъ, безъ содѣйствій «соц.-рев.», произошло уравненіе... бѣдностью. Въ южномъ районѣ группа однолошадныхъ и двухлошадныхъ имѣетъ 77,8% всѣхъ лошадей (по переписи 1893 г.), а группа богатыхъ хозяйствъ въ шесть и болѣе лошадей имѣетъ только 1,4%. Въ южномъ районѣ первая группа имѣетъ 58% всѣхъ лошадей, а вторая группа, богатѣевъ, около 10% и все болѣе богатѣетъ на счетъ первой [1]).

Почему же это происходитъ? Да потому, что при земельномъ просторѣ богатому есть гдѣ развернуться, завести большое хозяйство, а бѣдному, сколь бы земли у него ни было, нечѣмъ ее распахать и засѣять. Современный капиталистическій строй тѣмъ и отличается, что

[1]) См. тамъ же стр. 319—320.

при наличности капитала онъ растетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ капиталъ больше, а безъ капитала приходится продавать свой трудъ, хотя и есть большой земельный надѣлъ. Уравнительное землепользованіе ничуть не мѣшаетъ однимъ засѣвать много, а другимъ оставаться безъ хлѣба и наниматься къ богатому сосѣду. Итакъ, «переходъ земли въ общественное владѣніе» послужитъ толчкомъ для развитія капиталистическихъ крестьянскихъ хозяйствъ, потому что дастъ возможность богатымъ крестьянамъ расширить запашку, что мы и видимъ на югѣ и на востокѣ Россіи. А такое развитіе крестьянскаго хозяйства обостритъ классовую борьбу между богатыми и пролетаризированными крестьянами въ деревнѣ. Такъ программа хочетъ «использовать трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства». Для соціалдемократа обостреніе классовой борьбы въ деревнѣ не страшно, потому что черезъ эту борьбу пролетаріатъ и можетъ добиться соціалистическаго строя; «соц.-рев.» же, желая остановить развитіе капитализма въ крестьянствѣ, получили бы противоположные результаты, если бы осуществили свою программу. Мы въ настоящее время можемъ наблюдать результаты крестьянскаго многоземелья. Эти результаты чрезвычайно благопріятны для всѣхъ крестьянъ: богатѣи расширяютъ запашки и ведутъ крупное хозяйство, а бѣднота получаетъ заработную плату вдвое выше, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ и не находится въ такой кабалѣ у помѣщиковъ. «Соціалисты-революціонеры», не вскрывая тѣхъ классовыхъ противорѣчій, которыя явятся въ деревнѣ послѣ экспропріаціи крупнаго землевладѣнія, безсознательно обманываютъ и себя и деревенскую бѣдноту, для которой необходимо начать классовую борьбу.

Нечего и говорить, что «соціализація всѣхъ частновладѣльческихъ земель» даже при всеобщей народной революціи—безнадежная утопія, такъ какъ экспропріація мелкаго землевладѣнія такое же безнадежное дѣло, какъ и экспропріація вообще мелкой собственности. Нужно при этомъ замѣтить, что раздѣлъ земли между мелкими территоріальными единицами легче создастъ мелкихъ землевладѣльцевъ, чѣмъ тогда, когда земля принадлежитъ крупной территоріальной единицѣ, напр. цѣлой губерніи или уѣзду. Поясню это примѣромъ. Около деревни А—крупное помѣщичье владѣніе, которое крестьяне «уравнительно» раздѣлили и получили по 20 дес., которыя и будутъ распахиваться богатѣями. Около деревни В другой волости нѣтъ помѣщичьей земли, и крестьяне деревни В будутъ арендовать у крестьянъ деревни А землю [1]). Вмѣсто

[1]) Такое явленіе наблюдается и теперь тамъ, гдѣ рядомъ съ малоземельными козаками, крестьянами, живутъ малоземельные.

одного помѣщика, въ деревнѣ А окажется нѣсколько помѣщиковъ— крестьянъ, которые не откажутся получать и кабальную аренду. Можетъ быть, «соц.-рев.» убѣдятъ крестьянъ отдавать даромъ излишнюю землю, находящуюся «въ уравнительномъ пользованіи», или, можетъ быть, при «соціализаціи» земли ренты не будетъ, или «вообще трудовыя традиціи крестьянства» этого не позволятъ?

При настоящемъ положеніи крестьянства въ Россіи возможна такая же революція, какъ и въ 18-мъ столѣтіи во Франціи. Если бы крестьянское движеніе было такъ же сильно, то экспропріація крупнаго землевладѣнія и передача его въ руки мѣстнаго самоуправленія крупныхъ территоріальныхъ единицъ обострила бы классовую борьбу не только въ будущемъ парламентѣ, но и въ мѣстномъ самоуправленіи, очистивши эту борьбу сразу отъ элементовъ сословныхъ. Но, вѣдь, это задача соціалдемократовъ, которые стремятся обострить классовую борьбу, а не «соц.-рев.», которые надѣются «уравнительнымъ землепользованіемъ» сгладить ее. Поэтому, между программой, предлагаемой Иксомъ, въ которой проектируется экспропріація крупнаго землевладѣнія, и программой соц.-демократовъ, принятой въ настоящее время, по существу нѣтъ никакой разницы, потому что та и другая программа имѣютъ въ виду вскрыть и обострить классовыя противорѣчія. Другой вопросъ, при какихъ условіяхъ лучше вскроются эти противорѣчія: во всякомъ случаѣ, ни одинъ соц.-дем. не будетъ стоять за современное помѣщичье землевладѣніе. Разница между программой соц.-дем. и «соц.-рев.» заключается въ томъ, что первые даютъ правильный прогнозъ результатовъ революціи, не скрываютъ предстоящей классовой борьбы и хотятъ ее обострить. «Соц.-революціонеры», напротивъ, стремятся притупить классовую борьбу обманчивымъ «уравнительнымъ землепользованіемъ», и скрываютъ отъ себя и отъ другихъ тѣ результаты, которые будутъ при осуществленіи поставленныхъ ими задачъ. Это дѣлаютъ всегда демократы, которые за фразами о свободѣ, равенствѣ и братствѣ хотятъ скрыть вовсе не братскую классовую борьбу; съ этимъ соц.-дем. всегда будутъ бороться, вскрывая не только классовыя противорѣчія демократовъ, но и противорѣчія съ соціалистической окраской...

III.

Цитированное выше требованіе въ вопросахъ аграрной политики «соц.-рев.» именуютъ «основнымъ требованіемъ программы-минимумъ». Но «соц.-рев.» совершенно основательно находятъ, что сверженіе аб-

солютизма и замѣна его конституціонной или иной формой не можетъ произойти безъ широкаго крестьянскаго движенія, при которомъ только и возможна экспропріація, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупнаго землевладѣнія. Въ такомъ случаѣ «соц.-рев.» выступаютъ: 1) «за расширеніе правъ общинъ и территоріальныхъ ихъ союзовъ по экспропріаціи частновладѣльческихъ земель; 2) конфискація земель монастырскихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и т. п. и обращеніе ихъ, равно какъ и государственныхъ имуществъ, на то же дѣло обезпеченія общинъ достаточнымъ количествомъ земли, а также на нужды разселенія и переселенія; 3) ограниченіе платы за пользованіе землею размѣрами чистаго дохода хозяйства; 4) вознагражденіе за произведенныя улучшенія въ землѣ при переходѣ пользованія ею отъ одного лица къ другому; 5) обращеніе ренты путемъ спеціальнаго налога въ доходную статьк общинъ и органовъ самоуправленія».

Если мы разберемся въ этихъ требованіяхъ, то увидимъ, что, выставляя ихъ, «соц.-рев.» также не знаютъ, чего они хотятъ. Первый пунктъ нельзя разобрать потому, что, повидимому, самимъ авторамъ проекта неясно, какое «расширеніе правъ на экспропріацію частной собственности» возможно въ рамкахъ правового буржуазнаго строя, и они помѣстили громкую фразу, не опредѣливши ея содержанія.

Второй пунктъ ведетъ, только въ меньшей степени, чѣмъ экспропріація всего крупнаго землевладѣнія, къ тѣмъ же результатамъ, о которыхъ мы говорили выше, потому что увеличеніе крестьянскаго землепользованія возможно только въ нѣкоторыхъ районахъ, тамъ, гдѣ есть монастырскія и удѣльныя земли.

Третій пунктъ имѣетъ важное значеніе. Но къ какимъ же результатамъ ведетъ осуществленіе требованія, выставленнаго въ немъ?

Въ настоящее время арендная плата бываетъ двухъ родовъ: или арендуютъ богатые крестьяне, по болѣе дешевой цѣнѣ, чтобы получить съ арендуемой земли прибыль, или арендуютъ по болѣе высокой цѣнѣ бѣдняки, чтобы получить какой-нибудь заработокъ, уплачивая землевладѣльцу въ арендной платѣ и ренту за землю, и прибыль, которую получилъ бы богатый арендаторъ. Послѣдній типъ кабальной аренды существуетъ потому, что бѣднякъ не можетъ конкурировать съ капиталистомъ, но вынужденъ арендовать и переплачивать за землю, хотя не выручаетъ за это и заработной платы. Если землевладѣльцу запретить сдачу земли по такимъ повышеннымъ цѣнамъ, запретить «кабальную аренду», то бѣднякъ освободится не только отъ кабалы, но и отъ земли, которую арендовалъ, потому что по пониженной арендной платѣ сниметъ землю капиталистъ, уплативши впередъ и арендную плату; т. е. третьимъ

пунктомъ своихъ требованій «соц.-рев.» дадутъ толчокъ къ устраненію кабальныхъ отношеній и къ развитію капиталистическаго хозяйства въ земледѣліи. Если теперь помѣщикъ находитъ выгоднымъ эксплоатировать бѣдняковъ кабальной арендой, въ которой онъ получаетъ и прибыль, и ренту, то при уничтоженіи такой аренды онъ самъ или капиталистъ-арендаторъ заведетъ капиталистическое хозяйство, чтобы получать въ хозяйствѣ ту прибыль, которую у него вырвали. Если авторы проекта не знали о существованіи двухъ видовъ аренды, то остается только рекомендовать имъ ту экономическую литературу, въ которой выяснено, при какихъ условіяхъ и какая бываетъ аренда. Было бы слишкомъ скучно и неумѣстно на страницахъ «Искры» разъяснять «соц.-революціонерамъ» условія возникновенія и существованія того и другого типа аренды; замѣтимъ лишь, что кабальная (продовольственная) аренда и капиталистическая аренда исключаютъ другъ друга, и уничтоженіе первой благопріятно для развитія второй. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ «соц.-рев.» не знаютъ, чего хотятъ, потому что своими требованіями они облегчаютъ развитіе капиталистическихъ, классовыхъ противорѣчій въ деревнѣ.

Не напоминаютъ ли эти прожектеры заблудившагося въ лѣсу путника, который, стремясь домой, снова и снова возвращается въ лѣсную глушь?.. «Соц.-революціонеру» хочется объединить всѣхъ крестьянъ, остановить развитіе капитализма, онъ выставляетъ требованіе, а оно приводитъ къ противоположнымъ результатамъ! Шутница-жизнь жестоко смѣется надъ революціонной маниловщиной.

Четвертый пунктъ программы тоже интересенъ. При «уравнительномъ» пользованіи общинной землей легче всего сосредоточить землю въ рукахъ богатѣевъ, установивши вознагражденіе за произведенныя ими улучшенія. Стоитъ богатому крестьянину сдѣлать на своемъ надѣлѣ значительныя улучшенія и бѣдняку никогда не достанется его надѣлъ. Прощайте тогда передѣлы, умиляющіе такъ «соц.-революціонеровъ», прощай «уравнительное землепользованіе», прощайте «вообще трудовыя традиціи»! Ради культуры земли и экономическаго прогресса «соц.-рев.» пожертвовали и въ этомъ пунктѣ своимъ основнымъ принципомъ—равненіе крестьянъ подъ одно: это благоразумно, но непослѣдовательно и угрожаетъ толкнуть соц.-рев. въ соц.-демократическую ересь.

Наконецъ, пятый пунктъ аграрной программы, требуя экспропріаціи ренты путемъ обложенія, является наиболѣе энергическимъ средствомъ для уничтоженія мелкой аренды и для развитія раціональнаго капи-

талистическаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, если землевладѣльцу «соц.-рев.» запрещають (третьимъ пунктомъ) брать арендную плату больше капиталистической ренты, а эту ренту налогомъ отнимають, то доходъ отъ земли можно получить только ведя капиталистическое хозяйство, которое, кромѣ ренты, будетъ давать еще прибыль. Если бы «соц.-рев.», заимствуя этотъ пунктъ программы у Икса, подумали, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ осуществленіе этого, а также и другихъ выставленныхъ ими требованій, то, вѣроятно, отказались бы отъ нихъ. Желая быть послѣдовательными, они ограничились бы требованіемъ «уравнительнаго пользованія» крестьянами той землей, которая у нихъ есть, прибавивши требованіе «уравнять» и весь крестьянскій инвентарь, чтобы крестьянамъ не повадно было арендовать землю другъ у друга, вопреки найденнымъ соц.-революціонерами «вѣковымъ традиціямъ».

Къ сожалѣнію, стремленіе угодить всѣмъ, ставши на точку зрѣнія и пролетарія и собственника, толкаетъ «соц.-рев.» къ безпардонному эклектизму, при чемъ ставятся въ одну программу самыя противоположныя требованія.

Соединить въ одну программу различныя требованія—поливши ихъ соусомъ народническаго утопизма, не трудное дѣло, но, вѣдь, нужно знать, что къ чему. Вносить въ головы рабочихъ, крестьянъ и «революціонной интеллигенціи» путаницу въ программныхъ вопросахъ вредно для каждой изъ этихъ группъ, и плохую услугу революціи дѣлають «соціалисты-революціонеры», затуманивая ихъ классовое самосознаніе. Изъ анализа программныхъ требованій мы видимъ, что «соц.-рев.» не знають, чего они хотятъ, не знають, какія послѣдствія вытекають изъ ихъ требованій.

Въ началѣ своей статьи мы указывали на необходимость для каждой партіи знать, что она можетъ и что она хочетъ, на необходимость политическаго прогноза. Изъ программы «сол.-рев.» видно, что они не знають ни того, ни другого. Экспропріація всего, въ томъ числѣ и мелкаго землевладѣнія — безнадежная утопія. Уравнительное землепользованіе» — мелкобуржуазная утопія, неосуществимая даже при полицейскомъ гнетѣ и при всеобщей бѣдности, благопріятствующей «равненію». Другіе пункты, заимствованные, главнымъ образомъ, изъ соціалдемократическихъ программъ, ведутъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ и ожидають отъ нихъ соціал-демократы: къ развитію и обостренію классовой борьбы въ деревнѣ и въ городѣ.

Въ остальныхъ пунктахъ своей программы «соц.-рев.» выставляють общедемократическія требованія, разбирать и критиковать которыя

нѣтъ никакого интереса. Мы хотѣли показать лишь то основное противорѣчіе, въ которомъ неизбѣжно должны путаться «соц.-рев.» въ своемъ стремленіи примирить пролетаріатъ съ своей эклектической мелко-буржуазной точкой зрѣнія: желая умѣститься между двухъ и даже между трехъ стульевъ (интеллигенція, пролетаріатъ и все крестьянство) они сѣли... не туда, куда хотѣли.

Игрекъ.

Борьба за право.

(5 ноября 1904 г., № 77).

Въ то время, какъ земскіе либералы взываютъ къ умиротворенію и посылаютъ многозначительныя предостереженія крайнимъ партіямъ, политическая мысль народной массы проявляется въ грозныхъ актахъ, которые ясно показываютъ, что въ настоящее время всякая обыкновенная программа половинчатыхъ реформъ явится только препятствіемъ революціи.

Задавленный, угнетенный, ежечасно попираемый въ самыхъ элементарныхъ правахъ, народъ открыто возстаетъ противъ агентовъ самодержавной власти и вершитъ надъ ними скорый, но не милостивый судъ. Послѣдніе номера русскихъ газетъ полны извѣстіями о кровавыхъ расправахъ населенія съ представителями правительства.

Въ началѣ октября въ селѣ Троицкомъ, Одесскаго уѣзда, послѣ цѣлаго ряда анонимныхъ писемъ, убитъ урядникъ Родковскій. 1-го октября въ Одессѣ тремя выстрѣлами изъ револьвера застрѣленъ околодочный Янцеловскій въ тотъ моментъ, когда онъ намѣрѣвался арестовать рабочее собраніе. Въ Лодзи рабочіе разбили камнемъ голову жандарму Назаренко. Въ Батумѣ 13 октября раненъ выстрѣломъ приставъ Филимоновъ. Въ Бѣлостокѣ 6 октября, неизвѣстный молодой человѣкъ бросилъ въ канцелярію полицейскаго участка разрывной снарядъ, взрывомъ котораго ранено нѣсколько человѣкъ служащихъ. 9 сентября рабочій Поляковъ совершилъ покушеніе на одесскаго градоначальника Нейдгардта. 16 августа, въ саратовской тюрьмѣ про-

ломили кирпичемъ черепъ начальнику сыскной полиціи Баранову. 13 августа въ Андижанѣ вечеромъ, во время обхода, ранены помощникъ пристава, офицеръ стражи и городовой. Въ Озургетскомъ уѣздѣ убійства настолько участились, что обратили спеціальное вниманіе правительства. Въ Аджикентѣ 13 августа на людной улицѣ совершено было покушеніе на убійство мѣстнаго пристава. Въ Гродненскомъ округѣ убитъ помощникъ старшины. Во время процесса объ убійствѣ въ городѣ Пинскѣ шпіона Арнацкаго жандармскій ротмистръ Нартовъ жаловался, что рабочіе двухъ агентовъ убили и одного облили сѣрной кислотой. На судебномъ разбирательствѣ дѣла о гомельскомъ погромѣ полицейскіе чины также роптали на свою службу, указывая на то, что имъ каждую минуту грозятъ смерть или увѣчья.

Таковы факты, запестрѣвшіе на газетныхъ столбцахъ при первыхъ признакахъ нѣкоторой свободы печати. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что число ихъ быстро увеличится. Кромѣ убійствъ и покушеній на убійства, къ явленіямъ этого порядка необходимо причислить многочисленныя оскорбленія должностныхъ лицъ, дѣлами о которыхъ завалены наши судебныя учрежденія. Съ другой стороны, газеты сообщаютъ о многочисленныхъ процессахъ по обвиненію должностныхъ лицъ въ оскорбленіяхъ, побояхъ и даже убійствахъ обывателей. Въ общемъ и цѣломъ, получается картина очевидной гражданской войны между властью и населеніемъ. Правительство пожинаетъ зрѣлые плоды долгой и настойчивой политики. Оно упразднило законы положеніемъ объ усиленной охранѣ, оно облекло неограниченной властью каждаго агента полицейскаго самодержавія. Жандармскіе солдаты получили право производить дознанія и лишать свободы лицъ, заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности. Шпіоны и полицейскіе наполнили всѣ общественныя учрежденія, проникли въ семьи... Неосторожное слово, непочтительное отношеніе къ носителямъ самодержавной идеи влекло за собою тяжелое возмездіе. Больше всего, конечно, этотъ порядокъ давилъ низшіе классы населенія. Старый взглядъ на крестьянъ и рабочихъ, какъ на безправныхъ рабовъ, давалъ власти особую наглость въ притѣсненіяхъ и надругательствахъ. Если высшіе общественные слои могли иногда путемъ самыхъ разнообразныхъ усилій добиваться возстановленія поруганныхъ правъ, то темная народная масса была обречена безмолвно страдать и терпѣть, пока... хватитъ терпѣнія. Она долго терпѣла, но теперь, повидимому, и ея терпѣнію приходитъ конецъ.

Открытая гражданская война между властью и населеніемъ показываетъ, что приближается моментъ крушенія самодержавно-полицей-

скаго государства. Дезорганизація власти, неспособность ея удовлетворять простѣйшія потребности народа въ правосудіи, въ обезпеченіи личной неприкосновенности можетъ означать только скорое паденіе отжившаго строя. Самодержавіе лишилось силы даже охранять собственный государственный механизмъ, и онъ разсыпается подъ ударами народа. Но пока эти удары носятъ характеръ отдѣльныхъ единоличныхъ протестовъ, они не могутъ принести серьезныхъ политическихъ результатовъ. Революціонная энергія народныхъ массъ только тогда будетъ использована цѣлесообразно, когда она вольется въ рамки планомѣрной организованной дѣятельности, когда терроръ отдѣльныхъ лицъ смѣнится натискомъ массы на весь существующій строй. Этотъ натискъ уже слышится въ частыхъ вспышкахъ народнаго гнѣва, и революціонныя партіи должны быть готовы къ самымъ неожиданнымъ историческимъ событіямъ.

Н. Негоревъ.

Изъ жизни и печати.

(20-го ноября 1904 г. № 78).

Петербургская весна, какъ извѣстно, не можетъ обойтись безъ помощи начальства. Слабой сѣверной природѣ, тусклому сѣверному солнцу не подъ-силу справиться въ короткій положенный срокъ съ той грудой мерзлой нечисти и навоза, которая скапливается на петербургскихъ улицахъ за долгую зиму. И потому, лишь только выглянули первые лучи весенняго солнца, начальство начинаетъ помогать природѣ, и тысячи заступовъ скалываютъ толстой слой смѣшаннаго съ грязью уличнаго льда. Уже не по этому ли петербургскому образцу думаютъ наши воители либерализма устроить «весну» всероссійскую! Какъ понять иначе, что теперь, когда вся страна въ страстномъ напряженіи ждетъ смѣлаго слова; теперь, когда десятилѣтія трусливой тактики просьбъ и «надеждъ» повысили наглость самодержавнаго правительства до чудовищной авантюры японской войны; теперь, когда совершенно исключительное стеченіе историческихъ обстоятельствъ дало возможность либе-

рализму пятой раздавить самодержавнаго дракона: какъ понять, что въ разгаръ «гласности», подъ «громъ обличительныхъ статей» «Русс. Вѣд.» заявляютъ, будто «можно надѣяться, что правительство захочетъ прислушиваться къ голосу общества и благосклонно отнесется къ его горячимъ пожеланіямъ»? Болѣе того: будто «самому правительству не чуждо сознаніе пользы и необходимости общественнаго содѣйствія?“ Неужели этимъ старымъ дѣтямъ такъ и суждено ничему не научаться и ничего не забывать? Неужели имъ такъ и не суждено понять, что только мимолетную петербургскую весну можетъ дѣлать начальство въ сотрудничествѣ со стихіей? Неужели имъ такъ и не суждено понять, что содѣйствіе не дворниковъ, а народа, нужно для наступленія истинной весны всероссійской? Неужели они такъ и не поймутъ, что теперь время не просьбъ, а требованій, не дипломатическихъ ходовъ, а открытой борьбы? «Надежды на правительство теперь—это измѣна; каждый день откладыванія открытаго протеста—это преступленіе. Съ народомъ или противъ народа—вотъ два пути, другихъ нѣтъ; и противъ народа значитъ противъ свободы, ибо только могучій заступъ народа можетъ снять съ русской земли тотъ толстый пластъ замерзшей грязи, имя которому деспотизмъ.

***

Пока «весна» успѣла растопить лишь самый верхній слой этого пласта, и—боги праведные!—какіе уже пошли ароматы! Цѣлыя тучи «обличеній» несутся со всѣхъ сторонъ, и остается лишь удивляться той кротости и истинно христіанскому долготерпѣнію, съ которымъ россійскій обыватель переносилъ всѣ казни египетскія, терпѣливо дожидаясь минуты, когда тысячи труповъ на поляхъ Манчжуріи, сотни милліоновъ безслѣдно растраченныхъ народныхъ денегъ и грозящее государственное банкротство дадутъ ему, наконецъ, возможность излить хоть часъ своихъ горестей на газетные столбцы. И какихъ, можно сказать, «первобытныхъ» горестей! Почитайте-ка «Русь», «Нашу Жизнь», «Право», «Русскія Вѣдомости» и ихъ провинціальныхъ соратниковъ. Прежде всего, со всѣхъ концовъ Россіи послышалось: бьютъ бьютъ, бьютъ. Бьютъ на улицахъ, въ участкахъ, бьютъ въ тюрмахъ, бьютъ въ казармахъ, бьютъ даже докторовъ въ генеральскихъ квартирахъ! Кулакъ царилъ и царитъ во-всю; онъ безвозбранно гулялъ и гуляетъ по обывательскимъ спинамъ, а вотъ же терпѣли до сихъ поръ, сердешные! И лишь теперь, наконецъ, раздался «вопль наболѣвшей души». Но не только бьютъ обывателя; надъ нимъ издѣваются. Его тащутъ на каждомъ шагу въ участокъ, его законапачиваютъ въ тюрьму,

въ которой окна закладываютъ кирпичами и завѣшиваютъ щитами, его ссылаютъ въ мѣста, куда дѣйствительно, никакой Макаръ телятъ не гонялъ, его судятъ судомъ неправеднымъ, и, какъ нынѣ публично выясняется, самъ верховный стражъ правосудія—сенатъ въ своихъ толкованіяхъ законовъ совершенно открыто руководствовался юридической нормой, извѣстной подъ названіемъ «чего прикажете?» И все это терпѣлъ обыватель. Терпѣлъ онъ и то, что читать ему позволяли лишь житія святыхъ—съ изъятіемъ «опасныхъ» мѣстъ,—а писать разрѣшали обо всемъ, «кромѣ» внѣшей и внутренней политики, да еще плохого нрава голубей.

Мудрено ли, что теперь, лишь только пріоткрылись двери. ведущія въ завѣтный рай «гласности», тысячи обывателей наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ повѣдать міру свои страданія? Но, вмѣстѣ съ страданіями, они всенародно докладываютъ и о своемъ терпѣніи. Они докладываютъ, что на ихъ глазахъ били, сажали въ тюрьмы, ссылали, вѣшали, разстрѣливали, урѣзывали языки, сковывали руки, а они... они ходатайствовали, они «надѣялись», они просили. И еще разъ спросимъ: неужели и теперь еще найдутся люди, которые будутъ одновременно говорить о «правопорядкѣ» и ходатайствахъ, о «гарантіяхъ» и надеждахъ, о свободѣ и просьбахъ?

* * *

Не только обыватель воспользовался весеннимъ просторомъ, чтобы излить свои печали. И пауки самодержавной бюрократіи, какъ водится, готовые съѣсть другъ друга въ той тѣсной банкѣ, куда загнали ихъ сейчасъ историческія судьбы, спѣшатъ свести публично свои счеты и взвалить другъ на друга вину за тотъ крахъ, который принесла самодержавію война. Времена теперь смутныя, что будетъ—неизвѣстно, и „на всякій случай“ не мѣшаетъ зарекомендовать себя публикѣ съ отличной стороны.

Очень поучительна полемика, которая ведется теперь на страницахъ газетъ между министромъ иностранныхъ дѣлъ и адмираломъ Алексѣевымъ. Разумѣется, высокоблагородные господа не изволятъ пачкать въ чернилахъ свои собственные руки, да и занятье-то для нихъ непривычное. Не въ „писакъ“ же имъ превратиться, по извѣстному просвѣщенному выраженію! Но въ „писакахъ“ недостатка не бываетъ и г. министръ изволитъ говорить устами «Петербургскаго Телеграфнаго Агентства», а г. адмиралъ—кто бы могъ подумать это?—устами того самаго „Нов. Времени», которое не уставало „обличать» его въ помѣхѣ «единокомандованію» Куропаткина.

И министру и адмиралу очень хочется свалить съ себя отвѣтственность за тѣ ужасныя пораженія, которыя не перестаютъ терпѣть русская армія и флотъ съ самаго начала войны. Ради этого, пресловутый сухопутный адмиралъ, немедленно по прибытіи въ Петербургъ, заявилъ сотруднику парижской газеты «Echo de Paris» для распубликованія, что, если русскій флотъ оказался «неподготовленнымъ», то вина падаетъ отнюдь не на него, Алексѣева, завѣдывавшаго флотомъ, а на «успокоительныя» телеграммы, полученныя имъ изъ Петербурга послѣ разрыва дипломатическихъ отношеній между Россіей и Японіей. Очевидно, славный адмиралъ самъ никакъ не могъ догадаться, что разрывъ переговоровъ означаетъ войну и, если бы ему это во-время объяснили, то, конечно, въ однѣ сутки россійскій флотъ былъ бы приведенъ въ полную «готовность». Такія ли чудеса можетъ творить русскій «витязь»!

Министръ иностранныхъ дѣлъ не могъ, съ другой стороны, допустить такой «клеветы», которая такъ явно обличала „непредусмотрительность", или, проще говоря, ребяческую наивность и самомнѣніе россійской дипломатіи. И онъ пустился въ „опроверженія". Увы, этотъ походъ въ область гласности былъ для бѣднаго дипломата крайне неудаченъ. Не только совершенно несомнѣнно установлено, что министерство иностранныхъ дѣлъ послѣ разрыва переговоровъ додумалось только до того, что теперь, дескать, нужно „выжидать развитія событій», о чемъ «Прав. Вѣстникъ» и поставилъ публику въ извѣстность одновременно съ телеграммой о минной атакѣ японцевъ, выбившей изъ строя три русскихъ судна,— но болѣе того: «Новое Время», при сей оказіи, разоблачило весьма пикантный эпизодъ. По поводу статьи „Нов. Времени" о неминуемости войны послѣ разрыва переговоровъ, „графъ Ламздорфъ просилъ Плеве внушить редакторамъ газетъ» и пр. и пр. И Плеве, конечно, «внушилъ». А затѣмъ публику пытались одурманить вышеупомянутымъ, столь своевременнымъ, сообщеніемъ въ «Прав. Вѣстникѣ». Неизвѣстно, впрочемъ, хотѣли-ли эти жалкіе люди просто отсрочить хоть на день объявленіе о своемъ преступленіи, или они, въ безумномъ самоослѣпленіи, дѣйствительно, думали, что «войны не будетъ», потому что они «хотятъ мира».

Судя по тому, что адмиралъ Алексѣевъ за «свойственныя» ему «энергію и распорядительность» и за «боевыя заслуги» получилъ только что въ знакъ «искренней благодарности» орденъ Георгія третьей степени, побѣда въ полемикѣ остается пока за нимъ.

* * *

Всѣмъ «весна» принесла хоть какую-нибудь отраду, даже адмиралу Алексѣеву. Только Грингмутъ съ братьей остался обдѣленнымъ. Да и каково, въ самомъ дѣлѣ, положеніе этихъ «разбойниковъ пера и мошенниковъ печати», когда изъ всѣхъ поръ сдавленнаго «режимомъ» русскаго народа несется одинъ дружный крикъ—«свободы»! Каково положеніе этихъ гадовъ, такъ приспособившихся къ кромѣшной тьмѣ исконныхъ «старыхъ порядковъ», теперь, когда грядущая заря свободы бросаетъ первые отблески свои? Г. Грингмутъ и К°. не пишутъ теперь: они, воистину, «брызжутъ слюною бѣшенной собаки». И только меланхолическія воспоминанія о «славномъ царствованіи Александра III» скорбной нотой врываются въ неумолкающій лай цѣпныхъ псовъ Страстного бульвара.

Нѣтъ тѣхъ казней, которымъ бы мысленно не подвергъ г. Грингмутъ зловредныхъ «либераловъ». Даже къ японцамъ онъ согласенъ отнестись съ большей снисходительностью, чѣмъ къ «шайкѣ политическихъ воровъ». Но мало однихъ словесныхъ громовъ; «Моск. Вѣд.» рѣшили мобилизовать «народныя» силы въ защиту «стяга самодержавія». «Почему молчитъ дворянство? Можетъ ли молчать дворянство?» завопилъ г. Грингмутъ. И «дворянство» начало «топорщиться». «Дворянинъ» Павловъ потребовалъ къ отвѣту г. Петрункевича, изумляясь, что у этого злодѣя либерализма «не дрогнетъ рука останавливать ходъ исторіи, утверждая, что наша колоніальная политика не имѣетъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ». «Укажите, какіе «соки» тянутъ изъ народа?» вопилъ «дворянинъ» Павловъ, «укажите «путы», изъ которыхъ онъ рвется!» Въ другой статьѣ тотъ же неустрашимый дворянинъ «доказалъ», что не только народъ не связанъ «путами», но, можно сказать, задыхается подъ бременемъ правъ: и къ землѣ-то онъ прикрѣпленъ (по «дворянину» Павлову, «обезпеченъ землей»), и въ Сибирь можетъ убѣгать отъ голодухи и малоземелья, и даже самыя непосильныя подати существуютъ только для того, чтобы демонстрировать «право» крестьянина не быть проданнымъ лично съ аукціона. Вообще, много храбрости обнаружилъ пылкій «дворянинъ». Даже отступленіе Куропаткина у него превратилось въ «наступленіе», ибо, хотя русскія войска сдѣлали «двѣсти верстъ движенія назадъ», но «походъ за 10.000 верстъ въ чужой странѣ называется движеніемъ впередъ, а не отступленіемъ». Доказавъ такъ блистательно, что за 10.000 верстъ «движеніе назадъ» называется «движеніемъ впередъ», храбрый воитель, ужъ, разумѣется, шутя, доказываетъ, что русскій народъ благоденствуетъ и ничего такъ не желаетъ, какъ перегрызть горло всѣмъ господамъ Петрункевичамъ.

Отклики на письмо Павлова показали всю силу той рати, которая готова мобилизоваться подъ знаменемъ г. Грингмута. Увы, увы! Дватри «дворянина», нѣкая «русская», якобы томившаяся незнаніемъ, что у нея есть на свѣтѣ единомышленники и теперь, послѣ письма Павлова, облегченно вздохнувшая (та же русская, впрочемъ, съ такимъ же изумленіемъ привѣтствовала за нѣсколько нумеровъ до того нѣкоего «честно и по-русски думающаго студента»), да какая-то княгиня Вадбольская—вотъ и все. Объявилось, правда, семеро «сочувствующихъ» крестьянъ, но, къ негодованію г. Грингмута, сейчасъ же обнаружилось, что это какой-то шутникъ мистифицировалъ редакцію. При такомъ изобиліи силъ, собственно только и оставалось бы послѣдовать совѣту премудрой княгини и ждать, что «святая Русь умолитъ помазанника Божія на колѣняхъ не давать воли ея внутреннимъ врагамъ».

Но «сила всегда молчитъ, топорщится безсиліе». И потому-то именно другой «дворянинъ» С. Нилусъ вздумалъ грозить «внутреннимъ врагамъ» русской «Вандеей», да какой еще! «Молчитъ вѣрная русская Вандея, потому что она не клочекъ великаго царства, а вся русская земля, и заговоритъ она только по призыву своего царя, но заговоритъ не какъ Вандея, а ужъ всею своею стомилліонною грудью». И, очевидно, для того, чтобы скорѣе «призвали», въ томъ же столбцѣ г. Юзефовичъ напоминаетъ «наиболѣе поучительный и жестокій ударъ», который «нанесенъ былъ Божьимъ Промысломъ одному изъ покушеній ввести въ Россіи государственное самоуправленіе». Этотъ ударъ—убійство Александра II «въ тотъ именно моментъ, когда имъ заложенъ былъ первый камень шаткаго политическаго зданія государственнаго самоуправленія, къ счастью для Россіи такъ и оставшагося, за его кончиной, непостроеннымъ». Яснѣе сказать, кажется, нельзя. Очевидно, при случаѣ пламенные монархисты «Моск. Вѣд.» ничего не имѣютъ противъ сошествія Духа Святого въ динамитную бомбу или въ револьверный патронъ. Лишь бы во время «Божій Промыселъ» свое дѣло дѣлалъ. Надо признаться, серьезность и непреклонность такая, которой не мѣшало бы поучиться у «Моск. Вѣд.» кое-кому изъ «борцовъ» либерализма. Тутъ, по крайней мѣрѣ, люди знаютъ, чего хотятъ и идутъ на проломъ къ тому, чего они хотятъ. Княгинѣ, по ея «дамскому положенію», разрѣшаютъ мечтать о «склоненныхъ колѣняхъ», но чтобы г. Юзефовичъ съ Грингмутомъ такой маниловщиной занялись... помилуйте, люди, хоть и дикіе, но взрослые!

Но все же пока—«вѣрное дворянство» молчитъ. «Страшно, грозно

это молчаніе»,—пугаетъ насъ «дворянинъ» Нилусъ, ожидающій «призыва», Но Грингмуту не терпится; онъ требуетъ, чтобы дворянство сейчасъ же сказало «свое истинно русское слово». Боимся, что «слово» это придется Грингмуту не по вкусу, ибо голосъ «дикихъ помѣщиковъ» будетъ и въ дворянскихъ собраніяхъ заглушенъ голосомъ современнаго землевладѣнія, которое также мало можетъ примириться съ самодержавнымъ строемъ, какъ и современная промышленность. И тогда не пожалѣетъ ли редакторъ «Моск. Вѣд.», что подстрекнулъ къ вмѣшательству въ процессъ крушенія абсолютизма еще одну общественную силу, и не останется ли тогда ему, самъ-другъ съ Юзефовичемъ, призвавъ на помощь «Божій Промыселъ», начать готовить бомбы въ подвалахъ дома на Страстномъ бульварѣ?

Ф. Данъ.

Рабочій классъ и буржуазная революція.

(1 декабря 1904. № 79).

22 ноября въ первый разъ сообщено на столбцахъ легальной печати принятое на легальномъ собраніи («банкетъ представителей интеллигентныхъ профессій въ С.-Петербургѣ», въ количествѣ 676 чел.) требованіе «немедленнаго созыва учредительнаго собранія изъ представителей всего населенія Россійскаго государства», требованіе, которое, будучи нѣкогда выставлено въ письмѣ Исполнит. Ком. Народной Воли Александру III, было— первою изъ нынѣ дѣйствующихъ политическихъ партій—введено въ свою программу партіей россійскаго пролетаріата, въ противовѣсъ, такъ легко прикрывавшей собой славянофильскія мечтанія, стереотипной формулѣ «земскаго собора». Выдвинутая нашей партіей формула революціоннаго преобразованія существующаго режима становится, воистину, популярнымъ требованіемъ, и этотъ фактъ можетъ служить

симптомомъ того политическаго вліянія, которое уже можетъ оказывать русская соціалдемократія на ходъ буржуазной революціи.

Революція! Это слово у многихъ на устахъ въ эти яркіе дни всеобщаго политическаго возбужденія, но многіе ли могутъ сказать, что оно у нихъ не только на устахъ?

Воспитанное въ эпоху политическаго маразма, характеризующаго западно-европейское общество послѣдней четверти XIX вѣка, наше поколѣніе «забыло» о другихъ формахъ побѣды развивающагося буржуазнаго строя надъ старымъ государственнымъ порядкомъ, чѣмъ тѣ формы политическаго компромисса, которыми для Германіи и Австріи—нашихъ ближайшихъ сосѣдокъ—окончился процессъ ихъ буржуазной «европеизаціи». По мѣрѣ того, какъ на «западѣ» буржуазная революція становилась «забытымъ словомъ» юности увядающаго класса, а мечта о близкой «соціальной революціи» на востокѣ разбивалась о дѣйствительность россійскаго капитализма,—въ русской прогрессивной интеллигенціи все больше укрѣплялась увѣренность, что сословно-бюрократическій абсолютизмъ нашихъ дней, «мирно» или подъ вліяніемъ натиска снизу, смѣнится болѣе или менѣе «австрійскимъ» видомъ приспособленнаго къ нуждамъ буржуазнаго общества государственнаго порядка.

Время буржуазныхъ революцій миновало, да здравствуетъ революція народная!—говорилъ семидесятникъ, мечтая перескочить изъ абсолютизма въ «царство труда». Время буржуазныхъ революцій миновало, да здравствуетъ буржуазная реформа! говоритъ современный русскій демократъ.

Дѣйствительность, казалось, оправдывала этотъ отказъ отъ революціи. Мощная сила міровового капиталистическаго развитія властно диктовала правящимъ классамъ отсталыхъ «восточныхъ» странъ необходимость преобразованія на европейскій ладъ главныхъ функцій общественной организаціи—иначе этимъ странамъ грозилъ полный упадокъ. «Добровольное» приспособленіе государственныхъ и правовыхъ учрежденій къ потребностямъ капитализма казалось для нихъ естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ воздѣйствія могущественнаго всеміpно-капиталистическаго организма на новыя страны, а тихое политическое прозябаніе основаннаго на этомъ компромиссѣ конгломерата новыхъ и старыхъ соціальныхъ силъ—тѣмъ удѣломъ, который ждетъ эти страны—падчерицы исторіи—вплоть до момента міровой пролетарской революціи. И въ то же самое время общества «новыхъ странъ», стихійно стремящіяся сбросить съ себя сословно-абсолютистскія цѣпи, окутывала все болѣе и болѣе пустая атмосфера идейно политической реакціи, несшаяся изъ того самаго «запада», который своимъ экономи-

ческимъ движеніемъ революціонировалъ общественную структуру «востока». Эта реакціонная атмосфера заражала своими міазмами и нарождавшіяся соціальныя силы нашего востока. Въ этихъ міазмахъ гибли зародыши истинно-революціонныхъ проявленій буржуазной эмансипаціи въ Россіи, прежде чѣмъ успѣвали развиться въ дѣйствительно освободительное историческое движеніе.

Но эти именно обстоятельства—идейное вліяніе буржуазной реакціи, дѣлавшей зажившійся у себя на родинѣ абсолютизмъ. въ качествѣ ея «послѣдняго оплота», политической необходимостью, и обусловленный той же реакціей сдавленный и безъидейный характеръ эмансипаціонныхъ стремленій русской буржуазіи—эти же обстоятельства отсрочивали все дальше и дальше наступленіе того момента, когда сознаніе неизбѣжной ликвидаціи своего собственнаго неограниченнаго господства должно было овладѣть самими представителями этого режима. Опираясь на западно-европейскую буржуазную реакцію и безъ особаго труда справляясь съ собственной оппозиціей, абсолютизмъ могъ откладывать, казалось. до безконечности уплату по предъявленному ему исторіей векселю. Но именно потому, что онъ могъ ее отсрочивать, задача, безъ разрѣшенія которой Россія не могла спастись отъ полнаго упадка, становилась все сложнѣе и запутаннѣе. Чудовищное несоотвѣтствіе между правовой формой и содержаніемъ соціальнымъ требовало, для сохраненія политическаго равновѣсія, такихъ средствъ, которыя своими неизбѣжными послѣдствіями дѣлали все болѣе утопичной мысль о «мирномъ» преобразованіи государственнаго режима. Каждая новая отсрочка накопляла новыя противорѣчія, требовавшія радикальныхъ реформъ, посягающихъ на привилегіи и коренные интересы правящей клики. Реформа сверху становитсяв се болѣе невѣроятной, революціонное преобразованіе снизу—все болѣе необходимымъ, какъ единственное рѣшеніе запутаннаго вопроса.

Въ то же время исторія создавала общественную силу, способную выйти изъ того тѣснаго круга, въ которомъ заключено было политическое движеніе слишкомъ поздно явившейся русской буржуазіи. Въ нѣдрахъ неспособнаго къ революціонному самоосвобожденію отъ абсолютизма буржуазнаго общества назрѣвали новаго типа соціальныя противорѣчія — пролетаріатъ начиналъ свою классовую борьбу. Его политическое развитіе не сдавливалось идейными вліяніями европейской буржуазной реакціи; напротивъ, міровая пролетарская борьба противъ этой реакціи несла ему революціонные импульсы. Въ русской дѣйствительности оказывалась на лицо сила, способная, безъ оглядки назадъ, проникнуться, какъ классъ, тѣмъ революціоннымъ само-

забвеніемъ, безъ котораго немыслима активная роль въ коренномъ общественномъ переворотѣ; сила, способная неуклонно толкать впередъ все общественное движеніе и активно революціонизировать общественную атмосферу. Всякій знаетъ, какъ русскій рабочій классъ выполнилъ эту роль въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, какъ, въ ходѣ его классоваго движенія и подъ его вліяніемъ, постоянно разстраивалось политическое и соціальное равновѣсіе существующаго порядка и складывались въ политическія партіи неоформленныя массы создаваемыхъ процессомъ общественнаго развитія антагонистовъ абсолютизма. Рабочее движеніе клиномъ врѣзалось въ русскую политическую дѣйствительность, необычайно расширяя площадь враждебнаго соприкосновенія интересовъ современнаго буржуазнаго общества съ сословно-бюрократическимъ государствомъ и обостряя ихъ конфликты, заставляя самодержавіе усиливать агрессивный, т. е. антибуржуазный, антикультурный характеръ своей консервативной политики и побуждая либерально-демократическую буржуазію стремиться расширить содержаніе своего движенія до размѣровъ задачи народнаго освобожденія. Самый характеръ реакціонной политики вынуждалъ къ этому либерально-демократическую буржуазію, противъ которой—какъ и противъ всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ—абсолютизмъ въ послѣдніе годы тщился мобилизовать самыя широкія массы пребывающихъ въ темнотѣ соціальныхъ «низовъ». Знаменательная «зубатовская» манифестація 19-го февраля 1902 г. въ Москвѣ, кишиневско-гомельскіе эксперименты антисемитовъ, одесская всеобщая стачка (въ ея первой стадіи) и, наконецъ, патріотическія манифестаціи начала нынѣшняго года должны были ясно показать всѣмъ и каждому, что вопросъ о политическомъ будущемъ Россіи уже не можетъ рѣшаться безъ участія народныхъ массъ, что, слѣдовательно, сторонники общественнаго прогресса не могутъ разсчитывать на благопріятный исходъ своихъ попытокъ, если не сумѣютъ развить свое маленькое либеральное дѣло до размѣра національной политической задачи въ серьезномъ смыслѣ этого слова. И запутавшееся, въ ходѣ борьбы съ революціонной «крамолой», въ сѣтяхъ своей собственной политики, правительство словно умышленно спѣшило навязать своему либеральному врагу этотъ революціонный выводъ. Наступилъ японскій разгромъ и лозунгъ—«не реформы, а реформа» отмѣтилъ въ либеральномъ «обществѣ» первый проблескъ сознанія того маленькаго факта, что и на «востокѣ» исторія движется порою «скачками».

Буржуазная революція стала возможной перспективой для Россіи потому, что еще въ нѣдрахъ сословно-полицейскаго строя въ

ней зародилось враждебное буржуазіи классовое движеніе пролетаріата.

* * *

Оппозиціонная буржуазія вступаетъ въ медовый мѣсяцъ своего революціоннаго опьяненія, когда демократы сознаютъ себя соціалистами, либералы—демократами, слабохарактерные представители бюрократіи—либералами, крамольные реформисты—революціонерами. Въ этомъ, только еще начинающемся, хаосѣ «всеобщаго братанія» какъ не потерять голову трезвому, разсудительному сыну «упадочной эпохи», «идеалисту» въ философіи и «реалисту» въ политикѣ, человѣку съ «фаустовскими» стремленіями въ груди и вагнеровской степенностью въ поступкахъ, словомъ, редактору-издателю «Освобожденія».

Возражая своему единомышленнику, г-ну Nemo, желающему убѣдить г. Струве въ необходимости для конституціоналистовъ «расширить предѣлы освободительнаго движенія», выставивъ на своемъ знамени всеобщее избирательное право,—редакторъ «Освобожденія» (№ 58) увѣряетъ, что г. Nemo «ломится въ открытую дверь», ибо «освобожденцы» уже усвоили себѣ «необходимость энергичной борьбы за демократическій характеръ политической реформы Россіи». Но «демократическій характеръ политической реформы»—это, казалось бы, для современной Россіи означаетъ полную, всестороннюю, послѣдовательную буржуазную революцію, — народовластіе на мѣсто сословно-бюрократическаго полицейскаго государства? Но нѣтъ! Для г. Струве вопросъ стоитъ иначе. Не довести до ея логическаго конца буржуазную революцію желаетъ онъ, а наиболѣе вѣрнымъ способомъ остановить ее на полпути. Не развить до положеннаго имъ исторіей предѣла революціонную энергію общественныхъ силъ, подлежащихъ политическому руководству «либерально-демократической партіи», а обозначить напередъ предѣльный пунктъ ихъ развитія; аппелировать не къ неумолимой логикѣ историческаго развитія, а къ логикѣ нынѣшнихъ «господъ жизни», къ ихъ политическому разсчету. «При самодержавіи,—говоритъ г. Струве,—Россія находится въ состояніи скрытой... но разростающейся вглубь и вширь хронической революціи, которая неизбѣжно перейдетъ въ острую форму, если не будетъ предпринята крупная реформа. Маленькая конституція можетъ или, вѣрнѣе, должна сейчасъ же породить дальнѣйшее политическое движеніе, которое, въ случаѣ упорства правящихъ классовъ, неизбѣжно приведетъ къ большой революціи... Для русской монархіи своевременный и откры-

тый компромиссъ съ демократическимъ конституціонализмомъ есть прямо таки вопросъ существованія».

Буржуазный мыслитель не можетъ не попытаться заткнуть всѣ дыры созданнаго его представленіемъ общественнаго мірозданія своимъ «идеалистическимъ» колпакомъ («если бы въ современной русской монархіи выдвинулся крупный, дальновидный реформаторъ, онъ»... и т. д.); навѣки развращенный двойной школой оппортунизма—бернштейніанствомъ и «идеализмомъ» —онъ не былъ бы вѣренъ самому себѣ, еслибы не потщился запрудить могучій потокъ историческаго движенія самыми противоестественными изъ «своевременныхъ и открытыхъ компромиссовъ»; онъ не былъ бы рабомъ выпестованнаго имъ дѣтища—союза земцевъ съ демократіей,—еслибы не жаждалъ такой «большой» конституціи, которая вернула бы ему былую увѣренность въ невозможности самой маленькой революціи. Но—hic Rhodus, hic salta!—говоритъ идеологу буржуазіи современная русская дѣйствительность. Съ народомъ или противъ него? или,—что тоже,—за революцію или противъ нея, выбора нѣтъ, и если сегодня даже Струве видитъ, что слишкомъ поздно мечтать о «безболѣзненномъ» переходѣ отъ русскаго абсолютизма къ австрійской олигархіи, то завтра даже Гейдены должны будутъ понять всю утопичность надежды на переходъ къ «бисмарковской демократіи». Ибо ничто иное, какъ уродливый германскій полуабсолютизмъ, механически соединенный со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, представляетъ собою тотъ «своевременный компромиссъ», который грезится нынѣ музѣ «Освобожденія»: только въ такой формѣ можетъ реализироваться сосуществованіе нынѣ господствующихъ реакціонныхъ силъ съ конституціонными правами всего народа. И это—идеалъ вождя нашей «либерально-демократической партіи»! Это предѣлъ, который онъ пытается поставить освободительному движенію представляемаго имъ класса! Странное, но знаменательное ослѣпленіе: г. Струве позабылъ, что именно этотъ «своевременный компромиссъ» въ Германіи, если и отсрочилъ «большую революцію» до того момента, когда пролетаріатъ одинъ сможетъ ее совершить противъ всего буржуазнаго общества, то онъ же, прежде всего, похоронилъ буржуазную демократію какъ таковую... Нечего и говорить, что намѣчаемый г. Струве новый «компромиссъ» не разрѣшитъ тѣхъ общественныхъ задачъ, которыя исторія накопила ко дню ликвидаціи стараго строя и въ выполненіи которыхъ заключается сущность предстоящей «реформы». Онъ не можетъ удовлетворить самыхъ жгучихъ потребностей народныхъ массъ, а, слѣдовательно, не остановитъ «дальнѣйшаго полити-

ческаго движенія». Онъ не разрѣшитъ вопроса о «сверхштатномъ», съ точки зрѣнія законовъ буржуазнаго общества, голоданіи и вымираніи русскаго крестьянства, онъ не разрубитъ Гордіева узла національныхъ вопросовъ, онъ не эмансипируетъ окончательно «иновѣрное» населеніе отъ средневѣковой православной церкви. И, прежде всего, онъ, этотъ компромиссъ, разобьется о сознательную борьбу русскаго пролетаріата.

Главный двигатель и центральная фигура надвигающейся буржуазной революціи, русскій пролетаріатъ не можетъ,—если бы даже «захотѣлъ», если бы его даже убѣдили недальновидные вожди,—остановиться на полдорогѣ въ дѣлѣ историческаго разрушенія «до буржуазныхъ» формъ общежитія. Онъ не можетъ допустить никакого «своевременнаго компромисса» между историческимъ прошлымъ и вылупляющимся будущимъ, потому что всякій такой компромиссъ будетъ оплаченъ имъ, потому что всякій такой компромиссъ будетъ совершенъ на счетъ его политическихъ правъ или сверхсмѣтныхъ матеріальныхъ лишеній. Гонимый впередъ развитіемъ историческаго процесса, онъ не можетъ остановиться въ ломкѣ существующаго на томъ пунктѣ, гдѣ того бы хотѣла та или другая фракція оппозиціонной буржуазіи: потому что всякая такая остановка для него, несущаго главное бремя разрушительной работы, означаетъ шагъ назадъ по направленію къ полному безправію и матеріальному вырожденію. Силой вещей пролетаріатъ толкается къ противодѣйствію всякимъ попыткамъ остановить революціонное развитіе, и когда это стихійное противодѣйствіе не озаряется отчетливымъ сознаніемъ своихъ историческихъ задачъ, оно неизбѣжно выливается въ революціонную утопію, въ попытку обойти путь историческаго движенія, въ попытку предъявить буржуазной революціи невыполнимыя для нея требованія. Но если развитіе классовой борьбы русскаго пролетаріата сдѣлало возможной въ Россіи буржуазную революцію, то развитіе его классового самосознанія и его организація вокругъ соціалдемократическаго знамени сдѣлали маловѣроятнымъ для него этотъ трагическій исходъ его борьбы противъ измѣнническихъ попытокъ буржуазіи предать дѣло своей собственной революціи. Подъ руководствомъ соціалдемократіи, русскій пролетаріатъ отстоитъ дѣло буржуазной революціи отъ всякихъ попытокъ погубить его «своевременными компромиссами». Воздѣйствуя на буржуазную оппозицію силой своего вліянія на народныя массы, силой своей сплоченности и самостоятельностью своей политической позиціи, сознательный пролетаріатъ, группируя вокругъ себя въ своихъ политическихъ

выступленіяхъ всѣ, въ данный моментъ еще не удовлетворенные соціальные элементы и, подчиняя ихъ своему руководству, тѣмъ самымъ двигаетъ впередъ развитіе буржуазной «реформы» за предѣлы, которые ей ставятся и будутъ еще ставиться вкусившими отъ древа познанія ранними провозвѣстниками будущихъ измѣнъ либеральной демократіи. Соціальныя силы, которымъ предстоитъ сыграть активную роль въ предстоящемъ преобразованіи, еще только начинаютъ выходить на политическую арену, драма буржуазной революціи еще только начинаетъ развертываться, почти не слышно крестьянства, молчатъ милліоны сектантовъ, слабы голоса задавленныхъ національностей. Только дѣйствительно революціонная программа внесетъ единство и планомѣрность въ процессъ пробужденія этихъ стихій. И эту программу, которая не можетъ не быть программой полнаго всесторонняго и послѣдовательнаго развитія буржуазной революціи, дастъ соціалистическій пролетаріатъ. Во имя этой программы, онъ будетъ толкать впередъ буржуазное общество въ цѣломъ въ его борьбѣ съ абсолютизмомъ, во имя ея онъ будетъ раскалывать это общество всякій разъ, какъ тѣ или иныя его фракціи, найдя удовлетвореніе своимъ частнымъ интересамъ въ томъ или иномъ «своевременномъ компромиссѣ», будутъ въ своей политикѣ идти въ разрѣзъ съ общими интересами буржуазнаго развитія.

Во имя этой революціонной программы, пролетаріатъ сегодня выдвигаетъ требованіе прекращенія войны и созыва всенароднаго учредительнаго собранія. Подхватываемыя широкой оппозиціонной массой, навязываемыя ею ея умѣреннымъ вождямъ, эти требованія уже сыграли видную роль въ дѣлѣ обобщенія революціонной борьбы противъ абсолютизма, въ дѣлѣ углубленія пропасти между нимъ и его врагами.

Мы уже добились того, что противъ всенароднаго характера учредительнаго собранія никто изъ буржуазной оппозиціи не рѣшается открыто выступить; мы постараемся добиться и того, чтобы вся она сочла необходимымъ поддержать его. И въ дальнѣйшемъ развитіи событій пролетаріатъ съумѣетъ провести свою революціонную линію. Прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія закончатъ прологъ революціи. Послѣдовательная, сверху до низу, демократизація государственнаго строя, осуществляющая самодержавіе народа и полноту гражданскихъ свободъ индивидуума; коренная ломка аграрныхъ отношеній, наносящая смертельный ударъ кабальнымъ порядкамъ и «первенствующему сословію»; революціонно-демократическое рѣшеніе «національныхъ вопросовъ»,—по этой линіи будетъ

направлять общественное преобразованіе сознательный пролетаріатъ. И на этомъ пути онъ смететъ, какъ бутафорскую ветошь, жалкія постройки «своевременныхъ компромиссовъ».

Л. Мартовъ.

Земская дерзость и пролетарская безтактность.

(15 декабря 1904 года, № 80).

То, что такъ страстно призывали «Моск. Вѣд.», наконецъ, свершилось. «Съ высоты престола» достаточно внятно сказано «довольно» расходившемуся либеральному «обществу». Резолюція на докладѣ о Черниговской земской челобитной объявляетъ домогательства земцевъ «дерзкими и безтактными», и она, по своему, права, если принять во вниманіе, что либеральная оппозиція, приглашая самодержавіе самоупраздниться, ничѣмъ не грозитъ ему въ случаѣ его отказа. Не подкрѣпленныя просьбы естественно производятъ впечатлѣніе «неслыханной дерзости». Такимъ подкрѣпленіемъ могъ бы быть отказъ отъ соучастія въ расходѣ общественныхъ денегъ на веденіе войны, какъ и вообще отказъ отъ выдачи денегъ правительству, какъ общая стачка земскихъ органовъ самоуправленія. Еслибъ бюрократія думала, что земская оппозиція стоитъ наканунѣ такихъ дѣйствій, она не пускалась бы на такія шутки. Но нѣсколькихъ явныхъ признаковъ безхарактерности буржуазной оппозиціи было достаточно для того, чтобы бюрократія сообразила, что, по существу дѣла, она имѣетъ передъ собой, въ лицѣ земцевъ, челобитчиковъ, а не людей, властно требующихъ и готовыхъ постоять за свои требованія. Она приказала городскимъ гласнымъ Саратова и Петербурга не обсуждать вопроса о реформѣ,—и они повиновались, не рѣшились выйти изъ предѣловъ полицейской «легальности», не собрались вопреки запрещенію, не пошли на явное его нарушеніе. Это обстоятельство показало, что либеральная оппозиція пошла въ аттаку, не рѣшивъ заранѣе не отдавать безъ боя разъ уступленныхъ ей позицій. Ей дали нѣкоторый просторъ для печати—она не протестовала, когда, въ нака-

заніе за ея «злоупотребленія», ее вернули въ «первобытное состояніе». Ей позволили собираться—но она разошлась, когда позволеніе было взято назадъ. Рѣшительности и радикализму рѣчей не соотвѣтствовала революціонность поступковъ. И самодержавное правительство константировало, что выступать съ заявленіями, не имѣя твердой воли заставить себя выслушать, значитъ совершать «дерзость» и «безтактность».

Отвѣтъ Черниговскому земству заканчиваетъ собой «весну» въ правительственныхъ сферахъ. Закрытіе «Сына Отечества», запрещеніе обсуждать въ земскихъ собраніяхъ «общегосударственные вопросы», варварскія избіенія демонстрантовъ на улицахъ Петербурга и Москвы—все это показываетъ, что бюрократія собралась съ силами и готовится къ новой рѣшительной схваткѣ съ внутренними врагами. Но рядомъ съ голой репрессіей, она собирается еще пустить въ ходъ новый пріемъ «зубатовской политики»—по крайней мѣрѣ, за эту зубатовскую политику борется въ настоящее время Святополкъ съ Побѣдоносцевыми, Муравьевыми K°. Конституціонному движенію попытаются противопоставить вытащенную изъ либерально-народническаго архива идею сотрудничества «земщины» и самодержавія. По мѣрѣ того, какъ выяснилось растущее недовольство придворной партіи размѣрами, которые приняло конституціонное движеніе, и по мѣрѣ того, какъ голоса революціонныхъ элементовъ все отчетливѣе стали слышаться въ хорѣ общественнаго протеста,—въ самомъ оппозиціонномъ лагерѣ все явственнѣе намѣчались признаки близкаго разложенія. Кличъ: «Учредительное Собраніе!» раздавшійся на многихъ митингахъ и поддержанный революціонной «улицей», не преминулъ вызвать самое жгучее безпокойство на правомъ флангѣ «общества». И, вмѣстѣ съ поворотомъ Святополка въ сторону усиленныхъ репрессій, въ печати начинается походъ противъ конституціоналистовъ—подъ знаменемъ новой «земской реформы». Созданіе совѣщательнаго «центральнаго земства» или приглашеніе земскихъ людей въ (совѣщательный) Государственный Совѣтъ—такова приманка, которую шарлатаны «Нов. Врем.» выбрасываютъ оппозиціонной буржуазіи, въ противовѣсъ «правовому порядку». Около «верху» въ настоящее время ведется борьба между слѣпыми доктринерами реакціи и сторонниками этого плана «прирученія» буржуазной оппозиціи.

Если реакціи будетъ нанесенъ въ ближайшемъ будущемъ еще одинъ сильный ударъ, то, несомнѣнно, духъ Зубатова окажется побѣдителемъ надъ духомъ Плеве, и «центральное земство», въ томъ или другомъ видѣ, будетъ пожаловано. Если земцы не пожелаютъ отречься отъ програмы, выработанной на ноябрьскомъ съѣздѣ, они должны

будутъ отвѣтить категорическимъ отказомъ принять участіе въ этой политической комедіи. Пойдутъ ли они на такое революціонное дѣйствіе или предпочтутъ оппортюнистическую тактику сдѣлокъ,—это будетъ всего менѣе, конечно, зависѣть отъ ихъ собственной политической проницательности. Важную роль сыграетъ давленіе общественной среды, не послѣднюю, въ томъ числѣ, давленіе демократической интелигенціи. Но демократическая интелигенція, сама по себѣ, представляетъ весьма невнушительную силу, и она „должна будетъ въ этомъ убѣдиться, какъ только ея союзъ съ земской буржуазіей станетъ стѣснителенъ для послѣдней. Чтобы ея вліяніе на земство могло укрѣпляться въ моментъ, когда съ земствомъ заигрываютъ справа, для этого надо, чтобы на лицо было сильное революціонное движеніе слѣва, со стороны народныхъ массъ. Только примыкая къ сознательнымъ народнымъ массамъ, демократическая интелигенція можетъ сама противостоять напору «земскаго благоразумія». А это значитъ, что удача или неудача новаго зубатовскаго эксперимента будетъ не въ послѣдней степени зависѣть отъ отношенія демократіи къ революціонному выступленію пролетаріата. Для того, чтобы земскій либерализмъ не могъ измѣнить конституціоналистской демократіи, надо, чтобы эта послѣдняя не измѣняла пролетаріату.

Объ этомъ умѣстно напомнить теперь, когда наши демократы дали намъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ, насколько отчетливо понимаютъ они свои задачи. Въ рядѣ случаевъ, какъ извѣстно, сознательные русскіе пролетаріи вмѣшались въ манифестаціи либерально-демократическихъ слоевъ «общества», чтобы предложить взывающимъ о необходимости всеобщаго «единенія» конституціоналистамъ ту платформу, которая могла бы позволить народнымъ массамъ видѣть въ буржуазной оппозиціи хотя бы временнаго союзника. Какой же пріемъ встрѣтили при этомъ пролетаріи? Въ Харьковѣ (въ Юридическомъ Обществѣ) ихъ ораторъ былъ встрѣченъ криками «долой» и т. д., и въ этихъ безчинствахъ принимали активное участіе не только «сторонники порядка»,—партизаны проф. Гредескула,—но и только что ополчавшіеся противъ этого самаго профессора радикалы, которые, однако, охотно пользовались поддержкой пролетаріевъ, когда проваливали телеграмму кн. Святополку. Когда имъ не удалось заставить замолчать соціалдемократическаго оратора, они пытались позорно бѣжать съ открытаго имъ «народнаго митинга», и харьковскимъ рабочимъ пришлось по-просту затворить выходныя двери, чтобы заставить гг. «демократовъ» выслушать свою резолюцію. Въ Одессѣ, на банкетѣ въ «Благородномъ собраніи», столь же враждебный пріемъ встрѣтилъ

нашего товарища, когда онъ явился для формулировки желанія «тысячъ демонстрирующихъ на улицѣ пролетаріевъ». Позорные крики: «вонъ», «не надо» и т. д. дали понять представителю одесскихъ рабочихъ, что гг. демократы, ничего не имѣя противъ того, чтобы русскіе пролетаріи сражались на улицахъ съ полиціей, готовы прійти въ бѣшенство, когда они вторгаются въ тѣ святилища, гдѣ либералы и демократы формулируютъ для правительства и Европы «нужды населенія».

.«Пусть всѣ элементы устраиваютъ свои собранія и демонстраціи,— говоритъ «Освобожденіе» (№ 61) по поводу харьковскихъ событій, но пусть одна демонстрація не мѣшаетъ другой. Необходимо, чтобы всѣ, кто чувствуетъ потребность въ живомъ общеніи на почвѣ современныхъ жгучихъ вопросовъ, устраивали свои собранія и такимъ образомъ фактически осуществляли право собраній. Такой способъ—болѣе правильный и болѣе революціонный, чѣмъ тотъ, къ которому прибѣгли харьковскіе демонстранты».

Слѣдовательно, пусть рабочіе устраиваютъ «свои собранія» подъ градомъ казацкихъ нагаекъ на составляющихъ общую собственность городскихъ улицахъ и предоставятъ имѣющей возможность легально собираться демократіи проводить ея собственныя собранія. Это—очень откровенно сказано,—до цинизма откровенно для человѣка, который только что передъ этимъ объяснилъ, что демонстранты-рабочіе явились въ юридическое общество «просто потому», что это общество могло устроить публичное собраніе, а о н и н е м о г л и (курс. нашъ) говорить передъ публикой, они в ы н у ж д е н ы б ы л и (курс. нашъ) вторгнуться въ чужое собраніе». Кажется ясно? Но авторъ до такой степени огорченъ тѣмъ, что «демонстранты помѣшали членамъ юридическаго общества произвести ихъ собственную демонстрацію—голосованіе и отправку телеграммы мин. внутр. дѣлъ», что совершенно сбивается съ своей аргументаціи и задаетъ демонстрантамъ пустопорожній вопросъ: «какъ дѣйствовать, чтобы добиться свободы собраній?», на каковой вопросъ и отвѣчаетъ вышеуказанными словами, смыслъ которыхъ: дайте намъ собираться съ разрѣшенія властей, а для себя обходитесь безъ разрѣшенія. Но для харьковскихъ рабочихъ дѣло вовсе не шло о вопросѣ, какъ и м ъ добиться д л я с е б я права собраній. Ихъ занималъ другой вопросъ: какъ добиться для всей страны широкой демократической свободы? И для борьбы за эту свободы они сочли нужнымъ явиться въ чужое для нихъ собраніе, чтобы попытаться увлечь его за собой на болѣе революціонный путь, чтобы предложить его членамъ п р и с о е д и н и т ь с я къ п р о л е т а р с к о й

революціонной демонстраціи, чтобы предложить имъ оставить, какъ второстепенный, вопросъ о Святополкѣ, и требовать, вмѣстѣ съ рабочими, созыва Учредительнаго Собранія. И, въ виду такой цѣли, величайшей наглостью и іезуитизмомъ отдаютъ слова «Освобожденія»: «тѣ, кто негодуетъ на то, что правительство нарушаетъ права ученыхъ обществъ и свободу ихъ сужденій, не должны сами,—хотя бы съ самыми благими намѣреніями,—поступать подобнымъ же образомъ». Обвинять въ «свободномъ» органѣ сознательныхъ пролетаріевъ въ посягательствѣ на свободу и права гражданъ и отождествлять ихъ поведеніе съ поведеніемъ полиціи, значитъ вторить «Гражданину», который тоже, вѣдь, увѣряетъ, что сторонники свободы отнимаютъ свободу слова у всѣхъ несогласно-мыслящихъ [1]).

Русскіе пролетаріи ни на минуту не будутъ сбиты съ толку гнилыми разсужденіями демократическаго органа, поставившаго себѣ цѣлью придавать «благовидный характеръ навѣянному самыми заскорузлыми предразсудками и самой обывательской трусостью негодованію радикальной интеллигенціи на попытки пролетаріата принять участіе въ манифестаціяхъ противъ деспотизма. Они только посмѣются, когда прочтутъ далѣе въ статьѣ «Освобожденія» слѣдующія слова по поводу предстоящихъ земскихъ собраній:

„Попытки... обращеній къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ будутъ несомнѣнно имѣть крупное политическое значеніе. Въ такомъ смыслѣ будутъ и уже начали дѣйствовать между прочимъ и революціонныя организаціи. Ихъ попытки прійти въ соприкосновеніе съ общественными собраніями будутъ имѣть, однако, положительное политическое значеніе лишь при условіи полнаго соблюденія правъ и

---

[1]) Въ примѣчаніи авторъ цитируетъ корреспонденцію „Искры", которая признаетъ, что демонстрація въ Харьковѣ была „организована весьма неудачно", и пользуется этимъ признаніемъ, чтобы противопоставить его словамъ передовой статьи въ „Искрѣ", гдѣ сказано, что эта демонстрація „показываетъ, въ какомъ направленіи намъ слѣдуетъ дѣйствовать". Очевидно, почтеннѣйшій авторъ, что направленіе, въ которомъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать, есть именно то направленіе, которое вы осуждаете, какъ „посягательство на свободу ученыхъ обществъ", и что, дѣйствуя въ этомъ направленіи, соціалдемократы могутъ въ тоже время, при лучшей организованности, совладать съ тѣмъ „несвоевременнымъ безпорядкомъ", о которомъ говорилъ нашъ корреспондентъ и который привелъ къ тому, что собраніе было „просто сорвано". Этотъ безпорядокъ и шумъ объясняются прежде всего и больше всего политической невоспитанностью „массовой" интеллигентской публики (въ томъ числѣ и членовъ самого Общества), съ которою не удалось справиться организованному отряду харьковскихъ пролетаріевъ.

свободы сужденій этихъ собраній». Интересно было бы знать, входитъ ли въ число «правъ» общественныхъ собраній «право» подчиняться министерскому запрещенію говорить объ «общегосударственныхъ вопросахъ», «право» пускать (какъ сдѣлалъ предсѣд. Тамб. губ. собр.) публику «по билетамъ», «право» засѣдать подъ охраной полиціи, «право» «представителей населенія» не желать слушать являющихся къ нимъ «демонстрантовъ»? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы увидѣть всю нелѣпость разговоровъ о «свободѣ сужденій», соблюдать которую должны пролетаріи. Одно изъ двухъ: либо общественныя собранія хотятъ имѣть дѣйствительную свободу сужденій, въ которой имъ отказываетъ правительство, и тогда они заинтересованы въ томъ, чтобы стать подъ охрану населенія. Либо они пуще огня боятся этого населенія, и тогда они заранѣе отказываются отъ всякой «свободы сужденій», дабы сохранить за собою святое «право»—бормотать въ предѣлахъ, дозволенныхъ начальствомъ.

«Передъ могущественнымъ народнымъ возстаніемъ», говоритъ «Освобожденіе», конечно, должны были бы смолкнуть и стушеваться существующія общественныя собранія и учрежденія, но демонстраціи тѣхъ силъ, которыми располагаютъ въ настоящее время русскіе революціонеры, легко могутъ, принявъ извѣстное направленіе, разстроить земскія собранія, стать же на мѣсто ихъ и вмѣсто нихъ говорить съ правительствомъ, дѣйствуя, какъ народъ, они, конечно, не могутъ» (курс, нашъ).

Въ этихъ строкахъ вопросъ поставленъ совершенно правильно и демократамъ слѣдуетъ задуматься надъ заключающейся въ немъ дилеммой. Кто будетъ «говорить съ правительствомъ», «какъ народъ»— земская ли буржуазія или самъ народъ? Тотъ, кто уже убѣдился въ томъ, что для земской буржуазіи роль представителя грядущей революціи не по силамъ, будетъ только привѣтствовать попытки самого народа формулировать свои нужды. Тотъ, кто въ этомъ убѣдился, легко увидитъ въ этихъ попыткахъ начало «могущественнаго народнаго возстанія», передъ которымъ должны стушеваться слабыя организаціи имущихъ классовъ. И только тотъ «демократъ», который еще не рѣшилъ для себя самого, съ кѣмъ намѣренъ онъ идти въ ногу: съ «лойяльной» ли земской оппозиціей или съ революціоннымъ народомъ? только тотъ удовлетворится двусмысленными разсужденіями «Освобожденія».

Рѣшить этотъ вопросъ необходимо всѣмъ демократамъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ рельефнѣе становится перспектива той сдѣлки, которую правительство Святополка желало бы предложить земской оппозиціи. Дѣй-

ствительные демократы и рѣшительные конституціоналисты заинтересованы въ томъ, чтобы эта сдѣлка, имѣющая своей цѣлью разстроить ряды ихъ арміи, не удалась. Но она будетъ разбита тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе должны будутъ «смолкнуть и стушеваться» передъ требованіями народа сомнительные элементы земскаго либерализма. И плохую услугу дѣлу демократіи и конституціоннаго движенія окажутъ тѣ, кто, расшаркиваясь передъ «могущественнымъ народнымъ возстаніемъ», скрупулезно подсчитываютъ силы, которыми «располагаютъ русскіе революціонеры»—на близорукій глазъ.

«Всеобщей мобилизаціи» «могущественнаго народнаго возстанія» естественно предшествуютъ «частныя мобилизаціи» передовыхъ пролетарскихъ отрядовъ. Кто не умѣетъ оцѣнить политическаго значенія выступленія этихъ отрядовъ, тотъ будетъ застигнутъ врасплохъ и началомъ дѣйствительнаго возстанія. И нѣтъ для демократіи другого способа содѣйствовать скорому наступленію этого начала, какъ поддерживая революціонные попытки передовыхъ пролетаріевъ.

Съ помощью буржуазной демократіи или противъ нея, сознательный пролетарій долженъ дѣлать свое революціонное дѣло и нести во всѣ «общественныя собранія и учрежденія» свои политическія требованія, передъ которыми, какъ передъ требованіями народа, должны «смолкнуть и стушеваться» узкіе корпоративные интересы маленькихъ группъ оппозиціонной буржуазіи, идущіе въ разрѣзъ съ интересами освободительнаго движенія въ цѣломъ.

Пролетаріатъ долженъ выступать достаточно «безтактно»—въ смыслѣ Петра Струве—для того, чтобы земскія требованія конституціи перестали казаться «дерзкими».

Л. Мартовъ.

Итоги правительственной весны.

(23 декабря 1904 г., № 81).

«Манифеста» ждали долго, и услужливая молва широко разносила шагъ за шагомъ всѣ перипетіи того скорбнаго пути, который проходили «благія начинанія». Сначала говорили, что «вырабатывается конституція»; потомъ—что Государственный Совѣтъ будетъ пополненъ членами выбранными земствами, наконецъ—и это была крайняя мѣра полити-

ческаго разума, какую обывательская мысль еще предполагала у самодержавнаго правительства—что будутъ «назначены» новые члены въ Государственный Совѣтъ изъ числа «простыхъ» смертныхъ.

Но какъ «режимъ» всегда оказывалось и оказывается еще реакціоннѣе и ослѣпленнѣе, чѣмъ предполагаетъ самый пессимистическій обыватель Въ ту минуту, когда исторія уже начинаетъ вырывать изъ-подъ ногъ россійскаго абсолютизма всѣ «основы», на которыхъ онъ еще кое-какъ держался, онъ прежде всего заявляетъ о своемъ желаніи «непремѣнно» сохранить «незыблемость основныхъ законовъ имперіи!»

Мы не станемъ теперь останавливаться на разборѣ тѣхъ «реформъ», которыя обѣщаетъ указъ. Какъ ни туманно выражены очертанія этихъ «реформъ» въ указѣ, какъ заботливо онъ ни старается сохранить въ «принципѣ» всѣ прерогативы деспотизма—до положенія объ усиленной охранѣ включительно,—но достаточно ему попробовать хоть на шагъ двинуться въ сторону тѣхъ «предначертаній», которыми съ трогательною наивностью пытается правительство положить преграду напору революціи, достаточно хоть на пядь подвинуться въ сторону правового раскрѣпощенія крестьянъ, установленія независимаго суда, самостоятельности мѣстнаго самоуправленія и пр. и пр., чтобы все зданіе абсолютизма рухнуло, какъ карточный домикъ. Совершенно очевидно, что ни одной изъ этихъ «реформъ» не суждено быть осуществленной самодержавіемъ. И для современнаго настроенія умовъ, быть можетъ, наиболѣе характерно то презрѣніе, съ которымъ даже нѣкоторыя легальныя газеты проходятъ мимо правительственнаго реформаторства, не удостаивая ни единымъ словомъ всѣ тѣ великія и богатыя милости, которыя сулятся «отечеству» и которыя еще такъ недавно заставили бы радостно забиться многія либеральныя сердца.

Событія послѣдняго времени, видно, не совсѣмъ даромъ прошли даже для самыхъ расположенныхъ къ маниловщинѣ лицъ.

Мы не будемъ сейчасъ доискиваться точнаго смысла и значенія той кучи «преобразованій», которымъ суждено отцвѣсть, не расцвѣтши въ пасмурномъ климатѣ самодержавной Россіи. Но стоитъ подчеркнуть, какъ, безсильное во всѣхъ своихъ реформаторскихъ потугахъ, самодержавное правительство становится совершенно безплоднымъ, лишь только задумаетъ излить свои благодѣянія на самый прогрессивный классъ нашего времени—на пролетаріатъ. Въ рабочемъ классѣ концентрируется максимумъ революціонной энергіи и рабочій же классъ стоитъ, какъ самый ярый врагъ, передъ абсолютизмомъ. Казалось бы, всѣ основанія для противника попытаться успокоить этотъ бурный элементъ максимумомъ возможныхъ для абсолютизма «уступокъ». Но этотъ «максимумъ»

такъ минималенъ, что даже тѣхъ «льготъ», которыя сулились пролетеріату въ блаженную эпоху зубатовщины, «режимъ» обѣщать уже не можетъ. И рожденный въ долгихъ мукахъ указъ 12 декабря ничего не предлагаетъ рабочимъ больше «государственнаго страхованія», то есть не того, что требуетъ пролетаріатъ, имѣющій всѣ основанія не довѣрять страховымъ операціямъ полицейскихъ держимордъ и патентованныхъ казнокрадовъ, а того, что требуютъ фабриканты и заводчики, чувствующіе извѣстныя неудобства отъ закона о вознагражденіи за увѣчья и желающіе свалить съ себя на плечи самихъ рабочихъ и плательщиковъ налоговъ тягости «страхованія». Обѣщая рабочимъ только такую «льготу», абсолютизмъ тѣмъ самымъ откровенно признаетъ, что онъ уже и самъ не мечтаетъ о возможности «примиренія» своего съ пролетаріатомъ. И министерскій лакей Суворинъ откровенно поясняетъ въ своей статьѣ объ указѣ, что «административные ссыльные, революціонеры и массы фабричныхъ рабочихъ» во всякомъ случаѣ не принадлежатъ къ той «благомыслящей части общества», на сочувствіе которой можетъ разсчитывать существующій режимъ.

Правительственныя «реформы»! Правительство позаботилось обставить возвѣщеніе ихъ такъ, чтобы и самому слѣпому обывателю подчеркнуть тщету упованій на абсолютизмъ. Рядъ предостереженій и пріостановокъ газетъ, разносъ «дерзкихъ и безтактныхъ» земствъ, безпримѣрное по своей циничной наглости и жестокости избіеніе демонстрантовъ—вотъ каковъ былъ канунъ „предначертаній", обѣщающихъ русскому народу «разумную» свободу печати, «самостоятельность" и „независимость" земствъ, охрану „неприкосновенности» личности! А появившійся на слѣдующій же день послѣ указа наглый окрикъ «правительственнаго сообщенія» показалъ съ достаточной степенью вразумительности ту обстановку, въ которой предполагается проводить правительственныя «реформы», и тѣ мѣры, которыми правительство думаетъ обезпечить себѣ «сочувствіе». Указъ требуетъ «сочувствія благомыслящей части общества». Сообщеніе откровенно поясняетъ, что земства и думы, и общества, и собранія, и молодежь, и печать, и частныя лица и дѣятели мѣстнаго самоуправленія, и даже «лица, состоящіе на государственной службѣ»—все это относится къ разряду „неблагомыслящихъ". Усваивая себѣ всю программу «Московскихъ Вѣдомостей» по части искоренія «вольнаго духа», правительство грозитъ расправой всей Россіи. Вся Россія „ослѣплена обманчивыми призраками», только шайка придворныхъ бандитовъ знаетъ, чего требуютъ „насущныя нужды народныя!" И инсинуируя насчетъ «пользы» враговъ, правительство тѣмъ самымъ открыто пытается натравить на дѣя-

телей освободительнаго движенія „народъ“, которому будто-бы „чуждо движеніе противъ существующаго порядка управленія“. Мы знаемъ, гдѣ будетъ искать этотъ «народъ» правительство: вчерашніе громилы кишиневскихъ евреевъ еще разъ могутъ сослужить службу дѣлу отстаиванія «священныхъ завѣтовъ». А въ Тамбовѣ уже двинута въ походъ противъ «неблагомыслящихъ» шайка хулигановъ. Какъ ни чудовищенъ на первый взглядъ тамбовскій инцидентъ, но, въ сущности, можно было предвидѣть, что правительство такъ же мало остановиться передъ тѣмъ, чтобы натравить подкупленную чернь на православное «неблагомысліе», какъ не остановилось оно передъ натравливаніемъ ея на «неблагомысліе» еврейское. Совѣты Грингмутовъ, душегубскіе проекты Павловыхъ и Кузьминыхъ, «вандейскія» предложенія Нилусовъ встрѣтили въ высшихъ сферахъ то «довѣріе», которое обѣщано было «голосу общества». И послѣднее правительственное сообщеніе есть не только угроза административными и судебными карами, н он прямое поощреніе къ расправѣ съ «врагами». Изъ каждой строчки его звучитъ призывъ: «бей либераловъ и соціалистовъ», призывъ такъ сходный по своему истинному смыслу съ столь недавнимъ: «бей жидовъ». Подонки образованнаго общества, въ лицѣ харьковскаго отдѣла „Русскаго Собранія“, въ своей „всеподданнѣйшей челобитной“, уже предлагаютъ свои услуги—«стать во главѣ общерусскаго всесословнаго движенія, отстаивающаго первенствующее положеніе православія и неприкосновенность самодержавія», и грозятъ «однимъ мощнымъ потокомъ смыть плѣсень нашей общественной жизни». Этимъ пресмыкающимся плѣсенью кажется все, что растетъ выше уровня того самодержавнаго болота, въ тинѣ котораго они такъ привольно барахтаются.

Такъ мобилизуетъ свои силы правительство для предстоящей гражданской войны. Съ кишиневскими регаліями въ одной рукѣ и лоскуткомъ бумаги, на которой блѣдными чернилами нацарапаны проекты «реформы»—въ другой, выступаетъ оно въ походъ на защиту «незыблемыхъ основъ».

Во имя «реформъ» самодержавное правительство уже не можетъ собрать вокругъ себя внушительной силы; ни одинъ жизнеспособный классъ уже не можетъ, не отказываясь отъ насущныхъ интересовъ своихъ, стать подъ знамя абсолютизма. Но во имя «Кишинева», подъ «священный стягъ» могутъ собраться, наряду съ отбросами общества и народа, всѣ отмирающіе и жадно цѣпляющіеся за жизнь слои. И на это воинство будетъ возложена миссія—«охранять священные завѣты предковъ».

Можно заранѣе предвидѣть, что «предначертанія» указа 12 декабря не составляютъ крайняго предѣла тѣхъ реформаторскихъ проектовъ,

съ которыми попытается еще выступить прижатое къ стѣнѣ правительство. Нѣтъ ничего невозможнаго ни въ томъ, что Комитетъ Министровъ, на который возложено проведеніе „реформъ“ въ жизнь, подниметъ вопросъ о привлеченіи къ своимъ «работамъ» въ той или иной формѣ «дѣятелей, общественнымъ довѣріемъ облеченныхъ», ни даже въ томъ, что будутъ предложены тѣ или иныя «либеральныя» преобразованія Государственнаго Совѣта. И если указъ врядъ ли соблазнитъ кого либо изъ малыхъ сихъ, таящихъ въ глубинѣ сердца славянофильскія мечтанія объ «единеніи царя съ народомъ», то труднѣе поручиться за стойкость «умѣренныхъ», когда правительство будетъ предлагать «обществу» призрачное участіе въ законодательствѣ, хотя бы это участіе было ничѣмъ инымъ, какъ помощью въ дѣлѣ «укрывательства слѣдовъ преступленія».

И на сей возможный случай нельзя не порадоваться, что при первомъ же шагѣ къ реформамъ «правительство такъ ясно» оскаливаетъ свои волчьи зубы и замахивается надъ всѣми «неблагомыслящими» полицейской нагайкой. Въ эпоху «весенняго« опьяненія слишкомъ много лицъ, солидныхъ отцовъ и юркихъ дѣтей, связало себя такъ или иначе съ дѣломъ освобожденія Россіи. Слишкомъ много людей публично, своей подписью, засвидѣтельствовало свою «неблагонадежность и громко требовало уничтоженія самодержавія. Конечно, на политическую доблесть и стойкость огромной вереницы прошедшихъ передъ нами за послѣднее время отечественныхъ Мирабо возлагать большихъ надеждъ нельзя. Но, если не политическій разумъ и не гражданскія добродѣтели, то чувство личнаго самоохраненія должно внушить всему этому люду пониманіе необходимости не подаваться на приманку пряника сомнительной сладости, предлагаемаго абсолютизмомъ. Привѣтливое каванье указа дополняется такими угрожающими жестами правительственнаго сообщенія, что безъ особой остроты разума любому Мирабо легко сообразить, какіе скорпіоны ждутъ его, если абсолютизмъ выйдетъ побѣдителемъ изъ возгорѣвшейся борьбы. Эта борьба зашла слишкомъ далеко, чтобы можно было ждать немедленной измѣны сколько-нибудь широкаго круга лицъ въ вопросѣ о томъ, „быть или не быть“ самодержавію.

Но та гражданская война, которую, съ беззастѣнчивостью испытаннаго авантюриста, провоцируетъ правительство, должна заставить широкіе круги либерально-демократическаго общества не остановиться въ самомъ началѣ этого пути. Исторія австрійской контръ-революціи, исторія муравьевскаго крестоваго похода въ Польшѣ показываетъ, куда пойдетъ затравленное правительство. Сегодня, по его почину,

тамбовскіе хулиганы избиваютъ земцевъ, завтра оно будетъ натравлять крестьянина на помѣщика, сѣраго рабочаго — на либеральнаго фабриканта, и въ этой гражданской войнѣ оно не остановится передъ эксплуатаціей всѣхъ тѣхъ иллюзій, которыя въ первобытно-наивной формѣ, сливаясь съ архаическими идеалами варварской эпохи—православіемъ и самодержавіемъ, смутно бродятъ въ непросвѣтленной свѣтомъ политическаго сознанія душѣ народныхъ низовъ. Отклоняя мысль народа отъ политическаго переворота и, ради этой цѣли, разжигая всѣ грубые инстинкты и страсти, эта гражданская война зальетъ пожаромъ и кровью деревни и города. Всероссійскій Кишиневъ — вотъ что сулитъ Россіи самодержавное правительство. А когда напуганные «высшіе» классы покорно припадутъ къ стопамъ его, тогда придетъ чередъ народу кровью расплачиваться за разбивающіяся о суровую дѣйствительность иллюзіи, и освященный демагогическимъ крещеніемъ абсолютизмъ вознесется надъ побѣжденной Россіей.

Все это будетъ, если удадутся планы сторонниковъ стараго «режима». Или, вѣрнѣе, все это могло бы быть, если бы эти планы могли удасться. Но они не могутъ удасться, потому что, въ лицѣ сознательнаго пролетаріата, выступаетъ на сцену исторической драмы тотъ народъ, которому чужды утопіи и иллюзіи, который не можетъ пойти на удочку роялистскихъ демагоговъ, который знаетъ, что только черезъ развалины абсолютизма онъ можетъ выйти на путь борьбы за соціальное освобожденіе. И эту твердую, увѣренную поступь въ борьбѣ могъ дать пролетаріату только ростъ его классоваго сознанія, только его классовая организація. Въ той мѣрѣ, въ какой соціалдемократіи удасться стать во главѣ освободительнаго движенія и подчинить своему вліянію всѣ освободительныя силы, ровно въ той мѣрѣ становятся неосуществимыми кровожадные замыслы разбойниковъ роялизма, и тѣ попытки разжиганія гражданской войны, къ которымъ они прибѣгнутъ падутъ на ихъ же голову.

Гражданская война подъ знаменемъ демагогіи и во имя цезаристскаго возрожденія абсолютизма, или демократическая революція — на этомъ распутьи стоитъ теперь страна.

Рабочій классъ не заставитъ себя долго ждать; чуткое ухо слышитъ приближающійся мѣрный шагъ рабочей арміи, идущей на безпощадный бой съ абсолютизмомъ. Правительство тоже напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы отстоять свои позиціи, и безъ бою не сдастся. А посреди этихъ двухъ непримиримыхъ силъ мечется до сихъ поръ въ нерѣшительности либерально-демократическое общество. Чѣмъ ближе часъ грозной битвы, тѣмъ настоятельнѣе для русской демократіи примк-

нуть опредѣленно къ той или другой сторонѣ. Самостоятельная роль либерализма, съ его легальными методами дѣйствія, сыграна. Онъ высказалъ все, что могъ сказать, и послѣдній политическій шагъ его земской организаціи можетъ, какъ это показалъ примѣръ Московскаго, Смоленскаго и Черниговскаго земствъ, состоять лишь въ самоупраздненіи. Надвигающаяся реакція съ ея безпощадною местью съ одной стороны, надвигающаяся революція съ ея «крайними» демократическими лозунгами съ другой, какъ два жернова, перемалываютъ промежуточныя формы общественнаго движенія. За гражданскую войну, организованную абсолютизмомъ, со всѣмъ ея варварствомъ и со всѣми ея реакціонными результатами, или за революцію, стремящуюся воплотить въ жизнь наиболѣе совершенныя формы государственной демократіи—вотъ вопросъ, который надо рѣшить. Отказъ отъ всѣхъ политическихъ правъ въ пользу деспотизма, или отказъ отъ политическихъ привилегій въ пользу народа—вотъ между чѣмъ надо выбирать.

Преисполненный сознанія величія своей исторической миссіи, можетъ смотрѣть рабочій классъ въ лицо грядущимъ событіямъ. Несокрушимый оплотъ прогресса и культуры, онъ воздвигнетъ утесъ, о который разобьются волны реакціи. Насилію роялистскихъ громилъ онъ противопоставитъ силу борцовъ революціи, демагогическимъ натравливаніямъ—свѣтъ классоваго сознанія. И каждая капля той крови, которая прольется во имя революціи, будетъ живительной росой для ростковъ народной свободы. Теперь, когда правительственный отвѣтъ на конституціонное движеніе бросилъ лучъ свѣта на перспективы будущаго, теперь пролетаріатъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать, обращаясь ко всѣмъ, кто хочетъ свободы: пора бросить всякую двусмысленность, пора открыто и безповоротно признать демократическіе лозунги народа! Всякое колебаніе, всякая попытка уклониться отъ послѣдовательнаго демократизма можетъ только облегчить замыслы абсолютистскихъ демагоговъ, отдать имъ всю страну на «потокъ и разграбленіе». Кто хочетъ послѣдовательной борьбы съ деспотизмомъ, тотъ уже не можетъ не быть за демократическія требованія народа.

Ф. Данъ.

Массовая стачка въ Баку.

(23 декабря 1904 года, № 81).

Газеты сообщили важное извѣстіе о начавшейся въ Баку и его районѣ стачкѣ рабочихъ нефтяныхъ промысловъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, стачка охватила всѣ промыслы и превратилась во «всеобщую забастовку». Газеты не выходятъ, трамвайное сообщеніе прервано.

То, что намъ извѣстно о настроеніи умовъ въ Баку, позволяетъ думать, что такой оборотъ событій не является случайнымъ. Уже давно бакинскій пролетаріатъ порывается снова прибѣгнуть къ испытанному въ 1903 году средству рѣшительнаго воздѣйствія на своихъ враговъ. Онъ пытался сдѣлать это въ майскіе дни истекающаго года, но безуспѣшно. Броженіе, вызванное войной и усиленное «весенними» событіями, укрѣпило это стремленіе. Образовавшаяся недавно организація «балаханскихъ и биби-эйбатскихъ рабочихъ» (отдѣлившаяся отъ партійнаго комитета—надо надѣяться, не надолго—въ силу очень обострившихся организаціонныхъ разногласій) начала свою агитаціонную дѣятельность горячимъ призывомъ готовиться ко «всеобщей забастовкѣ», какъ средству, которымъ пролетаріатъ положитъ конецъ преступной войнѣ. На это же средство указывала недавно изданная прокламація той же партійной организаціей, выпущенная ею по поводу «весенняго» разгула либераловъ: прокламація призывала рабочихъ своимъ давленіемъ — въ формѣ всеобщей стачки — исторгнуть отъ правительства удовлетвореніе народныхъ требованій. Мѣстный комитетъ принялъ живое участіе въ руководствѣ начавшимся движеніемъ.

Стачка вспыхнула 13 декабря, на другой день послѣ того, какъ былъ подписанъ «указъ» о незыблемости самодержавія. Она вспыхнула словно нарочно для того, чтобы показать абсолютизму и его либеральному противнику, что ведущійся между ними поединокъ совершается на почвѣ, которую въ каждый мигъ могутъ потрясти вулканическія силы классовой борьбы пролетаріата. Она произошла какъ будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть логическій выводъ, объективно слѣдующій изъ создавшагося, съ окончаніемъ «весны», политическаго положенія. Этотъ выводъ гласитъ: *переговоры бюрократизма съ «обществомъ» кончились, время заговорить народу!*

Каковы бы ни были дальнѣйшія перипетіи новой бакинской забастовки, она, при настоящихъ условіяхъ, обязательно приметъ, въ большей или меньшей степени, характеръ политическаго протеста. А если насъ не обманываетъ наше пониманіе царящаго въ широкихъ кругахъ пролетаріата настроенія, эта стачка—каковъ бы ни былъ ея ходъ и исходъ — сыграетъ значительную агитаціонную роль и дастъ, на ряду съ недавними демонстраціями въ Одессѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ, сильный толчокъ переходу потенціальной революціонной энергіи, накопленной въ пролетарскихъ массахъ, въ энергію активную.

Мы привѣтствуемъ, поэтому, смѣлый починъ бакинскихъ пролетаріевъ снова испробовать дѣйствіе уже испытаннаго однажды боевого средства. Мы призываемъ всѣхъ товарищей внимательно слѣдить за событіями въ Баку, популяризировать ихъ въ массахъ и дѣлать надлежащіе выводы для близкаго будущаго. Переживаемое время требуетъ отъ россійскаго пролетаріата высшей революціонной активности Наша постоянная агитаціонная и организаціонная работа все ближе и ближе подводитъ насъ къ тому моменту, когда широкія пролетарскія массы ощутятъ живую потребность вступить въ рѣшительный бой со своимъ злѣйшимъ врагомъ. И въ этотъ моментъ только истинно-революціонная инициатива, только глубоко продуманная тактика позволятъ соціалдемократической партіи содѣйствовать тому, чтобы новый «стихійный» подъемъ революціонной энергіи массъ превратился въ великій «девятый валъ».

Пролетаріатъ порывается сказать свое слово послѣ того, какъ либерально-демократическая буржуазія сказала все, что могла сказать. Это слово должно громко, какъ революціонный призывъ, раздаться на аренѣ нашей общественно-политической жизни, и организованный соціалдемократіей пролетаріатъ, какъ самостоятельный и сознательный факторъ общественнаго преобразованія, наложитъ свое вліяніе на итогъ переживаемаго страной кризиса.

Въ странѣ, потрясенной до самыхъ глубинъ разыгрывающейся политической драмой; въ моментъ, когда всѣ жизнеспособные элементы всѣхъ классовъ готовы рукоплескать всякой формѣ политическаго протеста,—въ такой моментъ политическая массовая стачка можетъ съ успѣхомъ послужить въ рукахъ организованнаго пролетаріата тѣмъ рычагомъ, при посредствѣ котораго онъ дастъ сильный толчокъ революціонному развитію событій. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, «активную» стачку, не суживающую искусственно своего революціоннаго эффекта однимъ лишь экономическимъ давленіемъ прекращенія работъ,

но усиливающую этотъ эффектъ всѣми видами открытаго «уличнаго» протеста. Вотъ почему мы съ надеждой смотримъ на бакинскую стачку.

Мы ограничиваемся здѣсь этими бѣглыми замѣчаніями, чтобы вернуться еще къ данному вопросу, когда получатся болѣе полныя свѣдѣнія о бакинской стачкѣ.

Л. Мартовъ.

Объ одной политической директивѣ.

(1 января 1905 г., № 82.)

Прошло уже довольно много времени съ тѣхъ поръ, какъ Бундъ сдѣлалъ печальное открытіе, что въ области національнаго вопроса соціалдемократическая мысль дала «несомнѣнно меньше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ крупныхъ политическихъ вопросахъ», и что специфическіе интересы пролетаріата угнетенныхъ національностей порождаютъ специфическія требованія, которыхъ, по непростительному упущенію, не имѣется ни въ одной соціалдемократической программѣ. Однако, до настоящаго времени всѣ попытки Бунда пополнить столь важный пробѣлъ политическихъ воззрѣній международной соціалдемократіи всецѣло исчерпывались однимъ «специфическимъ» требованіемъ—признанія всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата. Но это требованіе, при всей его опредѣленности, справедливо возбуждало нѣкоторое недоумѣніе и, во всякомъ случаѣ, не могло считаться сколько-нибудь цѣннымъ вкладомъ въ идейную сокровищницу интернаціональной соціалдемократіи.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Бунду удалось найти яко бы самостоятельное политическое требованіе программнаго характера. Это — требованіе національнаго самоуправленія [1]). Подъ національнымъ самоуправленіемъ политическіе мыслители «Вѣстника Бунда» понимаютъ не самоуправленіе отдѣльныхъ областей съ иноплеменнымъ населеніемъ,

[1]) Вѣстникъ Бунда №№ 4-й и 5-й, „Соціалдемократія и національный вопросъ“.

а самоуправленіе каждой націи, какъ суммы всѣхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ данной культурно-исторической группѣ, независимо отъ ихъ районнаго разселенія».

Задачи національнаго самоуправленія формулируются, къ сожалѣнію, въ очень туманныхъ и расплывчатыхъ выраженіяхъ. Ему предназначается область культурныхъ функцій государства: «народной школы и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій, вѣдающихъ дѣла языка и искусства». Нація, гласитъ новая теорія, «самоуправляется лишь въ той области вопросовъ, въ которой проявляется національная жизнь, какъ таковая, т. е. въ области культурныхъ вопросовъ». «Этимъ ограничивается ея компетенція. Для всѣхъ остальныхъ дѣлъ и функцій «національный союзъ» становится какъ бы несуществующимъ, его члены фигурируютъ уже не въ роли представителей данной націи, а просто въ роли жителей той или иной административной единицы, избирателей въ тѣ или иные органы областного самоуправленія, граждан россійскаго государства»... Культурныя же задачи передаются въ вѣдѣніе «національно-автономныхъ учрежденій», избираемыхъ для себя каждой націей «на демократическихъ началахъ путемъ всеобщаго избирательнаго права».

Такова сущность тѣхъ политическихъ требованій, которыми Бундъ, въ спеціальныхъ интересахъ пролетаріата угнетенныхъ національностей, считаетъ необходимымъ пополнить программы соціалдемократическихъ партій, таковъ его отвѣтъ на національный вопросъ. Только «извѣстнаго рода идейная неопрятность, продуктъ недостаточно тщательной очистки своихъ взглядовъ и симпатій отъ привнесеннаго въ нихъ буржуазнаго хлама», препятствовала до сихъ поръ творцамъ и борцамъ великаго классоваго движенія, развивающагося подъ знаменемъ научнаго соціализма, найти это глубокое и ясное рѣшеніе! Къ счастью для интернаціональной соціалдемократіи, новый проектъ національнаго самоуправленія представляетъ сплошное недоразумѣніе, вытекшее изъ полнаго непониманія его авторами государственно-правовыхъ отношеній современнаго капиталистическаго общества, о которомъ только и можетъ идти рѣчь въ программѣ минимумъ, и знаменуетъ не косность и буржуазность соціалдемократической мысли, а плачевную теоретическую немощь «единственныхъ представителей еврейскаго пролетаріата».

Понятіе самоуправленія, съ которымъ такъ неосторожно обходится «Вѣстникъ Бунда», въ качествѣ политическаго принципа означаетъ не самостоятельное завѣдываніе различныхъ общественныхъ или національныхъ союзовъ ихъ собственными дѣлами, а опредѣлен-

ную систему государственнаго управленія, опредѣленное устройство мѣстной администраціи. Оно имѣетъ цѣлью не выполненіе той или другой отдѣльной государственной задачи, а совокупность всѣхъ государственныхъ задачъ, поскольку онѣ ограничиваются мѣстностью. Какъ государственный институтъ, самоуправленіе обладаетъ принудительною властью, правомъ установленія налоговъ, правомъ мѣстнаго законодательства. Такимъ образомъ, самоуправленіе отнюдь не характеризуется удовлетвореніемъ «собственныхъ»—хозяйственныхъ или культурныхъ—нуждъ данной общественной группы; наоборотъ, оно превращаетъ всѣ государственныя нужды въ «собственныя» нужды всего населенія. Въ этомъ смыслѣ, современное право и опредѣляетъ самоуправленіе, какъ самостоятельное осуществленіе населеніемъ общихъ задачъ государственнаго управленія. Только такое самоуправленіе, передающее функціи государства въ руки народа, является особымъ политическимъ требованіемъ и должно занимать мѣста въ политическихъ партійныхъ программахъ.

Но такое самоуправленіе неизбѣжно строится на территоріальной, а не національной основѣ. Задачи государства по отношенію ко всѣмъ гражданамъ, ихъ взаимныя права и обязанности въ государственномъ цѣломъ едины и одинаковы. Въ цѣломъ рядѣ такихъ функцій самоуправленія, какъ охрана труда, благоустройство мѣстности, улучшеніе жизненныхъ условій и т. п., раздробленіе территоріальныхъ единицъ на національныя группы явилось бы реакціонной реставраціей средневѣковыхъ правовыхъ отношеній. Слабое сознаніе этого мелькаетъ и у авторовъ «національнаго самоуправленія», когда они признаютъ необходимость «всенаціональнаго» территоріальнаго самоуправленія для удовлетворенія нуждъ «территоріальнаго» характера, т. е. въ сущности, всѣхъ нуждъ, общихъ населенію данной мѣстности безъ различія національностей.

Но мимолетный проблескъ сознанія немедленно гаснетъ, какъ только рядомъ съ общимъ самоуправленіемъ они строятъ особый національный механизмъ и возводятъ его въ званіе политическаго института, на введеніи котораго должна настаивать социалдемократія. Здѣсь начинается безнадежная путаница. То самоуправленіе, которое должно вѣдать проявленіе національной жизни въ языкѣ, наукѣ, искусствѣ, литературѣ и т. п., вовсе не представляетъ политическаго понятія. По отношенію къ духовной культурѣ націи государство несетъ только одну обязанность—обезпечить ей возможность свободнаго существованія и развитія свободными политическими условіями. Если культурныя запросы націи вызовутъ необходимость національныхъ союзовъ, то

образованіе ихъ, естественно, не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій въ демократическомъ государствѣ. Но ни одно государство не имѣетъ ни права, ни основанія создавать такіе союзы принудительно и облекать ихъ полномочіями органовъ государственной власти. Это—добровольныя соединенія граждапъ, обязательныя исключительно для участниковъ. Государственная власть не можетъ насильственнымъ путемъ заставить еврея оказывать содѣйствіе національному обществу изученія еврейской литературы или еврейской исторіи. Политическія программы, поскольку онѣ предвидятъ возникновеніе подобныхъ національныхъ «учрежденій», могутъ требовать только общаго и широкаго права союзовъ, которое, какъ извѣстно, составляетъ обычное требованіе всякой демократической партіи. Требованія же національнаго культурнаго самоуправленія нѣтъ ни въ одной программѣ, такъ какъ такое самоуправленіе является государственнымъ институтомъ. Государство не знаетъ «учрежденій, вѣдающихъ дѣла языка, науки и искусства», [1]) и нельзя требовать, чтобы оно отказалось отъ того, чего не имѣетъ.

Нѣсколько иной характеръ носитъ требованіе обособленной національной школы, выставленное «Вѣстникомъ Бунда». Демократическое государство обязано дать всѣмъ гражданамъ равное образованіе и, поэтому, не имѣетъ права отказаться отъ участія въ школьномъ дѣлѣ. Однако, при наличности національныхъ школьныхъ союзовъ, вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы урегулировать ихъ отношенія къ государству, а не въ томъ, чтобы лишить ихъ свободы преподаванія и обученія. И надо надѣяться, что демократія разрѣшитъ этотъ вопросъ безъ всякаго ущерба національнымъ правамъ и достоинству.

Такимъ образомъ, всякая демократическая программа обезпечитъ различнымъ національностямъ разноплеменнаго государства возможность національнаго самоуправленія, какъ его понимаетъ Бундъ, но его практическое осуществленіе не можетъ стать задачей какой-либо политической партіи и, слѣдовательно, задачей государства, такъ какъ такое самоуправленіе является добровольнымъ соглашеніемъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ извѣстной націи.

Другой вопросъ—насколько національное самоуправленіе, этотъ блокъ пролетаріата съ буржуазіей въ области якобы единыхъ культурныхъ цѣлей, можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія соціалдемократіи.

---

[1]) Быть можетъ, Бундъ разумѣетъ здѣсь академіи наукъ и художествъ? Но неужели онъ серьезно думаетъ, что въ нихъ «сконцентрируется вся накопившаяся энергія воинствующаго національизма»?

Старая догма, въ которой Бундъ, по примѣру прочихъ ревизіонистовъ, пытается найти «наименѣе укрѣпленное мѣсто» для своей аттаки, не видитъ ничего привлекательнаго въ такой комбинаціи, при которой на плечахъ пролетаріата даже въ демократическомъ государствѣ взваливается, кромѣ обычнаго гнета всей буржуазіи, еще спеціальный гнетъ родной буржуазіи въ вопросахъ культурной жизни. Но этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, возникающіе въ связи съ проектомъ національнаго самоуправленія, потребовалъ бы особаго разсмотрѣнія.

Въ настоящей замѣткѣ, мы имѣли цѣлью только показать, что первое самостоятельное политическое требованіе, выпущенное «Вѣстникомъ Бунда», оказывается, на самомъ дѣлѣ, вовсе не политическимъ. Никакихъ специфическихъ требованій, основанныхъ на специфическихъ интересахъ еврейскаго пролетаріата, Бундъ не выставилъ. Положительные результаты его творческихъ усилій равны нулю. Попытка органически связать націоналистическія утопіи съ пролетарскими интересами окончилась, какъ и слѣдовало ожидать, блестящею неудачею. «Національная соціалдемократическая программа» свелась къ плохому и запутанному пересказу общаго демократическаго символа вѣры.

Этотъ жалкій исходъ долгихъ исканій, окончившихся наиболѣе безплодной и наименѣе классовой директивой, служитъ самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ двусмысленности и неустойчивости современной позиціи Бунда и его неспособности къ роли самостоятельнаго политическаго руководителя соціалдемократическаго движенія.

Н. Негоревъ.

На вѣрномъ пути.

(7 янв. 1905 г.; № 83).

Въ то время, какъ въ осажденномъ внутреннимъ непріятелемъ правительственномъ Портъ-Артурѣ идетъ спѣшная работа снаряженія новыхъ фортовъ и опусканія подводныхъ минъ;—въ лагерѣ его враговъ, въ процессѣ все учащающихся аванпостныхъ схватокъ, совер-

шается работа самоопредѣленія общественныхъ силъ, или, что то же, формированія реальныхъ политическихъ партій.

Это—очень важная, по своей политической цѣнности, работа, и, въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, она можетъ производиться только въ періоды сильнаго общественнаго подъема. Тотъ общественный классъ, авангардъ котораго не успѣетъ въ предреволюціонную эпоху произвести эту предварительную работу, окажется застигнутымъ врасплохъ самой революціей и будетъ вынужденъ болѣе или менѣе продолжительное время играть въ ней роль аморфной массы, неспособной вести самостоятельную классовую политику. А сущность этой работы заключается въ политическомъ сплоченіи всѣхъ сознательныхъ элементовъ даннаго класса, въ ходѣ ихъ активныхъ выступленій на защиту политическихъ требованій, формирующихъ съ наибольшей ясностью и отчетливостью интересы этого класса. Когда сознательный авангардъ опредѣленнаго класса политически объединился и организовался въ такой активной кампаніи, совершающейся на глазахъ широкихъ народныхъ массъ, когда онъ, въ ходѣ своей политической организаціи, пользуется всѣми случаями, представляющимися ему для вовлеченія въ сферу своей агитаціи все болѣе широкихъ, доселѣ инертныхъ, слоевъ этой массы; когда, наконецъ, онъ умѣетъ пользоваться моментами стихійнаго подъема этой массы для того, чтобы однимъ удачнымъ ударомъ прочно скрѣплять свою связь съ нею;—когда всѣ эти условія на-лицо, сознательный авангардъ можетъ сказать съ увѣренностью, что политическая «катастрофа» не застанетъ его въ роли секты, оторванной отъ массы.

Начиная 3-й годъ своего существованія, «Искра» писала въ № 31 отъ 1 января 1903 года, обращаясь къ «той рабочей и интеллигентной молодежи, которая несетъ на себѣ главное бремя нашей революціонной работы»:

«Помните, что въ моментъ, когда будетъ происходить ликвидація теперешняго, въ сущности подготовительнаго, періода нашего движенія, когда на расчищенной отъ абсолютизма аренѣ будетъ происходить открытая классовая борьба между враждебными соціальными силами,—что въ этотъ моментъ будетъ поздно искать отвѣта на вопросы, которые задастъ пролетаріату жизнь—время будетъ отдать свои силы на борьбу за отвѣты, уже найденные!» *)

Сознательные пролетаріи хорошо поняли значеніе нынѣшняго момента для ихъ политическаго сплоченія въ дѣйствительный револю-

---

*) «Идейныя традиціи и идейныя задачи пролетарскаго соціализма».

ціонный авангардъ своего класса и отозвались на призывъ своихъ руководящихъ организацій къ широкой агитаціи за созывъ Учредительнаго собранія и прекращеніе войны. Въ томъ же № «Искры», какъ и въ предыдущихъ, имѣются сообщенія о рядѣ устроенныхъ рабочими собраній и манифестацій. Сознательные рабочіе хорошо оцѣнили возможное агитаціонное значеніе своихъ «вторженій» въ сферу пріобрѣвшаго извѣстное право на «легальность» общественнаго движенія, руководимаго либерально-демократической оппозиціей. Ихъ не смутили раздавшіеся со стороны многихъ либеральныхъ умниковъ и демократическихъ фразеровъ возгласы: «долой!», «кто вы такіе?» и т. д. Ихъ, мы увѣрены, не смутятъ и раздающіеся со стороны нѣкоторыхъ «революціонеровъ по недоразумѣнію» окрики: «назадъ!», «это не революціонно!» и т. д.

Ихъ не смутятъ глубокомысленныя соображенія (которыя можно услышать равнымъ образомъ и отъ распѣтушившихся либераловъ и отъ недозрѣлыхъ революціонеровъ) о томъ, что въ «настоящее время, когда»... и т. д., не слѣдуетъ обращать вниманія на такія «мелочи», какъ объединеніе уже вовлеченныхъ въ среду нашего вліянія пролетарскихъ элементовъ на почвѣ коллективнаго выступленія предъ правительствомъ и «обществомъ» съ манифестированіемъ своихъ требованій. Какъ доведенный до краснаго каленія либералъ, такъ идущій, незамѣтно для себя, у него въ поводу революціонеръ указаннаго выше типа думаютъ, что «въ настоящее время» умѣстны только открытыя схватки дѣтей народа съ полицейской силой—вооруженныя демонстраціи. Имъ кажется, что, организуя, рядомъ съ либеральными и демократическими «мирными» манифестаціями, свои такія же манифестаціи, пролетаріи отказываются отъ выполненія своей исторической миссіи—собрать и вывести на открытый бой тѣ народныя массы, которыя однѣ только смогутъ разбить на голову полчища абсолютизма. Первый думаетъ, что пролетаріи—соціалдемократы занимаются этими «мелочами» въ силу своей страсти «сводить старые счеты» съ несогласно мыслящими о характерѣ желательныхъ политическихъ завоеваній. Тѣ «революціонеры» изъ интелигенціи, о которыхъ мы упоминали и которые, называютъ ли они себя «соціал.-революціонерами», или «марксистами» или подчасъ даже соціалдемократами, принадлежатъ всецѣло къ числу «революціонеровъ фразы», выведенныхъ настоящимъ бурнымъ моментомъ изъ состоянія обычной для нихъ политической бездѣятельности,—эти псевдо-революціонеры, въ свою очередь, воображаютъ, что соціалдемократы устраиваютъ свои «мирныя» манифестаціи въ земствахъ, думахъ и на общественныхъ собраніяхъ потому,

что «оппортюнистически» гонятся за «практическими» завоеваніями, имѣющими извѣстное значеніе въ «мирное» время, но несущественными въ періоды боевые.

Недоразумѣнія либеральныя достаточно только отмѣтить. Укажемъ развѣ, что—если появленіе рабочихъ на собраніяхъ либераловъ и демократовъ сопровождалось тѣмъ, что принято называть «сведеніемъ счетовъ», то это происходило лишь тамъ и тогда, гдѣ и когда либералы и «демократы» начинали сводить свои счеты съ народной массой, заявляя своими резолюціями недовѣріе къ ней, или встрѣчая реакціоннымъ отпоромъ призывъ соціалдемократовъ къ болѣе революціонному и демократическому выступленію. Если, напримѣръ, самарская демонстрація въ ноябрѣ ознаменовалась тѣмъ, что къ обычной народной поговоркѣ «долой самодержавіе» пришлось прибавить мѣстную характерную поговорку «долой либераловъ», то вина за это всецѣло падаетъ на послѣднихъ. Ибо, что бы ни думали эти господа, но не свобода существуетъ для либераловъ, а либералы для свободы, и если либералъ измѣняетъ дѣлу борьбы съ абсолютизмомъ, то преданность свободѣ обязываетъ кричать «долой либераловъ»!

На доводахъ революціонеровъ голой фразы слѣдуетъ остановиться внимательнѣе. Правда, въ настоящій моментъ вліяніе ихъ на сознательныхъ пролетаріевъ приблизительно равно нулю, выступаютъ ли они въ качествѣ открытыхъ противниковъ нашей партіи, или же съ большимъ или меньшимъ правомъ присваиваютъ себѣ кличку «соціалдемократа». По вопросу объ агитаціи противъ войны имъ не удалось убѣдить, мы увѣрены, ни одного русскаго пролетарія, въ томъ, что требованіе «мира во что бы то ни стало»—недостаточно революціонно, ибо пролетаріи никакъ не могли раздѣлить либеральнаго соображенія этихъ господъ, будто «преждевременный» миръ можетъ задержать крахъ самодержавія, никакъ не могли, поэтому, вдохновиться «революціоннымъ» энтузіазмомъ по адресу буржуазнаго японскаго правительства, преслѣдующаго японскихъ пролетаріевъ за ихъ борьбу съ милитаризмомъ. Также точно не удалось этимъ безпринципнымъ революціонерамъ внушить сознательному пролетаріату политическую беззаботность относительно хода либерально-демократическихъ кампаній противъ деспотизма. Но если сейчасъ дѣло обстоитъ такъ, то завтра, при болѣе сильномъ подъемѣ народныхъ «низовъ», идея о б о й т и трудности, представляемыя соціалдемократической тактикой авантюристскими экспериментами надъ внезапно давшейся въ руки народной стихіей, можетъ пріобрѣсти извѣстный успѣхъ среди менѣе сознательныхъ элементовъ нашего движенія. И это тѣмъ болѣе, что обостреніе

конфликта между либерально-демократическимъ «обществомъ» и самодержавіемъ должно будетъ создать массу новыхъ «революціонеровъ на часъ», которые будутъ стремиться морально и матеріально усилить наиболѣе безпринципныя и авантюристскія группы въ нынѣшнемъ революціонномъ лагерѣ. Насъ не удивило бы даже, если бы это обостреніе борьбы либерально-демократической буржуазіи съ абсолютизмомъ вызвало ближайшимъ образомъ, между прочимъ, созданіе новаго теченія въ широкой средѣ соціалдемократической интеллигенціи—съ извѣстной симпатіей къ террору, съ снисходительнымъ и «широкимъ» отношеніемъ къ всякаго рода «блокамъ», съ каиновой печатью склонности ко всѣмъ и всякимъ авантюристскимъ лозунгамъ въ агитаціи и къ противуестественнымъ «синтезамъ» въ теоріи (напримѣръ, синтезъ Ницше и Маркса). Пусть поэтому сознательные пролетаріи внимательнѣе относятся къ проповѣди тѣхъ, кого поднявшаяся волна буржуазно-революціоннаго движенія заброситъ въ политическія сферы, близкія классовому движенію пролетаріата. При нашихъ политическихъ условіяхъ мы не всегда можемъ, встрѣтившись съ новымъ претендентомъ на «руководительство пролетарской борьбой», узнать подробно исторію его предыдущей политической дѣятельности и выяснить, въ какой заговорщической школкѣ или въ какомъ буржуазномъ «блокѣ» онъ подвизался непосредственно передъ постановкой своей «соціалдемократической» кандидатуры. Тѣмъ строже должны будемъ мы взвѣшивать каждое «новое слово», въ разгаръ революціонной борьбы бросаемое этимъ претендентами въ нашу агитацію, тѣмъ отчетливѣе должны мы выяснить для себя cui prodest?—кому на пользу тотъ или другой рекомендуемый пролетаріату планъ борьбы?

— Манифестаціи организованныхъ пролетаріевъ на собраніяхъ либерально-демократической оппозиціи, говорятъ намъ, недостаточно революціонны для настоящаго революціоннаго времени.

Почему собственно? Потому что онѣ не направлены непосредственно противъ абсолютизма? Невѣрно! Ибо, манифестируя, пролетаріи покрываютъ своимъ могучимъ голосомъ слабые голоса общественнаго протеста либеральной демократіи и тѣмъ самымъ усиливаютъ политическій эффектъ болѣе или менѣе легальныхъ выступленій земцевъ и тому подобныхъ элементовъ.

— Но эти выступленія не замѣняютъ вооруженныхъ столкновеній руководимой пролетаріатомъ народной массы съ силами реакціи?

Разумѣется, но не въ этомъ и цѣль такихъ манифестацій, какъ не въ этомъ заключалась—для соціалдемократіи!—и цѣль обычныхъ въ нашей борьбѣ уличныхъ демонстрацій. Основная ихъ цѣль

была агитаціонная, и обычныя демонстраціи сравнительно ограниченнаго круга сознательныхъ рабочихъ и не могли ставить себѣ иной цѣли. Лишь такія, въ строгомъ смыслѣ слова, массовыя демонстраціи, которыя непосредственно выростаютъ изъ стихійнаго подъема широкихъ слоевъ народа, въ обычное время слабо реагирующихъ на нашу агитацію,—лишь такія демонстраціи могутъ нами оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ возможнаго превращенія въ частныя выступленія, съ точки зрѣнія ихъ обобщенія въ одно всероссійское выступленіе народа. Но для того, чтобы имѣть передъ собой такія демонстраціи, какъ хроническое явленіе, надо усиленно и систематически вести агитацію въ самыхъ широкихъ массахъ всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами. А чтобы вести такую агитацію, надо прежде всего концентрировать ее на опредѣленныхъ, ясныхъ и принципіально-правильныхъ политическихъ требованіяхъ, и эти требованія сдѣлать массѣ понятными во всей ихъ конкретности путемъ постояннаго нагляднаго демонстрированія того реальнаго соотношенія общественыхъ силъ въ «общенаціональной» борьбѣ нашихъ дней, которое мы для себя констатируемъ теоретическимъ анализомъ и публицистическимъ освѣщеніемъ. Разнообразные политическіе уроки, данные имѣвшими уже мѣсто случаями «соприкосновенія» революціонныхъ пролетаріевъ и оппозиціонныхъ буржуа на аренѣ общей борьбы съ режимомъ бюрократіи въ Харьковѣ и Одессѣ, въ Кіевѣ и Саратовѣ, Петербургѣ и Черниговѣ, не останутся достояніемъ тѣхъ только тысячъ передовыхъ пролетаріевъ, которые явились непосредственными участниками этихъ событій. Втягиваемыя нашей агитаціей въ сферу активной борьбы новые и новые слои народа воспримутъ въ свое пробудившееся сознаніе совершенно опредѣленныя картины политической дѣйствительности, которыя будутъ ассоціироваться съ общими идеями, являющимися предметомъ нашей «повседневной» пропаганды и агитаціи. Наивно воображать, будто революціонное развитіе массы можетъ идти инымъ путемъ. Наивно представлять себѣ, будто крѣпкая организація «профессіональныхъ революціонеровъ», сильная только своей конспиративностью, гибкостью и революціоннымъ престижемъ, завоеваннымъ въ теченіе извѣстнаго періода,—будто она сможетъ «овладѣть» поднимающимися въ моментъ остраго революціоннаго подъема новыми широкими слоями народной массы, и повести ее по тому пути, который диктуется нашимъ пониманіемъ ея интересовъ. Увы! Политическій капиталъ, пріобрѣтенный въ условіяхъ подпольной работы, быстро обезцѣнивается въ яркіе дни дѣйствительной революціи, и политическій кредитъ, завоеванный при отсутствіи

конкурентовъ на него, можетъ быть скоро и безвозвратно утерянъ. Для того, чтобы народная масса шла за нами въ дни революціи, необходимо, чтобы процессъ приближенія этой революціи былъ одновременно процессомъ политическаго сплоченія въ ходѣ активной и планомѣрной борьбы всѣхъ уже теперь сознательныхъ атомовъ этой массы, чтобы каждый временный подъемъ новаго слоя этой массы «естественно» крѣпко связывалъ возможно большую часть его съ уже сплоченнымъ ядромъ сознательнаго пролетаріата. Совершенно очевидно, что эта великая задача недостижима средствами одного лишь «накачиванія» народной массы прокламаціями, изготовленными партійными типографіями, да поневолѣ рѣдкими политическими «смотрами», которые партія можетъ дѣлать этой массѣ въ видѣ уличныхъ демонстрацій и стачекъ. Совершенно очевидно, что эта полезная и необходимая работа должна непремѣнно дополняться и политически осмысливаться интенсивнымъ участіемъ въ «повседневной» политической жизни уже объединенныхъ нами пролетарскихъ элементовъ [1]). Тутъ же замѣтимъ, что т о л ь к о э т и м ъ п у т е м ъ рѣшается, въ конечномъ счетѣ, тотъ вопросъ объ «укрѣпленіи связи партіи съ массой» и о «демократизаціи» нашей организаціи, который такъ живо интересуетъ теперь большинство членовъ нашей партіи.

Какъ это ни странно, но наша точка зрѣнія вызываетъ въ умахъ нѣкоторыхъ романтиковъ игривое представленіе о желаніи «добиваться осязательныхъ результатовъ» въ смыслѣ Бернштейна. Не понимая, что, въ качествѣ соціалдемократовъ, мы не можемъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія революціоннаго вліянія на массы разсчитывать ни на что иное, кромѣ развитія классоваго самосознанія и классовой организаціи передовой части пролетаріата, эти романтики воображаютъ, будто отстаиваемая нами тактика жертвуетъ цѣлью—народной революціей—для «осязательнаго» результата, въ видѣ... пріобрѣтеннаго пролетаріями политическаго опыта. Недавно одинъ политическій младенецъ на этомъ основаніи зачислилъ насъ въ бернштейніанцы. Но ему удалось это

---

[1]) На это мы указывали ровно два года назадъ въ вышецитированной статьѣ: „Нужныя русскому пролетаріату агитаторскія и организаторскія силы не могутъ въ достаточномъ количествѣ (надо было сказать: и качествѣ) выработаться на одной практикѣ нашей «будничной» работы, такъ безжалостно втиснутой проклятымъ гнетомъ въ рамки почти сектантской кружковщины. Эта практика должна дополняться не только возможно частымъ выступленіемъ революціонныхъ организацій на арену общественной борьбы, но и постояннымъ развитіемъ п о л и т и ч е с к о й ж и з н и въ нашихъ тайныхъ организаціяхъ, во всѣхъ группахъ и кружкахъ, составляющихъ нашу партію и тяготѣющихъ къ ней».

сдѣлать, и ему подобнымъ будетъ удаваться это только въ той мѣрѣ, поскольку онъ изъ числа ближайшихъ цѣлей соціалдемократіи вычеркнулъ задачу формированія классовой партіи пролетаріата, какъ «мелочь», которою слѣдуетъ поступиться, когда рѣчь идетъ о подготовкѣ выступленія. Сознательные русскіе пролетаріи, разумѣется, по достинству оцѣнятъ подобныя попытки затуманить ихъ сознаніе, и не промѣняютъ на чечевичную похлебку безкорыстныхъ аплодисментовъ либеральныхъ «друзей народа» и псевдо-революціонныхъ его льстецовъ своего права на первородство, на гордое сознаніе, что ничто болѣе не приближаетъ, ничто вѣрнѣе не обезпечиваетъ наступленія русской революціи, какъ каждый новый шагъ, дѣлаемый русскимъ пролетаріатомъ по пути развитія его классового сплоченія.

Соціалдемократія не желаетъ уподобляться Помпею, который питалъ иллюзію, что ему стоитъ топнуть ногой, чтобы изъ земли выросли новые легіоны. Она предоставляетъ повтореніе плачевнаго опыта Помпея тѣмъ авантюристскимъ партіямъ, которые—подобно антисемитскимъ партіямъ многихъ западно-европейскихъ странъ—внезапно становятся общественной силой и столь же внезапно видятъ свои массы возвращающимися въ небытіе политическаго сна. Она говоритъ: «то, что жизнью взято разъ, не въ силахъ рокъ отнять у насъ», и стремится своей «повседневной» тактикой обезпечить себя отъ тѣхъ сюрпризовъ, которые неминуемо ждутъ демагогическія партіи.

Партія взяла вѣрный «курсъ», когда—хотя съ нѣкоторымъ опозданіемъ и не всегда достаточно быстрымъ темпомъ—повела свою нынѣшнюю кампанію, не смущаясь криками изъ партера и изъ галерки русскаго освободительнаго движенія. Она пойдетъ и далѣе по избранному ею пути, тѣмъ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ подготовляя себя и руководимые ею слои пролетаріата къ тому близкому уже моменту, когда результаты ея агитаціи смогутъ быть учтены въ открытомъ активномъ выступленіи самыхъ широкихъ массъ народа. Этотъ моментъ не за горами—бакинскія событія являются симптомомъ его наступленія. И наша теперешняя «кампанія» по поводу войны и по поводу либеральной «весны» должна имѣть результатомъ—выработать хорошо обученные кадры офицеровъ и унтеръ-офицеровъ той громадной арміи, которая въ этотъ моментъ будетъ вновь требовать отъ насъ политическаго руководства.

Начало революціи.

(18 января 1905 г., № 84).

Послѣ Баку—Петербургъ. Вулканическую, насыщенную подземными парами, почву нефтяныхъ промысловъ всколыхнули первые удары надвигающагося землетрясенія, которому суждено снести до основанія вѣковое зданіе старой Россіи. Тысячекратнымъ эхо, громкимъ гуломъ отозвались эти удары въ наэлектризованной политической атмосферѣ столицы, стягивающей къ себѣ всѣ нити русской государственной жизни.

И какъ мало нужно было, на первый взглядъ, для того, чтобы привести въ движеніе колоссальную массу петербургскаго пролетаріата! Двое уволенныхъ рабочихъ—и встали заводы, фабрики и мелкія мастерскія огромнаго города. А затѣмъ—митинги, собранія, резолюціи, всеобщая стачка, покрытый тысячами подписей адресъ царю, атмосфера всеобщаго и необходимаго возбужденія, въ которой рождаются и разносятся по всему свѣту темныя предположенія, чудовищные слухи, самою неопредѣленностью и грандіозностью своею заставляющіе замирать сердца милліоновъ людей въ предчувствіи чего то великаго, чего то изъ ряда вонъ выходящаго, чего то острой гранью врѣзающагося въ исторію. Двое уволенныхъ рабочихъ—и грандіозное потрясеніе всей хозяйственной и политической жизни страны, рикошетомъ ударившее по странамъ всего міра, пріостановившее снаряженіе эскадры, поколебавшее курсы, напугавшее биржевого молоха... Такъ въ горахъ неосторожное движеніе, повышенный голосъ путника заставляетъ сдвигаться съ мѣста и падать всеразрушающую на своемъ пути лавину!

Двое рабочихъ, уволенныхъ за принадлежность къ рабочему «обществу»... Какъ будто не десятки и не сотни ихъ ежедневно, ежечасно, не только «увольняются», но арестовываются, ссылаются, заточаются въ казематы за участіе въ борьбѣ своего класса съ тяготѣющимъ надъ нимъ гнетомъ и эксплоатаціей! Но не даромъ мы переживаемъ время, когда мощные удары войны потрясли до основанія всѣ устои старой Россіи! И не даромъ въ десятилѣтней, неустанной борьбѣ росло и закалялось чувство протеста, чувство солидарности, боевое настроеніе и боевая сплоченность Россіи рабочей! Логика политической обстановки и логика революціоннаго положенія пролетаріата неизбѣжно, съ неумолимой необходимостью, вели къ такому положенію, когда доста-

точно искры, чтобы яркимъ пламенемъ вспыхнуло колоссальное движеніе народныхъ массъ. И та же логика, съ такою-же неизбѣжностью выводитъ эти массы на путь открытой, революціонной борьбы съ абсолютизмомъ, въ желѣзныхъ объятіяхъ котораго задыхается пролетарскій исполинъ.

Тѣнь Зубатова стояла у колыбели того «Русскаго собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ», протестъ котораго послужилъ сигналомъ къ началу всеобщей стачки. Грязныя полицейскія руки пестовали новорожденнаго, пытаясь влить отраву холопства и предательства въ сердца тѣхъ рабочихъ, которые объединялись на борьбу за свои будничные экономическіе интересы, съ наивной вѣрой въ возможность вмѣстить хотя бы эту борьбу въ мертвящія рамки самодержавно-бюрократическаго режима. Но какъ быстро и легко, почти неэамѣтнымъ движеніемъ плеча, порвалъ пролетаріатъ эти полицейскія шелковыя узы, которыми мечтала связать его жандармская фантазія! Какъ одесскіе стачечники 1903 г. однимъ фактомъ выступленія на путь открытой массовой борьбы далеко отбросили отъ себя грязную шайку зубатовскихъ агентовъ, такъ и петербургское «Общество», покончивъ съ зубатовщиной, теперь, можно сказать, въ первый же день участія своего въ движеніи могучаго массоваго потока, безповоротно рветъ послѣднія цѣпи, которыми старалась сковать его мнимая «благосклонность» правительствующихъ лицъ.

«Благожелательный» и «довѣрчивый» министръ внутреннихъ дѣлъ, принимавшій депутаціи земцевъ, адвокатовъ и иныхъ представителей либеральнаго общества, наотрѣзъ отказался и не могъ не отказаться принять депутацію забастовавшихъ рабочихъ. Не могъ не отказаться потому, что принять депутацію «либераловъ»—значило поощрять ихъ идти все по тому же пути чаянія конституціонныхъ благъ «сверху»; принять же депутацію рабочихъ—значило признать и поощрить массовое движеніе, требующее свободы «снизу» и уже потому революціонное. Вчерашній «покровитель» и «другъ» «собранія рабочихъ», петербургскій градоначальникъ Фуллонъ, забывая о печальной судьбѣ своего французскаго соименника, послужившаго 115 лѣтъ тому назадъ первымъ революціоннымъ украшеніемъ парижскихъ фонарей, сегодня грозитъ расправами требующимъ хлѣба и свободы рабочимъ. Думаетъ ли онъ, что завтра найдется въ Петербургѣ хотя бы одинъ пролетарій, готовый промѣнять свое классовое первородство на чечевичную похлебку его «благосклонности»?

Выходецъ изъ пропитанной всѣми предразсудками суевѣрія, невѣжества и холопства среды русскаго духовенства, священникъ церкви

при пересыльной тюрьмѣ, Георгій Гапонъ стоялъ во главѣ «Собранія рабочихъ». И посмотрите, какъ все та же неизбѣжная революціонная логика пролетарской борьбы подчинила себѣ этого сына государственной церкви! Волна могучаго пролетарскаго потока подхватила его и уже теперь, въ самомъ началѣ своего подъема, взметнула такъ высоко, какъ, конечно, никогда еще не случалось взлетать ни одному православному «пастырю». Какимъ языкомъ долженъ былъ заговорить этотъ «смиренный» служитель алтаря! «Не акціонеры разоряются, а рабочіе; такъ ли товарищи?» вопрошаетъ Гапонъ депутацію, во главѣ которой онъ явился для переговоровъ съ директоромъ Путиловскаго завода, и тутъ же совершаетъ первый «революціонный» актъ—отказа признавать «власти предержащія», открытаго отказа считать директора завода представителемъ назначившихъ его акціонеровъ.

Въ маломъ, частномъ случаѣ съ Гапономъ видится великое, общее. Въ обстановкѣ надвигающагося на Россію великаго историческаго перелома, подъ давленіемъ соціалдемократіи, кто хоть на день, хоть на часъ связалъ свою судьбу съ судьбою массового движенія рабочаго класса, тотъ долженъ, неизбѣжно долженъ, въ этотъ день, въ этотъ часъ подыматься все выше и выше къ вершинамъ классовой идеологіи пролетаріата. Будетъ ли Гапонъ продолжать идти въ ногу съ разростающимся пролетарскимъ движеніемъ, и долго ли будетъ онъ идти—это частное, личное дѣло. Но что несомнѣнно, такъ это то, что, не желая отстать отъ движенія, онъ долженъ будетъ послѣдовательно идти впередъ; онъ долженъ будетъ сбросить свою рясу, свои предразсудки, свои «легальныя» мечтанія, свою политическую близорукость и ограниченность, онъ долженъ будетъ все болѣе и болѣе становиться на революціонную, классовую точку зрѣнія. И если онъ этого не сможетъ, не сумѣетъ сдѣлать,—какъ выжатый лимонъ, отброситъ его въ сторону стихія рабочаго движенія, использовавъ въ своихъ революціонныхъ цѣляхъ всѣ тѣ элементы революціонности, которые, въ причудливой комбинаціи, таились подъ складками поповской рясы.

Революціонная логика пролетарскаго движенія подчиняетъ себѣ всякаго, такъ или иначе тѣсно связавшаго судьбу свою съ этимъ движеніемъ. Но болѣе того. Она такъ же неизбѣжно, такъ же стихійно, часто «за порогомъ сознанія», подчиняетъ себѣ и самихъ участниковъ движенія, рядовую рабочую массу. Пусть политическое сознаніе этой массы еще безпомощно бродитъ посреди бугровъ и рытвинъ традиціонной идеологіи; пусть эта масса еще не отдаетъ себѣ отчета ни во всей полнотѣ своихъ интересовъ, ни въ томъ единственномъ путв, классовой организаціи и классовой борьбы, которымъ можетъ она придти

къ освобожденію. Стихійная сила положенія толкаетъ ее, хотя бы ощупью, выбраться на этотъ вѣрный путь. Если на сознаніи массъ еще лежитъ печать реакціонныхъ предразсудковъ и политической ограниченности, то въ дѣйствіяхъ ея уже прорывается присущая ей революціонность.

Иностранныя газеты сообщаютъ, что отачечники рѣшили подать «петицію» царю. Да, рабочая масса сохранила еще остатокъ вѣры въ то, что ей помогутъ сверху. Да, она подхватила эту идею обращенія къ «верху», которую съ такимъ усердіемъ со всѣхъ крышъ проповѣдуютъ мудрыя птицы либерализма... Но не съ униженнымъ самооправданіемъ, не черезъ переднія придворныхъ лакеевъ пытается она довести свое слово до царскихъ ушей. Тысячными толпами рѣшили рабочіе собраться къ Зимнему дворцу; они хотятъ, чтобы царь самолично вышелъ на балконъ принять «петицію» и присягнулъ, что требованія народа будутъ исполнены.

Такъ обращались къ своему «доброму королю» герои Бастиліи и похода въ Версаль! И тогда раздавалось «ура» въ честь показавшагося толпѣ по ея требованію монарха, но въ этомъ «ура» уже звучалъ приговоръ абсолютизму...

Рабочіе выставляютъ въ своей «петиціи» тѣ требованія, которыя съ упорствомъ и послѣдовательностью не переставала пропагандировать соціалдемократія и только она: всенародное учредительное собраніе на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Рабочіе не «забыли» назвать учредительное собраніе его настоящимъ именемъ; они не оставили лишь «подразумѣваемой» ни одной изъ гарантій народныхъ правъ! И въ этомъ мы видимъ, мы съ гордостью видимъ слѣдъ работы соціалдемократіи, ея кровной связи съ пролетарскимъ движеніемъ. Правда «петиція» повторяетъ и изношенныя либеральныя фразы насчетъ уничтоженія «средостѣнія» возможности сліянія черезъ голову «бюрократіи». Неискушенная въ политической борьбѣ, рабочая масса не думаетъ еще объ огражденіи своихъ классовыхъ пролетарскихъ интересовъ, и услужливо подсовываемую ей славянофильскую труху принимаетъ за чистое золото политической свободы для народа. Пусть такъ. Сегодня она не понимаетъ политическаго положенія. Завтра она пойметъ его. Но и сегодня, довѣрчиво взявъ въ свои руки одно изъ потертыхъ либеральныхъ знаменъ, какъ несетъ она его? Возьмите самый «смѣлый», либеральный адресъ или резолюцію съ тѣми же требованіями, съ тѣмъ же обращеніемъ и посмотрите: какъ говорятъ либералы, и какъ говоритъ народъ. «Всѣхъ тѣхъ изъ

насъ, которые осмѣливались возвышать свой голосъ въ защиту интересовъ народа и трудящихся классовъ, бросали въ тюрьму или ссылку». «Бюрократія толкала страну на край гибели и разоренія и позорной войной привела ее къ разгрому». «Если вы не удовлетворите нашей просьбы, мы умремъ на этой площади, передъ вашимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти, намъ открыты два только пути: путь, который ведетъ къ свободѣ и счастью, или тотъ, который ведетъ въ могилу». «Если наша жизнь должна быть принесена въ жертву страданіямъ Россіи, мы не пожалѣемъ этой жертвы, мы охотно принесемъ ее». Вотъ какимъ нелиберальнымъ языкомъ говоритъ даже либеральныя рѣчи петербургскій пролетаріатъ. «Мы готовы умереть»—это значитъ: мы готовы биться за свободу, а не только просить ея. Отъ просьбы не умираютъ! Былъ ли слышенъ когда либо подобный языкъ? Да, онъ былъ слышенъ все въ тѣ же славные дни Великой революціи, когда зданіе стараго порядка трещало уже по всѣмъ швамъ, и когда революціонный народъ, сохраняя еще реакціонныя иллюзіи и политическую наивность, уже дѣлалъ революціонное дѣло. Но за революціоннымъ дѣломъ придетъ революціонное сознаніе, и уже то, какъ говоритъ сегодня пролетарская масса, показываетъ, что она будетъ дѣлать завтра. Мы уже видѣли, что во главу угла, какъ свои главныя требованія, рабочіе поставили демократическіе лозунги соціалдемократіи. Очевидно, что уже сегодня тысячи пролетаріевъ сознательно принимаютъ ихъ. Завтра ихъ такъ же сознательно примутъ десятки и сотни тысячъ. Мы знаемъ изъ иностранныхъ газетъ, что три завода бросили работу по призыву соціалдемократовъ, что, бросая работу, рабочіе поютъ свою пролетарскую «марсельезу». Завтра стотысячная масса сплотится вокругъ краснаго знамени соціалдемократіи.

Соціалдемократія можетъ съ увѣренностью дѣлать такія предсказанія. Не она ли одна, при всеобщемъ скептицизмѣ, при всеобщихъ крикахъ объ «ограниченности», «сектанствѣ», «узости», «нетерпимости», не она ли одна съ самаго своего зарожденія неразрывно связала дѣло русской свободы съ дѣломъ рабочаго класса? Не она ли одна вѣрила въ силу и неизбѣжную революціонность пролетарскихъ массъ? Не она ли одна видѣла въ нихъ единственно надежную опору свободы и демократіи и клала всѣ свои силы на дѣло классового пробужденія и классовой организаціи этихъ массъ? И не она ли предсказала то выступленіе на арену борьбы съ абсолютизмомъ милліонныхъ рабочихъ массъ, начало котораго мы наблюдаемъ теперь въ Петербургѣ, и продолженіе котораго скоро—мы увѣрены въ этомъ—будемъ наблюдать по всему пространству Россіи?

 16

Какой урокъ тѣмъ либеральнымъ маловѣрамъ, которые, оправдывая свою собственную ограниченность и трусость, говорили о томъ, что народъ «не участвуетъ» въ политическомъ освобожденіи Россіи, что народъ «молчитъ» и «врядъ ли заговоритъ», что только «образованное» общество «борется» за свободу, и что тѣмъ самымъ «борьба» непремѣнно должна быть втиснута въ рамки «легальности»! Какой урокъ этимъ трезвеннымъ и умѣреннымъ политиканамъ, которые не умѣли даже поднять своего взора къ вершинѣ того могучаго дуба, палыми желудями котораго они питались! Пусть попробуютъ эти господа, хотя бы насильно, вдвинуть въ тѣсныя рамки «легальности» борьбу стотысячныхъ массъ петербургскихъ рабочихъ, даже теперь, когда массы еще подхватываютъ ихъ ограниченные лозунги!

Но, скажемъ мы сейчасъ же, какой урокъ и тѣмъ утопистамъ «конспиративной» организаціи, которые считали возможнымъ во имя привычки къ повиновенію, во имя формально-организаціонной «дисциплины», механическимъ рычагомъ «агентуры» двигать по своему усмотрѣнію милліонную армію рабочаго класса! Пусть попробуютъ они приложить эту наивно-аракчеевскую мѣрку къ тому грандіозному движенію, которое развертывается передъ нашими глазами! Пусть попробуютъ они въ организаціонномъ уставѣ третьяго, четвертаго и пятаго съѣздовъ «профессіональныхъ революціонеровъ» искать того магическаго средства, которое дастъ соціалдемократіи величайшее доступное ей счастье—одушевить этотъ массовый потокъ классовымъ сознаніемъ, политической самостоятельностью! Развѣ не ясно теперь, развѣ не очевидно, что ровно въ той мѣрѣ соціалдемократія сможетъ овладѣть этимъ движеніемъ,—а, стало быть, и это движеніе сможетъ усвоить соціалдемократическое сознаніе,—ровно въ той мѣрѣ сможетъ она направить это движеніе по классовому руслу, въ какой ея вчерашняя и сегодняшняя пропагандистская и агитаціонная работа выдвинула и выдвигаетъ кадры сознательныхъ соціалдемократовъ изъ среды самой рабочей массы, перелила и переливаетъ черезъ эти кадры въ самую массу элементы классового сознанія, сдѣлала и дѣлаетъ ее политически воспріимчивой къ лозунгамъ, выдвигаемымъ соціалдемократіей? Каждый атомъ этой «мелкой», «подготовительной» работы сторицею вернется ей теперь!

Совершенно ясны и тѣ задачи, огромныя, трудныя задачи, которыя ставитъ передъ с.-д. партіей выступленіе на авансцену русской исторіи, на революціонную авансцену рабочихъ массъ. Почему не «узкая» организація «профессіональныхъ революціонеровъ» дала толчокъ движенію этой лавины, а «Собраніе

рабочихъ»? Потому что «собраніе» это было дѣйствительно широкою организаціею, основанною на самодѣятельности рабочихъ массъ. Задачи, которыя ставило себѣ это «собраніе», были ограниченны; самодѣятельность концентрировалась на узкомъ полѣ «чисто экономической» борьбы; неотмежеванность отъ «правящихъ сферъ» неизбѣжно вносила сѣмена реакціонности. Потому и возникшее подъ руководствомъ этого «Собранія» движеніе носитъ на себѣ на первыхъ порахъ печать ограниченности, зигзагами выбирается на правильный путь. Въ другихъ формахъ, сдавленныхъ «нелегальностью» нашего движенія, намъ необходимы тоже широкія организаціи, которыя связали бы насъ съ массой, намъ тоже необходима самодѣятельность пролетаріата; но въ основу этихъ организацій и этой самодѣятельности мы должны положить всеобъемлющія цѣли классовой борьбы.

Начавшееся движеніе идетъ зигзагами, бродитъ въ потемкахъ, запинается о реакціонность, о малосознательность отсталыхъ слоевъ массы, дѣлаетъ ложные шаги. Должны ли мы отвернуться отъ него, осудить его, умыть руки? Должны ли мы, если революція въ началѣ пойдетъ «не по-нашему», и мы не съумѣемъ овладѣть ею настолько, чтобы заставить ее идти иначе, нападать въ тылъ революціи? Это была бы преступная, самоубійственная политика,—отказъ отъ того самаго дѣла, именемъ котораго мы освящаемъ свое существованіе!

«Шагъ дѣйствительнаго движенія дороже дюжины программъ», говорилъ Марксъ. И говорилъ не потому, конечно, чтобы онъ, всю жизнь свою посвятившій постановкѣ пролетарской программы на прочную научную основу, недооцѣнивалъ ея колоссальное значеніе. Но наша программа говоритъ намъ, что самая сущность массоваго пролетарскаго движенія революціонна, какими бы наносными пластами она ни заслонялась. И не для того программа существуетъ, чтобы во имя ея отворачиваться отъ непривлекательной для насъ внѣшности, а для того, и только для того, чтобы подъ всякою внѣшностью, подъ всѣми случайными проявленіями, отыскать искру революціонной сущности и раздуть ее въ революціонное пламя; чтобы заставить революціонное движеніе сдѣлать новый шагъ по революціонному пути. Какъ акушеры, мы должны помогать труднымъ и мучительнымъ, часто «неправильнымъ» родамъ классового сознанія. Въ этомъ—оправданіе, въ этомъ—весь смыслъ нашей дѣятельности.

Петербургское движеніе громкимъ голосомъ диктуетъ всѣмъ, въ комъ живъ духъ соціалдемократіи, ихъ долгъ: на улицу, къ массамъ! На площадяхъ и улицахъ, у воротъ пустующихъ фабрикъ, въ рабо-

чихъ кварталахъ, въ трактирахъ и чайныхъ долженъ непрерывно звучать голосъ соціалдемократа, несущаго въ «неправильное» движеніе массъ правильное пониманіе классовыхъ интересовъ и методовъ борьбы пролетаріата, критикующаго сегодняшній день для того, чтобы подготовить болѣе революціонный завтрашній! Каждый день всеобщей стачки долженъ быть новымъ шагомъ впередъ, шагомъ въ сознаніи массы, шагомъ въ дѣйствительномъ движеніи ея.

И не только въ Петербургѣ, но вездѣ и всюду, гдѣ есть соціалдемократія, ея обязанность сейчасъ же развернуть всѣ свои силы, стремиться превратить петербургское движеніе въ движеніе всероссійское. Этой работой наша партія сдѣлаетъ массы соціалдемократическими, а себя массовой; этой же работой она совершитъ революцію. Потому что наступила пролетарская весна, а она несетъ съ собою революцію! И если нынѣшнее движеніе уляжется, это не будетъ значить, что оно прошло безслѣдно. Оно будетъ повторяться и возвращаться все съ большей и большей силой, пока могучимъ революціоннымъ натискомъ не освободитъ Россію!

---

13 Января.

Великая русская революція началась... Среди треска ружейной пальбы и грохота пушечной канонады родилась эта, такъ страстно жданная, такъ горячо призываемая освободительница народовъ. Въ день 9 января, на площади передъ дворцомъ канула въ вѣчность та традиціонная идея о «народномъ» самодержавіи, которая слабыми отблесками еще связывала революціонную волю народа. Въ этотъ день, когда на обращеніе народа отвѣтили пули и картечь; въ этотъ день, когда сотнями падали безоружные, и улицы столицы впервые украсились баррикадами; въ этотъ день, когда все, что служитъ еще абсолютизму, явилось народу въ отвратительной наготѣ наемныхъ убійцъ; въ этотъ день — порвалась «цѣпь великая» самодержавной традиціи, и однимъ ударомъ создалась традиція революціонная; потому что въ этотъ день не осталось въ столицѣ равнодушныхъ: кто не за самодержавіе, тотъ непремѣнно противъ него, и крикъ: «долой

самодержавіе»! сталъ выраженіемъ народной воли! И такова великая логика революціи: тотъ народъ, который вчера, казалось, такъ покорно и безучастно сносилъ иго самовластья, сегодня встаетъ во весь свой ростъ и дѣйствуетъ такъ рѣшительно, смѣло и послѣдовательно, какъ будто проходилъ школу великой французской революціи.

Каждый день приноситъ новыя, захватывающія духъ извѣстія. И какъ ни свирѣпствуетъ цензура, не забывающая душить слово и мысль, въ то время какъ всѣ другіе опричники душатъ людей; какъ ни слабо отражаютъ доходящія вѣсти дѣйствительное положеніе дѣлъ, все же, быть можетъ, этотъ первый взрывъ петербургской революціи, дѣйствительно, уляжется. Но горе тому, кто подумаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ уляжется и революція! Революція уже не можетъ остановиться, и, если можетъ быть о чемъ вопросъ, то лишь о темпѣ ея. Провинція рѣшитъ этотъ вопросъ. Уже волнуется Москва, уже возбужденіе перекинулось на окраины, и можно быть увѣреннымъ, что скоро загоритъ югъ. Задача соціалдемократіи — ускорить и сдѣлать одновременнымъ это распространіе революціи. Въ этомъ залогъ скорой и быстрой побѣды.

Ф. Данъ.

Революціонная стихія и пролетаріатъ.

(18 января 1905 г. № 84).

Вихрь возстанія пронесся надъ Петербургомъ. Правительствующее чудовище разверзло свою пасть и поглотило тысячи жизней: оно почуяло приближеніе конца. Варварство, накопленное въ теченіе вѣковъ, не могло быть раздавлено пролетаріатомъ одной столицы; оно погибнетъ при громкихъ проклятіяхъ повсемѣстно возставшаго народа. Событія съ головокружительной быстротой несутся къ этой развязкѣ. Непоколебимость русскаго курса на европейской биржѣ въ моментъ сильнѣйшаго революціоннаго кризиса и диктатура Трепова, смѣнившая режимъ растерянности и довѣрія Мирскаго, являются ея вѣрнѣйшими предзнаменованіями. Все или ничего—девизъ настоящаго дня, данный абсолютизмомъ.

Первый эпизодъ великой русской революціи разыгрался въ фантастической обстановкѣ. — Петербургскіе рабочіе — отсталый элементъ, они равнодушны къ политикѣ, мы должны взяться за ихъ медленное, систематическое воспитаніе;—такъ говорилъ еще вчера Струве, такъ говорили либералы. Исторія посмѣялась надъ ихъ куриной слѣпотой. Дебаты, начавшіеся въ собраніи рабочихъ, организованномъ для затемнѣнія ихъ сознанія, для ихъ политическаго развращенія, въ одну недѣлю разрослись въ возстаніе пролетаріата, которое потрясло всю Россію до основанія, потрясло весь цивилизованный міръ. И кому лихорадочно—торопливая исторія навязала роль вождя народнаго? Кто герой сегодняшняго дня? Какой-то никому невѣдомый Гапонъ, служитель православной церкви, цѣлые вѣка рабо-лѣпствовавшей передъ большими и малыми деспотами русской земли.

Глубокомысленымъ, трезвеннымъ политикамъ изъ буржуазнаго лагеря, не видящимъ дальше своего носа, все это должно казаться чудомъ, все это должно внушать суевѣрное преклоненіе передъ таинственнымъ рокомъ. Для соціалдемократіи—это не чудо, для нея это— неизбѣжное столкновеніе тѣхъ самыхъ общественныхъ силъ, подземную работу которыхъ она видѣла, результаты которой она предсказывала. Именно потому, что сфинксъ русской революціи соціалдемократіей давно разгаданъ, она не потеряется въ моментъ самаго бѣшенаго разгула народной революціонной стихіи. Эта стихія ей родная, въ ней соціалдемократія родилась; но соціалдемократія можетъ и должна ее подчинить себѣ, она уже подчиняетъ ее себѣ—сила знанія даетъ ей власть надъ революціей.

Великая буржуазная революція Россіи началась при благопріятныхъ условіяхъ. «Буржуазія вынуждена обращаться къ пролетаріату, просить его помощи и толкаетъ его, такимъ образомъ, на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ, слѣдовательно, пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е. вручаетъ ему оружіе противъ самой себя». Такъ писалъ Марксъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», и это остается вѣрнымъ и понынѣ. Но соотношеніе силъ буржуазіи и пролетаріата въ современной Россіи гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ было на Западѣ, когда Марксъ писалъ эти строки, т. е. наканунѣ 48 года.

Въ періодъ истекшей либеральной «весны» оппозиціонная буржуазія осмѣлилась говорить языкомъ гражданина только въ разсчетѣ на поддержку со стороны пролетаріата. Недостаточно быстрое выступленіе на арену этого могучаго союзника обезкуражило, обезсилило ее; она терялась, не зная, что дѣлать, она не находила въ своемъ распоря-

женіи никакого оружія, кромѣ словъ, а одними словами абсолютизма не свалишь съ ногъ. Оппозиціонная буржуазія томительно выжидала революціоннаго выступленія пролетаріата, но въ тоже время она боялась этого выступленія: кто знаетъ, куда заведетъ насъ этотъ богатырь, когда онъ подымется? Такъ либералы топтались на мѣстѣ, разъѣдаемые рефлексіей. Къ счастью, стихія буржуазной революціи смѣлѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ тотъ классъ, непосредственное политическое господство котораго она подготовляетъ. Какъ бы мелки и мизерны ни были думы и чувства политически сознательной буржуазіи Россіи, ея освобожденіе невозможно безъ великой народной революціи. Слишкомъ громадна инерція вѣкового гнета абсолютизма, поддерживаемаго европейской реакціей, слишкомъ далеко зашло впередъ движеніе русскаго пролетаріата, чтобы процессъ освобожденія буржуазнаго общества закончился какимъ нибудь жалкимъ компромиссомъ, соотвѣтствующимъ ничтожному размаху традиціонной политической мысли русскаго либерализма. Не сегодня, такъ завтра, не въ той, такъ въ другой формѣ, стихія буржуазной революціи должна была найти проводниковъ между властными политическими интересами буржуазнаго общества, прокладывающими себѣ путь, и революціонной энергіей пролетаріата. Исторія не ждетъ. Традиціонный либерализмъ не умѣетъ преодолѣть своей косности—исторія его отмела. Наспѣхъ складывающаяся буржуазная демократія тоже не успѣла придти въ тѣсное соприкосновеніе съ народомъ. Исторія отыскала революціонный проводникъ на сторонѣ, внѣ политическихъ партій. Роль такого проводника между политическими интересами буржуазнаго общества и отсталыми слоями рабочей массы сыгралъ неожиданно для всѣхъ и для самого себя священникъ Гапонъ.

Сынъ священника, затѣмъ семинаристъ, исключенный и вновь принятый въ семинарію, толстовецъ, затѣмъ духовный академикъ, взыскующій града, тюремный священникъ, изобрѣтающій филантропическіе проекты съ благоволенія «верховъ», затѣмъ агитаторъ среди рабочихъ съ явнаго благоволенія полиціи и тайного либераловъ, наконецъ, народный трибунъ и вождь возстанія—таково curriculum vitae (краткая біографія) этой мятежной натуры, проникнутой глубокимъ демократическимъ инстинктомъ и въ тоже время лишенной всякихъ политическихъ принциповъ. Лучшаго орудія для своихъ цѣлей слѣпая стихія буржуазной революціи не могла бы найти. Она сдѣлала случайнаго революціонера-«разстригу» своимъ героемъ. Но врядъ ли найдется въ исторіи другой герой, который съ большимъ основаніемъ,

чѣмъ Гапонъ, могъ бы примѣнить къ своимъ дѣяніямъ знаменитыя слова Бланки: «La foule en revolution n'est pas un regiment, au quel on commande, mais un élément, au quel on obéit». (Революціонная толпа—не полкъ, которымъ командуютъ, а стихія которой подчиняются).

Гдѣ вашъ хваленый пролетаріатъ? писалъ перебѣжчикъ Струве въ послѣднемъ номерѣ «Освобожденія», наканунѣ 9-го января. Гдѣ русская соціалдемократія? — съ злорадствомъ спрашивали сознательные и безсознательные враги пролетаріата, основываясь на первыхъ офиціальныхъ вѣстяхъ съ поля битвы. На первый вопросъ теперь съумѣла отвѣтить даже буржуазная англійская пресса. Послушайте, бывшій марксистъ, что пишетъ д-ръ Диллонъ, корреспондентъ буржуазной газеты «Dailly Telegraph», поучитесь у англійскаго буржуа уваженію къ русскому пролетаріату: «Революціонное движеніе самопроизвольно возникаетъ въ рабочемъ классѣ; оно никоимъ образомъ не было вызвано буржуазными вождями... Профессора, академики, чиновники, тайные совѣтники собрались на званный обѣдъ, не подозрѣвая, что имъ придется подписаться подъ бумагой, требующей уничтоженія самодержавія. Если бы они что-либо объ этомъ раньше знали, они остались бы дома. Но во время обѣда у одного изъ присутствующихъ является мысль набросать декларацію противъ самодержавія и собрать подписи. Сначала всѣ испугались, но черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ охватилъ революціонный порывъ, и они подписались съ энтузіазмомъ. Революціонная волна поднялась изъ народныхъ глубинъ, но она увлекаетъ также со стихійной силой и верхніе слои». Это отвѣтъ либераламъ насчетъ пролетаріата. Но, къ счастью для русскаго пролетаріата, теперь уже можно отвѣтить съ чувствомъ удовлетворенія и на второй вопросъ: гдѣ была соціалдемократія въ первые дни революціи? Она была въ сознаніи тѣхъ пролетаріевъ, которые боролись въ «Русскомъ Собраніи» съ разными демагогами и политическими шарлатанами, вродѣ г.г. Архангельскихъ и Строевыхъ, она была въ сознаніи организованныхъ и неорганизованныхъ товарищей, которые выдвинули на рабочихъ собраніяхъ Петербурга соціалдемократическія требованія, которыя заставили импровизированнаго вождя народнаго—Гапона присоединиться къ этимъ требованіямъ, которые сдѣлали ихъ боевымъ лозунгомъ всего петербургскаго пролетаріата; соціалдемократія организовала и засѣдала въ стачечныхъ комитетахъ, она была во

главѣ пролетаріата на баррикадахъ Васильевскаго острова, она завтра будетъ во главѣ всего русскаго пролетаріата.

Насъ не удивляетъ и не смущаетъ, что героемъ перваго революціоннаго натиска является человѣкъ, который до революціи былъ чуждъ соціалдемократіи, былъ даже враждебенъ ей. Мы знали и всегда говорили, что мы живемъ въ атмосферѣ революціонизирующагося буржуазнаго общества; мы знали и говорили, что въ такой атмосферѣ пролетаріатъ неизбѣжно долженъ и будетъ получать революціонные импульсы и толчки отъ элементовъ, чуждыхъ ему. Но, нисколько не смущаясь тѣмъ, что разношерстные элементы толкаютъ, сознательно или безсознательно, иногда даже противъ воли, тѣ или другіе слои пролетаріата на революціонный путь, соціалдемократія ставила себѣ цѣлью внести ясное сознаніе въ стихійно революціонизирующіяся рабочія массы и подчинить ихъ правильно понятымъ интересамъ рабочаго класса. И въ этомъ отношеніи десятилѣтняя работа соціалдемократіи вполнѣ исторически окупилась. Если чуждый ей священникъ Гапонъ увлекъ отсталыя массы петербургскаго пролетаріата на возстаніе, то въ рядахъ петербургскаго пролетаріата нашлось достаточно соціалдемократическихъ элементовъ, чтобы ввести это возстаніе въ соціалдемократическое русло, чтобы временнаго технического организатора возстанія пролетаріата идейно подчинить постоянному вождю пролетаріата—соціалдемократіи.

Возстаніе 9 января есть только первый эпизодъ русской революціи, и чѣмъ больше будетъ развиваться великая историческая драма, тѣмъ больше въ хаосѣ революціонной стихіи будутъ кристализоваться очертанія и роли отдѣльныхъ политическихъ партій.

Первый непосредственный толчекъ народной революціи далъ человѣкъ, не принадлежащій ни къ какой политической партіи, не исповѣдывавшій никакихъ политическихъ принциповъ, ничѣмъ не связанный ни со вчерашнимъ, ни съ завтрашнимъ днемъ. Только полная свобода отъ всякихъ обязательствъ позволила ему прибѣгнуть къ такимъ пріемамъ ускоренія революціоннаго процесса, которые могли бы оказаться пагубными для дѣла революціи и для дѣла пролетаріата, если бы въ пролетаріатѣ не было достаточно элементовъ, которые использовали стихійное возбужденіе для соціалдемократическихъ цѣлей, для цѣлей, основанныхъ на пониманіи историческаго процесса развитія общества. Для соціалдемократіи Гапонъ, его сотрудники, его организація и его дѣятельность—одинаково объективныя явленія, за которыя она не могла бы ни въ какомъ случаѣ взять на себя моральную отвѣтственность, но которыя она обязана была всесто-

роннимъ образомъ использовать. Это она сдѣлала въ Петербургѣ. Теперь, когда первый толчекъ данъ, достаточно одного чувства солидарности для того, чтобы вызвать всеобщую стачку въ Россіи, для того, чтобы въ разныхъ концахъ Россіи поднять рабочія массы. Теперь соціалдемократіи нетрудно, пользуясь этимъ пролетарскимъ чувствомъ, какъ рычагомъ, во всѣхъ концахъ Россіи, сразу, съ перваго же шагу, стать во главѣ революціоннаго движенія широкихъ массъ; теперь ей легче связать себя, какъ партію пролетаріата, самымъ тѣснымъ образомъ съ всенароднымъ движеніемъ во всѣхъ его перипетіяхъ; теперь она можетъ отъ имени выступившаго пролетаріата привлечь къ дѣлу революціи всѣ радикальные и быстро революціонизирующіеся элементы буржуазнаго общества. Теперь соціалдемократія можетъ взять въ свои руки и гегемонію въ революціонной борьбѣ. Стихія буржуазной революціи встряхнула самые отсталые слои рабочихъ массъ. Соціалдемократія превратитъ эту революціонную стихію въ орудіе для всесторонняго политическаго освобожденія Россіи.

Быть или не быть—стояло передъ самодержавно-бюрократическимъ чудовищемъ, загнаннымъ 9 января на край пропасти. Не быть! — отвѣтитъ ему восставшій народъ.

Мартыновъ

Запоздалый проектъ безболѣзненной ликвидаціи абсолютизма.

(18 янв. 1905. № 84).

Опубликованный Витте проектъ постепенной ликвидаціи гражданской обособленности крестьянства, которая до сихъ поръ считалась неприкосновеннымъ догматомъ русской внутренней политики, является характернымъ признакомъ полнаго разложенія священныхъ устоевъ россійскаго абсолютизма.

Сословная обособленность крестьянства создана, разумѣется, не самодержавіемъ; она выросла исторически на почвѣ крѣпостной организаціи сельско-хозяйственнаго производства. Но съ паденіемъ крѣпостного права въ Россіи эта обособленность утратила свои экономическіе корни и превратилась въ политическій институтъ, заботливо поддерживаемый самодержавнымъ правительствомъ.

Коснѣющая во мракѣ безпримѣрнаго невѣжества, подавленная варварскою нищетою, проникнутая первобытною вѣрою въ божеское всемогущество абсолютизма, крестьянская масса дѣйствительно обезпечивала правящимъ сферамъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, и всѣхъ ранговъ хищники имѣли основаніе цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ законовъ и учрежденій огораживать крестьянство отъ смѣшенія съ остальнымъ населеніемъ.

Подавленіе самыхъ элементарныхъ культурныхъ потребностей, лишеніе общегражданскихъ правъ, унизительное закрѣпощеніе личности, грубая регламентація семейныхъ отношеній и хозяйственной дѣятельности, тяжелая эксплоатація денежными и натуральными повинностями,—всѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности обособленность крестьянскаго сословія. Правительство создало изъ крестьянства своего рода гетто, члены котораго искусственно подгонялись подъ извѣстный низкій духовный уровень Всякій, кто, по тѣмъ или инымъ причинамъ, поднимался надъ нормальною чертою, выбрасывался изъ крестьянскаго сословія. Тщательно не допуская и выбрасывая всѣ инородные элементы, крестьянское гетто, однако, цѣпко держало въ роковыхъ границахъ рядовыхъ своихъ членовъ земельнымъ надѣломъ и паспортною системою. Выходъ изъ крестьянскаго общества и даже отлучка были поставлены въ зависимость отъ согласія и разрѣшенія міра, сельскихъ властей, домохозяевъ и родителей.

Несмотря на всестороннее и полное развитіе, современная изоляція крестьянства казалась ненасытнымъ самодержавщикамъ еще недостаточной, и Плеве готовился увѣнчать зданіе реформой, которая окончательно обратила бы крестьянъ въ государственное рабство. Проектъ Плеве не имѣлъ никакого экономическаго оправданія. Онъ былъ лишенъ даже фискальнаго значенія. Въ своей новой запискѣ Витте обстоятельно доказываетъ, что съ повышеніемъ цѣнности земли и съ отмѣною круговой поруки обособленность крестьянства потеряла всякій смыслъ съ точки зрѣнія фиска. Послѣдній идеологъ самодержавія, Плеве руководился только политическими мотивами.

«Воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ,—писалъ онъ,—

привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка,—крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій».

И Плеве считалъ своимъ священнымъ долгомъ, въ эпоху всеобщей смуты, охранить послѣдній оплотъ самодержавія путемъ законодательнаго закрѣпленія общины, неотчуждаемости надѣльныхъ земель и особаго строя крестьянскаго управленія и суда.

Мечты Плеве не осуществились. Буржуазное общество рукою мужественнаго революціонера смело съ дороги своего развитія человѣка, въ полицейскомъ фанатизмѣ пытавшагося насильственно создать издыхающему «строю» ту классовую опору, которую онъ потерялъ въ процессѣ экономической эволюціи Россіи. Дальше Плеве идти было некуда.

Изоляція деревни не могла, конечно, остановить народно-хозяйственное развитіе, но она могла задержать ростъ производительныхъ силъ страны. Крестьянство, сдавленное тисками азіатскаго политическаго режима, на три четверти превратилось въ вѣчно голодную, доведенную до отчаянія массу, стихійное недовольство которой является постоянной угрозой существующему строю. Аграрный терроръ и кровавыя расправы съ агентами правительственной власти стали обычными проявленіями дѣйствительнаго настроенія деревни.

Болѣе счастливая экономически крестьянская буржуазія, озлобленная одинаковымъ политическимъ гнетомъ, скованная одною полицейскою цѣпью съ крестьянскимъ пролетаріатомъ, поневолѣ сливается съ общимъ крестьянскимъ потокомъ и занимаетъ въ немъ первое мѣсто. Сословная обособленность сплачиваетъ разнородные элементы современной деревни и присоединяетъ ихъ къ великому освободительному движенію, въ которомъ созрѣвшее буржуазное общество завоевываетъ новыя формы политической жизни.

Это движеніе становится съ каждымъ днемъ все глубже и шире. Историческая могила уже раскрывается передъ абсолютизмомъ. И послѣдній человѣкъ съ планомъ, оставшійся у него, спѣшитъ предотвратить катастрофу, предлагая безболѣзненно и мирно ликвиди-

ровать старый порядокъ и, прежде всего, сословную обособленность крестьянства.

Поддерживать долѣе систему крестьянскаго гетто значитъ, по мнѣнію Витте, закрывать глаза на современныя нужды и потребности и жить воспоминаніями патріархальнаго прошлаго. Крестьяне—«живые люди, которымъ, какъ и всѣмъ намъ, дороги начала личной независимости, семейной самостоятельности домашняго очага». Поэтому, Витте готовъ снять съ крестьянъ всѣ спеціальныя путы, которыми ихъ такъ долго связывали. По проекту, общинное землевладѣніе остается только въ качествѣ добровольнаго товарищескаго владѣнія землей и превращается въ частно-правовой союзъ, лишенный государственнаго значенія. Особые сословные суды съ ихъ обычнымъ правомъ уничтожаются, какъ и особое крестьянское управленіе. Семейные раздѣлы, выходъ изъ общины, отлучки изъ деревни, вообще вся личная жизнь крестьянина освобождается отъ правительственной регламентаціи. Крестьянинъ долженъ стать такимъ же гражданиномъ своей страны, какъ и всѣ остальные.

Витте не доводитъ до конца своего проекта; онъ оставляетъ нѣкоторыя сословныя особенности крестьянства, связанныя преимущественно съ владѣніемъ надѣльной землей; но эти исключенія не измѣняютъ основной идеи его плана: ввести крестьянство въ общія правовыя условія буржуазнаго общества.

По отношенію къ предшествующей политикѣ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ, планъ Витте несомнѣнно представляетъ крупный шагъ впередъ, но онъ страдаетъ однимъ недостаткомъ, который отнимаетъ у него всякое значеніе: онъ неосуществимъ на почвѣ полицейскаго самодержавія. Все зданіе русскаго государственнаго строя, отъ верховъ и до урядника, покоится на безправіи и темнотѣ милліоновъ населенія, насильственно замкнутыхъ въ сословныя рамки. Освобожденіе крестьянъ отъ гнета спеціальной опеки, сліяніе ихъ съ остальными сословіями неизбѣжно влечетъ за собою преобразованіе всего государственнаго механизма. Витте понимаетъ послѣдствія предлагаемой имъ реформы. Онъ видитъ, что граждански полноправный крестьянинъ потребуетъ своей доли въ мѣстномъ управленіи, и предлагаетъ образовать мелкую земскую единицу для удовлетворенія хозяйственныхъ и культурныхъ нуждъ сельскаго населенія. Дѣятельность этой мелкой единицы должна быть подчинена надзору земскихъ начальниковъ, но, какъ органъ управленія, новыя земскія учрежденія непосредственно примыкаютъ къ уѣздному земству. Укрѣпленное, такимъ образомъ, земство получаетъ новое право «извѣстнаго контроля» за дѣятельно-

стью низшихъ агентовъ полицейской и податной службы, которая съ уничтоженіемъ такъ называемаго крестьянскаго самоуправленія переходитъ въ исключительное вѣдѣніе правительства. Если бы проектъ Витте могъ осуществиться, онъ далъ бы новыя силы либерально-демократическому движенію, издавна пріютившемуся въ земскомъ самоуправленіи. Равноправное крестьянство, объединенное мелкими земскими организаціями, составило бы прочную опору буржуазной оппозиціи, лишенной въ настоящее время легальныхъ формъ политическаго общенія съ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиненіе общественному самоуправленію низшихъ органовъ администраціи нарушило бы стройную систему бюрократическаго всевластія и правительственной безотвѣтственности, являющихся основными чертами абсолютизма. Борьба народа съ деспотическимъ произволомъ правленія и управленія получила бы новые поводы и даже легальную опору въ контролѣ выборныхъ властей надъ дѣйствіями низшей администраціи.

Конечный результатъ освобожденія крестьянства и укрѣпленія земской организаціи, при такихъ условіяхъ, неизбѣжно долженъ быть формулированъ словами самого Витте въ его извѣстной запискѣ о «Самодержавіи и земствѣ»: «правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участію народа въ законодательствѣ и управленіи верховномъ». Такой результатъ естественно не можетъ входить въ разсчеты русской самодержавной власти. По газетнымъ извѣстіямъ, проектъ Витте встрѣтилъ упорное сопротивленіе въ высшихъ сферахъ, не смотря на всю его жалкую умѣренность. Но не имѣя никакого практическаго значенія, онъ остается знаменательнымъ свидѣтельствомъ колебаній и растерянности правительства, свойственныхъ предреволюціоннымъ періодамъ въ жизни народовъ, когда власть пытается спасти себя усвоеніемъ политическихъ программъ своихъ противниковъ. Такъ на зарѣ великой французской революціи, когда въ душной атмосферѣ деспотическаго королевства уже повѣяло благодѣтельной грозой, наиболѣе догадливые министры Людовика XVI сдѣлали отчаянную попытку мирно и безболѣзненно вмѣстить буржуазное общество въ тѣсныя рамки стараго режима. Но безпорядочная и нерѣшительная политика запоздалыхъ реформаторовъ только обострила назрѣвшія противорѣчія, и бурный революціонный потокъ однимъ порывомъ смелъ, какъ упорное сопротивленіе королевскаго двора, такъ и хитроумныя комбинаціи неудачливыхъ чиновниковъ, ликвидировавъ запутанныя дѣла обанкротившагося государственнаго строя. Однако исторія начему

не научаетъ тѣхъ, кто обреченъ на гибель. На зарѣ великой русской революціи Неккеръ русскаго двора повторяетъ безплодный опытъ французскихъ министровъ и тщетно пытается отдалить послѣдній часъ, предлагая постепенную ликвидацію священныхъ исконныхъ устоевъ русскаго «строя». Выступленіе петербургскаго пролетаріата является достойнымъ отвѣтомъ на эти жалкія усилія.

Негоревъ.

Девятое января.

(27 января 1905 г. № 85).

Двѣ силы стояли другъ противъ друга; двѣ силы боролись за власть въ современной Россіи. На одной сторонѣ шайка темныхъ хищниковъ, воплощающая въ себѣ всѣ такъ называемыя историческія традиціи Россіи, мрачный ужасъ ея прошлаго, кровавый позоръ настоящаго, безысходную тоску ея возможнаго будущаго. На другой сторонѣ—рвущееся къ свободѣ «общество»—буржуазный либерализмъ и разночинная демократія, борцы за культуру и гражданственность.

Странной казалась эта тяжба двухъ крохотныхъ группъ, расположившихся на могучей спинѣ гиганта-народа. И когда сила, олицетворяющая буржуазное будущее Россіи, подымала свой голосъ, то реакціонная сила, гордая своей мрачной традиціей, насмѣшливо отвѣчала: народъ не съ вами! народъ безмолвствуетъ, ему нѣтъ дѣла до вашихъ стремленій! И подъ бичемъ злой насмѣшки русскій либерализмъ съеживалъ свои историческія задачи и дѣло національнаго освобожденія страны принижалъ до дѣла «упорядоченія» существующаго порядка. Борьба между абсолютизмомъ и народомъ подмѣнялась борьбой «бюрократіи» и «земщины». И на наглый вопросъ реакціонеровъ: гдѣ же народъ? «общество» подтверждало: революціонный народъ отсутствуетъ.

Между тѣмъ, пока велась эта тяжба, пока бюрократія и либерализмъ занимались своимъ невиннымъ фехтованіемъ, въ народѣ шла глухая работа мысли. Въ судорожныхъ потрясеніяхъ «мобилизаціон-

ныхъ безпорядковъ», въ взрывахъ массоваго отчаянія, въ тамъ и сямъ пробивавшихся демонстраціяхъ и стачкахъ проявлялось революціонное броженіе. И на эту почву, взрыхленную неустанной работой соціалдемократіи, падали скудные лучи либеральной «весны», и благодарная почва пускала изъ себя множество еще незамѣтныхъ издали ростковъ. Откуда-то, словно изъ подъ земли, на оживленныя «весной» либеральныя и демократическія газеты предъявлялся колоссальный спросъ, какой-то невѣдомый массовый читатель жадно ловилъ все, что хоть намекомъ говорило о рѣшительной борьбѣ за свободу. Десятки и сотни, порою тысячи, передовыхъ пролетаріевъ появлялись передъ либеральными собраніями и требовали отъ общества принятія демократической программы въ борьбѣ съ абсолютизмомъ и бюрократіей. Они говорили отъ имени милліоновъ трудящихся, они говорили, какъ организованный въ рабочую партію авангардъ россійскаго пролетаріата. Но ихъ заявленія—встрѣчались ли они ворчливымъ брюжжаніемъ или горячимъ, но не безъ примѣси скептицизма, сочувствіемъ—не встрѣчали довѣрія. За сотнями и тысячами передовыхъ одиночекъ общество не хотѣло замѣтить массы. И либеральная борьба плелась въ прежнихъ рамкахъ, въ томительной смѣнѣ смѣлыхъ рѣчей и трусливыхъ поступковъ, не дерзая признать себя частью народнаго движенія, не смѣя разорвать съ абсолютизмомъ, не рѣшаясь принять лозунговъ революціи и демократической программы. Революціоннаго народа для «общества» все еще не существовало.

Девятаго января революціонный народъ оказался на-лицо, наскоро организовавшій свои стотысячныя массы вокругъ созданныхъ самою реакціей учрежденій, тѣсно сплотившійся вокругъ тѣхъ случайныхъ вождей, которые дерзнули повести его на рѣшительный бой, и съ поразительнымъ единодушіемъ написавшій на своемъ знамени тѣ политическія требованія, во имя которыхъ вела свою агитацію соціалдемократія. Отнынѣ знаменитая петиція петербургскихъ рабочихъ останется вѣчнымъ памятникомъ политическаго успѣха работы соціалдемократіи, и легкость, съ которою сотнямъ организованныхъ соціалдемократовъ удалось въ нѣсколько дней привлечь сплоченныя Гапономъ стотысячныя массы къ этимъ требованіямъ, является неоспоримымъ залогомъ дальнѣйшаго, все возростающаго успѣха партійной работы.

Революціонный народъ оказался налицо—въ образѣ столичнаго пролетаріата, логикой стихійной классовой борьбы быстро мобилизованнаго для революціоннаго натиска. Не прошло двухъ недѣль со времени начала петербургской стачки, и около милліона пролетаріевъ во всѣхъ концахъ Россіи бросило работу. Такое движеніе едва

ли знаетъ исторія классовой борьбы во всемъ мірѣ. Этотъ милліонъ пролетаріевъ, появившихся на политической аренѣ въ тотъ моментъ, когда либеральная «весна» готова была исчерпать себя до дна,— своимъ грандіознымъ выступленіемъ радикально измѣнилъ все политическое положеніе.

Девятаго января петербургскіе пролетаріи предъявили краткосрочный ультиматумъ абсолютизму и, обративъ залитую кровью мирную манифестацію въ революціонную схватку, нанесли ему страшный ударъ..

Какъ уличная революція, какою оно стало, благодаря логикѣ событій, девятое января не удалось—рабочія массы не имѣли оружія, онѣ не подготовились къ тому, чтобы овладѣть имъ въ тотъ моментъ, когда ощутили въ немъ потребность... Но именно эта неудача показала наглядно, что уличная революція можетъ и должна побѣдить въ современной Россіи, не смотря на то, что въ этой революціи пролетарскія массы не могутъ и мечтать о вооруженіи, сколько нибудь равномъ тому, которымъ располагаетъ государство. Тайна успѣха прошлыхъ революцій заключалась не въ превосходствѣ оружія инсургентовъ надъ оружіемъ солдатъ, а исключительно въ томъ, что, дѣйствуя въ атмосферѣ сочувствія всего населенія, революціонеры могли оказывать войскамъ упорное сопротивленіе вплоть до того неизбѣжнаго психологическаго момента, когда дѣйствующія въ атмосферѣ всеобщей вражды войска начинали колебаться и освобождаться отъ гипноза дисциплины. Продержаться на улицахъ возможно дольше— такова техническая задача всякаго открытаго выступленія. И опытъ 9 января показалъ, что даже колоссальныя военныя силы не могутъ помѣшать стотысячнымъ массамъ владѣть улицей. Десять залповъ не могли «очистить» улицъ столицы.

...Девятое января показало всѣмъ, что не только революціонный народъ не есть выдумка соціалдемократіи, но что и народное возстаніе не есть ея иллюзія. Тѣмъ самымъ сильно не только возросла увѣренность революціонныхъ массъ въ возможность боевой тактики, но и симпатія окружающей среды къ революціоннымъ дѣйствіямъ пролетаріата. Своимъ «неудачнымъ» выступленіемъ 9 января петербургскіе пролетаріи завоевали своему классу вниманіе и сочувствіе всего населенія и несказанно облегчили веденіе дальнѣйшей борьбы за свободу Россіи.

Но они достигли еще большаго. Когда ночью 9 января борцы за свободу подсчитывали многочисленныя жертвы этого дня, они должны были, по справедливости, ко многимъ сотнямъ павшихъ прибавить цѣлыхъ четыре убитыхъ или, по крайней мѣрѣ, смертельно раненыхъ «истинно—русскихъ» идеи.

Разъ навсегда поражена—и не излѣчиться ей во вѣки!—идея «народнаго» абсолютизма. Сыгравшій такую роль во всемъ движеніи, культивировавшій эту идею, Г. Гапонъ открыто и честно констатировалъ ея крушеніе. Вмѣстѣ съ ней, однако, слетаетъ послѣдняя идеалогическая риза съ стараго кроваваго строя, исчезаетъ послѣдняя тѣнь нравственной связи его съ народомъ.

Добита окончательно—послѣ ранъ, нанесенныхъ Зубатовымъ и Шаевичемъ,—идея россійскаго полицейскаго соціализма. Мыслимы еще новыя и новыя погудки на этотъ достаточно уже старый ладъ, но «духъ живъ» навсегда улетѣлъ уже отъ зубатовскаго «экономизма», и если бы новые «легальные союзы» были инсценированы правительствомъ, теперь уже съ самаго начала рабочіе будутъ входить въ нихъ со скрытой цѣлью возмущенія.

Въ крови и грязи сходитъ съ политической сцены «политика довѣрія», сходитъ, чтобы никогда уже болѣе не обморочить ни Россіи, ни Европы. Вмѣстѣ съ зубатовщиной полицейскаго соціализма, убита зубатовщина полицейскаго либерализма.

И, наконецъ, на смерть пораженъ умѣренный россійскій либерализмъ, спекулировавшій на истощеніе абсолютизма въ его борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами и на «безболѣзненную» передачу маленькой части государственной власти въ руки «земщины». Послѣ 9 января невозможно вершить судьбы Россіи безъ вѣдома русскаго народа. Послѣ 9 января нельзя стоять за свободу, напередъ устраняя народъ отъ пользованія плодами ея. Послѣ 9 января нельзя отождествлять «общественное мнѣніе» Россіи съ мнѣніемъ ея «верхнихъ десяти тысячъ».

Велико историческое значеніе этого перелома въ русской жизни. Оно же сказалось въ небываломъ еще нигдѣ взрывѣ открытаго сочувствія представителей всѣхъ общественныхъ классовъ дѣлу пролетарской борьбы. Пролетаріатъ—освободитель родины, пролетаріатъ—авангардъ всей націи—въ эти дни признанъ въ своей героической роли общественнымъ мнѣніемъ передовыхъ элементовъ либерально-демократической буржуазіи. Вести пролетаріатъ, вести систематически и послѣдовательно по тому пути, на который 9 января вступили петербургскіе рабочіе—такова та задача, выполняя которую россійская соціалдемократія сумѣетъ всецѣло использовать свое своеобразное историческое положеніе въ общенаціональной борьбѣ за свободу. Вести пролетаріатъ по этому пути—значитъ реализовать въ полной мѣрѣ плоды неустанной работы соціалдемократіи надъ формированіемъ въ современной Россіи самостоятельнаго классоваго пролетарскаго движенія.

Однимъ мощнымъ ударомъ петербургскіе пролетаріи закрѣпили за всѣмъ россійскимъ пролетаріатомъ его позицію класса—освободителя націи, позицію класса, владѣющаго дѣйствительно гегемоніей въ общенаціональномъ дѣлѣ. Освобожденіе Россіи, какъ производное классовой борьбы пролетаріата, эта головоломная «доктринерская» идея соціалдемократовъ, облекается въ плоть и кровь на глазахъ русскаго общества, И когда въ отвѣтъ на подавленіе петербургскаго движенія величественный порывъ класовой солидарности вызываетъ стачки во всѣхъ концахъ Россіи, буржуазное общество не въ силахъ сопротивляться этому движенію, и, не имѣя возможности въ данный моментъ поднять свой протестъ до высоты, достигнутой въ Петербургѣ, Московскіе, Рижскіе, Ковенскіе, Саратовскіе и др. рабочіе, можно сказать, «шутя», въ ходѣ сдѣланнаго ими себѣ военнаго смотра, добываютъ себѣ значительныя экономическіе уступки, которыя при другихъ условіяхъ стоили бы имъ массы жертвъ и которыя значительно повысятъ ихъ боевую энергію, боевую готовность и организованность. Въ одномъ уже этомъ колоссальное значеніе продолжающагося по сей день движенія.

Но еще болѣе важно то вліяніе, которое переживаемыя событія окажутъ на классовое сознаніе всего россійскаго пролетаріата. Пусть въ данный моментъ въ большинствѣ случаевъ дѣло и не пойдетъ дальше стачки или мирной демонстраціи. Изъ январьскихъ дней весь россійскій пролетаріатъ выйдетъ выросшимъ политически на цѣлую голову. И плоды этого «стихійнаго» роста окажутся тѣмъ скорѣе и очевиднѣе, чѣмъ больше въ предыдущій періодъ соціалдемократія успѣла заронить въ эту стихійно поднявшуюся массу сознаніе ея историческихъ задачъ, чѣмъ тѣснѣе удалось ей своей агитаціей сплотить вокругъ себя передовые элементы этой массы. Все, что въ послѣдніе мѣсяцы было сдѣлано соціалдемократіей въ этомъ направленіи—агитаціей противъ войны, агитаціей по поводу земско-либеральнаго движенія—скажется въ степени сознательности и революціонности внезапно поднявшихся массъ, какъ уже сказалось въ эти знаменательные дни въ Петербургѣ, гдѣ такъ легко, такъ поразительно быстро, благодаря умѣлой агитаціи соціалдемократовъ, рабочія массы перешли отъ лозунговъ реакціонной демагогіи націоналъ—либерализма къ революціоннымъ лозунгамъ соціалдемократіи.

Январская эпопея всероссійской пролетарской борьбы сразу создаетъ для партійной работы такой широкій базисъ, котораго у партіи еще никогда не было. Полтора года отдѣляетъ ее отъ послѣдняго крупнаго массоваго выступленія пролетаріата. За эти полтора года

много силъ партіи было поглощено болѣзнями ея внутренняго развитія, много стихійныхъ факторовъ не давали ей возможности выпрямиться во весь ростъ и развернуть свою политическую работу. И, тѣмъ не менѣе, логика историческаго развитія вновь привела въ тѣсное соприкосновеніе съ нашей порѣдѣвшей и ослабѣвшей арміей могучую силу пролетарской стихіи, и вновь въ результатѣ этого соприкосновенія соціалдемократія становится крупнѣйшей политической силой современности, а пролетаріатъ охотно принимаетъ ея политическое руководство. Двѣсти тысячъ было за соціалдемократіей въ памятные лѣтніе дни 1903 года — милліонъ уже стоитъ за нею сейчасъ въ этомъ грандіозномъ пролетарскомъ выступленіи, отъ котораго, по прекрасному выраженію Розы Люксембургъ, «вѣетъ духомъ Маркса».

Періодъ необходимой подготовительной работы сильно сокращенъ январьскими событіями, положившими начало революціонной мобилизаціи громадныхъ массъ народа. Усиливая во много разъ свою агитацію, охватывая ею милліоны рабочихъ, крестьянъ, солдатъ, буржуазныхъ слоевъ націи, партія должна теперь призывать ихъ къ всенародному выступленію.

Но чтобы ея работа шла успѣшнѣе и чтобы «духъ Маркса» не отлеталъ отъ нея, она должна идти въ томъ же направленіи, въ какомъ она развивалась послѣдніе мѣсяцы. Темпъ долженъ стать неизмѣримо болѣе быстрымъ, масштабъ практическихъ цѣлей каждаго дня уже сталъ болѣе крупнымъ, но принципы тактики и ея методы остаются тѣми же самыми. Революціонную мобилизацію массъ, с.-д.—партія сознательнаго пролетаріата—совершала посредствомъ сплоченія и организаціи передовыхъ пролетаріевъ въ самостоятельную и самостоятельно выступающую во всѣхъ событіяхъ общественной жизни пролетарскую партію. Пользуясь высоко поднявшейся волной революціоннаго возмущенія народа и поднимая ее все выше и выше—с.-д. будетъ крѣпко сплачивать и спаивать въ одно великое цѣлое—въ дѣйствительную рабочую партію—всѣ политически мыслящіе элементы рабочаго класса. И когда голосъ этого коллективнаго агитатора—рабочей партіи—станетъ слышенъ народнымъ массамъ во всѣхъ концахъ Россіи, когда его политическіе лозунги будутъ восприниматься всей возстающей Россіей, какъ они были восприняты вставшимъ 9 января рабочимъ Петербургомъ; когда звенья соціалдемократической пролетарской организаціи, укрѣпленныя ежечаснымъ упражненіемъ въ маневрахъ, аванпостныхъ сраженіяхъ и серьезныхъ битвахъ, станутъ охватывать всѣ революціонные элементы народныхъ низовъ—тогда россійской соціалдемократіи будетъ обезпечено политическое

руководство неминуемымъ и быстро приближающимся къ осуществленію всенароднымъ выступленіемъ.

Нелѣпо и вредно мечтать о монополіи активной роли въ надвигающемся возстаніи для русской соціалдемократіи. О чемъ она вправѣ, о чемъ она должна «мечтать»—это о политической гегемоніи для своего класса, о политически руководящей роли для себя, какъ авангарда класса—освободителя націи. А эта роль не можетъ быть ни достигнута, ни прочно закрѣплена за партіи тѣмъ, что ей удастся взять всецѣло въ свои руки техническую организацію и проведеніе выступленія.

Сознательный пролетаріатъ, опираясь на логику стихійнаго процесса историческаго развитія, использустъ для своихъ цѣлей всѣ элементы организаціи, всѣ элементы броженія, которые создаетъ моментъ «кануна революціи», нисколько не смущаясь тѣмъ, что всѣ эти элементы отнимаютъ у него долю «техническаго руководства» самой революціей, и такимъ образомъ, волей неволей, посодѣйствуютъ перенесенію его требованій въ самые отсталые слои народной массы. С.-д. будетъ только рада, если, вслѣдъ за священникомъ, популяризировавшимъ въ массахъ ея требованіе разрыва государства съ церковью, вслѣдъ за легальнымъ рабочимъ обществомъ, организовавшимъ народный походъ по улицамъ Петербурга, русская революція обогатиться генераломъ, который первымъ поведетъ народныя массы, или чиновникомъ, который первый провозгласитъ офиціальное ниспроверженіе правительства. С.-д. будетъ вправѣ видѣть громадный успѣхъ ея работы, если какое либо узко націоналистическое или ограниченно-буржуазное движеніе послужитъ послѣднимъ толчкомъ, отъ котораго затрясется Бастилія... Все это будетъ работать для рабочаго класса, если только рабочій классъ во всѣхъ перипетіяхъ революціи будетъ политическимъ авангардомъ націи, если подъ его политическимъ давленіемъ будутъ совершаться всѣ эти революціонныя превращенія, если только движущей силой всего революціоннаго процесса будетъ сознательная и планомѣрная работа соціалдемократіи.

Задачей соціалдемократіи въ данный моментъ является, поэтому, не столько «организовать» народную революцію, сколько «развязать» ее. Революція уже существуетъ потенціально въ мысляхъ и чувствахъ широкихъ народныхъ массъ. Надо дать ей выходъ въ открытомъ движеніи, надо реализовать ее—и эта задача лежитъ цѣликомъ въ области агитаціи и организаціи массъ, въ области политическаго руководства массами. Никто не можетъ выполнить эту полити-

ческую работу лучше, чѣмъ соціалдемократія, связанная своею 20-ти лѣтнею дѣятельностью съ народными массами. Никто не сможетъ выполнить ее въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата, кромѣ той партіи, для которой борьба за освобожденіе Россіи тѣсно сплетается съ процессомъ революціоннаго самоопредѣленія рабочаго класса, съ процессомъ его организаціи для своего конечнаго и полнаго освобожденія.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру въ жизни Россіи, положитъ начало и непрерывнымъ политическимъ успѣхамъ партіи, призванной исторіей стоять во главѣ національной русской революціи.

Л. Мартовъ.

Въ водоворотѣ революціи.

(3 февраля 1905 г. № 86.)

Говорятъ, наступило затишье... Говорятъ даже, что революція девятаго января окончилась неудачей, что теперь надо ждать другой, побѣдоносной революціи... Странное затишье... Странное пониманіе революціи.

Быстрое разложеніе и ломка верхушки правительственнаго механизма; отказъ принять депутацію рабочихъ вчера, фабрикація на заказъ подобія такой депутаціи сегодня; генералъ-губернаторъ и министерство ежовыхъ рукавицъ, смѣняющее министерство «довѣрія» и одновременно слухи о близкомъ созывѣ земскаго собора; обыскъ—дѣйствительный или предполагаемый—для характеристики господствующаго настроенія это почти безразлично—у предсѣдателя комитета министровъ, и настойчивыя стремленія этого хитроумнаго Улисса бюрократіи возможно шире оповѣстить весь міръ о своей «невиновности» въ кровопролитіи 9 января; совѣщаніе министра финансовъ съ промышленниками, гдѣ ихъ, почти приставивъ ножъ къ горлу, «убѣждаютъ» сдѣлать рабочимъ тѣ ничтожныя уступки, которыя, по мнѣнію правительства, прольютъ цѣлительный бальзамъ на нанесенныя абсолютизмомъ кровавыя раны; административная скачка по дорогѣ къ «реформамъ», причемъ промышленники, которыхъ вчера силой гнали

къ уступкамъ, сегодня призываются «ограждать» интересы рабочихъ въ вопросѣ о государственномъ страхованіи, а прелюбодѣю мысли Суворину и мракобѣсу Мещерскому вручается судьба свободы печати, при благосклонномъ участіи соглашающихся покрывать всю эту грязь своими именами генераловъ отъ либерализма — Кони, Арсеньева и Стасюлевича. Вотъ неполная картина того шквала, который все переворачиваетъ въ правительственныхъ верхахъ. А внизу? Общественныя и сословныя учрежденія, все съ большей и большей настойчивостью и опредѣленностью заявляющія свои освободительныя требованія; публичное выраженіе симпатій жертвамъ девятаго января и негодованія убійцамъ; заявленіе московскихъ промышленниковъ; пресса, не смотря на висящій надъ ней дамокловъ мечъ бѣлаго террора, говорящая подчасъ такимъ языкомъ, какой не часто встрѣчался и въ разгарѣ министерской «весны»; солдаты, убивающіе офицеровъ, которые приказывали стрѣлять въ народъ; стачечная гражданская война, охватившая чуть не половину Россіи; и кровь, кровь, цѣлыми потоками проливаемая борющимся пролетаріатомъ...

И это — затишье? Это — неудачный конецъ революціи? Нѣтъ, это сама революція, не кончившаяся, а только начавшаяся, революція съ ея неизбѣжными смѣнами приливовъ и отливовъ, революція, проявляющаяся то въ мелкихъ партизанскихъ стычкахъ, то въ длительныхъ обходныхъ движеніяхъ, то въ прямой, фронтальной аттакѣ на врага И только мысль, привыкшая скользить по поверхности, только мысль не умѣющая охватить весь колоссальный фактъ соціально-политическаго переворота, какимъ является революція, во всей его полнотѣ, и цѣпляющаяся за отдѣльные «блестящіе» эпизоды, только мысль сторонняго наблюдателя и диллетанта революціи можетъ продиктовать представленіе о какомъ то первомъ «настоящемъ» натискѣ пролетаріата, который будто бы еще только «предстоитъ».

Не къ «веснѣ», и не къ «теплому времени», и не къ какимъ инымъ срокамъ должна соціалдемократія «готовиться», а сейчасъ, немедленно должна вложить въ уже совершающуся революцію весь политическій и организаціонный капиталъ, накопленный ею. И только въ процессѣ непосредственнаго и всесторонняго участія въ революціи будетъ этотъ капиталъ затрачиваться производительно, будетъ возрастать съ головокружительною быстротою. Конечно, всѣ предположенія говорятъ за то, что—и, быть можетъ, не разъ еще—повторится генеральная битва по всему фронту между абсолютизмомъ и поднявшимся народомъ. Но смѣшно и нелѣпо пытаться заранѣе точно опредѣлить и назначить время этого сраженія въ зависимости отъ

того, какъ начертили мы наши военные «планы». Исторія всегда умѣла спутать чертежи любого Архимеда, перехитрить самаго хитраго стратега и застать «врасплохъ» того, кто не готовъ былъ въ любую минуту грудью встрѣтить врага. Не пріурочивая свою дѣятельность ни къ какому опредѣленному «моменту», и не подчиняя ее всецѣло подготовкѣ опредѣленной формы «натиска», соціалдемократія должна расположить свои силы такъ, чтобы быть всегда по возможности болѣе готовою и къ «натиску», и къ партизанскимъ стычкамъ, и къ затяжнымъ обходнымъ операціямъ.

И само собою разумѣется, что во всѣхъ «боевыхъ» эпизодахъ, революціонная по самому существу своему, соціалдемократія должна стоять въ первыхъ рядахъ борющагося народа. Соціалдемократія должна сдѣлать все, что въ ея силахъ, чтобы пролетаріатъ не оказался снова безоружнымъ и беззащитнымъ передъ лицомъ врага; она должна въ день кровавыхъ битвъ указать исходъ революціонному чувству народа, планомѣрно направлять боевую энергію массъ на самые слабые пункты вражескихъ укрѣпленій; своею бодростью, смѣлостью и отвагой она должна увлекать въ рѣшительное наступленіе поднявшуюся толпу. Но, становясь во главѣ народа, силой завоевывающаго себѣ свободу и дезорганизующаго ряды враговъ, соціалдемократія съ тѣмъ большей настойчивостью и зоркостью должна имѣть въ виду главную цѣль свою—охрану классовыхъ интересовъ пролетаріата, не только въ смыслѣ напоминанія ему великихъ конечныхъ цѣлей его, но и въ смыслѣ самостоятельности участія его въ освободительной борьбѣ сегодняшняго дня.

Пусть горячѣе течетъ кровь въ жилахъ, пусть чаще бьется охваченное гнѣвомъ и радостною надеждою сердце, пусть злобно сжимаются кулаки! Тотъ не революціонеръ, въ комъ не дрожатъ напряженно всѣ фибры души въ эти великіе историческіе дни. Но пусть не кружится голова! Тотъ не политическій дѣятель, тотъ—не слуга пролетаріата, кто въ минуту высшаго душевнаго подъема теряетъ изъ виду ту путеводную звѣзду, которая яркимъ свѣтомъ свѣтила соціалдемократіи на всемъ протяженіи ея пути, кто сбивается съ дороги именно тогда, когда пролетаріату нужнѣе всего его служба.

И сегодня, какъ и вчера, какъ и завтра, соціалдемократія не можетъ оставить ни на минуту своей критической работы.

Опираясь на классовые интересы пролетаріата, выдвигая эти интересы на первый планъ во всѣхъ стадіяхъ революціонной борьбы, соціалдемократія будетъ тѣмъ самымъ мощно двигать впередъ самое революцію. И, конечно, въ этой работѣ ее не остановятъ лицемѣрные

крики о «рекламѣ для своей фракціи», исходящіе со стороны тѣхъ, кого весь развертывающійся ходъ историческихъ событій бьетъ по лицу. Соціалдемократія—не торговая фирма, не бойко торгующая лавочка, а великій историческій принципъ, освѣщающій всю совокупность современныхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ отношеній и дающій въ руки пролетаріата ключъ, который съ наименьшимъ трудомъ и наименьшими жертвами отворитъ ему завѣтныя двери, ведущія въ царство свободы. Если исторія «рекламируетъ» этотъ принципъ, мы съ глубокою радостью привѣтствуемъ эту «рекламу». Мы «воспользуемся» ею для того, чтобы еще и еще разъ указать пролетаріату на необходимость классовой организаціи, классовой политики, классовой самостоятельности и самодѣятельности.

Въ мрачную эпоху 80-хъ годовъ, послѣ крушенія надеждъ борцовъ Народной Воли, посреди всеобщей растерянности и отчаянія, возвысила свой голосъ русская соціалдемократія, чтобы сказать, что нарождается, что народился уже классъ, которому суждено въ борьбѣ за свое освобожденіе освободить всю страну отъ позора деспотизма. Съ борьбой этого класса неразрывно связала соціалдемократія свое дѣло. Сквозь строй ожесточенныхъ нападокъ, недовѣрія, криковъ объ «узости», «нетерпимости», «сектанствѣ» несла она красное знамя классовой борьбы пролетаріата, какъ единственный залогъ свободы. Посреди трусливаго ожиданія неожиданныхъ милостей сверху, она одна хранила вѣру въ революцію. Посреди метанія отъ одного чудодѣйственнаго средства борьбы къ другому, она одна хранила вѣру въ борьбу народныхъ массъ.

Въ рядѣ долгихъ, упорныхъ битвъ росло классовое сознаніе и закалялся революціонный духъ рабочаго класса. Жертва всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи, пролетаріатъ гордо могъ заявить, что его классовыя требованія одни только не носятъ на себѣ печати классовой ограниченности, что, ставя себѣ конечною цѣлью освобожденіе всего человѣчества, онъ и въ каждомъ этапѣ своей борьбы несетъ свободу для всѣхъ. И въ день 9-го января передъ всѣмъ міромъ пролетаріатъ выступилъ, какъ передовой борецъ, несущій въ дѣло освобожденія не только свою физическую силу, но и свои демократическіе лозунги, передъ которыми отнынѣ безповоротно должны стушеваться тѣ робкія, предательскія рѣшенія вопроса о свободѣ, которыя старался продиктовать народу классовый эгоизмъ имущихъ.

Революція началась, и она будетъ совершаться во имя созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, во имя демократіи. Послѣ 9-го января вопросъ о полномъ народовластіи изъ области тѣхъ «уто-

пическихъ» мечтаній, которыя такъ охотно клеймятъ люди, принимающіе свою близорукость за трезвость мысли, вопросъ о народовластіи всталъ на очередь дня. И съ радостнымъ чувствомъ сѣятеля, послѣ долгой и упорной работы видящаго первые всходы своего посѣва, соціалдемократія можетъ смотрѣть на тотъ размахъ политической мысли, который обнаружили петербургскіе пролетаріи. Не изъ легальныхъ газетъ, не изъ земскихъ резолюцій, не изъ либеральныхъ рѣчей на банкетахъ вышелъ тотъ лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, который сдѣлало своимъ петербургское движеніе. Соціалдемократія одна [1]) несла его рабочему классу, и, не руководя петербургскимъ движеніемъ организаціонно, она въ значительной степени руководила имъ политически.

«Было бы въ высшей степени опасно, если бы мы, полагаясь на возможность для насъ непосредственнаго организаціоннаго руководства всей многомилліонной массой пролетаріата, не оцѣнили въ полной мѣрѣ первостепенной важности укрѣпленія элементовъ нашего политическаго руководства рабочимъ классомъ»—писали мы 10 мѣсяцевъ тому назадъ [2]) и можемъ еще съ большей силой повторить это теперь, когда рѣчь идетъ не о движеніи одного только пролетаріата, а о движеніи всенародномъ.

Не упуская изъ виду необходимости расширять свой организаціонный базисъ и даже настаивая на ней, мы все же такъ мало дорожимъ «рекламой» для своей фракціи, что открыто признаемся: движеніе стотысячныхъ массъ, хотя бы непосредственно руководимыхъ не нами, но несущихъ наши политическіе лозунги, для насъ несравненно цѣннѣе таинственныхъ операцій самыхъ ортодоксальныхъ «неуловимыхъ» кружковъ конспираторовъ. Потому что мы вѣримъ въ революціонность рабочихъ массъ и вѣримъ, что логика политическаго положенія толкнетъ, въ концѣ концовъ, эти массы и въ партійную организацію. И, наоборотъ, мы не вѣримъ въ сомнительно-ортодоксальную алхимію «штаба спѣвшихся и подготовленныхъ руководителей», который, опираясь на одно слѣпое «довѣріе» массы, приведетъ ее въ царство народной свободы.

Съ этой позиціи насъ, конечно, не столкнутъ тѣ революціонныя мухи-поденки, фантазія которыхъ тѣмъ необузданнѣе витаетъ въ

---

[1]) Этотъ лозунгъ выдвинутъ былъ еще женевскимъ „Соціалдемократомъ" по случаю голода 1891—1892 г.

[2]) «Грядущій кризисъ», Искра № 63.

области всевозможнаго прожектерства, чѣмъ менѣе связаны онѣ въ дѣйствительности съ революціонной партіей, съ революціоннымъ народомъ, съ революціоннымъ движеніемъ.

Оружіе! Захватъ государственнаго банка! Порча желѣзныхъ дорогъ!—вотъ «едва ли не самые настоятельные вопросы теперь», вопятъ картонные герои, для которыхъ одною формою «возстанія» исчерпываются всѣ проблемы, выдвигаемыя передъ соціалдемократіей русской революціей. Да, нужно оружіе, нужно при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ портить желѣзныя дороги, нужно захватывать государственный банкъ, и нужно даже вести просто «революціонную» агитацію, когда не можешь, или не умѣешь, вести агитаціи соціалдемократической. Но и съ оружіемъ и со всякими захватами лучше всего справляются тѣ, кто не такъ громко бряцаетъ саблей въ своемъ воображеніи, для кого и оружіе и возстаніе есть лишь необходимое средство для несравненно болѣе сложной и глубокой цѣли. Соціалдемократія будетъ усиленно работать и надъ разрѣшеніемъ техническихъ вопросовъ борьбы, но она будетъ помнить, что въ дни революціи, когда развязывается вѣковой узелъ общественно-политическихъ отношеній и рѣшаются будущія судьбы страны, «самымъ настоятельнымъ» вопросомъ является для насъ вопросъ о политической позиціи рабочаго класса, и что только въ связи съ этой политической работой могутъ быть для соціалдемократіи разрѣшены и вопросы техническіе.

Не впадая въ уныніе и разочарованность въ дни затишья, не увлекаясь авантюрами въ дни общественнаго подъема и возбужденія, старалась идти соціалдемократія въ своей многолѣтней работѣ. Въ событіяхъ послѣдняго времени она слишкомъ ясно почувствовала свое духовное родство и связь съ рабочей массой, слишкомъ наглядно увидѣла воплощеніе въ плоть и кровь своего дѣла, чтобы эти событія еще больше не укрѣпили соціалдемократію въ слѣдованіи по тому вѣрному пути, на который она стала. Какъ Антей, черпавшій свою силу отъ прикосновенія къ землѣ, росла и крѣпла партія каждый разъ, какъ могучій подъемъ пролетарской борьбы приводилъ ее въ соприкосновеніе съ мощными пластами рабочихъ массъ.

Можно ли сомнѣваться, что изъ всколыхнувшей милліонныя массы революціонной бури она выйдетъ окрѣпшей и усилившейся до неузнаваемости? Вѣдь, каждый день современной революціонной борьбы вливаетъ свѣжую кровь въ жилы соціалдемократіи. Уже теперь партія настолько чувствуетъ свою органическую связь съ пролетаріатомъ, что, вопреки мнѣнію тов. Парвуса, не отъ «такта» пары—другой интелли-

гентовъ зависятъ ея судьбы. Прошло то время, когда партія могла распасться, не выдержавъ тѣхъ желѣзныхъ тисковъ, въ которые пыталась заковать ее бюрократическая фантазія революціонныхъ администраторовъ. Полтора года тяжелой борьбы и упорной работы не прошли даромъ. Широкіе кадры рабочихъ тѣсно, кровно связаны со своей партіей, и партія можетъ съ гордостью сказать всѣмъ, кто вздумалъ бы грозить ей «расколомъ»: раскола быть уже не можетъ, можетъ быть только совершенно безразличное для партіи откалываніе отъ нея ничтожныхъ группъ, ничего не дающихъ партіи, ничѣмъ не связанныхъ ни съ нею, ни съ дѣломъ рабочаго класса.

Революція началась. Революція ставитъ передъ нами колоссальныя политическія задачи, какія не стояли еще ни передъ одной партіей въ мірѣ. Соціалдемократія, партія рабочаго класса, одна можетъ взять на себя бремя разрѣшенія этихъ задачъ. Силы дороги, ихъ нельзя расточать безплодно. Пусть же всѣ соціалдемократы, всѣ, кто чувствуетъ огромную отвѣтственность, налагаемую званіемъ выразителя пролетарскихъ интересовъ, пусть всѣ сплотятся для дружной, совмѣстной работы! Пусть коллективная мысль партіи неустанно работаетъ надъ рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ революціи, и пусть народныя массы на каждомъ шагу своей революціонной борьбы видятъ во главѣ себя, въ рядахъ своихъ соціалдемократа. Петербургскіе товарищи показали первый примѣръ: соціалдемократъ, неустанно агитирующій, соціалдемократъ, идущій въ первыхъ рядахъ народнаго шествія, соціалдемократъ—первымъ умирающій на баррикадѣ!

Вотъ путь, по которому соціалдемократія должна идти!

Ф. Данъ.

Правительство уходитъ.

(10 февраля 1905 г. № 78).

Всероссійская стачка еще не закончилась; но ея ближайшія политическія послѣдствія уже опредѣлились съ достаточной ясностью. Залитая кровью попытка петербургскаго возстанія послужила сигналомъ къ началу открытаго революціоннаго движенія. Рабочій классъ нанесъ первый рѣшительный ударъ отжившему строю, и всѣ силы созрѣвшаго буржуазнаго общества новой Россіи быстро мобилизуются и выступаютъ противъ столь грознаго недавно деспотизма.

Появленіе революціоннаго народа сразу измѣнило обычную картину многолѣтней политической борьбы. Либеральная демократія, возлагавшая свои главныя надежды на благожелательность сверху или благонамѣреннаго министра и тратившая свои усилія на безплодныя попытки заставить правящія сферы внять голосу страны, наглядно убѣждается и въ прошлой ошибкѣ и въ грядущей опасности политики торговъ и переторжекъ съ коснымъ режимомъ за спиной народа. Пролетарская кровь возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ и заставляетъ глухихъ слышать. Послѣ девятаго января даже съ амвона церкви шефа жандармовъ раздалась отходная существующему строю. «Оживаетъ и пробуждается богатырь—Святая Русь»,—говорилъ священникъ Рахмановъ, напутствуя уволеннаго министра довѣрія. «Встрепенулись всѣ слои общества... Какая сила остановитъ этотъ потокъ? Нѣтъ такой силы»!

И сознаніе, что нѣтъ такой силы, которая могла бы противостоять напору народнаго моря, заставляетъ либеральную демократію отрекаться отъ безпомощныхъ верховъ и искать опоры и поддержки въ революціонномъ авангардѣ народныхъ массъ, въ пролетаріатѣ. Пролетаріатъ становится основною осью, къ которой примыкаютъ и вокругъ которой располагаются самыя разнообразныя партіи, самые разнородные противники господствующаго режима; пролетаріатъ указываетъ имъ не только демократическіе лозунги движенія, но даже нѣкоторыя формы политической борьбы. Либерально-демократическое движеніе, затихнувшее съ концомъ правительственной «весны» и вспыхнувшее съ новой энергіей вмѣстѣ съ революціонною стачкою, уже не ограничивается болѣе или менѣе неопредѣленными резолюціями и торжественными ужинами во славу свободы. Оно переходитъ

къ дѣйствію и заимствуетъ у пролетаріата испытанное средство борьбы рабочаго класса съ его политическими и экономическими угнетателями.

Послѣ девятаго января массовая забастовка общественныхъ учрежденій, на которую соціалдемократія давно указывала, какъ на лучшій въ ихъ рукахъ способъ дезорганизаціи государственнаго механизма, стала совершившимся фактомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось пріостановить дѣятельность судебныхъ учрежденій, вслѣдствіе забастовки адвокатовъ. Ни одно высшее учебное заведеніе не функціонируетъ въ настоящее время, вслѣдствіе забастовки студентовъ и профессоровъ; даже среднія учебныя заведенія захвачены стачечнымъ движеніемъ. Ученыя и профессіональныя общества пріостановили свою дѣятельность. Даже такія политическія организаціи имущихъ классовъ, какъ земскія учрежденія, широко воспользовались пролетарскимъ средствомъ борьбы. Намѣчавшаяся еще послѣ ноябрьскаго земскаго съѣзда стачка земскихъ представителей въ то время встрѣтила непреодолимое препятствіе въ обычныхъ предразсудкахъ и обычной нерѣшительности земскаго либерализма. Всеподданнѣйшіе адреса земскихъ собраній декабрьской сессіи далеко отстаютъ отъ извѣстныхъ резолюцій петербургскаго земскаго съѣзда. Только три земства: Московское, Черниговское и Смоленское пріостановили тогда свои занятія. Теперь, послѣ петербургскихъ событій, и земцы почувствовали приливъ гражданскаго мужества. Московское, Петербургское, Таврическое, Воронежское, Уфимское, Новгородское, Саратовское, Симбирское, Курское, Вологодское, Костромское и другія губернскія земскія собранія и Вологодская и Симферопольская городскія думы отказались работать при существующихъ условіяхъ.

Большинство учебныхъ заведеній, научныхъ и профессіональныхъ обществъ, и многія общественныя учрежденія заявили, что они прерываютъ свою дѣятельность до тѣхъ поръ, пока правительство не пойдетъ навстрѣчу законнымъ желаніямъ общества и не призоветъ свободно выбранныхъ представителей народа для участія въ законодательствѣ и управленіи страны. Конечно, демократическіе лозунги пролетаріата и теперь еще далеко не подхвачены всѣмъ оппозиціоннымъ обществомъ, но тѣ политическія требованія, которыя еще въ декабрѣ высказывались рабскимъ языкомъ, теперь говорятся ясно и твердо съ гражданскимъ достоинствомъ.

Массовая забастовка земскихъ и городскихъ учрежденій, выполняющихъ серьезныя задачи мѣстнаго государственнаго управленія, грозитъ серьезными затрудненіями, особенно опасными для правитель-

ства вслѣдствіе военнаго времени. Забастовка высшихъ учебныхъ заведеній и общественныхъ союзовъ нарушаетъ обычное теченіе общественной жизни. Въ странѣ начинается анархія, которая дѣлаетъ невыносимымъ самое существованіе.

Кровавое подавленіе рабочаго возстанія казалось правительству первымъ шагомъ къ возврату на дорогу безпощадной реакціи. Удаленіе Святополка, рѣшенное еще девятаго января, знаменовало крушеніе полицейскаго либерализма и переходъ къ старой системѣ твердой власти. Военная диктатура въ Петербургѣ и усиленная охрана въ другихъ городахъ должны были обезпечить проведеніе въ жизнь реакціонныхъ плановъ. Но упорное сопротивленіе пролетаріата, выразившееся въ массовой забастовкѣ, распространившейся и на буржуазію, разрушило всѣ разсчеты сторонниковъ деспотизма. Желѣзная рука, такъ часто и такъ безпощадно уничтожавшая всѣ побѣги новой жизни, на этотъ разъ оказалась безсильной передъ мощнымъ народнымъ движеніемъ. Реакція не удалась и превратилась въ покушеніе съ негодными средствами. Потокъ народнаго недовольства прорвалъ плотину деспотическаго гнета, и, вмѣсто торжествующихъ голосовъ реакціонеровъ, повсюду раздаются побѣдныя привѣтствія свободѣ. Правительство въ смятеніи вынуждено уступить дорогу новымъ силамъ.

«Правительство идетъ!»—восклицалъ нѣкогда Катковъ, привѣтствуя мрачную реакцію, смѣнившую либеральныя попытки Александра II. Правительство уходитъ!—можемъ мы сказать теперь, при видѣ послѣднихъ судорогъ абсолютизма. Пусть растерянная бюрократія еще хлопочетъ вокругъ обломковъ старой государственной машины,—революціонный порывъ рабочаго класса безповоротно опредѣлилъ исходъ вѣкового политическаго спора: оно уходитъ, это правительство выродившагося развратнаго режима, озвѣрѣлыхъ министровъ—жандармовъ, правительство крови и позора, въ теченіе столькихъ лѣтъ угнетавшее многомилліонный народъ. Рѣшеніе созвать Земскій Соборъ, принципіально принятое въ высшихъ сферахъ и объявленное въ оффиціозныхъ газетахъ, возвѣщаетъ начало капитуляціи абсолютизма.

Земскій соборъ, каковъ бы ни былъ его составъ, несомнѣнно поведетъ къ паденію абсолютизма, какъ системы безграничнаго произвола. Въ этомъ смыслѣ, его созывъ можетъ удовлетворить многихъ и многихъ изъ тѣхъ, кто теперь такъ любовно и горячо толкуетъ объ интересахъ народа. Но такой результатъ не можетъ удовлетворить огромное большинство народа и прежде всего пролетаріатъ, который своей кровью завоевалъ себѣ въ январьскіе дни право на лучшее будущее въ освобожденной Россіи и которому еще, быть можетъ, до созыва Земскаго

Собора придется пролить не мало крови въ открытой борьбѣ съ издыхающимъ чудовищемъ.

Уже теперь очевидно, что, если даже поспѣшат созвать Земскій Соборъ, чтобы предупредить революціонный взрывъ, то этотъ Соборъ не отвѣтитъ на политическія требованія рабочаго класса. Петиція петербургскихъ рабочихъ была только первымъ революціоннымъ шагомъ пролетаріата; но и эта петиція, запечатлѣнная кровью тысячей жертвъ, требовала Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Между тѣмъ, редакторъ «Новаго Времени», всегда освѣдомленный о планахъ правительства, рѣшительно отвергаетъ это требованіе и началъ издѣваться надъ нимъ. Насколько можно судить по сообщеніямъ Суворина, предполагаемый Земскій Соборъ составится изъ представителей тѣхъ классовъ, для которыхъ пролетаріатъ является только подмостками для восхожденія на вершину политическаго господства надъ народомъ. Такимъ образомъ, бюрократическое самодержавіе легко можетъ смѣниться самодержавіемъ эксплуататоровъ и угнетателей рабочаго класса. И, если различные слои оппозиціонной буржуазіи уже готовы сложить оружіе передъ Земскимъ Соборомъ, то пролетаріатъ и его политическая организація—соціалдемократическая партія—отмѣчаютъ новый поворотъ политической жизни, главнымъ образомъ, для того, чтобы своевременно усилить свою боевую готовность, чтобы своевременно пріучить мысль пролетаріата и народныхъ массъ къ возможной борьбѣ на два фронта: съ правительствомъ и отсталыми элементами буржуазіи. Намъ не разъ еще придется обсуждать и выяснять наши тактическія задачи по мѣрѣ того, какъ «принципіальное» рѣшеніе правительства созвать народныхъ представителей будетъ принимать конкретную форму. Но, во всякомъ случаѣ, основы нашей тактики не могутъ измѣниться. Самостоятельное революціонное выступленіе пролетаріата, какъ независимой классовой партіи, за одинъ разъ достигло того, чего не могли добиться ни мирныя усилія либеральной оппозиціи, ни террористическіе акты героевъ буржуазной демократіи. Революціонная стачка, поднявшая рабочую армію, пробудила буржуазію и нанесла смертельную рану абсолютизму. Правительство уходитъ!—вотъ смыслъ переживаемой правительственной анархіи. И пролетаріатъ долженъ мобилизовать всѣ силы, чтобы въ моментъ ликвидаціи стараго порядка использовать въ своихъ интересахъ первую рѣшительную побѣду, которую его смѣлая инициатива и его самоотверженная борьба за свободу уже одержали надъ деспотизмомъ, и сдѣлать ее рычагомъ для развитія революціи.

Н. Негоревъ.

Одинъ изъ эпизодовъ революціи.

(10 февраля 1905 г. № 87).

9 января слишкомъ двѣсти тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ шли ко дворцу съ намѣреніемъ изложить свои нужды и пожеланія. Они были встрѣчены пулями и штыками... 29 января правительство принуждено было объявить объ образованіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Шидловскаго, комиссіи изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ «для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. Петербургѣ и его пригородахъ и выясненія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ». Признавъ 29 января, что недовольство рабочихъ имѣетъ свои причины, которыя необходимо выяснить, правительство само подписало приговоръ своему поведенію 9 января.

9 января есть начало революціи, 29-ое—одинъ изъ ея эпизодовъ. Каковъ смыслъ этого эпизода? Внѣшнимъ образомъ, онъ едва-ли не исчерпывается тѣмъ подписаннымъ самому себѣ приговоромъ, о которомъ мы сейчасъ говорили. Въ трудныя минуты своего существованія самодержавіе уже не разъ прибѣгало къ подобнымъ комиссіямъ, въ которыхъ хоронились многія изъ обѣщанныхъ и давно назрѣвшихъ реформъ. Сколько такихъ комиссій перевидали мы въ послѣдніе годы, сколько въ нихъ исписано бумаги, сколько потрачено на нихъ народныхъ денегъ! Результаты всѣмъ извѣстны. Ждетъ ли иная судьба комиссію сенатора Шидловскаго? Конечно, нѣтъ.

Комиссія придумана для того, чтобы дать исходъ острому недовольству рабочихъ и убаюкать ихъ перспективой ожидаемыхъ улучшеній. Но, кромѣ того, правительство преслѣдуетъ другую, не менѣе важную для себя цѣль. 9 января былъ днемъ ужаса для правительства. Стало ясно, что даже въ легальныхъ и прирученныхъ рабочихъ союзахъ неизбѣжно развиваются политическія стремленія. Комиссія должна вернуть рабочихъ въ русло экономики: рабочихъ хотятъ убѣдить, что экономическія требованія могутъ быть удовлетворены самодержавіемъ и что, слѣдовательно, не въ интересахъ рабочихъ стремиться къ ликвидаціи современнаго политическаго строя.

Таковъ субъективный смыслъ комиссіи для правительства. Сомнительно, однако, чтобы послѣ 9 января эти планы могли удасться. Каждый, мало-мальски мыслящій рабочій непремѣнно спроситъ себя:

«Сколько же должно быть пролито нашей крови для того, чтобы правительство рѣшилось признать, что для нашего недовольства имѣются весьма основательныя причины? Сколько нужно намъ пережить 9-хъ января, чтобы наконецъ наступило 29-ое число, тоже очень мало намъ обѣщающее?»

Послѣ 9 января нельзя удовлетворить рабочихъ игрою въ выборы. Если бы даже петербургскіе рабочіе отличались такой политической близорукостью, что не замѣчали бы связи между всеобщимъ политическимъ положеніемъ страны и собственными судьбами, если бы они сосредоточили все свое вниманіе на комиссіи сенатора Шидловскаго, то и она должна преподнести имъ такой урокъ политической мудрости, какого они во вѣкъ не забудутъ. Часть петербургскихъ рабочихъ уже теперь представила сенатору цѣлый рядъ требованій, безъ выполненія которыхъ они не признаютъ для себя возможнымъ принять участіе въ выборахъ депутатовъ. Среди этихъ требованій значатся: открытіе 11 отдѣловъ собраній рабочихъ и право открывать новые отдѣлы, разрѣшеніе печатать безъ всякихъ изъятій постановленія и пренія въ собраніяхъ, полная свобода и неприкосновенность личности всѣхъ участниковъ собранія и предоставленіе рабочимъ права уполномочивать на защиту своихъ интересовъ не только рабочихъ, но и другихъ лицъ, которыхъ изберутъ рабочіе. Г. Шидловскій, который по вопросу объ открытіи рабочихъ собраній призналъ себя некомпетентнымъ и отослалъ рабочихъ къ новоявленному спасителю режима, генералу Трепову, точно такъ же, какъ по вопросу объ уплатѣ рабочимъ за время стачки, онъ отослалъ ихъ къ министру финансовъ, не смотря на то, что рескриптъ надѣляетъ его неограниченными полномочіями,—г. Шидловскій, по всей вѣроятности, и въ остальныхъ вопросахъ признаетъ себя некомпетентнымъ.

До сихъ поръ сенаторъ Шидловскій обѣщалъ рабочимъ только одно—неприкосновенность ихъ депутатовъ. Но, допуская даже, что г. Треповъ согласится сдержать слово, данное г. Шидловскимъ [1]), мы будемъ имѣть, въ качествѣ рѣдкихъ экземпляровъ, пару десятковъ рабочихъ, свободно разгуливающихъ по Петербургу, не смотря на произнесенныя ими (если они произнесутъ) въ нѣкоей комиссіи радикальныя рѣчи, тогда какъ ихъ товарищей за подобныя рѣчи, за критику поведенія ихъ въ комиссіи (если они что нибудь узнаютъ объ этомъ поведеніи) будутъ сажать въ тюрьмы, ссылать.

---

[1]) Французскія газеты сообщаютъ, что два делегата Путиловскаго завода уже арестованы.

Мы не будемъ дальше распространяться на эту тему. Ясно, что получится урокъ нагляднаго политическаго обученія огромной важности. и что правительство само постарается сдать эпизодъ 29 января въ архивъ исторіи, куда уже сданы многочисленные другіе эпизоды подобнаго рода.

Задача соціалдемократіи, въ виду этого и другихъ подобныхъ эпизодовъ, предначертана ея поведеніемъ въ день девятаго января. Какъ тогда, она будучи убѣждена въ томъ, что у правительства не просятъ, а требуютъ, что всякія просьбы безполезны, все же пошла впереди рабочихъ для того, чтобы тутъ же на мѣстѣ, на примѣрѣ совершающихся грозныхъ событій, влiять на сознаніе массъ, — такъ и теперь, будучи заранѣе увѣрена въ безсилiи и безплодности комиссіи сенатора Шидловскаго, она обязана использовать агитаціонно этотъ эпизодъ правительственной растерянности, требовать и агитировать во имя свободы выборовъ рабочихъ депутатовъ, гласности преній, полной свободы слова на тѣхъ собраніяхъ, гдѣ будутъ выбираться депутаты, а также въ самой комиссіи и т. п. Партія должна открывать глаза рабочей массѣ на тотъ колоссальный обманъ, который практикуетъ правительство, якобы желающее услышать истинный голосъ рабочихъ и устраивающее выборы подъ надзоромъ полиціи, какъ это пытались сдѣлать на Путиловскомъ заводѣ, или подъ наблюденіемъ фабр. инспектора, какъ это, повидимому, будетъ установлено вездѣ. Но въ своей агитаціи партія, само собою разумѣется, не должна остановиться на этомъ. Она должна пойти дальше. Она должна позаботиться о томъ, чтобы посылаемые въ комиссію депутаты получили отъ рабочихъ мандатъ съ обязательствомъ заявить тамъ—и надо постараться, чтобы необходимость такого заявленія ясно ими сознавалась, — что и устраненіе причинъ недовольства рабочихъ и вообще плодотворная работа настоящей комиссіи невозможна при существующихъ политическихъ условіяхъ и что, поэтому, рабочіе настойчиво требуютъ созыва Учредительнаго Собранія. Только при такой агитаціи можно надѣяться, что и эпизодъ 29 января станетъ могучимъ стимуломъ развивающейся революціи.

Кольцовъ.

О революціонной работѣ въ деревнѣ.

(10 февраля 1905 г. № 87.)

Въ начавшейся русской революціи крестьянству суждено сыграть крупную роль. Несомнѣнно, что однимъ изъ главныхъ вопросовъ, которые встанутъ въ ходѣ революціи, лишь только рѣчь зайдетъ о новомъ устройствѣ государственныхъ порядковъ, и настоятельно потребуютъ разрѣшенія, будетъ вопросъ аграрный; а этотъ вопросъ безъ политическаго выступленія крестьянства, конечно, разрѣшенъ быть не можетъ.

Вотъ почему работа среди крестьянства и политическое воспитаніе крестьянства имѣетъ для с.-дем. партіи огромное значеніе. С.-д. аграрная программа даетъ достаточно руководящихъ указаній для такой работы. Не ставя никакихъ предѣловъ революціонному преобразованію аграрныхъ отношеній, программа подчеркиваетъ основныя тенденціи развитія современной деревни, даетъ принципіальное обоснованіе нашей политической агитаціи среди крестьянъ и указываетъ тотъ минимумъ, осуществленіе котораго с.-д. считаетъ безусловно необходимымъ для уничтоженія сковывающихъ крестьянство остатковъ крѣпостническихъ отношеній.

За послѣдніе годы кое-гдѣ работа среди крестьянъ ведется соціалдемократіей довольно энергично. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что соціалдемократическая литература, чаще всего прокламаціи, идетъ въ крестьянство и при помощи тѣхъ тысячъ нитей, которыя связываютъ городской пролетаріатъ съ деревней. Такимъ образомъ, можно думать, что, въ общемъ, политическія идеи соціалдемократіи имѣютъ среди крестьянъ гораздо большее распространеніе и вліяютъ на политическую мысль крестьянства гораздо сильнѣе, чѣмъ это можно предположить при первомъ взглядѣ на размѣры прочныхъ организаціонныхъ связей партіи съ деревней.

Но какъ бы то ни было, нельзя не признать, что планомѣрная, систематическая работа соціалдемократіи въ деревнѣ далеко еще не стоитъ на той высотѣ, какая была бы для партіи желательна. Разумѣется, это объясняется не «игнорированіемъ» крестьянства, и ужъ, конечно, не тѣмъ «презрѣніемъ» къ деревнѣ, которое такъ охотно подсовываютъ соціалдемократіи ея критики. Относительная слабость силъ по сравненію съ тѣми огромными задачами, которыя ложатся на плечи соціалдемократіи, сама по себѣ достаточно оправдываетъ сосредоточе-

ніе работы въ городѣ. Это сосредоточеніе диктуется не только тѣмъ, что городской пролетаріатъ — самая крупная и передовая революціонная сила, мобилизовать которую было необходимо прежде всего. Разсматривая цѣлесообразность распредѣленія силъ партіи и съ точки зрѣнія интересовъ самого крестьянскаго движенія, мы пришли бы къ той же самой концентраціи работы въ городахъ. Ибо, при наличныхъ общественно-политическихъ условіяхъ Россіи, только существованіе сильнаго классоваго движенія пролетаріата можетъ обезпечить выведеніе и крестьянства на революціонный путь, чуждый реакціонныхъ иллюзій и утопій. Революціонное движеніе рабочаго класса есть необходимая предпосылка дѣйствительно революціоннаго движенія крестьянства и революціоннаго разрѣшенія аграрнаго вопроса. Такимъ образомъ, совершенно тщетно, и исторически несправедливо, было бы сѣтовать на «забвеніе» соціалдемократіей деревни.

Но та революціонная полоса, въ которую мы вошли, налагаетъ на соціалдемократію обязанность развернуть всѣ силы партіи. Усиливая интенсивность и размахъ своей работы во всѣхъ областяхъ своей дѣятельности, она должна подумать и о томъ, чтобы расширить и укрѣпить свое воздѣйствіе на крестьянство. И не только потому, что теперь необходимо усиленно и ускоренно содѣйствовать выступленію крестьянства на историческую арену для выполненія той крупной революціонной роли, которая несомнѣнно предстоитъ ему въ созидательный, если можно такъ выразиться, періодъ революціи, въ періодъ положительнаго творчества новыхъ правовыхъ, общественныхъ и экономическихъ порядковъ. И въ интересахъ такого политическаго воспитанія деревни, и къ интересахъ самой революціи, нужно вовлечь крестьянство въ активную дѣятельность и въ переживаемый нами нынѣ, по преимуществу разрушительный, революціонный періодъ, когда рѣчь идетъ прежде всего объ уничтоженіи современнаго государственнаго строя.

Крестьянское движеніе должно и можетъ явиться огромной силой, дезорганизующей и разрушающей современный государственный механизмъ. Но разрушительная сила можетъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ—реакціонномъ и революціонномъ. Аграрный терроръ, направленный главнымъ образомъ не противъ правительственной власти (имъ въ лучшемъ случаѣ могутъ быть задѣты мелкіе представители ея), а противъ помѣщиковъ и вообще землевладѣльческой буржуазіи, тоже разрушительная сила. Но, не создавая политической организованности крестьянства, направляя мысль деревни на отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя мѣстныя нужды и тѣмъ отвлекая ее отъ всенародной революціон-

ной задачи, такого рода «разрушительное» участіе крестьянъ въ общенародномъ движеніи грозитъ жестокими разочарованіями. А народныя «разочарованія», въ переводѣ на языкъ объективной дѣйствительности, выражаются въ потокахъ народной крови и въ истощеніи революціонной энергіи народа.

Само собою разумѣется, что соціалдемократія не можетъ и не будетъ звать крестьянъ на этотъ реакціонный путь, на который можетъ звать ихъ тотъ, кто самъ зараженъ реакціонными утопіями, или же тотъ, кто полагаетъ, что можетъ воспользоваться крестьянствомъ, какъ простой элементарной силой, въ интересахъ какого нибудь фантастическаго демагогическаго плана. По самому существу своему соціалдемократія можетъ вести крестьянство только на путь, дѣйствительно революціонный. Но на революціонномъ пути нѣтъ работы, только разрушительной, нѣтъ мѣста демагогіи. Здѣсь разрушительная работа массъ всегда связана съ созидательной работой ихъ, съ организаціей, съ развитіемъ политическаго сознанія и самодѣятельности.

Въ этомъ духѣ только и можетъ быть разрѣшенъ вопросъ о тѣхъ формахъ, въ которыхъ соціалдемократія должна пытаться сейчасъ же вовлечь крестьянство въ русло общенароднаго революціоннаго движенія. События послѣдняго времени въ Польшѣ, гдѣ по приговорамъ сельскихъ сходовъ крестьяне сотенъ деревень отказывались вести сношенія съ властями на русскомъ языкѣ и тѣмъ вносили огромное разстройство въ функціонированіе правительственнаго механизма, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на то направленіе, въ которомъ слѣдуетъ работать.

Надо усиленно агитировать за то, чтобы крестьяне принимали рядъ политическихъ постановленій на своихъ сходахъ. Прежде всего, слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права сталъ общимъ кличемъ деревни. А для этого необходимо возможно шире оповѣщать крестьянъ обо всемъ, что дѣлалось и дѣлается за послѣднее время въ странѣ, разъяснять имъ невозможность разрѣшенія аграрнаго вопроса внѣ рѣшенія вопроса политическаго, и указать на созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія, какъ на единственный путь къ радикальному рѣшенію аграрнаго вопроса.

Такого рода резолюціи сельскихъ сходовъ будутъ имѣть огромное принципіальное и политически-воспитательное значеніе. Но въ революціонное время крестьянство вынуждено будетъ приступить и къ непосредственнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Рѣшительныя практи-

ческія дѣйствія положатъ начало бурному движенію въ деревняхъ. Отказъ подчиняться земскому начальнику и его суду; отказъ признавать утвержденныя начальствомъ «выборныя» власти деревни и свободный выборъ новыхъ; изгнаніе изъ деревни урядниковъ и сельскихъ стражниковъ; отказъ платить подати и отправлять повинности; отказъ отпускать запасныхъ, призываемыхъ подъ знамена, ставить рекрутовъ, являться на учебные сборы и т. д.—вотъ цѣлый рядъ практическихъ мѣропріатій, которыя внесутъ страшную дезорганизацію въ правительственный механизмъ и которыя, въ то же время, будутъ политически воспитывать и организовывать крестьянъ... Нѣтъ сомнѣнія, что кое-гдѣ крестьяне попытаются одновременно захватывать необходимыя имъ земли. Разумѣется, и въ этомъ случаѣ не только невозможно быть противъ крестьянства, но, наоборотъ, слѣдуетъ ухватиться за эти первыя искры революціоннаго движенія крестьянства и постараться возможно ярче раздуть ихъ въ дѣйствительно революціонномъ направленіи. Слѣдуетъ стараться толкать крестьянъ отъ этого неполнаго, частичнаго, мѣстнаго рѣшенія аграрнаго вопроса къ революціонному всероссійскому рѣшенію его.

Возвращаясь къ намѣченнымъ выше практическимъ дѣйствіямъ, нужно сказать, что сколько нибудь широкое примѣненіе ихъ означаетъ не что иное, какъ начало рѣшительнаго выступленія въ деревнѣ. Но для успѣха выступленія, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, необходимо, чтобы оно не расплылось въ рядѣ единичныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ попытокъ. Работа должна быть направлена на то, чтобы сдѣлать эти первыя революціонныя попытки въ деревняхъ возможно болѣе одновременными и сочетать ихъ съ движеніемъ городскимъ. Лишь при условіи одновременнаго разлитія движенія по обширной площади, силы правительства будутъ по необходимости такъ раздроблены, что шансы на успѣхъ сильно повысятся.

Крестьяне подгородныхъ деревень могутъ, конечно, принимать непосредственное участіе и въ городскомъ движеніи, явившись на помощь. Они могутъ оказать большую услугу пролетаріату и тѣмъ, что будутъ снабжать его съѣстными припасами. Судя по проскользнувшимъ въ иностранной печати извѣстіямъ, петербургскіе подгородные крестьяне подвозили припасы стачечникамъ въ боевые январьскіе дни. Но для того, чтобы, съ прибытіемъ подгородныхъ крестьянъ, города не наполнялись политически-невѣжественнымъ и недисциплинированнымъ элементомъ, могущимъ (какъ это показали кое какіе примѣры во время еврейскихъ погромовъ) внести дезорганизацію въ дѣло самого движенія, для этого необходимо направить всѣ усилія на то,

чтобы возможно тѣснѣе политически связать городской пролетаріатъ съ подгороднымъ крестьянствомъ: надо, чтобы подгородные крестьяне отдавали себѣ ясный отчетъ въ цѣляхъ и средствахъ борьбы рабочаго класса.

Намѣченная выше бѣглыми штрихами работа потребуетъ, конечно, много силъ. Мы не будемъ говорить теперь о технической постановкѣ такой работы, о возможности созданія кадра разъѣздныхъ агитаторовъ и организаторовъ и пр. Замѣтимъ только, что политическая работа сама создастъ новыя силы для выполненія ея. Нужно только возможно яснѣе поставить передъ рабочими вопросъ о необходимости и важности широкой работы среди крестьянства, и тогда въ связанномъ съ деревней городскомъ пролетаріатѣ найдутся нужныя для этого силы.

Ф. Данъ.

Капиталъ бунтуетъ.

(17 февраля 1905 г. № 88).

I.

Въ наши бурные, трагическіе дни, когда съ разныхъ концовъ огромной страны доносится гулъ гражданской войны, когда трескъ ружейнаго заряда и шумъ разорвавшейся бомбы врываются обычнымъ акомпаниментомъ въ героическую эпопею проснувшейся массы, въ эти дни сравнительно незамѣтно и блѣдно проходятъ событія большой, исторической важности.

Капиталъ взбунтовался, капиталъ бунтуетъ. Бунтуетъ, конечно, съ оглядкой; конечно, въ предѣлахъ, какъ и подобаетъ солидной и важной персонѣ, сознающей свой вѣсъ въ государствѣ, но все же бунтуетъ. Балованное чадо россійскаго протекціонизма, предметъ естественной зависти для другихъ общественныхъ группъ, для котораго законъ былъ не писанъ и который, казалось, «все можетъ» подъ сѣнью двуглаваго орла, который представлялся инымъ развѣ только оранжерейнымъ цвѣткомъ самодержавной теплицы, этотъ самый капи-

таль явственно и громко заявляетъ власти, что ей пора на покой, въ архивную кладовую исторіи.

Именемъ науки—говоритъ бывшій чумазый и нынѣшній московскій купецъ—«джентльменъ», «голосомъ сотенъ милліоновъ рублей» вторитъ ему желѣзозаводчикъ, и «неумолкаемыми аплодисментами» встрѣчается ихъ новѣйшее политическое credo собраніемъ болѣе двухсотъ петербургскихъ фабрикантовъ.

«Существующее законодательство и способъ его разработки не соотвѣтствуютъ указаніямъ современной науки государственнаго права и потребностямъ населенія, въ частности русской промышленности» — изрекаютъ московскіе господа. «Послѣ того, какъ русская желѣзная промышленность перестала быть, главнымъ образомъ, поставщицей по казеннымъ заказамъ... — поясняетъ совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ,—неустроенность нашей народной жизни... стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ и крайне тягостнымъ явленіемъ». Безъ коренныхъ реформъ не обойтись, подтверждаютъ петербуржцы въ своей запискѣ отъ 31 января.

Что же значитъ сей сонъ? Отчего—говоря языкомъ корреспондента «Руси»—покраснѣли миллоны? Вѣдь, не потому же, что совѣсть зазрила или внезапно обуяло ихъ гражданское чувство?

Нѣтъ, произошло лишь измѣненіе въ сочетаніи общественныхъ силъ, случилось лишь то, что самодержавная бюрократія—фатальнымъ ходомъ вещей—приведена было къ конфликту съ милліонами. Въ безмятежное сожительство власти съ капиталомъ клиномъ врѣзался рабочій вопросъ.

Казалось бы, пролетаріатъ, пробуждающійся къ жизни и борьбѣ и все болѣе входящій въ свою провиденціальную роль освободителя Россіи, долженъ былъ уже самымъ процессомъ своего пробужденія вгонять капиталъ въ реакцію и спаивать его съ наличнымъ режимомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, лучше, чѣмъ этотъ режимъ могъ держать въ уздѣ строптивую массу, кто съ большей убѣдительностью могъ вбивать ей аргументы всей мощью военно-полицейскаго аппарата?

Казалось бы,—и такъ оно и было на дѣлѣ — до поры до времени, Духъ свободомыслія никогда не считался въ числѣ добродѣтелей отечественнаго производства, и чтобы отыскать въ этой сферѣ хотя бы слабый налетъ либерализма, пришлось бы совершить довольно далекую экскурсію въ прошлое и произвести раскопки въ общественныхъ формаціяхъ такъ называемой эпохи великихъ реформъ. Съ 80 годовъ, особенно съ того времени, когда морозовская стачка, какъ салютъ, по выраженію Каткова, возвѣстила urbi et orbi о нарожденіи у насъ

революціоннаго рабочаго класса, промышленный капиталъ непрестанно развивался въ одинъ изъ главныхъ устоевъ современной политики. Онъ черпалъ свое вдохновеніе въ министерскихъ кабинетахъ, и онъ же—не взирая на всѣхъ земскихъ начальниковъ—безконечно больше воспособляемой бѣлой помѣщичьей кости, и что дальше, то сильнѣй, налагалъ свою лапу на общій ходъ государственной машины. Осуществленная при содѣйствіи франко-русскаго союза, система Витте была его тріумфомъ. Онъ поглощалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, милліоны, онъ властно возвышалъ свой голосъ на съѣздахъ, онъ тайно и явно руководилъ чиновными комиссіями. И онъ былъ очень многимъ, если не всѣмъ, къ моменту коренного перелома, когда, наконецъ, развертывающееся рабочее движеніе заставило дрогнуть сокрушающій начальственный кулакъ самодержаія.

Однако, во второй половинѣ предшествующаго десятилѣтія, послѣ знаменательныхъ петербургскихъ событій 96 и 97 годовъ, въ правительственныхъ кругахъ сталъ явно намѣчаться новый курсъ—рабочей политики. Этотъ курсъ уже даетъ себя знать въ рѣчахъ полицейскихъ делегатовъ на засѣданіи комиссіи по подготовкѣ закона 2 іюня 1897 года. Въ этой комиссіи вице-директоръ департамента полиціи, Семякинъ и другой представитель министерства внутреннихъ дѣлъ развивали, ни болѣе ни менѣе, какъ утопію нормировки заработной платы правительственной властью — къ вящшему недоумѣнію среды фабрикантовъ. «Если рабочіе убѣдятся—говорило министерство устами г. Щегловитова, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ, то рабочіе будутъ болѣе склонны къ противоправительственнымъ внушеніямъ».

Этотъ же курсъ нашелъ свое дальнѣйшее развитіе въ пресловутомъ докладѣ московскаго оберъ-полиціймейстера Трепова, и свое увѣнчаніе—въ твореніяхъ Зубатова.

Лавина пролетарскаго движенія росла и, по мѣрѣ того, какъ росла, въ напуганныхъ головахъ начальственныхъ лицъ все сильнѣе работала мысль и все болѣе изощрялась фантазія надъ вопросомъ, какъ предотвратить грядущую опасность. Задача, какъ будто, не была головоломной, ларчикъ даже просто открывался, и отечество могло быть спасено безъ дальнѣйшихъ околичностей — за счетъ толстой мошны капитала! Долой политику, и да процвѣтаютъ экономическія организаціи рабочихъ—надо только локализировать вниманіе пролетаріата на его непосредственномъ контрагентѣ — противникѣ.

Дѣло, по видимости, начиналось съ полицейскихъ пустяковъ—съ общества взаимопомощи въ Москвѣ, съ противо-бундовской организаціи на западѣ, съ сомнительныхъ профессорскихъ бесѣдъ. Пустяки, однако, превратились весьма скоро въ серьезъ, и передъ агентурой правительства стала диллема—или сразу потерять всѣ пріобрѣтенія, или пуститься во всѣ тяжкія антикапиталистической агитаціи. Стачка на мануфактурѣ Гужона въ Москвѣ, въ 1902 году, уже явилась сигналомъ предостереженія: многолѣтвій союзъ капитала съ властью далъ первую замѣтную трещину, и московскіе промышленники, негодуя, отправили протестъ министру финансовъ. «Если въ представленной имъ (рабочимъ) извѣстной организаціи, писали они, имѣется въ виду, отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности антикапиталистической»..., «тѣмъ болѣе, прибавляли они, что справиться съ массами, увлеченными какимъ либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впослѣдствіи оказаться чрезвычайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ».

Съ своей точки зрѣнія, промышленники, конечно, были правы, и событія послѣдующаго года, особенно экспериментъ Шаевича въ Одессѣ, какъ нельзя лучше показали всю тщету безсмысленныхъ попытокъ, системой своего рода обводныхъ и отводныхъ каналовъ, обезводить море народнаго волненія. Послѣ одесскаго краха, наступило было временное затишье: Зубатовъ исчезъ съ горизонта, Шаевичъ, былъ удаленъ въ мѣста «не столь отдаленныя»—провѣтриться. Но было уже поздно: лавина катилась, и у правительства не было ни малѣйшей возможности остановиться въ своемъ курсѣ. Начавъ съ *а*, оно должно было досказать до конца весь алфавитъ демагогіи, чего, бы ему это въ конечномъ счетѣ—ни стоило, и какъ бы ни великъ былъ ропотъ капитала. Оно хваталось за все и исходило въ потугахъ законодательнаго творчества и въ результатѣ злополучной двухлѣтней работы получило итогъ—фабричные старосты, отвѣтственность предпринимателей, который только дразнилъ буржуазію и нимало не давалъ удовлетворенія рабочимъ.

А трещина, между тѣмъ, становилась все глубже, и червь недовольства все сильнѣе разъѣдалъ капиталъ. Нуженъ былъ, однако, могучій толчокъ, чтобы разъѣдающій червь могъ справиться съ толщей традицій; и этимъ толчкомъ оказалась война: она разрушила ореолъ военной силы правительства, она уничтожила вѣру въ его финансовую неуязвимость: она внесла разстройство—безъ надежды на

возмѣщеніе въ счетъ будущихъ благъ, она осушила дождь казенныхъ заказовъ, она все поставила на карту.

Потому-то, подъ шумъ военныхъ неуспѣховъ и раздалось, впервые, ворчаніе «милліоновъ». Сперваначала еще глухое—нечленораздѣльное ворчаніе. Чувствовалось только, что капиталъ въ своей фрондѣ уже перешелъ отъ частнаго къ общему, отъ критики вѣдомствъ и лицъ къ разбору всего цѣлаго. Газетная молва говорила о московскихъ купцахъ, не желающихъ нести свою лепту «патріотизму», перо «услужливаго» публициста разъясняло и мотивы «купецкаго» воздержанія. Хозяину надъ милліонами рублей, господину надъ тысячами душъ не пристало сознавать себя чѣмъ-то производнымъ отъ воли бюрократа. Хозяинъ и господинъ въ своемъ дѣлѣ долженъ быть хозяиномъ и господиномъ и въ дѣлѣ государственнаго строительства. Наступала пора—такъ думалъ капиталъ—когда крылатое морозовское слово—купецъ все можетъ—готовилось перейти изъ міра застольнаго краснорѣчія въ міръ реальной дѣйствительности. Уже въ минувшемъ декабрѣ московская городская дума—купеческая par excellence—поддержала резолюцію петербургскаго земскаго съѣзда и, поддержавъ, нашла отголосокъ въ московскомъ биржевомъ комитетѣ. Въ это же время въ Петербургѣ инженеры всѣхъ вѣдомствъ,—другими словами, распорядители и директора фабрично-заводского дѣла—вырабатывали за банкетной трапезой свои конституціонныя пожеланія.

Но нужно было вспыхнуть рабочему возстанію въ Петербургѣ, нужно было разлиться по всему пространству россійской земли революціоннымъ волнамъ стихійнаго движенія, чтобы всѣ эти элементы политическаго недовольства капитала откристаллизовались въ спеціальныя политическія формулы, приняли обликъ особой политической разновидности и чтобы капиталъ, какъ таковой,—возвысилъ свой голосъ—наперекоръ заправиламъ бюрократіи.

Со стихіей шутки были плохи—это хорошо сознавало правительство. И всего менѣе расположенъ былъ къ шуткамъ пролетаріатъ, принявшій 9 января свое боевое крещеніе. Его нельзя уже было смазать по губамъ полицейскою трухою, бутафорскими законами. Ему необходимы были серьезныя уступки, ему нужна была свобода. И это же сознавалъ и капиталъ. Но въ то время, какъ власть еще искала спасенія въ экономическихъ уступкахъ, надѣясь, что чѣмъ больше она дастъ въ этой области,—за счетъ капитала—тѣмъ меньше уступитъ въ политикѣ, тѣмъ легче ей будетъ эскамотировать свободу; капиталъ, наоборотъ, энергично напиралъ на политику, видя въ ней

«начало всѣхъ началъ», какъ источникъ золъ, такъ и палладіумъ возможнаго успокоенія.

Литературная дуэль между министромъ финансовъ Коковцевымъ и петербургскими фабрикантами—наилучшее тому подтвержденіе. Фабриканты и слышать не хотятъ объ уступкахъ—негодуетъ Коковцевъ, апеллируя къ общественному мнѣнію въ инспирированной имъ нововременской статьѣ.

Дѣло не въ уступкахъ, тѣмъ болѣе частичныхъ, реплицируютъ фабриканты, а «въ глубокихъ реформахъ общегосударственнаго характера». «Даже отъ полнаго удовлетворенія всѣхъ требованій рабочихъ прочнаго успокоенія все же ожидать нельзя—говоритъ ихъ записка,—такъ какъ рабочее движеніе не возникло изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды. Изолировать рабочихъ нельзя и успокоить рабочихъ уступками тоже нельзя, пока окружающая среда находится въ броженіи». А среда бродитъ, потому что «недовольство» «широко разлито во всѣхъ слояхъ русскаго общества», потому что «страдаетъ весь организмъ», потому что виной всему—существующій самодержавно-бюрократическій режимъ.

«Нѣтъ спора—заявляютъ и съ своей стороны желѣзозаводчики,— что жизненныя условія нашего рабочаго люда неудовлетворительны, но не отъ доброй или злой воли промышленниковъ зависитъ измѣнить или удержать эти печальныя явленія, такъ какъ жизненныя условія... представляютъ собой результатъ всего народнаго хозяйства и всего государственнаго строя даннаго народа». Москвичи же,—тѣ такъ даже договариваются до признанія—казалось бы, нѣсколько неожиданнаго въ устахъ фабрикантовъ и заводчиковъ,—что настоящее движеніе рабочихъ массъ, «хотя и построенное на экономической почвѣ», есть плодъ «самой жизни» и «естественной потребности, вложенной въ самую природу человѣка», которая—потребность—есть потребность свободы.

«Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою». Такъ врѣзавшійся клинъ пролетарскаго возстанія расщепилъ основы старой дружбы: и чѣмъ больше росло «народолюбіе» начальства, чѣмъ демонстративнѣе становилось его вниманіе къ профессіональнымъ запросамъ «ввѣреннаго» ему рабочаго населенія, тѣмъ быстрѣе толкался капиталъ къ вольнодумству, тѣмъ рѣзче и отчетливѣе вырисовывались контуры новаго политическаго теченія. На знамени этого теченія стояли слова: законность, свобода.

Въ интересахъ «промышленнаго развитія» необходимъ такой строй,

при которомъ столкновенія труда съ капиталомъ введены были бы въ «законныя формы», при которомъ рабочіе бы «знали, что они могутъ опираться только на законъ и должны оставаться только въ предѣлахъ закона», при которомъ «грубыя демонстраціи» не служили бы пугаломъ для правительства, и къ нимъ бы не «прислушивались внимательнѣе, чѣмъ къ заявленіямъ корректнымъ», при которомъ администрація не металась бы «то въ направленіи односторонней защиты предпринимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ» (см. Записку инженеровъ), внося, такимъ образомъ, деморализацію въ среду «рабочихъ массъ» и «обостряя отношенія между ними и фабрикантами», при которомъ государственная жизнь регулировалась бы «участіемъ всѣхъ классовъ населенія и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ» (неизвѣстно, впрочемъ, на основаніи какого избирательнаго права) и при которомъ царила бы всякая свобода—въ томъ числѣ и нарочито поминаемая господами желѣзозаводчиками свобода штрейкбрехерства, т. е. была бы «законнымъ образомъ ограждена отъ насилій рабочихъ стачечниковъ» личность повиннаго капиталу и работѣ пролетарія, при которомъ, однимъ словомъ, подлиннымъ хозяиномъ страны—но уже на законномъ основаніи—былъ бы его современное величество, господинъ капиталъ.

Съ такой-то «хартіей вольностей» въ рукахъ совершалъ свое вступленіе въ среду конституціонной оппозиціи бывшій щедринскій Деруновъ, новоявленный «бунтарь» и будущій столпъ свободной Россіи.

Староверъ.

Что намъ дѣлать съ комиссіей сенатора Шидловскаго?

(17 февраля 1905 года; № 88).

Петербургскіе рабочіе требовали, чтобы было созвано всенародное Учредительное собраніе, на разсмотрѣніе котораго они отдавали свои многочисленныя соціальныя требованія.

Разстрѣлявъ петербургскихъ рабочихъ 9 января, правительство

учреждаетъ новую комиссію, въ которую предлагаетъ петербургскимъ рабочимъ послать своихъ избранныхъ всеобщей и тайной подачей голосовъ представителей для разсмотрѣнія «причинъ недовольства» петербургскаго пролетаріата.

Соціалдемократамъ неоднократно дѣлали упрекъ, что они тенденціозно представляютъ, какъ «побѣды» русскаго пролетаріата, такіе правительственные акты, которые, по своей цѣли, являются новыми и новыми попытками правительства отуманить сознаніе пролетаріата (законъ 2 іюня 1897 г., законъ объ отвѣтственности etc). Это «недоразумѣніе» между с.-д. и ихъ революціонными противниками легко объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что соціалдемократія иначе, чѣмъ другія партіи, понимаетъ самое слово «побѣда» въ примѣненіи къ освободительной борьбѣ нашего времени.

Для соціалъ-реформиста дѣйствительной побѣдой является такое событіе, которое означаетъ непосредственно замѣтное улучшеніе въ матеріальномъ положеніи соотвѣтствующаго класса. И, съ точки зрѣнія сколько нибудь послѣдовательнаго соціалъ-реформизма, ни одна изъ многочисленныхъ за послѣднее десятилѣтіе «уступокъ» самодержавія не можетъ, поэтому, считаться сколько нибудь значительной побѣдой, ибо абсолютизмъ не можетъ дать рабочему классу дѣйствительнаго улучшенія его жизни. Для «чистаго политика», для революціонера буржуазной демократіи дѣйствительной побѣдой является лишь такое завоеваніе, которое непосредственно означаетъ замѣтную брешь въ политической системѣ, съ которой онъ борется. Съ этой точки зрѣнія, опять-таки, всѣ «уступки» рабочему классу по цѣнности равны нулю, ибо нисколько не ослабляютъ гнетъ, тяготѣющій надъ русскимъ народомъ.

Съ точки зрѣнія революціоннаго соціалдемократа, связавшаго всѣ свои освободительныя стремленія съ процессомъ классоваго развитія пролетаріата, дѣйствительной побѣдой является всякое завоеваніе, дающее возможность рабочему классу усилить свою организацію, свое классовое объединеніе, свою боевую готовность. И съ этой точки зрѣнія, всѣ добытыя трудной борьбой предыдущія уступки деспотизма представляютъ дѣйствительныя побѣды русскаго рабочаго класса, все значеніе которыхъ можетъ опредѣлить лишь тотъ, кто уяснилъ себѣ дѣйствіе каждой новой реформы на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія, на развитіе самосознанія пролетаріата и его организаціи.

Съ этой именно точки зрѣнія, декретъ, назначающій комиссію сенатора Шидловскаго, представляетъ собою крупную пролетарскую побѣду—вопреки тѣмъ замысламъ, которые внушили его авторамъ эту

«уступку». Но само собой разумѣется, что свое дѣйствительное содержаніе это новое завоеваніе можетъ развернуть лишь въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ сознательно используетъ шансы, доставляемые новой «реформой» дѣлу его классоваго развитія.

Вопросъ о томъ, какъ реагировать на новую «уступку», вызоветъ, разумѣется, самое живое обсужденіе среди сознательныхъ рабочихъ. Нечего говорить, насколько желательно, чтобы сознательный пролетаріатъ усвоилъ себѣ въ этомъ вопросѣ одну и ту же тактику на всемъ протяженіи Россіи. Отъ этого въ значительной степени зависитъ, принесетъ ли новая правительственная мѣра, вообще, какую нибудь пользу.

Что комиссія Шидловскаго и перипетіи ея «работъ» должны занять видное мѣсто въ нашей агитаціи — объ этомъ, разумѣется, не будетъ спора въ нашихъ рядахъ. Но, быть можетъ, меньшее единомысліе обнаружится между нами въ вопросѣ о томъ, въ какомъ направленіи должна вестись эта агитація?

«Рабочіе должны отказаться отъ участія въ этой комиссіи, повторивъ, что они требуютъ всенароднаго Учредительнаго собранія»—такъ склонны отвѣтить на заданный вопросъ иные товарищи. Но борьба за созывъ Учредительнаго собранія не только не противорѣчитъ прямому участію въ комиссіи, но и должна получить сильный импульсъ отъ этого участія. Ибо борьба за Учредительное собраніе будетъ тѣмъ энергичнѣе, тѣмъ сознательнѣе, тѣмъ революціоннѣе со стороны рабочаго класса, чѣмъ прочнѣе въ его сознаніи укрѣпится программа тѣхъ соціальныхъ требованій, которые должны стать объектомъ борьбы въ учредительномъ собраніи и въ законодательномъ механизмѣ свободной Россіи. И если борьба въ комиссіи Шидловскаго и около нея способна содѣйствовать дѣлу усвоенія широкими массами пролетаріата этихъ соціальныхъ требованій, если она способна дать толчокъ организаціи рабочихъ массъ во имя этихъ требованій, то, тѣмъ самымъ, мы имѣемъ серьезный доводъ противъ той отрицательной позиціи, которую въ данномъ вопросѣ рекомендуютъ упомянутые товарищи.

Не для того только, чтобы «наглядно» показать рабочимъ массамъ гнилость самодержавнаго реформаторства—они достаточно видѣли примѣровъ тому и мы не устанемъ повторять пролетаріату, что въ смыслѣ дѣйствительныхъ улучшеній новая комиссія ему не дастъ ровно ничего,—но чтобы дать имъ поводъ и удобныя условія организаціи на почвѣ выработки и отстаиванія всероссійской пролетарской программы соціальныхъ реформъ, должны мы принять самое активное участіе въ «трудахъ» новой комиссіи.

Многочисленныя сообщенія петербургскихъ газетъ показываютъ

намъ, какое плодотворное броженіе вызвано уже въ столичномъ пролетаріатѣ этой комиссіей. Рабочіе требовали, прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, обезпеченія неприкосновенности своихъ делегатовъ — имъ болѣе или менѣе двусмысленно даютъ соотвѣтственное обѣщаніе, которое, конечно, при первомъ же случаѣ будетъ нарушено. Они требуютъ—для организаціи выборной агитаціи—открытія закрытыхъ Треповымъ 11-ти отдѣловъ знаменитаго «Общества» — отказъ. Они требуютъ, чтобы имъ дано было право выбрать въ числѣ своихъ делегатовъ «интелигентовъ» — отказъ. Зато они получаютъ обязательство, что на выборахъ не будутъ присутствовать ни чины полиціи, ни заводская администрація. Они даютъ своимъ уполномоченнымъ императивный мандатъ требовать въ комиссіи свободы печати, собраній, союзовъ и стачекъ. Они настаиваютъ, чтобы будущія засѣданія комиссіи были публичны, чтобы ихъ протоколы печатались въ газетахъ.

Надо ли говорить, какая громадная агитаціонная работа могла и должна была быть совершена соціалдемократами при обсужденіи рабочими массами всѣхъ этихъ вопросовъ, какой громадный политическій опытъ дало имъ это обсужденіе, какъ сильно двинуло оно впередъ дѣло организаціи рабочаго класса?

Но передъ нами всего только первый актъ жизни новой «комиссіи». На очереди стоитъ привлеченіе вниманія къ ней рабочихъ провинціи. Комиссія назначена для выясненія причинъ недовольства петербургскихъ рабочихъ. Но, вѣдь, то же недовольство проявляется и всѣми рабочими Россіи. И всѣ рабочіе Россіи, естественно, обнаруживаютъ значительный интересъ къ этой комиссіи. Кое-гдѣ (Харьковъ, Одесса) рабочіе прямо требуютъ выборовъ делегата въ комиссію Шидловскаго. Какое же положеніе намъ занять въ этомъ случаѣ?

Мы должны повсюду повести самую энергичную агитацію за то, чтобы въ комиссію были допущены выборные отъ всѣхъ рабочихъ Россіи, чтобы рабочее представительство въ комиссіи Шидловскаго стало остовомъ широкой временной организаціи рабочихъ массъ въ Россіи.

Вотъ одно изъ требованій, которое мы предъявляемъ въ комиссіи. Рядомъ съ нимъ мы требуемъ, вмѣстѣ съ петербургскими рабочими, гласности засѣданій, неприкосновенности личности делегатовъ, свободы обсужденія. При этомъ мы постоянно подчеркиваемъ, что никакихъ дѣйствительныхъ реформъ участіе въ комиссіи не обѣщаетъ рабочимъ, что это участіе имѣетъ для нихъ значеніе лишь постольку, поскольку его можно будетъ использовать въ интересахъ организаціи рабочихъ и въ интересахъ пропаганды рабочихъ требованій.

Къ тому моменту, когда будутъ напечатаны эти строки, петер-

бургскіе рабочіе дадутъ уже свой окончательный отвѣтъ объ условіяхъ, при наличности которыхъ они согласны довести до конца свое участіе въ комиссіи. Изъ доставленныхъ телеграммами свѣдѣній видно, что рабочіе намѣрены серьезно воевать изъ-за этихъ предварительныхъ гарантій. Тѣмъ лучше! Намъ остается только выяснить, какъ, съ нашей точки зрѣнія, должны дѣйствовать делегаты, если дѣло кончится тѣмъ, что таковые будутъ избраны.

И прежде всего мы не согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что рабочіе делегаты должны, явившись въ комиссію, только заявить о необходимости созыва Учредительнаго собранія. Они обязаны заявить это требованіе, обязаны воспользоваться новой трибуной, чтобы провозгласить его, но, преслѣдуя цѣли популяризаціи въ массахъ пролетарскихъ требованій и организаціи массъ во имя этихъ требованій, они не могутъ ограничиться этой демонстраціей.

Выборные петербургскаго пролетаріата должны, съ самаго начала, явиться въ роли представителей всѣхъ русскихъ пролетаріевъ, и весь россійскій пролетаріатъ долженъ сдѣлать изъ нихъ своихъ представителей, настойчиво требуя въ то же время допущенія въ комисеію делегатовъ отъ другихъ городовъ.

Опираясь на коллективныя заявленія многихъ тысячъ рабочихъ въ разныхъ концахъ Россіи, разсылая во всѣ концы доклады о своей работѣ въ комиссіи, о борьбѣ, которую имъ придется въ ней вести, делегація рабочихъ представитъ собой громадную силу, организующую массы и воздѣйствующую на ея сознаніе. Она станетъ тѣмъ народнымъ трибуналомъ, къ которому будутъ обращаться съ заявленіями о своихъ нуждахъ рабочіе всѣхъ отраслей производства и всѣхъ областей Россіи и въ то же время тѣмъ агитаціоннымъ центромъ, который сможетъ давать лозунги текущей борьбѣ пролетаріевъ всей страны. И если соціалдемократіи удастся оказать достаточно сильное вліяніе на работу делегаціи, партія сможетъ направить надлежащимъ образомъ профессіональную борьбу россійскаго пролетаріата.

Такова цѣль, которую сознательные рабочіе должны поставить себѣ, стоя передъ новой «уступкой». Будетъ ли достигнута эта цѣль, удастся ли черезъ посредство правительственной комиссіи завоевать себѣ организующій политическій центръ, зависитъ, конечно, отъ многихъ условій—не въ послѣдней степени отъ выдержки, энергіи и послѣдовательности сознательныхъ рабочихъ. Но будетъ ли она достигнута или нѣтъ, движеніе къ ней должно принести значительные результаты для дѣла организаціи и воспитанія рабочаго класса, а это значитъ, что

соціалдемократія обязана со всей энергіей взяться за агитацію въ указанномъ здѣсь направленіи.

Надо повсюду приглашать рабочихъ требовать допущенія ихъ делегатовъ въ столичную комиссію. Надо повсюду организовывать постоянныя сношенія уполномоченныхъ рабочихъ (быть можетъ для этого можно приспособить «фабричныхъ старостъ» и другихъ прежде узаконенныхъ депутатовъ, разумѣется, обновивъ ихъ составъ) съ оффиціальными петербургскими делегатами; надо въ самомъ Петербургѣ отстаивать постоянное организованное общеніе делегатовъ съ ихъ избирателями, постоянное открытое обсужденіе всей массой рабочихъ тѣхъ соціальныхъ реформъ и политическихъ требованій, которыя будутъ обсуждаться или ставиться въ комиссіи. Надо сдѣлать такъ, чтобы рабочая масса внимательно слѣдила за всѣмъ, что совершается въ комиссіи и около нея, и чтобы энергично протестовала противъ каждаго акта произвола, который разыграется въ ея нѣдрахъ.

Могучій разливъ стачечнаго движенія, охватившаго всю Россію, оставитъ послѣ себя новые громадные кадры пролетаріевъ, сдѣлавшихъ первые шаги по развитію своего классоваго самосознанія и готовыхъ къ упорной борьбѣ за рабочее дѣло. Организовать эти кадры, исходя изъ потребностей той самой профессіональной борьбы, которая ихъ пробудила къ активности—такова великая задача, которая стоитъ теперь передъ с.-д. партіей и внѣ разрѣшенія которой пустыми рѣчами являются всякіе толки объ организаціи вооруженнаго возстанія подъ знаменемъ соціалдемократіи. Организовать ихъ такъ, чтобы борьба за повседневные интересы рабочихъ тѣсно сплелась въ ихъ дѣйствіи и въ ихъ сознаніи съ политической борьбой рабочаго класса въ цѣломъ—кто хочетъ этого, тотъ не можетъ пройти мимо такого крупнаго факта въ исторіи профессіональнаго рабочаго движенія въ Россіи, какимъ является учрежденіе комиссіи Шидловскаго, тотъ не долженъ упрощать всю агитацію соціалдемократіи, сводя ее цѣликомъ къ убѣжденію рабочихъ въ той истинѣ, что не въ такого рода комиссіяхъ рабочій классъ будетъ реализовать свои экономическія требованія. Нѣтъ! необходимо показать рабочимъ, что и такія реформаторскія попытки самодержавія могутъ стать, въ рукахъ революціоннаго и сознательнаго пролетаріата, орудіемъ его классовой организаціи, средствомъ выработки и пропаганды его революціонной программы.

И пусть не боятся товарищи, что на этомъ пути ихъ ждетъ опасность забвенія политической борьбы съ самодержавіемъ, опасность впаденія въ «экономизмъ». Годы, отдѣляющіе насъ отъ стадіи «экономическихъ» увлеченій, многое измѣнили: измѣнили русскій пролетаріатъ

и—что еще важнѣе—измѣнили радикально всѣ условія его существованія. Если въ эпоху промышленнаго подъема, при слабомъ пульсѣ политической жизни въ странѣ, легко было, увлекаясь профессіональной агитаціей среди неискушеннаго политическимъ опытомъ россійскаго пролетаріата, пойти по «линіи наименьшаго сопротивленія» и растерять свою соціалдемократическую политику въ организаціи борьбы за частныя экономическія улучшенія,—то теперь, когда пролетаріатъ получаетъ политическіе импульсы со всѣхъ сторонъ, когда онъ самъ пропитанъ политическимъ недовольствомъ и борется въ условіяхъ полнаго экономическаго банкротства правящей Россіи, теперь эта опасность исчезла, и намъ слѣдуетъ потратить добрую долю своихъ силъ на то, чтобы организовать экономическую самооборону рабочаго класса, объединить его разрозненную профессіональную борьбу, сплотить на ней широкія пролетарскія массы, связывая эту борьбу съ основными политическими задачами пролетаріата въ данный моментъ. Если въ свое время профессіональное движеніе въ Россіи являлось историческимъ антиподомъ «политики» вообще, то теперь каждый новый шагъ, дѣлаемый русскимъ обществомъ въ водоворотѣ революціи, связываетъ крѣпче это движеніе со всенародной политической борьбой, и наша задача, задача соціалдемократіи въ томъ и заключается, чтобы не дать ему стать опорой либерально-демократической политики (не говоря уже о политикѣ реакціонно-монархической). А этого мы можемъ достигнуть лишь въ той мѣрѣ, въ какой используемъ политическія силы своей партіи для облегченія пролетарскимъ массамъ того дѣла профессіональной организаціи и непосредственнаго улучшенія своего положенія, которое такъ умѣло дѣлаютъ массы, пользуясь моментомъ разложенія самодержавія. И, съ другой стороны, мы не можемъ разсчитывать на быстрое и прочное объединеніе профессіональной борьбы пролетаріата съ его политической борьбой въ цѣльной соціалдемократической классовой борьбѣ, если не воспользуемся всѣми представляющимися пролетаріату случаями на дѣлѣ взвѣсить и оцѣнить заботы его политическихъ враговъ и временныхъ союзниковъ о соціальныхъ реформахъ. Нечего и говорить, какой богатый опытъ въ этомъ отношеніи дадутъ пролетаріату работы правительственной комиссіи, въ которой найдутъ свое выраженіе отзвуки всѣхъ соціально-политическихъ программъ, созданныхъ общественной борьбой нашихъ дней. Но особенно слѣдуетъ подчеркнуть ту истину, что только веденная въ широкихъ размѣрахъ агитація, только серьезная организація массъ на почвѣ выдвинутой рабочимъ движеніемъ программы соціальныхъ реформъ можетъ обезпечить намъ усвоеніе массами этого соціально-политиче-

скаго опыта. И достигнуть этого результата обязана с.-д. партія, если хочетъ идти по тому пути, который прочно укрѣпитъ такъ замѣтно ослабѣвшую за послѣдніе годы ея связь съ массами.

Уже второй съѣздъ с.-д. партіи подмѣтилъ то значеніе, которое должно будетъ выпасть вскорѣ на долю ея «экономической» агитаціи, и рекомендовалъ партійнымъ работникамъ усилить дѣятельность въ этомъ направленіи. Надо признаться откровенно, что товарищи-практики немного сдѣлали для осуществленія этихъ пожеланій съѣзда. Пусть же такъ глубоко заинтересовавшая петербургскій пролетаріатъ правительственная «уступка» послужитъ поводомъ наверстать то, что нами уже упущено!

Л. Мартовъ.

Нарожденіе Новой Россіи.

(24 февраля 1905 г. № 89).

Und neues Leben blüht aus den Ruinen...

Вотъ они передъ нами, мы переживаемъ ихъ, эти великіе дни всероссійскаго освобожденія, далекимъ и загадочнымъ сфинксомъ стоявшіе передъ взоромъ тѣхъ, кто въ страстныхъ поискахъ за свободой старался заглянуть въ туманную историческую даль.

Въ 40-хъ годахъ проблема русской свободы встаетъ уже во всей своей сложности, и съ двухъ разныхъ концовъ старается разрѣшить ее пытливая мысль. Самобытность—вотъ одно изъ рѣшеній замысловатой задачи. Въ глубинахъ народнаго «духа», въ его исконныхъ бытовыхъ особенностяхъ, въ «общинномъ» укладѣ крестьянской жизни, въ томъ, что отличало Россію отъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра, искало славянофильство орудіе того преобразованія, которое освободитъ народъ русскій отъ оковъ самовластья и избавитъ его въ то же время отъ язвъ, разъѣдающихъ «гнилой Западъ». Своимъ путемъ отъ своихъ

отсталыхъ формъ, къ своей самой совершенной свободѣ — такъ рисовались перспективы въ идеалистическихъ сферахъ славянофильства. Иначе рѣшали задачу западники. Въ той «общинѣ», которая такъ основательно завалена наслоеніями крѣпостной эпохи, что лишь пріѣзжему нѣмцу—барону Гакстгаузену—удалось откопать эту народную «жемчужину» изъ груды наноснаго мусора, въ той самобытности и въ тѣхъ «тайникахъ духа», которые наполняли мистическимъ блаженствомъ сердца славянофиловъ, они справедливо усмотрѣли вѣрнѣйшую опору деспотизма, россійской азіатчины. И съ рѣшимостью борца за свободу, готоваго вонзить кинжалъ въ собственное сердце, когда это нужно, призывалъ Бѣлинскій «буржуазію», ту буржуазію, которая завоевала свободу Западу, которая завоюетъ ее и Россіи. Европейскимъ путемъ, отъ европейски преобразованныхъ, буржуазныхъ формъ, къ европейской буржуазной свободѣ—вотъ другое, діаметрально противоположное рѣшеніе загадки историческаго сфинкса. И съ тѣхъ поръ эти два рѣшенія, то въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, то причудливо переплетаясь, проходятъ черезъ всю исторію русской политической мысли. Но славянофильскія идеи вначалѣ значительно преобладаютъ и въ народничествѣ 70-хъ годовъ достигаютъ своего наивысшаго, революціоннаго выраженія. Народничество—это революціонное славянофильство, страдающее однако тайнымъ, тщательно скрываемымъ отъ другихъ, а подчасъ и самого себя, порокомъ западничества, порокомъ любви къ европейски-свободнымъ, буржуазнымъ формамъ общежитія. Зато въ каррикатурномъ народничествѣ нашихъ дней этотъ порокъ едва-едва прикрывается негустымъ слоемъ славянофильскихъ румянъ, и сквозь дырявое «самобытное» рубище совершенно явственно проглядываетъ оголенный буржуазный человѣкъ.

И однако исторія россійскаго освобожденія пошла своими путями, далекими и отъ мистическихъ бредней славянофильства и отъ трезваго «обезьянничанья» западниковъ. Только марксизмъ, научный матеріалистическій анализъ дѣйствительности, могъ дать и далъ 20 лѣтъ тому назадъ разгадку заданной сфинксомъ задачи. Европейское, буржуазное преобразованіе русской жизни — это дѣйствительно исходная точка русскаго освобожденія; въ этомъ оказались правы западники. Но не правы были они, когда думали, что главными застрѣльщиками борьбы за свободу будутъ тѣ «культурные» и имущіе слои буржуазнаго «общества», которые принесли свободу западно-европейскому міру. Какъ **рабочая** революція торжествуетъ свою побѣду русская **буржуазная** революція,—въ этомъ ея «самобытность», столь отличная отъ рисовавшейся славянофильскимъ мудрецамъ.

Буржуазная свобода, завоевываемая рабочей революціей, — таковъ былъ историческій прогнозъ, поставленный русскою соціалдемократіей, такова историческая дѣйствительность сегодняшнихъ революціонныхъ дней. И это своеобразіе историческаго положенія неизбѣжно накладываетъ свой отпечатокъ на весь ходъ россійской революціи.

Восьмичасовой рабочій день, повышеніе заработной платы, цѣлый рядъ экономическихъ улучшеній — вотъ непосредственная цѣль рабочаго движенія, наряду съ его широкими политическими требованіями. Восьмичасовой рабочій день — это не просто права человѣка, и даже не просто права трудящагося человѣка, а права человѣка трудящагося по найму. Являясь двигателемъ и главнымъ дѣятелемъ буржуазной революціи, пролетаріатъ свои классовыя требованія дѣлаетъ осью, вокругъ которой вертится освободительная борьба. Онъ начинаетъ борьбу за буржуазную свободу съ такого конца, съ какого она никогда не начиналась, да и не могла начинаться, ибо ни одна предшествующая революція не видѣла такого крупнаго и концентрированнаго производства, такихъ гигантскихъ фабрикъ и заводовъ, такого скученнаго въ городахъ многомилліоннаго пролетаріата, какъ революція русская. Буржуазное общество всюду успѣло сбросить съ себя оковы абсолютной монархіи раньше, чѣмъ буржуазное производство достигло такой степени концентраціи, пролетаріатъ — такой многочисленности и сплоченности.

Права наемнаго рабочаго—это фокусъ русскаго революціоннаго движенія. Изъ нихъ исходятъ, къ нимъ пріурочиваются требованія политической свободы. Вотъ почему безъ капли разочарованія и пессимизма можемъ мы смотрѣть на то, что охватившая чуть не всю Россію забастовка подчасъ ставитъ на очередь вопросъ объ улучшеніи только экономическаго положенія трудящихся. Нужно этимъ «правамъ наемнаго рабочаго» войти въ кровь и плоть каждаго пролетарія, нужно имъ стать азбукой соціальнаго мышленія всей рабочей массы, чтобы она могла въ полномъ объемѣ, увѣренной рукой произвести возложенную на нее исторіей гигантскую задачу радикальнаго очищенія авгіевыхъ конюшенъ деспотизма и коренного политическаго переустройства Россіи. Тѣмъ и отличается буржуазная революція, производимая сознательнымъ пролетаріатомъ, что политическая свобода буржуазнаго общества рисуется рабочему классу и выразительницѣ его интересовъ—соціалдемократіи, не какъ самодовлѣющая цѣль, устраняющая всѣ соціальные вопросы, разрѣшающая всѣ соціальныя противорѣчія, а какъ могучее средство облегченія борьбы пролетаріата за его соціальное и экономическое освобожденіе. Поли-

тическая свобода для сознательнаго пролетаріата—всегда лишь средство; освобожденіе отъ экономическаго гнета и эксплуатаціи—цѣль. Политическая свобода, поэтому, не окружена для пролетаріата тѣмъ мистическимъ ореоломъ, которымъ такъ охотно окружаютъ ее буржуазные свободолюбцы и который своимъ обманчивымъ блескомъ такъ часто заводилъ рабочія массы въ трясины буржуазнаго болота, такъ часто дарилъ безконечнымъ разочарованіемъ.

Политическая свобода съ самаго начала революціи встаетъ передъ главнымъ сознательнымъ дѣятелемъ этой революціи, какъ средство. И, однако, это обстоятельство отнюдь не наноситъ ущерба рѣшенію вопроса о свободѣ. Какъ разъ наоборотъ. Хотя политическая свобода для пролетаріата лишь средство, или—вѣрнѣе—именно потому, что она для него лишь средство, къ несравненно болѣе высокой цѣли, онъ ставитъ вопросъ о свободѣ съ такою полнотою и опредѣленностью, съ какою онъ никогда не ставился въ начальные періоды революцій. Лишь только мысль пролетарія, работающая надъ поднятіемъ экономическаго, культурнаго и соціальнаго уровня рабочаго класса, наталкивается на вопросъ о политической свободѣ, она раздѣлывается съ этимъ деликатнымъ предметомъ съ дерзкою непочтительностью человѣка, видящаго лишь строительный матеріалъ для возведенія грандіознаго зданія въ той грудѣ навороченныхъ камней, которая другимъ, менѣе требовательнымъ людямъ, кажется вѣнцомъ творенія. Первые дни совмѣстнаго, массового обсужденія текущихъ нуждъ рабочей борьбы,—и самъ собою, шутя рѣшается, какъ непреложный, вопросъ о необходимости свободы слова, союзовъ, собраній, стачекъ, неприкосновенности личности и жилища—всей той суммы «свободъ», которая годами пережевывалась и пережевывается въ замысловатыхъ передовицахъ легальныхъ газетъ и составляетъ чуть ли не конечный идеалъ столь многихъ «свободомыслящихъ» гражданъ. Еще рабочіе идутъ ко дворцу, еще вѣрятъ въ благожелательность начальства, но уже насущныя потребности ихъ борьбы толкаютъ ихъ на внесеніе въ свою петицію «дерзкаго» требованія созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія. И при первыхъ выстрѣлахъ, показавшихъ, что абсолютизмъ становится помѣхою на пути пролетарской борьбы, грозный крикъ вылетаетъ изъ тысячи устъ, быть можетъ, за минуту передъ тѣмъ готовыхъ кричать «ура». Медленнымъ, спотыкающимся шагомъ шла политическая мысль пролетаріата черезъ всѣ этапы совѣщательныхъ учрежденій, цензовыхъ парламентовъ, конституціонной монархіи тамъ, гдѣ рабочая масса вступала въ революцію въ качествѣ стихійной физической силы, тянувшейся въ хвостѣ буржуазныхъ вожаковъ, не

обособившей своихъ интересовъ. Почти мгновенно, не по днямъ, а по часамъ, растетъ политическое сознаніе рабочихъ у насъ, гдѣ борьба за политическую свободу тѣсно сплетена съ классовой борьбой пролетаріата. И въ сегодняшней, вѣками самодержавной Россіи, съ ея почти полнымъ отсутствіемъ политической жизни, уже возможна постановка вопроса о Россіи демократической, съ народовластіемъ. Только классовое сплоченіе и классовая борьба пролетаріата, черезъ посредство соціалдемократіи получившаго въ сгущенномъ видѣ экстрактъ историческаго опыта его западно-европейскихъ братьевъ, дѣлаютъ возможной такую быструю и колоссальную метаморфозу политическаго мышленія широкихъ народныхъ массъ. Права гражданина, выдвигаемыя, какъ гарантія правъ рабочаго человѣка, тѣмъ самымъ подняты на подобающую высоту. Классовая борьба пролетаріата съ самаго начала ставитъ вопросъ о политическомъ освобожденіи въ самой радикальной его формѣ, и самый процессъ этого освобожденія становится процессомъ отшлифовки классового сознанія и классового сплоченія рабочихъ массъ.

Но мало того. Во всѣхъ предшествующихъ революціяхъ пролетаріатъ проходилъ длинную и обильную жертвами политическую школу подъ руководствомъ буржуазіи. Въ россійской революціи рабочій классъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, самъ втягиваетъ въ нее все болѣе и болѣе широкіе пласты населенія, самъ является политическимъ двигателемъ и политическимъ учителемъ буржуазныхъ классовъ. Его борьба отраженнымъ дѣйствіемъ толкнула въ открытую политическую оппозицію многомилліонный промышленный капиталъ. Она придаетъ смѣлость и энергію буржуазной демократіи и подчасъ диктуетъ ей политическіе лозунги. Но еще болѣе мощно и непосредственно сказалась руководящая роль пролетаріата на соприкасающихся съ нимъ слояхъ городской мелкой буржуазіи и, прежде всего—всякаго служилаго люда. Всѣхъ, кто служитъ по найму, заразилъ мощный порывъ борьбы рабочаго класса. Неслыханныя почти нигдѣ забастовки банковскихъ и конторскихъ служащихъ, почтальоновъ и телеграфистовъ и—даже!—полицейскихъ, стачки приказчиковъ, такъ трудно организуемыя даже при свободныхъ политическихъ условіяхъ западно-европейскихъ странъ; еще болѣе рѣдкія и трудныя стачки прислуги—все это стало сразу обыденнымъ явленіемъ въ цѣломъ рядѣ городовъ. Стремясь поднять свой собственный экономическій, соціальный и культурный уровень, пролетаріатъ заражаетъ той же жаждой улучшенія, тѣмъ же страстнымъ стремленіемъ выпрямить согнутую спину, почувствовать себя человѣкомъ, оградить свое достоинство, добиться человѣ-

ческихъ условій существованія огромный слой тружениковъ, до сихъ поръ пассивно и индифферентно несшихъ тяжелое ярмо подневольнаго труда. Быть можетъ нѣтъ болѣе разительнаго примѣра этого жаднаго стремленія къ «выпрямленію» человѣческой личности, чѣмъ виленская забастовка противъ «хозяекъ» самыхъ отверженныхъ паріевъ современнаго общества, несчастныхъ проститутокъ. Какъ мощно нужно было всколыхнуть все застоявшееся болото русской жизни, съ какою невѣдомою силой должна было ударить по сердцамъ милліоновъ людей великая борьба пролетаріата, чтобы отзвуки ея донеслись въ отрѣзанные отъ всего міра, пропитанные грязью и униженіемъ, притоны рабынь капиталистическаго веселья!

Огроменъ историческій прыжокъ отъ абсолютизма къ демократическому народовластію, который готовится сдѣлать Россія. Въ спѣшной, лихорадочной скачкѣ забастовокъ, въ страстномъ подъемѣ борьбы за человѣческія права приспособляются милліоны народа къ грядущимъ новымъ условіямъ жизни. Почти съ головокружительной быстротой вчерашній россійскій обыватель, заспанный, нечесанный, неумытый преображается въ будущаго гражданина свободной демократіи. Недалекъ день, когда этотъ процессъ преобразованія съ такою же быстротой охватитъ и крестьянство. Но нарожденіе будущихъ гражданъ влечетъ за собой огромный и быстрый переворотъ во всѣхъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ Россіи. Пролетарій, работающій 8 часовъ; приказчикъ, отказывающійся отъ той «патріархальной» простоты отношеній, которая на всю жизнь, почти безвыходно приковывала его къ прилавку и заставляла быть «на побѣгушкахъ» у хозяина; прислуга, требующая отдѣльной комнаты, ограниченія рабочаго времени, вѣжливаго обращенія, освобожденія отъ унизительныхъ «осмотровъ» или подчиненія той же процедурѣ на равныхъ правахъ и хозяевъ,—вѣдь всѣхъ этихъ, на первый взглядъ такихъ скромныхъ, «сѣрыхъ» перемѣнъ достаточно для того, чтобы перевернуть весь наличный укладъ современной Россіи. Промышленное производство, торговля, домашняя жизнь — все это должно сразу европеизироваться, или вѣрнѣе — принимая во вниманіе быстроту переворота—американизироваться. Необычное расширеніе производства, оборудованіе его самыми усовершенствованными машинами—вотъ первое неизбѣжное слѣдствіе удовлетворенія требованія рабочихъ; полный переворотъ въ торговлѣ, концентрація ея, возникновеніе колоссальныхъ торговыхъ базаровъ—непремѣнный спутникъ успѣшной борьбы приказчиковъ; преобразованіе всей домашней жизни, ростъ отелей, гостиницъ, ресторановъ, средствъ передвиженія, улич-

ной жизни—безъ всего этого немыслимо «человѣческое» существованіе прислуги. А всѣ эти перемѣны въ свою очередь влекутъ за собою самыя грандіозныя измѣненія.

Всѣ соціальные и культурные устои самодержавной Россіи рушатся, какъ рушится ея политическое зданіе. Слышенъ уже трескъ подгнившихъ балокъ, грохотъ падающихъ стропилъ. Новая, свободная Россія, демократическая и культурная, уже ясно вырисовывается изъ груды обломковъ разрушающагося азіатскаго караванъ-сарая. Ничто уже не можетъ остановить революціоннаго потока, и какъ щепку смететъ онъ тѣ плотины, которыя пытается воздвигнуть на его пути издыхающій режимъ. Послѣ кроваваго воскресенья въ Петербургѣ и разстрѣловъ въ Варшавѣ, Ригѣ, Лодзи и десяткѣ другихъ городовъ, послѣ рѣзни въ Баку, послѣ избіенія студентовъ въ Москвѣ и Казани и гимназистовъ въ Саратовѣ и Курскѣ, правительство стоитъ передъ еще болѣе грознымъ и рѣшительнымъ движеніемъ, чѣмъ прежде. Нарядившись въ доспѣхи рыцаря печальнаго образа, правительство пытаетя кинуть угрозу всей странѣ и призвать на священную войну противъ «крамольниковъ» всѣ темныя и слѣпыя силы русскаго народа. Но еще не высохли чернила, которыми подписанъ этотъ призывъ, повторяющій, хотя иными словами, знаменитую фразу о томъ, что «никогда листъ бумаги не встанетъ между мною и народомъ», какъ грозная рѣшимость петербургскаго пролетаріата внушаетъ трусливому правительству блудливую мысль написать рескриптъ, въ которомъ уже обѣщается этотъ «бѣлый листъ». Въ своей жалкой глупости оно думаетъ неловкимъ фокусомъ обмануть надвигающуюся на него историческую Немезиду, остановить весь тотъ грандіозный политическій, соціальный и культурный переворотъ, который уже совершается на его глазахъ!

Рабочій классъ зарегистрируетъ, что его борьба уже привела къ неслыханному въ Россіи обѣщанію созвать выборныхъ отъ народа, но, не возлагая никакихъ надеждъ на обѣщанія и не ожидая ничего отъ правительства, перейдетъ къ своему великому очередному дѣлу, которое смететъ безъ остатка всѣ крѣпостныя самодержавныя путы...

Ф. Данъ.

Правительственный реформизмъ.

(24 февраля 1905 г. № 89).

Последними словами правительства являются манифестъ 18 февраля и рескриптъ того же дня. Манифестъ—вполнѣ реакціонный. Рескриптъ что-то обѣщаетъ, оставляя за правительствомъ полный произволъ реакціонныхъ дѣйствій. Манифестъ, какъ таковой, будетъ широко распространяться въ народѣ, будетъ читаться съ церковныхъ амвоновъ, и разнесетъ по всей Руси вѣсть о «непоколебимой твердости» правительства. Рескриптъ, обѣщающій призвать представителей отъ народа, изданъ въ формѣ бумаги на имя министра внутреннихъ дѣлъ и можетъ быть даже не допущенъ въ провинціальныя газеты.

Подобныя обстоятельства едва ли позволили бы видѣть въ этихъ актахъ правительственной политики хоть какой-нибудь шагъ въ сторону широкихъ реформъ, если бы не связь ихъ съ попыткой призыва представителей отъ рабочихъ въ комиссію Шидловскаго.

Несмотря на полную ея неудачу, эта послѣдняя затѣя была со стороны правительства попыткой дѣйствительнаго реформизма. Она была новымъ неудавшимся начинаніемъ рабочей политики, которую можно назвать эволюціей отъ Зубатова къ Бисмарку, которая, не давая желательнаго властямъ успокоенія рабочихъ массъ, и привела, въ концѣ концовъ, къ новому эксперименту общегосударственнаго характера: къ обѣщанію созыва представителей, избранныхъ народомъ, съ цѣлью выработки проекта реформъ.

Весь этотъ путь «реформизма» не былъ политически продуманнымъ, не былъ широкимъ планомъ самозащиты правительства противъ притязаній его «внутреннихъ враговъ»; его нельзя даже назвать сознательно согласованнымъ съ требованіями политическихъ партій. Этотъ путь попеременнаго реакціоннаго взнуздыванія и легкаго попустительства до поры до времени достигалъ цѣли и обусловилъ собою поразительную живучесть чудовищнаго режима, который, исчерпавъ всю свою прогрессивность 19 февраля 1861 года (съ его послѣдующими законодательными выводами), 19 февраля 1905 года стоитъ на

той же точкѣ и оказывается неспособнымъ отказаться даже отъ реакціонныхъ новеллъ къ «великимъ реформамъ».

Созывъ представителей отъ петербургскихъ рабочихъ и соизволеніе на созывъ представителей отъ народа въ законодательное собраніе являются двумя послѣдними этапами этой политики приспособленій, которая началась вмѣстѣ съ выступленіемъ массоваго рабочаго движенія на сцену русской исторіи. Новый курсъ, послѣдніе шаги служатъ только метаморфозой младенческихъ формъ той же политики.

Но метаморфоза эта очень велика, а въ послѣднемъ актѣ политической растерянности правительства—въ обѣщаніи созвать народныхъ представителей—приводитъ къ совершенно другому содержанію той же попытки полууступокъ.

И дѣйствительно. Если попытки Зубатова и Шаевича выполнялись мелкими сошками, встрѣчали со стороны властей только покровительство и инспирацію, касались нуждъ только рабочаго класса, то оба послѣдніе акта проводятся уже центральнымъ правительствомъ, при чемъ второй изъ нихъ, являясь попыткой утишить разгорающійся пожаръ революціи, идетъ навстрѣчу необходимости соціально-политическихъ и національно-государственныхъ реформъ. И если вульгарная первоначальная зубатовщина на дѣлѣ сводилась къ тому, что организація рабочихъ служила только подсобнымъ средствомъ спеціально для полицейски-шпіонскихъ цѣлей, для вылавливанія неблагонадежныхъ одиночекъ, то «зубатовщина» періода расцвѣта все больше и больше сближалась съ полицейскимъ «соціализмомъ», въ экспериментѣ же съ коммиссіей Шидловскаго главной цѣлью стало удовлетвореніе требованій рабочихъ, при чемъ полицейскія мѣры въ видѣ «изъятія» наиболѣе сознательныхъ, были подчинены этой цѣли, какъ служебное, хотя, конечно, безусловно необходимое для правительства средство, и было бы излишней мнительностью искать спеціально-провокаторскихъ намѣреній въ этой послѣдней комиссіи. Удовлетвореніе нѣкоторыхъ нуждъ рабочихъ явилось гораздо болѣе дѣйствительнымъ способомъ взнузданія революціонной массы, чѣмъ исключительная борьба съ агитаторами.

И можно было надѣяться, что комиссіей Шидловскаго былъ бы разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о созданіи профессіональныхъ организацій рабочихъ. Это даже подтверждено словами Шидловскаго, который на ультиматумъ рабочихъ делегатовъ отвѣтилъ намекомъ, что возможно и возстановленіе ихъ легальной организаціи. Россіи предстояло увидѣть копію отечественнаго производства съ рабочей политики желѣзнаго канцлера. Но не сошлись «на

пустякахъ»—на амнистіи и неприкосновенности личности, на свободѣ слова и печати, т. е. на условіяхъ, необходимыхъ для одной стороны, непріемлемыхъ для другой. Повторяется старая сказка: попытки переговоровъ между властями и рабочими заканчиваются со стороны агентовъ правительства отказомъ, ссылкой на отсутствіе полномочій, а со стороны рабочихъ депутатовъ—отказомъ отъ участія въ комиссіи.

Потерпѣвъ неудачу, правительство спѣшитъ инсценировать новый актъ заботливости о нуждахъ населенія. Побудительныхъ причинъ достаточно. Уничтожающія пораженія въ Манчжуріи, необходимость новаго займа въ 800 милліоновъ франковъ, анархія на Кавказѣ и въ Польшѣ, угрожающее, хотя и выжидательное, положеніе петербургскаго пролетаріата, неудовлетвореннаго пресловутой комиссіей Шидловскаго,—причины достаточно крупныя для того, чтобы не только поколебать правительство, но и дать перевѣсъ партіи уступокъ.

Рескриптъ изданъ. Онъ старается логически связаться съ реакціонными мотивами, и въ то же время открываетъ болѣе или менѣе широкій просторъ оптимистическимъ толкованіямъ его текста.

Онъ оговариваетъ условіе сохраненія абсолютизма. Онъ оставляетъ за комиссіей министра внутреннихъ дѣлъ возможность исказить, какъ угодно, порядокъ выборовъ въ законодательное собраніе, стало быть, и возможность получить наиболѣе реакціонный составъ представителей. Онъ оставляетъ за верховной властью право окончательнаго утвержденія проекта реформъ.

«Либерализмъ» рескрипта едва ли доказываетъ, что сломлена «непреклонность» реакціи, а средствъ для самозащиты у нея достаточно. Возможна мобилизація черной сотни, новая рѣзня и разстрѣлы, натравливаніе полиціей христіанъ на евреевъ, татаръ на армянъ,—все это становится возможно все больше и больше, до размѣровъ чудовищныхъ погромовъ. И призывъ сплотиться всѣмъ «благомыслящимъ» еще разъ напоминаетъ намъ, что эти темныя силы режима—въ распоряженіи правительства.

Но все это, въ связи съ совершающимися на Кавказѣ и въ Польшѣ кровавыми сценами, является только краснорѣчивымъ напоминаніемъ принципа: на войнѣ, какъ на войнѣ!

На войнѣ, какъ на войнѣ! Таковъ первый революціонный выводъ изъ правительственныхъ актовъ послѣднихъ дней. А исторія недавняго прошлаго учитъ насъ, чѣмъ заканчиваются «уступки». Боритесь безпощадно!—слѣдуетъ сказать рабочимъ массамъ; наступайте тогда, когда говорятъ съ вами о мирѣ! Наступайте рѣшительнѣе, потому что врагъ поколебался! Наступайте, чтобы вынудить его къ сдачѣ!

Внимательному учету подлежатъ и «прогрессивные» выводы изъ рескрипта, которые хотя и не навязываются правительствомъ, но такъ охотно дѣлаются элементами «либеральными» въ широкомъ смыслѣ этого слова. Возможность такихъ выводовъ, возможность ихъ воплощенія въ реальную историческую дѣйствительность существуетъ, вопреки волѣ правительства, опять-таки въ фактическомъ соотношеніи силъ, въ размахѣ революціи, въ успѣхѣ Ноги и Куроки подъ Мукденомъ. И тутъ великая опасность въ уступчивости, въ скромности политическихъ желаній господъ либераловъ. Опасность въ возможномъ вліяніи ихъ на отсталые, несознательные элементы рабочаго класса. Отъ реакціонной безсознательности народа, отъ дѣтской вѣры въ абсолютизмъ,—одинъ ближайшій шагъ къ либеральной умѣренности.

Изъ объятій Зубатова, градоначальниковъ въ роли «соціалистовъ», эти отсталые элементы легко могли бы перейти въ объятія либераловъ. При этомъ они легко могли бы явиться точкой опоры для всѣхъ тѣхъ, кто успѣхъ демократіи принимаетъ съ десяткомъ консервативныхъ, цензовыхъ «но». И въ этомъ случаѣ, если бы недальновидная тактика умѣренныхъ привела къ желательному для нихъ ослабленію революціонности массъ, путемъ воздѣйствія на отсталые слои рабочаго класса, это могло бы повести къ краху самыхъ скромныхъ конституціонныхъ вожделѣній, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Могло бы. Но задача соціалдемократіи не допустить этого.

Несомнѣнно, что революціонная цѣль пролетаріата стоитъ не только неизмѣримо дальше обманнаго реформизма правительства. Она стоитъ много дальше идеаловъ дарственной цензовой конституціи, дальше демократизированной монархіи, она въ демократическомъ народовластіи. И его борьба должна неизмѣнно идти къ этой цѣли, не обольщаясь полууступками. Но путь къ этой цѣли не лежитъ черезъ дебри той, якобы «революціонной непримиримости», которая знаетъ лишь «бойкотъ» всѣхъ реформаторскихъ полумѣръ правительства только потому, что онѣ недостаточны. Не бойкотомъ, а революціоннымъ натискомъ на неудовлетворительныя стороны этихъ полууступокъ слѣдуетъ прежде всего отвѣчать правительству, подобно тому, какъ это сдѣлали петербургскіе пролетаріи съ комиссіей Шидловскаго.

И какъ въ случаѣ съ этой комиссіей, такъ и въ проектируемомъ созваніи представителей народа условіемъ sine qua non должно быть выставлено: выборы въ законодательное собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права; полная свобода выборной агитаціи; немедленная амнистія всѣмъ, привлеченнымъ и осужденнымъ по политическимъ и религіознымъ дѣламъ.

Эти требованія широко откроютъ народу двери законодательнаго собранія, превративъ его въ дальнѣйшемъ ходѣ революціонной борьбы въ учредительное собраніе, или захлопнутъ эти двери, какъ закрылись делегатскія собранія комиссіи Шидловскаго, но зато приведутъ къ разоблаченію правительственнаго обмана.

Въ томъ и другомъ случаѣ, мы одинаково будемъ апеллировать къ революціи.

П. Стрѣльскій.

Работа въ революціонное время.

(3 марта 1905 г., № 40.)

> Почему не „узкая“ организація „профессіональныхъ революціонеровъ“ дала толчекъ движенію этой лавины, а „Собраніе рабочихъ“? Потому что „Собраніе» это было дѣйствительно широкою организаціей, основанной на самодѣятельности рабочихъ массъ...
>
> Въ другихъ формахъ, сдавленныхъ „нелегальностью“ нашего движенія, намъ необходимы тоже широкія организаціи, которыя связали бы насъ съ массой, намъ тоже необходима самодѣятельность пролетаріата, но въ основу этихъ организацій и этой самодѣятельности мы должны положить всеобъемлющія цѣли классовой борьбы“ („Начало революціи“, № 84).

Передъ всякимъ соціалдемократомъ стоитъ въ настоящее время жгучій вопросъ: что дѣлать? Принципіально «Искра» рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что необходимо устраивать широкія организаціи, основанныя на самодѣятельности пролетаріата и приспособленныя къ цѣлямъ классовой борьбы. И это, какъ я понимаю, предлагается не только какъ общее соціалдемократическое средство, нужное вездѣ и всегда, но и какъ спеціальное условіе дѣятельности именно теперь, въ начавшійся революціонный періодъ, чтобы приводить въ движеніе «лавину»

и направлять ее по соціалдемократическому руслу. Это, конечно, не единственное средство,—«Искра» говоритъ и о «технической» подготовкѣ [1]),—но главное, безъ чего немыслима пролетарская побѣда надъ самодержавіемъ и установленіе широкаго демократическаго строя. Вполнѣ раздѣляя эту точку зрѣнія, я хотѣлъ бы поднять слѣдующій практическій вопросъ: съ чего слѣдуетъ начать работу по устройству такихъ широкихъ организацій, и какое содержаніе придать агитаціи въ этомъ направленіи, имѣя въ виду именно настоящій революціонный моментъ, когда рабочія массы уже выступили въ стачечномъ движеніи, когда все находится въ броженіи, и когда особенно остро чувствуется нужда въ поднятіи революціоннаго настроенія рабочихъ массъ и объединеніи ихъ, съ цѣлью наиболѣе успѣшной борьбы на два фронта: и противъ абсолютизма и противъ капиталистовъ.

Извѣстно, что революціонные моменты, подобные тому, какой переживаемъ сейчасъ мы, характеризуются, прежде всего, тѣмъ, что въ это время многія правительственныя функціи какъ бы отмираютъ; законы и порядки хотя еще не отмѣнены пока, но, благодаря выступленію на сцену революціонныхъ массъ, не примѣняются. Сопротивленіе капиталистовъ-промышленниковъ напору пролетарскихъ требованій тоже ослабѣваетъ,—по стольку, по скольку первые теряютъ поддержку въ правительствѣ. Происходитъ фактическій захватъ на это время различныхъ свободъ и нѣкоторыя завоеванія въ экономической области. Это необходимо живо помнить именно теперь, чтобы наилучшимъ образомъ воспользоваться данимъ моментомъ въ интересахъ пролетаріата.

Дѣйствительно, что происходитъ сейчасъ въ Россіи? Съ начала января возникаютъ огромныя массовыя стачки, постепенно перекатываясь по всей странѣ. Мы уже успѣли забыть, что стачки по закону все же у насъ запрещены, настолько онѣ устраиваются свободно. Со стачечниками ведутъ переговоры, ихъ признаютъ, тогда какъ еще недавно практиковался шаблонный пріемъ правительства запрещать предпринимателямъ вступать съ рабочими въ переговоры объ ихъ требованіяхъ, пока они находятся въ стачкѣ. Свобода стачекъ фактически завоевана на это время. То же и съ собраніями рабочихъ. Съ самаго начала движенія гапоновскія общества въ Петербургѣ выскочили изъ своего казеннаго устава, сбросивъ его, какъ негодную скорлупу, и на собраніяхъ рабочихъ стали заниматься тѣмъ, чѣмъ хотѣли, а не тѣмъ, что позволено. Составъ собраній не ограничивался только членами об-

[1]) Этой стороны я здѣсь не касаюсь вовсе.

щества, а заключалъ въ себѣ всю огромную массу поднявшихся рабочихъ. Безнаказанно происходили также митинги на улицахъ. Свобода слова на собраніяхъ и митингахъ была полная. Могутъ сказать, что въ Петербургѣ правительство допустило эту свободу собраній исключительно лишь съ тою цѣлью, чтобы осуществить свой дьявольскій планъ—вызвать безоружныя массы на общую манифестацію на площади и тамъ ошеломить ихъ бойней, но вѣдь послѣ 9 января во многихъ городахъ, гдѣ возникали стачки, происходилъ цѣлый рядъ такихъ свободныхъ собраній, и правительство должно было ихъ терпѣть, пытаясь только мѣшать открытымъ массовымъ демонстраціямъ и случаямъ насилія со стороны стачечниковъ. Конечно, правительство еще можетъ расправляться жестоко, когда ему приходится имѣть дѣло съ одиночками или съ небольшими группами, но тамъ, гдѣ оно встрѣчается со сплоченными массами въ ихъ стремленіи къ захвату различныхъ свободъ, лапы его перестаютъ дѣйствовать.

И такое стремленіе къ захвату свободъ на три четверти, если не всецѣло, совершенно стихійно, не обязано никакому партійному плану, а существуетъ только потому, что массы находятся въ революціонномъ кипѣніи,—только потому, что онѣ выступили. Это ихъ естественное и неизбѣжное выраженіе. Въ результатѣ, является частичная дезорганизація правительства и открывается, и при томъ не только для рабочихъ, а для всѣхъ слоевъ населенія, расчищенное революціоннымъ движеніемъ свободное поле для политической работы.

Благодаря бездѣйствію во многихъ случаяхъ правительственныхъ лапъ, стачечники получаютъ сравнительно легко и нѣкоторыя уступки со стороны предпринимателей. Конечно, эти уступки не прочны, и капиталисты, какъ всегда, будутъ стремиться при первой возможности ихъ взять обратно, но ужъ отъ организованной части пролетаріата, отъ соціалдемократической партіи будетъ зависѣть не давать капиталистамъ такой возможности, а напротивъ—закрѣпить полученныя уступки и работать надъ дальнѣйшимъ ихъ расширеніемъ. Однако, наиболѣе характернымъ явленіемъ для настоящаго времени слѣдуетъ признать не то, что хозяева подаются на требованія стачечниковъ, а то, что революціонно настроенные рабочіе стремятся сами, не дожидаясь отвѣта хозяевъ или вопреки ихъ отвѣту, установить лучшія условія труда; они, такъ сказать, сами забираютъ себѣ то, что имъ нужно. Такъ, на нѣкоторыхъ заводахъ въ Петербургѣ рабочіе по окончаніи стачки являются на работу, но работаютъ только восемь часовъ, пытаясь такимъ образомъ самостоятельно установить восьмичасовой рабочій день.

Итакъ, есть свободное поле и есть стремленіе рабочихъ сейчасъ же, не дожидаясь окончательныхъ результатовъ борьбы съ правительствомъ, воспользоваться имъ для улучшенія своего положенія. Рабочіе сейчасъ же хотятъ на расчищенномъ мѣстѣ устраиваться по новому. И это лучшій способъ борьбы, такъ какъ при немъ закрѣпляется каждый послѣдовательный шагъ. Но рабочія массы, при той малой степени организованности, какую онѣ теперь имѣютъ, сами по себѣ, едва ли могутъ достигнуть многаго въ этомъ направленіи.—Организовать соотвѣтственнымъ образомъ массы для дѣла самоустроенія, вести вмѣстѣ съ ними одновременно и разрушительную, и созидательную работу, такъ чтобы созидательная часть служила рычагомъ для дальнѣйшихъ, болѣе успѣшныхъ, разрушеній и ускоряла этимъ общій процессъ ликвидаціи стараго строя — и является, по моему мнѣнію, ближайшей неотложной задачей соціалдемократической партіи.

«У насъ нѣтъ сейчасъ правительства, есть только враждебная вооруженная банда, которая бьется съ населеніемъ за свое существованіе».—Приблизительно такія восклицанія часто приходится читать и слышать послѣ петербургскихъ событій 9 января. Необходимо, чтобы это восклицаніе не висѣло въ воздухѣ простой революціонной фразой, а послужило лозунгомъ, отправнымъ пунктомъ, отъ котораго слѣдуетъ начать работу. Нужно уничтожить за собою мосты къ отступленію и безъ оглядки дѣйствовать, не принимая въ разсчетъ номинальнаго существованія правительства и считаясь только съ враждебною вооруженною силою. И это будетъ очень близко къ дѣйствительности, такъ какъ на самомъ дѣлѣ правительства, какъ устрояющей силы, у насъ почти не осталось. Мысль объ отсутствіи правительства и о возможности устраиваться самимъ необходимо постоянно внушать рабочимъ. Нужно сейчасъ же начинать жить свободнымъ демократическимъ строемъ, нужно теперь же организовывать рабочія массы для возможнаго проведенія въ жизнь соціалдемократической программы-minimum. Нужно самостоятельно, никого не спрашиваясь и открыто, устраивать массовыя собранія рабочихъ. Если вооруженная сила помѣшаетъ устройству ихъ гдѣ-нибудь въ центральномъ мѣстѣ, перенести ихъ на фабричные дворы, воспользоваться сосѣднимъ трактиромъ, куда экспромтомъ собраться подъ видомъ чаепитія, прервать на время, по данному сигналу, работу на фабрикѣ и тутъ же, въ самомъ фабричномъ помѣщеніи, устроить собраніе. Нужно всячески практиковать революціонную свободу собраній и на этомъ организовывать массы. Нужно открыто, а не по прежнему — конспиративно, устраивать среди широкихъ массъ рабочихъ всякіе профессіональные союзы, общества взаимопомощи, кассы,

при чемъ придется, можетъ быть, только законспирировать храненіе денегъ, чтобы ихъ не удалось отнять. Нужно организовать открытые кружки рабочихъ для чтенія—безразлично—легальной и нелегальной литературы. Вообще нужно стремиться превратить за это время большую часть нелегальнаго, если не въ легальное, то въ совершенно открытое и широкое, дѣйствующее въ силу революціоннаго выступленія массъ.

На хозяевъ, ослабленныхъ бездѣйствіемъ правительства, необходимо давить самовольнымъ сокращеніемъ рабочаго времени, организаціей различныхъ формъ представительства отъ рабочихъ для вмѣшательства въ столкновенія хозяевъ съ отдѣльными рабочими, для наблюденія за благоустройствомъ фабрикъ, за всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ и прочее. Нужно насильственно и окончательно уничтожить унизительную систему обысковъ при выходѣ изъ фабрики. Нужно теперь же начать прямо гнать всякую внутреннюю полицію на фабрикѣ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ея жизнь нестерпимою.

Мнѣ хотѣлось здѣсь только показать направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести работу; отдѣльные примѣры могутъ быть неудачны, но товарищи, работающіе на мѣстахъ, безъ сомнѣнія, найдутъ десятки другихъ способовъ, чтобы организовывать пролетаріатъ для фактическаго захвата свободъ. Одно важно: по возможности сдѣлать такъ, чтобы ближайшему будущему строю оставалось только закрѣпить то, что самостоятельно пріобрѣтено пролетаріатомъ въ революціонный періодъ.

Разумѣется, правительство будетъ стремиться всячески мѣшать этой самостоятельной созидательной работѣ, но, во-первыхъ, по теперешнему времени оно далеко не сможетъ захватить всѣхъ случаевъ, а во-вторыхъ, тамъ, гдѣ и могло бы, оно непремѣнно будетъ запаздывать, такъ что во всякій данный моментъ столкновеніе будетъ происходить при болѣе благопріятныхъ условіяхъ для рабочихъ, т. е. когда они будутъ усилены всей предшествовавшей работой по организаціи. Сейчасъ правительство, ради собственнаго спасенія, старается направить остріе рабочаго движенія въ экономическую область, противъ предпринимателей; послѣдніе, видя, что правительство не только не облегчаетъ ихъ положенія, но еще затрудняетъ его, начинаютъ открыто переходить въ оппозицію и стараются, въ свою очередь, повернуть остріе противъ правительства. Та и другая сторона готовы, поэтому, на нѣкоторыя попустительства и поблажки. Нужно пользоваться этимъ обстоятельствомъ и расширить свои захваты настолько, чтобы всякая положительная мѣра правительства какъ бы таяла въ своемъ ничтожествѣ передъ тѣмъ, что самостоятельно добыто пролетаріатомъ.

Мнѣ кажется, было бы ошибкой откладывать созидательную часть работы на конецъ революціоннаго періода; сначала, молъ, разрушительныя дѣйствія, а потомъ созиданіе. Это, можетъ быть, было бы выгоднѣе, если бы вся выступившая масса или большинство ея состояло изъ сознательныхъ рабочихъ, для которыхъ ясна вся дальнѣйшая перспектива, но, вѣдь, такихъ рабочихъ незначительное меньшинство. Возможно, что, подъ вліяніемъ одного лишь стихійнаго взрыва, рабочія массы завтра же совершатъ окончательное нападеніе на правительство, но этого можетъ и не быть, и пройдутъ еще долгіе мѣсяцы, прежде чѣмъ будетъ завоеванъ демократическій строй. Между тѣмъ, отъ одного голаго призыва къ нападенію еще трудно ждать большихъ результатовъ. Нужно дать почувствовать массамъ перемѣну къ лучшему въ ихъ положеніи, нужно развернуть передъ ними положительную, обаятельную сторону пролетарскаго движенія, нужно показать имъ, что онѣ сами и сейчасъ же могутъ начать «творить жизнь», а не только бороться, нужно вызвать на этой работѣ ихъ самодѣятельность и иниціативу и убѣдить такимъ образомъ на фактѣ, что соціалдемократическая партія становится р а б о ч е й партіей.

И тогда всякое покушеніе на добытое пролетаріатомъ встрѣтитъ съ его стороны удесятеренный отпоръ и удесятеренное стремленіе покончить съ покушающимися. Всѣ промежуточные моменты революціоннаго періода, вродѣ уродливаго земскаго собора, фальшиваго представительства съ совѣщательнымъ голосомъ и прочее, будутъ тогда менѣе опасны: требованія рабочихъ будутъ стоять выше этихъ промежуточныхъ ублюдковъ, ибо рабочіе уже будутъ понимать цѣну настоящей свободы. При такомъ образѣ дѣйствій, политическое освобожденіе рабочаго класса можетъ произойти скорѣе, полнѣе и съ большимъ запасомъ для дальнѣйшей борьбы.

Москаль.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ.

(6-го марта 1905 г., № 91).

Безпримѣрная въ исторіи русскаго рабочаго движенія петербургская стачка, видимо, близится къ концу. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, ожидать, чтобы петербургскимъ рабочимъ удалось простоять еще и третій мѣсяцъ. И безъ того нельзя не удивляться тому, что пролетаріи столицы держались такъ долго почти безъ всякой денежной помощи извнѣ, среди зимнихъ холодовъ, подъ постоянными ударами треповской диктатуры. Стачка, вѣроятно, еще продлится недѣлю-другую и закончится, оставивъ по себѣ тысячи безработныхъ съ тѣхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ хозяева особенно свирѣпы, а рабочіе менѣе стойки. Для другихъ промышленныхъ заведеній ближайшій итогъ исторической забастовки выразится въ рядѣ частныхъ реформъ, а главнымъ результатомъ будетъ—прочное и глубокое революціонизированіе сознанія сотенъ тысячъ пролетаріевъ, переживішихъ незабываемые уроки въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ.

Стачка идетъ на убыль, потому что она должна когда нибудь кончиться.

Казалось бы, главный врагъ, съ которымъ боролся пролетаріатъ въ эти дни, самодержавная бюрократія—долженъ былъ бы спокойно ждать этого уже недалекаго финала—полнаго возобновленія работъ. Но петербургскіе рабочіе прекращаютъ стачку не съ видомъ побѣжденныхъ, а съ явнымъ и нескрываемымъ намѣреніемъ продолжать неустанную борьбу противъ стараго порядка. Блестяще проведенная ими революціонная кампанія противъ шарлатанскаго эксперимента съ комиссіей Шидловскаго, увѣнчавшаяся самоубійственнымъ закрытіемъ этой комиссіи, наглядно показала, что на удочку «сердечнаго попеченія» — послѣ 9 января — петербургскій пролетаріатъ не пойдетъ [1]).

---

[1]) Выше—въ статьѣ: «Что намъ дѣлать съ комиссіею Шидловскаго?»—предложенъ товарищамъ другой планъ кампаніи, въ связи съ пресловутой комиссіей. Онъ былъ разсчитанъ на болѣе продолжительный періодъ, чтобы позволить пролетаріату всей Россіи испытать ея революціонизирующее дѣйствіе. Мы полагали, что предлагавшаяся нами товарищамъ тактика могла бы отодвинуть неизбѣжный—при самодержавіи—моментъ остраго разрыва рабочихъ съ этой реформаторской попыткой и тѣмъ собрать вокругъ руководимыхъ соціалдемократіей „выборщиковъ" весь россійскій пролетаріатъ. Если бы это удалось, мы бы ускорили образованіе такой массовой всерос-

Эта пощечина правительственному реформаторству вызвала въ шайкѣ, держащей въ рукахъ бразды правленія, жгучую жажду мести. Послѣ такого моральнаго пораженія ее уже не могла утѣшить такая внѣшняя побѣда, какъ вынужденное голодомъ возвращеніе рабочихъ къ своимъ станкамъ.

Надо было попытаться, во что бы то ни стало, сломить рабочихъ, заставить ихъ вновь почувствовать утраченный страхъ передъ грубой «мощью». И правительство, опираясь на ожидавшійся эффектъ «либеральнаго» рескрипта 18-го февраля, вслѣдъ за закрытіемъ комиссіи Шидловскаго, приступаетъ къ провокаціи рабочихъ на рѣзкія дѣйствія. Закрываются казенные заводы, объявляется о зачисленіи стачечниковъ—запасныхъ въ дѣйствительную армію, примѣняются новыя мѣры полицейскаго насилія, арестуются бывшіе выборщики, которыхъ только что старались увѣрить, что блажью являются ихъ заботы о формальномъ обезпеченіи своей неприкосновенности.

Правительство надѣется совершить этотъ славный походъ подъ прикрытіемъ своей «либеральной» диверсіи въ сторону «зрѣлыхъ общественныхъ силъ». Косная обывательская масса должна—такова идея правительства—отблагодарить его за данныя 18-го февраля обѣщанія поддержкой военно-полицейскаго набѣга на революціонный пролетаріатъ. Прижатое къ стѣнѣ, самодержавіе не можетъ уже ждать, чтобы «созрѣлъ» гнилой плодъ его реформаторскихъ потугъ — оно должно требовать отъ «зрѣлыхъ общественныхъ силъ» немедленной выдачи росписки на всю номинальную стоимость обѣщанныхъ подачекъ. Но такъ какъ политическій кредитъ правительства упалъ слишкомъ низко, чтобы буржуа, не успѣвшій еще окончательно утомиться отъ царящей «анархіи», призналъ себя, безъ оговорокъ, удовлетвореннымъ этой сомнительнаго качества монетой, то для безпрепятственнаго вовлеченія его въ невыгодную сдѣлку пущенъ въ ходъ испытанный аппаратъ рептильной прессы. Мобилизованы нововременскіе борзописцы.

Только что (въ № отъ 19 февраля) успѣвъ, устами всѣхъ своихъ корифеевъ—самого Суворина, Л. Л. Толстого и Розанова—выразить свое умиленіе передъ рескриптомъ 18 февраля и обѣщать, въ числѣ прочихъ сулимыхъ имъ благъ, всеобщее «умиротвореніе», только что призвавъ «русскія партіи» «помириться», чтобы не было «шума, свары, ссоры»,—«Новое Время», на слѣдующій же день, скорбитъ о неудачѣ

сійской организаціи, какая намъ необходима для планомѣрной, повсемѣстной и рѣшительной атаки и начало которой теперь заложено въ Петербургѣ.

комиссіи Шидловскаго и пытается натравить противъ 400 выборщиковъ 150-тысячную массу рабочихъ, якобы несолидарную съ проявленной ими непримиримостью. Масса, видите ли, стремилась принять участіе въ выборахъ,—слѣдовательно, она ждала положительныхъ результатовъ отъ комиссіи; стало быть, выборщики обманули ея довѣріе, предпославъ выборамъ делегатовъ свои условія. Безстыдная газета инсинуируетъ, что «толпа поддается гипнозу», этимъ объясняя солидарность, проявленную общимъ собраніемъ выборщиковъ 17 февраля. И, однако, «Новое Время» хорошо знаетъ, по личному опыту, что данная «толпа» оказалась способной не дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ возмущеннаго чувства. Когда на этомъ же собраніи 17 февраля «поддающаяся гипнозу толпа» увидѣла передъ собой, въ числѣ прочихъ представителей печати, «молодцовъ» изъ «Нов. Вр.» и «Свѣта», она потребовала ихъ удаленія изъ собранія. Но стоило только тѣмъ самымъ «вожакамъ», которые служатъ теперь мишенью реакціонныхъ нападокъ и полицейскихъ преслѣдованій, указать товарищамъ, что рабочій классъ выше всего ставитъ полную гласность, чтобы нововременцы были оставлены въ залѣ, причемъ, однако, собраніе приняло резолюцію, выражающую презрѣніе обоимъ почтеннымъ органамъ. «Нов. Вр.» не сочло нужнымъ сообщить своимъ читателямъ объ этомъ эпизодѣ, дабы съ тѣмъ большей развязностью повести атаку на цвѣтъ петербургскаго пролетаріата, на россійскій пролетаріатъ вообще.

День ото дня эта атака принимаетъ все болѣе наглый характеръ. Подъ аккомпаниментъ подпольной агитаціи въ пользу еврейскихъ погромовъ, нововременскіе корреспонденты обличаютъ «бундовцевъ», сообщаютъ о козняхъ полтавскихъ соціалдемократовъ,—по ихъ разсчетамъ, сплошь евреевъ. Когда же Петербургъ въ мрачномъ отчаяніи воспринималъ извѣстія о мукденскомъ разгромѣ, газета, въ своей передовой статьѣ отъ 26 февраля, характерно озаглавленной «Прощеный день», пишетъ:

«Зная истиннаго русскаго человѣка (!!), его душу, его здравый смыслъ, мы рѣшаемся утверждать, что забастовка вообще и, въ частности, въ области труда, необходимаго для военныхъ надобностей, является дѣломъ не русскихъ людей». Что нужды, что за 6 дней до того, г. Меньшиковъ писалъ въ той же газетѣ: «Всѣ эти демонстраціи, стачки, забастовки—чистѣйшая нелѣпость, будто онѣ на англійскія и японскія деньги»... Calomniez, il en restera toujours quelque chose. Въ наши дни погромной агитаціи пресловутые «18 милліоновъ» могутъ еще пригодиться! И передовикъ продолжаетъ: «Накипь смутныхъ

дней, наступившихъ на Руси, изобилуетъ не столько русскими людьми, сколько всякой международной сволочью, отъ которой пора освободить смиренныхъ русскихъ тружениковъ» (курсивъ нашъ).

Провокаторская попытка натравить рабочую массу на ея революціонный авангардъ преслѣдуетъ, прежде всего, цѣль собрать подъ знамя, выкинутое 18 февраля, либеральную буржуазію и противопоставить ее народнымъ массамъ. Къ несчастью для существующаго режима, либеральная буржуазія не можетъ, если бы и захотѣла, продать дѣло свободы по предлагаемой цѣнѣ. Ибо судьба россійской «реформы» слишкомъ тѣсно связана съ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, чтобы до реализаціи конституціи буржуазія могла, заключая миръ съ монархіей, обратиться противъ пролетаріата. Въ то время, какъ «Новое Время» съ сладкой миной призываетъ «прогрессивные элементы» на борьбу съ «международной сволочью», правительственный арьергардъ «Московск. Вѣдомостей» призываетъ «истиннаго русскаго человѣка», прежде всего, къ погрому этихъ самыхъ «прогрессивныхъ элементовъ». И «Новое Время» со злостью афериста, которому не удается набросить, наконецъ, петлю на свою жертву, проявляетъ неудовольствіе тѣмъ, что реакціонная демагогія, рядомъ съ «соціалистами, армянами, евреями и поляками», натравляетъ черную сотню противъ «студентовъ» и «земцевъ». Бѣдная газета пытается даже увѣрить, что прокламаціи съ призывомъ: «бей студентовъ» исходятъ отъ «революціонной соціалдемократической партіи». Но ей никто не вѣритъ, ибо русская исторія привязала либеральное и демократическое движеніе къ рабочему и сдѣлала рабочій классъ оплотомъ всего прогрессивнаго развитія. Попытка теперь же, «гипнозомъ» рескрипта, оторвать отъ оппозиціоннаго движенія болѣе вліятельные элементы буржуазіи не приведетъ ни къ чему, кромѣ новаго посрамленія того «истинно-русскаго» направленія, въ которомъ нашла столь явное выраженіе политическая развращенность, сѣявшаяся старымъ режимомъ въ теченіе 40 лѣтъ его медленнаго разложенія. Своей антисоціалдемократической и антиеврейской кампаніей нововременцы могутъ сыграть только роль второй скрипки, аккомпанирующей воинствующимъ и знающимъ хорошо, чего хотятъ, катковцамъ «Моск. Вѣдомостей», подобно тому, какъ всѣ хитроумные спасители абсолютизма изъ высшей бюрократіи—всѣ эти Святополки, Витте, Ермоловы—всей своей «хитрой механикой» только содѣйствуютъ бьющимся съ энергіей отчаянія ультра-реакціонерамъ.

У этихъ, по крайней мѣрѣ, руки не связаны. Имъ не дано пони-

мать безнадежности ихъ позиціи и, преслѣдуя цѣли, разнуздать, подъ флагомъ борьбы за «исконныя русскія начала», гражданскую войну, они не ослабляютъ энергіи лелѣемаго ими Атиллова похода дѣленіемъ всего «гражданскаго общества» на правыхъ и виноватыхъ. Предъ ихъ лицомъ всѣ одинаково заслуживаютъ истребленія—отъ террористовъ до Шиповыхъ, отъ гимназистовъ до либеральствующихъ поповъ. Поэтому они могутъ не праздно мечтать о крестовомъ походѣ руководимой околоточными «черной сотни» противъ «либераловъ и революціонеровъ». Пользуясь готовымъ аппаратомъ выдрессированной полицейской организаціи, они начали уже свою работу въ неслыханныхъ еще размѣрахъ. Надъ буржуазнымъ обществомъ еще болѣе, чѣмъ надъ пролетаріатомъ, нависаетъ опасность цѣлой серіи Варѳоломеевскихъ ночей. Бакинская драма показала, чего слѣдуетъ ожидать.

Противъ реакціонныхъ крестоносцевъ организованный пролетаріатъ вооружается, насколько позволяютъ ему его скромныя средства. Среди демократической буржуазіи поднимаются разговоры объ организаціи городской милиціи. Въ добрый часъ! Пролетаріатъ энергично поддержитъ всякій шагъ буржуазіи въ дѣлѣ организаціи самообороны населенія, лишь бы только это дѣло велось внѣ всякихъ реакціонныхъ уловокъ, направленныхъ противъ него самого.

Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе бакинскихъ, ѳеодосійскихъ, курскихъ и т. п. событій не таково, чтобы облегчить лакеямъ деспотизма задуманную ими попытку *теперь уже* перевести на сторону падающаго режима часть враждебныхъ ему силъ. Послѣ Мукдена еще больше *дѣйствительныхъ* уступокъ должно быть дано, хотя бы и самымъ умѣреннымъ элементамъ, чтобы остановить ростъ ихъ недовольства. Всякій шагъ промедленія со стороны правительства только еще больше запутываетъ его положеніе.

При такихъ условіяхъ, шансы *революціоннаго* движенія все растутъ, и среди борющихся общественныхъ силъ пролетаріатъ можетъ занять—въ интересахъ *народной* революціи—самыя выигрышныя позиціи. Надо только неуклонно усиливать энергію натиска, надо только неустанно расширять операціонную базу.

Начавшіеся во многихъ мѣстахъ крестьянскіе безпорядки и возвѣщаемая газетами новая мобилизація могутъ сыграть роль второго дѣйствія великой русской революціи. Соціалдемократія обязана сыграть въ немъ подобающую роль.

Л. Мартовъ.

Двойная игра.

(10-го марта 1905 г., № 92).

Событія не ждутъ! Всего нѣсколько мѣсяцевъ отдѣляютъ насъ отъ «весны» Святополка, отъ банкетнаго времени, но эти мѣсяцы наполнены—паденіемъ Портъ-Артура, петербургскою бойней, всероссійской стачкой, бакинской рѣзнею, мукденскимъ разгромомъ; мѣсяцы, равноцѣнные эпохамъ, когда каждый наступающій день несетъ въ себѣ исторію, и каждый часъ затягиваетъ туже и крѣпче петлю на отжившемъ режимѣ.

Событія не ждутъ и форсированнымъ темпомъ толкаютъ режимъ къ его гибели. Абсолютизмъ умираетъ—въ процессѣ многообразномъ и сложномъ, похожій на гигантскую машину, у которой сломанъ передаточный механизмъ и которая еще стучитъ и гремитъ безчисленными своими частями, безсильная, однако, произвести необходимую работу.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ дѣловая промышленная жизнь цѣпенѣетъ на всемъ пространствѣ Россіи, въ то время, какъ наука бастуетъ и даже малыши перестали учиться, только всероссійская канцелярія работаетъ во-всю, то и дѣло извергая продукты своего торопливаго творчества, наводняя страну циркулярами, насыщая воздухъ шумомъ своей суетни. Указъ погоняется указомъ, комиссія смѣняетъ комиссію. Чиновничій міръ исходитъ въ напрасныхъ усиліяхъ остаться господиномъ положенія. Какая-то бездѣльная дѣловитость! Распоряженія, отмѣны распоряженій и въ результатѣ хаосъ, въ которомъ лишь инстинктъ самосохраненія поддерживаетъ извѣстный порядокъ—планомѣрность въ рефлекторныхъ движеніяхъ, цѣлесообразность въ безцѣльномъ, казалось бы, топтаньѣ на одномъ мѣстѣ; единоспасающій инстинктъ-регуляторъ, который и изъ хаоса умудряется вырабатывать что-то вродѣ тактики и среди «мерзости запустѣнія» создавать стратегическіе планы. Какъ это ни покажется страннымъ, разлагающаяся, идущая на смарку система имѣетъ свой «планъ» и свою доморощенную тактику.

Ей предстоитъ, подъ угрозой исчезнуть, возстановить равновѣсіе прошлаго или—буде нельзя—создать заново комбинацію силъ, которая, покоясь на взаимности нуждъ и услугъ, сохранила бы систему въ возможно менѣе измѣненномъ видѣ.

Что дѣлать? Какъ быть?—Если, съ одной стороны, неудачи войны

сокрушили традиціонный престижъ и съ нимъ вмѣстѣ свели почти на нѣтъ международный кредитъ абсолютизма, то, съ другой—пробуждающіяся народныя массы до основанія измѣнили взаимное отношеніе режима и вліятельныхъ группъ дворянско-буржуазнаго общества.

Для самодержавія съ пробужденіемъ массъ исчезла возможность поддерживать долѣе нерегулированную законодательными нормами, патріархально-бытовую исконную методу свою—пріобщенія отдѣльныхъ имущихъ слоевъ къ пользованію фактической властью враздробь, или къ непосредственнымъ выгодамъ финансово-экономической политики.

Патріархально-бытовая метода возможна и умѣстна только тамъ, гдѣ у власти абсолютно свободныя руки, гдѣ ей нѣтъ основанія оперировать, оглядываясь, гдѣ она не рискуетъ въ каждый данный моментъ столкнуться съ тѣмъ, что называется «народомъ», какъ съ субъектомъ, творящимъ свою волю, а не просто какъ съ объектомъ различныхъ стороннихъ усмотрѣній. Пока «народъ безмолвствуетъ», первенствующія сословныя и имущія группы не подымаютъ претензій о «гарантіяхъ» столько же потому, что и безъ всякихъ гарантій на нихъ изливается властью максимальная сумма возможныхъ государственныхъ благъ, сколько и потому, что онѣ безсильны передъ властью подкрѣпить аргументацію вразумительнымъ обращеніемъ къ «народу».

Но картина мѣняется, лишь только «народъ» становится или готовится стать участникомъ историческаго дѣйствія. Собирающаяся дѣйствовать масса рѣзкимъ диссонансомъ врывается въ закрѣпленное годами сожительство: для обѣихъ сторонъ она превращается въ разлагающій ферментъ и одновременно—въ общую апелляціонную инстанцію. Такъ, стоило власти въ борьбѣ съ революціей начать производить свои диверсіи въ сторону находящихся въ движеніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, чтобы промышленный капиталъ сталъ валить всю вину за революцію на власть и переходить въ либералы. И стоило, съ другой стороны, либеральнымъ помѣщикамъ достаточно громко заговорить о перемѣнѣ режима, чтобы власть устами своихъ публицистовъ стала грозиться Вандеей и не на шутку готовить что-то въ родѣ Варѳоломеевской ночи. Если власть не прочь, когда нужно, разыграть «народъ» противъ «общества», то «общество» неизмѣнно и всегда готово приводить въ движеніе «народъ» противъ власти, и только въ разсчетѣ на него развертываетъ свое откровенно-оппозиціонное знамя.

Этой новой конъюнктурой, этимъ прежде небывалымъ уравненіемъ—съ иксомъ въ видѣ приходящихъ въ сознаніе массъ—и опре-

дѣляется современное поведеніе власти. Ей надлежитъ разрѣшить своего рода квадратуру круга, ту головоломную двойную задачу, которая гласитъ:

Въ процессѣ ломки старыхъ общественныхъ отношеній и нарожденія новыхъ нащупать, собрать и спаять въ одинъ блокъ тѣ общественные элементы, которые располагали бы достаточными силами и при этомъ выражали бы готовность поддерживать реставрированную «исправленную и дополненную» власть противъ всякаго давленія снизу, и въ то же время самой использовать, какъ можно полнѣе это давленіе снизу, какъ для того, чтобы ускорить сформированіе блока и загнать въ него максимальное количество колеблющихся силъ, такъ и для того, чтобы выговорить себѣ въ немъ наилучшія условія, наиболѣе подходящія нормы.

Вотъ почему мы и присутствуемъ за послѣднее время при странномъ, казалось бы, зрѣлищѣ: власть, одною рукою заводящая толки о земскомъ соборѣ, лансирующая—при посредствѣ расторопныхъ газетчиковъ—всевозможные «проекты» и «соборные» интервью государственныхъ мужей, другою рукою организуетъ свои черныя банды, дабы «внутреннимъ врагамъ», включая въ ихъ число и почтенныхъ вольнодумныхъ помѣщиковъ, было впредь не повадно, и спасительный страхъ могъ оказать достодолжное дѣйствіе. Вотъ почему рескриптъ 18 февраля сопровождается аккомпаниментомъ крестьянскихъ волненій, въ которыхъ подчасъ не послѣднюю, хотя и далеко еще неразъясненную роль играютъ то «патріотическая» рѣчь священника (какъ то было въ Аткарскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи), то неизвѣстно откуда появившіеся на базарахъ прасолы, говорящіе, что «нужно бить студентовъ и баръ»—какъ о томъ сообщаетъ изъ Курской губерніи Дмитріевскаго уѣзда г. Шебуевъ въ «Руси».

Вотъ почему широко дебатируется вопросъ, какъ «подстроить» выборы въ земскій соборъ (крылатое словечко сановника изъ «Новаго Времени»), кого къ нему припустить и кого оставить за бортомъ, и гдѣ провести демаркаціонную линію, которая бы расщепила Россію на Россію съ правами и на Россію безъ правъ,—и одновременно страна наводняется—отъ края до края—зловѣщими опасеніями и слухами, повѣствуется о новоиспеченномъ самарскомъ губернаторѣ Засядко, организующемъ, будто бы, особыя крестьянскія дружины, говорится о лигѣ патріотовъ, разсылающей на югѣ подметныя письма, какъ по знаку дирижера откуда-то берутся и въ Псковѣ, и въ Казани, и въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ прокламаціи въ заборно-угрожающемъ стилѣ, избитыя дѣти (въ Курскѣ и прочихъ

мѣстахъ) документируютъ реальность угрозъ, а бакинскія событія кровавымъ пятномъ стоятъ въ глазахъ потрясеннаго зрителя.

Что и говорить: азартно-хитроумная игра, но, надо признать, и безнадежная игра, игра невпопадъ, игра безъ малѣйшей перспективы успѣха!

Что могло еще казаться исполнимымъ, возможнымъ въ сравнительно спокойныя времена обывательскихъ будней—«органической эпохи», было напередъ обречено на постыдное фіаско въ наши дни революціоннаго перелома, коренной передѣлки.

Не то, чтобы власть, приступая къ своей подлежащей рѣшенію проблемѣ, такъ-таки совсѣмъ не считалась съ дѣйствительными величинами и не знала своего «уравненія». Власть—не лишенный разумѣнія эмпирикъ, недурной наблюдатель. Но она безсильна понимать явленія въ ихъ непрестанной эволюціи—смѣнѣ, она теряется въ водоворотѣ событій, она органически неспособна разбираться въ процессахъ исторіи. Она только помнитъ—ясно и твердо, что было вчера, и совершенно упускаетъ изъ виду, что это бывшее вчера преобразуется сегодня, съ тѣмъ чтобы измѣниться еще болѣе на завтра—въ пестромъ ходѣ вещей, подъ перекрестнымъ огнемъ разнообразныхъ воздѣйствій.

Воплощенный анахронизмъ, она и мыслитъ посредствомъ однихъ анахронизмовъ: такова ея концепція «народа», таковы ея представленія о характерѣ и объемѣ движенія разнородныхъ круговъ дворянско-буржуазнаго «общества». Она знаетъ, напримѣръ, она не сомнѣвается въ томъ, что она знаетъ досконально хорошо своего «либерала», того либерала, который въ тягчайшія минуты репрессій не переставалъ коситься, озираться съ опаской на сермяжную Россію, а потому, не колеблясь, собирается это свое «знаніе» пустить въ оборотъ и построить на немъ спекуляцію. Достаточно, полагаетъ она, малой порціи кровопролитія, довольно, хотя бы издалека, невзначай, махнуть тѣнью пугачевщины, чтобы проявляющія наклонность къ свободѣ «помѣстья» опять пришли въ разумъ и дались въ руки правительству.

И прошлое, какъ будто, цѣликомъ подтверждаетъ это мнѣніе. Даже культурные, даже передовые представители помѣстнаго землевладѣнія, при всемъ завѣдомомъ своемъ «народолюбіи», болѣли искони недугомъ народобоязни—естественнымъ выраженіемъ ихъ классовой подоплеки, и только старались прикрыть свой недугъ—даже въ собственномъ сознаніи—благовидными разсужденіями на тему о крестьянской темнотѣ, крестьянскомъ невѣжествѣ. Эти разсужденія проходили красной нитью черезъ кампанію, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ вели земцы по

вопросу о мелкой земской единицѣ, совмѣщая въ себѣ прихотливую смѣсь изъ стремленій приблизиться къ народу (чтобы на него политически опереться) и столь же сильныхъ опасеній, какъ бы ихъ не захлестнула народная волна. И развѣ не звучали въ томъ же смыслѣ либеральные голоса въ засѣданіяхъ иныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ? развѣ не слыхали мы въ позапрошломъ году краснорѣчивыхъ выраженій недовѣрія къ народу — по поводу министерскаго запроса о пониженіи избирательнаго права? развѣ не видѣли мы еще недавно, какъ петербургскій ноябрьскій съѣздъ осторожно обходилъ щекотливую тему всенароднаго избирательнаго права? И развѣ, наконецъ, совсѣмъ еще на-дняхъ не приходилось намъ читать записку о земскомъ соборѣ, поданную въ нижегородское губернское земское собраніе народникомъ Штанге, въ которой этотъ извѣстный устроитель артелей, хорошо освѣдомленный по части «помѣстныхъ» кривотолковъ, не безъ наивности увѣщалъ «владѣльческіе классы» не бояться и пойти на «разумныя, неизбѣжныя уступки»?

Все это—съ подлиннымъ вѣрно, все это—такъ, и однако: не успѣли еще просохнуть чернила, которыми г. Штанге писалъ свое обращеніе къ земцамъ, какъ пахнуло новымъ духомъ. Такъ, земское совѣщаніе въ Москвѣ—въ концѣ февраля — уже en toutes lettres — заявляетъ о необходимости народнаго представительства «на началахъ всеобщаго и равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права» и въ противоположность недавно еще популярной идеѣ о чисто политической конституціонной платформѣ (за нее ратовалъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, между прочимъ, радикальный «Сынъ Отечества») намѣчаетъ аграрную реформу. Такъ, въ думахъ—невиданный случай—вносятся предложенія объ организаціи милиціи, о передачѣ полицейскаго аппарата изъ правительственныхъ рукъ въ вѣдѣніе представительныхъ учрежденій; такъ извѣстныя своей академичностью умѣренно-либеральныя и неумѣренно-скучныя «Русскія Вѣдомости» начинаютъ говорить человѣческимъ голосомъ о необходимости вооруженнаго сопротивленія, въ отвѣтъ на курскій погромъ гимназистовъ, а бакинскіе капиталисты образуютъ особый комитетъ самообороны, заодно съ представителями рабочихъ организацій.

Это не значитъ, конечно, что все перевернулось вверхъ дномъ въ подлунномъ нашемъ мірѣ, что капиталистъ сталъ кротокъ, какъ ягненокъ, и либералъ пріобрѣлъ львиное сердце, но это значитъ, что революція уже перешагнула черезъ игрушечныя махинаціи современныхъ Макіавелли. Игроки самодержавнаго режима думали играть навѣрняка, но, подсчитывая карты, надѣясь либераловъ побить кулаками

народной толпы и народную толпу скрутить трудами либераловъ, они не учли одного: что въ огромномъ процессѣ, въ которомъ тонетъ ихъ собственный корабль, все органически слито въ одно цѣлое, все связано въ одну цѣпь взаимодѣйствій.

И либеральное общество является не болѣе, какъ частью этого цѣлаго — великой буржуазной соціальной революціи. Оно воспринимаетъ отъ него директивы, оно получаетъ все новые импульсы, оно несется — и съ каждымъ днемъ все сильнѣй—на гребнѣ пролетарской волны. И въ сознаніи этой своей органической связанности, оно, волей-неволей, должно повышать демократизмъ своей программы, революціонность своихъ дѣйствій. Оно въ собственныхъ кровныхъ интересахъ вынуждено спѣшить—пока не поздно—связаться съ народомъ и прежде всего съ крестьянствомъ, пойти навстрѣчу его требованіямъ.

Вотъ объ эту то центростремительную силу революціи, вотъ объ эту то спайку живыхъ ея силъ и разбиваются и будутъ разбиваться и впредь всѣ усилія и хитрости безнадежно больного режима.

Старовѣръ.

Милиція или полиція.

(31 марта 1905 г., № 95.)

Какъ предсказала «Искра» въ свое время, организованный реакціей походъ «черныхъ сотенъ» противъ «общества» оказалъ благодѣтельное воздѣйствіе на сознаніе его либеральной части. Если и до сихъ поръ еще эта часть «общества», въ громадномъ своемъ большинствѣ, далека отъ мысли о неизбѣжности примѣненія силы въ борьбѣ за свободу, то въ борьбѣ за свою жизнь, собственность, неприкосновенность личности, которымъ угрожаютъ черныя банды защитниковъ абсолютизма, либеральная оппозиція готова подумать объ организаціи боевой силы. Вопросъ о городской милиціи поднятъ въ разныхъ концахъ Россіи, нѣкоторыя общества и отдѣльные гласные уже вошли съ соотвѣтственными представленіями въ городскія думы. Въ Ялтѣ,

во время недавнихъ безпорядковъ, горожане даже уже организовали подобную милицію.

Можно было бы привѣтствовать этотъ шагъ, дѣлаемый либеральной буржуазіей, если бы новая идея слишкомъ долго не оставалась въ области однихъ «мечтаній». Въ то время, какъ реакціонная партія съ наглымъ цинизмомъ продѣлываетъ первые опыты, избивая интеллигенцію оптомъ и въ розницу, а ея пресса открыто и фанатично ведетъ пропаганду дальнѣйшихъ погромовъ, — либеральный обыватель проявляетъ въ дѣлѣ подготовки самообороны медлительность и «постепенность», способныя заставить усумниться въ серьезности его намѣреній бороться хотя бы за спасеніе своихъ дѣтей—гимназистовъ, противъ которыхъ организована страшная травля, прикрываемая не только полиціей, но и судьями (Псковъ).

Далѣе разговоровъ о милиціи въ городскихъ думахъ дѣло не пошло нигдѣ, кромѣ Пензы, Мелитополя и Симферополя, гдѣ думы постановили организовать небольшія городскія стражи.

О причинѣ этой нерѣшительности говорятъ знаменательныя слова одесскаго городского головы, извѣстнаго либерала г. Зеленаго, сказанныя имъ недавно одному журналисту. По словамъ г. Зеленаго, положеніе обывателя весьма трагично: реакціонная пропаганда ведется во всю, грозя со дня на день новымъ повтореніемъ кишиневскихъ и бакинскихъ ужасовъ. Съ другой стороны, рабочіе (въ Одессѣ), по словамъ городского головы, заявили, что будутъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать «интеллигенцію» противъ поднятой реакціонными демагогами, «черной сотни». Можно себѣ представить, спрашиваетъ Зеленый, что произойдетъ, если 15.000 рабочихъ вступятъ въ бой съ 20.000 громилъ!?

«Слѣдовало бы организовать милицію на службѣ города, но... намъ ее не разрѣшатъ ни въ какомъ случаѣ». И городской голова констатируетъ безвыходное, трагическое положеніе обывателя..

Такимъ образомъ, съ перваго взгляда все дѣло въ томъ, что либеральная буржуазія не разсчитываетъ получить благословенія правительства на организацію охраны населенія... противъ черныхъ сотенъ. И, дѣйствительно, было бы болѣе чѣмъ наивно, разсчитывать на готовность правительства *разрѣшить* своимъ противникамъ подготовить самооборону. Но не пора ли вообще понять, что разъ уже дѣло дошло до необхимости для «общества» заботиться о самозащитѣ противъ полицейскихъ янычаръ, то не приходится продолжать недостойную *игру въ легальность*? Не ходатайствовать о разрѣшеніи подготовить самозащиту приходится въ этомъ случаѣ, а подготовлять ее «самовольно». Такъ поставленъ «обществу» вопросъ не нами, революціоне-

рами, такъ поставленъ онъ самой реакціей, аргументирующей бакинскими, тамбовскими, курскими звѣрствами.

Повсемѣстное, подготовленное заранѣе, по взаимному соглашенію, постановленіе городскихъ думъ объ отказѣ въ отпускѣ средствъ на содержаніе полиціи, объ организаціи милиціи и о призывѣ всѣхъ гражданъ къ самозащитѣ, въ виду отсутствія безопасности личности и жилища—вотъ чего требуетъ отъ правящей въ городахъ буржуазіи нынѣшнее положеніе, вотъ что она должна сдѣлать, если хочетъ оградить себя серьезно отъ опасности Варѳоломеевской ночи.

Пусть приведеніе въ исполненіе такихъ постановленій натолкнется на полицейскія рогатки и сразу не сломитъ ихъ; пусть правительственная власть окажется еще достаточно сильной, чтобы на всемъ протяженіи страны подавить это движеніе. Энергичныя дѣйствія въ этомъ направленіи, во всякомъ случаѣ, революціонизируютъ городское населеніе и позволятъ при первомъ же новомъ подъемѣ народной массы осуществить принятое раньше рѣшеніе. Могла же въ Ялтѣ, въ то время, когда полицейскія власти прятались по чердакамъ, организоваться милиція, въ составѣ 2000 человѣкъ. Понятно, что разъ организованная, эта милиція уже не такъ-то легко будетъ разсѣяна дезорганизованнымъ правительствомъ.

Очевидно, однако, что вступить на этотъ революціонный путь, перейдя Рубиконъ либеральной благонамѣренности, невозможно для тѣхъ, кто не способенъ сдѣлать шагу противъ абсолютизма, не оглядываясь боязливо назадъ на растущую силу городского пролетаріата. А это именно и дѣлаетъ, напримѣръ, г. Зеленый, когда рисуетъ картину предстоящихъ ужасовъ сраженія между рабочими и «черной сотней». Повидимому, для этого либерала пролетаріи, обѣщавшіе съ оружіемъ въ рукахъ «защищать интеллигенцію», немногимъ менѣе страшны, чѣмъ поднятые Крушеваномъ хулиганы. Но при такомъ отношеніи къ революціонной «толпѣ», разумѣется, нельзя рѣшить вопросъ о милиціи иначе, какъ въ рамкахъ «разрѣшенія» начальства, то есть, въ сущности, рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ. И событія, происшедшія въ Ялтѣ, наглядно показали, чего можно ожидать при такой постановкѣ впроса.

Ялтинскій погромъ производили босяки. Городъ защищала отъ нихъ самообразовавшаяся «милиція» и, когда безпорядки прекратились, сошедшіеся на первое засѣданіе думы немногіе гласные постановили выразить благодарность «ремесленникамъ и рабочимъ», защищавшимъ обывателей. Въ думу были внесены предложенія: организовать постоянную милицію и перенять въ вѣдѣніе города полицію. А затѣмъ...

затѣмъ произошло собесѣдованіе гласныхъ съ губернаторомъ и на этомъ собесѣдованіи со стороны гласныхъ раздавались рѣчи о винѣ «агитаторовъ», пріучившихъ рабочихъ къ забастовкамъ, объ обиліи «неблагонадежныхъ» элементовъ и о необходимости болѣе неукоснительнаго ихъ преслѣдованія и т. п. О благодарности, которой былъ обязанъ городъ рабочимъ, всѣ позабыли... За то, когда сталъ обсуждаться вопросъ о милиціи, то губернаторъ устранилъ его указаніемъ на то, что, состоя изъ людей «не дисциплинированныхъ», милиція сама можетъ устраивать «безпорядки», и, полюбовнымъ соглашеніемъ, вмѣсто «ходатайства» о милиціи, отцы города сдѣлали постыдное постановленіе о необходимости расквартированія военнаго отряда въ Ялтѣ. Поздравляемъ заранѣе ялтинскихъ обывателей съ тѣмъ днемъ, когда, въ присутствіи этого отряда, ихъ будутъ грабить и убивать, какъ это дѣлали въ Баку!

Можно мечтать о томъ, чтобы рядомъ съ преторіанцами правительства, создать своихъ собственныхъ преторіанцевъ на службѣ у домовладѣльческой олигархіи, готовыхъ одинаково защищать сегодня жизнь и собственность буржуазіи противъ «черныхъ сотенъ», а завтра— «порядокъ» противъ революціоннаго пролетаріата. Но этимъ мечтамъ суждено оставаться мечтами. Дѣло защиты «порядка» противъ пролетаріата правительству незачѣмъ уступать буржуазіи—это та единственная его функція, которая можетъ дѣлать его по временамъ нужнымъ для буржуазіи. А вооружить буржуазію противъ себя— никакъ не можетъ входить въ его разсчеты. Слуги реакціи, какъ говорилъ еще Лассаль, не краснобаи, а люди дѣла, и въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ поучиться у нихъ и сторонникамъ прогресса.

Исторически создавшееся положеніе таково, что буржуазія не можетъ обороняться противъ реакціонной клики иначе, какъ подготовляя къ оборонѣ въ то же время пролетаріатъ. Только аппелляціей къ пролетаріату, который готовъ всегда вступить въ борьбу съ угнетеніемъ, можетъ она свести на—нѣтъ рогатки полицейской «легальности», санкціонирующей ея нынѣшнюю беззащитность противъ подвиговъ полицейскихъ громилъ.

Выяснить это положеніе буржуазному «обществу» должно быть задачей дѣйствительно демократическихъ его элементовъ. Сдѣлавъ это, они окажутъ серьезную услугу дѣлу свободы!

Пролетаріатъ, конечно, не будетъ дожидаться, пока эта задача будетъ выполнена буржуазной демократіей. Вѣрный своему прошлому, онъ, по-прежнему, будетъ брать на себя, хотя бы и безъ поддержки со стороны, дѣло отпора полицейскимъ «вандейцамъ». Поступая такъ,

онъ всего вѣрнѣе будетъ «толкать» буржуазію на единственно правильный путь. И, поскольку вопросъ объ организаціи милиціи будетъ становиться реальностью, онъ предъявитъ буржуазіи свои условія для совмѣстной съ ней борьбы противъ реакціонныхъ бандъ.

Эти условія должны заключаться въ требованіи, чтобы городская милиція состояла не изъ постоянныхъ наемныхъ „стражниковъ", а изъ всѣхъ желающихъ гражданъ, вознаграждаемыхъ изъ городскихъ средствъ за потраченное на службу въ милиціи время и снабжаемыхъ всѣмъ нужнымъ на счетъ этихъ средствъ.

Милиція должна быть организована совершенно демократически, и къ дѣлу ея организаціи должны быть привлечены не участвующіе въ нынѣшнемъ городскомъ самоуправленіи выборные представители рабочихъ. Отряды рабочихъ и явятся главной боевой силой противъ «черной сотни».

Рабочій классъ долженъ настойчиво добиваться осуществленія такой городской милиціи. Его должно энергично поддерживать въ этомъ требованіи революціонное студенчество, не знающее куда приложить свою энергію въ періодъ хронической „забастовки" и заговаривающее уже кое-гдѣ о созданіи академическихъ «легіоновъ». Правительственная реакція, оказавшая уже своей неловкой игрой столько услугъ революціонному дѣлу, не замедлитъ создать условія, благопріятныя для реализаціи такихъ требованій, которыя не одному близорукому либералу покажутся теперь утопіей.

Л. Мартовъ.

Бюрократія за работой.

(31-го марта 1905 г., № 95).

Пока вспыхнувшія крестьянскія волненія не приняли еще столь широкихъ размѣровъ, чтобы всецѣло привлечь къ себѣ общественное вниманіе, пока другіе революціонные и оппозиціонные элементы собираются съ силами для новаго натиска на самодержавіе, это послѣднее

пользуется моментами видимаго затишья для мобилизаціи контръ-революціонныхъ силъ и для подсчета своихъ возможныхъ союзниковъ.

Разъ, два... и обчелся: союзниковъ оказывается немного. Всѣ группы и классы, появившіеся въ послѣднее время на общественной аренѣ, высказали въ болѣе или менѣе рѣшительной формѣ свое недовѣріе самодержавію. Самодержавіе должно было пойти на уступки, но втайнѣ продолжаетъ старую игру, продолжаетъ какъ старый шулеръ, который не въ состояніи оставить привычныя манипуляціи, но въ то же время принужденъ постоянно озираться, какъ бы не быть пойманнымъ.

Бакинская рѣзня, организація «черныхъ сотенъ», пропаганда антиеврейскихъ погромовъ—таковы новѣйшія проявленія наступательной тактики слугъ «режима». А тѣмъ временемъ намѣчаются и линіи возможнаго отступленія, но сама бюрократія не рѣшила еще—куда она будетъ отступать—къ рескрипту ли 18-го февраля, къ указу ли 12 декабря, или еще дальше куда-нибудь, по стопамъ, незабвенныхъ предшественниковъ. Рескриптъ 18-го февраля вызвалъ рядъ заявленій различныхъ общественныхъ группъ, рядъ дискуссій въ прессѣ и на собраніяхъ о наилучшей формѣ предполагаемаго народнаго представительства. Наиболѣе близкіе къ самодержавію слои высказались за представительство сословное, при чемъ «Новое Время», выражающее взгляды этой части русскаго общества, считаетъ такое представительство единственно способнымъ выразить интересы всѣхъ группъ и классовъ населенія. Тотъ же органъ, очевидно, вспомнивъ, что для полноты сословнаго представительства необходима сословная организація нашего deuxième état (второго сословія, т. е. духовенства), нынѣ почти отсутствующая, повелъ дѣйствительную агитацію въ пользу созыва собора духовенства и выбора всероссійскаго патріарха. Этимъ путемъ надѣются создать крѣпкую опору реакціи въ будущемъ россійскомъ земскомъ соборѣ и обуздать поднимающіе въ послѣднее время свой голосъ демократическіе элементы среди низшаго сельскаго и городского духовенства, а можетъ быть и получить отъ него денегъ для дальнѣйшаго веденія войны. Правительство, поторопившееся дать согласіе на созывъ подобнаго собора, въ то время, какъ созывъ народныхъ представителей откладывается въ долгій ящикъ, ясно показало, что и оно считается съ возможностью сословнаго представительства и готово заняться подготовкой соотвѣтствующаго аппарата.

Такова одна изъ линій предполагаемаго отступленія абсолютизма.

Но есть другія. Рескриптъ 18-го февраля, мерцающій вдали призракъ народнаго представительства, долженъ былъ успокоить, и въ дру-

гую, не столь бурную эпоху, навѣрное успокоилъ бы—общественное мнѣніе, а продолжающіяся «реформаторскія» работы въ многочисленныхъ комиссіяхъ, начиная съ комиссіи по дѣламъ печати и кончая пресловутой комиссіей по дѣламъ Дальняго Востока, должны были окончательно усыпить общественную бдительность.

Бюрократія, для которой все же реформы на основѣ указа 12-го декабря меньшее зло, чѣмъ реформы на основѣ рескрипта 18-го февраля, думала укрѣпиться въ комиссіяхъ, созванныхъ на основаніи указа. Главный исполнитель рескрипта 18 февраля, министръ внутреннихъ дѣлъ, весьма недвусмысленно далъ понять обществу, что не только дѣло созыва народныхъ представителей откладывается въ долгій, долгій ящикъ, но что и дѣлать-то, собственно, этимъ представителямъ будетъ нечего, такъ что пожалуй и созывать будетъ незачѣмъ. Созыву представителей должно предшествовать совѣщаніе, а, какъ видно изъ бесѣды Булыгина съ представителемъ московской думы, онъ даже еще ничего не знаетъ ни о характерѣ, ни о времени этого совѣщанія, такъ какъ «въ настоящее время происходятъ подготовительныя работы, участіе въ которыхъ принимаютъ не только лица высшей администраціи, но и ученые». Объ этихъ ученыхъ спеціально объяснялъ корреспонденту «Matin» правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Любимовъ. По словамъ этого послѣдняго, «министръ считаетъ совѣщаніе безполезнымъ, пока у него не будетъ проекта для разработки. Министръ обратился къ тремъ профессорамъ, которымъ поручено представить записку о дѣйствіи законодательныхъ учрежденій заграницей и о средствахъ для учрежденія представительства въ Россіи». Словомъ, бюрократія работаетъ, работаетъ усердно и не покладая рукъ надъ труднымъ и весьма сложнымъ дѣломъ искорененія собственной крамолы. Обструкція самодержавія своимъ собственнымъ начинаніямъ,—вотъ до чего додумалась всероссійская бюрократія, до чего до сихъ поръ не могла додуматься ни одна парламентская оппозиція.

Но съ комиссіями дѣло не выгорѣло. Отдѣльныя комиссіи потеряли всякій интересъ, какъ только онѣ замкнулись и обнаружили вполнѣ ясную тенденцію тянуть канитель ad calendas graecas, т. е. до того момента, когда онѣ станутъ безполезны той или другой изъ воюющихъ нынѣ сторонъ. Такъ случилось и съ комиссіей Коковцева по рабочему вопросу, и съ комиссіей Кобеко по вопросу о печати. Нужна вся наивность либеральнаго профессора, чтобы, подобно князю С. Н. Трубецкому обращаться къ комиссіи Кобеко съ просьбой: «Господа! сдѣлайте что-нибудь сейчасъ, пока еще не поздно»! Можно согласиться съ предложеніемъ кн. Трубецкого о примѣненіи «къ цен-

зурному уставу, циркулярамъ и правиламъ цензурныхъ ножницъ и цензурной икры», но смѣшно обращаться съ такимъ предложеніемъ къ комиссіи, всѣ либеральныя рѣшенія которой принимались противъ голоса ея предсѣдателя (представителя мин. вн. дѣлъ), т. е. безъ хозяина, и которая, въ концѣ концовъ, такъ деморализовалась, благодаря своей келейности, что даже въ своемъ якобы либеральномъ большинствѣ высказалась за сохраненіе статьи о предварительной конфискаціи газетъ и журналовъ.

Что касается другихъ комиссій, то не найдется, вѣроятно, другого кн. Трубецкого, который рѣшился бы нарушить ихъ покой [1]). Пускай въ комиссіи Коковцева рѣшаютъ, что и рабочимъ должна быть дана свобода стачекъ,—каковой свободой они уже давно пользовались, хотя бы и противъ желанія закона,—и совершенно замалчиваютъ вопросъ о свободѣ союзовъ, безъ которыхъ стачки почти совсѣмъ немыслимы,—можно быть увѣреннымъ, что не въ комиссію Коковцева понесутъ свой протестъ сознательные рабочіе. Не придадутъ, вѣроятно, большого значенія и состоявшемуся на дняхъ рѣшенію объ обязательномъ открытіи университетовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и объ увольненіи всѣхъ тѣхъ студентовъ, которые къ тому времени откажутся посѣщать лекціи. Кто знаетъ, гдѣ въ сентябрѣ будетъ самъ г. Глазовъ и иже съ нимъ?

Трудность для бюрократіи остановиться на какой-нибудь средней линіи и на ней укрѣпиться заключается въ томъ, что она оказывается совершенно неспособной считаться съ измѣнившимися обстоятельствами, что она полагаетъ, что стоитъ на твердой почвѣ, тогда какъ подъ ней вулканъ, что для новыхъ временъ пользуется старыми, сданными уже въ архивъ исторіи, пріемами. Скорый созывъ совѣщанія вернулъ бы ей многія симпатіи, и мы видѣли, какъ къ Булыгину потянулись уже съ предложеніями быть допущенными на совѣщаніе земцы, городскіе дѣятели, адвокаты. Уступи Булыгинъ, мы увидѣли бы вскорѣ, что за этими первыми потянулись бы другіе, и бюрократіи удалось бы увлечь за собой добрую часть умѣренныхъ либераловъ. Но Юпитеръ лишаетъ разума тѣхъ, кого хочетъ погубить: Булыгинъ остался твердъ и даже не обѣщалъ, что въ совѣщаніе можно будетъ посылать выборныхъ; правительство, по его словамъ, въ свое время прибѣгнетъ къ совѣту

---

[1]) Когда писались эти строки, мы не знали еще о возвращеніи въ Одессу извѣстнаго зубатовца г. Шаевича, который, повидимому, намѣренъ продолжать, столь внезапно прерванную въ 1903 г., карьеру «рабочаго агитатора», рекомендуя рабочимъ требовать участья въ комиссіи Коковцева. Для какой собственно надобности?

земскихъ и городскихъ дѣятелей, но въ какой формѣ произойдетъ это приглашеніе, министръ внутреннихъ дѣлъ сейчасъ сказать не можетъ.

На этомъ переговоры прекратились. Весьма вѣроятно, что въ этой формѣ они и не возобновятся: поскольку вопросъ о приглашеніи въ совѣщаніе министръ ставитъ въ зависимость отъ рѣшенія самого правительства, представителямъ соотвѣтствующихъ общественныхъ учрежденій остается или подчиниться этому рѣшенію, или махнуть на него рукой.

Тѣмъ менѣе это совѣщаніе можетъ представлять интересъ для соціалдемократіи. Соціалдемократія никогда не питала никакихъ иллюзій насчетъ бюрократическаго реформаторства. Это не мѣшало ей дѣлать подобное реформаторство исходнымъ пунктомъ своей критики, при томъ, конечно, условіи, чтобы эта критика производилась не въ абстракціи, не въ области отвлеченныхъ идей, а здѣсь, въ нашемъ дѣйствительномъ мірѣ, путемъ столкновенія пролетарскихъ массъ со всѣми проявленіями бюрократически-реформаторскаго аппарата, и организаціи ихъ въ процессѣ этого столковенія. Такую роль сыграла въ свое время комиссія Шидловскаго, которая могла стать центромъ широкой, революціонной агитаціи только потому, что предметъ ея занятій глубоко задѣвалъ интересы широкой волнующейся массы, а соблюденіе нѣкоторыхъ демократическихъ формъ, которыя могли расширяться въ процессѣ самой борьбы—оставляло мѣсто для постояннаго широкаго контроля этихъ массъ надъ своими уполномоченными. Комиссія Шидловскаго была мастерской, гдѣ могла развиваться и крѣпнуть революціонная энергія пролетаріата, и, въ концѣ концовъ, было безразлично, откуда эта накопившаяся энергія взорветъ самую мастерскую, извнѣ или изнутри. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ Булыгинскимъ совѣщаніемъ: уже обрисовывающійся сейчасъ келейный характеръ его сразу лишилъ бы делегата или делегатовъ рабочихъ, если бы таковые туда попали, связи съ пославшей ихъ массой, сразу скрылъ бы ихъ дѣйствія отъ контроля этой массы и въ атмосферѣ лжи и гнета скомпрометировалъ бы вождей и деморализовалъ бы массы. Совѣщаніе, подобно всѣмъ новѣйшимъ комиссіямъ, будетъ носить специфически полицейскій отпечатокъ, оно будетъ походить на застѣнокъ, гдѣ будетъ душиться всякая инициатива и всякое свободное проявленіе въ дѣлѣ защиты общественныхъ интересовъ, а не на арену свободнаго состязанія прогрессивныхъ общественныхъ группъ. Въ застѣнкѣ не борются, а медленно умираютъ. Глупо также лѣзть въ застѣнокъ, чтобы раздвинуть его стѣны: его надо снести. Точно также Булыгинское совѣща-

ніе можно взорвать только извнѣ, исключительно путемъ агитаціи въ пользу созыва Учредительнаго Собранія.

За этой линіей бюрократіи некуда будетъ отступать.

Кольцовъ.

Борьба церкви и борьба съ церковью.

(5 апрѣля 1905 г., № 96).

Реакціонеры изъ «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей» отнеслись отрицательно къ идеѣ о созывѣ Помѣстнаго Собора, предложенной Витте и поддержанной «смиренными» отцами изъ Синода. «Чѣмъ желательнѣе эта реформа, писали «Моск. В.», тѣмъ нежелательнѣе поспѣшное, необдуманное ея осуществленіе въ настоящее, именно, столь смутное время». А это значитъ, что по мнѣнію «Моск. В.» осуществленіе реформы въ той формѣ, какую она можетъ получить сейчасъ, нежелательно ни въ настоящее, ни въ будущее время.

И по понятнымъ причинамъ. «Моск. Вѣдом.», наравнѣ съ г. Витте, хотѣли бы сдѣлать духовенство опорой абсолютизма; но въ то время, какъ Витте торопится организовать духовенство сейчасъ, считаясь съ возможностью созыва Земскаго Собора, въ которомъ онъ надѣется заставить представителей духовенства плясать подъ дудку бюрократіи, «Моск. Вѣдом.» и «Гражданинъ» самую мысль о созывѣ Земскаго Собора считаютъ совершенно недопустимой... конечно, «въ настоящее, столь смутное время».

Не можетъ также реакціонная пресса не видѣть, что придуманный г. Витте способъ спасенія самодержавія ведетъ изъ огня въ полымя. Вѣдь въ Помѣстный Соборъ тоже надо будетъ **выбирать**, надо будетъ пережить предвыборную агитацію, а въ «настоящее, столь смутное время» это куда какъ не безопасно. Не могла реакціонная пресса не прислушаться къ тѣмъ голосамъ, которые шли изъ среды самого духовенства и изъ среды міранъ и которые давали очень недвусмысленную оцѣнку дѣйствительному положенію вещей. Мечта или дѣйстви-

тельность—это стремленіе Витте объединить все православное духовенство около всероссійскаго митрополита? Мечта, утопія—отвѣчали многочисленные голоса, раздавшіеся изъ разныхъ концовъ Россіи. Они говорили, эти голоса, что въ современномъ православномъ духовенствѣ нѣтъ такого крупнаго интереса, который соединилъ бы его въ одинъ цѣлый организмъ, а, наоборотъ, есть причины для разъединенія, для внутренней борьбы. И прежде всего—это противоположность между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ, между высшей и низшей іерархіей, между аристократами и плебеями. И стоило лишь газетамъ заговорить о возможности Собора, какъ отовсюду посыпались жалобы на привилегированное положеніе чернаго духовенства, всюду и вездѣ оттѣсняющаго на задній планъ многочисленную рать священниковъ нашихъ селъ и городовъ. Эти голоса говорили далѣе, что церковная реформа невозможна безъ привлеченія на церковный Соборъ міранъ, которые, «въ настоящее, столь смутное время» не замедлятъ потребовать для себя опредѣленныхъ гарантій.

Выборы духовныхъ лицъ приходомъ—вотъ къ чему могло придти церковное движеніе.

Но опасность лежала еще глубже. Можно ли было при настоящихъ условіяхъ, т. е. при условіяхъ всеобщаго революціоннаго броженія, разсчитывать на то, что церковное движеніе останется въ намѣченныхъ предѣлахъ. Не естественно ли было ожидать,—и опять многочисленные голоса подтверждали справедливость такой мысли—что передовые элементы общества перешагнутъ и за эту грань и потребуютъ гарантій противъ возможной эксплуатаціи церкви вообще, потребуютъ избавленія отъ ея гнета и мракобѣсія, т. е. логически придутъ къ требованію отдѣленія церкви отъ государства?

Все это было въ перспективѣ: на соборѣ—борьба чернаго духовенства съ бѣлымъ и борьба міранъ съ духовенствомъ, а внѣ собора борьба радикальныхъ партій противъ господства церкви. И реакціонная пресса принялась быстро тушить начинавшій разгораться пожаръ, встрѣтивъ, какъ и слѣдовало ожидать, поддержку въ оберъ-прокурорѣ Синода, а черезъ него и въ самыхъ высокихъ сферахъ.

Ясно, что эта семейная драка между различными представителями міра реакціи, между защитниками старыхъ, отжившихъ идей, только разстраиваетъ ряды нашихъ враговъ, подкапываетъ силы самодержавнаго режима. Церковь чувствуетъ, что и она устремляется въ ту же пропасть, въ которой суждено погибнуть абсолютизму, и пытается на склонѣ дней своихъ отдѣлить свои судьбы отъ судебъ самодержавія. Но тщетно! Ни церковь вообще, ни русско-православная церковь въ

частности, не создали и не могли создать элементовъ для борьбы съ абсолютизмомъ, борьбы, ведущейся подъ вліяніемъ совершенно другихъ лозунговъ, ничего общаго съ интересами и ученіями церкви не имѣющихъ. Попытка придать этой борьбѣ сколько-нибудь религіозный характеръ не можетъ уже привлечь къ революціонной арміи ни одного новаго бойца и должна кончиться полнѣйшимъ фіаско.

Вспомнимъ, какъ позорно вели себя представители церкви послѣ 9-го января и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, когда кулакъ и нагайка занимались успокоеніемъ волнующихся обывателей. Вспомнимъ, что главнымъ импульсомъ къ нынѣшнему движенію духовенства послужило то обстоятельство, что совѣтъ министровъ рѣшилъ дать нѣкоторыя права старообрядцамъ. Церковь, жившая до сихъ поръ угнетеніемъ иновѣрцевъ, вдругъ увидѣла передъ собой опасность появленія свободнаго конкуррента. Многіе добрые люди любили повторять до самаго недавняго времени, что наша промышленность тепличный цвѣтокъ, поддерживаемый только попеченіями правительства. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ показали, какъ глубоко ошибались эти «добрые» люди. Какъ только промышленники замѣтили, что правительство начинаетъ заигрывать съ рабочими на ихъ счетъ, они очень ясно дали понять этому правительству, что они сумѣютъ воздать око за око, зубъ за зубъ, что они будутъ указывать рабочимъ на «политику» всякій разъ, когда правительство будетъ стараться толкать рабочихъ на путь узкой «экономики». Въ этомъ сказалось несомнѣнное сознаніе своей силы. А какъ поступила оффиціальная церковь? Она не посмѣла сказать, что будетъ вмѣстѣ съ представителями другихъ гонимыхъ религій завоевывать права, а стала ходатайствовать объ особой, новой, спеціальной привилегіи для себя.

Но, скажутъ намъ, не всѣ служители церкви стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Намъ, навѣрное, укажутъ на новую партію, именующуюся «христіанскимъ братствомъ борьбы» и ставящую себѣ слѣдующія цѣли: 1) «борьбу съ безбожными проявленіями свѣтской власти», 2) «борьбу съ пассивнымъ состояніемъ въ отношеніи къ государственной власти, вслѣдствіе чего церковь идетъ на служеніе самымъ низменнымъ цѣлямъ и предаетъ дѣло божіе», 3) «утвержденіе въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ принципа христіанской любви».

Значитъ, мы ошибались: въ церкви не все обстоитъ такъ гнило, какъ мы предполагали. Она способна создать партію борьбы. А средство этой борьбы?.. «Принципы христіанской любви»! Какъ будто маловато! «Соціальные принципы христіанства оправдывали древнее рабство, прославляли средневѣковое крѣпостничество и, въ случаѣ

надобности, готовы взять подъ свою защиту и угнетеніе пролетаріата, правда, сдѣлавъ при этомъ печальную мину. Соціальные принципы христіанства проповѣдуютъ необходимость существованія господствующаго и угнетеннаго классовъ, при чемъ въ заботахъ о послѣднемъ, они высказываютъ благочестивое пожеланіе, чтобы первый отличался благотворительностью. Соціальные принципы христіанства переносятъ прекращеніе всѣхъ мерзостей на небо и этимъ самымъ оправдываютъ продолженіе этихъ мерзостей на землѣ. Соціальные принципы христіанства признаютъ всѣ подлости угнетателей по отношенію къ угнетеннымъ или справедливымъ наказаніемъ за первородный грѣхъ и другіе подобные грѣхи, или испытаніями, которыя Господь въ своей безконечной благости ниспосылаетъ на своихъ избранниковъ. Соціальные принципы христіанства проповѣдуютъ трусость, презрѣніе къ самому себѣ, униженіе, покорность, смиреніе, словомъ всѣ качества канальи, а пролетаріатъ, который не хочетъ позволить, чтобы съ нимъ обращались какъ съ канальей, нуждается въ мужествѣ, въ сознаніи собственнаго достоинства, гордости и независимости гораздо больше, чѣмъ въ хлѣбѣ. Соціальные принципы христіанства отличаются лукавствомъ, а пролетаріатъ—революціонностью». Такъ писалъ Марксъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, прибавивъ при этомъ, что, сверхъ этого, «соціальные принципы христіанства за свое восемнадцативѣковое развитіе не совершили ничего путнаго». Врядъ ли кто-нибудь будетъ утверждать, что за послѣдніе 60 лѣтъ что-нибудь въ этомъ отношеніи измѣнилось. А еще менѣе найдется охотниковъ искать этотъ прогрессъ у представителей нашей оффиціальной церкви.

Кольцовъ.

Въ ожиданіи перваго мая.

(18 апр. 1905 г., № 97)

Западно-европейскія газеты переполнены тревожными слухами изъ Россіи, вызванными приближеніемъ праздника пролетаріевъ всѣхъ странъ. На югѣ, будто бы, ждутъ жестокихъ еврейскихъ погромовъ, на сѣверѣ, будто бы, трепещутъ въ ожиданіи разбойничьихъ подвиговъ знаменитыхъ отнынѣ «хулигановъ». Кто распространяетъ эти тревожные слухи?

По всей вѣроятности, то самое правительство, которое, утративъ всякое уваженіе со стороны честныхъ людей всѣхъ партій, заключило нынѣ братскій союзъ съ пролетаріатомъ оборванцевъ, «этимъ пассивнымъ продуктомъ разложенія нынѣшняго порядка вещей». Оно подстрекаетъ его къ нападенію на враговъ абсолютизма. Но, всегда готовые измѣнить всякому союзу, хулиганы, живущіе въ роскошныхъ палатахъ, очень не прочь были бы предать нынѣшнихъ союзниковъ, хулигановъ, ютящихся въ разныхъ вертепахъ, и выступить въ прибыльной роли спасителей общества отъ ихъ разбоевъ. Нѣкоторые простодушные люди, можетъ быть, и кинутся въ объятія правительства, испугавшись страшныхъ слуховъ, имъ же распускаемыхъ въ ожиданіи перваго мая, но такіе люди явятся исключеніемъ изъ общаго правила. Разбойники, украшенные золотымъ шитьемъ, еще больше внушаютъ недовѣрія «обществу», чѣмъ разбойники, одѣтые въ лохмотья, и какъ бы ни были сильны опасенія, вызываемыя въ немъ тревожными слухами, но надо думать, что въ большинствѣ случаевъ оно предпочтетъ обойтись безъ дружескихъ услугъ со стороны правительства.

Нравственная связь между обществомъ и «бюрократіей» нарушена совершенно: всѣ мало-мальски толковые люди понимаютъ теперь, что Россія не дождется ни одной капли добра отъ разбойничьей шайки, присвоившей себѣ право распоряжаться ея судьбами. Это очевидно; но, къ сожалѣнію, не менѣе очевидно и то, что въ борьбѣ съ ненавистной ему «бюрократіей» наше общество ограничивается пока одними словами. У насъ говорятъ теперь чрезвычайно много,—говорятъ на банкетахъ, говорятъ на съѣздахъ, говорятъ на всякаго рода собраніяхъ. И это, разумѣется, очень хорошо, особенно въ виду того, что Россія страшно долго молчала и что рѣчи, раздающіяся въ такомъ изобиліи, отличаются по большей частью весьма возвышеннымъ содержаніемъ. Но этого совсѣмъ еще недостаточно. Если когда-то стѣны іерихонскія пали, по увѣренію Библіи, отъ звука трубъ «юбилейныхъ», то въ наше прозаическое время чудесъ не бываетъ, и твердыня абсолютизма едва ли падетъ вслѣдствіе многочисленныхъ ораторскихъ упражненій нашихъ многочисленныхъ любителей свободы. Чтобы повалить абсолютизмъ, необходима сила, сила же пріобрѣтается не словами, а дѣйствіями. Конечно, въ политикѣ слово имѣетъ очень часто значеніе дѣла, но это бываетъ тогда—и только тогда,—когда говорящій несетъ новую мысль въ новую общественную среду, прежде этой мысли недоступную, и тѣмъ пробуждаетъ политическое сознаніе этой среды. Вотъ если бы наши либеральные и радикальные ораторы «пошли въ народъ», какъ это дѣлали революціонеры семидесятыхъ годовъ и какъ

это дѣлаютъ теперь соціалдемократы; если бы ихъ рѣчи содѣйствовали развитію политическаго сознанія въ народной массѣ, тогда ихъ слово пріобрѣло бы значеніе важнаго историческаго дѣла. Но они предпочитаютъ агитировать «промежъ себя», обращаться къ той интеллигенціи, которая и безъ того уже настроена крайне враждебно по отношенію къ абсолютизму. Поэтому ихъ краснорѣчивыя разсужденія все болѣе принимаютъ характеръ простой забавы. И это чрезвычайно жаль, такъ какъ съ правительствомъ шутки очень плохи. Оно уже много разъ и, какъ нельзя болѣе убѣдительно, показало, что оно не остановится рѣшительно ни передъ чѣмъ въ борьбѣ со своими врагами. Если оно пока еще даетъ какія либо обѣщанія, то исключительно потому, что хочетъ съ ихъ помощью выиграть время и приготовиться къ отпору. Вѣдь оно еще не потеряло надежду на то, что Рождественскій разобьетъ адмирала Того и тѣмъ придастъ новый оборотъ всему ходу нашей войны съ Японіей. И надо говорить прямо: если бы счастье улыбнулось, наконецъ, нашимъ морякамъ на водахъ Тихаго океана, то наши петербургскіе правители тотчасъ же подняли бы голову, а шансы ихъ торжества надъ освободительнымъ движеніемъ въ Россіи немедленно же увеличились бы въ значительной степени. Въ томъ-то и заключается глубокій трагизмъ нынѣшнаго положенія всѣхъ россіянъ, одѣтыхъ въ военные мундиры, что теперь для нихъ побѣдить «непріятеля» значитъ нанести пораженіе своему собственному отечеству. Изъ этого глубоко трагическаго положенія есть для нихъ только одинъ выходъ: обратить противъ правительства то, что куплено трудомъ и потомъ народа. И, конечно, нынѣшняя война откроетъ глаза большому числу ея участниковъ: можно съ увѣренностью сказать, что изъ ихъ среды выйдетъ не мало революціонеровъ. Но какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію то обстоятельство, что физическая сила до сихъ поръ на сторонѣ правительства, и что это правительство въ подходящій моментъ не побоится прибѣгнуть къ физической силѣ. Говорятъ, что физическая сила не уничтожитъ идеи: «идея на штыки не уловляется». Это весьма старая истина. Но практическое значеніе этой убѣленной сѣдинами истины сводится къ нулю тою, не менѣе старой, хотя, можетъ быть, и менѣе почтенной истиной, что на штыки съ большимъ удобствомъ уловляются люди, увлеченные идеей, а это все, что нужно правительствующимъ хулиганамъ. Великія историческія идеи побѣждали только тогда, когда на защиту ихъ сторонниковъ противъ физической силы «охранителей» поднималась физическая сила народной массы.

Въ виду этого, весьма естественно спросить себя: что же сдѣлали наши либералы и наши демократы для того, чтобы воодушевить народныя массы идеей политической свободы? На этотъ вопросъ всякій безпристрастный человѣкъ отвѣтитъ: крайне мало. И только потому, что наши либералы и демократы сдѣлали въ этомъ отношеніи крайне мало, наше «общество» могло быть встревожено слухами о томъ, что хулиганы готовятся по своему отпраздновать день перваго мая. Какъ бы ни были многочисленны эти несчастные, они—полнѣйшее ничто въ сравненіи съ трудящимся населеніемъ Россіи, и этому населенію достаточно шевельнуться, достаточно нахмуриться, чтобы положить конецъ ихъ безчинствамъ. Ясно, стало быть, что къ нему и надо апеллировать противъ этихъ безчинствъ. Но наши либералы и демократы не только не апеллируютъ къ нему въ подобныхъ случаяхъ, но боятся подчасъ нѣкоторыхъ его классовъ не меньше, чѣмъ самихъ хулигановъ.

Еще совсѣмъ недавно либеральныя «Новости» выражали страхъ передъ «черными сотнями», къ которымъ, по ихъ словамъ, принадлежитъ классъ городскихъ ремесленниковъ. Но что же такое городскіе ремесленники, если не составная часть нашей мелкой буржуазіи, т. е. того самаго класса, идеологами котораго служатъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ, наши краснорѣчивые демократы? Почему же демократы до сихъ поръ не обратили вниманія на ремесленниковъ? Почему они не позаботились о томъ, чтобы повліять на ихъ образъ мысли? Почему они не дали себѣ труда показать имъ, какъ много выиграютъ они отъ паденія абсолютизма? Почему они предоставили правительству вербовать ремесленниковъ въ «черную сотню» и не постарались завербовать ихъ въ армію политической свободы? Скажутъ, пожалуй, что трудно сдѣлать это. Мы спорить и прекословить не станемъ. Пусть будетъ очень трудно. Дѣло революціонной борьбы, дѣло завоеванія политической свободы вообще очень трудное дѣло, а сдѣлать его все-таки надо, и потому оно должно быть сдѣлано.

А крестьянство? Теперь, съ началомъ холерной эпидеміи, въ нашей печати все чаще и чаще раздаются голоса, грозящіе намъ повтореніемъ печальной памяти холерныхъ бунтовъ въ Поволжьи. И надо замѣтить, что теперь такое движеніе было бы гораздо опаснѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, потому что агенты правительства постарались бы осложнить его травлей на оппозиціонную интеллигенцію. Но и здѣсь самъ собой возникаетъ неизбѣжный вопросъ: что сдѣлано нашими либералами и демократами, чтобы обезпечить себѣ политическое довѣріе крестьянства? И опять приходится давать на него грустно звучащій

отвѣтъ: крайне мало. Между тѣмъ, сдѣлать надо много, очень много. Надо показать крестьянству, что злѣйшіе враги его находятся именно въ рядахъ охранителей, что оно очень много выиграетъ отъ паденія абсолютизма. Надо убѣдить его въ томъ, что сочувствіе къ нему существуетъ только въ рядахъ противниковъ нынѣшняго порядка. А для этого надо умѣть поддержать его въ его собственномъ движеніи, направляющемся прежде всего противъ источниковъ хронической нищеты, свившей себѣ такое прочное гнѣздо въ деревнѣ. Пусть только оппозиціонная «интеллигенція» поддержитъ начинающееся движеніе крестьянства, и тогда ей нечего будетъ опасаться никакихъ холерныхъ бунтовъ.

Повторяемъ, намъ очень хорошо извѣстно, что сдѣлать все это несравненно труднѣе, чѣмъ произнести на какомъ-нибудь съѣздѣ или банкетѣ рѣчь на тему о правахъ человѣка и гражданина. Но другого выхода нѣтъ и не будетъ. Серьезная борьба всегда требуетъ серьезныхъ усилій, а серьезными усиліями преодолѣваются даже очень серьезныя трудности. Посмотрите на соціалдемократовъ, которыхъ такъ часто обвиняютъ въ «квіетизмѣ». Когда они рѣшили на свой ладъ повторить практиковавшееся революціонерами семидесятыхъ годовъ «хожденіе въ народъ», когда они принимались за пропаганду и агитацію въ средѣ пролетаріата, ихъ со всѣхъ сторонъ окружали, повидимому, непреодолимыя трудности. И эти трудности на ихъ пути ставила не одна только полиція. Нѣтъ, ихъ дѣло страшно затруднялось также народолюбивымъ усердіемъ тогдашней интеллигенціи, которая съ пѣною у рта и «цифрами» въ рукахъ доказывала имъ, что, благодаря выгодамъ своего самобытнаго экономическаго развитія, Россія избавлена отъ «язвы пролетаріата» и что, вслѣдствіе этого, возлагать свои надежды на пролетаріевъ могутъ лишь жалкіе педанты, совершенно сбитые съ толку нѣмецкими книжками и позабывшіе о томъ, что мы—не нѣмцы. Но жалкіе педанты упорно шли своей новой дорогой, не смущаясь ни постоянными преслѣдованіями со стороны правительства, ни непрерывными насмѣшками со стороны «интеллигенціи», и теперь могутъ похвалиться уже немалымъ успѣхомъ: классъ, появленія котораго народническая интеллигенція боялась, какъ «язвы», оказался самымъ передовымъ и самымъ надежнымъ носителемъ революціонной идеи въ Россіи. Лассаль сказалъ на своемъ сильномъ и образномъ языкѣ, что пролетаріатъ есть тотъ камень, на которомъ будетъ воздвигнута церковь будущаго. Подъ церковью будущаго онъ понималъ соціализмъ. Въ Россіи можно сказать, что зданіе политической свободы тоже будетъ основано, главнымъ образомъ, на

томъ камнѣ, который называется пролетаріатомъ. Но пролетаріату нужна поддержка со стороны другихъ классовъ, трудящагося населенія, и съ этой стороны немалую пользу могли бы принести ему наши демократы и даже наши либералы, которые такъ любятъ свободу и такъ далеки еще отъ народной массы.

Господа, красным ъ батальонамъ не страшны черныя сотни! Поддержите же эти батальоны, помогите ихъ мобилизаціи. Они освободятъ отъ позорнаго ига деспотизма и свой собственный классъ, и всю Россію...

Правительство хорошо понимаетъ, какъ опасно для него рабочее движеніе, и потому, въ ожиданіи перваго мая, оно, съ одной стороны, пугаетъ «общество» хулиганами, а съ другой дѣятельно готовится къ подавленію рабочихъ демонстрацій. Что-то будетъ? Отложитъ ли нашъ пролетаріатъ свои демонстраціи до перваго мая стараго стиля или теперь же выйдетъ на улицу? И ограничится ли онъ однѣми демонстраціями или, доведенный до крайности безчисленными и нестерпимыми мученіями только что пережитой зимы, онъ вступитъ съ правительствомъ въ тотъ отчаянный бой, котораго ему не миновать въ борьбѣ за политическую свободу, но къ которому онъ, къ сожалѣнію, еще недостаточно подготовленъ? Вотъ вопросы, которыхъ нельзя не признать теперь важнѣйшими вопросами нашей внутренней жизни.

И не однихъ насъ они волнуютъ. Жгучій интересъ къ нимъ раздѣляетъ съ нами вся международная соціалдемократія.

Всѣ члены нашей рабочей арміи должны стоять теперь на своихъ мѣстахъ, и горе тѣмъ, которые добровольно покинутъ ихъ въ эту критическую минуту.

Г. Плехановъ.

Первая кровь въ майскіе дни.

(23-го апрѣля 1905 г., № 98).

Снова потоками льется кровь польскихъ пролетаріевъ... Въ «пасхальную» недѣлю русская армія день за днемъ стрѣляетъ въ рабочихъ на улицахъ Ченстохова, Варшавы, Лодзи, Калиша, покрывая неизгладимымъ пятномъ свои военные мундиры. Новая эра «благоволенія» къ буржуазной Польшѣ должна была ознаменоваться новыми убійствами революціонныхъ польскихъ пролетаріевъ.

Убитыхъ уже теперь около 100 человѣкъ. Новыми всеобщими стачками отвѣчаетъ пролетаріатъ Польши на эти звѣрства, снова показывая міру, какая неистощимая отвага, какая неизсякаемая энергія таится въ немъ. Двухъ мѣсяцевъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ стала заканчиваться полумилліонная стачка, начатая польскимъ рабочимъ въ январѣ и стоившая ему, кромѣ массы лишеній, никѣмъ не подсчитаннаго въ точности количества убитыхъ. Еще не зажили недавнія раны, еще не сказано послѣднее слово безстыднаго звѣрства военныхъ судовъ надъ участниками январьской борьбы—и стоило только наступить великому майскому дню, чтобы улицы польскихъ городовъ украсились красными знаменами, наполнились тысячными толпами демонстрантовъ. И стоило только раздаться первымъ выстрѣламъ, чтобы могучій левъ—польскій пролетаріатъ—снова воспрянулъ, готовый снова сразиться съ врагомъ, снова проливать свою кровь.

Кровь пролилась, она будетъ еще литься въ эти дни. Такъ хочетъ проклятая судьба, поставившая революціоннѣйшую часть пролетаріата Россіи въ условія господства постояннаго военнаго положенія въ ея родинѣ. Болѣе, чѣмъ какая либо другая часть народовъ Россіи, польскіе рабочіе могутъ о себѣ сказать, что они заслужили право на достойную великаго народа политическую свободу.

Застрѣльщики «майской кампаніи», польскіе товарищи имѣютъ право разсчитывать на то, что вся пролетарская Россія отзовется на примѣръ, данный ими, повсюду организовавъ въ майскіе дни ту или иную революціонную манифестацію. Стрѣляя въ мирно шествовавшихъ варшавскихъ рабочихъ, правительство бросило наглый вызовъ всему россійскому пролетаріату, которому оно оффиціально грозило заранѣе самымъ жестокимъ подавленіемъ всякой попытки къ борьбѣ подъ майскимъ знаменемъ. Пусть же въ отвѣтъ отъ всей рабочей Россіи

на свой вызовъ правительство услышитъ новое подтвержденіе готовности пролетаріата снести съ лица земли всѣ препятствія къ свободной борьбѣ.

Л. Мартовъ.

Правительственное попеченіе о крестьянахъ.

(23-го апрѣля 1905 г., № 98.)

Русское правительство недовольно недостаточно быстрымъ и недостаточно бурнымъ развитіемъ русской революціи. Этотъ выводъ напрашивается самъ собой при сопоставленіи различныхъ проявленій его государственной мудрости.

Въ отвѣтъ на волненіе рабочаго класса и городской буржуазіи, требующихъ политической свободы, указъ 12 декабря провозглашаетъ реформу, имѣющую цѣлью поднять положеніе крестьянства. Правительство надѣется противопоставить непримиримо-враждебному отношенію къ нему городского пролетаріата и буржуазіи благожелательно-выжидающее отношеніе крестьянства. Не безъ содѣйствія земскихъ начальниковъ, изъ крестьянства выбиваются десятки благодарственныхъ адресовъ. Но наступаютъ январьскіе дни. Городская революція подняла свои волны на недосягаемую еще высоту. Теперь мало уже «нейтрализовать» деревню, ее надо мобилизовать противъ города. Аппаратъ полицейской провокаціи пущенъ въ ходъ. Средства ея ограничены, методы воздѣйствія—первобытны. Поднять мужика въ защиту голаго принципа православія и самодержавія—выше ея скудныхъ силъ. Убогой идеями, ей приходится идти по линіи наименьшаго сопротивленія, то есть, въ концѣ концовъ, по той линіи, на которой реакціонные предразсудки мужика соприкасаются съ его примитивно-революціонными инстинктами. Свой лозунгъ: «бей интеллигента, соціалиста, земца, либерала», она вынуждена перевести на понятный болѣе отсталымъ слоямъ крестьянства языкъ: «бей барина!» Задаваясь цѣлью натравливать деревенскую сермягу на городской пиджакъ, она вынуждена въ свою демагогическую агитацію вплести мотивы соціальной борьбы

*

между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ. Спекулируя на политическую темноту и реакціонность крестьянства, она разжигаетъ его соціальное недовольство—вѣчный источникъ политическаго просвѣщенія и революціонизированія. Начавъ съ попытки помѣшать проникнуть революціонной заразѣ въ деревню, правительство само заноситъ ее туда. Зловѣщее «слишкомъ поздно!» раздается, по обыкновенію, въ отвѣтъ на новыя политическія авантюры разлагающагося режима.

Слишкомъ поздно! Прежде, чѣмъ полицейскіе демагоги успѣли сорганизовать «безпорядки» въ полдюжинѣ уѣздовъ, самостоятельно начались «безпорядки» въ десяткахъ мѣстностей. Одно уже это обстоятельство разрушаетъ дьявольскій умыселъ. Кишиневъ и Баку въ видѣ «примѣрныхъ сраженій» могутъ, по замыслу правительства, пригодиться въ его «внутренней политикѣ»; но «всероссійскій Кишиневъ», но повсемѣстная гражданская война, даже подъ реакціоннымъ знаменемъ, прежде всего дезорганизуетъ его собственныя силы, уничтожаетъ кредитъ, разливаетъ панику въ окружающихъ его общественныхъ слояхъ, деморализуетъ его собственный бюрократическій механизмъ и, въ концѣ концовъ, лишаетъ всякой возможности направлять имъ же разнузданную стихію. Централизованный бюрократическій аппаратъ еще можетъ, по указанію свыше, разлить по странѣ анархію, онъ уже давно неспособенъ служить цѣли организаціи какого бы то ни было общественнаго движенія. И если локализованные общественные «бунты» могли пригодиться для цѣли устрашенія буржуазной оппозиціи, то всеобщее крестьянское возстаніе, каждый часъ грозящее освободиться отъ налипшей на немъ реакціонной политической программы, имѣетъ ближайшимъ послѣдствіемъ такое напряженіе репрессивной энергіи, которое одно можетъ обезсилить абсолютизмъ до полнаго истощенія.

Слишкомъ поздно! Въ атмосферѣ начала революціи «вандейское» движеніе быстро идетъ къ превращенію въ движеніе противъ всѣхъ Бастилій. Тѣмъ болѣе ясна эта опасность, чѣмъ рѣшительнѣе на окраинахъ, облегающихъ громадное тѣло черноземной Руси, формируется организованное и сознательное революціонное движеніе крестьянской бѣдноты. Разгорается руководимое соціалдемократами крестьянское движеніе въ Гуріи и распространяется на весь Кавказъ. Организованная и политически сознательная борьба польскихъ и латышскихъ батраковъ и арендаторовъ указываетъ сельскому населенію сосѣднихъ областей тотъ путь, на которомъ оно рѣшительно разойдется съ абсолютизмомъ. Уже въ юго-западныхъ губерніяхъ начинаются массовыя стачки и бойкоты. Если русскій черноземъ пока еще

же идетъ дальше разгрома усадебъ, передѣла полей и сожженія сахарныхъ заводовъ—этихъ символовъ капитализаціи аграрныхъ отношеній, —то кто можетъ поручиться реакціонерамъ за завтрашній день? Кто можетъ дать имъ какую-нибудь гарантію, когда они видятъ, что въ крестьянствѣ зрѣетъ политическое недовольство, когда они чувствуютъ, что оппозиціонное и революціонное вліяніе города пробиваютъ бреши въ толщѣ крестьянскаго индиферентизма, когда они замѣчаютъ, что и съ буржуазнаго и съ пролетарскаго конца городского движенія въ деревню идутъ какія-то нити, по которымъ хоть отчасти переливается въ нее пониманіе «городскихъ» программъ, сочувствіе городскимъ лозунгамъ? Правда, въ данный моментъ крестьянское стихійное возстаніе идетъ еще въ сторонѣ, повидимому, отъ этихъ слабо пробивающихся струй демократическаго и соціалистическаго броженія деревни, но долго ли еще продлится такое движеніе?

Подъ напоромъ крестьянскихъ «бунтовъ», подстегиваемые полицейской провокаціей, крайніе элементы буржуазной демократіи спѣшатъ формулировать аграрную программу, которая бы могла сдѣлать ихъ борьбу популярной въ глазахъ подымающагося крестьянства.

Хотя и очень плохо и очень нерѣшительно, демократическая оппозиція пытается, такимъ образомъ, повернуть противъ правительства, приставленное имъ къ ея груди оружіе. Въ то же время наиболѣе умѣренные изъ оппозиціонныхъ элементовъ, связанные съ землевладѣніемъ, спѣшатъ построить абсолютизму золотой мостъ для отступленія. За прекращеніе полицейской демагогіи они сулятъ отказъ отъ конституціоналистскихъ требованій. Покинутый всѣмъ міромъ, абсолютизмъ вновь пріобрѣтаетъ, хотя и небезкорыстныхъ, союзниковъ. Повернувшееся къ нему въ дни недавней «весны» своей либеральной стороной, всероссійское дворянство начинаетъ оборачиваться къ нему теперь стороной реакціонной. Надо ловить моментъ и спѣшить закрѣпить скорѣе начинающееся сближеніе. Надо бить отбой и, посуливъ крестьянину праздничнаго «благодѣтеля», надѣляющаго его барской землей, вновь показать ему исконное правительство сѣрыхъ будней, охраняющее «неприкосновенность частной собственности».

Указъ, учреждающій мѣстныя комиссіи для опредѣленія убытковъ, понесенныхъ помѣщиками отъ крестьянскихъ безпорядковъ и взысканія этихъ убытковъ съ крестьянъ, заканчиваетъ короткій періодъ новомодной игры въ «народную политику». Еще разъ правительство подписало себѣ свидѣтельство безнадежнаго банкротства. Выступая рѣшительно противъ поощрявшагося имъ же подъ сурдинку крестьянскаго движенія, оно одновременно разрушаетъ иллюзію «мужицкаго прави-

тельства» въ головахъ крестьянъ и—иллюзію «правового абсолютизма» въ головахъ тѣхъ самыхъ «націоналъ-прогрессистовъ», ради которыхъ оно разрываетъ съ крестьянствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ: нужна ли еще лучшая иллюстрація реакціонности всякихъ фантазій о совмѣстимости европейской политической свободы съ сохраненімъ азіатской деспотіи, чѣмъ этотъ новый актъ «правосудія»?

Внѣ всякаго суда крестьянство цѣлой мѣстности подвергается взысканію военной контрибуціи въ пользу «благороднаго сословія». Убытки опредѣляются комиссіей изъ чиновниковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ. Упраздненная круговая порука возстановляется. Обѣщаніе объ уравненіи крестьянскаго сословія въ гражданскихъ правахъ грубо нарушается отдачей крестьянскаго имущества въ зависимость рѣшеній чиновно-помѣщичьихъ комиссій. Провозвѣщенное «охраненіе полной силы закона» звучитъ насмѣшкой. Только что—въ рескриптѣ Горемыкину—сказанныя слова о необходимости помочь пошатнувшемуся крестьянскому хозяйству реализуются въ указѣ, предписывающемъ добивать это убогое хозяйство. И «зрѣлыя общественныя силы», взывающія къ монархіи о союзѣ съ ними для охраны «порядка», должны (даже устами «Новаго Времени») констатировать, что все, что можетъ имъ предложить правительство, исчерпывается грубымъ насиліемъ и полнымъ произволомъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда на правительство явился спросъ, какъ на регулятора разнуздавшейся гражданской войны, оно оказалось способно выступить только въ роли башибузука, открыто отдающаго свою грубую силу на служеніе одной сторонѣ и тѣмъ самымъ еще пуще разжигающаго эту войну. Для другой роли у него нѣтъ уже никакихъ средствъ. И обернувшійся лицомъ къ бюрократическому идолу дворянинъ-помѣщикъ видитъ въ его полированной поверхности свои собственныя черты, искаженныя бѣшенствомъ ущемленнаго собственника, столь далекія отъ того европейскаго облика «перваго сословія» въ облагороженномъ «реформами» государствѣ, который рисовался при созданіи либерально-монархическихъ программъ.

Захочетъ ли помѣстное дворянство признать себя въ этомъ портретѣ? Приметъ ли оно участіе въ «комиссіи по дѣламъ крестьянскаго разоренія», куда правительство не безъ хитраго разсчета приглашаетъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей? Промолчитъ ли оно на своихъ съѣздахъ о новомъ вопіющемъ насиліи надъ крестьянской массой, о новой гнусной насмѣшкѣ надъ элементарнымъ понятіемъ права и

законности? Станетъ ли оно соучастникомъ правительства въ его походѣ на крестьянство?

Какъ бы ни отвѣтила дѣйствительность на этотъ вопросъ, теперь уже ясно, что время двусмысленныхъ политическихъ позицій миновало для умѣренно-либеральныхъ элементовъ оппозиціи. Стихійное крестьянское движеніе продолжаетъ то, что начало сознательное движеніе пролетаріата—вырываетъ все болѣе глубокую пропасть между консервативными и «разрушительными» силами русской дѣйствительности. Или современный режимъ во всей его азіатской красѣ, или революція,—другого выхода нѣтъ. Но революція, низвергающая старый политическій порядокъ, немыслима при сохраненіи соціальнаго statu quo.

Незыблемость аграрныхъ отношеній, завѣщанныхъ крѣпостнымъ правомъ, является чистой утопіей для того, кто не желаетъ укрѣплять падающій режимъ. Близорукіе фанатики кастовыхъ интересовъ могутъ не замѣчать этого. Буржуазное общество въ цѣломъ должно понять это, если не хочетъ проиграть свое собственное дѣло.

Чѣмъ рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе поведетъ рабочая партія свою революціонную работу въ деревнѣ, тѣмъ скорѣе буржуазное общество пойметъ положеніе дѣлъ, тѣмъ радикальнѣе будетъ та аграрная революція, которую оно должно будетъ поддержать.

Л. Мартовъ.

Захватное право.

(23 апр. 1904 г., № 98).

Послѣ девятаго января кануны дней, имѣющихъ особое историческое значеніе въ глазахъ широкихъ массъ народа, становятся днями «реформъ», или, вѣрнѣе, обѣщаній реформъ.

Наканунѣ годовщины освобожденія крестьянъ, 18-го февраля было обѣщано рескриптомъ народное представительство и дано указомъ такъ называемое право «петицій», или открытаго заявленія пожеланій по части организаціи этого представительства. Наканунѣ 18-го апрѣля (1-го мая), дня всемірнаго праздника рабочихъ, возвѣ-

щены реформы въ вѣроисповѣдной области и кое-какія льготы крестьянамъ по части сложенія недоимокъ. На всѣхъ этихъ правительственныхъ обѣщаніяхъ, уже при самомъ рожденіи ихъ, лежитъ печать двоедушія, изыскивающаго одновременно съ обѣщаніемъ и «наиудобнѣйшіе пути» къ его нарушенію. И само собой разумѣется, что, лишь только проходитъ опасный день, какъ обѣщаніе откладывается въ дальній ящикъ.

«Народное представительство» и по сей день еще находится въ стадіи «собиранія матеріаловъ», а что касается пресловутаго права «петицій», то циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го апрѣля ставитъ тѣ точки надъ і, которыхъ благодушные люди могли не замѣтить въ указѣ отъ 18-го февраля. Великій визирь разъясняетъ: не допускается «разсмотрѣніе вопросовъ, по содержанію своему не соотвѣтствующихъ предуказаннымъ съ высоты престола преобразованіямъ». Это разъ. А во вторыхъ, обсужденіе «видовъ и предположеній» въ собраніяхъ разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, «если не будетъ усмотрѣна опасность возможныхъ вслѣдствіе сего нарушеній общей тишины и спокойствія». Словомъ, министръ объясняетъ, что, «не препятствуя» и пр., слѣдуетъ все же принять къ «непремѣнному руководству» старинное и мудрое правило отечественной конституціи, что «ежели ты ничего не сдѣлаешь, то тебѣ ничего за это и не будетъ», но въ случаѣ чего... правительство намѣрено «распорядиться». Если-бы у правительства сохранялась прежняя возможность «распорядительства», то, конечно, всѣ тѣ резолюціи, постановленія, ходатайства, заявленія и пр. и пр., которыя теперь сыпятся какъ изъ рога изобилія, должны были бы отойти въ область преданій о прекрасной, но мимолетной веснѣ. Но силы абсолютизма слишкомъ поглощены расправой съ заявляющими свои требованія народными массами, чтобы оно могло услѣдить и во время принять необходимыя мѣры «пресѣченія» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обсужденіе «видовъ и предположеній» исходитъ изъ «привилегированныхъ» слоевъ общества. Водворяется своего рода «захватное право» собраній, слова, союзовъ, печати. Мы, конечно, можемъ только радоваться тому что «общество», хотя и съ недостаточной на нашъ взглядъ энергіей, пользуется этимъ «правомъ» и вырываетъ у хищника его добычу. Но не мѣшаетъ помнить о томъ, что только потоки крови, проливаемые въ открытой борьбѣ народомъ, составляютъ основу этой своеобразной неписанной «конституціи». А въ такомъ случаѣ, пожалуй, не слѣдовало-бы, подобно г. Струве (Осв. № 68), презрительнымъ движеніемъ руки отметать «жуткія предчувствія катастрофъ» и «рѣшать

отрицательно» вопросъ о «пригодности или цѣлесообразности боевого натиска въ данный моментъ». Если то, что происходило послѣ 9-го января чуть не по всѣмъ пунктамъ скопленія рабочихъ, то, что происходитъ на Кавказѣ, и то, что произошло и происходитъ въ Польшѣ, а также событія въ деревняхъ—не есть уже начинающійся натискъ, то было-бы любопытно послушать, въ какомъ-же видѣ представляетъ себѣ ходъ натиска г. Струве, съ изумительной смѣлостью утверждающій, будто партіей соціалдемократовъ «всецѣло владѣетъ идея вооруженнаго сопротивленія и матеріальной (курсивъ «Освобожденія») его подготовки».

Нѣтъ, г. Струве, пора понять, что только наличность уже начинающагося натиска въ «данный моментъ» и даетъ вамъ и вашимъ единомышленникамъ возможность переходить изъ «созерцательнаго» настроенія въ «дѣйственное»...

Ф. Данъ.

Наканунѣ.

(1905 г., № 99).

Быстро летятъ навстрѣчу другъ другу эскадры Рождественскаго и Того; началось уже снова побоише въ Манджуріи; быть можетъ, недалекъ день, когда свершится окончательный приговоръ надъ военными авантюрами абсолютизма. А въ то же время глаза всего міра прикованы къ русскимъ городамъ и, прежде всего, къ Петербургу, гдѣ сознательный пролетаріатъ готовится въ день 1-го мая открыто выступить, подъ краснымъ знаменемъ соціалдемократіи... Силы исторической стихіи и силы пролетарскаго сознанія соединились, чтобы яркими чертами отмѣтить начало мая въ исторіи русской революціи...

Геройскій пролетаріатъ Польши первый вышелъ на поле брани, и съ 18 апрѣля не прекращается его кровавая борьба, то разсыпающаяся рядомъ мелкихъ партизанскихъ стычекъ, то снова вспыхивающая яркимъ пламенемъ массоваго протеста. Грандіозной манифеста-

ціей почтили варшавскіе рабочіе своихъ павшихъ братьевъ. «Проводимъ ихъ въ могилу такъ, какъ не провожали ни одного изъ царей», писалъ въ своей прокламаціи варшавскій к-тъ С. Д. П. и Л. Рабочіе откликнулись на его призывъ, и замерла въ день похоронъ вся жизнь огромнаго города. Стали фабрики и заводы, закрылись магазины, прекратилось движеніе трамваевъ и извощиковъ. Грознымъ крикомъ протеста звучало это траурное молчаніе городской жизни надъ гробомъ женщинъ и дѣтей, павшихъ жертвою послѣднихъ дней издыхающаго режима. Какъ бы нарочно для того, чтобы усилить чувство омерзѣнія, на женщинъ и дѣтей направились, прежде всего, пули и штыки озвѣрѣлыхъ правительственныхъ слугъ: всего 11 мужчинъ старше 20 лѣтъ оказалось въ числѣ тѣхъ 54 жертвъ, о которыхъ само правительство дало оффиціальныя свѣдѣнія.

Приближаются дни, когда пролетаріатъ всей Россіи выступитъ на тотъ же путь, по которому уже 13 тяжелыхъ дней идутъ его польскіе братья. Но правительство не могло дождаться этихъ страшныхъ для него дней и само перешло въ наступленіе. Уже давно организовались и мобилизовались его силы. Въ статьяхъ правительственныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и подкупленныхъ газетъ, въ сотняхъ тысячъ прокламацій, въ «патріотическихъ» обществахъ, съ церковной каѳедры велась неустанная агитація, будились всѣ темные инстинкты и всѣ слѣпыя силы, мобилизовалась черная рать восточной деспотіи противъ грядущей свободной демократіи.

И вотъ снова начались еврейскіе погромы. Незачѣмъ тратить двухъ словъ для доказательства, что эти погромы ничто иное, какъ наступленіе абсолютизма на революцію. Реакція сама позаботилась о томъ, чтобы разъяснить всѣмъ и каждому, что «бей жидовъ» значитъ ничто иное, какъ «да здравствуетъ самодержавіе». Абсолютизмъ ускорилъ наступленіе, чтобы застать революцію неподготовленной. Онъ забылъ, что революція «готовится» въ самомъ ходѣ своемъ. Ему скоро придется убѣдиться, что другого «наступленія», кромѣ Куропаткинскаго, для него быть уже не можетъ. Да и первые эпизоды этой «наступательной» войны достаточно ясно доказываютъ это.

Правительство оказалось уже слишкомъ слабымъ, чтобы начать свое наступленіе, даже въ наиболѣе выгодной для него, замаскированной формѣ еврейскихъ погромовъ, въ пунктахъ, наиболѣе занятыхъ революціею. Ему пришлось начать съ Мелитополя и идти въ Житоміръ. Оно не осмѣливается напасть на революцію съ фронта и думаетъ побѣдить ее отраженнымъ вліяніемъ своихъ обходныхъ движеній. Но и тамъ, гдѣ «божьею милостью» удалось подвинуть темную

рать на доблестные подвиги во славу деспотизма, и тамъ не совсѣмъ благополучно сошли для правительства его походы. Еще неизвѣстно, чѣмъ кончилась ужасная житомірская драма. Но уже извѣстно, что не безоружную, охваченную паническимъ страхомъ, толпу евреевъ встрѣтили передъ собою башибузуки. Они встрѣтили вооруженнаго врага, готоваго на насиліе отвѣтить силой. Погромъ превратился въ «бой» двухъ сторонъ, и именно о «боѣ» говорятъ лаконическія телеграммы изъ Житоміра. А въ Мелитополѣ, о которомъ теперь имѣются уже полныя свѣдѣнія, хулиганы, натравленные полиціей, встрѣтивъ вооруженный отпоръ, стали, въ концѣ концовъ, бить сами полицію. Теперь пришло извѣстіе о новомъ подвигѣ полиціи: она подожгла фабричное село Смоленское подъ самымъ Петербургомъ, ея агенты испортили пожарныя машины и имѣли дерзость и наглость звать рабочихъ воспользоваться суматохой и начать погромъ фабрикъ и частныхъ домовъ. Если это была «пробная мобилизація» для Петербурга, то правительству пришлось убѣдиться, что тутъ пѣсенка его спѣта...

Таково положеніе силъ реакціи... А въ это время снова бурно вздымается волна забастовокъ, въ которыхъ организуются и сплачиваются рабочіе всей Россіи. Револьверныя пули свистятъ, и каждый день нѣсколько слугъ правительства падаютъ подъ ударами мстителей. Бомба, брошенная въ ряды солдатъ въ Варшавѣ, показала, что польскіе организованные рабочіе готовы пустить въ ходъ новое грозное оружіе противъ насилія; и правительство знаетъ, что организованные рабочіе русскихъ городовъ не отстанутъ въ этомъ отношеніи отъ польскихъ товарищей. Крестьянское движеніе все разростается, Гурія охвачена возстаніемъ, которое готово перекинуться на весь Кавказъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, все чаще и чаще приходятъ вѣсти о колебаніяхъ солдатъ, о готовности ихъ встать на сторону народа... Рѣшеніе союза инженеровъ поддержать рабочихъ въ день 1-го мая показываетъ, насколько близокъ часъ побѣды народа, насколько великъ охватывающій рабочую среду и перелившійся въ соприкасающіеся съ нею слои общества подъемъ революціоннаго чувства и энергіи...

Въ такой обстановкѣ придется россійскому пролетаріату встрѣчать день 1-го мая. Правительство начало погромы и открыло гражданскую войну. Теперь наступленіе переходитъ въ руки революціи. День классоваго праздника рабочихъ станетъ, быть можетъ, исходнымъ пунктомъ послѣдняго натиска на абсолютизмъ, какъ все классовое

движеніе пролетаріата стало исходнымъ пунктомъ русской революціи. Во всякомъ случаѣ мы наканунѣ крупныхъ событій...

Ф. Данъ.

Перво-майскіе успѣхъ и неудачи.

(15-го мая 1905 г., № 100).

Сбылись ли ожиданія, которыя связались въ этомъ году съ представленіемъ о первомъ мая у большинства русскихъ гражданъ?

И да, и нѣтъ. Да—поскольку повсемѣстное празднованіе «маевки» въ той или иной формѣ, вопреки всѣмъ военно-полицейскимъ мѣрамъ, показало передовой слой пролетаріата готовымъ выполнить свой долгъ по призыву партіи. Да—поскольку сотни тысячъ пролетаріевъ воспользовались майской агитаціей, чтобы возобновить прерванное въ февралѣ то великое стачечное движеніе, политическое и соціально-революціонное значеніе котораго трудно переоцѣнить. Нѣтъ—поскольку, въ общемъ и цѣломъ, планомѣрныя политическія дѣйствія партіи и стихійное движеніе широкихъ пролетарскихъ массъ не слились съ самаго начала, въ исходныхъ своихъ пунктахъ, поскольку рабочая масса «готовилась» къ первому мая сама по себѣ, организованные рабочіе—сами по себѣ; поскольку, поэтому, майскія манифестаціи въ той или иной формѣ, избранной организаціями, прошли почти вездѣ безъ участія той самой массы, которая черезъ день-другой по-своему, въ стачкахъ, манифестировала свою готовность вести борьбу со своими врагами.

Почти вездѣ, гдѣ были устроены манифестаціи—въ Петербургѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ—на сборные пункты явились почти только организованные. Въ этомъ смыслѣ партія потерпѣла неудачу. Особенно ощутительна она въ Петербургѣ, гдѣ съ невиданнымъ до тѣхъ поръ размахомъ партія вела предмайскую агитацію, гдѣ эта агитація, опираясь на предыдущую работу соціалдемократіи, наполнила собою всю общественную жизнь столицы за время, предшествовавшее пролетарскому празднику.

Петербургская неудача вызвала на первыхъ порахъ сильное разочарованіе въ средѣ соціалдемократовъ. Контрастъ между затраченной энергіей и полученными результатами былъ слишкомъ великъ, чтобы не вызвать извѣстнаго упадка духа. Но, въ концѣ концовъ, петербуржцы «переварили» свою неудачу, изслѣдовали ея причины и извлекли изъ нея, какъ ниже увидитъ читатель, въ высшей степени полезный для всей партіи политическій урокъ.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ урокѣ, мы должны коснуться одного интереснаго эпизода, который косвенно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на «мораль» майской неудачи. Мы имѣемъ въ виду ту идейную борьбу, которую пришлось пережить нашей петербургской Группѣ во время предмайской агитаціи.

Разсматривая послѣднюю, какъ прямое продолженіе такъ удачно проведенной ею «избирательной» кампаніи по поводу комиссіи Шидловскаго, Группа, какъ извѣстно, намѣтила планъ майскаго выступленія въ рядѣ массовыхъ митинговъ съ отпоромъ, въ случаѣ нападенія полицейскихъ полчищъ. Цѣлая серія импровизированныхъ митинговъ въ теченіе предмайскаго періода должна была подготовить массу къ этому политическому акту.

Противъ плана Группы выступили какъ Петербургскій комитетъ, такъ и бюро бывшаго Ц. К. партіи. Чтобы исчерпать списокъ недовольныхъ планомъ группы, надо упомянуть о Петербургскомъ Комитетѣ «партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

Въ своемъ письмѣ бюро Ц. К. [1]) развиваетъ слѣдующую мысль.

«Послѣ января и всего того, что за нимъ слѣдовало, въ Петербургѣ не можетъ имѣть мѣста общая, заранѣе подготовленная, организованная, предварительно оповѣщенная демонстрація, какъ таковая, да еще съ заранѣе обѣщаннымъ отпоромъ... Это, въ полномъ смыслѣ

1) Надо замѣтить, что въ этомъ письмѣ «бюро» изложило планъ группы на основаніи «нѣсколькихъ частныхъ разговоровъ бюро съ членами группы», благодаря чему получилось довольно извращеннее представленіе объ общемъ смыслѣ этого плана. Группа протестовала противъ такого изложенія, и предложила «бюро» увѣдомить организаціи о происшедшей ошибкѣ. «Бюро», повидимому, не сдѣлало этого и отвѣтило группѣ, что «сообщеніе, разосланное по организаціямъ, сохраняетъ свое значеніе независимо отъ плана Петербургской Группы, такъ какъ противопоставленіе изложенныхъ нами двухъ плановъ можетъ имѣть мѣсто въ другихъ организаціяхъ». Такимъ объясненіемъ Группа признала себя (единогласно) неудовлетворенной. До извѣстной степени, такимъ образомъ, критика бюро Ц. К. опиралась на какое-то недоразумѣніе. Но кое-что въ ней надо отнести на счетъ неправильныхъ, на нашъ взглядъ, представленій о характерѣ нашей тактики въ революціонное время

слова, nonsens. При настоящихъ условіяхъ позвать на такую «демонстрацію» совершенно то же, что призвать петербургскій пролетаріатъ къ возстанію, назначенному на 1 мая. И эта «демонстрація», дѣйствительно, неизбѣжно превратилась бы въ возстаніе, если бы удалось поднять сотни или, по крайней мѣрѣ, десятки тысячъ рабочихъ. Но такъ какъ Группа понимаетъ, что этого сдѣлать ей не удастся, то она назначаетъ вооруженную демонстрацію, т. е. заранѣе обреченное на кровавую неудачу частичное возстаніе тысячи въ три, пять или десять человѣкъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неизбѣжнаго истребленія нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, оторванныхъ отъ массы такой чисто формальной цѣлью, какъ вооруженная демонстрація, будетъ ненависть къ нашей Партіи и страшная психологическая реакція среди петербургскаго пролетаріата».

Въ свою очередь, бюро Ц. К. предлагаетъ «звать массу не на вооруженную демонстрацію, а на митинги для того, чтобы обсудить вопросъ: что дѣлать дальше? и выслушать по этому вопросу голосъ Р. С. Д. Р. П.» «При этомъ мы не только не ограничиваемъ себя заранѣе исключительно лишь разрозненными порайонными митингами, но, наоборотъ, разрабатываемъ стратегическій планъ объединенія этихъ митинговъ и дальнѣйшихъ дѣйствій объединенной массы. И этотъ планъ мы приведемъ въ исполненіе при наличности соотвѣтственнаго объема массы и надлежащаго настроенія ея. Но зовемъ мы сейчасъ на митинги. Преимущество такого плана дѣйствій очевидно: мы имѣемъ тутъ въ возможности, въ перспективѣ, и демонстрацію и даже возстаніе. Но мы не беремъ на себя невыполнимыхъ организаціонныхъ обязательствъ устроить «вооруженную демонстрацію» (или, что то же, частичное возстаніе) при всякихъ обстоятельствахъ».

Если, такимъ образомъ, бюро Ц. К., повидимому, имѣло въ виду только показать непрактичность даннаго метода устройства демонстраціи, оно незамѣтно сбилось на точку зрѣнія отрицанія возможности активныхъ уличныхъ выступленій (до возстанія) вообще.

Изъ отвѣта Группы на это письмо мы приведемъ слѣдующее мѣсто.

«Всякій, кто знаетъ позицію «меньшинства» и, въ частности, группы, понимаетъ, что ей и въ голову не могло придти «назначать» на первое мая «частичное возстаніе», начавъ его вооруженной демонстраціей. Согласно Ц. К., такая демонстрація равносильна возстанію. Не можетъ быть возстанія—не должно быть и вооруженной демонстраціи... Группа... не раздѣляетъ мнѣнія, болѣе выдержанно выраженнаго въ майскомъ листкѣ «Бюро Ком. Б—ва», что вооруженное выступленіе мыслимо лишь съ мыслью о возстаніи, что разъ возстаніе

невозможно, то и, вообще, выступленіе на улицы съ оружіемъ въ рукахъ не должно имѣть мѣста, ибо силы должны быть сосредоточены на подготовкѣ возстанія,—и классовый праздникъ, слѣдовательно, долженъ быть принесенъ въ жертву этой задачѣ. Группа думаетъ иначе. Въ развитіи буржуазной революціи мы стремимся къ накопленію пролетарскихъ элементовъ для борьбы за революцію соціалистическую—путемъ его классоваго сплоченія, путемъ укрѣпленія его классовой позиціи. Этой общей точкой зрѣнія опредѣляется и наше отношеніе къ майскому выступленію. Мы не можемъ отказаться отъ него, не можемъ «праздновать молча» у себя дома или на тайныхъ сходкахъ въ лѣсу, какъ предлагали товарищи изъ Комитета «большинства», потому что именно майское выступленіе—могучее средство для объединенія пролетаріата подъ знаменемъ нашей партіи, для выдѣленія его, какъ класса, изъ всей демократической массы... Лучшимъ видомъ майскаго выступленія мы считаемъ у насъ демонстрацію съ вооруженнымъ отпоромъ въ виду русскихъ условій».

«Но мы не стремимся къ демонстраціи во что бы то ни стало въ ея чистомъ, такъ сказать, видѣ; мы призываемъ пролетаріатъ къ открытому у л и ч н о м у празднованію перваго мая вообще, не предрѣшая, въ какія формы оно выльется. Для насъ цѣнно заявленіе широкими слоями пролетаріата въ этотъ день своихъ требованій, демонстрированіе готовности къ борьбѣ за нихъ. Группа отнюдь не противополагаетъ митингъ демонстраціи, какъ дѣлаетъ Ц. К., для нея это вопросъ факта, вопросъ техническій, правильное рѣшеніе котораго возможно единственно при самомъ выступленіи. Мы представляемъ себѣ, что могутъ произойти и митинги, и демонстраціи, или только митинги, или только демонстраціи—смотря по мѣсту и условіямъ выступленія».

Ошибочная мысль бюро Ц. К. болѣе послѣдовательно выражена въ листкѣ Петербургскаго Комитета Партіи. Въ немъ мы читаемъ: «Первое мая не можетъ быть, конечно, днемъ вооруженнаго возстанія. Вооруженное возстаніе нельзя назначить заранѣе. Оно поднимается неожиданно въ моментъ наибольшаго подъема народныхъ силъ. Мирныя демонстраціи невозможны: онѣ разгоняются у насъ казаками и полиціей. Довольно уже полосовали наши спины нагайками и шашками, мы не дадимъ превратить нашъ великій рабочій праздникъ въ оргію опричниковъ! В о о р у ж е н н а я д е м о н с т р а ц і я д о п у с т и м а только, какъ начало вооруженнаго возстанія (курсивъ нашъ), ибо правительство не отступитъ, конечно, передъ нашимъ оружіемъ, не исчерпавъ всѣхъ своихъ силъ. Итакъ, товарищи, выйти перваго мая на улицу безоружнымъ было бы безумно; выйти вооруженно—преждевременно».

«Готовясь къ вооруженному возстанію», говоритъ Одесскій Комитетъ, «мы должны помнить, что нельзя его начать въ любой часъ, а должно ожидать наиболѣе подходящаго момента. И, поэтому, мы не можемъ призывать къ демонстраціи перваго мая, такъ какъ теперь невооруженная демонстрація обратилась бы въ кровавое избіеніе, а вооруженная—въ народное возстаніе, а мы еще сейчасъ не настолько вооружены, чтобы надѣяться отстоять силой свои требованія».

Выступивъ противъ открытаго празднованія перваго мая, Петербургскій Комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ заявилъ въ своей прокламаціи:

«Не до праздниковъ русскому трудящемуся люду... Это право на праздникъ надо вырвать у опричнины, наряду съ общечеловѣческими правами. Но какъ? Борьбой планомѣрной, упорной, гдѣ обдуманъ каждый шагъ, гдѣ подсчитана каждая сила... Не до праздниковъ тутъ. Они насъ ждутъ впереди, когда мы силой достанемъ себѣ свободу. А пока пусть будетъ обдуманъ каждый шагъ, пусть усчитана будетъ каждая сила. Довольно жертвъ, которыя покорно падаютъ подъ ударами опричниковъ. Довольно этихъ агнцевъ, добровольно идущихъ на закланіе... Довольно... Мы выйдемъ снова на улицу... но не для праздника, а для борьбы. Ждите призыва своихъ революціонныхъ организацій... Пусть то не будетъ первое мая (!). Но то будетъ зато день послѣдней борьбы, день рѣшительной побѣды... и уже недалекъ этотъ день!»

Стоитъ сопоставить всѣ эти однородные мотивы съ фактомъ грандіозной вооруженной демонстраціи 18 апрѣля въ Варшавѣ, чтобы выразить удивленіе по поводу той энергіи, съ которой насъ хотятъ убѣдить, что «послѣ 9 января» «невозможно» звать на улицы... вплоть до послѣдняго боя, который будетъ назначенъ какимъ-нибудь всемогущимъ «центромъ»!

Какъ мы видѣли, Петербургская Группа не стала на точку зрѣнія, отвергающую массовыя революціонныя демонстраціи въ настоящій моментъ. Но не позволяетъ ли постигшая ея собственныя начинанія неудача сдѣлать тотъ выводъ, что правы были именно противники такихъ выступленій?

Ставя такъ вопросъ, мы нисколько не склонны забывать различій между тактической позиціей Петербургскаго и Одесскаго комитетовъ (равно, какъ петербургскихъ соц.-рев.), съ одной стороны, и бюро бывшаго Ц. К.—съ другой. Но при всемъ различіи между ними нетрудно убѣдиться, что въ основаніи обѣихъ критикъ плана Группы лежитъ одна и та же идея—мысль о невозможности собрать въ дан-

ный моментъ массу во имя такой «формальной» цѣли, какъ революціонная демонстрація. И, въ свою очередь, эта мысль покоится на убѣжденіи, которое въ свое время высказалъ на страницахъ «Искры» тов. Т., что послѣ 9 января наше движеніе «уперлось въ возстаніе», что, слѣдовательно, ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ вплоть до возстанія звать массу не приходится.

Итакъ, не оправдала ли майская неудача въ Петербургѣ этихъ пророковъ?

На первый взглядъ можетъ показаться, что, да. «Митинги—демонстраціи» не привлекли къ себѣ неорганизованную пролетарскую массу. Не значитъ ли это, что мы должны принять точку зрѣнія Петербургскаго Комитета и предлагать массамъ «погодить» съ активными политическими выступленіями вплоть до того момента, когда мы сами подготовимся къ активному выступленію?

Маленькая историческая справка поможетъ намъ выяснить дѣло. Читатель, навѣрное, помнитъ, что полгода назадъ въ Петербургѣ разыгралась «политическая драма», аналогичная той, которая произошла 1 мая. Только распредѣленіе ролей въ ней было обратное. Тогда, въ ноябрѣ прошлаго года—комитетъ «впередовцевъ» назначилъ демонстрацію, а «искровцы»—будущая Группа—возстали противъ нея, и—оказались правы: на демонстрацію рабочія массы не пришли. Петербургскіе «искровцы» утверждали тогда, что демонстрація не можетъ удасться потому, что организація не подготовила для ея успѣха элементовъ въ рабочей массѣ. Но будущіе члены «группы» не пытались доказывать, что рабочія массы Петербурга уже не пойдутъ на демонстрацію потому, что они еще не готовы къ рѣшительной битвѣ. Эта осторожность петербургскихъ «искровцевъ» въ тактическихъ выводахъ избавила ихъ отъ очень смѣшного положенія, въ которомъ они очутились бы съ началомъ текущаго года, когда сотни тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ показали, что ихъ можно «поднять» на демонстрацію. Было бы очень хорошо, еслибъ помня объ этомъ урокѣ, петербургскіе товарищи оказались столь же осторожны въ выводахъ и послѣ того, какъ партійная организація обожглась на молокѣ, не спѣшили бы дуть на воду.

И все таки фактъ на лицо: и до 9 января, и послѣ него соціал-демократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Она терпитъ неудачу, когда пытается это сдѣлать, опираясь на одинъ голый фактъ охватившаго массы политическаго возбужденія. И она снова терпитъ неудачу, когда приступая къ организаціи новаго массоваго

выступленія, опирается уже на энергичную агитаціонную работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ознаменовавшуюся такими успѣхами, какъ провалъ комиссіи Шидловскаго. Что же это значитъ? Не вправѣ ли мы сдѣлать самые пессимистическіе выводы о предѣлахъ, поставленныхъ вліянію на пролетаріатъ нашей партіи, какъ инициативной силы?

Попытка отмахнуться отъ этого вопроса утвержденіемъ, что движеніе «уперлось въ возстаніе», должна быть отвергнута, какъ покушеніе съ завѣдомо-негодными средствами. Вѣдь, если бы это было такъ, то тогда передъ нами сталъ бы вопросъ: какія же у партіи надежды, что ей удастся активно руководить рѣшительнымъ выступленіемъ? Ей, не имѣющей возможности готовить къ нему себя самое и народныя массы на практикѣ широкихъ выступленій? Ибо дѣтски наивнымъ было бы думать, что революціонная организація можетъ «сразу» повести массы на рѣшительное всенародное выступленіе, имѣя за спиной только опытъ тѣхъ былыхъ демонстрацій, которыя, по нынѣшнему масштабу революціоннаго времени, являются чѣмъ-то вродѣ «потѣшныхъ игръ», по сравненію съ истинно-революціонными дѣйствіями.

Чѣмъ болѣе серьезно мы относимся къ вѣроятности рѣшительнаго столкновенія, тѣмъ менѣе можемъ мы согласиться съ точкой зрѣнія петербургскихъ комитетчиковъ. Побѣдоносное народное движеніе, не выростетъ изъ пассивныхъ и безмолвныхъ массъ. Оно разовьется изъ постоянныхъ революціонныхъ, *организованныхъ* и планомѣрныхъ проявленій народной массы.

Организаціонное вліяніе партіи на массы безконечно отстало отъ ея *идейнаго* вліянія на нихъ. Вотъ фактъ, о которомъ снова кричатъ майскія неудачи. Массы учатся у партіи *думать*, онѣ не довѣряютъ ея указаніямъ, какъ имъ *дѣйствовать*. И если партія хочетъ извлечь для себя полезный урокъ изъ происшедшихъ событій, она должна прежде всего понять, какъ ей вести работу, чтобы усилить свое организаціонное вліяніе на массы?

Послѣ 9 января мы говорили въ «Искрѣ»: прежде всего намъ надо развязать революцію. Многіе не поняли насъ и не могутъ понять до сихъ поръ. А, между тѣмъ, практика вновь и вновь подтверждаетъ намъ, что революціонныя силы современности находятся въ связанномъ *состояніи*. Кто не понималъ этого до сихъ поръ, пусть представитъ себѣ раскрытую майской неудачей картину петербургской дѣйствительности: сотни тысячъ политически возбужденныхъ рабочихъ, десятки тысячъ вчера еще рукоплескавшихъ соціалдемократическимъ ораторамъ на предмайскихъ митингахъ, и—всего полторы—двѣ тысячи явившихся на призывъ организаціи демонстрировать свои чув-

ства! Это ли не картина революціи, связанной, безсильной, выжидающей? Какимъ же непониманіемъ надо обладать, чтобы при видѣ этой картины твердить, что намъ надо задерживать «преждевременныя» проявленія активности массъ, пока мы сфабрикуемъ тотъ «штабъ спѣвшихся руководителей», который въ благопріятный моментъ позоветъ и поведетъ эти массы?

Надо развязать революцію! Надо добиваться въ Россіи того, что уже есть на Кавказѣ и Польшѣ, надо добиваться, чтобы и въ Россіи, какъ на этихъ «окраинахъ», масса не только сочувствовала революціонной борьбѣ, но и участовала въ ней, чтобы она довѣряла инниціативѣ партіи и готова была бы активно поддержать ее. А поскольку это будетъ достигнуто, постольку призывы «держать» революцію за шиворотъ, ибо она «преждевременна», будутъ казаться всѣмъ революціонерамъ столь же смѣшными, какъ они должны теперь казаться польскимъ и кавказскимъ соціалдемократамъ, хорошо знающимъ, что каждое революціонное выступленіе массы не истощаетъ, а умножаетъ боевой капиталъ. И постольку же станетъ невозможнымъ, чтобы призывы организацій къ активнымъ дѣйствіямъ носили авантюристскій и дѣйствительно дезорганизаторскій характеръ.

Но, скажутъ намъ: Польша и Кавказъ—одно, Россія—другое. Въ Польшѣ и Кавказѣ пролетарское движеніе окружено плотной атмосферой сочувствія различныхъ классовъ населенія, революціонизированнаго существующимъ режимомъ, и это обстоятельство облегчаетъ всякія рѣшительныя дѣйствія пролетаріата. Конечно. Но неужели они думаютъ, что можно придти къ рѣшительной борьбѣ, не создавъ вокругъ пролетарской борьбы въ самой Россіи атмосферы такого же сочувствія? Неужели думаютъ, что, кто говоритъ: «готовить выступленіе», тотъ не говоритъ тѣмъ самымъ: воздѣйствіе на широкія народныя массы въ цѣляхъ привлеченія ихъ симпатій къ этому самому выступленію?

А это опять таки значитъ: надо развязать революцію, потенціально заключающуюся въ тѣхъ классовыхъ противорѣчіяхъ, которыя подняли къ общественно-политической жизни доселѣ инертные слои населенія.

Развязывать революцію нельзя, готовя выступленіе въ революціонной лабораторіи кружковой подпольщины. Развязывать революцію можно только, привлекая къ политическому дѣйствію самыя широкія массы народа. Между тѣмъ, майскій опытъ еще разъ показалъ, что партія плохо умѣетъ привлекать массы къ такому дѣйствію. Массы слушаютъ партію очень сочувственно, онѣ учатся очень

охотно,—онѣ не идутъ за нею по ея призыву. А это именно и значитъ, что, при сильномъ идейномъ вліяніи на пролетаріатъ, партія далеко еще не достигла нужнаго организаціоннаго вліянія на него. Между тѣмъ, вопросъ о «развязываніи» революціоннаго процесса для соціалдемократіи есть въ то же время вопросъ объ организаціи массъ для самостоятельнаго дѣйствія въ революціи.

Вотъ почему послѣ 9-го января мы, выступивъ противъ всякихъ попытокъ связать «разнуздавшуюся» революцію, одновременно выдвинули, какъ самую насущную задачу даннаго момента, вопросъ объ организаціи массъ въ политической и экономической борьбѣ. Вотъ почему мы считали нужнымъ со всей рѣшительностью выставить лозунгъ: «шире двери»! и призвать къ «захвату» пролетаріями своихъ «правъ» и «свободъ».

Подъ впечатлѣніемъ этой насущнѣйшей задачи момента работала и первая общерусская конференція и въ ея резолюціяхъ о профессіональныхъ союзахъ, о неоформленныхъ организаціяхъ и др. рѣзко сказалась эта точка зрѣнія, общая всей части партіи, которая осталась непредставленной на пресловутомъ «съѣздѣ». И въ то же время своимъ проектомъ реорганизаціи партійнаго коллектива конференція намѣтила тѣ необходимыя измѣненія въ его структурѣ, безъ которыхъ партія врядъ ли сможетъ успѣшно разрѣшить новыя задачи организаціи массъ.

Петербургская Группа, задавшись вопросомъ о значеніи майской неудачи, пришла къ выводамъ, подтверждающимъ ту точку зрѣнія, на которую стала конференція. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ майскихъ дней одинъ изъ петербургскихъ товарищей писалъ намъ: широкая организація—въ этомъ спасеніе!

Здѣсь же мы считаемъ полезнымъ познакомить товарищей съ коллективнымъ мнѣніемъ петербургской группы, какъ оно выражено въ письмѣ одного изъ ея активныхъ членовъ. Это письмо, кстати, даетъ интересныя свѣдѣнія объ отношеніи извѣстнаго слоя сознательныхъ рабочихъ къ нашимъ организаціямъ.

«Обычный типъ нашей политической организаціи—центральный кружокъ на заводѣ, стремящійся намѣтить возможно больше кружковъ по образу и подобію своему, только качествомъ пониже. Работая кружками, мы заранѣе исключаемъ этимъ возможность охватить широкіе круги пролетаріата (десятокъ тысячъ по кружкамъ не размѣстишь). Признавая методомъ работы—твореніе возможно большаго числа политическихъ кружковъ, стремясь выдѣлить въ нихъ всякаго улавли-

ваемаго нами рабочаго, мы отрываемъ его отъ массы, отъ ея жизни и даже какъ бы противопоставляемъ ей. Не лучшіе слои рабочихъ выдвигаются въ наши организаціи, а просто знакомые нашихъ рабочихъ. Въ нашихъ кружкахъ можно только учиться (и то плохо). Потребности къ активной работѣ они не удовлетворяютъ. И хорошіе рабочіе—гапоновцы (соц.-дем.) говорятъ: «Зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю». Дѣйствительно, идти за тѣмъ, чтобы «числиться за организаціей»—не велика штука. Въ итогѣ—у насъ преимущественно самый молодой, самый невліятельный элементъ среди рабочихъ. «У васъ все „молодятникъ", говорилъ рабочій—гапоновецъ, «вы его раскаляете, а онъ—васъ, а масса на рабочую партію, которая ея должна быть, смотритъ, какъ на чужую, которая со стороны ей что-то хорошее хочетъ сдѣлать». И вправду—масса напряженно ожидала перваго мая, предвидя что-то большое и хорошее для себя, но не отводя себѣ въ этомъ активной роли. И къ нашимъ митингамъ, разъ мы ихъ не связываемъ такъ или иначе съ активностью массъ, съ длительнымъ къ нимъ интересомъ, отношеніе подчасъ, какъ къ какому-то занимательному перерыву въ работѣ. «Придетъ интеллигентъ на заводъ», говорилъ вдумчивый рабочій соц.-дем. городскаго района, «прокричитъ всѣ свои «долой», и мы покричимъ и уйдетъ. А намъ нужно не это, что вообще «долой»—извѣстно, а надо обсужденіе всего, разборъ всей жизни». И рабочіе таки показали, что они не считаютъ себя связанными сочувственными кликами на митингахъ: взяли и не вышли перваго мая. Какъ разбить рамки кружковщины, какъ измѣненіемъ методовъ работы привлечь всѣ лучшіе элементы рабочаго класса? Группа, не договорившись пока подробно, выдвигаетъ **иниціативу соц.-дем. въ дѣлѣ профессіональной организаціи рабочихъ**. Явочнымъ порядкомъ оснуемъ рабочіе союзы, заводскія кассы и т. п.; изъ демократическихъ организацій дадимъ рабочей массѣ выдвинуть своихъ вожаковъ, удовлетворимъ ихъ потребность въ активной работѣ; свяжемъ наши митинги съ предложеніями объ основаніи обществъ рабочихъ для борьбы за свое экономическое, политическое и духовное освобожденіе; серьезной постановкой руководства профессіональной борьбой, необходимость объединенія для которой уже сознана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собой не хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно-настроенныхъ рабочихъ, а спло-

ченіе рабочихъ — соціалдемократовъ, организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихъ профессіональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ».

Можно съ увѣренностью сказать, что только работа въ направленіи, намѣчаемомъ въ этомъ письмѣ, позволитъ соціалдемократіи справиться съ той стихіей, которая до сихъ поръ порабощала ее себѣ. И лишь поскольку ей удастся это сдѣлать, будетъ въ полной мѣрѣ достигаться та специальная задача, которую ставитъ себѣ наша партія,— задача сплоченія русскихъ пролетаріевъ въ самостоятельную классовую силу, двигающую буржуазную революцію.

Л. Мартовъ.

Къ современному положенію.

(1 іюня 1905 г. № 101).

Эскадра адмирала Рождественскаго, начавшая свое боевое плаваніе позоромъ при Гуллѣ, кончила его позоромъ при Цусимѣ. Всѣ военные специалисты сходятся въ томъ, что міръ не видалъ еще такого полнаго, такого позорнаго пораженія, какъ то, которое выпало на долю флота россійскаго правительства въ Корейскомъ проливѣ. Да и можно ли было ожидать чего-либо другого? Адмиралы, привыкшіе совершать походы только по казеннымъ сундукамъ; офицеры— дѣти привилегированной касты, невѣжественные, опытные въ плаваніи лишь по паркетамъ великосвѣтскихъ гостиныхъ и чиновничьихъ канцелярій; матросы,—на половину только что оторванные отъ сохи, на половину—непосредственно передъ отправленіемъ въ походъ получившіе въ Севастополѣ внушительный урокъ любви къ самодержавному отечеству при усмиреніи извѣстнаго «бунта». Таковъ составъ экипажа, на который возложена была «священная» миссія отстаивать правительство на водахъ Тихаго океана. А самыя суда? А снабженіе эскадры всѣмъ необходимымъ? Достаточно вспомнить ту каинову печать, которою отмѣчена самодержавная бюрократія, чтобы понять, что хищничество и казнокрадство, не пощадившее Портъ-Артура, запу-

скавшее свои цѣпкія лапы въ карманы изголодавшейся и измученной арміи въ Тюренченѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ, не дрогнуло и передъ последнимъ козыремъ правительства—армадой Рождественскаго.

Нужно только удивляться той силѣ внушенія, которую еще сохраняютъ хвастливые крики правительственной печати, и которая заставила даже кое-какихъ европейскихъ спеціалистовъ считаться—послѣ Гулля!—съ возможностью побѣды правительственнаго флота! Европейская и русская реакція все еще не хотѣли вѣрить той полной внутренней гнилости и слабости стараго режима, которая давно уже съ математической точностью была констатирована соціалдемократіей, какъ боялся вѣрить этой гнилости и слабости европейскій и русскій либерализмъ. Ляоянъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ научили либерализмъ вѣрной оцѣнкѣ дѣйствительности. Цусима—раскрываетъ глаза и реакціи. Послѣ Цусимы русская реакція требуетъ замѣны самодержавія военной диктатурой, европейская—въ лицѣ германскаго императора—начинаетъ искать опоры въ счастливомъ желтолицемъ побѣдителѣ, которому еще недавно «за одинъ косой взглядъ» грозилъ «бронированный кулакъ».

Свершилось неизбѣжное. И никогда еще не было такъ ясно, что каждый день дальнѣйшаго существованія абсолютизма и дальнѣйшаго веденія преступной войны означаетъ колоссальную растрату народной крови и народнаго достоянія. Тысячи убитыхъ и сотни милліоновъ рублей стоила народу морская авантюра. Можно уже теперь сказать, что завтрашній день сулитъ новыя и новыя жертвы. Если народъ не заставитъ прекратить войну,—потеря Владивостока и гибель манчжурской арміи неизбѣжны. Но мало того. Послѣ Цусимы, болѣе чѣмъ когда-либо, война начинаетъ вестись не только на счетъ настоящаго страны, но и на счетъ ея будущаго. Она грозитъ подрѣзать источники существованія страны и заложить сѣмя новыхъ тяжелыхъ конфликтовъ въ будущемъ. О господствѣ на Тихомъ океанѣ теперь, безъ флота, смѣшно и думать. Но сейчасъ рѣчь ужъ идетъ не о господствѣ, а сохраненіи на этомъ Средиземномъ морѣ будущаго тѣхъ позицій, которыми Россія уже давно владѣетъ. Потеря же этихъ позицій означаетъ для капиталистической Россіи новое обостреніе вопроса о ближнемъ Востокѣ и грозитъ кровавыми осложненіями на Балканахъ и въ Индіи. Наладившіеся пути капиталистическаго развитія должны будутъ претерпѣть рѣзкое измѣненіе, а такое измѣненіе неизбѣжно будетъ куплено новыми потоками народной крови и народныхъ денегъ.

Вотъ почему такъ остро почувствовалась перемѣна послѣ пора-

женія при Цусимѣ. Правительство отмѣтило эту перемѣну учрежденіемъ фактической диктатуры Трепова. Оно не понимаетъ, что теперь оно слишкомъ безсильно для диктатуры! Диктаторъ можетъ воздвигнуть десятокъ висѣлицъ, онъ можетъ обагрить кровью города и деревни, но онъ безсиленъ задержать гибель стараго порядка. Онъ такъ безсиленъ, что первые же шаги его были его пораженіемъ. Онъ запретилъ съѣздъ земцевъ въ Москвѣ, а съѣздъ состоялся; онъ запретилъ собраніе городскихъ головъ въ Москвѣ, а оно собралось; онъ запретилъ засѣданіе петербургской думы, а оно прошло въ полномъ порядкѣ. Демонстраціи рабочихъ въ Петербургѣ и либераловъ въ Павловскѣ, собраніе журналистовъ на пароходѣ и инженеровъ въ Сестрорѣцкѣ, стачки и демонстраціи, револьверные выстрѣлы и бомбы по всей Россіи подчеркиваютъ ничтожество и безсиліе этого диктатора.

При такихъ условіяхъ учрежденіе диктатуры достаточно ясно подчеркиваетъ истинный характеръ того «народнаго представительства», о близкомъ введеніи котораго носятся упорные слухи, но не лишаетъ достовѣрности самые слухи. Болѣе того. Если у правящей клики осталась хоть капля пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, она должна непремѣнно попытаться ухватиться за это послѣднее средство отсрочить свою гибель. И дѣйствительно, газеты за послѣднее время полны сообщеніями о тѣхъ перипетіяхъ, которыя переживаетъ рожденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ «конституціонный» уродецъ. Этотъ уродецъ представленъ почтеннѣйшей публикѣ въ напечатанномъ въ № 10.495 «Новаго Времени» сообщеніи о «государственной думѣ». Дальнѣйшія газетныя свѣдѣнія передаютъ, что этотъ Булыгинскій проектъ принятъ съ самыми незначительными измѣненіями и совѣтомъ министровъ. Такимъ образомъ, можно считать, что мы имѣемъ уже передъ собой въ законченномъ видѣ тотъ «листъ бумаги», которымъ правительство думаетъ—въ крайнемъ случаѣ—разсчитаться съ «любезными вѣрноподданными» за вѣка безотвѣтственнаго хищничества, за сотни тысячъ жертвъ войны внѣшней и внутренней.

Въ этомъ проектѣ все характерно, начиная съ названія будущаго «представительнаго учрежденія». Даже въ архаическомъ «соборѣ» правительство почуяло слишкомъ «вольный» душокъ! Начавъ съ «Земскаго Собора», перейдя къ «Земскому Совѣту», правительство, какъ говоритъ «Новое Время», сдѣлало «за истекшій мѣсяцъ» «измѣненія, касающіяся наименованія нашей будущей нижней палаты». Въ самомъ названіи былъ сугубо подчеркнутъ совѣщательный характеръ учрежденія (дума!), вытравлено всякое упоминаніе объ опальной

«земщанѣ» и нарочито выдвинуто подчиненіе «конституціонной» палаты государственной опричнинѣ!

О самой «конституціи» не стоитъ, пожалуй, и говорить: $1^1/_2$—2 мѣсяца въ году засѣдающая «дума» съ верхней палатой въ видѣ... государственнаго совѣта, сохраняющаго нынѣшнее свое устройство,— что это, какъ не насмѣшка надъ тѣмъ «народнымъ представительствомъ», котораго требуютъ самые широкіе слои населенія? Но чего нельзя особо не отмѣтить, это той системы избирательнаго права, которая будетъ положена въ основу этого жалкаго «представительства». Выборы предполагается производить на основѣ избирательной системы земскаго Положенія 1864 г. Въ трехъ избирательныхъ коллегіяхъ (съѣздахъ), устанавливаемыхъ этимъ положеніемъ—уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ обществъ,—будутъ такъ или иначе представлены всѣ классы населенія—отъ владѣющихъ кое-какой собственностью городскихъ мѣщанъ и крестьянъ до купцовъ, землевладѣльцевъ и зажиточныхъ, солидныхъ членовъ «либеральныхъ профессій». Только рабочимъ да еще пролетаризированному интеллигенту-разночинцу нѣтъ мѣста ни въ одномъ изъ «съѣздовъ». Чечевичной похлебкой каррикатурнаго представительства правительство думаетъ приманить либерализмъ и демократію къ измѣнѣ двигателю россійской революціи—пролетаріату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой революціи.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что значительная часть «прогрессивныхъ» элементовъ готова была бы къ такой измѣнѣ, если бы историческая обстановка не толкала ее повелительно на совсѣмъ иной путь. Такъ какъ правительство и имущимъ классамъ можетъ дать только каррикатурное представительство, и такъ какъ даже и эта каррикатура не можетъ появиться на свѣтъ иначе, какъ въ рамкѣ военной диктатуры, неслыханнаго даже для Россіи разгула административнаго произвола, открытой организаціи правительственныхъ «черныхъ сотенъ», безграничнаго владычества казацкой нагайки и положенія объ усиленной охранѣ, то и тотъ, кто внутренне уже созрѣлъ для измѣны, не можетъ измѣнить, ибо не самопроизвольно возникающіе идеалистическіе порывы, а жизненные интересы начинающей заживо разлагаться капиталистической націи толкаютъ имущіе классы къ борьбѣ за европейскіе «гарантіи», за неприкосновенность личности, имущества, жизни, за прочный «правопорядокъ». И такъ какъ абсолютизмъ не можетъ дать и тѣни такихъ гарантій, то волей неволей приходится либерализму и демократіи подвигаться все болѣе и болѣе влѣво, все ближе и ближе къ той огненной полосѣ, гдѣ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ проблески народной революціи. На гигантской

наковальнѣ военныхъ пораженій вдребезги разобьетъ революціонный молотъ ржавыя оковы деспотизма.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что тѣ, кому будетъ даровано «право» избирать представителей въ государственную думу, не захотятъ воспользоваться этимъ правомъ. Отнюдь нѣтъ. Адресъ московскаго земскаго съѣзда, составленный, въ общемъ, въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе похожихъ на тѣ, которыми должны говорить люди, хоть на половину сознающіе себя гражданами, а не только «подданными», адресъ этотъ весьма характерно умалчиваетъ не только объ избирательномъ правѣ, но и о правахъ того представительнаго учрежденія, немедленнаго созыва котораго требуютъ земцы. Та фигура умолчанія, которая была употреблена въ ноябрьскихъ земскихъ резолюціяхъ, и противорѣчивый смыслъ которой пришлось очень скоро раскрывать различнымъ группамъ земцевъ, теперь снова повторяется въ цѣляхъ все того же «единогласія». Какъ будто прошлый опытъ все еще не научилъ земскую демократію, что настоятельные запросы революціи и критика соціалдемократіи заставляютъ очень быстро сбрасывать всѣ туманныя оболочки, закрывающія дѣйствительную сущность требованій различныхъ группъ. Когда наканунѣ, въ шиповскомъ «частномъ» совѣщаніи часть тѣхъ самыхъ людей, которые участвовали въ земскомъ «единогласіи», устами г. Хомякова открыто выступаетъ противъ всеобщаго избирательнаго права, ссылаясь на то, что это «проповѣдь теоріи борьбы», выступаетъ противъ демократической «платформы», заявляя, что это— «посѣвъ» того «раздора, который мы вездѣ видимъ заграницей», то можетъ ли оставаться хоть малѣйшее сомнѣніе насчетъ смысла того «единогласія», на которомъ сошлись земцы? Это единогласіе означаетъ ничто иное, какъ готовность измѣнить народу; и ту же готовность выражаетъ чудовищное обѣщаніе адреса превратить русско-японскую войну въ «войну національную». Страстное стремленіе объединить всю оппозицію имущихъ классовъ то и дѣло заставляетъ буржуазную демократію дѣлать зигзаги. Но, хотя не какъ свободный человѣкъ, а какъ рабъ, прикованный къ колесницѣ тріумфатора, она вынуждена будетъ идти за побѣдоносной революціей.

Теперь, въ случаѣ осуществленія созыва государственной думы, начинается новый фазисъ русской революціи, и соціалдемократія должна быть готова встрѣтить его во всеоружіи, должна быть готова использовать всякую комбинацію обстоятельствъ въ интересахъ все того же требованія своего—созыва всенароднаго учредительнаго собранія, свободно избраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Всякое другое представительное учрежденіе, хотя бы оно

было и иного калибра, чѣмъ Булыгинская дума, въ глазахъ социалдемократіи можетъ быть лишь этапомъ на пути къ всенародному учредительному собранію. Необходимо теперь же, въ связи съ предстоящими выборами въ думу, развить самую широкую агитацію и заложить основы широкой рабочей партіи. Нужно объяснить рабочимъ массамъ тотъ новый актъ насилія надъ ними, который совершаетъ правительство, лишая ихъ избирательнаго права, и нужно организовать ихъ для борьбы за учредительное собраніе. Нужно объяснить имъ, какую крупную революціонную роль могли бы сыграть депутаты рабочихъ въ выборномъ учрежденіи, каковы бы ни были намѣренія творцовъ этого учрежденія. Полулегальные, самовольно образующіеся рабочіе агитаціонные комитеты, должны быть образованы немедленно. Въ тѣсной связи съ нашей нелегальной организаціей они должны пустить въ ходъ всѣ наличныя въ рабочемъ классѣ силы для агитаціи за созывъ всенароднаго учредительнаго собранія и для всесторонняго использованія всей избирательной кампаніи, какіе бы классы и группы въ ней ни участвовали. Они должны предъявлять требованія всенароднаго учредительнаго собранія въ категорической формѣ всѣмъ общественнымъ группамъ, имѣющимъ право на участіе въ выборахъ, они должны требовать отъ этихъ группъ императивнаго мандата для ихъ представителей—заявить въ думѣ требованіе созыва учредительнаго собранія и всѣхъ гарантій, необходимыхъ для свободы выборовъ, и отказаться отъ всякаго участія въ необходимыхъ для правительства, имѣющихъ цѣлью поддержаніе хода государственной машины, работахъ фальсифицированнаго «народнаго» представительства. Эти агитаціонные комитеты должны стать центромъ тяготѣнія широкихъ рабочихъ массъ и связать ихъ съ подпольной партіей. Ненароднымъ выборамъ по земскому положенію 1864 г. они должны противопоставить идею народныхъ выборовъ—всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Они должны звать всѣ слои населенія—городского и сельскаго—немедленно приступить къ осуществленію этой идеи и одновременно съ тѣмъ, какъ будутъ выбираться «законные» депутаты, выбирать своихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ представителей. Уѣздныя и губернскія собранія такихъ представителей революціоннаго народа, съ возможностью посылки ими своихъ депутатовъ на общероссійское собраніе, могутъ создать мощную организацію для всего революціоннаго движенія, направленнаго на завоеваніе всенароднаго учредительнаго собранія. Они создадутъ какъ бы цѣлую сѣть представительныхъ органовъ революціоннаго самоуправленія съ революціоннымъ всероссійскимъ представительнымъ собраніемъ во главѣ.

Роль, которую можетъ сыграть такое революціонное самоуправленіе народа, если бы его удалось осуществить въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, необозрима. Оно сможетъ диктовать свое требованіе учредительнаго собранія всѣмъ прочимъ прогрессивнымъ группамъ, ибо поставитъ ихъ передъ совершенно ясной диллемой: или съ безнадежно гибнущимъ режимомъ, или съ безусловно побѣждающей революціей.

Но, разумѣется, и въ этихъ представительныхъ органахъ революціоннаго самоуправленія, въ этой дѣйствительной организаціи всенароднаго выступленія, движущимъ нервомъ, ферментомъ революціоннаго броженія останется сознательный пролетаріатъ. Мѣрой его классовой сознательности и классовой организованности, мѣрой вліянія и роста соціалдемократіи, самостоятельной рабочей партіи, будетъ опредѣляться мѣра революціонности «народныхъ» представительныхъ органовъ. А потому для успѣха борьбы мы теперь же должны начать готовить рабочія массы къ активному и самостоятельному выступленію въ связи съ созывомъ государственной думы. Отъ состава думы, отъ способа дѣйствія ея членовъ будетъ зависѣть, насколько это выступленіе, направленное прежде всего противъ самодержавной бюрократіи, будетъ направлено и противъ самой думы. Оно поддержитъ революціонные шаги членовъ думы, и оно же смететъ ихъ вмѣстѣ съ старымъ порядкомъ, если они вздумаютъ вести двойную игру и идти на уступки деспотизму...

Ф. Данъ.

Историческій день.

(15 іюня 1905 г., № 102).

Это былъ, дѣйствительно, историческій день со всѣми присвоенными таковому по штату необходимыми аксессуарами—начиная съ кучи закулисныхъ интригъ, торговъ и переторжекъ между лицедѣями-участниками «событія», продолжая милыми недоразумѣніями, вродѣ непредусмотрѣнныхъ г. Ив. Петрункевичемъ, при появленіи его во

дворцѣ, бѣлыхъ перчатокъ, безъ которыхъ невозможно было чисто выполнить намѣченную программу, кончая разными остроумными анекдотами, прилипшими къ изложенію подробностей совершившагося, наконецъ, событія.

Конечно, историческій день въ духѣ современной буржуазіи: не было пролито крови, никакихъ не произошло потрясеній, было сказано много, много словъ.

Либеральный лидеръ, князь С. Трубецкой, говорилъ краснорѣчиво. Онъ сказалъ, что желаніе делегаціи и тѣхъ, кого она представляетъ, возстановить единеніе царя съ народомъ и тѣмъ укрѣпить престолъ. Онъ перечислилъ преступленія бюрократіи, протестовалъ противъ сословнаго представительства, настаивалъ на скорѣйшемъ выполненіи правительствомъ обѣщанія, даннаго имъ 18 февраля, сказалъ, что народъ обвиняетъ чиновниковъ въ «измѣнѣ». Онъ заявилъ, что выбору представителей должно предшествовать введеніе свободы слова, собраній и т. д. ...

А дальше? А дальше... все пошло по старому. Газетамъ не дали дѣйствительнаго текста рѣчи императора, «Русь» закрыли за напечатаніе текста земской петиціи, бывшихъ делегатовъ, послѣ посѣщенія ими Петергофскаго дворца, подвергли полицейскому надзору. Это не помѣшало либеральной и «демократической» прессѣ со слѣдующаго же дня начать славословить о «великомъ» событіи. «Верховной властью», говоритъ «Сынъ Отечества», «въ качествѣ представителей общества, приняты люди, которые въ недалекомъ прошломъ считались колебателями основъ и чуть ли не крамольниками».

Демократическая газета забываетъ, что «представители общества» гг. Петрункевичъ, Шаховской и др. были признаны съ того именно момента, когда они впервые стали дѣйствовать, какъ «потрясатели основъ и чуть ли не крамольники»; когда они явились депутатами отъ «незаконнаго» съѣзда; когда они отказались «просѣять» составъ своей депутаціи, чего требовали отъ нихъ министры; когда они заговорили объ «обращеніи къ народу», о «стачкѣ земствъ и городовъ»—на случай отказа въ ихъ пріемѣ. Забывать объ этомъ, значитъ, затушевывать дѣйствительный смыслъ одержанной было земцами побѣды.

Но это затушевываніе не случайно, ибо по мѣрѣ того, какъ земскіе депутаты преодолѣвали препятствія, поставленныя имъ правительствомъ, они сами затушевывали «крамольный» характеръ своей миссіи.

Ультимативному тону петиціи, выработанной земскимъ съѣздомъ, совершенно не соотвѣтствуетъ характеръ заявленія кн. Трубецкого.

По дорогѣ во дворецъ земскіе «представители общества» утратили значительную дозу воодушевлявшаго ихъ на съѣздѣ настроенія. И если при составленіи самой петиціи обычный мелкій оппортунизмъ земскихъ вождей отразился въ умолчаніи о всеобщемъ избирательномъ правѣ и въ двусмысленныхъ фразахъ о «національной войнѣ», которую смогутъ санкціонировать народные представители,—то въ рѣчи лидера депутаціи вы напрасно стали бы искать слѣдовъ негодованія, вызываемаго во всемъ населеніи двуличіемъ правительственной политики, диктатурой Трепова, новѣйшими убійствами на Кавказѣ, въ Иваново-Вознесенскѣ и Польшѣ.

Земскимъ дѣятелямъ представлялся случай явиться выразителями настроенія массы населенія, на представительство интересовъ котораго они предъявляютъ притязаніе. Только глубокое революціонное возмущеніе населенія, проявившееся съ особенной силой послѣ Цусимскаго краха, дало имъ возможность сдѣлать тотъ шагъ, который привелъ ихъ во дворецъ черезъ всѣ преграды «бюрократіи». Простой политическій разсчетъ требовалъ отъ либераловъ, чтобы они, въ качествѣ выборныхъ части населенія, явились передатчиками революціоннаго протеста всего населенія. Вѣдь, не могли они забыть, что то, что имъ дозволили 6 іюня, было запрещено 9 января петербургскому пролетаріату.

Памятуя это, земцы, казалось бы, могли говорить, какъ люди, чувствующіе, что выставляемыя ими требованія будутъ поддержаны грозными народными массами. Но для этого, конечно, они должны были соотвѣтственно формулировать эти требованія. А это значило бы передать правительству объявленіе о войнѣ, предоставивъ ему самому предлагать либераламъ условія мировой сдѣлки. Это былъ бы путь революціонный, конечно, но онъ одинъ сдѣлалъ бы земское выступленіе началомъ конца абсолютизма.

Взамѣнъ этого, земцы начали съ указанія своихъ условій мира, они обѣщали укрѣпить режимъ при условіи, что двусмысленное, и ничтожное по своему содержанію, обѣщаніе рескрипта 18 февраля будетъ выполнено. Они обѣщали, слѣдовательно, отказаться отъ дальнѣйшаго «потрясанія основъ», если правительство пойдетъ на какую нибудь сдѣлку съ тѣснымъ кругомъ представленныхъ ими слоевъ общества.

Если на экстренномъ земскомъ съѣздѣ «демократы» пожертвовали всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ, чтобы побудить «шиповцевъ» подписать конституціоналистское заявленіе, то 6 іюня они уже самыя свои требованія формулировали въ

терминахъ шиповской програмы. «Единеніе царя съ народомъ»— подъ этимъ знакомъ земскіе делегаты одержали свою Пиррову «побѣду» надъ бюрократіей.

«Вотъ ужъ годъ»,—пишетъ французскій журналистъ Люсьенъ Эрръ (L'Humanité, 22 іюня), «какъ всѣ общественные классы, какъ всѣ естественно создавшіяся или искуственно созданныя группы русскаго народа, какъ всѣ съѣзды, союзы, собранія, свободомыслящія газеты соглашаются на одинаковой формулировкѣ трехъ главныхъ требованій: 1) немедленное прекращеніе войны, 2) немедленный созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, съ полномочіемъ установить новый режимъ на мѣсто самодержавно-бюрократическаго; 3) немедленное провозглашеніе элементарныхъ правъ гражданина—свободы слова и печати, собраній и союзовъ, неприкосновенности личности и т. д. Изъ этихъ трехъ основныхъ требованій кн. Трубецкой только неполно выразилъ одно лишь послѣднее; онъ ничего не сказалъ о первыхъ двухъ. Выразить ихъ, заявить ихъ значило бы, очевидно, ускорить развязку кризиса, значило бы стремительно бросить абсолютизмъ и націю въ рѣшительное столкновеніе, въ которомъ одинъ изъ двухъ долженъ быть побѣжденъ, значило бы открыть революцію. Делегація не осмѣлилась или не захотѣла повѣрить въ такой исходъ. Будущее, конечно, покажетъ, что она ошиблась».

«Умѣренность и осторожность всегда являются слабостью, когда они не составляютъ—какъ въ данномъ случаѣ—*безумія и преступленія противъ націи* (курсивъ нашъ). Эти люди знаютъ лучше насъ, что ихъ умѣренность и «терпимость» являются единственной опорой правительства и что оно погибло бы, еслибъ они осмѣлились обратиться съ воззваніемъ къ націи противъ него. Лучше насъ они знаютъ, что слова этого правительства лживы, что его обѣщанія лицемѣрны, что сердце его полно злобы, желчи, уязвленной гордости, неумолимой ненависти, и что только его трусость сдерживаетъ проявленіе яростнаго, упрямаго гнѣва. Кто знаетъ! Быть можетъ, отъ нихъ зависѣло вызвать революціонное движеніе, которое унесло бы существующій режимъ: склонясь съ довѣріемъ и признательностью передъ завѣдомо для нихъ лживыми и фальшивыми заявленіями правительства, они, быть можетъ, на время задержали освободительный порывъ націи».

«Надо, чтобы революція исправила ошибки либерализма».

Такъ разсуждаетъ «знакомый съ бурями французъ», безъ сомнѣнія, недостаточно знакомый съ предыдущей исторіей земскаго либерализма.

Надо полагать, что его разсужденія весьма и весьма не понравятся нашимъ «демократамъ». Это не мѣшаетъ имъ быть, какъ нельзя болѣе, логичными, съ точки зрѣнія человѣка, проникнутаго стремленіемъ увидѣть Россію свободной.

Земская делегація сдѣлала все возможное, чтобы отодвинуть моментъ рѣшительнаго разрыва между имущими классами и правительствомъ. Тѣмъ самымъ, она лишній разъ показала всю вздорность и реакціонность стремленій либерально-конституціоналистской партіи руководить общенароднымъ движеніемъ, направленнымъ на завоеваніе свободы.

Иронія судьбы захотѣла подчеркнуть этотъ отрицательный итогъ земской «побѣды». Какъ сообщаютъ иностранные корреспонденты, монархъ послѣ обмѣна рѣчей сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ каждому делегату и, между прочимъ, спросилъ И. И. Петрункевича, не состоитъ ли онъ предводителемъ дворянства? Получивъ отрицательный отвѣтъ, императоръ выразилъ надежду, что лидеръ демократовъ-конституціоналистовъ еще будетъ занимать этотъ почетный постъ.

Послѣ того, какъ кн. Трубецкой заявилъ въ своей рѣчи протестъ противъ сословнаго представительства, проектируемаго правительствомъ, эти слова монарха пріобрѣтаютъ, конечно, особый смыслъ. Русская буржуазная демократія формулируетъ свои требованія; ей отвѣчаютъ выраженіемъ увѣренности, что все останется по старому, вплоть до сословныхъ учрежденій. На томъ пути, по которому Петрункевичи плетутся за традиціонныхъ земскимъ «либерализмомъ», нельзя перескочить черезъ должность «предводителя дворянства»!

* * *

Послѣ визита либераловъ, реакція подняла голову и, объявивъ военное положеніе въ Лодзи, покрывъ этотъ «польскій Манчестеръ» тысячью труповъ, объявила еще разъ, что представительное учрежденіе, которое будетъ дано земцамъ, будетъ носить чисто совѣщательный характеръ. Опубликованныя въ «Нов. Врем.» свѣдѣнія о вырабатываемомъ совѣтомъ министровъ законѣ о государственной думѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ. «Участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ» будетъ организовано такъ «правильно», какъ могъ того пожелать самъ Плеве. Мудрые законодатели совѣта министровъ все предусмотрѣли—и прежде всего парламентскую обструкцію. Законопроектъ, неразсмотрѣнный государственной думой въ опредѣленный срокъ, получаетъ силу закона, помимо голосованія думы. Предсѣдатель—по назначенію—получаетъ тираническую власть надъ

думой и закрываетъ ея засѣданія послѣ предостереженій «депутатамъ» о томъ, что они выходятъ за извѣстные «предѣлы». Наконецъ, дума двумя третями голосовъ исключаетъ неугодныхъ большинству депутатовъ, а съ другой стороны, только одобренные двумя третями голосовъ думы законопроекты разсматриваются государственнымъ совѣтомъ. Если ко всему этому прибавить, что, кромѣ законовъ, Россія будетъ продолжать управляться указами, то картина получится совершенно ясная.

Визитъ либераловъ могъ имѣть, съ ихъ точки зрѣнія, одинъ только смыслъ: помѣшать рожденію на свѣтъ такой «конституціи». Они проиграли сраженіе.

«То, что испортилъ либерализмъ, должна исправить революція».

Л. Мартовъ.

„Красный" флотъ.

(21-го іюня 1905 г., № 103).

16 іюня.

Передъ нами лежитъ листокъ бумаги, на которомъ неумѣлой рукой выведены слѣдующія строки:

«Бѣдные, бѣдные матросы!.. Долго ли вы будете погибать ни за что? Долго ли вы будете жить въ темнотѣ, забитые хищнической дисциплиной? Скоро ли вы сбросите съ себя этотъ тяжкій гнетъ и сдѣлаетесь свободными отъ гнетущаго васъ ига?

Проснитесь же, проснитесь!»

Такими словами заканчивается письмо матросовъ черноморскаго флота, полученное нами на-дняхъ и помѣченное 11-мъ мая. Усиленное стремленіе излить свои чувства на бумагѣ стало проявляться среди матросовъ въ самое послѣднее время, когда революціонное настроеніе въ матросской массѣ Севастополя стало рости съ каждымъ днемъ. Въ концѣ мая комитетъ крымскаго союза Р. С. Д. Р. П. сообщалъ, что среди матросовъ идутъ усиленные толки о томъ, чтобы овладѣть

броненосцами и идти на Одессу. Не прошло и недѣли, какъ телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что «мечта» матросовъ осуществилась. Экипажъ «Князя Потемкина»—этого «Сахалина», какъ говорили матросы, имѣя въ виду каторжный режимъ, установленный на этомъ кораблѣ,—экипажъ адмиральскаго судна уничтожилъ своихъ командировъ, выкинулъ красное знамя и, присоединившись къ начавшейся до того всеобщей стачкѣ одесскихъ рабочихъ, превратилъ эту стачку въ возстаніе.

Что будетъ дальше? Что произошло уже послѣ этихъ, грандіозныхъ по своему значенію, фактовъ? Когда мы пишемъ эти строки, мы еще ничего не знаемъ, кромѣ сенсаціонныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій, наполняющихъ телеграммы швейцарскихъ газетъ. Слухи о возстаніи моряковъ въ Либавѣ, объ отказѣ одесскихъ солдатъ стрѣлять въ народъ, о присоединеніи всѣхъ севастопольскихъ матросовъ къ товарищамъ съ «Кн. Потемкина». Изъ всѣхъ этихъ извѣстій послѣднее наиболѣе вѣроятно. Черезъ нѣсколько дней туманъ противорѣчивыхъ извѣстій разсѣется, и мы узнаемъ—побѣдило ли дѣло свободы, на этотъ разъ начавшее борьбу, опираясь на вооруженную силу, или еще разъ о внѣшнія условія, препятствующія организаціи революціонныхъ силъ, разбилась геройская попытка.

Но если бы она и на этотъ разъ разбилась, если бъ одесскому пролетаріату и черноморскимъ морякамъ не удалось начать побѣдоноснаго по своимъ результатамъ возстанія, значеніе совершившагося событія не поддается преувеличенію. Ножъ революціи вошелъ въ самое сердце стараго порядка—его военныя силы поднялись противъ него. Тысячи сочувствующихъ революціи солдатъ увидятъ воочію, какъ это дѣлается, какъ «забитые хищнической дисциплиной» дѣлаются «свободными отъ гнетущаго ихъ ига», какъ солдатъ превращается въ гражданина. Ледъ сломленъ, революціонному пролетаріату остается теперь только дерзать, теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что вооруженная сила уйдетъ отъ правительства.

Дерзать! въ этомъ словѣ вся мудрость той революціонной тактики, которая подсказывается обстоятельствами момента. Начавшееся въ Одессѣ движеніе должно быть поддержано всѣми средствами. Болѣе благопріятнаго случая для побѣды трудно дождаться. Укрѣпившись въ одномъ пунктѣ, побѣдоносная революція должна начать активное наступленіе на остальныя области, подымая крестьянство, провозглашая народовластіе, мобилизуя городской пролетаріатъ.

Революціонный инстинктъ и социалдемократическое сознаніе должны подсказать на мѣстахъ, какъ проводить эту тактику. Одно можно

только пожелать, чтобы ихъ дѣйствія были столь же рѣшительны и обдуманны, какъ первые шаги матросовъ.

Революція подвигается гигантскими шагами. Грандіозныя и трагическія событія лодзинскаго возстанія уже превзойдены черноморскими событіями. Творчество великой россійской революціи неизсякаемо. Счастливы тѣ, кто сумѣетъ внести свою лепту въ это творчество!

Да здравствуетъ же россійская революція! Да здравствуетъ народовластіе! Да здравствуетъ «красный» флотъ!

20-ое іюня.

Въ настоящій моментъ еще нельзя себѣ составить полнаго представленія о положеніи дѣлъ. Очевидно одно: всѣ слухи о сдачѣ «Потемкина»—наглая ложь правительства. Эскадра адм. Кригера, посланная для усмиренія «Потемкина», вернулась съ позоромъ въ Севастополь, не только не приведя «красный броненосецъ» къ повиновенію, но и потерявъ еще другой броненосецъ «Георгій Побѣдоносецъ». Послѣдній, впрочемъ, повидимому, оказался менѣе стойкимъ, чѣмъ «Потемкинъ», и вступилъ въ переговоры о сдачѣ. Несомнѣнно также и то, что въ Одессѣ рабочимъ не удалось справиться съ вооруженной силой, и «Потемкинъ» съ малыми судами счелъ нужнымъ отправиться въ Румынію для того, чтобы запастись углемъ и провіантомъ. Что будетъ дальше?

Иностранная печать заполнена лживыми клеветническими сообщеніями, имѣющими цѣлью забросать грязью возставшихъ моряковъ. Нѣтъ той гнусности, которая не была бы пущена въ ходъ европейской печатью, лакействующей на двойной службѣ—у россійскаго правительства, которое увидѣло себя на краю бездны, и у западной буржуазіи, которой встревоженное воображеніе рисуетъ картину грядущаго крушенія милитаризма. И въ то время, когда революціонеры-матросы провозглашаютъ освобожденіе русскаго народа, европейская печать третируетъ ихъ «пиратами» и «бандитами» и воспроизводитъ лживыя извѣщенія русскихъ шпіоновъ о томъ, что матросы дѣйствовали въ состояніи опьяненія, что они жгли городъ и т. д.

Въ настоящее время, когда всѣ подробныя сообщенія телеграфныхъ агентствъ о сдачѣ «Потемкина» без единаго выстрѣла были наглядно опровергнуты фактомъ появленія этого самаго «Потемкина» въ румынскихъ водахъ, когда выяснилось съ несомнѣнной очевидностью, что «безъ единаго выстрѣла» отступилъ передъ Потемкинымъ адмиралъ Кригеръ, боявшійся возмущенія остальныхъ броненосцевъ,—въ настоящее время неистощимые въ измышленіяхъ оффиціозы увѣряютъ, что экипажъ «Потемкина» истощенъ голодомъ и лишенъ угля, такъ

что вынужденъ будетъ сдаться въ скоромъ времени. Увидимъ, не придется ли въ ближайшемъ будущемъ отказаться и отъ этой выдумки.

Л. Мартовъ.

Черноморское возстаніе.

(1 іюля 1905 г. № 104).

Черезъ 11 дней послѣ того, какъ на немъ взвилось красное знамя, «Князь Потемкинъ» сложилъ оружіе, а экипажъ его высадился въ Румынію. Первая попытка вооруженнаго возстанія не удалась. Къ счастью, эта неудавшаяся попытка стоила революціи, сравнительно, немного жертвъ, и это обстоятельство въ высокой степени увеличиваетъ революціонное дѣйствіе, которое она окажетъ, несмотря на неудачи, на народныя массы.

Въ настоящій моментъ мы еще не обладаемъ достаточнымъ количествомъ данныхъ, чтобы всесторонне выяснить вопросъ о причинахъ неудачнаго конца столь успѣшно начатаго дѣла. Но кое-какими данными мы располагаемъ, а потому имѣемъ возможность подвести нѣкоторые итоги этому событію русской революціи, затмившему собою всѣ ея предыдущіе этапы.

И прежде всего, мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы судить о возникновеніи самаго возстанія моряковъ. Мы знаемъ, что поводомъ къ нему послужило столкновеніе команды съ офицерами, сопровождавшееся убійствомъ одного товарища. Случайная искра зажгла пожаръ, для котораго революціонная работа подготовила достаточное количество горючаго матеріала.

Это обстоятельство съ самаго начала опредѣлило характеръ возстанія и задачи, поставленныя имъ революціонерамъ. Въ головахъ организованныхъ матросовъ давно уже зародился опредѣленный планъ того возстанія, которое они начнутъ, овладѣвъ всѣми судами. Согласно этому плану, революціонный флотъ забираетъ Одессу, поднимаетъ возстаніе на Кавказѣ. Вы же, говорили матросы Крымскому

Союзу, дайте въ это время знать Польшѣ и Петербургу, чтобы поддержали.

Нельзя ничего возразить по существу противъ этого плана; можно сказать, что онъ самъ собой напрашивался, какъ выходъ изъ даннаго положенія революціонныхъ силъ. Однако, прежде чѣмъ организаціей могли быть приняты хотя бы тѣ дѣйствія, которыя являлись обязательными въ силу вѣроятности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ общаго возстанія черноморскихъ моряковъ, — наступили тѣ событія, которыя съ быстротой молній перемѣнили всю обстановку намѣченнаго плана и поставили передъ революціонерами вопросъ—или отступить, или рѣшительно идти впередъ? Матросы избрали второе, и дѣйствія ихъ вполнѣ соотвѣтствовали обстоятельствамъ. Въ Одессѣ въ то время рабочими велась баррикадная битва, и это обстоятельство подсказывало имъ совершенно новый планъ дѣйствій.

Съ самаго начала, слѣдовательно, на этомъ возстаніи сказалась тщета столь обычныхъ еще упованій на повсемѣстное возстаніе, начатое «по плану». Къ возстанію приближаетъ прежде всего широкая агитаціонная дѣятельность; а ея развитіе, по необходимости, вызываетъ въ массахъ то революціонное броженіе, которое не ждетъ сигнала свыше, чтобы вылиться въ отдѣльномъ возстаніи. Задача о р г а н и з а ц і и революціи начинается съ того момента, когда возстаніе вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть: возможность этой организаціи и всѣхъ подготовительныхъ для ея успѣха дѣйствій дается общей революціонной атмосферой, въ которой возникаютъ возстанія, не какъ случайные эпизодическіе акты, но какъ необходимыя слѣдствія остраго столкновенія общественныхъ силъ.

Задача организаціи революціи стала передъ соціалдемократами, когда внезапно вспыхнувшее возстаніе отдало имъ въ руки грозную боевую силу. Приходилось составлять планъ борьбы примѣнительно къ данному положенію. Прежде всего—связать возставшій экипажъ съ боровшимся на улицахъ Одессы пролетаріатомъ и объединить эти два движенія одной политической программой. Матросы такъ и поступили. Прибытіе броненосца въ Одессу и выставленіе его экипажемъ революціонной программы подняло революціонное самосознаніе одесскаго пролетаріата, устроившаго морякамъ восторженную встрѣчу. Мы не знаемъ, какъ ихъ встрѣтила либерально-демократическая часть буржуазіи. Отдѣльныя фразы въ полученныхъ письмахъ заставляютъ думать, что ея политическое поведеніе было ниже всякой критики и заслуживаетъ самаго суроваго осужденія. Само собой разумѣется, что происшедшія вскорѣ послѣ прибытія «Потемкина» вспышки «босяцкаго

бунта» съ поджогами и грабежами не могутъ оправдать враждебнаго или даже пассивнаго отношенія общества къ стучавшейся въ его двери народной революціи...

Прибывъ въ Одессу, «Потемкинъ» сталъ на стражѣ волновавшагося и манифестировавшаго пролетаріата. Представители послѣдняго приглашали матросовъ къ энергичнымъ активнымъ дѣйствіямъ. Предложенный одесситами планъ борьбы заключался въ высадкѣ части матросовъ на берегъ, вооруженіи рабочихъ излишнимъ оружіемъ, бывшимъ на кораблѣ, и занятіи города народомъ, во главѣ котораго, подъ охраной пушекъ броненосца, пошли бы моряки. Повидимому, этотъ планъ являлся наиболѣе цѣлесообразнымъ. Воспользоваться первымъ моментомъ дезорганизаціи власти, чтобы напасть на нее и попытаться увлечь на свою сторону колебавшіеся полки — это значило повести борьбу при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Взять городъ въ свои руки, провозгласить въ немъ низверженіе правительственной власти и организовать демократическое самоуправленіе гражданъ—подобно тому какъ матросы «Потемкина» организовали на броненосцѣ военную республику—значило дать возстанію политическій центръ, дать ему политическую организацію. Это значило—могучимъ движеніемъ вызвать наружу всѣ скрытыя въ различныхъ слояхъ населенія революціонныя силы, побудить буржуазную демократію занять опредѣленное отношеніе къ провозглашенной политической свободѣ, дать окрестному, только что поднявшемуся, крестьянству, опорный пунктъ для организаціи своего революціоннаго самоуправленія, дать всей остальной Россіи стимулъ перейти къ активной борьбѣ. Начавшееся на военномъ кораблѣ возстаніе должно было стараться возможно скорѣе укрѣпить въ городѣ.

Возставшіе матросы не рѣшились принять предложеніе одесскихъ соціалдемократовъ. Они находили, что высадка части экипажа до того, какъ опредѣлится отношеніе остальной части флота, нецѣлесообразна. Здѣсь невозможно всесторонне выяснить, насколько были ихъ соображенія вѣрны. Ясно, что, имѣя въ тылу еще не ушедшій изъ рукъ правительства флотъ, они могли считать рискованной высадку на сушу. Но, съ другой стороны, взятіе народомъ Одессы само явилось бы тѣмъ событіемъ, которое ускорило бы переходъ остальныхъ судовъ на сторону народа. Если же приходилось дожидаться появленія эскадры Кригера, то, дождавшись ея отступленія передъ краснымъ флагомъ «Потемкина» и выяснивъ, что настроеніе массы матросовъ въ данный моментъ не позволяетъ правительству принять сраженіе, матросы, очевидно, могли вернуться къ первоначальному плану одесскихъ со-

ціалдемократовъ, хотя бы при болѣе худшихъ, чѣмъ за два дня до того, условіяхъ.

Бомбардировать Одессу матросы не рѣшились. Они объяснили корреспондентамъ иностранныхъ газетъ въ Румыніи, что не желали раззорять бѣдной части населенія. Не принявъ плана высадки въ Одессѣ, что могли они еще сдѣлать? Идти на Кавказъ, чтобъ, высадившись тамъ, дать толчекъ къ народному возстанію?..

Но надо признать, что, поставивъ свои дѣйствія въ зависимость отъ пассивнаго поведенія остальныхъ судовъ и понимая, что этой пассивностью морскія власти попытаются воспользоваться, чтобы сколотить себѣ хоть маленькій, но надежный отрядъ,—зная это, «Потемкинъ» имѣлъ основаніе считать нападеніе на пока еще спокойный Кавказъ рискованнымъ предпріятіемъ, которое, при неудачѣ, могло позволить Кригеру отрѣзать броненосцу всякое отступленіе. При такихъ условіяхъ плаваніе по Черному морю становилось безцѣльнымъ, и, рано или поздно, оставалось выбрать лучшій изъ оставшихся исходовъ—ликвидировать возстаніе, эмигрировавъ на иностранную территорію.

Такимъ образомъ, наиболѣе благопріятный моментъ для развитія возстанія былъ упущенъ въ первые дни по прибытіи въ Одессу. Естественно возникаетъ вопросъ: не потому ли проиграно дѣло, что в с ѣ ожидали дальнѣйшихъ инициативныхъ дѣйствій отъ «Потемкина»? Не потому ли проиграно дѣло, что одесскія организаціи не попытались перейти въ наступленіе, не дожидаясь дессанта съ «Потемкина», что военные кружки въ Одессѣ не попытались немедленно начать «солдатскій бунтъ», чтобы перевести на сторону революціи какую нибудь военную часть, что организованные матросы въ Севастополѣ не постарались увлечь хотя бы еще одно судно на путь возстанія?

Мы нарочно ставимъ эти вопросы, хотя хорошо знаемъ, что знакомые съ обстоятельствами дѣла люди могутъ отвѣтить: это было, въ данномъ положеніи, немыслимо. Возможно, что такъ. Но это только и значитъ, что дѣйствительной причиной неудачи явилась *общая неподготовленность* къ возстанію данныхъ революціонныхъ элементовъ.

Знали ли одесскіе рабочіе—широкіе слои ихъ — каковы задачи рабочаго класса по отношенію къ народному выступленію? Знали ли они, до какой степени успѣхъ зависитъ отъ рѣшительныхъ коллективныхъ дѣйствій всѣхъ слоевъ народной массы, бьющихъ въ одну точку, смѣщающихъ правительственную власть, «развязывающихъ» народную революцію? Привыкли ли они къ планомѣрнымъ массовымъ дѣйствіямъ

опирающимися на широкія народныя массовыя же организаціи? Привыкли ли они, научились ли они выступать какъ политическій авангардъ народа, заинтересовывая въ успѣхѣ непролетарскіе слои населенія, знакомя ихъ съ политическимъ смысломъ революціи? Знали ли ближніе крестьяне, что имъ надо идти въ городъ? Знали ли рабочіе окрестныхъ городовъ, что имъ надо во что бы то ни стало помѣшать концентраціи правительственныхъ силъ въ Одессѣ, что они должны разрушать желѣзныя дороги, устраивать желѣзнодорожныя стачки, отвлекать войска собственными «безпорядками»?

Очевидно, на всѣ эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ. И этотъ отрицательный отвѣтъ, давая объясненіе главнымъ причинамъ неудачи возстанія, даетъ и разрѣшеніе вопроса о томъ, что же дѣлать для успѣха въ будущемъ.

Но мы не исчерпали всего вопроса о недочетахъ соціалдемократіи, если бы не упомянули объ обнаружившейся въ эти дни слабости организаціи. Изолированность мѣстныхъ движеній снова сказалась въ ясной формѣ. Черезъ четыре дня послѣ прибытія «Потемкина» въ Одессу, въ Николаевѣ, охваченномъ всеобщей забастовкой и волненіями рабочихъ, организованные рабочіе имѣли самыя смутныя свѣдѣнія о какомъ-то «бунтѣ матросовъ». Цѣль, преслѣдуемая правительствомъ—изолировать охваченную пожаромъ мѣстность—оказывается для него достижимой, благодаря, въ значительной мѣрѣ, «кустарному» характеру соціалдемократической работы, искусственно закрѣпляемому утопическими представленіями о такомъ централизмѣ, который сдѣлаетъ ненужной для каждой мѣстной группы заботу о связываніи даннаго движенія тысячами организаціонныхъ нитей съ окрестными движеніями.

Еще въ письмѣ о вооруженіи, съ которымъ «Искра» обратилась къ организаціямъ сейчасъ послѣ 9 января, было указано на то, что обычное представленіе о «подготовленномъ и назначенномъ» возстаніи, однимъ ударомъ свергающемъ существующее правительство и замѣняющемъ его новымъ,—что это представленіе, въ лучшемъ случаѣ, покоится на подмѣнѣ всенароднаго возстанія—возстаніемъ столичнаго населенія, на подобіе тѣхъ, какія рѣшали судьбу революціи во Франціи. Этому представленію противопоставлялась тогда же картина революціи, вспыхивающей гдѣ либо вообще, въ одной изъ многочисленныхъ, охваченныхъ движеніемъ, областей Россіи, и планомѣрно распространяющейся на всю страну съ перспективой послѣдняго удара въ правительственномъ центрѣ. За вѣроятность такого хода событій говорятъ особенныя условія возникновенія и развитія русскаго рево-

люціоннаго движенія и—не въ послѣдней мѣрѣ—боевая гегемонія въ немъ соціалистическаго пролетаріата.

Представленіе о революціонномъ центрѣ, двигающемъ по ниточкамъ милліонами возстающаго во всѣхъ концахъ Россіи народа, принадлежитъ къ числу худшихъ продуктовъ распаленной фантазіи «героевъ голубинаго полета». Партизаны такого рода «командованія революціей» обыкновенно упускаютъ дѣйствительныя возможности направить ходъ событій подъ предлогомъ, что еще не назрѣлъ моментъ для лелѣемаго ими «подготовленнаго и назначеннаго возстанія». Представленіе о послѣднемъ съ другой стороны, понижаетъ активность тѣхъ революціонныхъ группъ, которымъ приходится имѣть передъ собой подлинно возставшую массу и которыя ждутъ не отъ себя, не отъ своей иниціативы, а отъ кого то другого (или отъ стихіи), распространенія вспыхнувшей революціи за первоначальные ея предѣлы.

Если вѣрно, что страна «вплотную подошла къ всенародному возстанію»—а это въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно,—то каждое успѣшное частичное возстаніе можетъ сдѣлаться исходной точкой возстанія всероссійскаго. Революціонеры въ этомъ случаѣ могутъ сдѣлать возставшую мѣстность центромъ, не дожидаясь активныхъ дѣйствій революціонныхъ элементовъ въ другихъ мѣстностяхъ, но, напротивъ, стимулируя эти послѣднія... Когда кругомъ накопилось столько горючаго матеріала, когда не хватаетъ только надежды населенія на побѣду, тогда такая тактика для уже одержавшихъ успѣхъ революціонеровъ представляется обязательной. Поэтому, и организаціонная работа должна ставить себѣ цѣлью прежде всего обезпечить возможность управлять большими массами.

Сказаннаго достаточно, чтобы изъ неудачи, постигшей «Потемкина», сдѣлать еще разъ тѣ выводы, къ которымъ пришла обще-партійная конференція «меньшинства» въ своей резолюціи. Только посильное выполненіе всѣми соціалдемократами намѣченной въ этой резолюціи программы дѣйствій позволитъ въ будущемъ добиться большихъ непосредственныхъ результатовъ...

Что же касается результатовъ косвенныхъ, то возстаніе матросовъ «Потемкина», несмотря на свою конечную неудачу, оказало громадную услугу революціи. Эра перехода военныхъ силъ на сторону народа открылась. Правительственныя силы деморализованы. Въ солдатскую и офицерскую среду внесенъ духъ «мятежа». Отнынѣ революціонное движеніе въ арміи будетъ идти гигантскими шагами. И это обстоятельство все чаще будетъ ставить вопросъ объ использованіи дающихся въ руки военныхъ силъ революціи. Вотъ почему обязан-

ностью всей партіи является постараться, чтобы вновь полученный урокъ не пропалъ даромъ. Необходимо самымъ широкимъ образомъ ознакомить народныя массы съ закончившейся только что попыткой возстанія, надо популяризировать среди нихъ соціалдемократическую программу революціонныхъ дѣйствій, надо возможно шире ставить весь вопросъ передъ организованными солдатами. Тогда только неудавшееся, какъ возстаніе, предпріятіе «Потемкина» само сыграетъ громадную роль въ дѣлѣ подготовки населенія къ побѣдоносной борьбѣ. Тогда только, по выраженію резолюціи, принятой конференціей, пріобрѣтаютъ значеніе и техническія приготовленія.

Исторія знаетъ неудачныя возстанія, имѣвшія болѣе революціонное значеніе, чѣмъ иные побѣды повстанцевъ. Возстаніе «Потемкина» принадлежитъ къ числу такихъ «неудачныхъ» возстаній. Революціонерамъ не приходится сожалѣть, что взрывъ на «Потемкинѣ» произошелъ до того, какъ матросамъ удалось подготовить возстаніе во всемъ флотѣ.

Л. Мартовъ.

Демонстрація бюрократіи.

(1 іюля 1905 года, № 104).

Земская депутація 6-го іюня сдѣлала несомнѣнно, съ своей стороны, все возможное, чтобы превратить свое хожденіе въ смѣшной фарсъ. Накланявшись по всѣмъ канцеляріямъ, пожавъ руки всей «высоко поставленной» шайкѣ, обмѣнявшись визитами съ генералъ-кнутобойцемъ Треповымъ, она, если не сдвинула пресловутую «стѣну бюрократіи», отдѣляющую «царя отъ народа», то, по крайней мѣрѣ, ползкомъ пробралась подъ нее и предстала передъ монархомъ. Но это эффектное положеніе депутація съумѣла использовать лишь затѣмъ, чтобы какъ можно больше и «убѣдительнѣе» поговорить и какъ можно меньше сказать. Вмѣсто «народныхъ трибуновъ», передъ трономъ предстали обыкновеннѣйшіе болтуны, ужомъ извивавшіеся въ искусно-построенныхъ оборотахъ рѣчи и старательно обходившіе «опасныя» мѣста. Какъ

ни грустно, приходится признать, что горькая правда, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ авторъ, заключается въ словахъ члена другой депутаціи, гр. Бобринскаго: «это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова». Какъ иначе оцѣнить людей, ведущихъ «борьбу» противъ самодержавія и требующихъ въ тоже время чтобы самодержецъ сталъ «царемъ всего народа»? Немудрено, что даже косноязычная бюрократія побила рекордъ въ состязаніи съ краснорѣчивѣйшимъ профессоромъ кн. Трубецкимъ и сказала ясно то, что хотѣла—о «самобытныхъ» началахъ—между тѣмъ, какъ профессору, того, что онъ «хотѣлъ», сказать несомнѣнно не удалось. И сіятельный «врагъ бюрократіи» оказался столь одураченнымъ, что счелъ даже совмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ принять порученіе писать «записку» объ университетскомъ вопросѣ, утѣшаясь тѣмъ, что она прямо попадетъ куда слѣдуетъ, минуя ненавистную «бюрократію», которою, очевидно, въ придворной канцеляріи пахнетъ!

Но если либеральная депутація возлюбила фигуру умолчанія, то русская революція не оказалась солидарной съ нею. Иваново-Вознесенскъ, Тифлисъ, Батумъ, Лодзь, Варшава, Кронштадтъ, Либава, Одесса, Севастополь не только громко досказали то, о чемъ либералы «хотѣли» говорить, но не говорили, но сказали и много такого, о чемъ «земскіе люди» говорить и въ мысляхъ не имѣли. Русская революція поправила дѣло, испорченное либерализмомъ, и даетъ ему возможность, теперь, на предстоящемъ новомъ земскомъ съѣздѣ, сказать, наконецъ, серьезное слово, а словомъ этимъ не можетъ быть ни что иное, какъ полная и безусловная апелляція къ народу, съ полнымъ и безусловнымъ признаніемъ требованій народа. Не новыя обличенія «бюрократіи», не измышленія цензовыхъ нормъ, которыя такъ или иначе лишили бы народъ полноправнаго участія въ представительствѣ, не безсодержательныя «компромиссныя» формулы ради сохраненія «единогласія», но только открытыя революціонныя дѣйствія дадутъ возможность либерализму сыграть серьезную роль въ дѣлѣ русскаго освобожденія. Иначе новый земскій съѣздъ будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ стараго фарса. Посмотрите: вѣдь вся страна превратилась въ одинъ кипящій котелъ, возстаніе вспыхиваетъ то тутъ, то тамъ, флотъ и армія явно перестаютъ быть послушнымъ орудіемъ тираніи и все чаще и чаще сами выступаютъ въ роли зачинщиковъ активной борьбы со старымъ режимомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, занятіе японцами Сахалина и появленіе японской эскадры передъ Владивостокомъ служатъ грознымъ предупрежденіемъ о близости новаго ужаснаго разгрома! Неужели въ

такое время демократія займется снова улавливаніемъ въ свои сѣти гг. Шиповыхъ и другихъ кандидатовъ въ министры и отрѣжетъ себя отъ мощнаго потока народной революціи? Революція исправила ошибку и преступленіе, совершенныя либерализмомъ и демократіею. Но революція не всегда будетъ такъ терпѣлива и карающимъ мечомъ обрушится на тѣхъ, кто будетъ упорно закрывать глаза на ея уроки. Пусть вспомнятъ это тѣ, которые соберутся на съѣздъ 6-го іюля!

Исправивъ ошибки либераловъ и придавъ серьезный смыслъ задуманному ими фарсу, революція, наоборотъ, превратила въ фарсъ серьезно задуманную демонстрацію реакціи. На «выходъ» земцевъ бюрократія задумала отвѣтить демонстраціей, и на 21-ое іюня была призвана депутація «Союза русскихъ людей». Три графа, дворянинъ-аристократъ и генералъ явились, чтобы говорить отъ имени этого центральнаго комитета «черныхъ сотенъ». Народъ—въ образѣ одного старообрядца, одного мѣщанина и четырехъ крестьянъ, былъ призванъ, чтобы своимъ одобрительнымъ мычаніемъ придать вѣсъ заявленіямъ черносотенныхъ атамановъ. Дворяне говорили, народъ молчалъ...

Нужно признаться, и на этотъ разъ слуги реакціи не оказались «краснобаями» и съ полнымъ правомъ могли, въ приведенныхъ нами выше словахъ гр. Бобринскаго, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ отозваться насчетъ затемняющаго «суть дѣла и корень вопроса» краснорѣчія своихъ либеральныхъ соперниковъ. Господа Шереметевы и Бобринскіе «суть дѣла» сказали прямо: продолженіе войны во что бы то ни стало, новыя мобилизаціи, новые налоги, водвореніе «порядка», сохраненіе въ неприкосновенности самодержавія и, прежде всего, сохраненіе сословности—вотъ чего они дѣйствительно желаютъ и вотъ что они прямо сказали. Они не заявляли, что «не считаютъ себя призванными» обсуждать формы будущаго представительства, а напрямикъ отрѣзали, что «представительство» намъ «не свойственно», что Земскій Соборъ не есть и не долженъ быть представительствомъ, а простой совѣщательной комиссіей, въ которой каждое сословіе подаетъ свой голосъ отдѣльно и т. д. и т. д. Словомъ, сказали именно то, что хотѣли.

Но реакціонная демонстрація запоздала! И хотя «народъ» мычалъ о готовности крестьянъ и рабочихъ «жертвовать всѣмъ для пользы царя и родины, чтобы помочь побѣдить врага и востановить порядокъ», но «Князь Потемкинъ» и всѣ событія послѣднихъ дней слишкомъ грозной картиной стояли передъ очами бюрократіи, чтобъ она могла дать волю своимъ «чувствамъ», опираясь на стоявшую передъ нею хулиганско-дворянскую рать. Въ отвѣтъ на рѣчи «господъ» и привѣтствія «братцевъ», дышавшія готовностью тащить и не пущать, имъ не было

уже сказано ничего о «самобытныхъ» началахъ, а, наоборотъ, указано на то, что «сама жизнь» «укажетъ пути»... Самодержавное правительство можетъ быть спокойно: «жизнь» знаетъ твердо «путь» свой, но на этомъ пути нѣтъ мѣста «родной старинѣ»!

Демонстрація самодержавія не удалась. Добровольный фарсъ либерализма дополнился невольнымъ фарсомъ реакціи. Пусть подумаютъ надъ этими уроками революціи тѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ...

Ф. Данъ.

Оборона или наступленіе.

(18 іюля 1905 г., № 106)

Все ближе и ближе придвигается день, въ который собираются «осчастливить» Россію, кромѣ военной диктатуры, черныхъ сотенъ и казацкихъ драгонадъ, еще и «представительнымъ» учрежденіемъ въ византійско-домостроевскомъ стилѣ. За послѣднее время, правда, внушительная логика событій заставила, повидимому, и въ скорбной головѣ бюрократіи зашевелиться мысль о необходимости нѣсколько «европеизировать» построенное ею зданіе «представительства». Въ иностранной печати уже появились извѣстія о различныхъ узорахъ и пристройкахъ, которыми самодержавная бюрократія думаетъ прикрыть болѣе чѣмъ «самобытный» фасадъ булыгинской государственной думы. Но всѣ эти карнизики, балкончики и галлерейки столь мало мѣняютъ существо дѣла, что—если «благимъ намѣреніямъ» суждено осуществиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ—мы должны, несомнѣнно, считаться съ возможностью «представительства» того именно специфическаго типа, какой былъ предъявленъ въ булыгинскомъ проектѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ встаетъ все настоятельнѣе вопросъ: что дѣлать, какъ реагировать на этотъ новый актъ самодержавно-бюрократической политической мудрости? Вопросъ этотъ оживленно обсуждается не только въ рядахъ соціалдемократіи. Имъ занимался земскій съѣздъ, на него еще раньше далъ отвѣтъ «Союзъ союзовъ». Бойкотировать ли

или не бойкотировать булыгинскую думу? Стараться ли привлечь народныя массы къ реагированію на созывъ думы, и если да, то въ какой формѣ и съ какими цѣлями? Тѣ или иные отвѣты на эти вопросы и опредѣляютъ собою основные контуры тактики по отношенію къ данному политическому моменту.

Въ статьѣ «Къ современному положенію» мы пытались намѣтить эти контуры, какъ они представляются намъ съ точки зрѣнія партіи пролетаріата. Но вопросъ настолько важенъ, что не мѣшаетъ еще разъ подробнѣе остановиться на немъ.

Мы знаемъ, что земскій съѣздъ оставилъ открытымъ вопросъ относительно бойкота булыгинской думы. «Союзъ союзовъ» же высказался за такой бойкотъ. Необходимо подвергнуть позицію, занятую либерализмомъ и демократіей, критической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія нашей собственной тактики и извлечь изъ этой позиціи возможно больше элементовъ для раздуванія революціоннаго пожара и для классоваго самоопредѣленія пролетаріата.

Основной принципъ нашей тактики въ переживаемое революціонное время—это стремленіе не останавливать развитія революціи, а, наоборотъ, развязать ее, употребить всѣ усилія, чтобы придать революціонному процессу возможно большую экстенсивность и интенсивность, помочь ему до дна всколыхнуть застоявшееся всероссійское болото. Съ этой точки зрѣнія, всякое завоеваніе, сдѣланное народомъ въ революціонной борьбѣ, для насъ цѣнно, прежде всего, какъ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ революціонныхъ шаговъ. Отсюда вытекаютъ два вывода. Во первыхъ, такъ какъ непрерывное поступательное движеніе революціи совершенно невозможно безъ одновременнаго прогрессивнаго роста концентраціи и организаціи широкихъ народныхъ массъ, то наша тактика должна всегда быть направлена къ тому, чтобы вносить такое концентрирующее и организующее начало въ нашу дѣятельность. Создавать своего рода агитаціонныя трибуны все большаго и большаго масштаба и использовать всѣ возможности, представляющіяся для такого созданія, съ одной стороны, и организовывать массы на почвѣ агитаціи, раздающейся съ этихъ трибунъ, съ другой—наша непосредственная задача. Это—первый выводъ изъ основного принципа нашей революціонной тактики. Второй же выводъ заключается въ томъ, что всякое вызываемое нами массовое движеніе имѣетъ для насъ значеніе не въ качествѣ изолированнаго, самодовлѣющаго явленія, а лишь какъ одно изъ звеньевъ той цѣпи массовыхъ движеній, которая все укрѣпляетъ и расширяетъ революціонную организацію массъ, организуетъ всенародное выступленіе.

Удовлетворяетъ ли этимъ условіямъ тактика безусловнаго бойкота проектированной «думы», принятая «союзомъ союзовъ»? Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на всю свою каррикатурность, и отчасти даже именно вслѣдствіе этой каррикатурности и грубѣйшаго нарушенія всѣхъ политическихъ правъ народа, булыгинская дума дала бы въ руки революціи огромный агитаціонный матеріалъ. Она дала бы во всякомъ случаѣ тотъ всероссійскій пунктъ концентраціи политическаго вниманія народныхъ массъ, который крайне полезенъ для объединенія и усиленія политической агитаціи. Агитація, широко развернутая вокругъ вопросовъ о самомъ составѣ думы, о порядкѣ ея функціонированія, вокругъ вопросовъ, поднимаемыхъ въ самой думѣ, и рѣшеній, даваемыхъ ею, несомнѣнно, дала бы богатѣйшій матеріалъ для политическаго воспитанія массъ и революціонной организаціи ихъ. Отвергать эту трибуну, при всѣхъ ея недостаткахъ, цѣлесообразно съ нашей точки зрѣнія лишь въ томъ случаѣ, если мы одновременно создаемъ взамѣнъ ея лучшую трибуну, лучшіе пункты концентраціи политическаго вниманія и революціонной организаціи.

Рѣшились ли «союзы», постановляя бойкотъ булыгинской думы, создать одновременно другіе, болѣе выгодные въ агитаціонномъ и организующемъ отношеніи, пункты политическаго тяготѣнія? Нѣтъ, они ограничились однимъ бойкотомъ pur et simple.

Правда, бойкотъ дополняется въ ихъ представленіи демонстративной политической забастовкой. Но, не говоря уже о томъ, что проведеніе всеобщей забастовки разсчитано лишь на элементы народной массы, уже такъ или иначе втянутые въ круговоротъ политическаго движенія, и оставляетъ совершенно въ сторонѣ многомилліонную массу крестьянства, по самому положенію своему лишеннаго возможности «бастовать»,—не говоря объ этомъ, и самая забастовка рабочихъ и лицъ интеллигентныхъ профессій мыслится, именно, какъ «демонстрація», какъ изолированный, самодовлѣющій актъ выраженія недовольства, долженствующій оказать «моральное» вліяніе. Предполагается не взрывъ стихійнаго движенія, по отношенію къ которому задача сводится къ тому, чтобы раздуть пламя до крайнихъ возможныхъ предѣловъ, до уличнаго выступленія, до революціи. Нѣтъ; имѣется въ виду мирная манифестація, которая въ 3—4 дня должна завершить свой циклъ и которая направлена не къ революціонному захвату народомъ тѣхъ правъ, которыхъ его лишили, а лишь къ выраженію протеста противъ такого лишенія, причемъ, конечно, предполагается, что давленіе этого протеста побудитъ «власть имущихъ» къ «уступкамъ», которыя предотвратятъ революцію. Не намѣ-

тивъ никакой опредѣленной боевой задачи тому движенію массъ, которое они проектируютъ въ видѣ всеобщей забастовки, «союзы» вырвали изъ него революціонное жало.

Вотъ почему, несмотря на свою революціонную и радикальную внѣшность, тактика, принятая «союзомъ союзовъ», на самомъ дѣлѣ, отличается крайнею пассивностью. И себѣ самимъ, и массѣ «союзы» отводятъ чисто пассивную роль. Это—нѣчто вродѣ политическаго «непротивленія злу». Во злѣ не участвуютъ, противъ него протестуютъ, но съ нимъ и не борются активно, силѣ зла не противопоставляютъ силу добра [1]).

И какъ всякая пассивная тактика, и намѣченная «союзомъ союзовъ», несомнѣнно, вредитъ интересамъ народныхъ массъ.

При неудачѣ, или неполной удачѣ—она ведетъ лишь къ самоустраненію сознательныхъ элементовъ. Она даетъ возможность организоваться—въ данномъ случаѣ на почвѣ государственной думы—темнымъ и реакціоннымъ силамъ и оставляетъ въ хаотическомъ состояніи элементы прогрессивные, понижая, такимъ образомъ, ихъ относительную силу или, въ лучшемъ случаѣ, оставляя ихъ въ томъ же положеніи, не двигая впередъ.

При удачѣ—она ведетъ къ ряду уступокъ со стороны правительства, уступокъ, которыя, въ свою очередь, ведутъ къ умиротворенію и откалыванію одного за другимъ верхнихъ слоевъ оппозиціонныхъ элементовъ и изолируютъ въ безправіи «низшіе классы», остающіеся, при послѣдовательномъ проведеніи такой тактики, политически неорганизованными. И нужно имѣть слишкомъ много наивной вѣры въ имманентную гражданскую доблесть либерализма и демократіи, чтобы не предвидѣть заранѣе того момента, когда именно противъ этихъ низшихъ классовъ, вѣсомъ своего стихійнаго движенія вынудившихъ правительство къ уступкамъ, встанутъ всѣ умиротворенные слои оппозиціи.

Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ товарищемъ, приславшимъ намъ на-дняхъ письмо, посвященное вопросу о нашей тактикѣ по отношенію къ созыву государственной думы. Этотъ това-

---

[1]) Статья эта была набрана, когда въ англійскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что «союзъ союзовъ», совмѣстно съ земской лѣвой, рѣшилъ выступить на путь болѣе активной тактики въ направленіи, намѣченномъ нами здѣсь и указанномъ уже раньше въ ст. „Къ современному положенію“. Остается выждать болѣе подробныхъ свѣдѣній, чтобы оцѣнить, насколько послѣдовательно пошла „конституціонно-демократическая партія“ по новому пути.

рищъ исходитъ изъ того предположенія, что созывъ думы никоимъ образомъ не можетъ послужить «толчкомъ къ всероссійскому вооруженному возстанію пролетаріата». Онъ полагаетъ, что «такъ какъ пролетаріату то и не придется участвовать въ выборахъ», то «тутъ не можетъ быть мѣста избирательной агитаціи». Остается, стало быть, за «невозможностью» возстанія, «другая реакція со стороны пролетаріата, физически, можетъ быть, менѣе яркая, но болѣе внушительная въ качествѣ демонстраціи (курсивъ нашъ) его сознательной политической зрѣлости». «Единственной (курсивъ нашъ) формой активнаго выступленія пролетаріата можетъ быть въ данномъ случаѣ всеобщая политическая забастовка во имя всеобщаго избирательнаго права и учредительнаго собранія. Эта забастовка могла бы быть кратковременной, хотя бы въ нѣсколько дней, пробной мобилизаціей политическихъ силъ соціалдемократіи, практической цѣлью которой должно быть политическое давленіе на тѣ классы общества, которые будутъ призваны къ выборамъ...» Угроза вторичной, уже не «пробной» всеобщей забастовкой «со всѣми ея осложненіями, легко предвидимыми въ этомъ случаѣ, явилась бы гарантіей достаточно сильнаго вліянія этой первой политической забастовки на все общество, а въ томъ числѣ и на избирателей». Такъ говоритъ авторъ письма.

Сравнимъ предлагаемую имъ тактику съ тактикой «Союза союзовъ». Отличіе состоитъ въ томъ, что авторъ письма исходитъ изъ предположенія, что дума не бойкотируется избирателями. Но такъ какъ пролетаріатъ къ числу «избирателей» не принадлежитъ, то вопросъ о бойкотѣ и не—бойкотѣ ему рѣшать не придется: этотъ вопросъ стоитъ внѣ его тактики. И поскольку рабочій классъ будетъ, въ данномъ случаѣ, вести свою самостоятельную и активную политику, то или иное рѣшеніе о бойкотѣ можетъ нѣсколько видоизмѣнить форму, время, мѣсто и обстоятельства выступленія пролетаріата, но не можетъ повліять на существо пролетарской тактики. И вотъ, что касается тактики самого пролетаріата, то авторъ письма рекомендуетъ ему ту же самую пассивную, оборонительную позицію, какъ и «Союзъ союзовъ». Элементовъ наступленія, революціоннаго захвата въ предлагаемой пробной забастовкѣ нѣтъ. Правда, они намѣчены въ видѣ угрозъ уже не «пробной», а настоящей забастовкой, «со всѣми ея осложненіями», какъ глухо выражается авторъ. Но вѣдь это только «угроза», а для даннаго момента проектируется все же не болѣе, какъ та же самая «мирная демонстрація»,—разсчитанная притомъ на силы не всего народа, а лишь одного рабочаго класса—какую реко-

мендуетъ и «союзъ союзовъ». Поэтому, намъ кажется слишкомъ оптимистической высказываемая авторомъ письма надежда, что «намѣченной всеобщей забастовкой пролетаріатъ дѣйствительно сталъ бы во главѣ всего общественнаго освободительнаго движенія. Она явилась бы и лучшимъ средствомъ его организаціи для дальнѣйшей борьбы».

Нѣтъ, для того, чтобы «стать во главѣ всего освободительнаго движенія», пролетаріатъ долженъ не «демонстрировать» только передъ населеніемъ, а своей тактикой дѣйствительно вовлекать его въ борьбу. А чтобы использовать свое выступленіе для организаціи въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы, въ это выступленіе долженъ быть вложенъ элементъ революціонной организаціи массъ.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ только еще разъ настоятельно рекомендовать вниманію товарищей тотъ планъ революціоннаго выступленія, который уже намѣченъ нами въ статьѣ «Къ современному положенію». Хотя «пролетаріату то и не придется участвовать въ выборахъ», это отнюдь не мѣшаетъ намъ захватить себѣ право «избирательной агитаціи» путемъ учрежденія рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ для агитаціи во имя всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и Учредительнаго собранія. Они должны призывать и къ осуществленію этой идеи въ томъ или иномъ видѣ. Они должны поставить себѣ цѣлью организовать выборъ народомъ своихъ уполномоченныхъ революціонныхъ депутатовъ внѣ тѣхъ «законныхъ» рамокъ, которыя будутъ установлены министерскими проектами. Они должны звать крестьянъ посылать своихъ свободно выбранныхъ депутатовъ въ города для совмѣстнаго съ городскимъ населеніемъ обсужденія вопроса, что дѣлать. Поскольку такая тактика удастся,—и мы, конечно, должны быть готовы къ тому, что она удастся не вполнѣ и не повсюду—постольку намъ удастся покрыть страну сѣтью органовъ революціоннаго самоуправленія. Всероссійское объединеніе такого самоуправленія создастъ и ту политическую всероссійскую трибуну, которая намъ такъ нужна. Если путемъ созданія такой трибуны удастся «сорвать» булыгинскую думу, то это, конечно, нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ «срываніе» ея простымъ бойкотомъ, безъ созданія чего либо лучшаго взамѣнъ. Во всякомъ случаѣ работа въ этомъ направленіи сдѣлаетъ все, что въ нашихъ силахъ, для революціонизированія и революціонной организаціи народныхъ массъ.

Но при такой постановкѣ задачи, вопросъ о бойкотѣ или не—бойкотѣ думы привилегированными избирателями теряетъ для насъ свою остроту. Ибо, поскольку дѣло организаціи революціоннаго самоуправ-

ленія удастся, постольку архаической думѣ, если бы она и собралась, останется или подчиниться, или исчезнуть. И тутъ то активное выступленіе массъ, хотя бы въ видѣ политической забастовки, пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ проектахъ «Союза союзовъ» и цитированнаго нами выше письма. Тутъ политическая забастовка не будетъ простой «демонстраціей недовольства», а будетъ боевымъ шагомъ, направленнымъ къ прямой поддержкѣ шаговъ органа революціоннаго самоуправленія, если созданіемъ его дума будетъ «сорвана»; къ поддержкѣ революціонныхъ шаговъ органа революціоннаго самоуправленія и думы противъ самодержавной бюрократіи, если дума все же соберется и рѣшитъ встать на революціонный путь; къ поддержкѣ органа революціоннаго самоуправленія противъ бюрократіи и думы, если послѣдняя окажется реакціонной. Мы видимъ, какъ наступательная и организующая тактика, не связывая намъ рукъ тѣмъ способомъ дѣйствій, который сочтутъ за благо принять другіе партіи и классы, скорѣе всего дѣлаетъ насъ готовыми къ войнѣ на всѣ фронты. Но, при такихъ условіяхъ, политическая забастовка совершенно теряетъ свой мирный и «демонстративный» характеръ. Мы должны смотрѣть на нее именно какъ на возможный прологъ болѣе бурныхъ событій, и въ вызванной нами къ жизни организаціи революціоннаго самоуправленія эти событія должны найти достаточную опору для превращенія въ движеніе всенародное.

Намъ остается еще возразить на внушенныя скептицизмомъ сомнѣнія относительно того, чтобы намъ, дѣйствительно, удалось хоть въ сколько нибудь обширныхъ размѣрахъ выполнить ту огромную задачу, которую мы поставили. Мы не раздѣляемъ этого скептицизма и полагаемъ, что при энергіи, умѣлости и рѣшимости мы сможемъ сдѣлать очень много въ этомъ направленіи. Но если бы мы даже сдѣлали очень мало, то во всякомъ случаѣ и это малое будетъ плюсомъ въ дѣлѣ всенародной «организаціи революціи». Прибѣгнуть, въ случаѣ неуспѣха, къ «призыву» къ простой демонстративной забастовкѣ будетъ никогда не поздно. Наоборотъ, какъ бы малы не были результаты нашихъ усилій въ намѣченномъ выше направленіи, они, во всякомъ случаѣ, будутъ попутно наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ подготовлять успѣхъ нашего «призыва». Но начинать съ того, чтобы ставить себѣ минимальную цѣль—значитъ, въ революціонное время, осуждать себя на полное безсиліе, на полную зависимость отъ чужой тактики. Наоборотъ, ставить себѣ возможныя въ данной исторической обстановкѣ максимальныя цѣли, идти къ нимъ, что называется, напроломъ—это единственно-цѣлесообразная

тактика, и уже самый ходъ обстоятельствъ, которыхъ мы не можемъ заранѣе полностью усчитать, покажетъ, насколько мы можемъ приблизиться къ поставленной цѣли.

Революціонное наступленіе по всей линіи—вотъ чего требуетъ отъ насъ историческая дѣйствительность.

Ф. Данъ.

Наканунѣ ликвидаціи.

(13 авг. 1905 г. № 108).

Оно родилось, наконецъ, на свѣтъ, столь долго жданное дѣтище Булыгинскаго «совѣщанія»? Въ промежуткѣ между двумя послѣдовательными черносотенными погромами, черезъ день послѣ военнаго суда въ Вильнѣ и наканунѣ военнаго суда въ Тифлисѣ,—выползъ на свѣтъ этотъ нелѣпый плодъ бюрократическаго «творчества».

Надо признаться откровенно: абсолютизмъ проявилъ геніальныя способности въ изобрѣтеніи такой организаціи общественнаго представительства, которая была бы совершенно лишена всякой даже тѣни конституціоннаго характера. Можно подивиться той утонченно-азіатской хитрости, съ которой каждое предоставленное будущей думѣ «право» сводиться на-нѣтъ той «обстановочкой», которая для использованія этого «права» создается. Дума имѣетъ право обсуждать всѣ законы, но... для окончанія этого обсужденія можетъ быть назначенъ правительствомъ срокъ, послѣ котораго обсужденіе, хотя бы и не законченное, прекращается. Дума имѣетъ право «обсуждать» бюджетъ, но... она не можетъ имѣть ровно никакого вліянія на составленіе этого «бюджета», не можетъ отказывать правительству въ кредитахъ, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что именно обсужденіе бюджета будетъ всегда казаться правительству чрезмѣрно «затянувшимся» и именно къ нему будетъ регулярно примѣняться та «срочная» гильотина, которую оставляетъ въ своихъ рукахъ правительство. Дума имѣетъ право дѣлать запросы министрамъ, но... великіе и малые визири могутъ отвѣчать на эти вопросы черезъ мѣ-

сяцъ (!), а могутъ и совсѣмъ не отвѣчать. Дума имѣетъ право контролировать дѣятельность администрацiи и можетъ дѣлать замѣчанiя по поводу этой дѣятельности, но... она обязана каждый разъ указать, какой именно законъ въ данномъ случаѣ нарушенъ, т. е. лишена возможности критиковать ту практику административнаго произвола, которая въ Россiи представляетъ беззаконiе, воплощенное въ форму законовъ, предоставляющихъ административной власти полный просторъ. Дума обсуждаетъ всѣ законы, но... она лишена права касаться «основныхъ» законовъ Россiйской Имперiи» и т. е. именно тѣхъ законовъ, которые въ первую голову должны встать на очередь передъ всякимъ представительнымъ собранiемъ.

Таковъ очерченный положенiемъ кругъ вѣдѣнiя Государственной Думы. Кратко выразить его можно безъ всякихъ преувеличенiй въ нѣсколькихъ словахъ: ГосударственнаяДума даетъ свои заключенiя по тѣмъ вопросамъ, которые правительству будетъ благоугодно предоставить на ея обсужденiя.

Вотъ и все. Подъ названiемъ Государственной Думы правительство пытается создать одну изъ тѣхъ комиссiй «свѣдущихъ» людей, какiя уже неоднократно собирались въ самыя реакцiонныя минуты россiйской исторiи.

Подобно такимъ комиссiямъ, «Дума» будетъ собираться келейно, публика не будетъ допускаться. Отчеты о пренiяхъ въ Думѣ должны: провѣряться не ею самой, а ея предсѣдателемъ. Вопросъ о закрытiи засѣданiя для представителей печати также будетъ рѣшаться не Думой, а тѣмъ же председателемъ. Члены Думы пользуются «полной свободой слова»... но они предаются Сенатомъ (а не самимъ собранiемъ представителей) суду за «преступленiя», совершенныя ими при исполненiи ихъ служебныхъ, то башь общественныхъ обязанностей (напримѣръ, какъ остроумно предположила одна нѣмецкая газета, за «оскорбленiе» министра выраженiемъ ему непочтенiя при провѣркѣ его дѣйствiй).

Члены Думы будутъ числиться «народными представителями». Какой «народъ« они будутъ представлять—объ этомъ «Положенiе» стыдливо умалчиваетъ, предоставляя дать отвѣтъ на этотъ вопросъ особому избирательному регламенту. Что это будетъ «народъ» сословно-цензовый, не составляло ни для кого тайны съ того момента, какъ Булыгинъ началъ работы въ своей лабораторiи. Что сословiя, допущенныя къ участiю въ выборахъ, будутъ представлены крайне неравномѣрно; что крестьянство будетъ поставлять ничтожную долю всего числа депутатовъ—это всегда само собой разумѣлось. Но чего никто не

ожидалъ—это заявленія, что, съ божьей помощью, къ январю 1906 года можно будетъ произвести выборы по 50 кореннымъ губерніямъ и что избирательныя права Польши, Кавказа, Сибири, Туркестана и Степного края будутъ еще выработаны особой комиссіей. Очевидно, всей изобрѣтательности нашихъ государственныхъ мужей не хватило на то, чтобы придумать «безопасную» для правительства форму фальсификаціи общественнаго мнѣнія тѣхъ областей, въ которыхъ, какъ въ Польшѣ и Кавказѣ, царитъ открытое возмущеніе.

Посмотримъ теперь—какъ будетъ представлять свой сословно-цензовый «народъ» Булыгинская дума?

Трех-и двухстепенные выборы, сами по себѣ, являются средствомъ сдѣлать представителя независимымъ отъ избирателей. Но правительство не можетъ удовлетвориться этими средствами. Насмѣхаясь надъ самыми элементарными политическими приличіями, оно, одновременно съ дарованіемъ булыгинской «конституціи», беретъ назадъ данное имъ 18 февраля этого года «разрѣшеніе» обсуждать «предначертанія объ усовершенствованіи законовъ», тѣмъ самымъ дѣлая невозможной легальную избирательную агитацію, а слѣдовательно, и фактическое осуществленіе права на представительство. Московскій генералъ-губернаторъ, отецъ фактическаго автора «конституціи», такъ и заявилъ земцамъ, что отнынѣ обсужденіе политическихъ вопросовъ должно считаться исчерпаннымъ а потому онъ «не потерпитъ» никакихъ съѣздовъ и совѣщаній земцевъ.

Безъ права собраній, безъ свободы печати, безъ гарантіи личности, должны «осчастливленные» новой милостью обыватели осуществить свое право поставить депутатовъ. Правительство умѣетъ—таки обезпечить себя противъ всякихъ «случайностей», связанныхъ съ проведеніемъ въ жизнь вынужденныхъ «реформъ».

И, однако... за всѣмъ тѣмъ, правительство не чувствуетъ себя спокойнымъ. Въ реакціонныхъ кругахъ царитъ несомнѣнное недовольство рѣшеннымъ, наконецъ, «скачкомъ въ неизвѣстное». Реакція чувствуетъ, что каррикатурная Булыгинская «конституція» является все-таки новымъ и очень важнымъ этапомъ по пути разложенія существующаго порядка.

И прежде всего она является таковымъ, какъ симптомъ неувѣренности правительства въ своихъ силахъ. Въ манифестѣ 6-го августа, рядомъ съ обычными заявленіями о «незыблемости» самодержавія, обыватель прочтетъ уже обѣщаніе дальнѣйшихъ «усовершенствованій» въ государственномъ порядкѣ—буде они станутъ необходимы, т. е., если ихъ сумѣетъ вырвать у реакціи народъ.

И затѣмъ—и это самое важное—чѣмъ болѣе хитроумные авторы «Положенія» старались оковать по рукамъ и ногамъ будущую «Думу», тѣмъ фатальнѣе они ставятъ передъ ней неумолимую дилемму: или немедленно потонуть въ пучинѣ всенароднаго презрѣнія, или немедленно же и вопреки всѣмъ 63 параграфамъ «Положенія» стать органомъ конституціонной оппозиціи имущихъ класовъ, ведущихъ агрессивную борьбу противъ самодержавія. Отъ позорнаго положенія, предложеннаго имъ по плану Булыгина, члены Думы, кѣмъ бы они ни были избраны—смогутъ избавиться лишь постольку, поскольку они рѣшатся перейти за «легальныя» границы отмежеваннаго ими стойла въ государственной конюшнѣ. Лишній разъ правительство отклонило отъ себя дававшуюся ему въ руки возможность покончить миромъ свою тяжбу съ «высшими» классами, чтобы вновь пріобрѣтенной силой обрушиться на народныя массы. Кичливая придворно-чиновничья клика не въ состояніи отвѣтить иначе, какъ «плевкомъ», на слишкомъ частые заискивающіе подходы нынѣшней буржуазной оппозиціи. Она не можетъ примириться съ мыслью, что «умиротворить» эту оппозицію можно только цѣной хотя бы «австрійскаго» конституціонализма. И поскольку она органически не въ состояніи понять этого, поскольку правительство каждой своей «реформой» обостряетъ и безъ того отчаянное свое положеніе, постольку для революціонныхъ партій является возможность каждую такую «реформу» использовать для новой и болѣе успѣшной атаки на самыя основы существующаго государственнаго порядка.

Организовать такую новую атаку на почвѣ, созданной октроированіемъ булыгинской «конституціи»—такова очередная задача нашей партіи.

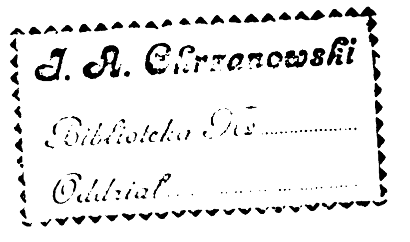
Мы писали уже въ «Искрѣ» о томъ, какъ представляемъ мы себѣ нашу боевую кампанію въ связи съ новымъ фактомъ русской политической жизни. Всѣ виды пролетарскаго протеста противъ гнилой «реформы»—политическія стачки, уличныя демонстраціи, манифестаціи,—должны быть подчинены одному общему тактическому началу; мы должны, пользуясь обстановкой, которая создана и будетъ создаваться Положеніемъ 6-го августа, работать надъ выработкой элементовъ свободнаго народнаго представительства, элементовъ революціоннаго самоуправленія народа, которое, частью, быть можетъ, опираясь на «Думу» (въ случаѣ, если она, будучи созвана, вступитъ въ острый конфликтъ съ правительствомъ), частью же и главнымъ образомъ черезъ ея голову, создало бы столь необходимую Россіи широкую политическую арену для

рѣшительной побѣды надъ абсолютизмомъ и столь необходимую пролетаріату подходящую арену для его революціоннаго самоопредѣленія, какъ самостоятельнаго класса.

Только въ той мѣрѣ, въ какой намъ удастся выработать элементы такого революціоннаго самоуправленія, мы будемъ имѣть передъ собой и необходимыя политическія предпосылки для побѣдоноснаго всенароднаго выступленія.

Не ограничиваясь демонстраціями, протестами противъ безобразія правительственной «конституціи», мы должны немедленно же приняться за сплоченіе подъ руководствомъ революціоннаго пролетаріата всѣхъ «лишенныхъ правъ» на почвѣ самаго энергичнаго и активнаго вмѣшательства во всѣ перипетіи открывающейся передъ нами эпопеи перваго эксперимента абсолютизма съ «представительствомъ».

Л. Мартовъ

Наша тактика и государственная Дума.

(13 августа 1905 г. № 108).

Нами получено отъ товарища Череванина слѣдующее письмо:

«Дорогіе товарищи! Не сегодня—завтра, можетъ быть, будетъ объявлено о созывѣ Государственной Думы, а по вопросу о нашей тактикѣ въ отношеніи ея существуетъ, повидимому, пока полнѣйшій разбродъ. Прежде всего мнѣнія раздѣляются, повидимому, по той же линіи, по которой они раздѣлились въ вопросѣ о комиссіи Шидловскаго. Какъ видно изъ листовки Донского Комитета и Петербургской Группы, обѣ эти организаціи высказываются за бойкотъ. Участіе въ выборахъ въ такую Думу они считаютъ позорнымъ, измѣной дѣлу революціи и заранѣе клеймятъ тѣхъ либераловъ, которые примутъ участіе въ выборахъ. Такимъ образомъ, исключается возможность сдѣлать Государственную Думу оружіемъ демократической революціи и отвергается, очевидно, агитація, направленная въ эту сторону. Государственная Дума разсматривается, очевидно, только какъ одинъ изъ

объектовъ агитаціи, направленной противъ самодержавія. Занятіе такой позиціи по отношенію къ Государственной Думѣ имѣло бы смыслъ только въ одномъ случаѣ: если бы была большая вѣроятность ожидать возстанія въ отвѣтъ на объявленіе о созывѣ Государственной Думы. Тогда бы эта позиція была дѣйствительной, тогда бы она звала къ борьбѣ. Но если эта вѣроятность не особенно большая, если объявленіе о созывѣ Государственной Думы не явится сигналомъ къ возстанію, если оно будетъ встрѣчено сравнительно спокойно, тогда занятіе указанной позиціи явится фактическимъ устраненіемъ отъ живой работы, реагированіемъ на, можетъ быть, поворотный пунктъ въ освободительномъ движеніи парой шаблонныхъ листковъ, изобличающихъ самодержавіе и либераловъ. Подобная тактика пойдетъ, пожалуй, навстрѣчу тѣмъ буржуазнымъ демократамъ, которые боятся вступить на почву революціи, но въ то же время желаютъ сохранить свою демократическую чистоту. Вмѣсто того, чтобы брать на себя революціонное обязательство идти въ Государственную Думу съ тѣмъ, чтобы добиваться превращенія ея въ революціонное собраніе, ниспровергающее абсолютизмъ и созывающее Учредительное собраніе на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права, куда спокойнѣе просто не принять участія въ выборахъ, объявивши Государственную Думу не тѣмъ, что намъ нужно, и затѣмъ дожидаться у моря погоды. Нѣтъ, такой тактики мы не можемъ предлагать либераламъ, не можемъ и себя осудить на бездѣйствіе. Одинъ харьковскій товарищъ намѣчаетъ такой планъ дѣйствій: при объявленіи созыва Государственной Думы соціалдемократія призываетъ пролетаріатъ къ пробной политической стачкѣ, чтобы демонстрировать свою силу; затѣмъ, когда Государственная Дума созвана, пролетаріатъ призывается ко второй стачкѣ съ цѣлью давленія на Государственную Думу. Недостаткомъ этого плана является ни на чемъ не основанная вѣра въ силу вліянія соціалдемократической организаціи на массу, вѣра, что ея призывъ къ политической стачкѣ, да еще пробной, имѣетъ самъ по себѣ дѣйствительную силу, что наличность его даетъ какія нибудь серьезныя гарантіи, что политическая стачка дѣйствительно будетъ, что она превратится въ демонстрацію силы пролетаріата, а не въ демонстрацію нашего безсилія. Увы, такихъ гарантій она въ себѣ не заключаетъ. А если мы добьемся, что весьма вѣроятно, демонстраціи нашего безсилія, это броситъ сильнѣйшее бревно подъ ноги тактикѣ воздѣйствія на Государственную Думу и агитаціи вокругъ этого воздѣйствія.

Что касается вашего плана, то я совершенно согласенъ съ вами, поскольку вы отвергаете политику бойкота и рекомендуете рѣшитель-

ное вмѣшательство въ выборы и давленіе на нихъ, согласенъ также съ необходимостью образованія полулегальныхъ агитаціонныхъ комитетовъ, но не могу согласиться съ вашимъ предложеніемъ организаціи всенародныхъ выборовъ и созданія на ихъ почвѣ революціонной организаціи народа, поскольку это предложеніе пріурочивается къ моменту объявленія о созывѣ Думы и слѣдующихъ за нимъ выборовъ. Подобное предложеніе можетъ имѣть смыслъ только постольку, поскольку мы ожидаемъ, и съ большимъ основаніемъ ожидаемъ, что организація всенародныхъ выборовъ перейдетъ очень быстро въ активное наступленіе, потому что въ противномъ случаѣ могло бы имѣть самыя скверныя послѣдствія неизбѣжное при такой тактикѣ прекращеніе нашего существованія въ качествѣ конспиративной организаціи и открытіе всѣхъ картъ передъ полиціей. Можно согласиться съ вашимъ проектомъ только въ смыслѣ проекта, который можно имѣть въ виду, если во время выборовъ или послѣ конституированія Государственной Думы сильное революціонное возбужденіе охватитъ широкія массы.

Та тактика, которую я предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: объявленіе о созывѣ Государственной Думы даетъ сигналъ къ агитаціи въ трехъ направленіяхъ: а) невозможность удовлетвориться Думой, необходимость Учредительнаго Собранія на почвѣ всеобщаго и т. д., а также необходимость предварительнаго установленія свободы слова, собраній и т. д.; б) необходимость активно вмѣшиваться въ выборы и оказывать давленіе на другіе слои, чтобы депутаты въ Государственную Думу были посланы съ императивнымъ мандатомъ—добиваться превращенія Государственный Думы въ революціонное собраніе, созывающее Учредительное Собраніе, в) организація повсемѣстныхъ митинговъ и собраній и постановка на нихъ вопроса о необходимости оказать давленіе на Государственную Думу, потребовать отъ нея созыва Учредительнаго Собранія, обсужденіе вопроса о способѣ этого давленія, выдвиганіе проекта политической стачки, какъ отвѣта на отказъ Государственной Думы немедленно по своемъ созывѣ предпринять это революціонное дѣйствіе. Въ отличіе, такимъ образомъ, отъ харьковскаго товарища, я отвергаю совсѣмъ первую пробную политическую стачку, а вторую стачку съ цѣлью давленія на Государственную Думу я предлагаю только въ качествѣ проекта на рабочихъ собраніяхъ, и только въ томъ случаѣ, если намъ удастся организовать по всей Россіи настоящіе массовые митинги, и если политическая стачка изъ нашего проекта превратится въ рѣшеніе, вынесенное повсюду на этихъ рабочихъ митингахъ, только тогда мы подготовимъ дѣйствительно

революціонное воздѣйствіе на Государственную Думу и только тогда мы будемъ въ состояніи его провести. Что будетъ дальше, окажетъ ли политическая стачка желательное воздѣйствіе на Государственную Думу, или превратится въ вооруженное возстаніе,—мы рѣшить сейчасъ не можемъ».

* * *

Послѣ № 101 «Искры», на который ссылается тов. Череванинъ, вопросъ о нашей тактикѣ, въ связи съ созывомъ Госуд. Думы былъ нами разсмотрѣнъ еще разъ подробнѣе въ № 106 (см. «Оборона или наступленіе?»). Съ тѣхъ поръ, насколько намъ извѣстно, все большее и большее число товарищей примыкаетъ къ рекомендованной нами тактикѣ активнаго вмѣшательства въ ходъ политической жизни и наступленія и безповоротно отвергаетъ политическій абсентеизмъ, усиленно навязываемой партіи нѣкоторыми «вождями», очевидно съ цѣлью принести на алтарь возлюбленнаго «временнаго правительства» всю свою quasi-соціалистическую непорочность сразу.

Уже такъ называемая «земская кампанія», носившая преимущественно «учебный», подготовительный характеръ, показала, что среди огромнаго большинства соціалдемократическихъ работниковъ обѣихъ фракцій политическая мысль достигла такой степени зрѣлости, чтобы понять всю самоубійственность политики невмѣшательства и воздержанія въ мнимыхъ интересахъ «подготовленія возстанія». Теперь, когда дѣло идетъ уже не объ учебныхъ маневрахъ, а о настоящей битвѣ, политика скрещенныхъ рукъ, конечно, найдетъ еще менѣе адептовъ. Но если бы таковые и нашлись, то, несомнѣнно, имъ очень скоро пришлось бы убѣдиться въ одномъ: что на худой конецъ рабочій классъ вмѣшается въ ходъ событій безъ нихъ, помимо нихъ, противъ нихъ. А въ этомъ случаѣ имъ не оставалось бы ничего другого, какъ или se demettre (подать въ отставку), или, какъ это бывало кое-гдѣ и въ «земской компаніи», se doumettre (подчиниться, т. е. иначе говоря, оказаться «хвостистами»—употребляемъ излюбленное выраженіе тѣхъ рыцарей революціонной фразы, которые на словахъ не уставали идти «во главѣ», на дѣлѣ же во всѣхъ политическихъ выступленіяхъ партіи въ послѣдніе два года неизмѣнно плелись въ тылу движенія). Итакъ, наступательная тактика, «рѣшительное вмѣшательство въ выборы и давленіе на нихъ»,—это исходный пунктъ и, скажемъ сейчасъ же, самый важный и существенный пунктъ. Въ дальнѣйшемъ могутъ быть разногласія лишь въ деталяхъ, въ тѣхъ или иныхъ формахъ проведенія въ жизнь этого основного принципа.

Предложенная нами тактика слагалась изъ трехъ моментовъ: 1) подготовительной, агитаціонной кампаніи въ связи съ созывомъ Госуд. Думы; 2) закрѣпленія результатовъ этой агитаціи въ видѣ, хотя бы зачаточной, формы массовой революціонной организаціи или, иначе говоря, организаціи революціоннаго самоуправленія народа; и 3) активныхъ выступленій народныхъ массъ, имѣющихъ цѣлью поддержать шаги этой организаціи революціоннаго самоуправленія. При такой тактикѣ самый вопросъ о бойкотѣ или не—бойкотѣ Думы совершенно теряетъ для насъ свой жгучій характеръ; онъ становится вопросомъ второстепеннымъ, и пролетаріатъ, которому, въ виду «лишенія правъ», вообще не предстоитъ бойкотировать», готовится къ войнѣ на всѣ фронты.

Товарищъ Черeванинъ принимаетъ первый и третій пунктъ нашего тактическаго плана и отвергаетъ второй. Въ № 106 «Искры» мы старались показать, что этотъ второй пунктъ является не только тактически необходимымъ, но прямо-таки неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разъ занятой позиціи активнаго наступленія. Мы не знаемъ, переубѣдила ли тов. Череванина наша аргументація, но и его собственное письмо даетъ достаточно матеріала для подтвержденія справедливости нашей точки зрѣнія.

Говоря о политической забастовкѣ, какъ средствѣ «давленія» на Государственную Думу (прибавимъ отъ себя а также, быть можетъ, и на «избирателей»), товарищъ Череванинъ вполнѣ правильно отвергаетъ излюбленный методъ простого «призыва», а требуетъ для дѣйствительности ея «рѣшенія», вынесеннаго повсюду на рабочихъ митингахъ. Въ такой постановкѣ вопроса заключается вполнѣ правильное пониманіе того, что наша подпольная организація не пользуется, да, по условіямъ своего существованія, и не можетъ пользоваться такимъ вліяніемъ на массы, чтобы одного ея «призыва» было достаточно для увѣренности въ успѣхѣ задуманнаго дѣла. Очевидно, тов. Череванинъ понимаетъ, что «политическая забастовка» должна опираться на организаціонную и политическую самодѣятельность *самой массы*. Подпольная организація можетъ сыграть въ этомъ случаѣ крайне важную роль инициатора, политическаго вдохновителя и руководителя, можетъ дать въ руки массы кое-какой организаціонный аппаратъ, кое-какія организаціонныя ячейки, при полномъ успѣхѣ, при развертываніи политической забастовки въ революціонное выступленіе можетъ даже раствориться въ возникающей въ атмосферѣ такого выступленія широкой, массовой соціалдемократической организаціи пролетаріата, но никоимъ образомъ не можетъ въ своемъ наличномъ,

подпольномъ видѣ охватить своими организаціонными клѣтками то грандіозное массовое движеніе, которое рисуется товарищу Череванину и намъ. Иначе говоря: съ успѣхомъ «политической забастовки», намѣчаемой не въ видѣ «демонстраціи», а въ видѣ активнаго, боевого выступленія массъ, и въ мѣру этого успѣха, должна перерождаться и качественно повышаться партійная организація, поскольку она захочетъ пріобрѣсти и сохранить организаціонное вліяніе на ходъ событій. Но если партійная организація, въ ея теперешнемъ составѣ или обновленномъ, перестанетъ быть организаціей, воздѣйствующей на рабочія массы извнѣ, а станетъ признаннымъ представителемъ ихъ и выразителемъ ихъ воли, то можно ли примѣнять къ такому положенію дѣла ту же мѣрку страховъ и опасеній, которая примѣнима къ теперешнему положенію? Можно ли одновременно думать о грандіозномъ, дѣйствительно всерабочемъ движеніи и опасаться ареста соціалдемократическихъ руководителей въ виду «прекращенія ихъ существованія въ качествѣ конспиративной организаціи?» Но, вѣдь, и «прекратятъ» то они это постылое «существованіе» лишь въ той мѣрѣ, въ какой имъ, какъ организаціи, удастся стать общепризнаннымъ органомъ воли рабочихъ массъ: а въ такомъ случаѣ страшенъ ли арестъ? Да и самое вліяніе такого ареста, еслибы онъ и случился, на рабочія массы было бы, конечно, совершенно иное, чѣмъ теперь, когда во мракѣ ночи, подъ покровомъ тайны исчезаютъ въ пасти тюремъ «конспиративные» анонимы...

Все это—непосредственные выводы изъ данной тов. Череванинымъ постановки вопроса о политической забастовкѣ. Тѣмъ неожиданнѣе тотъ аргументъ, которымъ онъ думаетъ побить наше предложеніе объ организаціи революціоннаго самоуправленія народа. Неожиданнѣе потому, что, вѣдь, если вопросы объ агитаціонныхъ рабочихъ комитетахъ и политической забастовкѣ являются до извѣстной степени партійными—поскольку въ рабочей средѣ мы съ полнымъ правомъ можемъ разсчитывать на преобладающую и руководящую роль,—то организація всенародныхъ революціонныхъ выборовъ, само собой разумѣется, никоимъ образомъ дѣломъ одной нашей партіи быть не можетъ. Мы можемъ въ данномъ случаѣ явиться иниціаторами, можемъ въ городахъ и кое-гдѣ въ деревнѣ показать примѣръ, но разсчитывать собственными силами поставить это дѣло во всероссійскомъ масштабѣ намъ нельзя и думать. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы примѣръ нашихъ рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ побудилъ къ такому же образу дѣйствій и другія демократическія и революціонныя партіи, съ которыми мы и встрѣтимся въ тѣхъ представитель-

ныхъ учрежденіяхъ, какими явятся, несмотря на свой революціонный характеръ, проектируемые нами органы народнаго самоуправленія. Мы вправѣ, конечно, ожидать, что въ рабочихъ агитаціонныхъ комитетахъ соціалдемократы окажутся въ значительномъ большинствѣ, но думать о большинствѣ въ органахъ революціоннаго самоуправленія народа, если они возникнутъ въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ, конечно, невозможно.

Опасаться «раскрытія всѣхъ картъ передъ полиціей» въ случаѣ успѣха кампаніи, разумѣется, не приходится, ибо, конечно, если революціонное настроеніе и политическая готовность не только рабочихъ, а широкихъ народныхъ массъ достигнетъ степени, нужной для успѣха, то народъ сумѣетъ и защищать своихъ избранниковъ. Но въ случаѣ неуспѣха? Въ этомъ случаѣ попросту никакія «карты раскрыты» не будутъ, ибо и «раскрываться» онѣ будутъ опять опять-таки лишь въ мѣру успѣха.

Представимъ себѣ худшій случай: организовать выборы удастся лишь въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ. Почему тов. Череванинъ думаетъ, что выбранными окажутся непремѣнно члены нашихъ организацій? Хорошо бы, если бы это было такъ, и въ такомъ случаѣ, мы думаемъ, безопасность нашихъ организацій только безконечно возросла бы отъ того, что рабочіе такъ же взяли бы ихъ членовъ, какъ своихъ избранниковъ, подъ свою защиту, какъ они взяли выборщиковъ въ комиссіи Шидловскаго. Но этотъ самый опытъ съ комиссіей Шидловскаго показываетъ, къ сожалѣнію, что выбирать будутъ, хотя и соціалдемократовъ или рабочихъ, готовыхъ стать соціалдемократами, но не членовъ нашей организаціи. И опять таки, лишь въ той мѣрѣ, какъ нашей организаціи удастся въ процессѣ этихъ политическихъ выступленій переродиться, стать болѣе массовой, лишь въ той мѣрѣ шансы на избраніе именно ея членовъ увеличатся. Но въ той же мѣрѣ будутъ падать «конспиративныя» опасенія.

Тов. Череванинъ говоритъ, что наше «предложеніе можетъ имѣть смыслъ лишь постольку, поскольку мы ожидаемъ, что организація всенародныхъ выборовъ перейдетъ быстро въ активное выступленіе». Да, мы ожидаемъ, что, при успѣхѣ, организаціи революціоннаго самоуправленія народа рано или поздно должны столкнуться съ правительствомъ и, въ случаѣ неустойчивости послѣдняго, привести къ открытымъ столкновеніямъ въ видѣ ли одновременнаго выступленія въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ ли ряда послѣдовательныхъ стычекъ.

А развѣ тов. Череванинъ не ожидаетъ того же самаго и отъ «дѣйствительно революціоннаго воздѣйствія» политической забастовки? Развѣ

ему не ясно, что—въ случаѣ «неуступчивости» Думы и, прибавимъ, правительства, которое, вѣдь, можетъ принять рѣшительныя мѣры противъ «уступчивой» Думы—развѣ ему не ясно, что при такихъ условіяхъ дѣло тоже должно дойти до рѣшенія вопросовъ столкновеніемъ. Какая же разница между нашамъ планомъ и планомъ т. Череванина? Разница есть, и очень существенная. Онъ предлагаетъ привлечь къ «дѣйствительно-революціонному воздѣйствію» только пролетаріатъ (который, вѣдь, одинъ только и можетъ «бастовать»); мы говоримъ, что въ это дѣло надо вовлечь не только рабочія массы, но и весь народъ. Та самая концентрація политическаго воспитанія и массовая революціонная организація, которая создается для рабочихъ политической забастовкой, въ томъ видѣ, какъ она рисуется тов. Череванину, можетъ и должна быть создана для всего народа въ видѣ организаціи революціонныхъ выборовъ «Народной Думы» въ противовѣсъ Думѣ государственной. Въ конечномъ счетѣ планъ тов. Череванина изолируетъ пролетаріатъ, подготовляя элементы только рабочаго выступленія; между тѣмъ какъ мы имѣли въ виду подготовленіе элементовъ выступленія всенароднаго, которое только и можетъ разрѣшить стоящую передъ нами революціонную задачу замѣны Государственной Думы Всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Организація революціоннаго самоуправленія—это и есть единственный способъ дѣйствительной «организаціи» всенароднаго выступленія. Кто отвергаетъ этотъ путь, тотъ въ сущности отвергаетъ и самое всенародное выступленіе, подмѣняя его выступленіемъ отдѣльныхъ классовъ и группъ, или, что еще хуже, группокъ и кружковъ. Работа по подготовленію организаціи революціоннаго самоуправленія народа и есть дѣйствительная работа по «подготовкѣ» выступленія, на фонѣ которой и могутъ пріобрѣсти важное значеніе подготовительныя работы техническаго характера. Это надо особенно подчеркивать теперь, когда въ нѣкоторыхъ сферахъ нашей партіи политическая наивность дошла до такой степени, что люди захлебываются словами о всенародномъ возстаніи, оружіи, бомбахъ, пишутъ трактаты по военной тактикѣ и стратегіи, а революціонное самоуправленіе народа согласны пропагандировать не иначе, какъ съ дозволенія правительства, хотя бы и «временнаго».

Ф. Данъ.

Къ вопросу о Государственной Думѣ.

(29 августа 1905 г., № 109).

Никогда еще ни одинъ тактическій вопросъ не служилъ предметомъ такого оживленнаго и вдумчиваго обсужденія на мѣстахъ, какъ вопросъ о нашей тактикѣ въ связи съ созывомъ Государственной Думы, и никогда еще мѣстные работники не принимали такого активнаго участія въ самомъ процессѣ выработки тактическихъ указаній.

Среди мотивированныхъ мнѣній по разбираемому тактическому вопросу крайне интереснымъ во многихъ отношеніяхъ является мнѣніе Маріупольской группы Донецкаго Союза, которое мы воспроизводимъ цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ оно было намъ прислано. Вотъ это мнѣніе:

«Созывъ Государственной Думы ставитъ передъ соціалдемократіей чрезвычайно серьезную задачу: наряду съ расширеніемъ партіи вовлечь широкія народныя массы въ сферу революціонныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью не дать самодержавію укрѣпить свои позиціи комедіей «представительства». Во все время этой кампаніи нашимъ лозунгомъ естественно будетъ Всенародное Учредительное Собраніе на извѣстныхъ началахъ. Къ моменту собранія Государственной Думы (если она соберется) массы должны быть готовы къ выступленію настолько сильному и согласованному, чтобы это могло быть послѣднимъ штурмомъ твердынь абсолютизма. Южное бюро [1]), предлагая свой планъ, говоритъ: «нельзя указывать массамъ на всякого выбирающаго, какъ на измѣнника и предателя, такъ какъ этимъ мы отрѣзали бы себѣ пути влиять на либераловъ, засѣдающихъ въ Государственной Думѣ». Помимо принципіальной невыдержанности этой тактики, она обрекла бы нашу агитацію на половинчатость, а массы—на бездѣятельность. Въ виду серьезныхъ дѣйствій, которыя придется совершать массамъ, наша тактика должна быть проста, послѣдовательна и принципіально выдержана.

Самымъ серьезнымъ моментомъ мы считаемъ время первичныхъ избирательныхъ собраній. Они будутъ непосредственно близки массамъ, и дѣйствія, направленныя противъ нихъ, будутъ понятны ей. На нихъ она должна подготовиться къ дѣйствіямъ, согласованнымъ на протяженіи всей Россіи. Это соображеніе заставляетъ насъ перемѣстить центръ

[1]) Фракціи „меньшинства“

тяжести борьбы съ собранія Государственной Думы на эти первичныя избирательныя собранія. Если мы говоримъ народу, что Государственная Дума—надувательство, то мы должны помѣшать ей собраться. Мы должны массу вести вплоть до того, чтобы силой помѣшать выборамъ. Весьма вѣроятно, что лѣвые либералы, если они даже рѣшатъ принимать участіе въ выборахъ, откажутся отъ нихъ послѣ соотвѣтствующаго заявленія руководимой нами массы. Въ послѣднемъ случаѣ они присоединятся къ народу, выбирающему рев. депутатовъ (планъ «Искры»). Въ противномъ случаѣ, народъ заставитъ всѣхъ сторонниковъ умѣренной тактики выбирать представителей народа, отгородившись отъ народа солдатскими штыками. Наряду съ революціонными выборами, это было бы очень поучительной для массъ иллюстраціей борющихся силъ. Во многихъ мѣстахъ эти избирательныя собранія не могли бы совсѣмъ состояться, или состоялись бы при такой непривлядной обстановкѣ, что «народное представительство» сразу лишилось бы того блеска, который, собственно говоря, и нуженъ правительству. Борьба эта, благодаря конкретной обстановкѣ, подвинетъ далеко политическое воспитаніе массъ и дастъ возможность вовлечь въ борьбу и элементы, до сихъ поръ индифферентные. Это будетъ революція на мѣстахъ, но только на нее мы и можемъ покамѣстъ разсчитывать, не впадая въ «твердокаменное» прожектерство.

Сообразно нашему плану, и революціонные депутаты народа пріобрѣтаютъ нѣсколько иную окраску. Ихъ задачей будетъ использовать на мѣстахъ свое вліяніе съ цѣлью углубленія настроенія массъ. Возможно, что при широкомъ размахѣ революціоннаго движенія эти депутаты могли бы образовать временное правительство въ данномъ городѣ, что способствовало бы дальнѣйшему обостренію борьбы. Эту же цѣль (мѣшать выборамъ) мы преслѣдуемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ происходить вторичныя избирательныя собранія. Возможно, что къ этому моменту революціонная масса, вниманіе которой было бы сосредоточено на избирательныхъ собраніяхъ, могла бы въ той или иной формѣ (полит. стачки, демонстраціи, митинги и т. п.) выступить одновременно на разстояніи губерніи (область). Все время Государственной Думѣ долженъ противоставляться лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Чѣмъ удачнѣе будетъ движеніе въ первой и во второй стадіи (перв. и вторичн. избирательныя собранія), тѣмъ непригляднѣе будетъ этотъ выкидышъ исторіи, эта послѣдняя карта абсолютизма. Вѣроятно, что, если революціонный народъ окажетъ дѣйствительное сопротивленіе осуществленію Государственной Думы, правительство пріостановитъ дальнѣйшее проведеніе въ жизнь своего плана,

такъ какъ такая Дума самодержавію будетъ не къ чему. Въ послѣднемъ случаѣ правительство или вернулось бы къ осадному положенію безъ околичностей, или заявило бы о своей готовности приспособить (въ какой-нибудь новой комиссіи) своей проектъ «согласно заявленіямъ различныхъ группъ населенія». Такъ или иначе, это было бы очевиднымъ успѣхомъ революціи,—успѣхомъ, который способствовалъ-бы дальнѣйшему расширенію ея. Если бы т. о. правительство признало себя побѣжденнымъ, то дальнѣйшая наша тактика намѣтилась бы сообразно коренымъ образомъ измѣнившимся условіямъ. (По нашему мнѣнію, если бы еще не было «конца», то во всякомъ случаѣ самое непосредственное его «начало»).

Но возможно также, что, не смотря на противодѣйствіе народа, правительство, при содѣйствіи самыхъ умѣренныхъ элементовъ, подъ защитой вѣрныхъ еще солдатскихъ штыковъ упорно стремилось бы осуществить свои предначертанія. Допустимъ, что все же созвали бы Государственную Думу. Послѣдняя, послѣ всего происшедшаго, была бы совершенно дискредитирована въ глазахъ всего міра, и тогда, можно надѣяться, первый день засѣданія Государственной Думы былъ бы первымъ днемъ побѣдоноснаго всероссійскаго выступленія. Надѣяться на это не будетъ увлеченіемъ, если мы примемъ во вниманіе ту колоссальную революціонную работу, которую придется предварительно совершить на мѣстахъ народу и, сообразно этому, уровень его политическаго воспитанія къ этому моменту. Революціонные депутаты, съѣхавшіеся къ этому времени въ столицу (это возможно при полной дезорганизаціи власти), на ряду съ Государственной Думой будутъ центромъ, къ дѣйствіямъ котораго будетъ приковано вниманіе революціоннаго народа.

При наличности настроенія и умѣнія оріентироваться въ вопросѣ, эта концентрація революціоннаго вниманія будетъ рѣшительнымъ моментомъ въ развязкѣ революціи. Задачей революціоннаго движенія въ моментъ собранія Государственной Думы должно быть не столько провозглашеніе послѣдней Учредительнымъ Собраніемъ, сколько сложеніе ею полномочій, предоставленныхъ ей не народомъ. Государственная власть, будучи вырвана изъ рукъ самодержавной бюрократіи, не попала бы и къ той, сомнительнаго свойства, Думѣ, противъ которой будутъ направлены вышеизложенныя дѣйствія массъ. Здѣсь есть всѣ данныя на то, чтобы революція вступила въ кульминаціонный пунктъ своего развитія.

Агитаціоннаго матеріала будетъ, конечно, очень много во время кампаніи. Мы будемъ широко пользоваться агитаціонными собраніями

«законныхъ» избирателей, которыя правительство, повидимому, разрѣшитъ, конечно, съ урѣзанной программой. Отъ насъ будетъ зависѣть, чтобы выступленіе пролетаріата на этихъ собраніяхъ послужило для него хорошимъ урокомъ. Соображенія, которыя представляли сторонники неудавшейся «земской кампаніи» остаются въ силѣ и теперь (особенно теперь, когда противопоставленіе нашей программы программѣ либераловъ приметъ совершенно конкретный и животрепещущій характеръ). Наша агитація въ широкихъ массахъ будетъ облегчена тѣмъ, что нѣкоторая освѣдомленность у насъ будетъ, и все, что связано съ Государственной Думой, несомнѣнно будетъ вызывать интересъ. Какъ и всякая кампанія, этотъ планъ долженъ содѣйствовать все той же цѣли: расширенію вліянія нашей партіи на широкія массы пролетаріата и приданію ей пролетарскаго характера. Этому будутъ содѣйствовать тѣ полулегальные агитаціонные комитеты, о которыхъ говоритъ «Искра». Къ образованію такихъ комитетовъ необходимо приступить немедленно, но вопросъ этотъ требуетъ еще особой разработки.

Итакъ, нашъ планъ сводится къ слѣдующему. Гдѣ возможно, самое объявленіе о созывѣ Государственной Думы должно быть встрѣчено взрывомъ революціоннаго протеста. Гдѣ это невозможно, мы должны использовать этотъ фактъ въ нашей агитаціи. Мы используемъ всѣ собранія «законныхъ» избирателей для того, чтобы пріучить пролетаріатъ отличать друзей отъ врага. Нашимъ лозунгомъ служитъ въ этомъ періодѣ: «Мы требуемъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія— долой выборы въ Государственную Думу!» Мы ведемъ массу къ мѣсту избирательныхъ собраній и заявляемъ «законнымъ» избирателямъ требованіе народа. Неповинующіеся, какъ враги народа, разгоняются. Во время цѣлаго ряда митинговъ и народныхъ собраній выбираются депутаты народа. Ихъ задачей будетъ вліять на массу на мѣстахъ, а потомъ, съѣхавшись въ столицу, въ противоположность Государственной Думѣ, представлять волю народа. Отъ собравшейся Государственной Думы мы требуемъ сложенія полномочій».

Какъ видятъ читатели, маріупольская Группа принимаетъ цѣликомъ основные принципы тактики, предложенной въ статьѣ «Къ современному положенію» и затѣмъ подробнѣе развитой въ статьяхъ «Оборона или наступленіе?» и «Наша тактика по отношенію къ Государственной Думѣ». Эти основные принципы сводятся къ тому, чтобы использовать самый фактъ созыва Государственной Думы со всѣми связанными съ нимъ событіями для революціонной мобилизаціи и организаціи широкихъ народныхъ массъ въ цѣляхъ замѣны Думы свободно избраннымъ

всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Маріупольская группа принимаетъ и тѣ конкретныя предложенія, которыя были нами сдѣланы. Но, принимая этотъ планъ, маріупольская группа вноситъ въ него нѣкоторыя дополненія и измѣненія, частью служащія дальнѣйшимъ развитіемъ положенныхъ въ основу плана идей, частью же, по нашему мнѣнію, стоящія въ прямомъ противорѣчіи съ этими идеями и грозящія помѣшать осуществленію раздѣляемыхъ маріупольской группою плановъ.

Совершенно вѣрнымъ кажется намъ указаніе маріупольской Группы на необходимость использовать въ интересахъ намѣченныхъ нами цѣлей первичныя и вторичныя собранія избирателей. Нѣтъ сомнѣнія, что ту роль, какую сыграла для передовыхъ элементовъ пролетаріата такъ называемая «земская кампанія» (мы не знаемъ, почему маріупольская группа называетъ ее «неудавшейся»), для широкихъ массъ рабочихъ должны сыграть эти избирательныя собранія, которыя несомнѣнно дадутъ достаточно благодарный матеріалъ для агитаціи и для освѣщенія политической позиціи различныхъ группъ населенія. Массовое выступленіе пролетаріата на этихъ собраніяхъ съ заявленіемъ своихъ требованій можетъ имѣть не только «воспитательное» значеніе для самого пролетаріата, но и практически—политическое значеніе въ смыслѣ вліянія на поведеніе привилегированныхъ избирателей. Извѣстно, что, не смотря на свои по необходимости ограниченные размѣры, выступленіе сознательныхъ рабочихъ на засѣданіяхъ земствъ и думъ не осталось безъ вліянія на отношеніе либерализма и демократіи къ ряду политическихъ вопросовъ и, прежде всего, къ вопросу объ избирательномъ правѣ. Тѣмъ большее значеніе въ этомъ смыслѣ должны имѣть массовыя выступленія рабочихъ.

Само собой разумѣется, что въ «избирательный» періодъ рабочая масса должна ставить себѣ задачей не только выступать на собраніяхъ «законныхъ» избирателей, но захватывать себѣ самой право собираться для свободнаго обсужденія политическаго положенія и побуждать къ такому же захвату и другіе слои населенія. Этотъ захватъ и будетъ первымъ шагомъ къ постройкѣ зданія революціоннаго самоуправленія народа. И тутъ маріупольская Группа совершенно права, подчеркивая мѣстный характеръ этихъ начальныхъ актовъ революціоннаго выступленія народа. Звать населеніе уѣздныхъ и губернскихъ городовъ къ «самовольному» выбору представителей, призывать крестьянъ посылать своихъ уполномоченныхъ для совмѣстнаго съ городскими обсужденія положенія дѣлъ, создать рядъ уѣздныхъ и губернскихъ революціонныхъ «парламентовъ», какъ органовъ выраженія ре-

волюціонной народной воли, какъ оплота для народнаго движенія въ цѣляхъ уничтоженія «существующаго порядка»—таковъ долженъ быть политическій образъ дѣйствій. Изъ этой «мѣстной» организаціи революціоннаго самоуправленія, быть можетъ, и выростетъ тотъ всероссійскій органъ революціоннаго представительства, который окончательно сольетъ всѣ «мѣстные» ручейки народнаго движенія въ одно всероссійское русло.

«Развязать» революцію и закрѣпить за собою революціонныя позиціи въ возможно большемъ количествѣ мѣстъ — это задача, ничего общаго не имѣющая съ жалкой дѣтской выдумкой новѣйшихъ революціонныхъ стратеговъ, мечтающихъ о назначеніи «всенароднаго» выступленія въ три часа ночи съ воскресенья на понедѣльникъ. Но это—задача настолько сложная и трудная, что надо заразиться изрядной долей оптимизма, того самаго неосновательнаго оптимизма, который маріупольская Группа обличаетъ въ «твердокаменномъ прожекторствѣ», чтобы построить всю свою тактику на увѣренности, что «къ моменту собранія Государственной Думы можно уже будетъ идти на послѣдній штурмъ твердынь абсолютизма» и что «первый день засѣданія Государственной Думы» будетъ непремѣнно «первымъ днемъ побѣдоноснаго всероссійскаго выступленія». О, конечно; если бы «къ моменту собранія Государственной Думы» налицо оказалась уже организація революціоннаго самоуправленія—или, что то же самое, организація народныхъ силъ для рѣшительной борьбы—которую съ извѣстнымъ правомъ можно было бы назвать «всенародною», которая явилась бы выразителемъ думъ, чувствъ, настроенія и воли многомилліонныхъ народныхъ массъ,—ну, тогда, конечно, не зачѣмъ было бы ожидать того агитаціоннаго и революціоннаго—возбуждающаго дѣйствія, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ произвести засѣданія Государственной Думы. Ну, а если нѣтъ? Если организація революціоннаго самоуправленія къ «первому» дню не достигнетъ еще необходимой широты и интенсивности? Если для самаго развитія этой организаціи, для подчеркиванія и закрѣпленія въ умахъ народа сознанія необходимости противопоставить своихъ революціонныхъ избранниковъ членамъ цензовой и бюрократической Думы, агитаціонный матеріалъ, доставляемый обсужденіемъ общегосударственныхъ вопросовъ съ такой центральной всероссійской трибуны, какой, не смотря ни на что, явится Дума, окажется вовсе нелишнимъ? Не ясно ли, что въ первомъ случаѣ, въ случаѣ удачи, Дума исчезнетъ или переродится безъ всякихъ усилій съ нашей стороны и что, слѣдовательно, стараться во что бы то ни стало уже теперь помѣшать ея созыву—значило бы совершенно безплодно тратить

силы, необходимыя на несравненно болѣе плодотворную работу революціонной агитаціи и организаціи? Не ясно ли, что во второмъ случаѣ, въ случаѣ незаконченности постройки революціоннаго самоуправленія народа, отсутствіе такого мощнаго орудія агитаціи и революціоннаго возбужденія, какимъ, при умѣломъ использованіи, окажутся засѣданія Думы, отозвалось бы прямымъ ущербомъ для нашей революціонной работы, для ускоренія всенароднаго выступленія? Очевидно, что въ настоящее время помѣшать созыву Думы — никоимъ образомъ не можетъ быть нашей цѣлью. Наша цѣль сейчасъ — организація революціоннаго самоуправленія. Невозможность для Думы собраться должна быть, во всякомъ случаѣ, лишь однимъ изъ возможныхъ слѣдствій достиженія нами этой цѣли, а никакъ не самодовлѣющей задачей, которую мы будемъ выполнять наряду съ организаціей революціоннаго самоуправленія.

Между тѣмъ, маріупольская Группа дѣлаетъ къ нашему плану именно такое дополненіе, что, наряду со всей той положительной революціонной работой, которая нами была намѣчена и которую она принимаетъ, она выдвигаетъ принудительный «бойкотъ» Думы «законными» избирателями. Къ тому же и путь, предлагаемый группою чреватъ огромными опасностями.

Этотъ путь сводится къ тому, чтобы силою мѣшать выборамъ, а «неповинующихся» «разогнать». Такимъ способомъ разсчитываетъ маріупольская Группа заставить либераловъ дѣйствовать сообразно интересамъ пролетаріата, какъ она ихъ понимаетъ. Вся политическая тактика нашей партіи, поскольку она соприкасается съ либеральнымъ и буржуазно-демократическимъ движеніемъ, направлена къ той же самой, вполнѣ законной цѣли, но въ чемъ это выражалось? Мы всегда стремились создать своей дѣятельностью такое настроеніе въ рабочемъ классѣ и народныхъ массахъ вообще, которое заставило бы либераловъ, волей или неволей, признать, напр., всеобщее и проч. избирательное право, заставило бы ихъ, волей или неволей, захотѣть принять это требованіе въ свою программу. Маріупольская же Группа вовсе не ставитъ вопроса о томъ, чтобы заставить либераловъ захотѣть дѣйствовать въ нашемъ духѣ. Воздѣйствіе на политическую волю либераловъ она подмѣняетъ воздѣйствіемъ на ихъ личность. Маріупольская группа по-просту разсчитываетъ за шиворотъ «тащитъ» либераловъ туда, куда имъ идти не хочется.

Но является вопросъ: при такомъ упрощенномъ способѣ «воздѣйствія» на либераловъ разсчитываютъ ли маріупольскіе товарищи на активное участіе многомилліонныхъ народныхъ массъ? Если да, то

невольно напрашивается мысль, что народныя массы, способныя такъ активно выступать на защиту своей политической идеи, способныя силой побѣдить имущіе классы, могутъ совершенно спокойно игнорировать дѣйствія этихъ классовъ и создавать свое революціонное самоуправленіе, предъ которымъ стушуется и пропадетъ жалкая Дума, выбранная безсильной кучкой «законныхъ» избирателей. Къ чему же въ такомъ случаѣ «шумъ»? Но, думается, что сами маріупольскіе товарищи не станутъ отрицать весьма малую вѣроятность такого внезапнаго подъема политической сознательности и активности въ милліонахъ крестьянства и даже въ широкой рабочей массѣ, которая бы позволила этимъ крестьянамъ и пролетаріямъ, уже ко времени первыхъ избирательныхъ собраній, явиться активными участниками проектируемаго группою «разгоняніяı». А при такихъ условіяхъ—и это будетъ путь наименьшаго сопротивленія—болѣе чѣмъ вѣроятно, что это «разгоняніе» явится предпріятіемъ не рабочихъ, не крестьянъ, не народа, а все того же тонкаго слоя вооруженныхъ сознательныхъ рабочихъ, дѣйствующихъ за народъ. Это будетъ тоже заговорщицкое возстаніе, но уже возстаніе не противъ стараго политическаго порядка, а противъ буржуазіи. Конечно, кучка отважныхъ людей можетъ разъ, и другой, и третій «разогнать» собраніе, но нечего, разумѣется, и мечтать о томъ, чтобы она дѣйствительно сдѣлала выборы «недѣйствительными».

Совершенно несомнѣнно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, наша партія имѣла бы всѣ шансы возстановить противъ себя не только либераловъ, но и крестьянство и широкіе слои пролетаріата. Ибо, повторяемъ: хоть съ какой-нибудь точки зрѣнія такая своеобразная «тактика» могла бы быть «нужна» лишь при неподготовленности крестьянства и рабочихъ къ усвоенію и воплощенію идеи революціоннаго самоуправленія. А при этомъ условіи мы имѣли бы народныя массы, и въ частности крестьянскихъ уполномоченныхъ, которые, вѣдь, тоже придется «разгонять», противъ себя. Съ другой стороны, наши разгоняющіе товарищи могли бы встрѣтить въ своемъ предпріятіи совершенно неожиданную и врядъ ли желательную поддержку «черныхъ сотенъ» вездѣ, гдѣ «господскіе» выборы будутъ грозить провести въ Думу болѣе или менѣе «радикальныхъ» кандидатовъ.

И это «сотрудничество» съ черными сотнями» оказалось бы вовсе не случайнымъ. Оно показало бы—и показало бы совершенно вѣрно,—что, принявъ «дополненіе» маріупольскихъ товарищей, мы сыграли бы роль прямо реакціонную. «Бойкотъ» Думы, безъ предварительнаго

созданія лучшаго, чѣмъ Дума, революціоннаго органа, вообще могъ бы привести лишь къ самоустраненію наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ имущихъ классовъ, лишь къ отказу ихъ использовать свои силы въ интересахъ политическаго освобожденія страны; онъ привелъ бы къ упроченію организаціи всѣхъ реакціонныхъ силъ, которыя имѣли бы свой центръ и опору въ Думѣ, между тѣмъ какъ силы оппозаціонныя и революціонныя оставались бы по-прежнему въ раздробленномъ состояніи. Но «бойкотъ», проведенный путемъ насилія революціонеровъ надъ избирателями, привелъ бы еще къ худшимъ послѣдствіямъ. Правительство явилось бы въ благородной роли охранителя «свободы» выборовъ, а своей «тактикой запугиванія» мы бы, съ своей стороны, сдѣлали бы все возможное, чтобы бросить въ его объятія и либераловъ, и демократовъ, и крестьянство, въ представленіяхъ котораго, правительство, несомнѣнно, постарается связать Государственную Думу съ обѣщаніемъ аграрныхъ реформъ и которому нужно будетъ изжить еще эту иллюзію раньше, чѣмъ встать безповоротно на путь открытой революціи.

И если бы правительство дѣйствительно вернулось послѣ этого къ неприкрытому «осадному положенію», то можно быть увѣреннымъ, что на его сторонѣ были бы симпатіи значительной части крестьянства и того либеральнаго общества, которое теперь протестуетъ противъ этого «положенія». Ибо, благодаря дѣйствіямъ соціалдемократіи, это «осадное положеніе» явилось бы въ глазахъ широкихъ слоевъ средствомъ для охраны «общества» и крестьянства отъ насильственныхъ покушеній рабочихъ. Но и въ томъ лучшемъ случаѣ, который предполагаютъ маріупольскіе товарищи, въ случаѣ успѣха, въ чемъ выразился бы этотъ «успѣхъ»? Въ томъ, что правительство «заявило бы о своей готовности приспособить свой проектъ согласно заявленіямъ различныхъ группъ населенія». Но какого характера были бы эти «уступки»? Намъ, кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній на этотъ счетъ. Если мы своею «боевою» дѣятельностью, направленной противъ «общества» и крестьянъ не только сдѣлали себя ненавистными тѣмъ и другимъ, но еще вдобавокъ оторвали себя и отъ широкихъ слоевъ пролетаріата, то врядъ ли можемъ мы надѣяться на то, что именно пролетаріату удастся отвоевать себѣ широкія политическія права. Терроризированное нами населеніе охотно сплотится вокругъ монархіи, на почвѣ «умѣренной» конституціи, и мы своими дѣйствіями явно сдѣлаемъ съ своей стороны все возможное, чтобы сдѣлать эту конституцію не однимъ изъ этаповъ развивающейся

революціи, а жалкимъ финальнымъ аккордомъ богатѣйшей революціонной симфоніи.

Отказываясь отъ использованія тѣхъ элементовъ прогрессивности, которые, какъ это не станетъ отрицать маріупольская группа, имѣются для переживаемаго историческаго періода въ русскомъ либерализмѣ, вопреки его трусливости и пр. и пр., стремясь преждевременно замѣнить по отношенію къ этимъ прогрессивнымъ элементамъ силу политической критики критикой физической силы, мы несомнѣнно содѣйствовали бы стремленію правительства и реакціонныхъ элементовъ поставить возможно скорѣе «точку къ реформамъ». Между тѣмъ, наша тактика, тактика революціонеровъ, должна быть направлена къ тому, чтобы не допустить этой точки, чтобы каждую «реформу» превращать въ ступень революціи, чтобы сдѣлать революцію непрекращающейся, вплоть до перенесенія ея пламени на другія страны цивилизованнаго міра...

Такія проблемы нападеніями кучки вооруженныхъ людей на собранія гражданъ, хотя бы и «умѣренныхъ», не рѣшаются...

Ф. Данъ.

На очереди.

(29-го авг. 1905 г., № 109).

Говорятъ что аргументаціей «Искры» противъ «бойкота» Государственной Думы пользуются «правые» освобожденцы въ своей борьбѣ съ «лѣвыми», какъ извѣстно, мѣстами высказывающимися за «бойкотъ». А такъ какъ правое крыло либерализма собирается идти въ Думу не для революціонной борьбы съ самодержавной бюрократіей, то, какъ будто, выходитъ, что мы своей аргументаціей поддержали тактику умѣренныхъ либераловъ противъ крайнихъ.

Въ самомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Аналогичныя явленія имѣли мѣсто и раньше, будутъ имѣть мѣсто и впредь. Когда это имъ выгодно, либералы пользуются противъ крайнихъ демократовъ аргументами, заимствованными у марксизма. Какой либералъ, борясь

противъ аграрной утопіи народниковъ, не воспользуется парой аргументовъ, взятыхъ на-прокатъ у марксистовъ? А развѣ реакціонеры сплошь и рядомъ не побиваютъ «матеріалистическими» доводами того или другого либеральнаго «идеалиста».

Разумѣется, и у реакціонера, и у либерала при этомъ не обходится безъ маленькаго... искаженія заимствованной у соціализма мысли.

Въ передачѣ реакціонеровъ, матеріалистическій анализъ становится очень удобнымъ оружіемъ для проповѣди незыблемости даннаго порядка, и въ этомъ духѣ уже не одинъ борзописецъ «Московскихъ Вѣдомостей» интерпретировалъ противъ либераловъ матеріалистическое пониманіе исторіи, не одинъ зубатовецъ такой интерпретаціей пытался отвратить пролетаріатъ отъ политической активности. И точно также политическій реализмъ, противопоставляемый соціалдемократами утопическому романтизму, не однажды превращался подъ перомъ либерала въ оправданіе самаго вульгарнаго «практицизма».

Если вѣрно, что п р а в ы е либералы пытаются эксплоатировать нашу «противобойкотную» пропаганду, то это производится такой же фальсификаціей нашихъ идей.

Мы говоримъ: участіе въ выборахъ можетъ стать орудіемъ революціонной борьбы. Демократы, стоящіе «за бойкотъ», напротивъ, склонны видѣть въ такомъ участіи безплодную и опасную игру. Умѣренные либералы не раздѣляютъ опасеній демократовъ. Значитъ ли это, что, подобно намъ, они смотрятъ на свое участіе въ выборахъ, какъ на средство двинуть впередъ революцію?

Если либералы думаютъ (а они, несомнѣнно, такъ думаютъ) войти въ Думу для того, чтобы заниматься тамъ той игрой въ «вѣрноподданную оппозицію», какую они до сихъ поръ продѣлывали на земскихъ съѣздахъ, то это ихъ занятіе въ лучшемъ случаѣ будетъ совершенно безплоднымъ для дѣла русской свободы, въ худшемъ и очень вѣроятномъ сыграетъ въ руку реакціи. Если они надѣются «расширить рамки Думы» такъ называемыми «легальными» средствами, то они могутъ быть увѣрены, что очень скоро вступятъ въ острый антагонизмъ съ народными массами, которыя должны будутъ разсматривать всякое участіе въ «политической работѣ» законосовѣщательной Думы, какъ поддержку либералами падающаго режима, какъ стремленіе либераловъ еще дальше отойти отъ народнаго движенія.

Революціоннымъ, и, слѣдовательно, прогрессивнымъ можетъ быть только такое участіе въ выборахъ, которое ставитъ себѣ цѣлью «взорвать» Думу, а изнутри содѣйствовать этому взрыву можно, только поддерживая то движеніе, которое будетъ «взрывать» Думу снаружи

и которое одно только и можетъ ее «взорвать». Либералъ или демократъ, который явится въ Думу съ тѣмъ, чтобы тамъ всѣми—вплоть дореволюціонныхъ—средствами отстаивать немедленный созывъ Учред. Собранія—такой либералъ или демократъ можетъ своей дѣятельностью въ Думѣ содѣйствовать народной революціи. Всякое другое поведеніе, препятствуя обостренію конфликта между абсолютизмомъ и страной, превратитъ думскихъ либераловъ въ посмѣшище реакціи и въ объектъ ненависти народа. Надо выбирать!

И мы думаемъ, что этотъ выборъ очень ясно стоялъ передъ тѣми демократами, которые предпочли высказаться за «бойкотъ». Понимая опасность полной компрометаціи своей партіи, если они, вступивъ въ Думу, не рѣшаться стать на революціонный путь, и не чувствуя готовности теперь же вступить на этотъ путь, они предпочитаютъ «гордо» отвернуться отъ участія въ избирательной борьбѣ, отъ участія въ Думѣ. Напротивъ, «умѣренные», отлично понимающіе «гдѣ раки зимуютъ» и твердо вѣрящіе въ возможность сдѣлокъ съ самодержавіемъ, готовы, на худой конецъ, пренебречь возростаніемъ вражды къ нимъ народныхъ массъ.

Поэтому, совершенно наивно утвержденіе «Пролетарія» (№ 15), будто рѣшеніе бойкотировать Думу есть, со стороны демократіи, «первый шагъ къ сближенію съ революціоннымъ народомъ», дѣлающій для пролетаріата обязательной поддержку тактики этой демократіи. Столь мрачно подозрительный во всѣхъ случаяхъ жизни «Пролетарій» становится непозволительно довѣрчивымъ къ демократіи и, при томъ, безъ всякихъ серьезныхъ основаній. Провозгласивъ «бойкотъ», сдѣлала ли демократія хоть одинъ шагъ, позволяющій думать, что она намѣрена начать борьбу революціонными средствами? Мы такихъ шаговъ не знаемъ. «Пролетарій»—тоже, но онъ питаетъ себя слѣдующими утѣшеніями: «если бойкотъ не хвастовство, если мобилизація («мобилизація всѣхъ демократическихъ силъ») не фраза, если возмущеніе дерзкимъ вызовомъ (правительства) не актерство — тогда вы должны порвать съ «соглашателями», встать на сторону теоріи самодержавія народа, принять, на дѣлѣ принять, единственно послѣдовательные лозунги революціонной демократіи: активное наступленіе, революціонная армія, временное революціонное правительство».

Все это очень убѣдительно, но... но все это заставляетъ насъ поставить одинъ лишь вопросъ: «а если это, дѣйствительно, фразы»? А если всѣ эти заявленія только прикрываютъ одно желаніе «переждать грозу», остаться въ сторонѣ отъ того остраго столкновенія пролетаріата съ абсолютизмомъ, которое неизбѣжно вспыхнетъ, когда вступитъ

въ силу «конституція» 6-го августа и которое столь же неизбѣжно потребуетъ отъ всѣхъ, участвующихъ въ Думѣ и не желающихъ оказаться въ лагерѣ реакціи, рѣшительныхъ шаговъ по тому революціонному пути, на которомъ разыграется это столкновеніе?

Мы имѣемъ полное право поставить этотъ вопросъ потому, что до сихъ поръ мелкобуржуазная демократія, о которой идетъ рѣчь, рѣшительно отвергала идею помощи активному народному движенію (напримѣръ, на съѣздѣ адвокатовъ), потому, что она не оказала никакой поддержки тому движенію, которое вспыхнуло въ іюнѣ, потому, что она и теперь, заговоривъ о бойкотѣ, не постаралась убѣдить насъ въ своей готовности идти за пролетаріатомъ [1]).

Да! Когда буржуазная демократія рѣшится свои силы отдать дѣлу революціонной борьбы, тогда мы съ ней готовы будемъ серьезно потолковать о томъ, не пригодится ли для цѣли обостренія конфликта

---

[1]) Вотъ иллюстрація къ только что сказаному: умѣренныя „Русскія Вѣдомости" заявляютъ: „Бюрократія знаетъ, что Государственная Дума, если она хотя и въ слабой степени отразитъ настроеніе страны, не поддержитъ расшатывающагося режима и нанесетъ ему послѣдній ударъ". Либеральная фанфаронада о „нанесеніи послѣдняго удара" при условіи „слабаго отраженія настроенія страны", конечно, никого не убѣдитъ. Призывъ „сплотиться и сомкнутымъ строемъ идти на штурмъ бюрократической цитадели" больше всего говоритъ о желаніи умѣренно-либеральной газеты избѣжать политическаго соперничества на выборахъ между приличными демократами и безцвѣтными либералами, а, можетъ быть, даже и между тѣми и другими съ одной стороны и „шиповцами" съ другой. Готовясь къ дѣйствительному „штурму", зовутъ прежде всего не къ выборамъ, а къ организаціи народныхъ массъ. И заключительная фраза газеты—„Всякое воздержаніе отъ выборовъ при такихъ обстоятельствахъ является преступленіемъ. Ни одинъ голосъ со стороны прогрессивныхъ партій не долженъ пропасть,"—эта фраза явно говоритъ о желаніи возложить всѣ надежды на борьбу на „парламентской" почвѣ. Съ другой стороны, посмотрите, какъ рипостируетъ радикальный „Сынъ Отечества", тяготѣющій къ „бойкоту". Разбирая соображеніе „Нашей Жизни" о необходимости ознакомить избирателей съ программами кандидатовъ, газета спрашиваетъ: „Должны ли эти программы печататься съ разрѣшенія цензуры или безъ ея вѣдома? Если съ разрѣшенія, то много ли партійныхъ программъ дойдетъ до избирателя въ своемъ настоящемъ видѣ. Если безъ ея вѣдома, то много ли найдется кандидатовъ (курсивъ нашъ), которые рѣшатся снабдить своей подписью такія нелегально изданныя программы? А, если кто и рѣшится, то онъ попадетъ, конечно, но отнюдь не въ Думу"...

Не очевидно ли, товарищи изъ „Пролетарія", что демократическіе сторонники бойкота не столько „качнулись" въ сторону революціи, сколько «откачнулись" отъ перспективы „предварилки", грозящей въ случаѣ серьезной избирательной агитаціи?

страны съ самодержавной бюрократіей предлагаемый ею «бойкотъ». Но, съ другой стороны, мы думаемъ, что, когда это совершится, то вопросъ о «бойкотѣ» замѣнится и для буржуазной демократіи совершенно другимъ вопросомъ: объ организаціи революціоннаго самоуправленія, а слѣдовательно, (имѣйте въ виду это, тов. Ленинъ!), а, слѣдовательно, и революціонной арміи и аггрессивной гражданской войны противъ реакціи.

До тѣхъ же поръ, мы позволимъ себѣ предложить буржуазной демократіи, чтобъ она намъ показала на дѣлѣ, какъ она будетъ мобилизовать на почвѣ бойкота «всѣ демократическія силы», которыя находятся въ ея «вѣдомствѣ»: крестьянство и мелкую буржуазію. Мы попросимъ ее сначала оправдать силлогизмъ «Пролетарія» о томъ, что сказавшій «бойкотъ» уже тѣмъ самымъ сказалъ «открытое активное выступленіе»... Но буржуазная демократія вовсе не думаетъ спѣшить показать намъ свой прогрессъ отъ тактики «банкетовъ» къ революціонной тактикѣ. Провозглашая «мобилизацію», она про себя прибавляетъ:

„Туда умнаго не надо—
„Я пошлю туда Реада,
„А тамъ—посмотрю",

и посылаетъ въ бой пролетаріатъ, вотируя необходимость массовой политической стачки, т. е. средства борьбы, которое по своему характеру является серьезнымъ орудіемъ лишь въ рукахъ наемныхъ рабочихъ, а для всей массы мелкобуржуазныхъ собственниковъ вовсе непримѣнимо; и подмигиваетъ одобрительно тѣмъ, кто, подобно бундистамъ въ «Послѣднихъ Извѣстіяхъ», обѣщаетъ пролетарскими кулаками «разогнать» выборщиковъ для того, чтобы не дать собраться этой непріятной Думѣ, въ которой—реакція постаралась!—въ первый же день придется бѣдному демократу сказать ясно: за что онъ стоитъ— за самодержавіе бюрократіи или за самодержавіе народа?

Роль генерала Реада на посылкахъ у «Союза союзовъ» не прельститъ, надо думать, ни одного соціалиста. И мы можемъ только предостеречь отъ этой «идеализаціи» тактики лѣвыхъ элементовъ демократіи, которою переполнена статья № 15 «Пролетарія». Редакціи этого органа, повидимому, удалось убѣдить себя, что «Искра» рекомендуетъ тактику хожденія «въ хвостѣ монархической буржуазіи». Это—потому, что самъ «Пролетарій» видитъ выборъ только между пассивнымъ приспособленіемъ къ тактикѣ одной изъ изъ двухъ фракцій буржуазной оппозиціи. Ограничивъ себя этими рамками, онъ, подобно представителямъ обѣихъ этихъ фракцій, рѣшаетъ, что тактика «Искры» прибли-

жается къ желаніямъ умѣренныхъ. Но, если и умѣренные и крайніе буржуа имѣютъ нѣкоторое право не знать, что кромѣ либеральнаго оппортунизма и революціонной демократической фразы, есть еще тактика пролетарской революціи, то «центральный органъ» т. Ленина обязанъ это знать. Самостоятельная классовая тактика пролетаріата не идеализируетъ ни праваго, ни лѣваго крыла буржуазіи. Соціалдемократія знаетъ, что въ данный моментъ и правые и лѣвые къ революціоннымъ пріемамъ борьбы не намѣрены приступить; разсчитывая, что «лѣвые» современемъ будутъ двинуты на путь революціи, она и не думаетъ на этомъ основаніи оказать имъ теперь же слишкомъ большой политическій кредитъ, чтобы не оказаться самой въ роли обладательницы кучи дутыхъ векселей. Передъ соціалдемократіей стоитъ вопросъ: какъ использовать въ интересахъ революціи (а, слѣдовательно, и въ интересахъ классоваго сплоченія пролетаріата) Булыгинскую «конституцію». Требуя, чтобы всѣ враги стараго порядка мобилизовали свои силы для борьбы за созывъ Учредительнаго Собранія, соціалдемократія, должна разсчитывать только на вліяніе организованнаго давленія пролетаріата, какъ на правые, такъ и на лѣвые и крайніе лѣвые элементы буржуазной оппозиціи. Вовлеченіе послѣднихъ въ водоворотъ революціонной борьбы возможно будетъ лишь постольку, поскольку соціалдемократія окажется активной и грозной силой, поскольку, слѣдовательно, она сумѣетъ въ ходѣ данной борьбы мобилизовать массы пролетаріата. Тактика «бойкота» на нашъ взглядъ никакихъ массъ не мобилизуетъ. Мобилизовать ихъ можетъ всего лучше или избирательная кампанія—если бы пролетаріатъ получилъ право голоса—или организація революціоннаго самоуправленія, къ которой можно приступить, воспользовавшись избирательной кампаніей тѣхъ классовъ, которые «дорвались» до Думы. Возможно, что расшатка самодержавія еще не достигла той степени, а силы соціалдемократіи еще недостаточно велики, чтобы теперь же ей удалось достигнуть въ этой области «осязательныхъ» результатовъ. Но и въ этомъ случаѣ все, что она успѣетъ, хотя бы мѣстами, сдѣлать для организаціи массъ на почвѣ революціоннаго самоуправленія, сослужитъ большую службу въ будущемъ. И лишь въ той мѣрѣ, въ какой она будетъ успѣвать въ дѣлѣ организаціи революціоннаго самоуправленія, она сможетъ заставить буржуазныхъ демократовъ идти за нею на пути къ рѣшительной борьбѣ.

Трудно думать, чтобы «Пролетарій» не понималъ хода нашей мысли. И, тѣмъ не менѣе, онъ дерзаетъ говорить объ «оппортунистической» и «революціонной» тактикѣ двухъ фракцій нашей партіи.

Но, вѣдь, давно уже извѣстно, что нежеланіе засѣдать въ правительствѣ въ роли меньшинства вмѣстѣ съ представителями нынѣшняго «Союза союзовъ» есть признакъ оппортунизма. Съ этой «революціонной» точки зрѣнія будущихъ русскихъ министровъ (виноватъ! министерской партіи, ибо «Пролетарій» протестуетъ противъ приписыванія «вождямъ фракціи намѣренія стать у власти»), съ этой точки зрѣнія, наша тактика, разсчитанная на классовую самостоятельность и высшую революціонную активность пролетаріата, не можетъ не казаться «оппортунистической».

Л. Мартовъ.

Бакинскія звѣрства.

(10 сент. 1905 г., № 110).

Огонь и мечъ царятъ на Кавказѣ... Тысячами косятся человѣческія жизни, стаптываются засѣянныя поля, цвѣтущія деревни исчезаютъ съ лица земли, города лежатъ въ развалинахъ... И только, когда въ городѣ не остается уже жителей, тогда смолкаютъ выстрѣлы, потому что некому уже стрѣлять, только тогда потомокъ выгнаннаго французами коронованного авантюриста, а нынѣ «усмиритель» на службѣ россійскаго правительства,—Людовикъ Бонапартъ можетъ телеграфировать Петербургу: въ Шушѣ все спокойно.

Въ Шушѣ все спокойно! Такъ становилось постепенно «спокойно» и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ, и въ Лодзи, и въ Ригѣ, и въ Иваново-Вознесенскѣ, и въ Одессѣ, и въ Кишиневѣ, и въ Черноморскомъ флотѣ... Такъ становится «спокойно» въ той далекой Манчжуріи, гдѣ не осталось вершка земли, не обагреннаго кровью... Трупы искалѣченныхъ солдатъ, убитыхъ мирныхъ гражданъ, изнасилованныхъ женщинъ, растерзанныхъ дѣтей... какимъ утѣшительнымъ «спокойствіемъ» вѣетъ отъ нихъ для правительства! Сколько разверзтыхъ могилъ— столькими врагами, сегодняшними или завтрашними, у него меньше! Сомкнутые навѣки уста, застывшие въ посмертномъ окоченѣніи руки— какъ хорошо это для «охраненія государственнаго порядка и спокой-

ствія»! И баяны деспотизма, подвизающіеся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», уже сладострастно смакуютъ картину «успокоенія, распространеннаго на всю Россію». Кровавыя усмиренія, разстрѣлы, висѣлицы должны трупами «крамольнаго» народа покрыть страну. Трупы не говорятъ, они не борются. Правда, самымъ мертвымъ молчаніемъ своимъ они вопіютъ. Но къ этому воплю глухи правительственные башибузуки; онъ находитъ могучій, тысячекратный откликъ лишь въ сердцѣ измученнаго, горящаго огнемъ революціоннаго возбужденія, страстно рвущагося къ освобожденію многомилліоннаго народа; онъ отзовется въ безпощадной карѣ, въ безпощадной мести народа угнетателямъ, которые каждый день своего смраднаго существованія покупаютъ цѣною тысячей человѣческихъ жизней. «Но... когда-то все это еще будетъ! Быть можетъ, на нашъ вѣкъ хватитъ возможности безнаказанно носиться опустошающимъ ураганомъ по всей странѣ; а послѣ насъ хоть потопъ»! думаютъ россійскіе помпадуры всѣхъ ранговъ. А пока что, такъ пріятно читать отрадное извѣстіе наемнаго принца: въ Шушѣ все спокойно!

Но еще въ Шушѣ не успѣло все «успокоиться», какъ правительство предприняло новый, болѣе грандіозный опытъ «успокоенія» въ Баку. Что бы ни говорили слуги деспотизма, какъ бы ни усердствовали продажныя газеты въ описаніи раздиравшей бакинское населеніе «національной вражды», какъ бы горестно ни вздымалъ руки къ небу Іуда Суворинъ, не перестававшій въ своемъ «Новомъ Времени» всячески раздувать эту «вражду» по прямому порученію правительства, факты установлены незыблемо. Всѣмъ извѣстно, что еще во время февральской рѣзни застрѣльщиками и коноводами полу-дикихъ невѣжественныхъ татаръ являлась бакинская полиція съ бакинскимъ губернаторомъ княземъ Накашидзе во главѣ. Всѣмъ извѣстно, что послѣ этой рѣзни, которую пришлось «преждевременно» прекратить, благодаря рѣшительному вмѣшательству организованнаго безъ различія національностей бакинскаго пролетаріата, власти открыто вооружали татаръ окрестныхъ деревень берданками, доставлявшимися съ казенныхъ заводовъ. Всѣмъ извѣстно, что когда рабочіе и промышленники соединились вмѣстѣ, чтобы организовать революціонную охрану жителей и промысловъ, правительство всѣми силами препятствовало вооруженію этой охраны и не далѣе, какъ 2 недѣли тому назадъ, отказало нефтепромышленникамъ въ разрѣшеніи закупить оптомъ оружіе. Всѣмъ извѣстно, что тамъ, гдѣ только было можно, правительство жадно ухватывалось за національные и религіозные антагонизмы, затемняющіе и осложняющіе классовую борьбу, и старалось раздуть

искры традиціонной расовой и религіозной ненависти въ пламя пожара, въ которомъ, во взаимной враждѣ и бойнѣ, истощились бы силы всѣхъ сторонъ, потонула бы все ярче и ярче разгорающаяся ненависть всѣхъ народностей къ душащему всѣхъ ихъ режиму. Именемъ крестьянина и помѣщика, именемъ рабочаго и фабриканта, именемъ латыша, эстонца и нѣмца, именемъ поляка, еврея и русскаго, правительство попеременно, съ одинаковою злобною радостью натравливало другъ на друга всѣ народности, всѣ классы Россіи, истощая ихъ во взаимной враждѣ, искусственно задерживая ихъ на ступени примитивной, неразвитой, а потому губительной борьбы,—въ которой братъ не узнавалъ брата,—отклоняя удары всѣхъ ихъ отъ своей преступной головы. Начиная крестовый походъ въ Гомелѣ, Бѣлостокѣ, Кишиневѣ во имя Христа, правительство съ такимъ же удовольствіемъ поднимало кавказскихъ и персидскихъ татаръ на «газаватъ» во имя Магомета.

И то ужасное, непоправимое бѣдствіе, которое обрушилось на бакинскій нефтепромышленный районъ, есть—несомнѣнно и очевидно для всѣхъ—дѣло грязныхъ, кровавыхъ рукъ россійскихъ сатраповъ. Какъ вездѣ въ Россіи, правительство пользовалось стихійною, слѣпою, не освѣщенною классовымъ сознаніемъ ненавистью быстро пролетаризирующагося татарскаго крестьянина къ армянской буржуазіи, къ армянскимъ Колупаевымъ и Разуваевымъ, чтобы натравить его на армянскаго рабочаго. Ужасная, но старая исторія. Мы видѣли ее въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ ненависть латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ и мѣщанъ къ нѣмецкимъ помѣщикамъ и нѣмецкой буржуазіи правительство старалось обратить въ ненависть къ «нѣмцамъ» вообще; видимъ въ сѣверозападномъ краѣ и на югѣ, гдѣ искупительной жертвой за преступленія деспотизма должны служить евреи, видимъ въ Польшѣ, въ Финляндіи. И мы знаемъ, по имѣющимся уже налицо историческимъ примѣрамъ знаемъ, что классовый инстинктъ и классовое сознаніе пробьютъ себѣ путь черезъ толстую кору грязи и крови, подъ которою хочетъ задавить правительство классовое движеніе пролетаріата; что, несмотря на остроту и живучесть національныхъ традицій, несмотря на то, что эти же традиціи находятъ себѣ мощную—и столь выгодную для правительства—поддержку въ дѣятельности пытающихся опереться на нихъ буржуазныхъ революціонныхъ партій, несмотря даже на то, что и соціалистическое движеніе пролетаріата на первыхъ шагахъ своихъ не всегда и не всюду умѣетъ начисто раздѣлаться съ національною ограниченностью и національными предразсудками; мы знаемъ, несмотря на все это, что самое обостреніе борьбы, вызываемое человѣконенавистническою про-

повѣдью правительственныхъ громилъ, втягиваетъ въ нее слои, которые, быть можетъ, иначе еще долго спали бы политическимъ сномъ, и готовитъ благодарную почву для соціалдемократической проповѣди классовой солидарности, полнаго тождества классовыхъ интересовъ пролетаріевъ всѣхъ племенъ и всѣхъ языковъ.

Люди могутъ долго бороться между собою мелкими подвохами, мелкими взаимными непріятностями просто по инерціи, по привычкѣ, по традиціи, но люди не могутъ грабить, жечь, рѣзать другъ друга, заливать кровью города, разрушать источники своего собственнаго существованія, безъ того, чтобъ у нихъ не всталъ рѣзко и опредѣленно вопросъ: зачѣмъ все это, изъ-за чего вражда? Но, когда этотъ вопросъ встанетъ въ головахъ рабочихъ, будь то русскіе, армяне, татары, евреи, поляки, латыши, не много времени понадобится имъ, чтобы убѣдиться, что на разныхъ языкахъ, но одно и то же говорятъ всѣ они, не много времени понадобится, чтобы натравленные другъ на друга братья прозрѣли, подали другъ другу руки для совмѣстной безпощадной борьбы съ тѣмъ, кто такъ кровожадно насмѣялся надъ ними. Если февральская бакинская рѣзня положила начало соціалдемократической организаціи татаръ, то можно быть увѣреннымъ, что нынѣшнія, еще болѣе ужасныя событія быстро подвинутъ впередъ дѣло объединенія пролетарской борьбы на Кавказѣ.

Но на правительствѣ останется вина за тѣ кровавые ужасы, которыми сопровождается пробужденіе татарскаго пролетаріата къ революціонной классовой борьбѣ, которыми знаменуется начало кавказскаго возстанія.

Конечно, слѣпое, какъ всегда, правительство не разсчитало всѣхъ послѣдствій своихъ шаговъ; оно забыло, что въ атмосферѣ, насыщенной порохомъ, нельзя играть съ огнемъ; оно не поняло, что при томъ страшномъ революціонномъ возбужденіи, которое охватываетъ всю страну сверху до низу, оно властно развязать движеніе, но не властно остановить его. И нѣтъ сомнѣнія, что бакинскія событія пошли куда дальше, чѣмъ того хотѣли ихъ иниціаторы. Они думали устроить одну изъ тѣхъ примѣрныхъ боиней, какія такъ счастливо удавались въ Гомелѣ и Кишиневѣ; они думали, водворивъ «миръ» на Дальнемъ Востокѣ, заодно маленькимъ кровопусканіемъ «замирить» и бунтующій Кавказъ. И вмѣсто этого—вдругъ ужасающая трагедія, которая еще отзовется могучими потрясеніями всей хозяйственной жизни Россіи. Хищники зарвались. Когда они поняли, какой страшный ударъ они нанесли самимъ себѣ, было уже поздно! Ихъ артиллерія могла остановить

кровопролитіе; она не могла возстановить разрушеннаго питательнаго нерва всей русской промышленности.

Городъ Баку разрушенъ; убитые и раненые считаются тысячами; промыслы уничтожены почти до основанія; на ихъ возстановленіе потребуются мѣсяцы; 40.000 рабочихъ выброшено на улицу; волжское судоходство и значительная часть русской промышленности оставлены безъ топлива и вынуждены будутъ сократить или вовсе прекратить производство; это значитъ, что россійскіе города переполнятся новыми сотнями тысячъ безработныхъ, голодныхъ, въ дополненіе къ тѣмъ милліонамъ голодающихъ, которые появятся въ результатѣ огромнаго неурожая. И только, когда все это стало уже непоправимымъ фактомъ, только тогда правительство опомнилось и рѣшило: «охрана нефтяныхъ промысловъ есть дѣло первостепенной государственной важности». Оно, которое сдѣлало все, чтобы вызвать разрушеніе промысловъ; оно, которое сдѣлало все возможное, чтобы не дать революціонному самоуправленію бакинскихъ гражданъ взять на себя эту охрану; оно теперь готово «охранять» промыслы, когда ихъ уже нѣтъ, когда нечего охранять!

Въ такихъ то обстоятельствахъ правительство пытается еще искать «виноватаго», на котораго можно было бы свалить свои собственныя злодѣянія. Намѣстникъ Кавказскій уже нашелъ «виноватаго»—въ лицѣ революціонныхъ партій и сообществъ! Но, обличая ихъ, рьяный сатрапъ только подчеркиваетъ истинныя причины, произведенныхъ по наущенію правительства звѣрствъ. Онъ прямо говоритъ, что вина революціонныхъ партій въ томъ, что онѣ стремятся къ измѣненію существующаго образа правленія. Этого довольно! Давно извѣстно, з а ч ѣ м ъ правительство устраивало еврейскіе погромы, черносотенные походы, армянскую рѣзню. Оно само неоднократно проговаривалось объ этомъ въ своихъ «сообщеніяхъ». Кавказскій намѣстникъ еще разъ заявляетъ русскимъ гражданамъ: за то, что вы не хотите жить въ рабствѣ, за то, что чувствуете себя не подданными, а гражданами, за то, что вы стремитесь къ измѣненію образа правленія, при которомъ на алтарь торговыхъ прибылей высокопоставленныхъ лицъ могутъ безнаказанно приноситься въ жертву ваши жизни и ваше достояніе,—за все это я буду вооружать хулигановъ, вооружать темныхъ татаръ и натравлять ихъ на васъ, безоружныхъ; за все это я буду разрушать ваши деревни и города, уничтожать вашу промышленность, выгонять васъ на улицу безъ работы и безъ хлѣба! И, совершивъ все это, я приглашу васъ «успокоиться» въ нѣдрахъ Государственной Думы, которая де вырываетъ почву изъ-подъ ногъ у подпольныхъ организацій!

Правительству придется еще разъ убѣдиться, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ-то такъ, какъ оно себѣ представляетъ. Чтобы вырвать почву изъ-подъ ногъ у подпольныхъ организацій, его Дума должна была бы быть совсѣмъ иного калибра, именно такого, какого оно и не можетъ дать, оставаясь самовластнымъ; потому что «вырвать почву» можно только тѣмъ, что «подпольныя» организаціи станутъ явными и охваченное ими могучее движеніе народныхъ массъ камня на камнѣ не оставитъ отъ всей абсолютистской постройки. Но не только на счетъ «вырыванія почвы» грозитъ ему жестокое разочарованіе. Нѣтъ, и насчетъ истинныхъ виновниковъ бакинской катастрофы и всѣхъ связанныхъ съ нею бѣдствій народъ долженъ быть и будетъ освѣдомленъ.

Каждый безработный рабочій долженъ будетъ знать, кто оставилъ его безъ работы; онъ долженъ знать, какъ звѣрская политика ни передъ чѣмъ не останавливающагося режима привела къ ужаснѣйшему разоренію всей страны; онъ долженъ будетъ знать, съ какою цѣлью ведется правительствомъ систематическое натравливаніе одной народности на другую: какъ война на Дальнемъ Востокѣ, какъ бы подъ увеличительнымъ стекломъ, показала всю губительность абсолютизма и всѣ его язвы, такъ бакинская катастрофа своими колоссальными размѣрами дѣлаетъ доступнымъ всѣмъ и каждому смыслъ той травли «инородцевъ», того разжиганія вражды между національностями, которое на-ряду съ черносотенною агитаціею, стало теперь важнѣйшимъ дѣломъ правительственныхъ чиновниковъ, начиная отъ намѣстниковъ и кончая городовыми.

Но, кромѣ рабочихъ, и всѣ другіе слои населенія, прямо или косвенно задѣтые катастрофой, не смогутъ оставаться дольше равнодушными зрителями политики «натравливанія». Въ малыхъ размѣрахъ она была терпима для незатронутыхъ ею непосредственно слоевъ. Направленная противъ «интеллигенціи» въ видѣ черносотенныхъ безчинствъ—она могла даже встрѣчать кой-какое поощреніе или, по крайней мѣрѣ, злобное удовлетвореніе у тѣхъ, кто въ понятіи «баринъ» топилъ всѣ оттѣнки и различія въ средѣ привилегированныхъ классовъ. Но бакинскія событія ударятъ больно и всю сочувствовавшую подвигамъ правительства, по части держанія знамени «народности», или пассивно-равнодушную къ этимъ подвигамъ публику. Экономическія послѣдствія бакинской катастрофы ударятъ по карману всякаго мелкаго лавочника, всякаго базарнаго торговца, всякаго трактирщика, всякаго мѣщанина и крестьянина. Правительство сдѣлало все, чтобы и этой части населенія внушить основательное отвра-

щеніе къ своей хулиганско-націоналистической агитаціи, чтобы и ее толкнуть въ оппозицію къ той политикѣ крови и желѣза, которою еще только и держится деспотизмъ.

Ну, а для Кавказа бакинскія событія, конечно, значатъ и еще болѣе. То, что уже произошло послѣ нихъ въ Тифлисѣ, Батумѣ, Сухумѣ и другихъ мѣстахъ, показываетъ, что, быть можетъ, своими подвигами правительство само дало послѣдній толчокъ той лавинѣ кавказскаго возстанія, которая такъ явно готовится обрушиться со дня на день. И нѣтъ сомнѣнія, что не правительство выйдетъ побѣдителемъ изъ этого возстанія, ибо нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что кавказское движеніе не останется одинокимъ...

Ф. Данъ.

На очереди.

(10 сентября 1905 г., № 110).

«Бойкотъ» Думы и революціонное самоуправленіе народа.

Было бы удивительно, еслибъ сдѣланное въ «Искрѣ» предложеніе по вопросу о тактикѣ соціалдемократіи по отношенію къ Булыгинской Думѣ не вызвало со стороны «Пролетарія» самыхъ горячихъ, хотя и совершенно безтолковыхъ возраженій. «Соціалдемократическая маниловщина», «путаница», «уклоненіе отъ единственно революціонной тактики пролетаріата»—такими словечками редакція пытается «уничтожить» нашъ скромный планъ.

Но слова словами, а дѣло заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться внимательно. Какую позицію въ этомъ вопросѣ думаютъ занять наши «большевики»?

«Искра» отвергла «пассивный бойкотъ» Думы; «Пролетарій» также отвергаетъ его, именно потому, что онъ пассивенъ. Далѣе, газета указываетъ, что по существу, вопросъ о бойкотированіи или небойкотированіи думы есть вопросъ «внутренней буржуазной демократіи», и про-

летаріатъ долженъ при рѣшеніи вопроса, какое ему поддерживать изъ двухъ теченій внутри демократіи, отдать предпочтеніе тому теченію, которое будетъ болѣе революціонизировать политическую жизнь.

Нельзя не замѣтить, что авторъ статьи съ самаго начала сузилъ постановку вопроса, чѣмъ отчасти подготовилъ себѣ и неправильное рѣшеніе тактической задачи. Надо было выяснить сначала: какъ долженъ дѣйствовать, при данномъ положеніи общественныхъ силъ, по отношенію къ созываемой Думѣ пролетаріатъ? Въ зависимости отъ отвѣта на этотъ вопросъ, мы уже могли бы рѣшить, какая изъ двухъ пропагандируемыхъ внутри буржуазной демократіи тактикъ выгоднѣе для соціалдемократіи, т. е. для революціи? какую соціалдемократіи будетъ легче использовать для ускоренія революціоннаго развитія?

Идя другимъ путемъ къ рѣшенію тактической задачи, «Пролетарій» съ самаго начала ставитъ тактику соціалдемократической партіи въ зависимость отъ тактики буржуазной демократіи, т. е. отъ тактики болѣе революціонаго изъ двухъ ея теченій. Но размахъ нашей собственной борьбы можетъ быть только суженъ тѣмъ, что мы стремимся не наиболѣе революціонную для данныхъ обстоятельствъ тактику развить, но лишь сравнительно болѣе революціонную тактику буржуазіи поддержать.

Самый вопросъ о болѣе революціонной тактикѣ буржуазной демократіи «Пролетарій» рѣшаетъ такъ:

Рабочій классъ... «безусловно заинтересованъ въ поддержкѣ той части буржуазной демократіи, которая революціоннѣе, онъ заинтересованъ въ расширеніи политической агитаціи и обостреніи ея. Бойкотъ Думы—есть усиленное обращеніе буржуазіи къ народу, развитіе ея агитаціи, увеличеніе числа поводовъ нашей агитаціи, углубленіе политическаго кризиса, т. е. источника революціоннаго движенія. Участіе либеральной буржуазіи въ Думѣ—есть ослабленіе ея агитаціи въ настоящемъ, обращеніе ея болѣе къ самодержавной бюрократіи, чѣмъ къ народу, приближеніе контръ-революціонной сдѣлки между самодержавной бюрократіей и буржуазіей».

Быть можетъ, теперь, послѣ опубликованія «Положенія о Государственной Думѣ», «Пролетарій» признаетъ, что участіе либераловъ въ выборахъ не только не отвлечетъ ихъ отъ обращенія къ народу, но, наоборотъ, впервые сдѣлаетъ такое обращеніе вопросомъ жизни и смерти для либерализма? Какъ извѣстно, избирательный законъ разсчитанъ на то, чтобы болѣе или менѣе подневольными голосами крестьянъ и болѣе или менѣе «черносотенными» голосами мѣщанъ мелкихъ городовъ за-

давитъ голоса «просвѣщенной» земельной и городской буржуазіи. Участіе въ такихъ выборахъ требуетъ отъ либераловъ, чтобы они «усиленно обращались къ народу», стоя повсюду впереди въ защитѣ свободы выборовъ, разжигали конфликты между массой избирателей и администраціей, которые будутъ неизбѣжно возникать изъ бонапартистскаго характера всей Булыгинской затѣи. Кто хочетъ, чтобы либералы серьезно «обратились къ народу» (а «Пролетарій» хочетъ этого), тотъ долженъ желать, чтобы они приняли участіе въ выборахъ въ Думу.

Создавая свое «Положеніе», правительство хорошо знало, къ чему оно стремится: удаливъ изъ числа избирателей пролетаріатъ и демократическую интеллигенцію, оно ставитъ лицомъ къ лицу въ избирательныхъ коллегіяхъ соціальныя группы, наименѣе политически воспитанныя и наименѣе политически объединенныя, то-есть, наименѣе способныя отвлечься отъ минутныхъ групповыхъ интересовъ и возвыситься до пониманія своихъ классовыхъ интересовъ въ цѣломъ. Сталкивая такія группы между собою и тщательно устраняя отъ общенія съ ними тѣ элементы, которые могли бы внести въ ихъ взаимную дробную борьбу революціонно-объединяющее начало, правительство разсчитываетъ эксплоатировать въ свою пользу ихъ взаимные конфликты. Это обстоятельство должно особенно отталкивать идеологовъ буржуазіи отъ участія въ избирательной борьбѣ. Не даромъ московскій либералъ, г. Головинъ, съ сокрушеніемъ говорилъ о будущемъ «парламентѣ лавочниковъ». Но мы то, вѣдь, хорошо знаемъ, что столкновеніе соціально-групповыхъ интересовъ, въ какой примитивно-грубой формѣ оно бы ни совершалось, есть, въ концѣ концовъ, основной «источникъ революціоннаго движенія» и, между прочимъ, именно потому, что такое столкновеніе вынуждаетъ политическихъ идеологовъ «обращаться къ народу», сливать однородные по соціальнымъ интересамъ элементы въ политическія партіи.

Всѣмъ извѣстна эволюція россійскаго буржуазнаго либерализма и буржуазной демократіи. Еще 2—3 года назадъ тотъ и другая были въ высшей степени не-народными партіями, въ томъ смыслѣ, что оставались, и отчасти намѣренно оставались, далекими тѣмъ самымъ слоямъ народа, интересы которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ они брались представлять. Мы говоримъ обыкновенно о «мелкобуржуазномъ» характерѣ «освобожденской» демократіи, говоримъ съ полнымъ основаніемъ. А между тѣмъ фактъ тотъ, что до самаго послѣдняго времени эта демократія и представленная ею идеологически масса подлиннаго мелкаго мѣщанства—городского особенно и сельскаго—въ значительной мѣрѣ находились въ самыхъ враждебныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. И если въ послѣдніе мѣсяцы буржуазная демократія порывается «пойти въ народъ», то, смѣемъ

увѣрить редакцію «Пролетарія», она это дѣлаетъ не столько въ силу того, что ее «толкаетъ» къ этому соціалдемократія разоблаченіемъ ея «половинчатости», сколько въ силу того, что все ближе придвигается моментъ, когда она явится дѣйствительнымъ вершителемъ политическихъ судебъ страны. А приближеніе этого момента тѣсно связано съ первыми же выборами, въ которыхъ «благорожденнымъ» Петрункевичамъ придется ставить свои кандидатуры передъ тѣми, кого нынче презрительно называютъ «лавочниками», кого завтра уже придется величать «коммерсантами».

Практическая необходимость выступить политическими дѣятелями передъ этими—получившими нынѣ право голоса—народными слоями скорѣе всего очиститъ русскихъ либераловъ и демократовъ отъ присущаго имъ традиціоннаго барскаго отношенія къ «черни», столь тѣсно связаннаго съ полной ихъ неспособностью къ мужественнымъ дѣйствіямъ. Общеніе съ этой «чернью» на той аренѣ, гдѣ «чернь» явится хозяиномъ положенія, скорѣе всего вынудитъ либераловъ разсчитывать въ своей политикѣ на массы; необходимость же—подъ угрозой полнаго разгрома «черной сотней»—пробивать себѣ къ этой «черни» дорогу сквозь частоколы, которые на всемъ пути наставило и еще наставитъ полицейское самодержавіе, самымъ вѣрнымъ путемъ приведетъ ихъ къ познанію всей тщеты маниловскихъ иллюзій о «мирномъ» развитіи и заставитъ ихъ—подъ давленіемъ все той же угрозы—толкать на борьбу съ этимъ режимомъ свой отсталый «народъ».

Ошибка, въ которую впалъ «Пролетарій», имѣетъ 2 источника: во первыхъ, изслѣдуя революціонность двухъ буржуазныхъ тактикъ, почтенная газета—и это все чаще и чаще случается съ ней по мѣрѣ того, какъ она все дальше уходитъ отъ марксизма,—беретъ «революціонность» со стороны субъективнаго настроенія опредѣленной группы, а не со стороны объективнаго значенія ея политики. Субъективно, конечно, настроеніе, подсказывающее тактику «бойкота», революціоннѣе, чѣмъ то, которое побуждаетъ нѣкоторыхъ лѣвыхъ земцевъ не уклоняться отъ участія въ выборахъ. Но объективное значеніе пропагандируемаго воздержанія сводится только къ тому, что буржуазная демократія приглашается еще немножечко «погодить» идти въ «народъ», пока революціонный пролетаріатъ и внѣшнія неудачи не загонятъ правительство въ такой тупикъ, изъ котораго ему придется приманивать къ себѣ обывателя уже «заправскимъ» парламентомъ, разоруженіемъ разнузданной теперь «черной сотни».

Второй источникъ ошибки «Пролетарія» заключается, какъ выше указано, въ узости самой постановки вопроса, въ исканіи не наибо-

лѣе революціонной тактики, которую пролетаріатъ долженъ навязать демократіи, а лишь болѣе революціонной между тѣми, которыя намѣтились уже въ самой этой демократіи. Безспорно, за тактику участія въ выборахъ высказались и должны были высказаться внутри буржуазной демократіи, прежде всего, наиболѣе оппортунистическіе ея элементы, которые и не могутъ себѣ представить этого участія иначе, какъ въ видѣ ступени къ полному миру съ правительствомъ. Но это только и значитъ, что, если мы можемъ «дерзать» оказывать свое вліяніе на весь ходъ національно-политической жизни, то мы должны попытаться поднять ее выше плоскости, въ которой движутся обѣ намѣтившіяся въ демократіи политическія тактики, и, отвергая одинаково, какъ либеральное «приспособленіе къ Думѣ», такъ и демократическое «бойкотированіе» ея, выставить на своемъ знамени и сдѣлать лозунгомъ общенаціональнаго движенія «революціонное преодолѣніе» булыгинской «конституціи».

Вмѣсто того, чтобы пассивно приспособляться къ «болѣе» революціонной—по намѣреніямъ ея адептовъ!—тактикѣ одной изъ фракцій демократіи, «Искра» предлагаетъ рабочимъ организовать такую агитаціонную кампанію «незаконныхъ» всенародныхъ выборовъ, которая заставила бы всю буржуазную демократію приспособить свою тактику къ этому «новому факту» политической жизни по мѣрѣ того, какъ практика выборовъ «законныхъ» будетъ все болѣе и болѣе обострять политическую борьбу между прогрессивными и реакціонными силами нашего отечества. И «Пролетарій» разсчитываетъ найти нѣкоторое количество «добрыхъ людей (употребляя любимое выраженіе т. Н. Ленина), которыхъ можно будетъ убѣдить въ томъ, что такая тактика есть именно уклоненіе отъ единственно-революціонной тактики пролетаріата!»

Дабы оглушить заранѣе этихъ «добряковъ», авторъ передовицы угрожающе напоминаетъ о «земской кампаніи «Искры».

Напоминаніе сдѣлано очень кстати и мы имъ воспользуемся. Параллель, дѣйствительно, умѣстна.

Когда либералы вели свою земскую кампанію, то среди нихъ намѣчались двѣ тактики: одна, которую можно пріурочить къ фигурамъ Стаховичей и Шиповыхъ, другая, которой слѣдовали будущіе «конституціоналисты». Тактикѣ тѣхъ и другихъ «Искра» и «искровцы» предложили противопоставить тактику, разсчитанную на участіе въ общественномъ движеніи, пріуроченномъ къ земствамъ, сознательныхъ слоевъ народной массы, въ качествѣ фактора, активно воздѣйствующаго на органы общественнаго самоуправленія буржуазіи, навя-

зывающаго имъ свои демократическіе лозунги, толкающаго ихъ на путь болѣе радикальной борьбы, вынуждающаго ихъ считаться съ голосомъ того народа, отъ имени котораго они говорятъ. Эта тактика, конечно, должна была очень и очень придтись не по душѣ особенно представителямъ лѣваго земскаго крыла, которыхъ вмѣшательство пролетаріевъ въ ихъ кампанію лишало заранѣе ореола двигателей и направителей общественнаго развитія. Г. Струве въ тѣ поры прочелъ намъ по этому поводу суровую нотацію. Но г. Струве былъ не одинокъ въ заграничной печати. Рядомъ съ нимъ выступилъ противъ насъ Н. Ленинъ, закричавшій гласомъ веліимъ объ «уклоненіи отъ революціонной тактики» и вслѣдъ за тѣмъ предлагавшій намъ устраивать демонстраціи не въ земствахъ, а «передъ участками», т. е. то самое, что предлагалъ г. Струве. Похвальныя усилія обоихъ заграничныхъ писателей не достигли, однако, цѣли, и рабочіе въ цѣломъ рядѣ мѣстъ манифестировали въ земствѣ, думахъ и на демократическихъ съѣздахъ, добиваясь отъ либераловъ и демократовъ включенія въ ихъ «челобитныя» и резолюціи требованій, въ которыхъ заинтересованы народныя массы. Къ великому огорченію для тов. Н. Ленина, но къ великой пользѣ для дѣла, эту тактику усвоили себѣ соціалдемократы во многихъ мѣстахъ, гдѣ въ общемъ господствовало направленіе «большинства» (укажемъ для примѣра комитеты: Одесскій, Сѣверный, Нижегородскій, Тверской, Саратовскій, Самарскій). Потерпѣвъ пораженіе въ этомъ вопросѣ, Н. Ленинъ скромно умолкъ и ни словомъ не отвѣтилъ на извѣстное письмо Плеханова и на второе письмо редакціи «Искры», въ которыхъ защищалась наша тактика противъ злостныхъ нападокъ «Впередъ». И, когда на пресловутомъ «III-емъ съѣздѣ» пришлось составить «статейный списокъ» уклоненіямъ «Искры» отъ единственно-революціоннаго пути, то участники съѣзда не рѣшились ни однимъ словомъ напомнить о томъ «предательствѣ интересовъ пролетаріата», которое мы совершили, рекомендуя пролетаріату не сосредоточивать всего своего вниманія на «участкахъ» въ то время, какъ въ своихъ «закрытыхъ помѣщеніяхъ» земцы залагаютъ основанія своей политической гегемоніи надъ освободительнымъ движеніемъ народа. Только теперь, когда первый конфузъ отъ ихъ неудачи съ «земской кампаніей» прошелъ у «впередовцевъ», они, время отъ времени, упоминаютъ объ этомъ грѣхопаденіи... «Новой Искры». Надѣемся, однако, что впредь Ленинъ, такъ любящій перечислять случаи нашего согласія съ «Освобожденіемъ», не позабудетъ упоминать, что въ своей критикѣ искровской «земской кампаніи» онъ совпалъ съ г. Струве.

Въ вопросѣ о «земской кампаніи» Ленинъ и его сторонники объ-

ективно ограждали «неприкосновенность» той тактики, которую намѣтили себѣ лѣвые земцы—конституціоналисты, отъ всякихъ помѣхъ со стороны пролетаріата. Если бы мы обладали злымъ нравомъ публицистовъ «Пролетарія», мы должны были бы сказать, что ленинцы невольно сыграли въ этомъ случаѣ роль «прихвостней» земскаго либерализма. Нынче «Пролетарій» опять-таки фактически борется за то, чтобы «Союзу союзовъ» не мѣшали организовать свой безплодный и ничуть не революціонный «бойкотъ». Какъ въ прошломъ году, ленинцы всѣ усилія направляютъ къ тому, чтобы удержать пролетаріатъ отъ веденія собственной тактики, разсчитанной на активную его роль въ общенаціональномъ движеніи, на его растущее вліяніе на не пролетарскіе народные элементы. Объективно они при этомъ пассивно слѣдуютъ за болѣе «лѣвыми» изъ буржуазныхъ демократовъ. Въ этомъ сказывается ихъ жоресистская шуйца. Субъективно они освящаютъ это воздержаніе... отъ революціонной тактики «лозунгомъ»: всенародное выступленіе. Въ этомъ ихъ бланкистская десница. Ибо, какъ мѣтко сказалъ тов. Плехановъ (см. Дневникъ Соціалдемократа № 2), ничего, кромѣ «ублюдка жоресизма и бланкизма», не представляютъ собой нынѣшнія тактическія воззрѣнія нашихъ «большевиковъ».

Намъ могутъ замѣтить, что «Пролетарій», поддерживая тактику «Союза союзовъ», дополняетъ ее предложеніемъ не ограничиваться «пассивнымъ» бойкотомъ, а предпринять бойкотъ активный. Но ошибся бы читатель, если бы подумалъ, что подъ активнымъ бойкотомъ здѣсь разумѣется то, что на жаргонѣ студенческихъ безпорядковъ разумѣлось подъ именемъ «активной обструкціи», т. е., въ примѣненіи къ данному случаю, стремленіе не допустить избирателей произвести выборы—то, что предлагаютъ маріупольскіе товарищи. Нѣтъ! у «Пролетарія» рѣчь идетъ о гораздо меньшемъ. «Активный бойкотъ, говоритъ онъ, долженъ обозначать удесятереніе агитаціи, устройство собраній вездѣ и всюду, утилизацію избирательныхъ собраній, хотя бы путемъ насильственнаго проникновенія въ нихъ, устройство демонстрацій, политическихъ забастовокъ и т. п.» Великій ты утопистъ, но утопія у тебя всегда маленькая,—приходится сказать «Пролетарію». Да какой же сторонникъ «пассивнаго» или просто бойкота откажется отъ подобной активности? Ясно, что рѣчь здѣсь идетъ только о томъ, какими средствами вести агитацію въ то время, какъ, хотя бы часть, «законныхъ» избирателей будетъ производить выборы. И авторъ далѣе говоритъ: «Активный бойкотъ есть агитація, вербовка, организація революціонныхъ силъ въ увеличенномъ масштабѣ». Но каковы же должны быть спеціальные лозунги дан-

ной агитаціи, агитаціи въ данныхъ обстоятельствахъ, созданныхъ первыми въ Россіи политическими выборами? Авторъ отвѣчаетъ: «Такимъ лозунгамъ можетъ быть только активное боевое выступленіе».

Итакъ, развивая свой «активный бойкотъ», соціалдемократія будетъ призывать массы... вы думаете, къ немедленнымъ выступленіямъ? Жестоко ошибаетесь! «Разумѣется», заканчиваетъ авторъ свою статью, «тотъ, кто знаетъ мѣстныя условія (?), всегда будетъ предостерегать отъ преждевременныхъ попытокъ выступленія». Стало быть, мы будемъ активно призывать массу пассивно ждать часа всенароднаго выступленія, а до тѣхъ поръ устраивать «демонстраціи и забастовки». Это то и называется «единственно—революціонной тактикой» и эта то «тактика» противопоставляется предложенію звать массы теперь же къ проявленію самой высокой революціонной активности и энергичному «захватыванію» правъ и свободъ, къ организаціи теперь же революціоннаго самоуправленія. Посмотримъ же теперь, какъ нашъ ублюдокъ жоресизма и бланкизма справляется съ этой идеей революціоннаго самоуправленія.

«На практикѣ попытки организовать до побѣды возстанія выборъ народомъ своихъ уполномоченныхъ будутъ цѣликомъ на-руку освобожденцамъ и выродятся въ то, что соціалдемократы окажутся въ хвостѣ у нихъ». Если эта угроза что-нибудь означаетъ, то лишь одно: что, по автору, соціалдемократія настолько мало еще вліяетъ на народныя массы, что ея попытка, теперь же «окунуться» въ эту пучину, должна окончиться рѣшительной побѣдой демократовъ надъ нею. Если бы это было такъ, это было бы очень печально. Но если это такъ, то на чемъ же, собственно говоря, основана надежда «Пролетарія» на возможность въ ближайшемъ же будущемъ осуществить «диктатуру пролетаріата и крестьянства?» Вѣдь, казалось бы, партія, столь невліятельная, что не сможетъ устоять противъ буржуазныхъ демократовъ при выборахъ «незаконныхъ» уполномоченныхъ, едва ли имѣетъ шансы оказаться «во главѣ» побѣдившаго народа? Или ленинцы, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, что при побѣдѣ они окажутся «на гребнѣ» только потому, что въ это время, по всѣмъ прецедентамъ, «освобожденцы» окажутся у себя по домамъ, а нѣкоторые даже и подъ кроватями? Но, вѣдь, тѣ же прецеденты учатъ, что къ моменту провозглашенія временнаго правительства это добровольное заключеніе демократовъ приходитъ къ концу... Во всякомъ случаѣ, очевидно, что, если ленинцы такъ охотно взлетаютъ въ высь мечтаній о «диктатурѣ», то это вовсе не потому, чтобы они чувствовали твердую почву подъ ногами на аренѣ открытой борьбы передъ массами со

всѣми врагами соціализма. «Отъ хорошей жизни не полетишь»,—говорилъ еще Горбуновскій купецъ.

Но—позвольте!—скажетъ намъ авторъ статьи. Вѣдь, я объясняю, почему мы окажемся побиты «освобожденцами». Дѣло во внѣшнихъ препятствіяхъ. «Рабочимъ и народу самодержавная бюрократія, пока она не замѣнена временнымъ революціоннымъ правительствомъ, не дастъ произвести никакихъ выборовъ, сколько-нибудь заслуживающихъ названія народныхъ,—а освобожденцы, гласные-земцы, произведутъ выборы и безцеремонно выдадутъ ихъ за «народные», за «революціонное самоуправленіе».

Ну, это, господа, простая пустая отговорка. Васъ приглашаютъ организовать громадное революціонное дѣло, попирающее всякія законныя рамки, а вы хотите насъ увѣрить, что, если намъ удастся его организовать, то насъ революціонеровъ, единственную партію, пріучившуюся уже маневрировать и дѣйствовать, не имѣя опоры ни въ какихъ законныхъ гарантіяхъ,—насъ оттѣснятъ люди, о которыхъ вы сами на каждомъ шагу твердите, что они не умѣютъ преодолѣвать противодѣйствія самодержавной бюрократіи, что они боятся дѣйствовать «нелегально», что они боятся идти къ народнымъ массамъ. И съ какихъ поръ васъ начала смущать «безцеремонность» либераловъ, готовыхъ на фальсификацію народныхъ выборовъ?

Конечно, не оставляетъ никакого сомнѣнія тотъ фактъ, что, если революціонные выборы удастся организовать повсюду, то вышедшее изъ нихъ представительство отнюдь не можетъ явиться соціалистическимъ, несмотря на всѣ тѣ преимущества, какими, по сравненію съ выборами легальными, будутъ обладать партіи, привыкшія не считаться съ легальностью. Оно не можетъ явиться соціалистическимъ, ибо масса «простого» народа въ Россіи еще далека отъ соціализма. Болѣе того. Это представительство —разъ оно будетъ организовано болѣе или менѣе повсемѣстно— не можетъ быть и такимъ, которое дало бы основаніе надеждѣ на осуществленіе «диктатуры пролетаріата и крестьянства». Ибо масса того же самаго «простого» народа далека въ данный моментъ не только отъ соціализма, но и отъ якобинскаго демократизма, и непремѣнно нашла бы своихъ представителей отчасти въ той именно организованной буржуазной демократіи, устраненіе которой Ленинъ считаетъ предпосылкой для излюбленной имъ диктатуры. Это такъ, и это вполнѣ объясняетъ, почему, собственно, «Пролетарій» такъ боится революціонныхъ народныхъ выборовъ. Но это обстоятельство, конечно, нисколько не доказываетъ опасности подобныхъ выборовъ, а только

лишній разъ свидѣтельствуетъ, на какомъ зыбкомъ пескѣ построены нѣкоторые «планы». «Отъ хорошей жизни не полетишь»!

Отвергать предложеніе организаціи «революціоннаго самоуправленія» на томъ основаніи, что, если эта организація не удастся (если ее «фальсифицируютъ» либералы), то неудачей воспользуются «освобожденцы»,—это тоже самое, что отвергать активное выступленіе на основаніи того, само по себѣ совершенно вѣрнаго, соображенія, что въ случаѣ, если выступленіе будетъ раздавлено, въ выигрышѣ могутъ оказаться «нововременцы».

Но «Пролетарій» знаетъ еще одинъ доводъ противъ нашей «затѣи»... «Организація революціоннаго самоуправленія, выборъ народомъ своихъ уполномоченныхъ есть не прологъ, а эпилогъ выступленія. Ставить себѣ цѣлью осуществить эту организацію теперь, до выступленія, помимо выступленія, значитъ ставить себѣ нелѣпую цѣль и вносить путаницу въ сознаніе пролетаріата». Годъ тому назадъ пророчилъ я тов. Ленину, что не доведетъ его до добра усвоенная имъ въ то время манера фривольныхъ насмѣшекъ надъ діалектикой.

Теперь онъ уже не можетъ даже себѣ представить дѣло иначе, какъ что революціонное самоуправленіе или осуществлено до паденія абсолютизма (такъ, думаетъ онъ, предполагаетъ «Искра»), или что оно будетъ осуществлено (какъ желаетъ онъ самъ) послѣ паденія абсолютизма. Что революціонное самоуправленіе можетъ осуществляться въ ходѣ систематической аттаки на старый порядокъ, съ тѣмъ, чтобы крахъ послѣдняго, скажемъ, подъ натискомъ народа хотя бы въ нѣсколькихъ городахъ, завершилъ и закрѣпилъ это до паденія режима начавшееся дѣло самоуправленія,—представить себѣ такую картину писатели «Пролетарія» абсолютно не могутъ, при одномъ намекѣ на нее они начинаютъ безсмысленно хихикать по поводу «возстанія—процесса» и, въ припадкахъ смѣха, окончательно лишаются способности сознательно относиться къ мыслямъ своихъ противниковъ.

А, между тѣмъ, жизнь всетаки слѣдуетъ законамъ діалектики и, вопреки всѣмъ метафизикамъ, совершаетъ свои революціонныя ломки неизмѣнно, какъ процессы. По Ленину, революціонное самоуправленіе можетъ быть только эпилогомъ выступленія. А гурійскіе и тифлискіе «мужики», не дождавшись «ленинскаго» выступленія, практикуютъ это революціонное самоуправленіе; а латышскіе крестьяне успѣшно слѣдуютъ по проложенному ими пути; а польское крестьянство тамъ и сямъ проводитъ въ жизнь тѣ-же первые элементы «возстанія—процесса»; а городскіе пролетаріи во всѣхъ концахъ Россіи революціоннымъ путемъ вырываютъ «подъ носомъ» у правительства

отдѣльные элементы самоуправленія, собирая свободные митинги, организуя заводское представительство, завоевывая временами для цѣлыхъ пригородовъ свободу отъ нашествія полиціи и войска... И удивительно!—всѣмъ этимъ эмпирикамъ революціи и въ голову не приходитъ, что такъ какъ безъ законныхъ гарантій всѣ эти завоеванія непрочны (а это несомнѣнно), то задаваться пріобрѣтеніемъ ихъ будетъ «внесеніемъ путаницы», а лучше подождать, пока временное правительство позволитъ имъ собираться на «биржахъ», выгонять изъ селъ назначенныхъ старшинъ, вести въ деревенскихъ управленіяхъ дѣлопроизводство не на «казенномъ» языкѣ и т. д. и т. д.

Повидимому, изъ всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ нашей партіи только одинъ не понялъ еще, какъ фактически подготовляется «рѣшительная побѣда надъ абсолютизмомъ»—именно «Пролетарій» женевскій. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что, не обладая инстинктивной діалектикой революціонной массы, онъ слишкомъ легко освободилъ себя отъ той діалектики, къ которой его обязываетъ наша теорія?

Но тамъ, гдѣ «марксисту» измѣняетъ діалектика, обыкновенно на сцену выступаетъ самая вульгарная софистика. О склонности т. Ленина къ софистикѣ мнѣ пришлось говорить какъ разъ тогда, когда я пророчилъ ему бѣду отъ его возстанія противъ діалектики. Софистъ, чтобы «побить» противника на одномъ частномъ пунктѣ, очень охотно беретъ оружіе изъ его собственнаго арсенала. Когда, напримѣръ, тов. Ленину надо было разнести нашу «крестьянскую» резолюцію и резолюцію о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, то онъ, ничто же сумняшеся, доказываетъ, что «единственная революціонная тактика» требуетъ, чтобы мы и крестьянскіе комитеты (т. е. органы революціоннаго самоуправленія) создавали теперь же, и 8-ми-часовой рабочій день завоевали немедленно, «не дожидаясь санкціи «оверху». Тогда, слѣдовательно, тов. Ленина не смущало ни то соображеніе, что намъ правительство «не дастъ» организовать этихъ комитетовъ, ни то, что, въ силу этого, пожалуй, комитеты попадутъ въ руки соц.-революціонеровъ... Не смущало тогда и то положеніе, что «самоуправленіе» есть не прологъ, а эпилогъ...

Споръ о томъ, что чему должно предшествовать — самоуправленіе рѣшительной битвѣ или рѣшительная битва — самоуправленію? — легко можетъ превратиться въ знаменитый споръ о курицѣ и яйцѣ, если подходить къ вопросу съ такой неисправимо метафизической точки зрѣнія, которая свойственна нашимъ нынѣш-

нимъ «экономистамъ на изнанку». Всенародное выступленіе должно быть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ насильственнымъ, ломающимъ всякое сопротивленіе, распространеніемъ начавшаго и пустившаго уже извѣстные корни «революціоннаго самоуправленія». До какихъ предѣловъ успѣетъ распространиться,— въ предѣлахъ даннаго порядка—народное самоуправленіе, выражающееся въ систематическомъ «захватѣ» правъ, прежде, чѣмъ однимъ мощнымъ ударомъ распространится на всю остальную поверхность общественной политической жизни—это вопросъ, не зависящій отъ нашихъ «плановъ»—его рѣшатъ особо благопріятныя условія, которыя заранѣе предугадать невозможно. Но революціонеръ, который убѣжденъ, что дѣло идетъ къ рѣшительной битвѣ, обязанъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, представляющимся народу для новаго «захвата», такъ какъ чѣмъ шире будетъ плоскость временно (конечно!) оккупированной такимъ «процессомъ» территоріи, тѣмъ мощнѣе будетъ размахъ движенія, тѣмъ глубже его корни; тѣмъ шире слои организованныхъ для выступленія силъ. И какъ комично звучитъ «возраженіе»: «вамъ не дадутъ». Да развѣ мы спекулируемъ на то, что намъ «дадутъ», а не на то, что мы сумѣемъ «взять». Развѣ въ самой борьбѣ за уже взятое и назадъ отбираемое мы не видимъ источника дальнѣйшаго революціоннаго движенія? Развѣ эта именно борьба не организуетъ лучше всего и вѣрнѣе всего тѣ силы, которыя революція должна имѣть за собой въ моментъ рѣшительнаго столкновенія?

«Если бы одесскимъ товарищамъ, продолжаетъ мямлить «Пролетарій», въ знаменитые одесскіе дни посовѣтовали въ видѣ пролога выступленія не организацію революціонной арміи, а организацію выборовъ одесскимъ народомъ своихъ уполномоченныхъ, то одесскіе товарищи, разумѣется, осмѣяли бы такое предложеніе». Очевидно, все движеніе потерпѣло неудачу потому, что во время не прибыли въ Одессу по почтѣ совѣты «Пролетарія» «организовать революціонную армію» на деревянныхъ лошадяхъ и съ нестрѣляющими револьверами?.. А мы позволяемъ себѣ думать, что одесскіе товарищи должны были немедленно по полученіи съ «Потемкина» ультиматума о бомбардировкѣ города созвать собраніе всѣхъ гражданъ для обсужденія вопроса, какъ принудить власть не подвергать города разгрому? Смѣемъ думать, что, если бы горожане выбрали временные органы самоуправленія, на мѣсто попрятавшейся плутократической думы, то въ распоряженіи революціонныхъ элементовъ въ слѣдующіе дни при благопріятныхъ

обстоятельствахъ уже была бы кой-какая организація, могущая предпринимать рѣшительныя дѣйствія.

Суверенное презрѣніе къ революціонному самоуправленію народа цѣликомъ коренится въ бланкистской половинѣ ленинскаго міровоззрѣнія. Говоря о всенародномъ выступленіи, «впередовцы» обыкновенно не только игнорируютъ революціонное самоуправленіе въ періодъ непосредственной подготовки къ выступленію, но и въ періодъ, имѣющій наступить послѣ первыхъ его побѣдъ. Захвативъ одинъ городъ, революціонеры, по ихъ мнѣнію, должны «провозгласить временное правительство» и затѣмъ «давленіемъ сверху» уничтожить реакцію, выпуская благодѣтельные декреты, подавляя контръ-революціонныя попытки, заливая страну ворохомъ революціонно-канцелярскихъ бумагъ, смѣщая чиновниковъ и назначая новыхъ и т. д., и т. д. При этомъ они любятъ упоминать о Парижской Коммунѣ и не понимаютъ, почему именно «меньшевики» въ своихъ резолюціяхъ употребляютъ этотъ терминъ—«коммуна». Поэтому будетъ небезъинтересно привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ предисловія Энгельса къ «Гражданской войнѣ во Франціи» Маркса:

«Воспитанные въ школѣ заговорщиковъ и привыкшіе къ строгой дисциплинѣ, бланкисты думали, что сравнительно небольшое число смѣлыхъ, хорошо организованныхъ людей, можетъ, при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ, захватить власть и удержать ее до тѣхъ поръ, пока не удастся привлечь народъ на сторону революціи и сгруппировать его вокругъ небольшой кучки вожаковъ. Чтобы такое дѣло удалось, нужна была раньше всего **диктаторская централизація власти** (курс. нашъ) въ рукахъ новаго правительства. Что же сдѣлала коммуна, въ которой большинство состояло изъ бланкистовъ? Она выпустила воззваніе къ провинціямъ Франціи, въ которомъ приглашала всѣ коммуны соединиться съ Парижемъ въ одну національную организацію, въ организацію, впервые созданную, дѣйствительно, самой націей»,—т. е. организовать революціонное самоуправленіе.

Путь революціоннаго самоуправленія есть единственный путь организаціи силъ для дѣйствительнаго всенароднаго движенія, для всѣхъ тѣхъ будущихъ выступленій, которыя станутъ столь необходимыми въ ходѣ революціи. И только та партія будетъ играть роль дѣйствительнаго двигателя революціи, только та сможетъ въ стихійно-вспыхивающихъ движеніяхъ играть сколько нибудь руководящую роль, которая возможно раньше научитъ массы и научится сама дѣйствовать на почвѣ революціоннаго самоуправленія народа. Но кто желаетъ

дѣйствовать въ этомъ направленіи, тотъ долженъ безповоротно отвергнуть, между прочимъ, и всякія попытки задерживать частныя движенія, если они могутъ, по своей конкретной обстановкѣ, служить дѣлу расширенія сферы дѣйствія революціоннаго «захватнаго права».

И только «подъ знакомъ» развитія революціоннаго самоуправленія надо разсматривать вопросъ о принятіи или непринятіи тактики «бойкота», и только тактика, разсчитанная на развитіе революціоннаго самоуправленія народа, сможетъ извлечь дѣйствительную пользу для революціи изъ «законныхъ» выборовъ.

Л. Мартовъ.

Петербургское письмо.

(24-го сент. 1905 г., № 111).

Нынѣшній осенній сезонъ начинается при исключительныхъ условіяхъ. Близость выборовъ въ Государственную Думу заставила и оппозицію и отчасти и революцію поторопиться возвращеніемъ «съ дачи» и сразу пустить полнымъ ходомъ скрипучую машину общественной жизни. Никогда еще русская политическая мысль не работала такъ напряженно, никогда еще различныя общественныя группы не чувствовали громадной практической важности каждаго намѣченнаго шага, который легко можетъ стать непоправимымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда еще не обнаруживалось такъ ярко все жалкое безсиліе шаблонныхъ фразъ о необходимости единства всѣхъ прогрессивныхъ силъ Россіи и чувствительныхъ призывовъ къ забвенію междоусобныхъ распрей предъ великой задачей преобразованія самодержавно-бюрократическаго режима въ правовой, какъ теперь. То глубокое и непримиримое противорѣчіе интересовъ различныхъ общественныхъ группъ, на

которое постоянно указывали соціалдемократы, становится въ настоящее время очевиднымъ фактомъ для самыхъ непроницательныхъ приверженцевъ внѣ-классовой и надъ-классовой политики. Общественныя группы, еще недавно братски слившіяся въ туманѣ расплывчатыхъ резолюцій и неопредѣленныхъ «платформъ», уже вступаютъ въ оживленную перестрѣлку и готовятся къ открытой войнѣ. Всѣ политическія группировки, сложившіяся весною, находятся наканунѣ коренныхъ измѣненій. Но, чтобы эта эволюція была болѣе понятна и ясна читателямъ, необходимо, прежде всего, хотя въ бѣглыхъ чертахъ охарактеризовать тѣ позиціи, которыя занимали различныя общественныя группы къ началу нынѣшней осени.

Прошедшая весна была эпохой энергичной и бурной мобилизаціи русской демократіи. Всевозможные союзы, собранія и съѣзды захватывали самые дѣвственные черноземные пласты русской земли въ ея буржуазной части. Правда, они думали быть собирателями всей русской земли безъ различія классовъ, но эта химерическая задача немедленно была разбита жизнью. При всѣхъ стараніяхъ объединить политически мыслящіе элементы населенія на такихъ общихъ формулахъ, которыя никого бы не задѣвали и давали всякому возможность вложить въ нихъ собственное содержаніе, союзы должны были въ первые же моменты своей жизни рѣшительно и безповоротно покончить съ пролетарскимъ соціализмомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и включили въ свои программы туманныя заявленія о необходимости поддерживать угнетенныя трудящіяся массы. Но ни одинъ изъ союзовъ не могъ и не хотѣлъ признать рабочихъ, какъ классъ, преслѣдующій свои собственныя политическія и экономическія задачи. Дѣло доходило до того, что когда на всероссійскомъ съѣздѣ журналистовъ (въ началѣ апрѣля) группа литераторовъ-соціалдемократовъ провела въ программу пунктъ, по которому союзъ долженъ былъ оказывать содѣйствіе борьбѣ рабочаго класса за его политическое и экономическое освобожденіе, то профессоръ Милюковъ заявилъ, что онъ поставленъ въ необходимость выйти изъ союза, такъ какъ онъ, Милюковъ, не соціалдемократъ и, вообще, не соціалистъ. Другой членъ съѣзда, видный и радикальный дѣятель земской оппозиціи, Колюбакинъ заявилъ о своемъ выходѣ изъ союза послѣ того, какъ соціалдемократы провели резолюцію о немедленномъ введеніи восьмичасового рабочаго дня. «Эти господа,—сказалъ онъ,—требуютъ введенія восьмичасового рабочаго дня не только для промышленныхъ, но и для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Помилуйте! Вѣдь, такимъ образомъ, у меня останутся неубранными покосы! Кромѣ того, какой же союзъ мы можемъ

*

заключать съ ними, когда завтра же мы будемъ выступать въ народныхъ собраніяхъ въ качествѣ непримиримыхъ противниковъ. Я—практикъ, и, какъ практикъ, не понимаю и не допускаю такого союза». Подъ вліяніемъ подобныхъ заявленій союзъ журналистовъ рѣшилъ вычеркнуть изъ программы всю соціалдемократическую часть и остаться только при общей формулѣ о необходимости замѣны абсолютизма правовымъ государствомъ.

Такое гильотинированіе программы вызвало лишь одно заявленіе протеста, тотчасъ же взятое, однако, обратно. Приблизительно въ тѣхъ же расплывчатыхъ общихъ формулахъ составлены были и программы другихъ союзовъ. Повсюду интересы пролетаріата, какъ класса, не получили признанія. Естественно, что представители рабочей партіи должны были отколоться отъ буржуазно-демократическихъ организацій, становившихся крѣпостью противниковъ самостоятельнаго пролетарскаго движенія. Образованіе союзовъ провело, такимъ образомъ, рѣзкую черту между сторонниками пролетарскаго соціализма и буржуазной демократіей, склонной, въ лучшемъ случаѣ, къ соціально-реформаторскимъ заплатамъ капиталистическаго строя.

Пролетарскій соціализмъ и демократическое народовластіе—съ одной стороны, соціальное реформаторство и правовое государство—съ другой,—вотъ, что стало опредѣлять политическую позицію каждаго человѣка со времени образованія союзовъ. Кто же остался по одну и кто по другую сторону черты? Здѣсь то и выяснилась классовая подоплека различныхъ общественныхъ группъ. На лѣвой остались только соціалдемократы, на правой—вся либеральная и демократическая оппозиція и... соціалисты-революціонеры. Они вошли въ союзы, которые, одинъ за другимъ, примкнули къ Союзу освобожденія. При этомъ, разумѣется, соціалисты-революціонеры утратили послѣдніе слѣды соціализма и даже политическаго радикализма. Они растворились въ Союзѣ освобожденія, такъ что освобожденцы съ гордостью называли на публичныхъ собраніяхъ свой союзъ партіей англійскаго типа, т. е. такого типа, при которомъ, въ противоположность нѣмецкому, въ партійной организаціи объединяются люди различныхъ соціально-политическихъ взглядовъ. Конкретнымъ результатомъ англофильства нашихъ политическихъ противниковъ было полное исчезновеніе соціалистовъ-революціонеровъ, какъ самостоятельной политической группы, съ политической сцены. Они потеряли личность, какъ говорятъ китайцы.

Во время многочисленныхъ, почти ежедневныхъ, собраній прошлой весны не было случая, когда соціалисты-революціонеры выступили бы

въ качествѣ представителей особой политической линіи. Всегда и во всемъ они поддерживали освобожденцевъ противъ соціалдемократовъ, при чемъ очень часто поддерживали самые правые, отсталые элементы оппозиціи, возбуждая ропотъ даже на освобожденской лѣвой. Мертвая петля блока не давала соціалистамъ-революціонерамъ уклониться ни на одну линію отъ освобожденскаго русла, и каждое голосованіе было торжествомъ соединенной «партіи англійскаго типа» надъ партіей рабочаго класса. При этомъ, соціалисты-революціонеры не стѣснялись даже «проектомъ» своей программы и поддерживали освобожденцевъ даже тогда, когда послѣдніе въ той или иной формѣ проваливали соціалдемократическія резолюціи о демократическомъ народовластіи, или тогда, когда освобожденцы посылали привѣтствія земскимъ съѣздамъ, написанныя туманнымъ стилемъ канцелярскихъ бумагъ. Только во время этой весенней кампаніи можно было оцѣнить столь часто возбуждавшую неудовольствіе мягкосердечныхъ людей резолюцію II съѣзда Р. С. Д. Р. П. о соціалистахъ-революціонерахъ. Плохіе соціалисты и плохіе буржуазные революціонеры, они путались подъ ногами у последовательныхъ политическихъ партій и мѣшали всѣмъ, поскольку либералы не успѣвали обратить ихъ въ домашнихъ животныхъ. Но либералы охотно мирились съ маленькими неудобствами союза. Соціалисты-революціонеры лишились политическаго значенія и перестали, въ сущности, быть политической партіей, но они остались, какъ «боевая организація» интеллигенціи. Разорвавъ съ пролетаріатомъ, боевая организація стихійно была отброшена къ либераламъ и стала служебнымъ органомъ оппозиціи. Оппозиція получила, наконецъ, возможность тономъ хозяина говорить правительству: уступи **намъ**, а то **они** будутъ стрѣлять. Этимъ объясняется тотъ значительный притокъ денежныхъ средствъ и тотъ ростъ интеллигентскихъ симпатій которыми съ нѣкоторымъ основаніемъ хвалятся теперь соціалисты-революціонеры.

Такимъ образомъ, къ лѣту этого года въ Петербургѣ мы наблюдали только два лагеря. Въ одномъ расположились всѣ оттѣнки либерально-демократической оппозиціи съ боевой организаціей въ качествѣ исполнительнаго органа, въ другомъ—соціалдемократы. Безъ сомнѣнія, въ первомъ лагерѣ были огромныя разногласія. Но моментъ историческаго развитія способствовалъ сліянію, а не распаденію буржуазіи, и она преодолѣвала всѣ тренія, чтобы двигаться впередъ сплоченной массой противъ абсолютизма и противъ пролетаріата.

Борьба этихъ двухъ лагерей и составляетъ содержаніе политической жизни Петербурга въ теченіе истекшей весны. На содержаніи

борьбы я не буду останавливаться: она извѣстна читателямъ. Теперь борьба вливается въ новыя формы. Законъ о Государственной Думѣ раскололъ «партію англійскаго типа» на составныя части. Еще немного,—и она превратится въ аморфную массу, отдѣльные атомы которой снова соберутся затѣмъ въ новыя политическія тѣла.

Процессъ этого образованія и составитъ содержаніе моихъ дальнѣйшихъ писемъ *).

Н. Негоревъ.

*) Продолженія этихъ писемъ въ „Искрѣ" не послѣдовало въ виду вскорѣ послѣдовавшаго прекращенія изданія „Искры" заграницей, когда уже въ Россіи смогла открыто (увы, кратковременно!) выходить соціалдемократическое „Начало".

Отдѣлъ II-й:

Либерализмъ.

Демократія.

Студенчество.

Съ народомъ или противъ народа.

(15 декабря 1903 г. № 55)

Недавно закончившаяся сессія уѣздныхъ земскихъ собраній представляла выдающійся политическій интересъ. Посреди огромнаго общественнаго возбужденія, вызваннаго все усиливающимся подъемомъ революціонной борьбы народа, г. г. земцамъ предстояло обсудить вопросъ о желательномъ съ ихъ точки зрѣнія измѣненіи цензовыхъ нормъ для выборовъ въ земскія собранія.

Вопросъ этотъ былъ вынесенъ на обсужденіе земствъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Самый фактъ рѣшенія вопроса не исключительно бюрократическимъ путемъ, а посредствомъ предварительной постановки его на обсужденіе лицъ, «довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ», не представляетъ собою, по нынѣшнимъ временамъ, ничего особенно исключительнаго. Это просто одна изъ тѣхъ костей, которыя, ради предохраненія «общества» отъ заразы революціоннаго возбужденія, правительство выбрасываетъ время отъ времени для либеральнаго пережевыванія земскимъ «излюбленнымъ людямъ», то въ комиссіяхъ, засѣдающихъ въ Петербургѣ, то на мѣстахъ. Достаточно извѣстна та забавная старательность, съ которою въ такихъ случаяхъ гг. либералы хлопочутъ вокругъ брошенной имъ подачки, больше всего въ мірѣ заботясь о томъ, чтобы какъ-нибудь не потребовать слишкомъ многаго, не потерять,—чего Боже упаси—репутаціи «трезваго государственнаго ума» въ глазахъ того или иного превосходительства! Извѣстна и та— не менѣе забавная—жалобная растерянность и горькое недоумѣніе, которое эти хлопотуны обнаруживаютъ каждый разъ, когда, несмотря на всѣ ихъ старанія показать, что они, ей Богу-же, ничего «такого» не требуютъ, всѣ «труды» ихъ паки и паки кладутся подъ сукно, а превосходительный перстъ грозитъ имъ, какъ нашалившимъ мальчишкамъ.

Конечно, надо было быть слишкомъ большимъ оптимистомъ, чтобы ожидать, что наши земцы рѣшительно и прямо свяжутъ вопросъ о

земскомъ избирательномъ цензѣ съ вопросомъ о нашемъ общемъ государственномъ строѣ; что они съ такою же смѣлостью скажутъ отъ имени народа, что дѣйствительное мѣстное самоуправленіе вообще несовмѣстимо съ самовластіемъ въ управленіи государственномъ, съ какою сказалъ эту истину въ своей запискѣ г. Витте отъ имени самодержавія.

Но если какой-нибудь вопросъ давалъ земскимъ либераламъ возможность, и оставаясь въ тѣсной средѣ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія, связать свою борьбу съ борьбою широкихъ слоевъ народа, и прежде всего пролетаріата, то это, конечно, вопросъ объ избирательномъ правѣ въ земскія собранія. При наличности хотя бы весьма скромнаго политическаго чутья и политическаго смысла, способнаго стать хоть на время выше классоваго инстинкта, выростающаго на почвѣ мелкихъ хозяйственныхъ интересовъ минуты, земцы могли въ этомъ случаѣ, и не вылѣзая изъ своей земской скорлупы, сдѣлать свои требованія національными, общенародными требованіями. Для этого надо было только одно: высказаться за всеобщее, равное и прямое избирательное право во всѣ земскія представительныя учрежденія. Конечно, съ точки зрѣнія правительства, такое требованіе было бы «неосуществимо», но за то оно было бы вполнѣ осуществимо съ точки зрѣнія народа, а, главное, дало бы тотъ единственный лозунгъ, который могъ бы быть активно поддержанъ пролетаріатомъ, идущимъ во главѣ освободительной борьбы. Земцы не сдѣлали этого. Теперь, когда результаты обсужденія вопроса на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ уже извѣстны, можно сказать, что пароль, на которомъ съ тѣми или иными несущественными видоизмѣненіями и за единичными отклоненіями въ ту и другую сторону, единодушно сошлись почти всѣ земства,—это возвращеніе къ Положенію 1864 года въ связи съ пониженіемъ земельнаго ценза, необходимаго для прямого и косвеннаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ.

Требуя возвращенія къ Положенію 1864 года, земцы подчеркиваютъ его «безсословный» характеръ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Сущность созданнаго этимъ Положеніемъ избирательнаго права была въ краткихъ чертахъ такова: гласные избирались на трехъ отдѣльныхъ избирательныхъ съѣздахъ—отъ землевладѣльцевъ съ прямымъ избирательнымъ правомъ для крупныхъ и косвеннымъ, черезъ уполномоченныхъ, для мелкихъ; отъ городскихъ купцовъ, промышленниковъ и владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ извѣстной цѣнности; отъ сельскихъ обществъ съ косвенными выборами черезъ уполномоченныхъ, назначаемыхъ сельскими сходами.

Такимъ образомъ, независимо отъ имущественнаго ценза съ особенными привилегіями для болѣе крупныхъ собственниковъ (прямые выборы), Положеніе 1864 года закрѣпляло и сословное разслоеніе. Если вспомнить, что ко времени паденія крѣпостного права почти вся частно-владѣльческая земля была сосредоточена въ рукахъ дворянства, то естественно, что выдѣленная въ особое избирательное собраніе группа землевладѣльцевъ являлась въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ особою организаціей дворянскаго сословія. Если же прибавить, что изъ 318 уѣздовъ въ 202 группѣ землевладѣльцевъ было предоставлено избирать половину всѣхъ гласныхъ, то ясно, что на дѣлѣ Положеніе 1864 года давало въ огромномъ большинствѣ земскихъ собраній преобладающее вліяніе именно дворянству. Еще въ 1883—1886 гг. гласные дворяне и чиновники составляли 42,4 процента всего числа уѣздныхъ гласныхъ (5.595 изъ 13.196). Но—и это самое главное—сословный характеръ былъ приданъ избирательному праву выдѣленіемъ изъ среды всѣхъ землевладѣльцевъ вообще въ особую группу крестьянъ, получившихъ избирательныя права въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. И этотъ сословный характеръ «Положенія» былъ настолько ясенъ самому творцу его—Валуеву, что онъ открыто говорилъ о «необходимости дать нѣкоторый перевѣсъ классу болѣе образованному и развитому».

Но послѣ освобожденія крестьянъ аграрныя отношенія, несмотря на сохранившійся гнетъ остатковъ феодально-крѣпостного режима, начали сильно эволюціонировать въ сторону перестройки на началахъ буржуазно- капиталистическихъ. Быстрое перетеканіе земли изъ рукъ сохранившихъ традиціи барщинно-оброчнаго хозяйства дворянъ въ руки торгово-промышленнаго класса и подымающихся слоевъ зажиточнаго крестьянства; дробленіе дворянскихъ имѣній вслѣдствіе раздѣловъ при переходѣ по наслѣдству и частичныхъ продажъ; повышеніе цѣнъ на землю; постепенный переходъ къ чисто торговому земледѣлію и связанное съ нимъ примѣненіе болѣе интенсивныхъ системъ обработки земли, несовмѣстимыхъ съ кабальнымъ, полукрѣпостнымъ трудомъ, поскольку послѣдній основанъ на обработкѣ помѣщичьей земли крестьянскимъ инвентаремъ; усиленная зависимость денежнаго землевладѣльческаго хозяйства отъ общаго хода государственнаго управленія, въ особенности же отъ господствующей финансовой и таможенной политики; наконецъ, быстрое возрастаніе вліянія торгово-промышленнаго класса во всѣхъ сферахъ общественной жизни;—все это, взятое вмѣстѣ, заставляло все большую часть дворянства, защищающаго свои классовые интересы, чувствовать себя все болѣе и болѣе не феодаль-

нымъ сословіемъ, а классомъ капиталистическаго общества, сельской буржуазіей, хотя и бѣлой кости, но по сущности своихъ интересовъ ничѣмъ не отличающейся отъ такой же буржуазіи черной кости. Вмѣстѣ съ этимъ Положеніе 1864 года утрачивало свой сословный характеръ, поскольку онъ обусловливался преобладаніемъ дворянства. Присущій ему феодально-крѣпостническій отпечатокъ все въ большей мѣрѣ сводился лишь къ тѣмъ сословнымъ ограниченіямъ, которыми оно сковывало крестьянство и, главнымъ образомъ, пролетарскіе и полупролетарскіе слои его, такъ какъ зажиточные крестьяне, владѣя купленными участками земли, принимали—въ зависимости отъ размѣровъ купчаго владѣнія—прямое или косвенное участіе въ избирательныхъ собраніяхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній Положеніе 1864 года все болѣе и болѣе превращалось изъ санкціи сословныхъ привилегій въ санкцію привилегій буржуазныхъ, имущественныхъ.

Въ эпоху реакціи восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, въ ряду другихъ попытокъ опереть падающее самодержавіе на подновленное, въ качествѣ феодальнаго сословія, дворянство, было издано и новое земское Положеніе 1890 года, рѣзко выдвигавшее на первый планъ сословный принципъ, сократившее до минимума и поставившее подъ опеку администраціи представительство крестьянъ, понизившее число гласныхъ отъ торгово-промышленнаго класса и отдавшее болѣе половины всѣхъ мѣстъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (5 433 изъ 9 523—57,1 процента) въ руки дворянъ.

Но жизнь переросла сословныя рамки. Та часть дворянства, запутавшаяся въ долговыхъ обязательствахъ и неумѣющая перестроить свое хозяйство на капиталистическихъ основахъ, которая искала спасенія отъ неминуемаго банкротства въ сохраненіи за собою положенія привилегированнаго феодальнаго сословія, все болѣе и болѣе должна была возлагать свои надежды не на собственныя силы, а на явныя или замаскированныя подачки, бросаемыя ей со стола самодержавной бюрократіи; вмѣстѣ съ этимъ, теряло для нея значительную долю своего интереса участіе въ мѣстномъ самоуправленіи. Всѣ ея надежды связались съ сохраненіемъ феодально-самодержавнаго режима во всемъ государствѣ, и она уходила изъ сферы мѣстнаго самоуправленія, чтобы играть роль царевыхъ слугъ въ мѣстномъ и государственномъ управленіи. Этимъ—въ связи съ слишкомъ высокими цензовыми нормами, стоящими въ противорѣчіи съ непрерывно совершающимся процессомъ дробленія крупныхъ дворянскихъ имѣній—въ значительной степени объясняется тотъ фактъ, что нерѣдко на избирательное собраніе отъ

дворянъ являлось меньше лицъ, чѣмъ то число гласныхъ, которое нужно было выбрать.

Но тѣмъ большимъ тормазомъ являлись сословныя рамки, искусственно созданныя Положеніемъ 1890 года, для тѣхъ дворянъ, которые уже успѣли настолько приспособить свое хозяйство къ условіямъ капиталистическаго общества, что чувствовали себя не чѣмъ инымъ, какъ частью всей землевладѣльческой буржуазіи. Въ ихъ глазахъ сословныя рамки должны были выступать только, какъ лишнее препятствіе къ объединенію всѣхъ представителей землевладѣнія, необходимому для широкой и упорной защиты ихъ классовыхъ интересовъ. Объ этомъ прямо заявляли нѣкоторые гласные-дворяне: «Система, созданная новымъ Положеніемъ (1890 г.), говорилъ гл. новгор. губернскаго земства Тютрюмовъ,—прямо возбуждаетъ зависть разныхъ элементовъ къ дворянству, лишая солидарности землевладѣніе, которое съ трудомъ удерживается среди всеобщей борьбы, мѣшаетъ землевладѣльцамъ слиться въ одно цѣлое».

Отсюда—естественное стремленіе этой части дворянъ отказаться отъ своихъ «сословныхъ привилегій» и вернуться къ «безсословному» Положенію 1864 года, «безсословному», при нынѣшнемъ уровнѣ общественно-экономическаго развитія, для имущихъ классовъ. Конечно, въ этомъ стремленіи своемъ модернизированное дворянство встрѣчаетъ горячую поддержку со стороны землевладѣльческой и торгово-промышленной буржуазіи.

Очерченная же выше эволюція распредѣленія земельной собственности и аграрныхъ отношеній вообще, съ одной стороны, и вызванная необходимостью придать борьбѣ земельной буржуазіи за свои интересы не мѣстный, а государственный, политическій характеръ—потребность опереться въ этой борьбѣ на болѣе широкіе круги населенія, съ другой, заставили либеральныхъ земцевъ написать на своемъ знамени другой девизъ: пониженіе земельнаго и имущественнаго ценза.

Но мы уже видѣли, что при современныхъ условіяхъ возвратъ къ Положенію 1864 года съ пониженіемъ ценза составляетъ не что иное, какъ коалицію всѣхъ слоевъ буржуазнаго землевладѣнія (вкупѣ съ зажиточнымъ крестьянствомъ) безъ пролетаріата, городского и сельскаго, и полупролетарскихъ элементовъ крестьянства, а слѣдовательно, въ силу самого хода вещей, противъ нихъ. Что въ данномъ случаѣ несомнѣнно играла роль не обычная «мудрая» политика либераловъ, опасающихся «разсердить» правительство «неумѣренными» требованіями, а именно узко-эгоистическіе классовые, хотя бы въ значительной степени и не сознаваемые отчетливо, интересы буржуазіи, показываетъ тотъ страхъ

передъ «народомъ» который съ похвальною откровенностью высказывался столь многими гласными. «Я убѣжденъ, что при переходѣ земскаго дѣла въ руки крестьянъ... пришлось бы поставить крестъ на все земское дѣло», говоритъ консервативный г. Гриммъ въ саратовскомъ земствѣ. «Эта масса (крестьянская бѣднота) могла бы волною захлестнуть другіе слои болѣе развитыхъ классовъ», вторитъ ему либеральный Львовъ. «Другое дѣло соединять такія общественныя группы, которыя способны къ сліянію, гдѣ можетъ установиться извѣстная однородность пониманія; тогда достигнется и цѣль сплоченія общества.»

Мы уже видѣли, какова эта «цѣль», дѣлающая необходимымъ устраненіе пролетарскихъ и полупролетарскихъ элементовъ отъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Между тѣмъ,' не говоря уже о принципіальномъ значеніи выставленія либеральными земцами тѣхъ или иныхъ лозунговъ, особенно въ области избирательнаго права, какъ показателей того, какъ далеко намѣрены идти въ своихъ требованіяхъ при крушеніи абсолютизма эти господа, уже теперь предъявляющіе притязанія на право «говорить съ правительствомъ отъ имени народа»; не говоря уже объ этомъ, пролетаріатъ кровно заинтересованъ въ ходѣ дѣлъ мѣстнаго самоуправленія, облагающаго его налогами, распоряжающагося дѣломъ народнаго образованія и врачебной помощи, завѣдующаго санитарнымъ надзоромъ, издающаго обязательныя правила о порядкѣ производства работъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ и торгово-промышленныхъ заведеніяхъ и т. д., и т. д. И именно потому, что онъ въ этомъ кровно заинтересованъ, земцы выставляютъ требованія о недопущеніи его къ участію въ самоуправленіи. Мнимые «представители народа» отрекаются отъ него въ тотъ самый моментъ, когда заходитъ рѣчь о представительствѣ народа!

Но если классовый инстинктъ заставляетъземцевъ заглушать внушенія политическаго разума, повелительно диктующаго имъ необходимость искать въ народѣ опоры для своихъ «либеральныхъ» требованій; если земцы не хотятъ идти съ народомъ, то народъ сумѣетъ завоевать свободу безъ нихъ и противъ нихъ. Дѣло соціалдемократіи разъяснить пролетаріату, городскому и сельскому, истинное значеніе политической дѣятельности земствъ, и тогда пролетаріатъ сумѣетъ заставить земцевъ—подъ страхомъ политической смерти—идти дальше, чѣмъ это имъ диктуетъ ихъ классовая буржуазная психологія.

Только выставивъ на своемъ знамени, совершенно открыто и недвусмысленно, требованіе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права для всѣхъ гражданъ и во всѣ представительныя учрежденія, либеральные земцы могутъ разсчитывать встрѣтить въ организован-

ному пролетаріатѣ союзника въ дѣлѣ достиженія этой ближайшей задачи; безъ такого лозунга и въ этой ограниченной сферѣ борьбы пролетаріата за свое полное освобожденіе отъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи, земцы будутъ для него противникомъ, котораго необходимо побѣдить одновременно съ абсолютизмомъ для достиженія ближайшей политической задачи соціалдемократической партіи—завоеванія демократическаго народовластія.

Съ народомъ противъ абсолютизма или съ абсолютизмомъ противъ народа—такова въ концѣ концовъ будетъ диллема, которая встанетъ передъ либеральнымъ земствомъ,—и ему не мѣшаетъ теперь же подумать о ней.

Ф. Данъ.

Вѣрноподданная оппозиція.

(15 декабря 1903 г. № 55).

Опубликованіе свѣдѣній о засѣданіяхъ «Комиссіи о центрѣ» вызвало своеобразные комментаріи нашихъ реакціонныхъ, либеральныхъ и полулиберальныхъ газетъ. Въ названную комиссію, какъ извѣстно, вошло 14 чиновниковъ (а съ предсѣдателемъ комиссіи, сенаторомъ Коковцевымъ, даже 15) и 18 представителей земскихъ учрежденій. Послѣдніе составили особую записку, въ которой изложили свой взглядъ на реформы, необходимыя въ интересахъ сельскаго населенія земледѣльческаго центра. Вокругъ этой-то записки и вертѣлись всѣ разговоры.

Первый накинулся на земцевъ кн. Мещерскій. По его мнѣнію, нельзя ждать никакой пользы отъ земскихъ дѣятелей, и лучше на будущее время приглашать въ комиссіи представителей отъ крестьянъ по указанію губернаторовъ. За «Гражданиномъ» сказали свое вѣское слово и «Московскія Вѣдомости», которыя посовѣтовали обращаться въ такихъ случаяхъ къ людямъ дѣловитымъ—дѣловитые, молъ, люди не станутъ составлять такихъ ужасныхъ записокъ. О дѣловитости можетъ судить администрація, но, во всякомъ случаѣ, не среди зем-

цевъ слѣдуетъ искать дѣловитыхъ людей. Въ такомъ духѣ агитировала реакціонная правая, а либеральная лѣвая, въ лицѣ «Русскихъ Вѣдомостей», взяла земцевъ и ихъ записку подъ свою защиту. Газета заявила, что «многіе взгляды, выраженные въ ней (т. е. въ запискѣ земцевъ) по отдѣльнымъ вопросамъ, могутъ вызвать сомнѣнія и споры, но такія разногласія не поколеблютъ ея основного положенія», состоящаго въ томъ, что «нынѣшнее правовое положеніе крестьянъ должно быть признано устарѣлымъ и требуетъ полнаго пересмотра, и что цѣлью послѣдняго долженъ быть подъемъ личности крестьянина, немыслимый безъ установленія прочнаго правопорядка». Среднюю линію нашелъ Суворинъ: необходимо взаимное довѣріе между правительствомъ и земскими силами. «Та нравственная связь,—пишетъ онъ,—которая существуетъ между правительствомъ и русскими людьми, выражается въ *мнѣніи* (курсивъ нашъ). Правительство можетъ *принять его или отвергнуть* (курсивъ опять нашъ). Но выслушать его слѣдуетъ. Не сегодня, такъ завтра оно пригодится». Въ заключеніе г. Суворинъ заявляетъ, что «наступаетъ весна русской жизни», и высказываетъ пожеланіе, чтобы въ нее «вѣрили всѣ русскіе люди и работали спокойно и добросовѣстно, не увлекаясь призраками и оппозиціей». «Средняя линія» не замедлила оказать свое дѣйствіе и, прежде всего, на либераловъ, которые не могутъ, вѣдь, не причислять себя къ русскимъ людямъ. Ужъ и вправду не почуялъ ли «опытный старикъ» вѣсну? «Будемъ ждать этой весны», — воскликнули «Русскія Вѣдомости». А съ другой стороны, суворинская формула должна была дѣйствовать успокоительно, если не на самого князя Мещерскаго, то на большинство его реакціонныхъ сторонниковъ: вѣдь, дѣло идетъ о мнѣніи, которое можно принять или отвергнуть, да и съ этимъ торопиться нечего, такъ какъ не обязательно сдѣлать это сегодня, а можно отложить и на завтра. Что русскимъ людямъ надо работать «спокойно и добросовѣстно, не увлекаясь призраками и оппозиціей»—объ этомъ давно твердитъ и самъ князь. А что касается «весны», то вѣдь весна веснѣ рознь: въ Петербургѣ вонъ весну дѣлаютъ дворники, и ничѣмъ она отъ любой осени не отличается.

Но что было всего курьезнѣе въ этой газетной вознѣ, это то, что все это происходило около пустого мѣста. Ни по формѣ, ни по содержанію записка земцевъ ничѣмъ не выдавалась и не отличалась отъ десятковъ всякихъ записокъ, ходатайствъ, адресовъ, съ которыми время отъ времени обращались къ правительству представители того или другого земства. Но время обязываетъ. Если лѣтъ десять тому назадъ еще можно было, при извѣстной дозѣ либеральной наивности,

мечтать о реформаторской дѣятельности самодержавія, и въ подачѣ земскихъ ходатайствъ видѣть выполненіе гражданскаго долга, то въ царствованіе фонъ-Плеве *обязательно* говорить другія рѣчи, если господа земцы не хотятъ превратить всю свою дѣятельность въ жалкій фарсъ. Въ парламентахъ Луи Филиппа всегда имѣлась къ услугамъ правительства своя доморощенная «оппозиція» или даже цѣлыхъ двѣ оппозиціи—одна легитимистская, реакціонная, и другая династическая, скажемъ, либеральная, роль которыхъ (чаще всего помимо ихъ желанія) состояла въ томъ, чтобы облегчить тому или иному изъ многочисленныхъ министровъ іюльской монархіи шествіе по «средней линіи», всегда болѣе или менѣе приближавшейся къ линіи реакціи; и такую же жалкую роль играютъ господа земцы въ правительственныхъ комиссіяхъ, осужденныхъ по самой сути своей на бездѣйствіе.

Мы выше видѣли, со словъ «Русскихъ Вѣдомостей», каковы основныя положенія записки земскихъ представителей. Таже газета старается, изо всѣхъ силъ старается, доказать, что ничего революціоннаго въ этихъ положеніяхъ нѣтъ. Оказывается, что уже давно въ правительственныхъ сферахъ, и въ разныхъ комиссіяхъ, и въ докладахъ «самого» министра финансовъ высказывались тѣ же положенія. Земцы въ полномъ согласіи съ правительствомъ,—чего же лучше? Но... тутъ выступаетъ на сцену «средняя линія», выразителемъ которой явился предсѣдатель комиссіи, заявившій въ отвѣтъ на записку представителей земства, что «объяснять экономическій упадокъ земледѣльческихъ мѣстностей общими причинами едва ли вообще правильно,» — что «правовой порядокъ вездѣ въ Европейской Россіи одинъ и тотъ же, между тѣмъ экономическое положеніе весьма различно,» и что «придавать исключительное значеніе причинамъ и мѣрамъ общаго характера, значитъ отождествлять задачи настоящей комиссіи съ задачами Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и отрицать самую возможность какихъ-либо мѣръ, направленныхъ къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ средне-земледѣльческаго района, о которыхъ собственно должна идти рѣчь въ настоящей коммиссіи».

Отсюда слѣдовало, что весну должны дѣлать дворники, а реформы—чиновники, которые знаютъ, что входить «въ обсужденіе общихъ причинъ» не полагается. Съ какимъ успѣхомъ совершается эта реформаторская дѣятельность бюрократіи, видно изъ признанія того же предсѣдателя комиссіи.

«Открывая засѣданія комиссіи—разсказываютъ газеты—предсѣдатель В. Н. Коковцевъ познакомилъ собравшихся съ историческимъ очеркомъ вопроса объ изслѣдованіи экономическаго положенія центральнаго рай-

она Россіи. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ въ повременной печати и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, а также въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ изданіяхъ стала высказываться мысль объ особенно неблагополучномъ положеніи нѣсколькихъ центральныхъ губерній Россіи. Недородъ 1891—1892 г. и, вызванныя этимъ недородомъ, мѣропріятія по содѣйствію населенію пострадавшихъ мѣстностей пробудили болѣе внимательное отношеніе къ экономическому положенію страны. Начало выясняться, что, такъ называемая, средне-черноземная полоса, слывшая еще въ 70-хъ годахъ житницей Россіи, стала обнаруживать признаки экономическаго застоя. Но всѣ эти указанія и изслѣдованія имѣли разрозненный и случайный характеръ до тѣхъ поръ, пока при министерствѣ финансовъ въ 1897 г. не была образована комиссія для изученія экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній, и изъ опубликованныхъ этимъ кружкомъ трудовъ «можно было сдѣлать заключеніе объ особенномъ неблагополучіи девяти губерній центральной Россіи... 16 ноября 1901 года съ высочайшаго утвержденія была образована комиссія съ цѣлью изученія мѣръ, необходимыхъ для поднятія экономическаго благосостоянія средней полосы Европейской Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ».

Итакъ: уже около 25 лѣтъ тому назадъ (фактически гораздо раньше) правительству было извѣстно, что не все обстоитъ благополучно. За это время разореніе страны шло гигантскими шагами, границы оскудѣвшаго центра все болѣе и болѣе приближались къ границамъ Россійской имперіи, а главный виновникъ этого разоренія—правительство—собирало матеріалъ, созывало комиссіи и... только. Казалось бы, земскимъ членамъ комиссіи оставалось только указать на эту абсолютную неспособность бюрократіи, и предложить ей убраться, чтобы предоставить представителямъ народа рѣшеніе этихъ жгучихъ вопросовъ. Но представители «вѣрноподданной» оппозиціи не умѣютъ требовать, они привыкли только смиренно просить. «Въ послѣднее время—пишутъ они въ концѣ своей Записки—правительство, признавая полезнымъ участіе земскихъ дѣятелей при обсужденіи разныхъ вопросовъ, вызываетъ этихъ дѣятелей въ засѣданія при министерствахъ; для пользы дѣла крайне желательно, чтобы программы, подлежащія обсужденію, передавались предварительно на земскія собранія, чтобы представители земства, избранные земскими собраніями являлись выразителями мнѣній этихъ послѣднихъ».

Да, «для пользы дѣла» бюрократіи это крайне желательно! Бюрократія дѣлаетъ реформы или, вѣрнѣе, притворяется, что собирается что-то реформировать, но для того, чтобы вѣрнѣе дурачить страну, она

отъ времени до времени принуждена обращаться къ содѣйствію «мѣстныхъ силъ». Призывъ свѣдущихъ людей занимаетъ соотвѣтствующее мѣсто во внутренней политикѣ г. Плеве рядомъ съ еврейскими погромами, угнетеніемъ Финляндіи, грабежами въ Арменіи и пр., и пр. Господа земцы вольны принимать участіе въ этой комедіи и играть ту смѣшную роль, которую предписываетъ имъ самодержавный министръ. Но, дѣлая это, они не имѣютъ никакого права рядиться въ тогу «представителей населенія».

Кольцовъ.

Революціонное студенчество.

(15 января 1904 г. № 57).

I.

Въ манифестѣ [1]) всероссійскаго студенческаго съѣзда 1903 г., на который собрались представители центральныхъ революціонныхъ учрежденій 19 высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, констатируется по докладамъ делегатовъ тотъ фактъ, что «повсемѣстнымъ и наиболѣе характернымъ признакомъ настоящаго историческаго момента, переживаемаго студенчествомъ, является болѣе или менѣе рѣзкая дифференціація въ средѣ студенчества».

Съ одной стороны, все оппозиціонное студенчество рѣзкою гранью отдѣлилось отъ реакціоннаго, сплачиваемаго въ различныя легальныя общества. Съ другой стороны: «въ передовыхъ слояхъ студенчества происходитъ непрерывный процессъ дифференціаціи, распредѣляющій ихъ между существующими революціонными идеологіями. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ организацій стараго типа, созданнаго періодомъ академизма, растутъ и развиваются новыя силы. Съѣздъ находитъ возможнымъ лишь привѣтствовать этотъ процессъ, какъ залогъ растущаго политическаго самосознанія массъ студенчества, какъ залогъ его правильнаго революціоннаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приходится констатировать фактъ неудовлетворительности старыхъ типовъ организаціи... На осно-

---

[1]) Мы получили рукописный экземпляръ этого манифеста.

ванія докладовъ, пришлось констатировать въ большинствѣ случаевъ фактъ упадка вліянія на студенчество союзныхъ совѣтовъ и организаціонныхъ комитетовъ, какъ учрежденій искусственно поддерживающихъ свое существованіе. Объединеніе въ этихъ учрежденіяхъ самыхъ разнородныхъ по своему міровоззрѣнію элементовъ, являющееся слѣдствіемъ такого же искусственнаго объединенія и въ смѣшанныхъ организаціяхъ стараго типа (землячествахъ и т. д.), не даетъ возможности выработать «единой» политической программы, которой по существу современнаго дифференцирующагося студенчества выработать и невозможно. Изъ столкновенія этихъ разнородныхъ и часто противоположныхъ элементовъ въ организаціяхъ и ихъ центральныхъ учрежденіяхъ создается такое положеніе вещей, при которомъ силы студенческихъ дѣятелей взаимно парализуются. «Выходъ изъ этого положенія съѣздъ находитъ въ замѣнѣ старыхъ организацій, искусственно соединившихъ людей самыхъ различныхъ воззрѣній, обособленными организаціями, группирующими студентовъ съ одинаковыми соціально-политическими воззрѣніями. Но, независимо отъ этой группировки, все передовое студенчество, признающее лозунгъ: «долой самодержавіе», можетъ въ извѣстные моменты выступать, какъ цѣлое. Съѣздъ нашелъ поэтому «необходимой, изъ тактическихъ соображеній, коалицію означенныхъ разнородныхъ группъ, которыя такимъ образомъ въ моментъ борьбы окажутся объединенными въ «Коалиціонномъ Совѣтѣ» для «соглашенія и планомѣрности дѣйствій всѣхъ группъ».

Сообразно съ измѣнившимися условіями, съѣздъ находитъ прежній способъ студенческой борьбы—забастовки и обструкцію, не выдерживающими никакой критики и рекомендуетъ:

a) агитаціонныя, систематически организуемыя сходки;

b) устройство агитаціонныхъ митинговъ на публичныхъ лекціяхъ, концертахъ и пр.

c) демонстративныя забастовки въ дни важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ событій, обязательныя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи въ слѣдующіе дни: 8 февраля, 19 февраля, 4 марта, 1 и 3 мая и 3 ноября, какъ день, къ которому съѣздомъ пріурочено чествованіе всѣхъ товарищей, павшихъ въ борьбѣ съ существующимъ режимомъ;

d) уличныя демонстраціи, какъ чисто студенческія, такъ и съ другими общественными слоями (что касается вооруженныхъ демонстрацій, съѣздъ находитъ возможнымъ ихъ устройство лишь послѣ предварительныхъ переговоровъ и соглашенія съ комитетомъ партіи)».

Насколько можно судить по краткимъ даннымъ, сообщеннымъ въ

цитируемомъ нами документѣ, рѣшенія студенческаго съѣзда, дѣйствительно, были, какъ говоритъ «Манифестъ», «неизбѣжнымъ выводомъ изъ существующаго положенія вещей».

Произошло именно то, что уже годъ тому назадъ предвидѣла «Искра». Студенты не могли оставаться нейтральными, незаинтересованными зрителями происходящей борьбы соціально-политическихъ направленій, а, вникши въ эту борьбу, не могли не выбирать между противоположными мнѣніями, не могли, слѣдовательно, не внести разложенія въ организаціи, объединявшія прежде всю враждебную абсолютизму часть студенчества.

При такихъ обстоятельствахъ, распаденіе на группы различныхъ направленій до такой степени неизбѣжно, что самое нежеланіе углубляться въ вопросы, разъединяющіе студенчество, само стремленіе остаться при одномъ объединяющемъ его лозунгѣ «Долой самодержавіе» уже образуетъ особое направленіе чистыхъ политиковъ-революціонеровъ, не соціалистовъ.

Разумѣется, студенческія соціалдемократическія организаціи будутъ въ своей дѣятельности на почвѣ обще-студенческаго движенія сообразоваться съ тактикой партіи, къ которой они примыкаютъ. Но что возможны и полезны политическія манифестаціи, въ которыхъ все студенчество, признающее лозунгъ «Долой самодержавіе», выступаетъ сообща, и что для соглашенія по тактикѣ такихъ выступленій можетъ понадобиться «Коалиціонный совѣтъ» изъ делегатовъ различныхъ организацій,—этого отрицать намъ не приходило въ голову, хотя «Революц. Россія» и не преминула по этому случаю доставить себѣ двойное удовольствіе попытаться лишній разъ щипнуть «неумолимыхъ сектантовъ», а, главное, польстить студенчеству, будто бы давшему намъ «и въ этомъ отношеніи хорошій урокъ».

Но у соціалъ-революціонеровъ есть другая, болѣе реальная причина радоваться. Въ «докладѣ» о съѣздѣ, напечатанномъ въ № 37 «Рев. Росс.» [1]), говорится о «крайне интенсивномъ ростѣ позднѣе (чѣмъ соц.-дем.) выступившихъ группъ соц.-революціонеровъ». Мы такому «росту» радоваться, конечно, не можемъ, но объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

---

[1]) Нами полученъ гектографиров. экземпляръ этого «доклада». Онъ подписанъ: «Группа студентовъ соціалъ-революціонеровъ». Въ «Рев. Рос.» онъ напечатанъ безъ этой подписи, какъ «докладъ съѣзда». Въ текстѣ резолюцій, приводимыхъ въ этомъ «докладѣ», имѣются нѣкоторыя отличія отъ текста резолюцій въ «Манифестѣ».

II.

(10-го февраля 1904 г. № 59).

Въ «Докладѣ» о второмъ общестуденческомъ съѣздѣ «группы студентовъ соціалистовъ-революціонеровъ», напечатанномъ въ № 37-мъ «Рев. Рос.», говорится, что распространеніе среди студенчества взглядовъ соціалъ-революціонеровъ идетъ такъ интенсивно, что теперь уже нельзя опредѣлить, имъ или соціалдемократамъ принадлежитъ «идейное преобладаніе», несмотря на то, что группы соціалистовъ-революціонеровъ образовались позднѣе. Мы далеко не увѣрены въ полномъ безпристрастіи «Доклада», но что соціалъ-революціонеры имѣютъ нѣкоторый успѣхъ среди студенчества — это видно и изъ другихъ данныхъ. Чѣмъ объясняется это явленіе? У него можетъ быть, конечно, много временныхъ, побочныхъ, второстепенныхъ причинъ. Но все же, то обстоятельство, что эти взгляды распространяются именно теперь, когда соц.-революціонеры все рѣшительнѣе возвращаются отъ соціализма къ народничеству, убѣждаетъ насъ, что извѣстное настроеніе, вызывающее желаніе быть соціалистомъ, распространено среди студенчества гораздо шире стремленія выяснять себѣ трудные и сложные вопросы соціализма. Почему соціалдемократы связываютъ соціализмъ именно съ пролетаріатомъ и призываютъ всѣхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ стать на точку зрѣнія пролетаріата? Почему, стремясь къ низверженію абсолютизма, они характеризуютъ тотъ политическій строй, который замѣнитъ его, такимъ непріятнымъ эпитетомъ, какъ «буржуазный»? Почему, считая экономическія измѣненія основными, обусловливающими собою и измѣненіе взглядовъ, и политическія перемѣны въ жизни обществъ, соціалдемократы признаютъ, тѣмъ не менѣе, своей главнѣйшей задачей вліяніе на умы рабочихъ, пробужденіе ихъ классоваго самосознанія, а ближайшей цѣлью проснувшагося пролетаріата считаютъ завоеваніе политической свободы? Съ жаромъ и напряженнымъ вниманіемъ выяснялись эти и многіе другіе вопросы въ то время, когда соціалдемократамъ приходилось пробиваться сквозь сплошной строй устоявшихся народническихъ воззрѣній, долго выполнявшихъ у насъ подъ цензурнымъ туманомъ должность чего-то въ родѣ соціализма и повліявшихъ на самый способъ мышленія цѣлыхъ поколѣній русской интеллигенціи.

Въ этихъ спорахъ народничество было разбито. Его старые адепты остались, конечно, при своихъ взглядахъ, но ихъ воззрѣнія потеряли силу надъ свѣжими умами, а главное, исчезли старые пріемы мысли, пріучавшіе умъ довольствоваться въ самыхъ жгучихъ соціальныхъ вопросахъ туманными и неопредѣленными положеніями.

Но вотъ, соціалисты-революціонеры начинаютъ за послѣдній годъ быстро отступать въ эту область тумана и увлекаютъ за собою часть студенчества.

Самымъ яркимъ выраженіемъ этого возстановленія народничества является критика нашей программы въ 32—33 №№ «Рев. Рос.». Она цѣликомъ переноситъ васъ въ тѣ блаженныя времена, когда гг. В. В. и Михайловскій обвиняли соціалдемократовъ въ прислужничествѣ буржуазіи, а г. Кривенко серьезнѣйшимъ образомъ увѣрялъ, что всякій послѣдовательный соціалдемократъ долженъ открыть кабакъ или, по меньшей мѣрѣ, лавочку. Юнымъ студентамъ, незнакомымъ со спорами того времени, но тяготѣющимъ къ соц.-революціонерамъ, мы совѣтовали бы хорошенько подумать надъ слѣдующимъ мѣстомъ этой статьи: «Исторія знаетъ, конечно, не мало примѣровъ, когда кровь трудящихся массъ проливалась затѣмъ, чтобы доставить побѣду однимъ эксплуататорамъ надъ другими. Бывали случаи, что интеллигенція въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей въ *угоду буржуазіи* (курсивъ нашъ) вела народъ на баррикады. Но массы шли, и герои ихъ вели, не зная объ обманѣ, который таился для нихъ въ ближайшемъ будущемъ. Мы этотъ обманъ уже хорошо знаемъ. И въ наши дни, конечно, только герои догмы съ легкимъ сердцемъ могутъ посылать трудящійся людъ въ бой за «ускореніе буржуазнаго прогресса».

Итакъ, разъ «обманъ открылся», то звать на борьбу противъ абсолютизма, зная, что на его мѣсто водворится тотъ буржуазный политическій строй, какой въ болѣе или менѣе законченной формѣ господствуетъ во всемъ цивилизованнемъ мірѣ, могутъ только «герои догмы», соціалдемократы, но ужъ никакъ не соц.-революціонеры?

Нѣтъ, конечно. Мы отлично знаемъ, что такъ далеко назадъ къ анархическому народничеству «Земли и Воли» или реакціонному народничеству г. В. В. соціалисты-революціонеры не идутъ. Вина соціалдемократовъ не въ томъ, что они призываютъ къ низверженію абсолютизма, а въ томъ, что это низверженіе «мыслится ими не какъ возможность реализовать нѣкоторую часть своихъ основныхъ (т. е. соціалистическихъ) требованій и нанести въ то же время ударъ буржуазіи, а лишь какъ актъ, долженствующій расчистить дорогу наступающему капитализму. Говоря коротко, революція, включаемая «Искрой» въ число бли-

жайшихъ задачъ партіи, должна быть осуществлена не во имя соціализма противъ всѣхъ старыхъ и новыхъ враговъ его, а во имя буржуазнаго общества противъ стѣсняющихъ его остатковъ феодализма».

На той же (6-й) страницѣ г. Новобранцевъ сознается, что хотя авторы разбираемой имъ программы «съ особой силой напираютъ» на свое требованіе политической свободы, необходимой пролетаріату въ борьбѣ съ буржуазіей, и «закругляютъ» имъ, по выраженію г. Новобранцева, вышеприведенныя рѣчи, но что онъ «намѣренно прерываетъ цитаты въ мѣстахъ только что упомянутаго имъ закругленія, чтобы поговорить о немъ не мимоходомъ».

Слѣдовательно, вина соціалдемократовъ въ томъ, что они не внушаютъ пролетаріату, будто, свергая абсолютизмъ, онъ можетъ немедленно получить «нѣкоторую часть» соціалистическаго строя и нанести ударъ господству буржуазіи, что они не обѣщаютъ ему ничего, кромѣ политической свободы, которую при этомъ ему самому придется постоянно отстаивать отъ посягательства буржуазныхъ партій и въ этомъ отстаиваніи, въ непрерывной классовой борьбѣ рости, развиваться и набираться силами для своей великой, конечной цѣли—соціалистической революціи.

А что же именно обѣщаютъ пролетаріату соціалисты-революціонеры? Во-первыхъ, объединивъ его мысленно въ одно слитое цѣлое съ крѣпкимъ землѣ хозяйственнымъ крестьянствомъ и назвавъ это мысленное цѣлое рабочимъ классомъ, они обѣщаютъ ему, въ лицѣ его непролетарской части, землю, а затѣмъ... затѣмъ слѣдуютъ рѣчи объ «ударахъ господству буржуазіи», «брешахъ въ цитадели царства эксплоатаціи» и прочія столь же опредѣленныя вещи. «Всѣ наши усилія, говоритъ г. Новобранцевъ на слѣдующей страницѣ, должны быть направлены къ тому, чтобы въ рѣшительный моментъ (паденія абсолютизма) буржуазія не торжествовала, а трепетала». Послѣдняя задача, дѣйствительно, достижима. Заставить «трепетать», если не буржуазію, то многихъ и многихъ буржуа очень легко. Только кому и зачѣмъ это нужно? Всѣ *наши* усилія должны быть направлены къ тому, чтобы тотъ буржуазный строй, который замѣнитъ самодержавіе, былъ возможно болѣе демократиченъ и возможно полнѣе гарантировалъ свободу, чтобы борющійся за это пролетаріатъ вынесъ изъ революціонной эпохи, когда и люди, и классы, и учрежденія въ нѣсколько мѣсяцевъ переживаютъ десятилѣтія, какъ можно больше для своего развитія, чтобы онъ вышелъ изъ нея сплоченнымъ въ сплошную классовую соціалдемократическую партію, способную отстоять свои революціонныя пріобрѣтенія во всѣхъ дальнѣйшихъ перипетіяхъ и ко-

лебаніяхъ. Таковы должны быть *наши* главнѣйшія задачи въ революціонную эпоху. Когда та или другая часть буржуазіи будетъ противиться ихъ выполненію, заставить «затрепетать» ее войдетъ, конечно, въ эти задачи. Но трепетъ для трепета пролетаріату не нуженъ. А чтобы вся буржуазія, вся разнородная масса русскихъ гражданъ, не принадлежащихъ къ пролетаріату, трепетала при мысли о возстаніи «черни», этого страстно хотѣлось бы «Московскимъ Вѣдомостямъ», объ этомъ хлопочетъ иной разъ полиція, подбивавшая кіевскихъ рабочихъ во время всеобщей стачки идти громить Крещатикъ... Успѣхомъ всѣ эти хлопоты, конечно, не увѣнчаются.

На самомъ дѣлѣ, соціалисты-революціонеры чрезвычайно облегчаютъ себѣ задачу составленія туманныхъ фразъ съ революціонной внѣшностью, посредствомъ особаго употребленія слова «буржуазія».

Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое передавало бы смыслъ нѣмецкаго слова бюргерство или французскаго—буржуазія. Когда въ нѣмецкой соціалдемократической литературѣ говорятъ о бюргерскихъ партіяхъ, бюргерской прессѣ (bürgerliche Parteien... Presse), то подразумѣваютъ всѣ непролетарскія партіи, всю несоціалдемократическую прессу. Ближайшее опредѣленіе буржуазіи, бюргерства—это все населеніе за исключеніемъ пролетаріата, съ одной стороны, и привиллегированныхъ сословій—гдѣ они имѣются—съ другой.

Буржуазный политическій строй—(предполагая всеобщую подачу голоса) политическое полноправіе и равноправіе всего «народа», всѣхъ гражданъ данной страны, въ томъ числѣ и пролетаріата, съ тою только разницей, что ему-то—лишенному собственности въ мірѣ собственниковъ—невозможно фактически пользоваться своими политическими правами иначе, какъ сплотившись въ прочно организованную, самостоятельную политическую партію.

При отсутствіи у насъ въ Россіи легальной политической жизни, открытыхъ гласныхъ политическихъ партій, наша легальная пресса не особенно нуждается въ томъ широкомъ европейскомъ понятіи «буржуазія», которое мы только что отмѣтили. А при надобности она составляетъ его себѣ изъ нѣсколькихъ элементовъ: «народъ», затѣмъ «общество» и, наконецъ, его наилучшая часть «интеллигенція.» Французскому же слову «буржуазія», во всей нашей окрашенной народничествомъ прессѣ, дано было особое употребленіе. Изъ хорошаго, «симпатичнаго» цѣлаго: народъ, общество, интеллигенція—была выдѣлена его непріятная часть: капиталисты, ростовщики, частные землевладѣльцы недворянскаго происхожденія и проч., и имъ только спеціально и исключительно было присвоено званіе буржуазіи, поскольку, конечно, ихъ пред-

ставители не являлись людьми просвѣщенными, заботящимися о чемъ-нибудь хорошемъ, въ родѣ народнаго образованія. Въ этомъ случаѣ ихъ переводили въ «общество», такъ какъ «буржуазіи» никакихъ интересовъ, кромѣ барышей, не полагается.

Когда народники употребляли слово «буржуазія» въ своемъ спеціальномъ смыслѣ, разговаривая промежъ себя о легальныхъ русскихъ дѣлахъ, большой путаницы еще не выходило. Но намъ въ нашихъ нелегальныхъ разговорахъ понятіе *буржуазіи* въ его европейскомъ смыслѣ совершенно необходимо. И когда соціалисты-революціонеры, говоря объ исторіи Европы, употребляютъ слово «буржуазія» въ народническомъ смыслѣ, изъ этого выходитъ величайшая нелѣпость; а когда, полемизируя съ нами, они этотъ смыслъ намъ подсовываютъ, то, кромѣ нелѣпости, получается еще и передержка. Напримѣръ, «Искра» называла «Освобожденіе» органомъ либеральной буржуазіи. «Нечего сказать, нашли буржуазію», восклицаетъ г. Новобранцевъ и поучаетъ насъ, что русская буржуазія въ противоположность инымъ прочимъ не думаетъ о своей миссіи освобождать, что наши либералы соединяются вовсе не во имя классовыхъ интересовъ (барышей что-ли?), а «во имя лежащихъ на интеллигенціи обязанностей прійдти на помощь угнетенному народу...» и если «Освобожденіе» объединило и объединяетъ кого, то дѣйствительно только «отцовъ» изъ той самой интеллигенціи, «дѣти» которой являются самоотверженными борцами за революціонное дѣло. Отцы несомнѣнно отличаются отъ насъ умѣренностью своей тактики и своихъ требованій. Но это не принципіальная противоположность... Результаты движенія будутъ, конечно, умѣреннѣе, чѣмъ желали бы мы, и именно потому, что отцы вѣроятнѣе всего явятся бухгалтерами революціи...» «Буржуазные же классы, какъ классы, въ движеніи не при чемъ», поучаетъ онъ въ заключеніе, «политическое освобожденіе Россіи—дѣло русской интеллигенціи и русскаго рабочаго народа, и пора понять, что никто другой въ немъ не приметъ активнаго участія. А если это такъ, то имъ же должны принадлежать и соціальные результаты грядущаго переворота».

Разумѣется, «Освобожденіе» группируетъ людей образованныхъ и ужъ нисколько не «во имя» карманныхъ интересовъ тѣхъ, кого «Револ. Россіи» угодно называть спеціально и исключительно буржуазіей, а во имя именно освобожденія, хотя бы только отъ излишествъ тѣхъ бѣдствій, которыя приноситъ самодержавіе всему «угнетенному народу». Но гдѣ же и когда въ предреволюціонное время самые умѣренные изъ буржуазныхъ органовъ, ратовавшихъ за освобожденіе, требовали его во имя барышей богатой части буржуазіи? И группиро-

вали такіе органы вездѣ и всегда людей, интересующихся политической жизнью всей страны, а не однимъ только благополучіемъ своего личнаго кармана. Точно также и представители крайнихъ демократическихъ теченій среди европейской буржуазіи какъ нельзя лучше подходили подъ русское понятіе «революціонной интеллигенціи». Переберите вождей Великой французской революціи и вы увидите, что большинство изъ нихъ окажется по народнической терминологіи интеллигентами, причемъ изъ этихъ интеллигентовъ очень многіе (послѣдователи Руссо) носились съ планами такихъ «ударовъ» богачамъ, которые оказались бы полезны дѣлавшимъ революцію санкюлотамъ.

Во всѣхъ революціяхъ первой половины XIX вѣка выдающаяся роль среди революціонныхъ элементовъ принадлежала учащейся молодежи и та ея часть, которая входила въ тайныя общества, браталась съ рабочими, конспирировала и агитировала, дѣлала все это ужъ конечно не «въ угоду» тому элементу, которому соц.-рев. исключительно присваиваютъ имя буржуазіи. Въ 40-хъ годахъ среди нихъ были сильно распространены различные виды первоначальнаго соціализма и много, много неопредѣленныхъ соціальныхъ благъ, много ударовъ богатой буржуазіи ожидали они отъ развивавшагося движенія и своими ожиданіями заражали и тѣмъ самымъ «обманывали» рабочихъ. И тотъ же безсознательный «обманъ» стремятся теперь организовать по всей линіи соціалисты-революціонеры.

Не всѣ соц.-револ. доходятъ до такой явной наивности въ сужденіяхъ о революціи, какъ г. Новобранцевъ. Мы взяли его статью потому главнымъ образомъ, что именно онъ, заведя рѣчь о «герояхъ», которые вели толпу «въ угоду буржуазіи» и объ «обманѣ», который «мы уже хорошо знаемъ», въ то же время, въ той же статьѣ призываетъ современныхъ героевъ, и прежде всего студенчество, къ производству того же, буквально того же самаго, безсознательнаго «обмана», который невольно совершали революціонные дѣти европейской буржуазіи. Мы уже сказали, что не всѣ соц.-рев. такъ откровенно наивны, но къ самообману, а слѣдовательно и «обману» призываютъ теперь всѣ. Всѣ они топятъ понятіе *пролетарій* въ общемъ понятіи *трудящійся человѣкъ* и тѣмъ самымъ уничтожаютъ идею соціализма, уничтожаютъ (еслибы пролетаріатъ ихъ послушался) самую возможность организованной и самостоятельной партіи пролетаріата, а слѣдовательно, и вообще партіи трудящихся и угнетенныхъ, такъ какъ ихъ разношерстная масса можетъ группироваться лишь вокругъ однороднаго, сплоченнаго ядра пролетаріата. Словомъ, уже этимъ однимъ отрицаніемъ самостоятельнаго значенія пролетаріата, соц.-революціо-

неры зачеркивают всѣ пріобрѣтенія второй половины XIX вѣка и возвращают нас къ понятіям, господствовавшим среди дѣтей западной буржуазіи въ то время, когда она была революціонна. Всѣ соц.-революціонеры хвалятся затѣмъ неимѣніемъ «догмы», вынуждающей соціалдемократовъ знать, что практически возможно и что невозможно «завтра или послѣзавтра». Они чужды той «астрологіи, которая смѣло пускается въ историческія пророчества» относительно предстоящей революціи, они не хотятъ довольствоваться той ничтожной программой-минимумъ, которую выставили соціалдемократы, они потребуютъ гораздо большаго. Опредѣленное требованіе они выставляютъ, правда, только одно: *землю крестьянамъ*. [1]). Утопленному пролетарію обѣщаются лишь «удары господству буржуазіи», «глубокія преобразованія въ соціальномъ строѣ», «брешь въ цитадели царства эксплуатаціи» и другія столь же ясныя фразы. (Сборникъ программныхъ статей «Рев. Рос.», стр. 69—70). Но тѣмъ хуже, тѣмъ труднѣе было бы рабочему, попавшему въ сѣти этихъ туманныхъ фразъ, изъ нихъ выпутаться. Пока что, однако, въ эти сѣти запутывается, повидимому, легче всего учащаяся молодежь. Предъ ней стараются соціалисты-революціонеры далеко-далеко перещеголять соціалдемократовъ въ революціонности; ей поютъ они свои лучшіе диѳирамбы то прямо, то подъ именемъ революціонной интеллигенціи. Намъ хотѣлось бы, чтобы студенты, увлекающіеся этими взглядами, ясно представили себѣ, какую отвѣтственность за состояніе пролетаріата тотчасъ же послѣ революціи, о которой идетъ рѣчь, взяли бы они на себя, если бы въ качествѣ соціалистовъ-революціонеровъ съумѣли внушить ему свои взгляды.

Большая разница, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ побѣдоносной битвы съ убѣжденіемъ, что завоевана лишь возможность свободно объеди-

---

[1]) Требованіе нашей программы относительно возвращенія сельскимъ обществамъ отрѣзанныхъ земель, служащихъ для закабаленія цѣлыхъ селеній, г. Новобранцевъ называетъ „подаркомъ буржуазіи“. Положимъ, что именно эти земли, необходимыя всѣмъ домохозяевамъ, будутъ лучше защищены отъ перехода въ исключительное владѣніе сельскихъ богачей („буржуазіи“), чѣмъ всякія другія. Но мы знаемъ, конечно, что, во-первыхъ, отрѣзки принесутъ пользу только крестьянамъ, ведущимъ самостоятельное хозяйство, и что, во-вторыхъ, эта польза будетъ прямо пропорціональна степени зажиточности каждаго хозяина. Но если „отрѣзки“ будутъ подаркомъ буржуазіи, то и переходъ всѣхъ земель въ руки крестьянъ былъ бы точно такимъ же „подаркомъ“ той же буржуазіи, только по размѣрамъ превосходящимъ отрѣзки ровно настолько, насколько всѣ земли, принадлежащія помѣщикамъ, больше той части, которую они отрѣзали у крестьянъ.

няться, учиться, организовать и ростить свою силу, что пріобрѣтена лишь легальная почва для борьбы за улучшенія условій найма, лишь свободная арена для проявленія энергіи пролетаріата, его стремленія къ свѣту, къ знанію. Въ этомъ случаѣ сознательнымъ рабочимъ пришлось бы на просторѣ и въ широкихъ размѣрахъ продолжать то же самое, уже привычное и дорогое дѣло, которымъ съ величайшими трудностями и жертвами они уже и раньше занимались. Они знали бы, что всѣ дальнѣйшія пріобрѣтенія, весь путь къ тому счастію, которое можетъ дать только соціалистическій строй, зависитъ отъ ихъ собственной активности и энергіи, что входящіе въ партію пролетаріата образованные люди могутъ помогать ему своими знаніями, но сами по себѣ ничего—кромѣ этихъ знаній—дать не могутъ.

Другое дѣло выйти изъ боя съ мыслью, что какія-то большія экономическія блага уже завоеваны, что возможность реализовать какую-то часть соціализма уже пріобрѣтена одержанной побѣдой. Понимали бы рабочіе во всемъ этомъ, конечно, такъ же мало, какъ и сами соц.-революціонеры, и вынуждены были бы возложить всѣ надежды по части «реализаціи» завоеванныхъ благъ на великую «внѣклассовую» силу интеллигенціи. Чутко насторожившись, они ждали бы отъ нея чудесъ, готовые поддерживать ее своей боевой силой и «заставлять трепетать буржуазію».

Но предъ яркимъ свѣтомъ широкой гласности и ясности положенія не сможетъ устоять никакая привычка къ туманнымъ фразамъ. Студенты отрезвились бы, и поняли, наконецъ, границы возможнаго. Вѣдь и самъ г. Новобранцевъ, гремя противъ «догматиковъ», не соглашающихся «мыслить» немыслимое, тутъ же мимоходомъ свидѣтельствуетъ о своей полной готовности стать очень трезвымъ, когда дѣло дойдетъ до подсчета «результатовъ». Онъ заранѣе знаетъ, что эти результаты будутъ довольно «умѣренны», такъ какъ бухгалтерами революціи явятся умѣренные «отцы».

Да, волей неволей, революціонныя дѣти отрезвились бы, какъ отрезвлялись и ихъ западные предшественники; но въ какомъ положеніи очутились бы пролетаріи, возложившіе на нихъ всѣ надежды? Студенчество Западной Европы сыграло большую и красивую роль въ революціонныхъ драмахъ первой половины XIX вѣка. Но драмы доигрывались, и исторія принималась тотчасъ же писать эпилогъ, въ которомъ значилось: «буржуазія обманула рабочихъ». Но вѣдь рабочіе вѣрили не фабрикантамъ или ростовщикамъ, не тѣмъ, кому по народнической терминологіи присвоено имя буржуазіи. Тѣхъ они ненавидѣли, а любили съ ними братавшихся и вмѣстѣ съ ними дравшихся

на баррикадахъ студентовъ, вѣрили лишь той буржуазіи, которая у насъ называется революціонной интеллигенціей. Только она и могла «обмануть» рабочихъ, заражая ихъ своимъ искреннимъ самообманомъ. Нашему студенчеству исторія впервые даетъ возможность сыграть ту же блестящую роль въ революціонной драмѣ, избѣгнувъ эпилога. Научный соціализмъ, гарантируя рабочихъ отъ роли обманутыхъ, гарантируетъ въ то же время студентамъ возможность быть революціонерами, не обманывая ни себя, ни другихъ, прямо смотря въ лицо дѣйствительности и называя вещи ихъ именами. Но эта возможность налагаетъ на нихъ обязанность не относиться слишкомъ легко къ идеѣ соціализма, не называть себя соціалистами, не познакомившись сперва съ научнымъ соціализмомъ, не попытавшись понять его и провѣрить собственнымъ умомъ, дѣйствительно ли только злая воля мѣшаетъ намъ говорить объ одновременномъ сверженіи абсолютизма и господства буржуазіи, или для мыслящихъ людей это, дѣйствительно, немыслимо.

В. Засуличъ.

Пробужденіе демократіи и наши задачи.

(25 янв. 1904 г. № 58).

Въ то время, какъ въ области международной политики правительство тщетно пыталось выпутаться изъ сквернаго положенія, въ которое его поставило столкновеніе съ Японіей,—въ области внутренней политики оно начало новый годъ двумя громкими актами: «упраздненіемъ» тверского земскаго либерализма и закрытіемъ, съ помощью полицейской команды, имъ же самимъ разрѣшеннаго съѣзда дѣятелей по техническому образованію. Счастливое предзнаменованіе для 1904 года!

Торжественно обставленный актъ «разоренія» мятежнаго тверского гнѣзда завершаетъ девятилѣтнюю кампанію, начавшуюся съ высочайшаго запрещенія всякой общественной службы представителямъ тверского земства за «безсмысленныя мечтанія» января 1895 года, продолженную систематическими неутвержденіями въ должностяхъ зем-

скихъ избранниковъ, систематическими пререканіями губернской власти съ земскими собраніями, и въ самое послѣднее время ознаменовавшуюся преданіемъ суду за «преступленія по службѣ» нѣсколькихъ либеральныхъ дѣятелей тверского земства.

Внѣшнимъ поводомъ къ окончательной отдачѣ тверского земства «на потокъ и разграбленіе» слугамъ г. Плеве послужило, повидимому, сопротивленіе, оказанное губернскимъ земствомъ «упразднительнымъ» затѣямъ не безъ помощи администраціи подобраннаго въ реакціонномъ составѣ тверского уѣзднаго собранія, «раскассировавшаго» и свѣтскую школу, и земскую агрономію, и всѣ, вообще, сколько нибудь культурныя начинанія земства. Но, независимо отъ этого внѣшняго повода, расправа съ тверскими земцами объясняется, въ конечномъ счетѣ, той славой «крамольнаго» либеральнаго гнѣзда, которая установилась за тверскимъ земствомъ въ рядѣ лѣтъ. Ударъ тверскому земству направленъ противъ всего земскаго либерализма.

Тверское губернское земство отдано въ полное распоряженіе губернатора, который получаетъ право замѣнять выборную управу управой по назначенію, высылать изъ губерніи лицъ, которыхъ дѣятельность «вредно» отражается на земскомъ дѣлѣ, увольнять служащихъ и пр., и пр. Тому же Мамаеву нашествію подвергнуто и уѣздное новоторжское земство—наиболѣе радикальное изъ тверскихъ. Въ мотивировкѣ къ новымъ «скорпіонамъ» говорится о крамолѣ революціонной, свившей гнѣздо подъ покровительствомъ крамольниковъ либеральныхъ, о пропагандѣ народныхъ учителей среди крестьянъ и т. п.

Новый набѣгъ, произведенный на тверское земство, представляетъ собой новое испытаніе политической зрѣлости нашего земскаго либерализма. Перенося безропотно расправы съ воронежскими и суджанскими земцами, отважится ли онъ на сколько-нибудь мужественный повсемѣстный протестъ противъ разгрома, которому подверглись его тверскіе представители? Мы не знаемъ этого, какъ не знаемъ того, какое вліяніе окажетъ этотъ разгромъ на только что начавшійся снова,—и начавшійся по взаимному соглашенію, какъ утверждаетъ «Освобожденіе»,—либеральный походъ губернскихъ собраній. Одно лишь можно сказать навѣрное: земцы потеряютъ прекрасный случай отплатить бюрократіи за реакціонныя вакханаліи послѣднихъ лѣтъ, если не воспользуются затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ она теперь находится, наканунѣ войны, если не встанутъ со всей энергіей на защиту своихъ, и безъ того уже почти къ нулю сведенныхъ, «вольностей».

Опираясь на реакціонные слои земельнаго дворянства, правитель-

ства во всѣхъ современныхъ актахъ репрессіи по адресу органовъ самоуправленія преслѣдуетъ, между прочимъ, одну опредѣленную цѣль: разорвать насильственно ту политическую связь между имущими классами и демократіей, которая являлась постояннымъ источникомъ «радикализаціи» земства и которую реакціонеры не перестаютъ обличать, какъ политическое зло первостепенной важности, со времени извѣстной рѣчи самарскаго вице-губернатора о «третьемъ элементѣ».

Если бы правительству удалось «выкурить» третій элементъ изъ земства, если бы, цѣной разрушенія всей произведенной этимъ элементомъ культурной работы, ему удалось политически «обездушить» современное земство до той степени, чтобы оно превратилось въ представительство реакціонно-аграрныхъ интересовъ, оно, несомнѣнно, ослабило бы въ высшей степени организованную силу оппозиціонно-настроенныхъ имущихъ классовъ; но столь же несомнѣнно оне проложило бы дорогу *иного рода* концентраціи враждебныхъ его существованію соціальныхъ силъ, «концентраціи подъ знаменемъ болѣе радикальной и болѣе демократической программы, чѣмъ какою можетъ быть программа движенія, въ центрѣ котораго стоитъ организованное—съ сильно выраженнымъ сословнымъ началомъ—цензовое представительство. Разорвать политическую связь «третьяго элемента» съ буржуазнымъ либерализмомъ, значитъ, конечно, ослабить политическую силу организованной въ земствахъ либеральной партіи. Но это значитъ въ то же время усилить «тягу» третьяго элемента—демократической интелегенціи—къ активнымъ народнымъ низамъ, это значитъ—содѣйствовать освобожденію ея отъ умѣряющаго вліянія либеральной буржуазіи.

Недаромъ г. Струве въ свое время (въ предисловіи къ «Запискѣ» Витте) съ своей точки зрѣнія умѣреннаго либерала предостерегаетъ самодержавіе отъ разрушенія того моста между элементами «порядка» и элементами революціи, какимъ можетъ явиться въ критическій часъ организованное представительство имущихъ классовъ. Направленная слѣпымъ инстинктомъ самосохраненія, разрушительная политика абсолютизма несомнѣнно способствуетъ перемѣщенію *влѣво* политическаго центра системы оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ. И абсолютизмъ убѣдится въ томъ, когда въ революціонный моментъ будетъ тщетно искать окрестъ себя, кому бы отдать «полцарства за коня».

Взрощенная въ нѣдрахъ земской организаціи, интеллигентная демократія начинаетъ оперяться на аренѣ самостоятельнаго политическаго дѣйствія, и, выступая на ней, она подхватываетъ крайніе лозунги, выдвинутые земскимъ либерализмомъ, чтобы усложнить ихъ

болѣе демократическими, болѣе активно-*политическими* лозунгами, данными революціонной борьбой *пролетаріата.*

Интеллигентная демократія уже не ограничивается въ своей борьбѣ сферой вопросовъ, въ которыхъ замыкался связанный съ опредѣленными классами населенія земскій либерализмъ; свои desideria она заимствуетъ уже не изъ одной лишь области сословнаго и бюрократическаго гнета, подъ тяжестью котораго изнываетъ крестьянство. Она прямо подходитъ къ вопросамъ, выдвинутымъ подъемомъ городской рабочей массы, и изъ классовой борьбы пролетаріата черпаетъ матерьялъ для *своего* политическаго протеста противъ современнаго режима.

Это весьма интересный и знаменательный процессъ политической концентраціи разночинной демократической интеллигенціи около рабочаго движенія. Начавшись идеологическимъ движеніемъ въ формѣ «легальнаго марксизма» лѣтъ десять назадъ, которому сопутствовало сближеніе съ пролетаріатомъ на почвѣ удовлетворенія его культурныхъ запросовъ (воскресныя и вечернія школы и т. п.),—въ послѣдніе годы, съ обостреніемъ политической борьбы пролетаріата, онъ принимаетъ формы открытаго *политическаго сотрудничества* двухъ различныхъ соціальныхъ силъ въ борьбѣ съ общимъ политическимъ врагомъ. И если передовое студенчество въ своей демократически-настроенной массѣ, при самомъ началѣ новыхъ «безпорядковъ», приглашаетъ на свои сходки городскихъ пролетаріевъ, чтобы совмѣстно съ ними вырѣшить вопросъ о формѣ политическаго протеста, то болѣе «солидные» круги демократіи находятъ другіе методы сближенія съ рабочими. Вокругъ «рабочихъ процессовъ», процессовъ о стачкахъ, демонстраціяхъ и всяческихъ «безпорядкахъ», организуется цвѣтъ молодой адвокатуры—такъ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ во Франціи около политическихъ процессовъ коммунистически-революціонныхъ обществъ формировались кадры будущихъ депутатовъ, журналистовъ и иныхъ вождей буржуазной демократіи. А за этими юристами-демократами уже начинаютъ втягиваться въ ту же работу по защитѣ «преступныхъ» пролетаріевъ признанныя свѣтила юриспруденціи, далекіе отъ всякаго радикализма «умѣренные отцы» адвокатуры. За молодой демократіей долженъ будетъ пойти солидный буржуазный либерализмъ.

Фабрика съ вызываемыми ею новыми культурными запросами, паровая машина съ порождаемыми ею революціонными проявленіями классовой борьбы—вотъ тѣ новые факторы, которые формируютъ политически нашу демократію. Пока она, по преимуществу, организовы-

валась на почвѣ «содѣйствія» многочисленнымъ нуждамъ вѣчно голоднаго и всегда пассивнаго крестьянства, она могла лишь служить вспомогательнымъ отрядомъ помѣщичьему либерализму и въ значительно большей степени проводила *его* программу, чѣмъ диктовала ему *свою*. Примыкая, по-своему, къ соціальной борьбѣ пролетаріата, она получаетъ возможность проявить свою собственную политическую физіономію.

Упомянутый въ началѣ статьи Съѣздъ дѣятелей по техническому образованію явился крупной демонстраціей этой новой политической силы. Уже самое количество участниковъ—двѣ съ лишнимъ тысячи—показываетъ, какой политической силой можетъ стать эта разбросанная по градамъ и весямъ, проникающая во всѣ общественныя учрежденія, соціальная группа. А общее направленіе работъ и рѣшеній съѣзда свидѣтельствуетъ о томъ, какой политическій прогрессъ отмѣчаетъ собою развитіе этой группы за послѣдніе годы. Либерально-культурническіе элементы явно пасуютъ передъ радикально-демократическими. Рядомъ со старыми паролями общекультурной и либеральной борьбы съ бюрократіей, клерикализмомъ и сословностью, громко раздаются новые мотивы—отзвукъ выдвинутыхъ пролетарской борьбой радикальныхъ политическихъ и экономическихъ требованій.

Восьмичасовой рабочій день и свобода союзовъ — эти два требованія впервые раздались на русскомъ *легальномъ* съѣздѣ. И, вмѣстѣ съ этой данью растущему вліянію русскаго рабочаго движенія, легальные демократы отдали извѣстную дань и порожденной этимъ движеніемъ потребности радикальнѣе формулировать и полнѣе развить традиціонныя общекультурныя и обще-прогрессивныя требованія о свѣтской и свободной школѣ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, о свободѣ печати, объ уравненіи евреевъ въ правахъ... Какъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ «легальной борьбы», слѣдуетъ отмѣтить и особенно привѣтствовать рѣшеніе — замѣнить традиціонныя «ходатайства» передъ правительствомъ пропагандой принятыхъ постановленій въ обществѣ. Этому примѣру послѣдовалъ и Пироговскій врачебный съѣздъ, явившійся, по своему политическому содержанію, отголоскомъ съѣзда «техническаго».

Правительство, разумѣется, не могло долго выносить такого «безпорядка» и оба съѣзда должны были умереть насильственной смертью, причемъ находчивая столичная полиція примѣнила даже новые методы безкровной расправы съ «общественнымъ мнѣніемъ».

Мы, разумѣется, должны привѣтствовать проявившееся съ особенной силой на «техническомъ» съѣздѣ стремленіе очень широкихъ и

разнородныхъ круговъ интеллигентной демократіи внести въ свой коллективный протестъ такія соціально-политическія требованія, въ осуществленіи которыхъ спеціально заинтересованъ русскій пролетаріатъ. Внесеніе такихъ требованій въ программу русскихъ демократовъ подсказывается простымъ правильно понятымъ политическимъ разсчетомъ. Разумѣется также, что, привѣтствуя такую эволюцію демократіи, мы не отказываемся отъ своего права и своей обязанности подвергать тщательной и строгой, хотя и далекой отъ мелочности, критикѣ каждый шагъ, дѣлаемый ими въ новомъ направленіи, поскольку въ такихъ шагахъ, наряду съ стремленіемъ идти впередъ, будетъ болѣе или менѣе сказываться свойственная буржуазной демократіи непослѣдовательность и половинчатость въ постановкѣ чисто-демократическихъ требованій, какими бы психологическими факторами ни объяснялась эта половинчатость. Поэтому мы не преминемъ указать дѣятелямъ съѣзда, что, взявшись протестовать противъ позорящаго Россію режима безправія евреевъ, они не должны были останавливаться на полпути и, требуя (замѣтьте, не ходатайствуя передъ правительствомъ!) передъ лицомъ общества равноправія для евреевъ, кончившихъ курсъ учебныхъ заведеній, закрывать глаза на гораздо болѣе тяжкое безправіе еврейской бѣдноты. Мы не преминемъ указать имъ, что требованіе свободы печати и союзовъ, требованіе свободы совѣсти, свѣтской школы и отмѣны сословности представляетъ собой, по своему объективному значенію, отрицаніе самодержавнаго режима и что въ этомъ отрицаніи останавливаться на полдорогѣ, не говоря прямо и ясно: *созывъ учредительнаго собранія и выработка конституціи*, — значитъ ослаблять агитаціонно-просвѣтительный характеръ резолюцій, весь смыслъ которыхъ — когда авторы ихъ сами отказались отъ надежды воздѣйствовать на правителей — именно во вліяніи на общественное мнѣніе [1]). Мы укажемъ также, что, выбирая для яркой и внушительной демонстраціи противъ современныхъ порядковъ гг. Степанова и Пронина, участники съѣзда могли бы для демонстраціи своихъ положительныхъ прогрессивныхъ взглядовъ выбрать предметомъ сочувственной оваціи политическаго дѣятеля съ нѣсколько менѣе сомнительной репутаціей либерализма, чѣмъ какою обладаетъ третьягоднишній радикалъ, вчерашній вице-министръ, принимавшій участіе во всѣхъ реакціонныхъ оргіяхъ эры Сипягина, и

[1]) Нечего говорить, что изловчившіеся въ своей работѣ легальные дѣятели всегда сумѣютъ «прицѣпить» такое крайнее требованіе къ тѣмъ вопросамъ, которыми занимался съѣздъ.

сегодняшній фрондеръ—потому, что впалъ въ немилость — г. В. И. Ковалевскій.

Мы не замедлимъ, наконецъ, отмѣтить и особенно подчеркнуть это характерное ограниченіе требованія «свободы союзовъ» свободою союзовъ «экономическихъ» (потребительныхъ и профессіональныхъ), съ игнорированіемъ союзовъ политическихъ — тѣхъ союзовъ, которые *всего нужнѣе* рабочему классу. Мы отмѣтимъ это ограниченіе, чтобы указать пролетаріату, что представители демократіи не способны, съ своей точки зрѣнія, оцѣнить значеніе самостоятельной политической дѣятельности рабочаго класса, и что самъ пролетаріатъ долженъ позаботиться объ агитаціи въ пользу свободы *этой* его дѣятельности. И мы докажемъ демократамъ, что сознательный пролетаріатъ не желаетъ довольствоваться правомъ экономической дѣятельности, не желаетъ отдать дѣла политическаго прогресса въ монопольное вѣдѣніе «образованнаго общества». Мы докажемъ имъ, что сознательный пролетаріатъ не намѣренъ за чечевичную похлебку экономическихъ и культурныхъ реформъ продавать право политическаго первородства, имъ пріобрѣтеннаго въ качествѣ перваго, главнаго и наиболѣе умѣлаго могильщика стараго порядка. И мы скажемъ радикальной буржуазной демократіи: мы пойдемъ рука объ руку съ вами только въ томъ случаѣ, если вы безъ недомолвокъ и безъ оговорокъ подпишете выдвинутыя нами основныя политическіе требованія.

Какъ, однако, скажемъ мы демократіи все это, диктуемое намъ нашей программой и принципами нашей тактики?

Неужели мы ограничимся тѣмъ, что къ моменту того или иного выступленія демократовъ, подобнаго тому, какое имѣло мѣсто на техническомъ съѣздѣ, мы пошлемъ имъ прокламацію отъ нашего комитета и заявимъ въ ней о своемъ, соціалдемократическомъ, отношеніи къ выставляемымъ демократіей лозунгамъ, къ примѣняемымъ ею методамъ? Неужели мы удовлетворимся только такой демонстраціей *во имя* пролетаріата? Не слишкомъ ли мало будетъ этого для того, чтобы оказать замѣтное воздѣйствіе на соотношеніе общественныхъ силъ, опредѣляющихъ политическое направленіе пути, которымъ идетъ наша родина?

Этотъ вопросъ вполнѣ умѣстно поставить въ наше время, когда пониманіе сложныхъ практическихъ задачъ нашей объединенной партіи упрощается порою самымъ непростительнымъ образомъ. Слишкомъ часто въ представленіи товарищей вся наша агитаціонная работа сводится къ интенсивному выпуску прокламацій, къ широкому распространенію произведеній печати.

Если бы намъ удалось сколько-нибудь хорошо приспособить свою организацію къ *этой* цѣли, то мы—при прочихъ равныхъ условіяхъ—были бы, вѣроятно, способны время отъ времени организовать политическія демонстраціи того типа, который установился практикой послѣднихъ лѣтъ, т. е. могли бы время отъ времени выводить для протеста противъ самодержавія въ его наиболѣе основныхъ и наиболѣе всеобщихъ проявленіяхъ болѣе или менѣе густыя толпы проснувшихся къ политической жизни рабочихъ.

Эту ли задачу должны мы преслѣдовать въ своей агитаціи? Такимъ ли путемъ мы, «подготовляя революцію» подготовленіемъ рабочаго класса къ ней, выполнимъ свою обязанность политическаго воспитанія пролетаріата, какъ самостоятельной и всегда готовой къ борьбѣ за эту самостоятельность политической силы? Нетрудно видѣть, что, выполняя *такую* работу, мы еще не выходимъ изъ рамокъ того, что на нашемъ мѣстѣ выполняла бы революціонно-демократическая партія, имѣющая извѣстное соприкосновеніе съ массой городского пролетаріата.

Но вѣдь мы, выполняя эту работу, «наполняемъ ее классовымъ содержаніемъ», поскольку въ этихъ самыхъ листкахъ разоблачаемъ буржуазную ограниченность и либеральную половинчатость политическихъ дѣйствій другихъ классовъ, поскольку связываемъ свою агитацію по данному вопросу съ основами нашей программы?

Все это, скажемъ мы, очень нужно, хотя, къ сожалѣнію, далеко не всегда, и далеко не всегда умѣло, выполняется при нашей агитаціи, но всегда этого недостаточно для удовлетворительнаго рѣшенія стоящихъ передъ нами практическихъ задачъ.

Революціонное классовое воспитаніе пролетаріата не достигается однимъ только воздѣйствіемъ печатнаго и устнаго слова; а участіе болѣе и менѣе широкихъ слоевъ пролетаріата въ общеполитическихъ, общенародныхъ манифестаціяхъ противъ основъ существующаго режима *само по себѣ* даетъ имъ только самое элементарное политическое воспитаніе, подобно тому, какъ участіе ихъ въ организованныхъ стачкахъ само по себѣ вырабатываетъ только *зачатки* классового самосознанія.

Необходимо живое, активное участіе самого пролетаріата, въ лицѣ хотя бы непосредственно руководимой нашей партіей его сознательной части, во всѣхъ актахъ политической и общественной жизни. Необходимо, чтобы соціалдемократія выступала не только *во имя*, но и *во главѣ* пролетаріата; необходимо, чтобы въ ея выступленіяхъ пролетаріатъ не только «стоялъ» за нею, но и *шелъ* за нею.

Маленькій, мимеографомъ отпечатанный листокъ петербургскаго

комитета нашей партіи, обращенный «къ членамъ съѣзда дѣятелей по техническому образованію», является хорошимъ свидѣтельствомъ того, какой характеръ принимаетъ на практикѣ наше «участіе въ политической жизни» Россіи. Въ событіи, въ которомъ активно участвуютъ *тысячи* рядовыхъ буржуазной демократіи, демократія пролетарская фигурируетъ въ лицѣ одной лишь своей руководящей группы, и возможно, что этотъ актъ «хожденія партіи пролетаріата во всѣ классы» совершился при полномъ даже невѣдѣніи сознательныхъ и способныхъ къ политической активности слоевъ пролетаріата о томъ, что его представителями совершенъ «по Искрѣ» этотъ актъ...

Мы не думаемъ, чтобы большинство дѣйствующихъ въ Россіи товарищей надѣялось этой, поистинѣ, «отпиской» отъ настоящаго дѣла замѣнить самое дѣло, необходимость котораго теперь признана всѣми; но мы знаемъ, что дальше такой отписки, въ большинствѣ случаевъ, дѣло не идетъ. И мы думаемъ, что наши разговоры о лучшей формѣ организаціи партійнаго дѣла рискуютъ оказаться праздными разговорами, если по главнѣйшимъ функціямъ этого дѣла мы будемъ отписываться листкомъ печатной бумаги.

Передовые, пробужденные нами къ политической мысли, слои рабочаго класса должны активно участвовать въ каждомъ крупномъ актѣ общественной жизни, достойномъ привлечь ихъ вниманіе. Они— а не только ихъ сидящіе въ комитетахъ руководители—должны «разговаривать» съ тѣми или другими организованными группами другихъ соціальныхъ классовъ; они—эти передовые слои пролетаріата—должны— открытой ли демонстраціей, принятіемъ ли на тайныхъ собраніяхъ резолюцій—пытаться оказать *политическое давленіе* на ту или другую общественную группу, столкнувшуюся съ самодержавіемъ, для того ли, чтобы побудить ее къ болѣе энергичному отстаиванію прогрессивныхъ требованій или для того, чтобы толкнуть ее на путь болѣе радикальнаго, болѣе демократическаго протеста. Только сталкиваясь *на практикѣ* съ различными общественными группами, только практически и непосредственно «сотрудничая» съ ними въ дѣлѣ отстаиванія общихъ интересовъ противъ общаго врага, передовые— все болѣе широкіе—слои пролетаріата научатся понимать то реальное отношеніе общественныхъ силъ, которымъ должна опредѣляться тактика ихъ собственной партіи, научатся отличать своихъ возможныхъ союзниковъ отъ своихъ ложныхъ друзей, начнутъ воспитывать въ себѣ и во все болѣе и болѣе широкихъ массахъ своего класса конкретное представленіе о *своей классовой политикѣ*, отличной отъ политики всѣхъ остальныхъ, борящихся рядомъ съ пролетаріатомъ,

общественныхъ группъ. Только путемъ такого живого участія пролетаріата въ общественной жизни можетъ выработаться у насъ дѣйствительно рабочая партія, достойная этого имени. И только содѣйствуя каждымъ актомъ своей повседневной работы образованію этой партіи, наши организаціи выполнятъ на дѣлѣ задачи, диктуемыя намъ нашей программой.

Ограниченный политическій кругозоръ буржуазной демократіи диктуетъ ей такую «формулу прогресса» для рабочаго движенія: рабочіе организуются въ «экономическіе» союзы, ведутъ при ихъ посредствѣ экономическую борьбу и представляютъ демократамъ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ активное участіе въ политической жизни. Соціалдемократія отвергаетъ такое отстраненіе пролетаріата отъ активнаго участія въ выработкѣ высшихъ формъ политической жизни. Русская соц.-дем. интеллигенція отвергла предлагавшуюся ей программу—«содѣйствія экономической борьбѣ рабочихъ и участія въ политической борьбѣ общества»,—т. е. политическаго растворенія въ либерально-демократическомъ «обществѣ». Русская соціалдемократія написала на своемъ знамени—*выработку самостоятельной политической рабочей партіи, ведущей самостоятельную классовую политику*. Но до сихъ поръ и въ дѣлѣ выработки рабочей партіи, и, тѣмъ паче, въ дѣлѣ проведенія послѣдовательной классовой политики, мы сдѣлали очень мало, и—что хуже всего—мы какъ будто перестаемъ замѣчать, какъ мало мы сдѣлали. А, между тѣмъ, еслибы дѣло выработки самостоятельной рабочей партіи не пошло у насъ дальше «распущенія» всѣхъ «демократически» устроенныхъ рабочихъ организацій и превращенія комитетовъ въ «агентуру» центральнаго комитетя, если бы дѣло веденія классовой пролетарской политики ограничилось бы полемикой между Женевой и Штутгартомъ, да прокламаціонной «отпиской» нашихъ комитетовъ въ «вѣдомства либеральныхъ и демократическихъ дѣйствій», то, нѣтъ сомнѣнія, что мы бы *на дѣлѣ* недалеко ушли отъ той самой перспективы, которою манили насъ авторы Credo, которую мы отвергли *въ идеѣ*. Ибо мы—соціалдемократическая интеллигенція—участвовали бы, какъ крайняя лѣвая, въ политической работѣ демократіи, въ то время, какъ пролетаріатъ время отъ времени поддерживалъ бы насъ—а, вмѣстѣ съ нами, и демократію—внушительными нападеніями на твердыни деспотизма... Намъ нужно, настоятельно нужно развить до самыхъ широкихъ предѣловъ общепартійное и мѣстное издательство агитаціонной литературы, намъ нужно этой литературой реагировать на всякое серьезное явленіе общественной жизни. Но никогда это *средство*, при-

мѣняемое нами для достиженія опредѣленной *цѣли*, не можетъ *замѣнить* собою самой цѣли, которою должно быть—систематическое *самовоспитаніе пролетаріата* путемъ участія въ политической жизни государства.

Соціалдемократическая политика рабочаго класса не тождественна съ политическимъ движеніемъ пролетаріата, руководимымъ людьми съ соціалдемократическими убѣжденіями. Запомнить это необходимо всякому, кто хочетъ на дѣлѣ выполнить долгъ идеолога пролетаріата. Никогда не забывать этого—значитъ потерять совершенно не идущую къ соціалдемократу счастливую способность—способность изъ-за формы проглядѣть содержаніе, изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса, изъ-за вопроса о «централизаціи вокругъ пустого мѣста» проглядѣть серьезный вопросъ объ организаціи стихійной пролетарской борьбы въ *сознательную политическую борьбу пролетаріата*.

Л. Мартовъ.

Мудрыя птицы.

(15 марта 1904 г. № 62).

«Ужъ сколько разъ твердили міру, что лесть гнусна, вредна»—и однако и до сихъ поръ, и теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, либеральныя вороны не могутъ не выронить своего крошечнаго кусочка либеральнаго сыра, лишь только лисицы реакціи начнутъ хоть чуть-чуть похваливать ихъ носикъ, перышки и, въ особенности, голосокъ. Правда, вороны бываютъ разной степени добродѣтели. Иныя оказываются не въ силахъ устоять при первомъ же взметѣ игривыхъ лисьихъ глазокъ, другія—дѣлаютъ отчаянныя усилія въ борьбѣ со своимъ податливымъ сердцемъ. Но какъ бы то ни было, сердце не камень, и нѣтъ такой вороны, которая устояла бы до конца противъ всѣхъ нѣжныхъ приступовъ лисы и рано или поздно не каркнула бы «во все воронье горло».

Эта истина настолько старая и настолько очевидная для всякаго,

хоть сколько-нибудь знакомаго съ исторіей развитія либеральнаго вороньяго рода со времени героической эпохи его—великой французской революціи,—что не надо было обладать даромъ пророчества, чтобы предсказать, что и нашъ русскій либерализмъ не преминетъ «каркнуть» именно въ ту минуту, когда его гражданскія доблести будутъ призваны совершить, наконецъ, свои великіе подвиги во славу народнаго «освобожденія».

И если въ ту достопамятную эпоху, когда отчаянные удары борцовъ Народной Воли поколебали старый режимъ и подали надежду на возможность превращенія конституціонныхъ «мечтаній» въ конституціонное дѣло, политическая добродѣтель либераловъ не устояла передъ ухаживаніями «диктатуры сердца» и позволила имъ совершенно явственно «каркнуть» о своей полной готовности искоренять крамолу и крамольниковъ въ дружественномъ сотрудничествѣ съ «ненавистнымъ» режимомъ, то нѣтъ, конечно, никакой причины изумляться, что теперь, когда война, обостривъ переживаемый страною внутренній политическій кризисъ, потребовала отъ всѣхъ участниковъ политической жизни рѣшительнаго отвѣта на выдвинутые ею вопросы, отвѣта не только словомъ, но и дѣломъ,—нѣтъ причины изумляться, что и теперь либеральная ворона не обнаружила той непреклонности сердца, которая не дарована ей историческими судьбами и что, разинувъ свое «горло», она не могла запѣть иначе, какъ... по-вороньи. Если что и изумительно, то только та чрезмѣрная, можно сказать, податливость, которую обнаружила въ данномъ случаѣ почтенная птица. Можно быть увѣреннымъ, что даже крыловская ворона нашла бы такую степень сердечной слабости нѣсколько шокирующею.

Нѣтъ сомнѣнія, что, если когда либо либеральные «отцы» имѣли случай показать непочтительнымъ революціоннымъ «дѣтямъ» образецъ мужественной «мирной» борьбы за свободу, то именно теперь. Задыхающееся въ тискахъ его же политикой вызванныхъ несчастій, правительство безпомощно размахиваетъ руками во всѣ стороны, ища хоть какой нибудь опоры. Вчера еще казацкими нагайками разгонявшее народныя «скопища», оно сегодня само зоветъ манифестантовъ на улицу, пытаясь опереться на ту самую «толпу», которая до сихъ поръ не упоминалась правительственными устами иначе, какъ съ прибавленіемъ эпитета «безчинствующая» и съ перечисленіемъ убитыхъ, раненыхъ, арестованныхъ. Устами своихъ продажныхъ газетъ оно начинаетъ восхвалять ту самую «европейскую культуру», которая до сихъ поръ только едва терпѣлась на задворкахъ россійской самобытности и состояла подъ усиленнымъ надзоромъ: оно пытается рядиться въ плащъ

борца за «цивилизацію» «гнилого» Запада противъ «азіатскаго варварства». А давно ли съ цинизмомъ, почти граціознымъ, лейбъ-газетчикъ, князь Ухтомскій, провозглашалъ, что «мы—азіаты»? Нынѣ же, даже спеціальный органъ политическаго сыска, «Московскія Вѣдомости» торжественно возвѣщаютъ всему міру, что «можно имѣть разныя политическія программы и идеалы... Можно... принадлежать къ разнымъ политическимъ партіямъ, потому что формы правленія въ мірѣ разнообразны». Эти истины, неслыханныя въ устахъ ищейки, даже къ безобиднымъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» пристававшей съ упорнымъ вопросомъ: «како вѣруешь?» свидѣтельствуютъ о совершенно исключительномъ нервномъ разстройствѣ правящей клики. Еще большимъ свидѣтельствомъ служатъ игривыя мелодіи «Новаго Времени» и другихъ рептилій на тему о грядущемъ внутреннемъ «обновленіи», о благодѣтельномъ вліяніи войны на ходъ «реформъ». Цѣлыя передовицы посвящены даже доказательствамъ того, что не нужно вовсе превращенія Портъ-Артура въ новый Севастополь для водворенія въ Россіи конституціонной «весны», что «весна» и такъ будетъ, непремѣнно будетъ. Все это должно было и самымъ недогадливымъ внушить мысль, что недаромъ бюрократическая лиса, сдерживая свои плотоядные инстинкты, занимается замысловатыми комплиментами.

Словомъ, «либералы» понадобились», а г—ну Струве пылкая фантазія рисовала даже, что они уже «призваны» и—съ разрѣшенія начальства, конечно—«говорятъ монарху смѣлое и честное слово». Увы! Фантазіи не суждено было воплотиться въ дѣйствительность. Если «улица», хоть и подобранная спеціалистами по части сыска и вѣрноподданности, оказалась слишкомъ близкой, физически близкой къ той заправской, трудящейся «улицѣ», которая по части благонамѣренности состоитъ въ великомъ подозрѣніи, слишкомъ близкой, чтобы опасность заигрываній съ нею сейчасъ же не дала себя знать самымъ чувствительнымъ образомъ, то ворона оказалась только вороной и ничѣмъ больше. По обыкновенію, въ тотъ самый моментъ, когда могучая волна историческихъ событій сразу вознесла русскую политическую жизнь на необычайную высоту, обострила и выдвинула въ самой рѣзкой формѣ коренной русскій вопросъ о борьбѣ съ абсолютизмомъ, въ тотъ самый моментъ, когда можно и нужно было сказать, наконецъ, свое «смѣлое и честное слово» и сказать не въ потайныхъ аппартаментахъ дворца, а всенародно, въ этотъ самый моментъ либералы даже самой высокой марки не нашли ничего лучшаго, какъ шмыгнуть въ подворотню. Мало того. Они не нашли въ себѣ даже настолько гражданскаго «мужества», чтобы молчать. Они заго-

ворили. И языкъ ихъ былъ языкъ рабовъ. Предательство, измѣна дѣлу свободы, той самой свободы, на алтарѣ которой вицмундирные герои либерализма приносили торжественныя аннибаловы клятвы, началось по всей линіи и достигло такихъ размѣровъ, передъ которыми не устоялъ даже штудтгартскій рыцарь безъ страха и упрека. «Да здравствуетъ армія!»,—каркнула мужественная ворона и на крайній случай оставила себѣ про запасъ «простое и выразительное—долой фонъ-Плеве!» Это каркнуто дѣйствительно «въ мѣру» вороньяго мужества и доблести, и «попадаетъ» въ завѣтную «цѣль»—«совѣщаній» съ этимъ самымъ «фонъ-Плеве» «о государственныхъ дѣлахъ» и «смѣлыхъ словъ» въ Зимнемъ дворцѣ. И поистинѣ не вполнѣ понятна та «скорбь и обида», которую г. Струве сначала хотѣлъ «молча перестрадать», а затѣмъ излить публично, и все по той только причинѣ, что его «учителя», г. г. Стасюлевичъ и Арсеньевъ—перевели его нерѣшительное карканье—«да здравствуетъ армія» на «простое и выразительное» и къ тому же «вполнѣ вразумительное»—«да здравствуетъ самодержавіе». Либеральный кусочекъ сыра одинаково вываливается изо рта и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и если для г.г. Стасюлевича и Арсеньева подношеніе рабьяго адреса и составляло конечную «мѣру» ихъ гражданскаго мужества, то вѣдь вопросъ о «мѣрѣ» есть вопросъ частный, второстепенный, о которомъ можно спорить. Къ тому же «учителя» г. Струве—вороны старыя и умудренныя опытомъ, и не безъ основанія могутъ полагать, что, выступивъ на путь податливости, и ихъ непреклонный «ученикъ» современемъ начнетъ говорить «вполнѣ вразумительно» и нѣсколько измѣнитъ свою «мѣру» вещей. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ могутъ они это полагать, что уже и теперь, при всей глубинѣ своей «скорби», г. Струве спѣшитъ заявить, что ихъ поступокъ «конечно, не измѣна убѣжденіямъ». Въ этомъ драгоцѣнномъ признаніи заключается дѣйствительная «мѣра» вороньихъ «убѣжденій», ни къ чему, кромѣ «словъ», не обязывающихъ; словъ, хотя бы ужъ не «честныхъ и смѣлыхъ», ибо, конечно, поднесенный г.г. Стасюлевичемъ и Арсеньевымъ адресъ петербургскаго земства врядъ-ли кто-нибудь въ мірѣ сможетъ признать «смѣлымъ», а тѣмъ паче «честнымъ». Г—ну Струве—«нельзя молчать». Нѣтъ, ему необходимо заговорить и указать «патріотическому чувству» г.г. Стасюлевичей и Арсеньевыхъ ту подворотню, въ которой оно можетъ какъ нибудь прикрыть свой позоръ отъ «простого» народа и не вызывать слишкомъ ужъ скандальныхъ для столповъ либерализма похвалъ «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ рекомендуетъ имъ «кормить и грѣть зябнущихъ, лечить больныхъ и раненыхъ».

Указывая эту лазейку, участвуя въ «сокрытіи слѣдовъ преступленія» либеральныхъ воронъ передъ народомъ, не является ли г. Струве косвеннымъ участникомъ самого преступленія, и далеко ли отъ этого укрывательства до прямого пособничества? А тогда не окажется ли правъ г. Арсеньевъ, «на внутреннихъ обозрѣніяхъ» котораго г. Струве «получилъ свое политическое образованіе!»

Еще большія надежды въ этомъ отношеніи подаетъ г. «Земскій гласный Т.», тотъ самый «непреклонный» воитель либерализма, который и сапогъ не успѣлъ еще износить съ тѣхъ поръ, какъ кричалъ, что «не останавливаясь передъ жертвами, мы должны энергичнымъ протестомъ показать... мы должны засвидѣтельствовать свою солидарность съ политическими цѣлями революціонеровъ» и пр. и пр. Г—нъ Т. тоже впалъ было въ «отчаяніе», увидѣвши, что въ «кораблѣ его надеждъ» обнаружилась такая огромная «брешь» измѣны и предательства. Но воронье сердце манило его отыскать въ этой «бреши»— «пшеницу естественнаго и здороваго національнаго чувства», и онъ нашелъ ея столько, что «плевелъ», въ сущности, почти не оказалось. Все дѣло въ томъ, что мужественные рыцари либерализма въ теченіе своей продолжительной героической борьбы все еще не удосужились «найти новыя формы» для своего «энергичнаго протеста». Только это несчастное обстоятельство и заставило ихъ «засвидѣтельствовать свою солидарность» съ революціонерами въ «шаблонной, вѣками установленной формѣ»... И съ радостью спѣшитъ г. Т. «засвидѣтельствовать» свое твердое «убѣжденіе», что «многіе изъ *колѣнопреклоненныхъ* подданныхъ были и останутся *непримиримыми* врагами самодержавія». Мигъ одинъ, и соблазнительная картина колѣнопреклоненной «непримиримости» безповоротно увлекаетъ земскаго Баяна на путь того самаго карканья, которое только что приводило его въ «отчаяніе». Онъ уже рѣшаетъ «отложить до болѣе благопріятнаго момента все, хоть сколько-нибудь спорное», въ томъ числѣ и вопросъ «о причинахъ войны» и «тему—нужна-ли Россіи Манчжурія»; онъ отказывается «оспаривать цѣлесообразность денежныхъ ассигновокъ» на войну. Онъ требуетъ лишь, чтобы либеральныя вороны «приняли на себя обязательство энергически добиваться его (народа) освобожденія *послѣ* окончанія войны». Спрашивается, если въ листкѣ г. Струве разрѣшается всѣмъ «непримиримымъ» земскимъ воронамъ пребывать «колѣнопреклоненными» до самаго окончанія войны, т. е. вплоть до того момента, когда имъ не нужно будетъ самимъ *становиться* на колѣни по той простой причинѣ, что къ тому времени лисица перестанетъ говорить комплименты и сможетъ *поставить* ихъ на колѣни, если онѣ

сами того «добровольно» не пожелаютъ,—то чѣмъ же провинились г.г. Арсеньевъ и Стасюлевичъ? Неужели только тѣмъ, что избрали для своего предательства «шаблонную форму?» «Послѣ», о, послѣ они, разумѣется, ополчатся на брань за свободу, и притомъ непремѣнно самымъ «энергичнымъ» образомъ! Только не теперь, когда они, вмѣстѣ съ г. Струве, проникнуты сознаніемъ «огромной важности обдуманнаго поведенія», вмѣстѣ съ нимъ считаютъ «воинствующіе лозунги—неумѣстными», и вмѣстѣ съ нимъ же желаютъ встать «твердой ногой» на ту «общую почву», которая создалась у нихъ, благодаря «національной бѣдѣ», съ «массой равнодушныхъ людей».

Шаблонная форма! Да; за нее не только не вправѣ сердиться г. Струве, но, пожалуй, и лучше, чтобы вороны каркали въ «формахъ», издревле для того установленныхъ. Это дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, всякое недоразумѣніе немыслимымъ и избавляетъ доорыхъ людей отъ заблужденія. Увидя «колѣнопреклоненную» ворону, конечно, только земскій гласный Т. приметъ ее за «непримиримаго врага» и возложитъ на нее свободолюбивыя надежды. Но не всегда вороны бываютъ такъ просты; вороватость—не послѣднее изъ прекрасныхъ свойствъ, присущихъ мудрой птицѣ, и нѣтъ числа тѣмъ «новымъ формамъ», въ которыя она облекаетъ свое предательское карканье. Гг. Струве и земскій гласный Т., мечущіе громы негодованія въ своихъ «учителей», показали уже намъ «какъ это дѣлается». А вотъ, если вѣрить «Гражданину», гг. либеральные земцы добиваются отсрочки губернскихъ совѣщаній по крестьянскому дѣлу, ибо «никто не рѣшится въ такое время выступать въ активной роли оппозиціи» и «представители оппозиціи предпочтутъ не являться на совѣщаніе». Если это такъ—а естественная исторія вороньяго рода заставляетъ думать, что это именно такъ,—тутъ оказывается на лицо не только предварительное учитываніе своего собственнаго вѣроломства и признаніе полнѣйшей невозможности для вороны удержаться отъ карканья, лишь только ее начнетъ раззадоривать лиса, но и одна изъ столь желанныхъ «новыхъ формъ» того же стараго предательства. Сказаться «въ нѣтяхъ», когда жизнь требуетъ къ отвѣту, значитъ предать то дѣло, которому якобы служишь. И не нужно думать, что «формы» эти вообще столь просты и однообразны. Мы присутствуемъ только при началѣ повальнаго «карканья». Идутъ другіе, болѣе бурные, болѣе боевые дни, дни революціи, которые потребуютъ рѣшительныхъ дѣйствій и подлинныхъ, а не игрушечныхъ, жертвъ. Эти дни однимъ ударомъ сметутъ всѣ водовороты, разрушатъ всѣ лазейки, сорвутъ всѣ покровы, которыми можетъ маскироваться предательство въ наше время, лишь предвѣщающее

грозный часъ подведенія политическихъ итоговъ стараго хозяйства. Тогда всѣ участники политической жизни должны будутъ, хотятъ они того или нѣтъ, сказать открыто и прямо свое слово. И тогда многія, многія изъ тѣхъ воронъ, которыя теперь еще крѣпятся въ борьбѣ со своимъ блудливымъ сердцемъ, которыя подчасъ даже и сами начинаютъ искренно любоваться своею твердостью, многія и многія изъ нихъ не выдержатъ рѣшительнаго испытанія и каркнутъ свое «да», когда народъ скажетъ «нѣтъ».

Рабочій классъ долженъ предвидѣть это и заранѣе усчитать истинную мѣру тѣхъ надеждъ и упованій, какія онъ можетъ возложить на неустрашимыхъ борцовъ либерализма и демократіи всѣхъ оттѣнковъ. Онъ долженъ знать, что вороны каркать будутъ во всякомъ случаѣ, и только отъ силы пролетаріата будетъ зависѣть не дать этому карканью погубить дѣло свободы. Война, съ вызваннымъ ею обостреніемъ постановки всѣхъ политическихъ вопросовъ, должна послужить политическому воспитанію рабочаго класса. Зорко и внимательно долженъ онъ слѣдить за всѣми изгибами политической жизни, долженъ пріучить слухъ свой различать воронье карканье и въ заглушающемъ его стройномъ аккордѣ самыхъ нѣжныхъ звуковъ. И главное, онъ долженъ съ неослабной энергіей вести свою собственную политическую кампанію, не смущаясь ни злобнымъ завываніемъ реакціонныхъ шакаловъ, ни нѣжными мелодіями либерально-демократическихъ сиренъ.

Гг. Стасюлевичъ и Арсеньевъ и всѣ, иже съ ними, своимъ «патріотическимъ» пыломъ заслужили полное одобреніе и правительства, и цѣпныхъ псовъ московскаго Страстного бульвара. Г. Струве не такъ посчастливилось, ибо онъ жеманится и каркаетъ пока лишь вполголоса, между тѣмъ какъ спросъ предъявленъ на чувства «безпредѣльныя». «Московскія Вѣдомости» жестоко обругали его, и можно себѣ представить, что г. Струве чувствуетъ себя теперь мученикомъ и великимъ воителемъ свободы. Но, пожалуй, въ душѣ его зародился ужъ и червь сомнѣнія, не слишкомъ-ли мало пшеницы «здороваго національнаго чувства» предъявилъ онъ, точно-ли «въ мѣру» каркнулъ [1]).

Но рабочій классъ, во всякомъ случаѣ, не убоится тѣхъ «острыхъ и воинственныхъ лозунговъ», которыхъ побоялись рыцари либерализма и демократіи. Пролетаріатъ не испугается лицемѣрныхъ упрековъ

---

1) Судя по № 43 „Освобожденія“, появившемуся, когда наша статья уже печаталась, предположеніе это вполнѣ оправдалось, и г. Струве имѣетъ всѣ надежды, съ дальнѣйшимъ ростомъ своихъ „національныхъ“ чувствъ, заслужить, если не похвалу, то хоть снисходительное прощеніе „патріотовъ“.

Угрюмъ-Бурчеевыхъ, упрековъ въ «измѣнѣ отечеству и народу русскому». Не испугается потому, что слишкомъ хорошо умѣетъ отличать отечество отъ терзающей его шайки хищниковъ, и слишкомъ хорошо знаетъ, что служеніе правительственной кликѣ есть худшій видъ измѣны отечеству и народу. И потому-то, во имя существованія отечества и народа, «до послѣдняго человѣка» долженъ пролетаріатъ пойти на штурмъ твердыни деспотизма, пошатнувшейся подъ ударами той войны, которую правительство хочетъ сдѣлать новымъ орудіемъ порабощенія россійскаго отечества и народа. Съ своими собственными лозунгами, подъ своимъ собственнымъ знаменемъ, знаменемъ соціалдемократіи, долженъ пойти рабочій классъ въ бой. Сквозь всѣ бури революціи долженъ онъ пронести это знамя, и въ самый день наступленія политической свободы оказаться сплоченнымъ вокругъ него. Онъ долженъ—потому что иначе политическій итогъ той революціи, которую своею кровью оплатитъ пролетаріатъ, опредѣлится . . . карканьемъ воронъ.

Ф. Данъ.

По поводу одного процесса.

(18 апрѣля 1904 г. № 64).

Когда три года тому назадъ—въ отвѣтъ на боголѣповскій приказъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты—раздался выстрѣлъ Карповича, и въ революціонныхъ кружкахъ молодежи опять, какъ и встарь, забродилъ старый призракъ террора, передъ русской соціалдемократіей всталъ тревожный вопросъ: не грозитъ ли этотъ стихійный взрывъ террористическихъ настроеній откристаллизоваться въ партійный пріемъ, не имѣетъ ли онъ всѣ шансы закрѣпить свое выраженіе въ соотвѣтствующей организаціи? Тревога соціалдемократовъ была тѣмъ болѣе законна, что преобладающе-интеллигентскій составъ авангарда движенія дѣлалъ революціонную среду нарочито воспріимчивой для террористическаго повѣтрія, воспріимчивой особенно въ тотъ моментъ про-

бужденія демократіи, когда политическое сознаніе ея, казалось, такъ быстро росло, а рабочія массы такъ медленно за нимъ поспѣвали.

Повѣтріе и на самомъ дѣлѣ захватило тогда весьма многихъ соціалдемократовъ, но, главное, отвело немаловажную струю отъ интеллигентскаго потока, безраздѣльно направлявшагося до тѣхъ поръ въ единое русло соціалдемократіи. Воздухъ, насыщенный симпатіями къ террору и отголосками студенческой борьбы, выростилъ въ сравнительно-короткое время то, что ранѣе лишь едва прозябало: меньше, чѣмъ черезъ годъ послѣ выстрѣла въ Боголѣпова, худо ли, хорошо ли, но консолидировалась «партія» «соціалистовъ-революціонеровъ», а съ небольшимъ черезъ годъ—въ прокламаціи отъ 3 апрѣля 1902 года—политическому міру уже рекомендовалась «боевая организація» этой партіи.

Правда, отъ наблюденія тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за жизнью революціонныхъ организацій, и тогда уже не ускользнули нѣкоторыя... какъ бы сказать—«странности»: съ первыхъ же шаговъ, въ первыхъ же словахъ новорожденнаго почуялось что-то неладное, какое-то противорѣчіе, не поддающееся еще точному учету, но оттого не менѣе ощутимое, противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что кажется, между показной стороной и стороной интимной дѣйствительности. Дальнѣйшія событія, точнѣе—ихъ полное почти отсутствіе, какъ нельзя лучше подтверждали первоначальныя предположенія—террористическій цвѣтокъ былъ простымъ пустоцвѣтомъ!

Но почему?—вотъ вопросъ. Почему террористическое слово такъ изъ рукъ вонъ плохо претворялось въ дѣло, и террористически настроенные слои демократической интеллигенціи оказались безсильными выдѣлить сколько нибудь дѣеспособную организацію для осуществленія поставленной цѣли?

Кое-какимъ матеріаломъ для сужденія объ этихъ и связанныхъ съ ними вопросахъ можетъ служить намъ теперь процессъ Гершуни, разбиравшійся недавно въ Петербургѣ.

Процессъ Гершуни есть процессъ «боевой организаціи» или—правильнѣе было бы сказать—процессъ «боевой организаціи» есть процессъ Гершуни. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте снять окутавшій «боевую организацію» «романтическій» флеръ, и передъ вами предстанетъ фигура одного человѣка, несомнѣнно энергичнаго, самоотверженно-преданнаго своему дѣлу и—что особенно важно—умѣющаго вліять, подчинять своей волѣ людей.

Кто стоитъ за четой Григорьевыхъ?—Гершуни, тотъ самый таинственный «Федоръ Петровичъ», который, по словамъ Дорошенка-

Бартошкина, «можетъ разъяснить всякій споръ» и «агитаціонныя бесѣды» котораго дѣйствуютъ такъ неотразимо.

Кто подготовляетъ Качура?—Гершуни. «Гершуни настолько подчинилъ его своей волѣ,—говоритъ Качуръ въ своемъ показаніи—что онъ сталъ слѣпо вѣрить, что убійство князя Оболенскаго есть заслуга передъ обществомъ»...

Кто, наконецъ, руководитъ молодымъ Балмашовымъ, вырабатывая ему планъ кампаніи?—Все тотъ же Гершуни.

Снаряжая въ походъ, онъ заботливо слѣдитъ—до послѣдняго шага—за подысканнымъ имъ же исполнителемъ, онъ входитъ въ мельчайшія детали предпріятія, вплоть до отпиливанія щекъ у револьверовъ Браунинга, онъ всюду и вездѣ—искусный ловецъ человѣковъ, инициаторъ, режиссеръ, лѣтописецъ, пиндаръ, адвокатъ «боевой организаціи». Способный, кажется, на все, передъ однимъ онъ только пасуетъ—онъ не въ силахъ замѣнить многообразіемъ таланта коллективный трудъ организаціи. Въ томъ цѣломъ, которое олицетворяетъ собой Гершуни, есть все, что хотите, есть въ лучшемъ случаѣ—бюро для пріисканія и экипировки одиночекъ террористической борьбы, но нѣтъ и самомалѣйшей тѣни планомѣрно дѣйствующей кооперации; нѣтъ того, что составляло когда-то отличительную черту Исполнительнаго Комитета Народной Воли.

Достаточно вспомнить прежніе подкопы, покушенія и вообще сложныя въ своихъ развѣтвленіяхъ предпріятія, чтобы признать, что одно дѣло работа революціонной группы въ нѣсколько десятковъ членовъ и другое—обмундированіе смѣльчака, снабженіе его деньгами, совѣтами и револьверомъ съ подходящей надписью. Для послѣдней цѣли за-глаза довольно, пожалуй, и одной энергичной личности, время отъ времени секундируемой—для отдѣльныхъ случаевъ—тѣмъ или другимъ пособникомъ.

Гершуни и пришлось взяться именно за эту, единственно возможную для него упрощенную задачу. Онъ только не понималъ фатальности такого упрощенія, не понималъ, что тѣмъ самымъ онъ сразу замыкаетъ террористическое дѣло своей, soi-disant, организаціи въ тѣ же тѣсныя рамки, о которыя обычно бьется порывъ террориста—одиночки, что тѣмъ самымъ исключена даже *возможность* развитія, возможность того наростанія сенсацій, безъ котораго терроръ—мертворожденное дѣтище. Что другое, а охранять своихъ членовъ, находящихся на важнѣйшихъ политическихъ аванпостахъ, самодержавная бюрократія умѣетъ и при малѣйшемъ намекѣ на опасность создаетъ такія условія, при которыхъ наиболѣе «заинтересованныя» лица достаточно гарантированы отъ

дѣйствій упрощеннаго террора. Недаромъ, посмотрите,—начавъ оперировать съ министровъ, «боевая организація» принуждена была затѣмъ отступить... къ губернаторамъ и—внѣ всякаго сомнѣнія—только дальнѣйшее ея небытіе спасло ее отъ печальной необходимости—поддерживать свое существованіе истребленіемъ квартальныхъ...

Это было необходимое слѣдствіе упрощенной системы.

Но зачѣмъ было упрощать?—скажутъ намъ. И не было ли это упрощеніе первороднымъ грѣхомъ Гершуни?

Нѣтъ, то была не вина, а бѣда его, бѣда всего новѣйшаго періода террора: Гершуни не имѣлъ возможности создать организаціи, потому что для *такой* организаціи не существовало,—да и не могло существовать за послѣдніе годы,—подходящаго персонала. Если въ свое время Исполнительный Комитетъ Народной Воли, вмѣстѣ со всѣмъ наслѣдьемъ предшествовавшаго періода, унаслѣдовалъ и испытанныхъ борцовъ, закаленныхъ въ жестокомъ искусѣ революціоннаго отбора, то въ совершенно иномъ положеніи находилась современная демократія, едва пробудившаяся къ политической жизни и уже охваченная террористической лихорадкой. Она застала пустившее глубокіе корни движеніе, но это движеніе—отдѣльныя колебанія, неоформленныя настроенія не въ счетъ—не обнаружило ни малѣйшаго намѣренія поступаться ради нея своимъ революціоннымъ достояніемъ. Волей-неволей пришлось демократіи вербовать адептовъ террористической практики среди того хаоса элементовъ, который былъ вызванъ къ активности водоворотомъ студенческихъ волненій, среди лицъ, еще вчера не имѣвшихъ касательства къ «нелегальной» работѣ, а сегодня волей судебъ предназначенныхъ играть отвѣтственныя роли. Неудивительно, что въ этой средѣ, лишенной преемственности и не успѣвшей создать традицій, можно было, на худой конецъ, найти храбраго юношу, готоваго схватиться за предложенный ему револьверъ и сложить свою побѣдную голову, но никоимъ образомъ нельзя было отыскать спеціалистовъ революціи, необходимыхъ кандидатовъ для *подлинной* боевой организаціи.

Конечно, случайности всегда приходится отводить извѣстное мѣсто, но нельзя *одной* злой случайностью объяснить то непомѣрно большое число предателей, которое фигурировало въ настоящемъ процессѣ. Это былъ симптомъ органическаго порока, основного неустройства современнаго террористическаго движенія; результатъ необходимости для организатора-террориста быть недостаточно строго разборчивымъ, дѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ ощупью, въ темную, въ обстановкѣ, лишенной организаціонныхъ опоръ. А лучшимъ свидѣтельствомъ того, какой нетронутой революціонной новью была вся та почва, которая питала

своими соками террористическое теченіе, можетъ служить намъ примѣръ самого Гершуни, этого несомнѣнно наиболѣе выдающагося представителя современнаго терроризма.

«Кто мы, и что насъ принесло сюда?» спрашиваетъ Гершуни на судѣ и отвѣчаетъ разсказомъ своей жизни. Онъ былъ долгое время культурнымъ работникомъ. «Мнѣ казалось,—говоритъ онъ,—что, не жертвуя своей личной жизнью, а на такъ называемой легальной почвѣ можно истинно служить народу, можно, хотя и медленно, но прочно строить совмѣстно съ нимъ зданіе его будущаго блага». И Гершуни остался бы этимъ культурнымъ работникомъ, если бы не тѣ невыносимыя условія, въ которыя поставлена въ самодержавной Россіи просвѣтительная дѣятельность. Подъ ихъ вліяніемъ онъ началъ приходить къ заключенію, «что все то, что онъ дѣлаетъ, есть не то, что долженъ дѣлать, и что единственный виновникъ этого—современный политическій строй». «И все же,—замѣчаетъ онъ,—какъ ни тягостно такое состояніе, я, какъ и многіе, тянулъ ту несчастную лямку, ограничиваясь лишь однимъ сочувствіемъ и услугами революціонному дѣлу. Не знаю, долго ли тянулось бы для меня такое положеніе при другихъ условіяхъ, но одно событіе въ 1900 году для меня, какъ и многихъ другихъ, положило конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. Я говорю о «временныхъ правилахъ», какъ чудовище Павловскихъ временъ придавившихъ Россію».

Эти слова необычайно знаменательны: не картина растущаго массоваго движенія, не отчаянная борьба приходящаго въ сознаніе пролетарія, усмиряемаго солдатскими прикладами, не тотъ основной контрастъ между богатствомъ и бѣдностью, который когда-то заставлялъ «семидесятника» «отрекаться отъ стараго міра» и «отрясать его прахъ съ своихъ ногъ», выбилъ Гершуни изъ колеи народолюбиваго просвѣтительства, а только лишь звѣрская расправа со студентами, и не мѣшай, не уродуй правительство его культурныхъ начинаній, онъ—возможно—до скончанія дней своихъ такъ и остался бы на этой излюбленной стезѣ либеральной демократіи.

Такъ думали, такъ чувствовали многіе,—прибавляетъ Гершуни. Возможно, скажемъ мы,—мы никогда не сомнѣвались въ томъ, что террористъ нашихъ дней есть лишь взбунтовавшееся чадо двуликой демократіи, которая однимъ своимъ лицомъ обращена къ народу, а другимъ—къ просвѣщеннымъ элементамъ имущаго общества.

Но, если правъ Гершуни, то что значатъ тѣ громы, читатель, которые обрушились когда-то на «Искру»—съ легкой руки «боевой организаціи»? и почему то, что является возможной,—и не только возмож-

ной, но и громогласно исповѣдуемой на судѣ—подоплекой революціонера Гершуни, вождя террористовъ, превращается въ собственную свою противоположность, въ оскорбленіе величества русской революціи, разъ рѣчь заходитъ—о студентѣ Балмашовѣ? Мудрый Эдипъ, разрѣши!...

Въ своемъ послѣднемъ «письмѣ къ товарищамъ» Гершуни говоритъ о вредѣ партійной полемики, онъ заклинаетъ не полемизировать, онъ признаетъ, что много тяжелаго пришлось за все это время пережить, благодаря тому, что жандармы начали пользоваться совершенно новымъ орудіемъ—«партійной полемикой».

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, согласиться съ Гершуни, мы думаемъ, что и здѣсь ему измѣнило его чувство дѣйствительности, какъ измѣняло ему оно не разъ, какъ измѣняетъ и въ томъ случаѣ, когда онъ хочетъ насъ увѣрить, что изъ процесса «съ очевидностью выяснилось», что «правительство готово временно примириться съ существованіемъ всѣхъ другихъ теченій, но рѣшило направить всѣ свои удары, чтобы раздавить партію соціалистовъ-революціонеровъ». Мы полагаемъ: если изъ процесса что-либо съ несомнѣнной «очевидностью» «выяснилось», такъ это—негодность, нецѣлесообразность, недопустимость пріемовъ, которые мы окрестили когда-то названіемъ «революціонной беллетристики». Это она, это фантазія «беллетриста» несетъ теперь невыносимо-тяжелую расплату, это ей на каждомъ шагу мститъ печальная изнанка террористическаго дѣла, та некрасивая проза жизни, съ которой только что смыли румяна. И если Качуръ явился чьей либо жертвой, то ужъ, конечно, прежде всего, жертвой той внутренней фальши, которая пропитала—съ головы до пятъ—такъ называемую «боевую организацію».

И плакаться приходится теперь не на полемику: рѣзкая полемика обычно только сыпь, которою разрѣшается скрытая болѣзнь, подтачивающая силы революціонной среды, но она въ то же время и единственное лекарство, могущее иногда спасти больного, или тотъ оперативный ножъ, который тѣмъ вѣрнѣе даетъ желанный результатъ, чѣмъ острѣе отточенъ.

Подымать же приходится въ настоящее время вопросъ не о томъ, имѣла ли какую-либо возможность «Искра» повѣрить на слово заявленію «боевой организаціи» и тѣмъ самымъ—признать послѣднее слово Балмашева не отвѣчающимъ истинѣ, [1]) а гораздо болѣе серьезный вопросъ: почему завелась эта фальшь въ революціонномъ организмѣ?

Было бы большою ошибкой свалить весь грѣхъ на ту или другую

¹) Балмашевъ на судѣ заявилъ, что дѣйствовалъ единолично (Ред.).

отдѣльную личность. Дѣло не въ отдѣльномъ лицѣ, хотя бы и склонномъ къ «романтизму», а въ томъ роковомъ противорѣчіи, среди котораго вращается любая заговорщическая группа, и отъ котораго только особенно круто пришлось—въ силу извѣстныхъ условій—злополучной «боевой организаціи»: это противорѣчіе между поставленными цѣлями и реальными возможностями, роковое противорѣчіе, изъ котораго—въ конспиративной, заговорщической обстановкѣ—такъ легко развиваются тенденціи провести, обмануть дѣйствительность, хотя бы вытаскивая себя изъ болота безсилія за собственные волосы.

Отъ этого противорѣчія, а значитъ, въ извѣстной мѣрѣ, и отъ этой фальши не застрахована никакая группа, никакая партія, разъ только въ ней начинаютъ развиваться элементы заговора. Только постоянное общеніе съ массой и тактика, разсчитанная вся—съ начала до конца—на это общеніе, могутъ спасти такую партію или группу отъ надвигающейся опасности.

Таковъ урокъ, преподанный процессомъ Гершуни.

Caveant consules!

Старовѣръ.

Дурная игра.

(1-го мая 1904 г., № 65).

Патріотическое безуміе, охватившее имущіе классы русскаго общества, достигло высшихъ предѣловъ. Городскія думы, вѣчно плачущія о недостаткѣ средствъ, и земскія собранія, постоянно кричащія о бѣдственномъ положеніи сельскихъ хозяевъ, съ какою-то бѣшеною щедростью жертвуютъ сотни тысячъ рублей на нужды арміи, на усиленіе флота, на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ. Харьковское земство дошло даже до такого изступленія, что ассигновало милліонъ безъ указанія опредѣленной цѣли, просто въ непосредственное распоряженіе. . . . Какъ бы позабывъ о горькихъ жалобахъ на произволъ и неспособность бюрократіи, еще недавно окрасившихъ яркимъ цвѣтомъ неблагонадежности труды уѣздныхъ комитетовъ, излюбленные

мѣстные люди наперерывъ спѣшатъ спасать эту самую бюрократію въ тотъ моментъ, когда она, очевидно, изнемогаетъ подъ бременемъ собственнаго безсилія. Либеральное знамя, только что выброшенное надъ нестройною обывательскою толпою, снова падаетъ на землю и топчется въ грязь при благосклонномъ содѣйствіи старыхъ аннибаловъ либерализма—Стасюлевича и Арсевьева. Холопскія чувства и раболѣпныя дѣйствія развиваются въ такую отвратительную панораму, что даже мудро-кроткое «Освобождение» не выдержало и вынуждено было признать, что и въ формѣ и размѣрахъ земскихъ пожертвованій «какъ будто нѣтъ чувства мѣры и политическаго такта».

Но, разумѣется, уклончивая и умѣренная либеральная газета ограничивается только стыдливыми ужимками и кивками. Между тѣмъ, поведеніе мѣстныхъ людей представляетъ настолько крупное и, въ своемъ родѣ, знаменательное явленіе русской общественности, что мы обязаны ясно и точно опредѣлить его характеръ и значеніе въ борьбѣ, которая избавитъ Россію отъ позора и несчастья абсолютизма.

Первый вопросъ, который возникаетъ при извѣстіи о каждомъ новомъ пожертвованіи и о каждомъ новомъ адресѣ, гдѣ, по выраженію Валуева, знавшаго толкъ въ этой литературѣ, отголоски Золотой орды, соединяются съ византійскою витіеватостью семинарій, это—вопросъ объ искренности и глубинѣ монархическихъ чувствъ, проявляемыхъ теперь «черноземными силами» въ такой убѣдительной формѣ, какъ денежная помощь промотавшемуся—и морально и матеріально—правительству. Вниманіе, которое сосредоточивается около этого вопроса, вполнѣ понятно. Одни хотятъ найти въ отвѣтѣ на него показатель степени политическаго развитія русскаго общества, другіе думаютъ доказать отсутствіе въ Россіи оппозиціонно настроенной буржуазіи, третьи пытаются подкрѣпить мнѣніемъ большинства свои реакціонныя вожделѣнія.

Болѣе объективное отношеніе къ вопросу, однако, не даетъ основаній ни для пессимистическихъ, ни для оптимистическихъ выводовъ. По крайней мѣрѣ, россійская соціалдемократическая партія не имѣетъ повода измѣнять ни одного изъ своихъ взглядовъ на соотношеніе общественныхъ силъ въ современной Россіи. Безъ сомнѣнія, въ патріотическихъ манифестаціяхъ есть очень и очень значительная доля искренности, но эта доля цѣликомъ исчерпывается ненавистью къ внѣшнему врагу, «посягающему на честь и безопасность родной страны». Націонализмъ и шовинизмъ, руководившіе толпами уличныхъ манифестантовъ, свойственны въ полной мѣрѣ и буржуазіи.

Либеральная чернь по существу мало отличается отъ черни въ обычномъ смыслѣ слова; и М. Стаховичъ въ національномъ вопросѣ едва ли стоитъ на высшей точкѣ зрѣнія, чѣмъ пресловутый «унтеръ» Половинкинъ, открывшій въ «Новомъ Времени» пожертвованія на усиленіе русскаго флота. Но въ вопросахъ внутренней государственной жизни, либеральная чернь отличается болѣе развитымъ сознаніемъ, чѣмъ чернь уличная. И уѣздные комитеты и вся вообще провинціальная жизнь въ послѣдніе годы показываютъ съ несомнѣнной ясностью, какъ упадокъ беззавѣтной преданности монарху, такъ и желаніе обывателя освободить свою шею отъ бюрократическаго ярма. Было бы совершенно святою наивностью думать, что тѣ же люди, которые годъ тому назадъ писали доклады и произносили рѣчи о необходимости разныхъ «правъ и свободъ», которые еще въ январѣ этого года принимали горячее участіе въ техническомъ и пироговскомъ съѣздахъ, которые, наконецъ, и въ «своихъ мѣстахъ» ведутъ хотя и мелкую, но непрерывную борьбу съ бюрократическимъ самодержавіемъ на почвѣ культурныхъ начинаній,—чтобы эти люди питали сколько нибудь горячую вѣру въ троицу самодержавія, православія и народности. Въ мѣстной жизни желѣзныя лапы тріединаго чудовища чувствуются слишкомъ болѣзненно, чтобы не желать освобожденія, и, конечно, не случайность, что всякій разъ, когда правительство «обращается къ обществу», послѣднее возбуждаетъ вопросъ о правахъ и по поводу какого-либо деревенскаго акушерства требуетъ свободы печати. Слѣдовательно, земцы и думцы искренно манифестировали противъ японцевъ, но вовсе не искренно—за самодержавное правительство: оно напрасно отнесло на свой очетъ витіеватыя славословія земскихъ адресовъ. Земскими политиками, несомнѣнно, руководилъ разсчетъ самаго корыстнаго свойства, разсчетъ далеко не новый. Съ шестидесятыхъ годовъ и вплоть до настоящаго времени наши либералы полагаютъ мѣрами кротости вразумить самодержавіе и убѣдить его совершить... самоубійство. Въ цѣляхъ успѣшнаго исхода своего замысла, либералы считаютъ долгомъ показывать лойяльность и преданность верховной власти, ожидая, что она наградитъ ихъ участіемъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. И хотя полувѣковый опытъ непреложно показалъ, что россійскій абсолютизмъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей склонности къ самоубійству, тѣмъ не менѣе либералы продолжаютъ вѣрить въ возможность столь противоестественнаго акта и ухаживаютъ за абсолютизмомъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ, чѣмъ скорѣе они надѣются заклать его на алтарѣ конституціи. Эти завѣтныя мечты проснулись теперь съ особой си-

лой. Безсиліе самодержавія окрыляетъ фантазію, и либералы удваиваютъ любезность передъ Аписомъ.

Но, быть можетъ, подъ вліяніемъ испытанныхъ неудачъ, они вносятъ въ обычную тактику новый пріемъ: подкупъ. «Общество» не только шлетъ заскучавшихъ дворянъ, подъ предлогомъ націонализма, искать сильныхъ ощущеній, вмѣсто Монако въ Портъ-Артуръ, но и жертвуетъ сотни тысячъ на алтарь отечества. Эти сотни тысячъ—послѣдній ходъ либераловъ въ ихъ игрѣ съ правительствомъ и на немъ необходимо остановиться, такъ какъ онъ открываетъ многое, на что теперь стараются набросить покровъ сторонники «единенія» всѣхъ партій и теченій.

Мы не видимъ необходимости останавливаться на доказательствѣ полной невѣрности обычной тактики земскихъ либераловъ. Самое поверхностное знакомство съ исторіей мѣстнаго самоуправленія въ Россіи показываетъ, что никакихъ результатовъ заигрываніе съ правительствомъ не принесло. Не принесетъ оно и теперь ожидаемой пользы. Верховная камарилья не дастъ Россіи даже самой куцой конституціи, несмотря на жертвуемые милліоны. Такимъ образомъ, искренніе и честные либералы, мечтающіе о конституціи, ничего не выиграютъ; зато могутъ очень много выиграть тѣ, кто, хотя и состоитъ теперь въ оппозиціи, но заботиться не столько о конституціи, сколько о севрюжинѣ съ хрѣномъ. Новыя льготы по займамъ въ дворянскомъ банкѣ, различныя привилегіи въ мѣстномъ самоуправленіи, быть можетъ, даже нѣкоторое, если не фактическое, то формальное участіе въ государственной жизни путемъ разнообразныхъ совѣщательныхъ учрежденій при министерствахъ, откуда ловкіе люди могутъ перескакивать въ ряды бюрократіи,—вотъ тѣ мѣры, которыя можно предвидѣть и которыя, несомнѣнно, способны вылѣчить отъ либеральной заразы значительную часть нынѣшней «оппозиціи его величества».

Эти мѣры, конечно, только отчасти облегчатъ ярмо бюрократическаго самодержавія для привилегированнаго класса и, вѣроятно, почти не затронутъ разночиннаго слоя буржуазіи, который быстро растетъ и начинаетъ захватывать вліяніе и въ городѣ и въ деревнѣ. Такимъ образомъ, буржуазно-оппозиціонное и даже революціонное движенія не только не растаютъ отъ милостей сверху, но даже, быть можетъ, обострятся. Буржуа—разночинецъ, «трудомъ» сбившій копейку и чуждый дворянской сентиментальности, предъявитъ самодержавію ростовщическій счетъ за ту долю патріотическихъ милліоновъ, которую онъ уплатитъ теперь для спасенія бюрократіи въ военныхъ затрудненіяхъ. Но эти счеты насъ теперь не касаются. Важно то, что ни раболѣпные

адреса, ни милліонныя взятки не дадутъ русскому пролетаріату ни въ городѣ, ни въ деревнѣ даже того minimum'а политической свободы, который открываетъ дорогу къ широкой соціальной борьбѣ. И не только пролетаріату. Тѣ «плевыя» реформы, которыя можетъ купить либерализмъ, не будутъ, вообще, имѣть всенароднаго значенія, такъ какъ они ограничатся рядомъ льготъ для наиболѣе обезпеченныхъ слоевъ, принимающихъ теперь участіе въ мѣстномъ управленіи. Но эти льготы будутъ куплены на чужія деньги: на деньги трудящейся массы. У насъ принято выкрикивать шаблонныя фразы въ томъ родѣ, что «въ земствѣ нѣтъ сословной розни», что «земство въ равной мѣрѣ заботится о нуждахъ всего населенія» и т. п. Многіе вѣрятъ этимъ жалкимъ словамъ, загипнотизированные парадными отчетами о земскихъ школахъ и земской медицинѣ. Но существуетъ очень скучная и недоступная публикѣ сторона земской жизни, которая неопровержимо показываетъ, что изъ 10.243 земскихъ гласныхъ, опредѣленныхъ для 34 губерній Положеніемъ 1890 года, 7081 человѣкъ принадлежитъ къ дворянамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, и только 3162 человѣка— къ крестьянамъ. Мы говоримъ о земскомъ обложеніи. Вопросъ этотъ мало изслѣдованъ въ нашей литературѣ, но нѣкоторыя данныя все же имѣются. Такъ, напримѣръ, въ ростовскомъ земствѣ по раскладкѣ на 1880 годъ дворяне платили земскаго сбора по 11 коп. съ десятины, а надѣльные крестьяне—по 20 коп. Въ тѣхъ же 80-хъ годахъ въ либеральной тверской губерніи дворяне платили по 10 коп., а крестьяне по 19 коп. съ десятины. Та же «уравнительность» раскладки отмѣчена въ московской и во многихъ губерніяхъ. Мы не имѣемъ подъ руками новѣйшихъ цифръ, но «система» земскаго обложенія остается до сихъ поръ безъ перемѣны. Въ 1900 году псковскіе статистики обнаружили въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такія упрощенныя основанія раскладки земскихъ сборовъ, какъ занесеніе всей крестьянской земли въ первый разрядъ, помѣщичьей же—во второй и третій. Затѣмъ, въ послѣднихъ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ неоднократно констатируется, что крестьянская земля облагается земствомъ на «сомнительныхъ и темныхъ» основаніяхъ. Принимая во вниманіе, что огромное большинство земли находится въ рукахъ крестьянъ, мы можемъ съ увѣренностью заключить, кто, по преимуществу, выплатитъ земскія пожертвованія. Городскіе сборы въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, думы которыхъ ассигновали по милліону съ лишнимъ на военныя нужды, составляются также, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ копеекъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что рабочій народъ уплачиваетъ и всѣ налоги, которые перекладываютъ на него домовла-

дѣльцы и содержатели харчевенъ, трактировъ и т. п. Слѣдовательно, патріотическія пожертвованія земскихъ собраній и городскихъ думъ упадутъ преимущественно на наиболѣе необезпеченные классы населенія, многіе представители которыхъ даже и не узнаютъ, что имъ выпала высокая честь «добровольными» пожертвованіями создавать русскій флотъ. Голодаевки и Неѣловки съ недоумѣніемъ разложатъ «по душамъ» милліоны, брошенные деспотизму дворянскими земствами; харьковскіе крестьяне, еще не уплатившіе помѣщикамъ знаменитой «контрибуціи», по постановленію этихъ же помѣщиковъ обречены въ теченіе 20 лѣтъ выплачивать $1^1/_2$ милліона, изъ которыхъ одинъ предназначаютъ прямо въ карманы Безобразовыхъ и другихъ предпріимчивыхъ придворныхъ проходимцевъ. Городскія думы оказались прижимистѣе дворянскихъ земствъ, но и ихъ пожертвованія, разложенныя на домохозяевъ и торговцевъ, отзовутся на бюджетѣ рабочихъ массъ. При современномъ положеніи русской деревни и промышленной заминкѣ, эти сверхштатные налоги больно ударятъ и крестьянина, и рабочаго. На какомъ-то земскомъ собраніи дворяне, очевидно, послѣ хорошаго завтрака или обѣда, кричали: «заложимъ женъ и дѣтей нашихъ», за что и получили выговоръ въ «Освобожденіи», которое указало, что въ настоящее время эти слова лишены всякаго смысла. Увы! они лишены смысла только по отношенію къ дворянамъ. Крестьянамъ же и рабочимъ, несомнѣнно, придется не только закладывать, но, подъ бременемъ патріотическихъ налоговъ, и продавать своихъ женъ и дѣтей въ кабалу. Такимъ образомъ, деньгами трудящейся части населенія «мѣстные люди» думаютъ купить у правительства льготы для обезпеченнаго меньшинства. Не всѣ они, конечно, сознаютъ свою позицію, хотя, несомнѣнно, очень многіе изъ нихъ прекрасно понимаютъ, чего можно добиться такимъ путемъ отъ такихъ правителей, и, если не идутъ дальше, то только потому, что опасаются демократической пучины. Арсеньевъ, этотъ Аннибалъ, на старости превратившійся въ Маргариту, уже запѣлъ въ «Вѣстн. Европы» о «довѣріи» къ лойяльному вѣрноподданному земству, которое нельзя смѣшивать съ революціонно-настроенными народными массами. Но эта пѣсня извѣстна. Ее давно поютъ и либералы, и консерваторы славянофильскаго типа...

Современная патріотическая оргія ничего, такимъ образомъ, не измѣнитъ въ соотношеніи общественныхъ силъ Россіи. Взятка, которую буржуазія даетъ промотавшемуся правительству, избавляетъ послѣднее отъ непосредственной опасности, но не вноситъ ничего новаго въ дальнѣйшій ходъ событій. Это—спекуляція имущихъ классовъ чужими деньгами, спекуляція, результаты которой явно ничтожны и

ограничатся мелкими подачками въ пользу верхнихъ слоевъ населенія. Поэтому, на обязанности соціалдемократіи, какъ единственной защитницы народныхъ интересовъ, лежитъ выясненіе истиннаго значенія щедрости земскихъ и городскихъ учрежденій. Комитеты нашей партіи должны тщательно изучить, какъ будутъ разложены на деревенское и городское населеніе громадныя суммы, пожертвованныя на «патріотизмъ», и попытаться организовать протесты въ различныхъ формахъ (неплатежъ новаго налога рабочими-мѣщанами, имѣющими собственные дома, какъ въ Николаевѣ, Севастополѣ, небольшія демонстраціи предъ домами вліятельныхъ гласныхъ, изданіе литературы, которая должна отмѣчать повышеніе цѣнъ на квартиры и призывать рабочихъ къ подачѣ петицій въ городскія думы о нормировкѣ квартирной платы и т. п.). Показывая массѣ на конкретныхъ фактахъ связь общаго съ частнымъ, комитеты должны вовлечь ее въ активную повседневную борьбу съ вызванными войною мѣропріятіями правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, и увеличеніе налоговъ явится однимъ изъ лучшихъ поводовъ къ ряду *дѣйственныхъ* протестовъ массы противъ правительства и буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящій моментъ является чрезвычайно удобнымъ и для доказательства необходимости рабочимъ организоваться въ самостоятельную политическую партію, не довѣряя своихъ интересовъ либераламъ, позиція которыхъ обрекаетъ ихъ на вольное и невольное предательство народныхъ массъ. Мы не скрываемъ трудности предстоящей задачи; но наши цѣли никогда не опредѣлялись легкостью ихъ достиженія. Какими бы соображеніями ни осложнялась наша борьба противъ «общества», мы обязаны вести ее, такъ какъ патріотическая вакханалія, не имѣя историческаго значенія, приноситъ непосредственный вредъ не только пролетаріату, но и широкимъ слоямъ населенія. И на этотъ разъ борьба тѣмъ болѣе неизбѣжна, что она направляется и противъ главнаго виновника войны—абсолютизма.

Н. Негоревъ.

Конецъ г. Шипова.

(15-го мая 1904 г., № 66).

Можно и должно отказать Плеве въ государственномъ умѣ, въ чести и совѣсти, но нельзя отказать ему въ твердости и послѣдовательности. Въ то время, какъ либеральныя группы русскаго общества дѣлаютъ робкіе зигзаги и безсмысленные выверты, «министръ борьбы» неуклонно ведетъ свою политическую линію. Еще не улеглось смятеніе, вызванное въ либеральныхъ рядахъ разгромомъ тверского и новоторжскаго земствъ, а на земскія головы свалилась уже новая лавина: неутвержденіе г. Шипова въ должности предсѣдателя московской губ. земской управы. Оцѣнивая эти факты съ точки зрѣнія «мѣстныхъ людей», мы затрудняемся сказать, какой изъ нихъ важнѣе, настолько выдающуюся роль играетъ г. Шиповъ въ земской средѣ. Даже князь Мещерскій признаетъ, что «фактъ необходимости, въ которую было поставлено правительство, не утверждать г. Шипова, есть глубоко печальный фактъ, ибо жертвою его является одинъ изъ самыхъ выдающихся, если не самый выдающійся, дѣятель въ земскихъ учрежденіяхъ, по обширнымъ размѣрамъ его дѣятельности въ области земской самодѣятельности и земской иниціативы»... Но значеніе этого факта далеко не исчерпывается тѣмъ, что правительство выбросило за бортъ талантливаго работника. По соображенію того же Мещерскаго, причины неутвержденія г. Шипова заключаются въ томъ, что онъ «со своею безспорно даровитою дѣятельностью въ области земскаго хозяйства соединялъ стремленіе не только не вести эту дѣятельность въ общеніи съ административною властью, но, напротивъ, обособляясь отъ нея и подчасъ противодѣйствуя ей. Долго она терпѣла это совмѣстительство полезной дѣятельности главаря московскаго земства съ оппозиціею противъ правительства, но, наконецъ, вынуждена была не утвердить выбора г. Шипова уже тогда, когда около него начала образовываться цѣлая школа земской оппозиціи». Такимъ образомъ, умерщвляя г. Шипова, какъ гражданина, Плеве имѣлъ цѣлью совершить убійство цѣлаго политическаго направленія, цѣлой «школы земской оппозиціи». Мы не думаемъ, чтобы Мещерскій ошибался въ своемъ толкованіи; столкновеніе Шипова и Плеве, дѣйствительно, полно глубокаго принципіальнаго смысла: оно раскрываетъ практическую цѣнность той политической «школы», которая считаетъ въ своихъ рядахъ многочисленныхъ земскихъ дѣятелей и въ которой бывшій пред-

сѣдатель московскаго губ. земства занималъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но Мещерскій, по обыкновенію, преувеличилъ антиправительственные замыслы и «школы», и ея представителя. Г. Шиповъ никогда не чувствовалъ склонности къ крайнимъ мнѣніямъ. Насколько можно судить объ его политическихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ сильно зараженъ ядовитыми пережитками славянофильскихъ мечтаній о земскомъ царѣ, опирающемся непосредственно на вѣрное ему населеніе. Разумѣется, этотъ взглядъ далеко не совпадаетъ съ твердою вѣрою Плеве въ «спасительную силу централизованной администраціи съ цезаризмомъ во главѣ и съ тайною полиціею въ подножьи», но ничего революціоннаго въ себѣ не заключалъ и не заключаетъ. Политическая безопасность г. Шипова и его школы усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Шиповъ, какъ и г. Плеве, не питалъ ни симпатій, ни довѣрія къ демократіи. Во время нашумѣвшей агитаціи по поводу мелкой земской единицы г. Шиповъ и его «школа» вели самую энергичную борьбу противъ демократизаціи земскихъ учрежденій, хотя, изъ всѣхъ земскихъ покушеній съ негодными средствами на существующій порядокъ, мелкая земская единица была наиболѣе прилично задуманнымъ пріемомъ. При этомъ г. Шиповъ и его сторонники, повторяя обычные доводы о крестьянскомъ безправіи и невѣжествѣ, предлагали свой проектъ «экономическихъ попечительствъ», въ которыхъ крестьянская самодѣятельность должна была попасть подъ тщательную опеку не только правительства, но и земцевъ-помѣщиковъ. Выступая за руководительство дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, школа г. Шипова, безусловно, мечтала о предоставленіи имъ нѣкотораго участія и въ дѣлахъ государственнаго правленія. Но практическая цѣнность этихъ мечтаній сводится почти къ нулю, какъ ихъ славянофильскою туманностью, такъ и методами ихъ проведенія въ жизнь. Для земцевъ шиповскаго толка борьба съ правительствомъ не существовала и не существуетъ. Ненавидя самовластную бюрократію, они, однако, считали возможнымъ заключить съ нею договоръ самаго сомнительнаго свойства, въ надеждѣ на различныя уступки привилегированной части землевладѣльцевъ. Тотъ же самый г. Шиповъ, въ пресловутые дни уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, послѣ задушевнаго разговора съ Плеве, съ политически-безстыднымъ легкомысліемъ настаивалъ на исключеніи изъ принятой для комитетовъ тайнымъ земскимъ съѣздомъ программы нѣкоторыхъ необходимыхъ общихъ требованій и, между прочимъ, требованія объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Какъ извѣстно, основаніемъ отказа отъ первоначальной программы онъ выставлялъ слова Плеве, будто бы

эта программа, при ея очевидной неосуществимости, раздражаетъ «извѣстныя сферы» и препятствуетъ министру расширить права земствъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Еще недавно, во время весенняго совѣщанія представителей губернскихъ земствъ о взаимномъ перестрахованіи, когда Плеве арестовалъ учавствовавшихъ въ совѣщаніи страховыхъ инспекторовъ, псковскаго и московскаго, за нежеланіе подать руку агенту назначенной тверской управы, г. Шиповъ, какъ и всѣ его сторонники, не только не выразилъ протеста, но и взялъ на себя обязанность передать земскимъ служащимъ, членамъ комиссіи, распоряженіе министра, чтобы «третій элементъ» разъѣзжался немедленно по домамъ. «Освобожденіе» въ мельчайшемъ примѣчаніи «совершенно не могло понять» тогда, почему Шиповъ является въ роли глашатая полицейскихъ распоряженій. Между тѣмъ, эта роль вполнѣ вытекаетъ изъ той тактики, которой всегда придерживается оппозиціонная земская группа шиповскаго толка. Проникнутая крупно-землевладѣльческимъ и отчасти сословно-дворянскимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ рядовому крестьянству, лишенная, вслѣдствіе этого, прочной опоры и серьезной, активной политической силы, чуждая яснаго представленія о неразрывной органической связи между формами правленія и управленія, эта группа ведетъ робкую, уклончивую и безрезультатную защиту мѣстныхъ нуждъ и пользъ, постоянно уступая натискамъ самовластной бюрократіи самыя существенныя свои права въ наивной надеждѣ что нибудь сохранить и даже что-нибудь, когда-нибудь, получить въ награду за лояльность. Узкій практицизмъ ея задачъ создаетъ въ глазахъ «здравомыслящихъ» обывателей иллюзію ихъ осуществимости, ея политическій оппортунизмъ навѣваетъ сладкія мечты о мирномъ соглашеніи съ правительствомъ въ смыслѣ полученія скромной доли въ государственномъ пирогѣ. Такова эта «школа земской оппозиціи», таковы ея вожди и учителя. Если Плеве осуждаетъ ихъ на политическую смерть, то этотъ приговоръ характеризируетъ только требованія бюрократіи, а не требованія оппозиціонной группы. Г. Шиповъ, какъ и его союзники, уступилъ правительству все, что могъ. Однако, онъ не могъ и, вѣроятно, не желалъ уступить: своей талантливости, своей работоспособности; ихъ онъ не продалъ Плеве, предпочитая распахивать земскую ниву по своему разумѣнію. Бюрократія не вынесла этого.

Современный государственный механизмъ не терпитъ даже скромной мѣстной самостоятельности. Случилось то, что давно должно было случиться: г. Шиповъ лишенъ права общественной дѣятельности. Дальнѣйшая эволюція г. Шипова для насъ не имѣетъ интереса: пойдетъ ли онъ налѣво или направо,—это его личное дѣло, но для его школы и,

вообще, для русскаго либерализма «печальный фактъ необходимости» неутвержденія талантливаго работника даетъ поучительный урокъ. Склонность къ мирнымъ соглашеніямъ, недовѣріе къ народнымъ массамъ, оппортунистическое заигрываніе съ правительствомъ, наивное ожиданіе какого нибудь новаго Лорисъ-Меликова, пассивная тактика—свойственны не только г. Шипову и его сторонникамъ, но даже и болѣе лѣвой земской группѣ, собирающейся подъ знаменемъ «Освобожденія». И та, и другая соединены тѣсными узами общихъ свойствъ и общихъ интересовъ.

Между тѣмъ, послѣдняя начинаетъ затягивать въ свои сѣти и многихъ «овецъ безъ стада», россійскихъ интеллигентовъ-разночинцевъ. Въ результатѣ—то поразительное политическое безплодіе, которое обнаружили наши либерально-демократическія теченія въ критическій моментъ, переживаемый нынѣ Россіей. Ихъ представителямъ Шиповская исторія должна послужить предостереженіемъ и напомнить, что только на одномъ, единственно вѣрномъ, революціонномъ пути, указываемомъ рабочимъ движеніемъ, имъ не придется, какъ нѣкогда Герцену, въ тоскѣ и разочарованіи восклицать: «зачѣмъ не взялъ я ружье у работника и не остался за баррикадой?»

Н. Негоревъ.

Эмансипація Митрофана.

(10 іюля 1904, № 69).

Въ Россіи, какъ въ «благоустроенной» странѣ, наряду съ телефонами, телеграфами и прочими пріобрѣтеніями культуры, полагается быть и своему общественному мнѣнію. Это «мнѣніе», какъ и всюду, есть мнѣніе «господствующихъ» классовъ; но, совсѣмъ не какъ всюду, это русское «мнѣніе» пребывало до сихъ поръ въ положеніи того великовозрастнаго юнца, который говоритъ уже басомъ, у котораго пробиваются усы, и который, тѣмъ не менѣе, все еще ходитъ въ коротенькихъ панталончикахъ и читаетъ нравоучительныя книжки о добронравномъ Ванѣ и непослушномъ Колѣ. Строгій дядька слѣдуетъ по

пятамъ и блюдетъ, какъ бы «дитё» не испортилось. И «дитё» покамѣстъ не портилось. Правда, милому ребенку приходила иногда въ голову блажь сбросить куцый костюмъ и заглянуть въ запретную книжку; но стоило дядькѣ погромче крикнуть, и «дитё» опять шагало въ «стрункѣ», какъ и подобаетъ его воспитанности. Однако, времена перемѣнчивы, и этой воспитанности стала грозить опасность съ тѣхъ поръ, какъ педагогія дядьки встрѣтила соперника въ *другой* педагогіи, въ тѣхъ «урокахъ», которые изо дня въ день преподаетъ теперь нашему питомцу старая гувернантка—исторія. Она преподаетъ элементарныя истины, которыя давно уже вошли въ научный обиходъ, но отъ этого, увы, еще не сдѣлались достояніемъ тѣхъ, кому бы ихъ слѣдовало знать. И каждый «урокъ» такъ вразумительно нагляденъ, она такъ усердно вколачиваетъ его въ ученическую голову, что всякій разъ невольно поднимается вопросъ: сколько же нужно еще колотушекъ, чтобы отечественный недоросль, наконецъ, сталъ взрослымъ человѣкомъ, и неужели для того, чтобы доказать никчемность самодержавной бюрократіи, необходимы еще Тюренченъ, Кинчжоу, Вафангоу и иныя военныя прелести?

Нашему Митрофану пора выходить изъ-подъ старой указки, и Митрофанъ, говорятъ, за послѣднее время, дѣйствительно, какъ будто собирается изъ-подъ нея выходить.

«Въ обществѣ шумно, безтолково, тревожно» — пишетъ «Новое Время». «Если въ нашей печати почти нѣтъ критики военныхъ дѣйствій, то тѣмъ ея болѣе въ обществѣ», критики, «подбитой ироніей», основанной на «якобы фактахъ», которые «даютъ ему право разводить свою критику», критики недоброжелательной, ибо даже «блестящій подвигъ Владивостокской эскадры не обошелся безъ проявленія нѣкоторой доли этой ироніи». «Насъ преслѣдуютъ несчастія, вдругъ превосходное дѣло, и вмѣсто того, чтобы встрѣтить его, какъ встрѣчаютъ счастье, начинаютъ судачить, змѣиныя жала высовываются и двигаются изъ стороны въ сторону, ища себѣ сочувствія, поддержки, поощренія».

Другими словами: эмансипація Митрофана начинается съ того, что онъ, сто кратъ оболганный, отказывается долѣе вѣрить «счастью» своего ментора-дядьки, отказывается даже и тогда, когда это «счастье», вопреки обыкновенію, существуетъ въ неподдѣльномъ, хотя и микроскопическомъ видѣ, отказывается потому, что есть предѣлъ и его, Митрофана, легковѣрію. Политически невоспитанный человѣкъ, вѣдь, не есть еще кретинъ, котораго можно безнаказанно морочить, преподнося ему каждый день небылицы—въ долгіе мѣсяцы напряжен-

ныхъ ожиданій, пораженія фальсифицируя въ побѣды, вмѣсто «маленькихъ недостатковъ механизма» демонстрируя аппаратъ, работающій якобы безъ сучка и задоринки. Доблестное войско, мудрые полководцы, лихорадочная дѣятельность, блистательные отчеты, высочайшія благодарности, и въ результатѣ — ни съ мѣста, или хуже того: одно заушеніе за другимъ, не взирая на разливанное море празднословія. А празднословили всѣ: отъ государственныхъ заправилъ и до послѣдняго газетчика, до борзописца, повѣствующаго о томъ, какъ казакъ съ одного маху отрубаетъ японскую голову и нанизываетъ на пику вражьи тѣла. Весь читающій міръ, затаивъ дыханіе, внималъ геройской борьбѣ далекаго островного народа, а въ это самое время рабья печать позорила свои столбцы разсказами о томъ, какъ японскій солдатъ шелъ, де, пьяный въ бой, и потому что пьяный, проявлялъ чудеса своей храбрости. Съ легкой руки шустрой стаи Тряпичкиныхъ съ принцемъ Бурбономъ во главѣ (многоговорящее имя, читатель!—этого рода добро, какъ извѣстно, единственное, подлежащее ввозу въ Россію безданно - безпошлинно), загуляла изъ номера въ номеръ молва о чинимыхъ непріятелемъ звѣрствахъ: желтолицый азіатъ, молъ, не хочетъ ни въ чемъ отставать отъ блѣднолицаго «европейца», положившаго столько стараній на потопленіе китайскихъ женъ и дѣтей въ темныхъ водахъ Амура. Мало того: японецъ не ограничился тѣмъ, что вредилъ намъ, гдѣ могъ, онъ еще предавался разврату въ горахъ Манчжуріи, какъ о томъ засвидѣтельствовало извѣстное своей правдивостью перо г. Немировича-Данченко. А въ станѣ россіянъ, между тѣмъ, было патріархально и почти идиллично: здѣсь всѣ чувствуютъ себя, какъ братья—писалъ достовѣрный «очевидецъ», одинъ изъ многихъ, чья суздальская кисть не переставала все время малевать фигуры «солдатиковъ», по гробъ преданныхъ «отцамъ-командирамъ», и «отцовъ - командировъ», день и ночь болѣющихъ о ввѣренныхъ ихъ попеченію «ребятахъ». Даже самъ пресловутый «намѣстникъ» съ своимъ придворнымъ сераломъ пріобрѣталъ благочестивый патріотическій видъ, подъ нажимомъ неразборчивой кисти...

Въ крупномъ и въ маломъ, какъ въ основныхъ вопросахъ дѣйствительности, такъ и въ мелочныхъ деталяхъ, «аксессуарахъ» войны, всюду и вездѣ царило одно и то же—педагогическое художество.

Что такое японская война для Россіи?

— Незначительная непріятность, прыщъ на ногѣ,—заявлялъ, напримѣръ, знаменитый ученый, промѣнявшій науку на мѣстечко въ министерствѣ; а министерство, съ своей стороны, спѣша, подтвер-

ждало въ стоустый рупоръ своимъ лейбъ-журналистамъ, что «свободная наличность» ничуть невредима, что, наоборотъ, она цвѣтетъ, не взирая на надвинувшійся кризисъ.

А война для Японіи?—Близкое разореніе, грядущій крахъ, когда не сегодня—завтра страна Восходящаго Солнца смиренно запроситъ пардону у великодушнаго русскаго колосса...

Мобилизованная ложь, какъ докучный осенній дождь, барабанила въ общественное сознаніе, не давая ему ни отдыха, ни сроку, только бы спасти первобытность отъ напора навязчивой правды. И чѣмъ долѣе она барабанила, тѣмъ все менѣе получался желанный эффектъ и все болѣе нетерпѣнія проявлялъ Митрофанъ, задумываясь надъ тѣмъ, что слышалъ. Набивши оскомину на этомъ «бэдламѣ», онъ все больше и больше входилъ во вкусъ той непріятной, горькой правды, которая лѣзла отовсюду, со всѣхъ сторонъ, сквозь поры цензуры, изъ нѣдръ подполья, изъ зарубежныхъ вольныхъ странъ, изъ переписки друзей, изъ устъ въ уста, изъ боязливаго обывательскаго шепота. Такъ что, когда дядька недавно вздумалъ скрыть отъ него—о чемъ уже шумѣлъ телеграфъ всѣхъ странъ—катастрофу «Пересвѣта» и другихъ судовъ портъ-артурской эскадры, то оказалось, что было уже поздно: Митрофанъ твердо зналъ свою контрабандную «правду», и его невозможно было сбить съ этой «правды» никакими запоздалыми увѣреніями.

«Адмиралъ Того лжетъ!»—кричали ему. «Ладно!—реплицировалъ Митрофанъ. Лжетъ или нѣтъ, я не знаю, но я знаю одно, что вы-то уже лгали навѣрное, выдавая собственный вашъ суррогатъ, въ которомъ было скрыто наиболѣе существенное, за подлинное донесеніе противника.

А еще немного спустя, и Митрофанъ иронически улыбался въ отвѣтъ на усилія дядьки—загипнотизировать его гекатомбой въ 30.000 убитыхъ японцевъ, онъ понималъ, что это просто педагогическій пріемъ, неискусное средство—оттянуть, отсрочить сколько-нибудь близкій часъ его окончательной эмансипаціи.

И хотя въ настоящій моментъ Портъ-Артуръ еще не взятъ и Куропаткинъ еще не въ Матсуямѣ, но прежній легковѣрный Митрофанъ подаетъ уже большія надежды превратиться въ завзятаго скептика, склоннаго при случаѣ обсуждать щекотливый вопросъ—о дѣеспособности самодержавной бюрократіи.

Съ точки зрѣнія Митрофана, самодержавной бюрократіи такъ и полагается преслѣдовать честь, насиловать совѣсть, она можетъ, пожалуй, залѣзать въ народный карманъ и распространять вокругъ себя

безграмотность, она можетъ многаго не выполнить и еще больше сдѣлать скверно, но есть одна спеціальность, въ которой она неукоснительно обязана быть на высотѣ, подъ угрозой своего исчезновенія, Это—военное дѣло, на которомъ она выросла, оперилась, получила право всероссійскаго гражданства, сдѣлала карьеру; на немъ она проявила когда-то талантъ организатора, и въ немъ лежитъ до сихъ поръ ея послѣднее оправданіе. Эту истину чувствуетъ Митрофанъ, ее знаетъ хорошо и его, власть имѣющій, дядька. Отсюда то великое смятеніе, которое приноситъ каждое извѣстіе съ театра войны, говорящее о превосходствѣ японцевъ: отсюда и судорожные порывы укрыть очевидность, эскамотировать случившееся. И было бы съ полгоря еще, если бы бѣда ограничивалась однѣми картонными подошвами, гнилыми сухарями, плохимъ транспортомъ, традиціоннымъ воровствомъ. Этой бѣды не занимать было стать и въ прежніе годы. Хуже то, что непріятель превосходитъ не этимъ однимъ, но и качествомъ живого матеріала.

Грамотный солдатъ, образованный офицеръ, дѣльный, даровитый военоначальникъ. Непріятель побѣдилъ при Кинчжоу, потому что его солдатъ-артиллеристъ умѣлъ индивидуализировать прицѣлъ; онъ побѣдилъ на Ялу, въ Вафангоу, умѣя не только храбро лѣзть на штыки, но и планомѣрно управлять своими дѣйствіями. Онъ побѣдилъ, потому что его офицеръ щеголяетъ не однимъ молодечествомъ, а и знаетъ досконально свою профессію и способенъ на дѣлѣ примѣнить все то, о чемъ говоритъ послѣднее слово его военной науки. Онъ побѣдилъ, потому что его генералъ—не просто заслуженный фрунтовикъ, который сегодня командуетъ полками, потому что вчера сокрушалъ губернію. Онъ побѣдилъ потому, наконецъ, что вся его военная среда есть лишь точное отраженіе реформированнаго общественнаго строя, рвущагося впередъ и ставящаго себѣ большія историческія задачи...

Краснорѣчіе фактовъ неотразимо, и въ результатѣ пятимѣсячной кампаніи даже Митрофанъ поколебался... Теперь онъ втайнѣ строчитъ хорошенькій проектъ конституціи. И мы ее вскорѣ увидимъ, читатель,—Митрофанову конституцію!

Старовѣръ.

Рекрутскій наборъ революціи.

(1 августа 1904 г. № 71).

Всеподданѣйшій рапортъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьева о результатахъ правительственной ревизіи московскаго земства представляетъ серьезную политическую важность. Авторъ сосредоточиваетъ главное вниманіе не на тѣхъ или другихъ недостаткахъ повседневной земской работы, не на либеральныхъ мечтаніяхъ объ увѣнчаніи зданія, а на дѣятельности разночинной интеллигенціи, собравшейся подъ земскимъ знаменемъ, и ея характеристикѣ съ точки зрѣнія правительства. Такая постановка вопроса придаетъ рапорту особое значеніе: онъ становится не только обычнымъ эпизодомъ изъ исторіи традиціонной борьбы чиновничества съ земствомъ, но и первымъ обвинительнымъ актомъ, предъявленнымъ самодержавіемъ русской демократіи, постепенно занимающей старыя позиціи либерализма. Устами Зиновьева правительство признаетъ появленіе новаго «внутренняго врага», которому суждено сыграть выдающуюся роль въ развитіи русской общественной жизни. Земская интеллигенція, вызвавшая тревогу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сложилась не въ безвоздушномъ пространствѣ. Она развилась подъ вліяніемъ разроставшихся потребностей общественной жизни, параллельно развитію бюрократіи, подъ вліяніемъ расширявшихся потребностей государственной жизни.

Половинчатыя и нерѣшительныя реформы шестидесятыхъ годовъ, включившія общественное представительство въ систему государственнаго управленія, какъ бы подѣлили государственную работу между опричиной и земствомъ. Это раздѣленіе фактически выразилось въ томъ, что бюрократія направила всѣ усилія на военную организацію государства и укрѣпленія отжившаго свой вѣкъ самодержавія, культурныя же задачи государства, отъ разрѣшенія которыхъ почти отказалось правительство, всецѣло выпали на долю земскаго самоуправленія, на долю мѣстныхъ людей. Но послѣдніе не имѣли возможности справиться собственными силами съ трудными и сложными запросами развивавшейся страны. Личный составъ земскихъ учрежденій былъ съ самаго начала до крайности ограниченъ полицейскимъ контролемъ и сословною организаціею представительства, а съ 1890 года, когда правительство передало дѣла мѣстнаго управленія почти исключительно помѣстному дворянству, земскія выборныя силы стали совершенно ничтожной величиной. Между тѣмъ, эволюція крѣпостной Россіи въ современное государство, породила и порождаетъ умноженіе

функцій власти, какъ въ той области государственнаго управленія, которая осталась въ вѣдѣніи бюрократіи, такъ и въ той, которая отошла въ вѣдѣніе земства. Главная причина недостаточности земскихъ выборныхъ силъ кроется, однако, не въ ихъ количественной слабости, а въ измѣнившихся условіяхъ политической и народно-хозяйственной жизни пореформенной Россіи. Паденіе крѣпостного права пріобщило Россію къ всемірному процессу капиталистическаго развитія, которое безслѣдно стираетъ сословныя грани полуфеодальнаго общества. Дворянство, въ рукахъ котораго сосредоточивалось до шестидесятыхъ годовъ мѣстное управленіе, быстро отрывается отъ почвы и теряетъ свое экономическое и политическое значеніе. На поверхность жизни поднимается средній классъ, притягивая къ себѣ наиболѣе энергичныхъ и приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе представителей всѣхъ сословій. Этотъ процессъ образованія классовъ буржуазнаго общества на мѣсто дореформенныхъ сословій отразился и на земскомъ самоуправленіи. Несмотря на всѣ усилія правительства, современное земство является организаціей земельной и промышленной буржуазіи, организаціей очень неудовлетворительной, затемненной отжившими сословными формами, изуродованной произволомъ самодержавной бюрократіи, но все же буржуазной организаціей. И поскольку буржуазія становится хозяиномъ положенія, она уничтожаетъ ту примитивную систему управленія, при которой всѣ дѣла вершатся личнымъ усмотрѣніемъ представителей первенствующаго сословія, отечески опекающаго остальныя. Для буржуазіи государственная дѣятельность теряетъ характеръ патріархальности и высшаго предназначенія, и превращается въ оплачиваемую профессію, требующую спеціальныхъ качествъ и спеціальной подготовки. При такихъ условіяхъ, земская дѣятельность не могла ограничиться примитивною формою личнаго управленія выборныхъ мѣстныхъ людей. Развитіе народнаго образованія, медицины, агрономіи, статистики и др. отраслей земской работы потребовало многочисленнаго персонала спеціально подготовленной интеллигенціи. Такъ выросла земская бюрократія, на которую обрушивается теперь гнѣвъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Она создана потребностями третьяго сословія и, въ большинствѣ случаевъ, вышла изъ него. Преобладающее количество земской служилой интеллигенціи принадлежитъ къ крестьянамъ, мѣщанамъ, духовному сословію, мелкому чиновничеству. Въ ея лицѣ русская демократія беретъ реваншъ за лишеніе права участія въ мѣстномъ самоуправленіи и входитъ въ составъ государственнаго механизма. И чѣмъ дальше идетъ разложеніе стара-

го сословнаго общества, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ разночинная интеллигенція.

Съ шестидесятыхъ годовъ она играетъ крупную, но неодинаковую роль въ русской жизни. Съ момента своего появленія на исторической сценѣ и до успокоенія на тощей земской нивѣ, русскій разночинецъ пережилъ тяжелую эволюцію, отражающую процессъ соціально-экономическаго развитія Россіи. Въ первомъ періодѣ своей исторіи разночинская интеллигенція, отвергаемая живымъ еще феодальнымъ обществомъ, примкнула къ народной массѣ и, въ порывѣ утопическаге соціализма, съ одинаковой энергіей боролась какъ противъ правительственнаго консерватизма, такъ и противъ дворянскаго либерализма. Непримиримая и последовательная, она шла прямымъ путемъ къ намѣченной цѣли и почти поголовно легла въ неравномъ бою. Второе поколѣніе выростало уже въ новыхъ условіяхъ. Идеалы соціализма померкли при столкновеніи съ суровой дѣйствительностью, политическія надежды гибли на висѣлицахъ и въ каторжныхъ рудникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнялись экономическія отношенія дореформенной Россіи, нарождалась и крѣпла крупная и мелкая буржуазія, распространялось образованіе, усваивались нѣкоторыя привычки культурной жизни, расширялся тѣсный кругъ интеллигенціи. Разночинецъ, чувствовавшій себя отщепенцемъ феодальнаго міра, начиналъ сознавать себя роднымъ дѣтищемъ и полноправнымъ членомъ новаго общества. Борьба противъ основъ современнаго строя смѣнилась борьбою противъ отдѣльныхъ недостатковъ механизма, разрушительная работа уступила мѣсто постепенному мирному и культурному воздѣйствію на темную массу многомилліоннаго народа. Всесословное земство, развивавшее широкую и всестороннюю дѣятельность, нуждавшееся въ знающихъ и способныхъ работникахъ, привѣтливо раскрыло двери прирученному разночинцу и указало почти необозримое поле для приложенія интеллигентныхъ силъ. Вчерашній отщепенецъ вошелъ, какъ свой человѣкъ, въ ряды правящихъ классовъ, вошелъ, сохраняя прежнюю фразеологію, стараясь окружить ореоломъ старой славы свою новую дѣятельность. Это непониманіе коренной разницы въ положеніи сохранилось среди земской интеллигенціи до самаго послѣдняго времени. «Земство—говорили служащіе московскаго земства въ адресѣ, поднесенномъ Михайловскому въ день его юбилея,—представляетъ единственное учрежденіе, въ которомъ, по нашимъ русскимъ условіямъ, можетъ проявиться организованная общественная самодѣятельность, оно же оказывается единственнымъ легальнымъ убѣжищемъ для проявленія критической дѣятельности критически мыслящей личности.» Эта цитата ярко выражаетъ судьбу всего движенія. «Критически мыслящая личность», кото-

рая должна быть революціонной по самому своему существу, восхваляетъ «легальное» убѣжище въ видѣ... земскихъ учрежденій! Въ дѣйствительности, дѣятельность земской служилой интеллигенціи носитъ черты самой мѣщанской умѣренности... Критически мыслящая личность, приспособляясь къ требованіямъ существующаго строя, отказалась сначала отъ борьбы противъ современнаго общества, а затѣмъ и противъ правительства. Она замкнулась въ крѣпости маленькихъ дѣлъ и вела войну почти исключительно противъ слишкомъ ревностныхъ администраторовъ и дикихъ помѣщиковъ не столько съ народомъ, сколько за народъ. Она не знала границъ компромиссамъ и развила въ себѣ безудержный поссибилизмъ, стремясь получить хоть что нибудь, хоть какъ нибудь. Но все же разночинная интеллигенція внесла много живого и цѣннаго въ провинціальную глушь. Въ культурныхъ обществахъ, въ мѣстной печати, въ частныхъ кружкахъ она сливалась съ провинціальной молодежью и обывателями и поддерживала въ нихъ демократическія идеи, правда, иногда въ мелкобуржуазной окраскѣ, будила мысль, оглашала проявленія произола, организовывала просвѣтительные союзы, вообще, усиленно хлопотала о томъ, чтобы придать благообразную форму «людской пыли» какъ именуетъ Витте россійскихъ обывателей. Оживленіе буржуазной демократіи, отмѣченное началомъ студенческихъ волненій, вызвало оживленіе и въ средѣ земской служилой итнеллигенціи. Разночинецъ почувствовалъ подъ собою твердую почву; его работа стала интенсивнѣе и смѣлѣе. Но характеръ этой работы не измѣнился. Рапортъ Зиновьева, тщательно искавшаго «преступленій» въ дѣятельности земской интеллигенціи, рисуетъ, однако, только самую умѣренную просвѣтительную работу.

Мы видимъ, что разночинная интеллигенція и демократическіе элементы земской среды съорганизовались въ различные совѣты при управахъ: экономическіе, школьные, санитарные и т. п. Такимъ образомъ, они обезпечили себѣ нѣкоторую защиту отъ произвола отдѣльныхъ представителей земскаго управленія. Затѣмъ они выработали программу минимальныхъ демократическихъ требованій, которую и стали проводить, несмотря на ропотъ «послѣдышей» дворянскаго сословія. Народныя школы, внѣшкольное образованіе, народная медицина, агрономическая помощь крестьянству—въ той или другой степени попали въ руки демократической интеллигенціи и прониклись ея духомъ. Рапортъ Зиновьева съ ужасомъ приводитъ слова одного изъ земскихъ школьныхъ инспекторовъ о томъ, что въ основу народныхъ школъ должно быть положено свободное самодѣятельное развитіе человѣческой личности, а такое развитіе нравственной личности человѣка

можетъ успѣшно идти только въ свободной школѣ. Еще съ большимъ ужасомъ петербургскій бюрократъ указывалъ на то, что интеллигенція возбуждала такіе вопросы, какъ вопросъ о правовомъ и матеріальномъ положеніи больничныхъ служителей, что она не ограничилась «предѣлами своей компентенціи» и, кромѣ своихъ спеціальныхъ функцій, занималась и общекультурной работой. Съ характерной для высшаго сановника самодержавнаго правительства тупостью, Зиновьевъ приводитъ, въ укоръ земскимъ служащимъ, примѣръ врача, получившаго благодарность земскаго собранія за особые труды въ области народнаго образованія. Наконецъ, интеллигенція, по словамъ Зиновьева, осмѣлилась «критиковать» дѣйствія земства и даже губернскаго начальства. Всѣ эти грѣхи, конечно, не могутъ быть признаны особенно тяжкими. Еще недавно правительство, зорко слѣдя за либеральными мечтаніями земскихъ дѣятелей, снисходительно относилось къ муравьиному строительству демократической интеллигенціи; нѣкоторыя вѣдомства посылали иногда даже весьма привѣтливыя улыбки по адресу земской демократіи, и часто статистики и агрономы, изгнанные ретивыми губернаторами, находили тихую и пріятную пристань въ министерствахъ земледѣлія или финансовъ. Однако, эти мирныя отношенія могли продолжаться только до тѣхъ поръ, пока демократія, занятая борьбой за положеніе въ рядахъ буржуазнаго общества, стыдливо закрывала глаза на безобразіе самодержавія и даже, въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ, готова была прибѣгнуть къ содѣйствію власти для одолѣнія либеральнаго, но зараженнаго сословными предразсудками, земскаго дворянства. Какъ только третье сословіе стало на собственныя ноги, оно неизбѣжно обратило свое вниманіе на азіатскія условія общественной дѣятельности, создаваемыя абсолютизмомъ. Близость столкновенія почувствовало и правительство. Честь перваго открытія новаго внутренняго врага, какъ извѣстно, выпала на долю самарскаго вице-губернатора Кондоиди, который констатировалъ, что въ послѣдніе годы среди представителей администраціи и помѣстныхъ обывателей, вѣдающихъ по закону мѣстное хозяйство, появился и пріобрѣлъ крупное вліяніе новый «третій элементъ», въ лицѣ вольнонаемныхъ земскихъ служащихъ. Проницательный администраторъ и сотрудникъ реакціонныхъ газетъ тогда же предсказалъ, что новые люди принесутъ съ собою «вредныя» политическія тенденціи. Вслѣдъ за Кондоиди тѣ же мысли высказалъ и вятскій губернаторъ Клингенбергъ, а теперь противъ земской служилой интеллигенціи выступилъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его рапортъ показываетъ, что правительство признало работоспособность земской демократіи на поприщѣ столь

нежелательнаго ему подъема культурнаго уровня народа и рѣшило, отдѣлавшись нѣсколькими ударами отъ земскихъ либераловъ, направить главныя силы на борьбу съ болѣе твердымъ и послѣдовательнымъ противникомъ. Это рѣшеніе приводится уже въ исполненіе. Набѣгъ Зиновьева еще не закончился, онъ еще «ревизуетъ» земскія учрежденія различныхъ губерній, а гоненіе на земскую демократію уже въ полномъ разгарѣ. Въ Уфѣ, Вяткѣ, Перми, Курскѣ, Орлѣ, Тамбовѣ, Самарѣ и другихъ городахъ земская интеллигенція потерпѣла жестокій разгромъ, который, очевидно, распространится и на другія мѣстности. Систематическое опустошеніе земства будетъ, несомнѣнно, проведено съ неуклонной твердостью и послѣдовательностью при содѣйствіи реакціонныхъ элементовъ помѣстнаго дворянства. Мирная культурная работа, при такихъ условіяхъ, обращается въ безсмысленную мечту; интеллигенція съ горечью убѣждается, что ея зданіе, построенное цѣною громадныхъ усилій и тяжелыхъ компромиссовъ,—только вавилонская башня, затѣянная въ гордомъ и наивномъ ослѣпленіи. Одно мановеніе руки всесильнаго сатрапа—и всѣ камни перемѣшаны, строители разбросаны въ разныя стороны, сотни людей остались безъ дорогого дѣла и безъ средствъ существованія. Но только полицейская философія можетъ надѣяться на успокоительные результаты политики гнета и насилія, да и ея надежды слишкомъ внушительно разрушаются бомбами. Правительство, отрывая мирныхъ культурныхъ работниковъ отъ земской нивы, вынуждаетъ ихъ къ отчаянной борьбѣ за жизнь. Изгнаніе «третьяго элемента» изъ среды государственнаго строительства является, поэтому, по выраженію Герцена, прежде всего, грандіознымъ рекрутскимъ наборомъ революціи. По слабости политическаго развитія, земская демократія при первыхъ признакахъ грозы пыталась выдвинуть противъ правительства либеральную партію, чтобы ея вліяніемъ парализовать намѣренія самодержавной бюрократіи и мирнымъ путемъ добиться хотя нѣкоторыхъ конституціонныхъ гарантій. Но земскій либерализмъ оказался слишкомъ вялымъ и расплывчатымъ, чтобы активно вмѣшаться въ теченіе государственной жизни. Съ другой стороны, и буржуазная масса частью оказалась недостаточно развитой политически для рѣшительнаго наступленія, частью, по самому своему характеру, не обнаружила способности къ открытой борьбѣ и свалила всю тяжесть грознаго боя на свой передовой отрядъ, разночинную интеллигенцію. Въ такомъ положеніи передъ интеллигенціей раскрывалась одна дорога, дорога революціонной самозащиты при пассивномъ сочувствіи и одобреніи общества. Но, возвращаясь снова къ тѣмъ методамъ борь-

бы, которыми онъ начиналъ свое историческое поприще, разночинецъ ставитъ себѣ теперь другія задачи. Онъ утратилъ, въ сорокалѣтнемъ странствованіи по пустынѣ буржуазнаго общества, вѣру въ народныя массы и соціалистическіе идеалы; онъ крѣпко связалъ себя съ завтрашними хозяевами русской жизни и отказался отъ далекихъ «конечныхъ цѣлей»; остановленный варварскимъ правительствомъ въ работѣ мирнаго завоеванія общества и государства, онъ съ болѣзненной жадностью обратилъ свои взоры къ солнцу политической свободы и, не имѣя силы двинуть въ борьбу за нее народныя массы, направилъ противъ отдѣльныхъ представителей власти оружіе отдѣльныхъ революціонеровъ, въ надеждѣ дезорганизовать бюрократію и сдѣлать ее болѣе уступчивой и мягкой. Но за единичными выстрѣлами и взрывами нельзя забывать порождающей ихъ общественной группы. Уже недалеко то время, когда русская буржуазная демократія, защищая свои жизненные интересы, выступитъ, какъ революціонная политическая партія. Порожденная буржуазнымъ развитіемъ русскаго общества, встрѣтившимъ препятствія въ азіатскомъ правительствѣ, демократическая партія сосредоточитъ всѣ свои силы и помыслы на политическомъ освобожденіи Россіи; ея соціальная программа будетъ носить печать буржуазнаго реформаторства, и рабочій классъ явится для нея только орудіемъ для достиженія поставленныхъ политическихъ цѣлей. Какъ и всякая буржуазная демократія, она не осуществитъ, однако, даже строго послѣдовательнаго демократическаго строя и выступитъ противъ революціоннаго соціализма въ защиту современнаго общества. Въ сложной и трудной работѣ разрушенія существующаго политическаго уклада Россіи демократія сыграетъ крупную и прогрессивную роль и, съ этой точки зрѣнія, чрезвычайно желательно ея скорѣйшее появленіе изъ туманныхъ нѣдръ «Освобожд.» и «Рев. Рос.». Но это появленіе нисколько не измѣнитъ ни задачъ, ни современной позиціи русскаго пролетаріата. Только самостоятельная политическая рабочая партія, партія революціоннаго соціализма, способна выразить и отстоять дѣйствительные интересы рабочаго класса, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

Н. Негоревъ.

Явленіе либераловъ народу.

(20 октября 1904, № 76).

«Освобожденцы» обратились къ народу съ прокламаціей о войнѣ и конституціи. Либералы, которые именемъ народа привыкли ходатайствовать передъ правительствомъ, непреклонною силою вещей вынуждены аппелировать къ народу отъ правительства. «Народъ», вызванный соціалдемократіей къ политической жизни, заставилъ себя признать—сперва правительство, затѣмъ русскихъ «радикаловъ» старой вѣры, наконецъ, либераловъ. Изъ третьяго лица онъ превращается для всѣхъ во второе. Говорятъ не только о немъ, говорятъ съ нимъ. Его убѣждаютъ, его призываютъ, его содѣйствія ищутъ.

Обращеніе «освобожденцевъ» съ программной прокламаціей къ народу—крупный политическій шагъ. «Освобожденіе», неоффиціальный центральный органъ либеральной партіи, санкціонируетъ это обращеніе либераловъ и придаетъ ему значеніе боевого акта цѣлой партіи.

Въ историческую минуту, требующую высшей опредѣленности и рѣшительности, либералы переступаютъ «порочный кругъ» пассивности и легальности и спускаются внизъ съ Vademecum'омъ въ рукахъ. Прокламація написана для массы, старается говорить языкомъ, понятнымъ массѣ, и взываетъ къ интерасамъ массы.

Что же говорятъ либералы народу?

Они говорятъ ему, что война никому не нужна, что верховная власть не хотѣла ея, что верховная власть миролюбива. Они это доподлинно знаютъ. Они говорятъ далѣе, что соблазнителями являются дурные совѣтники, не освѣдомляющіе объ истинныхъ нуждахъ народа, ибо «иные изъ вельможъ государственныя дѣла ведутъ не по совѣсти, а по корысти, для своего кармана и для почестей, а иные изъ вельможъ—глупы». Чтобы помочь дѣлу, нужно созвать народныхъ представителей. Царь отъ нихъ будетъ узнавать правду «какъ это было изрѣдка въ старину, когда русскіе цари жили въ Москвѣ». «Управлять дѣлами будутъ всѣ сообща—государь, министры и собраніе народныхъ представителей».

Такъ строютъ свободную Россію либералы. Они берутъ подъ свою защиту монархію. Въ своей конституціи они отводятъ ей красный уголъ. Собраніе народныхъ представителей созывается не для выраженія *суверенной* воли народа, а въ помощь *монарху*. Но если само-

державное правительство, дѣйствительно, нуждается теперь въ такой помощи, то нуждается ли народъ въ самодержавномъ правительствѣ? Если безъ конституціи уже не обойтись самодержавному правительству, то неужели же и конституціи не обойтись безъ самодержавнаго правительства? Либералы не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, потому что не осмѣливаются даже его поставить. Партія «Освобожденія», еще не побѣжденная въ борьбѣ, еще не приступившая къ этой борьбѣ, на глазахъ всего русскаго народа, становится на колѣни. Таковъ ея либерализмъ!

Вокругъ трона, за которымъ признается неприкосновенное право исторической традиціи, должны распожиться ея народные представители. Но какой «народъ» будутъ они представлять, по росписанію либераловъ? Народъ *Земствъ и думъ*?—за которыми тоже вѣдь неприкосновенное право исторической традиціи... Будетъ ли представленъ народъ «безъ традицій», народъ безъ сословныхъ, имущественныхъ и образовательныхъ привилегій? Мы спрашиваемъ: тѣ представители, которые призваны спасать народъ и монархію, будутъ ли они выбираться на началахъ *общаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права?* Мы спрашиваемъ либераловъ прямо и рѣшительно, и мы сумѣемъ заставить ихъ дать народу столь же прямой и рѣшительный отвѣтъ на нашъ вопросъ. Въ воззваніи на этотъ счетъ не сказано ни слова. И это, разумѣется, тоже отвѣтъ, хотя и не прямой и не рѣшительный. Онъ означаетъ, что либералы отказываютъ народу, къ которому обращаются, въ политическихъ правахъ. Иначе они не молчали бы. Политическихъ правъ не даютъ народу сюрпризомъ. Когда о нихъ молчатъ, значитъ ихъ не хотятъ дать. И это прежде еще, чѣмъ правительство успѣло предложить «либераламъ» условія, на которыхъ было бы выгодно продать народъ!...

Таковъ ихъ демократизмъ!...

У нихъ нѣтъ отваги противопоставить принципъ принципу... Еще до борьбы за новую Россію, они протягиваютъ руки для соглашенія со старой Россіей. Они опираются на примѣръ сословно-совѣщательныхъ земскихъ соборовъ въ прошломъ, вмѣсто того, чтобы взывать къ торжественному провозглашенію народной воли въ будущемъ. Словомъ: они аппелируютъ къ анти—революціонной традиціи русской исторіи, вмѣсто того, чтобы создать историческую традицію русской революціи. Такова ихъ политическая отвага!

Итакъ, русское конституціонное правительство составляютъ: «*государь, министры* (неизвѣстно, передъ кѣмъ отвѣтственные) *и собраніе*

народныхъ представителей (неизвѣстно, какой «народъ» представляющихъ)».

Стоитъ организовать на этихъ началахъ государственную власть, и тогда—здѣсь начинается центральное мѣсто либеральнаго vademecum'а—и тогда всѣ вопросы разрѣшаются сами собою, всѣ невзгоды и всѣ бѣды русскаго народа сниметъ, какъ рукой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народу удавалось добиться конституціи, онъ, по словамъ прокламаціи, «вездѣ устраивалъ себѣ правые суды, уравнивалъ подати и облегчалъ налоги, уничтожалъ взяточничество, открывалъ для дѣтей свои училища, и *быстро богатѣлъ*... И еслибъ и русскій народъ, такъ пишутъ либералы, потребовалъ себѣ и добился конституціи, то и онъ избавился бы *отъ оскудѣнія, разоренія и всякихъ притѣсненій* точно такъ же, какъ избавились отъ него и другіе народы... Когда будетъ въ Россіи конституція, то народъ черезъ своихъ представителей, навѣрное, отмѣнитъ паспорты, заведетъ хорошіе суды и управленіе, упразднитъ самовластныхъ чиновниковъ, въ родѣ земскихъ начальниковъ, и въ мѣстныхъ дѣлахъ будетъ управляться своими свободно выбранными людьми, заведетъ множество школъ, такъ что *всякій сможетъ получить высшее образованіе*, освободится отъ *всякой тѣсноты*, наказаній розгами (послѣ полученія «высшаго образованія»?) и заживетъ *въ довольствѣ*. Словомъ, при конституціи, т. е. при управленіи страною царя вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ представителей, народъ будетъ свободенъ и добьется *настоящей, хорошей жизни*». Такъ пишутъ либералы.

Конституціонное ограниченіе царской власти не только спасетъ отъ розги и нагайки, но и обезпечитъ отъ бѣдности, лишеній, экономическаго гнета и дастъ возможность «быстро богатѣть»,—вотъ мысль, которую они хотятъ внушить народу. Созвать Земскій Соборъ,—и нѣтъ вопросовъ нищеты, гнета, безработицы, проституціи, пролетаризаціи народныхъ массъ, преступности и невѣжества. Такъ говорятъ либералы. Но говорить такъ, значитъ явно и беззастѣнчиво издѣваться надъ всей соціальной дѣйствительностью, называть черное бѣлымъ, горькое сладкимъ, значитъ закрывать глаза себѣ и другимъ—на опытъ всей той исторіи, которую буржуазная Европа продѣлала въ теченіе послѣдняго столѣтія, значитъ попирать ногами кричащіе факты, игнорировать все, что образованный человѣкъ можетъ узнать изъ любой европейской газеты,—значитъ спекулировать единственно на невѣжество русской народной массы, на египетскую тьму полицейскаго государства, да на низкій уровень политической морали въ рядахъ собственной партіи. Это значитъ замѣнять обращеніе—извращеніемъ, агитацію—де-

магогіей, политическую конкурренцію—недобросовѣстной спекуляціей. Это значитъ увѣренно итти къ превращенію собственной партіи, которая идеологически является представительницей «народа», въ простую кличку, сознательно эксплоатирующую темноту народа. Мы говоримъ это со всей энергіей,—и наши слова долженъ услышать не только каждый революціонный пролетарій, но и каждый русскій либералъ.

Прокламацію писали образованные люди. Они знаютъ, что ничего изъ того, о чемъ они говорятъ народу, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Они знаютъ, что и послѣ того, какъ будетъ созванъ Земскій Соборъ, порядокъ на Руси останется буржуазный. Они знаютъ, отлично знаютъ, что конституція не спасаетъ маленькаго собственника отъ пролетаризаціи, не даетъ безработному работу, не охраняетъ рабочаго ни отъ нищеты, ни отъ развращенія. Они знаютъ, что высшее образованіе доступно не всѣмъ, что оно есть монополія имущихъ. Они все это знаютъ,—читали, видѣли, сами говорили и писали,—знаютъ, не могутъ не знать.—Вы, напр., г. Струве, вы, который одобряете «этотъ простой по формѣ и вразумительный по содержанію призывъ», отвѣтьте прямо въ «Освобожденіи»: знаете вы все это или нѣтъ?—Да, они знаютъ это. Но, сверхъ того, они знаютъ, что народъ, къ которому они обращаются, этого еще не знаетъ. И они говорятъ народу то, чего нѣтъ, и то, во что они сами не вѣрятъ. Они лгутъ народу. Они обманываютъ народъ.

Неужели они не подумали, что у самаго порога ихъ встрѣтитъ соціалдемократія? Что она позаботится о томъ, чтобъ свести ихъ на очную ставку съ исторической истиной? Они должны были бы хоть это предвидѣть. Но въ прокламаціи они не произнесли даже имени соціалдемократіи. Они пытаются разговаривать съ народомъ черезъ голову той партіи, которая, задолго до ихъ выступленія, говорила съ народомъ о тѣхъ же вопросахъ, но говорила иначе, которая заставила ихъ самихъ обратиться къ народу. Надо думать, они понимаютъ, что они вступили на путь прямой и непосредственной политической борьбы съ соціалдемократіей. Нашей партіи не страшенъ такой противникъ!

Съ суевѣрной почтительностью предъ монархіей, съ недовѣріемъ къ демократіи, безъ политическаго энтузіазма, безъ оппозиціонной энергіи—«безъ инициативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ міроваго историческаго призванія, не довѣряя собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей»,—таковъ этотъ противникъ, сознательно или безсознательно бросившій вызовъ партіи рабочихъ массъ.

Соціалдемократія приметъ вызовъ.

Н. Троцкій.

Демократы на распутьи.

(5 ноября 1904 г., № 77).

Земская улица справляетъ торжественный праздникъ. Послѣ долгихъ лѣтъ непреклоннаго преслѣдованія, земскіе либералы снова призваны спасать отечество. Къ ихъ голосу прислушиваются, ихъ мнѣнія должны, въ той или другой степени, опредѣлить завтрашній день русской исторіи. Какъ растерявшееся правительство, такъ и разночинная интеллигенція любовно обращаютъ взоры къ мѣстнымъ людямъ и ждутъ отъ нихъ отвѣта на наболѣвшіе вопросы нашего времени. Министерство внутреннихъ дѣлъ созываетъ своего рода земскій соборъ, а либерально-демократическая пресса спѣшитъ облечь его довѣріемъ народа. «На земскихъ людей—пишутъ «Кіевск. Отклики»—выпала счастливая доля общественнаго представительства; волею судьбы они, въ столь знаменательное время, получаютъ возможность говорить отъ имени страны, высказать ея пожеланія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ. И будемъ вѣрить, что они сдѣлаютъ свое дѣло»...

Неудивительно, что, встрѣчая такое отношеніе, земскіе либералы начинаютъ чувствовать себя хозяевами положенія и пытаются диктовать свою волю не только издыхающему режиму, но и революціоннымъ элементамъ пробудившагося народа. Открывая елецкое земское собраніе, извѣстный А. А. Стаховичъ, человѣкъ, несомнѣнно, искренній и доброжелательный въ предѣлахъ своего ограниченнаго кругозора, съ тревогою умоляетъ крайнія партія не нарушить революціоннымъ дѣйствіемъ благодѣтельнаго развитія новаго курса и не толкнуть правительство въ объятія реакціи. Вслѣдъ за нимъ, газетный проходимецъ Столыпинъ, на страницахъ вывернувшагося наизнанку «Нов. Вр.», призываетъ къ умѣренности радикальное студенчество, опять таки въ интересахъ свободы. Студенческія волненія и демонстраціи, по увѣренію Столыпина, «дорогой подарокъ» «козырь, нежданный, громадный козырь въ рукахъ реакціонеровъ». «Не слѣдуетъ дѣлать этого подарка, не нужно ловить воображаемыхъ рѣшетокъ: теперь и двери открыты, широко открыты». Въ эти широко открытыя двери войдутъ представители земскихъ собраній, затѣмъ, уже при закрытыхъ дверяхъ, постановятъ рѣшенія, которыя удовлетворятъ жгучія нужды студентовъ, крестьянъ, рабочихъ и, вообще, всего русскаго населенія. Все будетъ сдѣлано къ общему благу и удовольствію, если только, ко-

нечно, не помѣшаютъ непримиримые и безсмысленные революціонеры. Вотируйте же довѣріе земскимъ либераламъ! Такія ноты звучатъ въ рѣчахъ земскихъ гласныхъ и въ писаніяхъ радикальныхъ журналистовъ. Русская буржуазная демократія, въ жгучей жаждѣ политическаго освобожденія, готова устранить себя, какъ самостоятельную силу, и передовѣрить свои полномочія тѣмъ людямъ, которые, въ силу историческихъ условій, случайно получили возможность говорить отъ имени страны.

Ни одна партія не имѣетъ стольких основаній стремиться къ свободѣ, какъ соціалдемократія. Ни одна партія не принесла дѣлу свободы такихъ многочисленныхъ и кровавыхъ жертвъ, какъ соціалдемократія. Но именно потому, что намъ, дѣйствительно, дорога свобода народа, мы имѣемъ право и обязанность строго взвѣсить политическую цѣнность поведенія русскаго «общества», съ такой готовностью дающаго полномочіе говорить именемъ всего народа своимъ самымъ ненадежнымъ представителямъ. Мы не станемъ разсматривать совершенно ясный вопросъ о томъ, насколько утвержденные въ министерство Плеве предсѣдатели губернскихъ и уѣздныхъ управъ или предводители дворянства, которые составятъ основную ткань предстоящаго земскаго съѣзда, могутъ явиться даже выразителями земскаго либерализма. Пусть они всѣ будутъ послѣдовательными либералами,—и тогда демократія не можетъ передать имъ своихъ полномочій.

Исторія русскаго земства даетъ намъ право на это недовѣріе. Земскій либерализмъ ведетъ свое происхожденіе непосредственно отъ дворянскихъ конституціонныхъ движеній конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Онъ сложился изъ двухъ разнородныхъ теченій: одно—слабое и мало вліятельное—выражало потребности нарождавшагося тогда капиталистическаго хозяйства, другое—сильное и значительное—являлось крѣпостнической оппозиціей правительству, стремившейся политическою властью дворянства укрѣпить разрушенныя жизнью феодальныя привилегіи господствующаго сословія. Но въ конкретныхъ политическихъ требованіяхъ оба теченія сливались въ одномъ конституціонномъ потокѣ. Либеральные депутаты редакціонныхъ комиссій въ своей оппозиціи противъ бюрократіи и абсолютизма шли сомкнутымъ строемъ съ конституціоналистами-крѣпостниками. И они не имѣли основаній расходиться, такъ какъ политическія требованія той и другой группы, въ особенности, послѣ безповоротнаго рѣшенія уничтожить крѣпостную зависимость, оказались, по существу, одинаковыми. И тѣ и другіе стояли за дарованіе гражданскихъ правъ народу и политическихъ правъ дворянству; и тѣ и

другіе допускали распространеніе политическихъ правъ на крупныхъ землевладѣльцевъ и лицъ съ высшимъ образованіемъ; и тѣ и другіе не признавали народную массу достаточно зрѣлой для политической дѣятельности.

Тѣ же черты земскій либерализмъ сохранилъ и при второмъ подъемѣ конституціоннаго движенія въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Подъ вліяніемъ революціоннаго натиска, правительство, какъ и теперь, призвало земскія силы къ спасенію расшатаннаго смутой трона. Земскіе либералы имѣли возможность развить предъ правительствомъ полную и стройную программу своей партіи. И они это сдѣлали. Но и тогда они не далеко ушли отъ требованій своихъ предшественниковъ, даже въ скромной области мѣстнаго самоуправленія. «Либеральная программа», — писалъ «Вѣстникъ Европы» [1])—стоитъ вездѣ и всегда за значительное пониженіе имущественнаго ценза и совершенное уничтоженіе его для лицъ, получившихъ извѣстное образованіе». Тѣ же мысли отстаивалъ и оффиціальный органъ земскаго либерализма—газета «Земство», редактировавшаяся нынѣшнимъ сотрудникомъ «Русск. Вѣд.» г. Скалономъ. Несомнѣнно, подъ давленіемъ измѣнившихся экономическихъ условій, программа земскаго либерализма восьмидесятыхъ годовъ утратила яркость сословной окраски и восприняла буржуазность окружающей дѣйствительности, но она не сдѣлалась болѣе демократической. Народъ попрежнему оставался за политическими кулисами, уступая авансцену привилегированнымъ классамъ.

Третій подъемъ земскаго либеральнаго движенія еще не принялъ окончательной формы, но нашумѣвшія въ прошломъ году пренія въ земскихъ собраніяхъ по вопросамъ о мелкой земской единицѣ и земскомъ избирательномъ цензѣ показываютъ, что земскій либерализмъ остается, по существу, на старой позиціи. Кромѣ того, земскія пренія обнаружили наличность значительной группы сторонниковъ узко-сословныхъ дворянскихъ привилегій, группы, съ которою придется серьезно считаться при ликвидаціи существующаго порядка. А экономическія требованія современныхъ земскихъ либераловъ, какъ показали труды сельскохозяйственныхъ комитетовъ, являются самыми крѣпостническими вожделѣніями.

Этотъ характеръ земскаго либерализма буржуазная демократія должна бы принять во вниманіе, прежде чѣмъ вручать ему полномочія рѣшать судьбу страны. Разумѣется, что самая плохая конституція

[1]) 1882 г. апрѣль. Внутрен. обозрѣн.

лучше самаго хорошаго абсолютизма. Но, не говоря уже о требованіяхъ послѣдовательнаго демократизма, нѣтъ никакихъ основаній думать, что либералы доставятъ Россіи даже самую плохую конституцію. До сихъ поръ правительство умѣло съ большимъ успѣхомъ пользоваться антидемократическимъ характеромъ земскаго конституціоннаго движенія. Въ восьмидесятыхъ годахъ правительство искусно раскололо земскую оппозицію, обѣщая, съ одной стороны, возстановленіе политическаго преобладанія дворянства, а съ другой, принимая народническую программу экономической политики по отношенію къ крестьянству. Безъ сомнѣнія, бюрократія не могла выполнить намѣченной программы, какъ по ея противорѣчію съ народнохозяйственнымъ развитіемъ, такъ и по собственной неспособности. Но, если правительство оказалось безсильнымъ удовлетворить народныя нужды, то народъ не имѣлъ никакихъ данныхъ повѣрить, что эти нужды будутъ удовлетворены либералами, когда они сосредоточатъ политическую власть въ рукахъ господствующихъ классовъ. И земское движеніе, встрѣчаемое равнодушіемъ или даже враждебностью народа, до сихъ поръ оставалось безплоднымъ и не могло обезпечить даже мѣстное самоуправленіе отъ посягательствъ самодержавной бюрократіи и реакціоннаго дворянства.

Въ переживаемый моментъ земскій либерализмъ находится, правда, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Жизнь вывела его изъ тѣсныхъ рамокъ землевладѣльческаго класса. Подъ конституціоннымъ знаменемъ сгруппировались разнообразные элементы буржуазной демократіи съ разночинной интеллигенціей во главѣ. Лѣвый флангъ земскихъ либераловъ уже воспринялъ въ сознаніе это измѣненіе. Въ саратовской комиссіи о пересмотрѣ нормъ земскаго избирательнаго ценза гласный Львовъ вполнѣ опредѣленно охарактеризовалъ глубокую перемѣну въ личномъ составѣ конституціонной оппозиціи и ясно формулировалъ новыя задачи земскаго движенія. Онъ указалъ, что, вслѣдствіе начала равнаго раздѣла наслѣдства, дѣти землевладѣльцевъ вынуждены искать средства къ существованію въ либеральныхъ профессіяхъ. Становясь врачами, адвокатами, учителями, молодое поколѣніе дворянства переходитъ въ ряды разночинной интеллигенціи и проникается ея демократическимъ настроеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно перекидываетъ мостъ между землевладѣніемъ и буржуазіей, связываетъ въ одно цѣлое исторически раздѣленныя общественныя группы и преобразовываетъ узкій земскій либерализмъ въ широкій общественный потокъ демократическаго движенія. И г. Львовъ горячо убѣждалъ неповоротливыхъ земскихъ «отцовъ» раскрыть глаза на дѣйствительность и признать грядущую русскую демократію.

Это лѣвое теченіе земскаго либерализма сблизило его съ демократическими элементами русскаго общества и дало ему новую силу. Это теченіе, несомнѣнно, побуждаетъ радикальную интеллигенцію передовѣрять свои нужды представителямъ земской оппозиціи. Но, не говоря о томъ, что даже земская крайняя лѣвая, въ цѣломъ, далеко не отличается послѣдовательнымъ демократизмомъ и носитъ еще слѣды своего сословнаго происхожденія, мы не имѣемъ увѣренности, что въ данную минуту побѣда останется за этою фракціею земскаго либерализма. Наоборотъ, есть полное основаніе предполагать, что теперь выдвигается впередъ либеральная правая, въ которой еще до сихъ поръ живъ духъ сословно-дворянскаго конституціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ. При условіи обращенія правительства къ предводителямъ дворянства и представителямъ земскихъ управъ, за правымъ крыломъ земскаго либерализма почти обезпечено компактное большинство. Этимъ и объясняются тѣ призывы къ умѣренности, которые раздаются нынѣ изъ земскихъ круговъ по адресу крайнихъ элементовъ.

Умѣренная, уклончивая и нерѣшительная тактика земскихъ либераловъ вполнѣ вытекаетъ изъ основныхъ особенностей ихъ программы. Ставя своей цѣлью расширеніе политическихъ правъ имущихъ классовъ, земскій либерализмъ не можетъ разсчитывать на поддержку широкаго народнаго движенія. Поэтому, онъ возлагаетъ всѣ надежды на добрую волю правительства, стихійною силою вещей доведеннаго до сознанія необходимости политическихъ преобразованій. Естественно, что при такихъ условіяхъ формы воздѣйствія на самодержавное правительство должны отличаться особою мягкостью и осторожностью, и самое воздѣйствіе должно мотивироваться пользами самодержавія, необходимостью спасти его отъ гибельнаго натиска бурныхъ волнъ народнаго недовольства. Эта тактика, отнюдь не необходимая для лѣваго демократическаго крыла земской оппозиціи, является классической тактикой земскаго либерализма въ его цѣломъ. Ходатайство—вотъ, въ сущности, единственный методъ дѣйствія, которымъ располагаютъ земскіе либералы.

Теперь, когда имъ снова выпала отвѣтственная роль, они неизбѣжно должны были переоцѣнить старые пріемы борьбы и подумать о новыхъ методахъ дѣйствія. Но ихъ политическая позиція заранѣе обрекала на неуспѣхъ всѣ поиски новыхъ путей. «Моск. Вѣд.» сообщали, будто либералы рѣшили пользоваться свободою слова и собраній, не обращая вниманія на отсутствіе законодательныхъ гарантій. Сама по себѣ, эта мысль заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Неисполненіе требованій полицейскаго самодержавія, открытое игнорированіе всѣхъ административныхъ запретовъ—является удачнымъ и цѣлесообразнымъ пріемомъ борьбы. Но послѣдовательное проведеніе этой тактики неминуемо поведетъ къ столкновенію съ современнымъ полицейскимъ государствомъ, неминуемо повлечетъ переходъ къ явному выступленію противъ власти. Между тѣмъ, всякое выступленіе только тогда можетъ разсчитывать на успѣхъ, когда оно поддерживается широкими народными массами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что требованія политическихъ привилегій, выставленныхъ на знамени земскаго либерализма, не привлекутъ къ себѣ симпатій народной массы. Она останется равнодушной къ борьбѣ либераловъ и, какъ въ восьмидесятыхъ годахъ, спокойно перенесетъ разгромъ либеральной партіи.

А, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ рухнетъ для даннаго момента надежда на освобожденіе Россіи, въ интересахъ котораго буржуазная демократія съ такимъ легкомысліемъ стушевывается сейчасъ предъ умѣренными элементами оппозиціи и передаетъ свои полномочія отцамъ земскаго либерализма, забывая, что всѣ разсчеты отцовъ основаны только на случайныхъ и временныхъ настроеніяхъ верховной власти.

Какъ и въ эпоху «Народной Воли», господствующая нынѣ группа земскихъ либераловъ не располагаетъ никакими средствами борьбы, кромѣ увѣщаній, и, какъ тогда, такъ и теперь, она, вѣроятно, вынуждена будетъ сойти со сцены, уступивъ мѣсто революціонерамъ. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ поручиться, что правительство снова не извернется въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и не сумѣетъ какимъ либо ловкимъ политическимъ ходомъ отсрочить свою гибель, пока противъ него въ качествѣ представителей народа будутъ стоять одни либералы. Поэтому, торопливое и необдуманное надѣленіе земскихъ гласныхъ правами народныхъ представителей является въ высокой степени необдуманнымъ актомъ, которымъ русская нарождающаяся демократія самоубійственно лишаетъ себя политическаго значенія. Уничтоженіе абсолютизма, въ силу историческихъ условій русскаго общественнаго развитія, можетъ быть достигнуто только активными усиліями самого народа. Никакое политическое замѣстительство въ этомъ случаѣ недопустимо и, поскольку разночинная интеллигенція передаетъ полномочія демократіи въ земскія руки, она безразсудно рискуетъ дѣломъ политическаго освобожденія Россіи.

Судьба свободы въ Россіи зависитъ не отъ верховъ нашего общества. Она будетъ рѣшена голосомъ народа. И къ нему должны быть направлены въ переживаемую критическую минуту взоры всѣхъ искрен-

нихъ сторонниковъ демократическаго обновленія русской жизни. Было бы, конечно, политической безграмотностью игнорировать такой крупный фактъ, какъ созывъ земскихъ представителей. Но еще большей безграмотностью является передовѣріе земскимъ гласнымъ демократическихъ мандатовъ. *Демократія должна дѣйствовать самостоятельно отъ земскихъ либераловъ и, въ качествѣ самостоятельной силы, вліять на поведеніе земскихъ либераловъ, стараясь превратить суррогаты общественнаго представительства въ всенародное учредительное собраніе.*

Нѣкоторое сознаніе этой необходимости уже начинаетъ проявляться въ буржуазно-демократическихъ кругахъ. Такъ, недавно въ Саратовѣ, на собраніи санитарнаго Общества, присутствовавшая, въ количествѣ около 400 человѣкъ, публика громкими аплодисментами единогласно приняла текстъ телеграммы Святополку, въ которой выражалось пожеланіе, чтобы «довѣріе къ творческимъ силамъ страны нашло себѣ выраженіе въ прочныхъ формахъ участія представительства всего русскаго народа въ законодательствѣ и управленіи». Это требованіе, столь отличное отъ рабьихъ привѣтствій земскихъ собраній, представляетъ дѣйствительный голосъ демократіи. И такія требованія должны быть обращены не только къ правительству, но и къ членамъ предстоящаго земскаго съѣзда. Нѣтъ никакого основанія оставлять ихъ въ спокойной увѣренности, что они имѣютъ право говорить за народъ. Народъ долженъ непосредственно подать свой голосъ и сказать свое рѣшительное слово. Демократія обязана всѣми силами содѣйствовать революціонному пробужденію народныхъ массъ. Но для этого она не должна пасовать предъ либералами, она должна отвергнуть ихъ политическую гегемонію и, учитывая либерализмъ, какъ развѣдочный отрядъ въ предстоящей стычкѣ, твердо и непреклонно примкнуть къ единственно революціонной партіи нашего времени—соціалдемократіи, подъ напоромъ которой зашатался россійскій «старый порядокъ» и которой, очевидно, суждено нанести ему и послѣдній рѣшительный ударъ. Пока же буржуазная демократія плетется подъ земскимъ флагомъ, въ хвостѣ умѣреннаго либерализма, она всегда подвергается опасности попасть подъ перекрестный огонь и потерпѣть полное пораженіе.

Н. Негоревъ.

Итоги „земскаго парламента“.

(20 ноября 1904 г. № 78).

Мигъ вожделѣнный насталъ! Нотабли русской «земли», умѣренные «отцы» земства сказали, наконецъ, «свое вѣское слово». Земская мысль разрѣшилась отъ бремени открытымъ конституціоннымъ требованіемъ.

Несомнѣнно, роды были трудные. Несомнѣнно, много пришлось хлопотать ученой повитухѣ—«освобожденской» партіи,—чтобы привести къ благополучному—для родильницы и ребенка—концу этотъ долгій, почти слоновой продолжительности, процессъ беременности. Нельзя не воздать должнаго тонкому искусству этой хлопотуньи, которая съумѣла добиться вожделѣннаго результата, не прибѣгнувъ даже къ хирургической операціи—къ революціонной помощи народныхъ массъ. Все обошлось «чинно, благородно», и прятавшіеся, какъ увѣряетъ иностранная пресса и какъ мы охотно вѣримъ, отъ всякихъ проявленій «народной симпатіи» земскіе нотабли изъ своихъ келейныхъ засѣданій вынесли на свѣтъ божій свое законченное твореніе, точно выражающее смыслъ и сущность того либерально-демократическаго «блока», надъ укрѣпленіемъ котораго такъ усиленно потрудилось «Освобожденіе».

Несомнѣнно, въ засѣданіяхъ «земскаго съѣзда» и, еще больше, за его кулисами, разыгралась богатая дѣйствіемъ политическая комедія. Надо было «примирить» съ конституціоннымъ характеромъ движенія вліятельнаго Шипова и его либерально - славянофильскую группу; надо было примирить «сѣрыхъ» отцовъ провинціи съ политическимъ характеромъ манифестаціи вообще; надо было примирить съ ея либеральнымъ характеромъ нѣкоторыхъ реакціонныхъ предсѣдателей и предводителей; надо было примирить съ ярко-оппозиціонной тенденціей рѣшеній съѣзда—свою собственную группу, ея рядовыхъ членовъ. Надо было, наконецъ, убѣдить немногихъ представителей демократизма удовлетвориться неопредѣленностью выраженій и формулировкой пожеланія объ учредительномъ собраніи и согласиться на умолчаніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ: изъ всѣхъ задачъ вѣроятно, наиболѣе легкая, ибо демократы на самомъ съѣздѣ и за его кулисами были, судя по всему, наиболѣе «самоотверженными» изъ дѣятелей «блока».

Вся эта трудная работа лежала, безъ сомнѣнія, на основномъ ядрѣ земскихъ конституціоналистовъ, и они удачно выполнили, повидимому,

свою задачу. Конституціонная резолюція, за вычетомъ одного пункта, о которомъ ниже, собрала подписи всѣхъ, кромѣ 2-хъ участниковъ собранія. Это большой успѣхъ, знаменующій собой кульминаціонную точку въ развитіи историческаго земскаго либерализма. Резолюціи 6—8 ноября пріобрѣтаютъ значеніе политическаго событія первостепенной важности. Прогрессивная русская буржуазія впервые «полнымъ голосомъ» сказала: прости! выпестовавшему ее просвѣщенному крылу самодержавной бюрократіи, впервые отвѣтила достойной политическихъ дѣятелей «черной неблагодарностью» шарлатанамъ сердечнаго попеченія, такъ долго превращавшимъ въ одинъ изъ устоевъ самодержавія то общественное самоуправленіе, которому, по самой исторической сущности, надлежало быть его могильщикомъ.

Надо сказать, что министерство «новаго курса» много поработало для достиженія этого счастливаго результата. Когда бѣдный Святополкъ предложилъ организаторамъ «тайнаго» земскаго съѣзда сдѣлать послѣдній оффиціальнымъ, онъ вызывалъ къ жизни такихъ «духовъ», съ которыми привыкла и умѣетъ справляться столичная бюрократія. И если онъ все-таки почувствовалъ себя очень скоро въ положеніи волхва извѣстной сказки, то только потому, что вмѣстѣ съ духами земской оппозиціи, онъ, не замѣчая того, «разнуздывалъ» и духовъ революціонной демократіи. Петербургъ взволновался и—первые показатели возрождающагося массоваго натиска—студенческія сходки заговорили революціоннымъ языкомъ, а варшавскіе пролетаріи, въ рядѣ уличныхъ сраженій, въ то же время напомнили просвѣщенному министру, съ какими стихіями ему придется имѣть дѣло. «Сегодня 4 ноября, писалъ намъ одинъ товарищъ изъ Петербурга, и, быть можетъ черезъ 2—3 дня накопленное сознаніе выльется въ стихійный процессъ... спросите любого встрѣчнаго, гдѣ онъ будетъ 6-го, и онъ вамъ, почти не задумываясь, скажетъ: на площади, гдѣ будетъ земскій съѣздъ. Мнѣ кажется, ясно, что стихійная манифестація, во всякомъ случаѣ состоится». Языкъ прессы становился все болѣе нетерпѣливымъ, изъ провинціи полетѣли радикальные адреса земскому съѣзду. [1]).

И старая знакомая «нервозность», столько разъ уже парализовавшая въ рѣшительную минуту авантюристскую предпріимчивость нашихъ болѣе или менѣе сознательныхъ провокаторовъ диктатуры сердца,— эта роковая нервозность, ростъ которой такъ отчетливо выражаетъ со-

---

[1]) Какой то доноситель сообщаетъ въ „Моск. Вѣд.“ что саратовскіе земцы, отправляясь въ Петербургъ, были провожаемы не только „красными“ рѣчами своихъ товарищей, но и пѣніемъ марсельезы.

бою приближеніе великаго краха самодержавія, снова погубила его игру. Земской оппозиціи не суждено было испытать минуты блаженства на груди «весенняго» обольстителя. «Оппозиціонныя группы возвращают себѣ свободу дѣйствій», писалъ въ № 60 «Освобожденія» его петербургскій корреспондентъ. Принимаютъ ее—слѣдовало бы сказать, ибо эта «свобода» была имъ брошена въ лицо наглой бюрократіей.

Вмѣстѣ съ сотрудникомъ г-на Струве, мы готовы возблагодарить судьбу за то, что жертва генеральскаго флирта еще сохранила свое либеральное цѣломудріе; но въ отличіе отъ него, мы не можемъ забыть, что еще одинъ ласковый взглядъ,—и эта впечатлительная дама утратила бы душевное равновѣсіе.

Но рокъ судилъ иначе, тотъ рокъ, который безпощадно влечетъ къ могилѣ дряхлый государственный режимъ. Бюрократическій фетишизмъ ослѣпилъ петербургскихъ зубатовцевъ высшей марки. Не помѣшать земскимъ нотаблямъ собраться и вынести болѣе или менѣе «лойяльныя» оппозиціонныя заявленія—съ этимъ еще могла, хоть и скрѣпя сердце, мириться весенняя политика; но дать этому собранію санкцію оффиціальности, подписать заранѣе подъ его невѣдомыми рѣшеніями священную формулу «дозволено цензурой»—это было слишкомъ. И очертя голову, сознавая, что дѣлаетъ новую глупость, правительство спѣшно взяло назадъ свое разрѣшеніе. И, словно по мановенію жезла, обычнаго типа собраніе «свѣдущихъ людей» превратилось тѣмъ самымъ въ земскій парламентъ, а его разнородные элементы грубымъ движеніемъ солдатской ботфорты брошены въ объятія конституціоналистовъ. То, что могло бы превратиться въ жалкую комедію, стало серьезнымъ политическимъ дѣйствіемъ. Рѣшающій голосъ въ земскомъ парламентѣ пріобрѣтали открытые конституціоналисты, продиктовавшіе ему свою программу. Эта послѣдняя, какъ выше указано должна была, чтобы объединить собраніе, считаться съ заскорузлой «умѣренностью» земской правой и вотъ почему, безъ сомнѣнія, мы не находимъ въ резолюціяхъ 6—8 ноября ни протеста противъ войны, ни требованія всенароднаго представительства въ учредительномъ собраніи и будущемъ конституціонномъ аппаратѣ. Земскіе демократы, которые только что объявили себя сторонниками всеобщаго избирательнаго права (см. ихъ брачный договоръ съ соц.-рев. и «P. P. S.» въ «Humanité»), пожертвовали ради сохраненія своего стараго брака (по разсчету) съ «умѣренными» этимъ требованіемъ; они не сочли даже нужнымъ приложить его къ резолюціямъ, хотя бы какъ мнѣніе радикальнаго меньшинства.

Конечно, эта скромность субъективно мотировалась нежеланіемъ вносить «дисгармонію» въ земскій блокъ. Но такъ какъ ихъ самопожертвованіе—на счетъ принциповъ—не могло помѣшать г. Шипову и К° приложить свое особое мнѣніе (21-го члена), мнѣніе противниковъ рѣшительнаго конституціонализма, то примѣненный крайней лѣвой «пріемъ умолчанія» только лишній разъ показалъ ея политическую безхарактерность и ни къ чему не привелъ.

Но этотъ характерный фактъ, самъ по себѣ, менѣе всего можетъ быть признанъ случайнымъ. Онъ явился неизбѣжнымъ выводомъ изъ того обстоятельсьва, что, умѣло использовавъ, противъ земской правой, нелѣпую политику Святополка, для проведенія конституціонной программы, земская лѣвая не преминула сдѣлать этой правой существенную уступку въ области тактики. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на «полу-запрещеніе» съѣзда апелляціей къ общественному мнѣнію; вмѣсто того, чтобы, сдѣлавъ свои засѣданія возможно болѣе гласными, пойти навстрѣчу поднимающемуся въ широкихъ демократическихъ низахъ движенію—конституціоналисты сдѣлали все возможное, чтобы умалить непосредственно-агитаціонное значеніе своего «перваго шага». Мало того, что они засѣдали «въ потемкахъ»; мало того, что они не приняли резолюціи протеста противъ дѣйствій правительства по отношенію къ нимъ, что они не протестовали противъ запрещенія печати касаться ихъ съѣзда—но, какъ намъ сообщаютъ, они усиленно старались, чтобы петербургская «толпа» не вздумала отвѣтить революціоннымъ эхо на ихъ слабозвучащіе голоса. Ради сохраненія земскаго «блока», освобожденская лѣвая послушно слѣдовала по старымъ протоптаннымъ дорожкамъ либеральной благонамѣренности, прямикомъ ведущимъ въ болото тѣхъ самихъ «полумѣръ», противъ которыхъ такъ краснорѣчиво на-дняхъ предостерегалъ на банкетѣ саратовскихъ либераловъ г-нъ Унковскій.

Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые. Разрывая съ традиціей земско-либеральной и вступая подъ знамя открытаго конституціонализма, нельзя остановиться на полдорогѣ и упускать возможность нанести сильный ударъ врагу тогда, когда онъ еще можетъ быть застигнутъ врасплохъ. Въ качествѣ первой рѣшительно конституціоналистской демонстраціи земской буржуазіи, съѣздъ 6—8 ноября могъ бы явиться исходнымъ пунктомъ для всесторонняго бурнаго натиска на самодержавіе. Но для этого надо было не прятаться отъ народа, не давать—если вѣрны свѣдѣнія нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ—полиціи обѣщанія избѣгать уличныхъ манифестацій, не парализовать значенія своей собственной побѣды—побѣды надъ собственными полити-

ческими традиціями, не давать опомниться потерявшей голову реакціи, не спѣшить разъѣзжаться «по домамъ», а затянуть плодотворный процессъ усиливавшагося кругомъ ихъ броженія. А для этого надо было только одно—стать рѣшительно и твердо на демократическую точку зрѣнія и не бояться политическаго выступленія народной массы. Только въ этомъ случаѣ земская демонстрація превратилась бы въ революціонное дѣйствіе. Было бы наивностью думать, что не только умѣренные либералы, но и болѣе радикальные земскіе демократы самостоятельно придутъ къ мысли объ апелляціи къ народному движенію. Ни ихъ прошлое, ни ихъ поведеніе въ октябрьскіе дни не даютъ намъ права на такую надежду. Задача расширить политическое значеніе вставшаго на принципіально правильный путь буржуазно-конституціоннаго движенія и влить въ него революціонное содержаніе, падаетъ всецѣло на плечи рабочей партіи.

Только этимъ путемъ она сможетъ выполнить свою миссію— подготовить организованный пролетаріатъ къ самостоятельной политической роли въ наступающей буржуазной революціи и—въ процессѣ роста его политическаго давленія на рядомъ съ нимъ борющіяся противъ деспотизма общественныя силы—обезпечить ему роль дѣйствующаго авангарда этой революціи, которой такъ неизбѣжно измѣняютъ и будутъ измѣнять всѣ фракціи буржуазнаго либерализма. Голоса революціоннаго пролетаріата почти не было слышно въ тѣ ноябрьскіе дни, когда земскіе отцы отечества говорили отъ имени измученной абсолютизмомъ страны. Но тѣнь его явно носилась и передъ самодержавствующей бюрократіей, когда она спѣшно брала назадъ свое согласіе на съѣздъ, и передъ умѣренными земцами.

И земскій либерализмъ далъ свою санкцію историческому факту выступленія русскаго народа на арену активной политической борьбы, когда вписалъ въ число своихъ требованій организацію народнаго (а не центральнаго земскаго) представительства и реорганизацію существующаго мѣстнаго самоуправленія, путемъ предоставленія избирательнаго права, «по возможности» (!), всему населенію. Такова сила событій: всего только годъ назадъ подавляющее большинство земцевъ объявило единственнымъ прочнымъ базисомъ прогресса и культуры сохраненіе помѣстнаго и образовательнаго ценза въ общественномъ самоуправленіи; нынѣ же самые отсталые и зависимые отъ бюрократіи (представители управъ) элементы сдѣлали тотъ скачекъ, послѣ котораго земство, какъ таковое, теряетъ свой raison d'être въ качествѣ камня, на коемъ, по старому повѣрью, созиждется церковь кон-

ституціоннаго будущаго Россіи! И мы, перефразируя извѣстное изреченіе, вправѣ сказать «земскому» либерализму: «умри, Денисъ, ты лучшаго ничего не сдѣлаешь».

Ноябрьскія резолюціи могутъ сыграть крупную роль въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія анти-абсолютистскаго движенія. Но не отъ ихъ авторовъ зависитъ теперь реализовать эти возможные результаты. Очередь за пролетаріатомъ. Онъ «подхватитъ» вышедшее снова на поверхность общественной жизни конституціонное движеніе и, придавъ ему сознательно-революціонный характеръ, обозначитъ яркими, недвусмысленными красками его демократическіе лозунги. Онъ будетъ оказывать такое воздѣйствіе на стоящій въ центрѣ этого движенія либерально-демократическій «блокъ», чтобы каждое его уклоненіе вправо отрывало отъ него и отбрасывало къ соціалдемократіи его демократическіе элементы, чтобы каждый шагъ его влѣво, совершаясь подъ явнымъ давленіемъ народныхъ массъ, велъ къ революціонному обостренію разгорающійся конфликтъ между старой и новой Русью.

Ноябрьскія событія въ Петербургѣ будутъ имѣть свое продолженіе въ предстоящей сессіи губернскихъ земскихъ собраній. Буржуазная демократія, несомнѣнно, мобилизуетъ всѣ свои силы, чтобы не дать земскимъ резолюціямъ въ губерніяхъ опуститься значительно ниже того уровня, на который ей удалось поднять ихъ въ петербургскомъ парламентѣ. Наша обязанность добиваться, чтобы уровень этотъ былъ еще поднятъ, чтобы наше политическое требованіе— созыва всенароднаго учредительнаго собранія—громко раздалось на этихъ собраніяхъ, чтобы конституціонныя манифестаціи на нихъ превратились—активнымъ и сознательнымъ участіемъ пролетаріата—въ революціонныя событія. Опытъ нашихъ харьковскихъ товарищей, которые подготовили и провели въ самый день открытія «земскаго парламента» въ столицѣ демонстрацію въ мѣстномъ юридическомъ обществѣ, показываетъ, въ какомъ направленіи намъ слѣдуетъ дѣйствовать. И если мы съумѣемъ всесторонне повести подготовительную работу агитаціи и организаціи, второй актъ конституціоннаго движенія оппозиціонной буржуазіи можетъ совпасть съ первымъ рѣшительнымъ выступленіемъ русскаго пролетаріата, какъ самостоятельно-дѣйствующей политической силы, сознательно налагающей свое революціонное вліяніе на ходъ и исходъ начинающейся развязки исторической драмы.

Противъ воли его активныхъ участниковъ, сдѣлавшихъ все возможное для умаленія его значенія, земскій съѣздъ сталъ крупнымъ политическимъ событіемъ, въ силу объективной логики историческаго развитія. Это обстоятельство, непреложно свидѣтельствуя о томъ, какъ

благопріятно складываются условія для рѣшительной революціонной иниціативы, обязываетъ партію пролетаріата къ открытію энергичной и планомѣрной политической кампаніи. Время не ждетъ, товарищи!

Л. Мартовъ.

Объединеніе буржуазной демократіи.

(1 декабря 1904 г., № 79).

Очередная задача—политическое освобожденіе Россіи—встала во весь свой ростъ, во всей своей ясности, во всей принципіальной простотѣ и фактической сложности. И тотъ вопросъ, который она поставила передъ всѣми стекающимися подъ освободительное знамя партіями и группами, этотъ вопросъ требуетъ ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ.

По мѣрѣ того, какъ даются эти отвѣты, все яснѣе и яснѣе изъ пестраго конгломерата столь многочисленныхъ «направленій» выступаютъ на нашихъ глазахъ сравнительно простыя архитектурныя линіи соціальнаго строенія. Традиціонныя идеологическія облаченія, вчера еще раздѣлявшія разныя группы, падаютъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и родственныя души, впервые сбросившія покровъ ненужной ветоши, узнаютъ другъ друга и радостно бросаются въ объятія, поспѣшно отставляя въ сторону, какъ «идеалъ»—прекрасный, но далекій—то, что вчера казалось священнымъ и неприкосновеннымъ «символомъ вѣры».

Прологъ русской революціи только открывается, а уже процессъ сплоченія однородныхъ соціальныхъ элементовъ начинаетъ совершаться съ поразительной быстротою.

На берегахъ Невы, въ памятные дни «земскаго парламента», мы видѣли одинъ изъ актовъ этого сплоченія; многолюдные банкеты, собранія ученыхъ и литературныхъ обществъ, новыя предпріятія въ области періодической прессы—это все этапы на пути объединенія буржуазной демократіи на «легальной», осѣненной министерскимъ

«довѣріемъ», поверхности русской жизни. Напечатанный въ № «Листка Освобожденія», документъ показываетъ намъ тотъ же процессъ сплоченія въ нелегальномъ подпольѣ.

«По инціативѣ нѣскольких членовъ Финляндской оппозиціи»—собрались на конференцію делегаты 7 организацій: партіи соціалистовъ-революціонеровъ, польской соціалистической партіи (П. П. С.), грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ (Сакартвело), армянской революціонной федераціи (Дрошакъ), польской національной лиги (Liga Narodowa), финляндской партіи активнаго сопротивленія и Союза Освобожденія. Мы не знаемъ, какимъ образомъ попалъ въ эту тѣсную компанію делегатъ восьмой организаціи—латышской с.-д. рабочей партіи. Всѣ эти партіи и группы единогласно пришли къ извѣстнымъ заключеніямъ, къ которымъ присоединилась впослѣдствіи и «Бѣлорусская соціалистическая (?) громада». Делегатъ латышской соціалдемократіи заявилъ, впрочемъ, что принимаетъ всѣ результаты конференціи ad referendum, т. е. подвергнетъ ихъ предварительному разсмотрѣнію и утвержденію своей организаціи.

Заключенія эти, поскольку конференція сочла возможнымъ ихъ опубликовать, сводятся къ слѣдующему, единогласно принятому, заявленію (мы опускаемъ мотивировку):

«Ни одна изъ представленныхъ на конференціи партій, соединяясь для согласованныхъ дѣйствій, ни на минуту не думаетъ тѣмъ самымъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или тактическихъ пріемовъ борьбы, соотвѣтствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ она представляетъ.

«Но въ то же время всѣ эти партіи констатируютъ, что слѣдующіе основные принципы и требованія одинаково признаются всѣми ими:

«1) Уничтоженіе самодержавія; отмѣна всѣхъ мѣръ, нарушившихъ конституціонныя права Финляндіи;

2) Замѣна самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ;

3) Право національнаго самоопредѣленія; гарантированная законами свобода національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ націямъ.

«Во имя этихъ основныхъ принциповъ и требованій, представленныя на конференціи партіи соединятъ свои усилія для ускоренія не-

избѣжной гибели абсолютизма, одинаково несовмѣстимаго съ достиженіемъ всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ разнообразныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ каждая изъ этихъ партій».

Таковъ новоявленный «блокъ», и это именно—«блокъ», а не что иное; ибо не отдѣльный политическій актъ, не отдѣльный моментъ текущей борьбы, а огромная задача цѣлаго историческаго періода—уничтоженіе самодержавія—связала на долгое время участниковъ конференціи общими узами.

Таковы условія, на которыхъ сочла возможнымъ «согласовать» свои дѣйствія крайняя «лѣвая» буржуазной и націоналистической оппозиціи, и достаточно бѣглаго сопоставленія этихъ условій съ тѣмъ, что дѣлается на «правомъ», соприкасающемся съ умѣренной земской фрондой, крылѣ той же оппозиціи, чтобы увидѣть, что «средняя линія», на которой сошлись разнообразные элементы, и тутъ и тамъ болѣе или менѣе одинакова. Да иначе и быть не могло: ибо передъ нами не два разныхъ «блока», не двѣ разныхъ группировки, а одна сплошная цѣпь объединившейся буржуазной оппозиціи всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ блѣднорозоваго г. Гейдена до ярко-краснаго г. Гарденина.

Мы напрасно стали бы искать въ тѣхъ «основныхъ принципахъ» и требованіяхъ, которые договаривающіяся группы сочли возможнымъ взять за общую «скобку», «крайнихъ» демократическихъ требованій, еще такъ недавно блиставшихъ въ качествѣ «ближайшихъ» въ программахъ кое-какихъ изъ участвовавшихъ въ конференціи партій: ни требованіе народовластія, ни требованіе прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, ни требованіе созыва учредительнаго собранія не нашли себѣ мѣста въ тѣхъ «общихъ пунктахъ, которые могутъ послужить основой для согласованнаго дѣйствія въ данный историческій моментъ», какъ выражается протоколъ конференціи. Иначе говоря, та общая, дѣйствительно, а не мнимо «ближайшая» цѣль, на достиженіи которой—конечно, сохраняя цѣликомъ (въ самомъ дальнемъ чуланѣ) свои «идеалы», конечно, ничѣмъ не жертвуя изъ своей «программы»!—готовы соединить свои практическія усилія участники конференціи, есть ограниченная монархія при условіи всеобщей (но не больше) подачи голосовъ. «Средняя линія», получившаяся въ результатѣ помѣси освобожденцевъ съ чистыми націоналистами съ одной стороны и «крайними» соціалистами, столь недавно съ презрѣніемъ отвергавшими самую мысль о «буржуазной» революціи и требовавшими, если не «соціальной», то, по меньшей мѣрѣ, «трудовой», съ другой—эта «средняя линія»—въ результатѣ химическаго процесса ассоціаціи на конферен-

ціи—оказалась ниже уровня освобожденцевъ самихъ по себѣ! Въ самомъ дѣлѣ: въ томъ же «Листкѣ» гдѣ напечатаны рѣшенія конференціи, «Союзъ Освобожденія» заявляетъ, что «прежде всего признаетъ существенно необходимымъ положить въ основаніе политической реформы принципъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ». Въ основу «блока» легли тѣ минимальныя требованія, которыя сочли возможныхъ принять наиболѣе отсталые элементы изъ участниковъ конференціи.

Не зачѣмъ, конечно, говорить, что мы и отъ буржуазной демократіи требуемъ большаго. Не зачѣмъ говорить, что мы требуемъ отъ нея программы, включающей въ себѣ всю полноту демократическихъ гарантій, и видимъ постыдную измѣну дѣлу свободы въ той «скромности», которую обнаружили участники соглашенія. И тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе мы готовы отъ всей души привѣтствовать начавшійся процессъ внесенія ясности во взаимныя отношенія борющихся съ абсолютизмомъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ.

Разрушеніе иллюзій—это прогрессъ несомнѣнный, а такихъ иллюзій не мало пришлось разрушить или, по меньшей мѣрѣ, поставить на надлежащее мѣсто для того, чтобы положить основаніе новому «блоку».

Одна изъ крупныхъ заслугъ конференціи это—вовлеченіе разрозненныхъ національныхъ теченій въ русло общероссійской борьбы. И въ этомъ знаменательномъ фактѣ сказываются съ очевидностью революціонные плоды реакціонной «обрусительной» политики самодержавія. Впервые финляндская оппозиція открыто выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ Великаго Княжества и ставитъ финляндскій вопросъ, какъ вопросъ всероссійскаго освобожденія. Впервые націоналъ-демократы польской «Ligi Narodowa», доселѣ враждебно относившіеся ко всякой мысли о союзѣ съ русской оппозиціей, рѣшаютъ присоединить свои усилія къ общерусской борьбѣ противъ абсолютизма и признать, такимъ образомъ, польскій вопросъ частью все того же всероссійскаго вопроса о низверженіи стараго порядка; и по тому же пути пошли и армянскіе націоналисты «Дрошака». Впервые націоналъ-соціалисты П. П. С., такъ недавно еще ставившіе непремѣннымъ условіемъ даже частныхъ соглашеній съ россійскими соціалистами обязательство со стороны послѣднихъ активно содѣйствовать возстановленію независимости Польши и клеветавшіе на русское движеніе, впервые эти неумолимые сепаратисты соглашаются объединить свою борьбу съ борьбою русской оппозиціи.

И что характерно для этой партіи, претендующей на званіе со-

ціалистической, это та легкость, съ которою она отказалась отъ своихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, лишь только почувствовала себя въ родной буржуазно-демократической стихіи. Куда дѣлся тотъ скептицизмъ и невѣріе по отношенію къ русскому революціонному движенію, которые обуревали П. П. С., пока это движеніе являлось ей лишь въ образѣ партіи пролетаріата? Куда дѣлось то представленіе о «вредѣ» «всероссійскихъ» программъ, которое носилось передъ П. П. С. при зарожденіи еврейскаго рабочаго движенія? Куда дѣлась вѣра, что «политическая самостоятельность Польши» есть «единственно вѣрная гарантія народныхъ правъ»? П. П. С. ищетъ теперь этой гарантіи въ политическомъ освобожденіи Россіи и, соединяясь ради этой цѣли съ русской буржуазной демократіей, она довольствуется тѣмъ признаніемъ права на самоопредѣленіе, котораго ей казалось такъ безконечно мало въ программѣ - minimum демократіи соціальной. Нечего и говорить, что мысли о превращеніи грядущей революціи въ «соціальную» далеко-далеко улетѣли отъ П. П. С. на заграничной «конференціи». И мы привѣтствуемъ это начало выступленія буржуазно-демократической партіи въ ея неприкрытомъ буржуазно-демократическомъ видѣ. Нѣсколькими двусмысленными «соціалистами» меньше—это выгода для дѣла соціализма, для дѣла развитія классоваго сознанія пролетаріата; нѣсколькими хорошими буржуазными демократами больше—это выгода для дѣла демократіи, а только черезъ демократію можетъ пройти рабочій классъ къ своей великой цѣли... Лишь бы эти эксъ-соціалисты становились хорошими демократами; пока этого про нихъ, какъ мы видимъ, сказать еще нельзя...

Не будемъ останавливаться на однородной эволюціи «грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ», этомъ ублюдкѣ чуть не десятка направленій, совмѣстившихся въ парѣ лицъ; при дружескомъ содѣйствіи и покровительствѣ г. г. соціалистовъ-революціонеровъ, эта «партія» бывшихъ анархистовъ благополучно и безъ лишнихъ замедленій прослѣдовала подъ сѣнь демократической буржуазіи, какъ тому и слѣдуетъ быть.

Еще съ большей стремительностью, чѣмъ П. П. С., спѣшатъ на дѣлѣ сбросить «соціалистическій» плащъ соціалисты-революціонеры. Не забывшій разглагольствованій о «трудовой», не буржуазной революціи, кіевскій комитетъ ихъ «партіи» еще мечтаетъ, что вотъ-вотъ «начнется свѣтлая эра соціализаціи», а уже рука г. Гарденина вынесла «за скобку» признаніе въ качествѣ общей ближайшей цѣли простого приспособленія, хотя бы и не «революціоннаго», политическихъ формъ къ буржуазному строю общества. А въ «Сынѣ Отечества» на-

слѣдники «незабвеннаго учителя» соц.-рев., Н. Михайловскаго, откровенно заявляютъ, что «соціальныя противорѣчія должны быть на время забыты», и даже «крестьянскій вопросъ» трактуютъ лишь какъ вопросъ «о дарованіи крестьянину общихъ правъ». Куда дѣлась священная «соціализація», изъ-за которой столько копій ломали г. г. соц.-рев.? Еще юный «союзъ учащихся соц.-рев.» кричитъ «долой буржуазію», а въ это самое время сознающіе «непримиримую вражду» между «арміей труда» и «всѣми другими партіями» вожди соціалистовъ-революціонеровъ довѣрчиво вкладываютъ свою руку въ дружески протянутую имъ руку самой доподлинной «буржуазіи». Еще вновь образовавшаяся минская группа, помня старые лозунги и старыя фразы, поучаетъ «всѣхъ гражданъ», будто историческій «обманъ» народа буржуазіей заключался именно въ томъ, что «народу дано право выбирать очень малое число представителей», а въ это самое время «партія», вступая въ «блокъ», не требуетъ даже признанія со стороны всѣхъ участниковъ его права народа на прямое и равное представительство съ имущими классами!

Мы рады, что соц.-рев. вступили, наконецъ, на тотъ путь, на которомъ они единственно плодотворно могутъ использовать свои силы для дѣла политической свободы; мы рады, что они начинаютъ выбрасывать за бортъ весь тотъ вздоръ о «соціализаціи», «трудовой революціи», о необходимости для буржуазіи «трепетать» отъ ихъ соціалистическихъ доблестей, который они съ такимъ упорствомъ городили цѣлые годы, напрасно дробя силы буржуазной демократіи и внося дезорганизацію и путаницу въ то дѣло развитія классоваго сознанія и организаціи пролетаріата, которому посвящаетъ себя соціалдемократія; мы надѣемся, что они и дальше съ такою же рѣшительностью пойдутъ по пути сліянія съ родственными имъ теченіями и, вмѣстѣ со своею симферопольскою группою, признаютъ, что, по крайней мѣрѣ, «до тѣхъ поръ, пока Россія не раскрѣпощена отъ ц. рабства», имъ надлежитъ «выступать, какъ революціонерамъ политическимъ», отложивъ свои «соціалистическія» стремленія до лучшихъ временъ. Мы разсчитываемъ, что своему центральному органу и всѣмъ своимъ комитетамъ, группамъ и союзамъ они посовѣтуютъ послѣдовать честному примѣру симферопольской группы и делегаціи на конференціи и перестать, наконецъ, болтать тѣ невыносимыя глупости о «соціализмѣ», которыя заполняютъ ихъ листки. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, узаконить «двойную бухгалтерію», какъ принципъ партійной дѣятельности [1]).

[1]) И особенно нельзя, вступивъ уже въ „буржуазный“ блокъ, умалчивать объ этомъ, какъ дѣлаетъ только что вышедшій № 55 „Рев. Росс.“, и кричать

И когда с.-р—ы все это сдѣлаютъ, когда они внесутъ единство во всѣ свои дѣйствія и станутъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, т. е. добрыми демократами, тогда у насъ не будетъ причинъ сохранять и столь обижающую ихъ резолюцію нашего II съѣзда. Тогда мы и съ ними сможемъ вступать въ отдѣльныхъ случаяхъ въ такія же временныя соглашенія, какія считаемъ возможными по отношенію къ другимъ лѣвымъ фракціямъ буржуазной демократіи. Но мы напомнимъ гг. с.-р—амъ, что для этого надо быть добрыми демократами; мало одного устраненія изъ ихъ программы требованій, «затемняющихъ классовое сознаніе рабочаго класса»; нужно еще, чтобы ихъ лозунгомъ борьбы вездѣ и всегда служило «всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право», а они и этого лозунга не съумѣли обезпечить при своемъ вступленіи въ «блокъ». Правда, первые шаги трудны; быть можетъ, поэтому, на первыхъ порахъ своего шествованія по открытому пути буржуазнаго демократизма, с.-р—ы оказались—увы!—плохими демократами; но все же отъ «трудовой революціи» прямо къ монархической конституціи, съ возможностью даже двух-и трехстепенныхъ выборовъ,—скачекъ черезчуръ смѣлый!

Таковъ новоявленный «блокъ» и, привѣтствуя его, какъ несомнѣнный шагъ впередъ, мы все же не можемъ не констатировать крайней убогости того политическаго credo, которое послужило его основой; тѣмъ болѣе, что даже эти минимальныя требованія, несмотря на круговую поруку всѣхъ участниковъ, не вездѣ и не всегда проводятся. Мы уже подчеркивали отсутствіе хотя бы особаго мнѣнія «освобожденцевъ» насчетъ избирательнаго права въ резолюціяхъ земскаго съѣзда. И если г. Водовозовъ (какъ пишутъ изъ Кіева) полагаетъ, что изъ «резолюціи» путемъ «косвенныхъ уликъ» можно вычитать хотя бы только всеобщее избирательное право, то, во-первыхъ, это неправда [1]), а, во-вторыхъ, мы думаемъ, что резолюціи пишутся не для того, чтобы умалчивать о требованіяхъ, а для того, чтобы высказывать ихъ. Да, кромѣ того, памятная «освобожденская»

о необходимости „для рабочихъ, для соціалистическихъ элементовъ составить прочный соціалистическій блокъ". Что это значитъ? Хотятъ-ли г.г. соц.-рев. засѣдать въ двухъ „блокахъ" сразу, быть именинниками и на Онуфрія и на Антона, или они уже откровенно сами не причисляютъ себя къ „соціалистическимъ элементамъ" и даютъ лишь благожелательные совѣты намъ, соціалдемократамъ?

[1]) Насчетъ представительства въ органахъ самоуправленія, напримѣръ резолюція прямо оговариваетъ, что требуетъ лишь „по возможности" привлеченія „всѣхъ наличныхъ силъ", хотя по п. 7 „политическія права" должны быть „равны".

прокламація («Народъ и война»), ни единымъ словечкомъ не заикающаяся о всеобщемъ избирательномъ правѣ, достаточно показываетъ, насколько серьезно считаютъ себя связанными взаимными обязательствами участники «блока». И для насъ несомнѣнно, что, пока буржуазная демократія однимъ бокомъ прислоняется къ умѣренному либерализму, пока она ставитъ себѣ задачу слить въ одно цѣлое всѣ оттѣнки буржуазной оппозиціи, до самыхъ умѣренныхъ включительно, до тѣхъ поръ нечего и думать о расширеніи предѣловъ ея «демократизма», ни даже о томъ, чтобы общепризнанный на конференціи минимумъ серьезно и настойчиво проводился въ жизнь. Интересамъ единства и «гармоническаго» сочетанія всѣхъ теченій неизбѣжно будутъ приноситься въ жертву и демократизмъ программы, и революціонность тактики.

Мы были своевременно увѣдомлены о созывѣ конференціи и своевременно же, по соглашенію съ другими пятью соціалдемократическими организаціями, выработали мотивированный отказъ принять въ ней участіе. Мы не знаемъ, почему партія «Пролетаріатъ» не довела до свѣдѣнія конференціи свой отказъ [1]). И совершенно непростительнымъ, съ нашей точки зрѣнія, является участіе въ конференціи, хотя и не присоединившагося еще къ ея рѣшеніямъ, но и не протестовавшаго противъ нихъ открыто, делегата латышской С.-Д. Р. П. Мы полагаемъ, что самъ нашъ латышскій товарищъ чувствовалъ, какимъ рѣзкимъ диссонансомъ является присутствіе, вопреки общему рѣшенію соціалдемократовъ, представителя пролетарской организаціи посреди этихъ, чуждыхъ пролетаріату, элементовъ.

Соціалдемократія — единственная партія, ведущая принципіально выдержанную политику, единственная партія, у которой «конечная цѣль» является не ни къ чему не обязывающимъ на практикѣ субъективнымъ «идеаломъ», предназначеннымъ для прикрытія убогости и ограниченности цѣли «ближайшей», не средствомъ для наигрыванія на идеалистическихъ стремленіяхъ уловляемыхъ массъ, а конкретной исторической задачей, неразрывно связанной со всей текущей борьбой и опредѣляющей формы и частныя цѣли ея; соціалдемократія ни въ коемъ случаѣ и ни ради какихъ ближайшихъ задачъ не можетъ связать себѣ рукъ. Какъ бы ни казалось, на первый взглядъ, что «блокъ» ни къ чему не обязываетъ, что онъ не

[1]) Центр. Ком. Бунда („Посл. Извѣстія" № 202) заявляетъ, что отвѣтъ Бунда на предложеніе участвовать въ конференціи „запоздалъ по независящимъ отъ Бунда причинамъ". Но мы не понимаемъ, почему Ц. К. Бунда, вопреки условію, не публикуетъ текстъ этого „отвѣта".

урѣзываетъ «программъ» и оставляетъ полную «свободу дѣйствія» всѣмъ участникамъ соглашенія, на самомъ дѣлѣ это не такъ. И лучше всего можно видѣть это на примѣрѣ спеціалистовъ по части всякихъ «блоковъ»—Жореса и Прессансэ. Вѣдь, по ихъ словамъ, и участіе во французскомъ «блокѣ» ради «общей» цѣли—поддержанія республики и демократической свободы—«ни къ чему не обязываетъ». И мы охотно вѣримъ господамъ Жоресу и Прессансэ, что они тоже сохраняютъ «всю полноту соціалистическаго идеала». Но, увы! Политическая борьба ведется не на небесныхъ высотахъ жоресовскихъ «идеаловъ», а на презрѣнной землѣ; и, какъ бы непорочны ни были идеальные помыслы соціалистическихъ «блокаровъ», эта непорочность не мѣшаетъ имъ, ради «общей ближайшей цѣли», какъ мы видѣли это еще на-дняхъ, ни защищать систему шпіонства и доносовъ, ни вотировать кредиты на поддержаніе милитаризма, ни даже ассигновать народныя деньги на «секретные фонды», предназначенные для подкупа и политическаго сыска. Такова неумолимая логика «ближайшей цѣли», не связанной неразрывными узами съ цѣлью конечной. Пусть думаетъ Жоресъ, что строгая вѣрность принципамъ, это лишь—«формальныя соображенія»; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для оппортуниста, у котораго принципъ и дѣло, теорія и практика ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ. Но что сказать о другомъ защитникѣ «удивительной и неуязвимой формы блока», г. Прессансэ? Этотъ господинъ, посылающій свои «привѣтствія» всѣмъ казненнымъ, павшимъ отъ солдатскихъ пуль, сосланнымъ и заключеннымъ жертвамъ деспотизма, огромное большинство которыхъ боролось и борется подъ знаменемъ соціалдемократіи, смѣетъ намекать, что къ новому «блоку» не примыкаютъ лишь «нелѣпые доктринеры, непримиримостью прикрывающіе свою трусость»!.. Соціалдемократія можетъ презрѣніемъ отвѣтить на инсинуаціи этого сотрудника сомнительно-соціалистической «Humanité» и несомнѣнно капиталистическаго «Temps».

Соціалдемократія не можетъ, подобно участникамъ конференціи, думать, что «полная свобода дѣйствій для всѣхъ партій не только не противорѣчитъ, но, напротивъ, находится въ полной гармоніи съ ихъ намѣреніями координированнаго дѣйствія». Нѣтъ, «свободы дѣйствій» мы допустить не можемъ. Не измѣняя дѣлу пролетаріата, мы не можемъ допустить, чтобы націоналисты всѣхъ видовъ звали рабочій классъ положить всѣ свои силы на поддержаніе націоналистическихъ тенденцій; мы не можемъ допустить, чтобы «освобожденцы» обманывали пролетаріатъ вздорными сказками о томъ всеобщемъ благоденствіи, которое наступитъ, будто бы, на другой день послѣ завоеванія

свободы; мы не можемъ допустить затемнѣнія классоваго сознанія пролетаріата мѣщанскими утопіями, насчетъ всевозможныхъ «соціализацій» и «коопераціи», и внесенія дезорганизаціи въ дѣло его классоваго сплоченія; и больше всего мы не можемъ допустить такой постановки вопроса о задачахъ рабочаго класса въ политическомъ освобожденіи Россіи, при которой вся его роль сводится къ «облегченію начинаній либераловъ» и «помощи имъ», какъ выражается все тотъ же несравненный Прессансэ.

И такъ какъ ни одна буржуазная партія, не переставъ быть буржуазной, не можетъ отказаться ни отъ своихъ представленій о роли и значеніи народныхъ массъ въ политической борьбѣ, ни отъ своихъ методовъ и средствъ борьбы, то именно потому для соціалдемократіи никогда и ни при какихъ условіяхъ невозможны прочные и продолжительные союзы съ буржуазными партіями. Такіе союзы, всегда вносящіе принципіальную путаницу и тѣмъ самымъ стирающіе грань между пролетаріатомъ и крайними элементами буржуазіи, могутъ имѣть реальную цѣнность лишь тогда, когда, по счастливому выраженію «Рев. Рос.», «выносятъ за скобку общій множитель»: но, естественно, что этотъ «множитель», эта реальная величина, которая признается «общей цѣлью», есть программа той изъ входящихъ въ соглашеніе единицъ, которая требуетъ минимума. Соединить на этомъ «минимумѣ» максимумъ усилій—вотъ единственное оправданіе и единственный смыслъ «блока», если только онъ не остается простой игрушкой. И если бы даже участники «блока» этого не сознавали, то логика событій очень скоро научитъ ихъ этой политической азбукѣ.

Не съ вѣтру взятыя субъективныя фантазіи, не пылкость революціоннаго темперамента, не субъективные идеалистическіе порывы продиктовали намъ нашу программу—минимумъ; классовые интересы пролетаріата, интересы развитія его сознанія и организаціи въ цѣляхъ скорѣйшаго и полнаго освобожденія его отъ капиталистической эксплуатаціи, требуютъ, чтобы въ данный историческій моментъ мы добивались не постепеннаго реформированія самодержавно-крѣпостническаго государства, а революціонной перестройки всего общественнаго зданія на основахъ полной демократизаціи. При такой постановкѣ вопроса, соціалдемократію связывали бы по рукамъ тѣ скромныя цѣли, которыя признали себѣ «общими» участники «блока». И каждый разъ, какъ на очередь встанетъ вопросъ о длительномъ союзѣ съ буржуазными партіями, соціалдемократія должна будетъ отвѣчать на него отрицательно. Временное соглашеніе, допускаемое на извѣстныхъ условіяхъ, не имѣетъ ничего общаго съ такимъ союзомъ. Временное

соглашеніе имѣетъ предметомъ одинъ, точно опредѣленный актъ, заранѣе обсужденный и взвѣшенный всѣми участниками соглашенія, и кончается съ окончаніемъ этого акта. Блокъ—обнимаетъ рядъ дѣйствій, растянутыхъ на періодъ времени неизвѣстной продолжительности. Соглашеніе заключается во имя опредѣленнаго дѣйствія, блокъ—во имя общей цѣли, которой затѣмъ должны быть подчинены всѣ дѣйствія. Каждый отдѣльный актъ борьбы противъ абсолютизма, каждый отдѣльный эпизодъ ея можетъ стать для насъ предметомъ соглашенія, но «соглашеніе», содержаніемъ котораго является самая огромная изъ текущихъ историческихъ задачъ въ ея цѣломъ, для насъ немыслимо. Такое соглашеніе связало бы насъ по рукамъ и ногамъ на долгій періодъ и имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы соціалдемократія отказалась отъ мысли въ самомъ процессѣ борьбы за уничтоженіе абсолютизма развивать классовую организацію пролетаріата.

Но если даже взглянуть на дѣло со столь любезной противникамъ «доктринерства» практической точки зрѣнія, то нѣтъ сомнѣнія, что вступленіе соціалдемократіи въ «блокъ» было бы пагубно для дѣла свободы. Являясь лишь крайнимъ звеномъ той цѣпи, начало которой заложено въ «земскихъ парламентахъ», соціалдемократія сыграла бы въ этомъ случаѣ лишь роль развѣдочнаго отряда въ массахъ и возбудителя народнаго движенія, не окрашеннаго въ яркій классовый цвѣтъ. Мы уже слишкомъ много разъ говорили объ этомъ, чтобы надо было еще разъ пояснять, какъ, при такихъ условіяхъ, пролетаріатъ только облегчилъ бы умѣренныя «начинанія» либераловъ. А торжество этихъ «начинаній» означало бы лишь замѣну революціоннаго переворота затяжнымъ, и для «низшихъ» классовъ крайне болѣзненнымъ, процессомъ медленнаго отмиранія самодержавно-бюрократическихъ и крѣпостническихъ порядковъ.

И, наоборотъ, самостоятельное и активное выступленіе организованнаго рабочаго класса подъ знаменемъ соціалдемократіи съ «крайними» демократическими лозунгами заставитъ всѣхъ и каждаго, кто хочетъ найти опору въ народѣ, принять и отстаивать эти лозунги. И такъ какъ умѣренный либерализмъ уже на земскомъ съѣздѣ показалъ въ достаточной степени свою дряблость и безхарактерность, когда потребовались смѣлыя дѣйствія, то энергичное и послѣдовательное выступленіе партіи пролетаріата заставитъ всѣ демократическіе элементы буржуазіи принять и—что самое главное—провести въ жизнь политическіе лозунги соціалдемократіи, и сдѣлаетъ ее центромъ тяготѣнія всего разношерстнаго радикализма.

Но для этого рабочая партія должна выступить на политическую арену въ полную мѣру своей мощи и силы. Незачѣмъ говорить, насколько содѣйствовало бы такому выступленію фактическое объединеніе всѣхъ пролетарскихъ организацій Россіи. Но, конечно—только пролетарскихъ. И мы не скажемъ вмѣстѣ съ «Vorwärts'омъ», что «даже» (bereits) это будетъ «огромнымъ успѣхомъ»; а скажемъ, что именно это, и только это, будетъ успѣхомъ дѣйствительнымъ.

Когда руководимый соціалдемократіей рабочій классъ выпрямится во весь свой ростъ и скажетъ свое мощное слово—а событія въ Одессѣ Харьковѣ, Екатеринодарѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ, какъ первые раскаты надвигающейся грозы, показываютъ, что это время не за горами,—тогда, и только тогда мы сможемъ облегченно сказать: дѣло свободы обезпечено! Прологъ революціи кончается, начинается революція!..

Ф. Данъ.

Основной грѣхъ либеральной программы.

(15 декабря 1904 г., № 80).

Ноябрьскій съѣздъ земскихъ представителей оставитъ крупный слѣдъ въ исторіи политическаго развитія Россіи. Резолюціи, принятыя земскими дѣятелями на засѣданіяхъ 6, 7 и 8 ноября, являются не только первою внушительною манифестаціею имущаго русскаго общества противъ полицейско-самодержавнаго режима, но и впервые заявленною, опредѣленною программою либеральной партіи, медленно и трудно складывавшейся послѣдніе годы усердными стараніями буржуазной демократіи. Давно ожидаемая программа не получила, правда, достаточно точнаго и яснаго выраженія. Буржуазная демократія, кровно заинтересованная въ томъ, чтобы знамя либерально-демократическаго блока привлекло какъ умѣренные умы господствующихъ классовъ, такъ и бурныя силы народныхъ массъ, окутала туманнымъ покровомъ наиболѣе сомнительные пункты своей декларации и вообще, постаралась придать ей такую отвлеченную, алгебраическую форму, которая можетъ быть

наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ. Однако, благовидная внѣшность скромной уклончивости оказалась не въ состояніи скрыть антинародную сущность земскихъ резолюцій. Ее выдаетъ не столько двусмысленность и намѣренная недоговоренность отдѣльныхъ положеній, сколько основная точка зрѣнія, строго и послѣдовательно выдержанная во всѣхъ одиннадцати членахъ либеральнаго символа вѣры.

Коренную причину ненормальности современнаго государственнаго порядка русская оппозиція видитъ въ томъ, что бюрократическій строй разобщаетъ верховную власть съ населеніемъ и порождаетъ между ними взаимное недовѣріе. Между тѣмъ, «правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ». Поэтому либеральная программа считаетъ безусловно-необходимымъ для созданія и сохраненія этого живого и тѣснаго общенія и единенія между властью и обществомъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни, «правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи». Эти разсужденія заключаютъ, какъ неизбѣжный логическій выводъ, безповоротное и окончательное уничтоженіе россійскаго абсолютизма; но онѣ съ тою же послѣдовательностью устанавливаютъ, на мѣстѣ разрушеннаго абсолютизма, главныя основы новой политической системы, которая въ корнѣ отрицаетъ необходимую, съ демократической точки зрѣнія, полноту правъ народа.

Демократія принципіально признаетъ законодательную, верховную власть только за народомъ, который является самодержавнымъ властителемъ своихъ судебъ. Всѣ законы исходятъ отъ народа. Правительство представляетъ только исполнительную власть; оно не правитъ, а управляетъ на точномъ основаніи законовъ, и за всѣ свои дѣйствія несетъ отвѣтственность передъ народомъ. Политическая программа либерально-демократическаго блока не признаетъ принципа народнаго суверенитета. Въ то время, какъ демократія требуетъ полной передачи верховной власти народу, либералы утверждаютъ, что главная ненормальность существующаго порядка заключается только въ разобщенности правительства съ населеніемъ, и настаиваютъ на дарованіи гражданамъ лишь извѣстной доли въ тѣхъ правахъ, которыми обладаетъ самодержавная корона. Послѣдняя попрежнему остается источникомъ законовъ, главою законодательной и исполнительной власти и сохраняетъ свои священныя и мистическія полномочія. Ея воля ставится не только

рядомъ съ волей народа, но и надъ нею. Какъ училъ старый теоретикъ конституціонной монархіи, Штейнъ, санкціи монарха предоставляется выражать не однѣ потребности администраціи и не одну волю народнаго представительства, но и высшее ихъ соотношеніе.

При такихъ условіяхъ грядущая русская конституція, неожиданно даже для самихъ либераловъ, легко можетъ принести осуществленіе гнилой славянофильской теоріи, согласно которой царю должна принадлежать вся сила власти, а землѣ—вся сила мнѣнія. Но мнѣніе имѣетъ цѣнность лишь тогда, когда за нимъ стоитъ могущество власти. Если теорія признаетъ равноправность державныхъ функцій короны и народа, то практика не считается съ необезпеченными правами. Корона, въ рукахъ которой сосредоточиваются государственныя средства, войско и бюрократія, которая обладаетъ законодательными полномочіями, неизбѣжно превратитъ въ декоративное учрежденіе народное представительство съ его скромнымъ правомъ участія въ законодательствѣ. Бумажныя конституціи европейскихъ монархій первой половины прошлаго вѣка служатъ неопровержимымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ распредѣляется государственная власть между сильной короной и ничтожнымъ парламентомъ. И не только въ моменты острыхъ столкновеній между властью и народомъ монархическая конституція оказывается карточнымъ домикомъ, она не обезпечиваетъ народныхъ интересовъ даже въ обычное время, при нормальномъ теченіи государственной жизни. Признаніе народнаго суверенитета обусловливаетъ полную зависимость исполнительной власти отъ народа, въ лицѣ его представителей. Глава государства, формируя составъ исполнительныхъ органовъ, обязанъ призывать къ высшему управленію только членовъ парламентскаго большинства, выражающаго въ данный моментъ преобладающую народную волю. Монархъ—суверенъ не ограниченъ никакими обязательствами и назначаетъ министровъ страны по личному произволу и усмотрѣнію. Избраніе министровъ изъ членовъ парламентскаго большинства составляетъ неотъемлемую черту дѣйствительнаго парламентскаго правленія, которое основывается на солидарности правительства, если не съ народомъ—въ современномъ классовомъ обществѣ такой солидарности быть не можетъ,—то съ болѣе или менѣе широкими слоями населенія.

Въ Германіи и Австріи, гдѣ парламентаризма въ полномъ смыслѣ слова не существуетъ, гдѣ правительство не зависитъ отъ воли народныхъ представителей, борьба между властью и населеніемъ до сихъ не прекращается и—рано или поздно—неизбѣжно должна закончиться провозглашеніемъ народнаго суверенитета. Но отсталые элементы

русскаго либерализма извлекли для себя изъ опыта западной Европы лишь тотъ урокъ, что конституціонная монархія представляетъ лучшее средство для сохраненія привилегій, выросшихъ изъ сословно-крѣпостного строя, для сосредоточенія политической власти въ рукахъ привилегированнаго меньшинства и для неограниченной эксплоатаціи верхними десятью тысячами широкихъ массъ населенія. Это стремленіе является реальной основой политики наиболѣе вліятельныхъ элементовъ земскаго либерализма. Дѣтище разнороднаго конгломерата, въ которомъ буржуазная демократія соединилась съ дворянской фрондой,— либеральная программа земскаго съѣзда должна была установить и установила политическія основы не только классоваго, но и олигархическаго угнетенія народа. Поэтому умолчаніе о всеобщемъ, прямомъ и равномъ для всѣхъ гражданъ избирательномъ правѣ вовсе не представляется разсчитаннымъ пріемомъ Эзоповскаго языка и не погашается седьмою резолюціею, гласящею, что «личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны». Лживость этого заявленія лучше всего опредѣляется тѣмъ, что оно находится въ явномъ и не замаскированномъ противорѣчіи съ девятою резолюціею, которая высказываетъ требованіе, чтобы «къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія». Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи цѣликомъ входитъ въ область политическихъ правъ гражданъ, и, однако, либеральная программа, только что широковѣщательно провозглашавшая политическое равенство, на первомъ же пробномъ камнѣ даетъ глубокую трещину и ограничиваетъ народныя права какою-то неопредѣленною «возможностью». То же ограниченіе, хотя и въ менѣе ясномъ видѣ, заключается въ послѣднемъ, столь превосходномъ по внѣшности, пунктѣ либеральной деклараціи, гдѣ выражается надежда, что «верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при ихъ содѣйствіи (!) вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія».. Здѣсь не только отсутствуетъ всякій намекъ на суверенитетъ учредительнаго собранія, созваннаго для коренного обновленія русской жизни, но и «представители всего народа» подмѣнены «представителями народа». Въ политическихъ программахъ такіе «пропуски» означаютъ лишеніе политическихъ правъ милліоновъ рабочаго люда

Эти основные промахи либеральной программы вполнѣ опредѣляютъ ея антинародный характеръ. Между тѣмъ, она — зрѣлый плодъ того либерально-демократическаго блока, который взлелѣяли освобожденцы и къ которому теперь примкнули соціалисты—революціонеры, вкупѣ

съ финляндскими, польскими, грузинскими и другими націоналистами. Такимъ образомъ, земская программа пріобрѣтаетъ на дѣлѣ значеніе объединенной платформы всѣхъ буржуазныхъ партій, стремящихся къ уничтоженію самодержавія. Поддерживаемый «революціонными» партіями, либерально-демократическій блокъ явно пытается навязать свою программу великому освободительному движенію современной Россіи и исказить его возможные результаты. И только сознательное, самостоятельное и энергичное вмѣшательство революціонной соціалдемократіи въ загорѣвшійся по всей линіи бой между старой и новой Россіей можетъ разстроить этотъ заговоръ противъ народа и обезпечить рабочему классу его необходимыя права. Когда на политической аренѣ появятся стройные ряды рабочихъ батальоновъ и рѣшительно оттѣснятъ съ авансцены вялые и колеблющіеся элементы имущаго общества, тогда только отдѣльные ручьи народнаго недовольства сольются въ мощный и широкій революціонный потокъ, который бурнымъ порывомъ смететъ всѣ пережитки, такъ дорого стоющіе рабочему люду.

Н. Негоревъ.

Либеральный политикъ приготовительнаго класса.

(18 января 1905 года, № 84).

Шумъ либеральныхъ банкетовъ вскружилъ голову г. Струве. Редакторъ «Освобожденія», до сихъ поръ предписывавшій правила хорошаго поведенія двору, Витте и другимъ высокимъ особамъ, счелъ долгомъ осчастливить политическимъ совѣтомъ россійскую соціалдемократію.

Съ гордостью окидывая взглядомъ широкое конституціонное движеніе руской интеллигенціи, либеральный мудрецъ не придумалъ для русскихъ рабочихъ ничего лучшаго, какъ сослать ихъ въ «приготовительный классъ политическаго воспитанія».

По мнѣнію г. Струве, «революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ»... «Русскій рабочій культурно отсталъ, забитъ и (мы имѣемъ

въ виду, главнымъ образомъ, рабочихъ петербургскихъ и московскихъ) еще не достаточно подготовленъ къ организованной общественно-политической борьбѣ».

И г. Струве предлагаетъ соціалдемократіи и освобожденцамъ соединиться и «всякими разумными средствами ускорить рожденіе» революціоннаго народа, которое, какъ любезно, но въ полномъ противорѣчіи со своей основной мыслью, предсказываетъ г. Струве, можетъ послѣдовать каждую минуту.

Эти «разумныя средства» заключаются въ организаціи легальнаго профессіональнаго рабочаго движенія, которое, оставаясь формально не политическимъ, подготовитъ когда нибудь кадры для соціалдемократической партіи. Русскіе соціалисты и демократы должны сознательно наложить на себя постъ осторожности и оппортунизма, чтобы вовлечь рабочій классъ въ освободительную борьбу современной Россіи. Совѣты г. Струве опубликованы 6 января. 9 января «забитый» петербургскій пролетаріатъ, не успѣвъ освѣдомиться въ разумныхъ средствахъ, придуманныхъ для его политическаго воспитанія въ либеральной лабораторіи Парижа, поднялъ знамя возстанія и требованіемъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права доказалъ, что онъ гораздо болѣе политически созрѣлъ, чѣмъ колеблющаяся демократія «Освобожденія». Жизнь наглядно обнаружила никчемность политическихъ рецептовъ г. Струве, безпощадно вскрыла убожество либеральной мысли. «Культурно отсталый» рабочій не только нашелъ въ себѣ достаточно мужества и сознанія, чтобы отдать жизнь за требованіе полнаго освобожденія народа, но и съумѣлъ развить такое мощное движеніе, которое увлекло въ свой потокъ наиболѣе чуткіе элементы либеральной демократіи. Не петербургскіе либералы продиктовали петербургскимъ рабочимъ свою программу и свой планъ дѣйствій, но петербургскіе рабочіе заставили часть петербургскихъ либераловъ забыть, по крайней мѣрѣ на время, колебанія и жалкіе извороты и встать на путь революціонной борьбы.

Политическія разглагольствованія, опубликованныя г. Струве 6 января, въ корнѣ опровергнуты политическимъ дѣйствіемъ 9 января. Русскій рабочій однимъ ударомъ обратилъ въ ничто претензіи либераловъ на руководящую роль въ освободительномъ движеніи и раскрылъ политическую отсталость ихъ вождя.

Г. Струве до сихъ поръ посвящалъ свои силы политическому воспитанію высокородныхъ верховъ имущаго русскаго общества. Для нихъ политическая программа приготовительнаго класса была вполнѣ умѣстной, и въ качествѣ наставника политическихъ младенцевъ «Осво-

божденіе» недурно выполнило свои задачи. Но, когда г. Струве отрывается отъ родной почвы и пытается поучать пролетаріатъ, мы имѣемъ право сказать ему словами поэта:

Танцуй свою „Дѣву Дуная“,
Но въ покоѣ оставь мужика!

Н. Негоревъ

Нѣчто о квалифицированныхъ демократахъ.

(10 марта 1905 г., № 92).

Нужно сказать правду: самый вредный типъ демократовъ, это— изъ бывшихъ марксистовъ.

Главныя ихъ черты: непрерывная точащая и ноющая, какъ зубная боль, ненависть къ соціалдемократіи. На нашей партіи они мстятъ за свое прошлое или можетъ быть за настоящее.

Марксизмъ безъ остатка выскоблилъ въ нихъ то естественнее «нутро», безъ котораго, какъ ни ухитряйся, какими философскими медикаментами себя ни пользуй, все равно не станешь дѣльнымъ политическимъ радикаломъ. Они слишкомъ скептики, чтобы броситься въ революціонный авантюризмъ. Они слишкомъ мало связаны съ помѣщичьимъ землевладѣніемъ и слишкомъ «интеллигентны», чтобы раствориться въ земскомъ либерализмѣ. Они никогда, въ сущности, не знаютъ, что съ собой дѣлать. Они могутъ немножко и **такъ**, но могутъ немножко и **этакъ**. Даже самые дѣловитые и суетливые изъ нихъ являются, если приглядѣться, какими-то лишенными опредѣленныхъ вкусовъ политическими фланерами. До недавняго времени они шатались въ небесахъ философіи со скучающимъ видомъ (среди самыхъ бурныхъ энтузіазмовъ г. Бердяева слышались зѣвки), переходя отъ системы къ системѣ совершенно такъ же, какъ переѣзжаютъ съ курорта на курортъ. Марксизмъ ихъ повредилъ—нѣкоторыхъ на всю жизнь. Нравственная связь съ пролетаріатомъ и его партіей, если и была когда то, порвалась совершенно, но полученная отъ марксизма способность подмѣчать въ политикѣ игру классовыхъ интересовъ со-

хранилась. И эта способность ихъ преслѣдуетъ, она лишаетъ ихъ не только «энтузіазма», но и необходимаго минимума самоуваженія.

Освободивъ ихъ отъ демократическаго нутра и лишивъ возможности быть откровенными либералами, марксизмъ позволилъ имъ на все, и на свою собственную политическую позицію въ томъ числѣ, смотрѣть со стороны. Возьмите объективную роль освобожденской «демократіи»: состоитъ въ ординарцахъ при земскомъ либерализмѣ. А самооцѣнка: «мы рождены для высшаго, но временно исполняемъ черную работу исторіи; когда все сіе совершится, мы обернемся еще другой, невѣдомой всѣмъ, стороной. А пока—не взыщите». И «пока» они разрѣшаютъ себѣ быть плохими либералами на томъ основаніи, что они не просто демократы, а демократы высшаго квалифицированнаго типа.

Позиція со стороны позволяетъ имъ свысока третировать «Освобожденіе», и ихъ нисколько не стѣсняетъ при этомъ то, что они носятъ имя «освобожденцевъ».

Идея Струве—«довести правду до высшихъ сферъ»? Конечно, мы согласны, что это плоское неприличіе!... Выкрики, что русская армія въ войнѣ съ Японіей «исполнитъ свой долгъ!»—разумѣется, это недостойная и неумная спекуляція на повышеніе шовинизма.—Но какъ же вы молчите, господа? Вѣдь, это же вашъ органъ! Представьте себѣ, что наша «Искра» что нибудь въ этомъ же родѣ—въ одну сотую долю... вѣдь партія ее немедленно разнесла бы въ клочья! О, они себѣ это отлично представляютъ, но, вѣдь, именно потому то они насъ и не любятъ...

Ихъ политическая позиція—прикомандированныхъ къ земскому либерализму—не позволяетъ имъ «высказывать то, что есть», хотя они и видятъ и знаютъ, что есть. Они, можетъ быть, подавили бы въ себѣ, пока, голосъ марксистскаго анализа (все же не богъ вѣсть, какъ силенъ у нихъ этотъ голосъ!), еслибъ—не мы. Мы слѣдимъ все время за ихъ эволюціями, разъясняемъ имъ, какимъ путемъ они идутъ, предсказывали, куда придутъ. Мы безтактны, мы все вскрывали, мы разворачиваемъ гладко причесанныя резолюціи, ко всему придираемся, требуемъ прямыхъ отвѣтовъ. Непріятностей не оберешься...

«Настоящіе» либералы, т. е. болѣе или менѣе черноземнаго или мануфактурнаго происхожденія, тѣ насъ искренно и глубоко не понимаютъ,—и, разумѣется, ни мало не ломаютъ себѣ надъ этимъ головы. Мы для нихъ внѣшнее препятствіе, лучше было бы, еслибъ насъ не было,—но психологическихъ затрудненій мы для нихъ не создаемъ. Либеральные «дикіе помѣщики», вродѣ покойнаго Евреинова, счи-

таютъ насъ выродками, «анархистами» и башибузуками и, безъ сомнѣнія, вѣрятъ Суворину, что мы ведемъ свою родословную отъ Болотникова, который бунтовалъ въ смутное время, и что мы разбрасываемъ прокламаци съ призывомъ «бить жидовъ и студентовъ», лишь бы произвести «по своему дѣлу шумъ». Болѣе просвѣщенные знаютъ, что соціалдемократія—политическая партія, очень безпокойная, стремящаяся къ коммунизму, но все-таки партія, противъ которой, къ тому же, парламентарная Европа выработала цѣлый арсеналъ оборонительныхъ средствъ.

Другое дѣло—освобожденскіе либералы («демократы») съ марксистскимъ прошлымъ, эти насъ понимаютъ,—понимаютъ, во всякомъ случаѣ что мы ихъ понимаемъ, и это вызываетъ въ нихъ крайне непріятныя внутреннія «переживанія» и—ненависть къ намъ.

Они всѣ очень воспитанные люди, вращаются въ лучшихъ мѣстахъ, утратили всякіе остатки радикальной угловатости,—и имъ кажется, или, по крайней мѣрѣ, они такъ говорятъ, что, будь мы воспитаннѣе, сдержаннѣе въ формѣ,—все было бы еще ничего. Но это, въ лучшемъ случаѣ, наивная иллюзія. Правда, нечего, грѣха таить, мы далеко не всегда блещемъ благовоспитанностью, и отъ тѣхъ или иныхъ дѣяній намъ, можетъ быть, безъ вреда для дѣла можно было бы и отказаться. Хорошій тонъ—хорошая вещь. Но суть не въ немъ. Не крикливый тонъ ненавидятъ они въ соціалдемократахъ, а ихъ опредѣленность, «прямолинейность», упорство, самоувѣренность и—больше всего—политическую неподкупность. Смотрите, чего-чего только не совершили за послѣднее время либералы: кажется, слѣдовало бы хоть сколько нибудь «восчувствовать». Но нѣтъ, соціалдемократы нисколько не растаяли. И это раздражаетъ и озлобляетъ. Ибо, восчувствуй мы, какъ слѣдуетъ быть,—выходило бы, что какъ будто позиціи «Освобожденія» оправданы.

Глухая ноющая обида на соціалдемократію прорывается у нихъ на каждомъ шагу. «Освобожденіе», какъ ни старалось не полемизировать, но и у него сорвалось въ статьѣ противъ «Искры» почти злорадное заявленіе, что «революціоннаго народа» въ Россіи нѣтъ, что политически-сознательный пролетаріатъ, это—выдумка соціалдемократіи. Освобожденцы изъ «бывшихъ» всегда и неизмѣнно констатируютъ съ злораднымъ чувствомъ наши промахи и недочеты, отсутствіе пролетаріата «въ самый нужный моментъ», и этимъ какъ бы оправдываютъ себя въ собственныхъ глазахъ: революціоннаго народа нѣтъ, какъ нѣтъ, а либералы все-таки... Именно все-таки.

Но революціонный пролетаріатъ явился—и притомъ «въ самую

нужную минуту». Освобожденцы это попробовали безпристрастно констатировать. Кіевскій комитетъ ихъ, напримѣръ, возвѣстилъ въ гектографированномъ листкѣ, написаниомъ тѣмъ специфическимъ слогомъ, какимъ «Русск. Вѣд.» пишутъ о преимуществахъ выборнаго начала предъ бюрократическимъ, что нынѣ къ требованіямъ всей земской и интеллигентной Россіи присоединился и пролетаріатъ, заслуги коего предъ освободительнымъ движеніемъ, впрочемъ, и въ прошломъ громадны. Что то въ этомъ родѣ. О соціалдемократіи ни слова. Зато въ докладахъ и всякихъ публичныхъ и приватныхъ заявленіяхъ именно бывшіе марксисты, игнорируя и факты и политическую логику, утверждаютъ, что соціалдемократія къ петербургскимъ событіямъ никакого отношенія не имѣла,—тамъ были: «Гапонъ и... мы», Гапонъ велъ, «мы» поддерживали. C'est simple, comme bonjour!

Помощь, которую рабочая партія получаетъ отъ либеральнаго «общества», ничтожна,—и главная доля вины за это падаетъ несомнѣнно на «освобожденцевъ». Именно они составляютъ ту прослойку, которая соединяетъ насъ съ «настоящими» либералами или, вѣрнѣе, отдѣляетъ насъ отъ нихъ. Освобожденцы, повидимому, старательно прививаютъ своимъ кліентамъ ту мысль, что рабочій классъ, это—одно («какая прелесть эти рабочіе!» пишетъ г-ну Струве его петербургскій корреспондентъ послѣ 9-го января), а рабочая партія это—совсѣмъ другое. Но самостоятельныхъ связей съ пролетаріатомъ въ его повседневной организаціонной работѣ у нихъ нѣтъ, соприкосновеніе создается только въ моменты крайняго подъема, какъ во время петербургскихъ событій, когда либералы черезъ освобожденцевъ давали деньги на стачечниковъ, а освобожденцы, вслѣдствіе этого, вообразили, что они, вмѣстѣ съ Гапономъ, руководятъ рабочимъ движеніемъ.

Конечно, не всѣ освобожденцы проходили черезъ марксизмъ, но приходится признать, что «марксисты» среди нихъ самые вліятельные, они задаютъ тонъ. И это тонъ политической разслабленности, какого-то вымученнаго оппортунизма, на видъ ужасно реалистичнаго, а на самомъ дѣлѣ, совершенно доктринерскаго. Все, отъ надуманнаго Струве лозунга: «Да здравствуетъ армія!» и до имъ же надуманныхъ политическихъ яслей для пролетаріата (читай N отъ 6-го января)—какъ все это жизненно, умно, не правда ли? Замѣчательное дѣло! Если гдѣ нибудь интеллигенція, съ вѣсомъ и съ положеніемъ, какъ петербургскіе инженеры, шевелится рѣзко, съ настроеніемъ, знайте,—тамъ у руля не квалифицированные демократы, а совершенно простые смертные...

Можно встрѣтить не мало народу, который, благодаря освобожден-

скимъ истолкователямъ, вѣритъ, что земцы выдвинули вполнѣ демократическую программу. Если вы заикнетесь, Вамъ отвѣтятъ: а седьмой пунктъ: политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны,— вѣдь, это и означаетъ ваше всеобщее, прямое, равное и тайное... Чего же вамъ еще? Многіе такъ-таки искренно воображаютъ, что этотъ сакраментальный седьмой пунктъ (о которомъ, къ слову сказать, вся послѣдующая политическая практика земцевъ ничего не хочетъ знать) разъ навсегда долженъ зажать ротъ соціалдемократіи. «Седьмой пунктъ»— высшее торжество освобожденцевъ; это индульгенція, которою они думаютъ отдѣлаться отъ отвѣта за прошлые и будущіе грѣхи. И когда стало ясно, что мы эту индульгенцію считаемъ просто фальшивымъ политическимъ документомъ, они озлились тѣмъ болѣе, что отлично знаютъ нашу правоту: недаромъ же они были на той кухнѣ, въ которой готовились знаменитыя земскія резолюціи.

Нельзя отрицать того, что освобожденцы оказали нѣкоторое вліяніе на либераловъ и легонько подтолкнули ихъ впередъ. Но успѣхи ихъ на этомъ поприщѣ имѣютъ скорѣе дипломатическій, чѣмъ политическій характеръ. Такіе успѣхи получаются отъ переговоровъ, увѣщаній, удачныхъ личныхъ комбинацій, благовременныхъ умолчаній, ловко просунутыхъ резолюцій, которыя означаютъ все и ничего.

Конечно, и личныя комбинаціи, и увѣщанія, и переговоры совершенно неизбѣжны въ политикѣ, но это часть служебная. У освобожденцевъ же это—все, а частью служебной являются политическія декларацiи, программныя статьи, пункты седьмые и иные. Результаты такой политики прочны лишь до перваго испытанія. «Индивиды позволяютъ себя обманывать, классы—никогда».

Рескриптъ 18 февраля готовитъ квалифицированнымъ демократамъ тяжелый искусъ. «Освобожденіе» еще совсѣмъ недавно (въ ту эпоху, когда въ Россіи еще «не было» революціоннаго народа) видѣло даже въ манифестѣ 12 декабря указаніе пути, по которому пойдетъ обновленіе Россіи: уступочка за уступочкой подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, освобожденское воспитаніе рабочихъ въ политической обстановкѣ, созданной уступочками, просвѣтительные комитетчики,— словомъ, программа «освободительной» канители, разсчитанная лѣтъ на 50. Съ этой, по-истинѣ орлиной, точки зрѣнія, рескриптъ 18 февраля открываетъ духъ захватывающіе горизонты. Оставалось бы только радоваться. Но дѣло въ томъ, что этотъ рескриптъ скоро и притомъ въ очень ясной, конкретной формѣ поставитъ передъ земцами вопросъ о сдѣлкѣ съ правительствомъ за счетъ самыхъ элементарныхъ и очевидныхъ интересовъ народа. На предложеніе правительства нужно

будетъ отвѣтить либо да, либо нѣтъ. Мы здѣсь еще не знаемъ, какъ отнеслось къ рескрипту «Освобожденіе». Но освобожденцы боятся. Они очень знаютъ, что «пунктъ седьмой» ноябрьскихъ резолюцій никого ни къ чему не обяжетъ. И отъ самихъ освобожденцевъ потребуется нѣчто болѣе опредѣленное, чѣмъ софистическіе комментаріи къ рѣшеніямъ земскаго съѣзда. А орудій давленія у освобожденцевъ нѣтъ,—они заботились не о сплоченіи силъ (хотя бы одной интеллигентной демократіи!) для давленія на земцевъ, а о развращеніи (другого слова не подыщешь) политической совѣсти этой интеллигенціи безоговорочнымъ слѣдованіемъ за земцами.

Испытаніе близко, уклониться отъ него отпиской въ «Освобожденіи» не удастся. Господамъ квалифицированнымъ демократамъ придется признать политическую мораль: обмануть можно себя, но не исторію.

Н. Троцкій.

Трагедія либеральной души.

(17-го Марта 1905 г. № 93).

Въ февральской книжкѣ «Образованія» извѣстный земецъ, г. Николай Шишковъ очень яро, но и очень неудачно, полемизируетъ противъ помѣщенной въ декабрьской книжкѣ того же журнала статьи Н. Іорданскаго о «земскомъ либерализмѣ». Играя словомъ «народъ», подмѣняя этимъ словомъ два гораздо болѣе опредѣленныя слова — «весь народъ», напирая на то, что земцы хлопотали будто бы только для народа, и замалчивая, что они всегда боялись дѣйствовать черезъ народъ, г. Шишковъ тщетно старается опровергнуть весьма непріятный, но и совершенно несомнѣнный фактъ: каждый разъ, когда до сихъ поръ передъ земцами вставалъ вопросъ—съ народомъ или безъ народа, они рѣшали его въ пользу второй половины диллемы, а при наличныхъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ это значитъ не только «безъ народа», но и противъ него. Субъективное «народолюбіе» земцевъ, на которое ссылается г. Шишковъ, ничего не мѣняетъ

въ объективномъ положеніи дѣлъ. «Все для народа, ничего черезъ народъ» — этотъ девизъ принимали и такія общественныя силы, которыя врядъ ли даже г. Шишковъ заподозритъ въ способности выражать дѣйствительные интересы всего народа...

Стихійное народное движеніе, проявлявшееся рядомъ вспышекъ, въ связи съ колоссальными потрясеніями, вызванными войной и дезорганизовавшими весь правительственный механизмъ, внушило земцамъ въ ноябрьскіе дни идею «народнаго» представительства. Январьское выступленіе организованнаго и политически сознательнаго народа, въ лицѣ пролетарскихъ массъ, заставило ихъ выдвинуть идею представительства «всенароднаго». Всеобщее, равное, прямое избирательное право и тайное голосованіе стало тѣмъ лозунгомъ, безъ котораго почти немыслимо въ настоящее время выступать передъ лицомъ страны съ «освободительными» программами. Но, если идея «народнаго» представительства, несмотря на пресловутый пунктъ 7-й (резолюціи ноябрьскаго земскаго съѣзда) о равенствѣ правъ всѣхъ гражданъ, пунктъ, въ который такъ много старались «втолковать» и подъ которымъ такъ много хотѣли «подразумѣвать» не по разуму усердные сторонники «объединенія» всѣхъ «революціонныхъ» силъ, если, несмотря на этотъ пунктъ, идея «народнаго» представительства могла облечься въ плоть и кровь въ видѣ пожеланій губернскихъ земскихъ собраній, требовавшихъ лишь представительства земствъ, то, разумѣется, еще меньше гарантій, чтобы земцы и идущія въ дружескомъ единеніи съ ними силы не постарались уклониться отъ навязанной имъ революціей идеи представительства всенароднаго.

Если выступленіе народа городовъ, пролетаріата, политическому воспитанію котораго была посвящена неустанная двадцатилѣтняя работа соціалдемократіи, нѣсколько ослабило навремя исконную боязнь народа въ кругахъ земскаго либерализма, не причастнаго непосредственно къ эксплуатаціи промышленныхъ рабочихъ, то послѣдующія событія заставили снова сильнѣе зазвучать струну этой боязни. «Черныя сотни», организованныя правительствомъ, какъ ни малочисленъ, въ сущности, ихъ составъ, напомнили о тѣхъ темныхъ и неизслѣдованныхъ низахъ народа, гдѣ гнѣздятся порабощенныя и невѣжественныя массы, не знающія, куда направить порожденный крайней степенью нищеты и угнетенія протестъ, и потому способныя, хотя бы временно, служить орудіемъ реакціи. А выступленіе на сцену крестьянства, въ своемъ неоформившемся еще движеніи одинаково равнодушно вырубающаго лѣса и дикаго реакціонера и либеральнаго «друга народа», снова обострило кое въ комъ то безпокойное чувство страха передъ

народомъ, которое основывается на прорывающихся сквозь самый толстый слой сентиментальнаго «народолюбія» классовыхъ противорѣчіяхъ между крупнымъ помѣщичьимъ землевладѣніемъ и мелкой, сопряженной съ кабалой, крестьянскою собственностью.

Необходимость выкинуть знамя всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права съ одной стороны, и тайная, по необходимости же тщательно скрываемая, боязнь этой системы избирательнаго права, съ другой—вотъ разыгрывающаяся на этой почвѣ современная трагедія либеральной души. Эта трагедія тщательно скрывается отъ нескромныхъ чужихъ взоровъ, сами герои ея всѣми силами пытаются увѣрить другихъ, а, быть можетъ, и самихъ себя, въ наличности у нихъ твердаго убѣжденія, что всеобщее избирательное право—это «единственно справедливое выборное начало» [1]), основанное на «выводахъ государственной науки» [2]) и пр. и пр. Но «сомнѣнія и опасенія», терзающія душу либерала при мысли о томъ, что Ахеронтъ ворвется въ область «государственнаго строительства», почти инстинктивно заставляютъ его искать обходныхъ путей, чтобы какъ нибудь отсрочить наступленіе этого часа испытаній. Удовольствовавшись въ ноябрѣ «идеей» народнаго представительства, онъ хотѣлъ бы теперь сдѣлать «идеей», и только «идеей», представительство всенародное. Онъ хотѣлъ бы, чтобы «единственно справедливое» и пр. всеобщее избирательное право было «той формой, къ которой нужно стремиться» (Четвериковъ), чтобы оно было чѣмъ-то вродѣ прекраснаго идеала, свидѣтельства на искренность «народолюбія», но только не задачей сегодняшняго дня. И не рѣшаясь высказать этого прямо, либеральная мысль старается отвлечь вниманіе на подготовку «условій» для «разумнаго осуществленія всеобщей, тайной подачи голосовъ» (Четвериковъ), на необходимость «перевоспитать» народъ, на всевозможныя «неудобства» отъ немедленнаго введенія всеобщаго и прямого избирательнаго права, словомъ, на неизбѣжность «погодить», а «пока что» довольствоваться менѣе «справедливыми» и менѣе «научными» выборными системами. Къ сожалѣнію, надо признать, что иронія «Гражданина» (№ 20), разсказывающаго объ «интеллигентахъ», «изъ страха передъ народомъ» «сочинившихъ планъ конституціи съ тремя палатами», далеко не лишена основанія. Запутавшіеся въ задачахъ «подготовленія» и «воспитанія» либеральные про-

---

[1]) Сергѣй Четвериковъ. Народные избранники. Русскія Вѣдомости № 65.

[2]) В. Кузьминъ-Караваевъ. Основы всенароднаго представительства въ Россіи. Русь № 59.

жектеры, понимающіе необходимость такъ или иначе дать хоть иллюзію сытости народнымъ «волкамъ» и въ то же время желающіе во что бы то ни стало сохранить въ полной цѣлости и неприкосновенности либеральныхъ «овецъ», додумываются до такихъ чудовищныхъ системъ, которыя вполнѣ стоятъ «трехъ палатъ».

Образчикомъ этихъ трусливо-нелѣпыхъ проектовъ могутъ служить уже цитированныя нами двѣ статьи. А если у кого нибудь осталось бы еще сомнѣніе насчетъ истинныхъ причинъ, заставляющихъ г.г. Четвериковыхъ, Кузьминыхъ-Караваевыхъ и прочихъ народолюбцевъ утруждать себя столь тяжеловѣсными измышленіями, то тому г-нъ Четвериковъ говоритъ вполнѣ ясно: «достаточно напомнить, что въ Россіи значится 88 губерній и областей, что выборы хотя бы одного крестьянина отъ губерніи дали бы крестьянскій элементъ въ народное собраніе въ числѣ 88-и человѣкъ, т. е. группу людей, по своей численности могущихъ склонить вѣсы въ ту или другую сторону при разрѣшеніи цѣлой массы вопросовъ, имъ чуждыхъ и по ихъ развитію даже мало доступныхъ». Sapienti sat! И мы, конечно, можемъ спокойно предоставить г.г. Шишковымъ писать панегирики трогательной любви къ «мужичку» г. Четвериковыхъ.

Г. Четвериковъ хочетъ санкціи «народнаго совѣта», какъ «необходимаго условія для проведенія въ жизнь каждаго правительственнаго проекта и новаго законоположенія», но въ то же время настаиваетъ на необходимости «не нарушать прерогативъ верховной власти». Озабоченный надлежащимъ «воспитаніемъ» народа для такой колоссальной задачи, онъ придумываетъ какіе-то «совѣщательные и избирательные комитеты», въ которыхъ «представители отъ крестьянскихъ обществъ, выбираемые по одному отъ пяти волостей» (какова пропорція?!), и «представители отъ рабочихъ союзовъ» потонутъ въ сонмѣ всякихъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ, городскихъ головъ, представителей духовенства, гласныхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, думъ, представителей университетовъ, биржевыхъ обществъ, комитетовъ мануфактуръ и торговли и пр. и пр.—всего до 150 человѣкъ, которые и будутъ «воспитывать» мужиковъ и пролетаріевъ и выбирать депутатовъ въ «народный совѣтъ». Почтенный изобрѣтатель этихъ «воспитательныхъ» комитетовъ самъ вынужденъ признаться, что «постановка дѣла» у него очень «сложна». Но зато какія выгоды! Во-первыхъ, къ избранію привлечены «всѣ»— крестьяне («по одному отъ пяти волостей»!) и рабочіе (отъ «союзовъ»!), а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крестьяне и рабочіе лишены, впредь до прохожденія полнаго курса выучки подъ руководствомъ гг. Чет-

вериковыхъ, возможности выбирать собственныхъ представителей для рѣшенія «чуждыхъ» имъ дѣлъ. Зато народолюбивый авторъ предоставляетъ имъ полную возможность: 1) «приглядѣться», какъ рѣшаютъ «государственные вопросы» господа, и 2) «подавать свой вѣскій, по численности (!), голосъ въ пользу того кандидата, который въ совѣщательныхъ засѣданіяхъ комитета высказалъ бы полное пониманіе крестьянскихъ или рабочихъ нуждъ». Ну, а если такого «кандидата» съ «полнымъ пониманіемъ» не найдется, то «черному народу» предоставляется полное право на своихъ бокахъ испытывать, что корень ученія и въ «воспитательныхъ комитетахъ» либераловъ бываетъ горекъ.

Какъ видимъ, г. Четвериковъ очень ужъ «простъ», и патентованный либералъ, земецъ, гласный думы, профессоръ, и генералъ Кузьминъ-Караваевъ его безъ труда заткнетъ за поясъ. Но и его «подготовительные» проекты шиты бѣлыми нитками, и основная мысль ихъ—лишить полноты представительства рабочихъ и крестьянъ—совершенно ясна. Забавна уже самая формулировка тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ г. К.-К. «поступаться» «отвлеченною справедливостью», и для него олицетворяемою всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ. Совершенно вѣрно, что «успѣшность выборовъ» предполагаетъ «политическую агитацію», «предвыборную борьбу» и «образованіе партій». Но, конечно, эта «предвыборная борьба» не должна тянуться такъ ужъ «долго», какъ это предполагаетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, ибо «политическая агитація» ведется уже и теперь, и «партіи» тоже существуютъ, и именно въ процессѣ «предвыборной агитаціи», а не внѣ ея, онѣ будутъ крѣпнуть и окончательно оформливаться. Если г. Кузьминъ-Караваевъ хочетъ сказать, какъ это вполнѣ основательно можно предположить по разсѣяннымъ въ его статьѣ замѣчаніямъ, что «крайнія» партіи организованы лучше, чѣмъ «умѣренныя», то такъ и надо было прямо говорить. Тогда было бы уже совершенно ясно, къ чему клонитъ почтенный профессоръ, умудряющійся на протяженіи 20 строкъ говорить, что «полицейскіе окрики и мѣры всегда приводятъ къ торжеству того, кому мѣшаютъ и не позволяютъ говорить», и въ тоже время жаловаться, что именно благодаря «окрикамъ», «мѣшавшимъ говорить» г. Кузьмину-Караваеву, «восторжествовали» почему-то не его мнѣнія, а «крайнія сужденія».

Не болѣе въ серьезъ можно принять и мнѣніе г. К.-К., что, благодаря отсутствію у насъ извѣстныхъ широкимъ слоямъ «политическихъ дѣятелей», голоса разобьются, Иванъ будетъ выбирать Петра, а Петръ Ивана и пр. Политическая извѣстность очень быстро создается при политической агитаціи и предвыборной борьбѣ, и если «опасенія»

единомышленниковъ г. К.-К. серьезны, то имъ лучше всего не изыскивать способы устроить «хорошіе» выборы при ея отсутствіи, а требовать, и настойчиво требовать немедленнаго созданія условій, обезпечивающихъ полную свободу агитаціи. Тогда не придется терзаться и тѣмъ, что изъ-за раздробленія голосовъ «представительство», посланное фактически «десятой, двадцатой, сотой частью избирателей будетъ дискредитировано въ глазахъ всѣхъ и вся». Но намъ, признаться, это терзаніе либеральнаго генерала не кажется слишкомъ серьезнымъ. Насколько намъ извѣстно, г. Кузьминъ-Караваевъ такъ мало чувствовалъ себя «дискредитированнымъ» въ качествѣ гласнаго тверского земства и петербургской думы, что свободно выступалъ отъ имени народа и даже заявлялъ, будто «теорія всеобщаго избирательнаго права совершенно непримѣнима къ земскому самоуправленію» [1]). А любопытно было бы знать: какая именно «часть» населенія тверской губерніи или города Петербурга «послала» г. Кузьмина-Караваева въ гласные?

Истинная основа проектовъ либеральнаго земца вовсе не въ этихъ мнимыхъ затрудненіяхъ, а совсѣмъ въ другомъ. «Идея государственнаго всеединства затуманена въ сознаніи идеей единства классоваго и группового (курсивъ нашъ),—вотъ гдѣ лежитъ причина сомнѣній и опасеній», говоритъ онъ съ тѣмъ, чтобы черезъ столбецъ сказать, что «рабочіе—единственный (курс. нашъ) рѣзко обособленный классъ въ современной русской группировкѣ», и такимъ образомъ признаться, что именно «идея классоваго единства» пролетаріата внушаетъ ему «сомнѣнія и опасенія».

Г. К.-К. знаетъ, что «рабочіе—сила», и потому, конечно, и не думаетъ уже о томъ, чтобы вовсе лишить ихъ представительства. Пріурочивая выборы депутатовъ къ земствамъ и городскимъ думамъ, соотвѣтственно «пополненнымъ» крестьянами и квартиронанимателями, онъ создаетъ для рабочихъ «спеціальную групповую избирательную единицу», предоставляя имъ «въ большихъ городахъ и въ негородскихъ фабричнозаводскихъ центрахъ» выбирать «одного или нѣсколькихъ представителей». Дѣло сводится, такимъ образомъ, для К.-К., какъ и для Четверикова, къ ограниченію представительства рабочихъ, къ ихъ «изоляціи», не позволяющей имъ стать центромъ притяженія для всѣхъ слоевъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» и привлечь себѣ на службу интеллигентные элементы нерабочей среды. Словомъ, именно противъ соціалдемократіи направлены всѣ измышленія г. К.-К.: понимая невозможность лишить рабочихъ всякаго представительства, онъ старается поставить его въ такія рамки, чтобы оно было представительствомъ

---

[1]) Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня, стр. 254.

интересовъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ, а не рабочаго класса. Ради этой-же цѣли г. К.-К. предоставляетъ рабочимъ выбирать «каждое лицо, пользующееся правомъ голоса въ данномъ территоріальномъ районѣ» (курс. нашъ). Такое ограниченіе было бы прямо направлено противъ того интеллигентнаго пролетаріата, изъ рядовъ котораго вербуется часть соціалдемократической интеллигенціи, и который, гнѣздясь по «комнатамъ», не попадетъ, конечно, въ тѣ квартиронанимательскія «общенія», черезъ которыя, по проекту К.-К., интеллигенція только и можетъ стать «пользующейся правомъ голоса».

Можно было бы «по человѣчеству» простить г. К.-К. это, столь естественное для него, стремленіе урѣзать права классоваго рабочаго движенія. Но отвратительно то лицемѣріе, съ которымъ эти антипролетарскіе и антидемократическіе проекты обосновываются мнимымъ опасеніемъ за самихъ рабочихъ, которые будто бы при всеобщемъ и пр. избирательномъ правѣ потонутъ въ рядахъ другихъ избирателей и потому не будутъ въ состояніи послать своихъ представителей. Либеральный профессоръ не останавливается даже передъ явно нелѣпымъ утвержденіемъ, будто «рабочіе на Западѣ не замыкаются такъ глухо отъ другихъ слоевъ населенія, какъ у насъ». А если принять во вниманіе, что невозможность немедленнаго введенія всеобщаго и пр. голосованія К.-К. объясняетъ, какъ мы видѣли, прежде всего отсутствіемъ политической организованности, вслѣдствіе чего-де «разобьются» голоса, и что, съ другой стороны, по его же словамъ, «у рабочихъ имѣется чрезвычайная сплоченность и крѣпкая внутренняя организація», то совершенно очевидно, что не отсутствія представительства рабочихъ, а чрезмѣрнаго представительства ихъ опасается народолюбивый земецъ [1]).

Но страхъ либеральной души передъ народомъ распространяется не на однихъ только рабочихъ. Крестьяне находятъ не больше благоволенія въ очахъ ея. А такъ какъ у крестьянъ нѣтъ той «чрезвычайной сплоченности» и «организаціи», какъ у пролетаріата, то съ ними, естественно, можно церемониться гораздо меньше. И К.-К. попросту засовываетъ крестьянъ избирателей въ земства, гдѣ они тоже могутъ преимущественно «приглядываться». Правда, сохраняя со-

---

[1]) Слѣдующіе слова Витте («Новости», № 55) показываютъ степень и характеръ организованности рабочихъ: «Коммиссія (Шидловскаго) была сорвана, главнымъ образомъ, благодаря политическимъ вождямъ соціалдемократіи... Одобрять дѣйствія «крайнихъ» партій въ рабочихъ неурядицахъ положительно никто не можетъ, хотя нельзя не признать, что партіи эти дѣйствуютъ вполнѣ организованно».

сословное обособленіе крестьянъ (и это надо замѣтить!), онъ предлагаетъ «нынѣшнихъ крестьянъ-гласныхъ» въ земствѣ замѣнить «выборными отъ волостей». Но не самъ ли г. К.-К. мотивировалъ въ свое время «непримѣнимость» всеобщаго избирательнаго права въ земствахъ зависимостью крестьянъ отъ земскихъ начальниковъ и другихъ властей? Такимъ образомъ, и «выборные отъ волостей» будутъ выбраны несвободно, да, вдобавокъ, еще совершенно потонутъ въ массѣ другихъ гласныхъ. А на исчезновеніе «земскихъ начальниковъ» и прочихъ представителей «твердой власти» либеральный земецъ даже и не разсчитываетъ. Однимъ изъ главныхъ аргументовъ противъ всеобщаго избирательнаго права у него и сейчасъ служитъ «немыслимость перевоспитать въ короткое время губернаторовъ и особенно земскихъ начальниковъ».

Отложить всеобщее избирательное право до тѣхъ поръ, пока г.г. Кузьминымъ-Караваевымъ удастся «перевоспитать» и народъ и «губернаторовъ», значитъ, дѣйствительно, довольствоваться чистой идеей «всенароднаго» представительства. Но, спрашивается: зачѣмъ-же «перевоспитывать» бурбоновъ самодержавной бюрократіи. Не проще-ли смѣстить ихъ? Но въ томъ-то и бѣда либеральной души, что «смѣстить» ихъ можетъ только революція, а господинъ Кузьминъ-Караваевъ, подобно г. Четверикову, «всю надежду» возлагаетъ на «сліяніе царя съ народомъ». Въ этой боязни революціи—другое выраженіе все той-же трагедіи либеральной души, боящейся народа. И оно показываетъ, какъ боязнь народа толкаетъ часть земскаго либерализма прямо въ объятія реакціи.

Г.г. Кузьмины-Караваевы и имъ подобные нападаютъ въ тылъ освободительному движенію и облегчаютъ демагогическія затѣи правительства. И если бы судьба свободы зависѣла только отъ нихъ, то можно поручиться, что и конституція осталась бы однимъ «мечтаніемъ». Но, къ счастью, дѣло революціи находится въ надежныхъ рукахъ пролетаріата, и въ своемъ поступательномъ движеніи она заставитъ все болѣе и болѣе широкіе круги либерализма и демократіи идти съ народомъ, такъ какъ идти противъ него будетъ равносильно обреченію себя на погибель вмѣстѣ съ отмирающимъ режимомъ. До полнаго крушенія абсолютизма трагедія либеральной души должна будетъ все чаще и чаще, хотя бы и нехотя, разрѣшаться въ прямое пособничество революціи.

Ф. Данъ.

Дворянская партія.

(5 апрѣля 1905 года, № 96).

Періодъ революціонныхъ демонстрацій и всеобщихъ стачекъ, начавшійся 9-го января, закончился къ тому моменту, когда рескриптъ Булыгину засвидѣтельствовалъ міру, что самодержавіе готово, при случаѣ, вступить въ переговоры о капитуляціи. Съ этого момента начинается періодъ спѣшной организаціи общественныхъ силъ, готовящихся принять то или другое участіе въ выработкѣ условій созыва народныхъ представителей и самой избирательной комиссіи. Московскій съѣздъ земцевъ сплачиваетъ земскую лѣвую. Съѣздъ адвокатовъ, врачей, профессоровъ, цѣлый рядъ всероссійскихъ и областныхъ союзовъ представителей свободныхъ профессій закладываютъ основаніе для политическаго объединенія всѣхъ элементовъ радикальной демократіи.

Рядомъ съ этими партіями, игравшими до сихъ поръ въ жизни «общества» доминирующую роль, идетъ образованіе новыхъ политическихъ соединеній. Изъ стана оппозиціи и изъ стана консерваторовъ отлагаются различныя группы, освобождающіяся изъ-подъ опеки того или другого «блока» для того, чтобы болѣе самостоятельно выступить на политической аренѣ съ своимъ собственнымъ программнымъ оттѣнкомъ. Земско-дворянская правая выдѣляетъ прежде всего пресловутыхъ предводителей, разразившихся своимъ знаменитымъ политическимъ манифестомъ, который, надо признать, встрѣтилъ гораздо болѣе суровое осужденіе со стороны реакціи, на встрѣчу которой повернули предводители, чѣмъ со стороны либераловъ и демократовъ, противъ которыхъ они выступили прямо. Манифестъ дворянскихъ предводителей, этотъ характерный отвѣтъ дворянства на начавшееся аграрное движеніе, является первой попыткой вчера еще оппозиціонной группы остановить революціонное движеніе въ самомъ началѣ и приступить къ новой концентраціи соціально-охранительныхъ силъ, такъ безжалостно разсѣянныхъ въ разныя стороны бурнымъ процессомъ революціонной логики и быстрымъ ходомъ внутренняго разложенія существующаго порядка. Увы! реакціонныя иллюзіи такъ же мало способны остановить ходъ общественнаго развитія, какъ иллюзіи революціонныя—ускорить его. Безсильные оживить абсолютизмъ, вожди

дворянства только вносятъ своей легкой критикой существующаго лишнюю «смуту» въ атмосферу всеобщаго недовольства и вызываютъ противъ себя острое возмущеніе въ монархическомъ лагерѣ.

Навстрѣчу предводителямъ идетъ «партія земскихъ предателей», группа «шиповцевъ», подчинившаяся 6—7 ноября прошлаго года большинству земскаго съѣзда, но теперь находящая моментъ благопріятнымъ для выполненія своей исторической миссіи—стать центромъ тяготѣнія для тѣхъ землевладѣльческихъ элементовъ, которымъ «твердая» монархическая власть столь же необходима для охраны ихъ привилегій и ихъ классовыхъ интересовъ, сколько неудобна для нихъ громоздкая бюрократическая машина, внѣ которой—увы!—немыслима эта твердая власть. Съ другой стороны, навстрѣчу предводительской «партіи» идетъ та высшая столичная аристократія, которая имѣла во главѣ достаточно опозоренныхъ рыцарей ордена Плеве—вродѣ Стишинскаго и Штюрмера—и теперь восчувствовала необходимость готовиться къ организованной общественной борьбѣ на новой аренѣ и начала складываться, какъ сообщаютъ газеты, въ «конституціонную правую». Для всѣхъ этихъ, по существу, консервативныхъ элементовъ рескриптъ 18-го февраля представляетъ болѣе или менѣе полную программу, исчерпывающую ихъ стремленія въ области «реформъ». И если у самодержавной бюрократіи хватитъ еще на столько ловкости, чтобы состряпать какой-нибудь «булыгинскій парламентъ», она пріобрѣтетъ болѣе надежную и солидную опору, чѣмъ та, которую ему могутъ доставить нелѣпые «ташкентцы» и дикіе помѣщики «Московскихъ Вѣдомостей».

Не безъ разсчета на эту новую опору, правительство увеличило безконечный рядъ «совѣщаній» и «комиссій», разрабатывающихъ «назрѣвшія реформы» новымъ «особымъ совѣщаніемъ», объ образованіи котораго сообщаетъ рескриптъ отъ 30-го марта на имя тайнаго совѣтника Горемыкина. Исходя изъ того, что «въ нѣкоторыхъ (!) внутреннихъ губерніяхъ Имперіи хозяйственное положеніе крестьянскаго сословія въ значительной степени поколеблено», рескриптъ признаетъ необходимымъ «незамедлительно приступить къ изысканію средствъ для устраненія этого прискорбнаго явленія». При этомъ рекомендуется, какъ «непремѣнное условіе», «охраненіе частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ». Въ программѣ «Совѣщанія» намѣчается «облегченіе возможности переселенія» и «завершеніе отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ не-

прикосновенности всякой частной собственности».

Какъ видите, новое совѣщаніе едва ли не будетъ занято гораздо больше вопросомъ объ охранѣ помѣщичьяго землевладѣнія противъ «всякихъ на него посягательствъ», чѣмъ нуждами «крестьянскаго сословія». Совѣщаніе Горемыкина, смѣняющее собой слишкомъ «либеральное» совѣщаніе Витте о сельскохозяйственной промышленности, упраздненное въ тотъ же день 30-го марта, должно попробовать «отписаться» отъ крестьянскаго движенія мелкими «улучшеніями». Нечего и говорить, что вліяніе его «трудовъ» на дѣйствительную жизнь будетъ не большимъ, чѣмъ вліяніе работъ комиссіи Коковцева по рабочему вопросу. Являясь новымъ свидѣтельствомъ неутомимости бюрократіи по части изобрѣтеній новыхъ рецептовъ для излеченія общественныхъ недуговъ, рескриптъ 30 марта сыграетъ одну только роль—возбудитъ новые толки въ крестьянской средѣ и, слѣдовательно, усилитъ волненія въ ней.

Задача—осуществить крестьянскую «реформу» «при непремѣнномъ условіи сохраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ» является, по существу своему, задачей противорѣчивой. Реформа, въ которой нуждается крестьянство, как ъ сословіе, есть, прежде всего, освобожденіе крестьянской земельной собственности, до сихъ поръ полукрѣпостной.

Внѣ созданія свободнаго крестьянства немыслимо укрѣпить его «поколебленное хозяйственное положеніе». А освободить крестьянскую собственность и крестьянское хозяйство немыслимо безъ «посягательствъ» на священное право собственности помѣщичьей. Вотъ почему крестьянство въ своемъ стремленіи къ устраненію пережитковъ крѣпостного права и къ улучшенію своего матеріальнаго положенія, является въ настоящее время потенціально-революціоннымъ. Вотъ почему, вопреки всѣмъ реакціоннымъ предразсудкамъ и иллюзіямъ, налипшимъ на крестьянское движеніе, оно не можетъ не кончить рѣзкимъ столкновеніемъ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ, слишкомъ тѣсно связаннымъ съ «частнымъ землевладѣніемъ», чтобы отказаться хоть на время отъ охраны его противъ «посягательствъ».

Н. Негоревъ.

Въ погонѣ за союзами.

(23 апрѣля 1905 года, № 98).

Соціалдемократія имѣетъ, какъ извѣстно, привилегію возбуждать великую нелюбовь и даже ненависть со стороны всѣхъ другихъ политическихъ партій, всегда единодушныхъ, когда дѣло идетъ о нападкахъ на соціалдемократическую партію. Партія пролетаріата, впервые нашедшая ключъ къ сердцу народныхъ массъ, впервые съумѣвшая пробудить и воспитать ихъ политическую мысль, организовать и мобилизовать ихъ на почвѣ отстаиванія ихъ классовыхъ интересовъ, для борьбы противъ существующаго режима и тѣмъ дать реальную опору для борьбы всѣхъ слоевъ образваннаго «общества», эта партія не перестаетъ подвергаться самымъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны свободолюбивыхъ элементовъ этого самаго «общества».

Еще въ послѣднемъ номерѣ «Р. Р.» (№ 64) г. «Бывшій соціалдемократъ» нашелъ въ себѣ достаточно вкуса, чтобы использовать въ этомъ направленіи противъ соціалдемократіи отрывки изъ «недоконченной рукописи» И. П. Каляева, приговореннаго теперь къ смертной казни. О, конечно, г. Б. С. сдѣлалъ это «не для полемики съ соціалдемократами»! Но намъ кажется все же весьма характерной эта ненависть къ соціалдемократіи, заставляющая даже дань удивленія передъ героизмомъ облекать въ форму полемики противъ «Искры». Вѣдь не пришло же въ голову г. Б. С. противоставлять революціонность настроенія Каляева, ну, скажемъ, хоть «постепеновщинѣ» того «Освобожденія», съ которымъ «Революціонная Россія», послѣ парижскаго брака и до сихъ поръ—оффиціально, по крайней мѣрѣ,—не развелась! Очевидно, очень ужъ досадила всѣмъ ужасная грѣшница—соціалдемократія! И самымъ ходячимъ упрекомъ противъ нея, несомнѣнно, является обвиненіе въ помѣхѣ всевозможнымъ «координированнымъ» дѣйствіямъ, во внесеніи раскола и раздробленія въ ряды оппозиціи, въ ослабленіи дружнаго «натиска» на правительство и пр., и пр.

Было счастливое время, когда трогательное согласіе и единеніе господствовали почти на всемъ полѣ оппозиціонной журналистики. Отъ отца нынѣшнихъ соц.-рев. — «Русскаго Богатства» —до праматери нынѣшнихъ «умѣренныхъ» купеческой и земской линіи — «Вѣстника Европы»—царилъ одинъ и тотъ же неопредѣленный сѣро-розовый цвѣтъ, въ которомъ тонули всѣ оттѣнки политической мысли и всѣ разногласія.

Но было ли это единеніе признакомъ силы оппозиціи? Нѣтъ; оно служило неопровержимымъ доказательствомъ ея слабости; оно подчеркивало чисто оборонительную позицію, которую — и то съ сомнительнымъ успѣхомъ—приходилось занимать всѣмъ «прогрессивнымъ» элементамъ. Отсутствіе политическаго дробленія оппозиціи и мирное сожительство всего оппозиціоннаго лагеря означали ничто иное, какъ малую практическую цѣнность политическихъ программъ. «Идеалъ»—политическая свобода—былъ такъ далекъ, что было совершенно излишне опредѣлять конкретнѣе свое отношеніе къ нему. Можно было довольствоваться самыми туманными формулами, благодаря туманности своей объединявшими всѣхъ.

Выступленіе пролетаріата въ серединѣ девяностыхъ годовъ показало правильность разсчетовъ соціалдемократіи. Оно же впервые предъявило оппозиціонному «обществу» оппозиціонный «народъ» и тѣмъ самымъ повысило шансы оппозиціи вообще. Политическая свобода начала выступать изъ окутывавшаго ее тумана и пріобрѣтать болѣе опредѣленныя очертанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предъ всѣми оппозиціонными группами предстала необходимость соотвѣтственно усилить и опредѣленность своей политической позиціи. Эта большая опредѣленность означала повышеніе силы оппозиціи. Но она же означала начинающееся дробленіе ея. Изъ-подъ покрова общаго сходства всѣхъ оппозиціонныхъ группъ, основывавшагося на отрицательномъ отношеніи ихъ къ существующему режиму, начали выглядывать, хотя сначала и весьма слабо, индивидульныя физіономіи, индивидуальность которыхъ обусловливалась взглядами на методы и цѣли положительной политической борьбы.

Внимательный анализъ показалъ бы, что уже въ эту эпоху, подъ вліяніемъ первой волны пролетарскаго движенія, намѣтились общими штрихами всѣ тѣ направленія, которыя теперь, на нашихъ глазахъ, консолидируются въ политическія партіи. Первый же натискъ рабочаго класса на существующій государственный порядокъ, натискъ, въ значительной степени стихійный, воздѣйствовалъ на оппозиціонное «общество» такимъ образомъ, что «раскалывалъ» его, одновременно повышая совокупность его силъ и оппозиціонности. Роль соціалдемократіи, истолковывавшей историческій смыслъ стихійнаго движенія рабочихъ массъ, показывавшей его соціальные корни и вѣроятное будущее, сводилась въ этомъ отношеніи лишь къ ускоренію и интенсификаціи этого процесса, одновременнаго и неразрывно связаннаго другъ съ другомъ наростанія силы оппозиціи и ея разслоенія.

Въ томъ же самомъ направленіи шло воздѣйствіе рабочаго движенія и его авангарда—соціалдемократіи—на либерализмъ и демократію и втеченіе всего остального періода, отдѣляющаго насъ отъ середины 90-хъ годовъ. Съ ростомъ рабочаго движенія и усиленіемъ его классоваго характера, выражающимъ растущую опредѣленность тѣхъ задачъ, которыя онъ себѣ ставитъ, растутъ и надежды на возможность политическаго переворота въ Россіи; изъ области «мечтаній» конституція переходитъ въ область совершенно очевидной возможности. А вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ опредѣленность политической физіономіи оппозиціонныхъ группъ, растетъ ихъ сила и ихъ «дробленіе».

Разумѣется, литературная критика соціалдемократіи, являвшаяся лишь отраженіемъ фактической критики рабочаго движенія, казалась, какъ кажется и до сихъ поръ, либерально-демократическимъ группамъ, черпавшимъ изъ этого самаго движенія свои силы, досаднымъ нарушеніемъ гармоніи и единства въ борьбѣ съ самодержавной бюрократіей. Не понимая того процесса, который толкалъ ихъ впередъ, онѣ или отрицали свою эволюцію, или считали ее плодомъ самопроизвольнаго развитія и роста своей политической мысли. И въ каждый данный моментъ своего развитія онѣ требовали «единенія» на основѣ достигнутаго ими уровня. Отсюда—любовь къ туманнымъ и неопредѣленнымъ формуламъ, которыя, поскольку онѣ относились къ будущимъ формамъ политической свободы и соціальныхъ преобразованій, могли выразить все, что угодно, или ничего; и отсюда же—великая нелюбовь къ соціалдемократіи, которую сама классовая позиція ея заставляла ставить политическіе вопросы все въ болѣе и болѣе острой и опредѣленной формѣ и создавать такимъ образомъ реактивъ для опредѣленія классовой природы всѣхъ другихъ оппозиціонныхъ группъ.

Въ высшей степени характерно, что соціалдемократія первая выработала себѣ программу, опредѣленно и ясно формулирующую не только конечныя, но и ближайшія цѣли ея. Въ томъ вопросѣ объ уничтоженіи абсолютизма и политической свободѣ, по отношенію котораго и раздается все болѣе сѣтованій насчетъ дробленія силъ, соціалдемократія первая сказала въ точныхъ и конкретныхъ терминахъ, чего именно она хочетъ. И до самаго послѣдняго времени (мы оставляемъ въ сторонѣ окраины и націоналистическія партіи) соціалдемократія одна только имѣла программу, такъ что, въ сущности, одна только соціалдемократія и была политической партіей; всѣ прочія оппозиціонныя и революціонныя группы были и остались лишь на-

правленіями, формулировавшими только общіе штрихи своей дѣятельности и своихъ цѣлей.

Это отсутствіе программъ и дало возможность чуть не наканунѣ переживаемаго нами революціоннаго періода, уже успѣвшаго такъ безпощадно обнажить классовую подоплеку многихъ «народолюбивыхъ» направленій, поставить на очередь вопросъ объ «объединеніи» силъ. «Освобожденіе» объявляло въ это время, что русское освободительное движеніе «не носитъ на себѣ печати классовой ограниченности», а «соціалисты» «Рев. Россіи» (№ 54, стр. 6) увѣряли, будто «крайняя лѣвая конституціоналистовъ» «уже теперь» выражаетъ «гласно нѣкоторыя симпатіи къ соціализму»!

Попытка «объединенія» удалась. Парижскій «блокъ» и ноябрьскій земскій съѣздъ—это, въ сущности, одна непрерывная цѣпь, такъ какъ освобожденцы, принимавшіе участіе и здѣсь и тамъ, служили соединительнымъ звеномъ.

Правда, с.-р-ы хвалились, будто своимъ «блокомъ» имъ удалось отдѣлить «такіе элементы, которые чужды специфическимъ классовымъ интересамъ аграрно-буржуазнаго ядра и тяготѣютъ ко многимъ тенденціямъ соціалистической демократіи» (это г. Струве-то!), элементы, которые якобы не желаютъ вести никакихъ переговоровъ съ правительствомъ о «взаимодѣйствіи» съ нимъ для «умиротворенія страны», («Р. Р.,» № 56, стр. 6) и т. п. Но, во 1-хъ г. Струве теперь уже печатно заявилъ, что «разговаривать» съ правительствомъ онъ пересталъ не въ эпоху «блока», а лишь послѣ 9-го января, а во 2-хъ «Р. Р.» (№ 55, стр. 2—3) сумѣла втолковать массу прекрасныхъ вещей (въ томъ числѣ и всеобщее и пр. избирательное право) и въ резолюціи земскаго съѣзда, удивляясь лишь въ своей неизреченной наивности, почему это у земцевъ явилась «странная мысль—говорить лишь далекими намеками въ вопросѣ, который для рабочихъ массъ имѣетъ самое жгучее значеніе»! Такимъ образомъ очевидно, что, по признанію самихъ с.-р-овъ, политическая платформа «блока» и земскаго съѣзда была, въ сущности, одна и та же. Желанное «единеніе» было достигнуто, и можно было позволить себѣ двойной залпъ ругательствъ по адресу «узости», «доктринерства», «сектантской нетерпимости» соціалдемократіи, которая одна оставалась теперь за порогомъ святилища объединенной оппозиціи.

Торжество «единенія» продолжалось, однако, недолго. Не успѣлъ еще «блокъ» совершить ни единаго дѣйствія, какъ грянула январьская буря и однимъ ударомъ разрушила такъ старательно возведенное зданіе. Если до январьскихъ событій рабочій классъ, поскольку движеніе его

было стихійнымъ и не обращалось непосредственно противъ абсолютизма, игралъ, въ значительной степени, лишь роль разрушительной и дезорганизующей правительственный механизмъ силы, то теперь положеніе измѣнилось. Начиная съ 9-го января, все большая и большая часть рабочаго класса ставитъ себѣ сознательной цѣлью борьбу не только за политическую свободу вообще, но и за опредѣленныя, конкретныя формы ея, именно тѣ, которыя намѣчены въ программѣ соціалдемократіи. Такое открытое выступленіе широкихъ массъ на непосредственную борьбу и знаменуетъ собой начало революціи. Политическая свобода и связанныя съ ней соціально-экономическія преобразованія становятся, такъ сказать, осязательными. Выдвигается рядъ соціально-политическихъ проблемъ, которыя можно почти нащупать руками и отъ которыхъ нельзя отговориться туманными фразами. Дѣло идетъ «въ серьезъ» и классовые интересы заставляютъ отнестись къ нему «въ серьезъ».

Послѣ 9-го января на нашихъ глазахъ совершается не только распаденіе объединенной оппозиціи, но и образованіе политическихъ партій съ опредѣленной политической и соціально-экономической программой. Классовый характеръ рабочаго движенія заставляетъ выдѣлиться въ особую группу промышленный либерализмъ. Вовлеченіе въ движеніе крестьянства даетъ толчокъ образованію «правой» и «лѣвой» партіи земскаго либерализма.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, соціалдемократія перестала пользоваться привилегіей вести одновременно борьбу на два фронта, хотя и различными методами: противъ самодержавной бюрократіи и противъ всѣхъ другихъ, хотя бы и «прогрессивныхъ», партій, поскольку ихъ дѣятельность противорѣчитъ классовымъ интересамъ пролетаріата. Всякая новообразующаяся партія сейчасъ же начинаетъ такую же войну противъ всѣхъ, во имя представляемыхъ ею классовыхъ интересовъ. Купеческая партія прямо заключаетъ «конвенцію» противъ требованій рабочихъ; Шиповская партія, открывая войну противъ самой идеи ограниченія абсолютизма, тѣмъ самымъ направляетъ свою программу не только противъ рабочей и крестьянской демократіи, но и противъ купечества и противъ своихъ же, болѣе либеральныхъ, собратій—земцевъ, которые думаютъ спасаться отъ аграрной революціи аграрной реформой или полуреформой, вмѣсто того, чтобы бросаться по Шиповскому рецепту въ объятія самодержавнаго правительства. Только что родившись, наши «націоналъ-прогрессисты» не только требуютъ цензовыхъ выборовъ, но считаютъ нужнымъ сейчасъ же нарочито подчеркнуть свое твердое намѣреніе бороться противъ всеобщаго избира-

тельнаго права. Вотъ онъ, истинный смыслъ знаменитаго пункта 7-го земской резолюціи о «равенствѣ политическихъ правъ» всѣхъ гражданъ!.

Такъ постепенно, съ ходомъ революціи и съ усиленіемъ революціоннаго натиска на старый режимъ, спадаютъ идеалистическіе покровы, обнажаются классовые интересы и растетъ «дробленіе». Та либеральная буржуазія, которую видѣла раньше одна соціалдемократія, встаетъ теперь передъ всѣми во всей своей силѣ и организованности. И, быть можетъ, теперь даже «соціалисты» изъ «Рев. Россіи» поймутъ, почему соціалдемократія не могла связывать себя съ почтенной компаніей парижской конференціи и петербургскаго съѣзда.

Они, впрочемъ, и сами чувствуютъ теперь—и уже съ точки зрѣнія не только «соціалистичности», но и «революціонности»—нѣкоторый конфузъ отъ своихъ похожденій въ поискахъ за «союзомъ». Мы еще разсчитываемъ вернуться къ этому вопросу, а пока—совѣтуемъ читателю хоть бѣгло пробѣжать и сравнить №№ 55, 56, 61 и 64 «Революціонной Россіи», чтобы увидѣть: куда приводитъ «безпокойная ласковость взгляда», ищущаго «единенія» и «союза» во что бы то ни стало.

И теперь, когда намъ указываютъ на вставшіе на революціонный путь элементы демократіи и совѣтуютъ заключить блокъ съ ними, мы скажемъ: мы знаемъ, знаемъ такъ же хорошо, какъ знали это раньше относительно гг. Шиповыхъ, Трубецкихъ, Струве и пр. и пр., что эволюція этихъ элементовъ далеко еще не кончилась, что настанетъ моментъ, когда «печать классовой ограниченности», лежащая на нихъ и видимая нами, станетъ видна и всѣмъ такъ же ясно, какъ она видна теперь соц.-рев. относительно г. Струве. Мы знаемъ, что главная сила нашей партіи—въ ея *классовомъ* характерѣ, который только и даетъ намъ возможность политически сплачивать, организовывать и мобилизовать все большія и большія массы пролетаріата. А только процессъ такой политической мобилизаціи дѣйствительно подготовляетъ народъ къ активной борьбѣ.

Вступить въ блокъ съ буржуазно-демократическими, хотя бы и революціонными элементами, значитъ сглаживать острыя грани классоваго характера нашей партіи, ибо только при этомъ условіи соглашеніе для опредѣленной *цѣли* пріобрѣтаетъ хоть какой-нибудь смыслъ. Но сдѣлать это, значитъ уменьшить размахъ нашей работы, революціонизирующей рабочее движеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подрѣзать и питающуюся этимъ движеніемъ революціонность буржуазной демократіи.

Ф. Данъ.

Демократы по-неволѣ.

(1 мая 1905 г. № 99).

Земскій съѣздъ призналъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ требованіе всеобщаго избирательнаго права. Большинствомъ въ 3 десятка голосовъ онъ призналъ прямое избирательное право. Значеніе этого рѣшенія онъ «смягчилъ» принятіемъ двухпалатнаго представительства. Но и при этомъ смягченіи вотумъ земскаго съѣзда представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ побѣду демократіи. Сообщенныя печатью подробности совѣщанія земцевъ показываютъ размѣры этой побѣды. Не далеки отъ насъ тѣ «ноябрьскіе» дни, когда земцы приняли формулу «народное представительство», умолчавъ о представительствѣ «всенародномъ». Читателямъ памятно, какъ всѣ оттѣнки буржуазной демократіи ополчились на защиту этой формулы земской лѣвой, оспаривая то толкованіе, которое наша партія съ самаго начала дала такому умолчанію. Читатель помнитъ всѣ эти увѣренія въ томъ, что всеобщее избирательное право «само собой подразумѣвается» въ земскихъ резолюціяхъ, что никакого анти-демократическаго умысла въ умолчаніи не было. Читатель помнитъ, что къ этому адвокатскому истолкованію присоединился въ то время и органъ «соціалистовъ-революціонеровъ», только что передъ тѣмъ вступившихъ въ «блокъ» съ этими самыми лѣвыми земцами—освобожденцами тожъ. Читатель помнитъ, что полемика по этому вопросу навлекла на голову нашей партіи много новыхъ громовъ, и что лишній разъ было доказано въ тѣ поры міру, что соціалдемократія «нетерпима», что она изъ-за «фракціонныхъ разсчетовъ» мѣшаетъ объединенію всѣхъ оппозиціонныхъ силъ, что она изобрѣтаетъ разногласія и т. д., и т. д.

Но какъ ни возмутила «всѣхъ» соціалдемократическая критика, она нашла-таки откликъ въ средѣ пролетаріевъ и дѣйствительно-революціонныхъ элементовъ интеллигенціи. Въ десяткахъ и сотняхъ заявленій рабочіе и студенчество выразили политическое недовѣріе ноябрьской земской программѣ. За этими манифестаціями послѣдовало могучее январьское движеніе пролетаріата, и на знамени этого движенія было написано ярко и отчетливо: «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право». Земской лѣвой нельзя было уже прятаться за туманныя ноябрьскія формулы, если она не хотѣла остаться за бортомъ движенія. Въ недавно изданной г. Струве книжкѣ «Земство и политическая свобода» (журналы комиссіи—собранія Саратов.

губ. земства) мы находимъ въ высшей степени поучительное свидѣтельство эволюціи земской политики. Въ преніяхъ саратовскихъ земцевъ по поводу доклада участниковъ ноябрьскаго съѣзда характерно отразилось быстрое движеніе впередъ, къ которому были вынуждены событіями представители земскаго либерализма. И если бы у насъ не было другихъ данныхъ для сужденія о вліявшихъ на эту эволюцію факторахъ, то съ насъ было бы достаточно того, что въ подписанной 10 января резолюціи содержатся слова, взятыя изъ знаменитой петиціи петербургскихъ рабочихъ: «мы ничего не хотимъ для себя, а все для Россіи».

Но у насъ есть и другія данныя. Видные участники ноябрьскаго съѣзда—гг. Юматовъ и Масленниковъ выступаютъ на январьскомъ собраніи съ предложеніемъ дополнить ноябрьскія резолюціи, выставивъ требованіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. И посмотрите, какъ аргументируетъ въ январѣ тотъ же самый Масленниковъ, который въ ноябрѣ подписалъ «11 пунктовъ». На вопросъ гл. Обухова: «стоите ли вы за права народа, или нѣтъ?», онъ отвѣчаетъ:«можетъ быть, кровь народа, которая течетъ въ моихъ жилахъ, говоритъ мнѣ все это — но я — за народъ, я хочу на него работать! И когда вы предлагаете мнѣ эту неясную формулу (NB: «всеоб. изб. право» безъ дальнѣйшихъ поясненій), я считаю своею обязанностью выставить ея неясность... За что мы все время воевали? За привилегіи кучки людей, за тѣхъ, кто владѣетъ большимъ капиталомъ? Почему эти ясныя слова (NB. «равное и тайное»), которыя созданы страданіемъ народа, вызываютъ возраженія?»

Такъ говорилъ земецъ Масленниковъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ того какъ «демократы» Водовозовы и «соціалисты» Гарденины старались убѣдить насъ, что «выставлять неясность» нѣкоторыхъ словъ не только не является нашей обязанностью, но и свидѣтельствуетъ о нашей «узости». Любопытно, какъ возражалъ Масленникову передовой земецъ Н. Н. Львовъ:

«Меня удивляетъ патетическій тонъ Алексѣя Михайловича (Масленникова). Онъ хочетъ выставить себя борцомъ за народныя права; надѣюсь, онъ не хочетъ этимъ сказать, что другіе не стоятъ за эти права. Меня удивляетъ еще одно. Отчего онъ, если взялся защищать народные интересы, не заявлялъ и не настаивалъ на необходимости ввести слова «тайная» подача—тамъ, на совѣщаніи? Тамъ это было обойдено. Тамъ мы говорили о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и думали, что если бы это постановленіе вошло въ жизнь, это было-бы огромнымъ пріобрѣтеніемъ... Я не понимаю, отчего настаиваютъ на

«тайной» подачѣ голосовъ, какъ на единственномъ способѣ защиты народныхъ правъ: въ вопросѣ о тайной подачѣ голосовъ могутъ быть сомнѣнія. Напримѣръ, какъ вы проведете тайную подачу голосовъ при огромномъ процентѣ безграмотныхъ въ нашемъ населеніи?» Далѣе ораторъ заявилъ по поводу той же тайной подачи голосовъ: «Если мы это скажемъ, это не будетъ дѣйствительно наша мысль (подчеркнуто въ подлинникѣ). Мы можемъ намѣтить только линію, по которой мы можемъ и должны идти». Гласный К. Б. Веселовскій поспѣшилъ защитить гл. Масленникова отъ упрека въ перемѣнѣ взглядовъ. «Упрекъ Масленникову, отчего онъ на съѣздъ не поднималъ и не отстаивалъ этого вопроса, можетъ быть обращенъ съ такимъ же правомъ и ко мнѣ. Я долженъ сказать на это, что событія идутъ съ такой быстротой, что мы не можемъ знать даже того, что будетъ завтра. Теперь мы видимъ, что уже самъ народъ властно требуетъ участія въ законодательствѣ. И мнѣ кажется, странно закрывать ему дорогу къ этому участію. А системой открытой подачи, не прямого, не равнаго избирательнаго права—эта дорога закроется».

Къ этому гл. Масленниковъ добавилъ: «Что касается до того, почему въ Петербургѣ я не стоялъ за это добавленіе, такъ это потому, что я думалъ, что этотъ порядокъ настолько сознанъ, что подразумѣвается самъ собой». Въ этомъ и увѣряли насъ, прибавимъ мы отъ себя, гг. Водовозовы, Гарденины и прочіе прислужники либеральныхъ помѣщиковъ. Но,—продолжаетъ одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, г. Масленниковъ: «Но я началъ настаивать на немъ тогда, когда стали возражать, что это не нужно, что это утопія». «И люди поддерживаютъ необходимость оговорить, что подача голосовъ должна быть тайной потому, что они желаютъ, чтобы народное право было бы дѣйствительно народнымъ правомъ и, значитъ, вы не хотите этого, если не хотите сдѣлать такую оговорку».

Г.г. Гарденины и Водовозовы! Это не соціалдемократы, это не «развращенные» ими рабочіе говорятъ; это говоритъ либералъ-помѣщикъ: если кто не хочетъ сказать «равное, прямое, тайное», это значитъ, что онъ не желаетъ, чтобы «народное право стало дѣйствительно народнымъ правомъ!»

«Народъ не пойметъ вашихъ мотивовъ», продолжалъ г. Масленниковъ «и будетъ думать, что мы стараемся устранить его.—Наводить его на такія мысли будетъ съ нашей стороны нетактично. Умолчаніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ резолюціи совѣщанія породило массу сомнѣній».

Итакъ, гг. Львовъ, Масленниковъ, Веселовскій свидѣтельствуютъ

о томъ, какъ права была соціалдемократія, когда утверждала, что 6—9 ноября было «обойдено» требованіе всенароднаго представительства, и что земцамъ это требованіе было «не нужно». Предоставляемъ послѣ этого всѣмъ судить о томъ, какую роль играли революціонеры а la Гарденинъ и демократы а la Водовозовъ въ то время, какъ земцы начинали соображать, что, какъ выразился гласный Иконниковъ, «умолчать объ этомъ, дѣйствительно, нельзя», хотя, по мѣткому свидѣтельству гл. Львова, «это не наша мысль».

Дѣйствительно, «не наша». И самъ гласный Львовъ подтвердилъ это своимъ примѣромъ, когда на апрѣльскомъ съѣздѣ выступилъ уже энергичнымъ защитникомъ тѣхъ самыхъ требованій, которыя въ январѣ противъ него защищалъ Масленниковъ и которыя въ ноябрѣ онъ «обходилъ» вмѣстѣ съ Масленниковымъ. Движеніе либеральной «земской мысли» есть ни что иное, какъ отраженіе движенія русской революціи.

Земская лѣвая развивается въ сторону демократической программы. Но она дѣлаетъ это не потому, чтобы такова была ея воля, а потому что ее къ тому толкаетъ сила событій. «Это не наша мысль»—эта печать лежитъ на всѣхъ прогрессивныхъ дѣйствіяхъ земскихъ конституціоналистовъ. Въ наивной до цинизма формѣ это выражаетъ крайній органъ петербургскихъ «демократовъ»—«Сынъ Отечества». Въ передовой статьѣ № 55 мы читаемъ:

«Успокоится ли весь этотъ многомилліонный народъ, если будетъ введенъ избирательный цензъ и соберутся представители, въ избраніи которыхъ онъ не участвуетъ? Повѣритъ ли онъ, что эти представители средняго и высшаго классовъ защитятъ и его интересы, не принесутъ ихъ въ жертву интересамъ своихъ избирателей? Вѣдь нашъ рабочій очень ужъ наслышанъ о «буржуазіи», «классовыхъ интересахъ» и «классовой борьбѣ». Мужикъ такихъ словъ, правда, еще не знаетъ, но это не мѣшаетъ ему относиться къ «барамъ» съ неменьшей подозрительностью и враждебностью.

«...Представители среднихъ классовъ довѣрія народу не внушаютъ. Остается только всеобщее избирательное право, какія бы практическія неудобства въ данное время оно ни представляло. Что дѣлать? Вѣдь, Россія находится въ положеніи человѣка, захваченнаго пожаромъ во второмъ этажѣ. Выпрыгнешь въ окно—рискуешь сломить ноги, останешься—непремѣнно сгоришь».

«Сынъ Отечества»—органъ демократовъ. Считается даже, что на немъ почіетъ благодать такъ называемой «русской субъективной школы», состоящей, какъ извѣстно, въ духовномъ родствѣ съ «русской

соціалистической школой» соціалистовъ-революціонеровъ. И вотъ, этотъ-то органъ демократовъ открыто признается, что для него вопросъ о демократіи есть вопросъ о рискованномъ прыжкѣ изъ второго этажа горящаго дома! Представители традиція «долга народу» смотрятъ на предоставленіе народу полноты политическихъ правъ, какъ на вынужденный, авантюристскій экспериментъ. Они прямо говорятъ, что были бы рады не требовать правъ для народа, еслибы соціалдемократія не ознакомила рабочаго класса съ идеей «классовыхъ интересовъ» и «классовой борьбы», еслибъ реакція не пустилась въ демагогическую агитацію среди крестьянъ. Они, требующіе похода «объединенія въ борьбѣ противъ общаго врага», признаются, что только подъ давленіемъ пролетаріата начинаютъ «довѣрять» ему настолько, чтобы не добиваться ограниченія его политическихъ правъ. Говоря словами г. Львова, они, заявляя о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ, выражаютъ не свою мысль, не свое желаніе.

Пролетаріатъ не долженъ создавать себѣ никакихъ иллюзій относительно такого демократизма. Онъ долженъ брать факты, каковы они въ дѣйствительности, и помнить, что только его революціонное давленіе, только его самостоятельная классовая борьба превращаетъ либераловъ по природѣ въ демократовъ по-неволѣ.

Л. Мартовъ.

Вожделѣнія либеральныхъ аграріевъ.

(1 іюня 1905 г., № 101).

На состоявшемся въ концѣ апрѣля съѣздѣ по аграрному вопросу земскихъ дѣятелей и представителей науки, на основаніи ряда докладовъ и послѣ преній принята была резолюція, встрѣченная, насколько мы могли убѣдиться, сочувственно всей нашей передовой печатью. Всѣ увѣрены, что проведеніе въ жизнь содержащихся въ этой резолюціи мѣръ можетъ немедленно помочь крестьянству и умиротворить его.

Потребностью умиротворить крестьянъ, пріостановить разгорающееся крестьянское движеніе, несомнѣнно въ сильной степени руководились и участники съѣзда. Еще далекіе отъ ночи четвертаго августа, еще надѣясь нѣкоторыми уступками предупредить всеобщее аграрное возстаніе, представители помѣщичьяго землевладѣнія готовы поторговаться съ крестьянствомъ, сдѣлать ему кой-какія уступки.

Съ другой стороны, вызванная общими условіями развитія русской общественной жизни, политическая эволюція земства въ послѣднее время заставляетъ его искать опоры въ народѣ и прежде всего въ крестьянствѣ. Это обстоятельство должно было заставить земскихъ либераловъ принять во вниманіе требованія крестьянъ и въ той или иной формѣ пойти навстрѣчу ихъ желаніямъ. Если при всемъ томъ отъ предлагаемыхъ ихъ резолюціей мѣропріятій отдаетъ духомъ крѣпостничества, то въ этомъ повинна, конечно, не ихъ злая воля, а ихъ классовая подоплека. Всеобщее же удовольствіе прогрессивной прессы мы можемъ объяснить только тѣмъ пропитавшимъ ее насквозь оппортюнизмомъ, который такъ старательно прививаетъ ей на столбцахъ «Освобожденія» г. Петръ Струве.

Отказавшись, въ соотвѣтствіи съ духомъ новаго времени, отъ всякаго рекламированія крестьянскихъ банковъ, мелкихъ кредитовъ, организацій переселенія и проч. и проч., наши земцы въ своей московской резолюціи указываютъ, что одной изъ первыхъ задачъ народнаго представительства является аграрная реформа, т. е., по указанію той же резолюціи, борьба съ малоземельемъ. Но такъ какъ (цитируемъ резолюцію) «національзація земли въ настоящее время не можетъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи», такъ какъ «широкое развитіе переселенія невозможно, за недостаткомъ пригодныхъ для того свободныхъ земель», а «крестьянскій банкъ при современной его организаціи не можетъ помочь злу», то устранить зло малоземелья можно только «путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею». Откуда же взять эту землю и на какихъ основаніяхъ предоставить ее крестьянству?

На съѣздѣ присутствовало нѣсколько старовѣровъ, которые не потеряли еще вѣры въ кредитъ, переселенія и т. под. и не такъ еще пропитались духомъ новаго времени, чтобы мѣнять старую «догму» на новую. Не проникшись еще, по этой причинѣ, мыслью о необходимости пойти на уступки народу, эти «догматики» боялись,—и съ своей точки зрѣнія основательно,—что уступчивостью можно лишь создать прецедентъ для крестьянской жадности, и поэтому пытались вернуть собраніе на стезю стариннаго правовѣрія. «Резолюція, гово

рили они, указываетъ только на необходимость дополнительнаго надѣленія крестьянъ и оставляетъ въ сторонѣ другія стороны вопроса, не менѣе существенныя, а именно интенсификацію крестьянскаго хозяйства, облегченіе податного бремени, другія экономическія и финансовыя реформы. Само по себѣ проектируемое надѣленіе крестьянъ землею—мѣра палліативная по отношенію къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ проектируемый размѣръ прирѣзокъ невеликъ и не улучшитъ положенія крестьянъ въ сравненіи съ ихъ положеніемъ послѣ 1861 года; постепенный же приростъ населенія черезъ 20—30 лѣтъ снова создастъ острое малоземелье, какимъ страдаетъ деревня теперь. Съ другой стороны, для частнаго землевладѣнія практикуемыя мѣры слишкомъ радикальны, такъ какъ уже теперь больше, чѣмъ на половину сокращаютъ площади удобныхъ помѣщичьихъ земель и, кромѣ того, оставляютъ перспективу возможности въ будущемъ дальнѣйшихъ отрѣзокъ, грозящихъ совсѣмъ уничтожить частное землевладѣніе». (Цит. по № 117 «Русск. Вѣд.»).

Мы видимъ, что расхожденіе между сторонниками «дополнительнаго надѣла», съ одной стороны, и экономическихъ и финансовыхъ реформъ, съ другой,—было, по меньшей мѣрѣ, столь же глубоко, какъ расхожденіе между фабрикантами и чиновниками въ комиссіи по рабочему вопросу Коковцева. Но то, что не удалось этой комиссіи—найти синтезъ между экономикой и политикой—было благополучно рѣшено на аграрномъ съѣздѣ, ибо «несмотря на указанныя возраженія, часть которыхъ была признана справедливой самими докладчиками, основное положеніе докладовъ и проекта резолюціи о необходимости дополнительнаго надѣленія крестьянъ землей путемъ отрѣзокъ отъ частновладѣльческихъ земель при посредствѣ выкупа, почти не вызвало возраженій, и принципіально противъ нея высказался только одинъ участникъ совѣщанія». («Русск. Вѣд.»).

Итакъ — выкупъ, какъ синтезъ между политикой и экономикой! Государственной власти или народному представительству предстоитъ принять мѣры, чтобы не дать крестьянству уйти отъ новой кабалы, какъ оно не могло и до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ кабалы старой. «Нужно, говоритъ князь Петръ Д. Долгоруковъ, чтобы выкупъ былъ произведенъ по справедливой оцѣнкѣ земли, чтобы реформа эта была совершена безъ насильственной ломки, постепенно, при мирномъ переходѣ земли въ руки земледѣльца» [1]). Нужно, слѣдовательно, чтобы

[1]) № «116 Русск. Вѣд.», докладъ князя П. Д. Долгорукова: „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія“.

крестьянство заплатило въ три-дорога за землю, большая часть которой у него же въ свое время была отрѣзана, чтобы оно заплатило долги разорившихся помѣщиковъ и помогло имъ дальше вести свое хозяйство, чтобы, слѣдовательно, оно, незамѣтно для самого себя, оказалось опутаннымъ по рукамъ и ногамъ новыми тяготами. «Въ 1861 году, говорится въ другомъ докладѣ [1]), на выкупную операцію потребовалось до 900 мил. р.; болѣе 300 мил. переведены были на крестьянъ, и выпущено около 600 мил. бумагъ. Въ настоящее время для выкупной операціи не будетъ противодѣйствія со стороны кредитныхъ учрежденій, въ которыхъ заложена выкупная земля. Если государство приметъ на себя эту операцію, гарантируя платежи, то частные банки легко согласятся на переводъ долга на крестьянъ». Еще бы не согласиться, когда правительство гарантируетъ платежи и проценты съ процентовъ, которые будутъ выколачиваться съ крестьянъ, но которые часто не легко бываетъ получить съ нынѣшнихъ кредиторовъ!

Но если съ крестьянствомъ не считали нужнымъ церемониться, то объ интересахъ помѣщичьяго землевладѣнія не забываютъ ни на одну минуту (объ этомъ, правда, въ резолюціи не говорятъ, но не забываютъ ни въ одномъ докладѣ). Помѣщичьему землевладѣнію не только приносятся въ жертву интересы крестьянской массы и государства, но считаютъ нужнымъ принять особыя мѣры къ его сохраненію и процвѣтанію. «При проведеніи выкупной операціи должны быть сохранены помѣщичьи единицы, чтобы хозяйство могло вестись безъ ущерба для владѣльцевъ, чтобы была сохранена требуемая условіями хозяйства данной мѣстности пропорція угодій, чтобы постройки не оказывались тягостью при сокращеніи площади помѣщичьяго владѣнія» [2]). Въ награду за эти жертвы господа помѣщики обѣщаютъ сохранить въ неприкосновенности... свои либеральныя идеи: «При представительномъ образѣ правленія,— читаемъ мы въ докладѣ М. Я. Герценштейна по вопросу о національзаціи земли,—въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи блистательно показываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антагонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія, которое у насъ не сказало еще своего послѣдняго слова. Нельзя отрицать, что наши земства

[1]) М. Я. Герценштейна—о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, см. «Русск. Вѣд.» № 122.

[2]) Тамъ же.

играли и продолжають играть очень важную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія». Увѣренность господина профессора рѣшительно ни на чемъ не основана. На европейскомъ континентѣ антагонизмъ между землевладѣльцами и капиталистами приводилъ чаще всего не къ развитію фабричнаго законодательства, а къ усиленію эксплоатаціи рабочихъ массъ, такъ какъ каждый изъ этихъ классовъ предпочиталъ укрѣплять свое господство на угнетеніи народа, а не на втягиваніи его въ соціально-политическую борьбу. Исторія Англіи больше нигдѣ не повторилась, да новѣйшая исторія Англіи показываетъ, что и тамъ въ этомъ отношеніи многое измѣнилось къ худшему. А что касается спеціально нашихъ земцевъ, то особенной заботливостью объ интересахъ рабочихъ они не отличались: для городскихъ рабочихъ ими сдѣлано весьма мало, а сельскимъ рабочимъ отъ дѣятельности земствъ было не тепло, а подъ-часъ очень холодно.

Особый пунктъ резолюціи требуетъ, чтобы безземельные крестьяне, ведущіе самостоятельное земледѣльческое хозяйство, также были обезпечены землей, даже раньше, чѣмъ всѣ другія группы. Такая заботливость о полупролетарскихъ элементахъ деревни во всякомъ случаѣ связана съ очень чувствительными удобствами для помѣщиковъ, такъ какъ, такимъ образомъ, часть крестьянскаго населенія прикрѣпляется къ опредѣленному мѣсту и обезпечиваетъ нужныя въ хозяйствѣ рабочія руки. Безземельное крестьянство получитъ клочекъ земли, но въ то же время приготовляются послушные рабочіе въ будущемъ, а полупролетарское населеніе деревни отрывается отъ союза съ сельско-хозяйственными рабочими въ борьбѣ за улучшеніе условій труда, такъ какъ, въ надеждѣ стать самостоятельными хозяевами, деревенская бѣднота не будетъ видѣть больше надобности бороться съ эксплуататорами наемныхъ рабочихъ.

Еще нѣсколько замѣчаній для полноты характеристики либерально-аграрныхъ затѣй. По мнѣнію профессора А. А. Мануилова, дополнительные надѣлы должны быть прирѣзаны не въ собственность крестьянъ, а въ собственность государства, которое будетъ передавать землю въ пользованіе крестьянъ: «съ принципіальной и практической точки зрѣнія, говоритъ профессоръ Мануиловъ, вполнѣ правильно, чтобы эта выкупленная земля принадлежала къ государственному земельному фонду и отдавалась имъ въ пользованіе, такъ какъ выкупъ совершается ради государственныхъ интересовъ, и государство должно распоряжаться такъ, какъ считаетъ нужнымъ въ общественныхъ интересахъ». Словомъ, крестьянинъ, не только временно-обязанный плательщикѣ осударства, но отдается ему цѣликомъ подъ опеку. И понятно, что

объ его интересахъ будетъ продолжать заботиться бюрократія, не нынѣшняя, самодержавная, а новая, либеральная, назначенная «народными» представителями: «въ каждой губерніи должны быть учреждены особыя поземельныя комиссіи общественно-государственнаго характера съ возложеніемъ на нихъ заботъ о поддержаніи крестьянскихъ интересовъ и съ порученіемъ имъ осуществленія реформы дополнительнаго надѣленія землею». («Рус. Вѣд. № 123»). Sapienti sat! Ища сочувствія крестьянъ, господа крупные землевладѣльцы боятся ихъ содѣйствія. Чтобы избѣжать революціоннаго вмѣшательства народа, они придумываютъ аграрную программу, въ осуществленіи которой этотъ самый народъ не игралъ бы никакой роли. Съ этой цѣлью аграрный вопросъ вырывается изъ всей общеполитической обстановки, и намѣчается рядъ мѣропріятій, которыя, обманывая народную массу насчетъ удовлетворенія ея потребности въ землѣ, на самомъ дѣлѣ налагаютъ на народъ новую тяжесть въ формѣ выкупныхъ платежей, сохраняютъ обособленность крестьянства, какъ сословія, несущаго особую повинность и находящагося подъ спеціальной опекой государственной власти.

Таковы вожделѣнія нашихъ либеральныхъ аграріевъ, вожделѣнія, которыя проистекаютъ именно изъ двойственности ихъ существа: какъ либералы и аграріи, они не могутъ желать ни революціонизированія деревни, ни полной демократизаціи ея строя.

Кольцовъ.

Либеральный „реализмъ“.

(15 іюня 1905 г., № 102).

Нѣтъ ничего непривлекательнѣе и тупѣе того новомоднаго «политическаго реализма», который, брезгливо морща носъ по поводу разсчитанной на революцію тактики «крайнихъ партій», воображаетъ себя «ужасно» практичнымъ именно тогда, когда строитъ вымученно-доктринерскую, безжизненную программу дѣйствій для демократическихъ силъ. «Реализмъ» этого сорта, столь же мало реалистичный на самомъ

дѣлѣ, какъ мало идеалистиченъ дополняющій его въ міровоззрѣніи тѣхъ же политиковъ ихъ quasi—идеализмъ,—реализмъ этотъ сводитъ всю свою мудрость къ эклектическому сочетанію всѣхъ возможныхъ выгодъ отъ «легальнаго» и «нелегальнаго» методовъ политической борьбы, отъ «эволюціонной» и «революціонной» тактикъ, отъ «умѣренности» и «радикализма» въ программѣ. Что нужды, что для такого сочетанія приходится омертвить всѣ составные элементы своей программы и тактики, оторвавъ ихъ отъ той конкретной исторической обстановки, въ которой они родились!—эклектизмъ этимъ не смущается: вѣдь, самъ онъ, какъ система мышленія, только и живетъ этого рода пищей; что нужды, что на практикѣ такое сочетаніе ведетъ къ компрометирующимъ союзамъ, къ вѣчному пасованію передъ консервативными элементами въ развивающемся общественномъ движеніи, къ возрожденію уже умершихъ естественной смертью, уже отброшенныхъ историческимъ развитіемъ, двусмысленныхъ программъ и партій: практическій реализмъ «освобожденцевъ» умѣетъ найти «хорошую сторону» въ каждомъ своемъ пораженіи, и, съ неизмѣнностью «Ваньки-встаньки», онъ ухитряется подыматься на ноги послѣ каждой моральной оплеухи, полученной имъ отъ сосѣда слѣва или сосѣда справа.

«Политическій революціонизмъ крайнихъ партій не облегчаетъ, а затрудняетъ имъ доступъ къ народнымъ массамъ». «Изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы найти къ массамъ доступъ, намъ не только не нужно превратиться въ придатокъ соціалдемократической и соціально-революціонной партіи, а, наоборотъ, необходимо оставаться самими собой и не поддаваться искушенію революціонизма». «Тактическій революціонизмъ, внушаемый народнымъ массамъ и ими усвоенный, при сильномъ или желающемъ показать свою силу правительствѣ, неизбѣжно ведетъ къ кровавымъ уличнымъ столкновеніямъ, которыя принимаютъ форму бойни массъ съ полиціей и войсками. Вести массы на такую бойню значитъ—вести ихъ на «революцію» въ техническомъ смыслѣ слова». «Наша «умѣренная» программа, чуждая доктринальныхъ требованій, непонятныхъ народнымъ массамъ, не затрудняетъ, а облегчаетъ намъ доступъ къ нимъ»... «Требованіе республики, т. е. низверженія монархіи и династіи, массѣ народа непонятно и можетъ стать ей понятнымъ не изъ проповѣди, а какъ выводъ изъ фактовъ жизни, еще не наступившихъ и не находящихся въ нашей власти». «Программный республиканизмъ, который былъ чуждъ революціоннымъ дѣятелямъ Франціи 1789 года и который такъ характеренъ для современныхъ русскихъ революціонныхъ партій, и есть яркій образчикъ того революціонизма, который такъ же глубоко отличается отъ рево-

люціи, какъ мертвая доктрина отлична отъ живой дѣйствительности». «Республиканскій переворотъ можетъ быть только слѣдствіемъ упорства самодержавнаго правительства, нагроможденія имъ дальнѣйшихъ ошибокъ и преступленій. Какъ бы ни были велики эти ошибки и преступленія, никто не можетъ сказать, что они будутъ достаточно велики для того, чтобы республиканское сознаніе захватило массы и превратилось въ непреоборимую силу. Но даже, если бы считать такой ходъ вещей неизбѣжнымъ... даже въ этомъ случаѣ программный республиканизмъ, пропаганда и афишированіе *республиканской* идеи (курсивъ нашъ), въ смыслѣ ниспроверженія монархіи, будутъ политической ошибкой, будутъ, съ объективной точки зрѣнія, не служеніемъ дѣлу революціи, а революціонизмомъ, вреднымъ для революціи». «Революціонизмъ вездѣ и всегда забываетъ (!) о томъ, что онъ усиливаетъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ прямо создаетъ въ неподготовленныхъ умахъ противореволюціонную оппозицію, силу и значеніе которой трудно предусмотрѣть, но которая всегда является серьезнымъ препятствіемъ для дѣла революціи». Если къ этому прибавить, что республиканская пропаганда, вѣроятно, всего болѣе «отталкиваетъ» отъ конституціи также и дворъ, то нельзя будетъ не подивиться глубокому «политическому реализму», пропитывающему собою всѣ эти сентенціи, авторомъ коихъ, конечно, не могъ быть никто иной, какъ г. П. Струве.

Въ № 72 «Освобожденія» онъ старательно доказываетъ всю зловредность «революціонизма», присущаго «крайнимъ партіямъ»—дабы убѣдить своихъ сомнѣвающихся товарищей въ надежности избраннаго нашими демократами пути. Въ первый разъ г. Струве и «освобожденцы» вообще активно выступаютъ противъ республиканской пропаганды. Надо ли здѣсь доказывать всю несостоятельность «реалистической» аргументаціи автора? Надо ли объяснять, что если умы населенія въ данный моментъ «неподготовлены» къ усвоенію этихъ идей, то задачей передовой партіи является именно подготовлять умы къ ихъ усвоенію? Если вы считаете возможнымъ (хотя бы только возможнымъ!), что «ошибки и преступленія» монархіи поставятъ передъ націей ребромъ вопросъ о республикѣ, то не должны ли вы теперь же объяснить націи возможность такого исхода и—желательность его съ вашей точки зрѣнія демократа? Не кажется ли вамъ, что «ведетъ на бойню» народъ всего больше тотъ именно политикъ, который благодушно предоставляетъ «событіямъ» вколачивать въ народное сознаніе дальнѣйшіе выводы изъ начатой борьбы, самъ же не хочетъ и пальцемъ о палецъ ударить, чтобы сэкономить народу хотя бы одно, кровавой цѣной оку-

наемое, разочарованіе въ иллюзіяхъ? который самъ питаетъ эти иллюзіи, дабы не столкнуться съ инертной оппозиціей «неподготовленныхъ умовъ», дабы не «скомпрометировать себя» въ глазахъ отсталыхъ слоевъ народа? Не припомните ли вы, что вы, во все время существованія вашей партіи, слѣдовали этому мудрому правилу и говорили о совмѣстимости самодержавія и политической свободы, когда передовые слои націи кричали о конституціи? бормотали о конституціи, когда они требовали уже Учредительнаго Собранія? предостерегали противъ криковъ «долой войну!», когда эти крики уже раздавались на улицахъ, революціонизируя сознаніе широкихъ массъ народа? Неужели этотъ опытъ не убѣдилъ еще васъ въ томъ, что политическая партія, претендующая на руководящую роль въ освободительномъ движеніи не можетъ оставаться простой «счетчицей» совершающихся въ странѣ событій, что она обязана стремиться освѣщать своей пропагандой тотъ путь, на который ведетъ націю историческое развитіе?

Этотъ путь—вы это признаете—коренная ликвидація сословно-крѣпостническаго режима, замѣна полицейскаго самодержавія—народовластіемъ, съ законченной формой народовластія на основѣ современнаго способа производства. — Степень завоеваній, которыя удастся сдѣлать демократической свободѣ въ Россіи, ближайшимъ образомъ будетъ зависѣть отъ степени напряженія общественной борьбы между революціонными и консервативными силами. И степень этого напряженія, въ свою очередь, зависитъ отъ глубины противорѣчія между соціальными интересами этихъ силъ. Станетъ ли кто нибудь отрицать, что пропасть отдѣляющая интересы, представленные абсолютной монархіей, отъ интересовъ пролетаріата, крестьянства и другихъ активно борющихся слоевъ, уже теперь такъ глубока, что трудно себѣ представить возможность сколько нибудь пріемлемаго даже для «неподготовленныхъ» умовъ компромисса между старой и новой Россіей, между существующими традиціями и потребностью всего населенія въ элементарныхъ гражданскихъ правахъ, между крѣпостными институтами, тяготѣющими надъ деревней и аграрными интересами крестьянства; между нагайкой и розгой—и культурными и политическими потребностями пролетаріата; между казеннымъ православіемъ и идейными запросами народа, между исторической «національной» политикой абсолютизма и освободительными движеніями народовъ Россіи. Надо игнорировать всю многострадальную исторію борьбы за освобожденіе Россіи, чтобы не видѣть, что соціальныя задачи, назрѣвшія къ моменту ликвидаціи позорнаго прошлаго нашего отечества, сведутъ на нѣтъ всякую недодѣланную ре-

форму, уничтожать всякій либеральный компромиссъ, снова и снова будутъ приводить страну къ катаклизмамъ, пока не получатъ своего разрѣшенія. Ни національные вопросы, ни аграрный вопросъ, ни вопросъ объ элементарной свободѣ борьбы наемнаго труда, ни полный разрывъ съ «міровой политикой» старой Россіи, не будутъ разрѣшены безъ радикальной «очистки» нашей политической арены.

Поэтому, соціалдемократія, просто какъ партія революціонная, обязана теперь же мобилизовать силы для борьбы за полное торжество революціи; поэтому, она вправѣ, требовать такой же борьбы отъ всѣхъ дѣйствительныхъ представителей демократіи.

Кто видитъ, что развитіе событій дѣлаетъ все менѣе и менѣе вѣроятной возможность для правящей клики предотвратить народное возстаніе реформой (а г. Струве неоднократно указывалъ, что эта вѣроятность все убываетъ), тотъ не можетъ отказаться отъ обязанности, по меньшей мѣрѣ, говорить народу о выступленіи, просвѣщать «неподготовленные умы» объ его неизбѣжности въ извѣстный моментъ, содѣйствовать народной организаціи въ цѣляхъ его. На столбцахъ «Освобожденія» мы, конечно, ни разу не встрѣтили призыва къ буржуазной демократіи помочь пролетаріату самовооружиться. За то въ той же статьѣ г. Струве мы встрѣтили назидательное поученіе о томъ, что «въ матеріальныхъ столкновеніяхъ пусть нападающей стороной всегда (!) будетъ правительство. Ибо въ политической борьбѣ рѣшающимъ факторомъ является всегда факторъ моральный, и побѣдитъ тотъ, кто правъ передъ лицомъ страны, т. е. ея всеобщаго мнѣнія. А въ гражданской войнѣ нападающій всегда окажется неправымъ» О, глубокомудріе! Если я никого не трону, то и меня никто не тронетъ. «Практическій реализмъ», скрытый въ этихъ строкахъ, такъ и не можетъ дойти до дальнѣйшаго вывода, что, въ концѣ концовъ, во «всеобщемъ мнѣніи» неправымъ оказывается побѣжденный, и что побѣда—окончательная побѣда—предполагаетъ непремѣнно акты наступательные со стороны будущаго побѣдителя.

Кто борется противъ послѣдовательно демократической агитаціи, тотъ борется и противъ послѣдовательно революціонной тактики, умѣющей использовать всѣ «легальныя» позиціи, но никогда не забывающей, что конфликты, подобные нынѣшнему конфликту между старой и новой Россіей, въ концѣ концовъ, разрѣшаетъ сила. Бороться же противъ революціонной тактики въ то самое время, когда мысль о ней начинаетъ проникать уже въ нѣкоторые слои самой буржуазной демократіи, значитъ, не только не стремиться двигать впередъ эту общественную группу, но и стараться задержать ея революціонное

развитіе. Въ этомъ стараніи весь смыслъ статьи г. Струве, какъ въ этомъ же былъ смыслъ всей его публицистической дѣятельности въ послѣдніе годы. Кому на пользу старается г. Струве? Онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

«Оторвавшись отъ земскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, элементовъ, третій элементъ—по вполнѣ понятнымъ психологическимъ причинамъ—круто потянетъ влѣво и неизбѣжно впадетъ въ революціонизмъ, т. е. утратитъ связь съ жизнью и возможность широкаго массоваго воздѣйствія на нее, возможность творческаго и руководящаго участія въ русской революціи». Обратно, говоритъ г. Струве, оторванные отъ «третьяго элемента», земцы «потеряютъ связь съ общедемократическимъ сознаніемъ».

«Идея политической необходимости программной солидарности и тактическаго сотрудничества земской оппозиціи и демократической интеллигенціи, рука объ руку работающихъ надъ политическимъ пробужденіемъ народа, который самъ призывается рѣшать свои судьбы,—эта идея есть суть нашей политической философіи и она же должна быть регулятивнымъ началомъ нашего партійнаго самоопредѣленія».

Откровеннѣе нельзя высказаться. Политическая философія, суть которой въ отдачѣ народа подъ политическую опеку коалиціи землевладѣльцевъ, ничего до сихъ поръ не дѣлавшихъ для «политическаго пробужденія народа», и интеллигенціи, будившей народъ лишь при явномъ противодѣйствіи этихъ самыхъ землевладѣльцевъ,—такая политическая философія есть философія борьбы съ демократіей. Въ интересахъ тактики, вытекающей изъ этой философіи, необходимо, конечно, бороться противъ послѣдовательно демократической агитаціи, вынуждающей «третій элементъ» самоопредѣляться въ сторону революціонной тактики. Въ интересахъ этой политической философіи, приходится стремиться парализовать развитіе революціонно-демократическаго движенія, дабы не дать ему расторгнуть съ такимъ трудомъ созданную связь между либеральнымъ землевладѣніемъ и радикальной разночинной интеллигенціей. «Задача къ двойственному союзу земской оппозиціи и демократической интеллигенціи—привлечь третью рѣшающую силу—народъ,—говоритъ г. Струве, осуществима только при полномъ единеніи первыхъ двухъ силъ».

Либеральное землевладѣніе нужно г-ну Струве для охраненія буржуазной демократіи отъ политическаго разложенія, которымъ грозитъ ей сближеніе съ народными массами. Борьба съ «революціонизмомъ крайнихъ партій», воздѣйствующихъ на народъ, а черезъ него на буржуазную демократію, является, поэтому, для «освобожденцевъ» дѣломъ

необходимой самозащиты, дѣломъ отстаиванія той тактики, которая вытекаетъ изъ ихъ «политической философіи».

Характеръ этой тактики достаточно извѣстенъ всѣмъ наблюдателямъ современности. Вѣчное балансированіе между политическимъ радикализмомъ разночинца и глубоко въѣвшимся оппортюнизмомъ собственника, вѣчное «жертвованіе» своей программой ради того, чтобы подвинуть земцевъ на одинъ вершокъ и дать имъ, вслѣдъ за тѣмъ, оттолкнуть себя же назадъ на два вершка—такова «господствующая идея» этой тактики. На этихъ же дняхъ намъ былъ данъ поучительный примѣръ ея примѣненія. Въ то время, какъ послѣ Цусимскаго боя «Союзъ союзовъ» выработалъ резолюцію, констатирующую безполезность всякихъ «ходатайствъ» и призывающую друзей свободы всѣми средствами заботиться объ уничтоженіи существующей власти и о созывѣ всенароднаго учредительнаго собранія, (см. въ № 237 П. Изв.),—другой «союзъ»—союзъ земскихъ шиповцевъ и земскихъ конституціоналистовъ—постановилъ требовать отъ царя созыва какихъ нибудь «народныхъ представителей». Конституціоналисты и шиповцы добились пріема, добились наверху двусмысленнаго отвѣта, ни къ чему необязывающаго правительство, но усиливающаго временно позицію «умѣренныхъ» элементовъ въ ихъ борьбѣ противъ рѣшительныхъ, революціонныхъ дѣйствій либерально-демократическаго «блока». Кто сомнѣвается въ такомъ значеніи «событія 6-го іюня», пусть прочтетъ статью, помѣщенную въ № 152 «Руси» умѣреннымъ земцемъ г-номъ Кузьминымъ-Караваевымъ (подъ загл. «Народные Представители, вы нужны!»).

Привѣтствуя земскій майскій съѣздъ, который «оказался на высотѣ политической зрѣлости», поскольку призналъ, что представительство должно быть организовано «на обязательно всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ голосованіи», Кузьминъ-Караваевъ идетъ прямо къ своей цѣли. Онъ констатируетъ, что всеобщее избирательное право «пріобрѣло колоссальную популярность, и что его сторонники «рѣшительно и неуклонно отвергаютъ всякія уступки». И онъ опасается, что первое «народное представительство», которое Булыгинъ организуетъ, конечно, не на этомъ началѣ, разобьется объ оппозицію борцовъ за всеобщее избирательное право. Поэтому, онъ считаетъ своевременнымъ обратиться съ пламеннымъ воззваніемъ къ демократамъ.

«Раскола нѣтъ (послѣ майскаго съѣзда). Но онъ каждый день можетъ возродиться. Требующіе всеобщей подачи голосовъ сейчасъ же и отвергающіе какія бы то ни было уступки! Вы сила, сила громадная! Отъ васъ будетъ зависѣть, какъ пройдутъ выборы, и какой будетъ

результатъ. Вы можете внести умиротвореніе въ страну, успокоеніе умовъ. Вы же можете разбудить окончательно готовыя проснуться и кое-гдѣ проснувшіяся боевыя силы народа. Но тогда направить ихъ, дать имъ исходъ—будетъ внѣ вашей власти». «Неужели вы откажетесь баллотировать и баллотироваться? Неужели вы направите свои усилія на дискредитированіе выборовъ? Неужели вы будете дѣйствовать по принципу: все или ничего?».

Кажется, ясно? Необходимо примириться съ октроированнымъ фальшивымъ представительствомъ, дабы не дать пробудиться боевымъ силамъ народа. Ибо «для тѣхъ, кто не вѣритъ въ мирное разрѣшеніе кризиса, кѣмъ руководятъ иныя стремленія и кто ставитъ себѣ иные идеалы,—такая (т. е. непримиримая) постановка логична. Но для тѣхъ, кто сохраняетъ надежду на мирный исходъ, кому одинаково чужды и бюрократическій произволъ и неясныя очертанія нигдѣ неизвѣданныхъ новыхъ формъ соціальнаго быта»..., тѣ должны «примириться съ фактомъ», «вести въ предѣлахъ факта—да съ оглядкой (!!)—предвыборную агитацію», «не задаваться созданіемъ сразу идеально прекраснаго, даже просто хорошаго», ибо «пора потушить пламя внутренней усобицы». Пусть представители, какіе ни есть, избранные безъ всякихъ гарантій свободы (требовать ихъ отъ «бюрократіи», по мнѣнію К.-К., могутъ только не разсчитывающіе на «мирный исходъ»), не на основѣ всеобщаго избирательнаго права, «установятъ, въ согласіи съ царемъ, обновленный государственный строй». Пусть либерализмъ и демократія, какъ это было на земскомъ майскомъ съѣздѣ, стремятся къ одной общей цѣли—«обновить дорогую отчизну, вырвать изъ рукъ тѣхъ, кто ее поставилъ на край гибели, и не дать въ руки тѣмъ, кто готовъ ее сбросить въ водоворотъ соціальной революціи, въ омутъ западной анархіи или нашей русской пугачевщины»

Чтобы не осталось сомнѣнія, о комъ здѣсь идетъ рѣчь, нашъ земскій Кавеньякъ (г. Кузьминъ-Караваевъ состоитъ въ генеральскомъ званіи) заявляетъ, что сформировавшаяся раньше другихъ партій «лѣвая революціонная»—пользуется «движеніемъ, какъ средствомъ вызвать взрывъ и соціальный переворотъ, а потому также (какъ и реакціонная) стремится противодѣйствовать успѣшному и скорому осуществленію «реформы».

Статья земскаго генерала ставитъ точки надъ і въ статьѣ г. Струве. Струве призываетъ демократію не порывать ни въ какомъ случаѣ съ земцами, дабы имѣть возможность работать надъ политическимъ пробужденіемъ народа; г. Кузьминъ-Караваевъ поясняетъ, что уходъ демократіи отъ земцевъ, когда они станутъ у власти, толкнетъ ее на

пробужденіе «боевыхъ силъ народа», съ которыми потомъ не справиться. Г. Струве говоритъ, что радикализмъ тактики вредитъ дѣйствительной революціи; г. Караваевъ поясняетъ, что для того, кто серьезно стремится къ революціи, радикальная тактика умѣстна, ибо ведетъ къ цѣли; но что задача всѣхъ, чуждыхъ «анархіи и пугачевщины», «предотвратить взрывъ», жертвуя «теоріей, пріобрѣвшей колоссальную популярность», отказываясь отъ поддержки выставленнаго рабочими и крестьянами требованія всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Г. Струве говоритъ, что республиканизмъ вредитъ, потому что мѣшаетъ осуществленію демократической конституціи; г. Караваевъ поясняетъ: «чтобы предотвратить взрывъ» и не отдать страны тѣмъ, кто «готовъ ее бросить въ водоворотъ соціальной революціи», надо «дѣйствовать въ согласіи съ царемъ».

Послѣ шестого іюня либеральная буржуазія вновь обрѣла надежду на возможное соглашеніе съ абсолютизмомъ на основѣ кастоваго представительства. Она хорошо понимаетъ, что такое соглашеніе поставитъ ее въ острый антагонизмъ съ сознательнымъ пролетаріатомъ и революціонными слоями крестьянства. Она знаетъ, что противостоять натиску этихъ силъ ей невозможно, не опираясь на буржуазную демократію и не пользуясь ею для вліянія на менѣе сознательные, отсталые слои народа. Во имя побѣдъ, одержанныхъ ею уже надъ буржуазной демократіей, она требуетъ отъ послѣдней дальнѣйшаго слѣдованія за нею. Она требуетъ, чтобы буржуазная демократія «не дискредитировала» выборовъ въ государственную думу, хотя послѣдніе будутъ производиться при дѣйствіи усиленной охраны, подъ ружейные выстрѣлы на окраинахъ, при свистѣ нагаекъ, полосующихъ тѣло русскаго пролетарія.

Если буржуазная демократія не послѣдуетъ призыву Кузьмина-Караваева, то уже, конечно, не по винѣ своего лидера—редактора «Освобожденія».

Что же сдѣлаютъ сознательные рабочіе? Они, конечно, не сведутъ своей тактики къ вопросу «баллотировать или не баллотировать» друзьямъ свободы? Можно и баллотировать съ тѣмъ, чтобы «дискредитировать» фальшивое представительство—это вопросъ конкретныхъ обстоятельствъ. Но отъ «дискредитаціи» фальшивыхъ выборовъ они, конечно, не откажутся и потребуютъ отъ демократіи участія въ этомъ дѣлѣ. Какъ говорятъ наши рижскіе товарищи въ своей прокламаціи («Гибель флота и революціи», изд. рижск. группы): «мы не дадимъ земскому собору сдѣлаться вершителемъ народныхъ судебъ. Мы потребуемъ отъ него созыва всенароднаго учредительнаго собранія».

Л. Мартовъ.

Организація буржуазной демократіи.

(21 іюня 1905 г., № 103).

Далеко ли то блаженное время, когда соціалдемократія владѣла почти монополіей политической организаціи и готова была съ снисходительностью богатаго барина похлопывать по плечу «бѣдную» и «слабую» буржуазную оппозицію, обѣщая ей, отъ своихъ избытковъ, «помощь» въ дѣлѣ организаціоннаго строительства? А теперь революціонная буря какъ бы встряхиваетъ мѣшокъ, въ которомъ въ безпорядкѣ расположились зерна различной тяжести, и размѣщаетъ ихъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ удѣльному вѣсу. И на нашихъ глазахъ происходитъ небывалый по своей интенсивности процессъ сплоченія либерализма и демократіи, быстро обгоняющихъ насъ въ дѣлѣ организаціи и уже, въ свою очередь, порою посматривающихъ на насъ съ снисходительнымъ сожалѣніемъ. «Они (с.-д.) массами не владѣютъ», — вотъ мысль, которая опьяняетъ широкими перспективами сердце демократа и заставляетъ его думать, что только «наша (демократовъ) пассивность» привела къ тому, что «задача мобилизаціи массъ оказалась фактически монополизированной крайними партіями» («Освоб.» № 71).

Создалось положеніе, которое еще 2—3 года тому назадъ многимъ показалось бы немыслимымъ: «половинчатая» демократія не только организуетъ, безъ нашего благосклоннаго содѣйствія, свой интеллигентный авангардъ, но собирается еще оспаривать у насъ нашу исконную политическую вотчину—народныя массы и, въ частности, пролетаріатъ,—и открыто заявляетъ, что ея «оппортунизмъ» побьетъ въ глазахъ массы реккордъ по сравненію съ нашимъ «революціонизмомъ».

Революціонная эпоха, создающая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе благопріятныя условія для столковыванья и объединенія, сразу измѣнила шансы въ дѣлѣ организаціоннаго строительства въ пользу буржуазной оппозиціи. Сказались соціальныя преимущества тѣхъ слоевъ, изъ которыхъ вербуются ея адепты: матеріальная обезпеченность, позволяющая не слишкомъ много думать о хлѣбѣ насущномъ, европейская образованность, создавшая извѣстные навыки политической мысли, осѣдлость, связавшая «солидную» интеллигенцію тысячью узъ взаимныхъ услугъ, знакомствъ, дружбы, привычка къ коллективной общественной дѣятельности, выработанная участіемъ въ различныхъ профессіональныхъ, ученыхъ, литературныхъ, артистическихъ

обществахъ и т. д. и т. д. Всѣ эти—на первый взглядъ имѣющіе такъ мало значенія—факторы выступили на сцену и облегчили буржуазной оппозиціи дѣло ея организаціоннаго строительства, лишь только, благодаря измѣненію политической атмосферы, краеугольнымъ камнемъ такого строительства перестало быть мученичество и готовность къ самопожертвованію героевъ революціоннаго долга. А полная готовность ко всякимъ «компромиссамъ» и полная свобода отъ программной и тактической «узости» позволяетъ развить «приспособляемость» организаціи до крайнихъ предѣловъ. И вотъ, передъ нами, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, выросла организація либерально-демократической партіи. Правда, это—организація «профессіональная». Но нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что «профессіонализмъ» здѣсь только вывѣска, форма, за которой скрывается отнюдь не «профессіональное» содержаніе. «Профессіональные союзы» инженеровъ, врачей, адвокатовъ и проч. и проч.—это только формы организаціи либерально-демократической партіи. Профессіональныя задачи играютъ въ этихъ союзахъ совершенно подчиненную роль. Это—не объединеніе людей, ставящихъ себѣ различныя политическія задачи, но рѣшающихъ совмѣстно бороться за одни и тѣ же профессіональные интересы, а, наоборотъ,—объединеніе людей одной профессіи для выполненія одной и той же политической задачи. Конечно, говорятъ: союзы объединяютъ людей разныхъ «убѣжденій». Это вѣрно, поскольку подъ «убѣжденіями» подразумѣваютъ ни къ чему не обязывающее, болѣе или менѣе смутное, общее политическое и соціальное міровоззрѣніе. Это—невѣрно, поскольку обязательнымъ для всѣхъ членовъ союза «среднимъ» убѣжденіемъ является политическая и соціальная программа даннаго союза и принятая имъ политическая тактика. Для оцѣнки же смысла и значенія политической организаціи важно не то, что каждый членъ ея въ отдѣльности будетъ д у м а т ь, а то, что всѣ члены ея, въ качествѣ коллективнаго цѣлаго, будутъ д ѣ л а т ь.

Въ литературѣ долго и упорно ведутся дебаты о природѣ новоявленныхъ «профессіональныхъ» союзовъ и ихъ отличіи отъ «партій». Въ концѣ концовъ, оказывается, однако, что построить различіе между союзомъ и партіей можно лишь на почвѣ полнаго отдѣленія «убѣжденій» отъ «дѣйствій», на почвѣ превращенія партіи въ народную залу, весьма удобную для тонкихъ и прочувствованныхъ бесѣдъ съ гостями, но отдѣленную длиннымъ корридоромъ отъ того рабочаго кабинета-союза, гдѣ хозяинъ совершаетъ свою подлинную, а не воображаемую работу. Но быть «отмѣннымъ республиканцемъ въ душѣ»—на подобіе императрицы Екатерины II—и сочинять проекты конституціи съ со-

храненіемъ полуабсолютистской монархіи дано не всякому, да и вообще подобнаго рода «республиканизмъ», могущій въ назиданіе потомкамъ служить украшеніемъ біографіи его носителя, совершенно безразличенъ для современниковъ.

Такимъ образомъ, «профессіональные союзы»—это ничто иное, какъ приспособленная къ внѣшнимъ условіямъ, «компромиссная» форма организаціи политической партіи. Это, въ концѣ концовъ, вынуждены признавать самые горячіе сторонники объединенія всѣхъ «враговъ бюрократіи» въ союзахъ (см. наприм., Б—въ № 96 С. О.).

Конечно, «платформы» союзовъ отличаются отъ того типа детально разработанныхъ и строго опредѣленныхъ программъ, который присущъ «партіямъ» въ европейскомъ смыслѣ слова. Эти «платформы» очерчиваютъ политическія задачи, стоящія передъ союзами, лишь въ общихъ чертахъ, въ контурахъ, дающихъ возможность весьма существенно разнообразить воплощеніе этой «платформы» въ жизнь, «примѣнительно» къ обстоятельствамъ. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что союзы—не партія, а лишь зачаточная форма партіи. Но тутъ повинна не столько форма организаціи, сколько природа и историческое положеніе русской буржуазной демократіи, лишающія ее возможности въ данный историческій моментъ, до паденія самодержавія, выработать и выставить такую, наприм., детализированную и конкретную программу, какая имѣется у соціалдемократіи. Буржуазная демократія вынуждена довольствоваться такъ называемыми «незыблемыми (!) основами», ибо детализація программныхъ требованій повлекла бы за собой лишь образованіе не связанныхъ между собою единствомъ организаціи и тактики конституціонно-демократическихъ группъ». («Осв.» № 69—70). Вотъ почему, и для такой несомнѣнной «партіи», какъ «Союзъ Освобожденія», неопредѣленная политическая «платформа» считается «болѣе чѣмъ достаточной» замѣной дѣйствительной программы.

Разумѣется, «профессіональные союзы» не являются «партіей» и въ томъ смыслѣ, что они еще лишь подбираются къ этой задачѣ, выполненіе которой только и превращаетъ политическую организацію въ настоящую «партію». Задача эта—организація широкихъ слоевъ тѣхъ массъ, которыя должны составить истинную силу партіи, ея будущихъ «избирателей». Но такихъ «партій» Россія еще не знаетъ сегодня; она должна будетъ узнать ихъ завтра. Сейчасъ же, за небольшими исключеніями (союзъ крестьянъ, отчасти—конторскихъ служащихъ), «профессіональные союзы» объединяютъ подъ знаменемъ буржуазной демократіи лишь интеллигентный авангардъ будущей массовой партіи. Это—кадры «руководителей», и огромные кадры (всего членовъ во

всѣхъ союзахъ насчитываются до 25.000), готовые сплошной организаціонной сѣтью охватить широкія народныя массы. Передъ этой задачей и стоитъ сейчасъ демократическая партія, отъ успѣха или неуспѣха выполненія ея зависятъ судьбы буржуазной демократіи. Лишь когда «профессіональнымъ союзамъ» удастся привлечь въ свои ряды и подчинить своему руководству народныя массы, и лишь поскольку это удастся, буржуазная демократія превратится въ огромную силу. И на нашихъ глазахъ она высовываетъ свои организаціонные щупальцы во всѣ стороны, пытаясь охватить ими и городское мѣщанство, и крестьянъ, и промышленныхъ рабочихъ.

Г. Струве особенно настойчиво подчеркиваетъ эту задачу демократіи. И методъ, который онъ предлагаетъ для овладѣнія массами, очень характеренъ и поучителенъ. «Революціонизмъ» очень не нравится г. Струве; онъ даже вреденъ, по его мнѣнію, ибо «затрудняетъ доступъ къ народнымъ массамъ», а потому «намъ необходимо оставаться самими собой и не поддаваться искушеніямъ революціонизма». (Осв. № 71). Очень хорошо. И однако, какой же рецептъ даетъ г. Струве, когда рѣчь заходитъ объ «овладѣніи», наприм., крестьянскими массами? Онъ рекомендуетъ «сотрудничество» «соціально-привилегированной интеллигенціи (земскихъ гласныхъ, профессоровъ и т. п.) и неимущей интеллигенціи», «третьяго элемента». Первая принесетъ съ собой «вѣсъ своего соціальнаго положенія», «опытъ управленія», «знаніе дѣйствительности и чутье возможнаго» и даже «безспорныя положительныя черты, которыя присущи русскому культурному дворянину». Словомъ, все, что нужно для благоустроеннаго хозяйства, кромѣ... кромѣ возможности вліянія на народныя массы. Эту задачу, въ дѣйствительности, долженъ выполнить «третій элементъ», интеллигентъ-голякъ, отъ котораго никакими дворянскими «положительными чертами» и не пахнетъ. Что же есть у этого санкюлота? Почему «культурный дворянинъ» согласенъ снизойти до союза съ этимъ некомильфотнымъ господиномъ? У него есть «прямолинейная и неукротимая энергія разночинца», у него «меньше опоръ и задержекъ въ прошломъ, но зато больше перспективъ въ будущемъ», онъ «силенъ своимъ дерзаніемъ». Мы не знаемъ, что можно подразумѣвать подъ всѣми этими энергическими метафорами, кромѣ того самаго «программнаго и тактическаго революціонизма», который только что былъ нещадно обруганъ и съ презрѣніемъ отвергнутъ г. Струве. «Прямолинейность»— да вѣдь это, пожалуй, то самое «афишированіе республиканской идеи», которое, «съ объективной точки зрѣнія, вредно для революціи»! «Перспективы будущаго», — да вѣдь отсюда рукой подать до разговоровъ

«уже теперь» о «диктатурѣ пролетаріата» или «общей конфискаціи земли въ пользу крестьянства»! «Дерзаніе»—но вѣдь оно такъ легко приводитъ на «крайне опасный» путь «вооруженныхъ демонстрацій» и «аграрныхъ бунтовъ»!

Очевидно, угрозы г. Струве, что, «оторвавшись отъ земскихъ элементовъ, третій элементъ круто потянетъ влѣво и неизбѣжно впадетъ въ революціонизмъ, т. е. утеряетъ возможность широкаго массоваго воздѣйствія на жизнь», не имѣютъ никакого смысла, или, если имѣютъ, то вотъ какой: «революціонизмъ» хорошъ лишь тогда, когда результаты «революціонизированія» учитываются «соціально-привилегированною интеллигенціей». Революціонный «разночинецъ» хорошъ, когда онъ соглашается играть роль «сала въ мышеловкѣ».

Вопросъ объ участіи или неучастіи соціалдемократовъ въ «профессіональныхъ союзахъ» дебатируется теперь самымъ страстнымъ образомъ, вызывая громы и молнію на голову «отступниковъ», не соглашающихся играть по отношенію къ рабочимъ ту роль «сала въ мышеловкѣ», которая въ средѣ крестьянства отведена, по проекту г. Струве, «третьему элементу». Ибо, разъ политическій характеръ «профессіональныхъ» союзовъ твердо установленъ, вопросъ о роли, которую должны будутъ играть соціалдемократы, вступая въ союзъ и тѣмъ самымъ принимая на себя обязательство подчиняться постановленіямъ ихъ большинства, для насъ рѣшенъ. Роль «Россійскихъ Освободительныхъ Союзовъ», обѣщающихъ рабочимъ «строго пролетарскую» литературу и ведущихъ ихъ въ то же время прямехонько въ объятія «строго буржуазнаго» Союза союзовъ, не для насъ. Можно сколько угодно говорить о «фракціонномъ самолюбіи», «партійныхъ счетахъ», «мѣстничествѣ» и пр., и пр., все это нисколько не можетъ поколебать разъ установленнаго отношенія нашего къ блокамъ и союзамъ съ другими партіями. А вступленіе въ политическую организацію есть нѣчто большее, чѣмъ блокъ или союзъ; это—полное раствореніе въ ней, поскольку организація не является дискуссіоннымъ клубомъ. Правда, это—раствореніе не цѣлыхъ соціалдемократическихъ организацій, а отдѣльныхъ соціалдемократовъ; но тѣмъ хуже, ибо такой индивидуальный отборъ могъ бы только внести полное разложеніе въ среду нашихъ организацій, развращая политически отдѣльныхъ членовъ ихъ.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы должны были добиваться превращенія «союзовъ» въ «дѣйствительно профессіональныя» организаціи, какъ того требуетъ, напримѣръ, г. Рожковъ (№ 60 «С. О.») Если бы это было и возможно, то далеко не всегда соціальный со-

ставъ такихъ союзовъ даетъ возможность соціалдемократамъ взять на себя обязательство защищать ихъ корпоративные интересы во всей полнотѣ или питать надежду согласовать ихъ борьбу съ пролетарской классовой политикой. Другое дѣло профессіональные союзы рабочихъ и соприкасающихся съ ними слоевъ наемнаго люда, которые самое соціальное положеніе ихъ членовъ толкаетъ, хотя и съ зигзагами и колебаніями, на путь такой политики, и въ которыхъ, слѣдовательно, соціалдемократія можетъ съ полнымъ правомъ разсчитывать на руководящую роль. Это во-первыхъ. Но, кромѣ того, самое это стремленіе превратить «союзы» въ чисто профессіональныя организаціи свидѣтельствовало бы о полномъ непониманіи ихъ дѣйствительнаго значенія и являлось бы по существу своему реакціоннымъ. Такое превращеніе, несомнѣнно, ослабило бы общій подъемъ политической борьбы и тѣмъ усиливало бы позицію самодержавной бюрократіи. Ибо при такомъ образѣ дѣйствій мы пытались бы измѣнить соотношеніе силъ между соціальной и буржуазной демократіей не нашимъ собственнымъ усиленіемъ, а ея ослабленіемъ, которое цѣликомъ пошло бы на пользу болѣе «правымъ» партіямъ и самодержавному правительству. Для насъ же, являющихся носителями политическаго, экономическаго и культурнаго прогресса, ставящихъ себѣ ближайшею задачею—наиболѣе революціонное преобразованіе политическаго строя, требующее максимальнаго напряженія всѣхъ наличныхъ общественныхъ силъ, ослабленіе буржуазной демократіи допустимо лишь въ томъ случаѣ, если вся сумма теряемыхъ ею силъ переливается непосредственно къ намъ, ибо въ нашихъ рукахъ она дастъ большіе результаты. Поэтому—не ухудшеніе способовъ политической конкурренціи для буржуазной демократіи, а улучшеніе нашихъ собственныхъ способовъ конкурренціи и критика всѣхъ прогрессивныхъ партій съ точки зрѣнія этихъ, лучшихъ способовъ—вотъ нашъ методъ «борьбы». Очередная задача «профессіональныхъ союзовъ»—политическая организація и мобилизація народныхъ массъ подъ знаменемъ буржуазной демократіи. Мы не должны принимать участія въ этомъ дѣлѣ, мы не должны вступать въ «союзы». Но въ такомъ случаѣ мы обязаны организовать и мобилизовать массы подъ знаменемъ демократіи соціальной. Только въ этомъ случаѣ мы будемъ исторически и политически правы.

Но для того, чтобы выполнить эту историческую обязанность, мы должны отдать себѣ ясный отчетъ не только въ настоятельности ея, но и въ тѣхъ методахъ, которыми она только и можетъ быть выполнена.

Возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, мы снова спросимъ:

далеко ли то блаженное время, когда буржуазная демократія казалась намъ такою «бѣдною» и «слабою»? Утѣшительное то было время! Посреди полусдавленнаго, хриплаго шопота всей Россіи такимъ громкимъ казалось каждое слово, сказанное нами полнымъ голосомъ! Среди полнаго хаоса и раздробленности всѣхъ общественныхъ силъ такою крѣпкою и сильною казалась наша организація! А при полномъ или почти полномъ отсутствіи конкурентовъ такъ безраздѣльно, казалось, принадлежала трудящяся масса намъ, несшимъ проповѣдь классоваго сознанія и классовой борьбы! И такъ легко, за упоеніемъ своимъ величіемъ, забывались истинные основы и размѣры этого величія! Забывалась та обстановка политическихъ сумерекъ, которая дѣлаетъ всѣ политическіе лозунги сѣрыми и всѣхъ интеллигентовъ красными; забывалось, что очередная, политическая задача заключалась лишь въ пробужденіи и пріобрѣтеніи политическаго вліянія на массы, а не въ мобилизаціи самой массы для активнаго участія въ политической борьбѣ во имя опредѣленныхъ и ясно сознанныхъ политическихъ требованій, и что именно поэтому буржуазный либерализмъ и демократія могли не испытывать ни малѣйшей конкурентской зависти, предоставляя намъ эту черную «подготовительную» работу, требовавшую безчисленныхъ жертвъ, и спокойно ожидая, что «больно ушибаясь о разныя препятствія, цѣною политическихъ синяковъ и ссадинъ» («Осв». № 71), мы «выработаемъ себѣ вѣрную тактику», ведущую насъ прямо въ лоно «Освобожденія». Забывалось, что, въ силу самыхъ задачъ, рѣчь могла идти пока не объ организаціи массъ, а лишь о «строго—конспиративной» и «узкой» организаціи «руководителей», необычайно облегчавшейся той «несгибаемой» революціонностью, которая такъ обильно питается послѣдовательностью и оптимистическимъ духомъ нашей программы, построенной на прочномъ фундаментѣ научнаго соціализма. Забывалось, словомъ, что «сила» наша въ значительной мѣрѣ обусловливалась слабостью политическаго движенія вообще.

И вотъ, наступилъ «слушный часъ», предъявляющій совсѣмъ иныя требованія къ нашимъ силамъ, заставляющій насъ растить ихъ въ такой пропорціи, въ которой количество переходитъ въ качество, ибо мы не можемъ увеличить нашихъ силъ, не измѣняя самой формы, въ какую онѣ отливаются. Мы должны смѣло и рѣшительно порвать съ традиціями «подполья» и встать на путь превращенья изъ партіи для массъ въ партію самихъ массъ. И тотъ самый историческій моментъ, который предъявляетъ намъ такія требованія создаетъ и условія для ихъ выполненія. Мы можемъ и должны ока-

заться побѣдителями въ борьбѣ за обладаніе массами, и прежде всего пролетарскими массами; но для этого намъ нужно во весь ростъ поставить передъ собою эту задачу и увѣренными шагами пойти къ ея выполненію.

Только большому кораблю по плечу большое плаванье,—вотъ истина которую необходимо усвоить каждому соціалдемократу, не закостенѣвшему въ представленіяхъ недалекаго, но уже, къ счастью, невозвратнаго прошлаго и понимающему, что въ настоящее бурное время смѣшно мѣрить размахъ «революціонности» своей работы масштабомъ, унаслѣдованнымъ отъ эпохи политическихъ будней.

Ф. Данъ.

Не начало ли поворота?

(15 іюля 1905 г., № 105).

Земскій либерализмъ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтить, труды только что закончившагося московскаго съѣзда. Впервые за все время своего долголѣтняго существованія онъ нашелъ въ себѣ мужество разорвать съ традиціями дворянской пореформенной оппозиціи и попытаться играть политическую роль на европейски—буржуазный ладъ.

Обольщаться этимъ результатомъ земской эволюціи, разумѣется, не приходится. Камни должны были заговорить; россійское купечество должно было зашевелиться; броненосцы—угрожать крѣпостямъ, чтобы русскій либерализмъ сдѣлалъ минимумъ того, чего отъ него требовала прежде всего его собственная политическая выгода. Стать безповоротно на почву конституціонализма и проявить хотя бы небольшое желаніе опереться на народъ—это не было бы «преждевременно» и годъ тому назадъ, и если бы земскій либерализмъ тогда уже сдѣлалъ это, позиція его была бы много выгоднѣе. Было ли бы это лучше для революціи—вопросъ другой.

Такъ или иначе, а либеральное движеніе сдѣлало на іюльскомъ съѣздѣ большой шагъ впередъ, и съ нимъ приходится отнынѣ счи-

таться, какъ съ факторомъ, пытающимся занять самостоятельное мѣсто въ народной борьбѣ, ведущейся противъ самодержавной бюрократіи.

Къ сожалѣнію, офиціальныхъ отчетовъ о съѣздѣ у насъ не имѣется, и мы должны опираться только на свѣдѣнія сообщаемыя иностранными корреспондентами.

Извѣстно, что земскій съѣздъ собрался, вопреки настойчивымъ попыткамъ правительства не допустить его. До 250 земскихъ и думскихъ представителей явилось въ Москву, несмотря на «запретительный циркуляръ», разосланный по губернаторамъ. Вмѣшательство властей въ самыя засѣданія съѣзда окончилось для нихъ жалкимъ фіаско: земцы устояли передъ натискомъ полиціи, самодержавная полиція не устояла передъ первымъ—со стороны вождей имущаго либерализма—серьезнымъ отпоромъ. И если булыгинскій циркуляръ о «непущаніи» земцевъ и думцевъ въ Москву, очевидно, имѣлъ тотъ лишь результатъ, что съѣхались преимущественно лѣвые элементы земской массы, то треповскій приказъ о распущеніи «незаконнаго собранія», въ свою очередь, только окрасилъ занятія съѣзда въ болѣе «красный» цвѣтъ, давъ земцамъ возможность дешевой цѣной получить «боевое крещеніе». Въ результатѣ этихъ воздѣйствій правительства, іюльскій съѣздъ получилъ характеръ, выгодно отличающій его отъ прежнихъ.

«Шиповцы» сидѣли, набравъ въ ротъ воды, а въ лагерѣ конституціоналистовъ, царившихъ на съѣздѣ, оттѣнокъ Петрункевича взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ болѣе умѣренными оттѣнками.

Съѣздъ сурово высказался о проэктѣ Булыгина. Сгоряча онъ даже отвергъ предложеніе бюро «не бойкотировать» провозвѣщенную государственную думу, а участвовать въ выборахъ. Но затѣмъ подъ давленіемъ того же бюро, онъ взялъ назадъ это рѣшеніе и постановилъ оставить вопросъ (объ участіи въ выборахъ) открытымъ до слѣдующаго съѣзда, имѣющаго быть экстренно созваннымъ по офиціальномъ объявленіи о пожалованіи Россіи булыгинской, съ позволенія сказать, конституціи.

Противорѣчіе въ голосованіяхъ по этому вопросу имѣетъ очень серьезное значеніе и на немъ слѣдуетъ остановиться.

Политическая позиція, которую занялъ іюльскій съѣздъ, есть позиція конституціоналистскаго демократизма «освобожденцевъ». Стоя на этой позиціи, необходимо кореннымъ образомъ отвергнуть булыгинское «представительство». Это и сдѣлали земцы. Но что представляетъ собой это самое представительство? Ни болѣе, ни менѣе, какъ выводъ изъ того самаго «земскаго и городскаго самоуправленія», на почвѣ котораго выросъ и развился русскій либерализмъ, представленный на

съѣздѣ. Отрицаніе «булыгинской конституціи» есть отрицаніе земскаго либерализма въ томъ видѣ, какъ онъ сложился исторически, это есть крутой разрывъ со всей традиціей либеральной партіи. Традиціонный русскій либерализмъ привыкъ исходить отъ «земскаго Положенія» 1864 года въ своей тактикѣ и неизмѣнно возвращаться къ нему въ своихъ программныхъ требованіяхъ. Давно ли сами либералы не считали для Россіи пригоднымъ что бы то ни было, кромѣ принципа «всесословно»-цензового представительства, положеннаго въ основу этого Положенія? Давно ли слово «Земскій Соборъ» являлось альфой и омегой ихъ политической программы? Если теперь на іюльскомъ съѣздѣ произошелъ этотъ разрывъ съ традиціей, если воплощенный въ проектѣ Булыгина (въ отдѣлѣ объ организаціи представительства) былой идеалъ самыхъ «передовыхъ» земцевъ, если онъ нынѣ отшатнулъ отъ себя тѣхъ же земцевъ, то въ этомъ интересномъ явленіи безпристрастный и вдумчивый наблюдатель замѣтитъ признакъ колоссальнаго роста народной революціи. Она, эта стихія великой русской революціи, оборвала пуповину, связывающую русскій либерализмъ съ историческими традиціями просвѣщенной части дворянства, съ пресловутой «эпохой великихъ реформъ». И тотъ, кому партійная близорукость не мѣшаетъ наблюдать дѣйствительность, не сможетъ не замѣтить въ этомъ воздѣйствіи революціонной стихіи осмысливающее вліяніе работъ соціалдемократіи, которой удалось въ теченіе послѣдняго года сдѣлать популярными демократическія идеи и оформить то систематическое давленіе народныхъ массъ, которое учитывалось либералами на ихъ съѣздѣ. Идейную побѣду пролетаріата прежде всего знаменуетъ рѣшеніе іюньскаго съѣзда безповоротно отвергнуть булыгинскую Думу.

Земцы увидѣли, что не только «сословно-бытовой», но и «всесословно-земскій» цензъ въ данной исторической обстановкѣ, означаетъ сохраненіе всѣхъ прерогативъ самодержавія, означаетъ самаго худшаго сорта «мнимый конституціонализмъ». Они увидѣли, наконецъ, то, что имъ говорили съ самаго начала соціалдемократы, и пришли къ всеобщему избирательному праву, какъ единственной гарантія парламентаризма (разумѣется по возможности, ограничивъ полноту его примѣненія въ своихъ конституціонныхъ проектахъ).

Но если, ставъ на эту дорогу, земскіе либералы могутъ спасти себя отъ растворенія въ реакціонной массѣ, противъ которой ведетъ свою борьбу русскій народъ, то этимъ шагомъ они—увы!—начали исторію своей ликвидаціи, какъ партіи земской.

За съѣхавшимися въ Москву представителями стоитъ плотная масса истинныхъ «людей земли», довѣрившихъ имъ представительство своихъ

соціальныхъ интересовъ. Эта плотная масса землевладѣльцевъ и городскихъ олигарховъ связана съ «всесословнымъ цензомъ» и со всѣми, надстроенными на немъ, сословными неравенствами чѣмъ-то болѣе прочнымъ, чѣмъ идеологическая привычка. Эти «люди земли» кровными узами связаны съ пореформенной системой мѣстнаго самоуправленія, входящаго, какъ часть въ цѣлое, въ систему дворянской и помѣстной гегемоніи въ общественной жизни Россіи. Эти «люди земли» проявили въ достаточной мѣрѣ свое умѣніе использовать свои политическія привилегіи, и исторія земскаго обложенія, земскихъ попытокъ регулированія крестьянскаго вопроса и рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ ярко свидѣтельствуетъ объ этомъ ихъ умѣніи. Брошенная общественнымъ развитіемъ въ политическую оппозицію, эта земская масса, во многихъ своихъ интересахъ соціально-реакціонная, налагала на русскій буржуазный либерализмъ печать его до-нынѣшней анти-народности. Обостреніе политической борьбы, вызванное могучимъ ростомъ рабочаго движенія, заставляетъ политическую партію, стоящую во главѣ земствъ, разорвать узы, порабощавшія ее этимъ «людямъ земли». Но тѣмъ самымъ конституціонная партія обрубаетъ тѣ корни, которые ее до сихъ поръ питали. И въ вопросѣ о тактикѣ, которую надлежитъ занять по отношенію къ выборамъ въ «Думу», либералы нащупали эту свою бѣду.

Отстраниться отъ участія въ выборахъ въ думу въ данный моментъ, когда они только еще собираются искать себѣ новую соціальную опору,—это значитъ содѣйствовать эмансипаціи «людей земли» отъ политическаго руководительства ихъ до-нынѣшнихъ вождей. Это очевидно, какъ сама истина. Съ принятіемъ въ програму всеобщаго избирательнаго права, конституціоналисты перестали быть «земской» партіей въ старомъ смыслѣ. Устраняясь отъ выборовъ въ думу, они ту земскую массу, которая, по своимъ интересамъ, отнюдь не склонна отказаться отъ своей привилегіи, толкаютъ на образованіе новой, дѣйствительно земской партіи, которая не жертвовала бы народному движенію этими привилегіями. Если конституціоналисты проведутъ среди либераловъ бойкотъ при выборахъ въ думу, они могутъ быть увѣрены, что большинство помѣщиковъ приметъ участіе въ этихъ выборахъ и заполнитъ булыгинскій ноевъ ковчегъ пресмыкающимися различныхъ породъ.

Тактика бойкота, вообще трудно проводимая, можетъ удасться тогда лишь, когда соціальный классъ, представляемый партіей, прибѣгающей къ бойкоту, по внутренней логикѣ своего собственнаго развитія революціонно идетъ въ ногу съ этой партіей. При такомъ условіи, умѣло проведенный бойкотъ «отцѣдитъ» отъ массы, идущей

за этой партіей, только безнадежно—отсталые элементы даннаго класса, неспособные ни къ какому политическому сплоченію. Другое дѣло тогда, когда партія, зовущая къ бойкоту, вынуждена была далеко опередить свой классъ по пути общественнаго движенія. Въ этомъ случаѣ объявленный ею бойкотъ долженъ привести къ тому, что оставитъ ее за бортомъ собственнаго класса, политическое сплоченіе котораго—но въ другую, чѣмъ желательно партіи сторону—только выиграетъ отъ этой операціи. Въ такомъ именно положеніи находится теперь конституціоналистская партія.

Между тѣмъ, ея прошлая работа недаромъ дала ей постъ оффиціальной представительницы «земскихъ сословій». Завоеванное долгой работой политическое положеніе можетъ быть съ успѣхомъ эксплоатируемо партіей еще долго послѣ того, какъ начала исчезать связь соціальныхъ интересовъ между классомъ и партіей. Уже въ іюльскіе дни земскій съѣздъ не отражалъ объективно развивающихся тенденцій помѣстнаго землевладѣнія. Каждый новый шагъ на пути активной борьбы будетъ увеличивать это несоотвѣтствіе. И какъ нельзя болѣе заманчиво для политическихъ вождей либеральной партіи замедлить процессъ отраженія этого несоотвѣтствія въ сознаніи «людей земли», продлить свою роль оффиціальнаго представителя земскихъ плательщиковъ, по-прежнему имѣть въ своемъ распоряженіи вѣсъ ихъ соціальной мощи для борьбы съ «бюрократіей». Но это достижимо лишь при перенесеніи доселѣ ведшейся въ земствахъ борьбы въ выборную агитацію при созывѣ Думы, лишь при укрѣпленіи на первыхъ выборахъ въ Думу связи между избирающей массой и донынѣшними избранниками,—связи, которая фатально обречена порваться (для партіи въ цѣломъ, по крайней мѣрѣ). Вотъ почему вожди земскихъ либераловъ не могли не ощутить самаго живѣйшаго безпокойства, когда, увлекшись стремленіемъ сбросить съ себя «ветхаго человѣка», земцы склонились къ бойкоту Думы. Вотъ почему они слѣдующемъ голосованіемъ уничтожили смыслъ прежняго голосованія.

Но, съ другой стороны, земцы недаромъ приняли—на минуту—это радикальное рѣшеніе. Строго говоря принципіальная борьба съ булыгинской Думой не подразумѣваетъ обязательнаго при выборахъ бойкота. Участіе въ выборахъ съ тѣмъ, чтобы «извнутри взорвать» дрянное учрежденіе не есть тактика оппортюнизма. Но, чтобы умѣло провести такую тактику, надо чувствовать за собой поддержку народнаго довѣрія—въ противномъ случаѣ, непремѣнно взорвешь свою собственную партію или, вѣрнѣе, приведешь ее къ внутреннему разложенію. А народное довѣріе пріобрѣтается только борьбой въ ря-

дахъ народа. Между тѣмъ, до сихъ поръ съ народомъ земскіе либералы не имѣли ничего общаго и проявляли къ его революціонной самодѣятельнсости самое реакціонное отношеніе. Собираясь теперь ликвидировать эту полосу своего прошлаго, они видятъ, что не владѣютъ еще никакимъ капиталомъ народнаго довѣрія, за счетъ котораго можно было бы повести рискованную и сложную тактику завоеванія реакціоннаго по своей организаціи государственнаго учрежденія для превращенія его въ орудіе прогрессивнаго движенія. И, пожиная то, что они сѣяли своей прежней дѣятельностью, земцы не дерзаютъ высказаться за тактику участія въ выборахъ.

Въ результатѣ этихъ сомнѣній съѣздъ отсрочилъ рѣшеніе вопроса.

Мы сказали—и въ этомъ мы видимъ историческій смыслъ рѣшеній съѣзда,—что онъ положилъ начало ликвидаціи русскаго конституціонализма, какъ земско-помѣщичьей партіи. Другими словами, это значитъ начало созданія дѣйствительной либерально-демократической партіи [1]).

Неоднократно указывали мы въ «Искрѣ» наличность въ либеральномъ русскомъ движеніи двухъ существенно различныхъ соціальныхъ элементовъ: помѣщичьей оппозиціи и разночинскаго демократизма. Мы указывали на то, что разрывъ установившейся между ними связи является первой предпосылкой для того, чтобы объективно-революціонный въ современной Россіи разночинскій демократизмъ могъ стать «становымъ хребтомъ» широкаго народнаго (внѣпролетарскаго) движенія. Поэтому, мы призывали «третій элементъ» къ самостоятельному отъ «земцевъ» дѣйствію, бокъ о бокъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Поэтому мы ставили движенію самого пролетаріата задачу оторвать отъ земско-либеральнаго «блока» его лѣвое крыло, такъ усиленно приковывавшееся къ колесницѣ земскихъ тузовъ стараніями «освобожденцевъ». Историческую задачу разночинной демократіи мы видѣли въ революціонизированіи и мобилизаціи отсталыхъ и стоящихъ внѣ сферы дѣйствія сознательнаго пролетаріата народныхъ массъ.

Дѣйствительное развитіе пошло нѣсколько въ иныхъ формахъ. Организаціи разночинцевъ успѣли (благодаря, конечно, своей нереволюціонной тактикѣ) сдѣлать слишкомъ мало для политической мобилизаціи народа. Въ то же время обостреніе борьбы пролетаріата съ деспотизмомъ создало политическое положеніе, въ которомъ умѣренный, вышедшій изъ земскихъ круговъ, конституціонализмъ долженъ былъ или задохнуться или взять на себя иниціативу движенія влѣво, не дожидаясь,

[1]) Первый шагъ къ образованію такой партіи сдѣланъ лѣвыми земцами по окончаніи съѣзда.

пока его властно потянетъ туда его разночинный союзникъ. Попытку добровольно покончить съ собой (съ самыми благородными жестами) земскіе вожди сдѣлали 6-го іюня въ петергофскомъ дворцѣ. Они лежали уже, казалось, полубездыханными политическими трупами у ногъ самодержавія, но послѣдовалъ пріемъ «истинно-русскихъ» людей. Этого не могли снести даже Трубецкой съ братіей. Съ береговъ Чернаго моря донеслись залпы «Потемкина»—и конституціоналисты услыхали отъ иностранныхъ доброжелателей, что теперь имъ можно «мечтать» даже о насильственномъ переворотѣ при помощи недовольнаго офицерства. И вотъ, черезъ мѣсяцъ послѣ петергофскаго самоуниженія, конституціонализмъ пытается снова возродиться въ томъ единственномъ видѣ, въ какомъ онъ отнынѣ можетъ жить, взявъ на себя ту иниціативу, которую не сумѣла взять демократическая интеллигенція. Опираясь на аппаратъ земской организаціи, собирать вокругъ своего знамени народъ—такова задача отнынѣ. Разрывая въ принципѣ съ «всесословнымъ земскимъ представительствомъ», земскій конституціонализмъ становится конституціонализмомъ демократическимъ. Аппеляція къ народу—эти слова впервые раздались въ земскомъ лагерѣ.

Съ чѣмъ же земцы обратятся къ народу?.

Они намѣрены организовать повсемѣстные митинги противъ булыгинскаго проекта; будутъ пропагандировать неповиновеніе тѣмъ дѣйствіямъ администраціи, которыя нарушаютъ основныя права гражданина (хотя бы эти дѣйствія и соотвѣтствовали буквѣ закона).

Это очень недурно. Но, берясь пропагандировать стачку гражданъ, необходимо поставить и вопросъ о средствахъ для веденія гражданами этой стачки.

Земскій съѣздъ посовѣтовалъ примѣнять «всѣ средства», но уступать насилію. Это очень благоразумно, конечно, но едва ли подниметъ сколько нибудь охоту гражданъ вступать въ прямую борьбу съ органами самодержавія и едва ли сколько нибудь умѣритъ рвеніе администраціи въ попыткахъ примѣненія произвольныхъ мѣръ. Сопротивленіе, поставившее самому себѣ принципіальную границу въ насиліи противника, сводится на нѣтъ простой готовностью противника примѣнять насиліе безъ всякой «крайней необходимости». Что правительство Трепова обладаетъ такой готовностью, въ этомъ едва ли сомнѣваются земцы. А если такъ, то ихъ призывъ къ сопротивленію не является призывомъ къ борьбѣ наступательной, къ борьбѣ, которая могла бы имѣть шансы завоевать Россіи свободу. «Пассивное сопротивленіе», какъ это показалъ опытъ Финляндіи, можетъ въ

лучшемъ случаѣ, помѣшать введенію какихъ-либо новыхъ острыхъ репрессій, но заставить измѣнить царящій вѣками порядокъ оно не въ силахъ, ибо для того, чтобы разстроить въ конецъ государственную машину, оно должно дѣйствовать очень долгое время, въ теченіе котораго внесетъ страшный хаосъ въ жизнь самой націи. Собственно говоря, это самый дорогой для народа методъ совершенія революціи.

Рано или поздно, пассивное сопротивленіе наталкивается на предѣлъ, за которымъ наступаетъ необходимость сопротивленія «активнаго», необходимость наступленія. И если земцы въ серьезъ вступятъ на путь противодѣйствія самодержавію, они придутъ къ этому предѣлу.

Земцы постановили идти въ народъ съ агитаціей. Они явятся на митинги и будутъ звать народъ не исполнять тѣхъ или иныхъ требованій власти. Что же отвѣтятъ они на вопросъ народа: нужно ли вооружаться для отпора полиціи и хулиганамъ? продолжать ли устраивать отряды самообороны? отказывать ли въ квартирахъ казачьимъ командамъ, прибывшимъ для экзекуціи?

Вѣроятно, земцы отвѣтятъ на этотъ вопросъ отрицательно. На своихъ засѣданіяхъ они совершенно обошли молчаніемъ вопросъ объ организаціи сопротивленія, совершенно игнорировали поднятый въ стольких думахъ вопросъ объ организаціи городской милиціи. Болѣе того: они даже не обязали земства и думы перестать выдавать деньги на содержаніе полиціи и казаковъ. И въ разгаръ дебатовъ съѣзда чрезъ газеты облетѣло позорное извѣстіе, что Нижегородская дума вновь ассигновала 10.000 р. на расквартированіе казаковъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что для содѣйствія освобожденію Россіи имущіе классы не могутъ ничего сдѣлать, кромѣ какъ «содѣйствовать соціалдемократіи въ дѣлѣ народнаго вооруженія». Напротивъ, мы думаемъ, что буржуазія еще можетъ, а слѣдовательно, и должна многое сдѣлать въ дѣлѣ расшатки самодержавія вовлеченіемъ въ борьбу съ нимъ болѣе отсталыхъ слоевъ народныхъ массъ (особенно сельскихъ), не поддавшихся еще революціонному воздѣйствію «крайнихъ» партій. Въ этомъ смыслѣ, одинъ фактъ перехода оффиціальныхъ организацій имущихъ классовъ къ борьбѣ нелегальной, хотя бы въ формѣ пассивнаго сопротивленія и крупныхъ политическихъ демонстрацій, будетъ имѣть крупное агитаціонное значеніе. И насъ нисколько не можетъ смущать то соображеніе, что, ведя въ народѣ такую агитацію, конституціоналисты—земцы будутъ вербовать себѣ недостающія имъ теперь народныя массы, становясь такимъ образомъ, непосредственными нашими по-

литическими «конкуррентами». Политической конкуренціи либераловъ намъ всего менѣе приходится бояться.

Но, чѣмъ болѣе дѣйствительно будетъ положительное значеніе обращенія земцевъ къ народу съ агитаціей, тѣмъ болѣе оно потребуетъ отъ нихъ выполненія второй задачи, лежащей на имущихъ классахъ— задачи вооруженія народа; тѣмъ чаще они сами явятся непосредственно отвѣтственными за тѣ лишнія жертвы, которыя народъ несетъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, благодаря отсутствію у него средствъ къ отпору. И объ этой отвѣтственности народъ обязанъ напомнить земцамъ, когда они явятся передъ нимъ въ роли кандидатовъ на «политическое руководство». Если земцы не захотятъ — изъ боязни революціи—помогать народу въ этомъ отношеніи, все ихъ хожденіе «въ народъ» окончится жалкимъ фіаско.

Соціалдемократическій пролетаріатъ озаботится о томъ, чтобы возможно скорѣе конституціоналисты увидѣли себя передъ этой дилеммой—или уйти отъ народа обратно въ міръ банкетовъ и съѣздовъ, или сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ.

Другая задача сознательнаго пролетаріата—выступить передъ народомъ съ разоблаченіемъ недостаточности и реакціонности того представительства, которое будутъ пропагандировать земцы согласно рѣшенію іюньскаго съѣзда. Двухпалатная конституція съ верховнымъ правительствомъ, имѣющимъ право veto и распоряжающимся арміей и флотомъ—таково это представительство. Пролетаріатъ долженъ со всей энергіей разъяснять широкимъ массамъ населенія отсталость такого представительства и его полную недостаточность для осуществленія тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя необходимы пролетаріату и крестьянству.

Земцы постановили—и это очень важное постановленіе—приглашать на свои будущіе конгрессы представителей отъ крестьянъ. Предложеніе приглашать представителей рабочихъ организацій они передали въ бюро, слѣдовательно, не рѣшились его принять (а, можетъ быть, не рѣшились и отвергнуть его). Въ этомъ рабочіе справедливо усмотрятъ аттестатъ своей политической зрѣлости, невольное признаніе, что въ приготовительномъ классѣ политической школы, какимъ пока являются «земскіе парламенты», ихъ передовымъ элементамъ дѣлать нечего.

Вмѣстѣ съ тѣмъ земцы создали оффиціальную центральную организацію съ широкими полномочіями центра, установивъ обязательный налогъ со всѣхъ входящихъ въ организацію земствъ. Если они сумѣютъ связаться съ тѣми или другими народными слоями, земцы будутъ

обладать крупной политической организаціей, способной сыграть замѣтную роль въ борьбѣ съ деспотизмомъ. Какъ ни малъ тотъ шагъ, который они нынѣ сдѣлали, онъ,—если, конечно они не поспѣшатъ взять его назадъ—долженъ будетъ втянуть ихъ въ острую борьбу съ самодержавіемъ. И вокругъ земскаго съѣзда уже носятся (преимущественно въ иностранной печати) толки о «временномъ правительствѣ», о полной «изоляціи» самодержавія, которую они проведутъ системой бойкота, стачки и пассивнаго сопротивленія. Если въ данный моментъ, когда земцы еще не нащупали почвы въ народѣ, такіе проекты могутъ представляться преждевременными, то несомнѣнно, что бурное развитіе революціонныхъ событій можетъ ихъ завтра же сдѣлать совершенно реальными.

Пролетаріатъ можетъ только пожелать, чтобы представители имущихъ классовъ вступили рѣшительно на этотъ путь. Онъ можетъ только пожелать, чтобы и они, въ свою очередь, сдѣлали кое-что для вовлеченія націи въ острый конфликтъ съ силами реакціи, конфликтъ, который, разумѣется, не удастся разрѣшить однимъ «косвеннымъ сопротивленіемъ», одной изоляціей абсолютизма. И пролетаріатъ весь, какъ одинъ человѣкъ, поддержитъ революціонную иниціативу конституціоналистовъ, если они въ одинъ прекрасный день попытаются организовать временное правительство, которое взялось бы выполнить требованія народа, отвергаемыя монархіей. Конечно поддержитъ, поставивъ свои условія, и во главѣ этихъ условій будутъ стоять: разоруженіе реакціи, вооруженіе народа, созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Попытка «пожаловать» народу іюльскую двухпалатную монархическую конституцію будетъ, разумѣется, встрѣчена пролетаріатомъ такой же борьбой, какъ и попытка Булыгина.

Стать въ глазахъ сознательной части народа не только людьми партіи, но и временнымъ органомъ государственнаго переустройства земцы смогутъ тогда лишь, когда во главу угла своей агитаціи поставятъ созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Пролетаріатъ, сказали мы, поддержитъ революціонную иниціативу. Но онъ ее поддержитъ только для того, чтобы открыть эру революціи, чтобы не дать остановить революціонный процессъ, чтобы не дать водвориться, столь желательному для редактора «Освобожденія» «сильному правительству». Съ этого момента пути революціоннаго пролетаріата и либеральной буржуазіи разойдутся безповоротно.

Л. Мартовъ.

Къ началу академическаго года.

(29-го іюля 1905 г. № 107).

Приближается начало академическаго года, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на очередь становится вопросъ о той позиціи, какую займутъ студенты. Будутъ ли они попрежнему «бойкотировать» университетъ и другія учебныя заведенія, или поищутъ новыхъ, болѣе революціонныхъ, путей не только для выраженія своего протеста противъ самодержавно-бюрократическаго режима, но и для усиленія своей революціонной борьбы съ нимъ.

Незачѣмъ, конечно, говорить о томъ, что какъ ни мала, относительно, соціальная сила, представляемая студенчествомъ въ ряду тѣхъ основныхъ массовыхъ силъ, которыя выступили на поверхность и которымъ предстоитъ рѣшить судьбы русской революціи, она все же имѣетъ большое значеніе. Помимо лишняго элемента дезорганиціи правительственной власти, вносимаго «волненіями» учащейся молодежи, студенчество въ революціонныя времена можетъ сыграть и болѣе крупную роль. Тутъ важно, прежде всего то, особо повышенное настроеніе, которое вносится студентами въ ихъ семьи. Но еще болѣе важны тѣ услуги, которыя могутъ оказать студенты революціонной толпѣ въ качествѣ интеллигентныхъ агитаторовъ съ одной стороны, въ качествѣ лицъ, обладающихъ спеціальными техническими знаніями, съ другой. Организованные уже въ силу группировки своей по учебнымъ заведеніямъ, эти тысячи легко возбуждающей молодежи являются отличнымъ проводникомъ революціоннаго тока и, при началѣ великихъ массовыхъ выступленій, и, въ частности, при началѣ активной борьбы, могутъ оказаться незамѣнимымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій. Роль, которую студенты играли во всѣхъ революціяхъ, при всякихъ «военныхъ» дѣйствіяхъ народныхъ массъ, достаточно извѣстна, чтобы не останавливаться на ней. Отсюда ясно, что въ интересахъ революціи въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ крупныхъ центрахъ политической жизни, какими являются университетскіе города, и поддержаніе той организованности студенчества, какая дается регулярнымъ общеніемъ между ними въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и долженъ быть пересмотрѣнъ вопросъ о тактикѣ студенчества теперь, когда, наряду съ дальнѣйшимъ «подготовленіемъ» революціи, на очередь дня все больше и больше выдвигаются непосредственныя дѣйствія народныхъ массъ.

Въ иностранныхъ газетахъ появилось сообщеніе, будто профессора московскаго университета постановили не читать лекцій до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будетъ гарантирована академическая свобода. Мы не знаемъ, насколько достовѣрно это сообщеніе, но звучитъ оно, во всякомъ случаѣ, вполнѣ правдоподобно. Теперь, въ сентябрѣ, предстоитъ, какъ извѣстно, въ силу рѣшеній студенчества при началѣ академической забастовки, пересмотръ вопроса о тактикѣ самимъ студенчествомъ. Рѣшатъ ли и они, подобно профессорамъ, сохранить старую тактику? Эта тактика, въ свое время, имѣла несомнѣнно полное право на существованіе и большой смыслъ. Въ ряду другихъ, болѣе крупныхъ по своему общественному значенію, проявленій протеста широкихъ народныхъ массъ и общества противъ самодержавнаго режима, и она внесла свою долю въ дѣло его расшатки. Поскольку дѣло сводилось лишь къ такой расшаткѣ, лишь къ дезорганизаціи правительства,—а къ этому, почти цѣликомъ, дѣло сводилось годъ тому назадъ,—тактика пассивнаго сопротивленія, бойкота, борьбы со сложенными руками несомнѣнно соотвѣтствовала поставленной задачѣ. Она вполнѣ удовлетворяла и другому запросу времени—расширенію и усиленію политической агитаціи. Она наглядно демонстрировала передъ всѣмъ населеніемъ всю невозможность «жить такъ дальше»: невозможность работы для рабочихъ, отправленія адвокатскихъ обязанностей для адвокатовъ, врачебной дѣятельности—для врачей, невозможность научной и учебной дѣятельности для профессоровъ, учителей, студентовъ. Она показала самодержавно-бюрократическій режимъ во весь его ростъ, какъ страшный тормазъ не только для всякаго прогрессивнаго развитія, но и для простого продолженія всѣхъ общественныхъ функцій. Тактика пассивнаго сопротивленія—а такова и была по общему своему смыслу тактика забастовокъ и бойкота—дискредитировала этотъ режимъ, вносила во всю страну элементы политическаго возбужденія и политическаго сознанія и подготовляла политическую мысль къ наступательнымъ дѣйствіямъ «Разселеніе» студентовъ по всей странѣ, явившееся естественнымъ результатомъ закрытія учебныхъ заведеній, не мало способствовало занесенію «заразы» въ самые глухіе провинціальные углы. Недаромъ, «студентъ», наряду съ «жидомъ», сталъ предметомъ самой яростной ненависти организаторовъ «черныхъ сотенъ».

Такимъ образомъ, повторяемъ, для своего времени тактика «неученія» вполнѣ оправдывалась обстоятельствами и вполнѣ соотвѣтствовала поставленнымъ задачамъ. Но иныя времена—иныя пѣсни, и то, что вчера было прогрессивнымъ и революціоннымъ, сегодня легко

становится отсталымъ и реакціоннымъ. Въ статьѣ «Оборона или наступленіе?» (стр. 381) мы старались показать, какой недостаточной и нереволюціонной явилась бы въ переживаемый моментъ тактика неосложненнаго никакими наступательными дѣйствіями бойкота, проектированнаго «Союзомъ союзовъ» по отношенію къ Булыгинской думѣ.

Тотъ же принципъ примѣнимъ цѣликомъ и къ студенческой тактикѣ забастовокъ.

Мы должны готовиться къ активнымъ дѣйствіямъ массъ. Разумѣется, и раздробленные, разбросанные по всей странѣ, лишенные взаимной связи, создающейся ежедневнымъ общеніемъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, студенты могутъ, каждый въ одиночку, принимать участіе въ массовыхъ выступленіяхъ, играть въ нихъ извѣстную полезную роль. Но именно только въ одиночку. Вся же сила, которая создается коллективною организованностью студенчества, идетъ при этомъ на смарку. А между тѣмъ, какъ мы уже упоминали, именно эта коллективная организованность и составляетъ одну изъ тѣхъ особенностей студенчества, которыя его дѣлаютъ драгоцѣннымъ элементомъ въ эпоху революціонныхъ бурь и наступательныхъ революціонныхъ дѣйствій. Революціонныхъ единицъ—много, революціонныхъ организмовъ—мало. Надо дорожить тѣми немногими, которые имѣются въ наличности.

Значитъ, мы зовемъ студентовъ «приступить къ занятіямъ», подчинившись введенному правительствомъ режиму и спокойно ожидая, пока революціонный Апполонъ призоветъ ихъ къ «священной жертвѣ»? Конечно нѣтъ. Такая диллема—или продолженіе забастовки, или подчиненіе правительственному террору—встаетъ только передъ тѣмъ, кто не можетъ перескочить мыслью черезъ рамки пассивной тактики, пассивнаго сопротивленія.

Студенчество должно въ этомъ случаѣ пойти дальше профессоровъ и показать своимъ «учителямъ» примѣръ активной тактики и въ области академическихъ отношеній. Студенчество вернется въ университетъ не затѣмъ, чтобы мирно вкушать плоды подцензурной науки, а затѣмъ, чтобы своими наступательными дѣйствіями освободить науку отъ той цензуры, которую налагаетъ на нее полицейское самодержавіе. «Захватное право» должно воцариться и въ академическихъ залахъ. Систематическое и открытое нарушеніе всѣхъ правилъ полицейско-университетскаго «распорядка», изгнаніе педелей, инспекторовъ, надсмотрщиковъ и шпіоновъ всякаго рода, открытіе дверей аудиторій всѣмъ гражданамъ, желающимъ войти въ нихъ, превращеніе университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ мѣсто народныхъ собраній

и политическихъ митинговъ—вотъ цѣль, которую должно поставить себѣ и выполнить студенчество при возвращеніи въ покинутыя имъ залы. Превращеніе университетовъ и академій въ достояніе революціоннаго народа,—такъ можно кратко формулировать задачу студенчества, поскольку она не выходитъ изъ академическихъ рамокъ. Такое превращеніе, конечно, сдѣлаетъ университетъ однимъ изъ пунктовъ концентраціи и организаціи народныхъ массъ.

Само собой разумѣется, что на этомъ пути революціонное студенчество встрѣтитъ противодѣйствіе не только со стороны правительства. Многіе изъ тѣхъ «радикальныхъ» профессоровъ, которые упиваются своей собственной гражданской доблестью, выражающеюся въ пассивномъ отказѣ читать лекціи, поднимутъ страшный вопль по случаю покушенія революціи на «свободу» науки. Но смущаться этими воплями не слѣдуетъ, не только потому, что «свобода» профессорской «науки», всегда косящей глазами въ сторону правящихъ классовъ,—вещь довольно сомнительной цѣнности, но и потому, что тѣ недолгіе дни до водворенія либеральнаго «порядка», когда университетъ будетъ достояніемъ революціоннаго народа, будетъ трибуной, съ которой въ свободномъ состязаніи будетъ раздаваться всякій голосъ, всякое мнѣніе,—эти недолгіе дни и будутъ днями истинной свободы науки, свободы мысли, свободы изслѣдованія. И можно заранѣе поручиться, что тѣ студенты, которымъ выпадетъ на долю счастье пережить эти дни, не такъ то легко и скоро дадутъ снова запречь себя въ оглобли размѣренно-аккуратной «научной мысли» г.г. профессоровъ.

Конечно, правительство не будетъ спокойно смотрѣть на такого рода «возвращеніе» студентовъ къ «занятіямъ». Если забастовка была для него «бичемъ», то прекращеніе ея окажется «скорпіономъ». И необходимо считаться съ такой перспективой, что правительство очень скоро само будетъ стараться закрыть тѣ университетскія двери, въ которыя оно такъ долго и такъ безуспѣшно старалось насильно втащить студенчество. Но не говоря о морально-политической выгодѣ такой позиціи, при которой не студенты, а правительство является иниціаторомъ «прекращенія науки», обстановка революціоннаго времени, поскольку удастся развить наступательную тактику во всѣхъ сферахъ общественно-политической жизни, даетъ основаніе разсчитывать и на непосредственные успѣхи въ намѣченномъ направленіи. Быть можетъ, даже размѣры этихъ успѣховъ будутъ такъ велики, что правительству не удастся вернуть ту эру «неученія», о которой оно будетъ вздыхать, ибо будетъ слишкомъ поздно.

Но, разумѣется, предѣлами академической жизни задачи студен-

чества не ограничиваются. Оно должно воспользоваться своимъ общеніемъ между собой и съ тѣмъ революціоннымъ народомъ, который устремится въ открытыя двери университета, для того, чтобы организоваться политически, чтобы примкнуть къ опредѣленнымъ политическимъ партіямъ, завязать тѣсныя сношенія съ партійными организаціями, согласовать свою дѣятельность (хотя бы въ предстоящей «избирательной» агитаціи) съ ихъ дѣятельностью и т. д., и т. д. Въ этой области, разумѣется, неизбѣжно партійное разслоеніе студенчества, партійная группировка его. Но и этой группировкѣ собраніе разсыпанной студенческой храмины воедино можетъ только способствовать.

Итакъ, вотъ два пути—продолженіе отжившей свое время и, въ значительной степени, утратившей свое значеніе тактики пассивнаго сопротивленія, или широкая перспектива наступательныхъ боевыхъ дѣйствій съ возможностью играть огромную роль въ активномъ выступленіи передовыхъ массъ на штурмъ стараго порядка. Первый путь, несомнѣнно, гораздо болѣе легкій; второй—чреватъ тяжелой борьбой и тяжелыми жертвами, частичными неудачами, неувѣренностью въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ удастся достигнуть успѣха. Студенчеству предстоитъ выбирать, и мы хотѣли бы, чтобы революціонный смыслъ подсказалъ ему именно этотъ, второй путь.

Ф. Данъ.

Рано пташечка запѣла...

(29 іюля 1905 г. № 107).

Событія на «Князѣ Потемкинѣ» были первымъ раскатомъ надвигающагося народнаго движенія. И достаточно было, однако, этого раската, чтобы господамъ освобожденцамъ стали уже сниться дурные сны. Давно ли г. Струве насъ упрекалъ въ томъ, что мы преждевременно «дѣлимъ шкуру убитаго медвѣдя»? Теперь увидѣвши опытъ рѣшительной борьбы, хотя-бы частичной, хотя-бы неудавшейся, онъ и его присные уже безпокоятся о судьбѣ «шкуры», уже заговорили объ

ся «дѣлежѣ», и какимъ языкомъ заговорили! Еще «демократы» только собираются въ походъ, еще въ первый разъ они промежъ себя рѣшили, что отъ депутацій и адресовъ нечего ждать, что пора апеллировать къ народу, и уже въ головахъ ихъ литературныхъ «регистраторовъ» зрѣютъ контръ-революціонныя идеи! Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust!

Въ № 73 «Освобожденія» г. Струве помѣстилъ статью «Князь Потемкинъ и что же дальше»? Въ № 74 «Освобожденія» помѣщена статья нѣкоего «Освобожденца», написанная тоже подъ впечатлѣніемъ событій на «Потемкинѣ». Г. Струве оговаривается, что онъ согласенъ съ «Освобожденцемъ» лишь въ выводахъ, но не согласенъ съ его мотивировкой. Мы не знаемъ, въ чемъ именно г. Струве не согласенъ съ «Освобожденцемъ», но, сравнивая обѣ эти статьи, мы приходимъ къ заключенію, что нашего любителя «изящной политики», г. Струве, шокируетъ развѣ лишь излишняя откровенность и рѣзкость сужденій его единомышленника, граничащая съ парадоксальностью.

Г. Струве продѣлалъ свой путь отъ марксизма къ либерализму рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ теченіе которыхъ онъ успѣлъ переоцѣнить всѣ цѣнности и отмежеваться отъ насъ по всей линіи. Г. «Освобожденецъ», повидимому, тоже принадлежитъ къ числу «бывшихъ» революціонеровъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не прочь съ нами «роднымъ счесться». Но онъ, видно, такъ быстро отступалъ, что ему еще до сихъ поръ его крутой поворотъ направо представляется въ видѣ нашего столь же внезапнаго поворота налѣво.

Г. Струве выражается мягко: «Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что участіе вооруженныхъ силъ въ политическомъ движеніи страны представляетъ и для дѣла истиной революціи крупныя опасности». Г. «Освобожденецъ» выражается весьма рѣшительно: «Открытую проповѣдь въ Россіи рѣшительнаго выступленія мы считаемъ теперь безумной и преступной». Что-же, это дѣло вкуса, а во вкусахъ мы, какъ извѣстно, сильно расходимся съ либералами и мы бы, пожалуй, не стали спорить противъ рѣшительнаго заявленія неизвѣстнаго намъ г. «Освобожденца». Но, квалифицируя такимъ образомъ тактику, рекомендуемую нами въ настоящее время, г. «Освобожденецъ» имѣетъ наивность утверждать, что не онъ выступилъ противъ революціи, вопреки своему демократическому ярлыку, а что, напротивъ того, мы, русскіе революціонеры, измѣнили своимъ традиціямъ. «Они (представители соціалистическихъ революціонныхъ партій) сразу измѣнили всѣ свои тактическіе взгляды,—говоритъ онъ.—Мы не отрицаемъ, что ихъ теоріи заключали нѣкоторыя основанія для того, что

бы эта перемѣна... не производила впечатлѣнія измѣны своимъ убѣжденіямъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ коренного измѣненія всѣхъ тактическихъ взглядовъ нашихъ революціонеровъ не подлежитъ сомнѣнію». Въ чемъ же проявился этотъ «фактъ», г. «Освобожденецъ»?

Раньше, видите ли, «всѣ были согласны въ одномъ,—что успѣхъ борьбы съ абсолютизмомъ зависитъ отъ сознательности и организованности народныхъ массъ. Теперь наши революціонныя партіи совершено измѣнили свои взгляды. Сознательность и организованность, по крайней мѣрѣ, поскольку ею руководитъ общество (sic!), для нихъ теперь не политическая сила... Теперь для нихъ политическая сила... въ вооруженной силѣ организованнаго народа!»

Мы бы посовѣтовали г. «Освобожденцу» не писать исторіи русской революціонной мысли «по Дебогорію—Мокріевичу и Драгоманову», это, примѣрно, такое же благодарное занятіе, какъ изучать Маркса по Бернштейну. Во-первыхъ, никогда и никакія революціонныя *партіи* въ Россіи не усматривали революціонной политической силы въ сознательности и организованности народа, поскольку ими руководитъ общество, т. е. наша либеральная демократія, уже хотя бы потому, что это общество никогда не руководило и даже не обращалось къ народнымъ массамъ. Недовѣріе къ политической силѣ нашего либерализма есть одна изъ прочныхъ традицій нашей революціонной мысли, и если марксисты, въ противовѣсъ революціонерамъ—семидесятникамъ, указывали на то, что наше либеральное общество можетъ еще сыграть извѣстную роль въ борьбѣ за свободу, то они *обу*словливали это всегда развитіемъ рабочаго движенія, которое придастъ храбрость либераламъ. И, въ концѣ концовъ, рѣшающей *революціон*ной силой въ нашей буржуазной революціи они считали пролетаріатъ, и только пролетаріатъ.

Во-вторыхъ, мы, соціалдемократы, поставившіе на очередь вопросъ о рѣшительномъ выступленіи, теперь, какъ и прежде, очень высоко цѣнимъ политическую силу, вытекающую изъ сознательности и организованности народныхъ массъ, руководимыхъ революціонными партіями, а не «обществомъ». Но это тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать апеллировать къ физической силѣ народа, что первое второе обусловливаетъ: развитіе политическаго сознанія у народа въ рабской Россіи должно было, раньше или позже, привести народъ къ физическому столкновенію съ самодержавнымъ правительствомъ. Развитіе политическаго *со*знанія въ народѣ потому и представляло всегда величайшую опасность для стараго порядка, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ росла рѣшимость народа поддержать свои политическія притязанія силой. Это

всегда сознавали революціонныя соціалистическія партіи въ Россіи и, если мы только въ послѣднее время дали очередной лозунгъ—подготовляться къ открытому выступленію, то и раньше, выдвигая на первый планъ пропаганду и агитацію, мы всегда имѣли въ виду моментъ наступленія гражданской войны и въ своей пропагандистской и агитаціонной дѣятельности мы усматривали, между прочимъ, лучшее средство для этой цѣли.

Да и полно! Дѣйствительно ли г. «Освобожденецъ» такъ наивенъ, дѣйствительно ли онъ думаетъ, что давленіе на правительство физической силой массъ находится въ противорѣчіи съ давленіемъ на правительство силою политической сознательности? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. «Стихійный взрывъ народнаго гнѣва», пишетъ онъ, «обыкновенно бываетъ даже полезенъ революціи, именно благодаря тому, что онъ облегчаетъ арміи, а особенно офицерству, отказъ отъ примѣненія вооруженной силы и открываетъ переходъ на сторону народа». Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что «рѣшительное выступленіе можетъ быть оправдано только тогда, когда оно возникаетъ стихійно... Открытая проповѣдь такого выступленія, въ противоположность стихійно возникшему, особенно вредна еще и потому, что она деморализуетъ армію... Для того, что бы придать своимъ требованіямъ большій вѣсъ, мы должны привлечь на свою сторону армію, а особенно офицерство». Ту же самую мысль, хотя и облеченную въ болѣе пышную форму, высказываетъ г. Струве: «Чтобы войска могли явиться могучимъ факторомъ политическаго переворота—классовая рознь офицеровъ и солдатъ должна исчезнуть передъ единствомъ дѣйствій, продиктованнымъ идеей національнаго освобожденія». Теперь для насъ ясно, чего собственно хотятъ наши «демократы», г.г. Струве и «Освобожденецъ». Они ничего не имѣютъ противъ возстанія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ жертвъ для народа, точно также, какъ либералы въ свое время ничего не имѣли противъ войны и тому подобныхъ стихійныхъ факторовъ, дезорганизующихъ правительство. Но они хотятъ, чтобы всѣ эти стихійно-разрушительныя силы были политически использованы «обществомъ» при поддержкѣ офицерства, составляющаго плоть отъ плоти, кость отъ кости этого общества. Они хотятъ, чтобы народныя силы слѣпо и покорно шли на поводу у «истиннаго представителя націи»—у либеральнаго общества. Они ничего не имѣютъ противъ того, чтобы «чернь» дѣлала революцію, лишь бы только въ народѣ не укрѣпилось вредное сознаніе «права на революцію», дурная «привычка къ гражданской войнѣ». Пусть народъ участвуетъ въ облавѣ на медвѣдя, лишь бы не участвовалъ въ дѣлежѣ медвѣжьей шкуры.

Вы видите, потуги г. «Освобожденца» доказать, что революціонныя соціалистическія партіи перемѣнили коренным образомъ свою тактику, имѣютъ, сознательно или безсознательно, цѣлью скрыть его собственную измѣну демократіи.

Эта же цѣль скрывается и за другимъ аргументомъ г. «Освобожденца», направленнымъ противъ насъ. «Проповѣдь рѣшительнаго выступленія безумна», говоритъ онъ, «потому что побѣда надъ вооруженными силами правительства зависитъ отъ случайности, и пораженіе революціонеровъ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ ихъ побѣда. А въ случаѣ пораженія, неминуемо послѣдуетъ усиленіе позиции правительства»... И въ данномъ случаѣ г. «Освобожденецъ» считаетъ нужнымъ сослаться на опытъ нашихъ революціонныхъ партій; и въ данномъ случаѣ онъ старается доказать преемственность между его взглядами и прежними взглядами «самыхъ видныхъ изъ литераторовъ» революціоннаго лагеря. Онъ цитируетъ слова Плеханова изъ брошюры «Соціализмъ и политическая борьба»: «Мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ разсчетъ, во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленія общественной среды и торопились возвести временно благопріятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствій въ универсальный принципъ, исключающій всѣ другіе способы и пріемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ». Итакъ, Плехановъ еще въ 83 году спорилъ противъ тактики, разсчитанной на случайности; успѣхъ выступленія зависитъ отъ случайности; стало быть, мы, соціалдемократы, пропагандирующіе такое выступленіе, измѣнили своимъ убѣжденіямъ, а г. «Освобожденецъ» является выразителемъ нашихъ лучшихъ революціонныхъ традицій. Не поторопились ли вы, г. «Освобожденецъ», со своимъ выводомъ? Плехановъ въ указанномъ мѣстѣ споритъ противъ народовольческой теоріи «захвата власти». Онъ доказываетъ, что эта теорія построена въ разсчетѣ на маловѣроятную «случайную» диктатуру группы революціонеровъ-разночинцевъ, что въ Россіи, при современныхъ условіяхъ, диктатура единственнаго революціоннаго класса, способнаго осуществить соціалистическій идеалъ этихъ революціонеровъ, еще невозможна; что, когда эта возможность дѣйствительно наступитъ, этотъ революціонный классъ не допуститъ замѣны его диктатуры диктатурой кучки разночинцевъ-интеллигентовъ, что, такимъ образомъ, тактика народовольцевъ разсчитана на «случайности», находящіяся въ противорѣчіи съ исторической «необходимостью». Такъ ли обстоитъ

теперь дѣло съ вопросомъ о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ? Мы уже вступили въ эпоху гражданской войны. Развитіе классовыхъ противорѣчій, по всѣмъ видимостямъ, приводитъ насъ къ острому столкновенію, какъ къ логическому выводу изъ всей политической ситуаціи. Тотъ или другой опытъ можетъ случайно оказаться неудачнымъ. Но именно потому, что рѣшительная борьба надвигается у насъ со стихійной силой, каждое такое столкновеніе, несмотря на неудачный исходъ, не обезкураживаетъ народъ, а революціонизируетъ его. Революціоннаго народа не обезкуражили ни «кровавое воскресенье» въ Петербургѣ, ни Лодзинскія, ни Одесскія событія, ни сдача «Потемкина». Напротивъ того, послѣ каждой неудачи въ пролетаріатѣ росла революціонная отвага, зрѣли все болѣе смѣлые планы: въ Петербургѣ рабочіе шли безоружными съ крестомъ; въ Лодзи и Одессѣ рабочіе воздвигали баррикады, а во время возстанія «Потемкина» уже возникла конкретно мысль о захватѣ города и всего южнаго побережья и о провозглашеніи республики... Спрашивается, строятъ ли с.-д., свою тактику на случайностяхъ или на тенденціяхъ исторической дѣйствительности? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ г. «Освобожденецъ», равно какъ и г. Струве, могли бы легко отвѣтить, если бы ихъ буржуазная природа не поставила ихъ въ противорѣчіе съ этой самой исторической дѣйствительностью, еслибъ робкая логика ихъ классоваго инстинкта не пасовала передъ революціонной логикой фактовъ. Послушайте, напримѣръ, въ какихъ дебряхъ софистики запутался г. Струве «страха ради іудейска».

«Всякія отдѣльныя революціонныя вспышки въ войскахъ,—говоритъ онъ,—оставаясь неизбѣжно неудачными, могутъ, въ то же время, для дальнѣйшаго политическаго развитія Россіи оказаться вредными, пріучая страну къ идеѣ и практикѣ «пронунціаменто». Главное, къ чему мы должны стремиться, это чтобы армія, въ лицѣ ея сознательныхъ и руководящихъ элементовъ, духовно отпала отъ самодержавія».

Г. Струве человѣкъ образованный; г. Струве хорошо знаетъ, что всегда и всюду «практика пронунціаменто» заключалась въ томъ, что кучка офицеровъ устраивала заговоры, опираясь на безсознательную армію. Какимъ же образомъ г. Струве, который самъ возлагаетъ надежды именно на офицерство, на «сознательные и руководящіе элементы въ арміи», который усматриваетъ опасность въ развитіи классоваго сознанія у солдатъ, какимъ образомъ онъ взваливаетъ на возстанія, вродѣ Потемкинскаго, обвиненіе въ томъ, что они пріучаютъ страну къ практикѣ пронунціаменто? Гдѣ были на «Потемкинѣ» заговорщики офицеры, устроившіе пронунціаменто? Не въ матросской ли

организаціи Крымскаго Соц-Дем. Союза? Гдѣ была та толпа солдатъ, которая слѣпо шла за коноводами офицерами? Не тѣ ли это матросы которые, устранивъ своихъ офицеровъ, выбрали себѣ свободно всю администрацію? Очевидно, что страхъ передъ народомъ кое у кого помрачаетъ сознаніе и заставляетъ видѣть вещи вверхъ ногами.

Г. Струве и г. «Освобожденецъ» очень обстоятельно распространяются о томъ, что пропаганда рѣшительной борьбы повредитъ дѣлу революціи, дѣлу національнаго освобожденія Россіи. Но читатель этихъ статей не можетъ не чувствовать, что у авторовъ «умыселъ другой тутъ былъ», и подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ письмахъ самое интересное и существенное стыдливо прячется въ post-scriptum'ѣ, такъ и у нашего г. «Освобожденца» нѣсколько случайныхъ отступленій въ концѣ статьи даютъ ключъ къ разгадкѣ главныхъ страховъ и опасеній, которые возбудили у нашихъ «демократовъ» событія на «Потемкинѣ». Г. «Освобожденецъ» меланхолически задумывается надъ послѣдствіями, которыя могутъ возникнуть изъ того, что народъ пріучится силой защищать свои права, и его разстроенному воображенію рисуются мрачныя картины. «Побѣдителями надъ самодержавнымъ правительствомъ могутъ оказаться небольшія кучки городского населенія»—пишетъ онъ. «Эти кучки городского населенія... могутъ предъявить претензіи на привилегированное положеніе въ управленіи государствомъ, исходя изъ того положенія, что политическая сила—есть физическая сила... Они будутъ даже отрицать авторитетъ Учредительнаго Собранія... такъ какъ Учредительное Собраніе въ Россіи будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, на 80 процентовъ изъ представителей сельскаго населенія и его рѣшенія могутъ не понравиться слоямъ городского населенія... Они будутъ заставлять избирателей производить выборы въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ... будутъ вымогать у Учредительнаго Собранія противоположныя рѣшенія тѣмъ, которыя оно приняло бы при свободѣ рѣшеній».

Вотъ это цѣнное признаніе! Предъ нами стоитъ проклятый вопросъ, какъ разбудить политическое сознаніе народа, который цѣлыя столѣтія находился подъ рабскимъ гнетомъ, какъ завоевать Учредительное Собраніе, какъ устранить безконечныя препятствія для свободнаго выраженія народной воли въ этомъ Собраніи, препятствія, коренящіяся въ унаслѣдованномъ отъ прошлаго полицейскомъ аппаратѣ, въ нуждѣ, въ забитости народа, во всевозможныхъ формахъ соціальной и политической зависимости его; предъ нами стоитъ проклятый вопросъ, какъ освободить выборы въ Учредительное Собраніе отъ давленія всѣхъ темныхъ и мрачныхъ силъ реакціи; а наши идеа-

листы—демократы уже безпокоятся о томъ, какъ бы не пострадалъ въ будущемъ абсолютный принципъ неприкосновенности «народнаго» представительства отъ посягательства революціоннаго пролетаріата; они уже заблаговременно безпокоятся о томъ, какъ бы этотъ пролетаріатъ насильно не навязалъ свою волю отсталому населенію страны!

Народное представительство по либеральному рецепту съ двухпалатной системой и прерогативами короны, народное представительство, созданное обществомъ, раздираемымъ классовыми противорѣчіями, обществомъ, въ которомъ разныя формы современнаго капиталистическаго гнета причудливо сочетаются со всевозможными пережитками феодальнаго гнета, народное представительство, созданное подъ сугубымъ давленіемъ этого многообразнаго классоваго порабощенія, возводится нашимъ «демократомъ» въ «абсолютное», непогрѣшимое и неприкосновенное воплощеніе національной воли, подобно тому, какъ «сознательность и организованность подъ руководствомъ общества», т. е. общественное мнѣніе либеральной буржуазіи, имъ же возводится въ абсолютную форму національнаго самоопредѣленія, въ абсолютное воплощеніе національной мысли. Съ высоты этихъ «абсолютовъ» нашъ идеалистъ-демократъ перестаетъ отличать добро отъ зла, поскольку добро борется со зломъ за свои низменные, «условные» историческіе интересы всѣми средствами, которыми оно располагаетъ. «Проповѣдь рѣшительной борьбы преступна,—говоритъ г. «Освобожденецъ»,—потому что... провоцируетъ правительство къ новымъ и новымъ насиліямъ, къ новому и новому пролитію крови, къ новымъ убійствамъ».

Только общественное мнѣніе (т. е. мнѣніе либеральнаго общества) сможетъ вынести категорическій приговоръ надъ тѣмъ, что есть добро и что есть зло. Съ того момента, какъ народъ пересталъ апеллировать къ этому общественному мнѣнію, съ того момента, какъ народъ рѣшилъ противопоставить силѣ азіатскаго правительства свою собственную силу, онъ лишился благодати свыше. На войнѣ, такъ на войнѣ! Разъ народъ объявилъ правительству войну, то кто теперь сможетъ упрекнуть правительство въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ силѣ?

Правда, правительство разстрѣливало девятаго января безоружную толпу, правда, оно поступаетъ такъ на каждомъ шагу; но развѣ это не оправдывается военной стратегіей, развѣ на войнѣ примѣнимы правила поединка? Развѣ съ того момента, какъ объявлена война, непріятель не имѣетъ права прибѣгать къ военной хитрости и застигать насъ врасплохъ?

Такъ разсуждаетъ нашъ «демократъ», такъ въ его душѣ мирно и дружно уживаются теоретическій идеализмъ съ практическимъ безстыдствомъ! И у г. Струве не нашлось въ запасѣ ни одного слова негодованія противъ этихъ разсужденій его корреспондентовъ.

«Демократъ» Струве понималъ, гдѣ искать виновнаго, когда отдѣльные «герои» совершали террористическіе акты, онъ пересталъ понимать это, когда на сцену выступилъ коллективный герой въ лицѣ народа. Да и что удивительнаго въ томъ, что либералы, играющіе роль пассивныхъ зрителей кровавой борьбы между народомъ и правительствомъ, въ концѣ концовъ, пріучаются, подобно Пилату, умывать руки?

Тамъ, гдѣ исходъ борьбы рѣшается силой, тамъ исчезаетъ критерій справедливости, говоритъ г. «Освобожденецъ». Для кого исчезаетъ? Для васъ, наблюдающаго эту борьбу, какъ зритель въ циркѣ? Но думаете ли вы, что и народъ, защищающій свои права, тѣмъ самымъ лишилъ себя критерія справедливости? Думаете ли вы, что народъ относится къ своей борьбѣ съ самодержавной бюрократіей, какъ къ гладіаторскому бою, что онъ забылъ о своей правотѣ и о преступности правительства? Впрочемъ, какую цѣну имѣетъ для г. освобожденца-идеалиста, приверженца абсолютной истины и абсолютной справедливости,—условная, «эгоистическая», классовая мораль народа, его классовыя понятія о правотѣ и виновности?

Мы говоримъ, что г. «Освобожденецъ» относится къ народной борьбѣ, какъ праздный зритель. Это не совсѣмъ точно. Пока народъ борется, истекая кровью, нашъ идеалистъ-демократъ придумываетъ средства для обезпеченія прочности будущаго общественнаго порядка. Его воображенію рисуются ужасы французской революціи, онъ вспоминаетъ санкюлотовъ парижской коммуны, диктовавшихъ свою волю Конвенту,—и онъ заранѣе изобрѣтаетъ разныя мѣры предупрежденія и пресѣченія этихъ преступленій противъ абсолютнаго принципа неприкосновенности народнаго представительства. Онъ недоволенъ организаціей «комитетовъ самообороны» противъ хулигановъ, усматривая въ нихъ, не безъ основанія, зародыши будущей революціонной арміи народа. Онъ предлагаетъ замѣнить эти комитеты самообороны народной милиціей, подъ которой онъ понимаетъ, повидимому, стражниковъ, служащихъ по найму у нашихъ буржуазныхъ думъ, нѣчто вродѣ пресловутой летучей гвардіи (garde mobile) 48 года, отличившейся въ іюньскіе дни. «Народная милиція, говоритъ онъ, должна быть учреждена прежде всего для борьбы съ черными сотнями и громилами. Ей придется дѣйствовать и тогда, когда какія-нибудь общественныя

группы, вмѣсто того, чтобы предоставить рѣшенія государственныхъ вопросовъ Всенародному Учредительному Собранію, избранному всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, вздумаютъ рѣшить ихъ насиліемъ или, когда они захотятъ, опираясь на свою физическую силу, вынудить у народнаго собранія то или другое рѣшеніе». Это мило! Когда народъ возсталъ противъ своихъ угнетателей, нашъ «демократъ» лишаетъ его своей благодати, ибо народъ принизилъ вопросъ права до вопроса силы. Когда освобожденное буржуазное общество выпуститъ свору своихъ наемныхъ солдатъ противъ пролетаріевъ, на немъ будетъ почивать благодать вѣчныхъ принциповъ истины и справедливости—на этотъ разъ сила превратится въ право. Таковъ идеализмъ нашихъ «демократовъ»!

Только что начинается великая русская революція, только что начинаетъ окрыляться въ борьбѣ съ старымъ порядкомъ буржуазная демократія, а ужъ какія рѣчи срываются съ устъ ея «птенцовъ», уже какія мысли бродятъ въ ихъ головѣ! А соціалдемократію упрекаютъ еще за то, что она держитъ всегда камень за пазухой!

Мартыновъ.

Либеральныя измѣны.

(24 сент. 1905 г. № 111).

Цѣлый рядъ фактовъ, происшедшихъ за послѣднее время, свидѣтельствуетъ о глубокомъ деморализованномъ состояніи, въ которомъ нынѣ находится либеральная оппозиція.

Положеніе о Государственной Думѣ не означало еще практическаго шага на пути къ миру между бюрократіей и либерализмомъ; но оно, несомнѣнно, знаменовало собой готовность потолковать о такого рода шагахъ. Портсмутскій миръ, позорно заканчивающій позорную войну, еще не означаетъ укрѣпленія позиціи абсолютизма; но этотъ миръ свидѣтельствуетъ о намѣреніи собрать всѣ свои силы для борьбы съ революціей.

Буржуазный либерализмъ въ западно-европейскихъ странахъ быстро начиналъ измѣнять народу, какъ только, хотя бы слегка, прикасался къ государственной власти. Буржуазный либерализмъ русскій отличается тѣмъ, что совершаетъ измѣническія дѣянія въ счетъ бу-

дущаго, довольствуясь однимъ раздраженіемъ обонянія, предвкушеніемъ будущаго насыщенія. Недаромъ, этотъ либерализмъ любитъ щеголять своимъ «идеализмомъ».

Буржуазный либерализмъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ объявилъ бойкотъ бюрократіи въ цѣломъ рядѣ поприщъ, въ которыхъ бюрократія предлагала ему совмѣстныя дѣйствія подъ своей опекой. Необходимость бойкота вызывалась резоннымъ опасеніемъ, что сотрудничество на этихъ поприщахъ скомпрометируетъ либерализмъ, сдѣлавъ его пособникомъ и попустителемъ бюрократіи. Въ настоящее же время замѣчается возвращеніе видныхъ группъ буржуазіи на покинутыя позиціи, формально приводящее ихъ къ положенію союзниковъ абсолютизма.

Либеральные промышленники, отказавшіеся въ свое время участвовать въ комиссіи Коковцева по рабочему вопросу, теперь обращаются къ тому же Коковцеву съ жалобой на отсутствіе «мѣропріятій» по рабочему вопросу и выслушиваютъ отъ него насмѣшливое напоминаніе, что пріостановка работъ комиссіи произошла по желанію самихъ представителей промышленности, считавшихъ ея засѣданія безполезными. Министръ финансовъ при этомъ заявляетъ, что онъ, съ своей стороны, готовъ возобновить совмѣстную работу, прерванную отказомъ фабрикантовъ.

А рядомъ съ этой поѣздкой столичныхъ промышленниковъ въ Каноссу, ихъ бакинскіе товарищи, нѣсколько разъ торжественно обѣщавшіе бакинскому пролетаріату поддержку его политическихъ требованій, нынѣ, послѣ грандіознаго избіенія армянъ, подмѣняютъ свои прежнія требованія объ организаціи милиціи, объ удаленіи полицейскихъ устроителей погромовъ, о введеніи свободъ организацій—требованіемъ высылки «неблагонадежныхъ», усиленія военнаго гарнизона и... «субсидіи» изъ народныхъ денегъ на возмѣщеніе убытковъ, вызванныхъ разгуломъ царскихъ башибузуковъ.

Прибавимъ къ этому, что та же армянская буржуазія, которая царитъ въ Баку, въ другомъ мѣстѣ—въ Асхабадѣ,—обсуждая, вмѣстѣ съ магометанскими своими конкуррентами, вопросъ о предотвращеніи въ западной области національной рѣзни, начинаетъ съ ходатайства передъ властями о выселеніи неблагонадежныхъ политически элементовъ обоихъ народовъ.

Но что говорить объ «армяшкахъ» всероссійскаго купечества! Мѣра ихъ гражданскаго мужества никогда не считалась чрезвычайной. Обратимъ же свой взоръ къ буржуазіи землевладѣльческой, къ центральной группѣ отечественныхъ либераловъ.

Такъ называемая «общеземская» организація рѣшила дѣло помощи

голодающимъ крестьянамъ вести совмѣстно съ бюрократическимъ «Краснымъ Крестомъ».

Бойкотъ—и всесторонній бойкотъ—Краснаго Креста сталъ однимъ изъ лозунговъ либерализма и демократіи, какъ протестъ противъ постояннаго стремленія бюрократіи связать по рукамъ и ногамъ всякую общественную самодѣятельность въ сферѣ «филантропій». Отказъ отъ этого бойкота со стороны земскихъ либераловъ означаетъ важную уступку, сдѣланную ими самодержавію. Какими же соображеніями вызвана эта уступка? Ужъ не тѣмъ ли разсчетомъ, что совмѣстная съ Краснымъ Крестомъ организація этого дѣла позволитъ поправить дѣла «стѣсненныхъ» землевладѣльцевъ на мѣстахъ?.

Но характернѣе и знаменательнѣе всѣхъ этихъ маленькихъ и грязненькихъ измѣнъ та, которую практикуютъ теперь по всей линіи гг. профессора. Съ поразительнымъ единодушіемъ они перебѣжали на сторону реакціи, какъ только почуяли запахъ чечевичной похлебки «автономіи», пожалованной имъ «временными правилами» 27 августа.

Революціонное студенчество очень единодушно пошло по пути, на который мы указывали, по пути замѣны пассивнаго бойкота высшихъ учебныхъ заведеніи открытымъ пріобщеніемъ ихъ къ народному революціонному движенію. Резолюціи студентовъ Петербурга, Москвы, Кіева и Томска одинаково провозглашаютъ необходимость вновь раскрыть двери высшихъ учебныхъ заведеній съ цѣлью превращенія послѣднихъ въ «революціонныя трибуны».

Бойкотъ учебныхъ заведеній сыгралъ ту положительную роль, которую онъ, вообще, могъ выполнить. Студенчество произвело внушительную демонстрацію и внесло свою долю въ дѣло дезорганизаціи правительственнаго механизма. Профессорскія корпораціи были вынуждены примкнуть къ студенческому движенію. Дальнѣйшее революціонизирующее дѣйствіе бойкота не предвидѣлось: правительство и общество приспособились къ такому явленію, какъ закрытіе учебныхъ заведеній. Естественно поэтому, что студенчество охотно сняло бойкотъ, чтобы той же политической цѣли добиваться новыми средствами, соотвѣтствующими тому росту революціоннаго движенія, который отмѣчаетъ собой протекшій годъ.

Студенческая забастовка была вызвана всей совокупностью политическаго безправія, тяготѣющаго надъ Россіей; послѣднимъ же толчкомъ, распространившимъ ее на всѣ высшія учебныя заведенія, была бойня 9-го января. Присоединившись въ то время къ студенческой забастовкѣ, профессора выдвигали, мотивируя ее, тѣ же самыя сообра-

женія объ общемъ политическомъ положеніи и о невозможности «спокойныхъ» занятій въ разгарѣ гражданской войны.

Въ настоящее время, какъ только профессорамъ обѣщано внутреннее самоуправленіе ихъ коллегіи, они заговорили инымъ языкомъ

Лейбъ-органъ профессорскаго «сословія» «Русс. Вѣдомости» въ № отъ 7-го сентября заявляетъ:

«Если большинство студенчества выскажется въ пользу занятій, и высшія учебныя заведенія начнутъ функціонировать, то поддержаніе правильнаго хода учебной жизни будетъ существенно обусловливаться готовностью самихъ студентовъ тому содѣйствовать». Расписывая далѣе тѣ идиллическія отношенія, которыя, благодаря «автономіи», воцарятся между студентами и профессорами, какъ старшими и младшими членами академической корпораціи, профессорскій органъ приглашаетъ студентовъ свободно высказывать свои пожеланія профессорамъ. «Но при всѣхъ этихъ пожеланіяхъ и заявленіяхъ необходимо считаться съ основными задачами и условіями дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній и умѣть разумно согласовать желательное съ возможнымъ. Въ академическихъ стѣнахъ можетъ, напримѣръ, быть осуществлена широкая свобода собраній, но при условіи, что это будутъ собранія студенческія; университетъ не можетъ и не долженъ быть мѣстомъ для митинговъ. Студенты въ цѣломъ и въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей должны сознать, что каковы бы ни были политическія убѣжденія въ ихъ средѣ, они нравственно обязаны, находясь въ стѣнахъ своего учебнаго заведенія, имѣть въ виду, прежде всего, интересы общіе для всей корпораціи, не допуская такихъ коллективныхъ стремленій и проявленій, которыя грозятъ подвергнуть риску существованіе университета (курс., нашъ). Юношеская способность къ увлеченію должна умѣряться разумнымъ мышленіемъ... Академическая корпорація, профессора и студенты должны общими усиліями поддерживать и укрѣплять этотъ корпоративный духъ, ограждать отъ постороннихъ вліяній достоинство университета, и осуществлять въ немъ принципы свободы и право порядка».

Благоуханіе полицейскаго участка, которымъ отдаетъ отъ всей пошлой тирады, яснѣе всего покажетъ студенчеству, какого рода «старшихъ братьевъ» оно встрѣтитъ, вернувшись въ университетъ, въ лицѣ своихъ просвѣщенныхъ наставниковъ. Продажныя твари, неуспѣвшія еще смыть позора тѣхъ дней, когда онѣ отдавали, по приказу Боголѣпова, студентовъ въ солдаты, теперь спѣшатъ отречься отъ политическихъ обязательствъ, данныхъ ими студенчеству полгода назадъ;

спѣшатъ за льготы, полученныя ихъ группой, продать то самое студенчество, которое своей кровью, своими жертвами завоевало имъ нѣкоторую свободу отъ полицейскаго вмѣшательства въ ихъ корпоративныя дѣла. Они спѣшатъ расписаться въ томъ, что принимаютъ новую «реформу» въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ ее затѣяла бюрократія: они берутъ, за круговой отвѣтственностью, на себя то дѣло обузданія революціоннаго студенчества, которымъ до сихъ поръ занималось полицейское вѣдомство. Вчера еще они говорили, что свободный университетъ возможенъ только въ свободномъ государствѣ; сегодня они берутся доказывать, что освобожденный отъ нѣкоторыхъ формъ полицейскаго порабощенія университетъ долженъ жить въ сторонѣ отъ общегосударственной жизни, ограждая себя отъ всякихъ «постороннихъ вліяній». Вчера еще они протестовали противъ недопущенія евреевъ и «неблагонадежныхъ» въ высшія школы; сегодня они требуютъ отъ студентовъ, чтобы они не впускали въ аудиторіи никого изъ «постороннихъ» (распоряженіе «автономной» московской профессорской коллегіи). Вчера они на засѣданіяхъ своихъ корпорацій, вопреки закону, занимались составленіемъ политическихъ резолюцій; сегодня они требуютъ, чтобы студенты, согласно закону, не занимались на собраніяхъ своей корпораціи такими вопросами, за которые начальство можетъ разсердиться на университетъ.

Во главѣ этого похода профессоровъ поспѣшилъ стать Максимъ Ковалевскій, обратившійся съ воззваніемъ къ студентамъ о прекращеніи «безпорядковъ». Г-нъ М. Ковалевскій давно уже показалъ, что онъ, даже находясь въ опалѣ, умѣетъ заботиться о своей карьерѣ. Въ открытомъ имъ въ Парижѣ «вольномъ» университетѣ онъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, исправлялъ функціи полицейскаго наблюдателя in partibus infidelium за благонадежностью студенчества и за тѣмъ, чтобы оно своимъ поведеніемъ не огорчало посольской полиціи въ Парижѣ, а въ началѣ русско-японской войны онъ счелъ удобнымъ поправить свою собственную репутацію «неблагонадежнаго» шовинистическимъ выступленіемъ въ печати противъ Японіи. Теперь, наканунѣ выступленія своей кандидатуры въ Думу, этотъ безпринципный карьеристъ вылѣзаетъ въ роли «умиротворителя» студентовъ, рядомъ съ гг. Гольцевымъ и Карѣевымъ, которые изо всѣхъ силъ стараются доказать, что не «шкурныя» соображенія диктуютъ профессорамъ ихъ позорное поведеніе. О, конечно, не шкурныя въ томъ смыслѣ, чтобы эти господа, предавъ студентовъ, въ самомъ дѣлѣ, получили отъ правительства значительныя выгоды! Нѣтъ! Когда они

осуществятъ это предательство, бюрократія на ихъ шкурѣ покажетъ имъ, что они измѣнили слишкомъ рано...

Въ № 76 «Освобожденія» нѣкій «членъ академическаго союза» «принципіально протестуетъ» противъ тактики, которую мы предложили студентамъ. Осуществленіе ея, говоритъ профессоръ «въ окончательномъ счетѣ ведетъ къ разгрому высшаго образованія не хуже мѣропріятій храбраго генерала» (Глазова). Это, замѣтьте, заявляетъ человѣкъ, который нѣсколькими строками выше утверждаетъ, что, хотя большинство профессоровъ являются «политиками по-неволѣ», но общая позиція этого большинства состоитъ въ признаніи неотложной необходимости коренной реформы существующаго строя», какъ необходимаго условія самаго функціонированія высшихъ учебныхъ заведеній. Но, если безъ коренной политической «реформы», функціонированіе является какъ бы фиктивнымъ, то что значитъ это безпокойство по поводу могущаго, якобы, послѣдовать «разгрома» высшей школы? Видимое противорѣчіе вполнѣ разрѣшается заявленіемъ профессора, что академическій союзъ «долженъ отстаивать интересы и существованіе высшаго образованія, какъ отъ посягательствъ полицейскаго самодержавія, такъ и отъ увлеченія боевой революціонной пропаганды» (курс. нашъ). Спасибо за откровенность! Пусть студенчество вникнетъ въ эти слова и, со своей точки зрѣнія, оцѣнитъ нынѣшнюю позицію профессоровъ. Когда то они и ихъ либеральные сотоварищи въ прессѣ разъясняли студентамъ, что борьба правительства и реакціонеровъ противъ студенческой «политики» есть то же проявленіе опредѣленныхъ политическихъ интересовъ, и именно интересовъ реакціонныхъ; эта формула «чисто академическіе интересы» прикрывала стремленіе обратить университеты въ оплотъ полицейскаго порядка. Теперь студенты могутъ видѣть, что и новѣйшіе лозунги профессорскаго либерализма являются проведеніемъ опредѣленной партійной политики, политики умѣреннаго либерализма, озабоченнаго борьбой противъ «боевой революціонной пропаганды». На первыхъ своихъ сходкахъ студенчество высказалось противъ умѣренно-«либеральной» политики; оно съумѣетъ, мы увѣрены, отбить всякія репрессіи со стороны измѣнниковъ профессорскаго либерализма.

Впрочемъ, прежде чѣмъ приступить къ репрессіямъ, профессора пробуютъ «попугать» студентовъ... собственной забастовкой. Въ Петербургскомъ Политехникумѣ они объявили, что выйдутъ въ отставку (см. «Наша Жизнь» отъ 13 сентября), если студенты примутъ проектированную ими резолюцію о предоставленіи студенческихъ аудиторій

для народныхъ митинговъ. Несмотря на угрозу, студенты приняли резолюцію, хотя и съ ненужнымъ смягченіемъ (предоставленіе подъ митинги не аудиторіи, а зданія общежитія), но, по существу, столь-же непріятную профессорамъ. Тѣмъ не менѣе послѣдніе не поспѣшили исполнить свою угрозу.

Борьба студенчества противъ вооруженныхъ «автономіей» профессоровъ—укротителей революціоннаго движенія становится абсолютно необходимой, если студенчество не желаетъ содѣйствовать одной изъ либеральныхъ группъ въ совершеніи теперь же измѣны освободительному движенію. Бороться съ этими тенденціями, значитъ, держаться той программы дѣйствій, которая большинствомъ студентовъ принята при возобновленіи занятій,—вплоть до образованія упомянутыхъ въ резолюціи петербургскихъ студентовъ «академическихъ легіоновъ» для революціонной борьбы въ рядахъ народа. И для успѣха этой борьбы необходимо, чтобы революціонная часть студентовъ тѣсно примкнула къ организованному пролетаріату и его политической партіи—соціалдемократіи.

Расхожденіе между профессорами и студентами и аналогичные факты, сопровождающіе тѣ явленія предательства другихъ группъ, о которыхъ говорено выше (расхожденіе бакинскихъ инженеровъ съ нефтепромышленниками, протестъ союза врачей противъ соединенія земцевъ съ Краснымъ Крестомъ), являются симптомомъ подготовляющагося формальнаго раскола въ либерально-демократической оппозиціи *), раскола, связаннаго съ положеніемъ о Государственной Думѣ и съ прекращеніемъ войны, ослабившими надежды либерализма на быструю капитуляцію бюрократіи. Ошибаются, конечно, тѣ, кто, подобно «Пролетарію» или «Сыну Отечества», пытаются изобразить «Положеніе 6-го августа», какъ побѣду умѣренной буржуазіи надъ народомъ, какъ результатъ сдѣлки между ней и абсолютизмомъ. На самомъ дѣлѣ, 6-го августа побѣждена именно умѣренная буржуазія, которой самодержавіе отказало въ минимальныхъ политическихъ уступкахъ. Но вѣрно то, что указъ 6 августа, въ связи съ прекращеніемъ войны, создалъ новое политическое положеніе, толкающее радикальные элементы «общества» къ болѣе активной тактикѣ, а его умѣренные эле-

*) Кстати сказать, какъ видитъ читатель, рѣшающимъ моментомъ въ этомъ раздѣленіи является не вопросъ „бойкотъ или не бойкотъ“? по отношенію къ правительственнымъ „реформамъ“, а вопросъ: приспособленіе къ „реформамъ“ или революціонная борьба при помощи тѣхъ „уступокъ“, которыя бюрократіи приходится допускать при дарованіи реформъ?

менты—къ реализацiи врожденныхъ имъ способностей къ «преждевременнымъ» измѣнамъ. Дѣло пролетарiата позаботиться, чтобы новое положенiе принесло самодержавiю новые и смертельные удары.

Л. Мартовъ.

Крахъ либеральнаго блока.

(8 октября 1905 г. № 112).

Государственная Дума еще не собралась; предвыборная агитацiя—поскольку она вообще возможна въ легальныхъ формахъ—только еще начинается. И все же самая постановка вопроса о собранiи нѣсколькихъ сотъ такъ или иначе выбранныхъ человѣкъ по дѣламъ, касающимся общегосударственнаго законодательства, произвела уже значительную пертурбацiю въ группировкѣ политическихъ силъ, породила страстные споры въ средѣ вчерашнихъ друзей—союзниковъ, послужила реактивомъ, съ большой точностью опредѣлившимъ соцiальную природу различныхъ общественныхъ группъ. Это значитъ, что созывъ Думы, благодаря особой атмосферѣ революцiонной эпохи, имѣетъ большее и качественно иное значенiе, чѣмъ то, которое рисовалось авторамъ закона 6 августа. Это значитъ, что придуманное ими средство «умиротворенiя» страны, введенiя бушующаго моря общественныхъ столкновенiй въ русло «спокойнаго» развитiя, уже теперь, когда оно находится еще im Werden, обострило соцiальные антагонизмы, усилило тѣ столкновенiя общественныхъ группъ, которыя являются источникомъ силы, движущей впередъ революцiю. Это значитъ, что архи-нелѣпа была бы тактика, которая, исходя изъ правильной посылки, что Государственная Дума, по замыслу творцовъ ея, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ одной изъ многочисленныхъ подпорокъ абсолютизма, сдѣлала бы невѣрный выводъ, что Дума и впрямь будетъ играть такую роль въ политической исторiи Россiи, какая желательна была самодержавной бюрократiи; нелѣпа была бы тактика, которая на этомъ основанiи пыталась бы, «обличивъ» Думу и вся иже съ ней, идти къ

«активному выступленію», держа руки по швамъ, не поворачивая головы по сторонамъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на ту группировку общественныхъ силъ, которая создается на почвѣ созыва Булыгинскаго «представительства».

Передъ только что состоявшимся съѣздомъ «земскихъ и городскихъ дѣятелей» вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ всталъ очень остро. Надо было—вещь, всегда очень непріятная!—сказать, что же либеральные земцы и думцы думаютъ, наконецъ, дѣлать? Пока вопросъ о «представительствѣ» плавалъ болѣе или менѣе въ туманѣ, положеніе почтенныхъ либераловъ было довольно выигрышное: можно было «обличать», высказывать требованія, принимать резолюціи. Всѣ эти занятія, несомнѣнно, имѣли весьма полезное значеніе: они служили агитаціоннымъ средствомъ и вносили элементы политической мысли въ слои, для агитаціи революціонныхъ партій недоступные—въ силу ли соціально-прирожденнаго иммунитета, или въ силу отдѣляющей ихъ отъ революціоннаго воздѣйствія толстой стѣны, сложенной изъ традиціонныхъ предразсудковъ и полицейскихъ препонъ. И поскольку—подъ вліяніемъ напора рабочаго движенія и критики соціалдемократіи—либеральныя резолюціи и постановленія должны были подвигаться все болѣе и болѣе «влѣво», они несомнѣнно сыграли нѣкоторую роль въ разрушеніи этой стѣны; они могли проникать сквозь нее по тѣмъ тысячамъ невидимыхъ, извилистыхъ ходовъ, которые создаются «легальной» печатью и арміей служащихъ, занятыхъ въ хозяйственныхъ и культурно-просвѣтительныхъ земскихъ и думскихъ учрежденіяхъ и на почвѣ своей «оффиціальной» работы непосредственно соприкасающихся съ глубокими пластами народной, особенно крестьянской массы. Эта армія несомнѣнно выполняла и выполняетъ «черную работу» внесенія либеральныхъ идей въ деревню. Постепенное «радикализированіе» земскихъ резолюцій облегчало интеллигентному разночинцу выполненіе этой роли проводника либеральнаго тока, ибо роднило почтенныхъ земскихъ и думскихъ «хозяевъ» съ ихъ демократическими «слугами».

Насколько сильно было это чувство «родства» въ его крайнихъ проявленіяхъ, показываетъ примѣръ новаго «народнаго героя»—Куликовскаго. Этотъ членъ «партіи соціалистовъ—революціонеровъ», заявляющій, что его партія «желаетъ» «скорѣйшаго введенія демократической республики» и «уничтоженія частной собственности на землю» «еще наканунѣ происшествія» (покушенія на гр. Шувалова) «принимается за газету съ пламенной надеждой—встрѣтить въ ней опубликованіе давно обѣщаннаго и страстно ожидаемаго обществомъ созыва народныхъ

представителей». Когда же вмѣсто этого «созыва» «онъ» прочелъ, что въ Москвѣ запрещенъ съѣздъ земцевъ, что Шуваловъ разогналъ засѣданіе союза инженеровъ, то это показалось ему нестерпимымъ. «Пріемъ депутаціи либеральныхъ людей и царская рѣчь» заставляли его «надѣяться» и подарить жизнь тому жандарму, на котораго онъ хотѣлъ покуситься. «Но послѣ этого пріема, послѣ извѣстной рѣчи случилось новое звѣрское происшествіе—убійство въ Иваново-Вознесенскѣ. Вѣдь это, съ точки зрѣнія самодержавія, со стороны полиціи есть оскорбленіе величества, не говоря объ издѣвательствѣ надъ либеральной депутаціей». И Куликовскій «взялся исполнить постановленіе Московскаго Комитета убить Шувалова» [1]). Такъ велика была вѣра этого революціоннаго разночинца въ либераловъ, что онъ больно чувствовалъ издѣвательство правительства надъ либералами, и совершенно мимо его сознанія прошло то издѣвательство либераловъ надъ народомъ и надъ своими собственными резолюціями, которое проявилось во всемъ поведеніи и рѣчахъ «депутаціи либеральныхъ людей»... А между тѣмъ, дѣло было такъ ясно, что на іюльскомъ съѣздѣ «самъ» г. И. Петрункевичъ открыто заявлялъ о своемъ желаніи помочь правительству выйти изъ опасности.

Такъ безмятежно шло мирное сотрудничество «соціально-привилегированной интеллигенціи» и «неимущей интеллигенціи», которое такъ пламенно желалъ увѣковѣчить «несгибаемый» г-нъ Струве. Опираясь на это сотрудничество, спекулируя на народное возбужденіе, не успѣвшее еще вылиться въ крестьянствѣ въ рѣзко опредѣленное классовое движеніе, господа либералы умильно поглядывали вверхъ, въ ожиданіи, что своевременная «уступка» ихъ насущнымъ классовымъ интересамъ позволитъ имъ, наконецъ, сбросить съ себя постылый демократическій плащъ, разорвать мезальянсъ съ неимущимъ разночинцемъ и успокоиться на лонѣ цензоваго двухпалатнаго парламента, участвующаго въ «осуществленіи законодательной власти».

Но самодержавно-бюрократическому провидѣнію угодно было распорядиться иначе. Прекрасные дни Аранжуэца минули, и минули безвозвратно. Бѣднымъ земцамъ не суждено было испытать такого полнаго удовлетворенія, какое дала университетская автономія ихъ ученымъ братьямъ во либерализмѣ. А между тѣмъ, профессора показали наглядно, «какъ это могло-бы быть» съ участниками земскаго съѣзда. Получивъ столь любезную имъ «автономію», вчерашніе непримиримые

---

[1]) Всѣ цитаты взяты изъ рѣчи Куликовскаго на судѣ, помѣщенной въ № 77 «Освобожденія».

оппозиціонеры, вопіявшіе о невозможности свободнаго научнаго изслѣдованія въ самодержавномъ государствѣ, сегодня съ такимъ-же жаромъ, по сношеніи съ надлежащими властями, изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы водворить въ университетахъ «порядокъ». Это какъ-бы прообразъ того, что стало бы съ земскимъ либерализмомъ, если-бы его «успокоили» дѣйствительной уступкой. Какъ актеръ, только что игравшій на сценѣ надоѣдливую роль, спѣшитъ, выбѣжавъ за кулисы и ставъ самимъ собой, сбросить ненужный нарядъ и блестящія погремушки, такъ спѣшили-бы земцы освободиться отъ «несвойственнаго» имъ костюма, сшитаго изъ всякихъ «демократическихъ» «четыреxчленныхъ» формулъ и проч. и проч.

Если бы ихъ «успокоили»... Если-бы ихъ могли «успокоить»... Вмѣсто «успокоенія» самодержавная бюрократія дала имъ то, что только и могла дать—Думу. Но Дума въ ея натуральномъ видѣ, безъ тѣни «гарантій»—этого слишкомъ мало для удовлетворенія даже скромныхъ либераловъ. «Успокоить» Дума не могла никого. Даже мистеръ Стэдъ, доѣхавъ до Саратова и убѣдившись, насколько русская практика думскаго «конституціонализма» отличается отъ «англійской» теоріи, вынужденъ былъ растерять добрую долю своего оплаченнаго «оптимизма».

Одного бряцанія оружіемъ оказалось мало. Подъ его воздѣйствіемъ либераламъ не «уступили. Угрозы борьбой оказалось недостаточно. Надо начать самую борьбу. Но какъ бороться? Вотъ «проклятый» вопросъ.

Опереться на народъ—вотъ единственное рѣшеніе, которое возможно. И болѣе дальновидные земцы поняли это. Они рѣшили обратиться къ народу. Но на первыхъ-же шагахъ этого пути они столкнулись съ затрудненіями, заставлявшими мучительно сжиматься ихъ собственническія, землевладѣльческія сердца.

Либеральное евангеліе земскихъ съѣздовъ, какъ мы уже сказали, тысячью различныхъ путей шло «въ народъ». Но тамъ оно сталкивалось съ вліяніемъ, шедшимъ изъ среды революціоннаго пролетарскаго движенія и, благодаря этому, существенно претворялось. То, что для либеральныхъ съѣздовъ было наскоро напяленнымъ демократическимъ костюмомъ, то «низы» принимали совсѣмъ «въ серьезъ». И болѣе того. Проникая въ народную среду, политическія идеи будили одновременно соціальныя стремленія, заставляли ихъ отливаться въ форму опредѣленныхъ соціальныхъ требованій.

Благодаря такому самоопредѣленію «низовъ», стало все болѣе и болѣе невозможно опереться на народъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ

этого желали бы либералы—опереться на сочувствіе народа, а не на его движеніе. Бороться, опираясь на народъ, это значило все болѣе и болѣе—идти въ народъ не затѣмъ только, чтобы создать въ немъ политически—возбужденное настроеніе, а затѣмъ, чтобы примкнуть къ его борьбѣ. Но примкнуть къ борьбѣ народа, значитъ принять требованія народа, принять методы и средства народной, массовой борьбы, значитъ встать на путь, въ конечномъ пунктѣ котораго видится выступленіе на политическую сцену массовой силы...

Но, чтобы пойти такой дорогой, земскимъ либераламъ надо было рѣшиться на тяжелую операцію урѣзыванія своей классовой физіономіи. Задача трудная. Настолько трудная, что передъ нею спасовалъ на первыхъ порахъ даже разночинный союзникъ либеральнаго «барина» —буржуазный демократъ. Онъ испугался необъятности и революціонности выпавшей на его долю задачи и искалъ спасенія въ закоулкѣ «бойкота». Онъ пытался даже это свое бѣгство прикрыть тогой гражданской добродѣтели, «несгибаемой» революціонности. Это плохо удалось ему. Подъ угрозой политической смерти, жизнь повелительно выталкиваетъ демократію изъ «бойкотнаго» тупика; демократія вертится, пытается отговориться фразами объ «активномъ бойкотѣ», но, въ концѣ концовъ, съ оговорками, упираясь, она будетъ вынуждена, если не хочетъ сложить оружія, приняться за то самое дѣло, которое называется революціонымъ участіемъ въ выборахъ. Идея «бойкота», какъ орудія политической «борьбы», несомнѣнно уже теперь похоронена окончательно. И если эти похороны, это отрѣзываніе путей отступленія для буржуазной демократіи есть, дѣйствительно, результатъ той «позорной роли, которую сыграла Искра», какъ увѣряетъ «Пролетарій», то мы можемъ быть довольны этой ролью.

Ну, а земцы? На іюльскомъ съѣздѣ часть ихъ тоже сотрясала воздухъ «бойкотными» рѣчами и, какъ сь наивной откровенностью пояснилъ г. Оппель, дѣлала это затѣмъ, чтобы «напугать» правительство, держать его «подъ угрозой»: можетъ быть, дескать, оно испугается картоннаго грома. На самомъ дѣлѣ, земцамъ, конечно, нечего было и думать искать спасенія въ «бойкотѣ». Въ противоположность демократическому разночинцу, земскій либералъ связанъ съ опредѣленнымъ общественнымъ слоемъ, онъ имѣетъ свою старую соціальную среду и знаетъ, что она за нимъ по этому пути не пойдетъ. И если онъ, Иванъ Ивановичъ, вздумаетъ «бойкотировать», то на его мѣсто всегда найдется десятокъ Петровъ Петровичей, ему же останется почетная, но незавидная доля Цинцината, удалившагося къ своему хозяйству. Новой же соціальной опоры либерализмъ найти еще не успѣлъ. При

такихъ обстоятельствахъ немудрено, что іюльскій съѣздъ малодушно предложилъ отложить рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ Государственной Думѣ, смутно надѣясь, что, быть можетъ, какъ нибудь минуетъ его чаша сія...

Но она не миновала... Передъ послѣднимъ съѣздомъ вопросъ сталъ въ упоръ. Отмалчиваться и откладывать было нельзя. И тутъ сразу оказалось, что для этихъ господъ «бойкотъ» былъ ничѣмъ инымъ, какъ совершенно празднымъ словоизверженіемъ.

Неизвѣстно, г. ли Шишковъ согласился фигурировать въ роли «ненастоящаго представителя», Раевскій ли всталъ «на скользкій путь», Оппель ли рѣшилъ «заранѣе уронить свой авторитетъ», или Колюбакинъ, пожеманившись, отправился въ «непотребное учрежденіе» [1]), только фактъ таковъ, что 172 голосами противъ одного была принята та самая резолюція бюро, которая была «отложена» въ іюлѣ. Итакъ, земцы и думцы рѣшили «участвовать». Но какъ участвовать? Зачѣмъ? Какъ сдѣлать это участіе орудіемъ для достиженія тѣхъ цензовыхъ «гарантій», которыя либерализму безусловно нужны?

Три силы сейчасъ стоятъ угрозой передъ самодержавнымъ правительствомъ: рабочее движеніе, крестьянское движеніе, національныя движенія угнетенныхъ окраинъ. Всѣ эти силы хочетъ либерализмъ использовать для своихъ цѣлей. Готовясь къ вступленію въ Думу, онъ захотѣлъ опереться на нихъ. Ему оказалась нужна программа, которая давала бы отвѣтъ на рабочій, крестьянскій и національный вопросы. Но эти отвѣты заранѣе жгли его явнымъ несоотвѣтствіемъ интересамъ того слоя, землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ, къ которому пуповина еще прикрѣпляетъ либерализмъ. И съѣздъ началъ съ того, что постарался какъ можно дальше отсрочить отвѣтъ на проклятые вопросы. Экономическую программу онъ записалъ въ самый конецъ порядка дня, хотя понималъ, какъ выразился одинъ ораторъ, что она важнѣе всего для народа.

Но, въ концѣ концовъ, непріятными вопросами все же пришлось заняться. И что же? Подаривъ автономію Польшѣ и пробормотавъ нѣсколько туманныхъ резолюцій о децентрализаціи законодательства, надѣливъ крестьянъ землею изъ казенныхъ и удѣльныхъ дачъ, отмѣнивъ выкупные платежи и сейчасъ же потребовавъ новаго выкупа («справедливаго вознагражденія») за тѣ земли, которыя могутъ быть отрѣзаны у помѣщиковъ, наградивъ рабочихъ восьмичасовымъ рабо-

---

[1]) Въ кавычки взяты подлинныя выраженія изъ рѣчей на іюльскомъ съѣздѣ.

чимъ днемъ, либеральный съѣздъ сейчасъ же и эти трусливыя рѣшенія обратилъ въ милую шутку, рѣшивъ не включать ихъ въ свое «воззваніе», въ свою программу. Это значитъ, что передъ задачей—идти въ народъ для участія въ борьбѣ народа—земскій либерализмъ, какъ цѣлое, спасовалъ. Это значитъ, что передъ страхомъ народной революціи, съ ея соціальными требованіями, часть либерализма уже измѣнила тѣмъ политическимъ лозунгамъ, которые она выставляла, когда расчитывала на то, что народъ останется въ роли «сочувствующаго».

Земскій съѣздъ не могъ создать своей программы. Но, такъ какъ «единство» было поставлено выше всего, то это значитъ, что члены его сошлись на реакціонной программѣ: потому что программа, умалчивающая о рабочемъ, аграрномъ и національномъ вопросѣ, не является прогрессивной въ данный моментъ. Земскій съѣздъ не могъ создать своей партійно-политической организаціи. Но, создавъ, опять-таки ради единства, «консультаціонные» избирательные комитеты, онъ далъ этой организаціей опору всѣмъ реакціоннымъ мѣстнымъ вліяніямъ и стремленіямъ [1]). Разбить это единство, значитъ оказать услугу дѣлу революціи. Обличающее и критическое вмѣшательство партіи пролетаріата въ дѣло выборовъ должно содѣйствовать, между прочимъ, и этому раскалыванію либеральнаго лагеря, которому «единство» придаетъ реакціонный цвѣтъ...

Въ томъ же духѣ, какъ вопросы программы, рѣшилъ либеральный съѣздъ и вопросъ объ отношеніи къ Думѣ. Въ своей резолюціи объ участіи въ выборахъ, съѣздъ сказалъ нѣсколько обличительныхъ фразъ по адресу Думы и призвалъ гражданъ войти въ нее, образовать «сплоченную группу» и «черезъ ея посредство», а не черезъ посредство народнаго движенія, «достигнуть гражданской свободы и равенства». Уже эта туманная, рабья резолюція показывала, что не затѣмъ, чтобы сдѣлать изъ Думы всенародную трибуну, думало войти въ «непотребное учрежденіе» большинство членовъ земскаго съѣзда. Нѣтъ; они уже предвкушаютъ всю сладость «постепенной», «мирной» «положительной» работы по части «усовершенствованія». Послѣднія сомнѣнія на этотъ счетъ исчезаютъ, если прочесть составленное бюро съѣзда «воззваніе». Оно прямо говоритъ не о борьбѣ за снесеніе «непотребнаго учрежденія» и замѣну его «потребнымъ», а о «дальнѣйшемъ усовершенствованіи *самой* Думы», оно имѣетъ дерзость сослаться, въ подтвержденіе лояльности своихъ стремленій, на мани-

---

[1]) Кто хочетъ оцѣнить революціонное значеніе этого „объединенія", пусть взглянетъ на списки кандидатовъ, составленные съ точки зрѣнія „единства" и помѣщенные въ „Руси".

фестъ, который тоже говоритъ «о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы» [1]). И воззваніе заканчиваетъ призывомъ избирателей сплотиться вокругъ программы, въ которую входитъ, кромѣ всеобщаго (только «всеобщаго»!) избирательнаго права, «рѣшающій голосъ для Думы». И если резолюція говоритъ о томъ, что Дума—«не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова», то невольно вспоминаются слова Колюбакина на іюльскомъ съѣздѣ, что «непріемлемость проекта обусловливается именно «совокупностью» различныхъ чертъ его. Спрашивается: какое звено изъ цѣпи этой «совокупности» должно выпасть, чтобы сдѣлать Думу вполнѣ «пріемлемой»?

Итакъ, вотъ фактъ: большинство земскихъ либераловъ хочетъ войти въ Думу затѣмъ, чтобы заняться тамъ мирной работой «усовершенствованія» ея. Удастся ли имъ это или нѣтъ—вопросъ другой. Народная революція можетъ придать ихъ пребыванію въ Думѣ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ они того желаютъ, какъ она придастъ самой Думѣ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, какой желали вложить въ нее ея творцы. Но что либералы желаютъ «усовершенствованія»—это несомнѣнно. Какого же сорта это «усовершенствованіе», о томъ свидѣтельствуетъ не только поведеніе г.г. либеральныхъ профессоровъ, но и поведеніе самого съѣзда въ первый же день его засѣданій. Въ отвѣтъ на требованіе министра поставить собраніе подъ надзоръ полицейскаго чиновника, г. Головинъ заявилъ, что бюро охотно приняло эти условія. И въ залѣ не нашлось ни одной руки, которая на щекѣ услужливаго предсѣдателя бюро запечатлѣла бы слѣды этого позора. И, конечно, не отъ этихъ «враговъ бюрократіи», при всей своей враждѣ старающихся даже въ составляемой ими конституціи «держаться языка нашего законодательства» и заботящихся о сохраненіи законовъ о «командованіи арміями» и т. п., не отъ нихъ, привыкшихъ къ скопческому языку канцелярій, можно ожидать огненнаго слова народныхъ трибуновъ.

Послѣдній съѣздъ засвидѣтельствовалъ и окончательно запечатлѣлъ крахъ либеральнаго блока. Передъ политическимъ дѣйствіемъ онъ оказался несостоятельнымъ. Онъ явно умираетъ, и одряхлѣвшее тѣло его распадается на части. Въ противоположность мнѣнію Парвуса, земскій либерализмъ, какъ таковой, не конституировался въ политическую партію; наоборотъ, онъ находится наканунѣ распаденія на

---

[1]) Одно изъ этихъ „усовершенствованій“ уже сдѣлано въ видѣ „оговорки“ № 7, повышающей избирательный цензъ отдѣльныхъ уѣздовъ.

различныя партіи, изъ которыхъ однѣ уже становятся реакціонными, другія—въ союзѣ съ разночинцами—по необходимости должны будутъ подвигаться влѣво, пока такъ же не исчерпаютъ своей прогрессивности, какъ исчерпалъ ее дворянскоземскій либерализмъ. Не даромъ тѣ самыя освобожденскія свахи, вся задача которыхъ заключалась въ сводничествѣ «соціально-привилегированнаго» барина и «неимущаго» разночинца, нынѣ, забывъ о «реальной» политикѣ г. Струве, гремятъ противъ двуличныхъ «примиренцевъ».

Крахъ либеральнаго блока означаетъ безповоротное расхожденіе между «бариномъ» и «разночинцемъ». Разночинецъ долженъ искать себѣ новой соціальной опоры; демократія, чтобы стать реальной политической силой, должна стать народной, крестьянской и мѣщанской демократіей. Мы говорили, сколько болѣзненнаго для разночинца заключается въ этой перемѣнѣ общества «барина» на общество «мужика». Мы говорили также, какъ пытается онъ «бойкотомъ» отвертѣться отъ этой задачи. Но онъ долженъ сдѣлать этотъ шагъ, иначе онъ очутится въ соціальной пустынѣ. И чѣмъ скорѣе онъ сдѣлаетъ его, тѣмъ лучше и полнѣе силы демократіи будутъ использованы въ интересахъ революціи. Толкнуть разночинца въ избирательную кампанію, значитъ содѣйствовать ускоренію превращенія демократіи въ массовую народную силу. И, разумѣется, это «участіе» въ выборахъ должно быть инымъ, чѣмъ солидное участіе земца. Революціонное самоуправленіе, какъ руководящая идея, окрашивающая все участіе въ опредѣленный цвѣтъ, должно безповоротно отдѣлить сторонниковъ «усовершенствованія» отъ сторонниковъ революціи...

Ф. Данъ.

Отдѣлъ III-й:

Война.

Миръ.

Въ тискахъ.

(1 января 1904 г. № 56).

Война съ Японіей надвигается... Спѣшно вооружаются суда, отливаются новыя пушки, заготовляются боевые снаряды, закупаются съѣстные припасы... Спѣшно стягиваются со всѣхъ концовъ Россіи войска, грузятся, какъ живая кладь, въ товарные вагоны и отправляются на Дальній Востокъ... И, быть можетъ, недалека уже та минута, когда грянетъ первый выстрѣлъ, и эти сотни тысячъ одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры молодыхъ рабочихъ и крестьянъ пойдутъ на смерть и увѣчья, за десятки тысячъ верстъ отъ родныхъ городовъ и деревень, подъ японскія бомбы, пули и штыки, и сами понесутъ смерть и ужасъ въ ряды такихъ же крестьянъ и рабочихъ изъ Японіи. Десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ молодыхъ жизней замрутъ на вѣки, десятки и сотни тысячъ вернутся искалѣченными, сотни тысячъ семей осиротѣютъ, потокъ злодѣяній, насилій, грабежей, пожаровъ зальетъ цѣлыя провинціи, смоетъ съ лица земли города и деревни... Самые грубые животные инстинкты, кровожадность, хищничество получатъ полный просторъ, и зараза нравственнаго одичанія распространится на весь народъ... А сотни милліоновъ рублей, добытыхъ потомъ и кровью трудящагося люда и выжатыхъ изъ него хищнической рукой правительства, пойдутъ на покрытіе расходовъ, вызванныхъ этой грандіозной бойней...

Вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ навѣки канули въ вѣчность золотые дни абсолютизма. Никому ненужный, не связанный кровными узами ни съ какимъ прогрессирующимъ классомъ, онъ все больше и больше становился только тормазомъ для экономическаго, культурнаго и общественнаго развитія страны, все больше и больше вынужденъ былъ давить все живое, все растущее ради сохраненія собственнаго своего существованія и все больше и больше держался только по-

дачками господствующимъ классамъ, займами и порабощеніемъ и обнищаніемъ народа.

Стремленіе купить «вѣрноподданническія» чувства крупной буржуазіи, насущнѣйшимъ интересамъ которой угрожало растущее разореніе страны, доставленіемъ ей внѣшнихъ рынковъ, что, при сравнительно низкомъ уровнѣ русской промышленности, равносильно присоединенію къ Россіи все новыхъ и новыхъ земель; необходимость поддержать падающій кредитъ и, главное, позолотить позоръ своей внутренней политики, приведшей страну къ голоду, невѣжеству, разоренію и общему недовольству, блескомъ внѣшнихъ успѣховъ; все это непрерывно толкало и толкаетъ чингисхановъ правительства, проливавшихъ слезы «миролюбія» на Гаагской конференціи, на завоевательныя авантюры.

Шагъ за шагомъ, пользуясь временными затрудненіями другихъ государствъ и всѣми силами стремясь сохранить въ состояніи варварства, слабости и разложенія сосѣднія страны—Турцію, Персію, Китай, Корею—русское правительство спѣшило всюду захватить своими хищными лапами все, что только было возможно. Но каждый захватъ вызывалъ съ роковой необходимостью все новые и новые захваты. Захвативъ Манчжурію, Портъ-Артуръ и Таліенванъ, правительство, для сохраненія ихъ за собою, должно было подумать о томъ, чтобы укрѣпиться въ Кореѣ, безъ владѣнія которой всѣ прежнія «пріобрѣтенія» въ Китаѣ не могутъ быть прочно удержаны. Но тутъ интересы самодержавія столкнулись съ жизненными интересами капиталистической Японіи, для которой Корея—и одинъ изъ главныхъ рынковъ сбыта, и резервуаръ, поглощающій избытокъ сгущеннаго японскаго населенія, и важный стратегическій пунктъ. Изъ-за этого столкновенія моментально выросъ грозный призракъ войны.

Какъ зарвавшійся игрокъ, опьяненный удачей и позабывшій о неминуемомъ часѣ расплаты, стоитъ самодержавное правительство передъ созданнымъ имъ же самимъ положеніемъ, въ страхѣ и нерѣшительности мечется оно, ища исхода, стараясь какимъ нибудь фокусомъ перехитрить историческую Немезиду, несущую ему отмщеніе за всѣ его грѣхи. Глупое фанфаронство, болтовня о «непобѣдимости» русскихъ войскъ—и это наканунѣ пятидесятой годовщины Севастополя!—о твердомъ намѣреніи не отступать отъ своей позиціи—сегодня; трусливое лепетаніе о «миролюбіи», о томъ, что Манчжурія намъ въ сущности вовсе не нужна,—завтра; фантастическія мечтанія, что, быть можетъ, война явится «единственнымъ средствомъ грозою очистить и разрядить воздухъ», наполненный электричествомъ грядущей рево-

люціи; попытки обмануть самихъ себя и разжалобить требующій свободы народъ робкой надеждой на то, что «мелкіе счеты съ полиціей или мѣстныя недоразумѣнія фабричныхъ рабочихъ замолкнутъ сами собой при первомъ боевомъ выстрѣлѣ»; все это со дня на день, на столбцахъ «Новаго Времени» и «Гражданина», отражаетъ предсмертныя судороги режима.

Да, это предсмертныя судороги, потому что абсолютизмъ самъ уже начинаетъ смутно понимать, что, какъ бы ни окончилась разыгрывающаяся теперь на міровой сценѣ трагедія, живымъ онъ изъ нея не выйдетъ. И вѣрный песъ, князь Мещерскій, недаромъ съ тоскою твердитъ, что «какой бы ни былъ блестящій результатъ войны... всѣ виды унынія и неудовлетворенія, какъ отдѣльныя рѣки, сольются въ одно море общаго недомоганія», что на языкѣ «Гражданина» значитъ, конечно, не что иное, какъ неминуемость могучаго подъема революціонной борьбы, которой общій экономическій застой, огромное усиленіе котораго неизбѣжно даже при полной удачѣ военныхъ дѣйствій, придастъ небывалую силу, и которая, наконецъ, смететъ съ лица земли русской позоръ деспотизма!

И это при полной удачѣ! Но можетъ ли правительство разсчитывать на удачу? Не говоря уже о всѣхъ выгодахъ положенія Японіи, воюющей у себя, почти дома, кто можетъ вѣрить въ успѣхи арміи, вся верхушка которой разъѣдена раболѣпствомъ, казнокрадствомъ, взяточничествомъ и даже прямой измѣной, какъ показали столь недавніе процесы Гримма, Парунова и др.? Кто можетъ не задуматься надъ тѣми порядками въ интендантствѣ, перевозочной части и пр. и пр., которые, несомнѣнно, царятъ подъ покровомъ безгласности и всплывутъ на свѣтъ божій такъ же, какъ всплыли въ русско-турецкую войну, когда солдаты питались гнилыми сухарями и ходили въ сапогахъ на картонныхъ подошвахъ, а тифъ выхватывалъ изъ рядовъ несравненно больше людей, чѣмъ вражескія пули? И кто можетъ вѣрить въ воинскій духъ арміи и особенно ея офицерства, вотъ уже сколько лѣтъ получающаго военное воспитаніе въ сраженіяхъ «съ внутренними врагами» на «поляхъ» Ростова, Екатеринослава, Батума, Златоуста и всѣхъ другихъ городовъ и весей, гдѣ народъ борется за свое освобожденіе? И можно ли разсчитывать на тотъ «патріотическій» подъемъ чувства, который удесятеряетъ силы арміи, сознающей или, по крайней мѣрѣ, думающей, что она борется за свои кровные «національные» интересы? Увы, всѣмъ и каждому, въ томъ числѣ и правительству вмѣстѣ съ той шайкой великосвѣтскихъ проходимцевъ и просто проходимцевъ, которые такъ усердно грѣли руки около Манчжуріи, на-

столько ясна невозможность разсчитывать на такой «патріотическій» подъемъ, что тотъ же «Гражданинъ» меланхолично замѣчаетъ, какое «огромное различіе будетъ между духомъ японцевъ, идущихъ на свое «быть или не быть», и духомъ русскихъ», а «Новое Время», пытаясь, какъ страусъ, скрыть отъ себя опасность положенія, спрятавъ голову подъ крыло, можетъ мотивировать свою мнимую увѣренность, что „война съ Японіей будетъ популярнѣе всякой другой“, только тѣмъ, что „эта война будетъ не династическая, не политическая и не экономическая, а расовая“! Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ, что дѣйствительные политическіе и экономическіе интересы даже тѣхъ слоевъ населенія, которые снимаютъ сливки съ капиталистическаго развитія страны, настолько мало объясняютъ эту войну, а „династическая“ идея настолько потеряла власть надъ умами и сердцами, что нечего и пытаться создать на этой почвѣ хотя бы тотъ „искусственный“ подъемъ „патріотическаго“ духа, какимъ былъ въ значительной мѣрѣ—по похвальному признанію кн. Мещерскаго—подъемъ во время войны 1877—1878 г. г.

Остается одно: попытаться сыграть на струнѣ „расовой“ вражды, не стѣсняясь даже указать на соблазнительную перспективу того, что вотъ, дескать, „негровъ линчуютъ“! Но, конечно, сами оффиціозные вдохновители продажной газеты отлично знаютъ, что это только „безсмысленныя мечтанія“, что русскій народъ уже давно вышелъ изъ того состоянія варварства, при которомъ только и можно еще съ грѣхомъ пополамъ строить свои разсчеты на такомъ шаткомъ основаніи; и уже война съ Китаемъ въ достаточной мѣрѣ показала это, хотя правительственная орда и могла еще найти въ захолустномъ Благовѣщенскѣ охотниковъ принять участіе въ великомъ «патріотическомъ» подвигѣ потопленія тысячъ безоружныхъ и беззащитныхъ китайцевъ. И немудрено, что газеты, вродѣ „Южнаго Края“, подхватившія лозунгъ, данный имъ петербургскимъ оффиціозомъ, вынуждены апеллировать ко временамъ самой первобытной дикости и, защищая „святое дѣло“, вытаскивать изъ архивной пыли воспоминанія о войнахъ, „которыя наши предки вели когда-то съ татарами, съ половцами“ и даже со „змѣемъ Тугаринымъ“!

Да, правительство предчувствуетъ неудачу и знаетъ, съ какимъ грохотомъ и трескомъ свалится оно послѣ этого новаго Севастополя! Если Крымскій Севастополь вырвалъ у абсолютизма изъ-подъ ногъ самую надежную опору его—крѣпостное право, то Севастополь восточный можетъ не оставить камня на камнѣ отъ всего зданія современной деспотіи. И тоскливо обращаетъ правительство свои взоры къ третьей

возможной перспективѣ—сохраненія мира во что бы то ни стало, отказа отъ всѣхъ своихъ заносчивыхъ притязаній, отъ всѣхъ „пріобрѣтеній“, отъ всѣхъ завоеваній. Но миръ теперь, послѣ того, какъ зашли такъ далеко, поставили на карту все свое существованіе, означалъ бы такое позорное крушеніе всей политики правительства, такое неопровержимое свидѣтельство его внутренней гнилости и слабости, что это отступленіе было бы равносильно жестокому пораженію. Итакъ, чѣмъ бы ни кончилось созданное правительствомъ затрудненіе, оно приведетъ къ побѣдѣ,—побѣдѣ народа надъ абсолютизмомъ! Война или миръ, побѣда или пораженіе,—Россія такъ или иначе быстро приближается къ политической свободѣ.

И соціалдемократія, партія рабочаго класса, должна отчетливо сознать всю колоссальную важность переживаемаго историческаго момента, должна напречь всѣ свои силы, чтобы использовать его цѣликомъ для ускоренія крушенія существующаго режима и развитія классоваго сознанія пролетаріата, чтобы идти не въ хвостѣ грядущей революціи, а во главѣ ея.

Нельзя терять времени, ибо и безъ того мы уже слишкомъ много пропустили его. И прежде всего необходимо сейчасъ же, какъ это дѣлаютъ уже и наши японскіе товарищи, развернуть самую широкую агитацію въ пользу сохраненія мира. Пусть правительство лучше падетъ подъ гнетомъ собственной дряблости и безсилія, подъ гнетомъ общаго презрѣнія, чѣмъ подъ грудой мертвыхъ тѣлъ нашихъ братьевъ и дѣтей! Весь вѣсъ своего общественнаго значенія и вліянія соціалдемократія должна положить на то, чтобы постараться не допустить войны. Пусть милліоны листковъ во всѣхъ уголкахъ Россіи разнесутъ въ рабочую массу, разнесутъ въ крестьянство, въ армію, во всѣ слои общества обличеніе истиннаго виновника кроваваго призрака войны—русскаго режима! Пусть неустанно раздается негодующій голосъ соціалдемократіи при всякихъ попыткахъ со стороны группъ хищниковъ, строющихъ на ужасахъ войны планы своего обогащенія, использовать событія на Дальнемъ Востокѣ для пробужденія «патріотическихъ» чувствъ въ народѣ! Пусть рабочій классъ, отчетливо сознавшій свои историческія задачи, во главѣ всѣхъ другихъ слоевъ народа открыто выразить свой протестъ противъ безстыдной политики, несущей всюду смерть, насиліе, разложеніе! Пусть всякая отправка войскъ, всякій актъ, связанный съ подготовкой военныхъ дѣйствій, всякія молебствія по случаю ихъ, всякое обращеніе правительства къ народу, всякія шовинистическія выходки подкупленной печати, пусть все это послужитъ все новымъ и новымъ поводомъ для манифестаціи народа про-

тивъ злодѣяній правительства! Пусть соціалдемократія заставитъ всѣ группы общества открыто высказать свое отношеніе къ грядущей войнѣ, и пусть разъяснитъ она пролетаріату, что кто въ этомъ случаѣ не съ нимъ, тотъ противъ него, тотъ съ абсолютизмомъ! Мы уже вошли въ революціонную эпоху, наступленіе которой такъ безсмысленно ускорило правительство своей политикой, и тутъ не можетъ быть недомолвокъ; пролетаріатъ долженъ знать, кто его врагъ, кто его другъ, кто его временный союзникъ.

И если война все-таки вспыхнетъ, если народу придется кровью своихъ сыновей расплачиваться за грѣхи режима, соціалдемократія должна удесятерить свои усилія, чтобы добиться скорѣйшаго заключенія мира, чтобы уменьшить размѣры кровопролитія, чтобы использовать всѣ событія въ интересахъ классоваго развитія пролетаріата, чтобы ускорить свою первую историческую побѣду, побѣду народа надъ абсолютизмомъ!

За работу же, товарищи! Пусть исполнится пророчество «Новаго Времени»; пусть дѣйствительно «мелкія стычки съ полиціей» замолкнутъ, но замолкнутъ только для того, чтобы съ удесятеренной силой возродиться въ грандіозной общероссійской борьбѣ всего рабочаго класса, борьбѣ за волю, свѣтъ и просторъ, за широкій путь для дальнѣйшей борьбы за свое полное освобожденіе отъ всѣхъ видовъ гнета и порабощенія, за соціализмъ! Пусть, дѣйствительно, «отдѣльныя рѣки» недовольства и возмущенія сольются въ одно могучее «море», море революціонной борьбы народа, съ пролетаріатомъ во главѣ, подъ краснымъ знаменемъ единой и сплоченной соціалдемократической партіи!

Для этого нужно, прежде всего, отдать себѣ самимъ ясный отчетъ во всей сложности и важности задачъ, лежащихъ на соціалдемократахъ, какъ на сознательныхъ представителяхъ рабочаго класса; надо безъ ложнаго стыда, безъ самообольщенія оцѣнить съ точки зрѣнія соціалдемократической программы собственную дѣятельность партіи, надо, прежде всего, и больше всего направить усилія на безпощадную борьбу противъ правительства и феодально-буржуазнаго общества; надо наполнить борьбу соціалдемократическимъ классовымъ содержаніемъ. Пусть мысль неустанно работаетъ въ этомъ направленіи, и мы будемъ, дѣйствительно, единой, сильной, сплоченной партіей рабочаго класса; мы сумѣемъ съ честью выполнить великія обязанности, взятыя нами на себя отъ имени пролетаріата; мы не окажемся несостоятельными передъ лицомъ великой русской революціи, которая уже стучится въ двери исторіи!

Ф. Данъ.

Война!

(25 янв. 1904 г., № 58).

Телеграфъ принесъ извѣстіе, что 24 января въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликовано сообщеніе объ отозваніи японскаго посольства изъ Россіи и русскаго изъ Японіи.

День этотъ будетъ долго памятенъ въ исторіи. Имъ начинается война, которая грозитъ превратиться во всемірное столкновеніе всѣхъ культурныхъ государствъ, грозитъ залить кровью и пожаромъ весь свѣтъ. Не только политическая карта всѣхъ странъ свѣта можетъ измѣниться до неузнаваемости въ результатѣ того пожара, который загорается теперь на Дальнемъ Востокѣ, но, быть можетъ, всѣ основы современнаго капиталистическаго строя будутъ въ корнѣ потрясены надвигающейся бурей. Быть можетъ, близится уже день, когда изъ-подъ груды обломковъ стараго, разъѣденнаго гнетомъ и эксплоатаціей общества начнетъ вставать новый, болѣе счастливый порядокъ, который принесетъ, наконецъ, трудящимся классамъ освобожденіе отъ всѣхъ цѣпей рабства, насилія и угнетенія. Вотъ почему пролетаріатъ, и только одинъ пролетаріатъ, безъ страха можетъ смотрѣть въ будущее сквозь заволакивающія его теперь грозныя тучи.

Но какъ бы ни отразилась драма, начинающаяся теперь на берегахъ Тихаго океана, на ходѣ міровыхъ событій, для нашей родины значеніе ея будетъ огромно. Уступчивость и трусливость, проявленныя правительствомъ въ послѣдніе дни, когда у него съ ужасомъ открылись глаза на ту пропасть, передъ которой оно себя поставило, только обнаружили слабость его, но не могли избавить его отъ страшной войны. Не могли, потому что было уже поздно: всѣ прошлыя преступленія толкали его съ роковою неизбѣжностью на тотъ путь, на которомъ ждетъ его гибель.

Гибель эта почти неминуема, потому что правительство вступаетъ въ войну, ненавидимое всѣми народами, проклинаемое въ своей собственной странѣ, съ истощенными финансами, разъѣденное до мозга костей взяточничествомъ, казнокрадствомъ, всѣми видами подлости, безраздѣльно царящими подъ прикрытіемъ безгласности.

Недаромъ ходятъ слухи, что на время войны вся Россія будетъ объявлена на осадномъ положеніи. Правительство знаетъ, что оно, а не японцы, истинный врагъ народа; оно знаетъ, что сумѣло зажечь

неугасимую ненависть къ себѣ въ милліонахъ сердецъ, и знаетъ, что только пулями, штыками и висѣлицами можетъ оно навремя сдержать проявленіе народнаго гнѣва. Недаромъ во многихъ городахъ уже начался настоящій штурмъ на сберегательныя кассы; вкладчики знаютъ, что нельзя довѣрять этому правительству, которое умѣетъ изворачиваться только займами и грабежомъ народа и которое, несомнѣнно, пуститъ по міру милліоны семей, неосторожно вручившихъ ему на сохраненіе свои мелкія сбереженія. И недаромъ также говорятъ о грандіозныхъ хищеніяхъ и грабежахъ, уже теперь происходящихъ во всѣхъ операціяхъ, соприкасающихся съ подготовкой военныхъ дѣйствій. Подъ гнетомъ народнаго гнѣва и недовѣрія и собственной гнилости долженъ пасть этотъ азіатскій режимъ, въ тискахъ котораго задыхается все рвущееся къ свѣту, къ развитію, къ жизни!

Народъ русскій стоитъ передъ тяжелымъ испытаніемъ. Сотни тысячъ дѣтей его, оторванныхъ отъ сохи, отъ фабричнаго станка, отъ ремесленной мастерской должны съ проклятіемъ и ненавистью въ сердцѣ идти умирать за чуждое имъ дѣло. А весь народъ, и прежде всего трудящіеся классы его, должны будутъ взвалить на свои плечи еще новое бремя, которое наложитъ на нихъ нуждающееся въ деньгахъ правительство. Пусть же жертвы эти не будутъ безплодны! Пусть война эта принесетъ народу побѣду надъ самодержавіемъ! Пусть правительство падетъ жертвой своихъ преступленій! Пусть родина наша, залитая слезами и кровью, выйдетъ изъ этого моря бѣдствій освобожденною отъ ига!

Режимъ стоитъ на краю пропасти; столкнемъ же его въ нее! Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ соціалдемократіей, былъ бы лучшимъ средствомъ положить конецъ существующему режиму. Приложимъ же всѣ усилія, чтобы рабочій классъ, а за нимъ и всѣ другіе слои населенія, сознательно и открыто потребовалъ заключенія мира и заставилъ правительство склониться передъ волею народа.

Да здравствуетъ миръ! и—долой самодержавіе!—эти два лозунга должны отнынѣ неразрывно сплестись въ нашей агитаціи.

Ф. Данъ.

Наша „контръ-революція".

(10-го февраля 1904 года № 59).

Политически развитымъ людямъ Запада сначала показались мало вѣроятными сообщенія телеграфныхъ агентствъ о такъ называемыхъ патріотическихъ манифестаціяхъ въ Россіи. Эта волна беззастѣнчиваго холопства, захватившаго «всѣ слои» русскаго народа, слишкомъ уже рѣзко отличалась отъ цѣлаго ряда вспышекъ народнаго недовольства, которыми отмѣчены были послѣдніе годы внутренней жизни Россіи. Европа переживаетъ моментъ, когда всякій мало-мальски замѣтный фактъ въ домашнихъ распорядкахъ нашего отечества котируется на биржахъ, когда высота курса русской самодержавной бюрократіи, ея кредитоспособность, оцѣниваются по результатамъ ея борьбы не только съ внѣшнимъ врагомъ, но и съ внутреннимъ, оцѣниваются по самому спросу на абсолютизмъ со стороны его потребителей, русскихъ гражданъ. И надо отдать справедливость изворотливости нашего правительства: оно, провоцируя восточныхъ сосѣдей на войну, стремилось не только закрѣпить успѣхъ своихъ авантюристическихъ затѣй на крайнемъ Востокѣ, но и поднять въ нѣкоторыхъ слояхъ народа спросъ на абсолютизмъ, служащій, якобы, могучимъ оплотомъ русскаго и другихъ народовъ Европы отъ «желтой опасности». Но Россія, казалось, выросла уже изъ стадіи поповско-полицейскаго толкованія политическихъ учрежденій: ея либеральные элементы начинали становиться на путь открытыхъ протестовъ противъ полицейской опеки и обратились къ свободной прессѣ; ея радикальная интеллигенція продумала соціально-политическія проблемы и нерѣдко стала переходить подъ красныя знамена быстро пробуждающагося россійскаго пролетаріата; они, наконецъ, поднялись, эти знамена, на улицахъ столицъ и большинства крупныхъ городовъ Россіи; своею кровью, пролитой въ борьбѣ за свободу, нашъ передовой рабочій, завоевалъ себѣ гордое убѣжденіе, что онъ поставилъ родину на путь революціи. И, вотъ, та толпа, которая вчера подбодряла самоотверженныхъ демонстрантовъ и кричала «долой самодержавіе!», сегодня «проливаетъ слезы умиленія» передъ дворцами, носитъ и лобызаетъ какіе-то портреты, реветъ безсмысленно «ура».

Неудивительно, если первою мыслью иностранцевъ было предположеніе, что, вслѣдъ за жалкой комедіей, разыгранной щедро оплаченными манифестантами—сыщиками, имъ преподносится сказка о мно-

готысячныхъ патріотическихъ демонстраціяхъ. Неужто же было повѣрить, что дикая оргія вѣрноподданническаго холопства разыгралась даже и въ Ростовскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ—въ мастерскихъ, откуда еще вчера выходили дружной толпой воодушевленные рабочіе на массовые политическіе митинги? Этому не вѣрилось. Легче было предположить, что ложь оффиціальныхъ телеграммъ раскроется въ завтрашнихъ частныхъ корреспонденціяхъ. Но дни идутъ за днями, а слухи не опровергаются, они даже подтверждаются. При самомъ оптимистическомъ толкованіи фактовъ, мы должны признать, что не только безразличная и запуганная масса нашего купечества земно челомъ бьетъ и раскошеливается на «святое дѣло войны», что толпу «патріотовъ» составляютъ не только босяки и мальчуганы, французскіе собратья которыхъ первыми падали на баррикадахъ Великой революціи. Одни только эти факты насъ нимало бы не озадачили; очевидно, въ рѣшительный моментъ борьбы съ самодержавной бюрократіей эти элементы или останутся инертны—или поддадутся въ сторону демократіи. Но мы узнаемъ и другое: «просвѣщенные друзья» этой бюрократіи, отъ аграрія—графа, жертвующаго милліонъ на грабительскую войну, до «священныхъ лигъ» реакціоннаго студенчества, словомъ «отцы и дѣти», и дѣятели изъ ряда кишиневскихъ, вчера работавшіе подъ сурдинку,—всѣ сегодня слились въ открытомъ циничномъ культѣ варварскаго режима. Что же это, побѣда бюрократіи? Значитъ разсчеты ея на войну оправдались? Нѣтъ, это побѣда нашей революціонной арміи—арміи россійскаго пролетаріата!

Такова уже наша судьба, что не суждено намъ убить нашего классоваго врага спящимъ. Наша борьба его разбудила. Лишь только пролетаріатъ сталъ на путь революціонной борьбы съ отжившимъ политическимъ строемъ, онъ заставилъ очнуться отъ спячки широкіе круги демократической интеллигенціи и она пошла къ нему на встрѣчу, за ней и интеллигентскій либерализмъ изъ литературной идилліи сталъ превращаться въ опредѣленную политическую силу, которая отмежевалась отъ пролетаріата и поставила себѣ свои собственныя цѣли. Такова была наша первая побѣда: дрогнуло сонное болото! Теперь оно всколыхнулось до дна—вотъ почему и разитъ такимъ политическимъ смрадомъ!.. Въ данный роковой для самодержавной бюрократіи моментъ, когда первые шаги по пути военной авантюры отозвались тяжкими пораженіями застигнутаго въ расплохъ и деморализованнаго войска, правительство пытается спекулировать на «патріотизмъ» народа. Оно хочетъ обмануть внимательность европейской буржуазіи и получить заемъ подъ вѣрное обезпеченіе своей прочной власти надъ Россіей.

И вотъ жандармско-полицейская свора скликаетъ всѣхъ «вѣрноподданныхъ». Не много ихъ, правда, осталось, но они изъ силъ выбиваются поддержать престижъ своего властелина. Еще недавно, когда мы боролись, устраивали стачки и демонстраціи—эти патріоты скромно стушевывались. Теперь они подняли свои знамена; вотъ ихъ каррикатурная «контръ-революція», которая еще сегодня шумитъ на всю Европу, и которая завтра исчезнетъ подъ нашимъ рѣшительнымъ натискомъ, подъ кличъ: «долой самодержавную бюрократію, да здравствуетъ учредительное собраніе».

Отрѣзавшее себя отъ всѣхъ сознательныхъ элементовъ народа, самодержавіе спѣшитъ создать свой собственный «патріотическій» народъ и, тѣмъ самымъ, даетъ, съ своей стороны, первый толчекъ *политическому пробужденію* этихъ отсталыхъ массъ. За этимъ первымъ толчкомъ—когда пройдетъ, подъ вліяніемъ краха авантюристской политики, чадъ патріотическаго воодушевленія—послѣдуетъ другой, болѣе могучій, который неминуемо броситъ эти массы въ объятія революціи.

Кольцовъ.

Тройная мобилизація.

(10 февраля 1904 г. № 59).

Война! Никогда еще волны патріотизма не вздымались, казалось такъ высоко, какъ въ эти дни, когда вѣсть о войнѣ ударила «съ невѣдомой силой» по нерву общественнаго сознанія, въ одинъ мигъ спутавъ прежнія карты и перемѣстивъ вниманіе отъ наростающей внутренней борьбы къ кровавымъ итогамъ внѣшней политики.

Еще вчера въ залахъ «дворянскаго собранія» Петербурга раздавался протестующій голосъ двухъ съѣздовъ, а сегодня—послѣ долгаго перерыва—столица Россіи опять увидѣла демонстрирующія колонны студентовъ, но, о чудо! казацкія нагайки висѣли спокойно, а вмѣсто краснаго знамени развѣвался желтый стягъ съ двуглавой птицей...

Недавно еще рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Ростова круп-

ными буквами вписали свое имя въ мартирологъ революціоннаго движенія Россіи, имъ не разъ грудь съ грудью приходилось встрѣчаться съ воинствомъ, и эти смѣлые рабочіе теперь—безмолвно созерцали, какъ именемъ ихъ служились молебны за тѣхъ, кто посылалъ убивать, и за войско, истреблявшее братьевъ...

Въ Москвѣ многотысячная толпа направляется къ редакціи реакціонной газеты. Зачѣмъ? Для того, чтобы излить свое чувство градомъ камней?—Нѣтъ! Эта толпа проситъ пресловутаго Грингмута снабдить ее національными флагами и почтительно передаетъ ему—всеподданнѣйшій адресъ! Съ разныхъ концовъ Россіи летятъ телеграммы, возвѣщающія о патріотическихъ манифестаціяхъ. На улицахъ Валдая и Холмогоръ, какъ на площадяхъ Одессы или Кіева, движутся взволнованныя толпы, и вмѣсто клича—долой—раздается національный гимнъ!..

Кн. Мещерскій лобызается со студентами, рабочіе съ тріумфомъ несутъ на рукахъ отъѣзжающихъ офицеровъ. Презираемая улица стала вдругъ героиней реакціи, и огромный газетный хоръ торжественно поетъ отходную—русской революціи!

Что значитъ этотъ сонъ? Или въ самомъ дѣлѣ «проснувшееся русское чувство» развѣяло, какъ кучу «мусора»—по образному выраженію одного нововременскаго ренегата—всю огромную работу освободительныхъ силъ? Или вправду «духъ» русскаго народа далъ отвѣтъ «клеветникамъ Россіи», увѣрявшимъ, «будто бы война можетъ быть финаломъ смутъ», какъ полагаютъ «Московскія Вѣдомости»,—и передъ «всенароднымъ патріотическимъ настроеніемъ» «замолкли прежнія шайки безусыхъ соціалдемократовъ»? И не былъ ли тысячу разъ правъ елейно-хитроумный г. Меньшиковъ, который еще до начала военныхъ дѣйствій рисовалъ намъ войну, какъ палладіумъ революціоннаго замиренія, какъ единственное, въ своемъ родѣ, средство для отведенія буйныхъ,—«горьковскихъ»—элементовъ въ лоно патріотическаго героизма?

Не подлежитъ сомнѣнію: вопросъ о судьбахъ русской революціи неотвязно стоялъ передъ самодержавіемъ въ тотъ рѣшительный моментъ, когда «дерзкій и коварный» желтолицый противникъ поторопился подвести балансъ его многолѣтней антрепризѣ на Востокѣ. Тревожно прислушиваясь къ революціонному гулу, абсолютизмъ прекрасно понималъ, что начинаетъ войну при исключительныхъ условіяхъ: это не крымская кампанія, зачатая въ атмосферѣ мертвой николаевщины; это не «освободительная» война за «братушекъ», окруженная, вначалѣ, хотя тѣнью популярности. Это смертный бой, въ которомъ можно кое-что выиграть, но зато и все потерять, потому что главный врагъ не на

Дальнемъ Востокѣ, у береговъ Печелійскаго залива, а здѣсь дома, въ тылу войны, разбросанный всюду, по градамъ и весямъ Россіи.

Va banque! Отступать было поздно!

Но зато тѣмъ усерднѣе начиналось—рядомъ съ мобилизаціей военныхъ силъ—мобилизація патріотизма. Не даромъ же сверху, въ обращеніи къ чинамъ государственнаго совѣта, выражена надежду, что Россія, то есть русское самодержавіе, выйдетъ изъ посланныхъ ей испытаній укрѣпленной не только извнѣ, но и извнутри...

Пущено въ ходъ было все: полицейско-бюрократическій аппаратъ, рабочіе союзы—птенцы Зубатова, свѣжеиспеченныя студенческія «корпораціи», вродѣ Петерб. «Денницы», «Рус. Собранія» съ его филіальными отдѣленіями въ провинціи, армія пламенѣющихъ газетныхъ добровольцевъ и просто расторопныхъ рептилій; даже театральныя зрѣлища—«Севастополи» и «Измаилы», предназначенныя подымать температуру общественнаго настроенія. А въ то же самое время публицисты старались: призракъ панмонгольской желтой опасности, гипнотизируя читателя, говорилъ ему: забудь свободолюбимыя мечты, оставь «партійные» «счеты», бойся и ненавидь Японію. «Все русское общество безъ различія партій должно сознавать, что въ настоящую минуту выясняется направленіе, какое получатъ силы Россіи въ теченіе вѣка»—писалъ на страницахъ «Петерб. Вѣдомостей» кн. Сергѣй Трубецкой, московскій «передовой» «идеалистъ».

Мобилизація «духа» шла, какъ будто бы, куда успѣшнѣе той «матеріальной» мобилизаціи, которая производилась, между тѣмъ, съ великими трудностями на безконечныхъ пространствахъ Сибири.

Фейерверкъ патріотическаго подъема былъ блестящъ, онъ слѣпилъ глаза, помрачалъ разсудокъ, но онъ былъ... фейерверкъ и горѣлъ онъ такъ ярко потому, что воздухъ кругомъ былъ насыщенъ грозовымъ электричествомъ.

Уже теперь, когда я пишу эти строки, «потѣшные огни», догорая, чадятъ... Начальство спѣшитъ убрать «національные флаги», умѣрить экспансивную «улицу»; патріотовъ просятъ честью успокоиться, и за слишкомъ громкое «Боже, царя храни» можно, пожалуй, попасть въ кутузку. Непослушная буйная нотка затѣсалась кое-гдѣ въ патріотическую мелодію.

И этого было довольно. Самодержавная бюрократія испугалась тѣхъ силъ, которыя сама она вызвала; она начала смутно понимать, что мобилизація патріотизма въ массахъ — при настоящемъ положеніи дѣлъ—неизбѣжно ведетъ къ мобилизаціи политическаго смысла.

Тамъ, гдѣ власть пережила себя, гдѣ налицо широкое броженіе,

война—незамѣнимый агитаторъ. Разрушая равнодушную безсознательность, исконную опору самодержавно-бюрократическаго строя, она изо дня въ день гонитъ въ школу политическаго интереса самые отсталые слои народа. Посмотрите, какой кругъ описала вокругъ себя патріотическая агитація! Вѣдь, Пошехонье всколыхнулось! Оно кричитъ еще ура, но—будьте спокойны, именно потому, что оно всколыхнулось, завтра оно разнесетъ по камнямъ свою доморощенную Бастилію... Самодержавная бюрократія сѣетъ, жатву соберетъ революція!

Староверъ.

Вѣрноподданная пресса.

(25 февраля 1904 г., № 60).

О чемъ шумите вы, народные витіи?...

Въ минуту, когда русская жизнь настолько осложнилась, что только ударъ революціи можетъ придать ей устойчивость и способность къ неуклонному развитію, въ минуту, когда, истощенная и раззоренная, Россія, по волѣ самодержавнаго правительства, втянута въ ненужную, опасную и губительную войну, когда внѣшній врагъ выдвинутъ на сцену для борьбы съ врагомъ внутреннимъ и побѣда надъ первымъ имѣетъ въ виду уничтоженіе второго,—въ эту минуту легальная печать не пожелала воспользоваться даже своимъ «драгоцѣннымъ» правомъ молчать и тѣмъ засвидѣтельствовать свою непричастность къ реакціонной кликѣ. Захлебываясь отъ «патріотическаго» волненія, она вдругъ забыла «эзоповскій» языкъ и заговорила откровенно, нагло, цинично. Съ газетныхъ столбцовъ, привыкшихъ къ трусливой либеральной рѣчи, послышались странныя ноты, которыя, разростаясь и увеличиваясь, выросли въ стройный гимнъ русскому абсолютизму... Но «патріотическій» жаръ, подогрѣваемый явными и тайными агентами Плеве, пройдетъ: общественная мысль протрезвится—если уже не протрезвилась,—ей станетъ ясной роль «патріотовъ», подмѣнявшихъ интересы Россіи интересами самодержавной бюрократіи. И слѣ-

дуетъ позаботиться, чтобы въ эти дни расплаты не было забыто положеніе, занятое въ русско—японской войнѣ легальной печатью, «выразительницей русскаго общественнаго мнѣнія».

Мы не станемъ здѣсь цитировать «Новаго Времени» и «Московскихъ Вѣдомостей». О томъ, сколько патріотической грязи влили они въ голову довѣрчиваго русскаго читателя, говорить не приходится. Передъ нами—другая галлерея, гораздо болѣе интересная, галлерея просто либеральствующей и прогрессивно-либеральной прессы.

Вотъ,—начнемъ съ менѣе «зарекомендованнаго» экземпляра—«Русское Слово», издаваемое при ближайшемъ участіи Дорошевича, бывшаго сотрудника фрондировавшей «Россіи». Приведя патріотическое четверостишіе:

Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ,—

эта газета продолжаетъ въ высоко-патріотическомъ стилѣ: «Это идутъ не звѣри, раззоренные запахомъ крови. Ихъ не будетъ напутствовать приказаніе разорить броненоснымъ кулакомъ все, что попадется на пути. Имъ не будутъ преподаны наставленія убивать плѣнныхъ, добивать раненыхъ. Нѣтъ, это идутъ Микулы Селяниновичи, идутъ Ильи Муромцы—люди, вскормленные и взрощенные землей и знавшіе одинъ только мечъ—остріе сохи или плуга»? Чувствуете, сколько подъема въ этихъ немногихъ строкахъ? Намекъ на „гуннскую“ рѣчь Вильгельма, восхваленіе „доблестнаго русскаго воинства“, и, наконецъ, Микулы Селяниновичи и Ильи Муромцы! Послѣднее въ особенности у мѣста. Изголодавшіеся, обезсиленные, забитые нагайкой крестьяне, рабочіе съ немногими остатками силы, высосанной эксплуататоромъ-капиталомъ,—это они-то Ильи Муромцы, люди, вскормленные и взрощенные землей.

„Новости Дня“—другая бульварно-либеральствующая газета—пустила въ ходъ иное „патріотическое“ средство. Замѣтивъ, что ожидающее Россію будущее „предуказывается прошлымъ“, московская газета прямо захлебывается отъ любви къ родинѣ: „Страницы русскаго прошлаго являются увлекательнымъ разсказомъ о томъ, какъ всѣхъ своихъ враговъ побѣждала Россія одной силой ни съ чѣмъ несравнимой беззавѣтной любви къ родинѣ... Могучая родина! Великая земля русская! Ты съ понятной грустью узнала, что противъ тебя ополчаются враги твои. Но ты знаешъ также, что каждый изъ сыновъ твоихъ—твой до послѣдней капли крови... Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ! а правда русская не на концѣ меча, но въ непоколебимой вѣрѣ. И да

 *

свершится надъ нами воля Господня!..“ — Бѣдная родина Еслибы ты могла сознательно относиться ко всему, что пишутъ о тебѣ, поистинѣ, блудные сыны твои, ты бы увидѣла, какъ торгуютъ тобой и твоимъ именемъ, какъ продаютъ тебя за чечевичную похлебку злѣйшимъ врагамъ твоимъ!... Московскимъ публицистамъ надо создать „патріотическое“ воодушевленіе, нужно оглушить разумъ людей, чтобы они не знали, что дѣлаютъ, и дѣлали все, что имъ приказываютъ. Потоки жалкихъ словъ, разбавляемые лубочнымъ пафосомъ, имѣютъ единственной цѣлью омрачить сознаніе и фальсифицировать чувство. Вѣра въ непогрѣшимость правительства поколебалась въ самыхъ глухихъ и темныхъ слояхъ русскаго народа; одного призыванія „благословенія Божія на доблестныя войска наши“ недостаточно для сколько-нибудь прочнаго воодушевленія. И пресмыкающяся печать, не взирая на либеральныя „традиціи“, беретъ на себя благодарную задачу—вдолбить въ душу всѣмъ и каждому любовь къ родинѣ, олицетворяемой въ россійскомъ правительствѣ, заставить всѣхъ вѣрить въ справедливость и необходимость войны, отъ исхода которой зависитъ „честь“ и „достоинство“ Россіи.

Могутъ, впрочемъ, замѣтить, что „Русское Слово“ и „Новости Дня“ не примѣръ. Мало ли какихъ благоглупостей они ни наговорятъ—не можетъ же за нихъ отвѣтствовать вся либеральная печать. Въ такомъ случаѣ привлекаемъ къ отвѣту двѣ другія газеты, либерализмъ которыхъ, и даже „радикализмъ“ до сихъ поръ, кажется, не подлежали сомнѣнію.

Старый либералъ, искусившійся въ цензурныхъ трудностяхъ—«высокочтимыя» «Русскія Вѣдомости» раскрыли свои карты не сразу. Какую позицію занять въ вопросѣ о войнѣ, не имѣющей ближайшаго отношенія къ земскому самоуправленію и крестьянской общинѣ, для которыхъ «профессорская» газета за словомъ въ карманъ не полѣзетъ? Это колебаніе сказалось въ первой статьѣ «Русскихъ Вѣдомостей», заключающей въ себѣ незначительную и мутную примѣсь «патріотизма». «Война,—пишетъ газета,—великое бѣдствіе, и если ея нельзя избѣжать, то естественно желать, чтобы она не затянулась на долгое время и не отразилась чрезмѣрно тяжкими испытаніями для русскаго народа. Русскія войска, конечно, исполнятъ свой долгъ, всѣ русскіе люди будутъ сопровождать ихъ пожеланіями успѣха и готовностью возможно облегчить предстоящія имъ тяготы. Россія неоднократно находилась въ еще болѣе трудныхъ обстоятельствахъ и шла бодро навстрѣчу угрожавшимъ ей опасностямъ». Конечно, война—великое бѣдствіе, и если ея нельзя избѣжать, то естественно желать, чтобы она не затя-

нулась и не принесла чрезмѣрно тяжкихъ испытаніи русскому народу. Это ясно. Зато болѣе чѣмъ подозрителенъ призывъ къ „долгу“ русскихъ войскъ, призывъ ко „всѣмъ русскимъ людямъ“, которые должны желать успѣха доблестнымъ дѣяніямъ „славнаго русскаго воинства“, и въ особенности—идеализація „могучей родины“, по духу родственная пафосу «Новостей Дня». Эти подозрѣнія, для малоопытнаго читателя робкія, переходятъ въ твердое убѣжденіе, когда знакомишься съ слѣдующими строками другой статьи той же газеты: «Вопреки миролюбивому настроенію Россіи, несмотря на искреннія заявленія въ пользу мира, особенно часто повторявшіеся въ послѣднее время во всей Европѣ,—война разразилась, и русскому народу придется нести ея тягости. Какъ всегда бывало и ранѣе, при первыхъ извѣстіяхъ о ея началѣ русскія общественныя собранія спѣшатъ выразить одушевляющія ихъ чувства и отозваться на выдвигаемыя войной нужды». Вѣдь на страницахъ тѣхъ же «Русскихъ Вѣдомостей» еще недавно неоднократно, хотя и робко, отмѣчались „ложные шаги“ „нашей» внѣшней политики. И вотъ теперь, когда война разразилась и долгъ каждой честной прогрессивной газеты—поставить точку надъ і или, въ худшемъ случаѣ, молчать,—„Русскія Вѣдомости» снимаютъ съ правительства всю вину, увѣряютъ, что оно съ начала до конца было миролюбивымъ! Къ чему это? Конечно, къ тому же, къ чему упоминаніе о чувствѣ, «одушевляющемъ» общественныя собранія. Льстивыя вѣрноподданническія изліянія, «патріотическія» манифестаціи, созданныя шпіонами Плеве, газета отмѣчаетъ въ передовой статьѣ, какъ фактъ, достойный общественнаго вниманія... Зачислившіеся по либеральному штату патріоты своего отечества отличаются отъ „Русскаго Слова“ или „Новостей Дня“ только тѣмъ, что послѣднія откровенно бьютъ въ кимвалы и громко зовутъ въ походъ, а первые, въ критическую минуту, гнусавятъ на мотивъ „народнаго гимна“.

Гнусавитъ и прогрессивный «Курьеръ». Тотъ самый «Курьеръ», въ которомъ пишутъ «молодые беллетристы» и который иногда заигрываетъ—скажемъ такъ—съ экономическимъ матеріализмомъ; молодой «Курьеръ», конкурирующій со старыми «Русскими Вѣдомостями» по части прогрессивности, совсѣмъ потерялъ голову и впалъ въ патріотическую эпилепсію. Бросивъ «отрадныя» явленія, которыя отмѣчались имъ со старательностью архиваріуса, «Курьеръ» весь отдался войнѣ и «патріотическому» воспитанію своихъ читателей. «Россія,—говоритъ онъ,—въ продолженіе 25 лѣтъ не обнажавшая меча, вынуждена теперь, несмотря на миролюбіе Монарха, призывавшаго всѣ народы къ рѣшенію своихъ споровъ третейскимъ судомъ, обнажить мечъ для за-

щиты своихъ торгово-политическихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ». «Бѣдные прогрессисты» забыли все, чему они еще такъ недавно поклонялись, и усердно бьютъ челомъ квасному патріотизму. «Всѣ недоразумѣнія въ Европѣ,—пишутъ они,—должны быть ликвидированы и ничего не должно отвлекать насъ отъ скорѣйшаго и успѣшнаго довершенія нашихъ задачъ на Дальнемъ Востокѣ». И въ другой статьѣ: «Итакъ, война началась. Мы ее не желали, но разъ приходится съ оружіемъ въ рукахъ защищать достоинство и честь Россіи и неприкосновенность ея территоріи — нѣтъ мѣста колебаніямъ». И, наконецъ, въ передовой статьѣ «Курьеръ» предрекаетъ: «Исходъ войны заранѣе обезпеченъ, потому что японская сухопутная армія при самомъ большомъ напряженіи военныхъ силъ Японіи не можетъ идти въ сравненіе съ русской арміей, которая можетъ быть сосредоточена въ любой части Дальняго Востока въ какомъ угодно количествѣ и въ каждый данный моментъ».

Сравните все, что говорили наши либералы различныхъ оттѣнковъ, и вы не найдете въ ихъ словахъ существенной разницы. Не одинаковъ стиль, различны методы, но основа и цѣль одна и та же. Національно-либеральное «Русское Слово» разжигаетъ шовинизмъ Ильями Муромцами и Микулами Селяниновичами,—либерально-прогрессивный «Курьеръ» преувеличиваетъ силу русской арміи, кричитъ о защитѣ оружіемъ достоинства и чести Россіи. Бульварно-либеральныя «Новости Дня» поютъ о «непоколебимой вѣрѣ» и требуютъ, чтобы каждый изъ сыновъ родины принадлежалъ ей до послѣдней капли крови,—«Курьеръ» желаетъ «успѣшнаго довершенія нашихъ задачъ на Дальнемъ Востокѣ». Ложь и подхалимство связали ихъ всѣхъ столь тѣсными узами, что не разберешь, кто изъ нихъ сыгралъ болѣе позорную роль въ «патріотическомъ воодушевленіи», охватившемъ «русское общество», или въ «патріотическихъ» манифестаціяхъ, подготовленныхъ шпіонами по министерству внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Эти «друзья народа», въ свободную минуту толкующіе о «правопорядкѣ», «самодѣятельности» и прочихъ либеральныхъ чаяніяхъ, предательски продаютъ интересы народа какъ разъ въ такое время, когда на защиту не престола-отечества, а именно этихъ интересовъ нужно стать грудью. Не даромъ „Петербургскія Вѣдомости", редактируемыя Столыпинымъ, ставленникомъ Плеве, откровенно заявляютъ, что „теперь на первый планъ выступаетъ вопросъ о нашемъ внутреннемъ единеніи, на которое только и можно разсчитывать при столкновеніи съ внѣшнимъ врагомъ. Ни прочность броненосцевъ, ни неприступность крѣпостей, ни

даже сила самой арміи не могутъ служить такимъ оплотомъ противъ нашествія внѣшняго врага, какъ единство и сплоченность массъ". Конечно, теперь, когда правительство въ опасности и чувствуется потребность въ пушечномъ мясѣ, умѣстно вспомнить о народныхъ массахъ. Противъ единства и сплоченности народныхъ массъ, когда онѣ обращаются на самооборону этихъ массъ или на борьбу ихъ за лучшую жизнь, пускаются штыки и нагайки. Когда же приходится спасать самодержавно-бюрократическое отечество,—«единство и сплоченность» становятся выше неприступныхъ крѣпостей, народныя массы превращаются въ богатырскую рать, предводительствуемую Ильей Муромцемъ. И тѣ же «Петербургскія Вѣдомости» спѣшатъ сдѣлать практическій выводъ изъ «единства и сплоченности народныхъ массъ» и предлагаютъ «воспользоваться» настоящимъ моментомъ, чтобы «сейчасъ же подать руки другъ другу и идти вмѣстѣ на общую работу внутренняго строительства. «Довольно трепетанія передъ призраками несуществующихъ козней и вражды: пора съ довѣріемъ отнестись къ каждому приносящему или желающему принести камень къ фундаменту государственнаго зданія. Тутъ всякая рука нужна и полезна, всякая единица силы служитъ къ облегченію и ускоренію общей работы». Еще бы! Органъ господина Плеве убѣдился, что козни и вражда со стороны либераловъ только призрачны. На самомъ дѣлѣ, стоило удачно забросить «патріотическую» удочку, чтобы безъ труда поймать всю «вѣрноподданную оппозицію». Теперь, въ атмосферѣ политическаго разврата, можно заговорить объ уничтоженіи «гидры революціи», о взятіи народныхъ массъ на буксиръ реакціоннаго строительства. Не торопитесь господа!

Б—овъ.

На очереди.

(5-го марта 1904 г., № 61.)

Революціонные протесты противъ войны всколыхнули нашу реакціонную прессу. Ярко намалеванная картина «всей Россіи», сплотившейся вокругъ правительства, сразу какъ-то потускнѣла, при появленіи на свѣтъ этихъ бѣленькихъ бумажекъ, вышедшихъ изъ подпольныхъ типографій. Въ нестройный хоръ «патріотическихъ» пѣвцовъ смѣлой нотой врѣзался свистъ революціонера-рабочаго и революціонера-студента... Злобно шипятъ «Московскія Вѣдомости» о внутреннемъ врагѣ, помогающемъ врагу внѣшнему; лицемѣрно взываетъ князь Мещерскій къ патріотическимъ чувствамъ студентовъ, а нововременецъ Сыромятниковъ силится увѣрить самихъ революціонеровъ и демократовъ, что въ разгарѣ войны «несвоевременно и неприлично» сводить политическіе счеты съ режимомъ. «Кто не протестуетъ въ мирное время? Но только глупый можетъ протестовать въ военное». Также точно и Мещерскій говоритъ о дозволительности студенческихъ протестовъ въ мирное время. Сыромятниковъ обѣщаетъ намъ, что, если революціонеры не будутъ вести агитаціи, то «прекратятся разговоры объ иностранномъ золотѣ, будто бы возбуждающемъ безпорядки на той или иной окраинѣ». Слышите «будто бы»! Это говоритъ тотъ самый господинъ, который года два назадъ утверждалъ, что русская революція ведется на англійскія и австрійскія деньги. Удивляться, впрочемъ, и нечего этому противорѣчію, ибо г. Сыромятниковъ попросту шантажируетъ во славу Плеве, и его слова значатъ не болѣе, какъ угрозу революціонерамъ окраинъ: если вы не угомонитесь, «мы» пустимъ кличъ, что васъ купила Японія, Англія, Америка... А пока что, изъ другихъ литературныхъ подворотенъ идетъ уже прямая травля евреевъ и революціонеровъ, которые обвиняются въ пособничествѣ «внѣшнимъ врагамъ» Россіи. «Петербургскія Вѣдомости» говорятъ о золотѣ, которое, якобы, получаютъ русскіе революціонеры отъ Англіи; Крушеванъ и Грингмутъ раздуваютъ пламя юдофобіи, тоскуя о деньгахъ, данныхъ американскими евреями Японіи. Уличные и газетные демагоги явно подготовляются къ тому, чтобы, будучи побиты японцами, насытить свою жажду славы въ новомъ Кишиневѣ.

Не было такого времени, когда бы революціонеры не обвинялись реакціей въ томъ, что продали свою душу иностраннымъ правитель-

ствамъ. Злостное намѣреніе въ этихъ обвиненіяхъ зачастую сплетается съ наивной неспособностью представить иную политическую мораль, чѣмъ та, которую исповѣдуютъ сами реакціонеры. Лакеи своего правительства, они не представляютъ себѣ политики внѣ служенія политическаго дѣятеля купившему его правительству. Комми-вояжеры той государственной фирмы, ради «величія и славы» которой они распинаются, они первымъ дѣломъ ставятъ себѣ вопросъ: «отъ кого» дѣйствуютъ эти люди? Чья фирма стоитъ за ними? «Кто изъ акціонеровъ сталъ бы уничтожать предпріятіе, которое основано на его деньги?»—съ наивнымъ безстыдствомъ вопрошаетъ Сыромятниковъ, убѣждая «поляка, армянина и бурята», что и ихъ деньги вложены въ «предпріятіе», во главѣ котораго стоитъ самодержавное правительство. Съ точки зрѣнія «акціонернаго» патріотизма, въ основѣ политическаго дѣйствія лежитъ прямая заинтересованность въ доходности предпріятія, въ которое вложенъ капиталъ, и, видя людей, холодно относящихся къ преуспѣянію акціонерной компаніи, биржевой политикъ спрашиваетъ себя: въ чье же конкурирующее предпріятіе вложенъ ихъ капиталъ?

Наивные юношескіе возгласы «да здравствуетъ Японія» естественно эксплуатируются владѣльцами «патріотическихъ» акцій домашней фирмы въ цѣляхъ сѣянія реакціонной клеветы. «Да здравствуетъ Японія» въ устахъ радикальнаго юношества значитъ только: еще разъ долой самодержавіе, еще разъ—да здраствуетъ свобода! Зрѣлая революціонная мысль чужда этого наивнаго японофильства. Презрѣніе и ненависть къ бандитамъ всевластной бюрократіи въ Россіи не обязываютъ къ восторгамъ передъ пиратами капиталистической эксплуатаціи въ Японіи. Возмущеніе противъ россійскихъ бюрократическихъ «просвѣтителей» Манчжуріи не имѣетъ ничего общаго съ апологіей буржуазныхъ японскихъ «просвѣтителей» Кореи. Не воспламеняясь желаніемъ побѣды абсолютистской Россіи, мы менѣе всего жаждемъ побѣды буржуазной Японіи. Словомъ, дѣйствительно-революціонная, т. е. соціалдемократическая точка зрѣнія не мирится ни съ реакціонной монголофобіей, ни съ жидко-либеральнымъ «японофильствомъ».

Правда, мы должны признать, что въ борьбѣ между Россіей и Японіей не нашему отечеству—въ его нынѣшней государственной оболочкѣ—приходится играть—относительно—болѣе почетную роль. Не Россія, а Японія олицетворяетъ собою въ данный моментъ революціонизирующія тенденціи капитализма. И—увы!—не Россія, а Японія представляетъ собой культурный прогрессъ, доступный, вообще, капитализму. Къ нашему глубокому стыду, изъ числа этихъ двухъ—равночуждыхъ намъ противниковъ—абсолютистской Россіи и кон-

ституціонной Японіи, не въ Японіи четыре раза въ годъ разстрѣливаютъ на улицахъ рабочихъ, не въ ней запарываютъ на смерть «бунтующихъ» на колѣняхъ мужиковъ, не въ ней устраиваютъ Варфоломеевскія ночи надъ «инородцами», не въ ней изувѣрски преслѣдуютъ иновѣрцевъ. Не Японія, а Россія состязается съ Испаніей въ достиженіи максимальнаго процента безграмотности, не Японія соревнуетъ съ Китаемъ въ утонченности и «популярности» системы тѣлеснаго наказанія, не Японія, а именно абсолютистская Россія соперничаетъ съ Турціей въ дѣлѣ расцвѣта взяточничества и казнокрадства. И мы достаточно «патріоты», чтобы этотъ свой позоръ насильственной связи съ режимомъ кнута и нагайки искупить активной работой для революціоннаго возрожденія обезчещенной Россіи!

Мы достаточно «патріоты» въ этомъ смыслѣ, чтобы пальцемъ о палецъ не ударить, дабы «помочь» правительству побѣдою надъ Японіей укрѣпить свое, безчестящее Россію, владычество надъ нашей родиной. Но въ то же время, мы—интернаціональные соціалисты, а потому не наше дѣло «помогать» правящимъ классамъ Японіи разгромить реакціонную Россію и тѣмъ заложить прочныя основы реакціоннаго подавленія японскаго пролетаріата. Мы—интернаціональные соціалисты, и въ союзѣ съ такими же соціалистами Японіи ведемъ войну и противъ русскаго абсолютизма и противъ буржуазіи парламентской Японіи. Не «да здравствуетъ Японія», написано на нашемъ знамени, а «да здравствуетъ миръ»! Мы—интернаціональные соціалисты, а потому всякій политическій союзъ соціалистовъ нашей страны съ какимъ бы то ни было классовымъ государствомъ сочли бы предательствомъ дѣла революціи. Ибо—мыслимый только въ воображеніи гг. Сыромятниковыхъ—«союзъ» между какой либо революціонной группой въ Россіи и какимъ нибудь «внѣшнимъ врагомъ» русскаго абсолютизма былъ бы въ глазахъ соціалдемократовъ простымъ поступленіемъ революціонной группы на службу буржуазному государству, (службу, по существу, близкую къ полицейской). И если бы сонъ г.г. Столыпиныхъ какимъ нибудь чудомъ осуществился, и Японія стала бы искать готовыхъ предаться ей русскихъ, она не нашла бы ихъ въ средѣ россійскихъ соціалистовъ. Можетъ быть—и очень вѣроятно, что она отыскала бы новыхъ полковниковъ Гриммовъ, какъ Германія нашла среди французскихъ «патріотовъ»—Анри и Эстергази; но русскій соціалистъ, который согласился бы,—во имя борьбы съ абсолютизмомъ,—вступить въ какую бы то ни было сдѣлку съ японскимъ правительствомъ, былъ бы безпощадно выброшенъ изъ среды соціалистовъ.

Именно патріоты изъ господствующихъ классовъ, любящіе кричать

о нашемъ космополитизмѣ, не брезгаютъ, когда затронуты ихъ классовые интересы, въ борьбѣ съ враждебными имъ народными массами, вступать въ политическій союзъ съ «врагами отечества». Французское дворянство въѣхало обратно во Францію, изъ которой его выбросила метла великой революціи, подъ охраной прусскихъ, англійскихъ и россійскихъ штыковъ. Французская буржуазія затопила Парижъ въ крови его пролетарскихъ сыновъ при помощи германской арміи. А прусское дворянство готовилось воспользоваться услугами казаковъ Николая I для возвращенія своей родины въ «первобытное» состояніе до-революціонныхъ порядковъ. И наши казенные патріоты, шумящіе о мнимыхъ иноземныхъ рессурсахъ русской революціи, не постѣснятся въ цѣляхъ борьбы съ этой революціей прибѣгнуть къ услугамъ нынѣшнихъ своихъ «внѣшнихъ» враговъ.

Классовая солидарность эксплуататоровъ—въ извѣстныхъ случаяхъ—такъ же точно переходитъ національныя границы, какъ и классовая солидарность эксплуатируемыхъ. Разница только въ томъ, что классовой интересъ пролетаріевъ дѣлаетъ **невозможнымъ** для нихъ союзъ съ какой бы то ни было **организаціей классоваго господства**, т. е. съ какимъ бы то ни было чужимъ государствомъ, тогда какъ классовый интересъ эксплуататоровъ вполнѣ допускаетъ такой союзъ съ органомъ классоваго господства за предѣлами своего отечества.

Пролетаріату незачѣмъ компрометировать себя союзомъ съ какой бы то ни было государственной организаціей классоваго господства, низведеніемъ себя до роли политическаго наемника одной изъ борющихся между собою эксплуататорскихъ силъ. Его политика не имѣетъ ничего общаго съ авантюризмомъ, ибо его политика опирается на непреложный ходъ историческаго развитія. А это развитіе систематически и все ускоряющимся темпомъ работаетъ намъ на пользу. Съ захватывающей духъ быстротой мчитъ насъ исторія къ той минутѣ, когда современный режимъ разлетится въ прахъ. Ускорить этотъ моментъ мы можемъ только организуя свои силы такъ, чтобы достойно встрѣтить предстоящее намъ политическое испытаніе. Эта задача достаточно обширна, чтобы оберечь насъ отъ всякаго искушенія попытаться «ускорить» естественный процессъ авантюристскимъ политическимъ актомъ.

Л. Мартовъ.

О патріотизмѣ.

(15 марта 1904 г., № 62).

Ихъ много сейчасъ, ими хоть прудъ пруди—«патріотовъ своего отечества», всѣхъ тоновъ и мастей: изступленныхъ—отъ реакціи, и стыдливыхъ—отъ либерализма! Упразднителей, привыкшихъ заушать, и упраздняемыхъ, въ полученіи заушеній привыкшихъ расписываться! Тѣхъ, что бряцали на страхъ врагамъ о россійскомъ «срединномъ царствѣ», объ азіатскомъ «бѣломъ царѣ», и тѣхъ, что лелѣяли украдкой мечту о новомъ Севастополѣ!

Ихъ смелъ въ одну кучу военный катаклизмъ, и они всѣ твердятъ теперь наперерывъ «о любви къ отечеству и о народной гордости».

Патріотизмъ—на очереди! какъ всегда, въ видѣ той ходячей «звонкой» монеты, которою самодержавная власть, въ критическіе для нея моменты, пытается купить податливыя души своихъ подданныхъ. Но стоитъ только пройти моменту, и приманка оказывается ненужной, монета обезцѣнена, а душа, воспламененная не въ мѣру патріотическимъ чувствомъ, неукоснительно шествуетъ въ участокъ, гдѣ ей преподносится забытый урокъ «вѣрноподаническаго» поведенія. Слушаться и держать языкъ за зубами!—эту русскую добродѣтель вбивалъ въ свое время пресловутый Бенкендорфъ не менѣе пресловутому Булгарину, заявляя, что самодержавію не нужна похвала литературы. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь возможность похвалъ носитъ въ себѣ зародышъ возможнаго порицанія. Патріотическая иниціатива подданныхъ есть первичная форма для политической агитаціи гражданъ. Потому-то мы и видимъ въ исторіи самодержавной Россіи, что за каждымъ подъемомъ патріотическаго настроенія неминуемо слѣдовалъ общественный натискъ на власть. Только въ рѣдкіе періоды общенаціональнаго возбужденія несчастному представителю русской государственности удавалось подняться до идеи общественнаго цѣлаго, до сознанія необходимости о судьбахъ его позаботиться. Но зато, когда удавалось, въ аморфной обывательской массѣ тотчасъ начинался процессъ кристаллизаціи.

Такъ, еще три вѣка назадъ патріотическій призывъ Пожарскаго и Минина открылъ собою эру земскихъ соборовъ; такъ, за «отечественной войной» противъ Наполеона непосредственно слѣдовало то броженіе дворянъ, заключительнымъ аккордомъ котораго явился заговоръ

декабристовъ; такъ, наконецъ, послѣдняя, дѣйствительно серьезная «національная» встряска, пережитая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Россіей, завершилась «эпохой великихъ реформъ», этимъ сложнымъ клубкомъ разнородныхъ общественныхъ движеній.

Но связь между «частью» и «цѣлымъ» едва закрѣпленная.

Во дни торжествъ и бѣдствій народныхъ, неизмѣнно стиралась въ наступавшіе затѣмъ будни—ее безъ пощады рвалъ весь укладъ самодержавно-бюрократическаго строя; укладъ, не знающій «цѣлаго», потому что онъ не знаетъ и «части», какъ творца этого «цѣлаго»: вмѣсто «цѣлаго» существуетъ начальство всѣхъ ранговъ, вмѣсто самодѣятельной «части»—объектъ начальственнаго усмотрѣнія. А гдѣ нѣтъ связи между «цѣлымъ» и «частью», тамъ нѣтъ и не можетъ быть патріотизма, который является вѣдь ни чѣмъ другимъ, какъ элементарнымъ проявленіемъ этой связи. Неудивительно, поэтому, что у насъ процвѣтаетъ патріотическая «словесность», но давнымъ давно не было патріотизма, какъ составного элемента общественной жизни. Въ поискахъ за нимъ надо идти въ глубь исторіи, когда Русь «собиралась», когда только что простылъ слѣдъ татарина, когда «ляхъ» угрожалъ Москвѣ, словомъ—когда царская власть еще служила эмблемой національной обороны отъ враговъ съ Востока и съ Запада. Тогда кличъ—заложимъ женъ и дѣтей, но отстоимъ родную землю!—звучалъ величественно грозно, теперь, повторенный въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ привѣтствій, онъ кажется грубымъ фарсомъ, циничной пародіей на стародавнюю трагедію народа. По мѣрѣ того, какъ самодержавіе изъ оплота противъ вѣчно грозящей «внѣшней» опасности превращалось въ символъ всенароднаго закрѣпощенія, все рѣже и рѣже приходилось Россіи переживать тѣ кризисы, которые требовали отъ нея напряженія всѣхъ силъ и таковыми же являлись въ общественномъ сознаніи. Характерный въ этомъ смыслѣ симптомъ назрѣвшихъ перемѣнъ: даже нашествіе Наполеона и пожаръ Москвы въ прошломъ вѣкѣ (не говоря уже про крымскую кампанію) не вызвали чего либо отдаленно подобнаго стихійному взрыву 1612 года. Національный энтузіазмъ отливался въ преходящія настроенія, не успѣвая формировать патріотовъ. И о томъ же непререкаемо свидѣтельствуетъ и русская литература. Въ большой галлереѣ ея образовъ нѣтъ ни одного лица, для котораго мысль о «цѣломъ» была бы властной идеей, той пламенной страстью, которая заполняетъ собою личность человѣка. Канцелярія, полкъ, губернскій или уѣздный муравейникъ, помѣщичья усадьба, товарищескій кружекъ, семейный очагъ—около этихъ дробныхъ ячеекъ сосредоточивался интересъ безчисленныхъ героевъ русскаго романа;

замкнутые въ нихъ, они жили и умирали, не тревожимые думой объ «отечествѣ», ибо дума объ «отечествѣ» относится къ вѣдѣнію того коллектива, который зовется высшимъ начальствомъ. Оно велитъ, и обмундированный обыватель—побѣдитель провинціальныхъ сердецъ, герой зеленаго поля или скромный семьянинъ,—идетъ во имя несознанной цѣли погибать на дальнемъ Кавказѣ, въ траншеяхъ Севастополя, подъ «солнцемъ Аустерлица».

Зачѣмъ?—Жизнь, катящаяся годъ за годомъ по традиціонной колеѣ, раздробленная на рядъ не связанныхъ между собою мірковъ, не знаетъ этого «зачѣмъ»?, какъ не знаетъ, вообще, проклятыхъ вопросовъ; и тѣ простые, незамѣтные, но храбрые люди, которыхъ обезсмертило перо Толстого въ его военныхъ разсказахъ, въ великой эпопеѣ двѣнадцатаго года, столь же мало помышляютъ и размышляютъ объ отечествѣ, какъ и растительное существо—Платонъ Каратаевъ, какъ и вся безымянная масса, безропотно устилавшая своими тѣлами кровавый путь самодержавно-бюрократическихъ успѣховъ. Даже въ самое пекло войны они приносятъ свою скорлупу, скорлупу облекающей ихъ ячейки, и эту скорлупу оказываются безсильными разбить и горячій порывъ и романтическая греза, такъ часто рождаемые—вспомните юношу Ростова—подъ шумъ и грохотъ событій.

Война не создавала патріотовъ, еще меньше создавалъ ихъ тотъ миръ, который походилъ на спокойствіе кладбища. И недаромъ, конечно, автору «Наканунѣ» пришлось, когда онъ захотѣлъ нарисовать фигуру патріота, обратиться... къ Болгаріи и произвести въ ней заемъ, за отсутствіемъ отечественнаго матеріала. Но зато же и казался «ирой» Инсаровъ тургеневскимъ россіянамъ какимъ то страннымъ чудакомъ, маніакомъ своей идеи. Маленькая страна имѣла то, чего не было у большой Россіи—она имѣла общенародное дѣло!

А въ Россіи все сидѣло по клѣткамъ-ячейкамъ и занималось приватно, и горе было тому смѣльчаку, кто пытался бы просунуть голову въ щель своей клѣтки: такъ, изъ дали почти цѣлаго вѣка на насъ смотритъ печально—величаво обликъ того, кто по словамъ поэта:

„ ... въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
У насъ онъ офицеръ гусарскій"!

Гусаръ имѣлъ несчастье задуматься надъ тѣмъ, что представляетъ собою его отечество, задуматься и сказать это вслухъ, и «отечество» немедленно распорядилось признать «гусара» безумнымъ... Сиди въ своей клѣткѣ!

Литература, дѣйствительно, «сидѣла» и ограничивалась тѣмъ, что

живописала многообразныя клѣтки, на которыя распадается строй обывательской жизни. Когда, однако, въ потребные моменты «отечеству» приходилось обращаться къ литературѣ и говорить ей—воспой меня!—оно получало, къ удивленію въ отвѣтъ лишь хриплые звуки бездарныхъ писакъ—на родномъ Парнасѣ не оказывалось пѣвцовъ патріотизма!

Двѣ-три строфы Пушкина, нѣсколько Тютчевскихъ стиховъ—таковъ едва-ли не весь поэтическій багажъ россійскаго патріотизма. Даже даровитые люди, какъ Майковъ, пріобрѣтали моментально—бездарность, какъ только припадали къ этой заклятой почвѣ.

Что то, очевидно, творилось, какой-то переломъ подготовлялся въ странѣ, величайшій лирикъ которой говорилъ своимъ современникамъ: «потому что я не слышу музыки въ звяканьѣ цѣпей и потому что меня не привлекаетъ блескъ штыковъ—вы утверждаете, что я не патріотъ!—Потому что я совсѣмъ не стараго покроя и закала, и не иду съ каждымъ шагомъ назадъ—вы утверждаете, что я не патріотъ, не люблю своей страны и не понимаю ея!—Они правы: самъ чертъ не разберетъ, отчего у насъ быстрѣе подвигаются тѣ, которые идутъ назадъ, такъ что они достигаютъ уже своей цѣли, когда я по своей дорогѣ только что двинулся впередъ!—Богъ даровалъ мнѣ языкъ, но, когда я вздумалъ заговорить, захватило у меня горло! Страшныя вещи происходятъ въ моей странѣ, и удивительный обычай завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ для молчанія»!..

Это было столь же симптоматично, сколь былъ симптоматиченъ и тотъ единственный герой Льва Толстого, который обладалъ всѣми данными для патріота. Мы знаемъ, князь Андрей Болконскій, по замыслу своего творца, былъ прототипомъ декабриста. Прихоть художника увела, правда, его раньше времени изъ жизни, но она оставила ему замѣстителя въ сынѣ. Въ послѣдней главѣ знаменитаго романа уже чувствуется отдаленное дыханье надвигающейся грозы, чувствуется въ рѣчахъ Пьера Безухаго, въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ мальчикъ Николинька прислушивается къ этимъ рѣчамъ, Николинька, со дня на день становящійся все болѣе похожимъ на отца, и такой гордый этимъ сознаніемъ...

Цѣлое столѣтіе совершался въ Россіи знаменательный процессъ; на мѣстѣ, оставшемся вакантнымъ отъ старозавѣтнаго патріотизма, сквозь толщу историческихъ переживаній,—мало-по-малу, медленно и трудно пробивался къ свѣту и къ жизни—патріотизмъ новый, патріотизмъ обновляющейся Россіи, патріотизмъ активнаго протеста. Сначала одинокія фигуры, какъ Радищевъ, потомъ маленькія группы людей—дека-

бристы, затѣмъ мятущійся слой народолюбивой интеллигенціи и, наконецъ, цѣлый пластъ народный—передовой пролетаріатъ. Въ прерывисто-растущемъ движеніи видоизмѣнялось содержаніе, мѣнялись формы, неизмѣннымъ оставалось одно: кто бы ни являлся носителемъ этого движенія, онъ былъ той пришедшей къ сознанію «частью», которая готова была принесть себя въ жертву только что познанному «цѣлому»; ея взору предносилось идеальное, преображенное мыслью «отечество», и къ этому „отечеству" тѣмъ рѣшительнѣе тяготѣла воля сознательной „части", чѣмъ болѣе сама „часть" ощущала на себѣ давящую лапу конкретнаго „отечества", чѣмъ болѣе она чувствовала себя—отверженцемъ современности.

Революціонность стала непремѣннымъ аттрибутомъ патріотизма,—патріотизмъ растворился въ революціонности. Подъ сѣнью самодержавнаго режима только революціонеръ былъ патріотомъ, потому что онъ одинъ болѣлъ горемъ своей родины. И только тотъ общественный классъ или слой могъ взвалить на себя тяжелую ношу патріотизма, который волею судебъ вмѣстилъ въ себя необходимый запасъ протестантской энергіи, дабы объявить войну проклятому режиму.

И въ этомъ смыслѣ соціалдемократія патріотична par excellence. Интернаціональная въ своемъ существѣ, она ставитъ себѣ патріотическія задачи и, именно осуществляя ихъ, творитъ свое—интернаціональное дѣло. Но потому же самому ея патріотизмъ—патріотизмъ воинствующаго пролетаріата—не есть и не можетъ быть патріотизмомъ порабощенія.

Она знаетъ на сценѣ исторіи лишь одно соперничество, одно законное патріотическое желаніе: чтобы мой народъ внесъ какъ можно больше своего въ міровой процессъ общественнаго пересозданія!

Староверъ.

„Строгость необходима"...

(1 мая 1904 г., № 85).

Когда русская тихо-океанская эскадра терпѣла одно пораженіе за другимъ и когда русскіе моряки, несмотря на все свое несомнѣнное мужество, оказывались не въ состояніи причинить сколько-нибудь значительный вредъ непріятелю, правительство и его рептиліи увѣряли Россію, что этимъ не нужно смущаться, такъ какъ дѣло приметъ другой оборотъ и военное счастье повернется въ нашу сторону, когда начнется сухопутная кампанія. Теперь эта кампанія началась, и, вопреки успокоительнымъ обѣщаніямъ, телеграфъ снова и снова разноситъ по свѣту вѣсти объ японскихъ побѣдахъ. Наши охранители дѣлаютъ видъ, что ихъ нисколько не смущаютъ и эти печальныя для Россіи вѣсти.

Газета г. Грингмута съ ученымъ видомъ знатока говоритъ, что «отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ, повидимому, уже давно и составляетъ, слѣдовательно, одно изъ частныхъ явленій общаго плана дѣйствій, съ которымъ, быть можетъ, можно и не соглашаться, но который, несомнѣнно, представляетъ собой нѣчто цѣльное и строго обдуманное». Но этому врядъ-ли повѣрятъ даже самые простодушные читатели «Московскихъ Вѣдомостей». Если отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ уже давно, то зачѣмъ же было загораживать дорогу японцамъ, зачѣмъ было начинать то сраженіе, которое по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла не могло не закончиться для русскихъ неудачей? Или, можетъ быть, это неудачное сраженіе, эти орудія, доставшіяся непріятелю, этотъ новый подъемъ духа въ японской арміи составляли необходимую часть плана, «строго обдуманнаго нашими» мудрыми военачальниками? Если—да, то это, конечно, хорошо: но въ такомъ случаѣ почему не пойти дальше и не сказать, что для выполненія этого оргинальнаго плана непремѣнно нужны были наши морскія неудачи до гибели адмирала Макарова включительно? Бумага все терпитъ. Правда, русскій читатель уже не настолько простодушенъ, чтобы могъ повѣрить такимъ нелѣпымъ росказнямъ. Но вѣдь онъ не повѣритъ и тому, что наше отступленіе отъ Ялу не было новой неудачей нашей арміи. Кто не видитъ теперь, что на самомъ дѣлѣ у правительства вовсе нѣтъ никакого серьезнаго плана; что оно было совсѣмъ не готово къ той самой войнѣ, которую дѣлала неизбѣж-

ной его же политика на Дальнемъ Востокѣ; что оно не знало хорошенько размѣровъ ни своихъ собственныхъ военныхъ средствъ, ни средствъ непріятеля *)? Это во всеуслышаніе признають даже тѣ наши публицисты, которые отнюдь не склонны критиковать дѣйствія предержащихъ властей и подрывать довѣріе къ нимъ въ народѣ и обществѣ. «Мы съ благородной славянской честностью не готовились къ войнѣ, когда вели съ Японіей переговоры», говоритъ г. Суворинъ въ № 10.106 «Новаго Времени», забывая только прибавить, что подобную же «честность» обнаружило правительство Наполеона III лѣтомъ 1870 года, ведя переговоры съ Пруссіей. «Теперь ясно для всѣхъ—продолжаетъ онъ,—что Японія гораздо лучше знаетъ Россію, чѣмъ Россія Японію.. Мы, простые смертные, вообще знаемъ мало. Но очевидно, что и въ высшихъ сферахъ знали Японію мало. Мы не знали о большомъ развитіи у нея техники, объ этой жаждѣ хвататься за всякое изобрѣтеніе въ Европѣ и тотчасъ же имъ пользоваться, не дожидаясь пока оно оправдаетъ себя. Трусость китайцевъ обманывала насъ и на счетъ храбрости японцевъ». Словомъ, наши «высшія сферы» совсѣмъ не знали, какого противника вызываютъ онѣ на бой своей политикой захвата чужихъ земель, хотя онѣ обязаны были знать, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло, и хотя исполненіе этой обязанности очень облегчалось для нихъ недавнимъ опытомъ войны Японіи съ Китаемъ. Думаетъ ли нашъ публицистъ, что и этотъ непростительный промахъ объясняется «благородной славянской честностью»? Это, безспорно, очень лестное для насъ объясненіе. Жаль только, что свѣтлая картина «славянской честности» омрачается той «алчностью наживы», на которую указываетъ самъ г. Суворинъ и которая,—приводя къ безчисленнымъ «хищеніямъ» на всѣхъ многочисленныхъ ступеняхъ и во всѣхъ возможныхъ «вѣдомствахъ» нашей администраціи,—еще болѣе ослабляла и безъ того сравнительно слабыя силы Россіи. Трудно представить себѣ, чтобы «честность» этого рода могла нравиться кому-нибудь, кромѣ «правящихъ сферъ». И самъ публицистъ «Новаго Времени» заканчиваетъ

---

*) Иностранныя газеты сообщаютъ, что генералъ Куропаткинъ въ длинной телеграммѣ, посланной имъ царю, протестуетъ противъ поведенія адмирала Алексѣева, который хочетъ навязать ему планъ военныхъ дѣйствій, прямо противоположный его собственному, г. Куропаткина, плану. Выходитъ что у насъ есть не одинъ, а цѣлыхъ два плана (а у генерала Засулича былъ, пожалуй, третій), и каждый изъ нихъ, вѣроятно, «строго обдуманъ». Это полнѣйшая анархія, какъ двѣ капли воды похожая на ту, которая господствовала во французской арміи во время семилѣтней войны, т. есть въ эпоху глубочайшаго упадка неограниченной монархіи во Франціи.

свое «Маленькое письмо» строками, дающими поводъ думать, что она начинаетъ находить себѣ у насъ надлежащую оцѣнку.

«Судите нашу распущенность, халатность, пренебреженіе долгомъ, нашими обязанностями къ общественному порядку, къ пользамъ нашего отечества и Государя,—взываетъ онъ,—но судите не для праздныхъ проклятій, а для того, чтобы быть лучшими, благороднѣйшими, великими сынами Россіи»! Стало быть, проклятія раздаются? Противъ кого же они направляются? Не противъ той ли правительственной системы, которая господствуетъ въ нашей несчастной странѣ и которая какъ будто нарочно придумана для того, чтобы воспитать въ своихъ представителяхъ распущенность, халатность и пренебреженіе своими обязанностями по отношенію къ «общественному порядку»? Очень на то похоже. Въ своемъ предыдущемъ письмѣ (№ 10.105 «Н. В».) г. Суворинъ уже сообщилъ намъ, что теперь русское общество начинаетъ скептически относиться не только къ обѣщаніямъ будущихъ побѣдъ нашихъ надъ японцами, но и ко всей политикѣ, приведшей насъ къ вооруженному столкновенію съ Японіей. Этотъ скептицизмъ уже самъ по себѣ долженъ предрасполагать наше общество къ сознанію той простой истины, что отвѣтственность за бѣдствія, переживаемыя Россіей, падаетъ не на отвлеченныя свойства человѣческой природы, а на существующій у насъ политическій порядокъ.

Весьма возможно, правда, что это сознаніе далеко не у всѣхъ еще достигло надлежащей ясности и что весьма многіе изъ людей, «проклинающихъ» существующіе у насъ порядки, еще не успѣли возвыситься до отрицательнаго отношенія къ ихъ политической основѣ. Самъ г. Суворинъ въ своемъ разсужденіи смѣшиваетъ отечество съ правительствомъ и отождествляетъ интересы Россіи съ интересами этого послѣдняго.

Не желая пускаться по этому поводу въ полемику собственно съ г. Суворинымъ,—отъ котораго мы никогда не ожидали ни правильнаго сужденія, ни смѣлаго слова,—мы замѣтимъ, что логика жизни сильнѣе самой застарѣлой нелогичности мысли. Если севастопольскій погромъ въ корень подорвалъ систему Николая Перваго, то Портъ-Артурскій крахъ обѣщаетъ до основанія расшатать современный.

Г. Суворинъ приглашаетъ всѣхъ своихъ читателей быть строгими къ самимъ себѣ. «Строгость необходима,—хнычетъ онъ,—для нашего нравоученія, чтобы не повторить нашихъ ошибокъ, заблужденій, вольныхъ и невольныхъ, и пороковъ, чтобы не жить такъ, какъ мы жили»,

Намъ,—т. е. Россіи,—дѣйствительно нельзя жить такъ, какъ мы до сихъ поръ жили, потому что если мы будемъ продолжать жить такъ, то мы по роковой необходимости будемъ повторять ошибки, за которыя намъ приходится платить теперь страшно дорогой цѣною. И намъ дѣйствительно «необходима строгость»—необходима не для «праздныхъ“ нравоученій, которыя ровно никому и ровно ничему не помогали и не помогутъ, а для безпощадной борьбы съ отживающимъ режимомъ, который уже давно сталъ сильнѣйшимъ препятствіемъ для внутренняго развитія Россіи, а теперь завлекъ ее въ безсмысленную войну, грозящую ей цѣлымъ рядомъ непоправимыхъ бѣдствій. Въ этой борьбѣ мы на самомъ дѣлѣ должны быть «строги» не только по отношенію къ прямымъ представителямъ господствующей у насъ позорной политической системы,—съ которыми у насъ не можетъ быть ни продолжительнаго мира, ни самаго короткаго перемирія, но также и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ „загадочнымъ натурамъ“, которыя, не принадлежа къ числу обывателей, мало разбирающихся въ политическихъ вопросахъ, и не становясь прямо на сторону правительства, а порой нося даже либеральный плащъ, въ то же самое время усиливаютъ позиціи абсолютизма своимъ неразуміемъ, своей дряблостью, слабостью и непослѣдовательностью. Люди этого разряда,—люди—трава, люди—слизняки, какъ говаривалъ покойный А. И. Герценъ,—повидимому, еще долго у насъ не переведутся, и эти люди заслуживаютъ самаго строгаго осужденія, потому что дѣлу свободы они иногда, хотя, можетъ быть, и невзначай, вредятъ больше, чѣмъ самые убѣжденные и упорные охранители.

Къ ихъ числу мы, къ искреннѣйшему нашему сожалѣнію, вынуждены отнести либеральнаго корреспондента либеральныхъ „Русскихъ Вѣдомостей“ г. Sh., который, подобно г. Суворину, не умѣетъ отличить отечество отъ начальства. Въ своемъ письмѣ отъ перваго апрѣля (см. № 97 „Р. В.“) онъ, описывая впечатлѣніе, произведенное на англичанъ гибелью „Петропавловска“, приводитъ мнѣнія тѣхъ „радикальныхъ“ англійскихъ изданій, которыя въ вопросѣ о войнѣ „рѣшительно выступили сторонниками русскаго народа, сдѣлавъ соотвѣтственныя оговорки“. (Р. В. № 97). Какія же именно оговорки, г. корреспондентъ? Самой естественной и самой основательной изо всѣхъ оговорокъ, возможныхъ въ настоящемъ случаѣ, является та, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а его злѣйшій и опаснѣйшій врагъ—русское правительство; но съ точки зрѣнія этой оговорки вопросъ о томъ, на чью сторону должна стать англійская и всякая другая демократія представляется совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ его видятъ „Москов-

скія Вѣдомости“, г. Суворинъ, лондонскій корреспондентъ либеральной московской газеты и англійскіе „радикалы“. Г-нъ Sh. говоритъ, что, по мнѣнію „Reynolds Newspapers“, всякій знакомый съ произведеніями нашихъ великихъ писателей,—Гоголя, Достоевскаго, Тургенева,—„не колеблясь станетъ на сторону русскихъ въ войнѣ“. Цитируемой г. Sh. „радикальной“ газетѣ, вѣроятно, неизвѣстно положеніе русской литературы, а образованнымъ русскимъ людямъ прекрасно извѣстно все, сдѣланное правительствомъ для того, чтобы помѣшать ея развитію и какъ можно больше отравить существованіе лучшихъ и талантливѣйшихъ ея представителей. Странно, поэтому, что г. либеральный корреспондентъ съ своей стороны не прибавилъ къ выпискѣ, сдѣланной имъ изъ „Reynolds Newspapers“, „соотвѣтственной оговорки“, гласящей, что, кто любитъ русскую литературу, тотъ вездѣ и всегда противъ русскаго правительства. Далѣе г. Sh. повторяетъ то несомнѣнно очень „радикальное“ и справедливое мнѣніе, что японскій имперіализмъ основанъ „на страшной нищетѣ массъ“. Но и оно вовсе не рѣшаетъ вопроса, такъ неумѣло затронутаго г. Sh.: вѣдь нашъ россійскій имперіализмъ зиждется тоже не на обогащеніи массъ, какъ это извѣстно всему міру, а лучше всего самимъ „массамъ“. Человѣкъ имѣетъ право быть смѣшнымъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ правомъ, а г. либеральный корреспондентъ положительно злоупотребляетъ имъ, цитируя,—вслѣдъ за „однимъ англійскимъ изслѣдователемъ“,—слова „выдающагося и блестящаго японскаго соціолога“, который говоритъ: «Каждый броненосецъ поглощаетъ сотни и тысячи рисовыхъ полей. Вотъ почему наши крестьяне не могутъ ѣсть риса“. „Соціологъ“, конечно, правъ; но г. корреспондентъ, какъ видно, позабылъ, что наши броненосцы,—тѣ самые броненосцы, которые оказались до такой степени никуда негодными,—тоже очень не дешево обходятся русскому крестьянину, который еще рѣже, чѣмъ японскій, наѣдается досыта. Но все это цвѣточки, а вотъ невѣроятно крупная, удивительно сочная ягодка. „Цитируемый изслѣдователь,—продолжаетъ г. Sh.,—обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ (т. е. японскій) пролетаріатъ отнюдь не настроенъ такъ враждебно къ Россіи, какъ самураи[1]) или какъ консервативное деревенское населеніе. Наоборотъ, городской пролетаріатъ желаетъ жить въ мирѣ съ нами, но съ его желаніями не справлялись“. Это звучитъ не только либерально, но даже очень „радикально“. Однако, и это цѣликомъ основано на выгодной лишь для самодержавнаго правительства путаницѣ понятій. Изо

[1]) Т. е. мелкое японское дворянство.

всѣхъ элементовъ японскаго населенія не желали войны только пролетаріи, усвоившіе себѣ соціалистическія понятія. Съ мнѣніями этихъ пролетаріевъ дѣйствительно никто не считался. Но вѣдь г. корреспонденту не безызвѣстно, что сознательные пролетаріи существуютъ и въ Россіи. Пусть же онъ скажетъ намъ, считалось ли съ ихъ желаніями самодержавное правительство, ведущее теперь войну съ Японіей: спросило ли оно ихъ, что они думаютъ о занятіи Портъ-Артура, о захватѣ Манчжуріи? „Англійскій изслѣдователь“ могъ и не знать или позабыть, а г. Sh. нравственно обязанъ былъ знать и помнить, что россійскій пролетаріатъ еще гораздо больше безправенъ, чѣмъ японскій, и что на всѣ его желанія правительство отвѣчаетъ только нагайками и прикладами, штыками и пулями. Г. корреспондентъ нравственно обязанъ былъ знать, что въ борьбѣ съ революціоннымъ пролетаріатомъ и съ голодающимъ крестьянствомъ «христолюбивое» россійское воинство пожало очень много лавровъ. Какъ же могъ онъ хоть на мгновеніе вообразить, что демократы, достойные своего названія и искренно сочувствующіе трудящемуся населенію Россіи, могутъ желать свободы тому самому правительству, которое опирается на это войско и пользуется его силой для неслыханнаго угнетенія своего собственнаго народа? Нѣтъ, если бы г. Sh. дѣйствительно захотѣлъ узнать мнѣніе современной передовой демократіи, то онъ спросилъ бы себя, на чью сторону склоняется сочувствіе международныхъ соціалдемократовъ, и тогда ему легко было-бы,—ознакомившись съ ихъ литературой,—убѣдиться, что соціалдемократы всѣхъ странъ—не исключая и Англіи,—безъ всякихъ «оговорокъ» желаютъ побѣды японскому оружію[1]). И это вполнѣ понятно. Не японскій микадо, а русскій абсолютизмъ всегда служилъ надежнѣйшимъ оплотомъ европейской реакціи; не японскій микадо, а русское правительство давило Польшу, усмиряло Венгрію, травитъ «жидовъ», нарушаетъ конституцію Финляндіи; не японскій микадо, а русскій абсолютизмъ до сихъ поръ является величайшей угрозой освободительному движенію въ Европѣ. Вотъ почему представители и друзья этого движенія не могутъ желать, чтобы побѣдило русское правительство. Международная соціалдемократія ни мало не склонна къ идеализаціи японскихъ порядковъ. Принципіальная противница милитаризма, она вообще не сочувствуетъ войнѣ и знаетъ, во что обойдется японскому народу побѣда Японіи. Но знаетъ она также, что несравненно дороже обошлась бы Россіи, а

[1]) Что касается Англіи, то мы рекомендуемъ г. Sh. хотя бы замѣтку: Crush the Muscowte Tyranny въ послѣднемъ, 1061, номерѣ органа Анлійской Соціал-Демократической Федераціи „sfice“.

съ нею и всей Европѣ, побѣда русскаго самодержавія надъ Японіей. Изъ двухъ золъ она выбираетъ меньшее. Это извѣстно всѣмъ тѣмъ, кого интересуетъ великое революціонное и единственное истинно-демократическое движеніе нашего времени. И намъ совершенно непонятно, какимъ образомъ г. либеральный корреспондентъ московской газеты рѣшился умолчать объ этомъ, заговоривъ о сочувствіи къ Россіи «радикальныхъ» элементовъ одной изъ европейскихъ странъ. Г. корреспондентъ не солгалъ, но онъ исказилъ истину, сообщивъ своимъ читателямъ лишь ничтожную и наименѣе важную ея часть. А такое искаженіе хуже лжи.

Нечего и говорить! Мы сами какъ нельзя лучше понимаемъ, что въ данномъ случаѣ истина не заключаетъ въ себѣ ничего лестнаго для русскаго національнаго чувства. Намъ очень больно за Россію. Но горю не поможешь искаженіемъ истины. Чтобы помочь ему, необходимы такія серьезныя «оговорки», которыя, войдя въ нашу внутреннюю жизнь, радикально измѣнили бы роль нашей страны въ международной политикѣ. Если намъ обидно, что наша страна представляется передовымъ партіямъ другихъ странъ чѣмъ-то въ родѣ европейскаго жандарма, которому они не могутъ не желать неудачъ и пораженій, то у насъ есть лишь одинъ выходъ: мы должны какъ можно скорѣе покончить съ правительствомъ, позорящимъ насъ въ глазахъ всего цивилизованнаго міра. Нѣтъ и не можетъ быть такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, которыя позволяли бы намъ,—и, говоря «намъ», мы имѣемъ въ виду всѣхъ тѣхъ, кому въ самомъ дѣлѣ дороги интересы и честь нашей страны,—хотя бы самое короткое время, хотя бы лишь нѣсколько шаговъ идти рядомъ съ правительствомъ. Даже и война ничего не измѣняетъ въ этомъ, потому что и во время войны интересы нашего народа ни на одно мгновеніе не перестаютъ самымъ кореннымъ образомъ расходиться съ интересами нашего правительства. Тѣ огромныя бѣдствія, которыя война навлекаетъ на русскій народъ, являются лишь новымъ доказательствомъ того, что ему нужно какъ можно скорѣе освободиться. И чѣмъ больнѣе отзываются въ нашемъ сердцѣ эти огромныя бѣдствія войны, тѣмъ тверже должны мы помнить, что теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, строгость необходима,— не та фразистая, не беззубая строгость, о которой болтаетъ г. Суворинъ, и не та строгость школьнаго «фискала», о которой распространяется г. Меньшиковъ, а та строгость, которая называется революціонной непримиримостью, та спасительная строгость, которая разрушитъ безобразное зданіе абсолютизма, «грянетъ божьею грозой» надъ «неправдою лукавой», насажденною самовластіемъ въ нашей странѣ, и сдѣлаетъ

насъ, наконецъ, свободнымъ народомъ. Справившись съ внутреннимъ врагомъ, мы, въ качествѣ такого народа, уже сравнительно легко уладимъ свои дѣла со всѣми «внѣшними врагами».

Г. Плехановъ.

Разгромъ.

(1 мая 1904 г., № 65).

Послѣ Портъ-Артура—Ялу, послѣ гибели «Петропавловска»—позорное бѣгство со сдачей японцамъ трехъ четвертей русской артиллеріи! Сотни плѣнныхъ—въ томъ числѣ десятки офицеровъ, тысячи убитыхъ и раненныхъ! Выбитые изъ строя генералы и деморализованные паническимъ страхомъ солдаты! «Великій» и «непобѣдимый» Куропаткинъ, телеграфирующій о томъ, что у него—на третій день послѣ сраженія—нѣтъ никакихъ извѣстій о размѣрахъ потерь и что эти потери «должны быть очень велики». Генералъ Засуличъ, посылающій подробные отчеты о разныхъ деталяхъ сраженія, но забывающій сообщить одну маленькую подробность: конечный результатъ, число убитыхъ и раненыхъ. И, наконецъ, петербургское правительство, держащее населеніе нѣсколько дней въ неизвѣстности о судьбахъ арміи, не рѣшающееся высказать—даже въ извращенномъ видѣ—горькую истину. А вокругъ—рой жужжащихъ во всѣ уши журналистовъ, увѣряющихъ почтенную публику, что пораженіе не настоящее, и что самое сраженіе съ тысячами выбитыхъ изъ строя было не настоящее, и что—невѣроятно, но вѣрно!—«неудача» на Ялу «входила въ планъ» великаго и непобѣдимаго Куропаткина! Онъ, собственно говоря, зналъ, что японцевъ нельзя не пустить черезъ Ялу, онъ зналъ, что ими собраны громадныя силы, и онъ даже поставилъ себѣ цѣлью завлечь ихъ въ Манчжурію. Цѣль достигнута—и напрасно японцы торжествуютъ: послѣ пятидневнаго сраженія они, перейдя рѣку, только приблизились къ той «ловушкѣ», которую готовитъ имъ Куропаткинъ.

Всѣ эти и подобныя благоглупости охотно воспринимаются той публикой, для которой специально и нарочито измышляются оффиціальныя телеграммы петербургскихъ манчжурцевъ и стратегическія соображенія подкупленныхъ ими европейскихъ журналистовъ. Эта публика, передъ которой одной даетъ отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ самодержавіе, эта публика владѣльцевъ русскихъ бумагъ и всевозможныхъ заимодавцевъ, эта трусливая, глупая и утратившая всякое политическое чутье европейская буржуазія удовлетворяется подобнымъ грубымъ обманомъ. Подъ гипнозомъ тѣхъ барышей, которые сулитъ ей соучастіе въ эксплоатаціи всѣхъ несчастій нашего отечества, она слѣпа и глуха ко всѣмъ доводамъ логики и самыя идіотскія «объясненія» способны удовлетворить ея политическій разумъ. Примитивной зоологической хитрости «сѣвернаго медвѣдя» надолго еще хватитъ, чтобы вести за носъ эту разновидность животнаго царства.

Но русская публика—ее-то, неужели еще разъ проведутъ придворные аферисты и проститутки печатнаго слова? Неужели и сейчасъ, послѣ первой пробы силъ на сушѣ, они не поймутъ, что наступило уже, что неотвратимо надвигается уже «начало конца» той исторической драмы, въ которой эта широкая русская публика, это буржуазное «общество» играло преступную роль пособника и попустителя?.. Развѣ не ясно уже теперь, что это—разгромъ, самый полный разгромъ самодержавной Россіи?

«Судьбы свершился приговоръ». Стратегическое значеніе перехода японской арміи черезъ Ялу, высадки въ Ліао-Дунѣ и блокады Портъ-Артура можетъ оказаться не такъ велико, какъ представляется на первый взглядъ. «Геройски» отступая къ Мукдену или даже къ Харбину, русскія войска, покинувъ на произволъ судьбы Портъ-Артуръ, быть можетъ, успѣютъ избѣжать рѣшительныхъ сраженій до тѣхъ поръ, пока Куропаткину удастся собрать трехсоттысячную армію. Возможна еще и перемѣна «военнаго счастья». Но политическое значеніе этого ряда неудачъ не можетъ быть ослаблено тѣми успѣхами, на которые вообще можетъ надѣяться русская армія. Внутренняя гнилость самодержавія, какъ политической организаціи современнаго государства, вскрыта гораздо раньше, чѣмъ можно было ожидать, и всѣ тѣ шовинистическія предсказанія, которыя раздавались въ прессѣ и правящихъ сферахъ въ первые дни войны, только еще ярче освѣщаютъ теперь позоръ фактическаго разгрома. Даже рептильная пресса вынуждена дать выраженіе обывательскому недоумѣнію, вызываемому все яснѣе развертывающейся картиной абсолютной неподготовленности русскаго правительства, такъ необдуманно игравшаго съ огнемъ,

Даже «Гражданинъ» отмѣчаетъ, что раненые въ битвѣ на Ялу должны были пройти пѣшкомъ 45 верстъ потому, что за войскомъ не слѣдовали фургоны Краснаго Креста. Даже «Новое Время» выражаетъ сомнѣніе, хватитъ ли въ Портъ-Артурѣ боевыхъ средствъ для долгой осады. Замѣчаются уже попытки «искать виноватаго» въ томъ или другомъ казенномъ «вѣдомствѣ» — въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ канцеляріи намѣстника, въ морскомъ министерствѣ. Несоотвѣтствіе между вчерашними хвастливыми увѣреніями и сегодняшними трусливыми и увертливыми самооправданіями въ правительственныхъ сообщеніяхъ и отчетахъ съ театра войны не можетъ быть скрыто отъ глазъ публики. Хочетъ она того или нѣтъ, она должна будетъ придти къ общему выводу: самодержавное правительство утратило всякія организаторскія способности, оно играетъ одну лишь роль паразита.

О! «здравый смыслъ» современнаго культурнаго человѣка не легко поддается такого рода обобщеніямъ, когда они ему преподносятся въ видѣ выводовъ теоріи соціальнаго развитія. Здравый смыслъ, подавленный внѣшнимъ величіемъ этой стомилліонной громады, занимающей шестую часть свѣта и располагающей двухмилліарднымъ бюджетомъ, не могъ повѣрить, чтобы маленькая, еще очень бѣдная страна осмѣлилась, какъ равная съ равной, помѣряться силами съ Россіей. Здравый смыслъ, оперируя съ «очевидными» — потому что онѣ однѣ доступны ограниченному буржуазному кругозору, — истинами, рѣшилъ разъ навсегда, что Россія, безъ особеннаго напряженія, раздавитъ Японію. Какъ было не вѣрить этому буржуазіи европейской, когда вся международная политика ея государственныхъ людей привыкла исходить изъ этого традиціоннаго убѣжденія въ неистощимыхъ ресурсахъ «шестой части свѣта», въ непоколебимой доблести ея дикихъ казаковъ, въ неограниченности могущества ея? Какъ было не вѣрить этому россійской либеральной буржуазіи, когда ея внутренняя политика, трусливая и ничтожная, цѣликомъ отдалась на признаніе величія деспотизма способности его раздавить военной силой всякаго врага, возможности сломить его только соединенными силами чуть ли не всего цивилизованнаго міра? Отраженіе дѣйствительнаго нѣкогда положенія дѣлъ — это традиціонное воззрѣніе оставалось въ силѣ и послѣ того, какъ соціальное развитіе по своему переоцѣнило всѣ установившіяся цѣнности. Здравый смыслъ, привыкшій оперировать съ закостенѣвшими понятіями, не замѣчалъ этого, онъ не видѣлъ, какъ соціальное развитіе выѣдало всякое положительное содержаніе изъ всѣхъ историческихъ завоеваній, нѣкогда совершенныхъ русскимъ абсолютизмомъ.

Чтобъ молодой японскій флотъ могъ, шутя, раздавить флотъ русскій? Никогда! И, однако, русскій флотъ въ три мѣсяца политически обезцѣнивается, и уже заходитъ рѣчь о предстоящемъ «добровольномъ» потопленіи его въ Портъ-Артурѣ (чтобы не достался японцамъ). Чтобы русскія сухопутныя войска могли быть разбиты на голову полуварварами, усвоившими себѣ культуру на обезьяній манеръ? Здравый смыслъ этого не могъ допустить. И, однако, это случилось, и русскіе въ безпорядкѣ удираютъ отъ японцевъ и не смѣютъ попытаться задержать ихъ побѣдоносное шествіе. Двѣсти лѣтъ интенсивнѣйшаго развитія военнаго финансоваго могущества, 15 лѣтъ правдами и неправдами завоеванной гегемоніи на международной аренѣ, среди ослабленныхъ обостренными внутренними противорѣчіями европейскихъ государствъ, 40 лѣтъ побѣдоносной борьбы противъ враговъ существующаго политическаго режима... этотъ колоссальный политическій капиталъ, впитавшій въ себя трудовой потъ и кровь безчисленныхъ поколѣній, долженъ оказаться жалкой игрушкой передъ молодой силой маленькой націи, принадлежащей къ низшей расѣ, только вчера еще разбуженной къ міровой жизни капиталистическимъ развитіемъ и въ тридцать лѣтъ успѣвшей наскоро напялить европейскій сюртукъ на желтое тѣло и съ ученической добросовѣстностью завести прусскіе мундиры, много дешевыхъ газетъ, много начальныхъ школъ и плохенькую парламентскую говорильню? Страна, имѣющая въ своемъ послужномъ спискѣ имена Пушкиныхъ, Чернышевскихъ, Толстыхъ, должна спасовать передъ народомъ, который еще не обзавелся ни національной литературой, ни искусствомъ, ни наукой? Этого не понять здравому смыслу.

А, между тѣмъ, „сѣрая теорія“ овладѣть, которою теперь подъ силу только соціализму,—сѣрая теорія безошибочно предсказывала именно то, что случилось, что развертывается теперь въ калейдоскопѣ военныхъ событій. Въ Портъ-Артурѣ и на Ялу, въ Ліоао-Дунѣ и въ Манчжуріи демонстрируется теперь не непобѣдимость „національной идеи“, выразителями коей являются японцы, а непобѣдимость соціальнаго прогресса, безнадежность историческаго застоя. Теорія говорила, что закованный въ броню гигантъ не можетъ удержаться на глиняномъ основаніи, что политическая конкуренція на міровой аренѣ несовмѣстима съ соціальной и культурной отсталостью, что народная школа, общественная самодѣятельность и правовой порядокъ—необходимыя предпосылки для желающаго отстаивать свои политическія позиціи буржуазнаго государства; что немыслимо государственное могущество безъ развитія современной техники, что немыслима эта

техника безъ соотвѣтствующей культурной и правовой обстановки. „Теорія“ осуждала, какъ непроизводительную трату силъ, одностороннее развитіе „государственной мощи“, несопровождаемое тѣмъ общественнымъ прогрессомъ, который по плечу буржуазному строю. Теорія дѣлала увѣренный выводъ о томъ, что коренная общественная реформа является, прежде всего, неотложной потребностью всего буржуазнаго общества въ цѣломъ.

И вотъ, капиталистическое развитіе, въ своихъ интересахъ создавшее и питавшее самодержавную Россію и притуплявшее, ради ея сохраненія, дѣйствіе всѣхъ своихъ разрушительныхъ силъ,—капиталистическое развитіе черезъ Японію выполняетъ свою миссію... Ударами извнѣ ставитъ передъ обезоруженной Россіей дилемму — или освободиться отъ самодержавія, или потерять позицію. Снова на поляхъ сраженія побѣждаетъ «школьный учитель», побѣждаетъ высшая культурность солдата, большая связь его съ «національной» политикой классовъ-угнетателей, большая приспособленность его къ высокой техникѣ современнаго милитаризма. Какъ рыцарская доблесть оказывалась безсильной противъ болѣе совершенной военной техники армій, созданныхъ абсолютными монархами, такъ теперь личное и коллективное мужество нашихъ солдатъ и матросовъ скидывается со счетовъ лучшими броненосцами, лучшей артиллеріей, болѣе совершенной мобилизаціей, болѣе пунктуальной и интеллигентной организаціей военнаго руководства, хорошей постановкой военнаго шпіонства, лучшимъ знаніемъ географіи, болѣе умѣлой постановкой желѣзнодорожнаго и интендантскаго дѣла, недоступной для самодержавія организаціей бюрократіи, и пр. и пр., техническими силами. Нивеллирующая все и вся техника является побѣдителемъ, передъ которымъ стушевывается все—и выработанный вѣковымъ хищничествомъ «воинскій духъ», и колоссальная сила концентрированной рабской покорности стомилліонной массы, и престижъ «великой державы».

Буржуазная Европа, деморализированная разъѣдающими ее внутренними противорѣчіями, не хочетъ признать въ побѣдителѣ свое законное дѣтище, не видитъ въ Японіи выполнительницы ея исторической миссіи. Разлагающійся классъ утратилъ способность глядѣть впередъ, поверхъ преходящихъ комбинацій интересовъ настоящей минуты. Общественное развитіе уже не сулитъ ему ничего добраго, и интересы барыша перестали уже совпадать для него съ интересами этого развитія. Счастливый конкурентъ представляется буржуазіи воплощеніемъ всѣхъ злыхъ силъ исторіи, и, вопреки всѣмъ очевидностямъ, она славословитъ въ русскомъ абсолютизмѣ «борца за куль-

туру», клеймитъ въ Японіи «варварскую націю» и «низшую расу». Наша отечественная реакція съ радостью хватается за эту наивную ложь, чтобы идеализировать свою авантюристскую политику, чтобы развратить окончательно общественное сознаніе. Но наша либеральная буржуазія, при всей своей политической наивности и моральной дряблости, не можетъ не увидѣть, наконецъ, что на Дальнемъ Востокѣ побѣждаетъ не Востокъ, такъ законченно воплощенный въ отечественномъ самодержавіи, а Западъ, съ его культурнымъ и экономическимъ превосходствомъ. Она видитъ это и потому не можетъ сдѣлать войну съ Японіей своимъ «національнымъ» дѣломъ. Но сможетъ ли она сдѣлать послѣдовательные выводы изъ этого положенія и теперь, наконецъ, найти своего «національнаго» врага не въ Токіо, а въ Петербургѣ?

Увы! Политически развращенная, прежде чѣмъ пресытилась обладаніемъ политической властью, она въ полномъ смятеніи глядитъ на совершающуюся міровую драму и, очертя голову, ищетъ лазейки, куда могла бы скрыться отъ поставленной передъ ней дилеммы—съ абсолютизмомъ на Востокъ, или черезъ него—къ Западу? Втайнѣ вожделѣя разгрома, она афишируетъ свой «патріотизмъ» тѣмъ, что отдаетъ народныя деньги въ руки правительства. Дождавшись этого разгрома, она усыпляетъ собственное чувство протеста реакціонными увѣреніями въ томъ, что надо «годить», что «не время» наложить руку на шиворотъ преступника, пока не миновала «опасность», т. е. пока еще преступникъ у нея въ рукахъ...

Такова логика ограниченной, внутренне-противорѣчивой политической точки зрѣнія либерализма. Онъ не прочь попытаться сдѣлать свое дѣло «народнымъ дѣломъ» въ видѣ протеста противъ «анти-національной» политики самодержавія, компрометирующаго Россію передъ цивилизованнымъ міромъ. Но для этого ему надо выдвинуть «національную идею», ту идею, которая традиціонно сплелась съ политической реакціей, которая въ дни полнаго банкротства всемірной буржуазіи не можетъ быть уже освобождена отъ реакціонной оправы, не можетъ не отождествляться съ «политикой крови и желѣза». Чтобы написать на своемъ знамени «національную честь», надо центральнымъ пунктомъ обвинительнаго акта противъ самодержавія сдѣлать его измѣну «національнымъ» интересамъ, т. е.—въ данной исторической обстановкѣ—неполное, неумѣлое и не экономное выполненіе имъ той политической задачи, которая означаетъ для народныхъ массъ—разореніе и гнетъ, порождаемые милитаризмомъ, для угнетенныхъ національностей—беззастѣнчивый грабежъ и растущее порабощеніе. Та-

кого перемѣщенія политическаго фокуса въ программѣ либерализма вполнѣ достаточно, чтобы безнадежно развратить и обезличить его революціонную энергію, и вотъ почему русскій либерализмъ едва успѣлъ подняться на высоту исторической задачи борьбы за «національные» интересы государства, какъ тотчасъ же безсильно палъ передъ реакціей подъ тяжестью оппортунистическихъ соображеній о томъ, что данное правительство—каково бы оно ни было—дѣлаетъ, въ силу инстинкта самосохраненія, то же самое дѣло,—борется, какъ умѣетъ, за цѣлость и могущество государства. Либерализмъ палъ, и въ своемъ новомъ паденіи гнусно предалъ интересы народныхъ массъ. И каждое новое событіе, свидѣтельствующее о разгромѣ самодержавія, вноситъ, повидимому, еще больше сумятицы въ умы либераловъ.

Пролетарской партіи остается сдѣлать выводы изъ этого положенія дѣлъ. Свободный отъ заботъ о «національномъ величіи» классоваго государства, свободный отъ всякой положительной связи съ нынѣшнимъ режимомъ,—представляемый ею классъ одинъ можетъ послѣдовательно и неуклонно рыть ему могилу. Такова сущность его классоваго положенія. И одинъ только пролетаріатъ, въ цѣломъ, оказался внѣ «патріотическаго» потока, охватившаго Россію съ начала войны и потопившаго столько политическихъ репутацій въ «обществѣ». Отдѣльные факты участія рабочихъ въ патріотическихъ манифестаціяхъ—участія изъ подъ палки, большей частью—не окупили политическихъ издержекъ той реакціонной компаніи, которая имѣла въ виду разгромъ соціалистическаго рабочаго движенія. Если этимъ отдѣльнымъ фактамъ пролетаріатъ не противопоставилъ массовыхъ активныхъ протестовъ, если, оглушенный новыми для него явленіями политической жизни, подавленный бѣдствіями, которыя обрушила на него война и еще не оправившійся отъ ранъ, понесенныхъ прошлымъ лѣтомъ, онъ не вступилъ еще въ открытый бой съ поднявшей голову реакціей,—зато онъ, въ своей массѣ, не только не пошелъ за патріотами реакціи, но и не отвернулся отъ своей партіи, занявшей опредѣленную принципіально враждебную войнѣ позицію, а въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей заявилъ свой активный протестъ противъ войны во имя международной солидарности рабочихъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будь мы организаціонно сильнѣе, будь мы въ состояніи организовать болѣе широкую агитацію, этотъ протестъ былъ бы шире, и непосредственное вліяніе его на массы значительнѣе.

Пролетаріатъ, въ своей массѣ, еще не занялъ той позиціи по отношенію къ войнѣ, которая соотвѣтствуетъ его классовымъ интересамъ, принципіально формулируемымъ нашей программой. Но онъ уже на-

столько отдѣлился отъ оффиціальной Россіи, чтобы быть вполнѣ воспріимчивымъ къ нашей агитаціи противъ войны и противъ ея виновника—самодержавія. И логика его классоваго положенія, силой связанныхъ съ войной бѣдствій, толкаетъ его ко все большей воспріимчивости въ этомъ направленіи. И въ нынѣшней войнѣ, ставшей узловымъ пунктомъ, въ которомъ сплелись всѣ противорѣчія, отъ которыхъ погибаетъ и погибнетъ абсолютизмъ,—въ нынѣшней войнѣ пролетаріатъ имѣетъ всѣ шансы точно и отчетливо выполнить ту политическую роль, которая диктуется ему такъ хорошо себя «оправдавшей» «догмой»—теоріей тожъ. Выполнитъ ли онъ ее на дѣлѣ—это не въ послѣдней мѣрѣ зависитъ отъ нашей партіи.

Молекулярныя силы, подготовляющія «стихійный» взрывъ соціальнаго протеста даннаго класса, не могутъ быть замѣчены и опредѣлены съ полной точностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, особенно при нашихъ условіяхъ политической жизни. Въ этомъ смыслѣ, въ каждомъ такомъ взрывѣ, въ каждомъ революціонномъ подъемѣ всегда будетъ элементъ неожиданности. Но изъ этого не слѣдуетъ, что партія осуждена всегда быть застигаема врасплохъ. Ничуть не бывало. Не говоря уже о томъ, что отъ степени активности самой партіи, отъ степени ея близости къ массамъ зависитъ большая или меньшая ея проницательность въ этомъ отношеніи, отъ нея самой зависитъ подготовиться къ предвидимому заранѣе, хотя точно неопредѣлимому моменту, который потребуетъ отъ нея проявленія полной политической зрѣлости. Это—дѣло умѣлой тактики и толковой, политически-продуманной организаціонной работы.

Лѣтнія стачки прошлаго года показали намъ, какихъ проявленій массоваго протеста можемъ мы ждать отъ пролетаріата. Все говоритъ за то, что по мѣрѣ того, какъ будетъ затягиваться война, а наша агитація будетъ осмысливать растущее недовольство ею, будетъ приближаться и моментъ новаго стихійнаго подъема рабочаго класса. Въ такой моментъ онъ и безъ всякаго политическаго руководства, произведетъ сильное революціонное сотрясеніе. Если же этотъ моментъ онъ встрѣтитъ въ тѣсной политической связи съ нашей партіей, расширявшей свой организаціонный базисъ, охватившей своимъ регулярнымъ агитаціоннымъ воздѣйствіемъ широкіе его слои и успѣвшей воспитать ихъ политически этой агитаціей—тогда революціонное значеніе этого момента не можетъ быть измѣрено достаточно высоко. Съ «обществомъ» или безъ него, пролетаріатъ вступитъ въ активную борьбу съ самодержавіемъ во имя соціалистическихъ требованій. И тогда еще разъ оправдается столь непонятная «здравому» смыслу

«теорія», и процессъ политическаго разгрома абсолютизма будетъ внесенъ въ книгу исторіи, какъ процессъ политическаго самоопредѣленія россійскаго пролетаріата.

Л. Мартовъ.

Гибель Портъ-Артура.

(1 января 1905 г., № 82).

Портъ-Артуръ палъ, и отъ его паденія замѣтно дрогнули вѣковыя стѣны Петропавловской бастиліи.

Портъ-Артуръ палъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, въ милліонахъ обывательскихъ сердецъ что-то порвалось навѣки. Вновь возродившаяся послѣ Крымскаго разгрома, наивная вѣра въ военное могущество самодержавной Россіи окончательно вытравлена изъ сознанія русскаго филистера. Примитивный его «патріотизмъ» отживаетъ свои послѣдніе дни. Частью онъ перерождается въ сознательно-буржуазный воинствующій націонализмъ на «либеральной» подкладкѣ, частью смѣняется тѣмъ злораднымъ чувствомъ безсильнаго рабьяго протеста, которое побуждаетъ привѣтствовать попираніе «національной гордости», какъ меньшее зло, по сравненію съ продолженіемъ безконечнаго ужаса царящаго строя...

Портъ-Артуръ палъ, и въ своемъ паденіи унесъ послѣднюю надежду, за которую, какъ утопающій за соломинку, хватался оскорбленный въ своихъ «патріотическихъ» чувствахъ обыватель: надежду на «реваншъ» второй либо третьей эскадры, на быстрый побѣдоносный финалъ этой для всѣхъ черезчуръ затянувшейся, всѣхъ пугающей своими все-осложняющимися перспективами, нелѣпой войны. «Болотные» элементы русскаго общества теряютъ послѣднюю вѣру въ возвращеніе прекрасныхъ дней соннаго политическаго прозябанія, и посмотрите, какъ заквакали, немедленно послѣ Портъ-Артурской капитуляціи, газетныя выразительницы думъ и чувствъ этого болота! Съ какой энергіей заговорили молодцы обѣихъ Суворинскихъ фирмъ о пре-

ступленіяхъ «бюрократіи», о «жестокомъ судѣ» надъ дѣйствительными виновниками Портъ-Артурской катастрофы! Реакція, сознательно или безсознательно, культивировала неосмысленный шовинизмъ, какъ единственную, закономъ дозволенную, форму гражданскаго чувства. Теперь это, ею грубо оскорбленное, реакціонное чувство обращается противъ нея, какъ враждебная ей сила, какъ матеріалъ, порождающій, при сжиганіи въ горнилѣ политическихъ событій, новую революціонную энергію. Революціонное значеніе капитуляціи Портъ-Артура состоитъ не только въ томъ, что она яркими красками рисуетъ передъ русскимъ буржуазнымъ обществомъ ту перспективу, которую анализировалъ въ № 79 «Искры» тов. Парвусъ: перспективу безконечнаго, съ ничтожными шансами на успѣхъ, обратнаго похода русской арміи отъ Мукдена до Тихаго океана. Революціонное значеніе капитуляціи еще и въ томъ, что она съ обидной для патріотическаго сердца ясностью показала все безсиліе индивидуальнаго и коллективнаго мужества русскихъ воиновъ передъ безнадежной гнилостью того порядка, на защиту котораго они отдаютъ свои силы.

Чѣмъ мужественнѣе и красивѣе, по своему удальству и упорству, была оборона Портъ-Артура, тѣмъ нагляднѣе вина, падающая за это пораженіе на голову деспотизма.

Всѣ сходятся на признаніи энергіи и мужества, проявленныхъ Стесселемъ и его помощниками. Объ этихъ вольныхъ и невольныхъ воинахъ можно, по крайней мѣрѣ, сказать, что они честно несли свое знамя. Конечно, мы знаемъ, что оборотной стороной этого офицерскаго мужества здѣсь, какъ и всегда, являлся узкій кастовый духъ, пропитывающій всѣ отношенія въ современной арміи. Въ этихъ трогательныхъ, по своему, описаніяхъ послѣднихъ минутъ крѣпости, послѣднихъ словъ и дѣяній ея защитниковъ, какой жестокой иронiей звучитъ сообщеніе, что генералы выговариваютъ у японцевъ себѣ и офицерамъ право вернуться въ Россію, оставляя въ плѣну солдатъ и матроссовъ. Привилегированный классъ и классъ пролетаріевъ и здѣсь, послѣ только что окончившейся кровавой страды, объединявшей ихъ, если вѣрить прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ военнымъ лѣтописцамъ, въ «одну братскую семью»,—эти два класса снова, какъ только миновала опасность, расходятся по разнымъ дорогамъ—почетное возвращеніе и подобающій тріумфъ для людей бѣлой кости, и скучные, томительные дни безславнаго плѣна для тѣхъ, которые были дѣйствительными героями и дѣйствительными страстотерпцами полугодовой осады.

Какъ бы то ни было, но, въ тѣсныхъ предѣлахъ своей кастовой

морали, русское армейское офицерство проявило въ Портъ-Артурѣ высокую доблесть. Понятно, поэтому, что именно военная корпорація съ особенной горечью и желчью воспринимаетъ извѣстіе о Портъ-Артурскомъ крахѣ, съ особеннымъ возмущеніемъ слышитъ, что въ началѣ войны укрѣпленія имѣлись частью на бумагѣ, продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ не было и т. д. Въ «Нов. Вр.» сообщаютъ, что Стессель, могущественный Стессель, тщетно воевалъ съ высшими властями, отстаивая дѣло укрѣпленія артурской твердыни. И здѣсь, рядомъ со столь обычными въ этой войнѣ картинами заражающей в с е русское офицерство гангреною продажности, передъ русскимъ обществомъ встаетъ самая мрачная страница военной лѣтописи: вопіющіе, позорные порядки русскаго флота.

Одно изъ послѣднихъ убѣжищъ хирѣющаго дворянства, наслѣдственная добыча вороватыхъ аристократовъ—его постоянныхъ начальниковъ—русскій флотъ, съ первыхъ дней войны до сего дня, отъ ночной битвы 29 января до Гулльскаго сраженія, покрываетъ себя позоромъ. Въ томъ, что въ оборонѣ Портъ-Артура связано съ сухопутными операціями, мы встрѣчаемъ примѣры храбрости, энергіи, стойкости; все, связанное съ дѣйствіями флота, дышитъ неспособностью, трусостью, безчестностью. Исторія гибели тихоокеанскаго флота—одно сплошное, безцѣльное, ничѣмъ не оправданное истребленіе человѣческихъ жизней и десятковъ милліоновъ денегъ, безполезное даже съ точки зрѣнія «военной славы» и являющееся результатомъ сверхсмѣтнаго грабежа и казнокрадства, царящихъ во флотѣ. Теперь, когда послѣ скандальныхъ разоблаченій капитана Кладо, порядки въ русскомъ флотѣ ни для кого не являются тайной, будетъ кстати припомнить одинъ трагическій эпизодъ изъ исторіи этого флота—эпизодъ, о которомъ не упоминаютъ его оффиціальные лѣтописцы.

Стоя передъ своими судьями, бывшій лейтенантъ Сухановъ говорилъ въ 1882 году имъ о томъ, какъ онъ напрасно боролся съ злоупотребленіями, свившими гнѣздо въ морскомъ вѣдомствѣ, и какъ убѣдился въ безнадежности своихъ попытокъ облагородить это «благородное» вѣдомство.

Борьба съ казнокрадами логически неизбѣжно привела Суханова къ разрыву съ флотской корпораціей и переходу въ ряды борцовъ за свободу, а этотъ переходъ столь же неизбѣжно привелъ его—черезъ казематъ Петропавловской крѣпости—къ смертной казни.

Теперь, когда морской офицеръ, не рискуя служебной карьерой и даже создавая себѣ карьеру политическую, можетъ смѣло поднять свой голосъ для критики Авгіевыхъ конюшенъ флотскаго хозяйства, теперь

память моряка-революціонера отомщена. Вспоминаютъ ли о немъ наши воинствующіе патріоты въ тѣ дни, когда они кричатъ объ очищеніи этихъ конюшенъ?

За двадцать слишкомъ лѣтъ—никакой перемѣны. Въ роли патроновъ флотскихъ казнокрадовъ, перебывали за эти годы господа, показывавшіе склонность къ разнымъ политическимъ теченіямъ. Вывѣска мѣнялась, но та же смрадная язва скрывается за этой вывѣской. И, какъ во времена Суханова, бороться съ этой язвой нельзя, оставаясь въ предѣлахъ «легальнаго» общества. По прежнему, борьба съ этимъ частнымъ зломъ растворяется въ борьбѣ съ государственнымъ строемъ, неизбѣжно его порождающимъ.

Крахъ Портъ-Артура снова и снова навязываетъ «обществу» этотъ выводъ. И вновь, пытаясь обойти его, революціонному лозунгу соціалдемократовъ: «немедленное прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія» наши націоналъ-либералы праваго и лѣваго оттѣнковъ противопоставляютъ свой лозунгъ: обновленіе абсолютизма, путемъ полуконституціонной реформы и укрѣпленіе этой новой системы, путемъ продолженія войны за обратное отнятіе Манчжуріи и Портъ-Артура.

Громадное большинство либеральныхъ газетъ трусливо уклоняется отъ отвѣта на вопросъ, круто поставленный паденіемъ Портъ-Артура. Этотъ вопросъ—вопросъ о продолженіи войны—теперь ясно и безповоротно выдвинутъ на очередь, какъ вопросъ о продленіи самовластія бюрократіи Отъ него нельзя отвертѣться, нельзя отмолчаться. Продолженіе войны—это значитъ теперь: соучастіе съ правительствомъ въ чудовищныхъ затратахъ на постройку новаго флота, въ обманываніи народа относительно «необходимости» для Россіи возвратиться къ тому status quo, который она утратила за годъ позорной войны и который самъ былъ вѣчной опасностью для мира. Это значитъ—соучастіе въ попыткахъ примирить абсолютизмъ съ болѣе или менѣе легализированнымъ представительствомъ привилегированныхъ классовъ «въ законодательствѣ и управленіи»; это значитъ, слѣдовательно, для либеральнаго «общества»—немедленный и прочный союзъ съ абсолютизмомъ, союзъ противъ пролетаріата и демократіи.

И, наоборотъ, требованіе немедленнаго прекращенія войны означаетъ отказъ Россіи отъ ея теперешней, «колоніальной политики», это значитъ—капитуляція бюрократіи передъ волей народа, это значитъ—сверженіе абсолютизма.

Всякое колебаніе между этими двумя путями невозможно теперь, когда съ паденіемъ Портъ-Артура Россіи надо или отказаться

*

отъ него совсѣмъ или поставить себѣ цѣлью—разгромить Японію, чтобы отнять только что потерянную крѣпость.

«Общество» должно выбирать. И пролетаріатъ заставитъ его высказаться рѣшительно: за войну ради грошевыхъ «реформъ», или за миръ для уничтоженія абсолютизма? Но какъ бы ни высказались политическіе вожди и представители «общества», исторія произнесла свой приговоръ; руководимыя пролетаріатомъ народныя массы приведутъ его въ исполненіе и за паденіемъ Портъ-Артурскихъ стѣнъ неминуемо послѣдуетъ паденіе Петропавловки.

Л. Мартовъ.

Что же теперь?

(3 марта 1905 г., № 90).

Русская армія больше не существуетъ... Она истерта въ порошокъ тяжелыми жерновами разлагающагося абсолютизма и японской стратегіи. Кровь леденѣетъ и воображеніе отказывается служить при попыткѣ хоть сколько-нибудь наглядно представить себѣ колоссальные размѣры постигшаго русскихъ солдатъ несчастія. Сухія, просѣянныя сквозь цензурное сито, телеграммы потрясаютъ своею трагическою простотою, больше, чѣмъ знаменитый «красный смѣхъ» Андреева. Сотни тысячъ убитыхъ, раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ... Потеря сотенъ пушекъ, огромнаго количества боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, топлива... Дезорганизація всей врачебной части, утрата всѣхъ медикаментовъ... Горы неубранныхъ труповъ... Валяющіеся на покрытыхъ снѣгомъ поляхъ раненые, кровь которыхъ замерзаетъ, лишь только выльется изъ ранъ... Толпы не выдержавшихъ всѣхъ ужасовъ этого ада, помѣшанныхъ солдатъ, то въ дикомъ изступленіи бросающихся другъ на друга, то въ нѣмомъ порывѣ отчаянья колѣнопреклоненно простирающихъ свои руки къ небу, къ тому небу, именемъ котораго сытые, богатые, довольные освящаютъ свои злодѣянія... Жалкіе остатки четырехсотъ-тысячной арміи, затерявшіеся въ непроходимыхъ горныхъ дебряхъ Манчжуріи, безъ

патроновъ, безъ хлѣба, безъ теплой одежды,—въ добычу лютому морозу и хищному звѣрю...

Если бы жалость, если бы сострадание, если бы простое чувство ужаса передъ тѣмъ неизмѣримымъ несчастьемъ, которое обрушилось на сотни тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, во имя лѣсныхъ концессій шайки грабителей оторванныхъ отъ родныхъ домовъ и брошенныхъ въ жертву всѣмъ бѣдствіямъ, какія только можетъ придумать изобрѣтательный человѣческій умъ; если бы человѣческія чувства могли играть хоть какую нибудь роль въ рѣшеніяхъ тѣхъ, кто распоряжается судьбой 130-милліоннаго народа, то, конечно, на слѣдующій день послѣ мукденскаго разгрома раздалось бы столь долго жданное слово—миръ! Но нѣтъ! Еще не перестаютъ приходить все новыя и новыя вѣсти объ ужасахъ послѣдняго боя, еще съ каждымъ днемъ все растетъ и растетъ цифра потерь, а ужъ русскому народу возвѣщаютъ о «твердой рѣшимости» продолжать проклятую войну. Съ перекосившимся отъ страха лицомъ—отъ страха за свою шкуру,—съ «печалью» въ сердцѣ—съ печалью не за сотни тысячъ погибшихъ людей, а за неудачу кровожадныхъ плановъ,—трясущейся рукой правительство подписываетъ уже приказъ о мобилизаціи новой четырехсотъ-тысячной арміи! А жалкіе писаки, «патріоты своего отечества», пламенѣющіе воинственнымъ азартомъ въ своихъ теплыхъ и уютныхъ редакторскихъ кабинетахъ, благословляютъ на холодъ, голодъ, лишенія, смерть, новыя и новыя тысячи сыновъ народа! Они сыты—война только повышаетъ розничную продажу. Пусть-же поголодаетъ столь облюбованный ими «солдатикъ»! Имъ тепло—пусть степная вьюга холоднымъ и мягкимъ покровомъ заноситъ «доблестныя войска»! Имъ уютно—а въ уютѣ такъ сладостны мечты о герояхъ, въ студеную и темную ночь на завывающемъ вѣтру стоящихъ на стражѣ патріотической «чести»! Пусть льется ручьями народная кровь! Потоками блудливыхъ словъ и крокодиловыхъ слезъ смоютъ ее газетные патріоты.

Но мало того. Готовая къ новой бойнѣ на Дальнемъ Востокѣ, правительствующая шайка готовитъ новый кровавый пиръ и у себя дома. Разстрѣлъ 9-го января былъ дополненъ гекатомбами при Сандепу, стоившими 10.000 выбитыхъ изъ строя. Страшные дни Мукдена готовятся теперь дополнить новой бойней въ Петербургѣ. Комиссія Шидловскаго закрыта; повѣрившіе обѣщаніямъ рабочіе еще и еще разъ нагло обмануты; ихъ выборные и уполномоченные арестованы, высланы; казенные заводы, одинъ за другимъ, закрываютъ свои двери подъ предлогомъ «чрезмѣрности» требованій рабочихъ и выгоняютъ на улицу безработную, голодающую толпу; уже заработали перья нововремен-

скихъ шакаловъ, осыпающихъ клеветами рабочихъ; попы, полиція и продажные писаки неустанно сѣютъ наглую ложь объ иностранномъ золотѣ, льющемся, якобы, въ карманъ рабочихъ; правительство явно толкаетъ рабочихъ къ взрыву отчаянья и новой кровавой баней готовится задавить народное движеніе. Кровь на Востокѣ, кровь на Кавказѣ, кровь въ Польшѣ, кровь въ Петербургѣ, кровь по всему лицу земли русской! Никогда еще ни одинъ режимъ не стоилъ ни одной странѣ такого безконечнаго количества крови!

Вотъ она, дорогая цѣна злодѣяній правительства, хищничества стоящей вокругъ трона жадной толпы «презрѣнныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ», дурмана, которымъ не перестаютъ заражать атмосферу бѣшеные вопли лакейской «патріотической» прессы, преступнаго попустительства либеральнаго «общества», рокового молчанія подавленнаго вѣковымъ гнетомъ народа!

Но теперь народъ заговорилъ, и пришла пора положить конецъ длинному ряду преступленій. Пришла пора властно и рѣшительно вмѣшаться въ кровавыя авантюры правительства и придушить хищнаго звѣря. Нельзя позволить, чтобы могла состояться новая мобилизація. Отказъ идти на войну—долженъ стать общимъ лозунгомъ всего народа, всѣхъ, не желающихъ брать на себя отвѣтственности за всѣ тѣ ужасы, которые готовитъ народу преступная война, затѣянная правительствомъ, война, въ которой правительство не можетъ побѣдить, но въ которой оно можетъ истощить всѣ жизненные соки народа.

Насиліе правительства должно встрѣтить отпоръ. Въ эти ужасные дни, когда обливаются всѣ сердца, способныя болѣть страданіями народа, въ эту великую историческую минуту, когда страна стоитъ на распутьѣ между полнымъ разложеніемъ и гибелью или возрожденіемъ къ новой, свободной жизни, пусть каждый исполнитъ свой долгъ гражданина!

Мы обращаемся къ пролетаріату, ко всему народу и зовемъ его отстаивать свою свободу, болѣе того—свое существованіе, потому что самому существованію его грозитъ дальнѣйшее сохраненіе существующаго режима. Мы обращаемся ко всѣмъ, въ комъ личные помыслы не задавили окончательно мысли о судьбахъ страны, и зовемъ ихъ на помощь народу. Пусть помогутъ они ему своими силами, своими знаніями, своими средствами, своими связями! Пусть помогутъ они народу, пусть дезорганизуютъ они всю работу правительственнаго механизма. Мы обращаемся къ офицерамъ и солдатамъ, этимъ жертвамъ, обреченнымъ на закланіе во славу всепожирающаго абсолютизма, и говоримъ имъ: помните, если бы хоть десятая часть тѣхъ храбрецовъ,

которые безтрепетно полегли на поляхъ Манчжуріи, если бы хоть десятая часть ихъ съ такою же смѣлостью и отвагою встала на защиту попранныхъ правъ народа, безъ остатка исчезъ бы развратный и преступный режимъ, прекратился бы потокъ несказанныхъ несчастій, непрерывно обрушивающихся—вотъ уже больше года— на русскій народъ. Или вы хотите еще ждать? Или вы хотите, чтобы послѣ Ялу, Портъ-Артура, Ляояна, Мукдена, Телина, былъ Харбинъ и Владивостокъ? Или вы хотите, чтобы сотнями тысячъ вашихъ труповъ японскія войска навязали Россіи ту свободу, которую вы не рѣшаетесь взять сами, хотя вамъ нужно протянуть руку, чтобы взять ее? Нѣтъ дальше ждать нельзя. Мукденскій разгромъ, окончательно разоблачившій всѣ язвы, всю негодность, всю неспособность и пагубность существующаго режима, долженъ послужить сигналомъ ко всеобщему походу на деспотизмъ. Нельзя требовать **только** мира, потому что миръ при сохраненіи абсолютизма будетъ означать гибель страны. Только вмѣстѣ съ низверженіемъ существующаго режима, миръ послужитъ началомъ мощнаго подъема и расцвѣта народныхъ силъ, сковываемыхъ тисками абсолютизма. И потому, кто хочетъ мира, тотъ долженъ поддержать кличъ пролетаріата:—долой самодержавіе, да здравствуетъ народная революція!

Ф. Данъ.

Правительственная война и правительственный миръ.

(25 марта 1905 г., № 94).

Война или миръ? Этотъ вопросъ не сходитъ теперь со столбцовъ газетъ, онъ переворачивается на всѣ лады въ разговорахъ, служитъ предметомъ интервью съ «высокопоставленными» лицами, и каждый день телеграфная проволка разноситъ во всѣ концы міра самыя противорѣчивыя, но всегда почерпнутыя изъ «вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ», свѣдѣнія насчетъ намѣреній правительства. Это значитъ, что вопросъ о заключеніи мира сталъ очереднымъ вопросомъ, что отъ мира мы, быть можетъ, не такъ далеки, какъ подчасъ кажется при чтеніи фанфаронадъ газетныхъ рептилій и интервьюируемыхъ «особъ».

Дыму безъ огня не бываетъ, и правительство отлично знаетъ, гдѣ

тутъ огонь, на которомъ оно обожгло свои пальцы, знаетъ это и вся Россія, ибо, къ несчастію, эти горящіе пальцы—живое тѣло народа, истекающаго кровью въ дикой бойнѣ, затѣянной во славу лѣсныхъ концессій «высокопоставленныхъ» особъ и ихъ фаворитовъ. Если вѣрить оффиціальнымъ цыфрамъ, опубликованнымъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», то уже болѣе 400000 выбитыхъ изъ строя стоили народу эти концессіи. Но, конечно, не размѣры этихъ потерь человѣческими жизнями заставляютъ правительство думать о мирѣ. Человѣческія жизни—въ глазахъ правительствующей клики такой дешевый матеріалъ, что правительству, конечно, никогда не пришло-бы въ голову экономить имъ, разъ дѣло идетъ о такихъ «священныхъ» предметахъ, какъ лѣсопромышленное заведеніе на рѣкѣ Ялу.

Но есть цѣлый рядъ неустранимыхъ причинъ, которыя заставляютъ правительство серьезно подумать о томъ, какъ бы поскорѣе выпутаться изъ затѣянной имъ кровавой авантюры. Весь тихоокеанскій флотъ уничтоженъ, а составъ и качество вооруженной армады адмирала Рожественскаго заставляютъ опасаться, что одержанная побѣда при Гуллѣ, столь лестно оцѣненная международной комиссіей, будетъ и послѣдней. А между тѣмъ, безъ флота, болѣе того—безъ побѣды на морѣ, нельзя и думать о побѣдѣ на сушѣ.

Но и на сушѣ дѣла обстоятъ не лучше. Послѣ Ялу, Кинчжоу, Ляояна, Янтая, Портъ-Артура, Шахэ, Мукдена, Телина—отъ русской арміи остались лишь жалкіе обломки, усталые, иззябшіе, голодные, деморализованные. Всѣ военныя репутаціи—Стессель, Скрыдловъ, Куропаткинъ, Гриппенбергъ—подорваны, забрызганы грязью во взаимныхъ попрекахъ и разоблаченіяхъ. Не осталось ни одного имени, которое могло-бы внушить довѣріе арміи и съ которымъ не связывалось-бы представленіе о неспособности, тупости, казнокрадствѣ, трусости. Правительственные генералы слишкомъ хорошо чувствуютъ безнадежность положенія и потому, обливая другъ друга помоями, тщательно уклоняются отъ «чести» главнокомандованія, навязывая ее сибирскому бурбону, который всей военной наукѣ японскаго главнаго штаба можетъ противопоставить одну только россійскую «лихость». А между тѣмъ, японская армія гонится за русской по пятамъ, обходитъ ее.

И съ какими мыслями, съ какимъ настроеніемъ идутъ войска въ бой? Можно поручиться, что по крайней мѣрѣ половина солдатъ и офицеровъ совершенно отчетливо сознаютъ истинную цѣну тѣхъ лѣсныхъ «священныхъ благъ», во имя которыхъ гонятъ людскія стада на убой. Съ такими мыслями, во имя такого знамени не одерживаютъ побѣдъ!

О сколько-нибудь значительномъ усиленіи арміи и думать нельзя.

Провозная способность сибирской дороги мала, а, благодаря потерѣ огромнаго количества съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, пушекъ, аммуниціи и пр. въ Мукденѣ, ее приходится загромождать грузами. Но мало того. Вопреки тѣмъ милліонамъ солдатъ, которые находятся въ «распоряженіи» правительства на бумагѣ, на самомъ дѣлѣ оно не можетъ отправлять теперь много новыхъ войскъ на Востокъ. Возстаніе, городское и сельское, охватившее почти всю Россію, вспыхивающее то тутъ, то тамъ, требуетъ огромнаго количества войскъ для войны внутренней и заставляетъ отодвигать на задній планъ войну внѣшнюю. Впрочемъ, обѣ войны имѣютъ въ виду одну цѣль—сохраненіе и укрѣпленіе существующаго режима, и потому весьма естественно, что правительству незачѣмъ посылать свое воинство за тридесять земель, когда и въ исконныхъ россійскихъ Горѣловыхъ и Неѣловыхъ такъ много простора для подвиговъ во славу престолъ-отечества. Почти ежедневно пестрятъ газеты извѣстіями, что та или другая часть войска, предназначенная къ отправкѣ на Дальній Востокъ, была задержана для усмиренія «любезныхъ вѣрноподданныхъ». Говорятъ о новой мобилизаціи. Еще вопросъ, будетъ ли она дѣйствительно объявлена, и не есть ли это—одинъ изъ тѣхъ «грозныхъ» слуховъ, распуская которые, правительство, съ той наивной вѣрой въ чужую глупость, которая иногда встрѣчается у испытанныхъ мошенниковъ, силится придать себѣ страшный видъ, думая такимъ образомъ ввести въ обманъ добрыхъ людей и выторговать лучшія условія мира. Не говоримъ уже о томъ, что вновь мобилизуемыя войска могли-бы прибыть на театръ войны въ лучшемъ случаѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но если мобилизація и будетъ объявлена, то можно уже теперь сказать, что она далеко не дастъ правительству тѣхъ силъ, о которыхъ оно разглагольствуетъ. Изо дня въ день приходятъ вѣсти объ отказѣ регулярныхъ войскъ идти на войну. Можно предвидѣть, что огромное число запасныхъ вовсе не явится къ призыву, а явившись, откажется идти на войну. Новой мобилизаціей правительство навяжетъ себѣ на шею столько хлопотъ съ призванными подъ знамена запасными, что, пожалуй, эти хлопоты потребуютъ большей затраты силъ, чѣмъ дастъ сама мобилизація. Но болѣе того. Мобилизація теперь, когда вся страна превратилась въ пороховой погребъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры, можетъ вызвать страшный взрывъ народнаго гнѣва и послужить исходной точкой революціоннаго подъема, который въ щепки разнесетъ все зданіе стараго порядка...

Наконецъ, и денежныя средства правительства изсякаютъ. Иностранные кредиторы наотрѣзъ отказались ссужать новые миллоны

сомнительному должнику, а черствое сердце французскихъ денежныхъ мѣшковъ съ полнымъ равнодушіемъ относится къ горькимъ попрекамъ въ «измѣнѣ» былой «дружбѣ». На 8 милліардовъ франковъ продала русскаго народа самодержавная бюрократія французскимъ «друзьямъ», но теперь и «друзья» увидѣли, что дальше распродавать Россію въ сколько нибудь солидныхъ размѣрахъ—уже не во власти правительства, ибо Россія явно выходитъ изъ рабства. Двери заграничныхъ банковъ захлопнулись передъ русскимъ абсолютизмомъ, чтобы съ тѣмъ большею предупредительностью настежь раскрыться передъ японскимъ микадо. Правительству осталось только обратиться къ внутреннему займу, дѣйствительныя условія котораго, особенно размѣры «вознагражденія», получаемаго банками, столь чудовищны, что тщательно скрываются отъ нескромныхъ взоровъ. Но дѣлать внутренній заемъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, значитъ чинить кафтанъ по образцу знаменитаго Тришки. Если даже г.г. купцы, требовавшіе «участія народныхъ представителей въ контролѣ за государственнымъ бюджетомъ», не устоятъ передъ соблазномъ тѣхъ милліоновъ, которые даруются имъ на счетъ народа «по случаю» займа, и продадутъ за эту золотую синицу тощаго журавля своего либерализма, то можно во всякомъ случаѣ предвидѣть, что въ карманъ правительства попадетъ въ дѣйствительности лишь ничтожная доля тѣхъ 200 милліоновъ, которые придется уплатить народу, если только онъ захочетъ платить всѣ тѣ долги, которые оставитъ ему въ наслѣдство промотавшійся режимъ.

Итакъ вотъ положеніе: ни флота, ни арміи, ни денегъ; рабочее возстаніе, крестьянское возстаніе, возстаніе на окраинахъ; полная дезорганизація въ правительственной верхушкѣ, дезорганизація въ земствѣ, въ городскомъ самоуправленіи, во всемъ обществѣ. Съ такимъ капиталомъ войнъ вести нельзя. И какъ ни парадируетъ правительство своею «твердою» рѣшимостью продолжать войну «во что-бы то ни стало», никто не можетъ уже обманываться насчетъ того, что въ дѣйствительности оно очень и очень серьезно подумываетъ о мирѣ. Разные сенсаціонные слухи, пускаемые чуть не каждый день о посредничествѣ то Германіи, то Англіи, то Франціи, то Соединенныхъ Штатовъ—это пробные шары. Подозрительная свобода, которую правительствующіе держиморды предоставляютъ россійской прессѣ въ обсужденіи вопроса о мирѣ и его условіяхъ,—это средство нащупать почву. Правительство предало народъ, когда затѣяло въ своихъ интересахъ войну. Теперь оно собирается снова предать его, заключивъ въ своихъ интересахъ миръ.

Съ самаго начала войны соціалдемократія требовала мира. Она не перестаетъ требовать его и теперь, и не перестанетъ, доколѣ длится преступная война. Но миръ, котораго требовала и требуетъ соціалдемократія, это—не тотъ миръ, который хочетъ и можетъ заключить самодержавная бюрократія. При заключеніи мира правительство будетъ заботиться объ одномъ: о своемъ собственномъ сохраненіи и укрѣпленіи, о томъ же, о чемъ оно заботилось, вовлекая страну въ ужасную войну. Оно не остановилось передъ колоссальными жертвами народною кровью и достояніемъ при объявленіи войны; не остановится оно и передъ пожертвованіемъ всѣми интересами народа при заключеніи мира: разореніе всей страны, огромное бремя долговъ, остановка всего хозяйственнаго развитія страны, увѣковѣченіе крестьянскихъ голодовокъ,— все это въ глазахъ самодержавной бюрократіи ничто, если жертвы эти приносятся на ея алтарь. Соціалдемократія требуетъ другого мира. Странѣ приходится расплачиваться за преступленія правительства, ей приходится нести жертвы за грѣхи его. Соціалдемократія требуетъ, чтобы эти жертвы были сведены до возможнаго минимума. Единственная цѣль, которой правительство все подчинитъ при заключеніи мира— это самосохраненіе. Соціалдемократія же требуетъ, наоборотъ, чтобы абсолютизмъ, прежде всего палъ жертвой войны, потому что паденіе его облегчитъ странѣ бремя тѣхъ жертвъ, которыя неизбѣжно падутъ на нее въ результатѣ преступной и позорной войны, затѣянной самодержавной бюрократіей.

Война не знаетъ сентиментальности. Не знаетъ ее и побѣдитель. Онъ беретъ отъ побѣжденнаго все, что можетъ. Чѣмъ сильнѣе побѣжденный, тѣмъ меньше жертвы, требуемыя отъ него побѣдителемъ. Но абсолютизмъ—это полный маразмъ Россіи, и при сохраненіи его нѣтъ мѣры тому вознагражденію, которое потребуетъ побѣдоносная Японія. Мнимо-конституціонная монархія—это слабость Россіи, и потому и въ этомъ случаѣ странѣ придется расплачиваться въ усиленномъ размѣрѣ за пораженіе правительствующихъ авантюристовъ. Демократическое народовластіе—это сила Россіи, это—свобода для несвязаннаго никакими путами развитія классовой борьбы, а слѣдовательно, для максимальнаго, при условіяхъ капиталистическаго хозяйства, развитія производительныхъ силъ страны, для максимальнаго, въ обстановкѣ классоваго государства, развитія всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ рессурсовъ ея; и потому демократическое народовластіе обезпечиваетъ наиболѣе выгодныя для страны, наиболѣе «почетныя» условія мира. Можно поручиться, что воинствующая японская буржуазія съ безконечно большимъ удовольствіемъ встрѣтила бы миръ, заклю-

ченный абсолютизмомъ, чѣмъ миръ, заключенный свободной россійской демократіей, и въ этомъ отношеніи чувство горячей симпатіи объединяетъ японскаго микадо съ россійскимъ абсолютизмомъ; какъ русскій абсолютизмъ поддерживаетъ господство турецкаго султана, потому что ему выгодна слабость Турціи, такъ японскій микадо будетъ готовъ поддерживать господство русскаго абсолютизма, потому что ему выгодна слабость Россіи.

Но тѣ колоссальныя жертвы, которыя народъ уже понесъ въ затѣянной правительствомъ войнѣ, и тѣ огромныя усилія, которыя онъ уже сдѣлалъ въ борьбѣ за миръ не должны повести къ усиленію самодержавной бюрократіи и къ ослабленію всѣхъ силъ страны. «Да здравствуетъ миръ! и—долой самодержавіе!» эти два лозунга должны отнынѣ неразрывно сплестись въ нашей агитаціи», писали мы при полученіи извѣстія объ объявленіи войны (см. стр. 635—636), и то же самое можно повторить и теперь. Соціалдемократія требуетъ мира во что бы то ни стало! Это значитъ прежде всего: она требуетъ уничтоженія абсолютизма во что бы то ни стало! Долой самодержавіе!—это первое условіе того мира, котораго соціалдемократія всѣми силами добивается и будетъ добиваться.

Итакъ, соціалдемократія всѣ усилія должна употребить, чтобы заставить прекратить войну; но точно также должна она употребить всѣ усилія, чтобы не самодержавная бюрократія заключала миръ. Скорѣйшее уничтоженіе абсолютизма—вотъ единственное разрѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, которое приведетъ къ наиболѣе благопріятнымъ результатамъ для развитія всей страны вообще и для интересовъ пролетаріата въ особенности. Тяжесть войнъ, которыя ведетъ буржуазія, тяжесть того «почетнаго» мира, который она можетъ заключить при пораженіи, тоже падаетъ почти цѣликомъ на плечи рабочаго класса; но еще въ большей мѣрѣ падаетъ на его плечи тяжесть войны и мира самодержавной бюрократіи, ибо двойной грузъ—и абсолютизма и имущихъ классовъ—ложится на него. Самодержавная бюрократія можетъ укрѣпить свою позицію при заключеніи мира лишь на счетъ трудящихся классовъ, и на ихъ же счетъ покроетъ буржуазія тѣ убытки, которыми грозитъ ей миръ, заключенный абсолютизмомъ. Нести двойную тяжесть значитъ для пролетаріата совершенно напрасно расплачиваться слишкомъ дорогой цѣной за ту войну, которая кромѣ жертвъ ничего ему и не могла дать. Если ему суждено еще нести тяжелыя цѣпи капиталистической эксплуатаціи, то его собственные интересы настоятельно требуютъ, чтобы онъ поспѣшилъ мощнымъ революціоннымъ порывомъ сбросить съ себя ржавыя оковы стараго режима.

Быть можетъ, правительство все же успѣетъ заключить миръ до своего паденія. Но тогда самыя условія заключеннаго имъ мира, который не можетъ не быть раззорительнымъ для всей страны, дадутъ огромный толчекъ революціи. Быть можетъ, и многіе признаки говорятъ за это, правительство попытается прикрыть свой постыдный миръ авторитетомъ подтасованнаго «народнаго представительства»—земскаго собора, составленнаго изъ креатуръ правительства, назначенныхъ министрами, или выбранныхъ имущими классами. Въ такомъ случаѣ, соціалдемократія заранѣе объявитъ измѣнникомъ народу и предателемъ всякаго, кто посмѣетъ отъ имени народа вступать въ позорную сдѣлку съ правительствомъ. Рабочій классъ возложитъ всю моральную и матеріальную отвѣтственность за условія мира на членовъ этого земскаго собора, и революція потребуетъ и ихъ вмѣстѣ съ самодержавной бюрократіей къ отвѣту.

Немедленный созывъ Учредительнаго Собранія, свободно выбраннаго всеобщимъ равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, для заключенія мира—вотъ чего добивается соціалдемократія. И отъ Учредительнаго Собранія же потребуетъ революціонный пролетаріатъ такого рѣшенія вопросовъ о государственныхъ долгахъ, о распредѣленіи налоговъ, о конфискаціи имѣній и капиталовъ, принадлежащихъ удѣламъ, церквамъ, монастырямъ и всѣмъ лицамъ, виновнымъ въ затѣянной войнѣ, которое облегчитъ бремя жертвъ, возложенныхъ правительственной войной, правительственнымъ пораженіемъ и попустительствомъ имущихъ классовъ на все трудящееся населеніе Россіи.

Ф. Данъ.

Миръ.

(29 августа 1905 г., № 109).

Когда, 19 мѣсяцевъ тому назадъ, высокопоставленные корейскіе лѣсопромышленники начали войну съ Японіей, конца-краю не было видно хвастливымъ рѣчамъ. Вооружившись цѣлыми вагонами иконъ и хоругвей, будущіе герои блестящихъ пораженій—генералы отъ канцелярій и сухопутные адмиралы—просили у соотечественниковъ лишь немного «терпѣнія», ровно столько, сколько нужно, чтобы доѣхать отъ

Петербурга до Токіо и въ столицѣ микадо продиктовать условія мира презрѣннымъ «макакамъ».

Но вмѣсто побѣдоноснаго наступленія на Японію пришлось доморощеннымъ «богатырямъ» спѣшно отступить совсѣмъ въ противоположную сторону, и не въ Токіо, а въ Портсмутѣ, провинціальномъ городѣ американской республики, пришлось подписывать условія мира уполномоченнымъ русскаго правительства. Это не мѣшаетъ правящей кликѣ черезъ посредство печати трубить о своемъ «успѣхѣ» на поприщѣ дипломатіи послѣ того, какъ выступленіе ея на полѣ брани ознаменовалось рядомъ непрерывныхъ пораженій.

Но если уже тогда, 19 мѣсяцевъ тому назадъ, «патріотическій» угаръ такъ мало могъ охватить народныя массы, что приходилось полицейскими мѣрами отыскивать въ городскихъ трущобахъ «народъ», пригодный для участія въ «патріотическихъ» манифестаціяхъ, то тѣмъ менѣе теперь можетъ правительство надѣяться ввести въ обманъ хоть кого-нибудь. Слишкомъ больно и слишкомъ долго будутъ болѣть раны, нанесенныя войною, чтобы народъ могъ забыть ихъ ради той изумительной «ловкости», какую проявилъ—по его собственному мнѣнію, по крайней мѣрѣ,—г. Витте. Быть можетъ, то обстоятельство, что бывшій министръ финансовъ оказался наиболѣе «ловкимъ» изъ мошенниковъ самодержавной бюрократіи и побѣдоносно справился со всѣми соперниками, не перестававшими, по заведенному обычаю, «интриговать» противъ него и во время веденія переговоровъ о мирѣ, быть можетъ, это обстоятельство и подниметъ престижъ г. Витте, какъ «государственнаго человѣка» въ глазахъ «государственныхъ мужей» всѣхъ оттѣнковъ либерализма. Быть можетъ, его «стараніе» заключить миръ заставитъ кое кого забыть объ его предшествующихъ, не менѣе усердныхъ, «стараніяхъ» поощрять всѣ хищническія предпріятія, вызвавшія кровопролитнѣйшую войну. «Непросвѣщенный» народъ врядъ-ли окажется столь снисходительно забывчивымъ, и для него г. Витте будетъ попрежнему занимать «почетное» мѣсто въ ряду тѣхъ правительствующихъ преступниковъ, которые нанесли народу раны, сочащіяся кровью.

Достаточно вспомнить тѣ причины, которыя вызвали войну, тѣ требованія, которыя предъявляла въ то время Японія и которыя—какъ это теперь достаточно выяснено—не были удовлетворены ради интересовъ лѣсопромышленной компаніи, главными пайщиками и хозяевами которой состояли «высокопоставленныя лица», — достаточно вспомнить все это, чтобы оцѣнить истинную мѣру «успѣховъ» россійской дипломатіи. Признаніе преобладающаго вліянія Японіи на

Корею, открытіе Манчжуріи для иностранной торговли—вотъ все, чего добивалась Японія 19 мѣсяцевъ тому назадъ. Вотъ ради чего самодержавное правительство начало войну 19 мѣсяцевъ тому назадъ. Смѣшивая интересы государства съ интересами «хозяевъ»—лѣсопромышленниковъ, оно увѣряло, что рѣчь идетъ о «жизненныхъ интересахъ», оно возвѣщало, что борется за «господство на берегахъ Тихаго океана». Сотни тысячъ людей пали въ борьбѣ за это «господство», милліарды рублей пущены на вѣтеръ, цѣлый флотъ погрузился на морское дно и попалъ въ плѣнъ, и что-же? Японія не только добилась всего, чего требовала до начала войны; она получила неизмѣримо больше. Въ Кореѣ она достигла не только преобладающаго вліянія. но поставила ее подъ свой протекторатъ. Въ Манчжуріи она добилась не только «открытыхъ дверей»; но полнаго очищенія ея русскими. А кромѣ того, она получила Портъ-Артуръ со всѣмъ Квантунскимъ полуостровомъ, 1200 километровъ построенной на русскія деньги восточно-азіатской желѣзной дороги, южную половину Сахалина. Ея флотъ вышелъ изъ войны не только неуменьшившимся, но значительно возросшимъ, благодаря взятымъ въ плѣнъ русскимъ судамъ. Ея господствующее положеніе на водахъ Тихаго океана закрѣплено новымъ союзнымъ договоромъ съ Англіей. И вотъ, въ виду такихъ результатовъ войны, стоившей народу неизмѣримыхъ жертвъ людьми и деньгами, россійскіе уполномоченные выходятъ съ конференціи съ «веселыми лицами» и въ своемъ неизрѣченномъ безстыдствѣ сами трубятъ на весь міръ о своихъ великихъ «успѣхахъ»!

Потому что Россія не вся растерзана на клочки; потому что въ добавленіе ко всѣмъ жертвамъ войны на народъ не навалена еще новая колоссальная тяжесть въ видѣ военной контрибуціи; потому что, словомъ, японская буржуазія, обезпечившая всѣ свои интересы, получившая въ видѣ территоріи, флота, желѣзныхъ дорогъ милліарды рублей, сытая по горло, не хочетъ вести дальше войну изъ-за еще одного лишняго милліарда,—поэтому именно самодержавное правительство трубитъ о своихъ «успѣхахъ»! Оно громко возвѣщаетъ о своей «побѣдѣ» въ мирѣ, потому что было на голову разбито въ войнѣ!

Напрасный трудъ! Если назвать «позорнымъ» мирный договоръ, въ которомъ неизгладимыми чертами запечатлѣлось безнадежное пораженіе, то, конечно, рѣдкій мирный договоръ такъ полно заслуживалъ этого названія, какъ портсмутскій. И отъ этого простого факта правительство не сможетъ отговориться передъ судомъ народа тѣмъ, что могло быть еще хуже. Если теперь, черезъ 19 мѣсяцевъ, можно поздравлять себя съ «успѣхомъ» по поводу заключенія т а к о г о мира,

то чѣмъ оправдаетъ правящая клика самую войну? Что отвѣтитъ она народу, который потребуетъ ее къ отвѣту? И, конечно, органы мародерствующаго «патріотизма» обнаруживаютъ гораздо болѣе тонкій нюхъ, чѣмъ самодержавная бюрократія, когда изображаютъ портсмутскій миръ не какъ «успѣхъ», а какъ «пораженіе» правительства и пытаются идеей «реванша» сплотить новыя силы вокругъ падающаго режима.

Но 19 мѣсяцевъ войны не прошли даромъ. Они не только истощили народныя средства, они обогатили народъ политическимъ сознаніемъ. Та колоссальная встряска, которую произвела война, раскрыла глаза народу: она нагляднымъ урокомъ,—однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ уроковъ, которыми исторія учитъ народы,— показала ему всю смертоносность той самодержавно-полицейской системы, которая тяжелымъ кошмаромъ нависла надъ всей страной.

Она показала,—какъ по мановенію руки правительства, въ кричащемъ противорѣчіи со всѣми интересами страны и со всѣми желаніями народа, расточаются тысячи человѣческихъ жизней и милліоны народныхъ денегъ. Война показала въ гигантскомъ, всѣмъ видимомъ, масштабѣ тѣ язвы, которыми старый порядокъ изо дня въ день, медленно, но вѣрно подтачивалъ и подтачиваетъ всѣ жизненныя силы народа. Не только внѣшняя война, но и война внутренняя была за эти 19 мѣсяцевъ для правительства рядомъ непрекращающихся, тяжкихъ пораженій. Расшатывалась военно-полицейская организація, падала дисциплина въ войскахъ, пробуждались къ сознательной политической жизни и группировались народныя силы. Россія теперь не та, что 19 мѣсяцевъ тому назадъ; другими глазами, съ другимъ пониманіемъ смотрятъ теперь широкія народныя массы на совершающіяся передъ ихъ глазами событія.

Ни мнимые «успѣхи» правительственной дипломатіи, ни идеи «реванша» не могутъ уже заслонить въ глазахъ народа того факта, что въ условіяхъ только что заключеннаго, такъ долго и страстно жданнаго мира отсутствуетъ одно, главное условіе, которое единственно только и сдѣлаетъ миръ легкимъ и почетнымъ, которое одно только и поможетъ народу залѣчить раны войны. Это условіе—долой самодержавіе! Безъ этого условія безконечно долго и безконечно болѣзненно будутъ отзываться на народѣ всѣ тяжелыя послѣдствія хищнической войны. Его должна вписать въ портсмутскій договоръ революція.

Ф. Данъ.

ИСКРА

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 82. 1-го января 1905 г. Годъ V.

ГИБЕЛЬ ПОРТЪ-АРТУРА.

ЗА ДВА ГОДА.

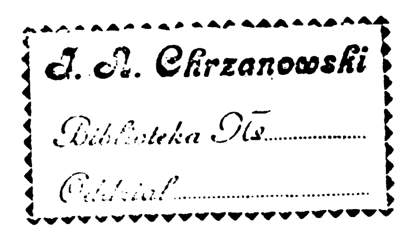
Часть II.

Сборникъ статей изъ „Искры“:
П. Аксельрода, Ф. Дана, Кольцова,
Л. Мартова, Мартынова, Парвуса,
Г. Плеханова, Н. Троцкаго.

ИЗДАНІЕ С. Н. САЛТЫКОВА.

„ЗА ДВА ГОДА“.

„Русская революція и Европа“.
„Междунар. соціализмъ“.
„Основы тактики“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отдѣлъ I:

Русская Революція и Европа.

Международный соціализмъ.

Европейскій судъ надъ русской революціей.

(25 февраля 1904 г. № 60).

Четыре нѣмецкихъ министра торжественно и рѣшительно осудили русскую революцію. Они заявили, что германское правительство намѣрено и впредь, какъ это дѣлало до сихъ поръ, преслѣдовать русскихъ соціалистовъ и сочувствующихъ соціализму русскихъ студентовъ, выслѣживать ихъ съ помощью шпіоновъ нѣмецкихъ и содѣйствовать травлѣ ихъ шпіонами русскими, при случаѣ арестовывать ихъ и выдавать Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, карать и тѣхъ нѣмецкихъ подданныхъ, которые будутъ уличены въ „пособничествѣ и попустительствѣ“ дѣлу русской революціи.

Четыре дня дебатовъ въ германскомъ рейхстагѣ и прусскомъ ландтагѣ, вызванныхъ запросомъ нашихъ нѣмецкихъ товарищей по поводу систематическихъ происковъ русской политической полиціи въ Германіи и преслѣдованій нѣмецкихъ соціалдемократовъ за содѣйствіе транспорту русскихъ революціонныхъ изданій,—эти четыре дня дебатовъ не прошли все же даромъ. Вѣрная своей обычной тактикѣ, германская соціалдемократія и въ этомъ случаѣ заставила германское буржуазное общество въ лицѣ его оффиціальныхъ представителей сорвать съ себя маску и высказать сокровенный смыслъ своей политики. Послѣ ряда попытокъ отрицать самый фактъ полицейскаго хозяйничанія русскаго правительства въ Германіи и своихъ лакейскихъ услугъ ему въ этой области, послѣ того, какъ—не безъ помощи фальсификаціи цитатъ—оно попыталось увѣрить, что преслѣдуетъ однихъ только „анархистовъ“—германское правительство устами Бюлова цинично признало, что оно намѣрено всѣми зависящими отъ него средствами помогать самодержавію въ его борьбѣ съ русской революціей.

Да! правительству, преслѣдующему балтійскихъ нѣмцевъ, какъ

„агентовъ пангерманизма“, правительству, варварски преслѣдующему, во имя православія, русскихъ евангелистовъ баптистовъ, какъ проводниковъ „нѣмецкой интриги“, и заключившему двойственный союзъ въ цѣляхъ парализованія германской гегемоніи на международной аренѣ; этому правительству оффиціальная Германія обѣщаетъ свое безусловное содѣйствіе въ дѣлѣ борьбы за его существованіе. Силы одной изъ культурнѣйшихъ европейскихъ странъ отдаются въ распоряженіе злѣйшаго врага европейской культуры.

Г. Бюловъ не удержался на позиціи борьбы съ террористическимъ анархизмомъ, въ понятіе котораго онъ пытается втиснуть русскій политическій терроризмъ. Выбитый изъ этой традиціонной полицейской позиціи, онъ, ссылаясь на недавнюю статью Каутскаго, сказалъ ясно и кратко: нѣмецкіе соціалдемократы привѣтствуютъ предстоящее паденіе самодержавія, какъ первый ударъ дѣлу международной реакціи, какъ такое событіе, которое должно повлечь за собою политическую демократизацію Германіи. Именно поэтому мы намѣрены душить русскую революцію. Именно поэтому честь и доброе имя Германіи будутъ отданы въ полную собственность агентамъ Плеве!

И германская буржуазія апплодировала этимъ словамъ. Стыдливо прячась за ширмой „борьбы съ анархизмомъ“, не существующимъ въ Россіи, и борьбы съ терроризмомъ, отрицаемымъ громаднымъ большинствомъ русскихъ революціонеровъ, она, поддержавъ свое правительство, публично признала, что дѣло распространенія европейской культуры, дѣло политической и гражданской свободы навсегда предано ею врагамъ культуры и свободы.

И русская революція, единственная представительница европейской культуры въ своей странѣ, вышла изъ этихъ недавнихъ дебатовъ все также изолированной, все также лишенной другихъ союзниковъ, кромѣ сознательныхъ пролетаріевъ Запада. Германская буржуазія, не перестающая чтить своихъ великихъ революціонеровъ 48-го года; французская буржуазія, молящаяся тѣнямъ титановъ 1789—1792 годовъ отрекались разъ навсегда отъ всякой солидарности съ тѣми, кто борется за русскіе 1789 и 1848 гг., отъ солидарности съ тѣми, на кого исторія возложила задачу — додѣлать въ Петербургѣ и въ Москвѣ то, что было начато въ Парижѣ и продолжено въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Процессъ ликвидаціи стараго порядка въ Европѣ переносился

изъ одной страны въ другую при восторженныхъ рукоплесканіяхъ гражданъ, успѣвшихъ ранѣе освободиться отъ одного и того же, по своей природѣ, сословно абсолютистскаго ига. За паровой машиной, разрушавшей основы стараго порядка, въ преобразовавшіяся ею страны неслись изъ передовыхъ странъ не только революціонныя идеи, но и живыя симпатіи освободившей себя уже буржуазіи. Революціонный классъ—буржуазія—двигала дѣло міровой культуры, способствуя революціонизированію новыхъ и новыхъ обществъ.

Россія не успѣла воспользоваться крохами съ этого богатаго пира буржуазной революціи. Пасынки исторіи, мы пробуждены были европейской культурой въ тотъ моментъ, когда она исчерпала всю буржуазную оболочку и когда вчерашій борецъ за нее—европейская буржуазія—утратила интересъ борьбы за ея міровое распространеніе. И вторженіе паровой машины въ наше народное хозяйство принесло намъ, вмѣстѣ съ потребностью въ свободѣ, звуки великой классовой борьбы пролетаріата, но, вмѣстѣ съ ними, къ намъ залетѣлъ и похоронный мотивъ той отходной, которую исторія поетъ европейской буржуазіи.

И вотъ мы одни въ борьбѣ съ сильнымъ еще абсолютизмомъ, подкрѣпленнымъ всей матеріальною мощью, которую европейская буржуазія можетъ еще принести своему верховному повелителю—самодержавію Россіи. Одни—ибо европейскій пролетаріатъ, съ живымъ сочувствіемъ слѣдящій за нашей борьбой, не властенъ воспрепятствовать буржуазной Европѣ въ ея предательствѣ интересовъ европейской культуры. Одни, потому что не свергнутый нами еще абсолютизмъ самъ доставляетъ буржуазной Европѣ средства для того, чтобы держать въ уздѣ революціонный пролетаріатъ свободныхъ странъ.

Германія арестуетъ, преслѣдуетъ, изгоняетъ и выдаетъ русскихъ революціонеровъ; Австрія состязается съ ней въ этомъ благородномъ занятіи; французская пресса отравляетъ общественное мнѣніе культурнаго міра апологіей царизма и замалчиваніемъ русскаго освободительнаго движенія; французская, германская и бельгійская буржуазія соревнуетъ въ постановкѣ деспотизму капиталовъ, необходимыхъ для поддержанія его существованія. Освободившіе себя—подъ натискомъ пролетарскаго движенія—во имя котораго сражались и умирали ихъ великіе предки—буржуазные классы Запада всѣ свои силы отдаютъ дѣлу сохраненія послѣдняго оплота до-буржуазнаго варварства.

И не при побѣдныхъ кликахъ человѣчества освободимся мы отъ нашего рабства. Европа, отъ имени которой говорятъ Бюловы и Делькассэ, встрѣтитъ нашу свободу зубовнымъ скрежетомъ, и реакціоннымъ воемъ попытается заглушить привѣтствія европейскаго пролетаріата.

Пасынкамъ исторіи—намъ не суждено испытать иллюзій, которыя окрасили первые дни свободы на Западѣ... Съ первыхъ же минутъ передъ нами будетъ стоять во всеоружіи своей матеріальной мощи міровая буржуазія, историческое дѣло которой мы недѣлываемъ, и попытается оторвать насъ отъ той культуры, пріобщеніе къ которой мы покупаемъ потоками своей крови.

И, чтобы отстоять свое право на активное участіе въ міровой цивилизаціи, мы должны быть готовы изъ глубины своихъ „восточныхъ степей" бросить гордый вызовъ измѣнившей своему дѣлу буржуазной Европѣ, должны возженный у насъ факелъ революціи перебросить назадъ въ Европу, гдѣ революціонной искры ждутъ горы приготовленнаго самой буржуазіей горючаго матеріала.

Невольные участники вѣковыхъ преступленій, совершенныхъ отъ имени Россіи надъ европейской цивилизаціей, мы сторицей воздадимъ своимъ европейскимъ учителямъ. Кровь, которую щедро прольетъ русскій пролетаріатъ въ дни близкой уже революціи, будетъ пролита во имя свободы Россіи, и во имя дѣла пролетаріата всего міра. Буржуазная Европа топчетъ въ грязь свою политическую и національную честь ради русскаго самодержавія. Дѣломъ классовой чести русскаго пролетаріата, дѣломъ политической чести русской революціи является дать первый толчекъ къ ликвидаціи всеевропейской реакціи, къ освобожденію всего міра отъ антикультурной и реакціонной въ наши дни классовой диктатуры всемірной буржуазіи.

Наша борьба оживитъ въ европейскихъ народахъ воспоминанія о славныхъ дняхъ революцій, создавшихъ современный гражданскій строй. Она живымъ примѣромъ напомнитъ народамъ, что долгія десятилѣтія подготовительной исторической работы имѣютъ свое логическое завершеніе въ бурныхъ мѣсяцахъ коренной революціонной ликвидаціи...

Гг. фонъ-Бюловъ, Гаммерштейнъ, Рихтгофенъ и Шенштедтъ скрѣпили своей подписью обвинительный приговоръ европейской буржуазіи надъ дѣломъ русской революціи, дѣломъ русскаго пролетаріата. Тѣмъ самымъ они подписали европейской буржуазіи обвинительный приговоръ по дѣлу о предательствѣ ею интересовъ

мiровой культуры. Тѣмъ самымъ они освятили наше революцiонное дѣло въ глазахъ наслѣдника этой культуры — пролетарiата цивилизованнаго мiра. И черезъ головы оффицiальныхъ представителей Европы пролетарiи „восточныхъ степей“ привѣтствуютъ своихъ западныхъ собратьевъ побѣднымъ кличемъ: положитесь на насъ, мы исполнимъ свой долгъ — долгъ пасынковъ европейской цивилизацiи!

Л. Мартовъ.

Первое мая.

(18 апрѣля 1904 г. № 64).

Пятнадцатая годовщина майскаго праздника всемiрнаго пролетарiата.

Много пораженiй, много побѣдъ пережилъ международный соцiализмъ за эти полтора десятка лѣтъ, протекшiе со времени его перваго майскаго смотра. Непосредственный результатъ перваго послѣ паденiя интернацiонала, оформленнаго сближенiя рабочихъ партiй разныхъ странъ,—идея майской манифестацiи, принятая на парижскомъ конгрессѣ, родилась въ атмосферѣ горячихъ надеждъ, возбужденныхъ тѣмъ обостренiемъ классовой борьбы, которое характеризовало восьмидесятые годы, смѣнивъ собою затишье предыдущаго десятилѣтiя, хоронившаго несбывшiяся упованiя коммуны. Въ Англiи и Соединенныхъ Штатахъ началось революцiонно-соцiалистическое движенiе и ознаменовалось бурными и кровавыми демонстрацiями въ Трафальгаръ - скверѣ, съ одной стороны, чикагскимъ политическимъ убiйствомъ яко бы „анархистовъ“, съ другой, во Францiи и Бельгiи въ крупныхъ и бурныхъ стачкахъ восьмидесятыхъ годовъ выливался накопленный запасъ энергiи несложившагося еще въ единую партiю классового движенiя. Въ Германiи соцiалдемократiя закалялась, политически воспитывалась и воспитывала пролетарiатъ подъ тяжелыми ударами исключительнаго закона—въ борьбѣ съ нимъ. А кругомъ рушилась, треща по всѣмъ швамъ, европейская буржуазная демокра-

тія, сдавая безъ боя свои политическія позиціи, отступая по всей линіи передъ той всемірной реакціей, которая сформировалась въ эти восьмидесятые годы, чтобы отлиться въ окончательную, повидимому, политическую форму всемірной классовой диктатуры буржуазіи. И провозглашенная впервые наканунѣ послѣдней міровой буржуазной революціи, идея международной пролетарской солидарности, пытавшаяся воплотиться политически въ интернаціоналѣ и слегка затертая въ сѣрые будни, послѣдовавшіе за неудачей революціи 71 года, снова выплывала на свѣтъ Божій, какъ только встали, въ силу хода классовой борьбы въ разныхъ отдѣльныхъ странахъ, великіе основные интересы пролетарской политики, лишь только почувствовавшее свою силу рабочее движеніе отдѣльныхъ націй вплотную подошло къ вопросамъ о крупныхъ, революціонныхъ по своимъ послѣдствіямъ, соціальныхъ реформахъ, къ вопросамъ борьбы съ основнымъ устоемъ политической реакціи—милитаризмомъ. Ибо идея международной солидарности, ибо интернаціонализмъ современнаго соціалистическаго движенія не есть одинъ изъ частныхъ пунктовъ его программы; нѣтъ, въ немъ находитъ свое выраженіе самая сущность этой программы, ея „революціонная душа". И подобно кислотѣ, очищающей металлъ отъ окислившихся на немъ постороннихъ элементовъ, идея международности пролетарской политики, воплощающая ея революціонную сущность, обладаетъ свойствомъ, охвативъ собою „національное" рабочее движеніе данной страны, революціонизировать его и дать ему сильный толчекъ по пути его освобожденія отъ исторической накипи всякаго рода буржуазныхъ вліяній.

Ближайшее слѣдствіе развитія классовой борьбы въ разныхъ странахъ цивилизованнаго міра, въ 1880-хъ годахъ—парижскій международный конгрессъ оказалъ значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе пролетарской борьбы въ разныхъ странахъ, санкціонировавъ впервые, такъ сказать, оффиціально господство надъ этой борьбой программы современнаго научнаго соціализма. Майская демонстрація подъ знаменемъ международной солидарности и во имя однородныхъ требованій международной солидарности и во имя однородныхъ требованій международно-единой классовой политики—таковъ былъ боевой лозунгъ, данный этимъ конгрессомъ. Въ ней подводились итоги завоеваніямъ, сдѣланнымъ марксистскимъ пролетарскимъ соціализмомъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ.

Прошли годы. Рабочій интернаціоналъ, вновь провозглашенный въ Парижѣ, раскинулъ свои вѣтви по всему лицу земного шара. Его основное ядро—западно-европейскій континентъ—представленъ намъ гораздо болѣе внушительными силами, чѣмъ тѣ, которые впервые послѣдовали призыву къ майской демонстраціи. Германская соціалдемократія утроила свои силы, бельгійская и австрійская лишь въ теченіе девяностыхъ годовъ заняли то положеніе, которое дѣлаетъ ихъ сильнѣйшими—послѣ германской—рабочими партіями. Гораздо болѣе болѣзненно развивавшаяся французская партія лишь черезъ десять съ лишнимъ лѣтъ послѣ парижскаго конгресса достигла того объединенія, безъ котораго былъ немыслимъ ростъ ея политическаго значенія. Быстро выросла итальянская соціалдемократія, и однѣ за другими возникали и дѣлали свои политическія завоеванія рабочія партіи, партіи въ Венгріи, Голландіи, Даніи, Швеціи, балканскихъ государствахъ. А на крайнемъ востокѣ Европы десятилѣтіе девяностыхъ годовъ впервые увидѣло быстро растущее и непрерывно развивающееся пролетарское движеніе, съ первыхъ же шаговъ окрашенное идеологіей соціалдемократіи.

Новому рабочему интернаціоналу тѣсно уже, однако, въ предѣлахъ стараго міра, рамки котораго безостановочно раздвигалъ прогрессъ капиталистическаго развитія. Старая Англія продолжала спать въ блаженномъ невѣдѣніи широкой классовой борьбы въ ея современной революціонной формѣ, но въ Соединенныхъ Штатахъ уже сложилась сильная соціалистическая партія, и съ чисто „американской“ быстротой она въ нѣсколько лѣтъ нагнала нѣкоторыхъ своихъ европейскихъ сестеръ. Перекинувшись черезъ Америку, свилъ себѣ гнѣздо соціализмъ въ Японіи, а черезъ Уральскія горы перебросилъ пламя своей агитаціи въ города восточной Сибири. А въ самые послѣдніе дни, первая избирательная побѣда соціалистической партіи въ Аргентинской республикѣ показала старому міру, что капиталистическій прогрессъ даетъ одни и тѣ же соціальные продукты на югѣ и на сѣверѣ отъ экватора.

Экстенсивное распространеніе соціализма придало широко-интернаціональный характеръ тѣмъ явленіямъ, которыми сопровождался и сопровождается процессъ внутренняго роста движенія, его интенсивнаго развитія. Протекшія 15 лѣтъ полны были явленіями этого рода, полны были моментовъ такъ называемаго у враговъ пролетаріата „кризиса соціализма“. И по мѣрѣ того,

какъ пріобрѣтала гегемонію въ пролетарскомъ движеніи идеологія научнаго соціализма, эти критическіе моменты принимали повсюду, по существу, однородную идеологическую оболочку „кризиса марксизма".

Быстрое поглощеніе организованнымъ соціалистическимъ пролетаріатомъ новыхъ рекрутовъ изъ отсталой части этого класса и изъ передовыхъ элементовъ другихъ классовъ буржуазнаго общества; эволюція буржуазной демократіи въ вопросахъ соціальной реформы, сопровождавшая реакціонную эволюцію верховъ буржуазнаго общества въ области „общей" политики; усложненіе задачъ пролетарской политики, вызванное самимъ ростомъ рабочаго движенія, съ одной стороны, реакціонной эволюціей буржуазіи—съ другой: таковы тѣ основные факторы, которые подготовляли и дѣлали неизбѣжнымъ возникновеніе этого „кризиса", а временное смягченіе формъ классового гнета въ короткіе періоды промышленнаго подъема создавало благопріятную почву для нарастанія и формированія оппортунистическихъ тенденцій въ соціализмѣ. И чѣмъ болѣе опредѣленные методы борьбы и укрѣпившіяся въ нихъ формы политическаго сознанія, сложившіяся въ предыдущій періодъ, оказывались на практикѣ ограниченными въ своей законченности и консервативными въ столкновеніи съ новыми, болѣе сложными задачами, тѣмъ скорѣе могло казаться, что въ этихъ „кризисахъ" современное рабочее движеніе ставитъ крестъ на своемъ революціонномъ прошломъ, что, отлившись въ планомѣрно функціонирующія и такъ или иначе признанныя современнымъ государствомъ политическія и экономическія организаціи, оно лишается своей революціонной „души", а, слѣдовательно, и своего интернаціонализма.

Судьба майскаго праздества, казалось, подтверждала такія предположенія. Встрѣченное восторгомъ рабочихъ разныхъ странъ, это празднество обѣщало, повидимому, стать такой небывалой еще манифестаціей, которой суждено расшатать современный порядокъ. Буржуазія повсюду съ трепетомъ ожидала наступленія рокового дня, и первыя майскія демонстраціи вызывали—въ силу этого трепета буржуазіи—открытыя революціонныя схватки пролетаріевъ съ вооруженной силой. Въ этой, на обоихъ полюсахъ современнаго общества возбужденной атмосферѣ, демонстрація интернаціонализма легко и естественно связывалась съ текущей борьбой за ближайшія національныя задачи пролетаріата данной страны и давала этой борьбѣ революціонный импульсъ.

Но прошли годы, и буржуазный міръ приспособился къ ежегодной революціонной демонстраціи своего врага. Политическая борьба организованнаго пролетаріата такъ усложнилась, что терявшая агитаціонную свѣжесть новизны, годичная демонстрація стала занимать во всей борьбѣ относительно все болѣе скромную роль. Планомѣрная политика соціалдемократіи извлекаетъ изъ майской демонстраціи все то, что можно изъ нея извлечь безъ излишняго напряженія революціонныхъ силъ, которыя всѣ на счету у организованной партіи, которымъ всѣмъ она находитъ примѣненіе тогда и тамъ, гдѣ и когда онѣ могутъ дать максимальный результатъ. Политическое значеніе майскаго празднества, какъ революціонной манифестаціи противъ буржуазнаго міра, несомнѣнно, ослабѣло. Но въ общей суммѣ выполняемой каждой соціалистической партіей работы майская агитація продолжаетъ давать незамѣтные плоды систематическаго воспитанія во все болѣе широкихъ пролетарскихъ массахъ сознанія международной солидарности.

Только на „окраинахъ“ всемірной имперіи капитала, въ вновь пробуждающихся къ современной классовой борьбѣ странахъ, майскій праздникъ сейчасъ, какъ и 15 лѣтъ назадъ въ Западной Европѣ, становится днемъ, когда силы стараго и новаго міра мѣряются другъ съ другомъ. Эта эволюція майскаго праздника, повторяемъ, естественно наводила на пессимистическое заключеніе о томъ, что ростъ рабочаго движенія сопровождается ослабленіемъ его революціонности, вытѣсненіемъ общихъ революціонныхъ задачъ его—частными и временными, международныхъ—національными. Люди поверхностныхъ обобщеній спѣшатъ увидѣть лишнее доказательство того, что „естественная“ эволюція пролетарскаго движенія ведетъ къ оппортунизму и „притупленію общественныхъ противорѣчій“. Одни изъ нихъ изъ этого положенія дѣлаютъ выводы объ устарѣлости марксистской „догмы“, пасующей, якобы, передъ этого рода явленіями, и требуютъ такого ея „пересмотра“ который бы выразилъ въ программѣ-тактикѣ соціалистовъ неизбѣжность и прогрессивность такой эволюціи; другіе, наоборотъ, заключаютъ къ оппортунизму и антипролетарскому характеру самой этой „догмы“, къ отвѣтственности, падающей на соціалдемократію за такую именно эволюцію.

И тѣ и другіе, и ревизіонисты, со стоящими за ихъ спиной соціалъ-реформаторами, и анархисты съ ихъ болѣе или менѣе безсознательными подражателями въ лагерѣ соціалистовъ—и тѣ,

и другіе дѣлаютъ ту основную ошибку, что въ своемъ прогнозѣ считаютъ „безъ хозяина“, не справляясь съ основными тенденціями развитія современнаго общества. Враги „революціонной фразы“ и идеологіи, они знаютъ историческое движеніе пролетаріата только въ томъ видѣ, въ какомъ оно отражается въ каждый данный моментъ въ головахъ и на устахъ его политическихъ представителей; горделивые повстанцы противъ „фаталистическаго преклоненія передъ слѣпымъ историческимъ процессомъ“, они на дѣлѣ являются безвольными его рабами, поскольку въ ихъ идеологическихъ гримасахъ автоматически отражается судорожный ходъ антагонистическаго развитія современнаго общества. Скользящая по поверхности, якобы трезвая, и якобы революціонная критика равнымъ образомъ оказываются неспособными понять дѣйствительную причину отдѣльныхъ заминокъ и отдѣльныхъ регрессивныхъ шаговъ въ историческомъ движеніи пролетаріата, и, тѣмъ самымъ, имъ оказывается не по плечу найти дѣйствительные факторы неизбѣжнаго поступательнаго развитія.

Отлившаяся въ опредѣленныя, устойчивыя организаціонныя формы съ возвышающейся надъ нею устойчивой идеологіей текущей политики, партія пролеріата тѣмъ больше развиваетъ въ себѣ присущія всему устойчивому консервативныя тенденціи, чѣмъ прочнѣе ея организаціонное основаніе, чѣмъ однороднѣе и цѣльнѣе она связана воедино опредѣленной идеологіей практической борьбы. „Критическіе“ моменты въ жизни рабочихъ партій, когда обнаруживается рѣзкое несоотвѣтствіе между основными принципіальными посылками и практическими выводами, между написанной на знамени конечной цѣлью и примѣняемыми средствами—„критическіе“ моменты говорятъ всего лишь о томъ, что примѣнявшаяся къ обычнымъ формамъ борьбы даннаго дня идеологія „практиковъ“ столкнулась съ непредусмотрѣнными ею скрытыми силами общественнаго развитія. Задачи дѣйствительно революціонной критики—постоянное внесеніе того корректива къ „практичности“ повседневной борьбы, который заключается въ неизмѣнной апелляціи къ основнымъ силамъ общественнаго развитія, дающимъ ключъ къ пониманію и того, почему данная преходящая фаза въ ходѣ пролетарскаго движенія явилась неизбѣжной и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, прогрессивной, и того, почему и какъ въ извѣстный моментъ развитія она должна быть превзойдена. Найти этотъ ключъ и не терять его никогда, не упускать изъ вида основныхъ факторовъ историческаго движе-

нія,—значитъ быть равно неспособнымъ къ дряблому фатализму филистера и къ „революціонному“ авантюризму демагога. Обладать этимъ ключомъ—значитъ всегда умѣть за пестрой картиной разнообразныхъ отдѣльныхъ деревьевъ видѣть живущій единой жизнью лѣсъ; не утрачивать той духовной зоркости, которая нужна для того, чтобы въ числѣ первыхъ дѣйственно привѣтствовать возрождающуюся зарю.

Диллетантская критика оппортунистовъ и анархистовъ спѣшитъ въ каждой заминкѣ той производной исторической работы, которая совершается на подмосткахъ политической арены, привѣтствовать или проклинать отклоненіе пролетарскаго движенія отъ его революціонныхъ завѣтовъ. Въ эти сѣрые моменты анахроничными и безплодными представляются революціонныя формулы научнаго соціализма, проявленіемъ политическаго атавизма кажутся то тамъ, то сямъ, прорывающіеся сквозь кору „обычныхъ“ формъ борьбы огненные языки подземной лавы. Но колесо исторіи дѣлаетъ новый, неизбѣжный поворотъ, „разумъ“ исторіи властно проявляется въ видимомъ безуміи общественныхъ потрясеній, и „частное“, случайное, эпизодическое въ исторіи уступаетъ мѣсто явному дѣйствію ея основныхъ движущихъ силъ. И тогда „забытыя слова“ революціонной „догмы“ внезапно пріобрѣтаютъ для всѣхъ очевидное значеніе самостоятельной прогрессивной силы и начинаютъ непосредственно выражать собой мысль цѣлаго класса; падаютъ внезапно, казалось бы, непреодолимыя преграды между властными требованіями „практики“ и неумолимыми, несгибаемыми принципами „теоріи“. Безплодная, казалось, работа мысли является теперь незамѣнимымъ подсобнымъ орудіемъ осуществленія навязанныхъ историческимъ развитіемъ практическихъ, нетерпящихъ отлагательства задачъ. И тѣмъ скорѣе „абстрактныя“ еще вчера формы наполняются живымъ содержаніемъ конкретной исторической борьбы, тѣмъ подготовленнѣе оказывается и самъ революціонный классъ къ правильной постановкѣ и правильному рѣшенію исторической задачи,—чѣмъ неуклоннѣе и „непримиримѣе“ въ предыдущій періодъ велась работа „теоретической“ пропаганды и чѣмъ шире былъ операціонный базисъ соціалистической партіи, чѣмъ устойчивѣе ея организаціонная постройка, чѣмъ глубже залегло ея основаніе въ грунтѣ представляемаго ею класса.

Пятнадцатая годовщина майскаго праздника наступаетъ наканунѣ такого поворотнаго момента. Сѣрые будни промышленнаго

благополучія и общественной реакціи, не дававшіе развиться подававшимъ столько надеждъ росткамъ революціонной манифестаціи интернаціонализма,—эти будни снова смѣнились періодомъ общественныхъ потрясеній. Основныя революціонныя силы буржуазнаго общества выступаютъ на его поверхность. Устойчивое равновѣсіе капиталистическаго міра нарушено. Политическая жизнь отдѣльныхъ странъ начинаетъ прорывать тѣ тѣсныя рамки, въ которыя ей удалось было замкнуться. Вопросы міровой политики всей тяжестью таящихся въ нихъ неразрѣшимыхъ проблемъ начинаютъ давить на общественныя отношенія отдѣльныхъ націй. Тѣмъ самымъ неизбѣжно создается политическая почва и соотвѣтственная атмосфера для новаго революціоннаго подъема пролетаріата. Пролетарская политика должна концентрироваться на томъ, что составляетъ ея революціонную душу—на обнажившейся отъ всякихъ національныхъ покрововъ всемірной классовой борьбѣ. Завѣса, скрывающая отъ еще не прозрѣвшихъ и притупившихъ свое зрѣніе глубокую пропасть между міромъ буржуазіи и міромъ пролетаріата, будетъ разодрана первой же грозой, которая унесетъ тощія деревца реформистскаго оппортунизма, оросить живительной влагой могучіе корни пролетарской революціи.

Наканунѣ этого новаго поворота исторіи, майская агитація вновь пріобрѣтаетъ значеніе непосредственной подготовки къ незнающей государственныхъ рамокъ революціонной схваткѣ съ буржуазнымъ міромъ. Вчера еще „забытое слово“ для близорукихъ, сегодня—формула „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“ становится самымъ дерзкимъ вызовомъ, который пролетаріатъ можетъ бросить сверкающимъ стальной щетиной и готовымъ каждую минуту ринуться другъ на друга—буржуазнымъ государствамъ.

Л. Мартовъ.

Tua res agitur (о тебѣ идетъ дѣло).

(18-го апрѣля 1904 г. № 64).

(*переводъ съ нѣмецкаго*).

Прусское правительство еще разъ выслало дюжину русскихъ студентовъ. Какая крупная побѣда правительства! Вообще, съ нѣкотораго времени имперское правительство не перестаетъ одерживать побѣды: такъ, по крайней мѣрѣ, возвѣщаютъ буржуазныя газеты. Сперва побѣды въ прусскомъ ландтагѣ, гдѣ два прусскихъ министра, подъ прикрытіемъ 200 юнкеровъ, побѣдили противника, для котораго входъ въ палату предварительно былъ герметически закупоренъ трехклассным избирательнымъ правомъ. Врагъ былъ представленъ манекеномъ либерально-демократической оппозиціи. Этотъ врагъ изъ соломы и картона палъ, сраженный бумажными ядрами поддѣльныхъ цитатъ. А газеты восклицали: „Побѣда надъ соціалдемократіей!“ Послѣ того побѣда въ рейхстагѣ. Побѣдоносные министры такъ были отдѣланы соціалдемократіей, что только клочья летѣли. Но вотъ „были пущены въ ходъ телефонныя проволоки“, какъ пишутъ въ газетныхъ бюллетеняхъ по поводу крупныхъ сраженій, и графъ Бюловъ появился, бряцая оружіемъ изъ блестящей жести. И вслѣдъ затѣмъ пресса восклицала: Осанна Бюлову! Онъ отважился бороться съ Бебелемъ, и онъ побѣдилъ, не смотря на „осипшій голосъ!“ „Уничтожающій ударъ соціалдемократіи!“ Наконецъ, въ третій разъ прусское военное государство побѣдило русскихъ студентовъ.

Преступленіе этихъ послѣднихъ заключалось въ томъ, что они не хотѣли позволить обращаться съ собой, какъ съ собаками которымъ даютъ пинокъ, когда онѣ надоѣдаютъ. Въ этомъ пресса, представляющая въ Пруссіи общественное мнѣніе, усматриваетъ „неслыханную дерзость“, и даже самые либеральные изъ демократовъ ворчливо поучаютъ горячія русскія головы, что было бы благоразумнѣе склониться передъ болѣе сильнымъ, и что они засвидѣтельствовали бы свою политическую зрѣлость, если бы безпрекословно проглотили оскорбленія, идущія отъ высшей власти.

Но русскіе не захотѣли этого понять. Ихъ глубоко оскорбили не только въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ, но и въ ихъ личномъ чувствѣ чести; русскихъ учащихся женщинъ поносили при этомъ площадными словами—они защищались противъ этого и аппелировали къ чувству справедливости и порядочности всѣхъ цивилизованныхъ людей. И въ странѣ націи „мыслителей и поэтовъ“ имъ данъ былъ отвѣтъ... полицейскимъ служителемъ.

Представьте себѣ—конечно невозможный случай: французскій министръ президентъ оскорбилъ живущихъ въ Парижѣ нѣмцевъ. Онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы ихъ упрекнуть въ томъ, что они своимъ неудержимымъ стремленіемъ къ свободѣ приводятъ въ смущеніе гостепріимную Францію. Но можетъ быть онъ сказалъ бы: „Нѣмцы ищутъ въ Парижѣ либо денегъ, либо женщинъ. Пресытившись неуклюжими ласками женщинъ своей націи, они ищутъ идеала женственности въ парижскомъ полусвѣтѣ. Но они столь же нечистоплотны въ любви, какъ и въ торговыхъ оборотахъ. Нѣмецкіе поэты мечтательны безъ чувственности, нѣмцы въ Парижѣ чувственны безъ изящества. Имъ не достаетъ той отрастности, которая облагораживаетъ эротичность людей романскихъ націй. Они понизили нравственный уровень кокотокъ, подобно тому, какъ въ торговые обороты они внесли духъ восточно-прусскихъ проходимцевъ“.

Какъ сказано, мы предполагаемъ невозможный случай. Но если бы студенты и другіе нѣмцы въ Парижѣ организовали собраніе протеста противъ нанесеннаго имъ оскорбленія,—считали бы ихъ въ Германіи неимѣющими права на уваженіе, незрѣлыми людьми, злоупотреблявшими чужимъ гостепріимствамъ? Не прославляли-ли бы ихъ скорѣе за то, что они своимъ протестомъ выполнили по отношенію къ своей націи д о л г ъ ч е с т и? Но по отношенію къ русскимъ не хотятъ допускать, что они тоже могутъ обладать національнымъ чувствомъ.

428 русскихъ, подписавшихъ протестъ и рисковавшихъ за это не только высылкой изъ Пруссіи, но и сверхъ того преслѣдованіями по возвращеніи своемъ на родину, сдѣлали это, конечно, не для того, чтобы выдвинуться политически. Въ Россіи требованія, предъявляемыя къ политическому мученичеству, очень высоки. Тамъ, гдѣ лучшіе люди націи въ повседневной политической борьбѣ ставятъ на карту свою жизнь, политическая извѣстность пріобрѣтается не такъ легко. Поэтому мы должны признать, что эти рус-

скіе юноши проявили, во всякомъ случаѣ, не меньше мужества и чести, чѣмъ прусскіе министры и нѣмецкій имперскій канцлеръ, которые, опираясь на сильную власть огромнаго нѣмецкаго государства, оскорбительными рѣчами обрушились на беззащитныхъ иностранцевъ.

Но еще болѣе, чѣмъ эти новѣйшіе политическіе подвиги нѣмецкаго правительства, характерны побѣдные клики буржуазнаго „общественнаго мнѣнія". Оно смѣется само надъ собой и не сознаетъ этого! Доказано, что нѣмецкое правительство оказываетъ царю полицейскія услуги,—и не со вчерашняго только дня, но еще со времени Бисмарка. Всѣ указанія на „анархизмъ", вплоть до поддѣльныхъ цитатъ, отброшены за негодностью послѣ прочитанныхъ вслухъ имперскимъ канцлеромъ документовъ. Совершенно ясно было высказано въ дѣлѣ Льва Дейча: царь лично заинтересованъ въ его выдачѣ, слѣдовательно нужно уступить его желанію *). Чтобы добиться благосклонности царя, Левъ Дейчъ выдается какъ уголовный преступникъ, хотя не только изъ документовъ по его дѣлу, но и изъ настойчиваго интереса къ этому дѣлу „августѣйшей особы", вытекало, что дѣло идетъ о политическомъ борцѣ. Совершается торговля людьми, торговля самаго худшаго сорта: законъ обходится, общественное мнѣніе вводится въ обманъ и человѣка выдаютъ съ головой, потому что благосклонность царя обѣщаетъ политическія выгоды. И въ этой попыткѣ подслужиться царю, въ погонѣ за мнимыми выгодами при помощи негодныхъ средствъ, свидѣтельствующихъ о жалкой слабости, равно какъ и въ послѣдующихъ шпіонскихъ услугахъ, буржуазія усматриваетъ проявленія величія и силы Имперіи.

Левъ Дейчъ отбылъ сибирскую каторгу; послѣ 16 лѣтъ ссылки ему удалось бѣжать изъ Сибири. Онъ издалъ книгу, которая появилась и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „16 лѣтъ въ Сибирской ссылкѣ". Отъ этапа къ этапу, изъ тюрьмы въ тюрьму развертываетъ онъ передъ нами эти шестнадцать лѣтъ. Онъ пошелъ туда юношей и вернулся съ сѣдыми волосами. Но удивительно: во всей книгѣ ни слова жалобы, ни слова ненависти—печать эпическаго спокойствія лежитъ на всемъ изложеніи, заста-

*) Эти факты изъ переписки имперскаго и баденскаго правительствъ (тов. Дейчъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ въ Баденѣ), сообщены были рейхстагу гр. Бюловымъ во время недавнихъ дебатовъ.

вляющемъ забывать, что здѣсь кто-то разсказываетъ свою личную трагическую судьбу. И черезъ 16 лѣтъ онъ снова вступаетъ въ ряды своей партіи, какъ будто только вчера оставилъ свой постъ. Г-нъ Бюловъ, знаете-ли вы, что это значитъ? Страшную силу! Партія, сообщающая своимъ приверженцамъ такую спокойную и непоколебимую стойкость, должна располагать неистощимыми источниками убѣжденія.

Обладай буржуазная публика хоть нѣкоторымъ пониманіемъ политической психологіи, она совсѣмъ иначе оцѣнила бы протестъ русскихъ студентовъ. Глупо смѣяться надъ тѣмъ, что они еще не заняли положенія въ обществѣ, не обзавелись семьей и состояніемъ. Чѣмъ объясняется, что эти молодые люди интересуются, въ противоположность нѣмецкимъ студентамъ-корпорантамъ, не пивомъ и фехтованіемъ, но политикой и соціализмомъ? На этомъ вопросѣ слѣдовало бы остановиться. Русскіе въ Берлинѣ не составляютъ исключенія изъ числа другихъ русскихъ студентовъ, какъ за-границей, такъ и на родинѣ. Факты, свидѣтельствующіе объ этомъ, всѣмъ извѣстны. Причина этого явленія—настроеніе всей вообще русской интеллигенціи, о которомъ свидѣтельствуетъ столь часто поражающая насъ русская литература. Кто понялъ это, тотъ не можетъ не сдѣлать опредѣленныхъ выводовъ о характерѣ соціальной среды, порождающей подобныя явленія, тотъ долженъ убѣдиться, что революціонное настроеніе русской молодежи является только выраженіемъ общаго политическаго броженія въ Россіи, достигшаго громадной силы. Но буржуазія уже потеряла всякую способность понимать прогрессивныя политическія явленія. Ея теперешняя травля русскихъ представляетъ собою культурный барометръ, показывающій, какъ низко она пала въ политическомъ отношеніи.

Было время, когда буржуазія низвергла троны и брала приступомъ небо, когда она указывала человѣчеству новыя цѣли, мечтала „о свободѣ, равенствѣ и братствѣ“, грезила объ единеніи народовъ, о всемірной республикѣ, о царствѣ разума, счастья и высшей культуры. Это фактъ, хотя онъ уже забытъ и самое воспоминаніе о немъ выброшено изъ школьныхъ учебниковъ. Царство буржуазіи стало царствомъ безстыдной эксплуатаціи и дикой погони за прибылью. Такъ какъ буржуазія не можетъ больше выставить никакого идеала, то она, вообще, отрицаетъ его возможность и провозглашаетъ соціальную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ величайшимъ закономъ человѣческой культуры. Наука стала

простымъ предметомъ торговли, и искусству было отведено служебное мѣсто—оно живетъ еще потому, что изображаетъ лица тѣхъ, кто можетъ его оплачивать. Буржуазія лишилась духа свободнаго изслѣдованія и заключила миръ съ богомъ на небѣ и съ попами на землѣ. И она, нѣкогда боровшаяся за парламентскій режимъ, какъ за главное требованіе своей политической жизни, видитъ теперь въ поддержкѣ русскаго абсолютизма основное условіе своего существованія. «Tua res agitur» (о тебѣ идетъ дѣло)—таково было спасительное слово, произнесенное нѣмецкимъ имперскимъ канцлеромъ. Поддержка царскаго трона необходима въ интересахъ защиты европейской буржуазіи. Вотъ что заслужило громкое одобреніе буржуазнаго общественнаго мнѣнія. Но если буржуазія связываетъ свою судьбу съ абсолютизмомъ, то это должно насъ, революціонныхъ соціалистовъ, наполнять радостной увѣренностью въ побѣдѣ. До наступленія крупныхъ историческихъ поворотныхъ пунктовъ, внутреннія движущія силы историческаго развитія могутъ быть открыты только при строго научномъ изученіи. Но бываютъ такія внѣшнія проявленія историческаго процесса, которыя, хотя они и производнаго характера, но могутъ быть легче замѣчены, такъ какъ выступаютъ на поверхность соціальной жизни, и эти-то проявленія, будучи оцѣнены съ правильной точки зрѣнія, бросаютъ свѣтъ на то, что творится глубоко внизу.

Такія проявленія даются намъ культурнымъ и политическимъ упадкомъ буржуазіи. Ибо мыслимо-ли, чтобы это политическое малодушіе, сухой практицизмъ въ наукѣ, ограниченность, отсутствіе всякой серьезной точки зрѣнія въ литературѣ, формалистика въ искусствѣ, трусливое подавленіе всякаго смѣлаго полета мысли во всѣхъ областяхъ, могло завершить величественное культурное развитіе человѣчества?

Должна-ли вся всемірная исторія подчиниться деспотизму? Возможно-ли, чтобы прогрессивныя силы, создавшіяся и умножившіяся въ теченіе безконечныхъ тысячелѣтій человѣческой исторіи, могли быть разъ навсегда остановлены въ своемъ развитіи посредствомъ полицейской силы? Все воодушевленіе, почерпнутое каждымъ изъ насъ въ твореніяхъ человѣческой мысли и въ человѣческой жаждѣ идеала, все, чѣмъ мы живы духовно, возмущается противъ этого. Это абсурдъ. Это д о л ж н о измѣниться.

Буржуазія препятствуетъ культурному развитію, потому что она должна отказаться отъ своей собственности, чтобы дать ему свободную дорогу. Тѣмъ самымъ она сама сдаетъ ему свои пози-

ціи. Борьба за освобожденіе рабочаго класса становится борьбой за будущее человѣческой культуры.

Поэтому мы, съ своей стороны, взываемъ къ работникамъ: Tua res agitur! Это о васъ идетъ дѣло! Буржуазія боится не русскихъ студентовъ, но европейской соціалдемократіи. Буржуазія встрѣтила бы съ ликованіемъ паденіе русскаго абсолютизма, если бы не боялась за свое собственное господство. Да и теперь она мягче бы относилась къ русскимъ революціонерамъ, если бы они въ то же время не мыслили соціалдемократически.

Tua res agitur! Дѣло касается нѣмецкихъ рабочихъ. Уже изъ бывшихъ до сихъ поръ парламентскихъ дебатовъ стало ясно, что подъ предлогомъ борьбы съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ борятся съ нѣмецкой соціалдемократіей. Каковъ бы ни былъ конецъ этого, суть дѣла ясна: не русскія нелегальныя произведенія вредятъ нѣмецкой соціалдемократіи, но, наоборотъ, легальная дѣятельность нѣмецкихъ соціалдемократовъ отнимаетъ у русскаго революціоннаго движенія симпатіи буржуазіи. Признать это—для соціалдемократіи является дѣломъ справедливости!

Tua res agitur! Нѣмецкіе рабочіе поняли это выраженіе. Никогда еще классовая борьба, свирѣпствовавшая внутри нѣмецкой націи, не была такъ грубо раскрыта, какъ этимъ выраженіемъ германскаго имперскаго канцлера.

И вотъ пресса ликуетъ и возвѣщаетъ о побѣдѣ надъ соціалдемократіей! Но самоубійственной политикѣ буржуазіи свойственно всегда считать свое собственное мнѣніе „голосомъ націи" и она, поэтому, постоянно поражается смертельно, когда выборы въ рейхстагъ снова ей показываютъ, что въ Германіи существуютъ пролетарскія массы, иначе, чѣмъ она, относящіяся ко всѣмъ явленіямъ.

Tua res agitur! Эти слова канцлера должны запомнить и тѣ чудаки-фантазеры въ нашихъ собственныхъ рядахъ, которые думаютъ, что послѣ того, какъ историческое проявленіе могущества соціалистически-революціоннаго пролетаріата заставило буржуазію отказаться отъ всѣхъ своихъ идеаловъ, предать свои собственные политическіе интересы, сдѣлало ее величайшимъ трусомъ, ищущимъ себѣ прикрытія за спиной правительства и цѣпляющейся за колеблющійся тронъ царя—что послѣ всего этого ея парламентскимъ ораторамъ удастся влить при помощи умныхъ словъ въ бур-

жуазныя партіи политическое мужество и внушить правительству широкіе историческіе взгляды.

Tua res agitur! Пролетаріатъ можетъ разсчитывать только самъ на себя, онъ является исполнителемъ воли исторіи въ борьбѣ съ враждебной культурѣ буржуазіей!

Парвусъ.

Къ амстердамскому конгрессу.

(1-го августа 1904 г., № 71).

VI международный соціалистическій конгрессъ, съ началомъ котораго совпадаетъ выходъ этого № „Искры", собирается при знаменательныхъ обстоятельствахъ, въ моментъ яростной войны, грозящей вызвать рядъ потрясеній во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Каковъ бы ни былъ характеръ этихъ потрясеній, каковы бы ни были ихъ непосредственные результаты, — ихъ общій итогъ сведется къ расширенію сферы дѣйствія международнаго капитализма, слѣдовательно, и къ расширенію поля всемірной классовой борьбы пролетаріата, къ усиленію и обостренію этой борьбы. А всякое усиленіе и обостреніе современной классовой борьбы ведетъ, съ неизбѣжностью естественнаго процесса, къ объединенію пролетарскаго движенія разныхъ странъ, къ обобщенію втиснутой въ различныя національныя рамки пролетарской политики и превращенію ея въ однородную, по своимъ принципамъ и тактикѣ, интернаціональную политику.

Въ процессѣ объединенія пролетарской политики международные конгрессы играютъ крупную роль. Регистрируя въ своихъ рѣшеніяхъ уже совершившуюся эволюцію, они двигаютъ ее дальше своимъ моральнымъ вліяніемъ. Этапы въ развитіи современнаго пролетарскаго движенія могутъ быть, поэтому, хорошо прослѣжены по предъидущимъ конгрессамъ.

Парижскій конгрессъ 1889 г. и брюссельскій — 1891 г. были посвящены установленію основныхъ положеній революціонной соціалдемократической политики. Революціонный марксизмъ отдѣ-

лился на этихъ конгрессахъ отъ „экономизма“ англійскихъ трэдъ-юніонистовъ и французскихъ поссибилистовъ, чтобы впервые объединить оффиціально подъ своимъ знаменемъ рабочія партіи большинства европейскихъ странъ. На цюрихскомъ и лондонскомъ конгрессахъ послѣдовало размежеваніе съ анархизмомъ—новый и крупный шагъ къ объединенію классовой политики пролетарскихъ партій. Отнынѣ международное соціалистическое движеніе стоитъ твердо на почвѣ организованной политической борьбы за политическую власть.

На Парижскомъ конгрессѣ 1900 года представителямъ пролетаріата пришлось рѣшать уже вопросъ о методахъ самой этой борьбы. Вопросъ о компромиссахъ, о союзахъ съ буржуазными прогрессивными партіями, и—въ связи съ этимъ—о „частичномъ“ завоеваніи политической власти, помощью вступленія соціалистовъ въ радикальныя министерства,—словомъ, вопросъ о „новомъ методѣ“ Жореса и К° сталъ на очередь, благодаря событіямъ во Франціи. Постановкѣ этого вопроса на практикѣ предшествовала волна „ревизіонистскаго“ теченія въ теоріи—одновременный симптомъ быстраго роста вліянія соціалдемократіи и проникновенія въ нее чуждыхъ пролетаріату элементовъ. Новый „кризисъ“ въ растущемъ соціалистическомъ движеніи, однако, тогда только еще начинался, и международный конгрессъ, суммирующій то, что уже достигнуто рабочими партіями въ отдѣльныхъ странахъ, оказался не въ силахъ сдѣлать больше, чѣмъ демонстрировать несочувствіе громаднаго большинства соціалистовъ экспериментамъ „новаго метода“. Дипломатическая формула Каутскаго въ вопросѣ о „министеріализаціи“, не удовлетворивъ революціонныхъ соціалистовъ Франціи, передъ которыми данный вопросъ стоялъ во всей своей остротѣ, оказалась по-плечу для большинства соціалистовъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ—пока еще—вопросъ носилъ преимущественно академическій характеръ [1]).

Нынѣшній конгрессъ въ Амстердамѣ долженъ завершить то, что началъ конгрессъ парижскій. За протекшіе 4 года многое измѣнилось. Французскій экспериментъ Милльерана пришелъ къ концу и итоги „новаго метода“ стоятъ передъ всѣми во всей своей позорной наготѣ. Со ступеньки на ступеньку, французскій министерскій quasi-соціализмъ опустился до уровня вульгарной

---

[1]) Большинство русской делегаціи вотировало за резолюцію Каутскаго.

фракціи буржуазныхъ парламентаріевъ, измѣняющихъ скопомъ и въ розницу своей программѣ. Въ другой формѣ, но, по существу, однородные эксперименты продѣланы въ Италіи и Бельгіи, а въ Германіи „новый методъ“ не только вполнѣ развернулся въ области теоріи, но и сдѣлалъ—правда, неудачную—попытку первой серьезной пробы на практикѣ (вопросъ о вице-президентствѣ въ рейхстагѣ). Теперь уже для самыхъ недальновидныхъ изъ „практическихъ политиковъ“ соціализма вопросъ о борьбѣ революціонной и оппортунистической тактики въ рабочемъ движеніи пересталъ быть вопросомъ „сѣрой теоріи“, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что для значительнаго большинства соціалистовъ онъ рѣшенъ въ смыслѣ категорическаго отклоненія „новаго метода“. Поставленный въ порядкѣ дня амстердамскаго конгресса, вопросъ объ общихъ основаніяхъ пролетарской политики, безъ сомнѣнія, вызоветъ дебаты о двухъ методахъ соціалистической борьбы, и надо надѣяться, что фактическая побѣда, одержанная революціоннымъ марксизмомъ въ отдѣльныхъ странахъ, будетъ санкціонирована конгрессомъ, который, въ болѣе или менѣе категорической формѣ, обведетъ вокругъ представленнаго имъ всемірнаго пролетарскаго движенія такую же черту для отдѣленія его отъ мелко-буржуазнаго оппортунизма, какую провели прежніе конгрессы для его отдѣленія отъ анархизма.

И международный конгрессъ не можетъ поступить иначе. Душа современнаго пролетарскаго движенія — говорили мы на этихъ столбцахъ—въ его интернаціоналѣ. И обратно, всякое отклоненіе современнаго рабочаго движенія отъ пути послѣдовательной классовой борьбы неизбѣжно отражается ослабленіемъ той интернаціональной солидарности, которая такъ ярко отличаетъ его отъ предшествовавшихъ ему историческихъ движеній другихъ боровшихся за свое освобожденіе классовъ. „Новый методъ“—методъ оппортунизма — приспособляя политику рабочаго класса къ преходящимъ условіямъ политической конъюнктуры данной страны, тѣмъ самымъ освобождаетъ ее отъ вліянія постоянныхъ интересовъ, общихъ для пролетаріата всего міра. Общія міровыя задачи пролетарскаго движенія онъ подмѣняетъ „національными“ интересами даннаго момента въ данномъ государствѣ. И если, благодаря такому вытѣсненію общихъ интересовъ соціализма частными интересами момента, возможенъ такой, напр., фактъ, что наканунѣ международнаго конгресса „соціалистъ“ Жоресъ стремится превратить въ „національный трауръ“ смерть талант-

ливаго вождя французской буржуазіи, Вальдека Руссо, то не приходится удивляться, если, въ силу тѣхъ же соображеній „политическаго", т. е. политиканскаго характера, другой вождь той же „соціалистической" фракціи, несравненный Жеро-Ришаръ, могъ рѣшиться въ началѣ японско-русской войны вести печатную агитацію противъ такъ называемаго „японскаго вѣроломства" — этой выдумки, изобрѣтенной царскими лакеями въ Россіи и Европѣ для оправданія преступной политики абсолютизма [1]). Оппортунистическая тактика не можетъ не вести къ игнорированію солидарности пролетаріевъ со всякимъ дѣйствительно революціоннымъ движеніемъ, ибо эта тактика, по самой своей цѣли, должна считаться съ фактомъ реакціонной солидарности существующихъ правительствъ, солидарности, созданной группировкой капиталистическихъ интересовъ на сценѣ міровой политики и общностью борьбы противъ революціи самого пролетаріата. И намъ, русскимъ соціалистамъ, на долю которыхъ выпала борьба съ деспотіей, занимающей первенствующее мѣсто въ „европейскомъ концертѣ", намъ слишкомъ часто приходится испытывать, какъ оппортунистическая тактика въ предѣлахъ той или иной соціалистической партіи отзывалась на ослабленіи той моральной и политической поддержки, на которую мы имѣемъ право, въ качествѣ борцовъ противъ наслѣдственнаго врага всемірнаго соціализма... Уже во имя задачи этой борьбы, возложенной на насъ всей міровой исторіей, мы обязаны, въ свою очередь, идти до конца въ поддержкѣ революціоннаго крыла всемірнаго рабочаго движенія противъ его оппортунистическаго крыла.

Всемірный пролетаріатъ хорошо знаетъ, какого врага имѣетъ онъ въ лицѣ русскаго деспотизма. Это сознаніе побуждаетъ его съ жадностью ожидать неминуемаго его паденія. При царящемъ въ Европѣ незнакомствѣ съ русской политической жизнью, неудивительно, если это жгучее желаніе подчасъ приводитъ къ тому, что соціалисты Запада не стараются разобраться среди различныхъ русскихъ общественныхъ движеній, направленныхъ одинаково противъ деспотизма и сообразно отсталости русскихъ условій—прикрытыхъ одной и той же кличкой „соціализма". Своеобразіе русскихъ

[2]) Извѣстно, что „Новое Время" использовало эту агитацію Жеро-Ришара въ доказательство того, что „даже соціалисты" признаютъ виновнымъ въ войнѣ японское правительство. Петербургскому комитету с.-д. партіи пришлось выступить съ печатнымъ разъясненіемъ русскому обществу характера „соціализма" Жеро-Ришара.

политическихъ условій и малое знакомство съ ними нерѣдко побуждаютъ западно-европейскихъ товарищей признавать „своими" такихъ русскихъ и польскихъ революціонеровъ, которые, — дѣйствуй они на Западѣ—были бы тѣми же товарищами безъ труда отнесены къ той соціально-политической категоріи, которую они на дѣлѣ представляютъ собой. Такъ, даже сравнительно осторожный „Vorwärts", который $2^1/_2$ года назадъ привѣтствовалъ въ „Освобожденіи" г. Струве новый „соціалистическій" органъ, нынѣ (см. № 187) оспариваетъ данную Г. В. Плехановымъ характеристику нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ" и ихъ тактики. Съ точки зрѣнія основныхъ интересовъ международной пролетарской политики, требующей, чтобы и въ Россіи задачи борьбы за демократическую свободу были подчинены задачамъ классовой борьбы пролетаріата,—съ этой точки зрѣнія наша партія на конгрессѣ, какъ и въ европейской печати, выступитъ, конечно, противъ такого безразличнаго отношенія къ нашимъ отечественнымъ „фракціямъ" и будетъ отстаивать для россійской соціалдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата интересовъ россійскаго сознательнаго рабочаго движенія. А чѣмъ болѣе на международныхъ конгрессахъ будутъ обсуждаться вопросы объ объединеніи тактики соціалистическихъ партій, тѣмъ несомнѣннѣе станетъ для нашихъ западно-европейскихъ товарищей, что интересы всемірнаго соціализма представлены въ Россіи только соціалдемократіей.

Четыре года, протекшіе со времени парижскаго конгресса, были для сознательнаго пролетаріата не только періодомъ тяжелой, хотя и неизбѣжной внутренней борьбы, обострившейся такъ, какъ еще никогда со времени раскола стараго интернаціонала. Это были въ то же время годы крупныхъ успѣховъ рабочаго класса— успѣховъ въ области организаціи и въ дѣлѣ завоеванія имъ политическаго вліянія. Крупныя политическія и стачечныя движенія во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, Россіи, Соединенныхъ Штатахъ, Швеціи и Испаніи внесены въ лѣтописи этого періода. Но относительно нигдѣ, быть можетъ, классовое движеніе пролетаріата не сдѣлало за это время такихъ успѣховъ, какъ въ нашей странѣ. Съ чувствомъ законнаго удовлетворенія можетъ наша партія представить конгрессу итоги четырехлѣтней борьбы русскаго пролетаріата. Эти итоги—благодаря условіямъ, въ которыхъ мы ведемъ свою борьбу—не могутъ быть точно зарегистрированы и представлены въ формѣ организаціонныхъ успѣховъ. Но они

въ достаточной мѣрѣ иллюстрируются тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится нашъ врагъ—абсолютизмъ, казавшійся столь сильнымъ еще 4 года назадъ, а теперь, по общему мнѣнію, осужденный на близкую смерть. И если на амстердамскомъ конгрессѣ это сознаніе близкой гибели абсолютизма и связаннаго съ нимъ освѣженія всей политической атмосферы въ цивилизованномъ мірѣ отзовется усиленнымъ подъемомъ революціонной энергіи въ борцахъ европейскаго соціализма, то русскій пролетаріатъ будетъ вправѣ видѣть въ этомъ фактѣ результатъ своей работы — той дани, которую онъ, „пасынокъ цивилизаціи", успѣлъ внести въ великое дѣло мірового соціалистическаго движенія.

Л. Мартовъ.

Быть ли соціализму національнымъ?

(25 августа 1904 г. № 72).

На конгрессѣ въ Амстердамѣ впервые былъ представленъ соціализмъ всѣхъ частей свѣта. И на этомъ же конгрессѣ была сдѣлана попытка противопоставить соціализмъ одной части міра соціализму другой, раздѣлить членовъ соціалистической семьи на „активныхъ" и „пассивныхъ гражданъ", какъ выразились въ своемъ протестѣ товарищи Р. Люксембургъ, Плехановъ, Раковскій, Иглезіасъ и Катаяма.

Если бы не упоминаніе объ Испаніи, которую бельгійскій делегатъ, тов. Анзееле, ставилъ рядомъ съ Россіей, Польшей, балканскими странами и Японіей, то передъ нами въ его рѣчи имѣлось бы традиціонное противопоставленіе Запада Востоку, въ примѣненіи къ соціалистическому пролетаріату.

Вотъ что сказалъ Анзееле, оспаривая принятую послѣ того конгрессомъ такъ называемую „дрезденскую" резолюцію о тактикѣ.

„Соціалистамъ Россіи, Болгаріи, Испаніи, Польши и Японіи легко отказываться отъ правительственной отвѣтственности. Пройдутъ, безъ сомнѣнія, долгіе годы, пока имъ ее предложатъ. О,

если бъ я былъ представителемъ одной изъ этихъ странъ, я бы воздержался въ этомъ вопросѣ и остерегался бы осуждать такую соціалистическую тактику, практиковать которую въ своей собственной странѣ я не имѣю силы".

Яснѣе нельзя выразиться... если оставаться соціалистомъ. Будучи открытымъ буржуа, можно позволить себѣ додумать до конца заключающуюся въ этихъ словахъ идею. Это и дѣлаютъ нѣкоторыя буржуазныя газеты, съ скрежетомъ зубовнымъ комментирующія разгромъ „жоресизма" на международномъ конгрессѣ. Не только демократическія газеты, но и оффиціозъ гр. Бюлова («Norddeutsche allgemeine Zeitung») старается представить соціалистическую „непримиримость" такъ называемыхъ „ортодоксовъ" прямымъ слѣдствіемъ того, что въ извѣстныхъ странахъ соціалистамъ не приходится и мечтать о томъ кусочкѣ общественнаго пирога, который въ другихъ государствахъ правящая буржуазія готова предложить Миллеранамъ. Зеленъ виноградъ... въ этомъ вся разгадка непримиримости „восточныхъ" ортодоксовъ, и немудрено, что буржуазная пресса негодуетъ, подобно Анзееле, на всѣхъ этихъ поляковъ, русскихъ и японцевъ, которые дерзаютъ принимать участіе въ выработкѣ обязательныхъ для всей соціалдемократіи принциповъ тактики *). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, остроумное объясненіе, даваемое буржуазно-реакціонной и буржуазно-либеральной прессой, совпадетъ съ объясненіями гг. анархистовъ.

Какъ видите, „новый методъ" провозглашаетъ себя точнымъ выраженіемъ интересовъ пролетаріата цивилизованныхъ и политически-свободныхъ странъ, а своего антагониста,—„ортодоксальный" марксизмъ,—объявляетъ законнымъ дѣтищемъ политическаго

---

*) Надо сдѣлать оговорку: о пораженіи жоресизма скорбитъ только та часть буржуазіи, которая вступаетъ или готова вступить въ сдѣлку съ „правительственными соціалистами" относительно дѣлежа государственной власти. Наоборотъ, тѣ ея фракціи, которыя оказываются обдѣленными при этой операціи (какъ, напр., французскіе націоналисты и группка эксъ-радикаловъ, къ которой теперь пристalъ, кстати сказать, Миллеранъ), эти фракціи выражаютъ величайшее удовольствіе по поводу пораженія Жореса и не находятъ словъ для возвеличенія нравственной красоты непримиримыхъ революціонеровъ—Гэда и Бебеля. Органъ упомянутой группы радикаловъ (Rappel) даже говоритъ по этому поводу, что „ревизіонизмъ надѣлалъ уже не мало зла"—читай: зла группамъ тѣхъ политикановъ, которыхъ онъ вытѣснилъ изъ сферы вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, замѣнивъ своими собственными вождями.

варварства и соотвѣтствующей ему незрѣлости и слабости рабочаго класса тѣхъ странъ, которыя далеки отъ демократическаго строя. И во имя высшей политической культуры соціалистъ „новаго метода“ протестуетъ противъ своего подавленія варварами-соціалистами Японіи, Россіи, Польши и Германіи.

Да, и Германіи! Анзееле не рѣшился упомянуть о ней. Но лидеръ „правой“ стороны конгресса, Жоресъ, всю свою рѣчь въ защиту „новаго метода“ построилъ на противопоставленіи соціализма свободныхъ демократій соціализму германской рабочей партіи, на тактикѣ которой, по его мнѣнію, тяготѣетъ отсталость германской имперіи. „Гдѣ,—спрашивалъ Жоресъ нѣмецкихъ товарищей,—гдѣ ваша резолюція встрѣтила наибольшее сопротивленіе? Во Франціи, или, по крайней мѣрѣ, въ части Франціи, въ Голандіи, Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи и, кажется также въ Англіи; иначе говоря, чѣмъ болѣе свободна, чѣмъ болѣе демократична страна, чѣмъ болѣе въ ней пролетаріатъ активно участвуетъ въ парламентской жизни, тѣмъ болѣе онъ уязвленъ вашей резолюціей, которая нанесетъ ударъ развитію всемірной политической свободы, а, слѣдовательно, и развитію международнаго соціализма“.

Варварскій, не знающій демократическихъ учрежденій, Востокъ грозитъ своими голосами на международныхъ конгрессахъ задавить стремленія передовыхъ рабочихъ партій къ реализаціи пріобрѣтеннаго ими въ своихъ странахъ политическаго вліянія. И во главѣ этого варварскаго Востока стоитъ германская соціалдемократія, безсильная со своими тремя милліонами голосовъ играть роль политическаго фактора въ жизни страны и „маскирующая свое безсиліе въ дѣйствіи бѣгствомъ подъ сѣнь непримиримыхъ теоретическихъ формъ“ (изъ рѣчи Жореса на послѣднемъ засѣданіи конгресса).

Жоресисты, какъ и ихъ друзья,—буржуазные радикалы,—до глубины души возмущены этимъ давленіемъ варварскаго японо-славяно-германскаго Востока. Партіи, которыя влачатъ фиктивное существованіе до тѣхъ поръ, пока ихъ терпитъ какой-нибудь монархъ,—эти партіи, восклицаетъ Жеро-Ришаръ, хотятъ помѣшать французской партіи пожинать плоды ея побѣдъ! И каждый изъ протестующихъ противъ этого давленія считаетъ своимъ долгомъ особенно возмутиться той ролью, которую въ голосованіи дрезденской резолюціи сыграли два голоса японской делегаціи. Недаромъ этотъ неподражаемый Жеро-Ришаръ въ началѣ нынѣш-

ней войны говорилъ—вслѣдъ за царскимъ правительствомъ и его французскими рептиліями—объ „японскомъ вѣроломствѣ“! И мы не теряемъ надежды дождаться того момента, когда изъ рядовъ Комбовскаго „желтаго соціализма“ раздадутся крики о новой „желтой опасности“... Попытки раздѣлить всемірный соціализмъ на два лагеря, отдѣленныхъ географической или этнографической чертой, являются чѣмъ-то новымъ для „новаго интернаціонала“. Но такія попытки дѣлались прежде, въ эпоху стараго интернаціонала, и французскій соціализмъ, съ его специфическими свойствами, тогда тоже противопоставлялъ себя соціализму германскому. Но,—иронія судьбы!—мы, славяне, тогда фигурировали рядомъ съ „крайнимъ западомъ“ европейскаго контингента—съ романскими и фламандскими странами. Романо-славянскій „коллективизмъ“ и анархизмъ Прудона и Бакунина противопоставлялъ себя „германо-еврейскому“ „государственному“ или парламентскому соціализму Лассаля и Маркса. Какъ теперь, такъ и тогда, этотъ послѣдній соціализмъ выводился изъ порабощающаго личность государственнаго строя Германіи и вытекающей отсюда нереволюціонности германскаго пролетаріата. Славяне признавались тогда естественными союзниками романскихъ народовъ, въ силу отличавшаго ихъ суверенн̃аго презрѣнія къ государственнымъ формамъ. И когда на конгрессахъ интернаціонала постепенно складывалась „марксистская“ тактика всемірно-пролетарскаго движенія, побѣжденные представители „романо-славянскаго“ начала порою не менѣе шовинистически нападали на „нѣмецкое владычество“, чѣмъ это дѣлаютъ нынѣшніе представители „свободнаго Запада“. Объ этомъ кое-что могъ бы разсказать, по личнымъ воспоминаніямъ, Гюставъ-Руане—нынѣшній соратникъ Жореса, прежній (въ началѣ 80 г.г.) сподвижникъ Поля Брусса въ ту пору, когда этотъ послѣдній перескочилъ,—по естественнымъ законамъ историческаго движенія,—изъ „кроваваго“ анархизма въ реформистскій „поссибилизмъ“. Въ тогдашней борьбѣ эпигоновъ „романскаго“ соціализма противъ соціализма „нѣмецкаго“ Гэдъ, Лафаргъ и др. марксисты открыто честились агентами пангерманизма.

Далеко не случайнымъ является тотъ фактъ, что специфическій „романскій“ соціализмъ изъ анархистски—революціоннаго сталъ оппортунистически министерскимъ. Въ этой эволюціи нетронутой осталась его классовая, мелкобуржуазная природа, и за смѣной политическихъ настроеній, обусловившихъ переходъ „ре-

волюціонизма“ въ его прямую противоположность, можно усмотрѣть неизмѣнно-устойчивый психологическій моментъ—стремленіе обмануть историческій процессъ, стать внѣ его и надъ нимъ, и сложныя противорѣчія, имъ порождаемыя, обойти болѣе или менѣе авантюристской тактикой. Гораздо болѣе поучительно, что тѣ самые славяне, которые 30 лѣтъ назадъ оказывались въ духовномъ родствѣ съ соціализмомъ романскимъ, нынѣ отдѣлились отъ эпигоновъ этого соціализма и ими сопричислены къ къ лику адептовъ нѣмецкаго „доктринерства“. И это вполнѣ понятно. Новѣйшая эволюція европейской буржуазіи привела пасующихъ передъ стихійнымъ историческимъ процессомъ оппортунистовъ къ практикѣ „новаго метода“—метода примиренія съ буржуазнымъ обществомъ; эта же эволюція отразилась на вновь вовлеченныхъ въ сферу дѣйствія капитализма странахъ крайнимъ суженіемъ и скудостью политическихъ результатовъ того прогрессивнаго процесса, который преобразовалъ ихъ экономическія и соціальныя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ. Въ чемъ заключалась эта новѣйшая эволюція европейской буржуазіи? Въ постепенной утратѣ всѣхъ чертъ прогрессивнаго общественнаго класса, въ постепенномъ отступленіи отъ всѣхъ демократическихъ позицій, нѣкогда занятыхъ ею, какъ боевымъ классомъ, который—въ процессѣ своей эмансипаціи—отвоевалъ для человѣчества кое-какія блага культуры и свободы. Когда же это понятное движеніе дошло до своего апогея, когда дальше вправо идти было некуда, если не жертвовать основными насущными интересами всего буржуазнаго строя, то въ правящихъ классахъ сталъ наблюдаться обратный процессъ — стремленіе отдѣльныхъ его слоевъ внести нѣкоторыя необходимыя поправки въ неминуемую, по существу, ликвидацію буржуазнаго прогресса, взять назадъ кое-что изъ того, что въ паническомъ бѣгствѣ передъ „краснымъ призракамъ“ было брошено въ жертву темнымъ силамъ феодальной, монархической и клерикальной реакціи. Этотъ новый поворотъ „передовой“ части буржуазіи является тѣмъ кореннымъ фактомъ политической исторіи послѣднихъ лѣтъ, который положенъ въ основу „новаго метода“ соціалистической тактики во Франціи, Италіи, Бельгіи. Толкуютъ о „возрожденіи буржуазной демократіи“. Но если присмотрѣться внимательно къ этому „возрожденію“, не трудно убѣдиться, что объективная цѣль, которая поставлена передъ этимъ частнымъ историческимъ процессомъ, гораздо ограниченнѣе и уже той, которую эта демо-

кратія себѣ ставила въ 40-хъ и 60-хъ годахъ. То, что въ бельвильской программѣ Гамбетты было общимъ достояніемъ всего буржуазнаго республиканизма, то теперь, да и то не въ полной мѣрѣ, можетъ быть усвоено только крайней лѣвой „республиканской демократіи“ и требуетъ отъ нея предварительнаго героическаго переименованія въ „радикально-соціалистическую партію“. То, что въ концѣ 60-хъ годовъ могъ вмѣстить архиумѣренный Жюль-Симонъ (народная милиція), нынѣ составляетъ предѣлъ, его же не прейдеши, для всѣхъ почти буржуазныхъ радикаловъ. Ибо частный процессъ передвиженія влѣво небольшого слоя правящей буржуазіи совершается на базисѣ и въ тѣсной связи, какъ отраженный его результатъ, съ основнымъ, неизбѣжнымъ и неотвратимымъ процессомъ передвиженія вправо всего буржуазнаго общества въ цѣломъ. Не злая воля Криспи и Мелиновъ опредѣляетъ собою этотъ процессъ; онъ составляетъ оборотную сторону развитія классоваго движенія пролетаріата и, подобно послѣднему, неотвратимъ никакими заклинаніями, никакой ловкой тактикой. И на основѣ этого общаго процесса неуклоннаго реакціонизированія буржуазіи, только преходящее значеніе могутъ имѣть частныя явленія „возрожденія демократіи“ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этого класса. Мы, люди европейскаго Востока, слишкомъ наглядно это видимъ на каждомъ шагу. „Возрожденіе“ буржуазной демократіи нисколько не ослабляетъ того реакціоннаго давленія, которое вполнѣ сложившіяся буржуазныя общества оказываютъ на „новыя“ страны, страны, недавно примкнувшія къ капиталистическому міру. Буржуазія передовыхъ странъ уже не вноситъ въ міровой оборотъ никакихъ прогрессивныхъ идей; напротивъ того, она является активнымъ пособникомъ всякой реакціи на „Востокѣ“, и ея деньгами, ея реакціоннымъ идейнымъ вліяніемъ, ея не менѣе реакціонной внѣшней политикой держится у насъ отжившій и осужденный исторіей азіатскій режимъ. И въ этомъ фактѣ главное „оправданіе“ нашего активнаго вмѣшательства въ вопросы тактики интернаціональнаго пролетарскаго движенія. Если европейская буржуазія въ цѣломъ является у насъ оплотомъ до-буржуазной реакціи, мы должны имѣть право привлечь, въ качествѣ союзника въ борьбѣ съ этой реакціей, пролетаріатъ передовыхъ странъ,— истиннаго наслѣдника преданной буржуазіей европейской культуры. Но мы не можемъ этого сдѣлать, не можемъ, слѣдовательно, свою „національную“ революцію связать съ революціей всемірнаго проле-

таріата, если послѣдній притупляетъ свой революціонный антагонизмъ къ буржуазному обществу, если за тѣ или другія крохи „соціальной реформы", если, во имя обманчиваго призрака „возрожденія демократіи", онъ принимаетъ на себя долю отвѣтственности за направленіе государственной политики правящей буржуазіи, политики, которая, въ общемъ и цѣломъ, есть, и не можетъ не быть, политикой милитаризма и имперіализма, политикой духовной и соціальной реакціи, политикой колоніальнаго грабежа и полицейскаго разврата, политикой, виновной въ продолженіи вѣкового гнета надъ Польшей, евреями, балканскими славянами, армянами и вновь и вновь нарождающей новыя циничныя формы племенного и національнаго угнетенія. Если, тамъ или здѣсь, пролетаріатъ беретъ на себя отвѣтственность за общее направленіе этой политики, онъ, тѣмъ самымъ, наноситъ непоправимый ударъ нашей пропагандѣ—пропагандѣ соціалистовъ въ странахъ, гдѣ предстоитъ еще завоевать тотъ самый демократическій режимъ, на основѣ котораго стало возможнымъ это „сотрудничество классовъ". Становясь изъ нашихъ классовыхъ союзниковъ союзниками и пособниками одного изъ нашихъ классовыхъ враговъ (ибо, напримѣръ, французская буржуазія, въ настоящій моментъ является непосредственнымъ,—въ качествѣ союзника русскаго правительства,—врагомъ пролетаріевъ Россіи), соціалисты демократическихъ странъ подрываютъ въ корнѣ нашу революціонно-соціалистическую работу, дискредитируя въ глазахъ нашего пролетаріата идею соціализма и тѣмъ содѣйствуя развитію у насъ своего „національнаго" революціоннаго движенія, которое, уже въ силу своей національной ограниченности, не можетъ не быть окрашено цвѣтомъ мелкобуржуазной идеологіи. Чтобы въ условіяхъ отсталаго политическаго строя мы, соціалисты „Востока", могли дѣлать свое дѣло организаціи рабочаго класса,—а внѣ этого дѣла теперь уже невозможна борьба за свободу,—мы должны имѣть на своей сторонѣ всю идеологическую силу революціоннаго соціализма, силу, которая сводится на нѣтъ всякимъ покушеніемъ на основной принципъ пролетарскаго движенія—его интернаціонализмъ. И если поглощенные борьбой за частныя демократическія реформы западно-европейскіе товарищи еще не забыли, какую всемірно-прогрессивную роль сыграетъ нашъ успѣхъ въ дѣлѣ политическаго пріобщенія Востока къ буржуазно-свободному міру, если для нихъ ясна важность дилеммы—„быть ли Европѣ республи-

жанской или казацкой?“, то они должны признать наше право „принимать къ сердцу“ судьбы пролетарскаго движенія въ тѣхъ передовыхъ странахъ, гдѣ начавшееся или обѣщающее начаться „возрожденіе буржуазной демократіи“ не затронуло и не собирается затронуть общихъ основъ современной политики „передовой буржуазіи, — политики укрѣпленія и сохраненія на Востокѣ всѣхъ тѣхъ учрежденій и отношеній, которыя на Западѣ были смягчены революціей 18 вѣка.

„Возрожденіе демократіи“ во Франціи не сдѣлало ни этой страны, ни находящихся подъ ея вліяніемъ странъ болѣе гостепріимными для революціонеровъ Россіи и Польши, не стѣснило „свободы дѣйствія“ русской полиціи въ Парижѣ, не сдѣлало вліятельную французскую прессу менѣе циничной въ игнорированіи преступленій русскаго деспотизма по отношенію къ армянамъ, финляндцамъ, полякамъ, евреямъ и по отношенію къ русскому пролетаріату. То обстоятельство, что Жоресъ является лидеромъ министерской партіи и что бельгійскіе либералы примирились уже съ мыслью о такой же въ близкомъ будущемъ роли для кое-кого изъ бельгійскихъ соціалистовъ, нисколько не отражается на вѣсѣ той массы золота, которая черезъ парижскую и брюссельскую биржу льется въ бездонную бочку царскаго казнохранилища.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если соціалистическія партіи тѣхъ націй, пролетаріату которыхъ приходится добывать себѣ элементарную политическую свободу при условіяхъ, созданныхъ міровой реакціей въ буржуазномъ обществѣ,—если эти партіи группируются около, такъ называемаго, „нѣмецкаго“ соціализма, соціализма непримиримой классовой борьбы и революціоннаго единства пролетаріевъ всего міра. Этотъ фактъ имѣетъ громадное историческое значеніе, и если интернаціональная общность пролетарскаго дѣла не превратилась въ звукъ пустой, то съ этимъ фактомъ придется считаться, какъ съ важной поправкой къ „возрожденію демократіи“, тѣмъ соціалистамъ „свободныхъ“ странъ, которые практикуютъ „новый методъ“. Придется считаться, чтобы разрѣшить дилемму: съ „возрождающейся“ буржуазіей противъ всемірнаго пролетаріата или съ всемірнымъ пролетаріатомъ противъ единой и, въ единствѣ своемъ, антиреволюціонной буржуазіи?

Не слѣпое, слѣдовательно, доктринерство, а реальный интересъ реальнаго движенія вынуждаетъ насъ огорчать тов. Анзееле нашими вотами въ духѣ „нѣмецкой“ ортодоксіи. Пять лѣтъ тому

назадъ, когда только начиналась современная борьба этой ортодоксіи съ ревизіонизмомъ, намъ, русскимъ соціалдемократамъ, особенно понятны были слова, сказанныя тѣмъ, для кого нынѣ Амстердамское пораженіе жоресизма является заслуженнымъ увѣнчаніемъ пятилѣтней трудной борьбы. На парижскомъ „объединительномъ" конгрессѣ Жюль-Гэдъ сказалъ: „Еще болѣе пагубной является министеріалистская политика съ точки зрѣнія интернаціональной. Въ наши дни почти не приходится говорить о континентальныхъ войнахъ... Можно сказать, что эра крупныхъ европейскихъ войнъ уже закончена; но не исчезли другія войны, которыя возникаютъ и будутъ вспыхивать каждый день. Это—коммерческія или колоніальныя войны, это—войны изъ-за рынковъ, войны, имѣющія цѣлью навязать товары желтокожимъ на крайнемъ Востокѣ или чернокожимъ въ центрѣ Африки. Съ этой именно стороны намъ грозитъ непрерывная война, и эта война будетъ капиталистической по-преимуществу, войной изъ-за прибыли между капиталистами всѣхъ странъ, отбивающими другъ у друга, цѣною нашихъ денегъ и нашей крови, всемірный рынокъ. И вотъ, представляете ли вы себѣ, что въ правительствѣ каждаго изъ европейскихъ государствъ засѣдаетъ по соціалисту, который и принимаетъ участіе въ такого рода человѣкоубійствѣ въ цѣляхъ грабежа? Представляете ли вы себѣ англійскаго, итальянскаго, нѣмецкаго Миллерана рядомъ съ французскимъ, и всѣхъ ихъ увлекающими пролетаріатъ въ междуусобную войну въ интересахъ разбоя? Въ день, когда миллеранизмъ станетъ общимъ явленіемъ, придется сказать: прощай! всякому интернаціонализму и стать націоналистами".

Миллеранизмъ въ его чистомъ видѣ не распространился за предѣлы Франціи за время, прошедшее послѣ того, какъ были сказаны эти вѣщія слова; но тѣмъ болѣе распространился „жоресизмъ"—это, по выраженію Адлера, „анонимное" участіе всей соціалистической партіи въ политикѣ буржуазнаго министерства, участіе, дѣлающее партію не менѣе солидарной съ этимъ министерствомъ, чѣмъ это было при прямомъ вступленіи ея члена въ кабинетъ. А, между тѣмъ, насталъ моментъ, когда пророчески нарисованная Гедомъ картина можетъ стать реальностью каждый день. Русско-японская война легко и неудержимо можетъ втянуть въ себя одну или нѣсколько „цивилизованныхъ" державъ. На волоскѣ дипломатической мудрости держится въ настоящую минуту европейскій миръ.

Что сталось бы съ соціализмомъ, если бы въ одной изъ странъ, фатально втянутыхъ въ міровой конфликтъ, рабочая партія оказалась бы въ политическомъ плѣну у правящаго класса и ея оппортунистическіе вожди, въ силу этого своего плѣненія, должны были бы пассивно или активно поддерживать военную кампанію своего правительства? Этотъ вопросъ долженъ былъ бы встать передъ французскими оппортунистами, когда они вотировали резолюцію протеста противъ наступающей войны. И если бы они вдумались въ значеніе этого протеста, они не могли бы удивляться тому, что представители русскаго и японскаго соціализма—непосредственные виновники этого протеста—впослѣдствіи солидарно голосовали за „дрезденскую" резолюцію—этотъ логическій выводъ изъ классовой солидарности всеміpнаго пролетаріата.

Оппортунисты пытаются объяснить нашъ „революціонизмъ" специфическими національными условіями существованія нашихъ партій; условіями, которыя они противопоставляютъ иной національной обстановкѣ, опредѣляющей политику французской, итальянской, бельгійской и т. п. рабочихъ партій. Мы можемъ сказать по этому поводу только: какова бы ни была внѣшняя причина, навязывающая намъ такую, а не иную идеологію, эта послѣдняя, по своимъ посылкамъ и своимъ выводамъ, дѣлаетъ нашу политику интернаціональной. Доказательство—позиція русскихъ и японскихъ соціалистовъ въ нынѣшней войнѣ. И если вамъ угодно эту политику называть „нѣмецкой", мы ничего не имѣемъ противъ этого, поскольку своеобразныя условія, при которыхъ возникъ германскій соціализмъ—на рубежѣ между эпохой капиталистической революціи на Западѣ и началомъ таковой на Востокѣ—позволили ему въ его „національной" оболочкѣ наиболѣе рельефно выразить міровое содержаніе пролетарскаго движенія. Но мы знаемъ также, что, въ противоположность „національнымъ условіямъ", тѣ условія, которыя опредѣляютъ характеръ вашей идеологіи, неотвратимо дѣлаютъ вашъ соціализмъ—соціализмомъ національнымъ. Этотъ выводъ изъ рѣчи Жореса на амстердамскомъ конгрессѣ тонко замѣтилъ буржуазный «Temps»,—который тутъ же посмѣялся надъ тѣмъ, что этому національному соціализму предстоитъ имѣть своимъ литературнымъ органомъ газету, которая называется „Человѣчество" (Humanité).

Національный или международный соціализмъ—такъ стоитъ вопросъ между правымъ и лѣвымъ крыломъ пролетарской арміи.

И въ принятіи дрезденской резолюціи мы привѣтствуемъ фактъ торжества интернаціональныхъ задачъ классовой борьбы пролетаріата надъ случайными и временными выгодами „національныхъ" движеній въ отдѣльныхъ частяхъ его. Мы дѣлаемъ это прежде всего, какъ представители классовыхъ интересовъ россійскаго пролетаріата, заинтересованнаго, какъ и пролетаріи другихъ странъ, въ развитіи всемірной классовой борьбы за соціальную революцію; мы дѣлаемъ это и какъ представители той партіи, на долю которой выпала задача борьбы съ злѣйшимъ врагомъ всемірнаго соціализма—русскимъ самодержавіемъ.

Л. Мартовъ.

Въ Амстердамѣ.

(Мысли и замѣтки).

I.

(20 сентября 1904 г., № 74).

Ежемѣсячный органъ англійской соціалдемократической федераціи «The Social-Democrat» говоритъ въ своей сентябрьской книжкѣ, что амстердамскій соціалдемократическій съѣздъ является наилучшимъ изо всѣхъ международныхъ конгрессовъ новой „серіи", т. е. серіи, начинающейся съ 1889 года, когда состоялся первый съѣздъ „новаго интернаціонала". Не менѣе восторженно отозвался объ амстердамскомъ съѣздѣ Каутскій въ «Neue Zeit». Признаюсь, я не вполнѣ раздѣляю этотъ оптимистическій взглядъ. Конечно, мы, марксисты, представители революціоннаго соціализма, одержали въ Амстердамѣ рѣшительную побѣду надъ международными оппортунистами, и мы не можемъ не радоваться этой побѣдѣ. Но о чемъ спорили мы тамъ съ нашими противниками? Не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, быть или не быть революціонному соціализму. Это именно такъ, потому что тактика, которую отстаивалъ и превозносилъ въ своихъ длинныхъ и напыщенныхъ рѣчахъ вождь оппортунистовъ всѣхъ странъ, Жоресъ, на дѣлѣ означаетъ полный отказъ отъ

революціоннаго соціализма и переходъ на точку зрѣнія буржуазной демократіи. Какъ ни радъ я нашей побѣдѣ, но меня всетаки непріятно поражаетъ воспоминаніе о томъ, что эта постыдная тактика могла быть защищаема на международномъ съѣздѣ соціалистовъ, не вызывая рѣшительнаго и единодушнаго негодованія. А кромѣ того, я не могу скрыть отъ себя и отъ своихъ читателей то неоспоримое обстоятельство, что Вандервельдъ и Адлеръ довольно таки испортили—своимъ „мягкимъ" проектомъ рѣшенія по важнѣйшему вопросу съѣзда,—ходъ вызванныхъ этимъ вопросомъ преній и ослабили нравственное значеніе побѣды, одержанной марксизмомъ надъ международными оппортунистами. Я назову великолѣпнымъ (prächtiger—выраженіе Каутскаго) только тотъ съѣздъ, который будетъ свободенъ отъ такихъ большихъ недостатковъ. Когда и гдѣ состоится такой, дѣйствительно, великолѣпный, международный съѣздъ? Не знаю. Скажу больше: я не увѣренъ даже въ томъ, что онъ состоится когда-нибудь. Очень возможно, даже—увы!—очень вѣроятно, что современный соціализмъ вплоть до самой революціи, т. е. до завоеванія власти пролетаріатомъ, не излѣчится отъ оппортунистической язвы. Но именно потому у насъ и нѣтъ основаній для оптимизма. Нашъ непріятель потерпѣлъ пораженіе. Это очень хорошо. Но напрасно говоритъ «The Social-Democrat», что теперь пришелъ конецъ международному оппортунизму. Къ сожалѣнію, это еще не такъ. Нашъ непріятель, хотя и пораженъ, но еще не уничтоженъ. Его главныя силы,—французская армія, все того же Жореса,—„отступили въ порядкѣ" и, поддерживая противъ насъ сильный огонь, очевидно, перестраиваются для новой борьбы. Если это такъ,—а развѣ же это не такъ?—то марксисты должны, не теряя ни минуты, преслѣдовать потерпѣвшаго пораженіе непріятеля, а не льстить себя тою пріятною, но пока еще не основательною увѣренностью, что онъ уже не существуетъ.

«The Social-Democrat» говоритъ далѣе, что не смотря на жаркіе споры по вопросу о тактикѣ, на амстердамскомъ съѣздѣ господствовало стремленіе къ единству. Это, пожалуй, и такъ, но я боюсь, что нашъ англійскій собратъ очень преувеличилъ смыслъ этого явленія. Гдѣ объединенные между собой элементы имѣютъ однѣ и тѣ же общественныя задачи, выражающія одни и тѣ же классовые и н т е р е с ы, тамъ единство не только хорошо, но прямо обязательно для торжества этихъ интересовъ. А гдѣ это необходимое условіе отсутствуетъ, тамъ единство не можетъ быть

ни прочнымъ, ни полезнымъ. И вся „мораль" амстердамскаго конгресса сводится къ вопросу о томъ, возможно ли прочное единство между оппортунистами и марксистами. Я думаю, что нѣтъ, и въ этомъ случаѣ со мною согласны итальянскіе „реформисты", давно уже высказавшіе твердую увѣренность въ томъ, что реформизмъ (наиболѣе употребительное въ Италіи названіе оппортунизма) и революціоный соціализмъ составляютъ, въ сущности, двѣ отдѣльныя партіи. А что на амстердамскомъ съѣздѣ было, къ сожалѣнію, не мало оппортунистовъ, въ этомъ, врядъ ли кто усомнится. Правда, не многіе изъ нихъ выступали открыто, но это не мѣшало имъ имѣть значительное вліяніе на ходъ преній: ихъ сравнительной многочисленностью на съѣздѣ и объясняется тотъ, на первый взглядъ, странный и непонятный, фактъ, что соціалистическіе представители пролетаріата могли цѣлыхъ три дня и какъ нельзя болѣе серьезно спорить о томъ, долженъ или не долженъ этотъ классъ продавать буржуазіи свое право первородства за чечевичную похлебку.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ я хочу осмотрѣть вмѣстѣ съ читателями тѣ позиціи, которыя были заняты на амстердамскомъ съѣздѣ марксистами, съ одной стороны, и оппортунистами—съ другой. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ этому осмотру, мнѣ необходимо сдѣлать объясненія по предметамъ, относящимся къ тому, что дѣлалось на съѣздѣ россійской соціалдемократической делегаціей вообще и мною въ частности.

Здѣсь я прежде всего скажу два слова о томъ моемъ поступкѣ, который „Московскія Вѣдомости" обозвали позорнымъ поступкомъ русскаго соціалиста. Читатель, вѣроятно, уже понялъ, о чемъ я говорю.

Избранный вмѣстѣ съ Сенъ-Катаямой въ вице-президенты перваго засѣданія съѣзда, я обмѣнялся съ представителемъ японскаго соціалистическаго пролетаріата дружескимъ рукопожатіемъ. Московскій реакціонный органъ считаетъ это національной измѣной. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ, но въ томъ то и дѣло, что я не стою на его точкѣ зрѣнія. И,—пусть хорошенько замѣтятъ это „Московскія Вѣдомости",—далеко-далеко не одинъ я. Сознательный пролетаріатъ Россіи цѣликомъ идетъ подъ знаменемъ международной соціалдемократіи, а международная соціалдемократія не можетъ не возставать противъ международныхъ войнъ; ея горячимъ содѣйствіемъ и ея энергичной поддержкой пользуется одинъ только родъ войны:

классовая война эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами. Въ этой войнѣ я самъ охотно и давно принимаю посильное участіе. Но эта война кажется преступной не только реакціонерамъ и охранителямъ, а даже многимъ „прогрессистамъ“. Вотъ что значитъ различие точекъ зрѣнія!

Мой „позорный поступокъ“ сопровождался рѣчью, въ которой я сказалъ, между прочимъ, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а русская бюрократія, злѣйшій и опаснѣйшій врагъ этого народа. Пусть попробуютъ „Московскія Вѣдомости“ доказать мнѣ, что это не вѣрно; мнѣ будетъ очень интересно выслушать ихъ доводы. Я сказалъ, далѣе, что въ случаѣ побѣды бюрократіи надъ Японіей главнымъ побѣжденнымъ окажется не кто иной, какъ тотъ же русскій народъ. Московская газета, какъ и вся наша реакціонная клика, прекрасно знаетъ, что и это правда: для нея прелесть побѣды надъ „япошками“ особенно усиливалась бы тѣмъ обстоятельствомъ, что побѣдоносное правительство могло бы, пользуясь ея обаяніемъ, еще сильнѣе затянуть тѣ цѣпи, которыми оно сковываетъ русскій народъ. Я напомнилъ съѣзду ту, къ сожалѣнію, неоспоримую историческую истину, что иностранная политика бюрократіи издавна была политикой хищничества и захвата; что она издавна стремилась подчинить себѣ всѣ тѣ изъ окружавшихъ насъ народовъ, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ей грозный отпоръ, и что она окружила собственно русскую землю цѣлымъ ожерельемъ изъ побѣжденныхъ народностей, возвращавшихъ ей въ видѣ ненависти то, что онѣ получали отъ нея въ видѣ угнетенія. И я прибавилъ, что отъ такой политики само русское населеніе страдало не меньше, если не больше всѣхъ, потому что ни одинъ народъ не можетъ быть свободенъ, служа орудіемъ угнетенія своихъ сосѣдей, и потому, что „порядокъ“, который, благодаря нашему правительству, царствовалъ въ Варшавѣ, въ Гельсингфорсѣ и въ Тифлисѣ съ такой же силой, съ какой „царствуетъ“ смерть на кладбищѣ, „царствовалъ“ также въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, словомъ—во всей Россіи. Можетъ быть, въ этихъ моихъ словахъ заключалось что-нибудь похожее на неправду? Или, наконецъ, ложью было то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я сказалъ, что, преслѣдуя въ нашей несчастной странѣ все талантливое, все живое и независимое, бюрократія видитъ себя теперь изолированной, окруженной жалкими и жадными бездарностями, которыя думаютъ только о своей собственной карьерѣ и не могутъ обезпечить ей ничего,

кромѣ цѣлаго ряда постыднѣйшихъ пораженій? Все это самая чистая правда, и когда я говорилъ все это, я сознавалъ, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русскихъ людей. Никогда еще прежде голосъ россійской соціалдемократіи не былъ въ такой сильной степени голосомъ русскаго народа.

Съѣздъ отнесся чрезвычайно сочувственно къ моему „позорному поступку". Онъ отвѣтилъ на него цѣлымъ взрывомъ долго не смолкавшихъ криковъ и рукоплесканій. Вышла цѣлая демонстрація, которая произвела сильное впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ на своемъ вѣку и не такіе виды. Я упоминаю объ этомъ, разумѣется, не для того, чтобы похвастаться своимъ успѣхомъ передъ читателями, а для того, чтобы обратить ихъ вниманіе на интересную черту психологіи съѣзда. Одинъ изъ австрійскихъ делегатовъ удивлялся потомъ, въ разговорѣ со мной, тому, что представители международной соціалдемократіи могли придти въ такой восторгъ въ виду поступка, который подсказывался всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ. „Кому же неизвѣстно— воскликнулъ онъ,—что мы, соціалдемократы, противъ войны?" Это въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно; и всѣ делегаты, навѣрно, помнили какъ относящіяся къ милитаризму рѣшенія предыдущихъ международныхъ съѣздовъ, такъ и тѣ дружескіе адресы, которыми обмѣнивались между собой сознательные рабочіе Франціи и Германіи при началѣ франко-прусской войны. Почему же они пришли въ такое возбужденіе при видѣ „позорнаго поступка?" Да просто потому, что они вовсе не такіе сухіе и холодные люди, какими ихъ считаютъ многія сентиментальныя старушки; просто потому, что торжественное открытіе съѣзда всколыхнуло въ ихъ душѣ свойственный имъ энтузіазмъ къ своему дѣлу, и этому энтузіазму нуженъ былъ только подходящій поводъ, чтобы шумно вырваться наружу. Вотъ и все. И это маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пролетаріи всѣхъ странъ могутъ только радоваться тому, что у ихъ представителей такъ много энтузіазма. Еще Гегель справедливо сказалъ, что безъ энтузіазма—„безъ страсти"—не дѣлалось ничего великаго въ исторіи...

Заканчивая свою рѣчь, я замѣтилъ, что соціалистическій пролетаріатъ является единственнымъ въ настоящее время носителемъ прогресса, и что, вслѣдствіе этого всѣ тѣ, которые въ той или другой странѣ защищаютъ то или другое дѣйствительно прогрессивное дѣло, невольно обращаютъ свои взоры въ сторону соціалистическаго пролетаріата. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ

справедливости этихъ моихъ словъ служило присутствіе на съѣздѣ,— въ англійской делегаціи — престарѣлаго индуса Дадабгая Наороджи, который пріѣхалъ для того, чтобы передъ лицомъ международнаго пролетаріата протестовать противъ долгаго, безпощаднаго и систематическаго угнетенія его родины Англіей. Когда на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій онъ сталъ объяснять цѣль своего пріѣзда, ему устроили цѣлую овацію. Рѣшеніе, принятое съѣздомъ по этому вопросу, гласитъ такъ:

„Собраніе представителей рабочихъ всего цивилизованнаго міра выслушало отъ представителей Англіи и Индіи, что въ Индіи, какъ и повсюду, Англія не перестаетъ отнимать у народа всѣ источники существованія, что она эксплуатируетъ и обворовываетъ его, что она является источникомъ величайшихъ бѣдствій, лишеній и голода для болѣе, чѣмъ 200 милліоновъ населенія на индійской почвѣ. Международный съѣздъ обращается поэтому съ призывомъ къ рабочему классу Великобританіи и приглашаетъ его побудить свое правительство къ уничтоженію нынѣшней безразсудной и позорной колоніальной системы и къ замѣнѣ ея легко осуществимымъ самоуправленіемъ Индіи подъ верховной властью Англіи“.

Угнетенное человѣчество, дѣйствительно, не имѣетъ теперь другого защитника, кромѣ революціоннаго пролетаріата. И, разумѣется, это дѣлаетъ пролетаріату чрезвычайно большую честь. Но это имѣетъ и свои неудобства. Не достаточно испытывать извѣстное угнетеніе для того, чтобы ясно понять задачи соціализма и усвоить себѣ соціалистическое міросозерцаніе. Неудивительно поэтому, что на международные соціалистическіе съѣзды посылаютъ подчасъ своихъ представителей такіе общественные элементы, которые, въ сущности, очень далеки отъ современнаго соціалистическаго движенія и имѣютъ о немъ лишь весьма смутное понятіе. Какъ быть съ ихъ делегатами? Если ихъ явится очень много, то ихъ присутствіе можетъ поставить въ затруднительное положеніе, хотя и не весь съѣздъ, то, по крайней мѣрѣ, делегаціи тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пріѣдутъ. Въ виду этого, казалось бы, что международнымъ съѣздамъ слѣдуетъ очень разборчиво относиться къ соціалистическому „credo“ организацій, посылающихъ на нихъ своихъ делегатовъ. Но, во-первыхъ, делегаты болѣе или менѣе неопредѣленнаго и сомнительнаго образа мыслей являются преимущественно изъ такихъ странъ, общественная жизнь которыхъ,— вслѣдствіе того, что въ нихъ нѣтъ политической свободы, кото-

рая позволяла бы всѣмъ ихъ партіямъ дѣлать свое дѣло у всѣхъ на виду,—крайне мало извѣстна другимъ народамъ. Легко ли разобраться, скажемъ, бельгійцу Вандервельду или голландцу Трульстрѣ въ вопросѣ о томъ, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ та или другая русская, польская, литовская, армянская или грузинская „соціалистическая“ организація? Не только не легко, но прямо невозможно, за полнѣйшимъ отсутствіемъ у него всякихъ сколько-нибудь убѣдительныхъ данныхъ.

Если же нельзя разобраться, то нельзя и высказаться, а еще менѣе можно принять практическое рѣшеніе, да еще такое, которое, навѣрно, огорчитъ данную организацію и, вѣроятно, создастъ для нея извѣстныя практическія затрудненія. Да если бы и были серьезныя данныя; если бы большинство членовъ съѣздовъ твердо знало, что такая-то грузинская, армянская, литовская, польская или русская организація называетъ себя соціалистической болѣе для красоты слога, то и тогда оно врядъ ли рѣшилось бы удалить со съѣзда ея делегатовъ. Noblesse oblige (званіе дворянина налагаетъ извѣстныя обязанности), говорили въ старину французы. Теперь можно сказать, что благородное званіе представителя соціалистическихъ пролетаріевъ обязываетъ быть снисходительнымъ. Если угнетенное человѣчество имѣетъ теперь въ соціалистическомъ пролетаріатѣ единственнаго надежнаго и безкорыстнаго защитника; если этому пролетаріату принадлежитъ гегемонія во всемъ прогрессивномъ движеніи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то какъ нельзя болѣе естественно, что въ такіе рѣшительные и торжественные моменты, какими являются его международные съѣзды, къ его представителямъ пожелаютъ примкнуть также и представители другихъ общественныхъ слоевъ, разумѣется, несравненно менѣе революціонныхъ и универсальныхъ, но все же до извѣстной степени служащихъ дѣлу поступательнаго движенія. И точно такъ же естественно, что представители пролетаріата только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и только при обстоятельствахъ, не оставляющихъ у нихъ ровно никакихъ сомнѣній, рѣшатся оттолкнуть отъ себя, удалить изъ своей среды представителей такихъ общественныхъ слоевъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они добродушно скажутъ имъ: „мы очень рады вамъ; посидите съ нами“, совсѣмъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что подобное гостепріимство можетъ вредно отразиться на пролетарскомъ движеніи тѣхъ странъ, откуда являются эти „тоже соціалистическіе“ представители болѣе или менѣе про-

грессивныхъ не-пролетарскихъ теченій. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній. Если бы подобные „тоже соціалисты" пріѣхали изъ Германіи и если бы германская соціалдемократическая делегація потребовала отъ съѣзда ихъ удаленія, то они, навѣрно, не получили бы делегатскихъ картъ. Но въ томъ-то и дѣло, что германскіе „тоже-соціалисты",—Бернштейнъ и его почтенная компанія,—пока еще стоятъ подъ знаменемъ соціалдемократической партіи и потому являются на съѣздъ вмѣстѣ съ настоящими ея представителями; за предѣлами же соціалдемократіи въ Германіи нѣтъ по крайней мѣрѣ такихъ „тоже-соціалистовъ", у которыхъ могло бы возникнуть желаніе поѣхать на международный съѣздъ. Правда, мѣстами тамъ водятся, въ очень небольшомъ количествѣ, анархисты; но анархисты,—какъ это всѣмъ извѣстно,—на соціалистическіе международные съѣзды совсѣмъ не допускаются; стало быть, нѣмецкимъ соціалдемократическимъ делегатамъ не приходится теперь и поднимать на съѣздѣ подобные вопросы. Не то мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи. Англійскіе соціалдемократы имѣли бы довольно серьезное основаніе поднять такой вопросъ. На международные съѣзды съ давнихъ поръ пріѣзжаютъ представители отъ такъ называющей себя Независимой Рабочей Партіи. Соціалистическія понятія членовъ этой партіи до крайности смутны; ея вождь Киръ Гарди высказывается даже противъ борьбы классовъ. Такъ какъ,—по постановленію брюссельской международной конференціи 1899 г.—признаніе этой борьбы составляетъ одно изъ необходимыхъ условій допущенія на международные съѣзды, то англійская соціалдемократическая федерація имѣла бы, собственно говоря, полное право требовать удаленія съ нихъ делегатовъ Независимой Рабочей Партіи. Она не дѣлаетъ этого. Почему? Вѣроятно, по той простой причинѣ, что знаетъ психологію международныхъ съѣздовъ и понимаетъ, что ея требованіе было бы отклонено. Въ виду этого читатель скажетъ, можетъ быть, что международные съѣзды простираютъ свою снисходительность дальше, чѣмъ это допускается требованіями логики. Я спорить не стану. Я только замѣчу, что эта чрезмѣрная, — и нелогичная, — снисходительность имѣетъ свое достаточное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что должно было бы произойти, если бы англійскіе марксисты въ самомъ дѣлѣ начали добиваться удаленія Киръ Гарди и его товарищей, а съѣздъ сталъ внимательно разбирать основательность ихъ требованій. Пришлось бы назначить коммис-

сію для пересмотра всѣхъ изданій „Независимой Рабочей Партіи“ для изученія ея программы и для наведенія точныхъ справокъ о томъ, что говорили въ тѣхъ или другихъ спорныхъ случаяхъ ея агитаторы. Словомъ, началось бы цѣлое слѣдствіе, и международный соціалистическій съѣздъ попалъ бы въ положеніе верховнаго судилища, произносящаго приговоры надъ еретиками. А онъ ни за что не захочетъ принять на себя такую роль [1]). Вотъ почему путанныя головы, подобныя Киръ Гарди, могутъ спокойно пропагандировать свой странный „соціализмъ“, нисколько не опасаясь того, что передъ ними закроется дверь „международнаго парламента рабочихъ“. „Независимая Рабочая Партія“ не только допускается на съѣздѣ, но пользуется даже правомъ представительства въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро.

Такова психологія международныхъ съѣздовъ. Намъ, россійскимъ соціалдемократамъ, она давно извѣстна, и мы, равно какъ и соціалдемократы всѣхъ остальныхъ странъ, не могли не считаться съ нею. Когда, на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., мы потребовали удаленія представителя организаціи „соціалистовъ-революціонеровъ“, то мы поддерживали свое требованіе не тѣмъ соображеніемъ, что соціализмъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ очень сомнителенъ, а указаніемъ на тотъ фактъ, что названная организація имѣла слишкомъ ничтожные размѣры: она состояла, если память не обманываетъ меня, изъ шести или семи заграничныхъ студентовъ. И если съѣздъ удовлетворилъ наше желаніе, то единственно потому, что этотъ нашъ доводъ показался ему убѣдительнымъ. А если бы мы начали критиковать передъ съѣздомъ взгляды соціалистовъ-революціонеровъ, то онъ очень скоро положилъ бы конецъ нашимъ разсужденіямъ, объявивъ ихъ неумѣстными, а себя некомпетентнымъ. Ко времени парижскаго съѣзда 1900 года соціалисты-революціонеры ни на вершокъ не подвинулись впередъ въ идейномъ отношеніи. Но ихъ организація нѣсколько выросла къ тому времени, и, вслѣдствіе этого, никому изъ насъ и въ голову не пришло поднимать въ Па-

[1]) Извѣстно, что отъ такой роли отказывался и „старый Интернаціоналъ“, руководителемъ котораго былъ Марксъ. Когда Бакунинъ, основавшій въ Женевѣ свой „Всесвѣтный Союзъ соціальной демократіи“, пригласилъ Общій Совѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ высказаться по поводу его программы, то Совѣтъ отвѣтилъ, что въ его функціи не входитъ „судъ надъ теоретическими принципами программъ различныхъ секцій“.

рижѣ вопросъ объ ихъ недопущеніи. Замѣтьте при этомъ, что, строго говоря, мы тогда уже имѣли право протестовать противъ присутствія делегатовъ отъ соціалистовъ-революціонеровъ. Брюссельская конференція 1899 г. рѣшила, что на международные съѣзды допускаются только такія общества, которыя признаютъ необходимость завоеванія политической власти пролетаріатомъ, организованнымъ въ классовую партію. Этимъ самымъ она поставила на видъ всѣмъ и каждому, что точка зрѣнія современнаго соціализма есть пролетарская точка зрѣнія, и что въ средѣ представителей этого соціализма нечего дѣлать делегатамъ отъ тѣхъ организацій, которыхъ эта точка зрѣнія почему-либо не удовлетворяетъ. Но къ числу этихъ послѣднихъ несомнѣнно и неоспоримо принадлежитъ организація соціалистовъ-революціонеровъ. Всѣ знакомые съ ихъ ученіемъ знаютъ, что они находятъ пролетарскую точку зрѣнія слишкомъ узкой и,—„широта ты, широта, окіянъ-море!" — дополняютъ ее точкой зрѣнія крестьянства и точкой зрѣнія интеллигенціи. Эти широкіе джентльмены хотятъ держаться сразу трехъ точекъ зрѣнія. Но, къ сожалѣнію, это „широкое" желаніе неосуществимо. Стоять въ одно и то же время на трехъ точкахъ зрѣнія такъ же невозможно, какъ невозможно одному купцу одновременно ѣхать въ трехъ каретахъ. Поэтому „соціалисты-революціонеры" на самомъ дѣлѣ довольствуются весьма узкой точкой зрѣнія мелкой буржуазіи. Ясно, стало быть, что присутствіе ихъ делегатовъ на международномъ съѣздѣ 1900 года противорѣчило постановленію, принятому годъ тому назадъ въ Брюсселѣ. Но послѣ всего вышесказаннаго читатель понимаетъ, что ни у кого изъ насъ не могло явиться охоты обнаруживать передъ парижскимъ съѣздомъ это противорѣчіе: мы и не спорили противъ принятія въ русскую секцію двухъ „соціально-революціонныхъ" делегатовъ, которые—замѣчу мимоходомъ—оказались рѣшительными и непреклонными сторонниками Жореса, какъ извѣстно, бывшаго отвѣтственнымъ издателемъ Мильрана, уже покрытаго тогда кровью рабочихъ Шалона и Мартиники. Не собирались мы воевать съ „соціалистами-революціонерами" и въ Амстердамѣ. Мы сдѣлали бы большую и непростительную ошибку, если бы сказали хоть одно слово противъ ихъ присутствія на съѣздѣ. Съѣздъ, навѣрно, отклонилъ бы критическое разсмотрѣніе ихъ программы, а они стали бы на всѣ голоса и на всѣхъ крышахъ, на всѣхъ перекресткахъ кричать, что доброкачественность ихъ широкаго со-

ціализма признана и засвидѣтельствована соціалистами всѣхъ странъ, что рѣшеніе второго съѣзда Р. С. Д. Р. П., объявляющаго ихъ партіей мелкой буржуазіи, признано не основательнымъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. А простаки, такъ охотно подставляющіе свои широкіе носы подъ цѣпкіе пальцы этихъ мастеровъ рекламы, внимали бы ихъ крикамъ и наивно радовались бы тому, что узкій порокъ потерпѣлъ, наконецъ, пораженіе, и что широкая добродѣтель была торжественно вознаграждена за всѣ полученныя ею отъ него оскорбленія. Зачѣмъ же намъ было вводить во искушеніе „малыхъ сихъ"?

Органъ „соціалистовъ-революціонеровъ" не вѣритъ тому, что у насъ не было намѣренія аттаковать ихъ въ Амстердамѣ. Это его дѣло. Но онъ плохо взвѣсилъ значеніе тѣхъ доводовъ, съ помощью которыхъ онъ хочетъ доказать, что мы совсѣмъ уже выступили въ походъ противъ нихъ и пробили отбой только потому, что увидѣли, какъ нѣжно любятъ ихъ, „соціалистовъ-революціонеровъ", соціалдемократы другихъ странъ.

„Революціонная Россія" вспоминаетъ о томъ, что послѣ всѣмъ извѣстнаго кенигсбергскаго процесса я напечаталъ въ центральномъ органѣ германской соціалдемократіи статью противъ терроризма. Такая моя статья, дѣйствительно, появилась въ указанномъ органѣ. Но я ее написалъ единственно потому, что въ Кенигсбергѣ много и неправильно говорилось объ отношеніи нашей партіи къ террору. Предстоявшій амстердамскій съѣздъ тутъ былъ рѣшительно не при чемъ [1]). Кромѣ того, „Революціонная Россія" приводитъ тѣ строки изъ статьи „Къ амстердамскому съѣзду",—въ которыхъ сказано, что мы будемъ отстаивать для россійской соціалдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата и выступимъ противъ безразличнаго отношенія соціалистовъ другихъ странъ къ нашимъ отечественнымъ „фракціямъ". Я согласенъ, что эти слова могли быть приняты гг. „соціалистами-революціонерами" за нѣкій непріятный намекъ на нѣкую „нехватку" въ ихъ „соціалистической" программѣ. Но гдѣ же въ этихъ словахъ угроза добиваться удаленія со съѣзда „соціально-револю-

---

[1]) Кстати, „Революціонная Россія" ликуетъ по поводу того, что „Vorwärts" обнаружилъ будто бы нѣкоторое сочувствіе терроризму. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ надо понимать его сочувствіе. Я посвящу этому особую замѣтку.

ціонныхъ" делегатовъ? Такой угрозы въ нихъ нѣтъ и слѣда! Въ нихъ прямо и недвусмысленно говорится только то, что мы считаемъ нашу партію единственной представительницей сознательнаго пролетаріата Россіи и готовы доказывать это, между прочимъ, и въ Амстердамѣ. Но намъ не пришлось доказывать это по той простой и вполнѣ достаточной причинѣ, что тамъ никто не выразилъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Правда, въ докладѣ, представленномъ амстердамскому съѣзду „соціалистами-революціонерами", встрѣчаются очень „большія чудеса" насчетъ ихъ собственнаго отношенія къ пролетаріату. Но ни на засѣданіяхъ съѣзда, ни въ его комиссіяхъ доклады никогда не подвергаются обсужденію, поэтому намъ оставалось,—и остается,—характеризовать этотъ докладъ въ печати, и гг. соціалисты-революціонеры могутъ быть увѣрены, что мы не забудемъ исполнить эту свою обязанность.

Къ чести „партіи соц.-рев." надо сказать, что хотя своимъ появленіемъ на международномъ пролетарскомъ съѣздѣ она стала въ очевидное противорѣчіе съ коренной основой своей программы, но во время работъ съѣзда она вела себя съ этой стороны благоразумно и за пролетарскую партію себя не выдавала. Ея представитель г. Рубановичъ обнаружилъ, можно сказать, образцовую скромность въ томъ единственномъ случаѣ, когда мы могли серьезно поспорить съ нимъ о томъ, кѣмъ представляется въ Амстердамѣ сознательный россійскій пролетаріатъ. Редакція „Революціонной Россіи" понимаетъ, что, говоря это, я имѣю въ виду пренія, происходившія по вопросу о правѣ „соціалистовъ-революціонеровъ" быть представленными въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро.

По поводу полученія ими этого права, революціонный органъ россійской мелкой буржуазіи затянулъ громкую побѣдную пѣснь,—нѣчто въ родѣ „тебе Бога хвалимъ",—самой бравурностью своего напѣва обнаруживающую ту неувѣренность, съ которой делегаты этой партіи ѣхали въ Амстердамъ и которая не переставала мучить ихъ въ „сѣверной Венеціи" вплоть до той счастливой минуты, когда имъ было, наконецъ, объявлено благопріятное для нихъ рѣшеніе. Однако, безпристрастный историкъ отмѣтитъ, что въ данномъ случаѣ успѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ былъ не такъ великъ и,—главное,—не имѣлъ такого лестнаго для нихъ характера, какъ воображаетъ россійскій органъ мелкобуржуазнаго соціализма.

Дѣло было такъ. Въ промежутокъ времени, отдѣлявшій парижскій съѣздъ отъ амстердамскаго, нѣкоторыя организаціи, дѣйствующія въ Россіи, но не входящія въ составъ россійской соціалдемократической партіи, — напр. „партія“ соціалистовъ-революціонеровъ, литовскихъ соціалистовъ, Бундъ и т. д., — обратились въ Международное Соціалистическое Бюро съ просьбой дать имъ право самостоятельнаго представительства въ этомъ Бюро. Просьба эта обосновывалась различными организаціями различно: однѣ изъ нихъ ссылались на свои національныя особенности, другія на свои программно-тактическія или организаціонныя разногласія съ нашей партіей, но и тѣ, и другія ставили Бюро въ одинаково затруднительное положеніе. Такъ какъ одинъ изъ двухъ голосовъ, приходящихся на долю Россіи, во всякомъ случаѣ принадлежитъ россійской соціалдемократіи, то въ распоряженіи Бюро находился только одинъ голосъ, на который явилось, по крайней мѣрѣ, три претендента. Кому онъ долженъ былъ достаться? На этотъ вопросъ можно было отвѣтить знаменитымъ словомъ: „достойнѣйшему“. Но, чтобы найти достойнѣйшаго, нужно было бы войти въ разсмотрѣніе программъ и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ въ Россіи организацій, а именно этого то и хотѣло избѣгнуть Бюро, слѣдуя указанному мною выше обыкновенію международныхъ съѣздовъ. Что же ему оставалось дѣлать? Въ засѣданіи Бюро, состоявшемся наканунѣ открытія амстердамскаго съѣзда, В. Адлеръ предложилъ дать Россіи — вмѣсто обычныхъ двухъ голосовъ, — три или четыре. Но такое рѣшеніе создало бы новыя и при томъ еще большія трудности. Въ Россіи много дѣйствительныхъ и не мало мнимыхъ національностей, и есть основанія думать, что въ ея революціонной средѣ долго еще будутъ возникать независимыя организаціи. Неужели каждая изъ нихъ получитъ особый голосъ въ Международномъ Бюро? Но, по справедливому замѣчанію Р. Люксембургъ, Бюро не этнографическій музей. И гдѣ же мы остановимся? Сколько голосовъ получится въ распоряженіи Россіи? Проектъ Адлера былъ отклоненъ, причемъ я, съ своей стороны, голосовалъ противъ него, и на вопросъ того же Адлера, какой изъ россійскихъ организацій должны мы, въ такомъ случаѣ, дать второй голосъ, я отвѣтилъ: „Наиболѣе сильной“. Затѣмъ пренія по этому вопросу прекратились, и Бюро въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ засѣданій вынуждено было взяться за рѣшеніе трудной и щекотливой для него задачи: найти „достойнѣйшаго“.

Когда оно принялось, наконецъ, рѣшать ее, представитель Бунда и представитель „соціалистовъ-революціонеровъ“ были приглашены на его засѣданіе для объясненій. Въ своей краткой и крайне неловкой рѣчи представитель Бунда,—неужели эта организація не могла выставить болѣе искуснаго оратора?—имѣлъ безтактность сказать, что его организація потому должна имѣть особый голосъ въ Бюро, что она не можетъ быть удовлетворительно представлена уполномоченнымъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи, изъ которой она выступила и съ которой она теперь „на ножахъ“. Я долженъ былъ вступить въ споръ съ неумѣлымъ адвокатомъ Бунда, и я сказалъ, что такъ какъ его организація выступила изъ нашей партіи, то, благодаря этому въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, возникло нѣкоторое непріятное треніе (froissement), но что, къ счастью, мы все-таки еще не „на ножахъ“. А что касается разногласій, существующихъ между нашей партіей и Бундомъ, то я замѣтилъ, что этотъ послѣдній выступилъ изъ нашей организаціи не потому, что онъ не согласился съ нами въ какихъ-нибудь вопросахъ программы или тактики, а потому, что уставъ нашей партіи не оставлялъ, по его мнѣнію, достаточно мѣста для его болѣе или менѣе націоналистическихъ стремленій (que le statut de notre parti ne laissait pas assez de place à ses tendances plus ou moins nationalistes). Наконецъ, я счелъ себя обязаннымъ по совѣсти прибавить, что, какъ организація рабочихъ, Бундъ несравненно сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ партія соціалистовъ-революціонеровъ. На мою рѣчь не возражалъ ни г. Рубановичъ,—упустившій такимъ образомъ прекрасный случай показать намъ, что его „партія“ также является представительницей пролетаріата [1]),—ни делегатъ отъ Бунда. Я не знаю, почему промолчалъ этотъ послѣдній; недавно мнѣ на одномъ публичномъ собраніи пришлось услышать, что онъ не отвѣчалъ мнѣ единственно потому, что предсѣдатель Бюро не далъ ему слова. Но этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, послѣ моей рѣчи представитель Бунда—сколько я

---

[1]) Онъ, очевидно, понялъ, что малѣйшее возраженіе съ его стороны дало бы мнѣ поводъ обратить вниманіе Бюро на отрицаніе „соц.-революціонерами“ пролетарской точки зрѣнія, и что тогда, пожалуй, трудно было бы отклонить разсмотрѣніе этого вопроса. Г. Рубановичъ любитъ поговорить кстати и даже не кстати о широкихъ стремленіяхъ своей „партіи“. Но онъ знаетъ, что есть обстоятельства, при которыхъ молчаніе—золото.

помню,—бралъ слово еще два раза. Но если бы это было и не такъ, то странно, что онъ хранилъ такое глубокое молчаніе во время моей рѣчи, между тѣмъ какъ онъ чуть не на каждомъ словѣ прерывалъ представителя „соціалистовъ-революціонеровъ", г. Рубановича, и не постѣснился прервать Р. Люксембургъ, когда она не совсѣмъ точно перевела на нѣмецкій языкъ, какъ разъ то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я говорилъ о причинахъ, побудившихъ Бундъ разорвать съ нашей партіей: тутъ-то можно и должно было, мнѣ кажется, кстати уже крикнуть, что хотя ошиблась переводившая меня Р. Люксембургъ, но что я тоже изложилъ дѣло неправильно. Какъ бы тамъ ни было, представителей обѣихъ добивавшихся голоса организацій, послѣ данныхъ ими подробныхъ объясненій, попросили выйти, и Бюро стало подводить итогъ ихъ доводамъ. Впечатлѣніе большинства было, сколько я могу судить, въ пользу Бунда: нѣкоторые члены Бюро, высказавшіеся прежде противъ него, прямо говорили мнѣ теперь, что они будутъ отстаивать его право на представительство. Но вотъ всталъ вожакъ англійской соціалдемократіи Гайндмэнъ и въ чрезвычайно энергичной рѣчи опровергъ претензіи Бунда. Смыслъ его словъ сводился къ тому, что, какъ бы ни была сильна эта организація по своему вліянію на рабочихъ, она выступила изъ россійской соціалдемократической рабочей партіи вслѣдствіе своихъ націоналистическихъ стремленій, и что, поэтому, давъ ей право представительства въ Бюро, мы оказались бы виновными въ поощреніи націонализма. «Le Bund n'a qu'à rentrer dans la social-démocratie russe (Бунду остается только войти въ россійскую соціалдемократію) — заключилъ Гайндмэнъ. Его аргументація сильно подѣйствовала на Бюро: нѣкоторые члены этого послѣдняго, собиравшіеся голосовать за Бундъ, шепнули мнѣ: „Гайндмэнъ правъ, мы должны голосовать противъ Бунда". Да и самъ я не зналъ, что именно можно было бы возразить Гайндмэну.

Въ концѣ концовъ за „соціалистовъ-революціонеровъ" было подано 16 голосовъ, а за Бундъ—семь. Значитъ не всѣхъ таки убѣдила рѣчь Гайндмэна [1]).

Смыслъ всего этого эпизода тотъ, что хотя большинство чле-

[1]) Прошу читателя замѣтить, что я не помню въ точности, сколько именно голосовъ подано за каждую изъ этихъ организацій: возможно, что за „соціалистовъ-революціонеровъ" было подано однимъ голосомъ больше, а за Бундъ—меньше,—или наоборотъ. Точныя цифры записаны, вѣроятно, секретаремъ Бюро.

новъ Бюро и признало Бундъ, какъ рабочую организацію, болѣе сильной и вліятельной, чѣмъ „партія соціалистовъ-революціонеровъ“, но спорное право представительства все-таки досталось этой послѣдней, такъ какъ представители международнаго пролетаріата не сочли возможнымъ поощрять націоналистическія тенденціи Бунда.

Бундъ былъ побѣжденъ. Но онъ можетъ утѣшать себя тѣмъ соображеніемъ, что побѣда „партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ очень напоминаетъ знаменитую побѣду Пирра.

II.

(5 октября 1904 г., № 75).

Самый главный и самый насущный изъ всѣхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ Амстердамѣ представителями международнаго соціализма, былъ формулированъ такъ:

„Международныя правила соціалистической политики“.

Это былъ тотъ самый вопросъ, который, въ нѣсколько иной формулировкѣ, разсматривался еще 4 года тому назадъ на международномъ съѣздѣ въ Парижѣ. Тогда спорили, главнымъ образомъ, о томъ, можетъ или не можетъ соціалистъ, не измѣняя себѣ, участвовать въ буржуазномъ министерствѣ.

Рѣшеніе, принятое парижскимъ съѣздомъ по этому вопросу, извѣстно подъ именемъ резолюціи Каутскаго. Не мѣшаетъ привести ее здѣсь для справки. Вотъ она:

„Въ современномъ демократическомъ государствѣ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ не можетъ быть достигнуто просто путемъ какого-нибудь насильственнаго дѣйствія, но можетъ явиться лишь результатомъ длинной и трудной работы въ области политической и экономической организаціи пролетаріата, а также результатомъ его физическаго и нравственнаго воз-

рожденія и постепеннаго проникновенія избранныхъ имъ представителей въ муниципальные совѣты и законодательныя собранія. „Но гдѣ правительственная власть централизована, тамъ ея завоеваніе не можетъ совершиться по частямъ. Вступленіе отдѣльнаго соціалиста въ буржуазное министерство не можетъ считаться нормальнымъ началомъ завоеванія политической власти и должно быть разсматриваемо, какъ временный и исключительный пріемъ въ борьбѣ съ трудными обстоятельствами.

„Находятся ли на-лицо въ отдѣльномъ случаѣ эти трудныя обстоятельства—это вопросъ тактики, а не принципа. Онъ не подлежитъ разсмотрѣнію конгресса. Однако, во всякомъ случаѣ, этотъ опасный опытъ можетъ быть полезенъ лишь тогда, когда его одобряетъ значительное большинство организованной соціалистической партіи, и когда соціалистическій министръ является и остается уполномоченнымъ этой партіи.

„Гдѣ соціалистическій министръ дѣйствуетъ независимо отъ своей партіи; гдѣ онъ перестаетъ быть ея уполномоченнымъ, тамъ его вступленіе въ министерство превращается изъ средства, способствующаго усиленію пролетаріата, въ средство, содѣйствующее его ослабленію, и изъ средства, способствующаго завоеванію политической власти, въ средство, препятствующее этому завоеванію“.

Комиссія, обсуждавшая эту резолюцію, прибавила къ ней, согласно моему предложенію, значительно, впрочемъ, измѣненному, благодаря ловкому ходу Жореса, слѣдующія строки: „Конгрессъ полагаетъ, однако, что даже въ крайнихъ случаяхъ соціалистъ долженъ покинуть министерство, если организованная партія найдетъ, что это послѣднее дало очевидныя доказательства своей пристрастности въ борьбѣ труда съ капиталомъ“.

Если разсматривать эту резолюцію съ чисто теоретической точки зрѣнія, то ее съ нѣкоторыми оговорками можно, пожалуй, признать правильной. Подобно тому, какъ въ литературѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, такъ и въ политикѣ всѣ тактическіе пріемы позволительны, кромѣ нецѣлесообразныхъ. А участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ не можетъ быть разъ навсегда объявлено несообразнымъ съ нашей цѣлью. Цѣль эта, какъ извѣстно, заключается въ замѣнѣ капиталистическихъ отношеній производства соціалистическими. Этотъ переворотъ можетъ быть совершенъ только соціалистическимъ, то есть,—иначе сказать,—только сознательнымъ пролетаріатомъ. Поэтому, все, что развиваетъ классовое со-

знаніе пролетаріата, сообразно съ нашей цѣлью, а все, что затемняетъ его, противорѣчитъ ей. Съ этой точки зрѣнія необходимо разсматривать и вопросъ о вступленіи соціалиста въ буржуазное министерство. Можно ли утверждать, что такое вступленіе вездѣ, всегда, при всякихъ обстоятельствахъ поведетъ къ затемненію классоваго сознанія пролетаріата? Нѣтъ, безусловно утверждать это нельзя. Можно представить себѣ такое положеніе дѣлъ, такую степень политическаго развитія рабочаго класса и такое поведеніе его представителя - министра, при наличности которыхъ участіе соціалиста въ министерствѣ не затемнитъ самосознанія пролетаріата, а, напротивъ, подвинетъ его впередъ. Поэтому, съ теоретической точки зрѣнія Каутскій былъ правъ, когда не хотѣлъ безусловно высказаться въ своей резолюціи противъ такого участія. Но задача, которую предстояло рѣшить парижскому съѣзду, имѣла, главнымъ образомъ, практическій характеръ. Въ своей резолюціи онъ долженъ былъ считаться съ даннымъ положеніемъ дѣлъ и съ даннымъ поведеніемъ соціалистическаго министра Миллерана. А поведеніе Миллерана не могло не имѣть очень вреднаго вліянія на самосознаніе рабочихъ. Съ этимъ соглашались всѣ, кромѣ сознательныхъ оппортунистовъ: Жореса, Фолльмара, Бернштейна, Анзееле и имъ подобныхъ [1]). Поэтому парижскій съѣздъ не долженъ довольствоваться отвлеченнымъ отвѣтомъ на вопросъ, поставленный передъ нимъ самой жизнью; онъ обязанъ былъ найти такую формулу, которая ясно выражала бы свое отрицательное отношеніе къ тактикѣ Миллерана [2]). Онъ не исполнилъ этой своей обязанности.

[1]) Напомню, что всѣмъ участникамъ парижскаго съѣзда былъ извѣстенъ ordre du jour, принятый французской палатой 15 іюня 1900 г. По поводу запроса Симіана о кровавомъ способѣ поддержанія «порядка» въ средѣ шалонскихъ стачечниковъ палата большинствомъ голосовъ постановила перейти къ очередному порядку, выразивъ довѣріе министерству (Вальдека-Руссо-Миллерана) и осудивъ «ученіе коллективизма, съ помощью котораго обманываютъ рабочихъ». Миллеранъ ни однимъ словомъ не высказался противъ этого, а его товарищи—соціалистическіе депутаты, «новаго метода»,—даже голосовали за это рѣшеніе. Читатель понимаетъ, что такое поведеніе должно было сильно компрометтировать соціалистовъ въ глазахъ рабочихъ. И именно имъ объясняется распространеніе въ средѣ французскаго пролетаріата отрицательнаго отношенія къ политикѣ.

[2]) См. въ первой книжкѣ «Зари» мою статью о парижскомъ съѣздѣ. Я разсказываю тамъ, какъ я пытался въ политической комиссіи пополнить этотъ важный пробѣлъ въ резолюціи Каутскаго, и почему не уда-

Онъ поступилъ въ этомъ отношеніи очень уклончиво и непослѣдовательно. Въ своемъ рѣшеніи онъ, перечисливъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе Мильерана въ министерство Вальдека-Руссо, какъ будто не оправдывалъ этого вступленія. Но въ то же время дѣлалъ видъ, что совсѣмъ не касается „случая Мильерана“, уважая автономію французской партіи. Что вышло изъ этой совсѣмъ ненужной уклончивости и совершенно очевидной непослѣдовательности? Вышло то, чего и надо было ожидать. Французскіе оппортунисты, Жоресъ, Мильеранъ и tutti guanti, истолковали отвлеченную, непослѣдовательную и уклончивую парижскую резолюцію въ свою пользу и продолжали съ новымъ усердіемъ практиковать свой „новый методъ“... затемненія классоваго самосознанія пролетаріата. Несмотря на всѣ старанія, резолюція, принятая на парижскомъ съѣздѣ, не оправдала и тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нее людьми, старавшимися примирить сторонниковъ „новаго метода“ съ защитниками старой революціонной тактики, т. е. марксистами и бланкистами. Она не только не упрочила единства французской соціалистической партіи, но несомнѣнно послужила одной изъ сильнѣйшихъ причинъ раскола въ ней.

Вотъ почему ее стали находить неудовлетворительной даже многіе изъ тѣхъ, которые голосовали за нее въ Парижѣ. И чѣмъ болѣе приближалось время новаго международнаго съѣзда, тѣмъ ниже падалъ французскій оппортунизмъ въ мнѣніи соціалистовъ всѣхъ странъ. Вышедшій въ отставку со своимъ буржуазнымъ патрономъ—Вальдекомъ,—„соціалистъ“ Мильеранъ оказался до такой степени скомпрометтированнымъ, что его партія,—партія „новаго метода“, „французская соціалистическая партія“,—нашла выгоднымъ для себя исключить его изъ своихъ рядовъ. Но это «Spaccio della bestia trionfante» ничего не измѣнило въ образѣ дѣйствій этой партіи. Вдохновляемая и руководимая главнымъ и наиболѣе вліятельнымъ во Франціи представителемъ „новаго метода“ Жоресомъ, она оставалась непремѣннымъ членомъ архибуржуазнаго союза республиканскихъ партій (bloc républicain) и сдѣлалась чѣмъ то въ родѣ „соціалистической“ лейбъ-гвардіи главы буржуазнаго министерства Комба. И всѣ тѣ,

лась моя попытка. Кстати, на русскомъ собраніи въ Женевѣ по поводу амстердамскаго съѣзда, нѣкто г. Владиміровъ утверждалъ, что въ Парижѣ я голосовалъ за резолюцію Каутскаго. Это неправда. Я голосовалъ противъ нея вмѣстѣ со всей группой «Освобожденія труда».

которые осуждали тактику Милльерана, видѣли, что этотъ постоянный союзъ съ буржуазными партіями, эта неизмѣнная вѣрность буржуазному правительству еще опаснѣе для дѣла пролетаріата, чѣмъ прямое участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ. Общественное мнѣніе соціалистическаго міра до такой степени повернулось теперь противъ французскаго оппортунизма, что его очень рѣдко рѣшались защищать даже тѣ оппортунистическіе элементы въ партіяхъ другихъ странъ, которые въ глубинѣ души питали къ нему полное сочувствіе.

Въ виду этого сторонники революціонной тактики во Франціи сдѣлали бы непростительную ошибку, еслибы не воспользовались такимъ настроеніемъ для пересмотра въ Амстердамѣ неудовлетворительной парижской резолюціи. Такъ какъ Франція примѣняла къ жизни идеи, вырабатываемыя и распространяемыя международнымъ соціалистическимъ оппортунизмомъ, то Франціи же и долженъ былъ принадлежать починъ новаго обсужденія и, — если возможно, — обсужденія оппортунистической практики. Французская партія революціонной соціалдемократіи, — „Соціалистическая Партія Франціи“, — взяла на себя такой починъ и, по ея предложенію, въ число очередныхъ вопросовъ амстердамскаго съѣзда былъ занесенъ вопросъ о „международныхъ правилахъ соціалистической политики“. Въ качествѣ проекта рѣшенія по этому вопросу, она предложила обобщенное и потому нѣсколько видоизмѣненное ею рѣшеніе прошлогодняго дрезденскаго съѣзда германской соціалдемократіи по вопросу о нѣмецкомъ „ревизіонизмѣ“. Въ своемъ новомъ видѣ этотъ проектъ рѣшенія былъ таковъ:

„Конгрессъ осуждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ревизіонистскія стремленія измѣнить нашу испытанную и увѣнчанную успѣхомъ тактику въ такомъ направленіи, чтобы на мѣсто завоеванія политической власти путемъ побѣды надъ нашими противниками поставить политику уступокъ существующему порядку.

„Послѣдствіемъ такой ревизіонистской тактики было бы превращеніе партіи, ставящей себѣ цѣлью возможно быстрое преобразованіе существующаго буржуазнаго общества въ общество соціалистическое,—а потому революціонной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — въ партію, довольствующуюся реформированіемъ буржуазнаго общества.

„Поэтому, конгрессъ, въ противоположность существующимъ ревизіонистскимъ теченіямъ, убѣжденный, что классовыя противорѣчія не ослабляются, а постоянно возрастаютъ, заявляетъ:

1. Что партія отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за основанные на капиталистическомъ способѣ производства политическіе и экономическіе порядки, и потому отказывается ассигновывать какія бы то ни было денежныя средства, нужныя для поддержанія правящихъ классовъ у власти;

2. Что соціалдемократія, согласно резолюціи Каутскаго на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1900 г. въ Парижѣ, не может стремиться къ участію въ правительственной власти въ рамкахъ буржуазнаго общества.

„Далѣе, конгрессъ осуждаетъ всякое стремленіе затушевывать существующія классовыя противорѣчія, чтобы облегчить сотрудничество съ буржуазными партіями.

„Конгрессъ ожидаетъ, что соціалдемократическія парламентскія фракціи будутъ продолжать пользоваться той возрастающей силой, которая создается увеличеніемъ числа ихъ членовъ и огромнымъ приростомъ стоящей за ними массы избирателей, для выясненія цѣлей соціалдемократіи и для того, чтобы соотвѣтственно принципамъ нашей программы, со всею энергіею и настойчивостью охранять интересы рабочаго класса, добиваться расширенія и упроченія политической свободы и равноправія, вести еще болѣе энергичную, чѣмъ до сихъ поръ, борьбу противъ милитаризма и маринизма, противъ колоніальной и имперіалистской политики, противъ произвола, угнетенія и эксплуатаціи во всѣхъ видахъ, энергично содѣйствовать развитію соціальнаго законодательства и выполненію историческихъ и культурныхъ задачъ рабочаго класса“.

Не трудно замѣтить, чѣмъ этотъ проектъ отличается отъ парижскаго рѣшенія 1900 г. Между тѣмъ, какъ это послѣднее оставалось въ области теоріи, осторожно обходя „проклятый вопросъ“ практики, новый проектъ смѣло подходитъ къ нему, безъ колебаній давая на него тотъ отвѣтъ, который одинъ только и могъ быть признанъ достойнымъ соціалистическаго пролетаріата нашихъ дней: отвѣтъ въ духѣ непримиримой оппозиціи и непрерывной революціонной агитаціи. Новый проектъ прямо требовалъ осужденія ревизіонизма международнымъ съѣздомъ.

Всякому было ясно, что вопросъ, выдвинутый Соціалистической Партіей Франціи, будетъ самымъ жгучимъ изъ всѣхъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію въ Амстердамѣ. И какъ та, такъ и другая сторона, какъ „новый методъ“, такъ и револю-

ціонная соціалдемократія, готовились, каждая сообразно своему духу и своему характеру, къ рѣшительному бою.

Сущность оппортунизма заключается, какъ извѣстно, въ преувеличенномъ стремленіи приспособиться къ обстоятельствамъ, забывая о конечной цѣли соціалистическаго движенія или пренебрегая этой цѣлью. Вообще говоря, такое стремленіе чрезвычайно вредно для соціализма, потому что люди, имъ одержимые, дѣлаются органически неспособными видѣть то, что лежитъ дальше ихъ собственнаго носа. Но въ Амстердамѣ этотъ первородный грѣхъ оппортунистовъ принесъ нѣкоторую пользу революціонной соціалдемократіи. Такъ какъ въ настоящее время соціалдемократическій міръ находился подъ очень непріятнымъ впечатлѣніемъ подвиговъ французскихъ соціалистовъ „новаго метода", то они и не рѣшились открыто выступить на его защиту, а сдѣлали видъ, что сами очень не одобряютъ его. Только бельгійцы—Фюрнэмонъ и Анзееле — первый въ политической комиссіи, второй въ предпослѣднемъ засѣданіи съѣзда,— прямо и откровенно, безъ обиняковъ и оговорокъ, высказались за „новый методъ", а всѣ остальные оппортунисты, которыхъ такъ не мало пріѣхало въ Амстердамъ, отнеслись къ нему совсѣмъ такъ, какъ относились къ Іисусу его „тайные ученики", т. е. они усердно скрывали свое сочувствіе къ нему, страха ради революціонна. Вслѣдствіе этого, во время преній, вызванныхъ вопросомъ о международныхъ правилахъ соціалистической политики, партія французскаго оппортунизма оказалась совсѣмъ одинокой, и ея вождь Жоресъ,—послѣ трехдневныхъ споровъ въ комиссіи, разсматривавшей этотъ вопросъ, — имѣлъ полное основаніе сказать о себѣ: „въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней я слышалъ лишь горькія слова критики, недовѣрія, нерасположенія". И неизвѣстно, что было бы, если бы Вандервельдъ и Адлеръ не оказали оппортунизму поддержки, предложивъ коммиссіи сдѣлать „поправку" въ томъ проектѣ, который былъ предложенъ Соціалистической Партіей Франціи, и который кратко назывался на съѣздѣ д р е з д е н с к о й р е з о л ю ц і е й.

Вотъ эта поправка. „П е р в ы й абзацъ дрезденской резолюціи долженъ быть формулированъ такъ: „Съѣздъ съ величайшей рѣшительностью объявляетъ, что необходимо безо всякихъ колебаній держаться испытанной, увѣнчанной успѣхомъ соціалистической тактики, основанной на классовой борьбѣ, и что политика приспособленія къ существующему порядку ни въ какомъ случаѣ не

должна замѣнять собою борьбы за пріобрѣтеніе политической власти посредствомъ побѣды надъ нашими противниками“.

„Второй абзацъ долженъ начинаться словами: „Слѣдствіемъ такой тактики уступокъ было бы“. Въ третьемъ абзацѣ вычеркнуть слова: въ противоположность существующимъ ревизіонистскимъ теченіямъ. То мѣсто резолюціи, гдѣ рѣчь идетъ о парижскомъ рѣшеніи, должно быть измѣнено такъ:

„2. Что касается опасности и неудобствъ участія въ правительственной власти при существующемъ порядкѣ вещей, конгрессъ подтверждаетъ резолюцію Каутскаго, принятую конгрессомъ 1900 года“.

Сдѣлайте мысленно эти измѣненія въ дрезденской резолюціи, и вы тотчасъ замѣтите, что страшное слово: „осужденіе“ по-прежнему красовалось бы въ ней; только здѣсь оно встрѣчалось бы одинъ разъ („Далѣе, конгрессъ осуждаетъ“ и т. д.) а не два, какъ въ „дрезденской резолюціи“. Что же это за странность: хотѣли устранить „осужденіе“, а сами оставили его въ своемъ проектѣ? Видно ужъ такъ много хорошихъ дѣлъ натворилъ оппортунизмъ, что даже тѣ, которые гнали его осужденіе въ дверь, незамѣтно для самихъ себя оказались вынужденными впустить то же самое осужденіе въ окно! Но какъ же могло остаться незамѣтнымъ для нихъ самихъ такое замѣчательное обстоятельство? Я могу объяснить себѣ это только тѣмъ, что для нихъ „суть вопроса“ заключалась именно не въ словахъ, а въ самомъ содержаніи „дрезденской резолюціи“. И въ этомъ легко убѣдиться при нѣкоторомъ вниманіи къ дѣлу. Если бы съѣздъ принялъ ихъ „поправку“, то вышло бы, что онъ въ своемъ отношеніи къ спорному вопросу соціалистической политики не пошелъ дальше парижскаго съѣзда; но послѣ всего того, что произошло за четыре года, отдѣлявшіе амстердамскій съѣздъ отъ парижскаго, и въ виду огромнаго вреда, который причиненъ былъ французскому соціализму неопредѣленностью принятаго въ Парижѣ рѣшенія, отказываться идти дальше значило отступать назадъ и прямо поощрять Жореса и комп. къ новымъ преступнымъ злоупотребленіямъ именемъ пролетаріата. Это было бы страшной, непоправимой ошибкой.

Представители революціонной соціалдемократіи хорошо поняли это, и, благодаря ихъ единодушнымъ и энергичнымъ усиліямъ, неумѣстная „поправка“ была отклонена въ комиссіи 24 голосами

противъ 16. Послѣ этого голосовали „дрезденскую резолюцію“. За нее было подано 29 голосовъ; противъ—3; 10 воздержалось. Такимъ образомъ, въ комиссіи споръ былъ разрѣшенъ въ пользу марксизма; но пока еще только въ комиссіи: окончательное рѣшеніе долженъ былъ вынести съѣздъ. Что, если бы онъ разошелся съ комиссіей и одобрилъ „поправку“ Адлера-Вандервельда? Тайные ученики Жореса всѣми силами старались перевести на свою сторону товарищей, воздержавшихся въ комиссіи отъ подачи голоса. Они надѣялись, что съ ихъ помощью имъ удастся отклонить „дрезденскую резолюцію“.

Прежде, чѣмъ говорить о томъ, къ чему привели эти отчаянныя усилія, и описывать то „обходное движеніе“, которое сдѣлалъ Анзееле противъ нѣкоторыхъ національныхъ делегацій, ясно обнаружившихъ свои революціонныя сочувствія, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ pro domo sua.

„Поправка“ Адлера-Вандервельда была не малой услугой международному оппортунизму. Я прямо говорю это теперь, какъ говорилъ и въ комиссіи. Но напрасно Адлеръ понялъ мои слова въ томъ смыслѣ, будто я обвинялъ его самого въ оппортунизмѣ. Я упрекалъ его только въ непослѣдовательности. Рѣшительно высказавшись въ комиссіи противъ тактики покойника Мильерана, Адлеръ не менѣе рѣшительно прибавилъ, что нынѣшняя тактика Жореса еще хуже, еще опаснѣе для пролетаріата, а заключилъ свою рѣчь неожиданнымъ заявленіемъ, что не хочетъ никого осуждать, такъ какъ никто изъ насъ не можетъ претендовать на непогрѣшимость. Я тогда не понялъ и до сей поры искренно недоумѣваю, какимъ образомъ преданный своему дѣлу соціалистъ,—а я никогда и ни на одну минуту не сомнѣвался въ томъ, что Адлеръ глубоко преданъ своему дѣлу,—можетъ отказаться осудить ту тактику, которую онъ самъ же находитъ вредной для пролетаріата. Если онъ не считаетъ себя въ правѣ осуждать, даже и въ этомъ случаѣ, то онъ, очевидно, держится евангельскаго правила: „не судите, да не судимы будете“. Но это правило,—проповѣдуемое нашими толстовцами,—хорошо развѣ только въ монастырѣ, а ужъ никакъ не въ средѣ людей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Въ своей рѣчи въ комиссіи,—рѣчи, которая, кстати сказать, была безбожно скомкана и исковеркана въ органѣ „лойяльнаго“ Жореса „Humanité“,—я выразилъ именно это свое недоумѣніе. Адлеръ, возражая мнѣ, не нашелъ нужнымъ разъяснить его, а

предпочелъ оправдываться отъ упрека въ оппортунизмѣ. Когда я крикнулъ ему, что я не дѣлалъ такого упрека, онъ отвѣтилъ, что я высказалъ его печатно. Но это невѣрно. Ни я, ни одинъ изъ сотрудниковъ „Искры" никогда не писалъ ничего подобнаго. Осенью прошлаго года въ статьѣ, посвященной общему съѣзду австрійской соціалдемократіи, я высказалъ сожалѣніе о томъ, что Адлеръ занимаетъ слишкомъ неопредѣленное положеніе въ спорѣ между ревизіонистами и марксистами. Я и теперь столь же глубоко сожалѣю объ этомъ. Но, во-первыхъ, такое сожалѣніе было бы невозможно, если бы я думалъ, что Адлеръ уже сдѣлался ревизіонистомъ. А, во-вторыхъ, умѣстно ли было поднимать въ комиссіи вопросъ о томъ, что писалъ и какъ именно писалъ я объ Адлерѣ чуть не за годъ до Амстердамскаго съѣзда? Нѣтъ, Адлеръ просто былъ раздраженъ,— можетъ быть, вслѣдствіе смутнаго недовольства своей „поправкой",—и это его раздраженіе обнаружилось какъ въ излишней мнительности, такъ и въ тѣхъ его неосторожныхъ словахъ, которыя дали мнѣ поводъ думать, что онъ,—не желающій никого осуждать, — выдвигаетъ противъ россійской соціалдемократіи бездоказательное обвиненіе. Именно онъ удивился, что энергичнѣе всего отстаиваютъ дрезденскую резолюцію представители Россіи и Франціи, т. е. именно тѣхъ странъ, гдѣ соціалисты наиболѣе расходятся между собой по вопросамъ тактики. Тогда я крикнулъ ему: „между нашими марксистами тактическихъ разногласій не существуетъ". На это онъ возразилъ: „Вамъ было очень легко достигнуть этого, выталкивая изъ партіи всѣхъ тѣхъ, которые не согласны съ вами". Этотъ отвѣтъ вызвалъ громкій и радостный смѣхъ присутствовавшихъ въ коммиссіи оппортунистовъ всѣхъ странъ; но такъ какъ изъ нашей партіи никто не былъ „вытолкнутъ" за свои мнѣнія, то я, встрѣтившись съ Адлеромъ на другой день въ засѣданіи Международнаго Бюро, предложилъ ему назвать мнѣ жертвы нашей нетерпимости. Онъ сказалъ, что ему совсѣмъ неизвѣстны такія жертвы и что его слова относились не къ намъ. Тогда я попросилъ его повторить это передъ комиссіей, на что онъ охотно согласился и что онъ исполнилъ въ тотъ же день. Я былъ удовлетворенъ, и я не сталъ бы возвращаться здѣсь къ этому непріятному эпизоду, если бы центральный органъ австрійской партіи,— занесшій въ свой отчетъ о засѣданіяхъ политической комиссіи тѣ слова Адлера, которыя были поняты мною въ вышеуказанномъ

смыслѣ обвиненія,—не умолчалъ о томъ, какъ объяснилъ ихъ Адлеръ въ той же комиссіи. Это умолчаніе вводитъ въ заблужденіе читателей вѣнской „Arbeiter-Zeitung“, и я обращаю на него вниманіе Адлера, которому легко будетъ поправить дѣло какими-нибудь пятью строками.

Теперь вернемся въ засѣданіе съѣзда. Усилія оппортунистовъ, пытавшихся отразить нашу атаку посредствомъ проведенія „поправки“ Вандервельда-Адлера, не остались безплодными. Уже утромъ рѣшительнаго, историческаго дня,—19 августа,—можно было замѣтить, что оппозиція противъ „дрезденской резолюціи“ возрастаетъ. Весь вопросъ былъ въ томъ, до чего она можетъ дорасти. Оппортунисты очень разсчитывали на ораторскій талантъ Жореса. Они много и горячо рукоплескали ему во время его рѣчи, а когда онъ кончилъ, сдѣлали ему настоящую овацію, при чемъ очень горячій восторгъ обнаружилъ возстающій противъ борьбы классовъ Киръ-Гарди, который, кстати сказать, ни слова не понимаетъ по-французски. Рыбакъ рыбака видитъ издалека... [1]).

Жоресъ во всемъ мірѣ извѣстенъ, какъ замѣчательный ораторъ. Своей „формой“ рѣчи, произнесенныя имъ въ Амстердамѣ, очень понравились даже многимъ марксистамъ. Я не былъ въ ихъ числѣ. Мнѣ нравится лишь то краснорѣчіе, которое аѳиняне называли „тощимъ“, противопоставляя его „жирному“ краснорѣчію восточныхъ народовъ. А у Жореса именно чрезвычайно „жирный“ ораторскій талантъ. Въ его рѣчахъ, украшенныхъ риторическими цвѣтами, не замѣтно крѣпкой мускулатуры логики. И этимъ недостаткомъ особенно сильно страдали рѣчи, произнесенныя имъ въ Амстердамѣ. Длинныя и широковѣщательныя, ноздреватыя и громкія, онѣ производили на меня почти комическое впечатлѣніе полнымъ несоотвѣтствіемъ очень бѣднаго содержанія съ крайне пышной формой. Послѣ второй его рѣчи въ комиссіи кто-то,—кажется Жиро-Ришаръ,—спросилъ меня, какъ я нахожу ее. Я отвѣтилъ, что я въ восторгѣ.—Въ самомъ дѣлѣ?—Честное слово! Да и нельзя мнѣ, марксисту, не восторгаться ею: вѣдь это самая лучшая изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ здѣсь противъ жоре-

[1]) Изъ лагеря нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ тоже было послано по адресу Жореса нѣсколько очень сердечныхъ рукоплесканій. Въ моей записной книжкѣ отмѣчено, какія именно мѣста его рѣчи вызвали эти рукоплесканія. Я готовъ подѣлиться этими отмѣтками съ „Революціонной Россіей“.

сизма.—Какъ же это такъ?—„Да очень просто. Во всей этой рѣчи нѣтъ ни одного слова о соціализмѣ. Это—рѣчь радикальнаго буржуа, горячо защищавшаго свою антиклерикальную программу и старающагося подкупить своихъ слушателей обѣщаніемъ микроскопическихъ соціальныхъ реформъ. Откровенно буржуазный Клемансо, навѣрно, говорилъ бы такъ же, какъ Жоресъ...“—„Клемансо показалъ бы себя болѣе передовымъ человѣкомъ,“—замѣтилъ стоявшій около насъ французскій товарищъ, должно быть, изъ марксистовъ. И онъ не ошибся: Клемансо говорилъ бы, въ самомъ дѣлѣ, радикальнѣе.

Этого недостатка своихъ амстердамскихъ рѣчей Жоресъ не могъ бы устранить, не переставъ быть Жоресомъ. Но былъ въ нихъ и другой недостатокъ, обусловленный той взволнованностью, почти растерянностью, которую обнаружилъ „великій трибунъ“. „Это самая несчастная изъ всѣхъ рѣчей, когда-либо имъ произнесенныхъ!“—воскликнулъ одинъ изъ его „тайныхъ учениковъ“, послѣ его рѣчи въ засѣданіи съѣзда. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ: эта рѣчь отличалась поразительной безтактностью, чтобы не сказать больше. Жоресъ вздумалъ обвинять германскую соціалдемократію... въ чемъ бы вы думали? Въ недостаткѣ революціонной энергіи! Этотъ упрекъ сдѣланъ былъ первосвященникомъ французскаго оппортунизма, человѣкомъ, который вдохновлялъ Миллерана, дружитъ съ Бернштейномъ, поддерживаетъ Туратти, и всегда готовъ протянуть братскую руку помощи всѣмъ антиреволюціоннымъ элементамъ всѣхъ соціалистическихъ партій всего цивилизованнаго міра! Это было и не умно, и безполезно, потому что только сердило нѣмцевъ и,—чего добраго!—могло сбить съ толку делегаціи, поддерживавшія Жореса именно за анти-революціонный характеръ его политической программы. C'était une grande gaffe! какъ говорятъ французы.

Нѣсколько болѣе ловкимъ, хотя столь же не „лойяльнымъ“ маневромъ „лойяльнаго“ Жореса былъ его упрекъ Бебелю и Гэду въ томъ, что они равнодушны къ республикѣ. Излишне пояснять читателю, имѣющему понятіе объ отношеніи марксистовъ къ политикѣ и знакомому съ дѣятельностью Гэда и Бебеля, что ни тотъ, ни другой вовсе не обнаруживали такого равнодушія. Бебель прямо сказалъ, что онъ завидуетъ французамъ, имѣющимъ республиканскія учрежденія. Но онъ напомнилъ Жоресу, что республика, существующая во Франціи, есть буржуазная республика, относящаяся къ требованіямъ рабочихъ иногда болѣе отри-

цательно, чѣмъ **даже** полу-феодальная германская имперія. Подобное напоминаніе могло быть непріятно для человѣка, который, подобно Жоресу, не перестаетъ славословить буржуазную республику и изображать, какъ великія и богатыя милости, тѣ жалкіе проекты жалкихъ соціальныхъ реформъ, съ помощью которыхъ французскіе буржуазные республиканцы убаюкиваютъ французскій пролетаріатъ; но это напоминаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ, и тутъ приходится сказать, какъ Крыловъ: „неча на зеркало пенять, коль рожа крива“. Что сдѣлала до сихъ поръ для рабочаго класса та республика, которая, въ лицѣ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ правителей своихъ, увѣряла, что вступленіе соціалиста въ буржуазное министерство **необходимо для ея спасенія**! Если не считать ничтожныхъ частностей, — безконечно малыхъ заплатъ на жалкомъ рубищѣ буржуазной „соціальной политики“,—то реформы, придуманныя правительствомъ „республиканской самообороны“, до сихъ поръ не вышли изъ области проектовъ и обѣщаній. И какихъ проектовъ, какихъ обѣщаній! Самымъ серьезнымъ изъ нихъ является обѣщаніе крохотныхъ,—поистинѣ нищенскихъ,—пенсій рабочимъ, достигшимъ 65-ти лѣтняго возраста. Но современное положеніе пролетаріата таково, что лишь самое незначительное число пролетаріевъ достигаетъ этого возраста, поэтому сознательные французскіе рабочіе чрезвычайно мѣтко прозвали сей изумительно великодушный проектъ проектомъ пенсій мертвецамъ. Такова была главная „реформа“, которую **обѣщала посулить** рабочему классу французская буржуазная республика и на которую чувствительно намекалъ краснорѣчивый Жоресъ, защищая свою тактику. Презрительно пожимая плечами по поводу такой щедрости,—поистинѣ достойной Плюшкина,—революціонные соціалдемократы отнюдь не защищаютъ монархіи: они только обнаруживаютъ нелѣпость той идеализаціи буржуазной республики, которой предаются Жоресъ и другіе сторонники „новаго метода“ [1]).

---

[1]) Страстная любовь къ **республикѣ** не мѣшаетъ Жоресу оставаться единомышленникомъ Бернштейна, республиканизмъ котораго показалъ себя **съ весьма сомнительной стороны** въ извѣстной полемикѣ прошлаго года,—и Туратти, который, въ свою очередь, такъ близокъ съ **королевскимъ** министромъ Джіолитти. Она не мѣшаетъ ему также быть въ наилучшихъ отношеніяхъ съ бельгійскими оппортунистами, взывавшими къ **безпристрастію короля** во время своей недавней борьбы за равное избирательное право. Въ этой кажущейся непослѣдова-

Марксъ давно и вполнѣ правильно сказалъ, что республика есть наиболѣе благопріятная для пролетаріата форма правленія, потому что въ ней достигаетъ наибольшаго развитія борьба этого класса съ буржуазіей. И этого, конечно, не позабыли ни Гэдъ, ни Бебель. Но если, при наличности капиталистическихъ производственныхъ отношеній, республика является однимъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ условій освобожденія рабочаго класса, то ясно, что буржуазная республика не можетъ быть въ глазахъ соціалиста цѣлью: она—только средство для достиженія цѣли: соціальной революціи. И именно потому, что буржуазная республика есть средство, а не цѣль, соціалисты обязаны критиковать ее для того, чтобы развивать революціонное самосознаніе рабочихъ. А Жоресъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ; онъ превращаетъ буржуазную республику изъ средства въ цѣль, и приходитъ въ забавное негодованіе, когда сторонники революціоннаго соціализма возстаютъ противъ такого превращенія.

Правда, Жоресъ также имѣетъ революціонныя симпатіи, но революція, пользующаяся его симпатіями, есть буржуазная французская революція конца восемнадцатаго вѣка. Этой революціей были исчерпаны революціонныя задачи цивилизованнаго человѣчества; рабочему классу остается добиваться только реформъ, развивая дальше основные принципы великой буржуазной революціи. Этотъ до нельзя ошибочный взглядъ былъ положенъ Французской Соціалистической Партіей въ основу своей программы, написанной Жоресомъ, и изображающей соціализмъ простымъ придаткомъ къ либерализму; и тѣмъ же взглядомъ подсказывались всѣ амстердамскія разсужденія Жореса. Но само собою понятно, что революціонная соціалдемократія не можетъ помириться съ этимъ взглядомъ, не подписавъ себѣ смертнаго приговора. Въ этомъ смыслѣ я и сказалъ въ первомъ очеркѣ, что въ Амстердамѣ споръ шелъ о томъ, быть или не быть революціонному соціализму.

Много трубилъ и отчасти еще трубитъ „лойяльный" Жоресъ на ту тему, будто Гэдъ объявилъ невозможнымъ умственное освобожденіе пролетаріата въ современномъ обществѣ. Но это опять не „лойяльный" пріемъ спора. Въ только что названномъ грѣхѣ

тельности есть своя желѣзная логика, которая состоитъ въ томъ, чтобы всегда и вездѣ подлаживаться къ существующему порядку!

Гэдъ также мало виновенъ, какъ и въ равнодушіи къ республикѣ [1]). Онъ только сказалъ, что отдѣленіе церкви отъ государства еще не избавитъ человѣчества отъ религіозныхъ предразсудковъ; въ доказательство онъ сослался на Америку, а потомъ прибавилъ, что полное освобожденіе человѣчества отъ этихъ предразсудковъ совершится только послѣ соціалистической революціи, когда рай будетъ устроенъ на землѣ, и когда людямъ не будетъ надобности мечтать о раѣ небесномъ. Эта послѣдняя мысль также давно уже была высказана Марксомъ, а теперь,—почти совсѣмъ на этихъ дняхъ,—была повторена въ резолюціи римскаго международнаго съѣзда свободныхъ мыслителей. Органъ Жореса „L'Humanité" крайне сочувственно встрѣтилъ римскую резолюцію; но онъ до сихъ поръ не можетъ примириться съ „сектантскимъ" взглядомъ Гэда. Чѣмъ объясняется эта разница? Только тѣмъ, что римскій съѣздъ дѣлалъ шумные комплименты главѣ нынѣшняго французскаго министерства Комбу, а Гэдъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей склонности къ этому занятію. О, „лойяльность"!

Почти передъ самымъ голосованіемъ нѣмецкая делегація предложила, съ согласія Соціалистической Партіи Франціи, замѣнить въ „дрезденской резолюціи" слово: „осуждаетъ" словомъ „отвергаетъ". Теперь „поправка" Адлера - Вандервельда теряла, повидимому, всякій смыслъ. Но въ томъ и дѣло, что „дрезденская резолюція" смущала оппортунистовъ вовсе не „осужденіемъ". При голосованіи за „поправку" Адлера-Вандервельда было подано столько же голосовъ, сколько и противъ нея. Счастье было такъ близко, такъ возможно! Перейди направо еще одна нація изъ числа колебавшихся, и для оппортунизма была бы приготовлена такая щель, черезъ которую онъ мало-по-малу опять втащилъ бы весь свой багажъ въ соціалистическую практику. Международные оппортунисты до сихъ поръ не могутъ утѣшиться и все ищутъ виноватаго. Недавно „La petite République" (органъ оппортуниста изъ оппортунистовъ Жиро-Ришара) обрушилась на Катаяму, находя, что ему слѣдовало ѣхать не въ Амстердамъ, а въ японскую дѣйствующую армію и драться съ русскими. Эта невѣроятная нелѣпость есть лишь новое, изуродованное изданіе соображенія,

[1]) Въ газетѣ Клемансо „L'Aurore" Гэдъ пояснилъ, что, говоря въ Амстердамѣ о республикѣ, онъ лишь повторилъ (приведенный мною выше) взглядъ Маркса, но „лойяльный" Жоресъ твердитъ свое: это ему выгодно.

высказанное въ Амстердамѣ Анзееле́мъ, который въ своей рѣчи 19 августа посовѣтовалъ представителямъ Японіи, Россіи, Польши, Болгаріи и Испаніи воздержаться отъ подачи голоса по вопросу о правилахъ соціалистической политики, такъ какъ, видите ли, въ этихъ странахъ слишкомъ мало развита политическая жизнь. Катаяма, Роза Люксенбургъ, я, болгаринъ Раковскій и испанецъ Иглезіасъ тотчасъ же по окончаніи рѣчи Анзееле обратились къ съѣзду съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ энергично протестовали противъ этой „попытки раздѣлить его участниковъ на активныхъ и пассивныхъ гражданъ и устроить нѣчто въ родѣ концерта великихъ державъ по вопросамъ, касающимся всего международнаго соціализма“. Въ центральномъ органѣ германской соціалдемократіи отмѣчено, что съѣздъ сочувственно отозвался на нашъ протестъ. Иначе и быть не могло: вѣдь, на съѣздѣ преобладали не оппортунисты, а революціонеры.

Что касается въ частности движенія россійскаго пролетаріата, мы можемъ сказать тов. Анзееле, что это движеніе,—какъ факторъ прогресса въ Россіи, а черезъ Россію, и во всей Европѣ,—несравненно важнѣе, чѣмъ тотъ картофель и тѣ ковриги хлѣба, которыми онъ, въ своемъ чрезмѣрномъ увлеченіи кооперативными товариществами, собирался когда-то „бомбардировать капиталистическое общество“. Qu'il se tienne pour averti!

Такъ какъ за поправку было подано столько же голосовъ, сколько и противъ нея, то она была отклонена. Вслѣдъ за ней очередь дошла до „дрезденской резолюціи“, которая и была принята большинствомъ 28 голосовъ противъ 5. Делегаціи Аргентинской республики, Бельгіи, Даніи, Швеціи, Голландіи и Швейцаріи воздержались отъ голосованія. Соціалистическая Гора побѣдила соціалистическую Жиронду, при чемъ многіе тайные ученики опять, какъ видимъ, покинули Жореса [1]).

Громкія, долго несмолкавшія рукоплесканія привѣтствовали эту побѣду международной революціонной соціалдемократіи надъ революціоннымъ оппортунизмомъ.

Кстати о ревизіонистскихъ стремленіяхъ, „отвергнутыхъ“

---

[1]) Воздержавшись отъ голосованія, голландская делегація нарушила постановленіе послѣдняго съѣзда голландской соц.-дем. партіи, рѣшившаго голосовать за дрезденскую резолюцію. Мнѣ извѣстно, впрочемъ, что меньшинство голландской делегаціи состояло изъ горячихъ сторонниковъ этой резолюціи.

бывшей дрезденской, а нынѣ амстердамской резолюціей. Эти стремленія проявились, какъ извѣстно, не только въ практической области, но также и въ области теоріи: достаточно напомнить литературную дѣятельность гг. Бернштейна и Давида. Наши „соціалисты-революціонеры", если не во всѣхъ, то въ очень многихъ и весьма существенныхъ отношеніяхъ сочувствовали теоретическимъ подвигамъ этихъ господъ. Какъ же могли они голосовать за „дрезденскую резолюцію"? Разрѣши, мудрый Эдипъ!

Послѣ того, какъ была принята въ комиссіи дрезденская резолюція, Бебель, Каутскій, Ферри, Адлеръ-Вандервельдъ и Трульстра предложили, какъ естественное добавленіе къ ней, резолюцію, гласящую, что въ каждой странѣ должна быть одна соціалистическая партія, подобно тому, какъ есть только одинъ пролетаріатъ. Г. Рубановичъ заявилъ по этому случаю, что онъ голосовалъ бы за объединеніе съ нами, если бы мы отмѣнили касающуюся соціалистовъ-революціонеровъ резолюцію нашего второго съѣзда. Этого заявленія его никто изъ иностранцевъ не понялъ и никто на него не обратилъ вниманія; не до него тогда было. Но неужели г. Рубановичъ вправду вообразилъ, что „резолюція объ единствѣ" хоть сколько-нибудь касается его партіи? Совсѣмъ же нѣтъ! Резолюція имѣетъ въ виду пролетарскія партіи, къ числу которыхъ „соц.-революціонеры", какъ это всѣмъ у насъ извѣстно, не принадлежатъ.

Единогласно принятая съѣздомъ резолюція объ единствѣ принесетъ большую пользу французскому пролетаріату. Жоресъ много лѣтъ, не переставая, кричалъ о необходимости объединенія; не угодно ли ему теперь объединиться съ партіей Гэда—Валльяна... на почвѣ амстердамской резолюціи, такъ рѣшительно отвергнувшей оппортунизмъ?

III.

(20 октября 1904 г., № 76) [1].

Разсмотрѣнію амстердамскаго съѣзда подлежало шесть очередныхъ вопросовъ:

1) Международныя правила соціалдемократической политики; 2) Колоніальная политика; 3) Эмиграція и иммиграція; 4) Всеобщая стачка; 5) Соціальная политика и страхованіе рабочихъ; 6) Трэсты и безработица.

Правда, вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи былъ, за неимѣніемъ времени и по предложенію Киръ-Гарди, отложенъ до слѣдующаго съѣзда, такъ что въ Амстердамѣ рѣшенія приняты были только по пяти остальнымъ вопросамъ. Но и эти пять вопросовъ настолько важны, что каждому изъ нихъ надо было бы посвятить отдѣльную статью: итого уже пять статей. А кромѣ того, амстердамскій съѣздъ принялъ не менѣе важное постановленіе по вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ. На немъ тоже полезно было бы остановиться: еще одна статья. Но на шесть статей у меня рѣшительно не хватитъ времени. Поэтому я подробно разсмотрю здѣсь только тотъ вопросъ, который по своему важному значенію для международнаго пролетаріата не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики: вопросъ о всеобщей стачкѣ. Остальныхъ же рѣшеній, принятыхъ въ Амстердамѣ, я, по необходимости, коснусь только въ немногихъ словахъ.

Прежде всего я приведу рѣшеніе, касающееся женщинъ. Вотъ оно:

---

[1]) Спѣшу отмѣтить здѣсь, что въ мою вторую статью объ Амстердамскомъ съѣздѣ, по ошибкѣ корректора, закралась опечатка, которую мнѣ хотѣлось бы исправить. Именно, въ рукописи я употребилъ выраженіе: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива", давъ понять, что я употребляю его вслѣдъ за Гоголемъ. Въ печати оно оказалось приписаннымъ Крылову. Моей вины тутъ нѣтъ.

„Въ той борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ за всеобщее и равное право прямой и тайной подачи голоса при выборахъ въ парламенты и въ общинные совѣты, соціалистическія партіи должны выставлять требованіе права голоса также для женщинъ; онѣ должны поддерживать это требованіе въ своей принципіальной пропагандѣ и энергично защищать его“.

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ привлекательныхъ сторонъ революціоннаго движенія въ Россіи было до сихъ поръ сознательное участіе въ немъ многихъ женщинъ. Имена С. Бардиной, В. Засуличъ и С. Перовской смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ наиболѣе прославившимися въ нашемъ движеніи мужскими именами. Уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка передовые люди нашей интеллигенціи свободны были отъ буржуазныхъ взглядовъ на „призваніе женщины“. Знаменитые въ исторіи нашей страны шестидесятые и семидесятые годы еще болѣе сдѣлали для разрушенія этихъ узкихъ взглядовъ. И, хотя, въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ мы въ этомъ отношеніи,—какъ и во многихъ другихъ,—довольно сильно попятились назадъ, но все-таки у насъ даже въ откровенно буржуазной средѣ нерѣдко смотрятъ на женскій вопросъ разумнѣе, чѣмъ въ такой же средѣ на Западѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать, почему это такъ, а не иначе. Я хочу только обратить вниманіе россійскихъ революціонеровъ-рабочихъ на то, что они должны слѣдовать въ этомъ вопросѣ прекрасному примѣру нашей интеллигенціи. Они должны съ презрѣніемъ отвергнуть, какъ недостойный сознательныхъ пролетаріевъ, тотъ нелѣпый взглядъ, согласно которому женщина есть какъ бы низшее существо сравнительно съ мужчиной: „Баба не человѣкъ“. Сама экономія нынѣшняго общества, все болѣе и болѣе превращая женщину въ предметъ капиталистической эксплоатаціи, все болѣе и болѣе дѣлаетъ работницу товарищемъ работника. Теперь у насъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, есть цѣлыя отрасли промышленности, въ которыхъ число женщинъ, работающихъ по найму, не меньше, а иногда и больше числа мужчинъ. Этихъ женщинъ непремѣнно и какъ можно скорѣе надо вовлечь въ освободительное движеніе международнаго пролетаріата. Но на знамени этого пролетаріата написано, какъ извѣстно, равенство правъ всѣхъ людей, независимо отъ національности и пола. Поэтому, привлекая работницъ къ участію въ борьбѣ съ капиталомъ, работники должны добиваться для нихъ тѣхъ же правъ, какихъ

добиваются для самихъ себя. Если сознаніе этой обязанности иногда затемняется у соціалдемократическихъ пролетаріевъ той или другой страны,—какъ это видно изъ примѣра бельгійской рабочей партіи, которая въ своей недавней борьбѣ за всеобщее избирательное право требовала его только для мужчинъ,— то это объясняется вреднымъ вліяніемъ оппортунизма, очень сильнаго въ Бельгіи и всегда готоваго забыть основные соціалистическіе принципы ради успѣха данной минуты. Но въ нашей соціалдемократіи вліяніе оппортунизма равно нулю; и это даетъ намъ новое основаніе надѣяться, что сознательные пролетаріи Россіи не повторятъ ошибки своихъ бельгійскихъ товарищей.

Переходя къ вопросу о трэстахъ, я замѣчу, что онъ разсматривался уже на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., но, по желанію американской Socialist Labor Party (Соціалистической Рабочей Партіи), его въ нынѣшнемъ году снова поставили ен очередь. И неудивительно, что наши американскіе товарищи интересуются имъ особенно сильно: нигдѣ трэсты не достигли такого колоссальнаго развитія и нигдѣ они не пріобрѣли такого рѣшительнаго вліянія на экономическую и политическую жизнь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Эта быстро развивающаяся страна есть классическая страна трэстовъ.

Было время, когда буржуазія энергично боролась съ феодальными монополіями, отстаивая свободу конкурренціи. На почвѣ этой борьбы выросло убѣжденіе буржуазныхъ экономистовъ въ томъ, что конкурренція составляетъ душу современной экономической жизни („competition is the life of industry"). Но діалектика буржуазнаго общества такова, что,—какъ на это указалъ еще Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи",—конкурренція, устранившая феодальныя монополіи, сама роковымъ образомъ создаетъ монополію. И наиболѣе яркимъ, наиболѣе поучительнымъ примѣромъ его новѣйшей монополіи служатъ трэсты. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ они господствуютъ, почти всецѣло находятся въ рукахъ немногихъ чудовищно богатыхъ капиталистовъ, настоящихъ „королей", по своему усмотрѣнію распоряжающихся производствомъ. И не только производствомъ. Руководители трэстовъ становятся господами также и въ области сбыта, властно диктуя свои условія потребителямъ. Въ виду всего этого неудивительно, что трэсты сильно возбуждаютъ противъ себя „общественное мнѣніе" всей мелкой буржуазіи, настойчиво требующей отъ государства законодательныхъ мѣръ для

борьбы съ ихъ тираннiей. Но это требованiе мелкой буржуазiи имѣетъ консервативный или даже реакцiонный характеръ. Остановить развитiе трэстовъ значило бы—если бы можно было остановить его,—задержать экономическое развитiе всего современнаго общества. Вотъ почему соцiалистическiй пролетарiатъ всѣхъ странъ рѣшительно отвергаетъ это мелко-буржуазное требованiе. По его мнѣнiю, дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ новѣйшей монополiей можетъ служить только переходъ въ общественную собственность организованныхъ трэстами колоссальныхъ предпрiятiй. „Нашимъ боевымъ крикомъ должна быть революцiя, а не реформа,—писалъ, напримѣръ, даже оппортунистъ Гейлордъ Уильшайръ въ iюлѣ 1902 г.,—мы требуемъ нацiонализацiи промышленности". Совершенно въ томъ же смыслѣ высказался парижскiй международный съѣздъ 1900 года. Наконецъ, совершенно тѣмъ же духомъ проникнуто и рѣшенiе амстердамскаго съѣзда, гласящее, что „соцiалдемократическiя партiи всѣхъ странъ никоимъ образомъ не должны участвовать въ попыткахъ мѣшать образованiю трэстовъ или задерживать ихъ развитiе" и что усилiя этихъ партiй „должны быть направлены къ соцiализацiи производства въ цѣляхъ общаго блага и уничтоженiя прибыли" [1]).

Амстердамскiй съѣздъ призналъ—да и нельзя этого не признать — что трэсты обостряютъ существующее въ нынѣшнемъ обществѣ противорѣчiе между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Но отъ него было далеко всякое стремленiе сгладить это противорѣчiе, „притупить" его. Нѣтъ, онъ указалъ на это обостряющееся противорѣчiе, какъ на точку опоры для революцiонной дѣятельности, объявивъ, что, такъ какъ трэсты являются угрозой профессiональнымъ организацiямъ пролетарiата, то „рабочiе всего мiра должны противопоставить капиталистамъ свою организованную силу,—нацiональную и международную,—какъ единственное оружiе противъ капиталистической эксплоатацiи и единственное средство уничтожить буржуазное общество, замѣнивъ его соцiалистическимъ".

Гегель говаривалъ: „Der Widerspruch ist das Fortleitende" (противорѣчiе ведетъ впередъ). Эта мысль великаго философа лежитъ въ основѣ всей „соцiальной политики" пролетарiата. Хотя въ средѣ этого класса и немного можно найти людей, знакомыхъ съ философiей Гегеля, но чѣмъ яснѣе сознаетъ онъ свое

---

[1]) Это рѣшенiе напечатано вмѣстѣ съ другими въ № 72 „Искры".

революціонное историческое призваніе, тѣмъ тверже становится его убѣжденіе въ томъ, что залогъ его побѣды заключается не въ „притупленіи“, а именно въ обостреніи свойственныхъ нынѣшнему обществу противорѣчій. И въ этомъ состоитъ главнѣйшая отличительная черта его „соціально-политическаго“ взгляда отъ взгляда мелкой буржуазіи, которая неудержимо и непрестанно стремится „смягчать“ и „притуплять“. Мелкая буржуазія консервативна по своему существу, хотя она,—при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ,—способна проникнуться, нѣкоторыми, правда, чрезвычайно поверхностными революціонными стремленіями.

Припомните, читатель, нашихъ народниковъ съ ихъ толками о томъ, что у насъ надо остановить развитіе капитализма, „закрѣпить общину“, упрочить старые „устои“ и такъ дальше, и судите сами о томъ, въ какой мѣрѣ „идеалы“ этихъ добрыхъ, но неразумныхъ людей выражали собой революціонныя идеи нашего времени. Охотно предоставляю вамъ судить и о томъ, насколько революціонны нынѣшнія попытки гг. „соціалистовъ-революціонеровъ“ воскресить народническіе „идеалы“.

Разъ заговоривъ о „соціальной политикѣ“ пролетаріата, естественно упомянуть о рѣшеніи, принятомъ въ Амстердамѣ по вопросу, „соціально-политическій“ характеръ котораго сказался даже въ его формулировкѣ, т. е. по вопросу о соціальной политикѣ и о страхованіи рабочихъ. Сущность этого рѣшенія сводится къ требованію „такихъ учрежденій, которыя по возможности предотвращали бы болѣзни, несчастные случаи и инвалидность [1]) рабочихъ и,—примѣненіемъ законовъ объ обязательномъ страхованіи,—обезпечивали бы имъ право полученія средствъ, достаточныхъ для существованія и пользованія врачебной помощью въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь, несчастный случай, инвалидность, старость, беременность, роды или безработица лишатъ ихъ возможности пользоваться своей рабочей силой“. По поводу этого требованія возникла очень интересная полемика въ германской соціалдемократической печати. Нечего и говорить, что германскіе соціалдемократы единогласно признаютъ необходимость такихъ законовъ, которые по возможности ограждали бы здоровье и рабочую силу пролетаріата; еще „старый интернаціоналъ“ вполнѣ основательно находилъ, что законы этого рода,

[1]) Т. е. утрату рабочей силы.

улучшая матеріальное положеніе рабочаго класса, въ то же время нимало не ставятъ его въ зависимость по отношенію къ буржуазному государству. Но что касается собственно страхованія рабочихъ, то лѣвое крыло германской соціалдемократіи недовѣрчиво относится ко всѣмъ проектамъ, предполагающимъ усиленіе государственнаго вліянія въ этой области. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ амстердамскаго съѣзда строго-марксистская «Leipziger Volkszeitung» („Лейпцигская Народная Газета“) писала, что государственное страхованіе рабочихъ отъ безработицы способно подорвать значеніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и тѣмъ ослабить освободительное движеніе пролетаріата. Вслѣдствіе этого, мѣра, полезная съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ этого класса, можетъ показаться вредной съ точки зрѣнія его конечной цѣли: полнаго освобожденія его отъ ига капитала. И это справедливо. А такъ какъ соціалдемократы, отстаивая ближайшіе интересы рабочаго класса, обязаны въ то же время не упускать изъ виду будущность его освободительнаго движенія, то необходимо признать, что опасенія, высказанныя «Leipziger Volkszeitung», заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны всей революціонной соціалдемократіи. Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что всѣ и всякіе проекты страхованія рабочихъ отъ безработицы должны быть осуждены разъ на всегда. Мнѣ только хочется замѣтить, что при оцѣнкѣ проектовъ этого рода,—какъ и всѣхъ вообще проектовъ, относящихся къ области „соціальной политики“,—мы всегда должны помнить, что мы имѣемъ право поддерживать ихъ только въ томъ случаѣ, если они не увеличиваютъ зависимости рабочихъ отъ государственной власти. Помнить это особенно полезно намъ, соціалдемократамъ той страны, гдѣ „передовая“ интеллигенція, несмотря на свое стремленіе къ почти анархической „свободѣ“,—а очень можетъ быть, именно благодя ему,—не рѣдко со большой настойчивостью добивалась расширенія опеки нашего полицейскаго государства надъ производителями.

Вопросъ объ отношеніи международной соціалдемократіи къ колоніальной политикѣ современныхъ капиталистическихъ странъ тѣсно связанъ съ разсмотрѣннымъ мною въ предыдущей статьѣ знаменитымъ вопросомъ о международныхъ правилахъ соціалистической политики. До послѣдняго времени соціалдемократы всѣхъ странъ считали своей несомнѣнной обязанностью противиться всѣмъ колоніальнымъ затѣямъ алчной

буржуазіи и всѣмъ государственнымъ издержкамъ на колоніи. Но „ревизіонизмъ“ и здѣсь явился противникомъ старой революціонной „догмы“. Г. Бернштейнъ уже лѣтъ шесть тому назадъ пытался убѣдить своихъ соціалдемократическихъ читателей, что возставать противъ буржуазной колоніальной политики значитъ идти въ разрѣзъ съ требованіями цивилизаціи. Но уже парижскій съѣздъ 1900 г. своимъ рѣшеніемъ по вопросу о колоніальной политикѣ показалъ, что международная соціалдемократія продолжаетъ иначе смотрѣть на это дѣло. Амстердамскій съѣздъ высказался не менѣе ясно и рѣшительно. Онъ рѣзко осудилъ „капиталистическую эксплоатацію непрерывно расширяющихся колоніальныхъ владѣній“ и громко высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что она, подвергая населеніе колоній тяжелому и нерѣдко кровавому гнету, вмѣстѣ съ тѣмъ, не приноситъ ему ничего, кромѣ усиленія его бѣдствій. Согласно принятому съѣздомъ рѣшенію, пролетаріатъ долженъ стремиться къ полной эмансипаціи колоній. И это рѣшеніе, вполнѣ достойное современнаго международнаго соціализма, является новымъ пораженіемъ оппортунистовъ.

А всеобщая стачка?

Я сказалъ, что вопросъ о ней по своей важности не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики. И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Если въ Амстердамѣ о ней спорили не такъ долго и,—главное,—не такъ страстно, какъ о „дрезденской резолюціи“, то это произошло потому, что намъ, лѣвому крылу соціалдемократіи, нельзя подойти ни къ одному вопросу революціонной тактики, не покончивъ предварительно съ „ревизіонизмомъ“, отвергающимъ почти всякую мысль о соціальной революціи. Будущимъ международнымъ съѣздамъ много придется толковать о всеобщей стачкѣ: вопросъ о ней дѣлается тѣмъ насущнѣе, чѣмъ могущественнѣе становится освободительное движеніи пролетаріата. Это неоспоримо, и это всѣ чувствуютъ. Но напрасно гг. анархисты умозаключаютъ отсюда, что революціонный пролетаріатъ все болѣе и болѣе будетъ усваивать себѣ анархическую тактику. Совсѣмъ напротивъ! Обстоятельное обсужденіе вопроса о всеобщей стачкѣ ясно покажетъ революціонному пролетаріату, какъ утопично и какъ несостоятельно анархическое представленіе о ней. И чѣмъ правильнѣе будетъ смотрѣть этотъ пролетаріатъ на

всеобщую стачку, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ онъ осуждать теорію и практику анархистовъ.

Въ глазахъ анархистовъ, всеобщая стачка имѣетъ смыслъ— только какъ средство совершить соціальную революцію. „Въ виду того, что она (всеобщая стачка) потребуетъ огромныхъ жертвъ,—говоритъ Э. Жиро въ своей брошюрѣ «La grève générale révolution»,—мы можемъ признать ее только ради полной революціи (avec ses fins de totale révolution). А для того, чтобы примѣненіе этого средства не было заранѣе осуждено на неудачу, она не должна быть „политической стачкой“. Тотъ же Э. Жиро въ той же брошюрѣ рѣшительно отвергаетъ всеобщую „политическую стачку“, называя ее средствомъ „одурачeнія“ рабочихъ. Онъ полагаетъ, что сторонники такой стачки всегда представляютъ ее себѣ, какъ мирную стачку на законномъ основаніи, какъ стачку „скрещенныхъ рукъ“; а онъ, „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами“, одобряетъ только „экономическую, революціонную, насильственую“ всеобщую стачку. Прибавлю къ этому, что, по мнѣнію Э. Жиро, сторонники революціонной всеобщей стачки не должны сочувствовать и политической борьбѣ рабочаго класса въ современномъ обществѣ; онъ совѣтуетъ совсѣмъ оставить политику („Pas de politique“), сожалѣя лишь, что въ нынѣшнихъ профессіональныхъ союзахъ французскихъ рабочихъ (въ „синдикатахъ“), немного найдется людей, въ самомъ дѣлѣ слѣдующихъ этому совѣту [1]).

Эти взгляды основаны по большей части на самыхъ вопіющихъ недоразумѣніяхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о всеобщей стачкѣ, полезно вспомнить, что представляетъ собою стачка обыкновенная.

Извѣстно, что стачкой называется коллективный отказъ отъ работы рабочихъ одного, нѣсколькихъ или многихъ капиталистическихъ предпріятій. Слѣдовательно, стачка предполагаетъ буржуазныя отношенія производства: она предполагаетъ, что при обычномъ ходѣ дѣлъ рабочая сила выносится на рынокъ, какъ товаръ. И состоитъ она въ томъ, что этотъ обычный ходъ дѣлъ нарушается: товаръ вступаетъ въ борьбу съ покупателемъ. Но онъ не перестаетъ быть товаромъ, потому что для него побѣда означаетъ не болѣе, какъ повышеніе его цѣны. Значитъ, стачка предполагаетъ не

---

[1]) См. 47 стр. названной брошюры.

только существованіе капиталистическихъ отношеній производства; она предполагаетъ также продолженіе ихъ существованія. Стачка есть одинъ изъ способовъ классовой борьбы на основѣ нынѣшняго порядка вещей. Это очевидно. Революція же, къ которой стремится сознательный пролетаріатъ, должна устранить этотъ порядокъ: замѣнить капиталистическія отношенія производства соціалистическими, при которыхъ рабочая сила уже не будетъ товаромъ. Какимъ же образомъ эта замѣна можетъ явиться результатомъ такого способа борьбы, который предполагаетъ существованіе и продолженіе существованія буржуазнаго порядка? Чтобы совершить эту революцію, одной стачки, хотя бы и всеобщей, недостаточно: пролетаріату нужно не только отказаться продавать свою рабочую силу, но и обратить въ общественную собственность средства производства, принадлежащія теперь капиталистамъ. Это тоже очевидно, и это признаетъ, „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами", и Э. Жиро, рѣзко осуждающій стачку „скрещенныхъ рукъ." Но обращеніе средствъ производства выходитъ далеко за предѣлы того дѣйствія,—лучше было бы сказать: того отсутствія дѣйствія,—которое называется стачкой: чтобы „экспропріировать экспропріаторовъ", пролетаріату необходимо сломить сопротивленіе господствующихъ классовъ, т. е. разбить ихъ политическую силу и организовать такую защиту новаго экономическаго порядка, которая была бы способна подавить всякія попытки капиталистической контръреволюціи. Стало быть, „экономическая, революціонная, насильственная" всеобщая стачка можетъ привести къ своей цѣли, т. е. къ соціальной революціи только тогда, когда она будетъ сопровождаться цѣлымъ рядомъ политическихъ дѣйствій. А изъ этого слѣдуетъ, что стремиться придать „стачкѣ-революціи" исключительно экономическій характеръ—значитъ не понимать ея задачи и способствовать ея крушенію. Анархическое представленіе о ней, будучи усвоено пролетаріатомъ, привело бы его къ жесточайшей неудачѣ. Оно вредно для пролетаріата, и поэтому онъ будетъ тѣмъ меньше расположенъ къ его усвоенію, чѣмъ больше разовьется его самосознаніе.

„Стачка-революція" должна имѣть политическій характеръ. Но этого мало. Тотъ рядъ политическихъ дѣйствій, отсутствіе ко-

тораго осудило бы пролетаріатъ на пораженіе, предполагаетъ высокую степень политическаго воспитанія этого класса. А его политическое воспитаніе немыслимо безъ планомѣрной и постоянной политической борьбы его со своими врагами, на основѣ нынѣ существующихъ общественныхъ отношеній. А это еще разъ доказываетъ, что тотъ, кто видитъ во всеобщей стачкѣ такое средство, признаніе котораго должно вести насъ къ отрицанію „политики", не имѣетъ понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣха „стачки-революціи." Если анархистъ Э. Жиро сожалѣетъ о томъ, что въ синдикатахъ Франціи мало встрѣчается рабочихъ, слѣдующихъ девизу: „долой политику," то мы, соціалдемократы, видимъ въ этомъ проявленіе здраваго смысла пролетаріата и новое ручательство за то, что, чѣмъ яснѣе будетъ становиться классовое самосознаніе рабочихъ, тѣмъ рѣшительнѣе отвернутся они отъ анархизма. Въ настоящее время анархисты пользуются извѣстнымъ вліяніемъ во французскихъ синдикатахъ единственно потому, что политическіе подвиги Мильерана, Жореса и компаніи оттолкнули часть французскаго пролетаріата отъ соціализма. Но нашимъ французскимъ товарищамъ нетрудно будетъ показать ему, опираясь на рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, что революціонный международный соціализмъ не имѣетъ ничего общаго съ мелкобуржуазной политикой оппортунистовъ. И тогда всѣ французскіе рабочіе, борющіеся съ буржуазіей, поймутъ, что у всякаго класса должна быть своя политика, опредѣляемая его классовыми интересами, и что, если политика мелкобуржуазныхъ оппортунистовъ вредитъ интересамъ пролетаріата, то это совершенно естественно и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить ему достаточнымъ основаніемъ для отказа отъ своей собственной классовой политики.

Пока пролетаріатъ боролся подъ революціоннымъ знаменемъ буржуазіи; пока онъ ограничивался ниспроверженіемъ „враговъ своихъ враговъ", пока онъ не задумывался о своемъ собственномъ дѣлѣ или едва только начиналъ задумываться о немъ,—тогда у него не было большой надобности въ организаціи: прогнать Карла X парижскіе рабочіе могли и не объединившись предварительно въ прочные союзы. Но, чтобы добиться политическаго господства и, опираясь на него, произвести коренную перемѣну въ производственныхъ отношеніяхъ; чтобы совершить соціалистическую революцію,—пролетаріатъ непремѣнно долженъ быть хорошо организованъ. Поэтому, если мы допускаемъ, что путь къ соціа-

листической революціи идетъ черезъ всеобщую стачку, то мы должны предположить, что пролетаріатъ прочно организованъ не только въ политическую партію, но и въ профессіональные союзы. Кто надѣется, что „стачка-революція“ можетъ быть совершена даже неорганизованнымъ или плохо организованнымъ пролетаріатомъ, тотъ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“ носится въ области фантазіи. Анархисты всегда любили гулять въ этой области. Въ послѣдніе годы они, правда, старались кое-гдѣ,—и особенно во Франціи,—сблизиться съ профессіональными рабочими союзами. Но, по пословицѣ: горбатаго исправитъ могила — они все-таки не перестали быть утопистами до мозга костей. Утопическій взглядъ на общественную жизнь красной нитью проходитъ черезъ всѣ ихъ разсужденія о всеобщей стачкѣ. Такъ, хотя Э. Жиро убѣжденъ, что профессіональные союзы должны явиться тѣмъ рычагомъ, съ помощью котораго пролетаріатъ разрушитъ міръ буржуазной эксплоатаціи и создастъ міръ общественной гармоніи, но условія успѣха „стачки-революціи“ представляются ему въ фантастическомъ освѣщеніи. Правильно указавъ на то, что прекращеніе перевозочной дѣятельности чрезвычайно сильно способствовало бы остановкѣ всего производительнаго механизма современнаго общества, онъ прибавляетъ, что остановить перевозку можно и не дожидаясь рѣшенія союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, такъ какъ двѣ тысячи энергичныхъ людей могутъ въ какихъ-нибудь двѣнадцать часовъ остановить движеніе по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ. [1]) При такомъ упрощенномъ взглядѣ задача организаціи рабочихъ массъ неизбѣжно должна потерять значительную долю своей важности въ глазахъ анархистовъ, и естественно поэтому, что анархисты готовы чуть не во всякую данную минуту призывать рабочихъ ко всеобщей стачкѣ. Естественно также, если соціалдемократы находятъ, что анархическая пропаганда всеобщей стачки скорѣе препятствуетъ дѣлу организаціи пролетаріата, чѣмъ способствуетъ ему.

Ради безпристрастія надо замѣтить, однако, что не однимъ анархистамъ свойственно утопическое представленіе о всеобщей стачкѣ. На пятомъ съѣздѣ французскихъ рабочихъ союзовъ, состоявшемся въ Марсели въ октябрѣ 1893 г., принятъ былъ „принципъ“ всеобщей стачки, которая опредѣлялась, какъ одновремен-

---

[1]) См. названную брошюру, стр. 40.

ная всеобщая (universelle) пріостановка производства во всѣхъ его отрасляхъ. Но воображать себѣ всеобщую стачку, какъ одновременное прекращеніе работы рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ производства, значитъ обѣими ногами становиться на почву утопій [1]); мы никогда не добьемся дѣйствительно всеобщей остановки наемной работы; да намъ и не нужно добиваться ея; всеобщая стачка дастъ все, что можетъ дать, при условіи забастовки въ главнѣйшихъ отрасляхъ производства и передвиженія товаровъ. Утопическое опредѣленіе всеобщей стачки принято было въ Марсели подъ сильнымъ вліяніемъ Ар. Бріана, играющаго теперь видную роль между французскими оппортунистами, и это показываетъ, что оппортунистическія наклонности не исключаютъ болѣе или менѣе искренней симпатіи къ утопизму. Во время преній о всеобщей стачкѣ на амстердамскомъ съѣздѣ Бріанъ самъ призналъ нелѣпой мысль о „всеобщей, абсолютной" забастовкѣ и негодовалъ на тѣхъ, которые приписываютъ ему эту мысль. Но мы видимъ, что противники г. Бріана не такъ неправы, какъ это могло бы показаться.

Амстердамскій съѣздъ обязанъ былъ предостеречь рабочій классъ отъ утопическаго взгляда на всеобщую стачку, проповѣдуемаго, главнымъ образомъ, анархистами. Онъ такъ и поступилъ. Съ этой стороны рѣшеніе, принятое съѣздомъ и предложенное голландской соц.-дем. партіей, болѣе удачно, чѣмъ рѣшеніе, предлагавшееся Аллеманомъ, и даже чѣмъ то, которое Соціалистическая Партія Франціи приняла на своемъ съѣздѣ въ Лиллѣ,—состоявшемся за нѣсколько дней до амстердамскаго съѣзда,—и которое она хотѣла провести на этомъ послѣднемъ. И въ виду этой стороны голландскаго проекта ему можно было простить его недостатокъ.

Недостатокъ его пока еще лишенъ практическаго значенія; я укажу на него лишь въ интересахъ теоріи.

Въ конституціонныхъ странахъ пролетаріатъ имѣетъ права, позволяющія ему умножать свои силы и увеличивать свое вліяніе, не покидая конституціонной почвы. Но тотъ самый фактъ, что эти его права позволяютъ ему организоваться и усиливаться, оставаясь на почвѣ закона, заставляетъ его враговъ задумываться

---

[1]) Ср. мое открытое письмо въ ред. „Mouvement socialiste", напечатанное въ №№ 137—138 этого изданія. Тамъ я говорю, между прочимъ, и о значеніи нашихъ „всеобщихъ стачекъ" 1903 г.

о томъ, нельзя-ли отнять у него эти права, пока еще не поздно, т. е. пока еще онъ не имѣетъ политической **власти**. Въ Германіи буржуазные органы уже поговариваютъ объ этомъ, и примѣръ Саксоніи, гдѣ законъ, опредѣляющій права выбора въ ландтагъ, былъ недавно измѣненъ въ пользу господствующихъ классовъ, показываетъ, что при подходящихъ обстоятельствахъ германскіе охранители не станутъ церемониться съ пролетаріатомъ [1]). И, чѣмъ болѣе сильнымъ становится германскій пролетаріатъ, тѣмъ насущнѣе дѣлается вопросъ, чѣмъ и какъ будетъ онъ защищаться, если охранители сдѣлаютъ указанное нападеніе на него. Разумѣется, если бы рабочіе были въ состояніи противопоставить **насилію** вооруженную силу, то вопросъ рѣшался бы самъ собою. Но въ томъ-то и дѣло, что уличное столкновеніе рабочихъ съ войскомъ очень скоро окончилось бы теперь кровавымъ торжествомъ „порядка“. Такъ думаютъ всѣ сознательные пролетаріи Германіи. Что же дѣлать? Идеологи пролетаріата указываютъ на всеобщую, точнѣе на **массовую** стачку, какъ на выходъ изъ затрудненія. Массовая стачка позволитъ пролетаріату избѣжать столкновеній съ войсками, а въ то же время она внесетъ такое разстройство въ ряды непріятеля, что онъ вынужденъ будетъ отступить, если не положитъ оружія. Именно въ этомъ смыслѣ амстердамская резолюція говоритъ, что всеобщая стачка „можетъ послужить крайнимъ средствомъ для того, чтобы добиться крупныхъ общественныхъ перемѣнъ или отразить реакціонныя покушенія на права рабочихъ“.

Что же представляетъ собою всеобщая стачка, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія? **Суррогатъ вооруженнаго сопротивленія власти.** Въ качествѣ такого суррогата ее и рекомендовалъ пролетаріату амстердамскій съѣздъ. И въ этомъ

---

[1]) Въ „демократической“ французской республикѣ о подобномъ coup d'état задумываются развѣ только сумасбродные „націоналисты“; благоразумному буржуа онъ показался бы несбыточнымъ. Но такое благоразуміе обусловливается неблагопріятнымъ для политической реакціи соотношеніемъ общественныхъ силъ, а вовсе не убѣжденіемъ буржуазіи въ святости правъ пролетаріата. Послѣдовательнымъ буржуазнымъ идеологамъ права эти—бѣльмо на глазу, какъ это показалъ, между прочимъ, второй международный философскій съѣздъ, происходившій въ первыхъ числахъ сентября въ Женевѣ. Съѣздъ этотъ начался превознесеніемъ **идеалистической философіи**, а закончился **теоретическимъ заговоромъ противъ всеобщаго избирательнаго права**,—заговоромъ, въ которомъ французскіе „философы“ принимали самое горячее участіе.

смыслѣ слѣдуетъ понимать ее при оцѣнкѣ амстердамскаго рѣшенія.

Анархисты увидятъ въ этомъ рѣшеніи новое доказательство отсутствія у международной соціалдемократіи революціонной энергіи [1]). Но мы имъ возразимъ, что идея всеобщей стачки, какъ суррогата возстанія,—идея „стачки скрещенныхъ рукъ"—свойственна далеко не однимъ соціалдемократамъ. Передо мной лежитъ брошюра: „Grève générale rèformiste et grève générale révolutionnaire", которая издана „комиссіей стачекъ и всеобщей стачки", состоящей при французской Confédération générale du travail. Сочувствіе автора—или авторовъ,—этой брошюры безраздѣльно лежитъ на сторонѣ революціонной стачки; между тѣмъ, посмотрите, какъ онъ заканчиваетъ свое произведеніе. Онъ говоритъ (стр. 23 второго изданія), что возстаніе было бы „безуміемъ, конечно, героическимъ, но осужденнымъ на роковую неудачу". На слѣдующей страницѣ онъ повторяетъ, что „уличная война съ оружіемъ въ рукахъ отжила свой вѣкъ", и что при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе осуществимаго средства, чѣмъ всеобщая стачка: „Чего проще! Отказаться работать на эксплоататора... Убить старое общество бездѣйствіемъ рабочихъ, и на навозной кучѣ капитализма дать возможность (разцвѣсти) коммунистическому обществу и т. д." Что это, какъ не „стачка скрещенныхъ рукъ"? И что это, — прибавлю мимоходомъ,—какъ не утопическое представленіе о соціалистической революціи, являющейся въ результатѣ „бездѣйствія", т. е. отказа пролетаріевъ продавать капиталистамъ свою рабочую силу? Въ примѣненіи къ такой стачкѣ до сихъ поръ остается вѣрнымъ полушутливое, полусерьезное опредѣленіе Ауэра: „всеобщая стачка—всеобщее бездѣйствіе—всеобщая безсмыслица"...

Я могъ бы привести еще очень много выписокъ такого же содержанія, но это не нужно. Всѣмъ, слѣдящимъ за рабочимъ движеніемъ, извѣстно, что убѣжденіе въ невозможности вооруженнаго возстанія раздѣляется теперь даже многими анархическими сторонниками „революціонной стачки". Это убѣжденіе и подготовило почву для распространенія мысли о всеобщей стачкѣ между тѣми пролетаріями, которые не могутъ успокоиться на наивной вѣрѣ въ то, что современная борьба классовъ, уже стоившая рабочему

---

[1]) И не одни анархисты. Въ этомъ же смыслѣ ссылаются на него наши „соціалисты-революціонеры".

классу многихъ, иногда кровавыхъ, жертвъ, закончится словесными турнирами парламентскихъ ораторовъ. Эти пролетаріи понимаютъ, что „сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новый общественный порядокъ“; но, не вѣря въ успѣхъ вооруженнаго возстанія, они тѣмъ охотнѣе усваиваютъ мысль о всеобщей стачкѣ. И чѣмъ болѣе будетъ обостряться борьба рабочаго класса съ буржуазіей; чѣмъ менѣе вѣроятнымъ будетъ,—вслѣдствіе этого,—становиться мирное рѣшеніе „соціальнаго вопроса“, тѣмъ болѣе будетъ упрочиваться эта мысль въ средѣ пролетаріевъ. Поэтому я и говорю, что международнымъ соціалдемократамъ еще не разъ придется обсуждать ее на своихъ съѣздахъ.

Но если мысль о всеобщей стачкѣ имѣетъ здравое основаніе; если не парламентскія словесныя схватки приведутъ рабочій классъ къ побѣдѣ, то не надо обманывать себя. Никогда еще никакое дѣло не торжествовало вслѣдствіе бездѣйствія своихъ сторонниковъ, и никогда „скрещенныя руки“ не разрушатъ зданія капитализма. Слушая разсужденія о томъ, что пролетаріатъ долженъ отказаться отъ надежды побѣдить своихъ враговъ въ открытомъ бою, я вспоминаю, какъ у Щедрина помпадуръ Бородавкинъ воевалъ съ обывателями Стрѣлецкой слободы. Обыватели попрятались по домамъ и, въ отвѣтъ на грозные возгласы помпадура: „Эй! Кто тутъ! Выходи“! — только вздыхали. Это до такой степени сбило съ толку кровожаднаго администратора, что онъ совсѣмъ растерялся. Планъ сторонниковъ „стачки скрещенныхъ рукъ“ нѣсколько напоминаетъ образъ дѣйствія щедринскихъ стрѣльцовъ. Онъ не дуренъ; но вѣдь и у Щедрина стрѣльцамъ всетаки пришлось вылѣзать на Божій свѣтъ, когда кто-то изъ оловяныхъ солдатиковъ Бородавкина догадался ломать избы. Не спрячутся и рабочіе отъ буржуазныхъ усмирителей, когда тѣ рѣшатся дать имъ кровавый урокъ. Да и стыдно имъ было бы прятаться. Самая мирная массовая стачка легко можетъ повести къ массовому столкновенію съ войскомъ. Эту возможность необходимо усчитывать при соображеніяхъ о массовой стачкѣ. Оружіе критики не можетъ замѣнить критики посредствомъ оружія. Напрасно ссылаются на усовершенствованія современной военной техники. Сами собою не стрѣляютъ даже наиболѣе усовершенствованныя ружья и пушки; чтобы употребить ихъ въ дѣло, нужны солдаты, а солдаты современныхъ капиталистическихъ странъ не оловяные солдатики. Они въ значительной,—и все бо-

лѣе и болѣе возрастающей,—степени выходятъ изъ среды пролетаріата, и ихъ головы тоже не застрахованы отъ вліянія соціалдемократическихъ идей. Въ этомъ все дѣло. Вооруженныя возстанія и прежде оканчивалось успѣшно только тогда, когда революціонерамъ удавалось „деморализовать" войска [1]).

На эту сторону вопроса неизбѣжно придется обратить вниманіе международной соціалдемократіи. Правда, на международныхъ съѣздахъ неудобно говорить о ней по многимъ причинамъ. Но она, по крайней мѣрѣ, должна быть принимаема въ соображеніе, и во всякомъ случаѣ ни одно рѣшеніе международныхъ съѣздовъ не должно формулироваться такъ, чтобы подъ его вліяніемъ у рабочихъ могло возникнуть преувеличенное представленіе о революціонной роли „стачки скрещенныхъ рукъ".

Теоретически амстердамское рѣшеніе о всеобщей стачкѣ неправильно, потому что не полно. Но, рекомендуя стачку, какъ суррогатъ возстанія, амстердамскій съѣздъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что „довлѣетъ дневи злоба его": въ настоящее время вліяніе соціалдемократіи на войско еще не таково, чтобы она могла, — не совершая тяжелаго грѣха противъ рабочихъ,—звать ихъ на возстаніе [2]). А такъ какъ задача международныхъ съѣздовъ практическая, а не теоретическая, то голландскій проектъ резолюціи о всеобщей стачкѣ могъ быть принятъ,—несмотря на его теоретическій недостатокъ, — какъ правильно выражающій современное положеніе дѣлъ. Поднимать теперь споръ о теоретической возможности вооруженнаго возстанія, значило бы только вызывать недоразумѣнія и разногласія въ той революціонной соціалдемократіи, которую надо было объединить для борьбы съ оппортунизмомъ. Подобная безтактность позволительна развѣ только „соціалистамъ-революціонерамъ", отъ имени которыхъ г. Устиновъ пробормоталъ на засѣданіи съѣзда нѣсколько неразборчивыхъ словъ въ защиту

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ предисловіи къ нашему второму изданію „Манифеста коммунистической партіи". (Женева 1900 г.).

[2]) Прошу имѣть въ виду, что во всемъ, сказанномъ здѣсь, я имѣлъ въ виду не Россію; у насъ совсѣмъ не тѣ условія. По многимъ причинамъ наше войско легче можетъ быть «деморализовано» и разстроено, чѣмъ войска конституціонныхъ странъ: хотя бы по одному тому, что наши офицеры не могутъ быть такими убѣжденными сторонниками существующаго порядка, какъ западно-европейскіе. Но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

идеи возстанія. Какъ плохо излагалъ свою мысль этотъ делегатъ, видно изъ того, что въ комиссіи всеобщей стачки его разсужденія были поняты въ смыслѣ призыва къ „террору“ и заставили посмотрѣть на него, какъ на человѣка нѣсколько... страннаго. Когда идея возстанія пріобрѣтетъ на Западѣ практическое значеніе, тогда о ней будутъ разсуждать люди, болѣе „толковитые“, чѣмъ г. Устиновъ.

Рѣшеніе, принятое Соц. Партіей Франціи на лилльскомъ съѣздѣ, предусматриваетъ возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе. Поэтому, теоретически оно болѣе правильно. Но содержаніе его было почти совсѣмъ неизвѣстно съѣхавшимся въ Амстердамъ делегатамъ другихъ странъ. Если бы мы, делегаты россійской соціалдемократіи, имѣли возможность заранѣе ознакомиться съ нимъ, то мы бы подали голосъ за него, а не за голландскій проектъ, какъ я на съѣздѣ же заявилъ объ этомъ одному изъ представителей названной партіи въ Международномъ Соц. Бюро, Браку. Но отчетъ лилльскаго съѣзда тогда еще не былъ напечатанъ, и лилльская резолюція о всеобщей стачкѣ раздавалась амстердамскимъ делегатамъ, — далеко не всѣмъ, что призналъ въ разговорѣ со мной самъ Бракъ, — напечатанная на отдѣльныхъ листкахъ. До насъ не дошелъ ни одинъ изъ нихъ. Впрочемъ, много жалѣть объ этомъ нечего, потому что, повторяю, в ъ н а с т о я щ е е в р е м я содержащееся въ лилльской резолюціи указаніе на возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе имѣетъ для западныхъ странъ т о л ь к о т е о р е т и ч е с к о е з н а ч е н і е. И насколько я могу судить по статьѣ Э. Ляфона „Le congrès de Lille“, напечатанной въ № 139—140 „Mouvement Socialiste“, не это указаніе обезпечило этой резолюціи большинство голосовъ на лилльскомъ съѣздѣ.

Въ заключеніе еще разъ скажу, что данное въ Амстердамѣ рѣшеніе вопроса о всеобщей стачкѣ, невѣрное въ теоріи, даже въ практическомъ отношеніи останется правильнымъ только въ теченіе нынѣшняго, п е р е х о д н а г о времени. Въ будущемъ сама п р а к т и к а потребуетъ совсѣмъ другого рѣшенія...

Г. Плехановъ.

Международное товарищество рабочихъ.

(5 октября 1904 г., № 75).

Двадцать восьмого сентября (нов. ст.) 1864 года въ Лондонѣ на публичномъ собраніи въ залѣ св. Мартына, основано было,—при дѣятельнѣйшемъ участіи отца научнаго соціализма, Карла Маркса,— Международное Товарищество Рабочихъ. Оно просуществовало не долго, всего какихъ-нибудь десять лѣтъ; но его вліяніе на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, было такъ важно и такъ плодотворно, что со времени его основанія началась новая эпоха въ исторіи классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей. И когда мы, по случаю сороковой годовщины его основанія, подводимъ итогъ всему тому, что оно завѣщало намъ, своимъ духовнымъ дѣтямъ, мы видимъ, что въ числѣ вопросовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе соціалдемократовъ нашихъ дней, немного найдется такихъ, рѣшеніе которыхъ не было бы дано или, по крайней мѣрѣ, подготовлено имъ. Трудно даже перечислить всѣ духовныя сокровища, унаслѣдованныя отъ него соціалистическимъ пролетаріатомъ.

И странное впечатлѣніе долженъ испытывать всякій, кому хоть отчасти извѣстны эти сокровища, когда, напр. въ книгѣ Сеньобоса „Histoire politique de l'Europe contemporaine" (переведенной и на русскій языкъ), онъ читаетъ, что „интернаціоналъ исчезъ безъ какихъ-либо положительныхъ результатовъ: основанный для того, чтобы добиться соціальныхъ реформъ посредствомъ международнаго соглашенія, онъ добился только того, что перепугалъ правительство и публику".

Г. Сеньобосъ, какъ кажется, твердо убѣжденъ въ томъ, что огромный шагъ впередъ, сдѣланный самосознаніемъ пролетаріата, не можетъ быть названъ положительнымъ результатомъ. Почтенный историкъ, безспорно принадлежащій къ числу передовыхъ людей буржуазіи и занимающій очень видное мѣсто въ современной французской наукѣ, можетъ быть, даже вовсе не имѣетъ сколько-нибудь яснаго понятія о роли массоваго самосознанія въ исторіи внутренняго развитія общества, раздѣленнаго на классы. Такими, слишкомъ мало „положительными" вещами

интересуемся главнымъ образомъ мы, сторонники матеріалистическаго объясненія исторіи, которыхъ тотъ же ученый историкъ, равно какъ и вся его „публика“, навѣрно считаетъ узкими, односторонними, неспособными оцѣнить великое историческое значеніе „духовнаго фактора“...

Г. Сеньобосъ вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе, сообщая имъ, что цѣлью Международнаго Товарищества Рабочихъ служили „соціальныя реформы“. Это не такъ и это необходимо замѣтить.

Знаменитое Товарищество, конечно, не пренебрегало реформами: оно знало, какъ важны онѣ для пролетаріата. Въ „Наказахъ“ написанныхъ для делегатовъ „Временнаго Общаго Совѣта“, ѣхавшихъ въ сентябрѣ 1866 г. въ Женеву на первый съѣздъ „Интернаціонала“, мы встрѣчаемъ такія требованія, какъ ограниченія рабочаго дня для подростковъ обоего пола. Согласно четвертой статьѣ этихъ „Наказовъ“, дѣти отъ 9 до 12 лѣтъ должны быть заняты въ мастерскихъ не болѣе двухъ, дѣти отъ 13 до 15 не болѣе четырехъ, и, наконецъ, подростки 16—17 лѣтъ не болѣе 6 часовъ въ сутки. „Сознательная часть рабочаго класса,— говорится въ статьѣ,—очень хорошо понимаетъ, что будущность этого класса, а слѣдовательно и будущность всего человѣчества, вполнѣ зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ выростетъ новое поколѣніе трудящихся: она очень хорошо знаетъ, что изъ когтей современной системы труда прежде всего должны быть вырваны дѣти и подростки“. Въ противоположность утопистамъ прудоновскаго толка, стоявшимъ на буржуазной точкѣ зрѣнія государственнаго невмѣшательства, „Наказы“ требуютъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня: „Если рабочій классъ будетъ поддерживать правительство при исполненіи такихъ законовъ, то онъ никоимъ образомъ не будетъ способствовать усиленію его власти, напротивъ, онъ заставитъ служить ему ту власть, которая, до сихъ поръ, направлялась противъ него“. Что касается взрослыхъ, то „Наказы“ выставляютъ для нихъ требованіе восьми-часового дня, которое теперь ежегодно перваго мая приводитъ въ движеніе пролетаріевъ всего міра, но которое остается до сихъ поръ неисполненнымъ, очевидно, благодаря любви буржуазіи къ „соціальнымъ реформамъ“. Восьмичасовой день названъ въ „Наказахъ“ „предварительнымъ условіемъ, безъ котораго останутся напрасными всѣ дальнѣйшія стремленія улучшить положеніе рабочихъ и освободить ихъ отъ ига

капитала“. Онъ необходимъ, во-первыхъ, для того, чтобы возстановить здоровье и естественную энергію рабочаго класса, а во-вторыхъ, для того, чтобы обезпечить рабочимъ возможность умственнаго развитія и общественной дѣятельности.

Такимъ образомъ, добиваясь теперь осуществленія этого требованія, „Новый Интернаціоналъ“, — международная соціалдемократія нашего времени, —только слѣдуетъ завѣту „Стараго Интернаціонала“. Но „Старый Интернаціоналъ“ не ограничивалъ своихъ реформаторскихъ требованій областью экономіи. Уже въ первомъ своемъ манифестѣ онъ — опять-таки въ противоположность утопистамъ прудоновскаго толка, — объявилъ, что „первый долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи себѣ политическаго могущества“, и сообразно съ этимъ онъ вездѣ энергично поддерживалъ всякое движеніе, способное привести къ расширенію политическихъ правъ и политическаго вліянія пролетаріата. Такъ, его Общій Совѣтъ въ Англіи всѣми силами помогалъ „Лигѣ“, которая добивалась и добилась въ 1867 г. парламентской реформы, давшей избирательное право очень значительной части англійскихъ рабочихъ. При его участіи, въ пользу этой реформы происходили массовыя собранія подъ открытымъ небомъ въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ Англіи. Когда, въ сентябрѣ 1867 г. ирландскіе феніи, освободившіе въ Манчестерѣ двухъ своихъ арестованныхъ товарищей смѣлымъ нападеніемъ на полицію, сдѣлались предметомъ ожесточенныхъ и отчасти даже противозаконныхъ преслѣдованій со стороны англійскаго правительства, Общій Совѣтъ Международнаго Товарищества немедленно ополчился на ихъ защиту. По его почину въ Лондонѣ созванъ былъ митингъ протеста, на которомъ соціалистическіе ораторы— и въ ихъ числѣ Марксъ,—энергично возставали противъ дѣйствій „либеральнаго“ министерства Гладстона и выражали сочувствіе ирландскому народу [1]).

---

[1]) Кстати, Международное Товарищество всегда сочувственно относилось къ ирландскимъ феніямъ съ ихъ болѣе или менѣе террористическимъ способомъ борьбы. Но отсюда далеко еще не слѣдуетъ, что оно рекомендовало „терроръ“ ирландскимъ рабочимъ. Точно также „Новый Интернаціоналъ“ высказываетъ свое сочувствіе русскимъ „террористамъ“; но это еще вовсе не доказываетъ, что террористическая борьба кажется ему „цѣлесообразной“. Онъ сочувствуетъ въ этомъ случаѣ лишь энергіи и самоотверженію революціонеровъ, предоставляя имъ самимъ рѣшать, по указанію опыта, вопросъ о томъ, полезенъ ли „терроризмъ“ для ихъ дѣла.

Повторяемъ, Международное Товарищество Рабочихъ отнюдь не пренебрегало реформами. И всетаки не реформы были его цѣлью.

Его уставъ говоритъ, что экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ рабства во всѣхъ его видахъ, нищеты, умственнаго отупѣнія и политической зависимости, и что всемірный пролетаріатъ долженъ единодушно стремиться къ тому, чтобы устранить это подчиненіе. Но устранить его невозможно посредствомъ реформъ, видоизмѣняющихъ и исправляющихъ существующіе нынѣ экономическіе порядки; для его устраненія надо покончить съ капитализмомъ, т. е. сдѣлать соціальную революцію. Соціальная революція и была, поэтому, великою цѣлью Международнаго Товарищества, какъ остается она и до сихъ поръ великой цѣлью революціонной соціалдемократіи всѣхъ странъ. И чѣмъ яснѣе сознаетъ эту цѣль международный пролетаріатъ, тѣмъ значительнѣе и благодѣтельнѣе становятся положительные результаты пропаганды соціализма. Спора нѣтъ, такіе результаты способны очень сильно перепугать „правительства и публику". Но... тѣмъ хуже для „публики" и для правительствъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не всѣ члены „Стараго Интернаціонала" одинаково понимали его цѣль. Между ними не мало было послѣдователей Прудона, отстаивающихъ частную собственность на средства производства и воображающихъ, что рабочій классъ можетъ быть освобожденъ отъ ига капитала посредствомъ организаціи кредита и обмѣна. Ученики Прудона представляли собою въ немъ мирно-утопическій элементъ, подобно тому, какъ ученики Бакунина явились впослѣдствіи элементомъ революціонно-утопическимъ. Идейная борьба между послѣдователями научнаго соціализма, съ одной стороны, и разными представителями запоздалыхъ утопій—съ другой, наполняютъ собою всю внутреннюю исторію Международнаго Товарищества Рабочихъ. Ея вліяніе отчетливо сказывается и въ рѣшеніяхъ его съѣздовъ. Но къ чести прудонистовъ надо сказать, что какъ ни утопична была ихъ программа и какъ ни анти-революціонна была ихъ утопія, соціально-политическое міровоззрѣніе ихъ имѣло по крайней мѣрѣ одну революціонную сторону: сильное недовольство существующимъ порядкомъ вещей и полное недовѣріе къ ученіямъ буржуазныхъ идеологовъ. „Мы, рабочіе,—говорилъ прудонистъ Толэнъ въ мартѣ 1868 г. передъ судомъ исправительной

полиціи,—существенно заинтересованы въ томъ, чтобы выяснить себѣ предстоящее намъ будущее, и для этого мы объединились въ Международное Товарищество. Рабочіе должны смотрѣть своими собственными глазами, а не глазами оффиціальныхъ буржуазныхъ экономистовъ". Логика освободительной борьбы рабочаго класса такова, что на практикѣ она увлекаетъ даже тѣхъ, которые упорно противятся ей въ теоріи. Энгельсъ справедливо замѣтилъ, что французскіе прудонисты, выбранные въ Парижскую Коммуну, „дѣлали, по ироніи исторіи, какъ разъ противное тому, что имъ предписывало ученіе ихъ школы, и что лежало въ истинныхъ интересахъ пролетаріата" [1]). Вотъ почему даже присутствіе прудонистовъ среди основателей „Стараго Интернаціонала" не ослабило революціоннаго значенія той великой цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Съ точки зрѣнія этой революціонной цѣли реформы являлись только необходимымъ средствомъ ея достиженія.

Марксъ, бывшій душою Международнаго Товарищества во все время его существованія, очень ясно видѣлъ, что вліяніе прудоновскихъ и всякихъ другихъ утопій неизбѣжно должно будетъ разбиться о неумолимую логику пролетарскаго движенія, и потому онъ, никогда не любившій поступаться своими принципами, обнаружилъ замѣчательную мягкость по отношенію къ прудонистамъ и вообще ко всѣмъ тѣмъ членамъ-основателямъ Интернаціонала, которые еще не стояли на точкѣ зрѣнія научныхъ соціалистическихъ теорій. Онъ убѣждалъ своихъ товарищей, спорилъ съ ними, читалъ имъ политико-экономическія лекціи, стараясь разсѣять ихъ предразсудки [2]); но онъ не разрывалъ съ ними, хорошо понимая, что первой, насущной задачей того времени было объединеніе и сплоченіе Международной Партіи Наемнаго Труда, а не удаленіе изъ нея людей, не доросшихъ до научнаго соціализма.

Въ сношеніи съ этими людьми Марксъ, бывшій руководителемъ Общаго Совѣта Интернаціонала, проявилъ такъ много сдержанности и такта, что теперь иной совѣтникъ Ивановъ,—изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что ортодоксальный марксистъ

---

[1]) Правда, не всѣ: тотъ же Толэнъ измѣнилъ пролетаріату и засѣдалъ съ версальскими людоѣдами.

[2]) Его лекція о заработной платѣ, цѣнѣ и прибыли, читанная 20-го іюня 1865 года передъ членами Общаго Совѣта, даетъ превосходную, незамѣнимую подготовку для пониманія перваго тома „Капитала". Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не изданъ ея русскій переводъ.

долженъ, подобно Держиморде, всемъ фонари для порядку ставить, — могъ бы заподозрить его въ непростительномъ „оппортунизмѣ", если бы... если бы совѣтники Ивановы не были застрахованы своимъ круглымъ невѣжествомъ отъ какихъ бы то ни было историческихъ соображеній. И тотъ же Марксъ съумѣлъ быть строгимъ, когда понадобилось положить предѣлъ проискамъ анархистовъ бакунистскаго толка. Но происки бакунистовъ грозили превратить Международное Товарищество Рабочихъ въ тайное общество утопистовъ, страшныхъ на словахъ и совершенно безсильныхъ на дѣлѣ. Въ сношеніяхъ съ этими дезорганизаторами Интернаціонала Марксъ не имѣлъ права быть уступчивымъ, потому что уступать имъ можно было, только поступаясь жизненными интересами пролетаріата.

Буржуазные историки и публицисты до сихъ поръ изображаютъ борьбу Общаго Совѣта Интернаціонала съ бакунистами, какъ соперничество двухъ выдающихся личностей: Маркса и Бакунина. Самые глубокіе изъ этихъ мыслителей доходятъ до того, что объясняютъ происхожденіе этой борьбы расовыми особенностями: за Бакунинымъ шла преимущественно латинская, за Марксомъ—германская раса. Въ дѣйствительности, эта борьба была борьбой утопическаго соціализма съ научнымъ.

Такъ какъ эта борьба была перенесена теперь на широкую арену международнаго пролетарскаго движенія, то она сразу получила характеръ крупнаго міровoго событія. Но именно потому, что она была перенесена на эту широкую арену, полная побѣда научнаго соціализма, — представляющаго собою лишь идеологическое выраженіе пролетарской борьбы въ капиталистическомъ обществѣ,—была заранѣе обезпечена. Отъ бакунизма осталось теперь одно только воспоминаніе [1]); подъ знаменемъ марксизма идутъ пролетарскія партіи всего цивилизованнаго міра.

Судьба Бакунина какъ нельзя болѣе поучительна. Умный, даровитый, образованный, самоотверженный и смѣлый, этотъ замѣчательный человѣкъ могъ бы играть въ высшей степени плодотворную роль въ международномъ рабочемъ движеніи, если бы онъ не былъ чуждъ ему по своимъ утопическимъ понятіямъ и по метафизическимъ пріемамъ своей будто бы революціонной мысли. Въ свои молодые годы онъ увлекался философіей

[1]) Отъ ученія Бакунина нынѣшній анархизмъ почти такъ же далекъ, какъ и ученіе Прудона.

Гегеля и былъ однимъ изъ первыхъ ея распространителей въ Россіи. Эта философія имѣла на него очень полезное вліяніе, расширивъ его умственный кругозоръ и сдѣлавъ его однимъ изъ самыхъ мыслящихъ людей того интереснаго времени. Но онъ не усвоилъ того, что составляло ея душу: ея діалектики. Въ своемъ мышленіи онъ остался тѣмъ, чѣмъ до гробовой доски остается громадное большинство „интеллигентовъ“,—метафизикомъ, разсуждающимъ по формулѣ: „да—да, нѣтъ—нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“. Этотъ коренной недостатокъ его мышленія и помѣшалъ ему усвоить взгляды Маркса и, съ ихъ помощью,—выйти изъ подъ власти худшихъ преданій утопическаго соціализма. Бакунинъ „зналъ“ ученіе Маркса, но онъ „зналъ“ его по своему; въ его метафизической головѣ даже это ученіе, насквозь пропитанное діалектикой, превратилось въ нѣчто до крайности метафизическое. Такъ, онъ признавалъ вполнѣ правильнымъ матеріалистическое объясненіе исторіи и всегда отзывался о немъ съ восторгомъ. Но онъ дѣлалъ изъ него тотъ неожиданный выводъ, что пролетаріату не слѣдуетъ заниматься политикой. Онъ думалъ, что если экономическое развитіе составляетъ основу всего общественнаго развитія человѣчества, то и освободительная борьба рабочаго класса должна имѣть исключительно экономическій характеръ. Неисправимый метафизикъ, онъ дѣлалъ здѣсь какъ разъ ту ошибку, которую нынѣшніе наши разноцвѣтные и вовсе безцвѣтные „критики“ стараются во что бы то ни стало навязать мастеру діалектическаго мышленія—Марксу. Эти чудаки и не подозрѣваютъ, что именно Марксу и марксистамъ приходилось рѣшительнѣе, чѣмъ кому бы то ни было, бороться противъ этой ошибки, составлявшей теоретическую основу всѣхъ нападокъ Бакунина на политическую программу будто бы невѣрнаго самому себѣ основателя Международнаго Общества Рабочихъ.

Иронія судьбы иногда бываетъ поистинѣ безпощадна. Бакунинъ посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ за свои идеи. Какъ бы ни были онѣ ошибочны, мы обязаны уважать его самоотверженіе. Но чѣмъ искреннѣе мы уважаемъ его, тѣмъ болѣе мы сожалѣемъ о томъ, что неспособность Бакунина усвоить себѣ точку зрѣнія научнаго соціализма сдѣлала его самоотверженіе въ эпоху борьбы „съ Марксомъ“ не только безполезнымъ, а прямо вреднымъ для международнаго пролетаріата.

Несомнѣнно, что въ своемъ старомъ видѣ Интернаціоналъ тѣмъ скорѣе долженъ былъ пережить самого себя, чѣмъ быстрѣе росло его благотворное вліяніе на движеніе международнаго пролетаріата. Общественно-политическая обстановка этого движенія была слишкомъ неодинакова въ различныхъ странахъ, что можно было,—по минованіи его дѣтскаго періода—продолжать руководить имъ изъ одного общаго центра. Поэтому тотъ же духовный и политическій ростъ пролетаріата, которому въ такой сильной степени способствовало Международное Товарищество, дѣлало все болѣе и болѣе необходимымъ сознаніе національныхъ центровъ международнаго движенія. Старый Интернаціоналъ навѣрно распался бы даже въ томъ случаѣ, если бы его миновала чаша междоусобій, т. е. если бы „борьба Бакунина съ Марксомъ“ вовсе не начиналась. Но его распаденіе совершилось бы при непосредственно болѣе благопріятныхъ условіяхъ и не повредило бы развитію классоваго сознанія пролетаріата. Утопическая точка зрѣнія привела Бакунина къ тому, что онъ вредилъ тамъ, гдѣ онъ всѣми силами души хотѣлъ принести пользу. Это очень печально. Но при современномъ развитіи международнаго рабочаго движенія эта печальная судьба предстоитъ всѣмъ соціалистамъ, не умѣющимъ совлечь съ себя ветхаго Адама утопизма: предостереженіе для гг. „соціалистовъ-революціонеровъ“.

„Борьба Бакунина съ Марксомъ“ и въ нѣдрахъ Международнаго Товарищества Рабочихъ была послѣдней крупной схваткой утопическаго соціализма съ научнымъ. Утопизмъ отжилъ свой вѣкъ, и „Новому Интернаціоналу“ угрожаетъ уже новый врагъ—ревизіонизмъ, иначе—оппортунизмъ, имѣющій совсѣмъ другой характеръ, и совершенно другое происхожденіе. Хотя оппортунизмъ знаменуетъ собою то же, что знаменовалъ собою въ свое время бакунизмъ: вліяніе на пролетаріатъ устарѣлыхъ понятій, соотвѣтствующихъ уже пройденнымъ ступенямъ развитія капитализма, и хотя научный соціализмъ можетъ по этому, сказать и утопизму, и оппортунизму, какъ говоритъ у Гауптмана Генриху старуха Виттихенъ: „мертвецы твои чрезмѣрно сильны“; но утопизмъ есть дѣтская болѣзнь рабочаго движенія, между тѣмъ какъ оппортунизмъ является недугомъ, свойственнымъ его зрѣлости. Когда капитализмъ былъ еще мало развитъ и когда еще недостаточно обнаружилось, что только пролетаріату суждено стать его могильщикомъ, соціализмъ „интел-

лигенціи“ естественно тяготѣлъ къ воздушнымъ замкамъ утопій. Въ настоящее время, когда капитализмъ уже клонится къ упадку, и когда всѣмъ, не пораженнымъ слѣпотою, бросаются въ глаза историческое признаніе и политическая мощь пролетаріата, утопизмъ „интеллигенціи“ лишается всякой почвы. Но за то теперь,— и именно потому, что теперь очевидна несравненная политическая мощь пролетаріата,—подъ знамя пролетарскаго движенія стекается много такихъ общественныхъ дѣятелей, которые по своему образу мыслей гораздо ближе къ буржуазной демократіи,— когда то привлекавшей къ себѣ почти всѣ живыя силы изъ рабочей среды,—чѣмъ къ демократіи соціальной. Разъ попавъ въ ряды рабочей партіи и пріобрѣтя извѣстное вліяніе на нее, такіе дѣятели пытаются обыкновенно „пересмотрѣть“ основныя положенія соціализма, стараясь удалить изъ него все то, что противорѣчитъ ихъ собственнымъ буржуазно-д мократическимъ воззрѣніямъ. Пока ихъ немного, ихъ попытки остаются безвредными и мало замѣтными; но когда число ихъ замѣтно увеличивается,—а его увеличеніе прямо пропорціонально росту притягательной силы пролетарскаго движенія,— тогда предпринимаемый ими „пересмотръ“ можетъ вызвать такъ называемый кризисъ въ соціализмѣ. Кризисы этого рода никогда не закончатся прочнымъ торжествомъ оппортунизма по той простой и вполнѣ достаточной причинѣ, что на свѣтѣ нѣтъ такой волшебной силы, которая въ состояніи была бы вернуть пролетаріатъ въ ту фазу его развитія, когда онъ послушно и довѣрчиво шелъ въ хвостѣ буржуазіи. Но такіе кризисы весьма вредно вліяютъ на развитіе самосознанія рабочаго класса, и потому всѣ вѣрные послѣдователи научнаго соціализма, всѣ истинные защитники пролетарскихъ интересовъ обязаны теперь такъ же упорно противодѣйствовать оппортунистическимъ пересмотрамъ, какъ въ свое время Марксъ противодѣйствовалъ „революціонно“-дезорганизаторскимъ опытамъ Бакунина и его товарищей.

„Международная контръ-организація пролетаріата противъ всемірнаго заговора капиталистовъ“ нанесла тяжелый ударъ буржуазному націонализму. Ростъ международнаго пролетаріата дѣлалъ,—какъ мы сказали,—необходимымъ сознаніе національныхъ центровъ движенія, дѣятельность которыхъ стѣснялась бы организаціей „Стараго Интернаціонала“. Эта организація, во всякомъ случаѣ, должна была уступить свое мѣсто новымъ формамъ совмѣстнаго дѣйствія международнаго пролета-

ріата. Но необходимо помнить, что сознательный пролетаріатъ націоналенъ совсѣмъ не въ буржуазномъ смыслѣ этого слова. Еще „Манифестъ Коммунистической Партіи“ поясняетъ намъ, какъ должны мы понимать пролетарскій „націонализмъ“: онъ замѣчаетъ, что пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ прежде всего справиться съ своей собственной буржуазіей. Съ этой точки зрѣнія, понятіе нація опредѣляется географически и политически, а вовсе не племенными и нерассовыми признаками. Сообразно съ этимъ, Коммунистическій Манифестъ,—а по его примѣру и знаменитый первый „Манифестъ Международнаго Товарищества Рабочихъ“,—призываютъ къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ, а не пролетаріевъ всѣхъ племенъ и народностей. Нетрудно понять, что на практикѣ объединеніе рабочихъ на основѣ этнографическаго принципа часто являлось бы препятствіемъ для его объединенія на почвѣ классовой борьбы. Для примѣра укажемъ на Англію, гдѣ англичанину сплошь и рядомъ приходится работать бокъ о бокъ съ ирландцемъ. Господствующіе классы Англіи издавна старались сѣять и раздувать вражду между англійскими и ирландскими рабочими, слѣдуя хитрому правилу всѣхъ угнетателей: раздѣляй и властвуй. Международное Товарищество Рабочихъ всѣми силами боролось съ этой разъединяющей и развращающей политикой англійскихъ тори и виговъ. Марксъ не разъ указывалъ на то, какъ важно для дѣла всемірнаго пролетаріата объединеніе англійскихъ рабочихъ съ ирландскими. И само собою разумѣется, что это объединеніе должно было, по его мысли, произойти въ предѣлахъ единой партіи наемнаго труда. Если бы какой-нибудь ирландскій соціалистъ, не сумѣвшій покончить съ буржуазнымъ націонализмомъ, вздумалъ организовать въ Англіи ирландскихъ пролетаріевъ отдѣльно отъ англійскихъ, ему пришлось бы выслушать суровую отповѣдь отъ Общаго Совѣта Международнаго Товарищества. Нашъ „Бундъ“ достойнымъ образомъ почтитъ память „Стараго Интернаціонала“, хорошенько задумавшись надъ этимъ.

Международный пролетаріатъ празднуетъ сороковую годовщину этого Интернаціонала въ то самое время, когда на Дальнемъ Востокѣ свирѣпствуетъ война, вызванная хищнической политикой той кровожадной, безстыдной, бездарной и беззаботной шайки, которая правитъ Россіей. И эта шайка дѣлаетъ все отъ

нея зависящее, чтобы вызвать въ русскомъ народѣ „патріотическую“ ненависть къ желтой расѣ. Въ виду ея постыдныхъ усилій, полезно и пріятно напомнить благородныя слова перваго Манифеста Международнаго Товарищества:

„Если успѣхъ дѣла освобожденія рабочихъ зависитъ отъ ихъ братскаго единенія и взаимнаго содѣйствія, то какимъ образомъ они могутъ выполнить свое великое назначеніе, когда международная политика, руководясь единственно преступными замыслами и пользуясь національными предразсудками, расточаетъ въ своихъ разбойничьихъ войнахъ кровь и деньги народовъ?.. Пора рабочимъ вникнуть въ таинства международной политики; пора имъ наблюдать за дипломатическими дѣйствіями своихъ правительствъ, сопротивляться имъ, въ случаѣ нужды, всѣми средствами, имѣющимися подъ рукою, и, наконецъ, въ случаѣ неудачи подобныхъ отдѣльныхъ усилій, соединиться въ одномъ общемъ протестѣ противъ преступныхъ замысловъ правительствъ... Бороться во имя такого политическаго знамени—значитъ принимать участіе въ общей борьбѣ за полное освобожденіе рабочаго класса“.

Мы ничего не прибавимъ къ этимъ словамъ, не желая ослаблять производимое ими впечатлѣніе, и закончимъ свою статью тѣмъ же призывомъ, какимъ заканчивается цитируемый нами замѣчательный документъ:

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Г. Плехановъ.

Противъ войны.

(20-го октября, 1904 г., № 76.)

Жоресъ выступилъ „противъ войны“ [1]. Онъ апеллируетъ къ „совѣсти цивилизованнаго человѣчества“; онъ требуетъ, чтобы оно „умоляло оба воюющихъ народа прекратить ужасное зрѣлище без-

---

[1]) L. Humanité № 182.

полезной и непрекращающейся „бойни"; онъ выражаетъ надежду, что этотъ „единодушный, умоляющій призывъ всего человѣчества будетъ услышанъ воюющими сторонами". „Возможно, и даже необходимо", говоритъ онъ, „дѣйствовать въ духѣ мира, создать, такъ сказать, нравственную необходимость мира путемъ грандіозной и непрерывной международной манифестаціи гуманности, мудрости, жалости". И онъ кончаетъ свою статью: „Международный соціализмъ можетъ повсюду содѣйствовать этому необходимому пробужденію, этому необходимому торжеству гуманности и мира. Если повсюду парламенты выразятъ свои сожалѣнія по поводу этой бойни, если они выразятъ пожеланіе, чтобы правительства и народы, не заинтересованные непосредственно въ столкновеніи, вошли между собою въ соглашеніе и дружески посовѣтовали обѣимъ великимъ націямъ заключить миръ, быть можетъ, тогда дипломатія легче найдетъ случай для посредничества и вмѣшательства (intervention). Повторный и настойчивый призывъ къ миру со стороны парламентовъ стараго и новаго свѣта, призывъ, не сопровождаемый попытками оказать прямое или косвенное давленіе,' несомнѣнно, найдетъ откликъ во всемъ мыслящемъ человѣчествѣ и, наконецъ, отразится и на самомъ ходѣ событій."

Таковъ „жестъ", сдѣланный Жоресомъ „противъ войны" и въ пользу мира. Не зачѣмъ, конечно, тратить много словъ, чтобы доказать, что „международный соціализмъ" никоимъ образомъ не можетъ и не долженъ встать на путь, рекомендуемый ему краснорѣчивымъ трибуномъ республиканскаго „блока".

Не на буржуазные парламенты, не на буржуазную „цивилизацію" можно возлагать „миролюбивыя" надежды. Буржуазная цивилизація! Какъ будто не она положила начало такимъ кровопролитнымъ побоищамъ, какихъ не зналъ до нея міръ; какъ будто не она отдала на служеніе молоху милитаризма всѣ чудеса науки, техники, искусства; какъ будто не она создала тотъ „вооруженный миръ", подъ бременемъ котораго стонутъ народы! Буржуазные парламенты! Какъ будто не англійскій парламентъ одобрилъ войну съ бурами; какъ будто безъ согласія американскаго парламента лилась кровь на Кубѣ и Филиппинахъ; какъ будто не „парламенты стараго и новаго свѣта" ежегодно ассигнуютъ милліарды на армію и флотъ; какъ будто не они одобрили ту „международную" экспедицію въ Китай, которая послужила прологомъ теперешней войны; и, наконецъ, какъ будто не парламентскій союзъ съ „цивилизованными" и „гуманными" либераль-

ными друзьями заставлялъ жоресистовъ голосовать за военный бюджетъ во французской палатѣ!

Можно и должно ненавидѣть войну.

У войны нѣтъ болѣе ожесточеннаго и послѣдовательнаго противника, чѣмъ революціонный рабочій классъ, и русскій сознательный пролетаріатъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Но мало ненавидѣть войну; надо понять ее. Надо понять неизбѣжную связь войны со всѣмъ современнымъ общественно-экономическимъ строемъ; надо понять, что лишь съ крушеніемъ капиталистическаго общества исчезнетъ навсегда необходимость кровавыхъ столкновеній; надо понять, что лишь могильщикъ этого общества—пролетаріатъ—является дѣйствительнымъ носителемъ идеи мира, что только его революціонная борьба подрѣзываетъ въ корнѣ всякую возможность дикихъ побоищъ. И только понявъ это, можно успѣшно вести борьбу „противъ войны".

Но для Жореса и его друзей всѣхъ этихъ соображеній, конечно, не существуетъ, и съ своей точки зрѣнія они вполнѣ послѣдовательны. Кто не понимаетъ революціонной роли классовой борьбы пролетаріата во „внутренней политикѣ", для того книгою за семью печатями останется эта роль и въ политикѣ „внѣшней". Кто великую борьбу труда и капитала думаетъ рѣшить посредствомъ „анонимнаго" участія въ буржуазномъ правительствѣ, тотъ съ такимъ же правомъ видитъ въ „сотрудничествѣ" съ парламентаріями другихъ странъ средство положить конецъ кровопролитной войнѣ. Кто возлагаетъ свои „соціалистическія" надежды на „добрую волю" и „гуманность" французской буржуазіи, тотъ, естественно, ищетъ опоры своему „миролюбію" въ „жалости" и сантиментальныхъ вздохахъ буржуазіи всемірной.

Если бы вся эта жалкая декламація исходила изъ среды тѣхъ старыхъ дѣвъ буржуазнаго либерализма, которыя обычно слезливыми причитаніями „привѣтствуютъ" гаагскія конференціи, основываютъ Лиги мира и т. п., мы могли бы спокойно пройти мимо нея. Но въ данномъ случаѣ кампанія начата подъ флагомъ „соціализма" и грозитъ, кромѣ того, серьезною опасностью тому самому дѣлу мира, во имя котораго она предпринята. Вотъ почему мы не можемъ оставить „проектъ" Жореса безъ вниманія.

Какъ ни похвальны добрыя чувства, внушаемыя Жоресомъ читателямъ, и какъ бы безвредна ни казалась сама по себѣ его проповѣдь, она—поскольку ведется отъ имени „соціализма"—совершенно извращаетъ дѣйствительную связь общественныхъ

7*

явленій и тѣмъ самымъ затрудняетъ пролетаріату пониманіе тѣхъ методовъ и средствъ, которые могутъ на дѣлѣ увѣнчать успѣхомъ его борьбу противъ милитаризма. Скажетъ ли Жорессъ, что пролетаріатъ уже имѣетъ силу заставить правительства служить дѣлу „всеобщаго мира“? Скажетъ ли онъ, что канцлеръ германской имперіи будетъ вести все дѣло „дружескаго вмѣшательства“ подъ непрерывнымъ контролемъ и по указаніямъ нѣмецкой соціалдемократіи?

Нѣтъ, кто хочетъ теперь вести войну противъ войны, тотъ не на парламенты, не на правительства, не на дипломатію долженъ разсчитывать. Тотъ долженъ вести неустанную революціонную борьбу съ самимъ буржуазнымъ обществомъ, тотъ долженъ подкапывать устои, на которыхъ зиждется зданіе военщины. Хотите вести борьбу противъ войны во Франціи? Отказывайте правительству въ военныхъ кредитахъ, требуйте расторженія позорнаго союза республики съ россійскимъ деспотизмомъ, добивайтесь прекращенія тѣхъ услугъ, которыя „нейтральная“ Франція оказываетъ самодержавной бюрократіи, ведите неустанную агитацію противъ всего капиталистическаго строя, разорвите свой союзъ съ буржуазными республиканцами, изобличайте на каждомъ шагу ихъ лицемѣріе, ихъ буржуазную ограниченность, ихъ предательство интересовъ народа во имя биржевыхъ спекуляцій, словомъ, будьте революціонными соціалдемократами у себя дома и поддерживайте революціонное соціалдемократическое движеніе пролетаріата во всемъ мірѣ! И тогда, можетъ быть, не столь „малымъ“ покажется вамъ значеніе революціонной борьбы рабочаго класса въ странахъ, не имѣющихъ парламента, какъ это показалось тов. Анзееле на Амстердамскомъ конгрессѣ, и не столь великимъ значеніе буржуазныхъ парламентовъ „стараго и новаго свѣта“, какъ это кажется Жоресу. Тогда вы увидите, что единственной дѣйствительной силой, требующей и могущей добиться мира, и въ Россіи является революціонный пролетаріатъ.

Да, оппортунизмъ имѣетъ свою логику. Но эта логика не можетъ быть логикой „международнаго соціализма“. Вѣрный своимъ революціоннымъ традиціямъ, международный соціализмъ только революціоннымъ путемъ можетъ содѣйствовать наступленію мира. Русская революція—вотъ единственный путь, который можетъ положить скорый конецъ бойнѣ на Дальнемъ Востокѣ. Мы никакъ не можемъ согласиться съ Жорессомъ, будто эта бойня не вызвана „никакой исторической необходимостью“, и будто доста-

точно было „немножко мудрости и умѣренности", чтобы предотвратить ее. Нѣтъ, она вызвана „исторической необходимостью", но имя этой „необходимости"—русскій абсолютизмъ, и чѣмъ рѣзче и основательнѣе будетъ его крушеніе, тѣмъ быстрѣе и несомнѣннѣе покончится война. И вотъ почему, кто противъ войны, тотъ за русскую революцію, а кто за русскую революцію, тотъ за революціонное социалдемократическое движеніе русскаго пролетаріата, ибо внѣ этого движенія могутъ быть кое-какія реформы; можетъ быть даже кое-какая конституція, но не можетъ быть революціи, которая одна только навѣрное и цѣликомъ будетъ „противъ войны", ведущейся во имя интересовъ самодержавной олигархіи.

И тѣмъ вреднѣе затѣя Жореса, что, въ случаѣ успѣха, она не можетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, кончиться ничѣмъ инымъ, кромѣ манифестаціи въ пользу россійскаго абсолютизма. Какъ ни разыгрываетъ изъ себя россійское правительство „гордаго испанскаго дворянина" каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о „дружественномъ посредничествѣ", но нѣтъ сомнѣнія, что посредничество „правительствъ" и „дипломатіи" для прекращенія войны для него неизмѣримо пріятнѣе того „посредничества", которое готовитъ ему русская революція. И это тѣмъ болѣе, что „дружественную" Францію, прежде всего, имѣетъ Жоресъ шансы подвинуть на желательный ему путь, и что противъ Японіи съ ея „чрезмѣрными" требованіями естественно должно будетъ обратиться вмѣшательство державъ. Самодержавное правительство, конечно, скорѣе, чѣмъ Японія, согласится на возстановленіе того status quo, которое было до войны, и, пожалуй, даже съ нѣкоторыми урѣзками; ибо въ этотъ status будетъ входить все то, что оно успѣло хищнически захватить у Китая. Но, если Жоресъ напоминаетъ, что вмѣшательство Франціи, Германіи и Россіи „въ пользу" Китая и противъ Японіи въ 1895 году положило начало тому конфликту, который теперь кровью разрѣшается на Дальнемъ Востокѣ, то гдѣ ручательство, что новое вмѣшательство противъ Японіи въ пользу россійскаго абсолютизма не послужитъ толчкомъ къ той международной войнѣ, которая зальетъ кровью не одни манчжурскія поля, но и весь міръ? А что отъ „дружескаго" совѣта до вооруженнаго вмѣшательства рукой подать, въ этомъ, при современной комбинаціи интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пусть только „правительства" получатъ полномочія на „посредничество" отъ парламентовъ, да

еще съ участіемъ соціалистовъ, они уже съумѣютъ распорядиться ими, не спрашивая дальше „гуманныхъ“ совѣтовъ Жореса. И кто знаетъ: быть можетъ, въ интересахъ „цивилизаціи“, найдутся „соціалисты“, которые и нужные для „успѣха посредничества“ кредиты ассигнуютъ...

Нѣтъ, по этому пути „международный соціализмъ“ пойти не можетъ, не можетъ именно потому, что онъ „противъ войны“. И какъ ни печально для „чести человѣческаго рода, населяющаго нашу планету“, что нельзя разсчитывать на гуманность „цивилизованнаго человѣчества“, соціализмъ можетъ утѣшиться, возложивъ свои надежды на революціонность сознательнаго пролетаріата.

Эта надежда не обманетъ.

Ф. Данъ.

Объединеніе французскихъ соціалистовъ.

(1 мая 1905 г., № 99).

Объединеніе французскихъ соціалистовъ—совершившійся фактъ. Теперь во Франціи, гдѣ до сихъ поръ существовало нѣсколько отдѣльныхъ соціалистическихъ организацій и гдѣ взаимная борьба этихъ организацій приносила такъ много вреда дѣлу пролетаріата, есть только одна соціалистическая партія, подъ знаменемъ которой пойдутъ,— по крайней мѣрѣ рѣшили идти,—вмѣстѣ всѣ оттѣнки французскаго соціализма. Соціалистическій пролетаріатъ всего міра громко и радостно привѣтствовалъ это событіе. И ему, въ самомъ дѣлѣ, нельзя не радоваться.

Мы не страдаемъ излишнимъ оптимизмомъ съ этой стороны.

Если бы насъ спросили, увѣрены ли мы въ прочности только что состоявшагося объединенія, то мы, не колеблясь, отвѣтили бы отрицательно. Такой увѣренности у насъ, къ сожалѣнію, пока еще нѣтъ. Мы сказали бы даже больше. Уже теперь, когда только еще начался медовый мѣсяцъ объединенія, мы видимъ во французской соціалистической печати признаки, которые показываютъ, что разногласія, вызвавшія такія жестокія раздоры между фран-

цузскими соціалистами, далеко не устранены. Вотъ знаменательный примѣръ. По случаю предстоящаго пріѣзда испанскаго короля въ Парижъ возникъ вопросъ, будетъ ли встрѣчать его предсѣдатель парижскаго муниципальнаго совѣта докторъ Поль Бруссъ,—котораго можно по всей справедливости назвать отцомъ французскаго соціалистическаго оппортунизма,—или постарается уклониться отъ этой чести подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Бруссъ поспѣшилъ категорически заявить, что уклоняться отъ встрѣчи Альфонса XIII онъ совсѣмъ не намѣренъ, а въ органѣ Жореса, „L'Humanité", появилась замѣтка, авторъ которой видитъ въ заявленіи Брусса отрадное доказательство того, что французскому соціализму чуждъ духъ демагогіи. Совершенно такъ разсуждали жоресисты во время пріѣзда во Францію русскаго царя и итальянскаго короля. Это даетъ основаніе опасаться, что они послѣ объединенія остались такими же, какими были до него. А такъ какъ мы уже знаемъ, до чего доводило этихъ людей ихъ своеобразное пониманіе „демагогіи", то мы поневолѣ начинаемъ считать возможнымъ новый разрывъ ихъ съ революціонными соціал-демократами. Но, несмотря на это, мы рѣшительно присоединяемся къ тѣмъ, которые радуются дѣлу, начатому еще въ августѣ прошлаго года въ Амстердамѣ и законченному въ Парижѣ 23—24 апрѣля. Оно представляетъ собою большую побѣду революціоннаго соціализма, — иначе называемаго ортодоксальнымъ марксизмомъ—надъ оппортунизмомъ.

Амстердамскій международный соціалистическій съѣздъ, какъ извѣстно, высказался противъ той тактики, которой держались французскіе оппортунисты во главѣ съ Жоресомъ и которой всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ сочувствовали соціалистическіе оппортунисты всѣхъ другихъ странъ. Въ Амстердамѣ было жарко, какъ говорятъ французы. Жоресъ защищался съ энергіей отчаянія, и былъ моментъ, когда, благодаря ловкому маневру соціалистическаго „центра", руководимаго В. Адлеромъ и Вандервельдомъ, казалось возможнымъ, что оппортунистамъ удастся и на этотъ разъ,—какъ удалось имъ это на парижскомъ международномъ съѣздѣ 1900 года,—помѣшать представителямъ международнаго пролетаріата высказать ясно и рѣшительно свою политическую мысль. Это опасеніе, къ счастью, не оправдалось. Непріятная оппуртунистамъ „дрезденская резолюція" была принята съ маленькой поправкой совершенно несущественнаго свойства, и французскимъ оппортунистамъ оставалось одно изъ двухъ:

выйти изъ рядовъ всемірнаго пролетаріата, или подчиниться рѣшенію международнаго съѣзда. Сознаніе этой, весьма непріятной для нихъ, необходимости привело ихъ въ сильное раздраженіе. Осыпая упреками „узкихъ догматиковъ" марксизма, будто бы неспособныхъ понять самыхъ важныхъ политическихъ задачъ современнаго рабочаго движенія, они упорно твердили, что резолюція амстердамскаго съѣзда не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ принявшее ее большинство состояло изъ делегатовъ преимущественно такихъ странъ, въ которыхъ пролетаріатъ еще не пріобрѣлъ серьезнаго политическаго вліянія. Это было не вѣрно; но этому придавали внѣшній видъ серьезнаго довода противъ ненавистной оппортунистамъ резолюціи. И это еще не все. Немедленно по возвращеніи изъ Амстердама—Жоресъ и наиболѣе видные изъ его единомышленниковъ предприняли агитаціонную поѣздку на сѣверъ Франціи съ цѣлью защитить свою „отвергнутую" международнымъ съѣздомъ тактику передъ лицомъ французскаго пролетаріата. Эта агитаціонная поѣздка увѣнчалась, повидимому, блестящимъ успѣхомъ. Рѣчи адвокатовъ оппортунизма вызывали шумныя, долго несмолкаемыя рукоплесканія, а резолюціи, предлагавшіяся этими адвокатами, принимались почти безъ оппозиціи на многолюдныхъ народныхъ собраніяхъ. Но весь этотъ громкій успѣхъ остался совершенно безплоднымъ: онъ не отмѣнилъ строгаго приговора, произнесеннаго надъ оппортунизмомъ въ Амстердамѣ. Конечно, если бы французскіе пролетаріи, рукоплескавшіе красивымъ рѣчамъ и трубному гласу Жореса, обнаружили рѣшительное желаніе не подчиняться амстердамскому приговору, то положеніе, испорченное этимъ приговоромъ, было бы до извѣстной степени поправимо. Жоресисты продолжали бы держаться своей прежней тактики, а международная соціалдемократія продолжала бы щадить ихъ, не желая отталкивать отъ себя значительную часть французскаго рабочаго класса. На слѣдующемъ международномъ съѣздѣ можно было бы, пожалуй, добиться какого-нибудь компромисса, на дѣлѣ равносильнаго отмѣнѣ амстердамскаго рѣшенія, и, такимъ образомъ, пресловутая „новая метода" была бы спасена. Но, увы! Пролетаріи, шедшіе за Жоресомъ, поступили какъ разъ наоборотъ. Они не только не обнаружили желанія возстать противъ амстердамскаго рѣшенія, но дали ясно понять своимъ вождямъ, что это рѣшеніе должно быть исполнено безъ проволочекъ. Уже въ то самое время, когда Жоресъ совершалъ свою агитаціонную поѣздку по сѣверу Франціи и,

повидимому, такъ успѣшно защищалъ свою тактику, рабочія собранія, происходившія въ самыхъ различныхъ мѣстахъ французской территоріи, одно за другимъ и одно рѣшительнѣе другого принимали резолюціи, приглашавшія вожаковъ оппортунизма преклониться передъ волей международнаго съѣзда. Это настроеніе крѣпло съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ становилось все больше и больше очевиднымъ, что Жоресъ и его ближайшіе единомышленники будутъ оставлены почти всей своей арміей, если пойдутъ въ разрѣзъ съ ними. Убѣдившись въ этомъ, главный штабъ французскаго оппортунизма увидѣлъ себя вынужденнымъ идти на уступки и заявить, что готовъ вступить въ переговоры для объединенія... на основѣ амстердамской резолюціи.

Въ концѣ декабря уполномоченные отъ различныхъ соціалистическихъ организацій [1]) пришли къ окончательному соглашенію относительно тѣхъ принциповъ, которыми должны будутъ руководствоваться объединенные французскіе соціалисты въ своей политической дѣятельности. И достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на „объединительную декларацію“, заключающую въ себѣ изложеніе этихъ руководящихъ принциповъ, чтобы увидѣть, какъ далеко идутъ уступки, сдѣланныя революціонной „ортодоксіи“ французскимъ соціалистическимъ оппортунизмомъ.

Впрочемъ, нѣтъ, мы выражаемся не точно. Оппортунизмъ не уступилъ, а просто на просто сдался своему противнику очистивъ передъ нимъ всѣ свои позиціи. Чрезвычайно интересно то мѣсто деклараціи, гдѣ говорится, что „по своей цѣли, по своему идеалу, по средствамъ, употребляемымъ ею, соціалистическая партія является партіей классовой борьбы и революціи, а не реформы, хотя и добивается въ то же время непосредственныхъ реформъ, требуемыхъ рабочимъ классомъ.“ Правда, оппортунисты могутъ утверждать,—и утверждали, —что отъ классовой борьбы они собственно не отказывались и что, хотя ихъ бывшій товарищъ Милльеранъ предпочиталъ ей „сотрудничество классовъ,“ зато Жоресъ всегда говорилъ о ней въ самыхъ прочувствованныхъ и возвышенныхъ выраженіяхъ. Но на дѣлѣ классовая борьба принимала у нихъ самый безобидный для буржуазіи видъ и

---

[1]) Кромѣ французской соціалистической партіи (жоресистовъ) и соціалистической партіи Франціи (гэдисты и бланкисты), въ переговорахъ участвовали еще: соціально-революціонная рабочая партія (аллеманисты) и независимыя федераціи устьевъ Роны, Эро, Бретани, Соммы-и-Іоны.

утрачивала всякій революціонный характеръ. Если бы французскій пролетаріатъ усвоилъ себѣ тактику оппортунистовъ, то французскій соціализмъ очень скоро совершенно превратился бы въ мирную партію буржуазной соціальной реформы. Въ области теоріи такой переходъ чрезвычайно облегчился бы для него тѣми разсужденіями о соціальномъ развитіи, которымъ съ особенной охотой предавались нѣмецкіе оппортунисты и въ результатѣ которыхъ получался успокоительный выводъ, гласившій,—разсудку вопреки, наперекоръ исторіи!,—что самое понятіе о соціальной революціи есть чистѣйшая безсмыслица. Теперь французскіе оппортунисты торжественно признали несостоятельность этого вывода; теперь они открыто стали подъ знамя соціальной революціи. Это—огромный шагъ впередъ, и мы очень довольны имъ. Но что скажетъ по его поводу г. Бернштейнъ? Что скажутъ „соціалдемократы", группирующіеся вокругъ редакціи журнала „Socialistische Monatshefte"?

Не менѣе интересно,—а съ практической точки зрѣнія особенно важно,—и заключающееся въ деклараціи указаніе на то, что представители соціалистической партіи составятъ во французскомъ парламентѣ отдѣльную группу, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, что эта группа обязана голосовать противъ бюджета и, наконецъ, что даже при исключительныхъ обстоятельствахъ она не имѣетъ права входить въ договоры съ другими парламентскими группами, если не получитъ предварительно разрѣшенія на такой шагъ отъ представляемой ею партіи. Прощай, „республиканскій блокъ"! Прощай, независимость соціалистическихъ депутатовъ! Отнынѣ всѣ они будутъ подчинены контролю организованнаго соціалистическаго пролетаріата, который, надѣемся, съумѣетъ предохранить ихъ отъ повторенія политическихъ ошибокъ, доставившихъ большинству изъ нихъ не совсѣмъ лестную извѣстность въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Мы пишемъ все это вовсе не затѣмъ, чтобы попрекать недавнимъ прошлымъ нашихъ товарищей, принадлежащихъ къ правому крылу французской соціалистической партіи. Къ чему безполезные упреки? Прошлаго не воротишь. Но именно потому, что мы не увѣрены въ прочности мира, только что заключеннаго между двумя фракціями французскаго соціализма; именно потому, что уже теперь, когда только что прекратилась междоусобная война, нѣкоторые оппортунисты исподтишка затягиваютъ свою старую пѣ-

сенку, мы считаемъ необходимымъ напомнить нашему читателю важнѣйшія изъ обстоятельствъ, подготовлявшихъ и сопровождавшихъ интересующее насъ событіе. Только принявъ въ соображеніе эти обстоятельства, можно выяснить себѣ его истинный смыслъ.

Международная соціалистическая „ортодоксія" побѣдила въ Амстердамѣ международный соціалистическій оппортунизмъ. Парижскій миръ между соціалистами былъ первымъ крупнымъ плодомъ этой побѣды. И этотъ крупный плодъ могъ созрѣть только въ здоровой атмосферѣ современнаго массоваго движенія пролетаріата. Если бы дѣло объединенія зависѣло въ послѣднемъ счетѣ отъ принадлежащихъ къ французской интеллигенціи сторонниковъ „новой методы", то оно не только не увѣнчалось бы успѣхомъ, но все болѣе и болѣе становилось бы безнадежнымъ. Мы никогда не были врагами интеллигенціи,—по крайней мѣрѣ, той интеллигенціи, которая была достаточно интеллигентна для усвоенія великой революціонной идеи нашего времени,—но мы не смотримъ на нее черезъ призму идеализаціи, мы видимъ ея недостатки. „Интеллигентъ" всегда хоть немножечко принадлежитъ къ породѣ „сверхъ-человѣковъ"; а „сверхъ-человѣки", страстно любящіе повелѣвать, не выносятъ даже и легкаго прикосновенія дисциплины. Было бы совсѣмъ неумѣстно разбирать здѣсь, какими соціальными причинами вызываются эти психологическія черты. Мы ограничимся тѣмъ, что констатируемъ ихъ существованіе, и попросимъ читателя представить себѣ, что должно происходить внутри партій, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ такихъ „сверхъ-человѣковъ". Мы думаемъ, что въ такихъ партіяхъ перевороты, расколы, coups d' ètats и всяческія междоусобія будутъ по необходимости происходить такъ же часто, какъ революціи въ латинскихъ государствахъ Америки. Замѣчательно, что соціалистическая интеллигенція, пока она не растворялась въ рабочемъ классѣ, нигдѣ не могла сложиться въ единую, прочную партію. Это объясняетъ намъ, почему расколы между соціалистами составляютъ обычное явленіе въ тѣхъ странахъ восточной Европы, гдѣ соціалистическія партіи до сихъ поръ состоятъ главнымъ образомъ изъ „интеллигентовъ". И единственнымъ,—не палліативнымъ,—лѣкарствомъ отъ такихъ „сверхъ-человѣческихъ" болѣзней можетъ служить лишь приданіе соціалистическимъ партіямъ истинно-пролетарскаго характера. Когда „рабочія партіи" этихъ странъ сдѣлаются партіями рабочихъ, тогда и расколы станутъ тамъ не правиломъ, а исклю-

ченіемъ, и распри интеллигентовъ перестанутъ вредить дѣлу пролетаріевъ...

Возвращаясь къ нашей темѣ, мы повторимъ, что мы не очень вѣримъ въ прочность только что создавшагося объединенія соціалистическихъ силъ Франціи. Общественная жизнь современнаго „демократическаго“ государства слишкомъ богата соблазнами, способными вовлечь въ политическіе грѣхи соціалистовъ, склонныхъ къ оппортунизму. Возможно, что прежнія разногласія, повидимому, совершенно устраненныя теперь „объединительной декларацiей“, скоро возобновятся во французской соціалистической средѣ съ новой силой. Но въ чемъ мы увѣрены совершенно твердо, такъ это въ томъ, что, въ случаѣ новаго раскола, огромная часть тѣхъ рабочихъ, которые шли когда-то за оппортунистами, останется въ рядахъ революціоной соціалистической арміи. И эта твердая увѣренность заставляетъ насъ сильно радоваться выгодному и почетному для революціонеровъ миру, заключенному въ Парижѣ 23—25 апрѣля.

Если бы мы захотѣли, въ заключеніе, оглянуться на тотъ „кризисъ французскаго соціализма“, который теперь закончился, по крайней мѣрѣ, на время, то мы должны были бы сказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ кризисомъ роста, какъ его назвалъ, кажется, Поль Лафаргъ.

Съ конца восьмидесятыхъ годовъ въ ряды французскихъ соціалистовъ стало притекать чрезвычайно много новыхъ пришельцевъ. Число голосовъ, подаваемыхъ за соціалистическихъ кандидатовъ, удваивалось чуть не при каждыхъ новыхъ выборахъ. Рядомъ съ этимъ, замѣчалось ослабленіе силъ лѣваго крыла буржуазіи—радикальной партіи. Избиратели, голосовавшіе прежде за радикаловъ, отдавали свои голоса соціалистамъ. Это отразилось, конечно, и на французской интеллигенціи. Прежде совершенно глухая къ голосу соціализма, она стала выдвигать изъ своей среды довольно значительное число соціалистовъ. Но эти новые соціалисты принесли съ собою изъ своего прежняго лагеря порядочный запасъ старыхъ мелко-буржуазныхъ предразсудковъ. И, когда они сравнивали свои взгляды со взглядами французскихъ марксистовъ, они неизбѣжно открывали большую разницу между ними. Эта разница, обусловленная ихъ отсталостью, объяснялась ими, какъ отсталость марксизма отъ новыхъ требованій жизни. И вотъ они заговорили о необходимости „критики Маркса“ и придумали „новую методу“. Борьба, вызван-

ная этой методой, продолжалась нѣсколько лѣтъ и закончилась, какъ мы видимъ, побѣдой марксизма. Парижскій объединительный съѣздъ похоронилъ „новую методу". Многіе и многіе изъ ея бывшихъ сторонниковъ, открывъ истинный источникъ своего заблужденія и ставъ соціалистами въ полномъ смыслѣ этого слова, уже никогда къ ней не вернутся. Но у нея могутъ явиться новые сторонники между тѣми людьми, которые впредь станутъ переходить къ соціалистамъ изъ буржуазнаго лагеря. Такіе люди будутъ, конечно, появляться вплоть до самой революціи. И чѣмъ больше будетъ такихъ людей, т. е. чѣмъ больше станетъ притягательная сила соціализма, тѣмъ больше будетъ расти возможность появленія новыхъ кризисовъ въ соціализмѣ и новыхъ „критиковъ Маркса". А такъ какъ ростъ притягательной силы соціализма показываетъ намъ, что правы были теоретики, обнаружившіе объективную необходимость этого роста, то мы рѣшаемся выставить слѣдующее, на первый взглядъ парадоксальное, положеніе:

„Кризисы" въ современномъ соціализмѣ будутъ тѣмъ чаще, чѣмъ больше правильность его теоріи,—марикизма,—будетъ подтверждаться ходомъ развитія современнаго общества.

Но именно по той причинѣ, что эти кризисы будутъ возникать не оттого, что марксизмъ ошибоченъ, а оттого, что онъ вѣренъ, всякій новый кризисъ будетъ вести къ новому торжеству „ортодоксіи" и ко все болѣе и болѣе сильному сплоченію рядовъ революціоннаго пролетаріата.

Г. Плехановъ.

Отдѣлъ II:

„Основы тактики“.

Нашъ съѣздъ.

(25 ноября, 1903 г., № 53).

Всего пять лѣтъ назадъ десятокъ революціонеровъ,—за которыми стояли только еще складывавшіяся организаціи, только еще выходившія изъ подполья кружковой пропаганды на арену общественной борьбы въ серьезномъ смыслѣ этого слова,— десятокъ революціонеровъ собрался, чтобы провозгласить возникновеніе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Ихъ инициативѣ удалось достичь того, что въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ порывались сдѣлать наиболѣе дальновидные члены активныхъ соціалдемократическихъ группъ. Партія была провозглашена, какъ идея, какъ символъ принципіальнаго единства задачъ пробуждавшагося въ разныхъ мѣстахъ страны пролетаріата.

Къ сожалѣнію, въ 1898 году Партія осталась только такимъ символомъ. И не потому, конечно, что случайныя обстоятельства— разгромъ выбраннаго первымъ съѣздомъ Центр. Комитета,—остановилъ развитіе партійной организаціи въ самомъ началѣ. Провалъ былъ дѣломъ случайнымъ, но необходимымъ было то, что партійная организація не могла возродиться послѣ этого провала. Въ наличной дѣйствительности не было еще элементовъ для образованія сколько нибудь живучей Партіи. Классовая борьба русскаго пролетаріата только возникла и переживала фазу раздробленнаго, разрозненнаго и туго поддававшагося объединенію протеста противъ соціальнаго гнета. На почвѣ этой зачаточной классовой борьбы только еще формировались элементы партійной организаціи—съ узкимъ кругозоромъ, придавленнымъ убожествомъ окружающихъ условій, съ пониженнымъ темпомъ революціоннаго настроенія. Провозглашеніе идеи партіи было большимъ шагомъ впередъ для тогдашней соціалдемократіи. Достаточно было поста-

вить вопросъ о партіи, чтобы вывести мысль работниковъ соціалдемократіи изъ круга „кустарной“ практики и доктринерской „кружковщины“. Ибо „партія“ значитъ прежде всего „общія задачи“, а общія задачи для борящагося класса означаютъ задачи политическія.

Выдвинуть идею партіи значило поставить на очередь вопросъ о политической организаціи рабочаго класса. А потому самый фактъ Iго съѣзда, оставившаго по себѣ извѣстный манифестъ, долженъ былъ поставить на очередь тотъ вопросъ, которому суждено было въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служить источникомъ нашихъ партійныхъ междоусобій. Переходъ русскихъ соціалдемократовъ отъ „экономизма“ къ рѣшительной „политикѣ“ былъ необходимой предпосылкой образованія дѣйствительной партіи, и до тѣхъ поръ, пока въ головахъ большинства дѣйствительныхъ товарищей прочно сидѣли традиціи „экономизма“, не могло быть и рѣчи о заполненіи партійной оболочки реальнымъ содержаніемъ.

Но между тѣмъ, какъ подъ напоромъ жизни и усиленнымъ воздѣйствіемъ литературной пропаганды петербургскіе, московскіе, одесскіе и др. экономисты превращались на дѣлѣ въ россійскихъ соціалдемократовъ, расли и множились элементы дѣйствительнаго организаціоннаго единства, способные создать и поддержать техническій аппаратъ партійной организаціи. Соціалдемократическій „кустарь“ вытѣснялся профессіональнымъ революціонеромъ, получившимъ свое политическое воспитаніе на все усложнявшейся работѣ передовыхъ организацій, въ атмосферѣ революціоннаго подъема, характеризующаго послѣдніе годы. Идейная борьба 1900—1902 годовъ создала для громаднаго большинства дѣйствующихъ товарищей идейное единство. Съ того момента, какъ эта цѣль была достигнута, насущнѣйшей задачей дня стало положить начало оформленному существованію такой организаціи, которая была бы способна осуществить это идейное единство въ планомѣрной политической работѣ. Созывъ съѣзда сталъ настоятельной потребностью, и наша необычайно разроешаяся за пять лѣтъ Партія съ чувствомъ законнаго удовлетворенія можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что ей удалось успѣшно выполнить эту задачу, несмотря на всѣ внутреннія и внѣшнія препятствія.

Второй съѣздъ долженъ былъ подвести крупные итоги—итоги пятилѣтней работы Партіи, пятилѣтней внутренней борьбы. Наслѣдство, которое предстояло „ликвидировать“, было громадно: немудрено, что съѣзду пришлось засѣдать болѣе трехъ недѣль,

и все же только часть намѣченныхъ вопросовъ могла быть имъ обсуждена.

Надо было принять общеобязательную партійную программму. Долгіе, пожалуй, слишкомъ долгіе дебаты [1]) сопровождали принятіе каждаго ея пункта. Здѣсь подводились итоги той теоретической, принципіальной борьбѣ, которая съ такой энергіей велась года два назадъ. Головокружительно быстрое развитіе русской политической жизни облегчило задачу партійнаго съѣзда, который долженъ былъ ликвидировать эту борьбу „ортодоксіи“ съ „ревизіонизмомъ“ („бернштейніанство“). Это развитіе выкачало изъ соціалдемократіи самые опасные и живучіе элементы бернштейніанскаго оппортунизма, чтобы привить ихъ различнымъ фракціямъ буржуазной демократіи. Наши „соціалисты-революціонеры“ и наши „освобожденцы“ представляютъ въ настоящее время лучшую охрану соціалдемократіи отъ яда оппортунизма. Простой инстинктъ политическаго самосохраненія вынуждаетъ соціалдемократію охранять принципіальную чистоту своей идеологіи. И неудивительно, что въ дебаты о партійной программѣ только одинокіе голоса вносили отзвуки той недавней эпохи, когда оппортунизмъ заражалъ собою всю Партію. „Ортодоксальная“ программа, программа революціонной соціалдемократіи, была громаднымъ большинствомъ голосовъ признана программой Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Не будемъ обольщаться этимъ успѣхомъ. Не забудемъ, что не послѣднюю роль въ немъ играло самоотстраненіе соціалистическаго оппортунизма, который обрѣлъ возможность пріютиться въ нѣдрахъ буржуазной демократіи, вынужденной объективными условіями придавать „соціалистическій“ характеръ своей программѣ. Благодаря этой причинѣ, побѣда „ортодоксіи“ далась намъ слишкомъ легко, и мы поступили бы опрометчиво, если бы почили на лаврахъ послѣ этой побѣды. Придутъ времена—и они уже не за горами,—когда въ атмосферѣ, освѣженной политическимъ преобразованіемъ, начнется процессъ перераспредѣленія политическихъ элементовъ, когда рабочему движенію придется развиваться подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ противорѣчій капиталистическаго строя, не осложненнымъ специфической политической обстановкой абсолютизма; когда этого, особенно успѣшно

[1]) Надо замѣтить, что главная часть этихъ дебатовъ происходила въ засѣданіяхъ комиссіи, бывшихъ гласными. Протоколы съѣзда не заключаютъ въ себѣ этихъ поучительныхъ дебатовъ.

революціонизирующаго сознаніе, фактора не будетъ налицо. Тогда нашъ пролетаріатъ столкнется лицомъ къ лицу со всѣми тѣми воздѣйствіями, которыя въ странахъ Зап. Европы противоборствуютъ прогрессирующему революціонизированію его мышленія.

Только тогда соціалистическій оппортунизмъ сможетъ стать реальной и опасной силой. И мы теперь же должны подготовляться къ этой возможности, мы теперь же должны ковать оружіе для борьбы съ оппортунизмомъ. А такимъ оружіемъ можетъ быть только высокій уровень классоваго самосознанія пролетаріата и пріобрѣтеннаго имъ политическаго воспитанія. Развитію классоваго самосознанія и политическаго воспитанія россійскаго пролетаріата въ цѣломъ противодѣйствуютъ убожество нашей политической жизни и давленіе нашего государственнаго строя. Тѣмъ съ большей энергіей должны мы работать надъ развитіемъ этихъ качествъ въ тѣхъ слояхъ пролетаріата, которые силой революціоннаго энтузіазма освободили свою волю и мысль отъ неограниченнаго господства этихъ внѣшнихъ условій. Тѣмъ съ большей энергіей должны мы теперь же, не покладая рукъ, работать надъ вовлеченіемъ все большаго и большаго числа пролетаріевъ въ организуемую нами рабочую партію. Всесторонняя и планомѣрная политическая агитація и непрестанная пропаганда теоретическихъ основъ нашей программы—этими средствами мы должны обезпечить рабочему классу выработку той соціалистической революціонной традиціи, которая послужитъ въ дальнѣйшемъ прочнымъ оплотомъ противъ оппортунистической деморализаціи его классоваго движенія.

Дѣло политическаго воспитанія пролетарскаго авангарда требуетъ для своего успѣха не только прочнаго программнаго базиса, но и соотвѣтствующихъ формъ его политической организаціи. Вопросъ о созданіи такой партійной организаціи, которая наилучшимъ образомъ обезпечила бы развитіе боевой готовности россійскаго пролетаріата и успѣхъ дѣла его политическаго воспитанія, занималъ партійные круги въ теченіе всего послѣдняго времени. По всей линіи нашего движенія за послѣдніе годы происходила сильная организаціонная ломка,—то движеніе приспособлялось къ новымъ партійнымъ задачамъ. Отъ партійнаго съѣзда мы всѣ ожидали, что онъ завершитъ эту работу, что онъ снесетъ всѣ обломки, загромождающіе путь, что онъ смѣло и рѣшительно заложитъ основы слитной партійной организаціи.

Съѣздъ серьезно задался цѣлью „ликвидировать періодъ кустарничества“. Къ сожалѣнію, надо признаться, что въ предыдущій періодъ ясно и полно въ партійной печати была рѣшена только отрицательная сторона этой задачи. Что должно быть уничтожено, чего не слѣдуетъ дѣлать изъ того, что дѣлалось до сихъ поръ—это понимали всѣ. Гораздо болѣе неопредѣленны и туманны были взгляды на то, что же дѣлать? Нужна централизованная партійная организація, не нужно „кустарничество“—таковъ былъ итогъ предшествовавшаго періода. Но какъ построить эту централизованную организацію, какая система учрежденій и отношеній между ними явится наиболѣе подходящей формой для развитія такой организаціи—объ этомъ думали мало и еще меньше говорили. Можно пойти дальше и съ увѣренностью утверждать, что для большинства товарищей организаціонный централизмъ былъ прежде всего опредѣленнымъ настроеніемъ, а не твердо и ясно продуманной идеей. И вотъ почему уставъ нашей Партіи, принятый на съѣздѣ, представляетъ произведеніе гораздо менѣе совершенное, чѣмъ принятая имъ программа. Вотъ почему и дебаты объ уставѣ, на нашъ взглядъ, были менѣе плодотворны, чѣмъ могли бы быть. Отдѣльные пункты устава дебатировались съ большой обстоятельностью и еще большей страстностью, нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ сконцентрировали на себѣ особенное вниманіе делегатовъ и вызвали среди единаго „искровскаго“ большинства раздѣленіе, въ которомъ сказалось глубоко-различное отношеніе къ существеннымъ вопросамъ партійной организаціи. Но ни глубина этого разногласія, ни принципіальныя основанія его не выяснились сразу громадному большинству съѣзда и только этимъ можно объяснить какъ то обстоятельство, что дебаты не выходили изъ одной узко-опредѣленной плоскости, такъ и то, что въ вопросахъ, выходящихъ за предѣлы этой плоскости, обѣ спорившія стороны казались—и другимъ, и самимъ себѣ—вполнѣ солидарными.

Благодаря этому, споръ при обсужденіи устава Партіи сконцентрировался почти исключительно на вопросѣ объ организаціи центральныхъ учрежденій Партіи. Взаимныя отношенія между литературнымъ органомъ Партіи, которому при русскихъ условіяхъ приходится играть такую важную организаціонную роль—съ одной стороны, и Центральнымъ Комитетомъ—съ другой, почти исключительно заполнили вниманіе большинства делегатовъ. Обѣ намѣтившіяся стороны стремились создать вполнѣ

централизованную партійную организацію и обезпечить устойчивость и выдержанность политики партійнаго центра. Но въ то время, какъ для однихъ лучшимъ средствомъ къ этой цѣли представлялось закрѣпленіе помощью „строгихъ“ пунктовъ устава опредѣленнаго („искровскаго“) вліянія на Ц. К. и—черезъ посредство его—на всѣ партійныя организаціи, другіе, отрицая „творческое значеніе въ этомъ смыслѣ за пунктами устава и тѣми или иными, не соотвѣтствующими реальному отношенію силъ въ Партіи „строгими“ рѣшеніями съѣзда, выдвигали задачу постепеннаго преобразованія нашей, по существу еще очень неорганизованной и раздробленной, Партіи путемъ организаціоннаго воспитанія ея членовъ и централизаціи—на дѣлѣ, а не на бумагѣ лишь—главнѣйшихъ функцій партійной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія меньшинство съѣзда отвергло всѣ тѣ требованія, которыя грозили, на его взглядъ, развить чисто внѣшній, формально бюрократическій централизмъ въ партійной организаціи со всѣми его послѣдствіями—сектантской кружковщиной, постоянными расколами и фактическимъ безсиліемъ партійныхъ центровъ при фактическомъ торжествѣ исконной нашей партійной анархіи.

Къ сожалѣнію, держась, такъ сказать, оборонительной позиціи и не придавая достаточнаго значенія „буквѣ закона“, меньшинство, повторяемъ, ограничилось отстаиваніемъ своихъ тенденцій, главнымъ образомъ, въ сферѣ вопроса о взаимоотношеніи партійныхъ центровъ. Ему казалось, что правильная организація партійныхъ центровъ рѣшаетъ окончательно вопросъ о томъ направленіи, которое будетъ придано работѣ по централизаціи партійнаго дѣла. Этимъ надо объяснить какъ рядъ явныхъ пробѣловъ въ принятомъ на съѣздѣ уставѣ—пробѣловъ въ дѣлѣ точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній между центральнымъ комитетомъ и мѣстными организаціями—такъ и несомнѣнно незаслуженное невниманіе „искровцевъ“ обоихъ оттѣнковъ къ важнымъ, и, по существу, достойнымъ вниманія указаніямъ нѣкоторыхъ делегатовъ изъ немногочисленнаго лагеря не—„искровцевъ“. Мы дѣлаемъ эту оговорку для того, чтобы обратить вниманіе читателя имѣющихъ выйти протоколовъ съѣзда на тѣ стороны организаціоннаго вопроса, которыя выдвигались именно этими делегатами.

Уставъ Партіи, принятый съѣздомъ, носитъ довольно мозаичный характеръ, поскольку въ отдѣльныхъ его пунктахъ нашли себѣ выраженіе поочередно тенденціи какъ большинства, такъ и

меньшинства „искровцевъ“. Этотъ мозаичный его характеръ, въ связи съ пробѣлами, выше отмѣченными, заставляетъ опасаться, что при примѣненіи устава къ партійной работѣ могутъ легко возникнуть конфликты между отдѣльными учрежденіями Партіи. Чѣмъ меньше бюрократическаго формализма будутъ вкладывать товарищи въ пониманіе задачъ централизаціи партійной работы, тѣмъ легче такіе конфликты будутъ улаживаться и тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ самое дѣло централизаціи. А надъ этимъ дѣломъ надо еще очень много и очень дружно работать, и работать не однимъ только центральнымъ учрежденіямъ, но и всѣмъ членамъ Партіи. Централизовать партійную работу значитъ не просто отнять такія-то „права“ у ѣстныхъ комитетовъ и передать ихъ — центральному: это значи ежде всего, внести въ выполненіе каждой мѣстной работы , партійный, вмѣсто групповой или приходской политики; эт начитъ, съ другой стороны, связать мѣстныя учрежденія Пар съ ея центральными органами такой крѣпкой и покоющейся на взаимномъ довѣріи связью, при наличности которой не можетъ и возникать вопроса объ антагонизмѣ мѣстныхъ и общепартійныхъ „интересовъ“. Это значитъ, слѣдовательно, что центральныя учрежденія Партіи должны прежде всего стремиться стать фактическими центрами, т. е. собрать вокругъ себя всѣ наиболѣе зрѣлыя революціонныя силы и обслуживать нужды раскинутыхъ по всей Россіи мѣстныхъ организацій такъ, чтобы послѣднія пріучились видѣть въ партійномъ центрѣ учрежденіе, дѣйствительно, а не по уставу лишь, „объединяющее и направляющее всю дѣятельность Партіи“.

Это значитъ, далѣе, что центры Партіи должны находиться въ самомъ живомъ общеніи со всѣми работниками соціалдемократіи и что, чѣмъ болѣе мы вынуждены русскими условіями вытравить изъ нашихъ организаціонныхъ отношеній формально—„демократическое“ начало, тѣмъ болѣе мы должны избѣгать замѣны его столь же формально-„бюрократическимъ“ принципомъ, тѣмъ болѣе важно оно для насъ, чтобы центры Партіи находились въ своей дѣятельности подъ постояннымъ давленіемъ партійнаго „общественнаго мнѣнія“, общественнаго мнѣнія сознательныхъ революціонеровъ, которые тѣмъ охотнѣе будутъ подчиняться суровымъ подчасъ требованіямъ дисциплины, чѣмъ болѣе партійный, чѣмъ менѣе кружковой характеръ будетъ носить политика центровъ, чѣмъ болѣе серьезно будетъ эта политика считаться съ этимъ общественнымъ мнѣніемъ. И, наконецъ,

тѣмъ скорѣе наша Партія получитъ свою централизованную „боевую организацію“, чѣмъ больше каждый членъ ея научится сознавать свой партійный долгъ не въ смыслѣ одного лишь „безпрекословнаго“ выполненія въ своей узкой сферѣ того, что „велятъ“, а въ смыслѣ постояннаго, сознательнаго и активнаго участія во всѣхъ проявленіяхъ организаціонной жизни своей Партіи. Намъ нужна, крайне нужна строго-централизованная Партійная организація, но эту организацію нельзя составить изъ тѣсныхъ центральныхъ группъ, опирающихся на массу детализировавшихся по спеціальностямъ и вольно или невольно отказавшихся отъ всякаго „разсужденія“ работниковъ революціи — все тѣхъ же „кустарей“ прошлаго періода, только пожертвовавшихъ своими былыми анархическими замашками. Нѣтъ! Наша централизованная организація будетъ организаціей революціонеровъ, умѣющихъ подчиниться и идти въ ногу, но никогда не забывающихъ о томъ, что они члены Партіи и что каждый изъ нихъ долженъ принимать самое активное и сознательное участіе въ процессѣ выработки высшихъ формъ движенія.

На пути къ созданію централистической организаціи передъ съѣздомъ стоялъ вопросъ о „Бундѣ“ и его мѣстѣ въ Партіи. Въ этомъ вопросѣ намъ тоже пришлось только подвести итогъ тому, что было сдѣлано въ предыдущій періодъ. Въ то время, какъ между остальными частями Партіи приходская обособленность все болѣе ослаблялась, и къ моменту съѣзда идея единства всецѣло господствовала надъ умами, отношенія между Бундомъ и всей остальной Партіей становились все болѣе формальными, и въ процессѣ духовнаго объединенія Партіи Бундъ не принималъ никакого участія. При такихъ условіяхъ намъ приходилось согласиться съ Бундомъ объ его мѣстѣ въ Партіи. При господствующемъ въ „Бундѣ“ тяготѣніи къ федерализму, сохраненіе Бунда въ Партіи могло быть куплено только цѣною освященія организаціоннаго разброда въ значительной части сферы нашей дѣятельности. Съѣздъ отвергъ такъ называемый „уставъ-максимумъ“, предложенный Бундомъ и заключавшій въ себѣ полное проведеніе принципа національнаго федерализма. Делегаты „Бунда“ выдвинули тогда свой „уставъ-минимумъ“, который, за вычетомъ параграфа о спеціальномъ представительствѣ еврейскихъ пролетарскихъ интересовъ въ рядахъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи, могъ уже служить базисомъ для соглашенія между двумя частями Партіи. Въ отвѣтъ на отклоненіе съѣздомъ указаннаго только что параграфа

(„Бундъ есть единственный представитель еврейскаго пролетаріата и т. д.“) делегаты Бунда заявили о выходѣ ихъ организаціи изъ Партіи. Печальная политическая ошибка, отъ которой всего болѣе пострадаетъ еврейскій пролетаріатъ.

Неопытностью русскихъ социалдемократовъ въ новомъ для нихъ дѣлѣ приходится объяснить тотъ фактъ, что, затративъ очень много времени на дебаты по главнымъ пунктамъ порядка дня, съѣздъ оказался вынужденнымъ сократить остальную часть своихъ дебатовъ и оставить безъ разсмотрѣнія цѣлый рядъ весьма существенныхъ вопросовъ тактики и организаціи, ограничившись по другимъ, столь же важнымъ вопросамъ, принятіемъ резолюцій, безъ обстоятельнаго ихъ обсужденія. Возможность такого принятія ихъ сама по себѣ уже указываетъ на то, что серьезныя разногласія, проявившіяся на съѣздѣ, не выходили за предѣлы вопросовъ организаціонныхъ.

Какія же указанія даетъ намъ, въ концѣ концовъ, второй съѣздъ о состояніи нашей Партіи? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить такъ: прежде всего съѣздъ указалъ на громадный ростъ соціалдемократическаго движенія за послѣдніе годы. Далѣе, съѣздъ показалъ, что въ рядахъ Партіи господствуетъ единство по основнымъ вопросамъ партійной программы и тактики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ возможность констатировать, что господствовавшія прежде организаціонныя тенденціи пришли къ полному банкротству и что масса соціалдемократовъ стремится къ организаціи движенія на началахъ централизма. Но въ то время оказалось, что въ Партіи нѣтъ еще единства ни по вопросу о методахъ проведенія въ жизнь новыхъ организаціонныхъ принциповъ, ни по вопросу о предѣлахъ и характерѣ возможной и полезной для соціалдемократическаго движенія централизаціи. Неожиданно вспыхнувшія по этимъ вопросамъ разногласія ослабили въ значительной степени тотъ характеръ единодушія и единомыслія, которымъ отличалась первая половина работъ съѣзда. Эти разногласія внесли глубокое раздѣленіе въ среду дотолѣ едино, мыслящихъ группъ, и слѣды этого раздѣленія, къ сожалѣнію, долго будутъ напоминать о себѣ. Но, создавъ рамки оформленной общепартійной организаціи, съѣздъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ возможнымъ такое развитіе Партіи, при которомъ эти и подобныя раздѣленія могутъ не затрагивать организаціоннаго единства. Для этого нужно только серьезное и вдумчивое отношеніе къ организаціоннымъ вопросамъ, раздѣлившимъ съѣздъ. Мы надѣемся, что

освѣщеніе спорныхъ вопросовъ въ литературѣ будетъ содѣйствовать возстановленію единомыслія и по этимъ вопросамъ.

Второй съѣздъ подвелъ—худо ли, хорошо ли,—итоги пятилѣтнему процессу выработки россійской соціалдемократіи въ **политическую партію**. Худо ли, хорошо ли, съѣздомъ заложены основанія для выработки той централизованной партійной организаціи, безъ которой Партія не можетъ выполнить поставленныхъ ею широкихъ задачъ. И, исходя отъ результатовъ второго съѣзда, Партія должна въ своей организаціонной работѣ додѣлать то, что не было закончено, передѣлать то, что сдѣлано неладно. Знакомство съ протоколами партійнаго съѣзда должно дать всѣмъ членамъ Партіи богатый матеріалъ для выясненія всѣхъ спорныхъ вопросовъ партійной жизни.

Л. Мартовъ.

Объединеніе россійской соціалдемократіи и ея задачи.

Итоги ликвидаціи кустарничества.

I.

(15 декабря, 1903., № 55).

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ Марксъ, въ своей брошюрѣ „Восемнадцатое Брюмера Луи-Бонапарта", характеризовалъ ходъ освободительнаго движенія рабочаго класса, въ противоположность „буржуазнымъ революціямъ", слѣдующимъ образомъ: „Революціи пролетаріата, какова революція девятнадцатаго вѣка, постоянно критикуютъ сами себя, то и дѣло останавливаются на ходу, возвращаются къ, повидимому, уже сдѣланному, чтобы еще разъ начать сначала, жестоко, основательно осмѣиваютъ половинчатость, слабыя стороны и негодность своихъ первыхъ попытокъ" [1])...

Россійская соціалдемократія, партія пролетарская по своей

---

*) Русскій переводъ Б. Кричевскаго, стр 11.

теоретической основѣ и программѣ, но далеко еще не таковая по соціальному составу и **х а р а к т е р у** своей организаціи, также почти не перестаетъ подвергать себя строгой критикѣ, „то и дѣло останавливается на ходу“ и „жестоко, основательно осмѣиваетъ слабыя стороны“ своей дѣятельности. Но она поступаетъ такъ не только стихійно, непроизвольно, она обязана сознательно, систематически слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и подвергать строжайшей критикѣ всякую обнаруживающуюся односторонность или ошибку въ своей тактикѣ. Обязана потому, что она только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, она, пока, является еще преимущественно организаціей лишь принципіальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди революціонной интеллигенціи. Кромѣ того, въ Россіи дѣло идетъ еще не о „революціи пролетаріата“ въ смыслѣ завоеванія имъ диктатуры, а только объ освобожденіи всего населенія имперіи отъ политическаго рабства, т. е. о революціи буржуазной. И само тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ соціализму и къ пролетаріату объективно, исторически, въ конечномъ счетѣ, вызывается и обусловливается не классовой борьбой послѣдняго, а обще-демократической потребностью послѣдняго всѣхъ націй и классовъ избавиться отъ гнета пережитковъ крѣпостнической эпохи. Вліяніе пролетарскаго или соціалдемократическаго элемента въ современномъ революціонномъ движеніи Россіи можетъ выразиться лишь въ томъ, что подготовительный процессъ буржуазной революціи явится въ то же время процессомъ политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ въ партію революціоннаго соціализма. Задача и долгъ россійской соціалдемократіи заключаются именно въ томъ, чтобы обратить, такимъ путемъ, предстоящую ликвидацію сословнаго и самодержавно-бюрократическаго строя въ непосредственный прологъ классовой борьбы пролетаріата уже съ непосредственной цѣлью политической экспропріаціи буржуазіи, для совершенія революціи соціалистической. Но въ то время, какъ элементы, благопріятные для осуществленія этой, спеціально соціалдемократической, задачи должны быть еще отысканы и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ изучены, въ то время, какъ умѣнье или искусство пользоваться ими можетъ быть пріобрѣтено только путемъ значительныхъ усилій мысли и воли, историческая стихія нѣкоторыми своими сторонами сама толкаетъ наше движеніе въ сторону буржуазнаго революціонизма—наперекоръ нашимъ желаніямъ и

нашему сознанію. Этотъ двусторонній, исторически противорѣчивый характеръ положенія и задачъ нашей партіи прямо налагаетъ на нее обязанность „то и дѣло останавливаться на ходу“, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ „половинчатости, слабыхъ сторонахъ и негодности своихъ первыхъ попытокъ“. Въ современныхъ условіяхъ развитія нашей партіи каждая ея ошибка, каждый ложный или односторонній шагъ можетъ повести къ тому, что вмѣсто того, чтобы подготовительный процессъ нашей буржуазной революціи послужилъ орудіемъ и рычагомъ для „революціи пролетаріата“, наоборотъ наше рабочее движеніе само низведено будетъ до роли простого орудія въ этомъ процессѣ. Для предупрежденія такого непріятнаго сюрприза со стороны слѣпыхъ силъ исторіи, у соціалдемократіи одно только средство и есть: постоянная самокритика, подъ угломъ зрѣнія своихъ принциповъ и классовыхъ интересовъ пролетаріата.

Такой процедурѣ мы впервые подвергали себя наканунѣ перехода на путь массовой агитаціи на почвѣ непосредственныхъ столкновеній рабочихъ съ ихъ хозяевами. Въ теченіе этого періода движеніе наше пріобрѣло глубокіе корни въ пролетаріатѣ, революціонизировало настроеніе и даже сознаніе значительныхъ круговъ его и подняло ихъ революціонную активность. Политическій итогъ періода экономической агитаціи, ограниченной узкими рамками профессіональныхъ или групповыхъ интересовъ, выступилъ наружу въ революціонныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ у насъ первый годъ новаго вѣка. Рабочіе тысячами рвались въ бой съ опричниками, но соціалдемократія оказалась совершенно неподготовленной для руководства массами въ такіе бурные моменты. Рабочіе пошли бы за кѣмъ угодно. Но другой революціонной партіи, кромѣ—соціалдемократической, совсѣмъ не оказывалось налицо. Это обстоятельство и спасло ее. Если бы въ этотъ періодъ на аренѣ политической борьбы оказалась сколько-нибудь организованная буржуазно-революціонная фракція, способная стать во главѣ революціонно настроенныхъ рабочихъ массъ, наша партія сразу оттѣснена была бы на задній планъ и, быть можетъ, надолго лишилась бы всякаго серьезнаго общественнаго значенія.

Крупные, факты наглядно и ярко оправдали, такимъ образомъ, критику теоріи и практики такъ называемаго экономизма, начавшуюся еще въ изданіяхъ группы „Освобожденія Труда“ и продолжавшуюся „Искрой“. Несоотвѣтствіе между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ Партіи съ одной стороны, и запросами,

предъявленными къ ней стихійно разрѣшившимися событіями, съ другой—было такъ велико, такъ сильно бросалось въ глаза, что и самые недальновидные изъ практиковъ должны были увидѣть наиболѣе явные недочеты истекавшаго періода и понять необходимость програмнаго и организаціоннаго объединенія соціалдемократіи.

Критика и даже „нетоварищескіе“ полемическіе пріемы революціонныхъ соціалдемократовъ или „ортодоксальныхъ“ марксистовъ нашли для себя воспріимчивую почву,—и скоро лозунгъ „долой организаціонную анархію и да здравствуетъ сплоченіе всѣхъ силъ соціалдемократіи въ одну строго централизованную организацію!“ сталъ общимъ кличемъ большинства членовъ нашей партіи.

Въ настоящій моментъ этотъ лозунгъ сталъ реальнымъ фактомъ. Недавно состоявшійся второй съѣздъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи осуществилъ объединительное стремленіе огромнаго большинства нашихъ товарищей. Теперь, казалось бы, можно намъ, если и не успокоиться на лаврахъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть отдохнуть отъ самокритики и всецѣло предаться „положительной работѣ“. Къ сожалѣнію, дѣло не совсѣмъ такъ обстоитъ. Съѣздъ долженъ былъ радикально ликвидировать пассивы, оставленные предшествующими періодами. Для этого ему необходимо было бы ясно опредѣлить тѣ задачи, которыя объединенная партія должна будетъ преслѣдовать, и намѣтить тѣ пути, которыми она должна ихъ осуществлять. Дѣло съѣзда было также выработать директиву или указанія центральнымъ учрежденіямъ насчетъ предварительныхъ работъ, необходимыхъ для подготовленія Партіи къ расширенію круга ея задачъ и арены дѣятельности. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. Съѣздъ удовлетворился обсужденіемъ и утвержденіемъ программы, выработкой устава и выборомъ членовъ въ Ц. О. и Ц. К. Затѣмъ, большинство делегатовъ разъѣхалось, въ наивной увѣренности, что они радикально покончили съ ликвидаціей періода младенчества нашего движенія, не подозрѣвая даже, что теперь-то именно, послѣ формальнаго объединенія Партіи, передъ нами во всей своей исторической конкретности и сложности выдвигается на очередь вопросъ: „Что дѣлать“? Делегаты проявили чрезвычайно много страстности, когда рѣчь шла о деталяхъ устава, о составѣ, іерархіи и взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ партійныхъ учрежденій, но большинство изъ нихъ, повидимому, и не догадывалось,

что жизнеспособность новой организаціи будетъ прямо пропорціональна объему и значенію того содержанія, которое она внесетъ въ движеніе. Торжество централизма въ нашемъ организаціонномъ механизмѣ кажется имъ, очевидно, само по себѣ равносильнымъ устраненію всѣхъ изъяновъ и недочетовъ въ россійской соціалдемократіи; въ централизмѣ они видятъ нѣчто самодовлѣющее, родъ всеспасающаго, чудеса творящаго талисмана.

Это идолопоклонство передъ формальнымъ, механическимъ централизмомъ приходится также поставить на счетъ недавнему прошлому нашей Партіи, оно есть также наслѣдіе, хотя и косвенное, этого прошлаго.

II.

Въ періодъ „экономизма“ борьба рабочихъ съ предпринимателями признавалась классической формой пролетарской борьбы или „чисто“ рабочимъ движеніемъ. Агитація политическая представлялась тогда большинству товарищей, какъ антиподъ этого движенія, и откладывалась ими до того времени, когда профессіональная борьба поставитъ рабочія массы лицомъ къ лицу съ самодержавіемъ, какъ съ ихъ непримиримымъ врагомъ. Содержаніе предстоявшей пролетарской политической борьбы въ самодержавной Россіи исчерпывалось для нихъ задачей борьбы съ абсолютизмомъ, точно такъ же какъ содержаніе экономической борьбы ограничено было фактами и вопросами, не выходящими изъ конкретныхъ рамокъ повседневнаго антагонизма отдѣльныхъ группъ и профессій съ непосредственными эксплуататорами. Но исторія не ждала того момента, когда пролетаріатъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ своего антагонизма съ „хозяевами“, самъ вступитъ въ борьбу съ самодержавіемъ; наоборотъ, она совершенно неожиданно толкнула въ эту борьбу и пролетаріатъ, и самихъ соціалдемократовъ, и при томъ воспользовалась для этого не рабочимъ движеніемъ, а студенческимъ. Прямой импульсъ для первыхъ взрывовъ массового политическаго недовольства данъ былъ студенческими волненіями, и студенчество же явилось застрѣльщикомъ и знаменоносцемъ въ нихъ. Соціалдемократы оказались, такимъ образомъ, стихійно вовлеченными въ политическую борьбу, а не иниціаторами ея. Это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на послѣдующій періодъ нашего движенія,

Благодаря ему, мы оказались вынужденными выступить политическими руководителями рабочихъ массъ при полной дезорганизаціи нашихъ силъ и идейномъ разбродѣ, имѣя въ запасѣ одну только положительную, но абстрактную формулу: „социалдемократія должна руководить пролетаріатомъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ“. Въ примѣненіи на практикѣ формула эта означала: „необходимо вовлекать все болѣе и болѣе широкія массы“ въ эту борьбу. Но „вовлекать“ ихъ въ политическую борьбу можно различнымъ образомъ. Соціалдемократическая практика должна, очевидно, и въ данномъ случаѣ принципіально отличаться отъ практики буржуазныхъ партій. Но эта сторона вопроса о политическомъ руководствѣ пролетаріатомъ какъ бы и не существовала для массы нашихъ практиковъ. Съ перемѣщеніемъ центра нашей партійной дѣятельности въ сферу агитаціи на почвѣ общедемократическаго антагонизма пролетаріата съ самодержавіемъ, всякое революціонизированіе рабочихъ массъ, съ цѣлью „вовлеченія ихъ въ борьбу“ съ нимъ, пріобрѣло въ кругу многихъ соціалдемократовъ такое же значеніе универсальнаго средства классоваго воспитанія этихъ массъ, какимъ прежде для нихъ была агитація узко-экономическая.

Между нашими политическими задачами въ современной Россіи и общедемократической злободневной задачей борьбы съ абсолютистскимъ режимомъ—лишь бы во главѣ массъ въ этой борьбѣ шла соціалдемократія — поставленъ былъ знакъ равенства. Но если послѣднимъ словомъ соціалдемократическаго трэдъюніонизма была пропаганда политической опеки либеральной интеллигенціи надъ пролетаріатомъ, то послѣднимъ словомъ увлеченія „политикой“ въ указанномъ одностороннемъ смыслѣ была бы отдача рабочихъ массъ подъ команду революціонныхъ элементовъ буржуазіи, хотя бы по обстоятельствамъ мѣста и времени элементамъ этимъ и приходилось бы осуществлять свою миссію подъ флагомъ соціалдемократіи.

Эта „конечная“ тенденція увлеченія „политикой“ въ томъ упрощенномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали „экономисты“, довольно отчетливо проявилась наружу въ 1901 г., когда подъ впечатлѣніемъ бурныхъ событій этого года, отовсюду въ нашемъ лагерѣ и въ лагерѣ нашихъ демократическихъ противниковъ началъ раздаваться кличъ: „долой всякія разногласія и междоусобія среди революціонеровъ изъ-за теорій, доктринъ, разныхъ догмъ, и да здравствуетъ объединеніе всѣхъ революціонныхъ силъ для

борьбы за свободу". Социалдемократъ Нестяжатель наивно спрашивалъ на страницахъ „Вѣстника Русск. Рев.": „что же насъ разъединяетъ?„ „Насъ"—т. е. социалдемократовъ разныхъ оттѣнковъ между собою, и ихъ всѣхъ въ совокупности, съ одной стороны, и социалистовъ-революціонеровъ, съ другой. Явное сочувствіе террору, увлеченіе которымъ грозило ослабленіемъ агитаціонной и организаціонной дѣятельности въ рабочихъ массахъ, призывы къ коренному измѣненію „въ 24 часа" нашей обычной тактики, разсчитанной на медленный эволюціонный ростъ сознательности рабочей массы, на систематическое воспитаніе ея, и къ такому же скоропалительному созданію боевой организаціи, „способной повести массу на немедленную атаку противъ самодержавія", атаку, осуществимую—при тогдашнихъ условіяхъ—только путемъ быстраго подбора и сплоченія чисто боевыхъ, т. е. военныхъ силъ революціи,—все равно, къ какой бы партіи онѣ ни принадлежали, на почвѣ какихъ бы принциповъ онѣ ни стояли—въ особую, т. е. сверхпартійную организацію—наконецъ, въ логической или психологической связи со всѣмъ этимъ ослабленіе принципіальной противоположности между воззрѣніями социалдемократіи и другихъ революціонныхъ элементовъ—таковы симптомы и проявленія того крупнаго поворота въ настроеніи товарищей, которое вызвано было стихійнымъ вовлеченіемъ нашей партіи на арену непосредственной борьбы съ абсолютизмомъ. Этотъ поворотъ грозилъ намъ ни болѣе, ни менѣе, какъ принципіальнымъ и политическимъ обезличиваніемъ социалдемократическаго и всего рабочаго движенія въ Россіи.

Революціонная социалдемократія рѣзко выступила противъ этихъ тенденцій, опираясь при этомъ на такіе реальные факты, какъ громадный ростъ массоваго рабочаго движенія и тѣсная связь—практическая и идеальная,—создавшаяся между ними и нашей партіей въ періодъ экономизма. Немало благопріятствовали ей и несостоятельность такъ называемыхъ „социалистовъ-революціонеровъ" и пропасть, раздѣлявшая ихъ отъ тѣхъ принциповъ пролетарскаго социализма, которые, худо ли, хорошо ли, вошли въ предыдущій періодъ въ плоть и кровь большинства практиковъ-социалдемократовъ. Наконецъ,—и это очень существенное обстоятельство—провозвѣстникомъ крутого поворота къ „политикѣ", въ духѣ буржуазнаго революціонизма, явились представители того же самаго лагеря, который еще наканунѣ новаго революціоннаго подъема стоялъ на почвѣ крайней постепеновщины.

Событія, которыми ознаменовался новый революціонный періодъ, наглядно подтвердили основательность опасеній, высказывавшихся въ изданіяхъ революціонныхъ марксистовъ по поводу тяготѣнія нашихъ практиковъ къ трэдъ-юніонской тактикѣ уже въ то время, когда она еще не была возведена въ систему, извѣстную подъ названіемъ „экономизма". Какъ разъ наканунѣ этого періода революціонная соціалдемократія выступила съ самостоятельнымъ органомъ, съ газетой „Искра", въ которой она объявила войну на жизнь и на смерть экономизму, идейнымъ шатаніямъ и организаціонной анархіи, какъ элементамъ, несовмѣстимымъ съ историческими задачами нашего движенія. А стремительный поворотъ оппортюнистическихъ элементовъ въ сторону „политики", съ готовностью пожертвовать настроенію минуты основными интересами пролетарскаго движенія, явился прямымъ оправданіемъ для этой войны, такъ какъ сами событія, вызвавшія его, наглядно иллюстрировали справедливость того, что уже прежде говорила „Искра" о полномъ несоотвѣтствіи между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ партіи, съ одной стороны, и революціонностью рабочихъ массъ, съ другой. Борьба не могла не окончиться побѣдой революціонной соціалдемократіи надъ ея сознательными и полусознательными противниками въ партіи. Бернштейніанство, оппортюнизмъ, экономизмъ и организаціонная анархія хронологически и фактически такъ ассоціировались другъ съ другомъ, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не могъ быть компрометтированъ, не компрометтируя остальныхъ, и банкротство одного изъ нихъ не могло не сопровождаться или не совпадать съ банкротствомъ другихъ. И въ то время, какъ слова „оппортюнизмъ", „ревизіонизмъ" и „экономизмъ" стали синонимами всѣхъ недочетовъ нашего движенія и названіями для первоисточника всѣхъ его бѣдъ, съ именемъ революціонной соціалдемократіи все болѣе и болѣе неразрывно сливалось представленіе объ якорѣ спасенія, чуть не о мессіи, явившемся для того, чтобы избавить движеніе отъ всѣхъ его грѣховъ и вывести его на широкую арену открытой борьбы съ абсолютизмомъ. Полная побѣда революціонной соціалдемократіи надъ другими теченіями въ нашей партіи оффиціально, такъ сказать, закрѣплена и провозглашена на ея второмъ съѣздѣ; но если мы теперь спросимъ себя, какими же собственно положительными результатами принципіальнаго соціалистическаго характера побѣда эта сопровождалась, то должны будемъ отвѣтить, что они ограничиваются почти исключительно областью

стремленій, симпатій и идей, между тѣмъ какъ практика нашего движенія подвинулась впередъ только въ общереволюціонномъ, а не спеціально соціалдемократическомъ смыслѣ. Подъ вліяніемъ литературной пропаганды „Зари" и „Искры" въ партіи восторжествовало убѣжденіе, что „только принципы революціоннаго марксизма опредѣляютъ насущныя задачи россійскаго пролетаріата въ его классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ и русскимъ самодержавіемъ въ частности" [1]. „Внести эти принципы въ сознаніе россійскаго рабочаго класса"—вотъ стремленіе, воодушевляющее массу товарищей. Но, въ дѣйствительности, въ практикѣ нашего движенія оно находитъ себѣ очень слабое выраженіе. Классовую борьбу „со всѣмъ буржуазнымъ строемъ" эта практика почти что игнорируетъ и фактически исчерпывается одной только „борьбой съ самодержавіемъ", связанной съ „пролетарскимъ ученіемъ" лишь соціалдемократической фразеологіей, въ „идеалѣ", вообще—субъективными стремленіями платоническаго свойства. Объективную же тенденцію нашей практики съ классической наивностью формулировалъ въ своемъ уставѣ, какъ субъективную цѣль, одинъ комитетъ слѣдующими словами: „Признавая, что при настоящихъ условіяхъ насильственный переворотъ въ Россіи можно провести, лишь опираясь на готовую къ повиновенію [2]) и къ открытому возстанію рабочую массу крупныхъ промышленныхъ центровъ, мы главнымъ центромъ нашей работы ставимъ организацію рабочаго класса".

III.

Между теоретическими или идейными завоеваніями революціоннаго соціалдемократизма въ нашемъ движеніи и фактическимъ содержаніемъ и объективной тенденціей нашей практики оказывается, такимъ образомъ, рѣзкій контрастъ, чтобы не сказать прямо принципіальное противорѣчіе. Но тотъ же періодъ, въ теченіе котораго оно создано было, подготовилъ элементы и для его устраненія, то есть для выступленія партіи на путь политическаго воспитанія и объединенія пролетаріата на почвѣ не одной только борьбы съ самодержавіемъ, но и принципіальнаго антаго-

---

1) «Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ»,—письмо ссыльныхъ соц.-дем. въ «Искру» (№ 50).

2) Курсивъ мой.

низма рабочаго класса со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Прежде всего, нужно отмѣтить прогрессивное усиленіе революціонной активности все болѣе и болѣе широкихъ массъ, ростъ и распространеніе въ нихъ политической сознательности, а, слѣдовательно, и способности къ политической самодѣятельности на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата. Въ то же время образовался довольно многочисленный штабъ распростившихся со своей легальностью и со своими профессіональными занятіями революціонеровъ-соціалдемократовъ, столь необходимый, при современныхъ русскихъ условіяхъ, для образованія политической партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рядахъ нашихъ практиковъ имѣется и контингентъ людей съ революціоннымъ опытомъ, съ инициативой и съ организаціоннымъ смысломъ. Наконецъ, что особенно важно—это предрасположеніе массы товарищей къ марксизму, или, если можно такъ выразиться, ихъ психологическая подготовленность къ признанію и примѣненію на практикѣ истинно пролетарской политики въ борьбѣ съ абсолютизмомъ.

Ho le mort saisit le viv, мертвые хватаютъ живыхъ, прошлое стоитъ поперекъ дороги и мѣшаетъ намъ двигаться впередъ. Воспоминаніе объ экономизмѣ, оппортунизмѣ и ихъ неизмѣнныхъ спутникахъ—кустарничествѣ, организаціонной анархіи и т. п. еще такъ живо въ умахъ, война съ ними такъ недавно еще была въ полномъ разгарѣ, что неудивительно, если въ кругу соціалдемократовъ накануне съѣзда и во время его гораздо больше были заняты мыслью о томъ, какъ бы на вѣки вѣчные оградить наше движеніе отъ такихъ зловредныхъ элементовъ, нежели вопросомъ о приведеніи нашей практики въ гармонію съ принципами, во имя и подъ знаменемъ которыхъ „Искра" и „Заря" вели борьбу съ антимарксистскими тенденціями. Это настроеніе и диктуемая имъ логика очень ясно отразились въ цитированномъ уже письмѣ товарищей изъ дальней Сибири. Для широкой, систематической борьбы съ абсолютизмомъ необходима централизованная организація, но такая соціалдемократическая организація можетъ быть вызвана къ жизни только „на почвѣ строгаго принципіальнаго единства", подъ этимъ лишь условіемъ она будетъ жизнеспособна. А потому, пишутъ упомянутые товарищи, „однимъ изъ самыхъ важныхъ—вѣрнѣе *главнѣйшимъ*—способомъ (курсивъ мой) для подготовленія „фактическаго возстановленіи Партіи" мы и считаемъ неустанную, все болѣе и болѣе энергичную, борьбу съ оппортунистическими, кустарническими и „демократическими" тен-

Прот

денціями, продолжающими жить среди нѣкоторой части дѣйствующихъ въ Россіи „соціалдемократовъ". Большинство „искровцевъ", явившихся на съѣздъ, и проникнуто было убѣжденіемъ, что главной ихъ задачей является созданіе организаціи для выполненія этой спеціальной миссіи — „вести неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу" съ только что на голову разбитыми внутренними врагами. Передъ этой миссіей совершенно стушевывалась предстоящая положительная задача организаціи — углубить и расширить содержаніе дѣятельности Партіи въ духѣ революціоннаго марксизма.

„Принципъ централизаціи, — читаемъ мы въ томъ же письмѣ — строго проведенный при постройкѣ партійной организаціи, обезпечитъ за нею и силу, и крѣпость, и принципіальную устойчивость (курсивъ мой) и, безъ сомнѣнія, наилучшимъ образомъ отзовется на той будущей, громадной и сложной работѣ, которую предстоитъ выполнить съорганизовавшейся Р. С.-Д. Р. П". Но перспектива „громадной и сложной", т. е. положительной работы отодвигается въ туманную даль неопредѣленнаго будущаго, а теперь не до нея, потому что передъ Партіей стоитъ гораздо болѣе неотложная, военная задача усмиренія внутреннихъ враговъ и огражденія ея механическими средствами противъ вторженія въ нее „ненадежныхъ" элементовъ. Разъ дѣло такъ стоитъ, то самое лучшее, конечно, отдать ее во власть возможно болѣе самодержавнаго центра и подъ строжайшій надзоръ его бдительныхъ агентовъ.

Такова психологическая подкладка того централистическаго фетишизма, который проявился на съѣздѣ и, повидимому, довольно сильно владѣетъ умами въ нашей Партіи.

Но что будетъ, если въ самый центръ проникнетъ зараза оппортунизма, экономизма и т. п. скверны. Нужно, стало быть, уже при „постройкѣ" партійной организаціи принять мѣры предосторожности противъ такого неожиданнаго сюрприза. Для этого, при данномъ пониманіи дѣла, нѣтъ другого средства, кромѣ учрежденія какой-нибудь надежной опеки — надъ самимъ центромъ, т. е. организаціи другого, еще выше стоящаго центра, составъ котораго давалъ бы безусловныя гарантіи твердости и недоступности вліянію „ненадежныхъ", а, тѣмъ болѣе, прямо оппортунистическихъ элементовъ. Условія для созданія такого сверхъцентра подготовлены были всѣмъ ходомъ и исходомъ борьбы революціонной соціалдемократіи противъ антимарксистскихъ тенден-

цій въ социалдемократическомъ, какъ и вообще въ революціонномъ движеніи въ Россіи. Походъ этотъ предпринятъ былъ по собственной иниціативѣ, на свой страхъ и рискъ, редакціей „Искры“ и „Зари“. Она же довела его до конца и при помощи своихъ „агентовъ“ сыграла большую роль въ подготовкѣ и организаціи съѣзда. Въ теченіе всей этой военной кампаніи „Искры“ названія „революціонный социалдемократъ“ и „искровецъ“ стали у насъ синонимами, понятіями совершенно тождественными, такъ что тотъ, кто въ чемъ-нибудь расходился съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, высказываемымъ отъ имени редакціи названнаго органа, и самъ не всегда смѣлъ считать себя настоящимъ революціоннымъ социалдемократомъ. Истинная революціонная социалдемократія въ Россіи, это—редакція „Искры“. Значитъ, вопросъ о закрѣпленіи побѣдъ революціоннаго социалдемократизма и объ огражденіи нашей Партіи на вѣчныя времена противъ оппортунистическаго или „экономическаго“ атавизма рѣшается самъ собою. Верховная власть надъ Партіей должна быть предоставлена въ руки редакціи „Искры“, а Центральный Комитетъ долженъ быть только коллективнымъ агентомъ этой власти, находиться подъ ея строгой опекой и бдительнымъ контролемъ.

Періодъ борьбы съ наслѣдіемъ эпохи экономизма подготовилъ намъ, такимъ образомъ, организаціонную утопію теократическаго характера: свѣтское общество отдается во власть маленькаго духовнаго органа, который, къ тому же, и по географическимъ, и по инымъ условіямъ, не можетъ даже находиться на территоріи управляемыхъ имъ подданныхъ. За недостаткомъ мѣста, а также въ виду логическихъ рамокъ настоящей статьи, я не могу останавливаться здѣсь на конкретныхъ попыткахъ осуществить эту утопію на практикѣ и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя она при этомъ претерпѣла. Отмѣчу только, что дебютировала она на своемъ жизненномъ поприщѣ внесеніемъ взаимнаго недовѣрія и раскола въ ряды „искровцевъ“. Для людей съ политическимъ смысломъ этого дебюта вполнѣ достаточно, чтобы безповоротно осудить эту своеобразную систему управленія нашей Партіей.

Итакъ, торжество бюрократическаго централизма въ партійной организаціи—таковъ итогъ партійной борьбы революціонной социалдемократіи съ „кустарничествомъ“. Но этотъ централизмъ по своей внутренней тенденціи—родной братъ кустарничеству. Послѣднее резюмировало собою періодъ сближенія социалдемократіи съ рабочими массами на почвѣ ихъ экономическаго недовольства

и стихійныхъ его проявленій. Практика періода кустарничества революціонизировала рабочія массы, но не воспитывала и не объединяла ихъ для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцію или „конечную цѣль“ этой практики формулировали авторы „Credo“—она подготовляла политическую опеку буржуазной демократіи надъ рабочими массами. Механическій централизмъ резюмируетъ періодъ „вовлеченія“ этихъ массъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, массъ, начавшихъ уже стихійно проявлять накопившееся въ нихъ раздраженіе противъ полицейскаго произвола. Періодъ этотъ завершился (еще, впрочемъ, не окончательно завершился) созданіемъ почти принципіальнаго противорѣчія въ нашей Партіи—противорѣчія между ея идейнымъ, теоретическимъ знаменемъ и ея практикой, которая, хотя непосредственно будитъ политическую мысль рабочихъ массъ, все же, въ общемъ, мало развиваетъ въ нихъ пролетарское классовое сознаніе и еще меньше развиваетъ въ нихъ классовую политическую самодѣятельность. Словомъ, идейная оболочка—революціонно-соціалдемократическая, а реальное содержаніе, по существу, въ принципіальномъ смыслѣ, едва ли выходитъ за рамки буржуазнаго революціонизма. Получается такой результатъ, какъ будто революціонный соціалдемократизмъ, подобно кустарническому и оппортунистическому, стихійнымъ образомъ выполняетъ только роль замѣстителя буржуазной идеологіи въ освободительномъ движеніи Россіи противъ абсолютизма. И этотъ-то результатъ, опять таки безсознательно, стихійно, отражается и фиксируется въ организаціонныхъ утопіяхъ, отмѣченныхъ печатью бюрократизма на заговорщицкой подкладкѣ. Верховныя власти обязаны поддерживать въ умахъ марксистское правовѣріе путемъ изданія и распространенія „принципіально-выдержанной литературы“ и строгаго контроля за листками и пропагандистской дѣятельностью комитетовъ. Но какъ и въ чемъ проявляется эта принципіальная выдержанность на почвѣ агитаціи, въ области политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ, какъ, однимъ словомъ, воплощаются принципы „революціоннаго марксизма“ въ методахъ и содержаніи партійной практики? Этотъ вопросъ рѣшается для фетишистовъ централизаціи самъ собою, разными усовершенствованіями чисто техническаго свойства въ организаціонномъ аппаратѣ: необычайнымъ усиленіемъ спеціализаціи членовъ на мелкихъ и мельчайшихъ функціяхъ, внесеніемъ строгаго порядка въ распредѣленіе и іерархію этихъ функцій, учрежденіемъ безчисленнаго множества всевозмож-

ныхъ вѣдомствъ, департаментовъ, отдѣленій, канцелярій, мастерскихъ, между которыми въ іерархическомъ порядкѣ распредѣляются профессіональные и полупрофессіональные революціонеры, въ массѣ своей превращающіеся въ столоначальниковъ, канцеляристовъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ, стражниковъ, мастеровыхъ—или даже частицы мастера. Вся эта многочисленная армія штатскихъ, военныхъ и ремесленниковъ разбита на цѣлые ряды разсѣянныхъ, изолированныхъ другъ отъ друга муравейниковъ, копошащихся, каждый въ своемъ углу, безъ связи съ другими. Политической работы въ соціалистически-пролетарскомъ смыслѣ не видать и не слыхать. Да и кому ее выполнять, когда члены партіи превращены въ винтики, колесики, которыми, по личному усмотрѣнію, распоряжается всевѣдущій центръ?

Борьба съ абсолютизмомъ, при всемъ томъ, будетъ вестись, по меньшей мѣрѣ, съ прежней энергіей, тѣмъ болѣе, что и по этой части предусмотрѣна особая категорія спеціалистовъ. Въ концѣ концовъ, съ одной стороны—формулы, лозунги, слова революціонно-соціалдемократическія, а съ другой—самая что ни на есть буржуазно-революціонная работа „вовлеченія" массъ въ движеніе, конечнымъ результатомъ котораго въ самомъ лучшемъ, самомъ идеально благопріятномъ случаѣ было бы кратковременное господство радикальной демократіи, опирающейся на пролетаріатъ. Странно какъ то, по поводу такихъ, отмѣченныхъ печатью, канцелярскихъ измышленій, организаціонныхъ утопій обращаться за историческими аналогіями къ эпохѣ Великой французской революціи. Но все же для характеристики исторической тенденціи этой утопіи приходится рискнуть на это. Въ концѣ пути, на который она увлекаетъ наше движеніе, свѣтится, какъ блестящая точка, якобинскій клубъ, т. е. организація революціонно-демократическихъ элементовъ буржуазіи, ведущая за собою, при посредствѣ sociétés populaires, то бишь, децентрализованныхъ периферійныхъ народныхъ обществъ, наиболѣе активные слои пролетаріата [1]). И если, какъ говоритъ Марксъ по поводу Великой французской революціи, „въ классически строгихъ преданіяхъ римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы

---

[1]) Это, конечно, утопическая перспектива, но за то она, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе соблазнительна, чѣмъ трезвенно-либеральная перспектива, о которой мечтали авторы Credo, и больше гармонируетъ съ общимъ революціоннымъ подъемомъ и размахомъ нашего движенія въ настоящій моментъ.

и искусственныя формы иллюзій, необходимыя для того, чтобы скрыть отъ самихъ себя буржуазно ограниченное содержаніе своей борьбы“, то отчего бы исторіи не сыграть съ нами злую шутку, облачивъ насъ въ идейный костюмъ классически-революціонной соціалдемократіи, чтобы скрыть отъ насъ „буржуазно-ограниченное содержаніе“ нашего движенія?

Но мы постараемся перехитрить исторію. Да это и не такъ уже трудно. Періодъ политической агитаціи и восходящаго движенія революціонной соціалдемократіи не мало положительнаго создалъ и для дальнѣйшей работы въ смыслѣ принципіально-пролетарской политики. Выше уже указано было на элементы такого рода, подготовленные этимъ періодомъ. Само собою ясно, что устраненіе того противорѣчія въ нашемъ движеніи, которое развилось въ послѣднее время, не можетъ быть дѣломъ однихъ только индивидуальныхъ усилій нѣсколькихъ лицъ. Оно потребуетъ коллективныхъ усилій всей партіи, сознательной иниціативы массы практиковъ, которымъ придется отъ спеціализированныхъ кустарей-техниковъ подняться на уровень политическихъ дѣятелей. Это, разумѣется, несовмѣстимо съ бюрократическимъ режимомъ въ партіи, которому придется сдаться при первыхъ же шагахъ наиболѣе самостоятельныхъ элементовъ партіи на новомъ пути—или же превратиться въ оплотъ и орудіе для новыхъ оппортунистическихъ тенденцій, но уже не экономическаго, а политическаго характера [1]). Но чѣмъ систематичнѣе и энергичнѣе мы пойдемъ по пути реформированія нашей практики въ принципіально-пролетарскомъ смыслѣ, тѣмъ быстрѣе исчезнетъ почва изъ-подъ ногъ у сторонниковъ системы централизма, уродующей и компрометтирующей самый принципъ централизма. На Западѣ, гдѣ рабочія массы политически сознательны и принципіальная пролетарская политика на теоретическомъ базисѣ марксизма является не абстрактнымъ идеаломъ, а реальнымъ фактомъ,

---

[1]) Когда хранители завѣтовъ кустарничества боролись или защищались противъ революціонныхъ марксистовъ, они только задерживали успѣхи послѣднихъ и мѣшали дѣлу партійнаго объединенія, котораго еще не было, къ которому еще только стремились. Если же теперь наши партійныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы стать во главѣ передовыхъ элементовъ партіи, начнутъ тѣснить ихъ и третировать, какъ крамольниковъ, то они будутъ играть роль дезорганизаторовъ партіи—во имя формальнаго, безсодержательнаго централизма и—сознательно или безсознательно—въ интересахъ оппортунизма политическаго.

гдѣ рабочая партія сама, какъ коллективный организмъ, воплощаетъ въ себѣ принципіально-соціалистическое сознаніе, организаціонные проекты, основанные на идеѣ административнаго подчиненія цѣлой партіи одному или нѣсколькимъ хранителямъ или олицетвореніямъ доктрины, немыслимы не только какъ факты, но и какъ глубоко затаенная мечта какого-нибудь честолюбиваго фантазера, вдохновляемаго преданіями о диктатурѣ Швейцера. У насъ абсолютизмъ является, конечно, благодарной почвой для произрастанія такихъ плодовъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ источникъ централистическихъ излишествъ окажется безсильнымъ обезпечить имъ жизнеспособность, когда практика соціалдемократическая поставитъ наше рабочее движеніе на такую почву, которая сдѣлаетъ невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, затруднитъ противопоставленіе горсти избранныхъ носителей соціалдемократической сознательности массѣ рабочихъ и массѣ практиковъ, какъ представителямъ „стихійности", „безсознательности".

II.

Общереволюціонныя и пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи.

(15 января, 1904 г,. № 57).

> „Всякое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается. Мелочность, ничтожество въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, скрываніи его."
>
> *Лассаль.*

Если скрываніе истиннаго положенія дѣлъ „въ политикѣ" вообще равносильно „мелочности, ничтожеству", то въ политикѣ соціалдемократовъ въ Россіи оно еще равносильно было бы измѣнѣ классовымъ интересамъ пролетаріата, т. е. основнымъ историческимъ задачамъ, провозглашеннымъ въ нашей партійной программѣ. Мы живемъ наканунѣ періода сведенія счетовъ новой, буржуазной, капиталистической Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ и остатками сословной общественной организаціи Россіи дворянской, крѣпостнической. Какъ велика будетъ

доля, которая достанется эксплуатируемымъ народномъ массамъ при ликвидаціи отжившаго соціально-политическаго строя,—это будетъ зависѣть прежде всего отъ той степени политической зрѣлости и силы, которой достигнетъ пролетаріатъ ко времени этой ликвидаціи, отъ того вліянія и значенія, которыя онъ пріобрѣтетъ къ этому времени, какъ самостоятельная революціонная сила. Но прежде, чѣмъ исторія подведетъ итогъ нашей работы на пользу пролетаріата, мы обязаны сами попытаться подвести итогъ результатамъ этой работы. Только такимъ путемъ мы можемъ еще въ большей или меньшей степени наверстать потерянное, пополнить недочеты и направить равнодѣйствующую общественныхъ силъ въ сторону представляемаго нами класса.

Этимъ именно я руководствовался, принимаясь за предлагаемую статью. Въ предыдущей главѣ я, какъ характерную черту новѣйшаго, искровскаго фазиса нашего движенія, отмѣтилъ и подчеркнулъ образованіе глубокаго, принципіальнаго противорѣчія между его теоріей и практикой, между идейно восторжествовавшимъ въ нашей партіи революціоннымъ марксизмомъ и далеко не принципіально пролетарскимъ содержаніемъ ея дѣятельности. Нѣкоторые товарищи усмотрѣли въ этомъ противопоставленіи теоріи практикѣ своего рода возвеличеніе „теоретиковъ" или „литераторовъ", какъ живого источника всяческой премудрости, на счетъ „практиковъ", какъ представителей узости и какъ виновниковъ всѣхъ грѣховъ, паденій и отклоненій партіи въ сторону отъ требуемаго ея принципами пути. Но на самомъ дѣлѣ у меня рѣчь шла не о субъективныхъ добродѣтеляхъ однихъ и порокахъ другихъ. Я противопоставлялъ другъ другу не лицъ, а двѣ стороны нашего движенія: субъективную и объективную; идеи, принципы, симпатіи, настроеніе *), господствующія въ средѣ большинства его представителей, съ одной стороны, и дѣйствительность, фактическое содержаніе ихъ дѣятельности, съ другой. Въ первый періодъ массовой агитаціи такого противорѣчія не было, по той простой причинѣ, что въ теченіе этого періода подавляющее большинство товарищей не только безсознательно, въ своей практикѣ, но и въ своемъ субъективномъ сознаніи удалялось отъ перво-

---

[1]) Я употребляю здѣсь такія слова, какъ «симпатія», «настроеніе» и т. п. потому, что, не впадая въ самообманъ, нельзя не признать, что теоретически вполнѣ сознательныхъ марксистовъ или революціонныхъ соціалдемократовъ у насъ всетаки немного.

начальнаго, строго марксистскаго теоретическаго базиса нашей партіи, заложеннаго въ работахъ Плеханова по самымъ разнообразнымъ вопросамъ современной жизни, исторіи, литературы, философіи, и все больше и больше тяготѣло къ эклектическимъ и антимарксистскимъ тенденціямъ. Практика движенія, конечно, не совпадала съ требованіями принципіальной пролетарской борьбы, но и теорія, объясняющая и формулирующая ихъ, подвергалась критикѣ и не пользовалась, въ цѣломъ, безраздѣльной симпатіей массы товарищей—и при томъ не только практиковъ, но и литераторовъ. „Искра" и „Заря" побили ревизіонизмъ и экономизмъ и воскресили въ средѣ русскихъ социалдемократовъ при новыхъ условіяхъ прежнія симпатіи къ „ортодоксальному" марксизму. И именно поэтому теперь только такъ рѣзко выступаетъ контрастъ между идейной оболочкой движенія и его реальнымъ содержаніемъ. Меньше, чѣмъ когда и гдѣ либо, въ данномъ случаѣ умѣстенъ вопросъ: „виноваты ли практики или теоретики?" Явленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, порождено стихійнымъ историческимъ процессомъ, вызвавшимъ къ жизни соціалдемократическое движеніе въ Россіи и опредѣлившимъ на довольно продолжительный періодъ его характеръ и общественное содержаніе. Выясненіе этого процесса одно только и имѣетъ для насъ насущный практическій интересъ.

Русскіе марксисты съ самаго начала ставили себѣ ту же самую принципіальную задачу, какую преслѣдуетъ интернаціональная соціалдемократія и которая является для нея верховнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ методовъ, средствъ и результатовъ своей дѣятельности. Развитіе классоваго самосознанія и политической самодѣятельности рабочихъ массъ, объединеніе ихъ въ самостоятельную революціонную силу, подъ знаменемъ соціалдемократіи—такова, какъ извѣстно, эта задача. Но въ то время, когда возникало наше движеніе, въ русской дѣйствительности не было еще самыхъ элементарныхъ условій для прямого и непосредственнаго выполненія именно его принципіальной задачи. Я не хочу этимъ сказать, что нами или кѣмъ-либо изъ насъ заранѣе преднамѣренно составленъ былъ такой планъ: „Сначала мы достигнемъ этого, а потомъ примемся за свое настоящее, уже чисто пролетарское дѣло". Ничего подобнаго. Наоборотъ, для насъ это „чисто пролетарское" дѣло обнимало и покрывало собою всѣ насущныя задачи современной русской жизни и намъ казалось, что въ дѣйствительности работа надъ подготовленіемъ и расширеніемъ почвы для широкой организаціи принципіальной пролетарской

борьбы и непосредственная работа надъ классовымъ воспитаніемъ рабочихъ сольются въ одно неразрывное цѣлое, въ одно соціальнореволюціонное дѣло. Но исторія распорядилась далеко не такъ, какъ намъ хотѣлось. Она, за нашей спиной, доставила преобладающую роль въ нашемъ движеніи не цѣли, а средству, не нашей основной, принципіальной задачѣ, а тѣмъ исторически болѣе элементарнымъ задачамъ, безъ, по крайней мѣрѣ, частичнаго осуществленія которыхъ не было объективной возможности послѣдовательно и всесторонне преслѣдовать первую. Этимъ самымъ въ развитіе русской соціалдемократіи внесено было противорѣчіе, которое проходитъ красною нитью черезъ всѣ его фазисы.

Ея основная задача, которая всюду опредѣляетъ собою содержаніе и направленіе соціалдемократической практики, заключалась и заключается въ развитіи классоваго самосознанія и политической самодѣятельности пролетаріата. Что такое высоко развитое пролетарское самосознаніе? Это—во-первыхъ, сознаніе пролетаріатомъ своего принципіальнаго антагонизма со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, и, во-вторыхъ, — сознаніе имъ всемірно-историческаго значенія своей освободительной борьбы. Неразрывно съ тѣмъ и другимъ связано и пониманіе историческихъ условій выполненія рабочимъ классомъ своей освободительной миссіи [1]). А что подразумѣвается подъ политической самостоятельностью этого класса? Планомѣрное, систематическое вмѣшательство рабочихъ массъ, организованныхъ въ классовую партію или руководимыхъ ею, во всѣ сферы общественно-политической жизни. На этой аренѣ борьбы онѣ сталкиваются лицомъ къ лицу, какъ съ враждебнымъ лагеремъ, не только съ своими непосредственными эксплуататорами, какъ съ частными лицами, преслѣдующими лишь свои собственные, корыстные интересы, но и съ тѣми элементами высшихъ классовъ,

[1]) «Ничто—говоритъ Лассаль нѣмецкимъ рабочимъ—до такой степени не придаетъ сословію достойнаго и глубоко нравственнаго отпечатка, какъ сознаніе, что оно... призвано возвысить свой принципъ въ принципъ своего вѣка, сдѣлать свою идею руководящей идеей всего общества». И онъ старался, чтобы германскій пролетаріатъ проникся сознаніемъ, что рабочій классъ—въ современномъ обществѣ—«камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго». На языкѣ Маркса и Энгельса слова эти означаютъ, что высоко развитое пролетарское самосознаніе неразрывно связано съ яснымъ представленіемъ рабочихъ объ исторической роли своего класса, какъ революціоннаго носителя и представителя интересовъ всего общества, часть котораго они составляютъ, и всего человѣчества.

которые выступаютъ въ роли представителей и выразителей такъ называемаго общественнаго мнѣнія и интересовъ „всего народа", „всей страны", а въ дѣйствительности являются не болѣе, какъ идеологами, вождями, руководителями и просто политическими дѣльцами эксплуататорскихъ классовъ. Активное вмѣшательство въ общественную и политическую жизнь является, поэтому, и лучшей, чтобы не сказать единственной, школой и для развитія классоваго самосознанія пролетаріата. Развивая политическую самостоятельность пролетаріата, западная соціалдемократія этимъ самымъ развиваетъ и его классовое самосознаніе. Систематически вовлекая рабочія массы въ непосредственныя столкновенія и прямую борьбу со всей совокупностью буржуазныхъ идеологовъ и политиковъ, соціалдемократія конкретно вскрываетъ передъ нимъ непримиримый антагонизмъ интересовъ пролетаріата съ господствомъ буржуазіи. Вынося на обсужденіе его активныхъ слоевъ всѣ вопросы общественной жизни, возбуждаемые представителями другихъ классовъ, организуя эти слои для предъявленія принятыхъ ими рѣшеній, какъ по этимъ вопросамъ, такъ и по тѣмъ, которые они самостоятельно вносятъ, соціалдемократы наглядно обнаруживаютъ передъ рабочимъ классомъ, съ одной стороны, неспособность даже передовыхъ элементовъ буржуазіи послѣдовательно отстаивать интересы прогресса, а съ другой— его собственную роль единственнаго серьезнаго борца за эти интересы. Однимъ словомъ, процессъ всесторонняго классоваго воспитанія и объединенія рабочихъ въ самостоятельную пролетарскую партію совершается и можетъ только совершаться, главнымъ образомъ, на почвѣ и посредствомъ ихъ активнаго участія въ тѣхъ сферахъ общественной жизни, въ которыхъ и на Западѣ еще въ недавнемъ прошломъ единственными хозяевами были представители высшихъ классовъ.

Все это вещи общеизвѣстныя, но онѣ почти или совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ при оцѣнкѣ „положенія дѣлъ" нашей партіи. Въ противномъ случаѣ, мы не проявляли бы такого самоудовлетворенія по части достигнутыхъ ею результатовъ въ дѣлѣ классоваго воспитанія рабочихъ массъ.

Въ капиталистическихъ странахъ запада соціалдемократы [1]),

---

[1]) Чтобы не усложнять занимающаго меня вопроса, я здѣсь, какъ и вообще въ статьѣ, совершенно игнорирую фактъ кратковременнаго, такъ сказать, минутнаго существованія коммунистическаго союза въ проме-

какъ только появились на свѣтъ, такъ и начали свою пролетарскую воспитательную работу съ привлеченія рабочихъ массъ къ активному и самостоятельному участію въ политической борьбѣ. Это само собою подсказывалось уже тѣмъ обстоятельствомъ, что соціалдемократія выступила на сцену въ этихъ странахъ въ то время, какъ буржуазія тамъ уже политически господствовала или, по крайней мѣрѣ, участвовала въ государственной власти. Широкая политическая агитація облегчалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, наличностью хоть какой-нибудь легальной почвы въ „правовомъ государствѣ“. Но что особенно важно помнить, такъ это то, что пролетаріатъ и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи уже былъ до извѣстной степени подготовленъ воздѣйствіемъ на него демократической и вообще свободолюбивой интеллигенціи въ эпоху революціонныхъ бурь буржуазіи и въ слѣдующій за ней періодъ. Въ большинствѣ случаевъ соціалдемократія съ самаго начала представляла собою передовой отрядъ уже соціально активныхъ слоевъ пролетаріата (плюссъ нѣсколько единицъ изъ „интеллигенціи“) и выражала новый фазисъ въ развитіи уже начатой имъ классовой борьбы.

Ни одного изъ этихъ необходимѣйшихъ условій для развитія строго принципіальнаго пролетарскаго движенія у насъ не было налицо въ тотъ моментъ, когда въ Россіи возникло соціалдемократическое теченіе. Рѣшающее и предопредѣляющее значеніе для развитія новаго движенія имѣли два обстоятельства: во-первыхъ, то, что пролетаріатъ въ Россіи — если не считать немногихъ спропагандированныхъ рабочихъ, тонувшихъ въ общей массѣ своихъ собратьевъ, да рѣдкія, изолированныя стачки — погруженъ былъ тогда еще въ глубокій историческій сонъ и находился въ совершенно безкультурномъ состояніи. Въ немъ самомъ не было элемента, способнаго взять на себя дѣло пробужденія его отъ этого сна и выведенія его на арену исторической активности. Эту задачу долженъ былъ взять на себя посторонній ему соціальный элементъ—радикальная интеллигенція. Въ этомъ заключалось второе изъ двухъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ. Историческій или общественный смыслъ его таковъ: для того, чтобы вызвать къ жизни въ Россіи самостоятельное, сознательно-классовое движеніе среди рабочихъ массъ, предварительно необходимо было

жуткѣ между выступленіемъ его съ манифестомъ Маркса и Энгельса и революціей 1848 г.

подчинить ихъ идейному и политическому вліянію и руководству соціально чуждаго имъ слоя, принадлежащаго въ массѣ своей къ другимъ классамъ населенія. На Западѣ одной изъ первыхъ задачъ соціалдемократіи было освобожденіе пролетаріата отъ вліянія и опеки свободолюбивой, демократической интеллигенціи. У насъ марксисты должны были, наоборотъ, въ интересахъ соціально-политическаго развитія рабочихъ, взять на себя иниціативу сближенія радикальной интеллигенціи съ пролетаріатомъ и систематически помогать ей въ дѣлѣ подчиненія его ея революціонному руководству. Какъ бы то ни было, здѣсь скрывалось крупное противорѣчіе между субъективной цѣлью иниціаторовъ нашего движенія и объективнымъ характеромъ того средства, которое имъ предоставила исторія.

Чѣмъ, однако, оправдывалась, на чемъ основана была ихъ вѣра въ призваніе и готовность радикальной интеллигенціи взять на себя и выполнить предлагаемую ей историческую миссію? Вѣра эта опиралась на фактическое настроеніе революціонной интеллигенціи. На Западѣ вышеуказанный антагонизмъ соціалдемократіи съ лѣвымъ крыломъ свободомыслящей буржуазіи обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что ко времени появленія первой и наиболѣе радикальные элементы интеллигенціи уже распростились съ своимъ революціонно-демократическимъ идеализмомъ и настолько тѣсно политически ассоціировались съ демократическими, полу-демократическими, а даже отчасти совсѣмъ не демократическими слоями не-пролетарскихъ классовъ, что фактически являлись выразителями и представителями интересовъ именно буржуазіи, играли роль ея идейнаго и политическаго авангарда. У насъ политическій индифферентизмъ эксплуататорскихъ классовъ и политическая пассивность „общества“ отдаляли отъ нихъ наиболѣе революціонные элементы интеллигенціи, обрекали эти послѣдніе на изолированность и общественное безсиліе и поддерживали въ нихъ стремленіе не только бороться „за народъ“, но и вовлечь его самого въ эту борьбу. Но на Западѣ народныя массы очутились въ началѣ на революціонной аренѣ, какъ стихійная, можно сказать, физическая сила, увлекаемая и толкаемая внѣшними импульсами, исходившими—въ особенности во Франціи и Англіи—преимущественно изъ внутреннихъ междуусобій на верхнихъ этажахъ соціальнаго зданія... Въ Россіи не доставало элементовъ и силъ для того, чтобы вовлекать народныя массы стихійнымъ путемъ въ борьбу съ абсолютизмомъ. Для того, чтобы пробудить

ихъ изъ историческаго сна и вывести на общественно-политическую арену, необходимо было начать систематически развивать въ нихъ революціонное настроеніе и революціонную активность, и прежде всего сознательное отношеніе къ своему тяжелому положенію и къ его причинамъ. Эту историческую задачу пыталось, по своему, рѣшать народничество семидесятыхъ годовъ. Но оно не способно было рѣшить ее, потому что не могло понять и оцѣнить историческое значеніе новаго еще тогда въ Россіи класса промышленныхъ рабочихъ. Только марксизмъ могъ дать ключъ и указать пути и средства къ рѣшенію основного, общедемократическаго вопроса революціоннаго движенія въ Россіи. Въ этомъ, замѣчу мимоходомъ, коренится главный источникъ силы нашей Партіи, причина ея рѣшительнаго торжества надъ другими революціонными фракціями, прочности этого торжества, несмотря на ея собственные крупные дефекты и ошибки, и трудности для ревизіонизма и другихъ фальсификацій марксизма освободить ее отъ вліянія „ортодоксіи". Марксисты апеллировали и должны, обязаны были апеллировать къ революціонному идеализму и народолюбію той же интеллигенціи, къ которой обращались народники-революціонеры; они обязаны были выяснять ей историческую миссію рабочаго класса, указывать ей на необходимость—въ интересахъ воодушевлявшихъ ее идеаловъ—отдать всѣ свои силы дѣлу политическаго пробужденія, развитія и объединенія этого класса подъ знаменемъ ученій научнаго соціализма.

Для всякаго, кто твердо помнитъ и ясно понимаетъ, что общественное содержаніе соціально-политическихъ движеній опредѣляется не столько теоріями, подъ флагомъ которыхъ они развиваются, сколько историческими условіями, вызывающими ихъ къ жизни, и въ частности, соціальнымъ характеромъ ихъ представителей, должно быть ясно, какъ Божій день, что наше движеніе съ самаго начала скрывало въ себѣ двѣ противоположныя тенденціи, взаимный антагонизмъ которыхъ не могъ не развиваться и не отражаться на немъ параллельно съ его собственнымъ развитіемъ. Принципіально, пролетарская цѣль движенія—та же, что и у западной соціалдемократіи. Но окольный путь, предоставленный намъ исторіей, непосредственно не велъ къ этой цѣли, а скорѣе, въ противоположную сторону. На Западѣ соціалдемократія составляетъ и съ самаго начала составляла не что иное, какъ часть самаго пролетаріата, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его. Онъ въ одно и то же время—субъектъ и

объектъ своего собственнаго классоваго воспитанія и объединенія. Планомѣрное воздѣйствіе Западной соціалдемократіи на рабочія массы, это—воздѣйствіе ихъ наиболѣе передовыхъ, наиболѣе принципіально-сознательныхъ и организованныхъ слоевъ на еще сравнительно отсталые слои тѣхъ же рабочихъ массъ. Развитіе классоваго самосознанія и самодѣятельности пролетаріата является, поэтому, на Западѣ процессомъ саморазвитія, самовоспитанія рабочаго класса. У насъ же планомѣрное воздѣйствіе соціалдемократіи на эти массы означало воздѣйствіе на нихъ извнѣ, со стороны чуждаго имъ соціальнаго элемента; воспитаніе ихъ ею было равносильно подчиненію ихъ руководству радикальной интеллигенціи. Процессъ же соціалдемократическаго саморазвитія и самовоспитанія, объединеніе и развитіе революціонной самодѣятельности концентрировались, главнымъ образомъ (я говорю не объ индивидуумахъ, а о массѣ), въ этой самой интеллигенціи, миссія которой состояла въ подготовленіи россійскаго пролетаріата къ самостоятельной политической роли (въ соціалдемократическомъ смыслѣ). Успѣхи нашего движенія должны были, въ теченіе извѣстнаго періода, въ дѣйствительности, сводиться, если не цѣликомъ, то преимущественно, къ расширенію круга адептовъ научнаго соціализма среди интеллигенціи, къ углубленію соціалистическаго сознанія этихъ адептовъ, къ прогрессивному увеличенію притока изъ ихъ среды соціалдемократическихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, къ усовершенствованію организацій этихъ послѣднихъ, къ накопленію ими революціоннаго опыта и увеличенію размаха ихъ дѣятельности и, наконецъ,—самое важное—къ вовлеченію все болѣе широкихъ слоевъ пролетаріата въ сферу вліянія этой организаціи. Вообразимъ теперь на минуту, что движеніе наше во всѣхъ этихъ отношеніяхъ достигло идеальныхъ результатовъ. Всѣ радикальные элементы интеллигенціи стали подъ знамя соціалдемократіи, группируются вокругъ ея центральной организаціи, поддерживаютъ послѣднюю всячески и доставляютъ ей непрерывно увеличивающійся контингентъ профессіональныхъ революціонеровъ, которые одни только и могутъ входить въ составъ этой организаціи. Это съ одной стороны. А съ другой—рабочія массы, въ еще большемъ масштабѣ, чѣмъ теперь, слѣдуютъ ея указаніямъ и готовы повиноваться ей, какъ того требуетъ цитированный въ предыдущей главѣ уставъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ комитетовъ. Что это означало бы? Какой соціально-политическій смыслъ скрывался бы подъ этимъ гипотети-

ческимъ случаемъ? Товарищи, не опасающіеся называть вещи настоящимъ ихъ именемъ, сами отвѣтятъ на этотъ вопросъ. Мы имѣли бы въ данномъ случаѣ революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собою, въ качествѣ боевой арміи, рабочія массы Россіи. А для довершенія своей злой ироніи, исторія, пожалуй, поставила бы намъ еще во главѣ этой буржуазно-революціонной организаціи не просто соціалдемократа, а самаго что ни на есть „ортодоксальнаго" (по его происхожденію) марксиста [1]).

Предположенный нами случай только рѣзко и наглядно вскрываетъ и иллюстрируетъ ту тенденцію россійскаго соціалдемократическаго движенія, которая присуща ему благодаря относительной отсталости общественныхъ условій, при которыхъ оно возникло и развивалось. Въ то время, какъ субъективное стремленіе соціалдемократовъ вызвать дѣйствительно самостоятельное движеніе въ нашемъ пролетаріатѣ идейно питалось и поддерживалось теоріей и, богатой крупными событіями, пролетарской борьбой на Западѣ, другая объективная тенденція коренилась въ самой русской дѣйствительности и поддерживалась тѣмъ реальнымъ фактомъ, что эта дѣйствительность давала матеріалъ и средства лишь для такого подъема революціоннаго настроенія и революціонной активности рабочихъ массъ, который обезпечивалъ бы радикальной интеллигенціи возможность, опираясь на нихъ, вступить въ рѣшительный бой съ отживающимъ общественно-политическимъ строемъ. Поэтому, антагонизмъ между субъективной и объективной тенденціей движенія неизбѣжно долженъ былъ выразиться въ антагонизмѣ между теоріей и практикой. Но объ этомъ еще рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же ограничусь только еще парой замѣчаній. Забѣгая впередъ, я скажу, что, выдвинувъ марксизмъ въ роли необходимаго идейнаго вдохновителя и руководителя интеллигенціи въ области выполненія ею общедемократической задачи революціонизированія пролетаріата, исторія тѣмъ самымъ доставила и субъективнымъ стремленіямъ соціалдемократовъ точку опоры на русской почвѣ. Но только теперь, послѣ того, какъ интеллигенція соціалдемократическая довольно далеко подвинулась впередъ въ выполненіи указанной задачи, является объективная возможность

---

[1]) Вѣдь далъ же легальный или полу-марксизмъ литературнаго вождя нашимъ либераламъ. Почему бы проказницѣ-исторіи не доставить революціонной буржуазной демократіи вождя—изъ школы „ортодоксальнаго", революціоннаго марксизма?

дать этимъ стремленіямъ полное принципіальное практическое выраженіе въ повседневной практикѣ партіи. И только когда она вступитъ въ этотъ новый фазисъ своего развитія, ея политическое руководство рабочими массами постепенно станетъ синонимомъ политической самостоятельности пролетаріата. А пока—оно означаетъ, главнымъ образомъ, только то, что, въ лицѣ соціалдемократической части интеллигенціи, рабочими руководитъ не-пролетарскій элементъ. Разумѣется, для Россіи и это представляетъ прогрессивное явленіе первостепенной важности.

П. Аксельродъ.

Къ вопросу объ источникѣ и значеніи нашихъ организаціонныхъ разногласій.

(Изъ переписки съ Каутскимъ).

(25 іюня 1904 г. № 68.)

Настоящимъ виновникомъ печатаемаго ниже, по желанію нѣкоторыхъ товарищей, письма къ Каутскому является никто иной, какъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей „большинства", которому пришла въ голову счастливая—для насъ—мысль познакомить Каутскаго со всѣми прегрѣшеніями „меньшинства" вообще и „новой" редакціи въ частности. Статьи, направленной противъ насъ, Каутскій не напечаталъ, но, какъ видно изъ его напечатаннаго въ № 66 „Искры" отвѣта автору ея, прочиталъ ее съ пользой. Заключенія, къ которымъ Каутскій пришелъ, на основаніи этой статьи, въ существенныхъ пунктахъ совпадаютъ со взглядами „меньшинства"... Редакція „Искры", получившая отъ него копію его отвѣта автору, рѣшила просить у него позволенія обнародовать этотъ отвѣтъ. Читатели, знакомые съ новѣйшимъ, своеобразнымъ литературнымъ произведеніемъ Ленина (*Шагъ впередъ, два назадъ*) и понимающіе то, что они читаютъ, хотя бы оно шло въ разрѣзъ съ планами и стремленіями послѣдняго, замѣтили, конечно, что письмо Каутскаго представляетъ собою весьма недвусмысленную критику тѣхъ обвиненій противъ насъ, формулировкѣ и обоснова-

нію („научному") которыхъ посвящено упомянутое произведеніе. Очевидно, авторъ статьи просто-на-просто преподнесъ Каутскому квинтъ-эссенцію этого произведенія. Я увѣренъ, однако, что онъ не воспроизвелъ въ ней ленинской діаграммы, такъ тонко изображающей главные „типы голосованій" на нашемъ съѣздѣ и такъ наглядно вскрывающей „политическое значеніе того дѣленія партіи на „большинство" и „меньшинство", которое сложилось на этомъ съѣздѣ. Нужно будетъ пополнить этотъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ Каутскаго относительно „анализа борьбы на партійномъ съѣздѣ", представленнаго вожакомъ „большинства".

Не одни только дурные примѣры дѣйствуютъ заразительно. На меня заразительно подѣйствовала достойная подражанія попытка одного изъ коллегъ Ленина познакомить Каутскаго съ нашими „организаціонными разногласіями". Въ своемъ первомъ письмѣ къ нему я подчеркнулъ совпаденіе, по существу, его принципіальной позиціи въ организаціонныхъ вопросахъ съ взглядами „меньшинства". Въ слѣдующемъ письмѣ, вызванномъ его отвѣтомъ на первое, я подтвердилъ его догадку, что наши „разногласія съ приверженцами Ленина въ Россіи" „въ значительной мѣрѣ покоятся на недоразумѣніяхъ", и попутно высказалъ нѣсколько замѣчаній объ объективной подкладкѣ и значеніи воцарившейся въ партіи организаціонной и идейной анархіи. Нѣкоторые изъ товарищей, прочитавшихъ копію моего письма, выразили желаніе, чтобы оно было напечатано въ „Искрѣ"—и я не вижу причины, по которой желаніе ихъ было бы неудобоисполнимо.

---

6 іюня, 1904 г.

Спѣшу отвѣтить на твое, сегодня полученное, письмо. Ты правъ и въ своемъ предположеніи, что разногласія между нами и сторонниками Ленина въ Россіи [1]) (но не за границей) покоятся въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніяхъ. Большинство этихъ товарищей незнакомы съ протоколами съѣздовъ Партіи и Лиги и почти вовсе не читали „Искры" за періодъ нашей внутренней борьбы. Главнымъ источникомъ для ихъ освѣдомленія является Ленинъ и его агенты; послѣдніе же прославляютъ его, какъ единственнаго истиннаго и непреклоннаго представителя революціонной соціалдемократіи, спасающаго ее отъ покровительствуемаго нами оппортунизма. Такъ какъ, однако, было бы слишкомъ

---

[1]) Если не говорить объ агентахъ, спеціально направляемыхъ имъ отсюда въ Россію.

рисковано прямо обвинить насъ въ оппортунизмѣ на почвѣ программныхъ и тактическихъ вопросовъ, то Ленинъ и К° выбрали организаціонный вопросъ — именно, первый пунктъ нашего партійнаго устава — исходнымъ и центральнымъ пунктомъ всѣхъ нападокъ и обвиненій противъ насъ. Но затѣмъ этотъ оппортунизмъ sui generis (со своимъ слабымъ разсудкомъ я не въ состояніи понять, что это за штука такая „оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ“ — выдвигаемый на сцену, какъ нѣчто самостоятельное, внѣ органической связи съ программными и тактическими взглядами) превращается подъ рукой въ универсальный, господствующій надъ всѣмъ нашимъ мышленіемъ и дѣятельностью, оппортунизмъ; и такимъ путемъ мы вдругъ оказываемся отрядомъ международной арміи оппортунистовъ въ соціалдемократіи, частью ея „жиронды“, ея „буржуазно-демократическаго крыла“. Если же нѣсколько присмотрѣться къ тому содержанію, которое вкладываетъ Ленинъ и его приверженцы въ понятія „ортодоксальный марксизмъ“ и „революціонная соціалдемократія“, то мы получимъ тощія и безсодержательныя „идеи“: „централизмъ“, „строгая дисциплина“, contra „демократизмъ“, „отсутствіе дисциплины“ или „анархія“ и „автономизмъ“. Первыя двѣ изъ нихъ нѣсколько конкретизируются требованіемъ безпрекословнаго „повиновенія“ и „подчиненія“, требованіемъ, вырождающимся на практикѣ не въ „якобинизмъ“, бланкизмъ и т. п., а въ самую что ни на есть заурядную жалкую каррикатуру на бюрократически-автократическую систему нашего министерства внутреннихъ дѣлъ. Если бы я привелъ нѣсколько примѣровъ, то ты призналъ бы, что я — mutatis mutandis — нисколько не преувеличиваю.

Какъ бы тамъ ни было, въ общемъ и цѣломъ ты правъ, если думаешь, что отношеніе ленинскихъ сторонниковъ къ намъ, по существу, основано на недоразумѣніи. Однако, это обстоятельство нисколько не рѣшаетъ вопроса: какъ могло случиться, что именно Ленинъ сдѣлался идоломъ такого значительнаго числа товарищей, что въ короткое время онъ произвелъ такой хаосъ въ ихъ головахъ и въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ, какой едва-ли когда либо существовалъ въ соціалдемократіи другихъ странъ? Ибо, поскольку я знаю исторію западной соціалдемократіи, въ большинствѣ изъ тѣхъ случаевъ, когда тамъ возникали конфликты и расколы, дѣло шло о разногласіяхъ программнаго и тактическаго характера, обѣими сторонами понятыми и формулированными, и лишь въ связи съ ними получали рѣшающее значеніе и орга-

низаціонные вопросы. У насъ же разногласія даже въ организаціонныхъ вопросахъ впервые ясно и конкретно проявились только въ тѣхъ методахъ и пріемахъ, какими Ленинъ и его пособники проводили на практикѣ всѣми нами признаваемый „централизмъ“, въ ихъ практическомъ отношеніи къ товарищамъ, которые обнаружили склонность противодѣйствовать имъ или просто не соглашаться съ ними въ ничтожныхъ вопросахъ. Въ томъ-то и заключается чудовищность нашего положенія, что на почвѣ мелочей въ партіи могъ возникнуть и получить господство бюрократически-бонапартистскій режимъ!

Дѣйствительная же причина этого явленія лежитъ въ томъ, что мы еще не составляемъ политической партіи въ настоящемъ смыслѣ слова, между тѣмъ какъ по своимъ субъективнымъ стремленіямъ и объективнымъ требованіямъ нашего положенія должны бы уже быть такой партіей [1]). Мы страдаемъ подъ гнетомъ колоссаль-

[1]) Примѣчаніе для русскихъ читателей, а въ особенности для проницательныхъ:

Я подразумѣваю „политическую партію“ современнаго типа, господствующаго въ государствахъ конституціонныхъ. Революціонныя группы и организаціи, существовавшія въ нихъ въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ, вообще лишены были основныхъ признаковъ, характеризующихъ политическія партіи въ современномъ смыслѣ. И у насъ несоціалдемократическія революціонныя группы и фракціи лишены этихъ признаковъ, изъ которыхъ однимъ изъ главныхъ, или, вѣрнѣе, главнымъ является практическая близость, непосредственная связь партійной организаціи съ широкими слоями населенія или классами, на почвѣ совмѣстной съ ними борьбы за ихъ интересы. Российская соціалдемократія, сравнительно со всѣми прежде существовавшими и нынѣ существующими въ современной Россіи революціонными и оппозиціонными организаціями и группами, опирается непосредственно на широкія общественныя массы—на передовые слои пролетаріата—и съ самаго начала пломомѣрно искала сближенія съ этими массами. Поэтому она и является у насъ единственной, относительно организованной, революціонной силой, представляющей собою нѣкоторое подобіе современной, т. е. дѣйствительной политической партіи. Но только: „нѣкоторое подобіе“. Въ этомъ смыслѣ я и говорю въ текстѣ, что мы еще не являемся „политической партіей въ настоящемъ смыслѣ слова.“

Мнѣ могутъ сказать: „при абсолютизмѣ образованіе такой партіи и невозможно, а потому всякія разсужденія на эту тему совершенно безплодны“. Но объ этомъ придется спеціально поговорить въ другой разъ. Здѣсь же замѣчу только, что тѣ товарищи, которые такъ думаютъ, обнаруживаютъ большую непослѣдовательность, когда они ратуютъ за „строго централизованную организацію“ съ „авторитетными политическими вождями и руководящими центрами во главѣ“. Такая организація, точно

наго несоотвѣтствія между потребностью въ крѣпкой организаціи и единствомъ дѣйствія на принципіальномъ соціалдемократическомъ базисѣ, съ одной стороны и примитивнымъ характеромъ нашего движенія, съ другой. Это несоотвѣтствіе породило у насъ своего рода организаціонный фетишизмъ,—вѣру въ чудодѣйственную, внутреннюю творческую силу „совершенной“ формы организаціи. Но такъ какъ внутреннее развитіе нашей партіи, характеръ и размѣры ея реальной дѣятельности, ея пропаганды и агитаціи, степень политической опытности и зрѣлости нашихъ товарищей, внѣшнія трудности,—словомъ, такъ какъ цѣлый рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ задерживалъ органическое выростаніе такой формы организаціи, которая соотвѣтствовала бы историческимъ задачамъ и потребностямъ нашей партіи, то нашими товарищами овладѣло чувство безсилія и безпомощности.

До демонстрацій 1901 года дѣятельность нашей партіи, не вынуждавшейся къ большимъ, ослѣпительно-яркимъ актамъ, раз-

---

такъ же, какъ и „принципіальная выдержанная“ соціалдемократическая программа дѣйствія предполагаетъ, какъ реальную посылку, наличность классовой пролетарской партіи или, по меньшей мѣрѣ, неуклонное сознательное развитіе данной политической коллективности въ этомъ направленіи. При отсутствіи же этой посылки, та и другая, не соотвѣтствуя дѣйствительному возрасту партійной коллективности, могутъ принести ей скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Политическому зародышу онѣ такъ же мало подходятъ, какъ вицъ-мундиръ, парадная шляпа и внушительная палка ребенку. Это несоотвѣтствіе программнаго и организаціоннаго облаченія нашей партіи съ ея младенческимъ возрастомъ и проявилось такъ рѣзко въ томъ поразительномъ фактѣ, что именно формальное „объединеніе“ ея положило начало господству такого идейнаго и организаціоннаго хаоса въ ней, по сравненію съ которымъ даже анархія кустарническаго періода можетъ показаться образцомъ внутренняго единенія и порядка. Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что мы должны отказаться отъ формальнаго объединенія. Воцарившійся хаосъ указываетъ лишь на то, что если мы не воспользуемся нашимъ организаціоннымъ аппаратомъ, какъ рычагомъ для дальнѣйшаго развитія соціалдемократіи въ смыслѣ возможно болѣе полнаго приближенія ея къ типу пролетарской политической партіи, наше формальное „объединеніе“ явится для нея лишь внутреннимъ факторомъ дезорганизаціи и разложенія. А потому тѣ товарищи, которые, объявляя утопіей стремленіе къ систематическому самопреобразованію россійской соціалдемократіи—въ оковахъ абсолютизма—изъ партіи революціонной интелигенціи, *опирающейся* на пролетаріатъ, въ классовую партію самого пролетаріата,—*вмѣстѣ съ тѣмъ* фанатически стоятъ за „строгую централизацію“ и т. п., безсознательно произносятъ смертный приговоръ надъ россійской соціалдемократіей, какъ исторически сложившейся партійной коллективностью.

вивалась, сравнительно медленнымъ темпомъ; однако, это не мѣшало ей быть единственной, задававшей тонъ, силой на нашей революціонной аренѣ. Но вотъ вдругъ наступилъ новый, рѣзко политическій, періодъ, поставившій передъ соціалдемократіей задачи, гораздо болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ она была подготовлена предыдущимъ періодомъ. Безъ соотвѣтственной подготовки мы должны были, въ новой общественной атмосферѣ, сохранить за собой преобладаніе на политической аренѣ и сплотиться для этого въ централизованную организацію, должны были при томъ оставаться на строго принципіальной почвѣ, выступая въ тѣсной связи съ рабочими массами, въ качествѣ ихъ политическаго авангарда, какъ послѣдовательная, принципіально-выдержанная классовая партія пролетаріата. Для надлежащаго выполненія всего этого намъ необходимо было бы пройти черезъ процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ; но время этого не допускало, и мы должны были ухватиться за наиболѣе простые и доступные намъ средства и методы борьбы,—за демонстраціи. Въ остальномъ же все оставалось по-прежнему или, вѣрнѣе, въ одномъ отношеніи мы пошли даже назадъ, ибо такъ называемая экономическая агитація была въ очень сильной степени заброшена. Словомъ: въ то время, когда броженіе въ народныхъ массахъ видимо росло, когда политическое недовольство самыхъ разнообразныхъ слоевъ „общества“ все увеличивалось, и все чаще выступали наружу явленія, указывавшія на формированіе и ростъ буржуазно-революціонной демократіи,—соціалдемократія продолжала дѣйствовать въ рамкахъ старыхъ мѣстныхъ организацій, не дѣлая никакихъ успѣховъ въ своемъ развитіи, т. е. въ расширеніи и углубленіи пролетарскаго содержанія своей практики. И наши товарищи все сильнѣе чувствовали противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно бы быть, между фактическимъ состояніемъ нашей партіи и запросами, предъявляемыми къ ней.

Гдѣ же выходъ изъ этого плачевнаго положенія, въ чемъ спасеніе отъ него?—„Строго-централизованная организація съ принципіально послѣдовательными руководителями во главѣ въ центрѣ“—таковъ былъ спасительный лозунгъ!

Нѣтъ надобности, конечно, подробно разъяснять тебѣ, что ни крѣпкая организація, ни штабъ практическихъ политическихъ вождей не могутъ—подобно Минервѣ изъ головы Юпитера—вдругъ появиться на свѣтъ, какъ готовый продуктъ, въ результатѣ чьего-либо властнаго приказанія или какого-либо волшебнаго

дѣйствія. Жизнеспособная организація и дѣйствительно руководящая группа политическихъ вождей могутъ развиться лишь постепенно, извнутри партіи, путемъ самовоспитанія и ея коллективнаго приспособленія къ условіямъ мѣста и времени. А между тѣмъ, какъ я уже выше указалъ, такой процессъ выработки ими образованія организаціи исключался или, во всякомъ случаѣ, крайне затруднялся общими условіями развитія россійской соціалдемократіи. Отсюда—то чувство безпомощности и безвыходности, которое явилось психологической почвой для развитія своеобразнаго организаціоннаго фетишизма. Какъ соціалисты прежнихъ временъ, когда современнаго рабочаго движенія еще не было, всѣ свои надежды возлагали на совершенный „планъ“ „совершеннаго“ общества, во всѣхъ своихъ деталяхъ разработанный какой-нибудь умной головой,—такъ наши товарищи начали чаять спасенія отъ совершеннаго плана организаціи. И этому, именно, психологическому состоянію Ленинъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ кругу значительной части товарищей. Не то, чтобы онъ дѣйствительно изобрѣлъ какой-нибудь замѣчательный планъ или же самъ являлся выдающимся организаторомъ. Но онъ былъ единственный изъ насъ, который какъ разъ слабыя стороны нашего движенія, въ частности, внутреннее чувство безсилія нашихъ „практиковъ“, съумѣлъ использовать для себя, а можетъ быть, даже съ самаго начала систематически его эксплуатировалъ.

Я долженъ оборвать свое изложеніе, такъ какъ оно слишкомъ разростается. На этотъ разъ только еще нѣсколько строкъ.

По существу, наша программа и наша „строго-централистическая“ организація, пока, только—форма или оболочка, которую еще необходимо заполнить (въ практикѣ) соотвѣтственнымъ соціалдемократическимъ содержаніемъ. По своему соціальному характеру и историческимъ задачамъ, россійская соціалдемократія представляетъ собою нѣчто среднее, промежуточное,—ни рыба, ни мясо. Она является продуктомъ революціоннаго движенія интеллигенціи, искавшей, во имя соціализма, опору въ народныхъ массахъ, чтобы—объективно говоря—разрѣшить буржуазно-революціонную задачу. Но на этомъ пути она вызвала къ жизни рабочее движеніе и въ такой степени ассоціировалась съ марксизмомъ, что ей остается одна альтернатива: либо идти дальше до полнаго развитія въ дѣйствительно пролетарскую классовую партію, либо же, какъ организованное (политическое) цѣлое, такъ же исчезнуть съ исторической сцены, какъ въ свое время

исчезла „Народная Воля“ и другія народническія партіи. А между тѣмъ, именно въ послѣдніе годы она сдѣлала остановку въ развитіи пролетарскаго содержанія своей практики. А эта пріостановка—въ связи съ формальной побѣдой „Искры“ надъ „экономизмомъ“ и другими отсталыми теченіями въ нашей партіи—привела къ интеллектуальному регрессу; у большинства товарищей ихъ „ортодоксальный марксизмъ“ и „принципіальная выдержанность“ сводятся, какъ я уже выше говорилъ, къ такимъ общимъ, безсодержательнымъ представленіямъ, какъ „централизмъ“, „дисциплина“, „престижъ Ц. К.“ и т. п. банальностямъ. Русская поговорка гласитъ: „въ мутной водѣ легко рыбу ловить“. При такомъ состояніи нашей партіи легко вести бонапартистскую демагогическую политику и препятствовать концентраціи всѣхъ ея силъ надъ изысканіемъ путей и средствъ для поднятія ея на новую ступень развитія въ принципіально пролетарскомъ смыслѣ. Путемъ самокритики (прошедшаго и настоящаго партіи, ея односторонностей и пр.) мы обращаемъ вниманіе товарищей на жизненный вопросъ нашей партіи: „что и какъ должны мы сдѣлать для того, чтобы русская соціалдемократія (прежде чѣмъ наступилъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ) изъ промежуточнаго въ политическомъ отношеніи существа превратилась хоть отчасти въ дѣйствительную пролетарскую классовую партію“? Не рѣшивъ этой задачи, мы рискуемъ, что въ рѣшительный моментъ крупныя событія сметутъ ее съ исторической сцены. Постоянное указываніе на необходимость возможно болѣе скораго рѣшенія этой проблемы, разоблаченіе опасности, которою партіи угрожаетъ ея остановка на теперешней стадіи развитія, выясненіе тѣхъ средствъ и опорныхъ пунктовъ, которыми мы должны воспользоваться, чтобы проложить путь разрѣшенію этой проблемы—во всемъ этомъ заключается миссія, такъ называемаго, „меньшинства“ или оппозиціи. Ленинъ же и Комп. своими дезорганизаторскими методами и систематическимъ заподозриваніемъ нашихъ критическихъ и положительныхъ разъясненій толкаетъ партію не только къ расколу, но и къ полному разложенію.

Въ этомъ—истинный смыслъ и значеніе нашихъ „разногласій“. Послѣднія лишь отражаютъ элементарный историческій процессъ, о значеніи и смыслѣ котораго значительное большинство товарищей едва ли и имѣютъ какое-нибудь представленіе.

П. Аксельродъ.

Письмо къ товарищамъ-рабочимъ.

(Интеллигенты и рабочіе въ нашей партіи).

(15 декабря 1904 № 80).

Дорогіе товарищи!

На дняхъ мы выпускаемъ въ свѣтъ брошюру одного рабочаго, подъ заглавіемъ: «*Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ*». Рукопись этой брошюры получена была нами въ сопровожденіи письма отъ двухъ рабочихъ, конечно, соціалдемократовъ—въ которомъ они заявляютъ себя солидарными съ взглядами автора и заранѣе привѣтствуютъ появленіе ея въ печати. По всей вѣроятности, такой же пріемъ она встрѣтитъ у большинства изъ васъ, такъ какъ авторъ выступаетъ въ ней страстнымъ выразителемъ настроенія, несомнѣнно распространеннаго въ вашей средѣ, и горячимъ защитникомъ вашихъ правъ (собственно, обязанности) на непосредственное участіе во внутреннихъ дѣлахъ партіи. Авторъ требуетъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ называетъ „теоретиками меньшинства", указали „рабочимъ всей Россіи пути и средства" къ обезпеченію себѣ непосредственнаго вліянія на внутреннюю жизнь своей партіи: „Не ограничивайтесь, говоритъ онъ, воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ (т. е. интеллигентамъ. П. А.) о реформированіи практики, но... взывайте также къ пролетаріямъ"! Мы увидимъ, что авторъ впалъ въ крупное недоразумѣніе, предполагая, что мы обращаемся къ одной только интеллигенціи. Но нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ заявляетъ, что обращеніе партійныхъ литераторовъ, добивающихся дальнѣйшаго развитія нашей практики въ пролетарскомъ смыслѣ, спеціально и непосредственно къ товарищамъ-рабочимъ можетъ послужить имъ моральной поддержкой въ ихъ стремленіи къ повышенію своей самодѣятельности внутри нашихъ партійныхъ организацій.

Идя навстрѣчу желанію этихъ товарищей я намѣренъ въ рядѣ писемъ бесѣдовать съ вами о положеніи россійской соціалдемократіи, о насущныхъ вопросахъ и задачахъ, выдвинутыхъ передъ нею ходомъ общественной жизни и ея собственнаго развитія, о путяхъ и средствахъ для рѣшенія этихъ вопросовъ и

задачъ, наконецъ о событіяхъ, фактахъ и явленіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ интересамъ пролетаріата и къ его освободительному движенію.

Настоящее письмо я посвящаю спеціально тому вопросу, который является исходнымъ и центральнымъ пунктомъ брошюры, толкнувшей меня на мысль вступить въ спеціальную бесѣду съ вами на страницахъ „Искры".

Мы вступаемъ въ періодъ ликвидаціи самодержавнаго режима и сословнаго общественаго строя Россіи. Направленіе, ходъ и результаты этой ликвидаціи для пролетаріата зависятъ, главнымъ образомъ, отъ политической сознательности, энергіи и организованности, съ которыми онъ выступаетъ въ предстоящихъ событіяхъ, т. е. оттого, въ какой мѣрѣ соціалдемократіи удастся сплотить рабочія массы подъ своимъ знаменемъ въ самостоятельную политическую силу, способную энергично бороться съ абсолютизмомъ и отстаивать интересы своего класса противъ всѣхъ эксплуататорскихъ классовъ. Но именно вы, товарищи, больше всего можете сдѣлать для объединенія этихъ массъ въ такую партію. А это, разумѣется, недостижимо безъ вашего непосредственно участія и вліянія передовыхъ соціалдемократическихъ рабочихъ на всю нашу партійную жизнь. Къ такой активной роли въ партіи и призываетъ васъ авторъ брошюры.

На ряду съ другими знаменательными явленіями въ средѣ соціалдемократовъ-рабочихъ, брошюра эта указываетъ на ростъ вашего пролетарскаго самосознанія и на интенсивное стремленіе въ вашихъ рядахъ къ болѣе широкой и энергичной самодѣятельности внутри своей партіи. И само собою разумѣется, что всякій соціалдемократъ, сознательно и горячо преданный дѣлу политическаго возвышенія пролетаріата, не можетъ не привѣтствовать радостно этого стремленія, имѣющаго значеніе первостепенной важности именно въ настоящій моментъ, когда, какъ я уже выше сказалъ, отъ широкой инипіативы и активности нашихъ соціалдемократическихъ рабочихъ въ чрезвычайно высокой степени зависитъ ближайшая судьба нашей партіи и роль пролетарскихъ массъ въ предстоящихъ генеральныхъ битвахъ демократіи съ абсолютизмомъ.

Но тутъ самъ собою навязывается такой вопросъ: не странно ли въ высшей степени, что сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ Россійской соціалдемократической партіи, должны еще только стремиться къ пріобрѣтенію непосредственнаго

вліянія на ходъ дѣлъ въ ней, что широкое и прямое участіе ихъ въ опредѣленіи формъ и содержанія дѣятельности партіи, членами которой они состоятъ, что это участіе является не реальнымъ фактомъ, а только еще вопросомъ, поставленнымъ лишь на очередь и ждущимъ еще своего разрѣшенія?

Соціалдемократія, стремящаяся къ соціалистической революціи и признающая, что эта революція „можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса“, овладѣвшаго государственной властью, соціалдемократія въ силу, однимъ словомъ, принциповъ и требованій своей собственной программы должна быть ничѣмъ инымъ, какъ политической организаціей соціалистическаго пролетаріата. И такой организаціей она въ самомъ дѣлѣ и является во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы и Америки. Международная соціалдемократія, однимъ изъ отрядовъ которой признаетъ себя и наша партія, объединяетъ въ себѣ наиболѣе сознательные и революціонные элементы пролетаріата, руководящіе имъ въ борьбѣ за его освобожденіе, и потому самому непосредственно вліяющіе на всю внутреннюю жизнь и дѣятельность организацій, къ которымъ они принадлежатъ. Или, точнѣе говоря, они-то сами, непосредственно, своей мыслью и своей волей, всецѣло и опредѣляютъ характеръ, направленіе, пути и практическія задачи своихъ партійныхъ организацій. Въ силу какихъ же причинъ наша партія оказывается лишенной этой существенной черты интернаціональной соціалдемократіи, той именно черты, обладаніе которой и дѣлаетъ изъ нея международную армію соціально-революціоннаго пролетаріата? Въ рѣшеніи этого вопроса лежитъ ключъ и къ рѣшенію вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ организаціяхъ, имѣющаго, какъ говоритъ авторъ брошюры, „чуть ли не самое важное значеніе въ нашей партійной жизни“. Къ сожалѣнію, вниманіе автора всецѣло сосредоточено не на первомъ, а на послѣднемъ вопросѣ. Это вполнѣ понятно и простительно. Прежде чѣмъ вникнуть въ коренныя причины и происхожденіе угнетающаго ихъ зла, люди начинаютъ протестовать и бороться противъ самаго этого зла или, вѣрнѣе, противъ тѣхъ его непосредственно-осязательныхъ формъ и проявленій, которыя сами собою бросаются въ глаза и особенно больно даютъ имъ себя чувствовать.

Пролетаріи, сознательно работающіе въ рядахъ россійской соціалдемократіи, чувствуютъ себя какъ бы граждански и политически неравноправными въ ней. Это чувство особенно обо

стрилось подъ вліяніемъ нашего внутри-партійнаго кризиса, парализовавшаго ея силы какъ разъ въ такой моментъ, когда она обязана была всецѣло направить ихъ на мобилизацію и организацію рабочихъ массъ для рѣшительнаго натиска на самодержавный „режимъ“. Непосредственно соприкасаясь съ этими массами, видя стихійный ростъ ихъ недовольства, испытывая на каждомъ шагу, изо дня въ день, совершенную невозможность использовать это недовольство—благодаря воцарившемуся въ партіи хаосу и бездѣятельности многихъ комитетовъ, вы, естественно, особенно сильно начали тяготиться своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ ней въ роли „периферіи“, получающей указанія „сверху“, но лишенной, такъ сказать, законныхъ средствъ съ своей стороны давать властныя указанія руководящимъ партійнымъ организаціямъ. Весною, въ одномъ и томъ же номерѣ „Искры“ появилось письмо въ редакцію отъ кіевскаго комитета и корреспонденція изъ Ростова (присланная однимъ изъ членовъ тамошняго комитета), въ которыхъ съ горечью указывалось на то, что наши общія нужды еще менѣе удовлетворяются, чѣмъ когда бы то ни было, что со времени съѣзда „наша партія сдѣлала колоссальный шагъ... назадъ“, „что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не получается“ ни одного фунта литературы, а „Искра“ получается лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ. „Но поразительнѣе всего было то, что въ эту же эпоху цѣлый рядъ комитетовъ, не смущаясь полнѣйшимъ застоемъ въ выполненіи ими своихъ самыхъ элементарныхъ, самыхъ простыхъ и неотложныхъ обязанностей (обезпеченіе себя необходимой литературой, регулярное распространеніе ея, устная пропаганда) занимались составленіемъ резолюцій для выраженія строгаго порицанія редакціи партійнаго органа, во имя „дисциплины“ и „принципіальной выдержанности“, (!) за то, что она старалась безпощадно вскрывать истинное значеніе, источникъ и опасности нашего партійнаго кризиса и поддерживала тѣхъ товарищей, которые пытались удовлетворить запросу на литературу своими усиліями, наперекоръ противодѣйствію партійныхъ учрежденій, на которыхъ эта обязанность лежала и лежитъ. А вамъ, товарищи, приходилось при этомъ играть роль безпомощной, безгласной массы, которой даже и не полагалось знать, что происходитъ за кулисами, какъ и откуда взялась эта безурядица, влекущая партію ко дну. Брошюра является полнымъ негодованія протестомъ противъ этого положенія рабочихъ въ партіи, водрузившей знамя классовыхъ интересовъ пролетаріата и

дѣйствующей отъ его имени. Товарищи-рабочіе чувствуютъ и сознаютъ себя неполноправными гражданами своей собственной партіи, а авторъ брошюры требуетъ уравненія ихъ въ правахъ съ „интеллигентами". „Правильнымъ рѣшеніемъ" вопроса объ устраненіи „антагонизма между рабочими и интеллигентами, заявляетъ онъ, мы сразу освободимъ нашу партію отъ тѣхъ язвъ, кризисовъ и шатаній, которыми такъ изобилуетъ ея краткая „жизнь" и „тѣмъ самымъ будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы".

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ—вотъ что можно сказать по поводу выясненія всѣхъ стоящихъ передъ партіей задачъ къ вопросу объ „антагонизмѣ между рабочими и интеллигентами", стоящими въ ея рядахъ. Какъ, однако, ни важенъ этотъ вопросъ, онъ тѣмъ не менѣе, не только не охватываетъ главныхъ, или точнѣе, главной очередной нашей задачи, но, наоборотъ, самъ входитъ въ нее, какъ составная часть, и внѣ ея, самостоятельно, въ соціалдемократическомъ смыслѣ, радикально не можетъ быть и разрѣшенъ. Въ высшей степени прогрессивное и отрадное стремленіе нашихъ передовыхъ соціалдемократическихъ рабочихъ обезпечить себѣ полную возможность активнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ дѣлъ своей партіи принимаетъ въ брошюрѣ форму односторонняго протеста противъ какъ бы сознательнаго намѣренія „интеллигентовъ" — соціалдемократовъ во что бы то ни стало закрѣпить за собою свое привилегированное положеніе въ партіи и всякими средствами удержать пролетаріевъ въ роли подчиненныхъ и послушныхъ имъ „помощниковъ".

Сосредоточивая все свое вниманіе на конкретномъ, особенно больно бьющемъ въ глаза проявленіи зла, а не на корнѣ или источникѣ его, нашъ авторъ, да и не онъ одинъ, а, навѣрное, многіе товарищи, склоненъ перенести вопросъ объ его устраненіи цѣликомъ въ область формально-организаціонныхъ отношеній.

Стоитъ только измѣнить составъ нашихъ руководящихъ организацій такимъ образомъ, чтобы численно въ нихъ преобладали рабочіе—и все пойдетъ отлично въ партіи: „Этимъ мы сразу освободимъ" ее отъ всѣхъ „язвъ, кризисовъ и шатаній", и даже „будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы",—таковъ практическій выводъ, диктуемый одностороннимъ отношеніемъ автора къ вопросу объ относительной роли рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ. Онъ какъ

будто не замѣчаетъ, что общую принципіальную задачу „реформированія нашей практики" онъ подмѣнилъ частной задачей „уравненія въ правахъ" соціалдемократовъ-рабочихъ съ ихъ товарищами изъ интеллигенціи, задачей, которая можетъ быть радикально рѣшена именно въ процессѣ дальнѣйшаго развитія этой практики въ соціалдемократическомъ направленіи, а отнюдь не самостоятельно, какъ нѣчто самодовлѣющее, независимое отъ этого процесса.

Къ чему должна была бы привести на практикѣ, въ чемъ должна была бы выразиться тенденція сводить всѣ наши очередныя задачи къ измѣненію состава нашихъ „партійныхъ организацій" и самый вопросъ о поднятіи инициативы и самодѣятельности рабочихъ внутри партіи формулировать и рѣшать, какъ вопросъ о доставленіи послѣднимъ численнаго преобладанія въ этихъ организаціяхъ надъ „интеллигентами?.." Во первыхъ, воскресъ бы къ новой жизни блаженной памяти „демократизмъ", несовмѣстимый съ условіями существованія революціонныхъ организацій при абсолютизмѣ [1]) и потому на практикѣ всегда вырождающійся въ противоположность, служа при этомъ ширмой для честолюбивыхъ интригановъ и открывая даже доступъ въ организацію ловкимъ провокаторамъ. Во-вторыхъ, разгорѣлась бы борьба сторонниковъ мнимаго „демократизма" въ партійной организаціи съ его противниками. И въ еще гораздо большей степени, чѣмъ лозунгъ „чисто рабочее движеніе" эпохи „экономизма", кличъ: „да здравствуютъ истинные пролетаріи, долой интеллигентовъ!" сталъ бы для всевозможныхъ демагоговъ средствомъ развращенія рабочихъ и дезорганизаціи партіи. Читатели, помнящіе еще подвиги полицейскихъ демагоговъ зубатовской школы, легко представятъ себѣ, въ какомъ смыслѣ могли бы использовать партійныя междуусобія на указанной почвѣ представители реакціи. Но еще болѣе опаснымъ для партіи орудіемъ междуусобія эти явились бы въ рукахъ разныхъ честолюбцевъ, преслѣдующихъ личныя цѣли, и тѣхъ ея демократическихъ противниковъ, которые, въ силу спутанности своихъ понятій объ историческихъ условіяхъ и процессѣ подготовленія соціальной революціи, возлагаютъ всѣ свои надежды на стихійныя возстанія самыхъ отсталыхъ, наиболѣе

---

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь о томъ предположеніи, что абсолютизмъ продолжаетъ существовать и соціалдемократическая партія продолжаетъ дѣйствовать, какъ нелегальная организація. При измѣненіи этихъ условій и самый вопросъ, выдвинутый авторомъ, потеряетъ свое значеніе.

безсознательныхъ и прямо одичалыхъ элементовъ народныхъ массъ. Словомъ, къ старымъ „язвамъ, кризисамъ и шатаніямъ“ нашей партіи присоединились бы новые, еще болѣе глубокіе, зловредные и прямо разрушительные для нея [1]).

На самомъ авторѣ брошюры одностороннее увлеченіе мыслью объ измѣненіи, такъ сказать, „правового“ положенія рабочихъ „въ нашихъ организаціяхъ“ вредно отразилось, между прочимъ, тѣмъ, что онъ проглядѣлъ въ „Искрѣ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ редакціей Ц. О., все то, что тамъ говорится о путяхъ и средствахъ для „самопреобразованія“ Россійской соціалдемократіи въ чисто-пролетарскую партію. И подъ вліяніемъ того же настроенія, которое породило это увлеченіе, онъ дѣлалъ по адресу редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ центральнаго органа упрекъ въ томъ, что они будто бы „обращаются *исключительно* (курсивъ мой, П. А.) къ интеллигенціи“. „Не ограничивайтесь—обращается онъ къ намъ—воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ [2]) о реформированіи нашей практики; но, на ряду съ ними, взывайте также и къ пролетаріямъ“. Но развѣ „Искра“—органъ спеціально для интеллигенціи, хотя бы и соціалдемократической? И развѣ брошюры, выходящія изъ партійной типографіи, предназначаются для однихъ только „интеллигентовъ?“ Вѣдь „Искра“ органъ всей партіи, т. е. всей той совокупности лицъ, которая признаетъ нашу программу и работаетъ на пользу пролетаріата подъ руководствомъ партійныхъ организацій. Въ вопросахъ нашей внутрипартійной жизни верховными судьями являются одни лишь члены партіи, и никто другой, а потому, трактуя объ ея внутреннихъ отношеніяхъ,—дѣлахъ, потребностяхъ и задачахъ („реформированіе практики“), „Искра“ прежде всего, и главнымъ образомъ, обращается къ товарищамъ, не дѣлая различія между „интеллигентами“ и рабочими. Лица,

---

[1]) Напомню, кстати, что англійскіе профессіональные рабочіе союзы—организаціи „чисто“ пролетарскія, по составу не только массы своихъ членовъ, но и стоящихъ во главѣ ихъ учрежденій. Но онѣ до сихъ поръ еще очень чужды ученіямъ соціалдемократіи и, наоборотъ, находятся подъ самымъ сильнымъ умственнымъ и политическимъ вліяніемъ „интеллигенціи“, но только не идейно соціалдемократической, а самой что ни на есть буржуазной. Формально организаціонная самостоятельность рабочихъ, на практикѣ, при извѣстныхъ условіяхъ прекрасно уживается съ подчиненіемъ ихъ политической и умственной опекѣ буржуазныхъ „интеллигентовъ“.

[2]) Т. е. къ „интеллигентамъ“.

стоящія внѣ лагеря соціалдемократіи, не признающія ея принциповъ и практическихъ задачъ, не могутъ претендовать на рѣшающій голосъ въ ея внутреннихъ дѣлахъ, хотя бы они были и рабочіе. И наоборотъ, товарищи, отдавшіе всѣ свои силы дѣлу классоваго воспитанія и политическаго объединенія пролетаріата, хотя бы они были „интеллигентами", являются такими же полноправными судьями въ этихъ дѣлахъ, какъ и товарищи-рабочіе. Поэтому, вскрывая и критикуя ошибки и недостатки Россійской соціалдемократіи, обсуждая и намѣчая пути и средства къ ихъ устраненію, указывая новыя задачи, выдвигающіяся передъ ней— ея собственнымъ развитіемъ и ходомъ общественной жизни,— „Искра", какъ центральный органъ партіи, никоимъ образомъ не можетъ „ограничиваться воззваніями" къ одной только интеллигенціи, или—къ однимъ лишь рабочимъ, а, наоборотъ, должна взывать ко всѣмъ нашимъ „практикамъ", къ какому бы классу они, по своей профессіи или общественному положенію, ни принадлежали. Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ группа „Освобожденіе Труда", положившая начало соціалдемократическому движенію въ Россіи, неоднократно обращалась спеціально къ „рабочей интеллигенціи". Но въ то время у насъ еще не было соціалдемократической партіи. Мало того, радикальная интеллигенція, въ цѣломъ, враждебно отнеслась тогда къ самой мысли о дѣятельности въ пользу самостоятельнаго рабочаго движенія въ современной Россіи и революціонная партія была цѣликомъ партіей интеллигентской, совершенно оторванной отъ пролетаріата, даже въ принципѣ отрицавшей законность стремленія къ превращенію ея въ политическую организацію рабочаго класса. Наконецъ, большинство даже наиболѣе передовыхъ рабочихъ, по своему развитію, сильно отставало отъ соціалистической интеллигенціи, пожалуй, не многимъ меньше, чѣмъ въ настоящее время масса пролетаріевъ, читающихъ одни только нелегальные листки и популярныя брошюрки, отстаютъ отъ вполнѣ сознательныхъ соціалдемократовъ—рабочихъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ кореннымъ образомъ измѣнилось съ того времени, когда группа „Освобожденіе Труда" выступила съ пропагандой соціалдемократическихъ ученій. Сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ нашей партіи, не могутъ, поэтому, и не имѣютъ права выключать себя изъ того круга читателей, къ которымъ ея центральный органъ спеціально обращается, когда дѣло касается жизненныхъ интересовъ пролетаріата и соціалдемократіи. Не

имѣютъ права именно потому, что, какъ совершенно справедливо говоритъ нашъ авторъ, отъ сознательнаго и активнаго участія передовыхъ соціалдемократическихъ рабочихъ въ обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ зависитъ дальнѣйшая судьба Россійской соціалдемократіи. Кромѣ того, выключая себя изъ круга тѣхъ членовъ партіи, къ которымъ обращается ихъ Центральный органъ, они тѣмъ самымъ зачислили бы себя въ разрядъ „незрѣлыхъ“ элементовъ ея, даже и не претендующихъ на то, чтобы съ ними говорили, какъ съ политически-взрослыми, полноправными членами партіи.

Я уже замѣтилъ, что вопросъ, спеціально занимающій автора брошюры, радикально можетъ быть разрѣшенъ только въ процессѣ сознательной коллективной работы нашей партіи, систематически направленной на организацію и на вовлеченіе все болѣе и болѣе широкихъ массъ пролетаріата въ с о з н а т е л ь н у ю и организованную борьбу за свои классовые интересы, имѣющую своею конечной цѣлью революціонное ниспроверженіе буржуазнаго строя и замѣну его соціалистическимъ. Только на почвѣ и въ атмосферѣ этой борьбы происходитъ процессъ развитія классоваго само-сознанія и объединенія пролетарскихъ массъ въ самостоятельную политическую партію. Или точнѣе—этотъ процессъ и эта борьба покрываютъ другъ друга; можно даже сказать, это—различныя названія для одного и того же историческаго явленія или факта. И именно въ процессѣ развитія классовой самодѣятельности рабочихъ массъ, выступая иниціаторами, руководителями и организаторами ихъ въ борьбѣ за экономическіе, политическіе и умственные интересы пролетаріата, наша „рабочая интеллигенція“ можетъ,—поглощая въ себѣ „интеллигентовъ“ и тѣмъ самымъ сливаясь съ ними—пріобрѣсть то положеніе въ Россійской соціалдемократіи, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы ея программѣ и ея принципіальному назначенію, какъ партіи пролетаріата. Неутомимо работая надъ вовлеченіемъ все болѣе широкихъ слоевъ его въ организованную борьбу съ ихъ экономическими эксплуататорами и политическими угнетателями, напрягая всѣ свои силы на поднятіе умственнаго уровня и политической самодѣятельности этихъ слоевъ, на увеличеніе боевыхъ средствъ и на объединеніе своего класса въ сознательно-революціонную силу, противостоящую всѣмъ другимъ классамъ и партіямъ, вы, товарищи, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе будете расширять и свой политическій кругозоръ, развивать въ себѣ иниціативу, энергію и органи-

заторскія способности, пріобрѣтете вѣру въ свои собственныя силы и, вмѣстѣ съ товарищами „интеллигентами", станете на дѣлѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, интеллигенціей рабочаго класса.

Я уже упоминалъ о томъ, что группа „Освобожденіе Труда" неоднократно обращалась спеціально къ передовымъ рабочимъ. Въ этихъ обращеніяхъ указывалось имъ и на тотъ путь революціонной самодѣятельности, который только что намѣченъ и который представляетъ собою исторически—нормальный путь образованія соціалдемократическихъ партій на Западѣ и одинъ только и можетъ привести и приведетъ къ радикальному устраненію того „антагонизма между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ", который такъ больно даетъ себя чувствовать нашей партіи. Такъ, напр., уже черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ брошюры Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба", открывающей собою начало эпохи соціалдемократическаго движенія въ Россіи, группа „Освобожденіе Труда", въ объявленіи объ изданіи „Рабочей библіотеки" [1]), обращалась спеціально къ „рабочей интеллигенціи" съ призывомъ взять на себя дѣло объединенія нашего пролетаріата въ самостоятельную революціонную силу. Для того, чтобы рабочій классъ своевременно могъ пріобрѣсть значеніе крупной политической силы въ періодъ крушенія абсолютизма, сказано въ объявленіи, „революціонеромъ необходимо съ гораздо большей серьезностью и упорствомъ приняться за дѣло пропаганды соціализма въ его средѣ и объединенія его въ тайные союзы, съ ясно продуманными цѣлями и средствами борьбы". Подъ „революціонерами" подразумѣваются здѣсь соціалистическіе элементы, какъ въ „интеллигенціи", такъ и среди интеллигентныхъ рабочихъ. Но, сказано дальше, „обязанность эта прежде всего и главнымъ образомъ падаетъ на рабочую интеллигенцію и особенно на ея наиболѣе развитыхъ и смѣлыхъ представителей... Она сама должна проникнуться той мыслью, что серьезное и неустанное подготовленіе рабочаго класса къ его великой исторической роли представляетъ собою одно изъ необходимѣйшихъ условій для обезпеченія трудящихся массъ Россіи отъ гибельныхъ ошибокъ, отъ обмановъ и насилій со стороны эксплуататорскихъ классовъ. И вотъ, во имя и ради задачи „подготовленія рабочихъ промышленныхъ центровъ"

---

[1]) „Объявленіе" напечатано при моей брошюрѣ: „Рабочее движеніе и соціалдемократія", первомъ выпускѣ названнаго изданія. Брошюра эта появилась въ свѣтъ въ концѣ 1884 г.

къ ихъ исторической миссіи руководителей народныхъ массъ въ борьбѣ „съ врагами народнаго благосостоянія“ мы предлагали передовымъ рабочимъ:

„Вмѣсто того, чтобы тащиться въ хвостѣ такъ называемыхъ интеллигентныхъ кружковъ“ они должны „направить всѣ свои усилія на образованіе одного самостоятельнаго рабочаго союза или рабочей партіи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражали увѣренность, что „искренніе друзья народной самодѣятельности изъ высшихъ и среднихъ классовъ не замедлятъ... поддержать усилія рабочей интеллигенціи на этомъ пути“.

Въ дѣйствительности, однако, объединяющимъ и организующимъ элементомъ въ процессѣ образованія нашей партіи явились именно интеллигенты, на долю же „разрозненныхъ единицъ и кружковъ соціалдемократовъ рабочихъ“ выпала роль только „помощниковъ“.

Что же мѣшало сознательно-революціоннымъ представителямъ пролетаріата, самимъ или вмѣстѣ съ лучшими представителями интеллигенціи, взять на себя роль иниціаторовъ и организаторовъ нашего соціалдемократическаго движенія? Очевидно, было бы слишкомъ уже просто и нелѣпо объяснить этотъ фактъ какими-нибудь прирожденными свойствами нашихъ сознательныхъ революціонныхъ пролетаріевъ и вообще ихъ личными недостатками. Но точно также вульгарно и нелѣпо было бы дѣлать въ данномъ случаѣ „интеллигентовъ“ лично отвѣтственными, взваливать всю вину на нихъ, какъ на представителей непролетарскихъ классовъ, и видѣть корень явленія въ ихъ злой волѣ, въ ихъ преднамѣренномъ стремленіи держать рабочихъ въ черномъ тѣлѣ и всячески устранять ихъ отъ руководящихъ функцій. Люди, душой и тѣломъ отдавшіеся дѣлу подготовленія рабочаго класса къ пролетарской революціи путемъ организаціи его въ самостоятельную политическую силу, такіе люди должны были стремиться къ развитію самостоятельности и самодѣятельности передовыхъ рабочихъ и уже никоимъ образомъ не могли себѣ ставить цѣлью систематическое подавленіе той и другой [1]).

---

[1]) Я говорю объ общемъ, такъ сказать, принципіальномъ отношеніи соціалдемократической интеллигенціи къ сознательно-революціоннымъ пролетаріямъ. Что на практикѣ тѣ или другіе представители ея, въ силу своихъ личныхъ свойствъ или создавшихся партійнымъ развитіемъ привычекъ и отношеній, могли фактически тормозить развитіе иниціативы и самодѣятельности этихъ пролетаріевъ внутри партіи, это не подлежитъ

Но, если ни сознательные рабочіе, ни соціалдемократы-интеллигенты не могутъ считаться главными виновниками того факта, что первые играли подчиненную роль въ процессѣ образованія нашей партіи, то корень этого факта, очевидно, приходится искать въ историческихъ условіяхъ, опредѣлившихъ ходъ ея развитія. Въ этихъ же условіяхъ коренится и источникъ тѣхъ отношеній „между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ", которыми теперь такъ тяготятся соціалдемократическіе пролетаріи, а вмѣстѣ съ ними и наиболѣе передовые товарищи—„интеллигенты". Но въ такомъ случаѣ самъ собой рождается другой вопросъ: измѣнились-ли условія существованія и развитія нашего движенія настолько, что стремленіе, воодушевляющее наиболѣе сознательныхъ представителей его и проникающее собою брошюру, по поводу которой я пишу эти строки, имѣетъ реальную почву для своего осуществленія? Другими словами: назрѣли-ли уже условія для выполненія нашими товарищами-рабочими (разумѣется, совмѣстно съ остальными членами партіи) той миссіи по отношенію къ своему классу, которую группа „Освобожденіе Труда" предлагала ихъ предшественникамъ взять на себя? Наконецъ, если условія для осуществленія этой миссіи имѣются уже налицо, то спрашивается: какіе же пути и средства, какіе формы и методы революціонной борьбы наиболѣе цѣлесообразны для преслѣдованія ея?

Обо всѣхъ этихъ вопросахъ у меня будетъ идти рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ.

П. Аксельродъ.

сомнѣнію. Но явленія такого рода были не причиной, а **слѣдствіемъ** того факта, что передовые рабочіе играли подчиненную, такъ сказать, служебную роль въ процессѣ образованія своей партіи.

Политическія письма.

(3-го марта 1905-го года, № 90)

I.

На далекомъ Востокѣ закончилось общее сраженіе,—первое послѣ паденія Портъ-Артура и, безспорно, послѣднее въ длинномъ ряду бюрократическаго военнаго позора.

Разгромъ арміи Куропаткина окончательно рѣшаетъ судьбу всей войны, съ которой самодержавное правительство такъ тѣсно сплело свою собственную судьбу.

Рѣшительная минута гибели абсолютизма все ближе и ближе. Онъ чувствуетъ это, но онъ хочетъ жить. За его спиной вѣка, и эти вѣка выработали въ немъ могучую привычку руководить, властвовать, рѣшать, терзать, давить,—словомъ, жить. Весь его грандіозный, многочленный, вѣтвистый организмъ сверху до низу пропитанъ однимъ инстинктомъ жизни. Этотъ жадный инстинктъ его покинетъ лишь вмѣстѣ съ самой жизнью, а жизни онъ дешево не отдастъ. Онъ показалъ это—и какъ показалъ!—въ Петербургѣ, въ Варшавѣ, Лодзи, Ригѣ, онъ показалъ это, пославъ,—безъ всякой надежды на успѣхъ,—новый военный флотъ къ печилійскимъ водамъ и затѣявъ,—послѣ паденія Портъ-Артура,—новое сраженіе, еще невиданныхъ, вѣроятно, въ исторіи размѣровъ, на кровавой манчжурской рѣкѣ Шахэ. Онъ доказываетъ это погромами въ Баку и Ѳеодосіи.

Абсолютизмъ дезорганизованъ. Отдѣльные члены его дѣйствуютъ несогласованно, противорѣчатъ другъ другу и борются другъ съ другомъ: обѣщаютъ законность и устраиваютъ погромы, заигрываютъ съ идеей Земскаго Собора и усугубляютъ практику осаднаго положенія, готовятся уничтожить цензуру и давятъ газеты, ласкаютъ либераловъ и разстрѣливаютъ рабочихъ, давятъ либераловъ, которые сочувствуютъ рабочимъ, и ласкаютъ рабочихъ, чтобы отвоевать ихъ у революціонеровъ и либераловъ. Тутъ тысяча противорѣчій, но все это лишь потому, что врагъ самъ выступаетъ въ тысячѣ противорѣчивыхъ видовъ—какъ земецъ, журналистъ, студентъ, террористъ, рабочій—и не даетъ накинуть на себя одну общую петлю. Инстинктъ самосохраненія объединяетъ разрозненые

акты правительственной политики и заставляетъ это правительство, чуть вопросъ ставится остро, неизмѣнно пускать въ дѣло послѣдніе рѣшающіе факторы: пулю и штыкъ. Калейдоскопическая смѣна правящихъ персонажей ничего уже не способна измѣнить въ этой суровой игрѣ, гдѣ ставкой является жизнь. Деспотизмъ потерялъ всякую возможность справиться съ общенароднымъ движеніемъ путемъ сдѣлки, и ему остается лишь борьба, безпощадная, до конца, доколѣ не сломается окровавленный штыкъ послѣдняго вѣрнаго солдата.

Несмотря на упорныя усилія полицейскаго государства удержать общественныя силы въ равновѣсіи покоя, капитализмъ дѣлалъ свое дѣло: онъ заставилъ порожденные имъ классы бороться путемъ революціи за свое политическое самоопредѣленіе. Нынѣ абсолютизмъ стоитъ предъ революціей, какъ уже готовымъ фактомъ. Соціальныя силы въ движеніи. Онѣ сталкиваются, и ихъ столкновенія высѣкаютъ пламя. Мѣры „мирной“ полицейской нормировки теряютъ, поэтому, всеопредѣляющее значеніе въ глазахъ самого абсолютизма. Его вниманіе переносится отъ полицейской и цензурной рутины къ мѣрамъ широкаго размаха, которыя отвѣчали бы запросамъ и затрудненіямъ, поставленнымъ революціонной эпохой. Наверху, вокругъ правящаго центра, различныя коммиссіи и совѣщанія готовятъ всевозможныя облегченія, послабленія и упорядоченія,—а внизу тотъ-же аппаратъ, гонимый инстинктомъ самосохраненія, совершаетъ ужасающіе эксперименты съ цѣлью заставить служить себѣ силы и явленія, созданныя самой революціей. Абсолютизмъ снова и снова пытается наиболѣе отсталыя массы, пробужденныя революціей къ жизни, двинуть противъ революціонно-сознательныхъ слоевъ. Столкнуть въ жестокомъ бою стихійные кадры революціи съ ея сознательнымъ авангардомъ, создать общую панику, вызвать въ обществѣ страхъ предъ идущей снизу анархіей, обезкровить революцію и на ея трупахъ и обломкахъ, цементированныхъ кровью, возстановить полицейское равновѣсіе,—такова грозная задача, которую теперь на практикѣ разрѣшаетъ режимъ все въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ Тамбовѣ, Москвѣ, Курскѣ, Псковѣ, Казани полиція открыто организуетъ готовые на все городскіе отбросы для избіенія земцевъ, студентовъ и даже гимназистовъ. Въ Ѳеодосіи и Баку, гдѣ пришлось имѣть дѣло не съ земцами и гимназистами, а съ мятежными рабочими массами, азартная игра абсолютизма привела къ неудержимымъ вулканическимъ взрывамъ народной ярости. Въ Ѳеодосіи полиція на почвѣ возбу-

жденія, вызваннаго всеобщей стачкой, организуетъ еврейскій погромъ. Въ Баку она при тѣхъ же условіяхъ завершаетъ неслыханнымъ избіеніемъ, давшимъ до 500 жертвъ, свою долгую работу натравливанія наиболѣе темныхъ элементовъ населенія, персовъ, татаръ и турокъ, противъ сплошь оппозиціоннаго и революціоннаго армянскаго населенія. И это, разумѣется, не послѣдніе опыты. Путь, на который абсолютизмъ сдвинутъ открывшейся революцией, не знаетъ ни остановки, ни возврата. Этотъ путь упирается въ столкновеніе всѣхъ силъ его со всѣми силами революціи. Не реформаторскія комиссіи Кобеко и Шидловскаго указуютъ политическую орбиту абсолютизма, а, леденящія кровь, событія въ Өеодосіи и Баку. Это должно стать ясно всякому, эту мысль нужно нести въ народныя массы. Ничто не можетъ быть въ настоящее время утопичнѣе и безпочвеннѣе, чѣмъ тактика, разсчитанная на соглашеніе и аппелирующая къ такъ называемому „государственному смыслу“ правительствующихъ сферъ. Живущія этой тактикой политическія группы будутъ безжалостно размолоты жерновами революціи...

Что можетъ отклонить развитіе отъ революціоннаго пути?

Созывъ земскаго собора на такихъ началахъ, какіе могъ бы принять абсолютизмъ, такъ же мало способенъ измѣнить отношенія между нимъ и націей, какъ и одно счастливое сраженіе. Дарованіе каррикатуры парламентаризма, можетъ быть, отбросило бы въ лагерь правительственнаго „порядка“ наиболѣе косную группу земской оппозиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтило бы болѣе рѣшительно дальнѣйшіе этапы революціи. Такой земскій соборъ не многимъ болѣе способенъ нынѣ стать формой примиренія и единенія, чѣмъ военная диктатура Трепова: народъ сосредоточитъ свою революціонную ненависть на соборѣ. Созывъ земскаго собора лишается, такимъ образомъ, для абсолютизма всякаго серьезнаго значенія. Правительству остается лишь борьба до конца. Такъ говоритъ историческая логика.

И въ то время, какъ по рѣкѣ Шахэ разрозненныя авангардныя стычки превращаются въ колоссальную общую бойню по всему стоверстному фронту,—внутри страны совершается могучая напряженная работа, которая подготовляетъ кульминаціонный моментъ революціи, открытое сраженіе съ силами реакціи по всему фронту.

Послѣ 9 января революція уже не знаетъ остановки. Она уже не ограничивается подземной, скрытой для глазъ, работой возбужденія все новыхъ народныхъ массъ,—она перешла къ открытой

и спѣшной перекличкѣ своихъ боевыхъ ротъ, полковъ, батальоновъ и корпусовъ. Главную силу ея арміи составляетъ пролетаріатъ, поэтому средствомъ своей переклички революція дѣлаетъ стачку.

Профессія за профессіей, фабрика за фабрикой, городъ за городомъ бросаютъ работу. Желѣзнодорожный персоналъ выступаетъ застрѣльщикомъ стачки, желѣзнодорожныя линіи являются путемъ стачечной эпидеміи. Предъявляются экономическія требованія, которыя почти сейчасъ же удовлетворяются вполнѣ или отчасти. Но ни начало стачки, ни конецъ ея не обусловливаются въ полной мѣрѣ характеромъ предъявленныхъ требованій и формой ихъ удовлетворенія. Каждая отдѣльная стачка возникаетъ не потому, что повседневная экономическая борьба уперлась въ опредѣленныя требованія,—наоборотъ: требованія подбираются и формулируются потому, что нужна стачка. Нужно предъявить самимъ себѣ, пролетаріату другихъ мѣстъ, наконецъ, всему народу, свои накопленныя силы, свою боевую отзывчивость и боевую готовность,—нужна всеобщая революціонная ревизія. И сами стачечники и тѣ, которые ихъ поддерживаютъ, и тѣ, которые имъ сочувствуютъ, и тѣ, которые ихъ боятся, и тѣ, которые ихъ ненавидятъ,—всѣ понимаютъ или смутно чувствуютъ, что эта бѣшеная стачка, которая мечется съ мѣста на мѣсто, останавливается, кружится, снова снимается и возвращается на покинутое мѣсто, потомъ срывается и вихремъ мчится впередъ,—всѣ понимаютъ или чувствуютъ, что она не отъ себя, что она творитъ лишь волю пославшей ее революціи. Надъ операціоннымъ полемъ стачки—а это вся страна—нависаетъ что-то грозное, зловѣщее, напоенное дерзостью. Это пороховая атмосфера надвигающагося сраженія.

Послѣ 9 января революція уже не знаетъ остановки. Не заботясь о военной тайнѣ, открыто и шумно, издѣваясь надъ рутиной жизни, разгоняя ея гипнозъ, она ведетъ насъ къ своему кульминаціонному пункту.

Н. Троцкій

II.

(№ 93 17-го марта 1905 года).

Итакъ, задачей нашей является не только „развязать“ революцію, но и подготовить условія ея побѣды. Такъ ставитъ, и вполнѣ правильно ставитъ, вопросъ статья № 87; можно даже, пожалуй, пойти дальше и сказать: „развязывать“ революцію не приходится, ибо она уже „развязана“, — вся задача сводится къ тому, чтобы подготовить ея побѣду. Какъ? Внесеніемъ въ „развязавшуюся“ революціонную стихію элементовъ политической и технической организованности. Говоря кратко, это значитъ организовать революцію. Такъ именно ставила вопросъ статья тов. Парвуса „Итоги и перспективы“, — и несогласіе съ ней редакціи оказалось чистымъ недоразумѣніемъ, устраненнымъ нынѣ цитированной выше статьей.

Нѣтъ спора, можно написать очень интересную марксистскую статью на тему о томъ, что революцію нельзя сдѣлать какъ чайникъ или кусокъ ситцу, но когда революція уже дѣлается, когда революціонерамъ нужно заботиться не о развязываніи, а о развязкѣ ея, тогда практически-плодотворны будутъ только писанія, посвященныя вопросу: какъ подготовить благопріятную развязку, т. е. какъ организовать революцію. Да, какъ организовать революцію?

Революція не одно и то же, что отдѣльное активное выступленіе. На эту тему тоже можно написать одну, а то и двѣ безукоризненныя статьи. Революція есть сложный, иногда очень длительный историческій процессъ, въ результатѣ котораго политическая власть переходитъ къ новой соціальной силѣ. Активное выступленіе только „техническій“ моментъ, который можетъ входить, но можетъ и не входить въ революцію. Это безспорно. Но столь же безспорно, что мы никуда не годились бы, еслибъ не отдали себѣ отчета въ томъ, что наша революція, та, которая теперь совершается, уперлась въ этотъ „техническій моментъ“, и безъ него не пойдетъ дальше. Итакъ, мы должны организовать революцію; очереднымъ этапомъ ея является активное выступленіе — мы и должны его организовать.

Разумѣется, такое выступленіе не одно и то же‘ что заговоръ

Разумѣется, только для революціоннаго романтика имѣть планъ заговора значитъ имѣть въ зашифрованномъ видѣ выступленіе. Разумѣется, французскіе революціонеры 40-хъ годовъ были фантасты и алхимики. Но значитъ ли это, что теперь, въ мартѣ 1905 года, у насъ, въ Россіи, подготовка выступленія — алхимія и фантастика? Ну, конечно же, нѣтъ. Порукой тому—статья „Военныя замѣтки". Еще лучшей порукой служитъ россійскій пролетаріатъ, который проявилъ пропасть революціонной энергіи и революціоннаго упорства, двумя-тремя семимильными шагами пробѣжалъ прологъ Великой Русской Революціи—и теперь стоитъ передъ послѣднимъ ея актомъ.

Всенародный активный натискъ — вокругъ этого предпріятія должна теперь сосредоточиться наша политическая и наша техническая дѣятельность. Каждое частное, самопроизвольно возникающее выступленіе массы нужно пропитать мыслью о необходимости одновременнаго всероссійскаго выступленія. Все должно бить въ одну точку: прокламаціи, рѣчи, кружковыя занятія. Между городами должна быть живая, непрестанная связь, построенная на той мысли, что близокъ моментъ, когда всѣмъ придется одновременно подняться. Каждый комитетъ долженъ сейчасъ же выдвинуть новый органъ: „военный". Этотъ органъ будетъ быстро рости, и въ дни выступленія совершенно подчинитъ себѣ всѣ остальные.

Конечно, несмотря на нашу „нетерпимость", мы отнюдь не стремимся монополизировать въ своихъ рукахъ подготовку и проведеніе „натиска". Для такихъ претензій нуженъ былъ бы громадный избытокъ силъ, котораго у насъ вовсе нѣтъ. Всякому революціонеру, всякому революціонному отряду, который захочетъ взять на себя любую часть военной работы, мы скажемъ: „честь и мѣсто!" Передовая статья № 85 на этотъ счетъ безусловно права. Къ сожалѣнію, она забываетъ только добавить, что, кромѣ насъ, на революціонномъ полѣ никого нѣтъ. И именно этотъ печальный фактъ совершенно лишаетъ насъ возможности проявить въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ качество революціоннаго гостепріимства. Ждать, что революціонные радикалы посыплятся на насъ изъ какого нибудь рѣшета, совершенно не приходится. Революція надвинулась, выступленіе стоитъ на очереди, а мы одни. Гдѣ мы сильны, тамъ организаціонно сильна революція; гдѣ мы слабы, тамъ организаціонно слаба она; гдѣ насъ нѣтъ, тамъ революція лишена организаціи и руководящихъ элементовъ. У революціи много неожиданностей, но и эти

неожиданности подчинены общимъ законамъ,—у насъ нѣтъ соціальной почвы для самостоятельной якобинской демократіи, мы это понимали всегда, сами мы являемся продуктомъ этого факта, имъ объясняется наша побѣдоносная борьба съ народовольцами, народниками, „с.-р-ами" и... наше почти полное революціонное одиночество. Г. Гапонъ явился одной изъ блестящихъ внезапностей революціи, но и на него, оказывается, есть управа. Если взять его самостоятельную идею, она оказалась въ буквальномъ смыслѣ поденкомъ; теперь ему остается лишь примкнуть къ „одной изъ соціалистическихъ партій", которыя существовали до него и которыя въ извѣстномъ смыслѣ подготовили его появленіе. Выборъ Георгія Гапона не труденъ, ибо этихъ партій только одна.

Можетъ быть, съ какой-нибудь абстрактной (въ другомъ смыслѣ) точки зрѣнія можно утверждать, что было бы очень хорошо, еслибъ у насъ теперь была руководящая якобинская партія съ перспективой диктатуры въ будущемъ, съ обязательствомъ выполнять черную работу революціи въ настоящемъ, — а мы сохранили бы за собой только чисто-политическое руководство пролетаріатомъ. Но этого нѣтъ, черная работа должна быть выполнена, и намъ необходимо,—потому что мы честные революціонеры—~~взять~~ ее на себя, а это значитъ „монополизировать" ее. Выполненіе этой черной работы революціи, организація боевого выступленія, становится въ данный моментъ нашей высшей политической обязанностью.

Центральнымъ лозунгомъ нашей агитаціи является Всенародное Учредительное Собраніе. Это требованіе, противопоставленное требованію Земскаго Собора, уже сыграло громадную роль. Либеральнымъ умникамъ и скептикамъ требованіе Учредительнаго Собранія могло казаться годъ тому назадъ наивной революціонной утопіей,—теперь, ставъ лозунгомъ народныхъ массъ, оно даже въ глазахъ „освобожденцевъ" облеклось плотью. Въ результатѣ: вчера еще оппозиціонное требованіе Земскаго Собора становится сегодня лозунгомъ реакціи. Пролетаріатъ немедленно возстанетъ не только противъ бюрократіи, но и противъ тѣхъ господствующихъ группъ, которыя вступятъ съ нею въ сдѣлку на почвѣ манифеста и рескрипта 18 февраля: совѣщаться съ правительствомъ о томъ, какъ давить революцію. Послѣ 9-го января мирная конституціонная сдѣлка стала реакціонной утопіей, революція—фактомъ. Исторія поставила на очереди, притомъ въ порядкѣ неотложности, не вопросъ о мирномъ компромиссѣ земцевъ съ правительствомъ, а

вопросъ народнаго выступленія, которое раздавитъ, сотретъ съ лица земли бюрократію. Въ то время, какъ бюрократія создаетъ коммиссіи для рѣшенія поставленной ей рескриптомъ 18 февраля задачи: когда и какъ созвать анонимный Земскій Соборъ? наша задача—разъяснить народу, которому манифестъ 18 февраля объявилъ безпощадную войну, — кто и какъ созоветъ Учредительное Собраніе?

Когда р.-с.-д. Раб. Партія со всей энергіей популяризировала идею Учредительнаго Собранія, мы — на вопросъ: къ кому адресуется это требованіе?—отвѣчали: фактически—къ народу, формально: къ правительству или, черезъ его голову, къ Временному Правительству. Сегодня такой отвѣтъ недостаточенъ. Сегодня уже революціонный „народъ", принявшій наше требованіе, долженъ знать, къ кому онъ адресуетъ его или, точнѣе, гдѣ исполнительный органъ народной воли—для созыва Учредительнаго Собранія? Теперь, послѣ 9 го января, наканунѣ боевого натиска, къ которому мы сознательно идемъ, ужъ нельзя отвѣчать: или—или. Учредительное Собраніе будетъ завоевано путемъ рѣшительнаго выступленія, созвано—Временнымъ Правительствомъ. Таковъ нашъ отвѣтъ.

Намъ необходимо популяризовать въ народныхъ массахъ мысль о Временномъ Правительствѣ, ужъ хотя бы для того, чтобъ вооружить народныя массы опредѣленными требованіями къ Временному Правительству. Реорганизація бюрократическаго, полицейскаго и военнаго аппарата, изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ, замѣна ихъ друзьями народа, вооруженіе народа на государственный счетъ—вотъ мѣры, которыя прежде всего должны быть проведены Временнымъ Правительствомъ и которыя создадутъ возможность безпрепятственной работы для представителей народа. Кратко говоря, созыву Учредительнаго Собранія должно предшествовать разоруженіе реакціи и вооруженіе революціи. Въ Учредительномъ Собраніи будетъ представлена и реакція. Временное Правительство есть правительство революціоннаго народа, стоящаго лицомъ къ лицу съ воинствующей реакціей.

Еще разъ: если мы вѣримъ въ неизбѣжность революціоннаго обновленія Россіи, если мы вѣримъ въ надвигающееся окончаніе революціи и сознательно идемъ ему навстрѣчу, если мы хотимъ побѣды ея—то мы хотимъ созданія революціоннаго Временнаго Правительства. Наша прямая и неотложная обязанность: провести въ сознаніе массъ то, что несетъ намъ „безсознательный" исто-

рическій процессъ. Наша прямая и неотложная обязанность: поднять лозунгъ—да здравствуетъ Временное Правительство!

Кто образуетъ Временное Правительство? Тотъ, кого „вознесетъ" масса, т. е. тотъ, кто будетъ руководить ею въ рѣшительные дни революціи. Кто вѣритъ въ чудеса, кто думаетъ, что революція способна не сегодня-завтра вытряхнуть изъ рукава якобинскую демократію, тотъ имѣетъ право думать, что Временное Правительство будетъ достояніемъ этой послѣдней. Но и тотъ можетъ противиться лозунгу: Да здравствуетъ Временное Правительство! только изъ анти-революціонныхъ предразсудковъ. Мы говоримъ: да здравствуетъ демократическая республика, хотя знаемъ, что она будетъ буржуазной. Мы говоримъ: да здравствуетъ суверенитетъ народа! хотя знаемъ, что силою исторической логики суверенитетъ народа будетъ лишь полумистическимъ, полуюридическимъ прикрытіемъ для политическаго господства буржуазіи. Но подобно тому, какъ демократическая республика и суверенитетъ народа являются крайне революціонными лозунгами при наличности абсолютизма, точно также идея временнаго революціоннаго правительства, хотя бы и буржуазнаго, въ противовѣсъ бюрократическому правительству означаетъ гигантскій размахъ революціи, безпощадный разрывъ съ реакціонной традиціей,—и потому должна быть выдвинута нами въ настоящій рѣшительный моментъ. Разумѣется, когда передъ нами будетъ уже не бюрократическое правительство, а буржуазное революціонное правительство мы будемъ безъ всякой пощады разоблачать передъ народомъ его ограниченность, а пролетаріатъ будетъ подъ конвоемъ вести его впередъ, будетъ защищать его отъ ударовъ реакціи и будетъ вынуждать его, въ случаѣ колебаній, къ выполненію его обязанностей.

Но оглянемся и спросимъ себя: гдѣ тѣ, внѣ пролетаріата стоящіе, сознательные революціонные элементы, которые могли бы оказаться на гребнѣ революціи? Ихъ нѣтъ и—не будемъ себя обманывать!—ихъ не будетъ. Правда, каждый новый шагъ пролетаріата отдается приливомъ вѣры и бодрости въ сердцахъ нашихъ либераловъ и такъ называемыхъ демократовъ. Какъ никакъ они подрастаютъ. Но они только подрастаютъ, а пролетаріатъ растетъ. Въ немъ развиваются самоувѣренность, настойчивость, упорство, недовѣріе къ претендентамъ въ вожди—прекрасныя политическія свойства! Земскія и банкетныя „сессіи", во время которыхъ рабочій имѣлъ собесѣдованіе (не всегда дружеское) съ земцемъ и съ „освобожденцемъ", дали рабочимъ незамѣнимые политическіе уроки

и привили имъ добрую долю недовѣрія къ вождямъ съ этой стороны. Конечно, политически самоопредѣлились десятки тысячъ пролетаріевъ, революціонно возбуждены—милліоны. Но путь къ этимъ милліонамъ лежитъ только через эти десятки тысячъ, потому что они—цвѣтъ своего класса, и вліяніе ихъ въ революціонную эпоху растетъ по часамъ.

Вліяніе пролетаріата въ цѣломъ на событія растетъ не менѣе быстро. Еслибъ обновленіе Россіи шло по пути компромиссовъ, сдѣлокъ,—нашъ рабочій классъ не могъ бы и мечтать о той роли, которая достается ему нынѣ. Революція выдвигаетъ пролетаріатъ на первое мѣсто и передаетъ ему гегемонію. Смотрите, какое мѣсто занимаетъ въ нынѣшнихъ событіяхъ стачка! Оно приблизительно отвѣчаетъ тому мѣсту, какое пролетаріатъ занимаетъ въ революціи.

Побѣду выступленія, какъ и торжество всей революціи, можетъ обезпечить только пролетаріатъ. Другія группы городского населенія и крестьянство сыграютъ въ революціи свою роль, поскольку будутъ идти за пролетаріатомъ, поддерживать его, облегчать ему работу. Самостоятельной революціонной роли, сколько нибудь равносильной роли пролетаріата, не сыграютъ ни крестьянство, ни мѣщанство, ни интеллигенція!

Для насъ, соціалдемократовъ, это, надѣюсь, не фразы. Слѣдовательно, составъ Временнаго Правительства будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ пролетаріата. Точнѣе сказать, при рѣшительной побѣдѣ выступленія власть получатъ тѣ, которые руководили пролетаріатомъ.

Это значитъ не что иное, какъ то, что революціонное развитіе влечетъ пролетаріатъ, а съ нимъ—р. с. д. раб. партію, къ временному политическому господству.

Если она рѣшитъ отказаться отъ него, ей необходимо предварительно отказаться отъ тактики, разсчитанной на:

а) революціонное развитіе событій,

б) руководящую роль въ нихъ пролетаріата,

в) руководящую роль Рос. С. Д., Раб. Партіи въ пролетаріатѣ.

Разумѣется, она не откажется ни отъ того, ни отъ другого, ни третьяго. А такъ какъ это вообще самая послѣдовательная изъ политическихъ партій, то она не откажется и отъ вывода, который слѣдуетъ изъ посылокъ.

Возьму примѣръ. Столь печально для правительства закончив-

шіеся выборы въ коммиссію Шидловскаго дали около 400 человѣкъ, представляющихъ пролетаріатъ Петербурга. Среди этихъ 400 есть десятокъ-два самыхъ вліятельныхъ и популярныхъ рабочихъ Петербурга. Выборы привели къ стачкѣ, которая можетъ стать всеобщей. Стачка можетъ перейти въ выступленіе. Оно можетъ привести къ побѣдѣ. Побѣда—къ образованію Временнаго Правительства. Рабочіе-соціалдемократы, предназначавшіеся въ коммиссію Шидловскаго, могутъ попасть во Временное Правительство. Какія требованія предъявитъ къ нимъ Партія, какъ къ своимъ членамъ? Чтобъ они отказались отъ вступленія во Временное Правительство? Или, вступивъ, прикинулись бы буржуазными радикалами? Нѣтъ, она потребуетъ 1) чтобъ они себя обезпечили большинствомъ, 2) чтобъ они работали подъ ея контролемъ.

А для того, чтобъ Партія могла обезпечить за собой фактическій „контроль", она во всякомъ случаѣ должна заранѣе вооружить массы опредѣленными требованіями къ Временному Правительству. А для того необходимо популяризовать въ массахъ самую идею Временнаго Правительства.

Н. Троцкій.

От ъ редакціи „Искры". Какъ видитъ читатель изъ статьи „Революціонныя переспективы" и изъ статьи „На очереди", мы не раздѣляемъ взглядовъ, изложенныхъ въ этомъ письмѣ нашего постояннаго сотрудника товарища Т.

На очереди.

Рабочая партія и «захватъ власти», какъ наша ближайшая задача.

(17 марта 1905 г. № 93),

Еще 2 года назадъ сопоставленныя въ заголовкѣ настоящей статьи понятія показались бы каждому изъ нашихъ товарищей несоединимыми. Когда еще сравнительно недавно тов. Мартыновъ написалъ свою брошюру „Двѣ диктатуры", никто въ рядахъ на-

шей партіи не подумалъ возразить противъ принципіальной постановки, данной въ ней вопросу о политической позиціи, занимаемой партіей рабочаго класса по отношенію къ слагающейся въ борьбѣ съ абсолютизмомъ новой Россіи. Эта позиція могла быть кратко опредѣлена формулой: партія классовой борьбы пролетаріата, россійская соціалдемократія остается партіей революціонной оппозиціи по отношенію ко всѣмъ политическимъ режимамъ, выражающимъ собою организацію классового господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ".

Но такъ было только „до 9-го января". Девятое января для многихъ измѣнило мѣру вещей. „Освобожденцы" послѣ 9 января узнали—„какой чудный народъ, эти рабочіе!" и сочли возможнымъ говорить о революціи въ первомъ лицѣ. Г. Струве счелъ отнынѣ неумѣстнымъ „говорить съ царемъ". Петербургскій комитетъ партіи соц.-рев. открылъ послѣ 9 января, что „рабочій народъ идетъ дальше подъ знаменемъ партіи с.-р." (курсивъ нашъ) [1]. А откуда появилась сія пріятная увѣренность—о томъ зри въ томъ же № почетнаго органа, гдѣ нѣкій „участникъ событія 9-го января", занимавшій, по словамъ редакціи, въ этотъ историческій день „междупартійное положеніе", но „по своему прошлому и связямъ" стоявшій „ближе къ соціалдемократамъ", открываетъ партіи с.-р., къ которой онъ нынѣ примкнулъ, слѣдующую истину: „ясно, что рабочая масса, по нутру своему (!), по кровнымъ нуждамъ своимъ пролетарская (?), имѣетъ въ своихъ рядахъ очень мало сознательныхъ соціалдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ и т. п... знаю рабочую масссу и считаю себя вправѣ утверждать это (!). Утвержденіе „Искры", „Впередъ", что соц.-дем. партія опирается на массы—миѳъ". Пришпоренными этимъ открытіемъ соціалистамъ-революціонерамъ—отчего не помечтать о томъ, что рабочій народъ пойдетъ „подъ знаменемъ партій с.-р."? Если 9 января заговорившій революціоннымъ языкомъ священникъ стоялъ во главѣ сотенъ тысячъ пролетаріевъ, то почему бы послѣ 9 января не занять его освободившееся мѣсто „соціалистамъ", всегда говорившимъ елейнымъ языкомъ священника? „Девятое января" показало многимъ впервые, что русскій пролетаріатъ „созрѣлъ" для революціи и что, стало быть, стоитъ попытаться „внезапно" оказаться „во главѣ его". Немудрено, что неожиданно объявившійся „комитетъ мести и обороны" сообщилъ

---

[1]) Цитируемъ по № 60 „Рев. Р."

черезъ довѣрившаго ему Г. Гапона россійскому пролетаріату властный приказъ: никого не слушаться, кромѣ этого „комитета“: онъ подготовитъ вооруженіе, онъ назначитъ возстаніе, онъ все устроитъ.

Девятое января измѣнило для революціонной и радикальной демократіи мѣру всѣхъ вещей. Это не удивительно, ибо 9-е января не только показало ей въ дѣйствіи революціонный пролетаріатъ, но и убѣдило ее въ томъ, что этотъ „сфинксъ“ готовъ отдать послѣднюю каплю крови на дѣло завоеванія политической и гражданской свободы. Другое дѣло—соціалдемократія; въ принципіальную постановку ея революціонной задачи что новаго внесло, что новаго должно было внести 9-ое января? [1]) Девятое января семимильными шагами приблизило насъ къ побѣдѣ. Но измѣнило ли оно историческій характеръ революціи? Очевидно, нѣтъ. А, между тѣмъ, этотъ историческій характеръ начавшейся революціи опредѣлялъ собой, какъ основной факторъ, принципы нашей тактики и сущность общихъ задачъ, которыя мы себѣ ставили для даннаго періода. Революція, которую начало собой 9-е января, остается тою же, какою мы ее считали до 9-го января: соціальной революціей буржуазіи. А наши тактическія задачи, по прежнему, всѣ опредѣляются поэтому задачей—использовать эту буржуазную революцію въ интересахъ будущей соціальной революціи пролетаріата, то есть, прежде всего, въ интересахъ классового сплоченія пролетаріата, въ интересахъ образованія и укрѣпленія его классовой партіи.

Это такъ безспорно, что противъ этого никто ничего не возразитъ. Это такъ безспорно, что даже „умныя марксистскія статьи“ на эту тему начинаютъ казаться малоинтересными и безплодными. И все же объ этомъ постоянно приходится говорить, рискуя вызвать столь знакомыя намъ издавна заявленія о тщетѣ всѣхъ умныхъ и марксистскихъ статей „въ наше время, когда“... Что подѣлаешь? Мы давно уже говорили: „Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ даже „Революціон. Рос.“ полюбитъ.“ А чернота наша въ томъ, какъ извѣстно, и заключается, что умныя марксистскія положенія не являются для насъ парадной фразой, а претен-

---

[1]) Разумѣется, 9-е января, именно потому, что сильно приблизило моментъ нашей побѣды, должно внести извѣстныя измѣненія въ постановку нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ нашей практической работы; но, какъ ни важны эти измѣненія сами по себѣ, они не ведутъ къ принципіальному пересмотру цѣлей нашей партійной работы.

дуютъ опредѣлять собой каждый нашъ политическій шагъ—и при томъ, не взирая на обозначенную въ календарѣ погоду...

Какъ бы то ни было, а послѣ 9 января въ нашихъ собственныхъ рядахъ заговорили о коренномъ пересмотрѣ нашихъ тактическихъ задачъ. Мы услышали—отъ газеты „Впередъ"—о необходимости стремиться въ ближайшемъ будущемъ къ „диктатурѣ пролетаріата и крестьянства". Тов. Парвусъ провозгласилъ лозунгъ борьбы: „безъ царя, а правительство рабочее!" и даже „соціалдемократическое временное правительство", а теперь тов. Т. объявляетъ: „да здравствуетъ временное правительство!"

Какъ видите изъ собственныхъ словъ тов. Т., для него измѣнилось наше отношеніе къ ближайшему нашему требованію созыва всенароднаго учредительнаго собранія.

Тов. Т. находитъ, что послѣ 9-го января уже нельзя просто требовать учредительнаго собранія, а нужно готовиться къ боевому выступленію, замѣнѣ нынѣшняго правительства временнымъ революціоннымъ правительствомъ и созыву учредительнаго собранія этимъ послѣднимъ. Какъ будто бы мы, соціалдемократы, до 9 января намѣревались или склонны были хоть на минуту довѣрить роялистскому правительству созывъ того учредительнаго собранія, которому мы ставимъ задачу провозглашенія народовластія, какъ будто мы до 9 января допускали, какъ будто бы мы имѣли право хоть на минуту допустить, что рѣшительный моментъ въ революціонномъ преобразованіи современнаго режима не потребуетъ насильственнаго устраненія господствующей правительственной клики. Но, хорошо это зная, мы въ то же время сознавали, что моментъ для нанесенія этого рѣшающаго „физическаго" удара не можетъ быть произвольно выбранъ той или другой политической партіей, что этотъ благопріятный моментъ будетъ данъ революціонной массѣ всѣми условіями наибольшей дезорганизаціи механизма реакціи и наибольшаго революціоннаго сплоченія ея самой. Идти „во главѣ" революціонныхъ событій—это значитъ, подмѣтить наступленіе такого момента и подготовиться къ руководящей роли въ немъ. Только такая точка зрѣнія, діаметрально противоположная авантюристскому „дѣланію революціи", допустима для соціалдемократа. И съ этой точки зрѣнія, 9-е января не внесло принципіальной перемѣны въ наше положеніе. Какъ и прежде, мы знаемъ, что, не побѣдивъ реакціи „на улицѣ", мы не обезпечимъ успѣхъ революціи. Но, какъ и прежде, мы знаемъ, что заранѣе фиксировать моментъ этой побѣды между первой большой схваткой воен-

ныхъ силъ абсолютизма съ массами и созывомъ перваго представительнаго собранія представляется совершенно произвольнымъ. А, между тѣмъ, тов. Т. какъ бы пытается именно фиксировать заранѣе моментъ рѣшающаго боя. Онъ говоритъ, что послѣ 9-го января рабочее движеніе „уперлось въ выступленіе". Это—какъ посмотрѣть. Если тов. Т. имѣетъ въ виду только то, что логическимъ развитіемъ 9-го января является боевое выступленіе, онъ, конечно, правъ, и это такъ ясно даже для человѣка, ни когда не писавшаго „умныхъ марксистскихъ статей", что это поняли иные наши буржуазные радикалы. Но если онъ хочетъ сказать, что послѣ 9 января массовое самодѣятельное выступленіе пролетаріата мыслимо только, какъ прямое вооруженное нападеніе на бастиліи, то онъ неправъ и его неправота доказывается всѣми событіями послѣднихъ 2-хъ мѣсяцевъ. Послѣ 9 января россійскій пролетаріатъ, не отступая ни на шагъ отъ того пункта, который былъ завоеванъ движеніемъ въ этотъ день, смогъ развить громадное стачечное и столь же громадное политически-демонстраціонное движеніе, внесшее колоссальное разложеніе въ станъ его враговъ и сильно укрѣпившее всѣ его позиціи. Послѣ 9 января петербургскій пролетаріатъ, не теряя бодрости и не ослабляя своей революціонности, провелъ политическую кампанію противъ „комедіи Шидловскаго". Нельзя, стало быть, такъ просто утверждать: движеніе уперлось въ выступленіе. Когда оно въ этомъ смыслѣ „упрется" въ моментъ боевого выступленія, тогда, вѣроятно, тов. Т. придется уже не опредѣлять эту психологическую границу „перваго дня революціи", а развѣ что заносить въ свой календарь ее, какъ дату уже начавшагося побѣдоноснаго выступленія.

И еще разъ—вѣрно одно: 9-е января и послѣдующія событія такъ приблизили насъ политически и психологически къ моменту активнаго выступленія, что партія должна усиленно готовиться встрѣтить этотъ моментъ во всеоружіи. Мы были бы очень рады теперь же подробно побесѣдовать съ тов. Т. о томъ, какъ именно готовиться, если бы, въ связи съ вышеуказаннымъ, не должны были предварительно устранить другія „недоразумѣнія", собранныя въ разбираемой статьѣ.

Если проблематична высказанная въ столь общей формѣ истина, что рабочее движеніе послѣ 9 января уперлось въ выступленіе, такъ что и податься ему некуда, пока мы не „организуемъ условія побѣды" и не призовемъ къ выступленію, то уже совершенно непонятно, почему это мы послѣ 9 января должны кричать: „да здрав-

ствуетъ временное правительство"? У тов. Т., въ пользу выдвигаемаго имъ революціоннаго лозунга, имѣются два соображенія: первое—то, что временное правительство необходимо для обезпеченія свободы созыва учредительнаго собранія, очистки правительственной администраціи, „реорганизаціи войска" и т. д. Второе—то, что во временномъ правительствѣ можемъ и должны оказаться мы, соціалдемократы. (Впрочемъ, тов. Т. согласился бы говорить „да здравствуетъ", если бы даже и думалъ, что „насъ" въ правительствѣ не будетъ).

Что касается перваго соображенія, то опять же неизвѣстно, почему до 9-го января мы не должны были заботиться объ обезпеченіи условія свободнаго созыва Учредительнаго Собранія, свободы агитаціи etc., равно какъ объ основателной очисткѣ авгіевыхъ конюшенъ бюрократіи, полиціи и войска? И я думаю, что каждый смотрящій впередъ соціалдемократъ „заботился" объ этихъ важныхъ вещахъ. Но почему же до 9 января мы могли разсчитывать, въ роли наиболѣе революціонной народной партіи, достигнуть этого, давя на всякое правительство, формально созывающее Учредительное Собраніе, давленіемъ революціонной „улицы", а послѣ 9 января мы должны „подымать выше" и стремиться изъ партіи оппозиціонной стать возможно скорѣе партіей правящей? Или только потому, что до 9 января наша тактическая мудрость гласила не „якобинецъ—соціалдемократъ", а „якобинецъ или соціалдемократъ", послѣ же 9-го января мы нашли, что на нашъ вѣкъ хватитъ уже обнаруженнаго нами анти-якобинскаго пуританизма?

Если то или другое правительство въ тотъ или другой моментъ революціи станетъ поперекъ пути ея развитія—мы должны стремиться свалить его. Это—азбука революціи. Какое бы правительство ни стояло во главѣ революціонно трансформирующагося государства, мы должны держать его подъ своимъ давленіемъ, въ качествѣ независимой классовой партіи—этого безусловно требуютъ интересы революціи и специфическіе классовые интересы пролетаріата. Но такъ какъ всякое правительство, стоящее во главѣ страны во время данной революціи, рядомъ съ задачей разрушенія самодержавно-сословнаго строя, должно будетъ выполнять задачу постепенной консолидаціи свободнаго буржуазнаго режима, такъ какъ всякое такое правительство должно будетъ заботиться о поддержаніи „общественнаго порядка", кредита, „внѣшней безопасности" и т. д., то, очевидно, что наша партія, принявъ непо-

средственное участіе во временномъ правительствѣ, связавъ себя съ нимъ хотя бы только принципіальнымъ лозунгомъ: „да здравствуетъ временное правительство" — должна будетъ связать себя въ своей принципіальной оппозиціи этимъ сторонамъ дѣятельности даннаго правительстна, по необходимости носящихъ на себѣ печать классоваго характера слагающагося общественнаго строя. А это значитъ—для соціалдемократіи—на время отказаться отъ всесторонней борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ во всѣхъ его проявленіяхъ.

„Изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ"—очень хорошее и очень нужное дѣло. Но до 9 января мы всѣ полагали, что сіе дѣло можетъ производиться не только помощью якобинскихъ декретовъ сверху, но и при помощи народнаго давленія снизу. Разница, между прочимъ, та, что при пользованіи первымъ методомъ — вы обязуетесь не только вытѣснить „кровожадныхъ негодяевъ", скажемъ, изъ полицейскихъ участковъ, но и наложить на ихъ замѣстителей печать своего благоволенія, выдать имъ „сертификатъ цивизма", а, можетъ быть, и титулъ „друзей народа". Вѣдь, говоритъ же тов. Парвусъ (въ вышеназванномъ листкѣ): „никакіе писанные законы не могутъ обезпечить свободу, покуда всѣ мѣста въ судахъ, въ канцеляріяхъ, въ полиціи, заняты врагами народа и войско находится подъ командой офицеровъ изъ враждебнаго рабочему народу класса".

Что и говорить: пріятно чувствовать, что въ судахъ и даже въ полиціи сидятъ не враги, а друзья народа! Только... только не получается ли это пріятное ощущеніе цѣной маленькой перестановки понятій о томъ, кто другъ и кто врагъ рабочаго класса?

Недурно мечтать о томъ, чтобы войско (постоянное войско?) „реорганизованное", конечно, находилось „подъ командой офицеровъ"—изъ „невраждебнаго" рабочему народу класса! Только... не значитъ ли это подмѣнить борьбу за вооруженіе народа жоресовской борьбой за „демократизацію арміи" и не значитъ ли между рабочимъ классомъ и „враждебными ему классами" по-жоресовски же „создать" „не враждебный" ему классъ... мелкой буржуазіи?

Товарищъ Т. теперь, быть можетъ, согласится, что воздержаніе отъ возгласа „да здравствуетъ временное правительство" находитъ себѣ объясненіе въ чемъ-то другомъ, кромѣ „анти-революціоннаго предразсудка".

Извѣстный революціонеръ Распайль, пять разъ осуждавшійся на смерть и много лѣтъ пробывшій въ тюрьмахъ, былъ въ 70-хъ

годахъ избранъ въ французскую Палату. При открытіи сессіи онъ, въ качествѣ старѣйшаго по возрасту депутата, оказался временнымъ предсѣдателемъ, и, въ качествѣ таковаго, ему при входѣ въ залъ, жандармы отдавали полагающуюся по ритуалу честь. Старый заговорщикъ иронически воскликнулъ: „первый разъ въ жизни мнѣ приходится шествовать между двумя жандармами, причемъ они не держатъ меня за шиворотъ“. Но и тутъ, проученный житейскимъ опытомъ, бывшій „карбонарій“ не поспѣшилъ провозгласить: „да здравствуетъ республиканская жандармерія!“—и оказался правъ: довольно скоро жандармы опять отводили его въ долголѣтнее тюремное заключеніе, если не ошибаюсь, за оскорбленіе президента республики.

Представляется не невозможнымъ, что революціонная стихія вознесетъ русскую соціалдемократическую партію такъ „высоко“, что ея представителямъ случится временно состоять съ полиціей (республиканской!) въ такихъ же любезныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находился Распайль въ упомянутую выше единственную минуту его жизни. Но, слѣдуя примѣру испытаннаго въ заговорахъ старца, не поспѣшимъ на любезную улыбку „реорганизованной“ полиціи отвѣтствовать „да здравствуетъ!“, не поспѣшимъ отказаться отъ нашего традиціоннаго „предрасудка“. Тѣмъ болѣе не будемъ спѣшить теперь, когда при проходѣ между жандармами насъ съ товарищемъ Т. ждетъ всетаки скорѣе движеніе ихъ рукъ въ сторону нашего „шиворота“, чѣмъ въ сторону собственныхъ козырьковъ!

Или мы, классовая партія, стремимся къ политической власти только для непосредственнаго осуществленія революціонной диктатуры пролетаріата—и тогда мы остаемся принципіально непримиримой оппозиціей ко всякому правительству и не отказываемся отъ „предразсудка“, запрещающаго намъ сквернить уста сочетаніемъ словъ: „да здравствуетъ“ и „правительство.“ Или же мы, заинтересованные въ скорѣйшемъ, всестороннемъ и успѣшномъ развитіи наступающей буржуазной революціи, не видимъ другого средства содѣйствовать ей, какъ принявъ участіе въ правительствѣ, реорганизующемъ современную Россію, въ качествѣ одной изъ „правящихъ партій“—и тогда мы прекращаемъ свою классовую оппозицію всѣмъ силамъ современнаго общества, стоящимъ внѣ пролетаріата, беремъ на себя прямую отвѣтственность за всѣ плоды исторической ограниченности буржуазной революціи, боремся не только противъ присутствія въ администраціи обновленной Россіи

элементовъ реакціонныхъ, но и за замѣну ихъ опредѣленны элементами прогрессивными, освящаемъ цѣлый рядъ „реорганизова ныхъ„ институтовъ политическаго господства буржуазіи—армію и офицерство, полицію и тюремщиковъ, бюрократію и магистратуру—и... оказываемся въ извѣстный моментъ въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ той массой пролетаріата, по отношенію къ которой, несмотря на наше участіе въ управленіи страной, остаются въ силѣ всѣ „имманентые“ законы буржуазнаго строя—имя же имъ нищета, безработица, неравенство, несвобода.. Или-или!

Конечно, если бы вѣрно было, что для торжества народовластія, для торжества революціи необходимо, чтобы соціалисты взяли въ свои руки направленіе „государственнаго корабля“, то революціонная партія пролетаріата должна была бы отказаться отъ своей политической независимости и воскликнуть вслѣдъ за Горой:

„Пропадай наша репутація, лишь бы спасти свободу!“

Но такой коллизіи въ дѣйствительности не можетъ быть мѣста: въ качествѣ революціонной оппозиціи, пролетарская партія, слѣдуя революціонной, т. е. „умной марксистской“ тактикѣ, можетъ и должна явиться рычагомъ развитія буржуазной революціи, тогда какъ, наоборотъ, ставши партіей правящей, она, неизбѣжно связывая себѣ руки въ организаціи классовой борьбы пролетаріата, тѣмъ самымъ уменьшитъ силу своего вліянія на ходъ революціи.

Товарищъ Т., также какъ и товарищъ Парвусъ, полагаетъ, что захватъ власти въ моментъ паденія самодержавія диктуется намъ тѣмъ, что—кромѣ насъ некому. На-лицо или идеалистическія группы, не опирающіяся на соціальныя силы, или же соціальныя силы, хотя и способныя къ политической организаціи, но не заинтересованныя въ полной побѣдѣ революціи. А потому, или мы должны взять въ свои руки временное правительство, или же должны отказаться отъ лозунга полнаго народовластія, чуть ли не даже отъ свободныхъ выборовъ въ учредительное собраніе и отъ очищенія полиціи отъ Мымрецовыхъ. Не изъ рукава же намъ „вытряхивать“ революціонную демократію!

Невозможно здѣсь разбирать детально этотъ несомнѣнно новый взглядъ на соціально-политическія отношенія въ современной Россіи. Вся политика нашей партіи до сихъ поръ опредѣлялась радикально-противоположной оцѣнкой дѣйствительности. Сложная—для многихъ головоломная—постановка нашихъ тактиче-

скихъ задачъ, опредѣлялась нашимъ представленіемъ о томъ, что пролетаріатъ своимъ собственнымъ движеніемъ вызываетъ къ политической жизни и къ революціонной роли рядъ слоевъ общества, доселѣ казавшихся политически-аморфными;—что по мѣрѣ того, какъ съ разложеніемъ „стараго режима" эти соціальные слои политически самоопредѣляются, они реализуютъ въ свою пользу всѣ тѣ преимущества надъ пролетаріатомъ, которыя потенціально заключаются въ ихъ болѣе „привилегированномъ" положеніи въ классовомъ обществѣ; что, поэтому, заключать отъ видимаго „небытія" другихъ крупныхъ организованныхъ общественныхъ силъ, кромѣ пролетаріата, къ тому, что въ моментъ ликвидаціи абсолютизма „мы не можемъ" является плодомъ чистѣйшаго раціонализма и утопизма.

Это такъ просто сказать: гдѣ она, эта демократія? Интеллигенція—безпочвенна и безсильна—разъ; промышленный капиталъ—не связанъ съ народомъ и антидемократиченъ—два; крестьяне—неорганизованны, политически некультурны и къ самостоятельной роли не пріучены—три; ремесленники—не имѣютъ политическихъ традицій—четыре; а посему откуда возьмется революціонная демократія?

Какъ все это напоминаетъ старыя торжествующія перечисленія народниковъ, которые „искали и не находили" основныхъ элементовъ для капиталистическаго развитія въ Россіи! И, однако, жизнь насмѣялась и нашла.

„Подрастаютъ", соглашается товарищъ Т. относительно разныхъ элементовъ буржуазной демократіи, но, успокоительно прибавляетъ онъ, пока они подрастаютъ, пролетаріатъ растетъ. А такъ какъ идеологическій оптимизмъ нашихъ революціонеровъ растетъ подчасъ еще быстрѣе, чѣмъ грузное тѣло пролетарской борьбы, то, не успѣемъ мы еще замѣтить сколько-нибудь выросшаго изъ пеленокъ дѣтища буржуазной демократіи, а передъ нами уже несомнѣнно будетъ куча проектовъ „совпаденія политической и соціалистической революціи" по тому случаю, что „мы" уже переросли (въ собственномъ воображеніи!) всѣ рамки революціи буржуазной и изящнымъ движеніемъ ноги отбросили всѣ тактическія трудности, вытекающія изъ своеобразнаго положенія русскаго пролетаріата въ развертывающейся буржуазной революціи.

Вернемся все же къ нашей россійской демократіи. Изъ рукава, конечно, намъ ее никто не вытряхнетъ—что и говорить!

Но и въ рукавѣ ее, какъ ни медленно она подрастаетъ, тоже не спрячешь. И, прежде всего, ее нельзя отрицать на томъ простомъ основаніи, что въ данный моментъ ея роль въ качествѣ революціоннаго двигателя еще очень незначительна по сравненію съ ролью пролетаріата.

Для марксиста роль, которую въ опредѣленный историческій періодъ долженъ сыграть данный соціальный слой, опредѣляется, въ конечномъ счетѣ, не столько его политическимъ прошлымъ, не столько его идеологіей и традиціями, сколько объективнымъ значеніемъ историческаго момента въ развитіи общества. И если не фраза наши слова, что мы идемъ къ буржуазной революціи, то намъ не придется долго смотрѣть въ увеличительное стекло, чтобы найти субъективные факты этой буржуазной революціи. Сто милліоновъ крестьянъ, добрый десятокъ милліоновъ мелкихъ производителей въ промышленности— достаточно широкая народная база для русскаго „якобинства" и достаточно горючій матеріалъ для революціи. Каждый шагъ въ разложеніи абсолютизма приближаетъ моментъ ихъ тѣснаго сближенія съ столь слабыми еще идеологическими представленіями демократіи.

Крупная роль, которую играетъ и будетъ играть въ россійской революціи пролетаріатъ, дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ такое положеніе, когда борьба пролетаріата за дальнѣйшее упроченіе и развитіе революціи отождествится съ борьбой за непосредственное обладаніе политической властью. Наступленіе такого момента будетъ, разумѣется, ускорено, если всѣ сильныя буржуазно-революціонныя партіи отцвѣтутъ, не успѣвши расцвѣсть. И въ этомъ случаѣ пролетаріатъ не сможетъ отвернуться отъ политической власти. Но разумѣется также, что, получивъ ее въ ходѣ соціальной борьбы, онъ не сможетъ ограничить себя въ ея пользованіи рамками буржуазной революціи. Если онъ получитъ власть, какъ классъ (а мы съ товарищемъ Т. только о такомъ овладѣніи властью и говоримъ), онъ не сможетъ не повести революціи дальше, не сможетъ не стремиться къ прямой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Конкретно это значитъ—либо новое повтореніе парижской коммуны, либо начало соціалистической революціи „на Западѣ" и ея переходъ въ Россію. И мы обязаны будемъ стремиться ко второму.

Къ такой перспективѣ мы, во всякомъ случаѣ, должны готовиться. Но готовиться къ ней можно только однимъ путемъ—

только организуя пролетаріатъ въ партію, оппозиціонную буржуазно-демократическому государству. И лучшій путь для такой организаціи—путь развитія буржуазной революціи снизу давленіемъ пролетаріата на стоящую у власти демократію.

Классъ, подготовленный къ роли оппозиціоннаго двигателя революціи, будетъ готовъ и къ роли ея политическаго хозяина, если историческое развитіе приведетъ его, вопреки его стремленіямъ, вплотную къ государственной власти. Но не обратно.

Ибо въ мало-расчлененной политической средѣ объективный смыслъ „игры на захватъ власти“ можетъ оказаться совсѣмъ инымъ, чѣмъ думаютъ сами игроки.

Въ то время, какъ товарищъ Троцкій говоритъ: „кромѣ насъ некому“, а товарищъ Парвусъ провозглашаетъ „временное соціалдемократическое правительство“ — газета „Впередъ“ объявляетъ: „диктатура пролетаріата и крестьянства“.

„Впередъ“ не требуетъ, подобно товарищу Т., обойти тѣ препятствія по пути прямолинейной тактики, которыя ставятся существованіемъ разныхъ „промежуточныхъ“ классовъ. Онъ не пробуетъ, подобно товарищу Т., изолировать мысленно пролетаріатъ, какъ дѣйствительнаго носителя революціоннаго развитія съ первыхъ же дней революціи. Но онъ тоже хочетъ, чтобы давленіе пролетаріата на революцію шло не „снизу“ только, не только съ улицы, но и сверху, изъ чертоговъ временнаго правительства. И онъ даетъ формулу: диктатура пролетаріата и крестьянства. Иначе говоря: то, что товарищу Парвусу представляется какъ „временное соціалдемократическое правительство“, подъ перомъ редакціи „Впередъ“ превращается въ подлинный правительственный „блокъ“ пролетаріата и мелкой буржуазіи.

Для блага революціи чего не сдѣлаешь! Почему бы и не составить правительственный блокъ изъ соціалистовъ и демократовъ для очищенія бюрократіи отъ „кровожадныхъ негодяевъ“, для реорганизаціи арміи, для укрѣпленія демократіи? Только, вѣдь, и Жоресъ для этихъ самыхъ цѣлей организовалъ свой союзъ демократіи и пролетаріата!

Или-или! Задача „завоеванной власти“ мыслима только въ двухъ формахъ: или пролетаріатъ овладѣваетъ государствомъ, какъ классъ („рабочее правительство“), но тогда онъ это дѣлаетъ въ результатѣ борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ въ цѣломъ и проводитъ свою суверенную волю противъ этого общества въ непосредственныхъ цѣляхъ своей эмансипаціи. Но

тогда онъ уже фактически подошелъ къ предѣламъ „буржуазн. революціи“. Въ этомъ случаѣ весь нашъ—русскихъ соціалдемократовъ—анализъ историческаго положенія русскаго пролетаріата и его задачъ былъ невѣренъ и намъ надо, не откладывая дѣла, радикально пересмотрѣть нашу программу.

Или же рѣчь идетъ объ участіи—для блага революціи, конечно,—соціалдемократіи въ революціонно-демократическомъ правительствѣ, и тогда намъ не мѣшаетъ теперь же вступить въ политическій „блокъ“ съ представителями той соціальной силы, съ которой вмѣстѣ мы будемъ осуществлять „диктатуру“. Въ этомъ случаѣ намъ надо сейчасъ же пересмотрѣть принципы нашей тактики. Въ ожиданіи, утѣшимся мыслью, что, подобно извѣстному щедринскому прокурору, у нѣкоторыхъ „непримиримыхъ революціонеровъ“ соціалдемократіи, чье недреманное око ревностно изыскиваетъ разные виды оппортунистическаго злодѣйства, подлинный оппортунизмъ свиваетъ себѣ гнѣздо какъ разъ подъ другимъ глазомъ...

Или-или! Или самый вульгарный жоресизмъ, или же отрицаніе характера данной революціи.

Но какъ ни исключаютъ логически другъ друга обѣ перспективы, психологически онѣ, пожалуй, могутъ быть между собой сближены. Забудемъ только на минуту, что для насъ овладѣніе государственной машиной, со стороны нашей партіи, мыслимо лишь im Auftrage (по порученію) рабочаго класса, какъ политическое выраженіе его классовой побѣды надъ буржуазнымъ обществомъ. Представимъ себѣ, что партія овладѣваетъ политической властью не потому, что пролетаріатъ реально и идеально „отмежевался“ уже отъ всего буржуазнаго общества и объявилъ ему войну, а потому только, что эта партія оказалась бойчѣе, ловчѣе, конспиративно-подготовленнѣе въ данный моментъ, популярнѣе и т. д. всѣхъ другихъ партій. Тогда передъ нами будетъ политическій фактъ, который допускаетъ, съ одинаковымъ правомъ, различное наименованіе: я могу назвать его „рабочимъ правительствомъ“ и даже „соціалдемократическимъ правительствомъ“— и я буду правъ, ибо правительство это будетъ вознесено рабочими массами и будетъ состоять изъ людей, сознающихъ себя соціалдемократами. Но я смогу назвать его также и „диктатурой пролетаріата и крестьянства“, ибо несомнѣнно, что реальная сила, которую будетъ выражать данное правительство при этихъ условіяхъ, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ союзомъ мелкой буржуа-

зіи и пролетаріата, въ силу достаточныхъ историческихъ основаній осуществившимся подъ флагомъ соціалдемократіи, а не подъ ярлыкомъ какой-нибудь „якобинской“ партіи.

Но ничто не можетъ помѣшать мнѣ посмотрѣть на то же явленіе съ третьей точки зрѣнія и, принявъ во вниманіе дальнѣйшія судьбы классоваго движенія пролетаріата, сказать, что я имѣю передъ собой: раствореніе классовой борьбы пролетаріата въ безформенномъ движеніи „демократіи“.

Остается поставить только одинъ вопросъ: исторія „бѣдной русской мысли“, столько уже шутокъ продѣлавшая надъ нами, не собирается ли „вытряхнуть изъ своего рукава“ подлинную революціонно-демократическую партію въ видѣ той самой „соціалдемократіи“, которая возьметъ въ свои руки власть въ моментъ паденія самодержавія?

На этомъ можно и покончить съ вопросомъ о цѣли выступленія. Другой затронутый въ письмѣ товарищемъ Т. вопросъ о томъ, какъ „организовать“ и какъ „развязать“ революцію, потребуетъ особой статьи. Въ ней мы покажемъ, какъ неправильное освѣщеніе вопроса о непосредственной цѣли борьбы ведетъ къ неправильной постановкѣ вопроса о революціонной тактикѣ.

Л. Мартовъ.

Къ вопросу о захватѣ власти.

(Небольшая историческая справка).

(5 апрѣля 1905 г., № 96).

Товарищъ С. обратился ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ спрашиваетъ: что я думаю о захватѣ власти пролетаріатомъ? Я собирался было отвѣтить ему тоже письмомъ, но послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ, что изъ моего отвѣта можно сдѣлать статью, не лишенную общаго интереса, такъ какъ вопросъ, затронутый товарищемъ С., все еще не исчерпанъ въ нашей партійной литературѣ.

Политическая власть представляетъ собою ничѣмъ незамѣнимое

орудіе коренного переустройства производственныхъ отношеній. Поэтому всякій данный классъ, стремящійся къ социальной революціи, естественно старается овладѣть политической властью. Пролеріатъ не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Чтобы устранить капиталистическія отношенія производства, осуждающія его на тяжелую зависимость по отношенію къ классу предпринимателей, ему безусловно необходимо добиться политической власти. Другими словами: диктатура пролетаріата должна быть первымъ актомъ соціалистической революціи. Это оспариваютъ,—и, конечно, не могутъ не оспаривать,—гг. Бернштейны. Но это совершенно неоспоримо съ точки зрѣнія соціалдемократа, вѣрнаго революціонному духу своей программы.

Слѣдовательно, объ этомъ распространяться излишне.

Но совсѣмъ въ другомъ, и въ гораздо менѣе ясномъ, свѣтѣ представляется дѣло, когда рѣчь заходитъ не о торжествѣ соціализма надъ капитализмомъ, а о той буржуазной революціи, которую, кажется, намъ предстоитъ пережить въ самомъ ближайшемъ будущемъ, и которая впервые создастъ въ Россіи совокупность условій, необходимыхъ для соціалистической революціи. Въ этой буржуазной революціи пролетаріату тоже суждено съиграть рѣшающую роль, и вслѣдствіе этого могутъ показаться странными взгляды тѣхъ людей, которые, всѣми силами поддерживая революціонныя стремленія пролетаріата, вмѣстѣ съ тѣмъ не одобряютъ тактики, направляемой къ захвату имъ политической власти. Противники такихъ людей могутъ, повидимому, не безъ основанія обвинять ихъ въ непослѣдовательности, въ оппортунизмѣ и прочихъ грѣхахъ, не менѣе тяжкихъ. И не только могутъ обвинять, но уже обвиняютъ: достаточно напомнить статьи, печатающіяся во „Впередъ“ и направленныя противъ „Искры“.

Кто же правъ? Давайте разбираться.

Наша партія стоитъ на точкѣ зрѣнія марксизма. Посмотримъ же, не приходилось ли самому Марксу высказаться о той тактикѣ, которой долженъ держаться революціонный пролетаріатъ въ историческіе моменты, подобные переживаемому нами.

Въ началѣ 1850 года, несмотря на повсемѣстное и почти полное торжество „партіи порядка“ въ Западной Европѣ, Марксъ и его послѣдователи не только не считали дѣло революціи окончательно проиграннымъ, но, напротивъ, ждали новаго револю-

ннаго взрыва въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы. Въ ожиданіи этого взрыва Центральный Совѣтъ знаменитаго Союза коммунистовъ разослалъ своимъ германскимъ членамъ „Обращеніе" (Ansprache), въ которомъ онъ излагалъ имъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ и на опредѣляемыя этимъ положеніемъ политическія задачи пролетаріата. „Обращеніе" было написано Марксомъ, состоявшимъ тогда въ Центральномъ Совѣтѣ Союза, и даетъ очень цѣнный матеріалъ для задуманной нами исторической справки. Полезно будетъ, поэтому, изложить здѣсь его содержаніе.

И прежде всего надо отмѣтить слѣдующее любопытное обстоятельство.

Авторъ передовой статьи № 14 „Впередъ" рѣшительно заявляетъ: „Нужно по—истинѣ школьническое понятіе объ исторіи, чтобы представлять себѣ дѣло безъ „скачковъ", въ видѣ какой то медленно и равномѣрно восходящей прямой линіи: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазіей—уступочки самодержавія,—потомъ за революціонной мелкой буржуазіей—демократическая республика, наконецъ, за пролетаріатомъ—соціалистическій переворотъ. Эта картина вѣрна въ общемъ и цѣломъ, вѣрна на „долгомъ", какъ говорятъ французы, на какомъ-нибудь протяженіи столѣтія (напр. для Франціи съ 1789 по 1905 годъ), но составлять себѣ по этой картинѣ планъ собственной дѣятельности въ революціонную эпоху,—для этого надо быть виртуозомъ филистерства".

Марксъ былъ именно такимъ „виртуозомъ филистерства" и имѣлъ именно такое „школьническое понятіе объ исторіи". Написанное имъ „Обращеніе"[1]) указываетъ на то, что движеніе 1848—49 гг. поставило у власти либеральную крупную буржуазію, которая, воспользовавшись революціонной энергіей рабочихъ для низверженія стараго порядка вещей, обратилась противъ пролетаріата тотчасъ же послѣ того, какъ получила нѣкоторыя уступки („уступочки", по терминологіи публициста газеты „Впередъ"), и теперь готова соединиться съ феодальной партіей для борьбы съ новыми революціонными попытками. Но дальнѣйшее развитіе будетъ лишено того мирнаго характера, который хотѣла бы сообщить ему крупная буржуазія: теперь

---

[1]) Напоминаемъ, что оно было написано именно въ „революціонную эпоху".

быстро приближается новая революція, во время которой демократическая мелкая буржуазія выступитъ въ той же роли по отношенію къ народу, какую играли либералы въ 1848 г.

Эта мелкая буржуазія называетъ теперь себя республиканской или крайней и представляетъ собой значительную общественно-политическую силу. Къ ней принадлежитъ не только большинство буржуазныхъ обитателей большихъ городовъ,—т. е. не только большинство мелкихъ предпринимателей, купцовъ и ремесленниковъ,—но также крестьяне и сельскіе пролетаріи, поскольку эти послѣдніе еще не примкнули къ выступающему самостоятельно городскому пролетаріату. Далекіе отъ всякихъ стремленій къ коренному переустройству общества въ интересахъ революціоннаго пролетаріата, мелкіе буржуа хотѣли бы лишь такъ перестроить существующее общество, чтобы имъ жилось въ немъ сносно и удобно. Прежде всего они требуютъ сокращенія государственныхъ расходовъ путемъ уменьшенія бюрократіи и переложенія главной тяжести налоговъ на крупныхъ землевладѣльцевъ и буржуа. Они требуютъ, далѣе, устраненія того гнета, который испытываетъ мелкій капиталъ со стороны крупнаго, и хотятъ достичь этого посредствомъ законовъ, направленныхъ противъ ростовщичества, и посредствомъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій, которыя дали бы возможность мелкимъ буржуа и крестьянамъ получать отъ государства ссуды на необременительныхъ условіяхъ. Кромѣ того, имъ хочется утвердить въ деревнѣ господство буржуазныхъ имущественныхъ отношеній и совершенно устранить оттуда всѣ остатки феодализма. Для того, чтобы ослабить господство капитала и задержать его накопленіе, они предлагаютъ ограничить право наслѣдства, а для улучшенія быта рабочихъ,—которые должны, какъ и теперь, работать по найму,—они рекомендуютъ передачу возможно большей части работъ въ вѣдѣніе государства и лучшую организацію общественной благотворительности. Для проведенія всѣхъ этихъ мѣропріятій имъ нужно демократическое государственное устройство,—съ ограниченной монархіей или республикой,—и демократическая организація общиннаго самоуправленія.

Марксъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что мелкобуржуазная демократія въ дальнѣйшемъ развитіи германской революціи пріобрѣтетъ на время преобладающее вліяніе, смѣнивъ собою уже добившуюся господства крупную буржуазію. И это нисколько не удивляетъ насъ послѣ того, какъ мы узнали, что онъ былъ вирту-

овомъ филистерства и имѣлъ школьническое понятіе объ исторіи. Но какъ же должна была, по мнѣнію этого виртуоза филистерства, относиться партія революціоннаго пролетаріата къ мелкобуржуазной демократической партіи?

Въ „Обращеніи" этотъ вопросъ подраздѣляется на три слѣдующихъ вопроса:

1) Какъ надо относиться къ ней при существующемъ порядкѣ вещей, который угнетаетъ также и мелкую буржуазію?

2) Какъ надо относиться къ ней во время предстоящей революціи, которая доставитъ ей преобладаніе?

3) Какъ надо относиться къ ней послѣ этой революціи?

На первый изъ этихъ вопросовъ Марксъ отвѣчаетъ, что въ настоящее время, когда мелко-буржуазная демократія повсюду чувствуетъ себя угнетенной, она проповѣдуетъ пролетаріату примиреніе и объединеніе, приглашая его создать вмѣстѣ съ ней одну большую оппозиціонную партію, въ которой сольются всѣ отдѣльные оттѣнки. По замѣчанію нашего „филистера", это означаетъ, что мелкіе буржуа стремятся завлечь пролетаріатъ въ политическую организацію, въ которой его отдѣльныя классовыя требованія будутъ, въ интересахъ мира, преданы забвенію. Такое объединеніе,—говоритъ онъ,—принесло бы пользу однимъ демократамъ и очень сильно повредило бы пролетаріату. Пролетаріатъ утратилъ бы свое самостоятельное положеніе, пріобрѣтенное имъ съ такимъ трудомъ, и снова превратился бы въ простой придатокъ къ оффиціальной буржуазной демократіи. Вотъ почему коммунисты должны рѣшительно воспротивиться такому объединенію. Временное сочетаніе усилій для непосредственной борьбы съ общимъ врагомъ, конечно, необходимо, но ради него нѣтъ надобности объединяться съ демократами.

Словомъ, тутъ у Маркса выходитъ, что хотя надо бить вмѣстѣ, но тѣмъ не менѣе необходимо идти врозь.

Отвѣтъ на второй вопросъ состоитъ въ томъ, что правительства, въ предстоящихъ кровавыхъ столкновеніяхъ, будутъ побѣждены, какъ и прежде, главнымъ образомъ, благодаря мужеству, рѣшительности и самоотверженности рабочихъ, и, по прежнему, демократы, въ своемъ большинствѣ, будутъ долго оставаться нерѣшительными и не-дѣятельными, чтобы затѣмъ, когда побѣда будетъ уже вырвана изъ рукъ непріятеля, обратить ее въ свою пользу. Помѣшать этому рабочіе еще не въ состояніи; но они могутъ продиктовать мелкой буржуазіи такія условія, благодаря

которымъ значительно облегчится будущая замѣна господства буржуазной демократіи господствомъ пролетаріата. Рабочіе,—т. е. сознательные пролетаріи,—должны позаботиться о томъ, чтобы революціонное возстаніе массъ не улеглось тотчасъ же послѣ побѣды; рядомъ съ требованіями буржуазной демократіи рабочіе должны также при каждомъ удобномъ случаѣ выставлять свои собственныя классовыя требованія и добиваться,—если это будетъ нужно, даже силой,—чтобы новое правительство гарантировало имъ исполненіе этихъ требованій. Короче, они должны,—какъ выразилась бы „новая" „Искра"—возможно больше развязать революцію. Но эта задача развязанія революціи нисколько не исключаетъ, въ глазахъ нашего автора, задачи организаціи силъ ея главнаго фактора—пролетаріата. Пролетаріатъ долженъ быть организованъ и вооруженъ, иначе онъ не въ состояніи будетъ противиться буржуазной демократіи, которая измѣнитъ ему немедленно послѣ низверженія существующаго порядка.

Переходя къ отвѣту, даваемому Марксомъ на третій и послѣдній изъ поставленныхъ имъ вопросовъ, т. е. на вопросъ объ отношеніи пролетаріата къ мелко-буржуазной демократіи послѣ побѣды, мы прежде всего укажемъ на тотъ фактъ, что основатель научнаго соціализма, какъ видно, не допускалъ даже и мысли о томъ, что политическіе представители революціоннаго пролетаріата могутъ вмѣстѣ съ представителями мелкой буржуазіи трудиться надъ созданіемъ новаго общественнаго строя. Совершенно наоборотъ: послѣ побѣды надъ крупной буржуазіей и захвата власти мелко-буржуазными демократами, рабочіе должны были, по плану Маркса, сложиться въ сильную оппозиціонную партію, которая своей критикой и своей агитаціей толкала бы впередъ мелко-буржуазное правительство, а главное—все болѣе и болѣе развивала бы революціонное самосознаніе представляемаго ею класса. Конечно, говоритъ Марксъ, рабочіе сначала не въ состояніи будутъ выставлять чисто коммунистическія требованія. Но уже съ самаго начала они будутъ имѣть возможность:

1) Принудить демократовъ къ революціонному вмѣшательству въ существующія общественныя отношенія;

2) Толкать впередъ демократовъ, склоняющихся только къ соціальной реформѣ, а не къ соціальной революціи, и вкладывать болѣе крайнее содержаніе въ предлагаемыя ими мѣропріятія. Такъ, напримѣръ, если демократы предлагаютъ выкупить желѣзныя дороги и фабрики, то пролетаріатъ долженъ требовать,

чтобы эти фабрики и дороги были конфискованы въ качествѣ имущества реакціонеровъ; если демократы потребуютъ введенія подоходнаго налога, то пролетаріатъ долженъ требовать введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, и т. п.

Нѣмецкіе рабочіе, говорилъ Марксъ въ заключеніе, не могутъ непосредственно достигнуть господства: но они могутъ и должны стараться приблизить свою окончательную побѣду, выясняя себѣ свои классовые интересы, не позволяя сбить себя съ толку фразеологіей мелкобуржуазной демократіи и выступая въ качествѣ отдѣльной, независимой партіи. Ихъ лозунгомъ должна быть непрерывная революція.

Такъ говорилъ Марксъ въ ожиданіи мелко-буржуазнаго переворота. Его „Обращеніе“ еще недавно удостоилось самаго рѣзкаго отзыва со стороны г. Бернштейна (см. пресловутую книжонку этого послѣдняго). И, дѣйствительно, оно до такой степени пропитано непримиримымъ революціоннымъ духомъ, что одно чтеніе его должно бросать въ лихорадку всякаго благомыслящаго мелкаго буржуа. Но намъ нѣтъ дѣла до мелко-буржуазныхъ политиковъ. Намъ важно здѣсь то, что это архиреволюціонное „Обращеніе“ предлагаетъ какъ разъ ту тактику, которую рекомендуетъ теперь русскимъ товарищамъ „Искра“ и которую „Впередъ“ осуждаетъ, какъ жалкое измышленіе жалкихъ филистеровъ. Согласитесь, читатель, что мы съ вами сдѣлали очень интересное открытіе, и что ради одного этого открытія стоило и давно слѣдовало сдѣлать предпринятую нами историческую справку.

И замѣтьте при этомъ, что вы очень ошибетесь, если хоть на минуту предположите, будто мы считаемъ, что наша справка окончательно исчерпываетъ вопросъ. Отнюдь нѣтъ! Мы никогда не думали, что мы во всемъ должны слѣпо слѣдовать примѣру Маркса. Марксъ могъ ошибаться, и тотъ изъ насъ, кто замѣтитъ его ошибку, обязанъ обнаружить ее передъ товарищами. Только недобросовѣстные или глупые люди рѣшались утверждать, что „ортодоксальные“ марксисты не допускаютъ никакой критики своего учителя. Нѣтъ, „ортодоксы“ возмущаются только такою будто бы критикой Маркса, которая,—подобно критикѣ, практикуемой г. Бернштейномъ и неокантіанцами и сторонниками Маха и Авенаріуса,—представляетъ собою лишь совершенно некритическое повтореніе буржуазныхъ нападокъ на основу современнаго научнаго соціализма. Такая „критика“ въ самомъ дѣлѣ глубоко возмущаетъ насъ. А кто сдѣлаетъ серьезное возраженіе

противъ Маркса, тотъ можетъ быть увѣренъ, что мы выслушаемъ его съ самымъ серьезнымъ и самымъ спокойнымъ вниманіемъ. Но кто критикуетъ Маркса, тотъ такъ и говорить долженъ: „съ Марксомъ я тамъ-то и тамъ-то не согласенъ". Кто критикуетъ Маркса, тотъ и выступать долженъ во имя критики, не во имя „ортодоксіи".

Если наши противники находятъ, что тактика, отстаиваемая „Искрой", неправильна, то имъ такъ и говорить надо: „хотя эта тактика вполнѣ согласна съ той, которую защищалъ въ свое время Марксъ, но она всетаки ошибочна". Далѣе, разумѣется, должны слѣдовать доказательства. Но наши противники поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они самихъ себя выдаютъ за вѣрныхъ послѣдователей Маркса, а „Искру" объявляютъ органомъ оппортунистовъ и филистеровъ, неспособныхъ усвоить истинный смыслъ Марксова ученія. При этомъ доказательства ихъ ограничиваются (см. многочисленныя статьи во „Впередъ") нѣсколькими безпрестанно повторяемыми словечками, которыя, по мнѣнію лицъ, пускающихъ ихъ въ ходъ, очень хлестки, но въ дѣйствительности производятъ впечатлѣніе сердитаго безсилія именно потому, что безпрестанно повторяются вмѣсто серьезныхъ доводовъ.

Прибавлю кстати, что критика взглядовъ, заключающихся въ изложенномъ здѣсь „Обращеніи", была сдѣлана двумя очень компетентными въ марксизмѣ лицами, именно—самимъ Марксомъ и Энгельсомъ.

„Обращеніе" написано было,—какъ сказано выше,—въ ожиданіи новаго революціоннаго взрыва въ передовыхъ странахъ Европы. Но очень скоро—въ томъ же 1850 году—Марксъ увидѣлъ, что такое ожиданіе было неосновательно, и тогда онъ немедленно заявилъ объ этомъ въ своемъ журналѣ, выходившемъ въ Гамбургѣ въ 1850 г. и называвшемся также, какъ и знаменитая газета 1848—49 гг. „Neue Rheiniche Zeitung".

Но въ 1850 году Марксъ призналъ ошибочнымъ только свое ожиданіе новаго взрыва, а тѣ задачи, которыя онъ ставилъ передъ рабочимъ классомъ Германіи, онъ не переставалъ тогда считать вполнѣ правильно формулированными, и если бы у него въ скоромъ времени опять возникла увѣренность въ томъ, что въ Европѣ близка мелко-буржуазная революція, то онъ поставилъ бы эти задачи въ прежней ихъ формулировкѣ. Лишь долго спустя, онъ убѣдился, что въ ту эпоху, къ которой относится его „Обращеніе", капитализмъ представлялся ему значительно болѣе отжившимъ и

одряхлѣвшимъ способомъ производства, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Эта перемѣна взгляда отмѣчена въ знаменитомъ предисловіи Энгельса къ Марксовой книгѣ: „Die Klassekämpfe in Frankreich“. И въ виду этой перемѣны могутъ предположить, пожалуй, что впослѣдствіи сами Марксъ и Энгельсъ не одобрили бы той тактики, которую они предлагали германскимъ коммунистамъ. И намъ скажутъ, можетъ быть: зачѣмъ же вы хотите поступать, какъ Марксъ и Энгельсъ, въ такое время, когда Марксъ и Энгельсъ поступали бы иначе?

На это мы отвѣтимъ, что Марксъ и Энгельсъ не одобрили бы своей тактики 1850 года только съ той ея стороны, которая обусловливалась ихъ тогдашнимъ убѣжденіемъ въ дряхлости капитализма, а слѣдовательно и въ совершенной близости соціалистической революціи, для которой мелко-буржуазный переворотъ долженъ былъ послужить только прологомъ. Именно это убѣжденіе и продиктовалъ имъ выставленный ими лозунгъ непрерывная революція. Впослѣдствіи, когда соціалистическая революція перестала казаться имъ совсѣмъ близкой, они, даже въ ожиданіи мелко-буржуазной революціи, уже не сказали бы: „нашъ лозунгъ — Revolution in Permanenz, такъ какъ они видѣли бы, что отсутствуютъ объективныя (а слѣдовательно, и субъективныя, т. е. психологическія) условія „непрерывной революціи“. Политическія задачи пролетаріата были бы опредѣлены ими уже въ томъ предположеніи, что демократическій строй останется господствующимъ въ теченіе довольно продолжительнаго періода. Но именно потому они еще рѣшительнѣе осудили бы участіе соціалистовъ въ мелко-буржуазномъ правительствѣ. Иначе сказать, они тѣмъ яснѣе показали бы себя ненавистными газетѣ „Впередъ“ виртуозами филистерства.

— Толкуйте!—воскликнетъ иной читатель,—это одни ваши предположенія, и вы ничѣмъ не докажете, что они правильны.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, возразимъ мы: у насъ есть неотразимое доказательство, заключающееся въ письмѣ Энгельса къ Турати, написанномъ не далѣе какъ въ 1894 году.

Въ этомъ году на всемъ итальянскомъ полуостровѣ было чрезвычайно сильно неудовольствіе противъ реакціонной политики правительства, и революція становилась довольно вѣроятной. Въ виду этого революціоннаго положенія дѣлъ и написано было только что упомянутое нами письмо.

Въ немъ старый теоретикъ международнаго соціализма обращаетъ вниманіе Турати на то обстоятельство, что на нынѣшней ступени экономическаго развитія Италіи ожидаемая революція „не можетъ быть соціалистической и будетъ мелкобуржуазной“ [1]). До побѣды пролетаріатъ долженъ выступать противъ существующаго порядка рядомъ съ мелкой буржуазіей, но непремѣнно въ видѣ отдѣльной партіи („врозь идти, вмѣстѣ бить“, говоримъ мы теперь). А послѣ побѣды было бы чрезвычайно опасно („questo é il pericolo piu grand“, говоритъ Энгельсъ), если бы соціалисты вошли въ новое правительство. Этимъ они повторили бы ошибку, сдѣланную въ 1848 году Луи Бланомъ и другими французскими соціалистами. Участвуя въ новомъ,—демократическомъ,—правительствѣ, итальянскіе соціалисты приняли бы на себя отвѣтственность за всѣ ошибки и за всѣ измѣны этого правительства по отношенію къ рабочему классу, а въ то же самое время революціонная энергія этого класса парализовалась бы тѣмъ же самымъ фактомъ участія соціалистовъ въ правительствѣ.

Этотъ совѣтъ итальянскимъ товарищамъ подкрѣпляется въ письмѣ общими тактическими соображеніями, правильность которыхъ доказана была, по словамъ Энгельса, опытомъ всей его жизни. „Они еще ни разу (non una volta) не ввели меня въ ошибку“,—говоритъ авторъ письма.

Итакъ, участвовать въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ представителями мелкой буржуазіи значитъ измѣнять пролетаріату. Вотъ что говоритъ намъ наша справка. А изъ этого слѣдуетъ, что, съ точки зрѣнія марксизма, не „Искра“ а „Впередъ“ проповѣдуетъ оппортунизмъ—и при томъ самый худшій, самый вредный оппортунизмъ.

Нѣтъ, господа, вы можете рисовать какія вамъ угодно каррикатуры и сколько вамъ угодно повторять ваши будто бы хлесткія, а на самомъ дѣлѣ избитыя словечки. Но правда остается правдой: Марксъ и Энгельсъ осудили бы тактику „Впередъ“ и одобрили бы тактику „Искры“. И если вамъ хочется доказать несостоятельность этой послѣдней, то вамъ не миновать критики Маркса. Приступайте же, гг. „впередовцы“, къ вашимъ критическимъ упражненіямъ. Мы выслушаемъ васъ со всѣмъ

---

[1]) Энгельсъ, какъ видно, до глубокой старости остался „виртуозомъ филистерства“ и сохранилъ свой „школьническій“ взглядъ на исторію.

тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ интересующій насъ важный спорный вопросъ. Начинайте, „благословясь“, и да помогутъ вамъ всевозможные Махи и Авенаріусы! Не забывайте, что труденъ только первый шагъ; а вашъ первый шагъ, по своей огромности, былъ достоенъ Вольтеровскаго Макромегаса: вы доказали, что основатели матеріалистическаго объясненія исторіи были школьниками и виртуозами филистерства въ своихъ историческихъ взглядахъ. Идите дальше: смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Заканчивая эту справку, я опять позволю себѣ обратиться къ товарищу С. и выразить ему ту надежду, что теперь ему уже ясно, какъ смотрю я на вопросъ о захватѣ власти: я **рѣшительно не ощущаю потребности критиковать въ этомъ отношеніи Маркса.**

Г. Плехановъ.

Революціонныя перспективы.

(3-го марта 1905 года, № 90).

I.

„Движеніе всемірнаго духа принимаетъ въ разныя времена разныя формы... Иногда онъ покидаетъ поверхность исторической почвы и устремляется въ глубину, скрывающую отъ нашихъ глазъ его работу... Иногда онъ идетъ семимильными шагами, совершая множество самыхъ блестящихъ завоеваній, и, ничѣмъ не довольный, онъ уже нынѣ отрицаетъ тѣ результаты, къ которымъ пришелъ вчера. Таковы эпохи великихъ историческихъ событій, умственныхъ и общественныхъ переворотовъ“ [1]). Такова эпоха, наступившая у насъ въ Россіи—эпоха революціи.

Русская соціалдемократія съ самаго начала предвидѣла неизбѣжность ея наступленія; она съ самаго начала предсказала ея соціальный характеръ—это будетъ революція буржуазная; она

[1]) См. Г. Плехановъ, О задач. соціал. въ борьбѣ съ голод. въ Россіи. 1892 г.

предсказала, кто будетъ ея главнымъ дѣйствующимъ лицомъ—ее совершатъ рабочіе, или она вовсе не совершится; она намѣтила, наконецъ, роль, которую въ ней сыграетъ пролетаріатъ—вмѣсто слѣпого орудія, которымъ онъ служилъ въ прежнихъ революціяхъ, онъ въ русской революціи явится ея сознательнымъ двигателемъ; видя въ политической свободѣ не самодовлѣющую цѣль, а средство для своего соціальнаго освобожденія, онъ не допуститъ подмѣны демократіи демократической фразой, онъ самое побѣду буржуазнаго общества надъ абсолютизмомъ превратитъ въ прологъ къ своей побѣдѣ надъ буржуазнымъ обществомъ.

Такова была настоящая революція въ обычномъ представленіи русской соціалдемократіи. Но именно тогда, когда она изъ абстракціи превратилась въ осязательный фактъ, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей какъ будто перестали ее понимать и очутились въ положеніи евангельскихъ дѣвъ въ моментъ пришествія жениха. И это насъ особенно не удивляетъ. Нашъ прошлый политическій опытъ слишкомъ скуденъ по сравненію съ нашей соц.-демократической доктриной и, какъ бы ни были широки горизонты, которые она намъ открывала, привычки и навыки мысли, пріобрѣтенные въ атмосферѣ революціоннаго подполья, должны были сказаться въ минуту историческаго испытанія. Можно было ожидать, что одних ъ яркія событія революціонной эпохи ослѣпятъ, других ъ не вразумятъ, потому что они слишкомъ уже пропитались духомъ заговорщичества и кружковщины: ограниченные доктринеры, имѣющіе въ запасѣ на всѣ случаи жизни двѣ—три маленькія организаціонныя идейки, они твердили и твердятъ съ докучливой монотонностью маятника—надо прежде всего создать „штабъ спѣвшихся и подготовленныхъ руководителей“. Прежде это было единоспасающее средство для политической агитаціи, теперь это единоспасающее средство для подготовки возстанія. И прежде, и теперь, для достиженія этой цѣли, слѣдовало бы начать съ расщепленія партіи на пожирающіе другъ друга кружки.

Насъ не удивляютъ подобныя рѣчи, но онѣ насъ убѣждаютъ, что намъ необходимо еще и еще разъ оцѣнивать и переоцѣнивать текущія событія съ точки зрѣнія нашихъ общихъ взглядовъ. Иначе мы рискуемъ, что нѣкоторые элементы соціалдемократіи, вмѣсто того, чтобы овладѣть революціонной стихіей, потонуть и растворятся въ ней безслѣдно.

* * *

9 января было началомъ русской революціи, говорили мы.—Въ

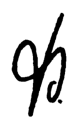
этотъ день, какъ говорило партійное воззваніе, гигантскія руки пролетаріата схватили за горло чудовище стараго режима.

Въ январьскіе дни никому не приходило въ голову спорить противъ этого. Но когда январьское движеніе было **физически** раздавлено, организаціонные утописты опомнились и обрушились на „Искру" за цитированныя слова. За ними, говорили они, „скрывается какая-то искусственно подогрѣтая фальшь... Вовсе пролетаріатъ не схватилъ за горло самодержавія... Теперь надо готовиться къ первому настоящему натиску пролетаріата, который еще предстоитъ"... Планъ „перваго настоящаго натиска" они давно изготовили въ своемъ подпольѣ; теперь они излагаютъ его „по пунктамъ". Спорить противъ этого „плана" по существу невозможно, потому что онъ совершенно невинный, настолько невинный, что его можно было бы съ одинаковымъ удобствомъ придумать и для Россіи и для Испаніи, и для 20-го и для 18-го вѣковъ. Но именно потому, что эти люди съ серьезнымъ видомъ занимаются изготовленіемъ **бумажныхъ** стратегическихъ плановъ, по примѣру блаженной памяти австрійскаго эрцгерцога Карла, ихъ „агенты", во время начала фактическаго возстанія, въ январьскіе дни—блистали своимъ отсутствіемъ, а сами они не только не представляютъ себѣ реально, какъ дѣлается возстаніе, но не представляютъ себѣ даже реально, что такое революція. Поэтому-то имъ кажется филистерскимъ утвержденіе, что 9-ое января знаменовало переломъ въ нашей исторіи, не смотря на то, что петербургское движеніе еще не было достаточно сознательнымъ, еще не было вооруженнымъ и еще не побѣдило войскъ абсолютизма.

По ихъ мнѣнію, ломка нашей политической надстройки и всенародное вооруженное выступленіе у насъ очень и очень могутъ совершиться „отъ одного удара"; по ихъ мнѣнію, они могутъ быть заранѣе „назначены", какъ назначается заранѣе стачка. Когда имъ напоминаютъ, какъ Энгельсъ издѣвался надъ подобными разсужденіями, какъ онъ издѣвался надъ тѣмъ, „что революцію можно сдѣлать на заказъ, какъ кусокъ узорчатаго ситца или чайникъ", они начинаютъ эквилибрировать понятіемъ „революція". „Народная революція", т. е. переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ", говорятъ они, дѣйствительно не можетъ быть назначена заранѣе, но не объ этомъ, дескать, рѣчь; „народная революція" началась у насъ съ паденія крѣпостного права. Пустословіе. Когда Энгельсъ издѣвался надъ бакунистски-ткачевскимъ планомъ „изготовленія" революціи, онъ совершенно

опредѣленно говорилъ о революціи въ смыслѣ „ломки политической надстройки“, а не въ смыслѣ того органическаго процесса измѣненія экономическихъ условій производства, который у насъ тянулся 40 лѣтъ.

Когда происходитъ дѣйствительно коренная ломка въ политической надстройкѣ, а не перетасовка въ правящей кликѣ, она проявляется всегда въ видѣ болѣе или менѣе продолжительной гражданской войны. Всѣ народныя революціи, которыя знаетъ исторія, характеризовались, какъ эпохи дезорганизаціи общественнаго порядка, какъ эпохи „анархіи“, сопровождавшейся и обусловливавшейся рядомъ насильственныхъ столкновеній между властью и повстанцами, столкновеній, которыя въ свою очередь вызывали и вызывались пертурбаціями въ политическихъ учрежденіяхъ, ихъ ломкой и перестройкой, переходомъ политической власти изъ рукъ въ руки, отъ однихъ общественныхъ классовъ и группъ къ другимъ и т. д. Это трюизмъ, и именно потому что это трюизмъ, это можно было бы узнать хотя бы изъ гимназическихъ учебниковъ исторіи. Въ любомъ изъ нихъ имѣются полезныя свѣдѣнія, что, напр., нидерландская революція означаетъ періодъ гражданской войны, который тянулся 7 лѣтъ отъ первой побѣды „морскихъ гезовъ“ до утрехтской уніи, положившей основаніе Нидерландской республики; что англійская революція означаетъ періодъ гражданской войны, который тоже тянулся 7 лѣтъ отъ „великаго мятежа“ до казни Карла I и провозглашенія республики; что Великая Французская Революція означаетъ періодъ гражданской войны, который тянулся 5 лѣтъ, отъ созыва „генеральныхъ штатовъ“ до 9. Термидора и т. д.

Для спасенія ткачевской теоріи революціи, намъ указываютъ еще на то, что „одному удару“, который спасетъ нашу политическую надстройку, уже предшествовали сотни ударовъ. Это мы хорошо знали, но мы узнаемъ также, что „количество переходитъ въ качество“. Пониманіе этой истины подсказало Марксу необходимость рѣзкаго поворота въ тактикѣ, въ февралѣ 48 года, когда наступила эпоха революціи; оно же, наоборотъ, предостерегло его отъ революціонныхъ авантюръ въ 50 годахъ, когда для него ясно стало, что „критическая эпоха“ исторіи смѣняется навремя „органической“. Количество переходитъ въ качество, и тотъ, кто знаетъ исторію, понимаетъ, что десятилѣтія борьбы въ „органическія эпохи“ исторіи неспособны такъ политически просвѣтить народъ, какъ его просвѣщаютъ мѣсяцы борьбы въ „кри-

тическія эпохи“ гражданской войны, потому что въ послѣднемъ случаѣ въ политическую борьбу физически и духовно вовлекаются дотолѣ инертныя стотысячныя народныя массы. Народъ, который, не взирая на поверхностныя политическія движенія и на глубокіе молекулярные процессы, въ огромной своей массѣ жилъ и приспособлялся къ рабскому режиму, не можетъ въ одинъ день стать свободнымъ; чтобы стать свободнымъ, онъ долженъ вариться и перевариваться въ революціонномъ котлѣ. Поэтому, революція никогда *не начиналась* сразу съ возстанія *всего* народа, никогда не начиналась съ учрежденія *законченныхъ и устойчивыхъ* политическихъ формъ и никогда не кончалась послѣ „перваго удара“.

Изъ этого исходила „Искра“, утверждая, что 9-е января есть начало русской революціи. Это начало народной, гражданской войны. Съ одной стороны, 9-е января было началомъ русской революціи, хотя петербургское движеніе *еще* не было побѣдоноснымъ; съ другой стороны, даже созывъ учредительнаго собранія не будетъ концомъ русской революціи, хотя этотъ созывъ совершится, можетъ быть, *уже* послѣ одного или нѣсколькихъ побѣдоносныхъ движеній въ Петербургѣ или въ провинціи. Онъ не будетъ концомъ русской революціи, какъ не былъ концомъ Великой Французской Революціи созывъ конвента, какъ не было концомъ февральской революціи учрежденіе временнаго правительства.

Нѣкоторые проницательные читатели въ нашей критикѣ „*назначенія* всенароднаго вооруженнаго выступленія“ усматривали пренебреженіе къ вопросу о рѣшительномъ столкновеніи революціи и реакціи вообще. Къ ихъ свѣдѣнію, мы должны сказать, что мы исходимъ изъ діаметрально-противоположныхъ мотивовъ: мы критикуемъ подобныя теоріи именно потому, что ихъ измышленіемъ отвлекается вниманіе отъ условій дѣйствительной подготовки такого столкновенія, а объ этомъ въ *настоящее время* долженъ думать всякій серьезный революціонеръ.

Если вѣрно, что въ эпоху революціи параллельно и въ тѣсномъ *взаимодѣйствіи* съ ломкой старыхъ политическихъ и юридическихъ формъ и созиданіемъ новыхъ, быстро растетъ политическая сознательность общественныхъ классовъ и разливается въ ширь народное движеніе, то очевидно, что подготовка къ рѣшительному моменту не можетъ совершиться по самодовлѣющему *стратегическому* плану, очевидно, что она должна

дѣлаться въ самой тѣсной связи со сложной и всесторонней политической работой въ массахъ, не говоря уже о томъ, что при отсутствіи этого условія, размахъ народнаго движенія нисколько не гарантировалъ бы соотвѣтствоннаго размаха политическаго нереворота. Эпоха революціи не только выдвигаетъ передъ нами новый вопросъ, новый, какъ практическій—о подготовкѣ рѣшительнаго столкновенія; она выдвигаетъ также вопросъ о новыхъ методахъ политическаго воздѣйствія на широкія народныя массы, и первый вопросъ неразрѣшимъ внѣ связи со вторымъ. Кардинальное отличіе гражданскихъ войнъ отъ обычныхъ заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ почти все комплектованіе арміи и ея вооруженіе предшествуетъ войнѣ, въ первомъ же случаѣ они совершаются преимущественно въ самый періодъ войны. Поэтому, въ обычныхъ войнахъ главная забота должна быть направлена на военную тактику, на стратегію; въ гражданскихъ же войнахъ на политическую тактику, вербующую революціонной партіи ея армію—народныя массы. Не можетъ сколько-нибудь успѣшно подготовлять рѣшительное столкновеніе та партія, которая не сумѣетъ тѣсно связать со своими планомѣрными политическими шагами полустихійныя движенія народныхъ массъ, не сможетъ подготовлять его та партія, мышленіе которой полно кружковыхъ предразсудковъ, методы дѣйствія которой скованы тѣсными заговорщическими рамками.

* * *

Съ 9-го января мы вступили въ эпоху гражданской войны, въ эпоху революціи. Каково соціальное содержаніе этой революціи? Эта революція будетъ буржуазная, говорили мы всегда, и до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, никто изъ соціалдемократовъ прямо и категорически этого положенія не оспариваетъ. Никто еще прямо не оспариваетъ, но нѣкоторые уже теперь высказываютъ такіе взгляды, которые, будучи развиты до логическаго конца, никоимъ образомъ не могутъ быть примирены съ нашими обычными представленіями о русской революціи, какъ о революціи буржуазной. Взгляды эти, правда, пока высказываются единицами, но мы ихъ не можемъ и не должны игнорировать, потому что они теперь больше, чѣмъ когда-либо, могутъ найти себѣ резонансъ, потому что сама дѣйствительность какъ будто за нихъ говоритъ.

Въ самомъ дѣлѣ, выплывшія на историческую поверхность грандіозныя событія послѣдняго времени какъ будто плохо со-

гласуются съ тѣмъ, что мы переживаемъ теперь буржуазную революцію. Развѣ огромный взрывъ пролетарскаго движенія не заглушилъ слабые голоса нашей фрондирующей либеральной демократіи? Развѣ въ виду могучаго движенія возставшаго россійскаго пролетаріата не кажутся жалкими робкія и нерѣшительныя движенія нашей буржуазіи? Развѣ передъ яркими и бурными январьскими событіями не блѣднѣютъ либерально-демократическіе банкеты недавно минувшей политической „весны"? Все это несомнѣнно вѣрно, и, всетаки, это нисколько не противорѣчитъ тому, что настоящая русская революція есть революція буржуазная, и, всетаки, это нисколько не оправдываетъ тѣхъ скачковъ мысли, которые съ такой легкостью продѣлываютъ нѣкоторые наши товарищи.

Русскій пролетаріатъ обнаружилъ огромную боевую революціонную силу и несомнѣнно, что она служитъ главнымъ залогомъ торжества революціи: критика оружія не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, и, въ концѣ концовъ, всякій глубокій политическій конфликтъ рѣшается физической силой. Но въ какихъ же буржуазныхъ революціяхъ пролетаріатъ не зарекомендовалъ себя, какъ главная боевая сила? Однако, это еще не опредѣляло соціальнаго характера революціи, не опредѣляло даже само по себѣ политической роли пролетаріата въ революціи.

Когда редакція „Искры" въ своемъ „Письмѣ къ организаціямъ" указывала, что въ періодъ „весны" „политическая сцена была заполнена тяжбой между организованной буржуазіей и бюрократіей", когда она указывала, что въ такой моментъ всякое революціонное движеніе „въ низахъ" [1]), т. е. всякое малосознательное революціонное движеніе объективно свелось бы къ поддержкѣ той изъ двухъ силъ, которая заинтересована въ ломкѣ даннаго режима, эти слова „Искры" привели нѣкоторыхъ изъ нашихъ „критиковъ" въ веселое настроеніе: „Искра" говоритъ о нашей организованной буржуазіи, какъ о силѣ! Развѣ январьскія событія не посрамили „Искру", развѣ эти событія не показали, что главная наша боевая сила—пролетаріатъ? Послѣднее, действительно, доказали событія, но они доказали кромѣ того, что наши „критики", сознательно или безсознательно, путаютъ понятія, что они, подобно соц.-революціоне-

[1]) Очевидно, что къ послѣдовавшему за либеральной „весной" петербургскому движенію такое опредѣленіе „въ низахъ" ни въ какомъ смыслѣ непримѣнимо, потому что эти событія совершились не на задворкахъ исторіи, а на ея политической авансценѣ.

рамъ, сознательно или безсознательно, отождествляютъ понятіе „боевая сила“ съ понятіемъ „политическая сила“, отождествляютъ политику съ „механикой“. Такое отождествленіе понятій можетъ иногда льстить самолюбію массъ, но ничто не можетъ принести столько вреда пролетаріату, особенно въ моментъ революціи, какъ соблазнительные напѣвы „революціонныхъ сиренъ“; поэтому, мы постараемся прежде всего распутать узелъ, заплетенный нашими критиками.

Исторія знаетъ огромныя крестьянскія движенія, какъ, напр., „жакеріи“ во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи въ эпоху реформаціи, крестьянское движеніе во время Великой революціи и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне обнаружили огромную боевую разрушительную силу; но эта боевая сила была въ то же время самостоятельной политической силой только въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія возставшихъ крестьянъ шли по пути историческаго развитія общества, какъ напр., во время Великой революціи. Въ другихъ же случаяхъ крестьянское движеніе либо проходило безслѣдно, какъ „жакеріи“, либо же дезорганизація, внесенная ими въ общественную жизнь, учитывалась другими общественными классами въ своихъ интересахъ. Массовыя движенія пролетаріата, въ отличіе отъ крестьянскихъ движеній, всегда бывали революціонны, по крайней мѣрѣ, потенціально. Но и въ нихъ самостоятельная политическая сила пролетаріата обнаруживалась ровно постольку, поскольку революціонная энергія пролетаріата сочеталась съ политической сознательностью. Возстаніе 18 марта въ Берлинѣ, возстаніе вѣнскаго пролетаріата, дрезденское и т. д., конечно, не только двинули впередъ, но прямо создали революцію 48 года; но, поскольку германскій пролетаріатъ того времени былъ мало сознателенъ, его боевая сила оказалась политической силой другого класса—умѣренно либеральной буржуазіи, которая учла въ своихъ политическихъ интересахъ самоотверженную борьбу германскихъ пролетаріевъ. Точно такъ же соціально-политическій характеръ февральской революціи далеко не соотвѣтствовалъ ни той боевой роли, которую въ ней игралъ пролетаріатъ, ни его соціальнымъ мечтамъ. И обратно: средніе и высшіе буржуазные классы никогда не представляли изъ себя сколько-нибудь замѣтной боевой силы, и, тѣмъ не менѣе, они играли крупную политическую, а, иногда и революціонно политическую роль, поскольку они умѣли утилизировать боевую силу пролетаріата въ своихъ революціонныхъ цѣляхъ. Все это — азбука, тѣмъ не менѣе, ее не слѣдуетъ забывать.

Если-бъ наши „критики" были послѣдовательны, то, при ихъ смѣшеніи политики съ „механикой", они бы изъ современныхъ событій сдѣлали выводъ, что наша настоящая революція не буржуазная, а пролетарская, „соціалистическая"; однако, они этого вывода не рѣшаются сдѣлать, очевидно, что прямолинейность не достаточная гарантія послѣдовательности.

* * *

Черезъ призму „механика" наша революція неизбѣжно должна представляться въ извращенномъ видѣ. Какова же будетъ ея перспектива, если посмотрѣть на нее черезъ марксистскую призму?

Рабочіе Петербурга, какъ и другихъ городовъ, въ своихъ требованіяхъ исходили и исходятъ, прежде всего, отъ своихъ соціально-экономическихъ интересовъ: экономическія требованія были выставлены рабочими повсемѣстно. Это — черта общая для всѣхъ массовыхъ пролетарскихъ движеній, извѣстныхъ въ исторіи. Нынѣшнее рабочее движеніе въ Россіи отличается отъ соотвѣтственныхъ движеній въ эпохи западно-европейскихъ буржуазныхъ революцій только болѣе ясно выраженнымъ специфическимъ характеромъ классовой борьбы промышленнаго пролетаріата: это сказывается и въ формѣ движенія—всеобщія стачки, и въ опредѣленности и однородности экономическихъ требованій. Но, несмотря на свой рѣзкій пролетарскій характеръ, настоящая волна рабочаго движенія есть несомнѣнно феноменъ буржуазной революціи, ликвидирующей самодержавно-крѣпостной строй. Во 1-хъ, толчкомъ для этого грандіознаго движенія послужило ставшее для всѣхъ явнымъ и осязательнымъ банкротство системы бюрократической опеки. Отстаивая свои спеціальныя пролетарскія нужды, рабочіе сознаютъ и говорятъ, что онѣ въ значительной степени являются *частнымъ случаемъ* общихъ нуждъ русскаго гражданина: „государь", говорятъ петербургскіе рабочіе, „насъ здѣсь многія тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами, *равно какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ*, не признаютъ ни одного человѣческаго права"... Во 2-хъ, самый фактъ быстраго распространенія стачечнаго движенія на слои, смежные съ пролетаріатомъ (приказчики, конторщики, служащіе, фармацевты) и даже на либеральныя профессіи, свидѣтельствуетъ, насколько въ этомъ движеніи силенъ общегражданскій мотивъ эмансипаціи личности. Въ 3-хъ, тенденціи движенія превратиться въ систематическую дезорганизацію общественнаго порядка показываютъ, что мы теперь имѣемъ дѣло не съ обыч-

нымъ профессіональнымъ пролетарскимъ движеніемъ. Наконецъ, политическій языкъ, на который пролетаріатъ перевелъ свои соціальныя нужды, и откликъ, который этотъ языкъ нашелъ въ общественномъ мнѣніи буржуазныхъ классовъ, явно показываютъ, что движеніе пролетаріата знаменуетъ собой буржуазную революцію.

О политическомъ языкѣ, которымъ заговорилъ пролетаріатъ, свидѣтельствуетъ петиція петербургскихъ рабочихъ: она является до извѣстной степени лозунгомъ всего настоящаго рабочаго движенія. Я говорю: до извѣстной степени, потому что въ нѣкоторыхъ городахъ рабочіе при всеобщей стачкѣ выставили только экономическія требованія; политическій характеръ движенія въ этихъ случаяхъ проявился только въ томъ, что стачки возникали по солидарности съ петербургскимъ возстаніемъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ рабочіе даже протестовали противъ политическихъ требованій. Но, поскольку петербургскія событія наложили свой отпечатокъ на движеніе въ цѣломъ, мы можемъ сказать, что въ Петербургѣ рабочіе дали политическій лозунгъ всему настоящему движенію. Въ чемъ же заключается этотъ лозунгъ?

„Повели немедленно, сейчасъ же,—говорятъ петербургскіе рабочіе,—призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій, представителей и отъ рабочихъ, пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель... чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все“...

Лозунгъ этотъ показываетъ, что значительные и вліятельные слои нашего пролетаріата въ настоящій моментъ въ своихъ политическихъ притязаніяхъ идутъ дальше большинства оппозиціонныхъ элементовъ буржуазнаго общества, но они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами развитія буржуазнаго общества; напротивъ того, они намѣчали бы только историческую задачу буржуазной революціи, если бъ они еще отвергли монархическій принципъ, и несомнѣнно, что послѣ разстрѣла рабочихъ огромныя массы ихъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, сдѣлали въ своемъ сознаніи и этотъ шагъ.

Конечно, нашъ пролетаріатъ, выставляя свои политическія требованія, тѣмъ самымъ стремится, болѣе или менѣе сознательно, къ завоеванію простора для борьбы съ буржуазіей. Но завоева-

.е этого простора составляетъ одну изъ задачъ именно буржуазой революціи, которая по существу своему антагонистична: обезпечивая политическое господство буржуазіи, она, въ то же время, въ большей или меньшей степени, „легализируетъ“ классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей. Безъ большей или меньшей легализаціи этой борьбы буржуазное общество не можетъ развиваться; безъ нея буржуазное общество представляло бы арену сплошной острой гражданской войны. Вотъ почему болѣе дальновидная буржуазія не только мирится со многими политическими и экономическими требованіями пролетаріата, но даже вводитъ ихъ въ свою собственную программу, конечно, изъ соображеній, противоположныхъ соображеніямъ сознательнаго пролетаріата. Англійская „великая либеральная партія“ буржуазіи именно тѣмъ и покорила надолго своему вліянію англійскій пролетаріатъ, что она стала „душеприказчицей“ пролетарскаго чартистскаго движенія. Послѣ того, какъ оно было раздавлено, сама буржуазія стала покровительствовать стачкамъ и трэдъ-юніонамъ, сама буржуазія стала проводить въ жизнь демократическія политическія требованія хартіи чартистовъ (парламентскія реформы 67 и 84 годовъ).

Въ буржуазныхъ революціяхъ общіе политическіе и даже экономическіе лозунги сплошь и рядомъ диктуются противоположными классовыми интересами. Поэтому специфическіе классовые мотивы политическаго движенія нашего пролетаріата ничего не говорятъ противъ того, что наша революція буржуазная. Съ другой стороны, позиція, которую даже наша промышленная буржуазія заняла теперь по отношенію къ борьбѣ пролетаріата, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ за то, что эта борьба есть объективно—борьба за буржуазную революцію.

Такъ какъ наша оппозиціонная буржуазія видитъ теперь, что удовлетвореніе демократическихъ требованій пролетаріата, можетъ быть, будетъ неизбѣжной цѣной ея собственнаго освобожденія отъ гнета самодержавія, такъ какъ она видитъ, что требованія пролетаріата, не смотря на ихъ экономическую подкладку, непосредственно меньше угрожаютъ классовому господству буржуазіи, чѣмъ тѣ разрушительныя формы, въ которыхъ самодержавіе втискиваетъ пролетарскую борьбу (петербургскіе промышленники это весьма прозрачно высказали въ своемъ обращеніи къ министру финансовъ), то она въ настоящій моментъ сравнительно рѣдко проявляетъ враждебное отношеніе къ движенію пролетаріата. Если, кромѣ единичныхъ случаевъ, еще не замѣтно, чтобы

вліятельные буржуазно-демократическіе слои открыто стали сторону возстанія, если не замѣтно даже еще, опять-таки кро. единичныхъ случаевъ, открытаго присоединенія лѣваго крыла буржуазной оппозиціи къ политическимъ требованіямъ пролетаріата въ цѣломъ, то, съ другой стороны, вся буржуазная оппозиція обнаружила съ самаго начала дружественный нейтралитетъ къ борющемуся пролетаріату (горные инженеры), обнаружила съ самаго начала возмущеніе противъ бѣлаго террора правительства, а въ очень многихъ случаяхъ она, подъ вліяніемъ рабочаго возстанія, заняла гораздо болѣе рѣшительную позицію противъ самодержавія, чѣмъ при Святополкѣ-Мирскомъ, вплоть до отказа при настоящихъ условіяхъ участвовать въ общественныхъ учрежденіяхъ, вплоть до отказа даже аппелировать къ правительству, вплоть до аппеляціи къ крестьянству (московское сельско-хозяйственное общество).

Сопоставляя все это, мы могли бы сказать: русскій пролетаріатъ съ самаго начала революціи выступилъ не только, какъ первая боевая сила, но, благодаря работѣ соціалдемократовъ, такъ же, какъ наиболѣе передовая политическая сила, по крайней мѣрѣ, въ Петерб. и окраинахъ (Польша, Кавказъ). Онъ уже теперь является не только орудіемъ, но и сознательнымъ двигателемъ политическаго самоосвобожденія буржуазнаго общества въ цѣломъ. Именно поэтому мы въ правѣ разсчитывать, что наиболѣе демократическая часть общества должна будетъ выйти, наконецъ, изъ состоянія благожелательнаго нейтралитета и явиться на помощь возставшему пролетаріату; именно поэтому, мы вправѣ разсчитывать на революціонизированіе буржуазной демократіи. До сихъ поръ она связывала свою судьбу съ либерализмомъ; до сихъ поръ только отдѣльные ея элементы, тѣ самые, которые примыкаютъ къ партіи с.-р., временно покидали свои культурническіе муравейники и метались между революціей и реформой. Но прошлое будущему не указъ и, какъ я уже говорилъ, въ смыслѣ революціонизированія общества эпоха гражданской войны радикально отличается отъ историческихъ будней. Въ началѣ Великой Французской Революціи изъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей развѣ только одинъ Камиль Демуленъ былъ республиканцемъ; послѣ 10 августа 1792 года вся Францiя была республиканская. Первоначальнымъ лозунгомъ февральской революціи было расширеніе избирательнаго права (уничтоженіе pays légal) и борьба съ финансовымъ развратомъ; рабочіе, одержавши побѣду на барри-

кадахъ, выдвинули новый лозунгъ—республика, и буржуазія присоединились къ новому лозунгу: республиканское временное правительство состояло въ большинствѣ (Ламартинъ, Марра, Гарнье-Пажесъ) изъ бывшихъ монархистовъ-конституціоналистовъ, и даже послѣ іюньскаго пораженія пролетаріата конституанта была еще республиканская. У насъ прокатилась только первая волна пролетарскаго возстанія и притомъ физически она была раздавлена, за нею послѣдуютъ другія волны, болѣе грозныя; въ гражданскую войну вовлекутся и уже вовлекаются крестьянскія массы. Мыслимо ли ожидать, чтобы демократическая интеллигенція при такихъ условіяхъ продолжала съ надеждой и упованіемъ обращать свои взоры на либераловъ? Мыслимо ли ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ на политическую сцену не выдвинулись новые, опирающіеся на мѣщанство, крестьянство и на малосознательные, но революціонно-настроенные слои пролетаріата, элементы революціонной буржуазной демократіи. Если уже теперь появился Гапонъ, то въ будущемъ появятся гапоны.

Революціонная демократія придетъ, и на это указываютъ уже теперь многіе симптомы. Правительство, мобилизируя всѣ темныя силы народа противъ революціи, организуя националистическіе погромы, организуя войну „черныхъ сотенъ" противъ всѣхъ культурныхъ элементовъ націи, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ мобилизаціи революціонныхъ силъ. Раньше только партія пролетаріата призывала народъ къ самовооруженію. Теперь открыто пропагандируютъ самовооруженіе и бакинскіе капиталисты, и московская и петербургская буржуазная интеллигенція.

Если съ самаго начала пролетаріатъ велъ борьбу въ національной атмосферѣ отчасти сочувственной, отчасти нейтральной, то вскорѣ вокругъ него сплотятся активные революціонные союзники.

Но этотъ „союзъ" сознательнаго пролетаріата съ революціонной буржуазной демократіей не только не ослабитъ классового антагонизма между ними, но, можетъ быть, даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ будетъ содѣйствовать его развитію, и это уже теперь отчасти наблюдается: чѣмъ болѣе активно будетъ участіе буржуазной демократіи въ общей революціонной борьбѣ, тѣмъ больше она будетъ стремиться, въ награду за свое революціонное сотрудничество, эмансипировать пролетаріатъ отъ вліянія соціалдемократіи, т. е. отъ вліянія его собственной классовой идеологіи.

Этими двумя моментами—неизбѣжнымъ революціоннымъ сотрудничествомъ пролетаріата съ буржуазной демократіей, и неизбѣжной

борьбой съ ней за свою политическую самостоятельность—должна опредѣляться постановка нашихъ ближайшихъ тактическихъ задачъ.

II.

(17 марта 1905 г., № 93).

Буржуазныя революціи прошлаго вѣка, совершавшіяся подъ гегемоніей буржуазной демократіи, были революціями красивыхъ порывовъ, широковѣщательныхъ фразъ и эффектныхъ декорацій. Русская революція, совершающаяся подъ гегемоніей пролетаріата,—первая буржуазная революція, которая выдаетъ себя за то, что она есть. Но именно поэтому въ ней, по существу, болѣе глубокое революціонное содержаніе, чѣмъ въ революціяхъ прошлаго вѣка. Партія пролетаріата предъявляетъ старому режиму очень детальный и очень точный счетъ и требуетъ расплаты; но въ этой дѣловитости меньше всего трезвеннаго самоограниченія: партія пролетаріата ни на минуту не забываетъ, что и свободное буржуазное общество, которому она помогаетъ народиться, съ самаго начала несетъ въ себѣ зародыши своей будущей смерти,—и этимъ опредѣляется ея тактика.

„Коммунисты, — говоритъ Коммунистическій манифестъ, — на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ цѣломъ". Это значитъ, во-первыхъ, что, при диктатурѣ пролетаріата, коммунисты приступятъ къ осуществленію своей главной, конечной цѣли; это значитъ, во-вторыхъ, что при первичныхъ стадіяхъ борьбы пролетаріата съ буржуазіей, они, [1]) выдвигая и отстаивая минимальныя программы, ни на минуту не перестаютъ критиковать буржуазное общество съ точки зрѣнія своей конечной цѣли.

Мы—враги революціонной фразы, и потому мы говоримъ, что настоящая русская революція есть революція буржуазная, несмотря на огромную роль, которую въ ней играетъ пролетаріатъ, несмотря на специфическій отпечатокъ, который пролетаріатъ уже успѣлъ наложить на ея программу; но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, враги „трезвеннаго" реализма, и потому мы не перестанемъ разоблачать

---

[1]). См. выше.

ограниченность нашей революціи, каковъ бы ни былъ ея размахъ.

Противъ этихъ принциповъ не станетъ спорить ни одинъ соціалдемократъ. Но недостаточно теоретически соглашаться съ принципами, надо еще согласоваться съ ними свою практическую политику; а чтобы умѣть ихъ согласовать, нужно всегда помнить правило, что положеніе обязываетъ, что наши дѣла сплошь и рядомъ опредѣляются не тѣмъ, чѣмъ мы желаемъ быть, а тѣмъ, къ чему насъ вынуждаетъ логика занятаго нами положенія.

Положеніе обязываетъ. „То, что долженъ дѣлать" вождь крайней партіи, очутившійся у власти,—говоритъ Энгельсъ,—„то, чего требуетъ отъ него собственная партія, зависитъ не отъ него, но въ то же время и не отъ степени развитія классовой борьбы и не отъ ея условій; онъ остается связанъ своими прежними доктринами и требованіями, которыя также вытекаютъ не изъ взаимнаго положенія общественныхъ классовъ въ данный моментъ, не отъ временныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, отношеній производства и обмѣна, но обуславливается способностью этого вождя къ пониманію общихъ результатовъ соціальнаго и политическаго движенія". Смыслъ этихъ словъ тотъ, что партія пролетаріата, очутившись у власти, вынуждена приступить къ коренному соціалистическому преобразованію общества, хотя бы условія для этого не назрѣли; она вынуждена это дѣлать, если не желаетъ съ первыхъ же шаговъ стать въ противорѣчіе съ представляемымъ ею классомъ. Якобинцы 93-го года сопротивлялись соціальнымъ притязаніямъ санкюлотовъ, но логика санкюлотской диктатуры вынудила ихъ осуществить въ самое короткое время всю соціальную программу санкюлотовъ — максимумъ, національзацію торговли, кредита и проч. Въ 48 году уже одна иллюзія соціальной республики, уже одна иллюзія завоеванной пролетаріатомъ власти навязала буржуазному временному правительству соціальную программу, отъ которой оно всѣми средствами пыталось отвертѣться. „Довольно фразъ", сказалъ рабочій делегатъ Маршъ Ламартину, „парижскій пролетаріатъ приноситъ республикѣ въ жертву три мѣсяца голода; онъ даетъ вамъ три мѣсяца сроку". Въ теченіе этого срока парижскій пролетаріатъ ждетъ отъ временнаго правительства практическаго рѣшенія вопроса объ „организаціи труда", объ обезпеченіи „права на трудъ". Диктатура парижскаго пролетаріата въ эпоху коммуны 71 года сравнительно мало успѣла развить свою скрытую соціально-революціонную энергію. Но эло-

объясняется совершенно исключительной обстановкой, въ которой находилась революціонная коммуна, это объясняется тѣмъ, что почти все вниманіе пролетаріата было въ то время поглощено обороной Парижа, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ содержаніе бланкистскихъ прокламацій, содержаніе и даже названіе бланкистской газеты—„La patrie dangez“ (Отечество въ опасности“), издававшихся еще въ сентябрѣ. Парижскій пролетаріатъ въ 71 году обнаружилъ до извѣстной степени классовое „воздержаніе“. Но если мы вспомнимъ измѣнническое поведеніе буржуазіи по отношенію къ Парижу, находившемуся во власти пролетаріата, если мы вспомнимъ неслыханную кровавую месть буржуазіи за два мѣсяца пролетарской диктатуры, то мы поймемъ, какъ самый фактъ диктатуры форсировалъ бы развитіе классоваго антагонизма, какъ сильно онъ развилъ бы естественную соціальную притязательность пролетаріата, если бы пролетаріатъ не былъ скованъ желѣзнымъ кольцомъ прусской арміи, если бы его диктатура продолжалась, если бы она распространилась на всю страну. Диктатура пролетаріата не можетъ не поставить на очередь дня коренныя соціальныя проблемы буржуазнаго общества, вопросъ объ уничтоженіи безработицы, объ уничтоженіи эксплуатаціи труда и т. п., и партія пролетаріата, очутившись у власти, не можетъ отдѣлываться отъ этихъ вопросовъ добрыми пожеланіями и умными разсужденіями.

Положеніе обязываетъ. Изъ этого вытекаетъ, что, при диктатурѣ пролетаріата, мы должны приступить къ осуществленію главныхъ пунктовъ нашей программы-максимумъ. Изъ этого же вытекаетъ, что выдвигая, вслѣдствіе недостаточнаго развитія классовыхъ противорѣчій, вслѣдствіе преобладанія въ націи элементовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія мелкой буржуазіи, только минимальную программу, мы должны обезпечить за собою свободу критики той самой буржуазной демократіи, которой революція очистила путь къ власти и на которую падаетъ отвѣтственность за ограниченность выставленныхъ нами требованій. Но, чтобы имѣть свободу критики, мы должны поставить себя въ такое положеніе, которое сняло бы съ насъ всякую отвѣтственность за чужую, за мелкобуржуазную ограниченность, которое бы дало намъ возможность не только теоретически, но и практически разоблачать эту ограниченность. Другими словами, пока мы выдвигаемъ программу минимумъ, мы должны стремиться сохранять положеніе партіи крайней оппозиціи.

Роль партіи крайней оппозиціи наиболѣе революціонная, и эта роль досталась соціалдемократіи въ наслѣдство отъ предшествовавшихъ крайнихъ буржуазно-демократическихъ партій, которыя были истинно революціонны, пока онѣ не были связаны съ властью. Исторія Конвента не можетъ повториться въ буржуазной революціи, но и революціонность Конвента измѣрялась, главнымъ образомъ, давленіемъ на него извнѣ дѣйствовавшей полулегальной коммуны и ужъ ничѣмъ несвязанныхъ съ законной властью санкюлотскихъ обществъ, облегавшихъ коммуну. Робеспьеръ слишкомъ хорошо сознавалъ выгодность, въ интересахъ революціи, сохраненія положенія оппозиціи, и потому онъ до послѣдней возможности уклонялся отъ участія въ министерствѣ; болѣе того, онъ возставалъ противъ такого упрощеннаго метода революціи, какъ насильственное удаленіе жирондистовъ изъ Конвента. Намъ выгоднѣе,—говорилъ онъ,—всегда держать ихъ подъ революціоннымъ контролемъ „добрыхъ гражданъ".

Въ 48 году наиболѣе послѣдовательнымъ революціонеромъ во Франціи былъ Бланки. „Этотъ человѣкъ стоитъ цѣлаго армейскаго непріятельскаго корпуса", — говорилъ про него Тьеръ. Бланки принадлежала идея революціонной диктатуры пролетаріата, и буржуазія видѣла въ немъ воплощеніе краснаго призрака. Но именно потому, что онъ стремился къ настоящей диктатурѣ пролетаріата, онъ не хотѣлъ компрометтировать дѣло легкомысленными авантюрами. Когда онъ, въ началѣ февральской революціи, по выходѣ изъ тюрьмы, явился въ Парижъ, его товарищи, озлобленные тѣмъ, что люди изъ National предали революцію, готовились къ походу на ратушу, чтобы насильственно завладѣть временнымъ правительствомъ. Они ждали съ нетерпѣніемъ Бланки въ залѣ Прадо, въ полномъ убѣжденіи, что Бланки одобритъ ихъ планъ и станетъ во главѣ движенія. Но они ошиблись. Явившись на бурное собраніе, Бланки доказывалъ имъ, что ихъ затѣя только сыграетъ на руку контръ-революціи. Вмѣсто захвата временнаго правительства, онъ рекомендовалъ имъ организацію народа въ революціонные клубы. Походъ на правительство всетаки состоялся 15-го мая, вопреки предостереженіямъ Бланки, подъ вліяніемъ революціоннаго соперника Бланки — Барбесса, а еще болѣе, подъ вліяніемъ Губера, оказавшагося послѣ наполеоновскимъ провокаторомъ. И Бланки участвовалъ въ манифестаціи; но онъ это сдѣлалъ, по собственному признанію, только потому, что революціонный вождь долженъ повиноваться толпѣ, которую онъ ведетъ. Но исторія

оправдала не толпу, а ея вождя. Такую же тактику революціонной оппозиціи, которую въ 48 г. рекомендовалъ Бланки парижскому пролетаріату, Марксъ рекомендовалъ въ 50 г. германскому пролетаріату, предполагая повтореніе революціи. Такую же тактику Энгельсъ рекомендовалъ итальянскому пролетаріату въ 94 г. Обычное обвиненіе, которое заговорщики выставляли противъ этой тактики, заключается въ томъ, что она связываетъ энергію народа, охлаждаетъ его революціонный энтузіазмъ. Истинное ея значеніе однако противоположное. Мы не говоримъ пролетаріату: удерживай свои революціонные порывы, чтобы какъ-нибудь не очутиться преждевременно у власти. Мы говоримъ ему: толкай впередъ всѣ революціонные и революціонизирующіеся элементы націи, чтобы, и при максимальномъ развитіи революціи, сохранить за собою свободу революціонной критики.

* * *

Тактика революціонной оппозиціи завѣщана намъ исторіей 48 года. Несомнѣнно, что условія, въ которыхъ находится теперь партія пролетаріата, значительно отличаются отъ условій, въ которыхъ находился пролетаріатъ въ 48 году. Въ то время главная активная политическая роль выпадала на долю буржуазной демократіи, она вчиняла и вела тяжбу со старымъ режимомъ. Пролетаріатъ вмѣшивался въ борьбу только въ рѣшительные моменты, „чтобы не позволить ни одному классу, поднявшемуся на его плечахъ, упрочить свое классовое правительство, не давая рабочимъ простора для борьбы“. У насъ пролетаріатъ и буржуазная демократія обмѣнялись ролями. У насъ тяжба со старымъ режимомъ ведется подъ знаменемъ пролетаріата; у насъ либеральная демократія всегда пассивно выжидала благопріятнаго момента, чтобы использовать замѣшательство правительства въ своихъ интересахъ. И это особенно ярко проявляется въ рѣшительные, критическіе моменты борьбы, какъ, напримѣръ, въ январьскіе дни, но это нисколько не колеблетъ нашего традиціоннаго взгляда на принципы пролетарской тактики въ буржуазной революціи. Теперь, какъ и въ срединѣ прошлаго вѣка, объективный смыслъ революціи есть радикальное раскрѣпощеніе и демократизація общества; теперь, какъ и въ срединѣ прошлаго вѣка, революція расчищаетъ путь къ непосредственному политическому господству буржуазной демократіи. Теперь, какъ и прежде, старый режимъ является колоссальнымъ препятствіемъ для развитія буржуазнаго строя.

Поэтому, мы въ правѣ ожидать, что трезвый политическій разсчетъ въ настоящее время подскажетъ нашей буржуазной демократіи то, что западно-европейской буржуазной демократіи въ прошломъ вѣкѣ подсказывала революціонная романтика. Мы въ правѣ этого ожидать именно потому, что это зависитъ отъ насъ, отъ степени развитія сознательности пролетаріата: революціонная романтика буржуазной демократіи разсѣивалась, какъ дымъ, какъ только пролетаріатъ, участвовавшій съ нею въ борьбѣ, заявлялъ свои притязанія на долю въ добычѣ. Напротивъ того, шансы на участіе буржуазной демократіи изъ разсчета въ нашей борьбѣ должны неизбѣжно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ будетъ обнаруживать ясное пониманіе своихъ интересовъ, по мѣрѣ того, какъ для буржуазной демократіи будетъ становиться очевидной диллема—либо впередъ съ пролетаріатомъ, котораго нельзя обмануть, либо въ пропасть, въ которую толкаетъ весь народъ самодержавное правительство, которой безъ пролетаріата нельзя обойти. Если русскому пролетаріату не приходится ждать пассивно инициативы отъ буржуазной демократіи, если ему не приходится поддерживать ее въ политической кампаніи, которая ведется по ея плану и подъ ея руководствомъ, то всетаки у него есть возможность воздѣйствовать на буржуазную демократію, привлекая ее, до извѣстной степени, къ своей политической борьбѣ, подчиняя ея борьбу, до извѣстной степени, своимъ политическимъ планамъ. Но этимъ самымъ для партіи пролетаріата создается возможность сохранить на всемъ протяженіи революціи положеніе партіи крайней оппозиціи; толкая буржуазную демократію на борьбу съ общимъ врагомъ, партія пролетаріата подготовляетъ моментъ, когда самые крайніе элементы буржуазнаго общества, сдѣлавши все, на что они способны, исчерпаютъ себя, наглядно показавши на своемъ примѣрѣ всю ограниченность революціонныхъ средствъ буржуазнаго общества.

Мы не можемъ предрѣшить, въ какихъ политическихъ учрежденіяхъ и въ какихъ политическихъ дѣйствіяхъ русская буржуазная демократія исчерпаетъ свои революціонныя средства. Возможно, что развитіе революціи ослабитъ твердый курсъ самодержавія и поведетъ насъ черезъ эфемерный Земскій Соборъ къ Учредительному Собранію и полному народовластію. Возможно, что самодержавіе будетъ сопротивляться до послѣдней крайности, и тогда мы пойдемъ къ той же цѣли черезъ революціонное врем. правительство и Учредительное Собраніе. Но и въ томъ, и дру-

томъ случаѣ наши основныя задачи тѣ же: мы подготовляемъ и расширяемъ выступленіе, отвоевывая силой свои требованія послѣдовательно у всѣхъ политическихъ элементовъ, которые революція выноситъ наверхъ къ кормилу правленія. Мы послѣдовательно превращаемъ различные общественные элементы изъ политической безформенной массы въ революціонной молотъ, изъ революціоннаго молота—въ наковальню для революціи.

III.

(31 марта 1905 № 95).

Сколько верстъ до Гогулина?

„Коли три версты обходомъ,
прямиками будетъ шесть“.

Некрасовъ.

Русская буржуазная революція въ извѣстныхъ отношеніяхъ отличается отъ всѣхъ прошлыхъ революцій. Но что для насъ не ново. Еще въ 1885 г. Плехановъ писалъ: „Для насъ не должно быть потеряннымъ то въ высшей степени важное обстоятельство, что соціалистическое движеніе началось у насъ въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зародышѣ. Эта особенность русскаго историческаго развитія... составляетъ безспорный... фактъ, который принесетъ огромную пользу дѣлу нашего рабочаго класса, если только русскіе соціалисты не растратятъ свою умственную и нравственную энергію на постройку воздушныхъ замковъ“... Несмотря на то, что Плехановъ еще 20 лѣтъ тому назадъ указывалъ на исключительную роль, которую сыграетъ въ русской революціи соціалистическая партія, партія пролетаріата, онъ тогда же въ „Нашихъ разногласіяхъ“ и позже въ „Задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ“ предсказывалъ, что классовые интересы раньше или позже толкнутъ разные элементы буржуазнаго общества въ оппозицію абсолютизму, и что наше буржуазное общество „осмѣлится“ на борьбу съ нимъ, когда оно убѣдится, что ему обезпечена поддержка въ рабочемъ движеніи. Предсказанія Плеханова, которыя раздѣлялись всѣми болѣе развитыми элементами нашей соціалдемократіи, теперь съ каждымъ

днемъ все больше подтверждаются. Именно на этомъ прогнозѣ построена наша партійная программа, предполагающая неизбѣжность у насъ буржуазной соціальной революціи. Только въ разсчетѣ на участіе въ революціи буржуазныхъ классовъ, наша программа могла разсматривать предстоящее паденіе самодержавія, какъ явленіе, связанное именно съ ликвидаціей всего стараго сословно-крѣпостническаго режима. Только въ разсчетѣ на революціонную борьбу деревенской мелкой буржуазіи съ помѣстнымъ дворянствомъ, какъ на извѣстномъ проявленіи общей борьбы буржуазнаго общества со „старымъ режимомъ", могла быть построена аграрная часть нашей программы.

Русская соціалдемократія ясно представляла себѣ соціальное содержаніе нашей ближайшей революціи. Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже говорили въ первомъ фельетонѣ (№ 90), когда революція превратилась изъ абстракціи въ осязательный фактъ, нѣкоторые наши товарищи, какъ будто, перестали ее понимать. Соціалдемократы, которые въ очень многомъ рѣзко расходятся между собой, какъ публицисты изъ „Впередъ", съ одной стороны, какъ товарищи Парвусъ, Троцкій, съ другой, сошлись или почти сошлись, на одномъ. Внѣ насъ въ Россіи некому увѣнчать зданіе буржуазной республики, а посему намъ ближе идти обходомъ, чѣмъ прямиками: намъ необходимо будетъ навремя покинуть свой оппозиціонный постъ, замѣстить въ революціонномъ правительствѣ вполнѣ или отчасти буржуазную демократію и, упорядочивши государственное строительство, послѣ первой побѣды буржуазной революціи, подобно Цинцинату, вернуться опять къ своему плугу. Раньше наша соціалдемократическая интеллигенція стремилась къ замѣстительству пролетаріата въ рабочей партіи. Теперь намъ рекомендуютъ болѣе мудреную задачу—замѣстить буржуазныхъ революціонеровъ въ правительствѣ. Наши товарищи собираются разыграть русскую революцію въ видѣ феерiи въ трехъ актахъ. Какъ люди безъ принциповъ, публицисты изъ „Впередъ" и не задумываются надъ тѣмъ, какъ согласовать свой новый „спектакль" со своей прежней марксистской совѣстью. Они не разсуждаютъ, они шумятъ, они рекламируютъ его въ „толпѣ" посредствомъ сильныхъ выраженій и выразительной жестикуляціи. Напротивъ, пылкому воображенію товарищей Парвуса и Троцкаго, конечно, представляется, что именно марксистскій анализъ русской дѣйствительности продиктовалъ имъ ихъ феерію. Анализъ этотъ составляетъ ихъ прелюдію къ пьесѣ.

Прелюдія. И товарищу Парвусу, и товарищу Троцкому нужно доказать, что „кромѣ насъ на революціонномъ полѣ никого нѣтъ“ [1]). Доказываютъ это товарищъ Троцкій и товарищъ Парвусъ разными, отчасти даже противоположными аргументами. Но это ихъ доброму согласію не вредитъ, ибо суть дѣла, конечно, не въ томъ, чтобы „написать умную марксистскую статью“, а въ томъ, чтобы... оправдать извѣстную тактику.

Товарищъ Парвусъ увѣряетъ насъ [2]), что „немедленно за кровавымъ воскресеньемъ, общественная мысль раздѣлалась съ идеей конституціонной монархіи“, что „революція гонитъ идеологію либерализма до ея послѣднихъ политическихъ крайностей“, что „либеральныя партіи... обѣщаютъ больше и даже ставятъ себѣ большія задачи, чѣмъ могутъ исполнить при помощи тѣхъ общественныхъ слоевъ, на которые они опираются“. Но именно потому, что „въ Россіи политическія направленія до сихъ поръ — за исключеніемъ классовой борьбы пролетаріата и соціалдемократіи...—развивались въ эфирныхъ областяхъ идеологіи“, именно потому, что имъ не соотвѣтствуютъ классовые интересы какихъ-нибудь общественныхъ слоевъ, политическій радикализмъ нашей интеллигенціи разсѣется какъ дымъ, въ первый же моментъ свержевія самодержавія, который будетъ не концомъ, а исходнымъ пунктомъ революціонной эпохи.

Товарищъ Троцкій для того, чтобы придти къ тому же выводу, какъ будто бы опрокидываетъ теорію Парвуса на голову; мы говоримъ „какъ будто бы“ потому, что онъ то и дѣло себѣ противорѣчитъ. „Мы имѣемъ въ виду, говоритъ товарищъ Троцкій, не народныя массы, не крестьянство и мѣщанство, которыя, особенно первыя, представляютъ громадный резервуаръ потенціальной революціонной энергіи, но пока еще слишкомъ мало принимаютъ сознательное участіе въ политической жизни страны“ [3]). Отрицая существованіе и условія для развитія у насъ буржуазной демократіи, товарищъ Троцкій имѣетъ въ виду лишь идеологовъ—демократическую интеллигенцію. „У насъ нѣтъ, говоритъ онъ, соціальной почвы (а резервуаръ потенціально революціонной энергіи въ крестьянствѣ и мѣщанствѣ?) для самостоятельной якобинской демократіи, мы это понимали всегда, сами мы являемся продуктомъ этого факта, имъ объясняется наша побѣ-

---

[1]) См. стр. 172.

[2]) См. предисловіе къ брошюрѣ Троцкаго «До девятаго января».

[3]) См. Троцкій «До девятаго января». Стр. 78.

доносная борьба съ народовольцами, народниками, с.-рами и... наше почти полное революціонное одиночество" [1]).

Итакъ, съ точки зрѣнія товарища Парвуса, „революція гонитъ идеологію либерализма до его послѣднихъ политическихъ крайностей". Но это прекратится въ первый же день послѣ побѣдоноснаго натиска, потому что у этого политическаго движенія нѣтъ классовой основы. Товарищъ Троцкій находитъ, напротивъ того, что классовая основа для появленія демократіи есть, что наша мелкая буржуазія представляетъ громадный резервуаръ потенціальной революціонной энергіи; но на этомъ базисѣ еще не выросло и не можетъ вырасти соотвѣтственной идеологической надстройки. Обѣ теоріи одинаково зиждутся на песцѣ.

На чемъ основывается увѣренность товарища Парвуса, что въ полукрѣпостной Россіи, съ ея 130 милл. населеніемъ, при 10 милл. пролетаріевъ, въ революціонную пору не можетъ развиться мелко-буржуазное демократическое движеніе?

Единственно на томъ, что Россія не пережила фазы ремесла и мануфактуры въ ея классической формѣ. Ну, а куда дѣлся огромный слой всякаго рода служащихъ, которые революціонизируются на нашихъ глазахъ, куда дѣлись десятки милліоновъ кустарей, идейное пробужденіе которыхъ отмѣчалось еще въ 80-хъ годахъ (Короленко. Павловскіе очерки), куда дѣлись десятки милліоновъ крестьянъ, опутанныхъ по рукамъ и ногамъ государственной и помѣстной кабалой? А представители либеральныхъ профессій, а разночинцы? Они, говоритъ товарищъ Парвусъ, „стоятъ внѣ производственныхъ отношеній" и потому „не могутъ имѣть своей классовой программы". Удивительное разсужденіе! Они стоятъ внѣ производственныхъ отношеній. Слѣдуетъ ли отсюда, что они не солидализируются по необходимости съ тѣми или другими классами? Развѣ зависимость отъ той или другой соціальной кліентеллы, развѣ размѣры и степень устойчивости заработка и многое другое не связываютъ соціальными узами извѣстные слои профессіональной интеллигенціи съ извѣстными общественными классами? У нихъ нѣтъ своей классовой программы; значитъ ли это, что они не становятся на точку зрѣнія общественныхъ классовъ? На недавно состоявшемся съѣздѣ учителей и учительницъ Воронежской губ. была принята слѣдующая резолюція: „мы, учителя и учительницы, находимъ, что вознагра-

[1]) См. стр. 173.

жденіе учителей въ народныхъ школахъ незначительно, что положеніе ихъ крайне тяжело; его можно улучшить лишь въ томъ случаѣ, если улучшится экономическое положеніе крестьянства, а это можетъ случиться съ измѣненіемъ всего государственнаго строя путемъ созыва учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права". Воронежскіе народные учителя поставили точку надъ і; ну, а тѣ, которые не ставятъ точку надъ і, тѣ, которые не сознаютъ, что они „говорятъ прозой", тѣ дѣйствительно прозой не говорятъ? Для товарища Парвуса огромный слой русской интеллигенціи виситъ какъ будто въ воздухѣ, лишенъ какъ будто классовыхъ корней и нитей. Говоря о нашемъ народничествѣ, онъ правильно отмѣчаетъ, что правое крыло его упирается въ земство, которое въ настоящій моментъ составляетъ опору либерализма, а въ будущей парламентарной Россіи составитъ опору аграрной партіи съ консервативными тенденціями. Но, характеризуя лѣвое крыло нашего народничества, онъ не видитъ, онъ по крайней мѣрѣ умалчиваетъ объ его классовой подкладкѣ. Онъ видитъ тамъ „смѣсь беллетристики съ политикой", „смѣсь художественнаго рефлекса жизни съ иллюзіями визіонеровъ". Это всегда признавала наша обычная марксистская критика революціоннаго народничества, но кромѣ того она отмѣчала, и въ этомъ суть дѣла, что въ народническихъ утопіяхъ отражается опредѣленная классовая иделогія—идеологія мелкой буржуазіи.

Товарищъ Троцкій признаетъ потенціальную революціонную энергію нашей мелкой буржуазіи, но отрицаетъ возможность появленія у насъ революціонной интеллигентной демократіи, ссылаясь на то, что мы сами—соціалдемократы—являемся продуктомъ этого факта.

Послѣднее вѣрно и невѣрно. Вѣрно то, что развитіе нашей революціонной интеллигенціи въ свое время уперлось въ стѣну, и что марксизмъ открылъ ей путь къ дальнѣйшему развитію; вѣрно то, что въ 90-хъ годахъ почти вся русская интеллигентная демократія шла подъ знаменемъ марксизма; но вѣрно и то, что дальнѣйшее развитіе соціалдемократическаго движенія, процессъ самоопредѣленія рабочаго класса послужилъ самъ факторомъ для пробужденія буржуазной демократіи: революціонная самокритика нашей марксистской интеллигенціи, въ связи съ ростомъ рабочаго движенія, немало содѣйствовала возникновенію

партіи „Освобожденія“, партіи с.-ровъ и продолжаетъ содѣйствовать радикализаціи буржуазнаго общества.

Вопреки новой теоріи товарищей Парвуса и Троцкаго, мы остаемся и останемся непоколебимо при своемъ старомъ убѣжденіи: въ атмосферѣ буржуазной революціи буржуазно-демократическія движенія должны усиливаться именно благодаря развитію соціалдемократіи, должны тѣмъ болѣе усиливаться, чѣмъ революціоннѣе движеніе рабочаго класса, чѣмъ оно сознательнѣе, чѣмъ оно самостоятельнѣе. Изъ всей новой теоріи вѣрно только то, что наша мелкая буржуазія не можетъ служить базой для прочныхъ консолидированныхъ политическихъ партій. Но это-то какъ разъ не ново, и въ этомъ отношеніи политическія судьбы русской мелкой буржуазіи мало чѣмъ отличаются отъ судебъ западно-европейскихъ. Такова ужъ противорѣчивая сущность всякой мелкой буржуазіи. Это, однако, не помѣшало ей въ извѣстные періоды играть революціонную роль.

Итакъ, прелюдія товарищей Парвуса и Троцкаго, увы, нисколько не предрасположила насъ въ пользу той оригинальной революціонной пьесы, которую они намъ рекомендуютъ разыграть. Она намъ не объяснила, почему мы очутимся въ революціи въ полномъ одиночествѣ.

Посмотримъ, можетъ сама пьеса насъ вразумитъ.

1-й актъ. „Подготовленіе единовременнаго выступленія пролетаріата всей Россіи“, или, другими словами, „приготовленіе перваго настоящаго натиска“, или, еще другими словами, „назначеніе всенароднаго вооруженнаго выступленія“.

Товарищи Парвусъ и Троцкій исходятъ изъ фантастическаго предположенія, что рѣшительное сраженіе самодержавію дастъ одинъ пролетаріатъ, что рабочія массы во всей Россіи уже теперь прислушиваются только къ нашимъ боевымъ лозунгамъ. Публицисты изъ „Впередъ“ исходятъ изъ другого начала, изъ „самобытной“ теоріи „темнаго царства“:—Про насъ законы не писаны! Шапками закидаемъ!

При такихъ предположеніяхъ разсчетъ крайне упрощается. Ничто не мѣшаетъ имъ поэтому вообразить себѣ, что сраженіе будетъ дано непремѣнно при назначенныхъ имъ условіяхъ: кто станетъ спорить, что было бы выгодно, если-бъ пролетаріатъ возсталъ единовременно во всей Россіи, что было бы выгодно, если-бъ мы могли заранѣе назначить это единовременное выступленіе? Что было бы выгодно, если-бъ мы могли „заказать“ выступленіе передъ

созывомъ учредительнаго собранія, чтобы обезпечить своей побѣдой свободу выборовъ? Но наши утописты и наши „самобытники", ничѣмъ не связанные въ полетѣ своей фантазіи, уже заранѣе принимаютъ желательную имъ диспозицію за непреложный фактъ. Они не видятъ реальной соціально-политической обстановки, въ которой намъ приходится подготовлять выступленіе пролетаріата, они не думаютъ о томъ тернистомъ пути, который насъ долженъ повести къ цѣли—побѣдоносному выступленію: вмѣсто того, чтобы проходить этотъ путь, преодолѣвая всѣ препятствія на немъ, они просто закрываютъ глаза на препятствія и переносятся къ цѣли на крыльяхъ фантазіи, на скатерти-самолетѣ.

Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,—
А по нимъ ходить.

Чтобы отдѣльные революціонные ручьи слились въ одинъ потокъ народнаго выступленія, чтобы это выступленіе было побѣдоносное, мы ставимъ себѣ двойную задачу: 1) Не закрывая глаза на то, что пролетаріатъ далеко не вездѣ еще находится въ состояніи революціоннаго кипѣнія и что рабочія массы далеко не вездѣ еще усвоили себѣ политическій смыслъ настоящей революціи, мы продолжаемъ утилизировать всѣ текущія событія, все, что совершается въ соціально-политической обстановкѣ, окружающей пролетаріатъ, равно какъ и стихійныя броженія въ его собственной средѣ, для развитія его революціонной активности и сознательности. На этой почвѣ мы политически объединяемъ и технически организуемъ его движеніе. 2) Мы стараемся самое революціонную дѣятельность пролетаріата использовать для привлеченія ему союзниковъ въ самыхъ различныхъ элементахъ націи.

Какъ рѣшаютъ эти задачи приверженцы новаго слова? Товарищъ Троцкій декретируетъ:

„Никакія мѣстныя демонстраціи не могутъ уже теперь имѣть серьезнаго политическаго значенія. Послѣ петербурскаго возстанія должно имѣть мѣсто только всероссійское возстаніе". Товарищъ Троцкій преодолѣваетъ препятствія тѣмъ, что зажмуриваетъ глаза. Онъ ждетъ момента всенароднаго выступленія; онъ ждетъ, а пока что?... пока онъ рисуетъ намъ художественныя картины будущихъ столкновеній народа съ войсками, распредѣляетъ роли въ этихъ будущихъ революціонныхъ эпизодахъ [1])... Тов. Троцкій,

[1]) См.: Троцкій „До девятаго января", стр. 58—59.

впрочемъ, разрѣшаетъ жизни отступленіе отъ своихъ „чертежей". Онъ соглашается, что поскольку революціонныя вспышки будутъ самопроизвольно возникать еще до всеобщаго натиска, мы должны энергично ихъ использовать. Приверженцы газеты „Впередъ"— московскіе комитетчики гораздо болѣе строги и неукоснительны: они стараются воспрепятствовать, остановить самопроизвольно возникшее стачечное движеніе, чтобы не сжигать преждевременно энергію пролетаріата въ ожиданіи единовременнаго нападенія. Ихъ не смущаютъ „недоразумѣнія", которыя на этой почвѣ возникаютъ между соціалдемократіей и рабочей массой, ихъ не смущаютъ протесты рабочей массы противъ комитета,—потому что они заранѣе уже „приписали" эту рабочую массу къ вѣдомству своего „комитета," а этого достаточно, чтобы она обязана была повиноваться. И эта тактика примѣняется въ Москвѣ, въ одномъ изъ сравнительно отсталыхъ районовъ движенія!

Такъ же легко рѣшается приверженцами новаго слова вопросъ о привлеченіи союзниковъ пролетаріатомъ. Они рѣшаютъ его легко, потому что они предрѣшили, что на революціонномъ полѣ мы будемъ одни. Мы, слѣдуя завѣту Коммунистическаго Манифеста, всегда одновременно ставимъ себѣ двойную задачу: 1) мы поддерживаемъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе въ буржуазныхъ классахъ; 2) мы ни на минуту не перестаемъ вырабатывать въ умѣ рабочихъ сознаніе противоположности интересовъ пролетаріата и интересовъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ. Наши новаторы ставятъ себѣ либо только вторую задачу, либо (въ извѣстныхъ случаяхъ) только первую. Товарищъ Троцкій въ упомянутой брошюрѣ критикуетъ оппозиціонныя движенія нашей буржуазіи до 9-го января только съ точки зрѣнія сравнительно неподвижнаго идеала послѣдовательнаго демократизма. Но вполнѣ послѣдовательными демократами при настоящихъ историческихъ условіяхъ могутъ быть только соціалдемократы. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ доказать только противоположность между нами и всѣми безъ исключенія буржуазными партіями, а это значитъ выполнить только вторую изъ задачъ, обязательныхъ для соціалдемократа. Но это недостаточно; подъ такой критикой могъ бы подписаться еще, пожалуй, и анархистъ. Для того, чтобы выполнить первую задачу—поддержать оппозиціонное движеніе буржуазіи,—мы должны ввести въ свою критику еще одинъ моментъ. Мы должны указывать не только на то, какою была, какова есть буржуазная оппозиція, но также на то, какою она

становилась, какою она становится, вопреки своей неустойчивости, подъ вліяніемъ событій, подъ вліяніемъ революціонныхъ выступленій пролетаріата. Съ послѣдней точки зрѣнія, намъ открывается возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ оказывать революціонное давленіе на тѣ или другіе элементы буржуазной оппозиціи. Съ первой же точки зрѣнія, всѣ элементы буржуазной оппозиціи сливаются въ „одну сплошную реакціонную массу,“ въ каждый данный моментъ годную только на сломъ. Учитывая только предательства буржуазной демократіи, предательства, которыя, конечно, никогда не прекратятся и не могутъ прекратиться, мы говоримъ истину, но истину въ духѣ „истинныхъ нѣмецкихъ соціалистовъ,“ такъ основательно осмѣянныхъ Марксомъ. При такомъ методѣ критики совершенно упраздняется задача, которую мы всегда себѣ ставили—расколоть оппозицію и увлечь лѣвое крыло за собою. При такомъ методѣ критики, она, вопреки нашимъ добрымъ революціоннымъ намѣреніямъ, можетъ быть массой истолкована въ смыслѣ того реакціоннаго хора, который тоже во имя „народа“ обрушивается на своекорыстную буржуазную интеллигенцію. Увѣренъ ли тов. Троцкій, что отсталыя массы не истолкуютъ на свой ладъ упрощенную формулу—долой либеральную демократію? Находитъ ли тов. Троцкій, что нѣмецкіе марксисты въ 60-хъ годахъ были неправы, когда они упрекали лассальянцевъ, что они играютъ на руку Бисмарковой демагогіи? А вѣдь у тов. Троцкаго нѣтъ и того оправданія, которое имѣли въ свое время лассальянцы: въ то время пролетаріатъ не стоялъ наканунѣ буржуазной революціи, въ то время платформа прогрессистовъ была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе демократична, чѣмъ платформа Бисмарка [1]).

Такъ же метафизически разсуждаетъ по этому вопросу и „Бюро комитетовъ большинства“. Въ революціонную эпоху, когда событія смѣняются съ головокружительной быстротой, когда сегодняшній день не похожъ на вчерашній, когда программа и рамки буржуазныхъ „партій“ то и дѣло мѣняются и перестраиваются, „Бюро“ находитъ возможнымъ классифицировать буржуазныя оппозиціонныя партіи по системѣ Линнея. Оно фиксируетъ двѣ не-

[1]) Мы отмѣчаемъ „однобокость“ брошюры тов. Троцкаго, потому что она, обставленная соотвѣтственнымъ предисловіемъ и послѣсловіемъ, является не просто критическимъ памфлетомъ, а пытается дать политическую директиву.

подвижныя категоріи: 1) земскіе конституціоналисты, 2) союзъ Освобожденія или „демократы“. Эти обѣ категоріи буржуазной интеллигенціи абсолютно ненадежны, „по существу не демократы“. Имъ „Бюро“ принципіально противопоставляетъ „сознательныхъ представителей ремесленниковъ, крестьянъ, пролетарски живущую интеллигенцію“, которую оно не называетъ буржуазной интеллигенціей, которую оно считаетъ „по существу“ демократичной, повидимому, абсолютно надежною. „Лучшіе изъ (этихъ) настоящихъ демократовъ—прибавляетъ бюро [1]),—скрываются въ оболочкѣ партіи соц.-рев.“. Такимъ образомъ, мы пришли къ давно знакомой намъ классификаціи „общества“ на буржуазную и трудовую интеллигенцію. И какъ это мы до сихъ поръ не обличили Коммунистическій Манифестъ за его нелѣпую декларацію: „Въ Германіи коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной, въ борьбѣ своей противъ... мелкаго мѣщанства“! Правда, мы не должны смѣшивать положеніе мѣщанства въ Россіи въ настоящій моментъ и нѣмецкаго мѣщанства въ 40-хъ годахъ. Германское мѣщанство было пропитано средневѣковыми цеховыми традиціями; наше мѣщанство теперь прежде всего заинтересовано въ раскрѣпощеніи Россіи. Но все же, если Марксъ былъ правъ,—а мы смѣемъ думать, что онъ былъ правъ,—мы не можемъ говорить о „сознательныхъ представителяхъ“ нашихъ ремесленниковъ и крестьянъ, какъ о „настоящихъ демократахъ“, „демократахъ по существу“. Ихъ двойственная соціальная природа въ наше время можетъ обнаружиться и въ области политической идеологіи. Къ какимъ же практическимъ выводамъ приходитъ „Бюро“ на основаніи своей линеевской классификаціи? Оно, повидимому, предполагаетъ, что въ вопросахъ чисто политическихъ мы по отношенію къ „настоящимъ демократамъ“ (изъ трудовой интеллигенціи) можемъ пренебречь второй изъ задачъ, завѣщанныхъ намъ Манифестомъ. Оно, очевидно, по отношенію къ „буржуазной интеллигенціи“ считаетъ возможнымъ пренебречь первой изъ задачъ, завѣщанныхъ намъ тѣмъ же Манифестомъ. Любопытно было бы знать, какъ „Бюро“ отнеслось бы къ бакинскимъ капиталистамъ, организовавшимъ вооруженную охрану совмѣстно съ пролетаріатомъ противъ мелкобуржуазнаго татарскаго „народа“? какъ оно отнеслось бы къ рѣшенію, принятому тремя московскими обществами представителей либеральныхъ

[1]) См. „Впередъ“ № 10. Отнош. Р. С.-Д. Р. П. къ либераламъ.

профессій насчетъ самовооруженія народа за счетъ городскихъ думъ?

Оно, вѣроятно, вначалѣ совершенно игнорировало бы ихъ, какъ категорію „буржуазной интеллигенціи“. Когда же ему стало бы извѣстно, что они стоятъ за вооруженіе народа, оно перевело бы ихъ въ категорію „трудовой интеллигенціи“, „демократовъ по существу“. Вѣдь говорилъ уже Войновъ на публичномъ собраніи, что всякій, кто согласенъ дать ружье народу, нашъ союзникъ.

Бюро, правда, и по отношенію къ „буржуазной интеллигенціи“ вспомнило про нашу обязанность „поддерживать всякое оппозиціонное движеніе“. Но изображаетъ оно эту поддержку въ прямо каррикатурной формѣ: мы будемъ протестовать противъ насилія надъ либераломъ (!), если оно случится, мы укроемъ бѣгущаго „демократа“, мы не выбросимъ номера Освобожденія, а, по минованія въ немъ надобности, передадимъ его либералу или обывателю! Но вѣдь это не правила политической тактики, скажетъ иной скептикъ, вѣдь это правило тактичности или даже простой элементарной порядочности!

Но „Бюро большинства“ и не задумывается надъ нашими политическими задачами по отношенію къ оппозиціоннымъ движеніямъ либеральной демократіи: „Нашимъ лозунгомъ“, говоритъ оно, „должна быть охрана классовой чистоты рабочаго движенія“. И почему, спрашивается, нѣкіе „ортодоксальные марксисты“ въ свое время такъ обрушились на „экономистовъ“ за то, что они „изолируютъ“ пролетаріатъ въ интересахъ „чисто рабочаго движенія“?!

Резюмируя содержаніе перваго акта предлагаемой намъ революціонной пьесы, мы можемъ сказать: авторы ея поставили себѣ опредѣленную цѣль, которую всѣ они могли бы формулировать словами: „выполненіе этой черной работы революціи, организація выступленія, становится въ данный моментъ нашей высшей политической обязанностью“. И вотъ, ради достиженія этой цѣли, намъ рекомендуютъ такую упрощенную, неподвижную тактику, которая, во 1-хъ, не привлечетъ къ нашему дѣлу широкихъ слоевъ пролетаріата, которая, въ 2-хъ, оттолкнетъ отъ него многихъ возможныхъ союзниковъ, которая, словомъ, приведетъ выступленіе къ фіаско, къ пораженію. Если-бъ это случилось, мы бы до второго акта вовсе не дошли. Но вѣдь изъ того, что пролетаріату рекомендуютъ „новую методу“, еще не слѣдуетъ, что онъ ее

одобрить. А потому мы приглашаемъ читателя познакомиться и со вторымъ актомъ революціонной пьесы.

2-ой актъ. Побѣдоносное выступленіе кончено,—наступаетъ второй актъ буржуазной революціи, когда соціалдемократія „возносится къ власти, когда она выступаетъ на сцену въ новой роли — государственнаго строителя освобожденнаго буржуазнаго общества. Намъ предлагаются двѣ версіи этого второго акта.

Товарищъ Т. пишетъ: „Революціонное развитіе влечетъ пролетаріатъ, а съ нимъ—нашу партію, къ временному политическому господству“; эквилибристы изъ „Впередъ“ провозглашаютъ смѣло „демократическую диктатуру пролетаріата и крестьянства“.

Авторы нашей пьесы считаютъ участіе соціалдемократіи во временномъ правительствѣ неизбѣжнымъ, поскольку она не захочетъ угашать свой революціонный духъ. Это должна была доказать „прелюдія“ въ пьесѣ; но она, какъ мы видѣли, ничего не доказала. Посмотримъ, не находитъ ли оправданія пропаганда идей соціалдемократическаго временного правленія въ соблазнительности этой перспективы.

Для какой цѣли намъ рекомендуютъ временное участіе въ правительствѣ? „Реорганизація бюрократическаго полицейскаго и военнаго аппарата, изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ, замѣна ихъ друзьями народа (!), вооруженіе народа на государственный счетъ—вотъ мѣры, которыя прежде всего должны быть проведены временнымъ правительствомъ“, пишетъ тов. Т., а его единомышленникъ, въ частномъ письмѣ, къ этимъ мѣрамъ еще прибавляетъ введеніе восьмичасового рабочаго дня. Газета „Впередъ“ выражается менѣе опредѣленно, но болѣе торжественно: „Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капиталисты: пролетаріатъ выступаетъ, чтобы построить вамъ вашу буржуазную республику (какая любезность!) и онъ построитъ ее такъ, чтобы наилегче было перестроить ее на соціалистическихъ началахъ, когда придетъ желанный часъ“.

Товарищъ Т., конечно, не такъ любезенъ по отношенію къ буржуазіи, какъ газета „Впередъ“; онъ не ставитъ себѣ цѣлью строить для нея ея республику. Онъ обязуется провести во временномъ правительствѣ только нѣкоторыя революціонныя мѣры въ интересахъ пролетаріата и всей демократіи. Рекомендуемыя имъ мѣры хороши; онѣ необходимы для торжества революціи. Но въ услоіяхъ буржуазной революціи намъ легче ихъ провести, именно не связывая себѣ рукъ правительственной властью.

не связывая себя оффиціальной отвѣтственностью передъ буржуазнымъ обществомъ въ цѣломъ, намъ легче ихъ провести, именно оставаясь въ оппозиціи, оказывая революціонное давленіе извнѣ на правительство. Послѣ возстанія 10-го августа 1792 года, парижская коммуна по своему почину устроила „Комитетъ общественнаго спасенія", по своему почину вооружала народъ и очищала администрацію отъ „подозрительныхъ" элементовъ, „отъ враговъ народа". Она принимала эти революціонныя мѣры не потому, что получила на то законныя полномочія, не потому, что была облечена соотвѣтственной властью (у власти была Жиронда), а потому, что она была фактическая сила, потому что она участвовала въ побѣдоносномъ возстаніи. Это право—право побѣдоносной революціи—сохранитъ за собой и нашъ пролетаріатъ послѣ удачнаго выступленія, но только въ томъ случаѣ, если онъ останется фактической силой, если не дезорганизуется его самостоятельная классовая партія, если она не растворится въ революціонной демократіи.

Наше участіе въ временномъ правительствѣ не облегчило бы проведенія революціонныхъ мѣръ; за то оно навязало бы намъ проведеніе такихъ мѣръ, которыя ничего общаго не имѣютъ съ революціей. Вотъ этого-то не видитъ т. Т., это-то игнорируютъ публицисты „Впередъ". Когда они говорятъ о временномъ правительствѣ, имъ угодно видѣть только его революціонныя задачи по отношенію къ ликвидируемому „старому режиму", имъ не угодно видѣть его консервативныхъ задачъ въ дѣлѣ охраненія буржуазнаго общества отъ „опасныхъ" послѣдствій его классовыхъ противорѣчій. Они закрываютъ глаза на антагонистическій характеръ буржуазной революціи. Они этого антагонизма „временно" не мыслятъ и отсюда заключаютъ, что онъ „временно" перестанетъ существовать, чтобы облегчить имъ ихъ задачу. Міръ есть моя воля и мое представленіе!

„Соціалдемократическое временное правительство не можетъ совершить въ Россіи соціалистическій переворотъ", говоритъ тов. Парвусъ, „но уже самый процессъ ликвидаціи самодержавія и установленіе демократической республики даетъ ему благодарную почву политической работы".

Работы несомнѣнно будетъ много, но вся ли она будетъ благодарная? Станутъ ли утверждать товарищи Парвусъ и Троцкій, что въ періодъ временной диктатуры исчезнетъ классовый антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ, въ

частности, между пролетаріатомъ и революціонной мелкой буржуазіей? Станутъ ли они отрицать, что чувствительность пролетаріата ко всякаго рода эксплуатаціи, ко всякаго рода униженіямъ удвоится, удесятерится, когда пролетаріатъ будетъ чувствовать себя побѣдителемъ?

Какъ же соціалдемократическое временное правительство будетъ реагировать на это неизбѣжное въ революціонную эпоху обостреніе антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ? Какъ же оно примиритъ свой старый партійный долгъ—стоять во главѣ всякого классоваго движенія пролетаріата—со своимъ новымъ обязательствомъ—„строить для буржуазіи ея республику", а стало быть и „охранять" эту буржуазную республику отъ грозныхъ волненій рабочей массы?

Мы изгонимъ изъ администраціи всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ и замѣнимъ ихъ друзьями народа,—говорите вы.

Будутъ ли эти „друзья народа", которыми вы замѣните старыхъ чиновниковъ, охранять интересы крупныхъ или хотя бы мелко буржуазныхъ кредиторовъ противъ должнитиковъ - пролетаріевъ, будутъ ли „друзья народа", которыми вы замѣните старую полицію, арестовывать и предавать „правосудію" пролетаріевъ, посягнувшихъ въ той или другой формѣ на „священную собственность" буржуазіи? будутъ ли „друзья народа", засѣдающіе въ „новыхъ судахъ", судить этихъ „преступниковъ" на основаніи буржуазно-гражданскаго и уголовнаго права? будутъ ли „друзья народа" изъ рядовъ вашей реорганизованной арміи усмирять толпы безработныхъ, учиняющихъ „безпорядки", будутъ ли „друзья народа", которыми вы замѣните прежнихъ тюремщиковъ, лѣсныхъ стражниковъ, городовыхъ и пр. выполнять свои „охранительныя" функціи? Возьметъ ли на себя революціонное Временное Правительство отвѣтственность за дѣянія этихъ „друзей народа", надъ которыми оно будетъ имѣть верховный контроль даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они выбраны народомъ? Конечно, да; иначе Временное Правительство не исполнитъ своихъ обязательствъ по отношенію къ буржуазной республикѣ, которую оно строитъ, иначе оно съ перваго же дня будетъ объявлено врагомъ буржуазной республики.

Я полагаю, что если-бъ тов. Т. опустился изъ „эмпирей, въ которыхъ витаютъ чистые духи", въ реальную обстановку буржуазнаго правительства, хотя бы временнаго, революціоннаго, оно потеряло бы для него соблазнительность.

Мы не скажемъ того же о публицистахъ газ. „Впередъ": они

представляютъ себѣ положеніе временного правительства сравнительно болѣе реально, но это положеніе ихъ не смущаетъ, потому что они несравненны въ своей развязности оппортунистовъ. Вр. правительство, говорятъ они, будетъ осуществленіемъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства". Что это значитъ? Диктатура предполагаетъ абсолютное единство—единую волю. Въ разсматриваемой комбинаціи единство можетъ быть достигнуто, либо если крестьянство станетъ на точку зрѣнія пролетаріата, т. е. на точку зрѣнія соціализма, либо, если пролетаріатъ станетъ на точку зрѣнія крестьянства, т. е. мелкой буржуазіи. Публицисты „Впередъ" категорически исключаютъ первую возможность.

Но если такъ, то, по ихъ мнѣнію, мы въ интересахъ революціи должны временно стать на точку зрѣнія мелкой буржуазіи. Почему же они путаются и путаютъ другихъ, почему же они говорятъ, „что и во время борьбы за ея (программы минимумъ) осуществленіе и по окончаніи ея мы должны организовать свои силы для дальнѣйшей борьбы подъ флагомъ минимума нашей программы" („Впередъ" № 12)? Потому что въ ихъ устахъ эти слова не имѣютъ реальной цѣны, потому что для нихъ „организовать значитъ написать уставъ". Эти „вожди" пролетаріата не смущаются перспективой республиканскаго блока, потому что они „отгородили себя и программой, и тактикой, и организаціей отъ революціонной демократіи" (см. „Впередъ" № 13). Но въ періодъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства", въ періодъ „блока" перегородка въ тактикѣ и организаціи между революціонной буржуазной демократіей и соціалдемократіей разрушится, потому что у нихъ тогда будетъ одна единая воля.

Что же у нихъ останется для „охраны классовой самостоятельности пролетаріата"? Останется „программа", останется „писаная конституція", находящаяся въ полномъ противорѣчіи съ „дѣйствительной конституціей", останется, словомъ, листъ печатной бумаги, хранящійся въ архивѣ департамента внутреннихъ дѣлъ Временнаго Правительства.

И мы, и газ. „Впередъ" одинаково признаемъ, что теперь у насъ возможна только буржуазно-демократическая революція. И мы, и газ. „Впередъ" одинаково признаемъ, что непосредственной причиной ограниченности нашей революціи служитъ тотъ фактъ, что масса націи стоитъ у насъ на точкѣ зрѣнія мелкой буржуазіи. Но изъ этой посылки мы дѣлаемъ для себя прямо

противоположные выводы. Мы стремимся остаться въ положеніи революціонной оппозиціи, чтобы сохранить практическую возможность критиковать ограниченность мелкой буржуазіи, очутившейся у власти. Публицисты „Впередъ“ стремятся раздѣлить власть съ мелкой буржуазіей, сохраняя возможность критиковать пролетаріатъ, буде онъ увлечется иллюзіями. „Мы, говорятъ они, отвергнемъ, какъ утопію, какъ безсознательную провокацію, всякую попытку навязать пролетаріату невыполнимую при настоящихъ соціально-экономическихъ условіяхъ задачу немедленнаго осуществленія максимальной программы, т. е. немедленнаго созданія соціалистическаго строя“. Мы позволимъ себѣ нѣсколько болѣе развить эту перспективу. Какъ мы неоднократно указывали, условія революціонной диктатуры чрезвычайно благопріятны для возникновенія всевозможныхъ соціальныхъ утопій. У нашихъ „диктаторовъ“ не будетъ никакой физической можности опредѣлять, гдѣ тутъ кончается наивная иллюзія, гдѣ начинается „безсознательная провокація“ или даже сознательная. Вотъ, напримѣръ, Эд. Бернштейнъ склоненъ былъ почти во всей революціонной агитаціи, предшествовавшей іюньскимъ днямъ въ Парижѣ, усматривать „безсознательную провокацію“ (см. прим. Бернштейна къ исторіи Эритье). Наши „диктаторы“ хотя во многомъ съ Бернштейномъ не сходятся, но въ мнительности они навѣрно его перещеголяютъ. Какъ же они поступятъ, если ихъ словесные аргументы не въ силахъ будутъ остановить распространенія „безсознательной провокаціи“, угрожающей республикѣ? Не прибѣгнутъ ли они къ тѣмъ „убѣдительнымъ“ аргументамъ власти, къ которымъ прибѣгло министерство „соціалиста“ Мильерана при усмиреніи рабочихъ Шалона и Мартиники?.. Вѣдь Мильеранъ тоже хотѣлъ только „спасти республику“, вѣдь онъ тоже „отгородился“ отъ своихъ буржуазныхъ коллегъ соціалистической „программой“?..

„Самымъ худшимъ изъ всего, что можетъ предстоять вождю крайней партіи, является вынужденная необходимость обладать властью въ то время, когда движеніе еще недостаточно созрѣло для господства представляемаго имъ класса... онъ вынужденъ будетъ (NB!.. Онъ будетъ **вынужденъ** противъ своей воли) отстаивать не свою собственную партію, не свой собственный классъ, а тотъ классъ, для господства котораго уже созрѣло движеніе. Онъ долженъ будетъ (NB **долженъ** будетъ независимо отъ его воли) въ интересахъ именно этого движенія (NB,

у насъ, въ интересахъ буржуазной республики) отстаивать интересъ чуждаго ему класса (NB, у насъ—мелкой буржуазіи) и отдѣлываться отъ своего класса фразами (NB! фельетонами „Впередъ"), обѣщаніями и увѣреніями въ томъ, что интересы другого класса являются его собственными. Кто разъ попалъ въ это ложное положеніе, тотъ погибъ безвозвратно".

Такъ писалъ Энгельсъ, и когда мы на эти слова указываемъ публицистамъ газ. „Впередъ", эти будущіе „диктаторы" уже теперь, заблаговременно, изъ одного только Wille zur Macht, начинаютъ какъ бы въ подтвержденіе Энгельса лгать и путать [1]).

Они насъ обвиняютъ въ томъ, что мы „боимся" власти. Нѣтъ, мы не боимся „власти", мы только имѣемъ мужество называть вещи своимъ именемъ. Мы говоримъ, если-бъ вы очутились у власти при данныхъ условіяхъ, вы бы окончательно превратились изъ соціалдемократовъ въ буржуазныхъ якобинцевъ и тогда, въ отвѣтъ на вопросы тов. Т., гдѣ у насъ якобинская буржуазная демократія, намъ было бы достаточно указать на васъ пальцемъ.

3-ій актъ. Созывъ Учредительнаго Собранія. Какъ представляютъ себѣ впередовцы финалъ пьесы, мы не знаемъ. Они намъ не говорятъ, какъ они по распущеніи Временнаго Правительства станутъ выпутываться изъ того мелкобуржазнаго блока, въ которомъ они запутались, какъ они начнутъ размежевываться съ тѣми, съ которыми они только что вмѣстѣ княжили, судили и рядили; они намъ не говорятъ, чѣмъ они будутъ руководиться при этомъ размежеваніи, какъ они будутъ рвать новыя связи, скрѣпленныя „кровью и желѣзомъ" эпохи диктатуры, какъ они будутъ возстановлять старыя растерянныя соціалдемократическія связи на основаніи поблекшихъ воспоминаній о томъ времени, когда они вмѣстѣ съ другими товарищами въ революціонномъ подпольѣ критиковали и „обличали" идеологовъ мелкой буржуазіи; они намъ не говорятъ, какъ они возстановятъ добрую дружбу съ пролетаріатомъ, съ которымъ у нихъ накопилось за время мелко-буржуазной диктатуры немало „недоразумѣній", который они, навѣрно, не разъ судили за „безсознательную провокацію", который ихъ, навѣрно, не разъ упрекалъ за измѣну соціалистическимъ принципамъ, за неисполненныя обѣщанія, за

[1]) О достопримѣчательномъ фельетонѣ въ № 13 „Впередъ" у насъ будетъ съ этими публицистами особый разговоръ.

преступные компромиссы и пр., и пр. Они объ этомъ не говорятъ и совершенно основательно: этимъ-то вѣроятнѣе всего и не придется выпутываться изъ блока—вкусивъ сладкаго, не захочешь горькаго...

Но какъ представляетъ себѣ финалъ пьесы тов. Т.? Онъ, само собой разумѣется, не предлагаетъ намъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства;“ онъ, само собой разумѣется, не допускаетъ возможности блока между соціалдемократіей и революціонной буржуазной демократіей—тѣмъ болѣе, что онъ отрицаетъ существованіе послѣдней. Дѣйствительность, конечно, не мѣняется оттого, что тов. Т. составилъ себѣ объ ней фантастическое представленіе, и Временное Правительство въ буржуазной революціи, конечно, не перестаетъ быть буржуазнымъ оттого, что по предложенію тов. Т. въ немъ засѣдаютъ только добрые соціалдемократы, закрывшіе глаза на непріятные для него пункты правительственной программы. Эту программу придется Временному Правительству всетаки осуществить полностью. Но во всякомъ случаѣ субъективныя представленія тов. Т. и впередовцевъ о финалѣ пьесы должны сильно отличаться другъ отъ друга. Впередовцы признаютъ огромную революціонную роль въ ближайшемъ будущемъ нашей мелкой буржуазіи. Тов. Т. утверждаетъ, что „кромѣ насъ на революціонномъ полѣ никого нѣтъ.“ Если такъ, если подъ нашей революціей нѣтъ широкой національной базы, то естественно ожидать, что Учредительное Собраніе, выражающее волю націи, сдѣлаетъ значительный шагъ назадъ по сравненію съ Временнымъ Правительствомъ, выдвинутымъ однимъ пролетаріатомъ. Съ этой точки зрѣнія намъ пишетъ въ письмѣ единомышленникъ тов. Т. насчетъ финала революціонной пьесы: Послѣ этого, пишетъ онъ, мы „падаемъ съ честью,“ созвавши Учредительны Собраніе и предоставивши этому „легальному“ Собранію отмѣнять норму восьми-часового рабочаго дня, которую мы ввели революціоннымъ способомъ.

Tant de bruit pour une omelette! Столько шуму изъ за пустяковъ! Насъ заставили продѣлать цѣлую одиссею, полную авантюръ и приключеній, и когда мы, наконецъ, достигли власти, какъ партія пролетаріата, благодаря возстанію, сдѣланному пролетаріатомъ, намъ предлагаютъ, выполнивши „черную работу“ революціи, благородно отретироваться, добровольно уступивши власть завѣдомо менѣе прогрессивнымъ общественнымъ силамъ... Признаемся,

что мы на такое великодушіе и на такую скромность совершенно не способны.

Въ отличіе отъ сочинителей „новой методы," мы не стремимся къ власти, неспособной обезпечить господства представляемаго нами класса—пролетаріата. Въ отличіе отъ сочинителей „новой методы" мы не только идемъ съ пролетаріатомъ впереди революціи, но стремимся толкнуть на этотъ путь самые разнообразные элементы націи, для того, чтобы пролетаріатъ не остался одинокимъ въ тяжелой борьбѣ, для того, чтобы соціалдемократіи, послѣ перваго побѣдоноснаго выступленія, не пришлось взвалить на себя отвѣтственность за ограниченность буржуазной революціи, въ которой повинна буржуазность огромнаго большинства націи. Но, если-бъ, независимо отъ нашей воли, внутренняя діалектика революціи, въ концѣ концовъ, всетаки вынесла бы насъ къ власти, когда національныя условія для осуществленія соціализма еще не назрѣли, мы бы не стали пятиться назадъ. Мы бы постановили себѣ цѣлью разбить тѣсныя національныя рамки революціи и толкнуть на путь революціи Западъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ Франція толкнула на этотъ путь Востокъ.

Партія, которая стремится къ диктатурѣ пролетаріата, не имѣетъ права соблазняться мишурой власти, которая сулитъ лишь порвать ея связь съ пролетаріатомъ, и не имѣетъ права уклоняться отъ выполненія полностью своихъ соціалистическихъ обязательствъ, разъ она очутилась у власти. Либо мильеранизмъ, либо марксизмъ!

Мартыновъ.

Какъ Ленинъ углубилъ Энгельса.

(13-го іюля 1905 г. № 108).

Въ высшей степени характерно, что тѣ члены соц.-дем. партіи, которые группировались около газеты „Впередъ" и въ теченіе двухъ лѣтъ занимались возстановленіемъ пресловутаго § 1 устава во всей его ленинской чистотѣ, на своемъ съѣздѣ совершенно позабыли о профессіональныхъ союзахъ, т. е. о наиболѣе

цѣлесообразной организаціи рабочихъ массъ. § 1, долженствовавшій „дать стимулъ организоваться“, былъ благополучно водруженъ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, но о самихъ организаціяхъ позабыли...

Прошло немного времени, среди русскихъ рабочихъ обнаружилось сильное совершенно стихійное стремленіе къ образованію профессіональныхъ союзовъ, и тогда въ № 8 „Пролетарія“ рабочимъ было дано благословеніе на ихъ новое начинаніе. Невольно пришло намъ тогда въ голову, что кое-кто назвалъ бы такой образъ дѣйствій „хвостизмомъ.“ Но, прочитавши въ № 9 того же „Пролетарія“ статью „Революція учитъ,“ въ которой указывается, что соціалдемократія, т. е. Ленинъ (а кому неизвѣстно, что Ленинъ и соціалдемократія едино суть, тому предлагается прочитать брошюры: „Задачи русскихъ соціалдемократовъ,“ „Что дѣлать“ и газету „Впередъ“) въ своихъ взглядахъ на возстаніе прошла три ступени, мы поняли, что и въ вопросѣ о профессіональныхъ союзахъ взгляды впередовцевъ проходятъ опредѣленныя ступени („стадіи,“ сказали бы наши покойные экономисты). Ступень первая—время „3-го съѣзда“ и полное молчаніе о профессіональныхъ союзахъ; вторая ступень—№ 8 „Пролетарія“ и извѣстное уже намъ благословеніе; третья ступень... Впрочемъ, въ виду нѣкоторыхъ хронологическихъ совпаденій, мы не рѣшаемся утверждать, что мы имѣемъ передъ собою дѣйствительное наступленіе третьей ступени; возможно, что въ интересующемъ насъ случаѣ „десница“ не вѣдала, что творитъ „шуйца.“

Какъ бы то ни было, но въ брошюрѣ „Двѣ тактики соціалдемократіи въ соціалдемократической революціи“ Ленинъ беретъ обратно благословеніе, данное восьмымъ номеромъ „Пролетарія.“ Для вящшаго посрамленія меньшевиковъ онъ съ большимъ сочувствіемъ цитируетъ слѣдующій отзывъ Энгельса о Стефанѣ Борнѣ: „Наборщикъ Стефанъ Борнъ, бывшій дѣятельнымъ членомъ Союза въ Брюсселѣ и Парижѣ, основалъ въ Берлинѣ „рабочее братство“ „(Arbeiter verbrüderung“), которое получило значительное распространеніе и продержалось до 1850 года. Борнъ, талантливый молодой человѣкъ, слишкомъ поспѣшилъ однако съ выступленіемъ въ качествѣ политическаго дѣятеля. Онъ „братался“ съ самымъ разношерстнымъ сбродомъ (Krethi und Pletsi), лишь бы собрать вокругъ себя толпу. Онъ былъ вовсе не изъ тѣхъ людей, которые способны внести единство въ противорѣчивыя стремленія, внести порядокъ въ хаосъ. Въ оффиціальныхъ публикаціяхъ его

братства постоянно попадается поэтому путаница и смѣшеніе взглядовъ Коммунистическаго Манифеста съ цеховыми воспоминаніями и пожеланіями, съ обрывками Луи-Блана и Прудона, съ защитой протекціонизма и т. д.; однимъ словомъ, эти люди хотѣли всѣмъ угодить (Allen alles sein). Въ особенности занимались они устройствомъ стачекъ, профессіональныхъ союзовъ, производительныхъ товариществъ, забывая, что задача состояла прежде всего въ томъ, чтобы посредствомъ побѣды завоевать себѣ сначала такое поприще [1]), на которомъ только и могли прочно, надежно осуществиться такія вещи. И вотъ, когда побѣды реакціи заставили вожаковъ этого братства почувствовать необходимость прямого участія въ революціонной борьбѣ,—тогда, само собою разумѣется, неразвитая мысль, группировавшаяся вокругъ нихъ, покинула ихъ. Борнъ принялъ участіе въ Дрезденскомъ возстаніи въ маѣ 1849 года и спасся по счастливому случаю. Рабочее же братство удержалось въ сторонѣ отъ великаго политическаго движенія пролетаріата, какъ обособленный союзъ, существовавшій большею частью на бумагѣ и игравшій до того второстепенную роль, что реакція нашла нужнымъ закрыть его лишь въ 1850 году, а его филіальныя отдѣленія лишь много лѣтъ спустя. Борнъ, которому надо бы собственно называться Buttermilch (кислое молоко), такъ и не сдѣлался политическимъ дѣятелемъ"...

Подчернувши въ этой тирадѣ опредѣленное мѣсто, Ленинъ вполнѣ ясно далъ понять, какой выводъ онъ намѣренъ отсюда сдѣлать. Именно у насъ, въ Россіи,—долженъ гласить этотъ выводъ,—необходимо прежде всего посредствомъ политической побѣды завоевать себѣ поприще, на которомъ могутъ прочно осуществиться такія вещи, какъ стачки, профессіональные союзы и т. д. Заниматься теперь устройствомъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ значитъ забывать о необходимости такого завоеванія. А кто у насъ занимается устройствомъ всѣхъ этихъ вещей? Меньшевики. Что въ дѣятельности меньшевиковъ устройство стачекъ, профессіональныхъ союзовъ занимаетъ не единственное мѣсто и что о завоеваніи „поприща" они не забываютъ, это Ленинъ отлично знаетъ; но такъ какъ онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, оглушить своего читателя, то онъ торопится подсказать ему выводъ: слѣдовательно, меньшевики представляютъ изъ себя совре-

[1]) Курсивъ Ленина.

менныхъ Борновъ и съ ними должны случиться всѣ тѣ скверныя вещи, которыя приключились съ Борномъ, включая сюда и то, что какой-нибудь будущій Ленинъ обругаетъ ихъ „кислымъ молокомъ“.

Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Прежде всего, кислое молоко оказывается плодомъ... ну, скажемъ, нѣсколько вольной фантазіи переводчика. Энгельсъ пишетъ: „Born, der eigentlich Buttermilch heisst“..., что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „Борнъ, настоящее имя котораго Буттермильхъ...“ Ленинъ же переводитъ: „Борнъ, которому надо бы, собственно, называться кислымъ молокомъ“... Надо бы! Очевидно, для посрамленія меньшевиковъ. Какъ было бы хорошо, если бы Энгельсъ дѣйствительно написалъ такъ, какъ ему подсказалъ Ленинъ! Къ сожалѣнію, Энгельсъ зналъ то, чего не зналъ углубившій его Ленинъ,—что „Стефанъ Борнъ“ былъ литературный и революціонный псевдонимъ, а Буттермилхъ—настоящая фамилія. Но Энгельсъ зналъ еще и многое другое, а потому надежда опереться на него, какъ на представителя правовѣрной твердокаменности, оказывается совершенно тщетной. Энгельсъ не одобрялъ организаціи созданной Берномъ за то, что она устраивала стачки и профессіональные союзы, прежде чѣмъ политическія завоеванія были окончательно закрѣплены. А такъ какъ и наши меньшивики занимаются устройствомъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ, прежде чѣмъ и т. д., то значитъ Энгельсъ не одобрялъ бы ихъ и, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ основателей научнаго соціализма оказывается сторонникомъ тактики впередовцевъ.

Ну, а другой основатель научнаго соціализма? Что думалъ Марксъ о занимающемъ насъ тутъ вопросѣ? Открываемъ его „Нищету философіи“, написанную зимою 1846—47 г., и на стр. 143 русскаго перевода читаемъ: „Чѣмъ сильнѣе развивается промышленность, тѣмъ болѣе является элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ коалиціи; а когда коалиціи становятся экономическимъ фактомъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающимъ все большую устойчивость, то онѣ по необходимости становятся въ скоромъ времени фактомъ законнымъ“.

„Поэтому, соотвѣтствующая статья уголовнаго кодекса доказываетъ только, что во время Учредительнаго Собранія и при Имперіи крупная промышленность и конкурренція не были еще достаточно развиты“.

И далѣе, на стр. 145: „Первыя попытки рабочихъ къ соединенію между собою всегда принимаютъ форму коалицій".

„Крупная промышленность скопляетъ въ одномъ мѣстѣ массу неизвѣстныхъ другъ другу людей; конкурренція разъединяетъ ихъ интересы. Но охрана заработной платы отъ паденія,—этотъ, общій имъ всѣмъ и противоположный хозяйскому, интересъ соединяетъ рабочихъ на одной и той же мысли сопротивленія: коалиціи. Такимъ образомъ, коалиція всегда имѣетъ двойную цѣль: прекратить конкурренцію между рабочими, чтобы быть въ состояніи общими силами конкуррировать съ капиталистомъ. Если первой цѣлью сопротивленія являлось лишь поддержаніе заработной платы, то потомъ, по мѣрѣ объединенія самихъ капиталистовъ на идеѣ обузданія рабочихъ, отдѣльныя коалиціи этихъ послѣднихъ формируются въ группы, и, въ виду всего объединеннаго капитала, сохраненіе союза становится для нихъ необходимѣе самой охраны заработной платы отъ паденія. До какой степени это вѣрно, показываетъ тотъ фактъ, что рабочіе, къ крайнему удивленію экономистовъ, жертвуютъ значительной частью своей заработной платы въ пользу союзовъ, основанныхъ, по мнѣнію этихъ экономистовъ, лишь ради заработной платы. Въ этой войнѣ,—настоящей междуусобной войнѣ—соединяются и развиваются всѣ необходимые элементы будущихъ битвъ. Дойдя до этой ступени, коалиція принимаетъ политическій характеръ".

Итакъ, Марксъ думалъ, что 1) коалиціи (профессіональные союзы и стачки тожъ) суть столь же естественное проявленіе крупной промышленности, какъ, скажемъ, кризисы и безработица; 2) коалиціи въ своемъ развитіи разбиваютъ тѣ юридическія нормы, которыя должны препятствовать „самому ихъ существованію, и 3) слѣдовательно, не противополагаются политической борьбѣ, а являются однимъ изъ ея элементовъ. Рѣшительно то же самое утверждаетъ вызвавшая ленинскій гнѣвъ резолюція первой общерусской конференціи о профессіональныхъ союзахъ. Марксъ, слѣдовательно, подтверждаетъ тактику меньшинства. Остается Энгельсъ. Неужели между нимъ и Марксомъ существовало крупное разногласіе по этому вопросу? Если бы это было такъ, то оно было бы гдѣ-нибудь высказано Энгельсомъ. Но не только ничего подобнаго нѣтъ, но извѣстно, что второе нѣмецкое изданіе „Нищеты философіи" вышло съ предисловіемъ и примѣчаніями Энгельса, писанными около того же времени, когда были писаны вышеприведенныя строки о Стефанѣ Борнѣ. И Энгельсъ ни однимъ словомъ не

обмолвился о своемъ несогласіи съ Марксомъ. Не странно ли это?

Намъ кажется, что Ленинъ не такъ бы торопился опираться на Энгельса, если бы вспомнилъ то, что онъ же, Ленинъ, писалъ парой страницъ раньше объ экономической отсталости Германіи. Если при крупной промышленности коалиціи играютъ громадную революціонную роль, то при господствѣ мелкаго производства ихъ роль сводится къ бурѣ въ стаканѣ воды, а, само собою разумѣется, что такого рода дѣятельность въ революціонную эпоху не могла встрѣтить симпатій ни у Маркса, ни у Энгельса. Пусть Ленинъ скажетъ, что такую же роль стачки играютъ и въ современной Россіи, и тогда у насъ пойдетъ разговоръ другого рода. Не споримъ, диктатура пролетаріата и крестьянства, какъ она мерещится Ленину, скорѣе осуществима,—если она вообще осуществима,—при тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, какія господствовали въ Германіи 48 года, но это не даетъ права ему, Ленину, выкидывать за бортъ экономическія основы современной Россіи и роль пролетаріата въ современномъ революціонномъ движеніи.

Замѣтимъ, впрочемъ, что даже по отношенію къ тогдашней Германіи Мерингъ находитъ сужденіе Энгельса о дѣятельности Борна не совсѣмъ правильнымъ. Ленинъ умудряется соглашаться и съ Мерингомъ, и съ Энгельсомъ, прибавивъ только, что „Мерингъ выражается черезчуръ мягко и уклончиво“. Вотъ уже качества, въ которыхъ никто до сихъ поръ не заподозрилъ Меринга! И въ чемъ заключается мягкость и уклончивость Меринга, Ленинъ такъ и не объяснилъ. Кромѣ приводимаго Ленинымъ (на стр. 106 его брошюры) мнѣнія Меринга о Борнѣ, тотъ же Мерингъ высказался объ этомъ же предметѣ въ своей „Исторіи нѣмецкой соціалдемократіи“, и вотъ что мы тамъ читаемъ: „Поскольку можно, на основаніи источниковъ, судить о рабочемъ движеніи 1848 года, въ германскихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, то, за исключеніемъ Рейнской провинціи и отчасти Вестфаліи, оно могло только вращаться въ кругѣ идей тогдашней французской соціалдемократіи и не идти дальше такихъ вопросовъ, какъ организація труда, права на трудъ, министерство труда. Стадія безцѣльныхъ голодныхъ бунтовъ была далеко позади, хотя кое-гдѣ еще приходилось наблюдать разрушеніе машинъ. Утопическій цеховой коммунизмъ (Handwerker kommunismus) въ главныхъ чертахъ тоже былъ уже превзойденъ; Вейтлингъ, явившійся въ Бер-

линъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, не смогъ найти никакой почвы среди тамошнихъ рабочихъ и принужденъ былъ, выпустивъ только нѣсколько номеровъ, закрыть основанную имъ газету Urwähler, вслѣдствіе отсутствія читателей. Но тогдашнее рабочее движеніе еще не созрѣло для точки зрѣнія Коммунистическаго Манифеста, который можетъ стать знаменемъ массового движенія только тогда, когда крупная промышленность является типичной формой производства въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ тогдашней восточной Германіи. Если Борнъ хотѣлъ дать рабочимъ классовую организацію, то онъ долженъ былъ считаться съ тѣмъ кругомъ идей, въ которомъ пока только и могли вращаться эти рабочіе, и онъ употребилъ немало энергіи, чтобы ихъ вывести за предѣлы этого горизонта". Это мѣсто можетъ очень не нравиться Ленину, онъ можетъ даже обругать Меринга по этому поводу Buttermilch (что, кстати, въ переводѣ на русскій языкъ значитъ сыворотка, а не кислое молоко), но уклончивости тутъ и слѣда нѣтъ.

Въ той же „Нищетѣ философіи" Марксъ между прочимъ говоритъ: „Когда приходится дать себѣ ясный отчетъ относительно стачекъ, коалицій и другихъ формъ, подъ которыми пролетаріатъ совершаетъ на нашихъ глазахъ свою классовую организацію, то однихъ охватываетъ самый реальный страхъ, другіе выказываютъ „трансцендентальное презрѣніе". Трансцендетальное презрѣніе къ коалиціямъ обнаружили „чистые соціалисты" 40-хъ годовъ, относившіеся отрицательно къ политикѣ и видѣвшіе въ устройствѣ коалицій занятіе политикой. Трансцендентальнымъ презрѣніемъ къ коалиціямъ проникнутъ и чистый политикъ—Ленинъ. Еще разъ крайности сходятся.

Кольцовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I. Русская революція и Европа. Международный соціализмъ.

ОТДѢЛЪ II. Основы тактики.